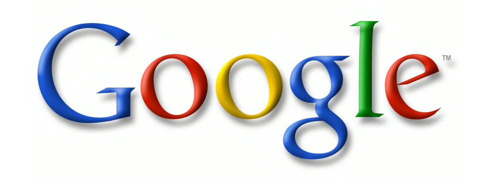
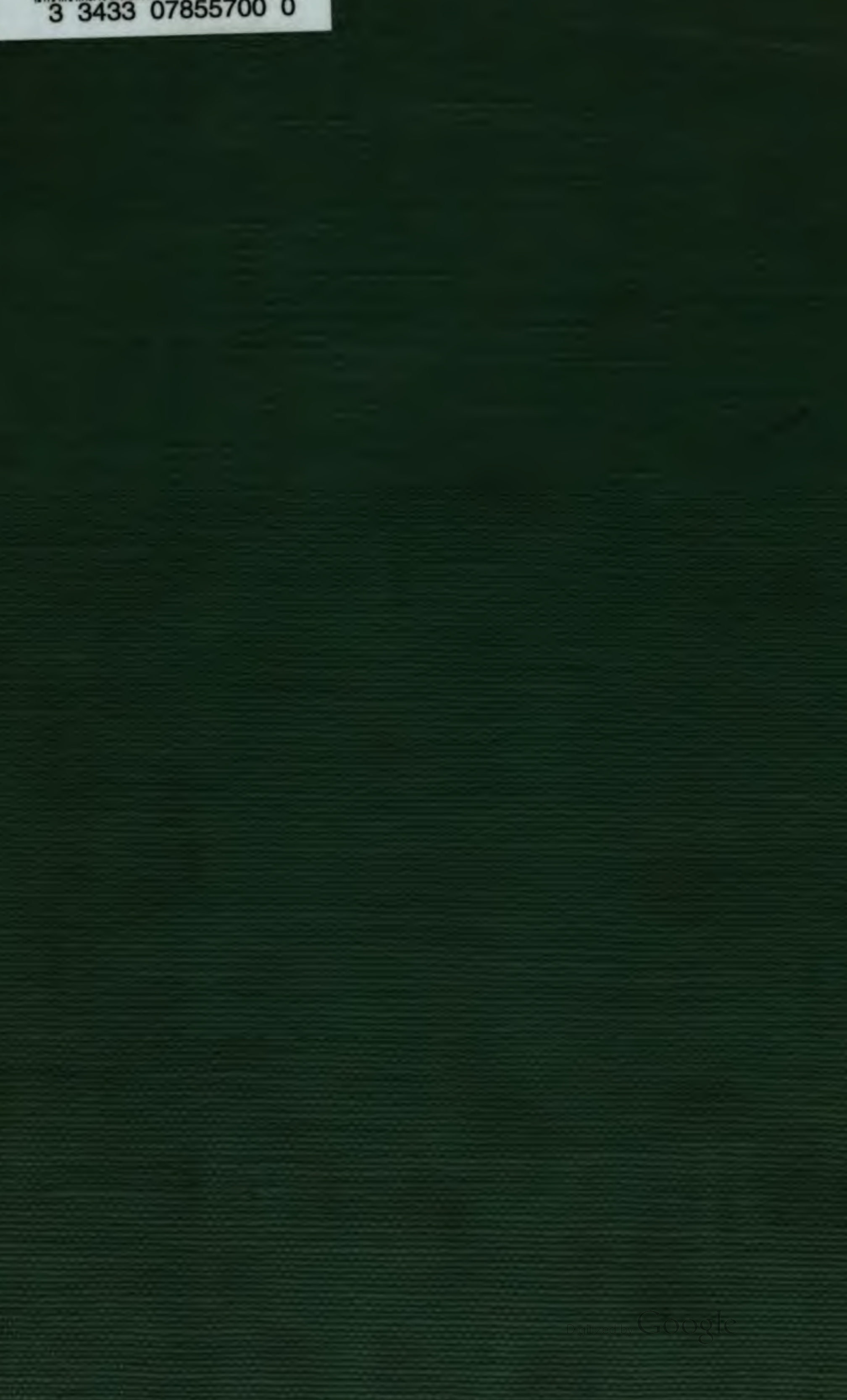




СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XLIX

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

1855

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи предоставлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 31 дня 1854 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ
СОРОКЪ-ДЕВЯТАГО ТОМА.

	Стр.
На озерѣ. Стихотв. *А. А. Фета*	5
Осень. Стихотв. *А. А. Фета*	6
Застѣнчивость. Стихотв. *Н. А. Некрасова*	7
Записки маркера. Разсказъ *Л. Н. Т.*	9
Не сжатая полоса. Стихотв. *Н. А. Некрасова*	27
Сосны. Стихотв. *А. А. Фета*	28
Мѣсяцъ въ деревнѣ. Комедія *Ив. С. Тургенева*	29
Тонкій человѣкъ, его приключенія и наблюденія. (Главы I, II, III и IV). *Н. А. Некрасова*	171
Арлекинъ. Стихотв. *А. Н. Майкова*	205
Три стихотворенія *А. С. Пушкина:*	
1) Воспоминанія въ Ц. С.	213
2) Воспоминаніе	214
3) *Наперсница волшебной старины*	215
Виновата ли она? Записки *А. Ф. Писемскаго*	217
Аспазія. Стихотв. *Я. П. Полонскаго*	305
Въ саду. Стихотв. *А. А. Фета*	306
Часовщикъ, или Слова и Дѣла Самюэля Слика, изъ Сликквилля Очерки американскихъ нравовъ. *Алибуртона.* *	307
See note at the last page.	
Жизнь Алкивіада, по новѣйшимъ о ней изслѣдованіямъ. *М.*	
Статья первая	1
Статья вторая	83

Стр.

Журналъ Степана Петрова сына Хметевскаго о военныхъ дѣйствіяхъ русскаго флота въ Архипелагѣ и у береговъ Малой Азіи въ 1770—1774 годахъ. Статья первая 37

Статья вторая и послѣдняя 111

О мысли въ произведеніяхъ изящной словесности. (Замѣтки по поводу послѣднихъ произведеній гг. Тургенева и Л. Н. Т.). *П. В. А—ва* 1

Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. Томы I и II. Статья первая 27

Мѣсяцословъ на 1855 годъ 1

Вѣстникъ естественныхъ наукъ, литературно-художественная газета, издаваемая Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Испытателей Природы 6

Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева 11

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка 17

Московская самоварница. Сочиненіе Петра Мед...а 19

Магазинъ землеведенія и путешествій. Географическій сборникъ издав. Николаемъ Фроловымъ 21

Свѣтскій человѣкъ, или руководство къ познанію свѣтскихъ приличій и правилъ общежитія, принятыхъ хорошимъ обществомъ. Сост. Д. И. Соколовымъ 33

Чтенія для юношества. Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго, составл. П. Басковымъ 36

Синопъ. Стихотвореніе, В. Г—ва. — Англичане и съ русскимъ пѣтухомъ не сладили, или Бухта Колинги. 18 іюля 1854. Разсказъ стараго русскаго инвалида. — Герой Щеголевъ, юный питомецъ русской славы. — Союзники у Севастополя. Письмо француза къ пріятелю на родину. Соч. Ив. Семерихина. — Заморскіе гости. Собраніе пѣсенъ и проч. . 37

Жизнь преподобной Маріи Египетской . . . . —

Обзоръ сношеній между Англіею и Россіею въ XVI и XVII столѣтіяхъ 38

Правда объ Англіи и сказанія о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. А. Ротчева 39

Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. Соч Л. Ярцовой 40

Историческая записка, рѣчи, стихи и отчеты Императорскаго Московскаго Университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года, по случаю его столѣтняго юбилея 41

Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 г. 45

Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. В. Д. Яковлева . 50

Стр.
Знахари. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. В. Н. Савинова. 53
Крымъ, съ Севастополемъ, Балаклавою и другими его городами . 55
Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ. Соч. А. Попова 58
Камчатка и ея обитатели 59
О ласковомъ обращеніи съ животными. Переводъ съ англійскаго Александры Ишимовой 60
Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова. М. Богоявленскаго . . . . —
Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ. Сост. Л. Д. 61
Путевыя записки русскаго художника И. Захарова. Вторая часть —
Описаніе замѣчательнѣйшихъ лабораторій Германіи и Бельгіи. Сост. Петромъ Кочубеемъ 62
Правда объ Англіи и сказанія о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. А. Ротчева. Тетради IV и V . . . —
Осада и взятіе Византіи турками. Соч. М. Стасюлевича 65
Женихъ проказникъ, или любовь нынѣшняго вѣка. Оригинальная комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. В. А. Сидоровича. . . 71
Энхиридіонъ любознательный. Сочиненіе Анаевскаго. 73

Исторія моей жизни *Жоржа Санда*. Томъ I. Часть I. 1
Воспоминаніе. Разсказъ *В. Окова*. 31
Воспоминанія парижскаго Буржуа. Доктора *Верона* 41
Замѣтки и размышленія *Новаго Поэта* по поводу русской журналистики 63
Иностранныя извѣстія:
(Гриппъ въ Парижѣ. — Потребность скандала. — Пьеса Латура и нервическій припадокъ Рашели. — Концертъ Берліоза. — Гастрономическій комитетъ. — Индѣйскій набобъ. — Положеніе коммерческихъ дѣлъ. — Виды на академическія кресла. — Парижскіе театры. — Продажа книгъ и картинъ. — Значеніе Ренара въ искусствѣ одѣвать человѣчество. — Новое оружіе и *револьверы*. — Праздничная скука въ Лондонѣ. — Англійская передѣлка «Мертвыхъ Душъ» Гоголя. — Poly Harmonicon. — Книга Каппельманса. — Новости по части наукъ. — Подвигъ лейтенанта Жерара. — Новый опытъ искуснаго плутовства) 79
Внутреннія извѣстія. 109
Моды *(съ парижскою картинкою)* 123

═

Исторія моей жизни Жоржа Санда. Продолженіе первой части . 127
Воспоминанія парижскаго Буржуа. Доктора *Верона* 160
Голубые глазки. Разсказъ *М. М.* 178

Стр.

Иностранныя извѣстія:

(Бурный характеръ новаго года. — Праздничные визиты въ Берлинѣ и опасенія за будущій урожай хлѣба. — Разорительный обычай дѣлать подарки. — Спекуляція изъ національнаго французскаго займа. — Толки объ академическихъ креслахъ. — Театры въ Парижѣ. — Новыя книги и новый журналъ. — Торговый кризисъ въ Англіи. — Саркастическія выходки противъ лорда-мэра. — Учено-литературный некрологъ: Локкгартъ, Гюитъ, Форбесъ, Китто. — Будничная и праздничная литература въ Англіи. — Эксцентричность Джона-Булля. — Чудовищные концерты Джулліена. — Преступникъ, показываемый за деньги. — Пренія о томъ, что такое принцъ Альбертъ. — Фанатическая секта Мапиллаcъ. — Карманныя пушки. — Изслѣдованія о крысахъ. — Физіологія и исторія лампы 192

Замѣтки и размышленія *Новаго Поэта* **по поводу русской журналистики** 220

Внутреннія извѣстія:

(Юбилей Московскаго университета. — Литературныя новости. — Итальянская опера въ Петербургѣ. — Четыре стихотворенія начинающихъ поэтовъ). 244

Моды *(съ парижскою картинкою)* 257

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, января 31 дня 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

1855

Jan.

№ I ЯНВАРЬ

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ:

Стр.

На озерѣ. Стихотв. А. А. ФЕТА 5
Осень. Стихотв. А. А. ФЕТА. 6
Застѣнчивость. Стихотв. Н. А. НЕКРАСОВА. 7
Записки маркера. Разсказъ Л. Н. Т. 9
Не сжатая полоса. Стихотв. Н. А. НЕКРАСОВА 27
Сосны. Стихотв. А. А. ФЕТА. 28
Мѣсяцъ въ деревнѣ. Комедія ИВ. С. ТУРГЕНЕВА 29
Тонкій человѣкъ, его приключенія и наблюденія. (Главы I, II, III и IV). Н. А. НЕКРАСОВА 171
Арлекинъ. Стихотв. А. Н. МАЙКОВА 205

Жизнь Алкивіада, по новѣйшимъ о ней изслѣдованіямъ. М**. Статья первая 1
Журналъ Степана Петрова сына Хметевскаго о военныхъ дѣйствіяхъ русскаго флота въ Архипелагѣ и у береговъ Малой Азіи въ 1770—1774 годахъ. Статья первая. (I. 1730—1769. Дѣтство Хметевскаго. — Первоначальная служба. — Женитьба и смерть жены. — Продолженіе службы. II. 1769—1770 годы. Отправленіе эскадры. — Прибытіе въ Портсмутъ. — Плаваніе въ Архипелагѣ. — Битвы при Наполи ди-Романія. — Битва въ проливѣ Хіосскомъ. — Истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. — Осада крѣпости Литодіи, на островѣ Лемносѣ. — Описаніе острова Тасо. — Письмо смирнскихъ консуловъ графу А. Г. Орлову. — Письмо Сеидъ-Гапана, къ нему же. — Декларація греческихъ епископовъ Архипелага. — Продолженіе осады Литодіи. — Дальнѣйшія дѣйствія русскаго флота. — Общее обозрѣніе Архипелага. III. 1771. Награды за Чесменскую битву. — Рескрипты графу А. Г. Орлову и адмиралу Спиридову, — Списокъ острововъ, отдавшихся подъ покровительство Россіи. — Островъ Антипаросъ и обозрѣніе Антипаросской пещеры. — Высадка на островъ Негропонтъ. — Осада Тенедосской крѣпости. — Высадка на Московійскіе острова. — Высадка на островъ Метелину, сожженіе турецкихъ кораблей. — Битва фрегатовъ Архипелагъ и Сантарино. — Нравы архипелажскихъ грековъ 37

О мысли въ произведеніяхъ изящной словесности. (Замѣтки по поводу послѣднихъ произведеній гг. Тургенева и Л. Н. Т.). П. В. А—ВА.

Мѣсяцословъ на 1855 годъ (1). — Вѣстникъ естественныхъ наукъ, литературно-художественная газета, издаваемая Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Испытателей Природы (6). — Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева (11). — Опытъ общесравнительной граммати-

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)

СОВРЕМЕННИКЪ

НА ОЗЕРѢ.

Надъ озеромъ лебедь въ тросникъ протянулъ;
Въ водѣ опрокинулся лѣсъ,
Зубцами вершинъ онъ въ зарѣ потонулъ,
Межъ двухъ изгибаясь небесъ.

И въ воздухѣ чуткомъ усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Прохладныя тѣни. Вечерній мой путь
Краснѣлъ межъ деревьевъ вдали.

А мы, мы на лодкѣ сидѣли вдвоемъ,
Я смѣло налегъ на весло,
Ты молча покорнымъ владѣла рулемъ,
Насъ въ лодкѣ какъ въ люлькѣ несло.

И дѣтская челнъ направляла рука
Туда, гдѣ, блестя чешуей,
Вдоль соннаго озера быстро рѣка
Бѣжала какъ змѣй золотой....

Ужь начали звѣзды мелькать въ небесахъ....
Не помню, какъ бросилъ весло,
Не помню, что пестрый нашептывалъ флагъ,
Куда насъ потокомъ несло....

А. ФЕТЪ.

ОСЕНЬ.

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Все грачи летали,
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера все спится,
На дворѣ темно.
Листъ сухой валится.
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.

Лучшебъ снѣгъ да вьюгу
Встрѣтить грудью радъ.
Словно какъ съ испугу
Раскричавшись, къ югу
Журавли летятъ.

Выйдешь — поневолѣ
Тяжело, хоть плачь!
Смотришь — черезъ поле
Перекати-поле
Прыгаетъ какъ мячъ.

А. ФЕТЪ.

ЗАСТѢНЧИВОСТЬ.

Ахъ, ты, страсть роковая, безплодная,
Отвяжись, не туманъ головы!
Осмѣетъ насъ красавица модная.
Вкругъ нея увиваются львы:

Поступь гордая, голосъ увѣренный,
Что ни скажутъ — ихъ рѣчь хороша,
А вотъ я-то войду какъ потерянный —
И ударится въ пятки душа!

На ногахъ словно гири желѣзныя,
Какъ свинцомъ налита голова,
Странно руки торчатъ безполезныя,
На губахъ замираютъ слова.

Улыбнусь — не проворная, жосткая
Не въ улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснѣю мучительно я!

Помѣщусь, молчаливо досадуя,
Въ дальній уголъ.... уныло смотрю,
И сижу неподвиженъ какъ статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня горемычнаго
«Дуракомъ ты на свѣтъ создала?

«Ни умишка, ни виду приличнаго,
«Ни довольства собой не дала?...»

Ахъ! судьба ль меня полно обидѣла?...
Отчего жь, какъ домой ворочусь,
(Удивилась бы, еслибъ увидѣла)
И уменъ, и пригожъ становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Вижу: самъ бы сказалъ не глупѣй....
Нѣтъ! мнѣ въ божьихъ дарахъ не отказано,
И лицомъ я не хуже людей!

Малодушье пустое и дѣтское!
Не хочу тебя знать съ этихъ поръ!
Я пойду въ ея общество свѣтское,
Я тамъ буду уменъ и остеръ!

Пусть пойметъ, что свободно и молодо
Въ этомъ сердцѣ волнуется кровь,
Что подъ маской наружнаго холода
Безконечная скрыта любовь....

Полно роль-то играть съумасшедшаго,
Въ сердцѣ искру надежды беречь!
Не стряхнуть роковаго прошедшаго
Мнѣ съ моихъ невыносливыхъ плечъ!

Придавила меня бѣдность грозная,
Запугалъ меня съ дѣтства отецъ,
Безталанная долюшка слезная
Извела, доканала въ конецъ!

Знаю я: сожалѣнье постыдное,
Что какъ червь копошится въ груди,
Да сознанье безсилья обидное
Мнѣ осталось одно впереди.

Н. НЕКРАСОВЪ.

ЗАПИСКИ МАРКЕРА.

Такъ, часу въ третьемъ было дѣло. Играли господа: гость большой (такъ его наши прозвали), князь былъ, (что съ нимъ все ѣздитъ), усатый баринъ тоже былъ, гусаръ маленькій, Оливеръ, что въ актерахъ былъ, *Панъ* были. Народу было порядочно.

Гость большой съ княземъ играли. Только вотъ я себѣ съ машинкой кругъ бильярда похаживаю, считаю: десять и сорокъ-восемь, двѣнадцать и сорокъ-восемь. Извѣстно, наше дѣло маркерское; у тебя еще во рту куска не было и не спалъ-то ты двѣ ночи; а все знай покрикивай, да шары вынимай. Считаю себѣ, смотрю, новый баринъ какой-то въ дверь вошелъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и сѣлъ на диванчикъ. Хорошо.

Кто, молъ, это такой будетъ? изъ какихъ, то есть, думаю про себя.

Одѣтъ чисто, ужь такъ чисто, что какъ съ иголочки все платье на немъ: брюки триковые клѣтчатые, сертучокъ модный, коротенькой, жилетъ плюшевый и цѣпь золотая, а на ней всякія штучки висятъ.

Одѣтъ чисто, а ужь изъ себя еще того чище: тонкій, высокій, волоса завиты напередъ, по модному, и съ лица бѣлый, румяный, ну, сказать, молодецъ.

Оно извѣстно, наше дѣло такое, что народу всякаго видимъ; и самаго, что ни есть важнаго и дряни-то много

бываетъ; такъ все хотя и маркелъ, а къ людямъ принорови́шься; то есть въ томъ разѣ, что въ политикѣ-то кое-что смыслишь.

Посмотрѣлъ я на барина, вижу, сидитъ тихо, ни съ кѣмъ не знакомъ и платье-то на немъ новехонько, думаю себѣ: али изъ иностранцевъ, англичанъ будетъ, али изъ графовъ какихъ пріѣзжихъ. И даромъ-что молодой, видъ имѣетъ въ себѣ. Подлѣ него Оливеръ сидѣлъ, такъ посторонился даже.

Кончили партію; большой проигралъ. Кричитъ на меня:

— Ты, говоритъ, все врешь, не такъ считаешь, по сторонамъ смотришь.

Бранится, кій шваркнулъ и ушелъ. Вотъ поди ты! По вечерамъ съ княземъ по пятидесяти цѣлковыхъ партію играютъ, а тутъ бутылку *макону* проигралъ и самъ не въ себѣ. Ужь такой характеръ! Другой разъ до двухъ часовъ играютъ съ княземъ; денегъ въ лузу не кладутъ, и ужь знаю, денегъ нѣтъ ни у того, ни у другого, а все фарсятъ:

— Идетъ, говоритъ, отъ двадцати-пяти уголъ?

— Идетъ!

Зѣвни только, али шара не такъ поставь — вѣдь не каменный человѣкъ? — такъ только послушай:

— Не на щепки, говоритъ, играютъ, а на деньги.

Ужь этотъ пуще всѣхъ меня донимаетъ.

Ну хорошо. Только князь и говоритъ новому барину-то, какъ большой ушелъ:

— Не угодно ли, говоритъ, со̀ мной сыграть?

— Съ удовольствіемъ, говоритъ.

Сидѣлъ онъ, такъ такимъ фофаномъ смотритъ, что ну! Куражный то есть изъ себя, ну а какъ всталъ, подошелъ къ бильярду, и не то. Заробѣлъ. Заробѣлъ, не заробѣлъ, а видно, что ужь не въ своемъ духѣ. Въ платьѣ, что ли, въ новомъ неловко, али боится, что смотрятъ всѣ на него, только ужь форцу того нѣтъ. Ходитъ бокомъ какъ-то, карманомъ за лузы цѣпляетъ, станетъ кій мѣлить, мѣлъ уронитъ. Гдѣ бы и сдѣлалъ шара, такъ все оглядывается, да краснѣетъ. Не то, что князь: тотъ ужь привыкъ — намѣлитъ, намѣлитъ себѣ руку, рукава засучитъ, да какъ пойдетъ садить, такъ лузы трещатъ, даромъ-что маленькой.

Сыграли двѣ ли три партіи, ужь не помню, князь кій положилъ, говоритъ:

— Позвольте узнать, какъ ваша фамилія.

— Нехлюдовъ, говоритъ.

— Вашъ, говоритъ, батюшка корпусомъ командовалъ?

— Да, говоритъ.

Тутъ по французски что-то часто заговорили; ужь я не понялъ. Должно, все родство вспоминали.

— А ревуаръ, говоритъ князь: — очень радъ съ вами познакомиться.

Вымылъ руки и ушелъ кушать; а тотъ стоитъ съ кіемъ у бильярда, шарики поталкиваетъ.

Наше дѣло, извѣстно, съ новымъ человѣкомъ, что грубѣй быть, то лучше: я взялъ шары да и собираю. Онъ покраснѣлъ, говоритъ:

— Можно еще сыграть?

— Извѣстно, говорю, на то бильярдъ стоитъ, чтобъ играть. А самъ на него не смотрю, кіи уставляю.

— Хочешь со мной играть?

— Извѣстно, говорю, сударь.

Шары поставилъ.

— На пролазъ угодно?

— Что такое значитъ, говоритъ, на пролазъ?

— Да такъ, я говорю, вы мнѣ полтинничекъ, а я подъ бильярдъ пролѣзу.

Извѣстно, ничего не видамши, чудно ему показалось, смѣется.

— Давай, говоритъ.

— Хорошо. Я говорю: мнѣ впередъ сколько пожалуете?

— Развѣ, говоритъ, ты хуже меня играешь?

— Какъ можно, я говорю, у насъ противъ васъ и игроковъ мало.

Стали играть. Ужь онъ и точно думаетъ, что мастеръ: стучитъ такъ, что бѣда; а *Панъ* сидитъ да все приговариваетъ:

— Вотъ такъ шаръ! вотъ такъ ударъ!

А какой!... ударишка точно былъ, да разсчету ничего не знаетъ. Ну, какъ водится, проигралъ я первую партію: полѣзъ, кряхчу. Тутъ Оливеръ, Панъ съ мѣстовъ пососкочили, кіями стучатъ.

— Славно! Еще! говорятъ — еще!

А ужь чего «еще»! особенно Панъ-то за полтинникъ радъ бы не то подъ бильярдъ, подъ Синій мостъ пролѣзть. А то туда же кричитъ:

— Славно, говоритъ, пыль не всю еще вытеръ.

Петрушка маркёлъ, я чай, всѣмъ извѣстенъ. Тюрикъ былъ да Петрушка маркёлъ.

Только игры, извѣстно, не открылъ: проигралъ другую.

— Мнѣ, говорю — съ вами, сударь — такъ и такъ не сыграть.

Смѣется. Потомъ какъ выигралъ я три партіи — у никъ сорокъ-девять было, у меня никого — я положилъ кій на бильярдъ, говорю:

— Угодно, баринъ, на всю?

— Какъ на всю? говоритъ.

— Либо три рубли за вами, либо ничего, говорю.

— Какъ, говоритъ, развѣ я съ тобой на деньги играю? Дуракъ!

Покраснѣлъ даже.

Хорошо. Проигралъ онъ партію.

— Довольно, говоритъ.

Досталъ бумажникъ, новенькой такой, въ аглицкомъ магазинѣ купленъ, открылъ, ужь я вижу, пофорсить хотѣлъ. Полнехонекъ денегъ, да все сторублевыя.

— Нѣтъ, говоритъ, тутъ мелочи нѣтъ.

Досталъ изъ кошелька три рубля.

— Тебѣ, говоритъ, два, да за партіи, а остальное возьми на водку.

Благодарю, молъ, покорно. Вижу баринъ славный! Для такого можно полазить. Одно жаль, на деньги не хочетъ играть; а то, думаю, ужь я бы изловчился: глядишь, рублей двадцать, а то и сорокъ потянулъ бы.

Какъ Панъ увидѣлъ деньги у молодого барина-то. — Не угодно ли, говоритъ, со мной партійку? Вы такъ отлично играете. Такой лисой подъѣхалъ.

— Нѣтъ. говоритъ, извините; мнѣ некогда. И ушелъ.

И не знай, кто онъ такой былъ Панъ этотъ. Прозвалъ его кто-то *паномъ*, такъ и пошло. День деньской, бывало, сидитъ въ бильярдной, все смотритъ. Ужь его и въ игру ни въ какую не принимали, все сидитъ себѣ, принесетъ трубку и куритъ. Да ужь и игралъ чисто.

Хорошо. Пришелъ Нехлюдовъ въ другой разъ, въ третій: сталъ часто ходить. И утромъ и вечеромъ бывало ходитъ. Въ три шара, алагеръ, пирамидку: все узналъ. Смѣлѣй сталъ, познакомился со всѣми и играть сталъ порядочно. Извѣстно человѣкъ молодой, большой фамиліи, съ деньгами, такъ и уважалъ каждый. Только съ однимъ съ гостемъ съ большимъ разъ какъ-то повздорилъ.

И изъ-за пустяковъ дѣло вышло.

Играли алагеръ князь, гость большой, Нехлюдовъ, Оливеръ и еще кто-то. Нехлюдовъ стоитъ около печки, говоритъ съ кѣмъ-то; а большому играть. Только шаръ его и придись какъ разъ противъ самой печки: тѣсненько тамъ, да и любитъ онъ размахнуться.

Вотъ онъ, не видалъ, что ли, Нехлюдова, али нарочито, какъ размахнется въ шара, да Нехлюдова въ грудь турникомъ ка-а́къ стукнетъ! Охнулъ даже сердечный. Такъ чтожъ? Нѣтъ того, чтобъ извиниться — грубый такой! Пошелъ себѣ дальше, на него и не посмотрѣлъ; да еще бормочетъ:

— Чего, говоритъ, тутъ суются? Отъ этого шара не сдѣлалъ. Развѣ нѣтъ мѣста?

Тотъ подошелъ къ нему, поблѣднѣлъ весь, а говоритъ какъ ни въ чемъ не былъ, учтиво такъ:

— Вы бы прежде, сударь, должны извиниться; вы меня толкнули, говоритъ.

— Не до извиненій мнѣ теперь; я бы, говоритъ, долженъ выиграть, а теперь, говоритъ, вотъ моего шара сдѣлаютъ.

Тотъ ему опять говоритъ:

— Вы должны, говоритъ, извиниться.

— Убирайтесь вы, говоритъ. — Вотъ присталъ!

А самъ все на своего шара смотритъ.

Нехлюдовъ подошелъ къ нему еще ближе да за руку его.

— Вы невѣжа, говоритъ, милостивый государь!

Даромъ что тоненькій молоденькій, какъ дѣвушка красная, а какой задорный: глазенки горятъ, вотъ такъ съѣсть его хочетъ. Большой-то гость мужчина здоровый, высокій, куда Нехлюдову!

— Что-о? говоритъ — я невѣжа!

Да какъ закричитъ, да какъ замахнется на него. Тутъ подскочили, кто былъ, за руки ихъ поймали обоихъ, растащили.

Тары да бары, Нехлюдовъ говоритъ:

— Пусть онъ мнѣ удовлетворенье дастъ, онъ меня оскорбилъ, дескать.

— Никакого, говоритъ, удовлетворенья знать не хочу, онъ мальчишка, больше ничего. Я его за уши выдеру.

— Ежели вы, говоритъ, не хотите дать мнѣ удовлетвореніе, такъ вы не благородный человѣкъ.

А самъ чуть не плачетъ.

— А ты, говоритъ, мальчишка, я отъ тебя ничѣмъ не обижусь.

Ну, развели ихъ, какъ водится, по разнымъ комнатамъ. Нехлюдовъ съ княземъ дружны были. — Поди, говоритъ, ради Бога, уговори его...

Пошелъ князь. Большой говоритъ:

— Я, говоритъ, ничего не боюсь. Не стану, говоритъ, съ мальчишкой объясняться. Не хочу да и шабашъ.

Чтожь! поговорили, поговорили, да и замолчали; только гость большой пересталъ къ намъ ѣздить.

Насчетъ этого, то есть канфузу, какой пѣтушекъ былъ; амбиціонный былъ... то есть Нехлюдовъ-то... а ужь что касается чего другого прочаго, такъ вовсе не смыслилъ. Помню разъ:

— Кто у тебя здѣсь есть? говоритъ князь Нехлюдову-то.

— Никого, говоритъ.

— Какже, говоритъ, никого.

— Зачѣмъ? говоритъ.

— Какъ? зачѣмъ?

— Я, говоритъ, до сихъ поръ такъ жилъ, такъ отчего же нельзя?

— Какъ: такъ жилъ? Не можетъ быть!

И заливается хохочетъ, и усатый баринъ тоже хохочетъ. Совсѣмъ на смѣхъ подняли.

— Такъ никогда? говорятъ.

— Никогда.

Помираютъ со смѣху. Я, извѣстно, сейчасъ понялъ, что они такъ надъ нимъ смѣются. Смотрю: что, мылъ, будетъ изъ него?

— Поѣдемъ, говоритъ князь: — сейчасъ.

— Нѣтъ, ни за что! говоритъ.

— Ну, полно; это смѣшно, говоритъ. — Поѣдемъ.

Поѣхали.

Пріѣхали часу въ первомъ. Сѣли ужинать, и собралось ихъ много, что ни есть самые лучшіе господа: Атановъ, князь Разинъ, графъ Шустахъ, Мирцовъ. И всѣ Нехлюдова поздравляютъ, смѣются. Меня позвали, вижу веселы порядочно.

— Поздравляй, говорятъ, барина.

— Съ чѣмъ? говорю.

Какъ бишь онъ сказалъ? *съ посвѣщеніемъ ли, съ просвѣщеніемъ ли?* не помню ужь хорошенько.

— Честь имѣю, говорю, поздравить.

А онъ красный сидитъ; улыбается только. Тото смѣху-то было.

Хорошо. Приходятъ потомъ въ бильярдную, веселы всѣ, а онъ подошелъ къ бильярду, облокотился да и говоритъ:

— Вамъ, говоритъ, смѣшно, а мнѣ грустно. Зачѣмъ, говоритъ, я это сдѣлалъ; и тебѣ, говоритъ, князь, и себѣ въ жизнь свою этого не прощу.

Да какъ зальется, заплачетъ. Извѣстно: самъ не знаетъ, что говоритъ. Подошелъ къ нему князь, улыбается самъ.

— Полно говорить пустяки! Поѣдемъ домой, Анатолій.

— Никуда, говоритъ, не поѣду. Зачѣмъ я это сдѣлалъ?

А самъ-то заливается. Нейдетъ отъ бильярда да и шабашъ.

Что значитъ человѣкъ молодой, непривычный. — . —

Такимъ-то родомъ ѣзжалъ онъ къ намъ часто. Пріѣзжжаютъ разъ съ княземъ и съ усатымъ господиномъ, который все съ княземъ ходилъ. Ѳедоткой его все господа звали. Скуластый, дурной такой, а ходилъ чисто и въ каретѣ ѣзжалъ. За что его господа такъ любили? ужь право не вѣдаю. *Ѳедотка, Ѳедотка,* а глядишь его и кормятъ, и поятъ, и деньги за него платятъ. Да ужь и продувной же былъ! проиграетъ, не платитъ; а выиграетъ такъ не бось! Ужь чего ему не доставалось..,. а все съ княземъ подъ ручку ходитъ.

— Ты, говоритъ, пропадешь безъ меня. Я Ѳедотъ, говоритъ, да не тотъ.

Шутникъ такой! Ну ладно. Пріѣхали, говорятъ:

— Давай алагеръ втроемъ составимъ.

— Давай, говоритъ.

Стали играть по три рубля ставку. Нехлюдовъ съ княземъ тары да бары.

— Ты, говоритъ, посмотри, какая у нея ножка. Нѣтъ, говоритъ, что ножка? у нея коса, говоритъ, хороша.

Извѣстно на игру не смотрятъ; только все промежъ себя разговариваютъ. А *Ѳедотка* свое дѣло помнитъ, знай съ накатцемъ сыграетъ, а тѣ промахъ али вовсе на себя. И зашибъ по шести рублей съ брата. Съ княземъ-то у нихъ Богъ знаетъ какіе счеты были, никогда другъ другу денегъ не платили, а Нехлюдовъ досталъ двѣ зелененькихъ, подаетъ ему.

— Нѣтъ, говоритъ, я не хочу съ тебя денегъ брать. Давай простую сыиграемъ: китудубль, то есть: либо вдвое либо ничья.

Поставилъ я шаровъ. *Ѳедотка* впередъ взялъ и стали играть. Нехлюдовъ-то бьетъ, чтобъ пофарсить, другой разъ на партіи стоитъ, нѣтъ — говоритъ — не хочу, легко, мылъ, слишкомъ; а Ѳедотка свое дѣло не забываетъ, знай себѣ подбираетъ. Извѣстно игру скрылъ, да какъ будто невзначай и выиграй партію.

— Давай, говоритъ, еще на всѣ.

— Давай.

Опять выигралъ.

— Съ пустяковъ, говоритъ, началось; я не хочу у тебя много выигрывать. Идетъ на всѣ?

— Идетъ.

Оно какъ бы ни было, пятидесяти-то рублей жалко; ужь Нехлюдовъ проситъ: «давай на всю». Пошла да пошла, дальше да больше, двѣсти-восемьдесятъ рублей на него и набилъ. Ѳедотка снаровку знаетъ: простую проиграетъ, а уголъ выиграетъ. А князь сидитъ, видитъ, что дѣло въ серьёзъ пошло.

— *Асе*, говоритъ, *асе*.

Какой!... все кушъ прибавляютъ.

Наконецъ тому дѣло вышло, за Нехлюдовымъ пять-сотъ съ чѣмъ-то рублей. Ѳедотка кій положилъ, говоритъ:

— Недовольно ли? я усталъ, говоритъ.

А самъ до зари готовъ играть, только бъ денежки были; политика, извѣстно. Тому еще пуще хочется: давай да давай.

— Нѣтъ, говоритъ, ей Богу усталъ. Пойдемъ, говоритъ, наверхъ; тамъ реваншъ возьмешь.

А наверху у насъ въ карты играли господа.

Вотъ съ того самаго числа, такъ его *Өедотка* окрутилъ, что началъ онъ къ намъ каждый день ѣздить. Сыграетъ партію-другую да и наверхъ, да и наверхъ.

Ужь что тамъ у нихъ бывало? Богъ ихъ знаетъ; только, что совсѣмъ другой человѣкъ сталъ и съ *Өедоткой* все пошло за одно. Прежде бывало модный, чистенькій, завитой, а нынче только съ утра еще въ настоящемъ видѣ; а какъ наверху побывалъ, придетъ: на себя не похожъ!

Разъ этакимъ манеромъ приходитъ оттуда съ княземъ, блѣдный, губы трясутся и споритъ что-то.

— Я, мылъ, не позволю *ему*, говоритъ, мнѣ (какъ бишь онъ сказалъ?).... что я не *великатенъ*, что ли, и что *онъ* не будетъ со мной играть. Я, говоритъ, *ему* десять тысячъ заплатилъ, такъ *онъ* могъ бы при другихъ-то быть осторожнѣе.

— Ну, полно, говоритъ князь, стоитъ ли на Өедотку сердиться.

— Нѣтъ, говоритъ, я этого такъ не оставлю.

— Перестань, говоритъ, какъ можно до того унижаться, чтобъ съ *Өедоткой* имѣть исторію.

— Да вѣдь тутъ были посторонніе.

— Чтожь, говоритъ, посторонніе? Ну хочешь я его сейчасъ заставлю у тебя прощенья просить.

— Нѣтъ, говоритъ.

И забормотали что-то по французки, ужь я не понялъ. Чтожь? тотъ же вечеръ съ *Өедоткой* вмѣстѣ ужинали, и опять дружба пошла.

Хорошо. Придетъ другой разъ одинъ.

— Что, говоритъ, хорошо я играю?

Наше дѣло, извѣстно, потрафлять каждому надо, скажешь: хорошо; а какой хорошо, стучитъ дуромъ, а разсчету ничего нѣтъ. И съ того самаго время какъ съ Өедоткой связался, все на деньги играть сталъ. Прежде не любилъ; ни на что, ни на кушанье, ни на шампанское. Бывало, князь скажетъ:

— Давай на бутылку шампанскаго.

— Нѣтъ, говоритъ, я лучше такъ велю принести, Гей! дай бутылку.

А нынче все на интересъ сталъ играть. Ходитъ, бывало, день деньской у насъ: или съ кѣмъ въ бильярдъ играетъ, или

наверхъ пойдетъ. Я себѣ и думаю: что же другимъ, а не мнѣ все будетъ доставаться.

— Что, говорю, сударь со мной давно не играли?

Вотъ и стали играть.

Какъ набилъ я на него полтинниковъ десять,—На квитъ, говорю, хотите, сударь?

Молчитъ. Не то что прежде *дурака* сказалъ. Вотъ и стали играть: на квитъ да на квитъ; я на него рублей восемьдесятъ и набилъ. Такъ чтожь? Каждый день со мной играть сталъ. Того и ждетъ бывало, чтобы не было никого, а то, извѣстно, при другихъ стыдно ему съ *маркеломъ* играть. Разъ какъ-то погорячился онъ, а рублей ужь за нимъ съ шестдесятъ было.

— Хочешь, говоритъ, на всѣ.

— Идетъ, говорю.

Выигралъ я.

— Сто-двадцать на сто на двадцать?

— Идетъ, говорю.

Опять выигралъ.

— Двѣсти-сорокъ на двѣсти на сорокъ?

— Не много ли будетъ, говорю.

Молчитъ. Стали играть: опять моя партія.

— Четыреста-восемьдесятъ на четыреста на восемьдесятъ.

Я говорю:

— Чтожь, сударь, мнѣ васъ обижать. Сто-то рубликовъ пожалуйте; а то пусть такъ будутъ.

Такъ онъ какъ крикнетъ! А вѣдь какой тихой былъ.

— Играй, или не играй.

Ну вижу дѣлать нечего.

— Триста восемьдесятъ, говорю, извольте.

Извѣстно хотѣлъ проиграть.

Далъ я сорокъ впередъ. У него пятьдесятъ-два было, у меня тридцать-шесть. Сталъ онъ желтаго рѣзать, да и положи на себя восемнадцать очковъ, а мой — на перекатѣ стоялъ.

Ударилъ я такъ, чтобъ выскочилъ шаръ. Не тутъ-то было, онъ дуплетомъ и упади. Опять моя партія.

«— Послушай, говоритъ, *Петръ* (Петрушкой не назвалъ) я тебѣ сейчасъ не могу отдать всѣхъ; а черезъ два мѣсяца хоть три тысячи могу заплатить.

А самъ весь краа-сный сталъ, дрожитъ ажно голосъ у него.

— Хорошо, говорю, сударь.

Да и поставилъ кій. Онъ походилъ, походилъ, потъ такъ съ него и льетъ.

— Петръ, говоритъ, давай на всѣ.

А самъ чуть не плачетъ.

Я говорю:

— Что, сударь, играть!

— Ну, давай, пожалуйста.

И самъ кій мнѣ подаетъ. Я взялъ кій, да шары на бильярдъ такъ шваркнулъ, что на полъ полетѣли — извѣстно, нельзя не пофарсить; говорю:

— *Давай, сударь.*

А ужь онъ такъ заторопилъ, что самъ шаръ поднялъ. Думаю себѣ: «не получить мнѣ семи-сотъ рублей; все равно проиграю». Сталъ нарочно играть. Такъ что же?

— Зачѣмъ, говоритъ, нарочно дурно играешь.

А у самого руки дрожатъ; а какъ шаръ къ лузѣ бѣжитъ, такъ пальцы растаращитъ, ротъ скривитъ, да все къ лузѣ и головой-то и руками тянетъ. Ужь я говорю:

— Этимъ не поможешь, сударь.

Хорошо. Какъ выигралъ онъ эту партію, я говорю:

— Сто-восемьдесятъ рубликовъ за вами будетъ, да полтораста партій; а я, молъ, ужинать пойду.

Поставилъ кій и ушелъ.

Сѣлъ я себѣ за столикъ противъ двери; а самъ смотрю: что, молъ, изъ него будетъ? Такъ чтожь? Походитъ, походитъ — чай думаетъ: никто на него не глядитъ — да за волосы себя какъ дернетъ и опять ходитъ, бормочетъ все что-то; да опять какъ дернетъ.

Послѣ того дней съ восемь не видать его было. Пришелъ въ столовую разъ, угрюмый такой, и въ бильярдную не зашелъ.

Увидалъ его князь:

— Пойдемъ, говоритъ, сыграемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, я больше играть не буду.

— Да, полно пойдемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, не пойду. Тебѣ, говоритъ, добра не сдѣлаетъ, что я пойду, а мнѣ дурно отъ этого будетъ.

Такъ и не ходилъ дней съ десять еще. А потомъ на праздникахъ какъ-то заѣхалъ, во фракѣ, видно въ гостяхъ былъ — и цѣлый день пробылъ: все игралъ, на другой день пріѣхалъ, на третій... Пошло по старому. Хотѣлъ я, было, съ нимъ еще поиграть.

— Такъ нѣтъ, говоритъ, съ тобой играть не стану: а сто-восемьдесятъ рублей, что я тебѣ долженъ, приди ко мнѣ черезъ мѣсяцъ: получишь.

Хорошо. Пришелъ къ нему черезъ мѣсяцъ.

— Ей-Богу, говоритъ, нѣтъ, а въ четвергъ приди.

Пришелъ я въ четвергъ; славную такую квартерку занималъ.

— Что? говорю — дома?

— Почиваетъ, говорятъ.

Хорошо, подожду.

Камердинъ у него изъ своихъ былъ: старичокъ такой сѣденькой, простой, ничего политики не зналъ. Вотъ и поразговорились мы съ нимъ.

«Что, говоритъ, мы тутъ живемъ съ бариномъ? Совсѣмъ замотались и никакой намъ ни чести, ни пользы нѣтъ отъ Петербургу отъ этого. Изъ деревни ѣхали, думали: будемъ какъ при покойникѣ баринѣ, царство небесное, по князьямъ, по графамъ да по генераламъ ѣздить; думали: возьмемъ себѣ какую изъ графинь кралю, съ приданымъ, да и заживемъ по дворянски; а выходитъ на повѣрку, что мы только по трактирамъ бѣгаемъ — совсѣмъ плохо! Княгиня-то Ртищева вѣдь намъ тетка родная, а князь Воротынцевъ тятенька хресцный. Чтожь? только на Рождество былъ разъ, да и носу не кажетъ. Ужь ихніе люди и то смѣются мнѣ: что, мылъ, вашъ баринъ-то видно не въ папеньку пошелъ. Я разъ и говорю ему:

«— Что, сударь, къ тетенькѣ не изволите ѣздить. Они скучаютъ, что васъ давно не видали.

«— Скучно, говоритъ, тамъ, Демьянычъ.

«Поди ты! только и веселья нашелъ, что въ трахтирѣ. Хоть бы служилъ бы, что ли, а то нѣтъ: занялся картами да прочимъ; а ужь евти дѣла никогда къ добру не поведутъ... Э-эхъ! пропадаемъ мы, такъ ни за грошъ пропадаемъ!... У насъ отъ барыни покойницы, царство небесное, богатѣйшее имѣнье осталось: тысяча душъ слишкомъ, тысячъ на

триста лѣсу было. Все заложилъ теперь, лѣсъ продалъ, имѣніе раззорилъ, и все нѣтъ ничего. Безъ господина, извѣстно, управляющій самъ больше господина. Ему что? набить бы только карманъ; а тамъ хоть все пропадай. Намедни пришли два мужичка, жалобы принесли отъ всей вотчины.

«— Раззорилъ, говорятъ, въ конецъ имѣніе.

«Чтожъ? прочиталъ жалобы, далъ по десяти рублей мужичкамъ. — Я, говоритъ, самъ скоро буду. Получу деньги, говоритъ, расплачусь, тогда уѣду.

«А гдѣ расплатиться, когда мы все долги дѣлаемъ. Вѣдь много ли, мало ли тутъ зиму прожили, тысячъ восемьдесятъ спустили; а теперь въ домѣ рубля серебромъ нѣту. А все отъ добродѣтели своей. Ужь такой простой баринъ, что и сказать нельзя. Отъ этого самого и пропадаетъ, такъ вотъ, ни за что пропадаетъ.»

И самъ чуть не плачетъ старикъ-то.

Проснулся часу въ одиннадцатомъ, позвалъ меня.

— Не прислали мнѣ, говоритъ, денегъ, только я не виноватъ. Затвори, говоритъ, дверь.

Я затворилъ.

— Вотъ, говоритъ, возьми часы или булавку брильянтовую и заложи ихъ. Тебѣ, говоритъ, за нихъ больше ста-восьмидесяти рублей дадутъ, а когда я получу деньги, то выкуплю, говоритъ.

— Чтожь, я говорю, сударь, коли денегъ у васъ нѣтъ, нечего дѣлать: пожалуйте хоть часы. Я для васъ могу уважить.

А самъ вижу, что часы рублей триста стоятъ.

Хорошо. Заложилъ я часы за сто рублей, а записку ему принесъ.

— Восемьдесятъ, говорю, рублей за вами будутъ; а часы сами извольте выкупить.

Такъ и по сіе время, восемьдесятъ рублей моихъ денегъ за нимъ осталось.

Такимъ-то родомъ сталъ онъ къ намъ опять каждый день ходить. Ужь не знаю, какіе у нихъ промежь себя разсчеты были, только все вмѣстѣ съ княземъ ѣзжали. Или съ Ѳедоткой наверхъ пойдутъ играть. И тоже какіе-то у нихъ втроемъ мудреные счеты были: тотъ тому даетъ, тотъ тому даетъ; а кто кому долженъ? не разберешь никакъ.

И бывалъ онъ такимъ манеромъ у насъ два года, почитай, что каждый день: только видъ ужь свой потерялъ: бойкой сталъ и другой разъ до того доходилъ, что у меня по цѣлковому занималъ извощику отдать; а по сту рублей съ княземъ партію играли.

Скучной, худой, желтый сталъ. Пріѣдетъ, бывало, абсинту сейчасъ рюмочку велитъ подавь, *канапе* закуситъ, да портвейномъ запьетъ; ну и повеселѣй какъ будто.

Пріѣзжаетъ разъ передъ обѣдомъ, на масляницѣ дѣло было, и сталъ съ какимъ-то гусаромъ играть.

— Хотите, говоритъ, заинтересовать партію?

— Извольте, говоритъ. — На что?

— Бутылку Клодвужо, хотите?

— Идетъ.

Хорошо. Гусаръ выигралъ и пошли кушать. Сѣли за столъ; только Нехлюдовъ и говоритъ:

— Simon! бутылку клодвужо; да смотри согрѣть хорошенько.

Simon ушелъ, приноситъ кушанье, бутылки нѣтъ.

— Чтожь, говоритъ, вино?

Simon побѣжалъ, приноситъ жаркое.

— Подавай же вино, говоритъ.

Simon молчитъ.

— Что ты съума сошелъ! мы ужь кончаемъ обѣдать, а вина нѣтъ. Ктожь его пьетъ съ десертомъ?

Побѣжалъ Simon.

— Хозяинъ, говоритъ, васъ проситъ.

Покраснѣлъ весь, выскочилъ изъ-за стола.

— Что, говоритъ, ему надо?

А хозяинъ стоитъ у двери.

— Я, говоритъ, не могу вамъ больше вѣрить, коли вы мнѣ по счету не заплатите.

— Да я, говоритъ, вамъ сказалъ, что я въ первыхъ числахъ отдамъ.

— Какъ вамъ угодно, говоритъ, будетъ; а я въ долгъ не могу безпрестанно давать и ничего не получать. У меня и такъ, говоритъ, десятки тысячъ въ долгахъ пропадаютъ.

— Ну, полно, *моншеръ*, говоритъ, ужь мнѣ-то можно повѣрить. Пришлите бутылку, а я постараюсь вамъ поскорѣе отдать.

И убѣжалъ самъ.

— Что это, васъ зачѣмъ вызывали? гусаръ говоритъ.

— Тамъ, говоритъ, просилъ меня объ одной вещи.

— А славно бы, говоритъ гусаръ, теперь винца тепленькаго стаканъ выпить.

— *Simon*, что же?!

Побѣжалъ мой *Simon*. Опять нѣтъ ни вина, ничего. Плохо. Вышелъ изъ-за стола прибѣжалъ ко мнѣ.

— Ради Бога, говоритъ, Петруша, дай мнѣ шесть цѣлковыхъ.

А на самомъ лица нѣтъ.

— Нѣту, говорю, сударь, ей Богу, да и ужь и такъ за вами моихъ много.

— Я тебѣ, говоритъ, сорокъ цѣлковыхъ за шесть черезъ недѣлю отдамъ.

— Коли бы были, говорю, я бы не смѣлъ отказать, а то ей-ей нѣту.

Такъ что же? выскочилъ, зубы стиснулъ, кулаки сжалъ, какъ шальной по колидору бѣгаетъ, да по лбу себя какъ треснетъ.

— Ахъ! говоритъ — Господи! Что это?

Даже не зашелъ въ столовую, вскочилъ въ карету и ускакалъ.

То-то смѣху было. Гусаръ говоритъ:

— Гдѣ, молъ, баринъ, что со мной обѣдалъ?

— Уѣхалъ, говорятъ.

— Какъ уѣхалъ? Чтожь онъ сказать велѣлъ?

— Ничего, говорятъ, не велѣли сказывать: сѣли да и уѣхали.

— Хорошъ, говоритъ, гусь!

Ну, думаю себѣ, теперь долго ѣздить не будетъ, послѣ то есть сраму такого. Такъ нѣтъ. На другой день въ вечеру пріѣзжаетъ. Пришелъ въ бильярдную и ящикъ какой-то съ собой принесъ. Снялъ пальто.

— Давай играть, говоритъ.

Глядитъ изъ подлобья, сердитый такой.

Съиграли партійку.

— Довольно, говоритъ, поди принеси мнѣ перо и бумаги — письмо нужно написать.

Я ничего не думамши, не гадамши, принесъ бумаги, положилъ на столъ въ маленькую комнату.

— Готово, говорю, сударь.

Хорошо. Сѣлъ за столъ. Ужь онъ писалъ, писалъ, бормоталъ все что-то; вскочилъ, потомъ нахмуренный такой:

— Поди, говоритъ, посмотри, пріѣхала ли моя карета?

Дѣло въ пятницу на масляной было, такъ никого изъ гостей не было: всѣ по баламъ.

Я пошелъ было узнать объ каретѣ, только за дверь вышелъ:

— Петрушка! Петрушка! кричитъ, точно испужался чего.

Я вернулся. Смотрю, онъ бѣлый, вотъ какъ полотно, стоитъ на меня смотритъ.

— Звать, говорю, изволили, сударь?

Молчитъ.

— Что, говорю, вамъ угодно?

Молчитъ.

— Ахъ, да! давай еще играть, говоритъ.

Хорошо. Выигралъ онъ партію.

— Что, говоритъ, хорошо я научился играть?

— Да, я говорю.

— То-то. Поди, говоритъ, теперь узнай, что карета?

А самъ по комнатѣ ходитъ.

Я себѣ, ничего не думая, вышелъ на крыльцо: вижу кареты никакой нѣтъ, иду назадъ.

Только иду назадъ, слышу кіемъ ровно стукнулъ кто-то. Вхожу въ бильярдную: пахнетъ что-то чудно.

Глядь: а онъ на полу лежитъ, ве-есь въ крови и пистоль подлѣ брошена. Такъ я до того испужался, что слова сказать не могъ.

А онъ дрыгнетъ, дрыгнетъ ногой, да и потянется. Захрапѣлъ потомъ, да и растянулся вотъ этакимъ родомъ.

И отчего такой грѣхъ съ нимъ случился, что душу свою загубилъ, то есть Богъ его знаетъ; только что бумагу эту оставилъ, да и то я никакъ не соображу.

Подлинно, ужь чего не дѣлается на свѣтѣ!

«Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человѣкъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія. Я хотѣлъ наслаждаться и затопталъ въ грязь все, что было во мнѣ хорошаго.

«Я не обезчещенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но я сдѣлалъ хуже: я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость.

«Я опутанъ грязной сѣтью, изъ которой не могу выпутаться и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрестанно падаю; падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться.

—.—

.... «И что погубило меня? Была ли во мнѣ какая нибудь сильная страсть, которая бы извиняла меня. Нѣтъ.

.... «Хороши мои воспоминанія.

«Одна ужасная минута забвенія, которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть. Въ моемъ воображеніи возникли надежды, мечты и думы моей юности.

«Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностію и силой наполняли мою душу? Гдѣ безпредметная сила любви, отрадной теплотой согрѣвавшая мое сердце? Гдѣ надежда на развитіе, сочувствіе ко всему прекрасному, любовь къ роднымъ, къ ближнимъ, къ труду, къ славѣ? Гдѣ понятіе обязанности?

—.—

.... «А какъ бы я могъ быть хорошъ и счастливъ, ежели бы шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ пробовалъ я выйдти изъ колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли, и не могъ. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собой. Когда я былъ съ другими, я забывалъ *невольно* свои убѣжденія, не слыхалъ болѣе внутренняго голоса и снова падалъ.

«Наконецъ я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться; но безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ.

—.—

«Я думалъ прежде, что близость смерти возвыситъ мою душу. Я ошибался. Черезъ четверть часа меня не будетъ, а взглядъ мой нисколько не измѣнился. Я также вижу, также слышу, также думаю; та же странная непослѣдовательность, шаткость и легкость въ мысляхъ. — . —

«Непостижимое созданіе человѣкъ!

Л. Н. Т.

НЕ СЖАТАЯ ПОЛОСА.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли.

Только не сжата полоска одна....
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

«Скучно склоняться до самой земли,
«Тучныя зерна купая въ пыли!

«Насъ, что ни ночь, раззоряютъ станицы
«Всякой пролетной прожорливой птицы,

«Заецъ насъ топчетъ и буря насъ бьетъ....
«Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?

«Или мы хуже другихъ уродились?...
«Или не дружно цвѣли-колосились?

«Нѣтъ! мы не хуже другихъ — и давно.
«Въ насъ налилось и созрѣло зерно....

«Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ
«Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?...»

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
«Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ для чего и пахалъ онъ и сѣялъ
Да не по силамъ работу затѣялъ —

Плохо бѣднягѣ; не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ.

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли какъ плети,

Очи потухли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою....»

Н. НЕКРАСОВЪ.

СОСНЫ.

Средь кленовъ дѣвственныхъ и плачущихъ березъ
Я видѣть не могу надменныхъ этихъ сосенъ;
Онѣ смущаютъ рой живыхъ и сладкихъ грезъ,
И трезвый видъ ихъ мнѣ несносенъ.

Въ кругу воскреснувшихъ сосѣдей лишь онѣ
Не знаютъ трепета, не шепчутъ, не вздыхаютъ,
И, неизмѣнныя, ликующей веснѣ
Пору зимы напоминаютъ.

Когда уронитъ лѣсъ послѣдній листъ сухой
И, смолкнувъ, станетъ ждать весны и возрожденья —
Онѣ останутся холодною красой
Пугать иныя поколѣнья....

А. ФЕТЪ.

МѢСЯЦЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЗАМѢЧАНІЕ.

Комедія эта написана четыре года тому назадъ и никогда не назначалась для сцены. Это собственно не комедія — а повѣсть въ драматической формѣ. Для сцены она не годится, это ясно; благосклонному читателю остается рѣшить, годится ли она въ печати.

И. Т.

Декабрь 1854.
С. Петербургъ.

ЛИЦА.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА, вдова́ богатаго помѣщика, 29 лѣтъ.
КОЛЯ, сынъ ея, 10 лѣтъ.
ВѢРОЧКА, воспитанница, 17 лѣтъ.
АННА СЕМЕНОВНА ИСЛАЕВА, мать Ислаева, бывшаго мужа Натальи Петровны, 58 лѣтъ.
ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА, компаньонка, 37 лѣтъ.
ШААФЪ, нѣмецъ, гувернеръ, 45 лѣтъ.
МИХАЙЛА АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РАКИТИНЪ, другъ дома, 30 лѣтъ.
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ БѢЛЯЕВЪ, студентъ, учитель Коли, 21 года.
АѲАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ БОЛЬШИНЦОВЪ, сосѣдъ, 48 лѣтъ.
ИГНАТІЙ ИЛЬИЧЪ ШПИГЕЛЬСКІЙ, докторъ, 40 лѣтъ.
МАТВѢЙ, слуга, 40 лѣтъ.
КАТЯ, служанка, 20 лѣтъ.

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи Ислаева, въ началѣ сороковыхъ годовъ.
Между 1 и 2, 2 и 3, 4 и 5 дѣйствіями проходитъ по дню.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ гостиную. Направо карточный столъ и дверь въ кабинетъ; прямо дверь въ залу; налѣво два окна и круглый столъ. По угламъ диваны. За карточнымъ столомъ Анна Семеновна, Лизавета Богдановна и Шаафъ играютъ въ преферансъ; у круглаго стола сидятъ Наталья Петровна и Ракитинъ. Наталья Петровна вышиваетъ по канвѣ, у Ракитина въ рукахъ книга. Стѣнные часы показываютъ три часа.)

Шаафъ.

Фъ червёхъ.

Анна Семеновна.

Опять? Да ты насъ, батюшка, эдакъ совсѣмъ заиграешь.

Шаафъ (*флегматически*).

Фоземь фъ червёхъ.

Анна Семеновна (*Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Каковъ! Съ нимъ играть нельзя.

(Лизавета Богдановна улыбается.)

Наталья Петровна (*Ракитину*).

Чтожь вы перестали? Читайте.

Ракитинъ (*медленно поднимая книгу*).

«Monte-Cristo se redressa haletant.... Наталья Петровна, васъ это занимаетъ?

Наталья Петровна.

Нисколько.

Ракитинъ.

Для чего же мы читаемъ?

Наталья Петровна.

А вотъ для чего. На дняхъ мнѣ одна дама говорила: «Вы не читали Монте-Кристо? Ахъ, прочтите — это прелесть.» Я ничего ей не отвѣчала тогда, а теперь могу ей сказать, что читала и никакой прелести не нашла.

Ракитинъ.

Ну, да если вы теперь уже успѣли убѣдиться....

Наталья Петровна.

Ахъ, какой вы лѣнивый!

РАКИТИНЪ.

Я готовъ, помилуйте.... (*Отыскавъ мѣсто, гдѣ остановился.*) Se redressa haletant, et....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*сама перебивая его*).

Видѣли вы нашего новаго управляющаго сегодня?

РАКИТИНЪ.

Я съ нимъ встрѣтился на плотинѣ.... Ее у васъ чинятъ. Онъ объяснялъ что-то рабочимъ и, для бо̀льшей ясности, вошелъ въ песокъ по колѣни.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ за все принимается съ слишкомъ большимъ жаромъ.... Онъ слишкомъ старается. Это недостатокъ. Какъ вы думаете?

РАКИТИНЪ.

Я съ вами согласенъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ это скучно!... Вы всегда со мною согласны. Читайте.

РАКИТИНЪ.

А! стало быть, вы хотите, чтобы я съ вами спорилъ.... Извольте.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я хочу.... Я хочу!... Я хочу, чтобъ *вы* хотѣли.... Читайте, говорятъ вамъ.

РАКИТИНЪ.

Слушаю-съ.

(Опять принимается за книгу.)

ШААФЪ.

Фъ червёхъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Какъ? опять? Это нестерпимо! (*Натальѣ Петровнѣ.*) Наташа.... Наташа....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Что?

АННА СЕМЕНОВНА.

Вообрази себѣ, Шаафъ насъ совсѣмъ заигралъ.... То и дѣло семь, восемь, въ червяхъ.

ШААФЪ.

И дебѣрь земъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Слышишь? Это ужасно.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.... ужасно.

АННА СЕМЕНОВНА.

Такъ вистъ же! (*Натальѣ Петровнѣ.*) А гдѣ Коля?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ ушелъ гулять съ новымъ учителемъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

А! Лизавета Богдановна, я васъ приглашаю.

РАКИТИНЪ (*Натальѣ Петровнѣ*).

Съ какимъ учителемъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, да! Я вамъ и забыла сказать.... мы безъ васъ новаго учителя наняли.

РАКИТИНЪ.

На мѣсто Дюфура?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ.... Русскаго учителя. Француза намъ княгиня изъ Москвы пришлетъ.

РАКИТИНЪ.

Что онъ за человѣкъ, этотъ русскій? старый?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, молодой.... Мы его, впрочемъ, только на лѣтніе мѣсяцы взяли.

РАКИТИНЪ.

А! на кондицію.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да это у нихъ, кажется, такъ называется. И, знаете ли что, Ракитинъ? Вы вотъ любите наблюдать людей, разбирать ихъ, копаться въ нихъ....

РАКИТИНЪ.

Помилуйте, съ чего вы....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну да, да.... Обратите-ка на него ваше вниманіе. Мнѣ онъ нравится. Худой, стройный, веселый взглядъ, смѣлое выраженіе... Вы увидите. Онъ, правда, довольно неловокъ... а для васъ это бѣда.

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы меня сегодня ужасно преслѣдуете.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Кромѣ шутокъ, обратите на него вниманіе. Мнѣ кажется, изъ него можетъ выйдти человѣкъ славный. А, впрочемъ, Богъ знаетъ!

РАКИТИНЪ.

Вы возбуждаете мое любопытство....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ? (*Задумчиво.*) Читайте.

РАКИТИНЪ.

Se redressa haletant et....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*вдругъ оглядываясь*).

А гдѣ Вѣра? Я ея съ утра не видала. (*Съ улыбкой Ракитину.*) Бросьте эту книгу.... Я вижу, намъ сегодня читать не удастся.... Разскажите мнѣ лучше что-нибудь....

РАКИТИНЪ.

Извольте.... Чтожь мнѣ вамъ разсказать.... Вы знаете, я нѣсколько дней провелъ у Криницыныхъ.... Вообразите, наши молодые уже скучаютъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Почему вы это могли замѣтить?

РАКИТИНЪ.

Да развѣ скуку можно скрыть? Все другое можно.... но скуку нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*поглядѣвъ на него*).

А другое все можно?

РАКИТИНЪ (*помолчавъ немного*).

Я думаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*опустивъ глаза*).

Такъ чтожь вы дѣлали у Криницыныхъ?

РАКИТИНЪ.

Ничего. Скучать съ друзьями — ужасная вещь; вамъ ловко, вы не стѣснены, вы ихъ любите, злиться вамъ не начто, а скука васъ все-таки томитъ, и сердце глупо ноетъ, словно голодное.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вамъ, должно быть, часто съ друзьями скучно бываетъ.

Ракитинъ.

Какъ будто и вы не знаете, что значитъ присутстві человѣка, котораго любишь и который надоѣдаетъ!

Наталья Петровна (*медленно*).

Котораго любишь.... это великое слово. Вы что-то му дрено говорите.

Ракитинъ.

Мудрено.... почему же мудрено?

Наталья Петровна.

Да, это вашъ недостатокъ. Знаете ли что, Ракитинъ вы, конечно, очень умны, но.... (*останавливаясь*), иногд мы съ вами разговариваемъ, точно кружево плетемъ.... А ві видали, какъ кружево плетутъ? Въ душныхъ комнатахъ не двигаясь съ мѣста.... Кружево прекрасная вещь, н глотокъ свѣжей воды въ жаркій день гораздо лучше.

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы сегодня....

Наталья Петровна.

Что?

Ракитинъ.

Вы сегодня на меня за что-то сердитесь.

Наталья Петровна.

О, тонкіе люди, какъ вы мало проницательны, хотя тонки!... Нѣтъ, я на васъ не сержусь.

Анна Семеновна.

А! наконецъ обремизился! Попался! (*Натальѣ Петро внѣ*). Наташа, злодѣй нашъ поставилъ ремизъ.

Шаафъ (*кисло*).

Лисафетъ Богдановнѣ финоватъ....

Лизавета Богдановна (*съ сердцемъ*).

Извините-съ, я не могла знать, что у Анны Семеновны не было червей.

Шаафъ.

Фперѣтъ я Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

Анна Семеновна (*Шаафу*).

Да чѣмъ же она виновата?

Шаафъ (*повторяетъ точно тѣмъ же голосомъ*).

Фперѣтъ я Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

Лизавета Богдановна.

А мнѣ что! Вотъ еще!....

Ракитинъ.

Чѣмъ болѣе я на васъ гляжу, Наталья Петровна, тѣмъ болѣе я не узнаю вашего лица сегодня.

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ любопытствомъ*).

Въ самомъ дѣлѣ?

Ракитинъ.

Право. Я нахожу въ васъ какую-ту перемѣну.

Наталья Петровна.

Да?... Въ такомъ случаѣ, сдѣлайте одолженье.... Вы вѣдь меня знаете — угадайте, въ чемъ состоитъ эта перемѣна, что во мнѣ такое произошло — а?

Ракитинъ.

А вотъ погодите....

(Коля вдругъ съ шумомъ вбѣгаетъ изъ залы прямо къ Аннѣ Семеновнѣ).

Коля.

Бабушка, бабушка! посмотри-ка, что̀ у меня! (*Показываетъ ей лукъ и стрѣлы.*) Посмотри-ка!

Анна Семеновна.

Покажи, душа моя.... Ахъ, какой славный лукъ! кто тебѣ его сдѣлалъ?

Коля.

Вотъ онъ.... онъ....

(Указываетъ на Бѣляева, который остановился у двери залы.)

Анна Семеновна.

А! да какъ онъ хорошо сдѣланъ....

Коля.

Я уже стрѣлялъ изъ него въ дерево, бабушка, и попалъ два раза....

(Прыгаетъ.)

Наталья Петровна.

Покажи, Коля.

Коля (*бѣжитъ къ ней и пока Наталья Петровна разсматриваетъ лукъ*).

Ахъ, maman! какъ Алексѣй Николаичъ на деревья ла-

зитъ!.... Онъ меня хочетъ выучить, и плавать тоже онъ меня выучитъ. Онъ меня всему, всему выучитъ!

(Прыгаетъ.)

Наталья Петровна (*Бѣляеву*).

Я вамъ очень благодарна за ваше вниманіе къ Колѣ....

Коля (*съ жаромъ ее перебивая*).

Я его очень люблю, maman, очень!

Наталья Петровна (*гладя Колю по головѣ*).

Онъ у меня немножко изнѣженъ.... Сдѣлайте мнѣ изъ него ловкаго и проворнаго мальчика.

(Бѣляевъ кланяется.)

Коля.

Алексѣй Николаичъ, пойдемте въ конюшню, отнесемъ Фавориту хлѣба.

Бѣляевъ.

Пойдемте.

Анна Семеновна (*Колѣ*).

Поди сюда, поцалуй меня сперва....

Коля (*убѣгая*).

Послѣ, бабушка, послѣ!

(Убѣгаетъ въ залу; Бѣляевъ уходитъ за нимъ.)

Анна Семеновна (*глядя въ слѣдъ Колѣ*).

Что за милый ребенокъ! (*Къ Шаафу и Лизаветѣ Богдановнѣ*). Не правда ли?

Лизавета Богдановна.

Какъ же-съ.

Шаафъ (*помолчавъ немного*).

Я пассъ.

Наталья Петровна (*съ нѣкоторой живостью Ракитину*).

Ну, какъ онъ вамъ показался?

Ракитинъ.

Кто?

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

Этотъ.... русскій учитель.

Ракитинъ.

Ахъ, извините — я и забылъ.... Я такъ былъ занятъ вопросомъ, который вы мнѣ задали.... (*Наталья Петровна глядитъ на него съ едва замѣтной усмѣшкой.*) Впрочемъ, его

лицо.... дѣйствительно.... Да; у него хорошее лицо. Онъ мнѣ нравится. Только кажется, онъ очень застѣнчивъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да.

РАКИТИНЪ (*глядя на нее*).

Но все-таки я не могу себѣ дать отчета....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Чтобы намъ съ вами позаняться имъ, Ракитинъ? Хотите? Окончимте его воспитаніе. Вотъ превосходный случай для степенныхъ, разсудительныхъ людей, какъ мы съ вами! Вѣдь мы очень разсудительны, не правда ли?

РАКИТИНЪ.

Этотъ молодой человѣкъ васъ очень занимаетъ. Еслибъ онъ это зналъ.... его бы это очень польстило.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

О, повѣрьте, нисколько! О немъ нельзя судить по тому, что.... нашъ братъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Вѣдь онъ нисколько на насъ не похожъ, Ракитинъ. Въ томъ-то и бѣда, другъ мой: мы самихъ себя изучаемъ съ большимъ прилежаніемъ и воображаемъ потомъ, что знаемъ людей.

РАКИТИНЪ.

Чужая душа—темный лѣсъ. Но, къ чему эти намеки.... За что вы меня, то и дѣло, колете?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Кого же колоть, коли не друзей.... А вы мой другъ.... Вы это знаете. (*Жметъ ему руку. Ракитинъ улыбается и свѣтлѣетъ.*) Вы мой старый другъ.

РАКИТИНЪ.

Боюсь я только.... какъ бы этотъ старый другъ вамъ не пріѣлся....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Однѣ хорошія вещи пріѣдаются.

РАКИТИНЪ.

Можетъ быть.... Только отъ этого имъ не легче.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Полноте.... (*Понизивъ голосъ.*) Какъ будто вы не знаете.... ce que vous êtes pour moi.

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы играете со мной какъ кошка съ мышью... Но мышь не жалуется.

Наталья Петровна.

О, бѣдный мышенокъ!

Анна Семеновна.

Двадцать съ васъ, Адамъ Иванычъ.... Ага!

Шаафъ.

Я фперѣтъ Лисафетъ Богдановнѣ не приклашаю.

Матвѣй (*входитъ изъ залы и докладываетъ*).

Игнатій Ильичъ пріѣхали-съ.

Шпигельскій (*входя по его слѣдамъ*).

Объ докторахъ не докладываютъ. (*Матвѣй уходитъ.*) Нижайшее мое почтенье всему семѣйству. (*Подходитъ къ Аннѣ Семеновнѣ къ ручкѣ.*) Здравствуйте, барыня. Чай въ выигрышѣ?

Анна Семеновна.

Какое въ выигрышѣ! Насилу отыгралась... И то слава Богу! Все вотъ этотъ злодѣй.

(Указывая на Шаафа.)

Шпигельскій (*Шаафу*).

Адамъ Иванычъ, съ дамами-то! это нехорошо.... Я васъ не узнаю.

Шаафъ (*ворчитъ сквозь зубы*).

Здамами, здамами....

Шпигельскій (*подходитъ къ круглому столу налѣво*).

Здравствуйте, Наталья Петровна! Здравствуйте, Михайло Александрычъ!

Наталья Петровна.

Здравствуйте, докторъ. Какъ вы поживаете?

Шпигельскій.

Мнѣ этотъ вопросъ очень нравится.... Значитъ, вы здоровы. Что со мною дѣлается? Порядочный докторъ никогда боленъ не бываетъ; развѣ вдругъ возьметъ да умретъ.... Ха, ха.

Наталья Петровна.

Сядьте. Я здорова, точно.... но я не въ духѣ.... А вѣдь это тоже нездоровье.

Шпигельскій (*садясь подлѣ Натальи Петровны*).

А позвольте-ка вашъ пульсъ.... (*Щупаетъ у ней пульсъ.*)

Охъ, ужъ эти мнѣ нервы, нервы.... Вы мало гуляете, Наталья Петровна.... мало смѣетесь.... вотъ что.... Михайло Александрычъ, что *вы* смотрите? А, впрочемъ, можно бѣлыя капли прописать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не прочь смѣяться...., (*Съ живостью.*) Да вотъ вы, докторъ.... у васъ злой языкъ, я васъ за это очень люблю и уважаю, право.... разскажите мнѣ что-нибудь смѣшное. Михайло Александрычъ сегодня все философствуетъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*украдкою поглядывая на Ракитина*).

А видно не одни нервы страдаютъ и желчь то же немножко расходилась....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, и вы туда же! Наблюдайте, сколько хотите, докторъ, да только не вслухъ. Мы всѣ знаемъ, что вы ужасно проницательны.... Вы оба очень проницательны.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Слушаю-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Разскажите намъ что-нибудь смѣшное.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Слушаю-съ. Вотъ не думалъ, не гадалъ — цапъ-царапъ, разсказывай.... Позвольте табачку понюхать.

(Нюхаетъ.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какія приготовленья!

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да, вѣдь, матушка моя, Наталья Петровна, вы извольте сообразить: смѣшное смѣшному розь. Что для кого. Сосѣду вашему, напримѣръ, г-ну Хлопушкину стоитъ только эдакъ палецъ показать, ужъ онъ и залился и хрипитъ и плачетъ.... а вѣдь вы.... Ну однако позвольте. Знаете ли вы Вереницына, Платона Васильича?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Кажется, знаю или слыхала.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

У него еще сестра сумасшедшая. По моему, они либо оба сумасшедшіе, либо оба въ здравомъ смыслѣ; потому что

между братомъ и сестрой рѣшительно нѣтъ никакой разницы, но дѣло не въ томъ. Судьба-съ, вездѣ судьба-съ и во всемъ судьба-съ. У Вереницына дочь, зелененькая, знаете, такая, глазки блѣдненькіе, носикъ красненькій, зубки жолтенькіе, ну словомъ очень любезная дѣвица, на фортепьянахъ играетъ и сюсюкаетъ тоже, стало быть все въ порядкѣ. За ней двѣсти душъ, да теткиныхъ полтораста. Тетка-то еще жива и долго проживетъ, сумасшедшіе всѣ долго живутъ, да вѣдь всякому горю пособить можно. Подписала же она духовную въ пользу племянницы, а на канунѣ я ей собственноручно на голову холодную воду лилъ — и совершенно, впрочемъ, напрасно лилъ, потому что вылечить ее нѣтъ никакой возможности. Ну, стало быть, у Вереницына дочь, невѣста не изъ послѣднихъ. Началъ онъ ее вывозить, стали женихи появляться, между прочими нѣкто Перекузовъ, худосочный молодой человѣкъ, робкій, но съ отличными правилами. Вотъ-съ, понравился нашъ Перекузовъ отцу; понравился и дочери... Кажись, зачѣмъ бы дѣло стало? съ Богомъ подъ вѣнецъ! И дѣйствительно все шло прекрасно; г-нъ Вереницынъ, Платонъ Васильичъ, уже начиналъ г-на Перекузова по желудку эдакъ, знаете, хлопать и по плечу трепать, какъ вдругъ откуда ни возьмись заѣзжій кавалеръ Ардаліонъ Протобекасовъ! На балѣ у предводителя увидалъ Вереницынову дочь, протанцовалъ съ ней три польки, сказалъ ей должно быть эдакъ закативши глаза: «о какъ я несчастливъ!», барышня моя такъ разомъ и свихнулась. Слезы пошли, вздохи, охи.... На Перекузова не глядятъ, съ Перекузовымъ не говорятъ, отъ одного слова «свадьба» корчи дѣлаются, фу ты, Господи Боже мой, что за притча! Ну, думаетъ Вереницынъ, коли Протобекасова, такъ Протобекасова. Благо же онъ человѣкъ тоже съ состояньемъ. Приглашаютъ Протобекасова, дескать сдѣлайте честь.... Протобекасовъ дѣлаетъ честь; Протобекасовъ пріѣзжаетъ, волочится, влюбляется, наконецъ предлагаетъ руку и сердце. Чтожь вы думаете? Дѣвица Вереницына тотчасъ съ радостью соглашается? Какъ бы не такъ! Сохрани Богъ! Опять слезы, вздохи, припадки. Отецъ приходитъ въ тупикъ. Что же наконецъ? Чего надобно? А она что̀, вы думаете, ему отвѣчаетъ? Я, дескать, батюшка, не знаю, кого люблю, того или этого. «Какъ?» Ей Богу, не знаю, и ужь лучше ни за кого

не выду, а люблю! Съ Веренявцынымъ, разумѣется, тотчасъ холера, женихи тоже не знаютъ, чтожь такое наконецъ? а она все на своемъ. Вотъ-съ, извольте разсудить, какія чудеса у насъ происходятъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я въ этомъ ничего удивительнаго не нахожу.... Какъ будто нельзя двухъ людей разомъ любить?

РАКИТИНЪ.

А! Вы думаете....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*медленно*).

Я думаю.... а впрочемъ, не знаю.... можетъ быть, это доказываетъ только то, что ни того, ни другого не любишь.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*нюхая табакъ и посматривая то на Наталью Петровну, то на Ракитина*).

Вотъ какъ-съ, вотъ какъ-еъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ живостью Шпигельскому*).

Вашъ разсказъ очень хорошъ, но вы все-таки меня не разсмѣшили.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да, барыня вы моя, кто васъ разсмѣшитъ теперь, помилуйте? Вамъ теперь не того нужпо.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Чего же мнѣ нужпо?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*съ притворно-смиреннымъ видомъ*).

А Господь вѣдаетъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, какой вы скучный, не лучше Ракитина.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Много чести, помилуйте....

(Наталья Петровна делаетъ нетерпѣливое движенье.)

АННА СЕМЕНОВНА (*поднимаясь съ мѣста*).

Ну, наконецъ... (*Вздыхаетъ.*) Ноги себѣ отсидѣла совсѣмъ. (*Лизавета Богдановна и Шаафъ тоже встаютъ.*) О-охъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*встаетъ и идетъ къ нимъ*).

Охота же вамъ такъ долго сидѣть....

(Шпигельскій и Ракитинъ встаютъ.)

Анна Семеновна (*Шаафу*).

За тобою семь гривенъ, батюшка. (*Шаафъ сухо кланяется.*) Не все тебѣ насъ наказывать. (*Натальѣ Петровнѣ.*) Ты сегодня какъ будто блѣдна, Наташа. Здорова ты?... Шпигельскій, здорова она?

Шпигельскій (*который о чемъ-то перешептывался съ Ракитинымъ*).

О, совершенно!

Анна Семеновна.

То-то же.... А я пойду немножко отдохнуть передъ обѣдомъ.... Устала, смерть. Лиза, пойдемъ.... охъ, ноги, ноги....

(Идетъ съ Лизаветой Богдановной въ залу. Наталья Петровна провожаетъ ее до дверей. Шпигельскій, Ракитинъ и Шаафъ остаются на аванъ-сценѣ).

Шпигельскій (*Шаафу, подавая ему табакерку*).

Ну, Адамъ Иванычъ, ви бефинденъ зи зихъ?

Шаахъ (*нюхая съ важностью*).

Карашо. А фи какъ?

Шпигельскій.

Покорно благодарю, по маленьку. (*Ракитину въ полголоса.*) Такъ вы точно не знаете, что съ Натальей Петровной сегодня?

Ракитинъ.

Право, не знаю.

Шпигельскій.

Ну коли *вы* не знаете.... (*Оборачивается и идетъ навстрѣчу Натальѣ Петровнѣ, которая возвращается отъ двери.*) А у меня есть до васъ дѣльце, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*идя къ окну*).

Неужели? какое?

Шпигельскій.

Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ....

Наталья Петровна.

Вотъ какъ.... вы меня пугаете.

(Ракитинъ между тѣмъ взялъ Шаафа подъ руку, ходитъ съ нимъ взадъ и впередъ и шепчетъ ему что-то по нѣмецки. Шаафъ смѣется и говоритъ въ полголоса: «Ja, ja, ja, ja wohl, ja wohl, sehr gut».)

Шпигельскій (*понизивъ голосъ*).

Это дѣло собственно не до васъ однихъ касается....

Наталья Петровна (*глядя въ садъ*).

Что вы хотите сказать?

Шпигельскій.

Вотъ въ чемъ дѣло-съ. Одинъ хорошій знакомый меня просилъ узнать.... то есть.... ваши намѣренія насчетъ вашей воспитанницы.... Вѣры Александровны.

Наталья Петровна.

Мои намѣренія?

Шпигельскій.

То есть.... говоря безъ обиняковъ, мой знакомый....

Наталья Петровна.

Ужь не сватается ли за нее?

Шпигельркій.

Точно такъ-съ.

Наталья Петровна.

Вы шутите?

Шпигельскій.

Никакъ нѣтъ-съ.

Наталья Петновна (*смѣясь*).

Да помилуйте, она еще ребенокъ; какое странное порученіе!

Шпигельскій.

Чѣмъ же странное, Наталья Петровна? мой знакомый....

Наталья Петровна.

Вы большой дѣлецъ, Шпигельскій.... А кто такой вашъ знакомый?

Шпигельскій (*улыбаясь*).

Позвольте, позвольте. Вы мнѣ еще ничего не сказали положительнаго насчетъ....

Наталья Петровна.

Полноте, докторъ. Вѣра еще дитя. Вы сами это знаете, господинъ дипломатъ. (*Оборачиваясь.*) Да, вотъ кстати и она.

(Изъ залы вбѣгаютъ Вѣра и Коля.)

Коля (*бѣжитъ къ Ракитину*).

Ракитинъ, вели намъ клею дать, клею....

Наталья Петровна (*къ Вѣрѣ.*)

Откуда вы? (*Гладитъ ее по щекѣ.*) Какъ ты раскраснѣлась?

Вѣра.

Изъ саду... (*Шпигельскій ей кланяется.*) Здравствуйте, Игнатій Ильичъ.

Ракитинъ (*Колѣ*).

На что тебѣ клею?

Коля.

Нужно, нужно... Алексѣй Николаичъ намъ змѣя дѣлаетъ... Прикажи....

Ракитинъ (*хочетъ позвонить*).

Постой, сейчасъ...

Шаафъ.

Erlauben sie... Каспадинъ Колія сифодне сфой лекціонъ не брочидалъ... (*Беретъ Колю за руку*). Kommen sie.

Коля (*печально*).

Morgen Herr Schaaf, morgen....

Шаафъ (*рѣзко*).

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute.... Kommen sie...

(Коля упирается).

Наталья Петровна (*Вѣрѣ*).

Съ кѣмъ это ты такъ долго гуляла? Я тебя не видала съ утра.

Вѣра.

Съ Алексѣемъ Николаичемъ... съ Колей...

Наталья Петровна.

А! (*Оборачиваясь.*) Коля, что это значитъ?

Коля (*понизивъ голосъ*).

Господинъ Шаафъ... Мамаша...

Ракитинъ (*Натальѣ Петровнѣ*).

Они тамъ змѣя дѣлаютъ, а здѣсь вотъ ему урокъ хотятъ задать.

Шаафъ (*съ чувствомъ достоинства*).

Gnädige Frau....

Наталья Петровна (*строго Колѣ*).

Извольте слушаться, довольно вы сегодня бѣгали... Ступайте съ господиномъ Шаафомъ.

Шаафъ (*уводя Колю въ залу*).

Es ist unerhört!

Коля (*уходя, шопотомъ Ракитину*).

А ты все-таки клей прикажи....

(Ракитинъ киваетъ головой.)

ШААФЪ (*дергая Колю*).

Kommen sie, mein Herr....

(Уходитъ съ нимъ въ залу. Ракитинъ уходитъ вслѣдъ за ними.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Вѣрѣ*).

Сядь... ты, должно быть, устала....

(Садится сама.)

ВѢРА (*садясь*).

Никакъ нѣтъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой Шпигельскому*).

Шпигельскій, посмотрите на нее, вѣдь она устала?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да вѣдь это Вѣрѣ Александровнѣ здорово.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не говорю.... (*Вѣрѣ.*) Ну, что вы въ саду дѣлали?

ВѢРА.

Играли-съ, бѣгали-съ. Сперва мы смотрѣли, какъ плотину копаютъ, а потомъ Алексѣй Николаичъ за бѣлкой на дерево полѣзъ, высоко-высоко, и началъ верхушку качать.... Намъ всѣмъ даже страшно стало.... Бѣлка наконецъ упала, и Трезоръ чуть-чуть ее не поймалъ.... Однако она ушла.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой взглянувъ на Шпигельскаго*).

А потомъ?

ВѢРА.

А потомъ Алексѣй Николаичъ Колѣ лукъ сдѣлалъ.... да такъ скоро.... а потомъ онъ къ нашей коровѣ на лугу подкрался и вдругъ ей на спину вскочилъ.... корова испугалась и побѣжала, забрыкала.... а онъ смѣется (*смѣется сама*), а потомъ Алексѣй Николаичъ хотѣлъ намъ змѣя сдѣлать, вотъ мы и пришли сюда.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*треплетъ ее по щекѣ*).

Дитя, дитя, совершенное ты дитя.... а? какъ вы думаете, Шпигельскій?

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*медленно и глядя на Наталью Петровну*).

Я съ вами согласенъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

То-то же.

Шпигельскій.

Да вѣдь это ничему не мѣшаетъ... Напротивъ...

Наталья Петровна.

Вы думаете? (*Вѣрѣ.*) Ну и очень вы веселились?

Вѣра.

Да-съ.... Алексѣй Николаичъ такой забавный.

Наталья Петровна.

Вотъ какъ. (*Помолчавъ немного.*) Вѣрочка, а сколько тебѣ лѣтъ? (*Вѣра съ нѣкоторымъ изумленіемъ глядитъ на нее.*) Дитя.... дитя....

(Ракитинъ входитъ изъ залы.)

Шпигельскій (*хлопотливо.*)

Ахъ, я и забылъ.... у васъ кучеръ боленъ.... а я его еще не видалъ....

Наталья Петровна.

Что у него?

Шпигельскій.

Горячка; впрочемъ, опасности нѣтъ никакой.

Наталья Петровна (*ему вслѣдъ*).

Вы у насъ обѣдаете, докторъ?

Шпигельскій.

Если позволите.

(Уходитъ въ залу.)

Наталья Петровна.

Mon enfant, vous feriez bien de mettre une autre robe pour le diner... (*Вѣра встаетъ.*) Подойди ко мнѣ.... (*Цалуетъ ее въ лобъ.*) Дитя, дитя.

(Вѣра цалуетъ у ней руку и идетъ къ кабинетъ.)

Ракитинъ (*тихонько Вѣрѣ, мигая глазомъ*).

А я Алексѣю Николаичу послалъ все, что нужно.

Вѣра (*въ полголоса*).

Благодарствуйте, Михайло Александрычъ.

(Уходитъ.)

Ракитинъ (*подходитъ къ Натальѣ Петровнѣ. Она ему протягиваетъ руку. Онъ тотчасъ ее пожимаетъ*).

Наконецъ мы одни.... Наталья Петровна, скажите мнѣ, что съ вами?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ничего, Michel, ничего. И если что было, теперь все прошло. Сядьте. (*Ракитинъ садится подлѣ нея.*) Съ кѣмъ этого не случается? Ходятъ же по небу тучки. Что вы на меня такъ глядите?

РАКИТИНЪ.

Я гляжу на васъ.... Я счастливъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*улыбается ему въ отвѣтъ*).

Откройте окно, Michel. Какъ хорошо въ саду! (*Ракитинъ встаетъ и открываетъ окно.*) Здравствуй, вѣтеръ. (*Смѣется.*) Онъ словно ждалъ случая ворваться.... (*Оглядываясь.*) Какъ онъ завладѣлъ всей комнатой.... Теперь его не выгонишь....

РАКИТИНЪ.

Вы сами теперь мягки и тихи, какъ вечеръ послѣ грозы.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*задумчиво повторяя послѣднія слова*).

Послѣ грозы.... Да развѣ была гроза?

РАКИТИНЪ (*качая головой*).

Собиралась.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ? (*глядя на него, послѣ небольшаго молчанія.*) А знаете ли что, Мишель, я не могу вообразить себѣ человѣка добрѣе васъ. Право. (*Ракитинъ хочетъ ее остановить.*) Нѣтъ, не мѣшайте мнѣ высказаться. Вы снисходительны, ласковы, постоянны. Вы не измѣняетесь. Я вамъ многимъ обязана.

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, зачѣмъ вы мнѣ это все говорите именно теперь?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Не знаю; мнѣ весело, я отдыхаю; не запрещайте мнѣ болтать....

РАКИТИНЪ (*жметъ ей руку*).

Вы добры, какъ ангелъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Сегодня поутру вы бы этого не сказали.... Но послушайте, Michel, вы меня знаете, вы должны меня извинить. Вы знаете, мнѣ иногда и тяжело бываетъ и неловко, я злюсь, я

готова, какъ дитя, выместить свою досаду на другомъ, особенно на васъ.... Васъ это предпочтеніе не сердитъ?

Ракитинъ (*съ живостью*).

Напротивъ....

Наталья Петровна.

Да, иногда весело помучить кого любишь.... кого любишь.... Вѣдь я, какъ Татьяна, тоже могу сказать: «къ чему лукавить?»

Ракитинъ.

Наталья Петровна, вы....

Наталья Патровна (*перебивая его*).

Да.... я васъ люблю; но знаете ли что̀, Ракитинъ? Знаете ли, что̀ мнѣ иногда страннымъ кажется: я васъ люблю... и это чувство такъ ясно, такъ мирно.... Оно меня не волнуетъ.... я имъ согрѣта, но.... (*съ живостью.*) Вы никогда не заставили меня плакать.... а я бы, кажется, должна была.... (*перерываясь*) что это значитъ?

Ракитинъ (*нѣсколько печально*).

Такой вопросъ не требуетъ отвѣта.

Наталья Петровна (*задумчиво*).

А вѣдь мы давно съ вами знакомы?

Ракитинъ.

Четыре года. Я увидѣлъ васъ въ первый разъ за полтора года до смерти вашего мужа. Да, мы старые друзья.

Наталья Петровна.

Друзья.... Нѣтъ, вы мнѣ болѣе, чѣмъ другъ....

Ракитинъ.

Наталья Петровна, не касайтесь до этого вопроса.... я боюсь за мое счастье, какъ бы оно не исчезло у васъ подъ руками.

Наталья Петровня.

Нѣтъ.... нѣтъ.... нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что вы слишкомъ добры.... Вы мнѣ слишкомъ потакаете.... Вы меня избаловали... Вы слишкомъ добры, слышите?

Ракитинъ (*съ улыбкою*).

Слушаю-съ.

Наталья Петровна (*глядя на него*).

Я не знаю, какъ вы.... Я не желаю другого счастья.... Многіе могутъ мнѣ позавидовать. (*Протягиваетъ ему обѣ руки.*) Не правда ли?

РАКИТИНЪ.

Я въ вашей власти.... дѣлайте изъ меня, что хотите.

(Въ залѣ раздается голосъ Анны Семеновны: «Та[illegible]ы послали за нимъ?»).

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*быстро приподнимаясь*).

Опять!... Подождите.

(Уходитъ въ кабинетъ.)

РАКИТИНЪ (*глядя ей вслѣдъ*).

Что это такое? Начало конца, или просто конецъ? (*помолчавъ немного.*) Или начало?

(Входятъ Анна Семеновна и Лизавета Богдановна.)

АННА СЕМЕНОВНА (*Ракитину*).

А Наташа гдѣ?

РАКИТИНЪ.

Сейчасъ вышла.

АННА СЕМЕНОВНА.

Она какъ будто не въ духѣ сегодня.... Вы замѣтили?

РАКИТИНЪ.

Я? Нѣтъ.... Мнѣ кажется, она какъ всегда.

АННА СЕМЕНОВНА (*помолчавъ*).

Я было прилегла да не спится что-то. Да кстати вспомнила.... мнѣ вздумалось Колѣ сюрпризъ сдѣлать.... Ему такъ понравилось англійское дитя на картинкѣ Вальтеръ-Скотта, я хочу подарить ему шотландскій костюмъ.... Только боюсь Макаръ не пойметъ.... Я послала за Алексѣемъ Николаичемъ. Онъ, кажется, на все мастеръ. (*Къ Лизаветѣ Богдановнѣ.*) Не правда ли?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Господинъ Бѣляевъ.... очень.... на все искусенъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Да. Онъ растолкуетъ Макару какъ это дѣлать. А! да вотъ и онъ. (*Входитъ Бѣляевъ.*) Алексѣй Николаичъ, у меня до васъ просьба.

БѢЛЯЕВЪ.

Что угодно-съ?

АННА СЕМЕНОВНА.

Мнѣ хочется Колю шотландцемъ одѣть, знаете, съ голыми колѣночками... Теперь же, говорятъ, многіе такъ дѣтей водятъ. Такъ не можете ли вы помочь мнѣ, портному растолковать,

какъ это сшить. А я вамъ картинку для образчика дамъ. А? Можете?

БѢЛЯЕВЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ....

АННА СЕМЕНОВНА.

Я вамъ очень буду благодарна. Только не забудьте, это секретъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*входя*).

Секретъ? Какой секретъ?

АННА СЕМЕНОВНА.

Секретъ у насъ съ Алексѣемъ Николаичемъ.... Придетъ время, узнаешь.... А не пойдти ли намъ погулять передъ обѣдомъ, Михайло Александрычъ, какъ вы думаете?

РАКИТИНЪ.

Я очень радъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

А ты, Наташа?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ; я останусь.

АННА СЕМЕНОВНА.

Что̀ такъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ..... Лѣнь..... (*Садится.*) Но вы ступайте. Михаилъ Александрычъ, ступайте и вы.

РАКИТИНЪ.

Слушаю-съ. Пойдемте, Анна Семеновна.

АННА СЕМЕНОВНА (*въ полголоса Ракитину*).

Я вамъ говорю, она сегодня не въ духѣ....

(Анна Семеновна, Ракитинъ и Лизавета Богдановна выходятъ. Бѣляевъ собирается за ними идти.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Бѣляеву*).

Куда же вы, Алексѣй Николаичъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я-съ.... я....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Впрочемъ, если вы хотите гулять....

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ-съ я цѣлое утро былъ на воздухѣ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! ну въ такомъ случая сядьте... Сядьте здѣсь (*указывая ему на стулъ*). Мы съ вами еще не поговорили какъ слѣдуетъ, Алексѣй Николаичъ. Мы еще не познакомились. (*Бѣляевъ кланяется и садится.*) А я желаю съ вами познакомиться.

БѢЛЯЕВЪ.

Я-съ.... мнѣ очень лестно.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой*).

Вы меня теперь боитесь, я это вижу.... но погодите, вы меня узнаете, вы перестанете меня бояться. Скажите... Скажите, сколько вамъ лѣтъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Двадцать-одинъ годъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ваши родители живы?

БѢЛЯЕВЪ.

Мать моя умерла. Отецъ живъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И давно ваша матушка скончалась?

БѢЛЯЕВЪ.

Давно-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Но вы ее помните?

БѢЛЯЕВЪ.

Какже... помню-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А батюшка вашъ въ Москвѣ живетъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Никакъ нѣтъ-съ, въ деревнѣ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! что у васъ есть братья.... сестры?

БѢЛЯЕВЪ.

Одна сестра.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы ее очень любите?

БѢЛЯЕВЪ.

Люблю-съ. Она гораздо моложе меня.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А какъ ее зовутъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Натальей.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ живостью*).

Натальей? Это странно. И меня также Натальей зовутъ... (*Останавливается.*) И вы очень ее любите?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Скажите, какъ вы находите моего Колю?

БѢЛЯЕВЪ.

Онъ очень милый мальчикъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Не правда ли? И такой любящій! Онъ уже успѣлъ привязаться къ вамъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Я готовъ стараться.... Я радъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ видите ли, Алексѣй Николаичъ, я бы желала сдѣлать изъ него современемъ дѣльнаго человѣка. Я не знаю, удастся ли это мнѣ, но во всякомъ случаѣ я хочу, чтобы онъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ о времени своего дѣтства. Пусть онъ растетъ себѣ на волѣ, какъ деревцо на солнцѣ. Я сама была иначе воспитана, Алексѣй Николаичъ; мой отецъ былъ человѣкъ не злой, но раздражительный и строгій.... всѣ въ домѣ, начиная съ маменьки, его боялись. Мы съ братомъ бывало всякій разъ украдкой крестились, когда насъ звали къ нему. Иногда мой отецъ принимался меня ласкать, но даже въ его объятіяхъ я, помнится, вся замирала. Братъ мой выросъ, и вы, можетъ быть, слыхали объ его разрывѣ съ отцомъ.... Я никогда не забуду этого страшнаго дня.... Я до самой кончины батюшки осталась покорною дочерью... онъ называлъ меня своимъ утѣшеньемъ, своей Антигоной... (онъ ослѣпъ въ послѣдніе годы своей жизни); но самыя его нѣжныя ласки не могли изгладить во мнѣ первыя впечатлѣнія моей молодости.... Я боялась его, слѣпаго старика, и никогда въ его присутствіи не чувствовала себя свободной.... Слѣды этой робости, этого долгаго принужденья, можетъ быть, до сихъ поръ не исчезли совершенно.... я знаю, я съ перваго взгляда кажусь.... Но я замѣчаю, что я разсказываю вамъ о самой себѣ, вмѣсто того,

чтобы говорить вамъ о Колѣ. Я только хотѣла сказать, что я по собственному опыту знаю, какъ хорошо ребенку рости на волѣ.... Вотъ васъ, я думаю, въ дѣтствѣ не стѣсняли, не правда ли?

Бѣляевъ.

Какъ вамъ сказать-съ.... Меня, конечно, никто не стѣснялъ.... мной никто не занимался.

Наталья Петровна (*робко*).

А вашъ батюшка развѣ....

Бѣляевъ.

Ему было не до того-съ. Онъ все больше по сосѣдямъ ѣздилъ.... по дѣламъ-съ.... Или хотя и не по дѣламъ, а.... Онъ черезъ нихъ, можно сказать, хлѣбъ свой добывалъ. Черезъ свои услуги.

Наталья Петровна.

А! И такъ-таки никто не занимался вашимъ воспитаніемъ?

Бѣляевъ.

По правдѣ сказать, никто. Впрочемъ оно, должно быть, замѣтно. Я слишкомъ хорошо чувствую свои недостатки.

Наталья Петровна.

Можетъ быть.... но зато.... (*Останавливается и продолжаетъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.*) Ахъ, кстати, Алексѣй Николаичъ, это вы вчера въ саду пѣли?

Бѣляевъ.

Когда-съ?

Наталья Петровна.

Вечеромъ, возлѣ пруда, вы?

Бѣляевъ.

Я-съ. (*Поспѣшно.*) Я не думалъ.... прудъ отсюда такъ далеко.... Я не думалъ, чтобы здѣсь можно было слышать....

Наталья Петровна.

Да вы какъ будто извиняетесь? У васъ очень пріятный, звонкій голосъ и вы такъ хорошо поете. Вы учились музыкѣ?

Бѣляевъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Я по наслышкѣ пою-съ.... однѣ простыя пѣсни.

Наталья Петровна.

Вы ихъ прекрасно поете.... Я васъ когда-нибудь попрошу.... при мнѣ.... не теперь, а вотъ когда мы съ вами

больше познакомимся, когда мы сблизимся съ вами.... вѣдь, не правда ли, Алексѣй Николаичъ, мы съ вами сблизимся? Я чувствую къ вамъ довѣріе, моя болтовня вамъ это можетъ доказать....

(Она протягиваетъ ему руку для того, чтобы онъ ее пожалъ. Бѣляевъ нерѣшительно беретъ ее и послѣ нѣкотораго недоумѣнія, не зная, что дѣлать съ этой рукой, цалуетъ ее. Наталья Петровна краснѣетъ и отнимаетъ у него руку. Въ это время входитъ изъ залы Шпигельскій, останавливается и дѣлаетъ шагъ назадъ. Наталья Петровна быстро встаетъ, Бѣляевъ тоже.)

Наталья Петровна (*съ смущеніемъ*).

А это вы, докторъ.... а мы вотъ здѣсь съ Алексѣемъ Николаичемъ....

(Останавливается.)

Шпигельскій (*громко и развязно*).

Вообразите вы себѣ, Наталья Петровна, какія дѣла у васъ происходятъ. Вхожу я въ людскую, спрашиваю больнаго кучера, глядь! а мой больной сидитъ за столомъ и въ обѣ щеки уписываетъ блинъ съ лукомъ. Вотъ послѣ этого и занимайся медициной, надѣйся на болѣзнь, да на безобидные доходы!

Наталья Петровна (*принужденно смѣясь*).

А! въ самомъ дѣлѣ.... (*Бѣляевъ хочетъ уйдти.*) Алексѣй Николаичъ, я забыла вамъ сказать....

Вѣра (*вбѣгая изъ залы*).

Алексѣй Николаичъ! Алексѣй Николаичъ!

(Она вдругъ останавливается при видѣ Натальи Петровны.)

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ удивленіемъ*).

Что такое? Что тебѣ надобно?

Вѣра (*краснѣя и потупя глаза, указываетъ на Бѣляева*).

Ихъ зовутъ.

Наталья Петровна.

Кто?

Вѣра.

Коля.... то-есть, Коля меня просилъ насчетъ змѣя....

Наталья Петровна.

А! (*Въ полголоса Вѣрѣ.*) On n'entre pas comme cela dans une chambre.... Cela ne convient pas. (*Обращаясь къ Шпигель-*

скому.) Да который часъ, докторъ? У васъ всегда вѣрные часы.... Пора обѣдать.

Шпигельскій.

А вотъ, позвольте. (*Вынимаетъ часы изъ кармана.*) Теперь-съ.... теперь-съ, доложу вамъ — пятаго двадцать минутъ.

Наталья Петровна.

Вотъ видите. Пора!

(Подходитъ къ зеркалу и поправляетъ себѣ волосы. Между тѣмъ Вѣра шепчетъ что то Бѣляеву. Оба смѣются. Наталья Петровна ихъ видитъ въ зеркалѣ. Шпигельскій съ боку поглядываетъ на нее).

Бѣляевъ (*смѣясь въ полголоса*).

Неужели?

Вѣра (*кивая головой, тоже въ полголоса*).

Да, да, такъ и упала.

Наталья Петровна (*съ притворнымъ равнодушіемъ оборачиваясь къ Вѣрѣ*).

Что такое? кто упалъ?

Вѣра (*съ смущеніемъ*).

Нѣтъ-съ.... тамъ качели Алексѣй Николаичъ устроилъ, такъ нянюшка вотъ вздумала....

Наталья Петровна (*не дожидаясь конца отвѣта, къ Шпигельскому*).

Ахъ, кстати, Шпигельскій, подите-ка сюда.... (*Отводитъ его въ сторону и обращается опять къ Вѣрѣ.*) Она не ушиблась?

Вѣра.

О, нѣтъ-съ!

Наталья Петровна.

Да.... а все-таки, Алексѣй Николаичъ, это вы напрасно....

Матвѣй (*входитъ изъ залы и докладываетъ*).

Кушанье готово-съ.

Наталья Петровна.

А! Да гдѣжь Михаилъ Александровичъ? Вотъ онъ опять опоздаетъ.

МАТВѢЙ.

Они уже въ столовой-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А маменька?

МАТВѢЙ.

Въ столовой и онѣ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! ну такъ, пойдемте. (*Указывая на Бѣляева.*) Вѣра, allez en avant avec Monsieur.

(Матвѣй выходитъ, за нимъ идутъ Бѣляевъ и Вѣра.)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*Натальѣ Петровнѣ*).

Вы мнѣ что-то хотѣли сказать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, да! Точно.... Вотъ видите ли.... Мы еще съ вами поговоримъ о.... о вашемъ предложеньи.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Насчетъ.... Вѣры Александровны?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да. Я подумаю.... я подумаю.

Оба уходятъ въ залу. Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садъ. Направо и налѣво подъ деревьями скамейки; прямо малинникъ. Входятъ справа Катя и Матвѣй. У Кати въ рукахъ корзинка.

МАТВѢЙ.

Такъ какъ же, Катерина Васильевна? Извольте наконецъ объясниться, убѣдительно васъ прошу наконецъ.

КАТЯ.

Матвѣй Егорычъ, я право....

МАТВѢЙ.

Вамъ, Катерина Васильевна, слишкомъ хорошо извѣстно, какъ, то-есть, я къ вамъ расположенъ; чувства мои слишкомъ вамъ извѣстны, Катерина Васильевна. Конечно, я старше васъ лѣтами; объ этомъ, точно, спорить нельзя; но все-

таки, я еще, такъ сказать, постою за себя, я еще въ самомъ прыску-съ. А что касается до согласія, вамъ извѣстно, барыня согласны. Нрава я тоже, какъ вы изволите знать, кроткаго; кажется, чего еще?

Катя.

Матвѣй Егорычъ, повѣрьте, я очень чувствую, очень благодарна, Матвѣй Егорычъ.... Да вотъ.... Подождать, я думаю, надо.

Матвѣй.

Да чего же ждать, помилуйте, Катерина Васильевна? Прежде, позвольте вамъ замѣтить, вы этого не говорили-съ. А что касается до уваженья, кажется, я могу за себя, то-есть, поручиться. Такое уваженіе получать будете, Катерина Васильевна, какого лучше и требовать нельзя. Притомъ я человѣкъ непіющій, ну и отъ господъ тоже худаго слова не слыхалъ.

Катя.

Право, Матвѣй Егорычъ, я не знаю, что мнѣ вамъ сказать....

Матвѣй.

Эхъ, Катерина Васильевна, это вы недавно что-то начали того-съ....

Катя (*слегка покраснѣвъ*).

Какъ недавно? Отчего недавно?

Матвѣй.

Да ужь я не знаю-съ.... а только прежде вы.... вы со мной прежде иначе изволили поступать. Ужь не....

Катя (*глянувъ въ кулисы, торопливо*).

Берегитесь.... Нѣмецъ идетъ.

Матвѣй (*съ досадой*).

А ну его, долгоносаго журавля!... А я съ вами еще поговорю-съ.

(Уходитъ направо. Катя тоже хочетъ идти въ малинникъ. Входитъ слѣва Шаафъ съ удочкой на плечѣ.)

Шаафъ (*вслѣдъ Катѣ*).

Кута? Кута? Катеринъ?

Катя (*останавливаясь*).

Намъ малины велѣно набрать, Адамъ Иванычъ.

ШААФЪ.

Малинъ?... малинъ преятный фруктъ. Фи любитъ малинъ?

КАТЯ.

Да, люблю.

ШААФЪ.

Хе, хе!... И я.... и я тоже. Я фзѣ люблю, что фи любитъ. (*Видя, что она хочетъ уйдти.*) О, Катеринъ, ботождитъ немношко.

КАТЯ.

Да нѣкогда-съ.... Ключница браниться будетъ.

ШААФЪ.

Э! ничефо. Фотъ и я иту... (*Указывая на уду*) Какъ это скасать, рибить, фи понимайтъ, рибить, то ись рибъ брать. Фи любитъ рибъ?

КАТЯ.

Да-съ.

ШААФЪ.

Э, хе, хе, и я, и я. А знаете ли, чево я вамъ зкашу, Катеринъ... По нѣмецки есть бѣзенка (*поетъ*) Cathrinchen, Cathrinchen, wie lieb' ich dich so sehr!... то исть по русски: О, Катринушка, Катринушка, фи карошъ, я тiебiя люблю.

(Хочетъ обнять ее одной рукой.)

КАТЯ.

Полноте, полноте, какъ вамъ не стыдно... Господа вонъ идутъ.

(Спасается въ малинникъ.)

ШААФЪ (*принимая суровый видъ, въ полголоса*).

Das ist dumm...

(Входитъ справа Наталья Петровна, подъ руку съ Ракитинымъ.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Шаафу*).

А! Адамъ Иванычъ! вы идете рыбу удить?

ШААФЪ.

Дочно дакъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А гдѣ Коля?

ШААФЪ.

Зъ Лисафетъ Богданофнѣ... урокъ на фортепьяно...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! (*Оглядываясь.*) Вы здѣсь одни?

ШААФЪ.

Атинъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы не видали Алексѣя Николаича?

ШААФЪ.

Никакъ нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Мы съ вами пойдемъ, Адамъ Иванычъ, хотите? посмотримъ, какъ-то вы рыбу ловите?

ШААФЪ.

Я одшень радъ.

РАКИТИНЪ (*въ полголоса Натальѣ Петровнѣ*).

Что за охота?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Ракитину*).

Пойдемте, пойдемте, beau ténébreux...

(Всѣ трое уходятъ направо.)

КАТЯ (*осторожно выставляя голову изъ малинника*).

Ушли... (*Выходитъ немного, останавливается и задумывается.*) Вишь, нѣмецъ!...

(Вздыхаетъ и опять принимается рвать малину, напѣвая въ полголоса.)

«Не огонь горитъ, не смола кипитъ,
А кипитъ, горитъ ретиво сердце...

(Останавливается.)

А Матвѣй Егорычъ-то правъ!

(Продолжая.)

А кипитъ-горитъ ретиво сердце
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ....

(Останавливается.)

Крупная какая малина...

(Продолжая.)

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ...

(Останавливается.)

Экая жара! Даже душно.

(Продолжая.)

Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
А кипитъ-горитъ по...;

(Вдругъ оглядывается; умолкаетъ и до половины прячется за кустъ. Слѣва входятъ Бѣляевъ и Вѣрочка, у Бѣляева въ рукахъ змѣй.

Бѣляевъ (*проходя мимо малинника, Катѣ*).

Чтожь ты перестала, Катя?

(Поетъ.)

«А кипитъ-горитъ по красной дѣвицѣ...»

Катя (*краснѣя*).

У насъ она не такъ поется.

Бѣляевъ.

А какъ же? (*Катя смѣется и не отвѣчаетъ.*) Что это ты малину набираешь? Дай-ка отвѣдать.

Катя (*отдавая ему корзинку*).

Возьмите все...

Бѣляевъ.

Зачѣмъ все... Вѣра Александровна, хотите? (*Вѣра беретъ изъ корзинки и онъ беретъ.*) Ну вотъ и довольно.

(Хочетъ отдать корзинку Катѣ.)

Катя (*отталкивая его руку*).

Да возьмите все, возьмите.

Бѣляевъ.

Нѣтъ, спасибо, Катя. (*Отдаетъ ей корзинку.*) Спасибо. (*Вѣрѣ.*) Вѣра Александровна, сядемьте-ка на скамейку. Вотъ (*указывая на змѣя*) остается ему хвостъ привязать. Вы мнѣ поможете. (*Оба идутъ и садятся на скамейку. Бѣляевъ даетъ ей змѣя въ руки.*) Вотъ такъ. Смотрите же держите прямо. (*Начинаетъ привязывать хвостъ.*) Что же вы?

Вѣра.

Да эдакъ я васъ не вижу.

Бѣляевъ.

Да на чтожь вамъ меня видѣть?

Вѣра.

То есть я хочу видѣть, какъ вы привязываете хвостъ.

Бѣляевъ.

А! ну, постойте. (*Устроиваетъ такъ змѣй, что ей можно его видѣть.*) Катя, чтожь ты не поешь? Пой.

(Спустя немного, Катя начинаетъ напѣвать въ полголоса.)

Вѣра.

Скажите, Алексѣй Николаичъ, вы въ Москвѣ тоже иногда пускали змѣя?

БѢЛЯЕВЪ.

Не до змѣевъ въ Москвѣ! Подержите-ка веревку... вотъ такъ. Вы думаете, намъ въ Москвѣ другого нечего дѣлать?

ВѢРА.

Чтожъ вы дѣлаете въ Москвѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ что? мы учимся, профессоровъ слушаемъ.

ВѢРА.

Чему же васъ учатъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Всему.

ВѢРА.

Вы, должно быть, очень хорошо учитесь. Лучше всѣхъ другихъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, не очень хорошо. Какое лучше всѣхъ! Я лѣнивъ.

ВѢРА.

Зачѣмъ же вы лѣнитесь?

БѢЛЯЕВЪ.

А Богъ знаетъ! Такимъ ужь видно родился.

ВѢРА (*помолчавъ*).

Что̀ у васъ есть друзья въ Москвѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Какже. Эхъ, эта веревка недовольно крѣпка.

ВѢРА.

И вы ихъ любите?

БѢЛЯЕВЪ.

Еще бы!... Вы развѣ не любите вашихъ друзей?

ВѢРА.

Друзей... У меня нѣтъ друзей.

БѢЛЯЕВЪ.

То есть, я хотѣлъ сказать, вашихъ пріятельницъ.

ВѢРА (*медленно*).

Да.

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣдь у васъ есть пріятельницы?...

ВѢРА.

Да... только я не знаю отчего... я съ нѣкоторыхъ поръ

что-то мало объ нихъ думаю... даже Лизѣ Моршиной не отвѣчала, а ужь она какъ меня просила въ своемъ письмѣ.

БѢЛЯЕВЪ.

Какже это вы говорите, у васъ нѣтъ друзей.... а я-то что?

ВѢРА (*съ улыбкой*).

Ну вы..... Вы другое дѣло. (*Помолчавъ.*) Алексѣй Николаичъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Что?

ВѢРА.

Вы пишете стихи?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ. А что?

ВѢРА.

Такъ. (*Помолчавъ.*) У насъ въ пансіонѣ одна барышня писала стихи.

БѢЛЯЕВЪ (*затягивая зубами узелъ*).

Вотъ какъ! и хорошіе?

ВѢРА.

Я не знаю. Она намъ ихъ читала, а мы плакали.

БѢЛЯЕВЪ.

Отчего же вы плакали?

ВѢРА.

Отъ жалости. Такъ ея было жаль намъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Вы воспитывались въ Москвѣ?

ВѢРА.

Въ Москвѣ, у г-жи Болюсъ. Наталья Петровна меня оттуда въ прошломъ году взяла.

БѢЛЯЕВЪ.

Вы любите Наталью Петровну?

ВѢРА.

Люблю; она такая добрая. Я ее очень люблю.

БѢЛЯЕВЪ (*съ усмѣшкой*).

И, чай, боитесь ее?

ВѢРА (*тоже съ усмѣшкой*).

Немножко.

БѢЛЯЕВЪ (*помолчавъ*).

А кто васъ въ пансіонъ помѣстилъ?

ВѢРА.

Натальи Петровны матушка покойница. Я у нея въ домѣ выросла. Я сирота.

БѢЛЯЕВЪ (*опустивъ руки*).

Вы сирота? И ни отца, ни матери вы не помните?

ВѢРА.

Нѣтъ.

БѢЛЯЕВЪ.

И у меня мать умерла. Мы оба съ вами сироты. Чтожь дѣлать! Унывать намъ все-таки не слѣдуетъ.

ВѢРА.

Говорятъ, сироты межь собой скоро дружатся.

БѢЛЯЕВЪ (*глядя ей въ глаза*).

Въ самомъ дѣлѣ? А вы какъ думаете?

ВѢРА (*тоже глядя ему въ глаза, съ улыбкой*).

Я думаю, что скоро.

БѢЛЯЕВЪ (*смѣется и снова принимается за змѣй*).

Хотѣлъ бы я знать, сколько ужь я времени здѣсь?

ВѢРА.

Сегодня двадцать-восьмой день.

БѢЛЯЕВЪ.

Какая у васъ память! Ну вотъ и конченъ змѣй. Посмотрите, каковъ хвостъ! Надо за Колей сходить.

КАТЯ (*подходя къ нимъ съ корзинкой*)

Хотите еще малины?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, спасибо, Катя.

(Катя молча отходитъ.)

ВѢРА.

Коля съ Лизаветой Богдановной.

БѢЛЯЕВЪ.

И охота же въ такую погоду ребенка въ комнатѣ держать!

ВѢРА.

Лизавета Богдановна намъ бы только мѣшала....

БѢЛЯЕВЪ.

Да я не объ ней говорю....

Вѣра (*поспѣшно*).

Коля безъ нея не могъ бы съ нами пойдти.... Впрочемъ, она вчера объ васъ съ большой похвалой отзывалась.

Бѣляевъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Вѣра.

Вамъ она не нравится?

Бѣляевъ.

Ну ее! Пусть себѣ табакъ нюхаетъ на здоровье!... Зачѣмъ вы вздыхаете?

Вѣра (*помолчавъ*).

Такъ. Какъ небо ясно!

Бѣляевъ.

Такъ вы отъ этого вздыхаете? (*Молчаніе.*) Вамъ, можетъ быть, скучно.

Вѣра.

Мнѣ? скучно? Нѣтъ! Я иногда сама не знаю, о чемъ я вздыхаю.... но мнѣ вовсе не скучно. Напротивъ.... Напротивъ. (*Помолчавъ.*) Я не знаю.... я, должно быть, не совсѣмъ здорова. Вчера я шла наверхъ за книжкой — и вдругъ на лѣстницѣ, вообразите, вдругъ заплакала.... Богъ знаетъ отчего и потомъ долго все слезы навертывались.... Что такое это значитъ? А между тѣмъ мнѣ хорошо....

Бѣляевъ.

Это отъ роста. Вы ростете. Это бываетъ. То-то у васъ вчера вечеромъ глаза какъ-будто распухли.

Вѣра.

А вы замѣтили?

Бѣляевъ.

Какже.

Вѣра.

Вы все замѣчаете.

Бѣляевъ.

Ну нѣтъ... не все.

Вѣра (*задумчиво*).

Алексѣй Николаичъ....

Бѣляевъ.

Что?

Вѣра (*помолчавъ*).

Что бишь я хотѣла спросить у васъ? Я забыла, право, что я хотѣла спросить.

БѢЛЯЕВЪ.

Вы такъ разсѣянны?

ВѢРА.

Нѣтъ.... но.... ахъ да! Вотъ что я хотѣла спросить. Вы мнѣ, кажется, сказывали — у васъ есть сестра?

БѢЛЯЕВЪ.

Есть.

ВѢРА.

Скажите — похожа я на нее?

БѢЛЯЕВЪ.

О нѣтъ. Вы гораздо лучше ея.

ВѢРА.

Какъ это можно! Ваша сестра.... я бы желала быть на ея мѣстѣ.

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ? вы желали бы быть теперь въ нашемъ домикѣ?

ВѢРА.

Я не то̀ хотѣла сказать.... У васъ развѣ домикъ маленькій?

БѢЛЯЕВЪ.

Очень маленькій.... Не то, что здѣсь.

ВѢРА.

Да и на что́ такъ много комнатъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ на что? вотъ вы современемъ узнаете, на что нужны комнаты.

ВѢРА.

Со временемъ.... Когда?

БѢЛЯЕВЪ.

Когда вы сами станете хозяйкой....

ВѢРА (*задумчиво*).

Вы думаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Вотъ вы увидите. (*Помолчавъ.*) Такъ чтожь, сходить за Колей, Вѣра Александровна.... а?

ВѢРА.

Отчего вы меня не зовете Вѣрочкой?

БѢЛЯЕВЪ.

А вы меня развѣ можете называть Алексѣемъ?....

ВѢРА.

Отчего же.... (*Вдругъ вздрагивая.*) Ахъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Что такое?

ВѢРА (*въ полголоса*).

Наталья Петровна сюда идетъ.

БѢЛЯЕВЪ (*тоже въ полголоса*).

Гдѣ?

ВѢРА (*указывая головой*).

Вонъ — по дорожкѣ, съ Михайлой Александрычемъ.

БѢЛЯЕВЪ (*вставая*).

Пойдемте къ Колѣ.... Онъ, должно быть, уже кончилъ свой урокъ.

ВѢРА.

Пойдемте.... а то я боюсь, она меня бранить будетъ....
(Оба встаютъ и быстро уходятъ на лѣво.)

(Катя опять прячется въ малинникъ. Справа входятъ Наталья Петровна и Ракитинъ.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*останавливаясь*).

Что это, кажется, г-нъ Бѣляевъ уходитъ съ Вѣрочкой?

РАКИТИНЪ.

Да, это они....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Они какъ будто отъ насъ убѣгаютъ.

РАКИТИНЪ.

Можетъ быть.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Однако я не думаю, чтобы Вѣрочкѣ слѣдовало.... эдакъ наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, въ саду.... Конечно, она дитя; но все-таки это неприлично.... Я ей скажу.

РАКИТИНЪ.

Сколько ей лѣтъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Семнадцать! Ей уже семнадцать лѣтъ.... А сегодня жарко. Я устала. Сядемте. (*Оба садятся на скамейку, на которой сидѣли Вѣра и Бѣляевъ.*) Шпигельскій уѣхалъ?

РАКИТИНЪ.

Уѣхалъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напрасно вы его не удержали. Я не знаю, зачѣмъ этому человѣку вздумалось сдѣлаться уѣзднымъ докторомъ.... Онъ очень забавенъ. Онъ меня смѣшитъ.

РАКИТИНЪ.

А я такъ вообразилъ, что вы сегодня не въ духѣ смѣяться. ..

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Почему вы это думали?

РАКИТИНЪ.

Такъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Потому что мнѣ сегодня все чувствительное не нравится? О, да! предупреждаю васъ, сегодня рѣшительно ничего не въ состояньи меня тронуть. — Но это не мѣшаетъ мнѣ смѣяться, напротивъ. Притомъ мнѣ нужно было съ Шпигельскимъ переговорить.

РАКИТИНЪ.

Можно узнать — о чемъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, нельзя. Вы и безъ того всё знаете, что я думаю, что я дѣлаю.... Это скучно.

РАКИТИНЪ.

Извините меня..., Я не предполагалъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Мнѣ хочется хоть что-нибудь скрыть отъ васъ....

РАКИТИНЪ.

Помилуйте! изъ вашихъ словъ можно заключить, что мнѣ все извѣстно....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перебивая его*).

А будто нѣтъ?

РАКИТИНЪ.

Вамъ угодно смѣяться надо мной.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Такъ вамъ точно не все извѣстно, что во мнѣ происходитъ? Въ такомъ случаѣ я васъ не поздравляю. Какъ? человѣкъ наблюдаетъ за мной съ утра до вечера....

РАКИТИНЪ.

Что́ это, упрекъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Упрекъ? (*Помолчавъ.*) Нѣтъ, я теперь точно вижу: вы не проницательны.

РАКИТИНЪ.

Можетъ быть.... но такъ, какъ я наблюдаю за вами съ утра до вечера, то позвольте мнѣ сообщить вамъ одно замѣчаніе....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

На мой счетъ? Сдѣлайте одолженіе.

РАКИТИНЪ.

Вы на меня не разсердитесь?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, нѣтъ! Я бы хотѣла, да нѣтъ.

РАКИТИНЪ.

Вы съ нѣкоторыхъ поръ, Наталья Петровна, находитесь въ какомъ-то постоянно раздраженномъ состояніи, и это раздраженье въ васъ невольное, внутреннее; вы словно боретесь сами съ собою, словно не доумѣваете. Передъ моей поѣздкой къ Криницынымъ я этого не замѣчалъ; это въ васъ недавно. (*Наталья Петровна чертитъ зонтикомъ передъ собой.*) Вы иногда такъ глубоко вздыхаете.... вотъ какъ усталый, очень усталый человѣкъ вздыхаетъ, которому никакъ не удается отдохнуть.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Чтожь вы изъ этого заключаете, господинъ наблюдатель?

РАКИТИНЪ.

Я? Ничего.... Но меня это безпокоитъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Покорно благодарю за участіе.

РАКИТИНЪ.

И притомъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.*)

Пожалуйста, перемѣнимте разговоръ.

(Молчаніе.)

РАКИТИНЪ.

Вы ни куда не намѣрены выѣхать сегодня?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ.

Ракитинъ.

Отчего же? Погода хорошая.

Наталья Петровна.

Лѣнь. (*Молчанье.*) Скажите мнѣ.... вѣдь вы знаете Большинцòва?

Ракитинъ.

Нашего сосѣда, Аѳанасья Иваныча?

Наталья Петровна.

Да.

Ракитинъ.

Что за вопросъ? Не далѣе, какъ третьяго дня, мы съ нимъ у васъ играли въ преферансъ.

Наталья Петровна

Чтò онъ за человѣкъ, я желаю знать.

Ракитинъ.

Большинцовъ?

Наталья Петровна.

Да, да, Большинцовъ.

Ракитинъ.

Вотъ ужь этого я, признаться, никакъ не ожидалъ!

Наталья Петровна (*съ нетерпѣніемъ*).

Чего вы не ожидали?

Ракитинъ.

Чтобы вы когда-нибудь стали спрашивать о Большинцовѣ! Глупый, толстый, тяжелый человѣкъ — а впрочемъ дурнаго ничего объ немъ сказать нельзя.

Наталья Петровна.

Онъ совсѣмъ не такъ глупъ и не такъ тяжелъ, какъ вы думаете.

Ракитинъ,

Можетъ быть. Я, признаюсь, не слишкомъ внимательно изучалъ этого господина.

Наталья Петровна (*иронически*).

Вы за нимъ не наблюдали?

Ракитинъ (*принужденно улыбается*).

И съ чего вамъ вздумалось....

Наталья Петровна.

Такъ!

(Опять молчаніе.)

РАКИТИНЪ.

Посмотрите, Наталья Петровна, какъ хорошъ этотъ темнозеленый дубъ на темно-синемъ небѣ. Онъ весь затопленъ лучами солнца, и что за могучія краски.... Сколько въ немъ несокрушимой жизни и силы, особенно когда вы его сравните съ той молоденькой березой.... Она словно вся готова исчезнуть въ сіяньи; ея мелкіе листочки блестятъ какимъ-то жидкимъ блескомъ, какъ будто táютъ, а между тѣмъ, и она хороша....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Знаете ли чтò, Ракитинъ? Я уже давно это замѣтила.... Вы очень тонко чувствуете такъ называемыя красоты природы, и очень изящно, очень умно говорите объ нихъ.... такъ изящно, такъ умно, что, я воображаю, природа должна быть вамъ несказанно благодарна за ваши изысканно-счастливыя выраженія; вы волочитесь за ней, какъ раздушенный маркизъ на красныхъ каблучкахъ за хорошенькой крестьянкой.... Только вотъ въ чемъ бѣда: мнѣ иногда кажется, что она ни какъ бы не могла понять, оцѣнить вашихъ тонкихъ замѣчаній, точно также, какъ крестьянка не поняла бы придворныхъ учтивостей маркиза; природа гораздо проще, даже грубѣе, чѣмъ вы предполагаете, потому что она, слава Богу, здорова.... Березы не таютъ и не падаютъ въ обморокъ какъ нервическія дамы.

РАКИТИНЪ.

Quelle tirade! Природа здорова.... то-есть, другими словами, я болѣзненное существо.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Не вы одни болѣзненное существо, оба мы съ вами не слишкомъ здоровы.

РАКИТИНЪ.

О, мнѣ извѣстенъ также этотъ способъ говорить другому самымъ безобиднымъ образомъ самыя непріятныя вещи.... Вмѣсто того, чтобы сказать ему, напримѣръ, прямо въ лицо: ты, братецъ, глупъ, стоитъ только замѣтить ему съ добродушной улыбкой: мы вѣдь, дескать, оба съ вами глупы.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы обижаетесь? Полноте, чтò за вздоръ! Я только хотѣла сказать, что мы оба съ вами.... слово: болѣзненный вамъ не нравится.... что мы оба стары, очень стары.

РАКИТИНЪ.

Почему же стары? Я про себя этого не думаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, однако, послушайте; вотъ мы съ вами теперь сидимъ здѣсь.... можетъ быть, на этой же самой скамейкѣ за четверть часа до насъ сидѣли.... два точно молодыя существа.

РАКИТИНЪ.

Бѣляевъ и Вѣрочка? Конечно, они моложе насъ.... между нами нѣсколько лѣтъ разницы, вотъ и все.... Но мы отъ этого еще не старики.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Между нами разница не въ однихъ лѣтахъ.

РАКИТИНЪ.

А! я понимаю.... Вы завидуете ихъ.... naïveté, ихъ свѣжести, невинности.... словомъ ихъ глупости....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы думаете? А! Вы думаете, что они глупы? у васъ, я вижу, всѣ глупы сегодня. Нѣтъ, вы меня не понимаете. Да и притомъ.... глупы! Что за бѣда! Чтó хорошаго въ умѣ, когда онъ не забавляетъ?... Ничего нѣтъ утомительнѣе невеселаго ума.

РАКИТИНЪ.

Гмъ. Отчего вы не хотите говорить прямо, безъ обиняковъ? *Я* васъ не забавляю — вотъ что вы хотите сказать.... Къ чему вы умъ вообще за меня грѣшнаго заставляете страдать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Это вы все не то.... (*Катя выходитъ изъ малинника*). Что это, ты малины набирала, Катя?

КАТЯ.

Точно такъ-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Покажи-ка.... (*Катя подходитъ къ ней.*) Славная малина! Какая алая.... а твои щеки еще алѣй. (*Катя улыбается и потупляетъ глаза.*) Ну ступай.

(Катя уходитъ.)

РАКИТИНЪ.

Вотъ еще молодое существо въ вашемъ вкусѣ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Конечно.

(Встаетъ.)

РАКИТИНЪ.

Куда вы?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Во первыхъ, я хочу посмотрѣть, что дѣлаетъ Вѣрочка... Пора ей домой... а во вторыхъ, признаюсь, нашъ разговоръ что-то мнѣ не нравится. Лучше на нѣкоторое время прекратить наши разсужденія о природѣ и молодости.

РАКИТИНЪ.

Вамъ, можетъ быть, угодно гулять одной?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

По правдѣ сказать, да. Мы увидимся скоро... Впрочемъ, мы разстаемся друзьями?

(Протягиваетъ ему руку.)

РАКИТИНЪ (*вставая*).

Еще бы!

(Жметъ ей руку.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

До свиданья.

(Она раскрываетъ зонтикъ и уходитъ налѣво.)

РАКИТИНЪ (*ходитъ нѣкоторое время взадъ и впередъ*).

Что съ ней? (*Помолчавъ.*) Такъ! капризъ. Капризъ? Прежде я этого въ ней не замѣчалъ. Напротивъ, я не знаю женщины, болѣе ровной въ обхожденьи. Какая причина?... (*Ходитъ опять и вдругъ останавливается.*) Ахъ, какъ смѣшны люди, у которыхъ одна мысль въ головѣ, одна цѣль, одно занятіе въ жизни... Вотъ какъ я, напримѣръ. Она правду сказала: съ утра до вечера наблюдаешь мелочи, и самъ становишься мелкимъ... Все такъ; но безъ нея я жить не могу, въ ея присутствіи я болѣе чѣмъ счастливъ; этого чувства нельзя назвать счастьемъ, я весь принадлежу ей; разстаться съ нею мнѣ было бы, безо всякаго преувеличенія, точно то же, что разстаться съ жизнію. Что съ ней? Что значитъ эта внутренняя тревога, эта невольная ѣдкость рѣчи? Не начинаю ли я надоѣдать ей? Гм. (*Садится.*) Я никогда себя не обманывалъ; я очень хорошо знаю, какъ она меня любитъ; но я

надѣялся, что это спокойное чувство со временемъ... Я надѣялся! Я ни на что не въ правѣ надѣяться, говоря по совѣсти... Признаюсь, мое положеніе довольно смѣшно... почти презрительно. (*Помолчавъ.*) Ну, къ чему такія слова? Она честная женщина, а я не Ловеласъ. (*Съ горькой усмѣшкой.*) Къ сожалѣнію. (*Быстро поднимаясь.*) Ну, полно! Вонъ весь этотъ вздоръ изъ головы! (*Прохаживаясь.*) Какой сегодня прекрасный день! (*Помолчавъ*). Какъ она ловко уязвила меня... Мои «изысканно-счастливыя» выраженія... Она очень умна, особенно когда не въ духѣ. И что за внезапное поклоненіе простотѣ и невинности?... Этотъ русскій учитель... Она мнѣ часто говоритъ о немъ. Признаюсь, я въ немъ ничего особеннаго не вижу. Просто, мальчикъ, какъ всѣ мальчики. Неужели она... Быть не можетъ! Она не въ духѣ,.. сама не знаетъ, чего ей хочется, и вотъ царапаетъ меня. Бьютъ же дѣти свою няню... Какое лестное сравненіе! Но не надобно мѣшать ей. Когда этотъ припадокъ тоскливаго безпокойства пройдетъ, она сама первая будетъ смѣяться надъ этимъ долговязымъ птенцомъ, надъ этимъ свѣжимъ юношей... Объясненіе ваше не дурно, Михайло Александрычъ, другъ мой, да вѣрно ли оно? А Господь вѣдаетъ! Вотъ увидимъ. Ужь не разъ случалось вамъ, мой любезнѣйшій, послѣ долгой возни съ самимъ собою, отказаться вдругъ отъ всѣхъ предположеній и соображеній, сложить спокойно ручки и смиренно ждать, что-то будетъ. А пока, сознайтесь, вамъ самимъ порядочно неловко и горько... Таково уже ваше ремесло... (*Оглядываясь.*) А! да вотъ онъ и самъ, нашъ непосредственный юноша... Кстати пожаловалъ... Я съ нимъ еще ни разу не поговорилъ, какъ слѣдуетъ. Посмотримъ, что за человѣкъ. (*Слѣва входитъ Бѣляевъ.*) А, Алексѣй Николаичъ! И вы вышли погулять на свѣжій воздухъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ.

РАКИТИНЪ.

То есть, признаться, воздухъ сегодня не совсѣмъ свѣжъ; жара страшная, но здѣсь, подъ этими липами, въ тѣни, довольно сносно. (*Помолчавъ.*) Видѣли вы Наталью Петровну?

БѢЛЯЕВЪ.

Я сейчасъ ихъ встрѣтилъ... Онѣ съ Вѣрой Александровной въ домъ пошли.

Ракитинъ.

Да ужь это не васъ ли я съ Вѣрой Александровной здѣсь видѣлъ, съ полчаса тому назадъ?

Бѣляевъ.

Да-съ... Я съ ней гулялъ.

Ракитинъ.

А! (*беретъ его подъ руку.*) Ну, какъ вамъ нравится жизнь въ деревнѣ?

Бѣляевъ.

Я люблю деревню. Одна бѣда: здѣсь охота плохая.

Ракитинъ.

А вы охотникъ?

Бѣляевъ.

Да-съ... А вы?

Ракитинъ.

Я? нѣтъ; я, признаться, небольшой стрѣлокъ. Я слишкомъ лѣнивъ.

Бѣляевъ.

Да и я лѣнивъ... только не ходить.

Ракитинъ.

А! Чтожь вы — читать лѣнивы?

Бѣляевъ.

Нѣтъ, я люблю читать. Мнѣ лѣнь долго работать; особенно однимъ и тѣмъ же предметомъ заниматься мнѣ лѣнь.

Ракитинъ (*улыбаясь*).

Ну, а напримѣръ, съ дамами разговаривать?

Бѣляевъ.

Э! да вы надо мной смѣетесь... Дамъ я больше боюсь.

Ракитинъ (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Съ чего вы вздумали... съ какой стати стану я надъ вами смѣяться?

Бѣляевъ.

Да такъ... что за бѣда! (*Помолчавъ.*) Скажите, гдѣ здѣсь можно достать пороху?

Ракитинъ.

Да въ городѣ, я думаю; онъ тамъ продается подъ именемъ мака. Вамъ нужно хорошаго?

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ; хоть винтовочнаго. Мнѣ не стрѣлять, мнѣ фейерверки дѣлать.

РАКИТИНЪ.

А! вы умѣете...

БѢЛЯЕВЪ.

Умѣю. Я уже выбралъ мѣсто: за прудомъ. Я слышалъ, черезъ недѣлю именины Натальи Петровны; такъ вотъ бы кстати.

РАКИТИНЪ.

Натальѣ Петровнѣ будетъ очень пріятно такое вниманіе съ вашей стороны... Вы ей нравитесь, Алексѣй Николаичъ, скажу вамъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Мнѣ это очень лестно... Ахъ, кстати, Михайло Александрычъ, вы, кажется, получаете журналъ. Можете вы мнѣ дать почитать...

РАКИТИНЪ.

Извольте, съ удовольствіемъ.... Тамъ есть хорошіе стихи.

БѢЛЯЕВЪ.

Не спорю.... но я до стиховъ не охотникъ.

РАКИТИНЪ.

Почему же?

БѢЛЯЕВЪ.

Да такъ. Смѣшные стихи мнѣ кажутся натянутыми, да притомъ ихъ немного; а чувствительные стихи.... я не знаю.... Не вѣрится имъ что-то.

РАКИТИНЪ.

Вы предпочитаете повѣсти?

БѢЛЯЕВЪ.

Да-съ, хорошія повѣсти я люблю... но критическія статьи — вотъ тѣ меня забираютъ.

РАКИТИНЪ.

А что?

БѢЛЯЕВЪ.

Теплый человѣкъ ихъ пишетъ...

РАКИТИНЪ.

А сами вы — не занимаетесь литературой?

Бѣляевъ.

О нѣтъ-съ! Что за охота писать, коли таланту Богъ не далъ. Только людей смѣшить. Да и притомъ вотъ что удивительно, вотъ что объясните мнѣ, сдѣлайте одолженье: иной и умный кажется человѣкъ, а какъ возьмется за перо — хоть святыхъ вонъ неси. Нѣтъ куда намъ писать — дай Богъ понимать написанное!

Ракитинъ.

Знаете ли что, Алексѣй Николаичъ? Не у многихъ молодыхъ людей столько здраваго смысла, сколько у васъ.

Бѣляевъ.

Покорно васъ благодарю за комплиментъ. (*Помолчавъ.*) Я выбралъ мѣсто для фейерверка за прудомъ, потому что я умѣю дѣлать римскія свѣчи, которыя горятъ на водѣ....

Ракитинъ.

Это, должно быть, очень красиво.... Извините меня, Алексѣй Николаичъ, но позвольте васъ спросить.... Вы знаете по французски?

Бѣляевъ.

Нѣтъ. Я перевелъ романъ Поль-де-Кока: «Монфермельскую молочницу» — можетъ быть слыхали — за пятьдесятъ рублей ассигнаціями; но я ни слова не знаю по французски. Вообразите: катръ-венъ-дисъ я перевелъ: четыре-двадцать-десять.... Нужда, знаете-ли, заставила. А жаль. Я бы желалъ по французски знать. Да лѣнь проклятая. Жоржъ-Санда я бы желалъ по французски прочесть. Да выговоръ.... какъ съ выговоромъ прикажешь сладить? анъ, онъ, енъ, ёнъ... Бѣда!

Ракитинъ.

Ну этому горю еще можно помочь...

Бѣляевъ.

Позвольте узнать, который часъ?

Ракитинъ (*смотритъ на часы*).

Половина втораго.

Бѣляевъ.

Что это Лизавета Богдановна такъ долго Колю держитъ за фортепьянами.... Ему, чай, смерть теперь хочется побѣгать.

Ракитинъ (*ласково*).

Да вѣдь надобно же и учиться, Алексѣй Николаичъ....

Бѣляевъ (*со вздохомъ*).

Не вамъ бы это говорить. Михайло Александрычъ — не мнѣ бы слушать.... Конечно, не всѣмъ же быть такими малопаями какъ я.

Ракитинъ.

Ну полноте....

Бѣляевъ.

Да ужь про это я знаю....

Ракитинъ.

А я, такъ напротивъ, тоже знаю, и навѣрное, что именно то, что вы въ себѣ считаете недостаткомъ, эта ваша непринужденность, ваша свобода—это именно и нравится.

Бѣляевъ.

Кому, напримѣръ?

Ракитинъ.

Да хоть бы Натальѣ Петровнѣ.

Бѣляевъ.

Натальѣ Петровнѣ? Съ ней-то я и не чувствую себя, какъ вы говорите, свободнымъ.

Ракитинъ.

А! Въ самомъ дѣлѣ?

Бѣляевъ.

Да и наконецъ помилуйте, Михайло Александрычъ, развѣ воспитаніе не первая вещь въ человѣкѣ? Вамъ легко говорить.... Я, право, не понимаю васъ.... (*Вдругъ останавливаясь.*) Что это? Какъ будто коростель въ саду крикнулъ? (Хочетъ идти.)

Ракитинъ.

Можетъ быть.... но куда же вы?

Бѣляевъ.

За ружьёмъ....

(Идетъ въ кулисы налѣво, на встрѣчу ему выходитъ Наталья Петровна.)

Наталья Петровна (*увидавъ его, вдругъ улыбается*).

Куда вы, Алексѣй Николаичъ?

Бѣляевъ.

Я-съ....

Ракитинъ.

За ружьемъ.... Онъ коростеля въ саду услыхалъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, не стрѣляйте пожалуйста въ саду.... Дайте этой бѣдной птицѣ пожить.... Притомъ, вы бабушку испугать можете.

БѢЛЯЕВЪ.

Слушаю-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*смѣясь*).

Ахъ, Алексѣй Николаичъ, какъ вамъ не стыдно? «Слушаю-съ» — что это за слово? Какъ можно это слово употреблять? Да постойте; мы вотъ съ Михайломъ Александрычемъ займемся вашимъ воспитаньемъ.... Да, да.... Мы уже съ нимъ не разъ говорили о васъ.... Противъ васъ заговоръ, я васъ предупреждаю. Вѣдь вы позволите мнѣ заняться вашимъ воспитаніемъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Помилуйте.... Я-съ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Во первыхъ — не будьте застѣнчивы, это къ вамъ вовсе не пристало. Да, мы займемся вами. (*Указывая на Ракитина.*) Вѣдь мы съ нимъ уже старики — а вы молодой человѣкъ.... Не правда ли? Посмотрите, какъ это всё хорошо пойдетъ. Вы будете заниматься Колей — а я... а мы вами.

БѢЛЯЕВЪ.

Я вамъ буду очень благодаренъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

То то же. О чемъ вы тутъ разговаривали съ Михайлой Александрычемъ?

РАКИТИНЪ (*улыбаясь*).

Онъ мнѣ разсказывалъ какимъ образомъ онъ перевелъ французскую книгу — ни слова не знавши по французски.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! Ну вотъ мы васъ и по французски выучимъ... Да кстати, что вы сдѣлали съ вашимъ змѣемъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я его домой отнесъ. Мнѣ показалось, что вамъ... непріятно было....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Отчегожь вамъ это показалось? Оттого, что я Вѣрочкѣ... что я Вѣрочку домой взяла? Нѣтъ, это.... Нѣтъ, вы ошиб-

жесь. (*Съ живостью.*) Впрочемъ, знаете ли что? Теперь Коля, должно быть, кончилъ свой урокъ. Пойдемте возьмемте его, Верочку, змѣя — хотите? И вмѣстѣ всѣ отправимся на лугъ. А?

Бѣляевъ.

Съ удовольствіемъ, Наталья Петровна.

Наталья Петровна.

И прекрасно. Ну пойдемте же, пойдемте. (*Протягиваетъ ему руку.*) Да возьмите же мою руку, какой вы неловкій. Пойдемте.... скорѣй.

(Оба быстро уходятъ налѣво.)

Ракитинъ (*глядя имъ въ слѣдъ*).

Что за живость.... что за веселость.... Я никогда у ней на лицѣ такого выраженія не видалъ. И какая внезапная перемѣна! (*Помолчавъ.*) Souvent femme varie.... Но я.... я рѣшительно ей сегодня не по нутру. Это ясно. (*Помолчавъ.*) Чтожъ! Увидимъ, что далѣе будетъ. (*Медленно.*) Неужели же... (*Махаетъ рукой.*) Быть не можетъ!... Но эта улыбка, этотъ привѣтный, мягкій, свѣтлый взглядъ.... Ахъ, не дай Богъ мнѣ узнать терзанія ревности, особенно безсмысленной ревности.... (*Вдругъ оглядываясь.*) Ба, ба, ба.... какими судьбами? (*Слѣва входятъ Шпигельскій и Большинцовъ. Ракитинъ идетъ имъ на встрѣчу.*) Здравствуйте, господа.... Я, признаться, Шпигельскій, васъ сегодня не ожидалъ....

(Жметъ имъ руки.)

Шпигельскій.

Да и я самъ того-съ.... Я самъ не воображалъ.... Да вотъ заѣхалъ къ нему (*указывая на Большинцова*), а онъ ужь въ коляскѣ сидитъ, сюда ѣдетъ. Ну я тотчасъ оглобли назадъ да вмѣстѣ съ нимъ и вернулся.

Ракитинъ.

Чтожъ, добро пожаловать.

Большинцовъ.

Я точно собирался....

Шпигельскій (*заминая его рѣчь*).

Намъ люди сказали, что господа всѣ въ саду.... По крайней мѣрѣ въ гостиной никого не было....

Ракитинъ.

Да вы развѣ не встрѣтили Наталью Петровну?

Шпигельскій.

Когда?

Ракитинъ.

Да вотъ сейчасъ.

Шпигельскій.

Нѣтъ. Мы, правда, не прямо изъ дому сюда пришли. Аѳанасію Иванычу хотѣлось посмотрѣть, есть ли въ рощицѣ грибы?

Большинцовъ (*съ недоумѣніемъ*).

Я....

Шпигельскій.

Ну да мы знаемъ, что вы до подберезниковъ большой охотникъ. Такъ Наталья Патровна домой пошла? Чтожь и мы можемъ вернуться.

Большинцовъ.

Конечно.

Ракитинъ.

Да она пошла домой для того, чтобы позвать всѣхъ гулять.... Они, кажется, собираются пускать змѣя.

Шпигельскій.

А! И прекрасно. Въ такую погоду надобно гулять.

Ракитинъ.

Вы можете остаться здѣсь.... Я пойду, скажу ей, что вы пріѣхали.

Шпигельскій.

Для чего же вы будете безпокоиться.... Помилуйте, Михайло Александрычъ....

Ракитинъ.

Нѣтъ.... мнѣ и безъ того нужно....

Шпигельскій.

А! ну, въ такомъ случаѣ мы васъ не удерживаемъ.... Безъ церемоніи, вы знаете....

Ракитинъ.

До свиданья, господа.

(Уходитъ налѣво.)

Шпигельскій.

До свиданія. (*Большинцову.*) Ну-съ, Аѳанасій Иванычъ....

Большинцовъ (*перебиваетъ его*).

Что это вамъ, Игнатій Ильичъ, вздумалось насчетъ грыбовъ.... Я удивляюсь; какіе грыбы?

Шпигельскій.

А, небось мнѣ по вашему слѣдовало сказать, что дескать заробѣлъ мой Аѳанасій Иванычъ, прямо не хотѣлъ пойдти, попросился сторонкой?

Большинцовъ.

Оно такъ.... да все же грыбы.... Я не знаю, я, можетъ быть, ошибаюсь....

Шпигельскій.

Навѣрное ошибаетесь, другъ мой. Вы вотъ лучше о чемъ подумайте. Вотъ мы съ вами сюда пріѣхали.... сдѣлано по вашему. Смотрите же! не ударьте лицомъ въ грязь.

Большинцовъ.

Да, Игнатій Ильичъ, вѣдь вы.... Вы мнѣ сказали, то есть.... Я бы желалъ положительно узнать какой отвѣтъ....

Шпигельскій.

Почтеннѣйшій мой Аѳанасій Иванычъ! Отъ вашей деревни досюда считается пятнадцать верстъ слишкомъ; вы на каждой верстѣ по крайней мѣрѣ три раза предлагали мнѣ тотъ же самый вопросъ.... Неужели же этого вамъ мало? Ну, слушайте же: только это я васъ балую въ послѣдній разъ. Вотъ что мнѣ сказала Наталья Петровна: «Я....»

Большинцовъ (*кивая головой*).

Да.

Шпигельскій (*съ досадой*).

Да.... Ну что «да»? Вѣдь я еще вамъ ничего не сказалъ... «Я, говоритъ, мало знаю г. Большинцова, но онъ мнѣ ка«жется хорошимъ человѣкомъ; съ другой стороны я ни«сколько не намѣрена принуждать Вѣрочку; и потому пусть «онъ ѣздитъ къ намъ и если онъ заслужитъ....»

Большинцовъ.

Заслужитъ? Она сказала: «заслужитъ»?

Шпигельскій.

«Если онъ заслужитъ ея расположеніе, мы съ Анной Семеновной не будемъ препятствовать....»

Большинцовъ.

«Не будемъ препятствовать»? Такъ-таки и сказала. Не будемъ препятствовать?

Шпигельскій.

Ну да, да, да. Какой вы странный человѣкъ! «Не будемъ препятствовать ихъ счастью».

Большинцовъ.

Гм.

Шпигельскій.

«Ихъ счастью». Да; но замѣтьте, Аѳанасій Иванычъ, въ чемъ теперь задача состоитъ.... Вамъ теперь нужно убѣдить самое Вѣру Александровну въ томъ, что для нея бракъ съ вами точно счастье; вамъ нужно заслужить ея расположеніе.

Большинцовъ (*моргая*).

Да, да, заслужить.... точно; я съ вами согласенъ.

Шпигельскій.

Вы непремѣнно хотѣли, чтобы я васъ сегодня же сюда привезъ.... Ну, посмотримъ, какъ вы будете дѣйствовать.

Большинцовъ.

Дѣйствовать? Да, да, нужно дѣйствовать, нужно заслужить, точно. Только вотъ что, Игнатій Ильичъ.... Позвольте мнѣ признаться вамъ, какъ лучшему моему другу, въ одной моей, такъ сказать, слабости: я, вотъ, вы изволите говорить, желалъ, чтобы вы сегодня привезли меня сюда....

Шпигельскій.

Не желали, а требовали, неотступно требовали.

Большинцовъ.

Ну да, положимъ.... я съ вами согласенъ. Да вотъ видите ли: дома.... я точно.... я дома на всё, кажется, былъ готовъ; а теперь вотъ робость одолѣваетъ.

Шпигельскій.

Да отъ чегожь вы робѣете?

Большинцовъ (*взглянувъ на него изъ подлобья*).

Рыскъ-съ.

Шпигельскій.

Что-ò?

Большинцовъ.

Рыскъ-съ. Большой рыскъ-съ. Я, Игнатій Ильичъ, долженъ вамъ признаться, какъ....

Шпигельскій (*перерывая*).

Какъ лучшему вашему другу.... знаемъ, знаемъ.... Далѣе?

Большинцовъ.

Точно такъ-съ, я съ вами согласенъ. Я долженъ вамъ признаться, Игнатій Ильичъ, что я.... я вообще съ дамами,

съ женскимъ поломъ вообще, мало, такъ сказать, имѣлъ сношеній; я, Игнатій Ильичъ, признаюсь вамъ откровенно, просто не могу придумать, о чемъ можно съ особой женскаго пола говорить — и притомъ наединѣ.... особенно съ дѣвицей.

Шпигельскій.

Вы меня удивляете. Я такъ не знаю, о чемъ *нельзя* съ особой женскаго пола говорить, особенно съ дѣвицей, и особенно на единѣ.

Большинцовъ.

Ну да вы.... Помилуйте, гдѣжь мнѣ за вами? Вотъ по этому-то случаю я бы желалъ прибѣгнуть къ вамъ, Игнатій Ильичъ. Говорятъ, въ этихъ дѣлахъ лиха бѣда начать, такъ нельзя ли того-съ, мнѣ для вступленья, эдакъ, въ разговоръ — словечко, что̀ ли, сообщить, какое нибудь пріятное, въ родѣ, напримѣръ замѣчанья — а ужь тамъ я пойду. Ужь тамъ я какъ нибудь самъ.

Шпигельскій.

Словечка я вамъ никакого не сообщу, Аѳанасій Иванычъ, потому что вамъ никакое словечко ни къ чему не послужитъ.... а совѣтъ я вамъ дать могу, если хотите.

Большинцовъ.

Да сдѣлайте же одолженье, батюшка.... А что касается до моей благодарности.... Вы знаете....

Шпигельскій.

Полноте, полноте; что̀ я развѣ торгуюсь съ вами?

Большинцовъ (*понизивъ голосъ*).

Насчетъ троечки будьте покойны.

Шпигельскій.

Да полноте же наконецъ! Вотъ видите ли, Аѳанасій Иванычъ.... Вы, безспорно, прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ.... (*Большинцовъ слегка кланяется*) человѣкъ съ отличными качествами....

Большинцовъ.

О, помилуйте!

Шпигельскій.

Притомъ у васъ, кажется, триста душъ?

Большинцовъ.

Триста двадцать-съ.

Шпигельскій.

Незаложенныхъ?

Большинцовъ.

За мной копѣйки долгу не водится.

Шпигельскій.

Ну вотъ видите. Я вамъ сказывалъ, что вы отличнѣйшій человѣкъ и женихъ хоть куда. Но вы вотъ сами говорите, что вы съ дамами мало имѣли сношеній....

Большинцовъ (*со вздохомъ*).

Точно такъ-съ. Я, можно сказать, Игнатій Ильичъ, сызмала чуждался женскаго пола.

Шпигельскій.

Ну вотъ видите. Это въ мужѣ не порокъ, напротивъ; но все-таки въ иныхъ случаяхъ, напримѣръ при первомъ объясненіи въ любви, необходимо хоть что-нибудь умѣть сказать.... Не правда ли?

Большинцовъ.

Я совершенно съ вами согласенъ.

Шпигельскій.

А то вѣдь, пожалуй, Вѣра Александровна можетъ подумать, что вы чувствуете себя нездоровыми — и больше ничего. Притомъ фигура ваша, хотя тоже во всѣхъ отношеніяхъ благовидная, не представляетъ ничего такого, что эдакъ въ глаза, знаете ли, бросается, въ глаза; а нынче это требуется.

Большинцовъ (*со вздохомъ*).

Нынче это требуется.

Шпигельскій.

Дѣвицамъ по крайней мѣрѣ это нравится. Ну да и лѣта ваши наконецъ.... словомъ, намъ съ вами любезностью брать не приходится. Стало быть, вамъ нечего думать о пріятныхъ словечкахъ. Это опора плохая. Но у васъ есть другая опора, гораздо болѣе твердая и надежная, а именно ваши качества, почтеннѣйшій Аѳанасій Иванычъ, и ваши триста двадцать душъ. Я на вашемъ мѣстѣ просто сказалъ бы Вѣрѣ Александровнѣ....

Большинцовъ.

Наединѣ?

Шпигельскій.

О, непремѣнно наединѣ! Вѣра Александровна! (*По движеніямъ губъ Большинцова замѣтно, что онъ шопотомъ повторяетъ каждое слово за Шпигельскимъ.*) Я васъ люблю и прошу вашей руки. Я человѣкъ добрый, простой, смирный и не бѣдный: вы будете со мною совершенно свободны; я буду стараться всячески вамъ угождать. А вы извольте справиться обо мнѣ, извольте обратить на меня немножко побольше вниманія чѣмъ до сихъ поръ — и дайте мнѣ отвѣтъ, какой угодно и когда угодно. Я готовъ ждать и даже за удовольствіе почту.

Большинцовъ (*громко произнося последнее слово*).

Почту. Такъ, такъ, такъ.... я съ вами согласенъ. Только вотъ что, Игнатій Ильичъ: вы, кажется, изволили употребить слово: смирный.... дескать смирный я человѣкъ....

Шпигельскій.

А чтожъ, развѣ вы не смирный человѣкъ?

Большинцовъ.

Та-акъ-съ.... но все-таки мнѣ кажется.... Будетъ ли оно прилично, Игнатій Ильичъ? Не лучше ли сказать, напримѣръ....

Шпигельскій.

Напримѣръ?

Большинцовъ.

Напримѣръ.... напримѣръ.... (*Помолчавъ.*) Впрочемъ можно, пожалуй, сказать и смирный.

Шпигельскій.

Эхъ, Аѳанасій Иванычъ, послушайтесь вы меня; чѣмъ проще вы будете выражаться, чѣмъ меньше, такъ сказать, украшеній вы подпустите въ вашу рѣчь, тѣмъ лучше дѣло пойдетъ, повѣрьте мнѣ. А главное, не настаивайте, не настаивайте, Аѳанасій Иванычъ. Вѣра Александровна еще очень молода; вы ее запугать можете.... Дайте ей время хорошо обдумать ваше предложеніе. Да! еще одно.... чуть было не забылъ; вы вѣдь мнѣ позволили вамъ совѣты давать... Вамъ иногда случается, любезный мой Аѳанасій Иванычъ, говорить: крухтъ и фостъ.... Оно, пожалуй, отчего же.... можно... но, знаете ли, слова фруктъ и хвостъ какъ-то употре-

бительнѣе; болѣе, такъ сказать, въ употребленіе вошли. А то еще, помнится, вы, однажды при мнѣ одного хлѣбосольнаго помѣщика назвали бонжибаномъ; дескать, какой онъ бонжибанъ! Слово тоже, конечно, хорошее, но, къ сожалѣнію, оно ничего не значитъ. Вы знаете, я самъ не слишкомъ гораздъ насчетъ французскаго діалекта, а на столько-то смыслю. Право, послушайтесь меня, избѣгайте красноречья, и я вамъ ручаюсь за успѣхъ. (*Оглядываясь.*) Да вотъ они кстати всѣ идутъ сюда. (*Большинцовъ хочетъ удалиться.*) Куда же вы? опять за грыбами? (*Большинцовъ улыбается, краснѣетъ и остается.*) Главное дѣло не робѣть!

Большинцовъ (*торопливо*).

А вѣдь Вѣрѣ Александровнѣ еще ничего неизвѣстно?

Шпигельскій.

Еще бы!

Большинцовъ.

Впрочемъ я на васъ надѣюсь....

(Сморкается. Слѣва входятъ: Наталья Петровна, Вѣра, Бѣляевъ съ змѣемъ, Коля; за ними Ракитинъ и Лизавета Богдановна. Наталья Петровна очень въ духѣ.)

Наталья Петровна (*Большинцову и Шпигельскому*).

А здравствуйте, господа; здравствуйте, Шпигельскій; я васъ не ожидала сегодня, но я всегда вамъ рада. Здравствуйте, Аѳанасій Иванычъ.

(Большинцовъ кланяется съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ.)

Шпигельскій (*Натальѣ Петровнѣ, указывая на Большинцова*).

Вотъ этотъ баринъ непремѣнно желалъ привезти меня сюда....

Наталья Петровна (*смѣясь*).

Я ему очень обязана.... Но развѣ васъ нужно заставлять къ намъ ѣздить?

Шпигельскій.

Помилуйте! но.... Я только сегодня поутру.... отсюда... Помилуйте....

Наталья Петровна,

А запутался, запутался, господинъ дипломатъ!

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Мнѣ, Наталья Петровна, очень пріятно видѣть васъ въ такомъ, сколько я могу замѣтить, веселомъ расположеніи духа.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! Вы считаете нужнымъ это замѣтить.... Да развѣ со мною это такъ рѣдко случается?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

О, помилуйте, нѣтъ.... но....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

M-r le diplomate, вы болѣе и болѣе путаетесь.

КОЛЯ (*который все время нетерпѣливо вертѣлся около Бѣляева и Вѣры*).

Да что жь, maman, когда же мы будемъ змѣя пускать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Когда хочешь.... Алексѣй Николаичъ, и ты, Вѣрочка, пойдемте на лугъ.... (*Обращаясь къ остальнымъ.*) Васъ, господа, я думаю, это не можетъ слишкомъ занять. Лизавета Богдановна, и вы, Ракитинъ, поручаю вамъ добраго нашего, Аѳанасья Иваныча.

РАКИТИНЪ.

Да отчего, Наталья Петровна, вы думаете, что это насъ не займетъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы люди умные.... Вамъ это должно казаться шалостью... Впрочемъ, какъ хотите. Мы не мѣшаемъ вамъ идти за нами.... (*Къ Бѣляеву и Вѣрочкѣ.*) Пойдемте.

(Наталья, Вѣра, Бѣляевъ и Коля уходятъ направо.)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*посмотрѣвъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на Ракитина, Большинцову*).

Добрый нашъ Аѳанасій Иванычъ, дайте же руку Лизаветѣ Богдановнѣ.

БОЛЬШИНЦОВЪ (*торопливо*).

Я съ большимъ удовольствіемъ....

(Беретъ Лизавету Богдановну подъ руку.)

Шпигельскій (*Ракитину*).

А мы пойдемъ съ вами, если позволите, Михайло Александрычъ. (*Беретъ его подъ руку.*) Вишь, какъ они бѣгутъ по аллеѣ. Пойдемте, посмотримте, какъ они будутъ змѣй пускать, хотя мы и умные люди.... Аѳанасій Иванычъ, не угодно ли впередъ идти?

Большинцовъ (*на ходу Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Сегодня, погода, очень, можно сказать, пріятная-съ.

Лизавета Богдановна (*жеманясь*).

Ахъ, очень!

Шпигельскій (*Ракитину*).

А мнѣ съ вами, Михайло Александрычъ, нужно переговорить.... (*Ракитинъ вдругъ смѣется.*) О чемъ вы?

Ракитинъ.

Такъ.... ничего.... Мнѣ смѣшно, что мы въ арріеръ-гардъ попали.

Шпигельскій

Аванъ-гарду, вы знаете, очень легко сдѣлаться арріеръ-гардомъ.... Все дѣло въ перемѣнѣ дирекціи.

Всѣ уходятъ направо. Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Та же декорація, какъ въ первомъ дѣйствіи. Изъ дверей въ залу входятъ Ракитинъ и Шпигельскій.

Шпигельскій.

Такъ, какъ-же, Михайло Александрычъ, помогите мнѣ, сдѣлайте одолженіе.

Ракитинъ.

Да чѣмъ могу я вамъ помочь, Игнатій Ильичъ?

Шпигельскій.

Какъ чѣмъ? помилуйте. Вы, Михайло Александрычъ, войдите въ мое положеніе. Собственно я въ этомъ дѣлѣ сторона, конечно; я, можно сказать, дѣйствовалъ больше изъ желанія угодить... Ужь погубитъ меня мое доброе сердце!

Ракитинъ (*смѣясь*).

Ну до погибели вамъ еще далеко.

Шпигельскій (*тоже смѣясь*).

Это еще неизвѣстно, а только мое положеніе дѣйствительно неловко. Я Большинцова по желанью Натальи Петровны сюда привезъ и отвѣтъ ему сообщилъ съ ея же позволенья, а теперь съ одной стороны на меня дуются, словно я глупость сдѣлалъ, а съ другой Большинцовъ не даетъ мнѣ покоя. Его избѣгаютъ, со мной не говорятъ...

Ракитинъ.

И охота же вамъ была, Игнатій Ильичъ, взяться за это дѣло. Вѣдь Большинцовъ, между нами, вѣдь онъ просто глупъ.

Шпигельскій.

Вотъ тебѣ на—между нами! Экую новость вы изволили сказать! Да съ какихъ поръ одни умные люди женятся? Ужь коли въ чемъ другомъ, въ женитьбѣ-то не слѣдуетъ дуракамъ хлѣбъ отбивать. Вы говорите, я за это дѣло взялся.... Вовсе нѣтъ. Вотъ какъ оно состоялось: пріятель проситъ меня замолвить за него слово... Чтожь? мнѣ отказать ему было, что ли? Я человѣкъ добрый; отказывать не умѣю. Я исполняю порученіе пріятеля; мнѣ отвѣчаютъ: «покорнѣйше благодаримъ; не извольте, то есть, болѣе безпокоиться»... Я понимаю и болѣе не безпокою. Потомъ вдругъ сами мнѣ предлагаютъ и поощряютъ меня, такъ сказать... Я повинуюсь; на меня негодуютъ. Чѣмъ же я тутъ виноватъ?

Ракитинъ.

Да кто вамъ говоритъ, что вы виноваты... Я удивляюсь только одному: изъ чего вы такъ хлопочете?

Шпигельскій.

Изъ чего... изъ чего... Человѣкъ мнѣ покоя не даетъ.

Ракитинъ.

Ну полноте...

Шпигельскій.

Притомъ же онъ мой старинный пріятель.

Ракитинъ (*съ недовѣрчивой улыбкой*).

Да! ну это другое дѣло.

Шпигельскій (*тоже улыбаясь*).

Впрочемъ, я съ вами хитрить не хочу... Васъ не обма-

нешь. Ну да... онъ мнѣ обѣщалъ... у меня пристяжная на ноги сѣла, такъ вотъ онъ мнѣ обѣщалъ...

Ракитинъ.

Другую пристяжную?

Шпигельскій.

Нѣтъ, признаться, цѣлую тройку.

Ракитинъ.

Давно бы вы сказали!...

Шпигельскій (*живо*).

Но вы пожалуйста не подумайте... Я бы ни за что не согласился быть, такъ сказать, въ этомъ дѣлѣ посредникомъ, это совершенно противно моей натурѣ (*Ракитинъ улыбается.*), еслибъ я не зналъ Большинцова за честнѣйшаго человѣка... Впрочемъ, я и теперь желаю только одного: пусть мнѣ отвѣтятъ рѣшительно — да или нѣтъ?

Ракитинъ.

Развѣ ужь до того дѣло дошло?

Шпигельскій.

Да что вы воображаете?... Не о женитьбѣ рѣчь идетъ, а о позволеніи ѣздить, посѣщать...

Ракитинъ.

Да кто жь это можетъ запретить?

Шпигельскій.

Экіе вы... запретить! Конечно для всякаго другого... но Большинцовъ человѣкъ робкій, невинная душа, прямо изъ златого вѣка, Астреи, только-что тряпки не сосетъ... Онъ на себя мало надѣется, его нужно нѣсколько поощрить. Притомъ его намѣренья — самыя благородныя.

Ракитинъ.

Да и лошади хороши.

Шпигельскій.

И лошади хороши. (*Нюхаетъ табакъ и предлагаетъ Ракитину табакерку.*) Вамъ не угодно?

Ракитинъ.

Нѣтъ, благодарствуйте.

Шпигельскій.

Такъ, такъ-то. Михайло Александрычъ. Я васъ, вы видите, не хочу обманывать. Да и къ чему? Дѣло ясное, какъ на ладони. Человѣкъ честныхъ правилъ, съ состояніемъ, смирный... Годится — хорошо. Не годится — ну такъ и сказать.

Ракитинъ.

Все это прекрасно, положимъ; да я-то тутъ что? Я, право, не вижу, въ чемъ я могу...

Шпигельскій.

Эхъ, Михайло Александрычъ! Развѣ мы не знаемъ, что Наталья Петровна васъ очень уважаетъ и даже иногда слушается васъ... Право, Михайло Александрычъ (*Сбоку обнимаетъ его.*) будьте другъ, замолвите словечко....

Ракитинъ.

И вы думаете, что хорошій это мужъ для Вѣрочки?

Шпигельскій (*принимая серьёзный видъ*).

Я убѣжденъ въ этомъ. Вы не вѣрите... Вотъ вы увидите. Вѣдь въ супружествѣ, вы сами знаете, главная вещь, солидный характеръ. А ужь Большинцовъ на что солиденъ! (*Вглядывается.*) А вотъ, кажется, и сама Наталья Петровна сюда идетъ... Батюшка, отецъ, благодѣтель! Двѣ рыжихъ на пристяжкѣ, гнѣдая въ корню! Похлопочите!

Ракитинъ (*улыбаясь*).

Ну хорошо, хорошо...

Шпигельскій.

Смотрите же, я полагаюсь на васъ...

(Спасается въ залу.)

Ракитинъ (*глядя ему въ слѣдъ*).

Экой проныра этотъ докторъ! Вѣрочка... и Большинцовъ! А впрочемъ чтожъ? Бываютъ свадьбы и хуже. Исполню его коммиссію, а тамъ, не мое дѣло!

(Оборачивается; изъ кабинета выходитъ Наталья Петровна и, увидя его, останавливается.)

Наталья Петровна (*нерѣшительно*)

Это... вы... я думала, что вы въ саду...

Ракитинъ.

Вамъ какъ будто непріятно, что я...

Наталья Петровна (*перерывая его*).

О полноте! (*Идетъ на аванъ-сцену.*) Вы здѣсь одни?

Ракитинъ.

Шпигельскій сейчасъ ушелъ отсюда.

Наталья Петровна (*слегка наморщивъ брови*).

А! этотъ уѣздный Талейранъ.... Что онъ вамъ такое говорилъ? Онъ все еще тутъ вертится?

Ракитинъ.

Этотъ уѣздный Талейранъ, какъ вы его называете, сегодня у васъ видно не въ милости... а кажется вчера...

Наталья Петровна.

Онъ смѣшонъ; онъ забавенъ, точно; но... онъ не въ свои дѣла мѣшается... вѣчно за всѣми наблюдаетъ. Это не пріятно. Притомъ онъ при всемъ своемъ низкопоклонствѣ очень дерзокъ и навязчивъ... Онъ большой циникъ.

Ракитинъ (*подходя къ ней*).

Вы вчера не такъ объ немъ отзывались...

Наталья Петровна.

Можетъ быть. (*Живо.*) Такъ чтожь онъ вамъ такое говорилъ?

Ракитинъ.

Онъ мнѣ говорилъ... о Большинцовѣ.

Наталья Петровна.

А! объ этомъ глупомъ человѣкѣ?

Ракитинъ.

И объ немъ вы вчера иначе отзывались.

Наталья Петровна (*принужденно улыбаясь*).

Вчера — не сегодня.

Ракитинъ.

Для всѣхъ... но видно не для меня.

Наталья Петровна (*опустивъ глаза*).

Какъ такъ?

Ракитинъ.

Для меня сегодня то же, что вчера.

Наталья Петровна (*протянувъ ему руку*).

Я понимаю вашъ упрекъ, но вы ошибаетесь. Вчера я бы не созналась въ томъ, что я виновата передъ вами... (*Ракитинъ хочетъ остановить ее.*) Не возражайте мнѣ... Я знаю, и вы знаете, что я хочу сказать... а сегодня я сознаюсь въ этомъ. Я сегодня многое обдумала... Повѣрьте, Мишель, какія бы глупыя мысли ни занимали меня, чтò бы я ни говорила, чтò бы я ни дѣлала, я ни на кого такъ не полагаюсь, какъ на васъ. (*Понизивъ голосъ.*) Я никого... такъ не люблю, какъ я васъ люблю... (*Небольшое молчаніе.*) Вы мнѣ не вѣрите?

Ракитинъ.

Я вѣрю вамъ... но вы сегодня какъ будто печальны... что съ вами?

Наталья Петровна (*не слушаетъ его и продолжаетъ*).

Только я убѣдилась въ одномъ, Ракитинъ: ни въ какомъ случаѣ нельзя за себя отвѣчать, и ни за что нельзя ручаться. Мы часто своего прошедшаго не понимаемъ... гдѣ же намъ отвѣчать за будущее! На будущее цѣпей не наложишь.

Ракитинъ.

Это правда.

Наталья Петровна (*послѣ долгаго молчанья*).

Послушайте, я хочу быть съ вами откровенной, можетъ быть я немножко огорчу васъ... но я знаю: васъ бы еще болѣе огорчила моя скрытность. Признаюсь вамъ, Мишель, этотъ молодой студентъ... этотъ Бѣляевъ произвелъ на меня довольно сильное впечатлѣніе...

Ракитинъ (*въ полголоса*).

Я это зналъ.

Наталья Петровна.

А! Вы это замѣтили? Давно ли?

Ракитинъ.

Со вчерашняго дня.

Наталья Петровна.

А!

Ракитинъ.

Уже третьяго дня, помните, я говорилъ вамъ о перемѣнѣ, происшедшей въ васъ... Я тогда еще не зналъ, чему приписать ее. Но вчера, послѣ нашего разговора... и на этомъ лугу... еслибъ вы могли себя видѣть! Я не узнавалъ васъ; вы словно другою стали. Вы смѣялись, вы прыгали, вы рѣзвились какъ дѣвочка, ваши глаза блестѣли, ваши щеки разгорѣлись, и съ какимъ довѣрчивымъ любопытствомъ, съ какимъ радостнымъ вниманьемъ вы глядѣли на него, какъ вы улыбались... (*Взглянувъ на нее.*) Вотъ даже теперь ваше лицо оживляется отъ одного воспоминанія...

(Отворачивается.)

Наталья Петровна.

Нѣтъ, Ракитинъ, ради Бога не отворачивайтесь отъ меня... Послушайте: къ чему преувеличивать? Этотъ человѣкъ меня заразилъ своею молодостью—и только. Я сама никогда не была молода, Мишель, съ самаго моего дѣтства и до сихъ

поръ... Вы вѣдь знаете всю мою жизнь... Съ непривычки мнѣ все это въ голову бросилось, какъ вино, но, я знаю, это также скоро пройдетъ, какъ оно пришло скоро... Объ этомъ даже говорить не стоитъ. (*Помолчавъ.*) Только вы не отворачивайтесь отъ меня, не отнимайте у меня вашей руки... Помогите мнѣ.

Ракитинъ (*въ полголоса*).

Помочь вамъ... жестокое слово! (*Громко.*) Вы сами не знаете, Наталья Петровна, что съ вами происходитъ. Вы увѣрены, что объ этомъ говорить не стоитъ и просите помощи.... Видно вы чувствуете, что она вамъ нужна!

Наталья Петровна.

То есть... да... Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ другу.

Ракитинъ (*горько*).

Да-съ.... Я, Наталья Петровна, готовъ оправдать вашу довѣренность.... но позвольте мнѣ немного собраться съ духомъ....

Наталья Петровна.

Собраться съ духомъ? Да развѣ вамъ грозитъ какая нибудь.... непріятность? Развѣ что измѣнилось?

Ракитинъ (*горько*).

О нѣтъ! все попрежнему.

Наталья Петровна.

Да что вы думаете, Мишель?... Неужели вы можете предполагать....

Ракитинъ.

Я ничего не предполагаю.

Наталья Петровна.

Неужели жь вы до того меня презираете....

Ракитинъ.

Перестаньте, ради Бога. Поговоримте лучше о Большинцовѣ. Докторъ ожидаетъ отвѣта насчетъ Вѣрочки, вы знаете.

Наталья Петровна (*печально*).

Вы на меня сердитесь.

Ракитинъ.

Я? О нѣтъ. Но мнѣ жаль васъ.

Наталья Петровна.

Право, это даже досадно. Мишель, какъ вамъ не стыдно... (*Ракитинъ молчитъ. Она пожимаетъ плечами и продолжаетъ*

съ досадой.) Вы говорите, докторъ ждетъ отвѣта?.... Да кто его просилъ вмѣшиваться....

РАКИТИНЪ

Онъ увѣрялъ меня, что вы сами....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перебивая его*).

Можетъ быть, можетъ быть.... Хотя я, кажется, ничего ему не сказала положительнаго.... Притомъ, я могу перемѣнить свои намѣренья. Да и наконецъ, Боже мой, что за бѣда! Шпигельскій занимается дѣлами всякого рода, въ его ремеслѣ не все же ему должно удаваться.

РАКИТИНЪ.

Онъ только желаетъ знать, какой отвѣтъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какой отвѣтъ.... (*Помолчавъ.*) Мишель, полноте, дайте мнѣ руку.... къ чему этотъ равнодушный взглядъ, эта холодная вѣжливость?... Чѣмъ я виновата? Подумайте, развѣ это моя вина? Я пришла къ вамъ въ надеждѣ найдти въ васъ друга, услышать добрый совѣтъ, я ни одно мгновенье не колебалась, я не думала отъ васъ скрываться, а вы.... Я вижу, напрасно я была откровенна съ вами.... Вамъ бы и въ голову не пришло.... Вы ничего не подозрѣвали, вы меня обманули. А теперь вы, Богъ знаетъ, что думаете.

РАКИТИНЪ.

Я? помилуйте!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Дайте же мнѣ руку.... (*Онъ не шевелится; она продолжаетъ, нѣсколько обиженная.*) Вы рѣшительно отворачиваетесь отъ меня? Смотрите же, тѣмъ хуже для васъ. Впрочемъ я не пеняю на васъ.... (*Горько.*) Вы ревнуете!

РАКИТИНЪ (*холодно*).

Я не вправѣ ревновать, Наталья Петровна.... Помилуйте, что вы?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Какъ хотите. А что касается до Большинцова, я еще не поговорила съ Вѣрочкой.

РАКИТИНЪ.

Я могу вамъ ее сейчасъ послать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Зачѣмъ же сейчасъ?... Впрочемъ, какъ хотите.

Ракитинъ (*направляясь къ двери кабинета*).

Такъ прикажете прислать ее?

Наталья Петровна.

Мишель, въ послѣдній разъ.... Вы мнѣ сейчасъ говорили, что вамъ меня жаль.... Такъ-то вамъ жаль меня! Неужели жь....

Ракитинъ (*холодно*).

Прикажете?

Наталья Петровна (*съ досадой*).

Да. (*Ракитинъ идетъ въ кабинетъ. Наталья Петровна нѣкоторое время остается неподвижной, садится, беретъ со стола книгу, раскрываетъ ее и роняетъ на колѣни.*) И этотъ! Да чтожь это такое? Онъ.... и онъ! А я еще на него надѣялась. (*Выпрямясь.*) Я вижу, пора прекратить все это.... (*Изъ кабинета входитъ Вѣра.*) Да.... пора.

Вѣра (*робко*).

Вы меня спрашивали, Наталья Петровна?

Наталья Петровна (*быстро оглядываясь*).

А! Вѣрочка! Да, я тебя спрашивала.

Вѣра (*подходя къ ней*).

Вы здоровы?

Наталья Петровна.

Я? Да. А что?

Вѣра.

Мнѣ показалось....

Наталья Петровна.

Нѣтъ, это такъ. Мнѣ немножко жарко.... Вотъ и все. Сядь. (*Вѣра садится*). Послушай, Вѣра, вѣдь ты теперь ничѣмъ не занята?

Вѣра.

Нѣтъ-съ.

Наталья Петровна.

Я спрашиваю это у тебя, потому что мнѣ нужно съ тобой поговорить.... серьёзно поговорить. Вотъ видишь, душа моя, ты до сихъ поръ была еще ребенкомъ; но тебѣ семнадцать лѣтъ; ты умна.... Пора тебѣ подумать о своей будущности. Ты знаешь, я люблю тебя какъ дочь; мой домъ всегда будетъ твоимъ домомъ.... но все-таки ты въ глазахъ

другихъ людей — сирота; ты не богата. Тебѣ со временемъ можетъ наскучить вѣчно жить у чужихъ людей: послушай — хочешь ты быть хозяйкой, полной хозяйкой въ своемъ домѣ?

Вѣра (*медленно*).

Я васъ не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*помолчавъ*).

У меня просятъ твоей руки. (*Вѣра съ изумленіемъ глядитъ на Наталью Петровну.*) Ты этого не ожидала; признаюсь, мнѣ самой оно кажется нѣсколько страннымъ. Ты еще такъ молода.... Мнѣ нечего тебѣ говорить, что я нисколько не намѣрена принуждать тебя.... по моему, тебѣ еще рано выходить замужъ; я только сочла долгомъ сообщить тебѣ.... (*Вѣра вдругъ закрываетъ лицо руками.*) Вѣра.... что это? ты плачешь? (*Беретъ ее за руку.*) Ты вся дрожишь?.... Неужели ты меня боишься, Вѣра?

Вѣра (*глухо*).

Я въ вашей власти, Наталья Петровна....

Наталья Петровна (*отнимая Вѣрѣ руки отъ лица*).

Вѣра, какъ тебѣ не стыдно плакать? Какъ не стыдно тебѣ говорить, что ты въ моей власти? За кого ты меня почитаешь? я говорю съ тобой какъ съ дочерью, а ты.... (*Вѣра цалуетъ у ней руки.*) А? вы въ моей власти? Такъ извольте же сейчасъ разсмѣяться.... Я вамъ приказываю.... (*Вѣра улыбается сквозь слезы.*) Вотъ такъ. (*Наталья Петровна обнимаетъ ее одной рукой и притягиваетъ къ себѣ.*) Вѣра, дитя мое, будь со мною, какъ бы ты была съ твоей матерью, или нѣтъ, лучше вообрази, что я твоя старшая сестра и давай потолкуемъ вдвоемъ обо всѣхъ этихъ чудесахъ.... Хочешь?

Вѣра.

Я готова-съ.

Наталья Петровна.

Ну слушай же.... Пододвинься поближе. Вотъ такъ. Во первыхъ: такъ какъ ты моя сестра, положимъ, то мнѣ не для чего увѣрять тебя, что ты здѣсь у себя, дома: такіе глазки вездѣ дома. Стало-быть тебѣ и въ голову не должно придти, что ты кому нибудь на свѣтѣ въ тягость и что отъ тебя хотятъ отдѣлаться.... Слышишь? Но вотъ въ одинъ

прекрасный день твоя сестра приходитъ къ тебѣ и говоритъ: Вообрази себѣ, Вѣра, за тебя сватаются.... А? что ты ей на это отвѣчаешь? Что ты еще очень молода, что ты и не думаешь о свадьбѣ?....

ВѢРА.

Да-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да не говори мнѣ: да-съ. Развѣ сестрамъ говорятъ: *да-съ*?

ВѢРА (*улыбаясь*).

Ну... да.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Твоя сестра съ тобой согласится, жениху откажутъ, и дѣлу конецъ. Но если женихъ человѣкъ хорошій, съ состояньемъ, если онъ готовъ ждать, если онъ проситъ только позволенья изрѣдка тебя видѣть въ надеждѣ современемъ тебѣ понравиться...

ВѢРА.

А кто этотъ женихъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! ты любопытна. Ты не догадываешься?

ВѢРА.

Нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты его сегодня видѣла... (*Вѣра вся краснѣетъ.*) Онъ, правда, не очень собой хорошъ и не очень молодъ... Большинцовъ.

ВѢРА.

Аѳанасій Иванычъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да... Аѳанасій Иванычъ.

ВѢРА (*глядитъ нѣкоторое время на Наталью, вдругъ начинаетъ смѣяться и останавливается*).

Вы не шутите?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*улыбаясь*).

Нѣтъ... но я вижу, Большинцову больше нечего здѣсь дѣлать. Если бы ты заплакала при его имени, онъ бы могъ еще надѣяться, но ты разсмѣялась. Ему остается одно: отправиться съ Богомъ во свояси.

ВѢРА.

Извините меня... но, право, я никакъ не ожидала .. Развѣ въ его лѣта еще женятся?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да что ты думаешь? Сколько ему лѣтъ? Ему пятидесяти лѣтъ нѣту. Онъ въ самой порѣ.

ВѢРА.

Можетъ быть... но у него такое странное лицо...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну не станемъ больше говорить о немъ. Онъ умеръ, похороненъ... Богъ съ нимъ! Впрочемъ, оно понятно: дѣвочкѣ въ твои лѣта такой человѣкъ какъ Большинцовъ не можетъ понравиться... Вы всѣ хотите выйдти замужъ по любви, не по разсудку, не правда ли?

ВѢРА.

Да Наталья Петровна, вы.... развѣ вы тоже не по любви вышли за покойнаго Аркадья Сергѣича?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Конечно, по любви. (*Помолчавъ опять и стиснувъ руку Вѣрѣ.*) Да, Вѣра... я тебя сейчасъ назвала дѣвочкой .. но дѣвочки правы. (*Вѣра опускаетъ глаза.*) И такъ это дѣло рѣшеное. Большинцовъ въ отставкѣ. Признаться, мнѣ самой было бы не совсѣмъ пріятно видѣть его пухлое, старое лицо рядомъ съ твоимъ свѣжимъ личикомъ, хотя онъ впрочемъ очень хорошій человѣкъ. Вотъ видишь ли ты теперь, какъ напрасно ты меня боялась? Какъ все скоро уладилось! .. (*Съ упрекомъ*). Право, ты обошлась со мной, какъ будто я была твоя благодѣтельница! Ты знаешь, какъ я ненавижу это слово...

ВѢРА (*обнимая ее*).

Простите меня, Наталья Петровна.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

То-то же. Точно ты меня не боишься?

ВѢРА.

Нѣтъ. Я васъ люблю; я не боюсь васъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну благодарствуй. Стало быть мы теперь большія пріятельницы и ничего другъ отъ друга не скрываемъ. Ну а если бы я тебя спросила: Вѣрочка, скажи-ка мнѣ на ухо: ты

не хочешь выйдти замужъ за Большинцова только потому, что онъ гораздо старше тебя и собой не красавецъ?

ВѢРА.

Да развѣ этого не довольно, Наталья Петровна?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не спорю... но другой причины нѣтъ никакой?

ВѢРА.

Я его совсѣмъ не знаю...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Все такъ; да ты мнѣ на мой вопросъ не отвѣчаешь.

ВѢРА.

Другой причины нѣту.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ я бы тебѣ совѣтовала еще подумать. Въ Большинцова, я знаю, трудно влюбиться.... но онъ, повторяю тебѣ, онъ хорошій человѣкъ. Вотъ, еслибы ты кого нибудь другого полюбила.... ну тогда другое дѣло. Но вѣдь твое сердце до сихъ поръ еще молчитъ?

ВѢРА (*робко*).

Какъ-съ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты никого еще не любишь?

ВѢРА.

Я васъ люблю.... Колю; я Анну Семеновну тоже люблю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, я не объ этой любви говорю, ты меня не понимаешь.... Напримѣръ — изъ числа молодыхъ людей, которыхъ ты могла видѣть здѣсь, или въ гостяхъ, не ужели жь ни одинъ тебѣ не нравится?

ВѢРА.

Нѣтъ-съ.... иные мнѣ нравятся, но....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напримѣръ, я замѣтила, ты на вечерѣ у Криницыныхъ три раза танцовала съ этимъ высокимъ офицеромъ.... какъ бишь его?...

ВѢРА.

Съ офицеромъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, у него еще такіе большіе усы.

ВѢРА.

Ахъ этотъ!... Нѣтъ, онъ мнѣ не нравится.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ну, а Шаланскій?

ВѢРА.

Шаланскій хорошій человѣкъ; но онъ.... Я думаю, ему не до меня.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А что?

ВѢРА.

Онъ.... онъ, кажется, больше думаетъ о Лизѣ Вельской.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*взглянувъ на нее*).

А!... ты это замѣтила?... (*Молчаніе.*) Ну а Ракитинъ?

ВѢРА.

Я Михайла Александровича очень люблю....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, какъ брата. А, кстати, Бѣляевъ?

ВѢРА (*покраснѣвъ*).

Алексѣй Николаичъ? Алексѣй Николаичъ мнѣ нравится.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*наблюдая за Вѣрой*).

Да, онъ хорошій человѣкъ. Только онъ такъ со всѣми дичится....

ВѢРА (*невинно*).

Нѣтъ-съ.... Онъ со мной не дичится.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А!

ВѢРА.

Онъ со мной разговариваетъ-съ. Вамъ, можетъ быть, отъ того это кажется, что онъ.... Онъ васъ боится. Онъ еще не успѣлъ васъ узнать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А ты почему знаешь, что онъ меня боится?

ВѢРА.

Онъ мнѣ сказывалъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! онъ тебѣ сказывалъ.... Онъ, стало быть, откровеннѣе съ тобой, чѣмъ съ другими?

ВѢРА.

Я не знаю, какъ онъ съ другими, но со мной.... можетъ быть, отъ того, что мы оба сироты. Притомъ.... я въ его глазахъ.... ребенокъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты думаешь? Впрочемъ, онъ мнѣ тоже очень нравится. У него, должно быть, очень доброе сердце.

ВѢРА.

Ахъ, предоброе-съ! Еслибъ вы знали.... всѣ въ домѣ его любятъ. Онъ такой ласковый. Со всѣми говоритъ, всѣмъ помочь готовъ. Онъ третьяго дня нищую старуху съ большой дороги на рукахъ до больницы донесъ.... Онъ мнѣ цвѣтокъ однажды съ такого обрыва сорвалъ, что я отъ страху даже глаза закрыла; я такъ и думала, что онъ упадетъ и расшибется.... но онъ такъ ловокъ! Вы сами, вчера на лугу, могли видѣть, какъ онъ ловокъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, это правда.

ВѢРА.

Помните, когда онъ бѣжалъ за змѣемъ, черезъ какой онъ ровъ перескочилъ? Да ему это все ни почемъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И въ самомъ дѣлѣ онъ для тебя сорвалъ цвѣтокъ съ опаснаго мѣста? — Онъ, видно, тебя любитъ.

ВѢРА (*помолчавъ*).

И всегда онъ веселъ.... всегда въ духѣ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Это однако же странно. Отъ чего-жь онъ при мнѣ....

ВѢРА (*перебивая ее*).

Да я жь вамъ говорю, что онъ васъ не знаетъ. Но постойте, я ему скажу.... Я ему скажу, что васъ нечего бояться — не правда ли? — что вы такъ добры....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*принужденно смѣясь*).

Спасибо.

ВѢРА.

Вотъ вы увидите.... А онъ меня слушается, даромъ-что я моложе его.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не знала, что ты съ нимъ въ такой дружбѣ.... Смотри однако, Вѣра, будь осторожна. Онъ, конечно, прекрасный молодой человѣкъ.... но ты знаешь, въ твои лѣта.... Оно не годится. Могутъ подумать.... Я уже вчера тебѣ это замѣтила — помнишь? — въ саду. (*Вѣра опускаетъ глаза.*) Съ другой стороны я не хочу тоже препятствовать твоимъ наклонностямъ, я слишкомъ увѣрена въ тебѣ и въ немъ.... но все-таки.... ты меня понимаешь. Ты не сердись на меня, душа моя, за мой педантизмъ.... это наше, стариковское дѣло, надоѣдать молодежи наставленіями. Впрочемъ, я все это напрасно говорю; вѣдь не правда ли? Онъ тебѣ нравится — и больше ничего?

ВѢРА (*робко поднимая глаза*).

Онъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вотъ ты опять на меня по прежнему смотришь? Развѣ такъ смотрятъ на сестру? Вѣра, послушай, нагнись ко мнѣ.... (*Лаская ее.*) Что, если бы сестра, настоящая твоя сестра тебя теперь спросила на ушко̀: Вѣрочка, ты точно никого не любишь? а? Что бы ты ей отвѣчала? (*Вѣра нерѣшительно взглядываетъ на Наталью Петровну.*) Эти глазки мнѣ что-то хотятъ сказать.... (*Вѣра вдругъ прижимаетъ свое лицо къ ея груди. Наталья Петровна блѣднѣетъ — и, помолчавъ, продолжаетъ*:) Ты любишь? Скажи, любишь?

ВѢРА (*не поднимая головы*).

Ахъ! я не знаю сама, что со мной....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Бѣдняжка! Ты влюблена.... (*Вѣра еще болѣе прижимается къ груди Натальи Петровны.*) Ты влюблена.... а онъ? Вѣра, онъ?

ВѢРА (*все еще не поднимая головы*).

Что вы у меня спрашиваете.... Я не знаю.... Можетъ быть.... Я не знаю, не знаю.... (*Наталья Петровна вздрагиваетъ и остается неподвижной. Вѣра поднимаетъ голову и вдругъ замѣчаетъ перемѣну въ ея лицѣ.*) Наталья Петровна, что съ вами?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*приходя въ себя*).

Со мной.... ничего. Что?... ничего.

ВѢРА.

Вы такъ блѣдны, Наталья Петровна.... Что съ вами? Позвольте, я позвоню...

(Встаетъ.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Нѣтъ, нѣтъ.... не звони. Это ничего.... Это пройдетъ. Вотъ ужь оно и прошло.

ВѢРА.

Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, позвать кого нибудь....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напротивъ.... я.... я хочу остаться одна. Оставь меня; слышишь? Мы еще поговоримъ. Только теперь мнѣ.... Ступай.

ВѢРА.

Вы не сердитесь на меня, Наталья Петровна?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я? За что? Нисколько. Я, напротивъ, благодарна тебѣ за твое довѣрье.... Только оставь меня, пожалуйста, теперь.

(Вѣра хочетъ взять ея руку, но Наталья Петровна отворачивается, какъ будто не замѣчая движенья Вѣры.)

ВѢРА (*съ слезами на глазахъ*).

Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Оставьте меня, прошу васъ.

(Вѣра медленно уходитъ въ кабинетъ.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*одна, остается нѣкоторое время неподвижной*).

Теперь мнѣ все ясно... Эти дѣти другъ друга любятъ... (*Останавливается и проводитъ рукой по лицу.*) Чтожь? Тѣмъ лучше.. Дай Богъ имъ счастья! (*Смѣясь.*) И я.. я могла подумать...

(Останавливается опять.)

Она скоро проболталась... Признаюсь, я и не подозрѣвала... Признаюсь, эта новость меня поразила... Но погодите, не все еще кончено.

Боже мой... что я говорю? что со мной? Я себя не узнаю. До чего я дошла? (*Помолчавъ.*) Что это я дѣлаю? Я бѣдную дѣвочку хочу замужъ выдать... за старика!.. Подсылаю докто-

ра... тотъ догадывается, намекаетъ... Да я... (*Содрогается и вдругъ поднимаетъ голову.*) Да что жь это наконецъ? Я къ Вѣрѣ ревную? Я... я влюблена въ него, что ли? (*Помолчавъ.*) И ты еще сомнѣваешься! Ты влюблена, несчастная!

Какъ это сдѣлалось... не знаю. Словно мнѣ яду дали.... Вдругъ все разбито, разсѣяно, унесено...

Онъ боится меня... Всѣ меня боятся. Что ему во мнѣ?... На что ему такое существо, какъ я? Онъ молодъ, и она молода. А я! (*Горько.*) Гдѣ ему меня оцѣнить? Они оба глупы, какъ говоритъ Ракитинъ... Ахъ, ненавижу я этого умника!

Боже мой, Боже мой! пошли мнѣ смерть!

(Встаетъ.)

Однако, мнѣ кажется, я съ ума схожу. Къ чему преувеличивать! Ну да... я поражена... мнѣ это въ диковинку, это въ первый разъ... я... да! въ первый разъ! Я въ первый разъ теперь люблю!

(Она садится опять.)

Онъ долженъ уѣхать. Да. И Ракитинъ тоже. Пора мнѣ опомниться. Я позволила себѣ отступить на шагъ — и вотъ! Вотъ до чего я дошла. И что мнѣ въ немъ понравилось? (*Задумывается.*) Такъ вотъ оно, это страшное чувство...

Но развѣ... развѣ нѣтъ другого средства? Эта дѣвочка — она ребенокъ. Она могла ошибиться. Это все дѣтство наконецъ... Изъ чего я... Я сама съ нимъ объяснюсь, я спрошу у него... (*Съ укоризной.*) А, а? Ты еще надѣешься? Ты еще хочешь надѣяться?

И на что я надѣюсь! Боже мой, не дай мнѣ презирать самое себя!

(Роняетъ голову на руки. Изъ кабинета входитъ Ракитинъ, блѣдный и встревоженный.)

Ракитинъ (*подходя къ Натальѣ Петровнѣ.*)

Наталья Петровна... (*Она не шевелится. Про себя.*) Что это у ней могло быть такое съ Вѣрой? (*Громко.*) Наталья Петровна...

Наталья Петровна (*поднимая голову*).

Кто это? А! вы...

Ракитинъ.

Мнѣ Вѣра Александровна сказала, что вы нездоровы... я...

Наталья Петровна (*отворачиваясь*).

Я здорова... Съ чего она взяла...

Ракитинъ.

Нѣтъ, Наталья Петровна; вы нездоровы, посмотрите на себя.

Наталья Петровна.

Ну, можетъ-быть... да вамъ-то что? Что вамъ надобно? Зачѣмъ вы пришли?

Ракитинъ (*тронутымъ голосомъ*).

Я вамъ скажу, за чѣмъ я пришелъ. Я пришелъ просить у васъ прощенья. Полчаса тому назадъ, я былъ несказанно глупъ и грубъ съ вами... Простите меня. Видите ли, Наталья Петровна, какъ бы скромны ни были желанья и... и надежды человѣка, ему трудно не потеряться хотя на мгновенье, когда ихъ внезапно у него вырываютъ; но я теперь опомнился, я понялъ свое положенье и свою вину, и желаю только одного — вашего прощенья. (*Онъ тихо садится подлѣ нея.*) Взгляните на меня... не отворачивайтесь тоже и вы. Передъ вами вашъ прежній Ракитинъ, вашъ другъ, человѣкъ, который не требуетъ ничего, кромѣ позволенья служить вамъ, какъ вы говорили, опорой... Не лишайте меня вашего довѣрья, располагайте мной и забудьте, что я нѣкогда... Забудьте все, что могло васъ оскорбить...

Наталья Петровна (*которая все время неподвижно глядѣла на полъ*).

Да, да... (*Останавливаясь.*) Ахъ, извините, Ракитинъ, я ничего не слышала, что вы такое мнѣ говорили.

Ракитинъ (*печально*).

Я говорилъ... я просилъ у васъ прощенья, Наталья Петровна. Я спрашивалъ у васъ, хотите ли вы позволить мнѣ остаться вашимъ другомъ.

Наталья Петровна (*медленно поворачиваясь къ нему и кладя обѣ руки ему на плеча*).

Ракитинъ, скажите, что со мной?

Ракитинъ (*помолчавъ*).

Вы влюблены.

Наталья Петровна (*медленно повторяя за нимъ*).

Я влюблена... Но это безуміе, Ракитинъ. Это не возможно. Развѣ это можетъ такъ внезапно... Вы говорите, я влюблена...

(Умолкаетъ.)

Ракитинъ.

Да, вы влюблены, бѣдная женщина... Не обманывайте себя.

Наталья Петровна (*не глядя на него*).

Чтожь мнѣ остается теперь дѣлать?

Ракитинъ.

Я готовъ вамъ это сказать, Наталья Петровна, если вы мнѣ обѣщаете...

Наталья Петровна (*перерывая его и все не глядя на него*).

Вы знаете, что эта дѣвочка, Вѣра, его любитъ... Они оба другъ въ друга влюблены.

Ракитинъ.

Въ такомъ случаѣ еще одной причиной больше....

Наталья Петровна (*опять его перерываетъ*).

Я давно это подозрѣвала, но она сама сейчасъ во всемъ созналась... сейчасъ.

Ракитинъ (*въ полголоса, словно про себя*).

Бѣдная женщина!

Наталья Петровна (*проводя рукой по лицу*).

Ну однако... пора опомниться. Вы мнѣ, кажется, хотѣли что-то сказать... Посовѣтуйте мнѣ, ради Бога, Ракитинъ, что мнѣ дѣлать...

Ракитинъ.

Я готовъ вамъ совѣтовать, Наталья Петровна, только подъ однимъ условіемъ.

Наталья Петровна.

Говорите, что такое?

Ракитинъ.

Обѣщайте мнѣ, что вы не будете подозрѣвать мои намѣренія. Скажите мнѣ, что вы вѣрите моему безкорыстному

желанію помочь вамъ; помогите мнѣ тоже и вы. Ваша довѣренность дастъ мнѣ силу, или ужь лучше позвольте мнѣ молчать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Говорите, говорите.

РАКИТИНЪ.

Вы не сомнѣваетесь во мнѣ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Говорите.

РАКИТИНЪ.

Ну такъ слушайте: онъ долженъ уѣхать. (*Наталья Петровна молча глядитъ на него.*) Да, онъ долженъ уѣхать. Я не стану говорить вамъ о... вашемъ положеніи, о невозможности брака... Но эти дѣти любятъ другъ друга. Вы сами мнѣ это сейчасъ сказали, вообразите же вы себя теперь между ними... Да вы погибнете!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Онъ долженъ уѣхать... (*Помолчавъ.*) А вы? вы останетесь?

РАКИТИНЪ (*съ смущеньемъ*).

Я?... я?... (*Помолчавъ.*) И я долженъ уѣхать. Для вашего покоя, для вашего счастья, для счастья Вѣрочки, и онъ... и я... мы оба должны уѣхать навсегда.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ракитинъ... я до того дошла, что я... я почти готова была эту бѣдную дѣвочку, сироту, порученную мнѣ моею матерью — выдать замужъ за глупаго, смѣшнаго старика!... У меня духа не достало, Ракитинъ; слова у меня замерли на губахъ, когда она разсмѣялась въ отвѣтъ на моё предложенье... но я сговаривалась съ этимъ докторомъ, я позволяла ему значительно улыбаться; я сносила эти улыбки, его любезности, его намеки... О, я чувствую, что я на краю пропасти, спасите меня!

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы видите, что я былъ правъ... (*Она молчитъ; онъ поспѣшно продолжаетъ.*) Онъ долженъ уѣхать... мы оба должны уѣхать... Другого средства къ спасенью нѣтъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*уныло*).

Но для чего же жить потомъ?

РАКИТИНЪ.

Боже мой, неужели же до этого дошло... Наталья Петровна, вы выздоровѣете, повѣрьте мнѣ... Это все пройдетъ. Какъ для чего жить?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, для чего жить, когда всѣ меня оставляютъ?

РАКИТИНЪ.

Но... ваше семейство... (*Наталья Петровна опускаетъ глаза.*) Послушайте, если вы хотите, послѣ его отъѣзда, я могу нѣсколько дней еще остаться... для того, чтобы...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*мрачно*).

А! я васъ понимаю. Вы разсчитываете на привычку, на прежнюю дружбу... Вы надѣетесь, что я приду въ себя, что я къ вамъ вернусь; не правда ли? Я понимаю васъ.

РАКИТИНЪ (*краснѣя*).

Наталья Петровна! Зачѣмъ вы меня оскорбляете?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*горько*).

Я васъ понимаю... но вы обманываетесь.

РАКИТИНЪ.

Какъ? Послѣ вашихъ обѣщаній, послѣ того, какъ я для васъ, для васъ однѣхъ, для вашего счастья, для вашего положенья въ свѣтѣ наконецъ...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А! Давно ли вы такъ объ немъ заботитесь? Зачѣмъ же вы прежде, не въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, а прежде, никогда мнѣ не говорили объ этомъ?

РАКИТИНЪ (*вставая*).

Наталья Петровна, я сегодня же, я сейчасъ уѣду отсюда, и вы болѣе меня никогда не увидите...

(Хочетъ идти.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*протягивая къ нему руки*).

Мишель, простите меня; я сама не знаю, что я говорю... Вы видите, въ какомъ я положеніи. Простите меня.

РАКИТИНЪ (*быстро возвращается къ ней и беретъ ее за руки*).

Наталья Петровна...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ахъ, Мишель, мнѣ невыразимо тяжело... (*Прислоняется*

на его плечо и прижимаетъ платокъ къ глазамъ.) Помогите мнѣ, я погибла безъ васъ...

(Въ это мгновенье дверь залы растворяется, и входятъ Анна Семеновна и Лизавета Богдановна. Наталья оглядывается и быстро уходитъ въ кабинетъ. Ракитинъ, смущенный, остается на мѣстѣ.)

Анна Семеновна.

Что это значитъ? Что съ Наташей?

Ракитинъ.

Такъ ничего.... это....

Анна Семеновна.

Она, кажется, плачетъ.

Ракитинъ.

Да.... но....

Анна Семеновна.

Она нездорова?

Ракитинъ.

Нѣтъ.... но.... это ничего.

Анна Семеновна.

Однако какже ничего Михайло Александрычъ? Я пойду посмотрѣть....

(Хочетъ идти за Наташей въ кабинетъ.)

Ракитинъ (*останавливая ее*).

Нѣтъ, Анна Семеновна. Вы лучше оставьте ее теперь въ покоѣ.

Анна Семеновна (*послѣ небольшаго молчанія къ Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Милая Лизавета Богдановна, посмотрите, пожалуйста, я, кажется, тамъ свой ридикюль оставила....

Лизавета Богдановна.

Слушаю-съ.

(Уходитъ.)

Анна Семеновна (*проводивъ ее глазами*).

Михайло Александрычъ.... Я, конечно, не имѣю никакого права... Наташа, конечно, полная хозяйка въ своемъ домѣ.... но я, признаюсь, давно желала переговорить съ вами о предметѣ.... который.... для котораго....

Ракитинъ (*не давая ей докончить*).

Очень хорошо, Анна Семеновна, я знаю... дѣйствительно,

намъ нужно переговорить.... только, пожалуйста, въ другое время, пожалуйста, не теперь....

АННА СЕМЕНОВНА.

Когда же?

РАКИТИНЪ.

Да хоть завтра.

АННА СЕМЕНОВНА.

И вы мнѣ скажете, что такое сегодня было у васъ съ Наташей?

РАКИТИНЪ.

Скажу, все скажу.

АННА СЕМЕНОВНА.

Ну, смотрите же.... (*Значительно.*) А намъ переговорить нужно. Непремѣнно.

РАКИТИНЪ.

Конечно, нужно.... Но вотъ что, Анна Семеновна, мнѣ бы хотѣлось.... мы съ Натальей Петровной не кончили разговора.

АННА СЕМЕНОВНА.

А! вы хотите чтобы я ушла?

РАКИТИНЪ.

Да.... На минутку.

АННА СЕМЕНОВНА.

Извольте. Но смотрите же.... не забудьте.... завтра вы мнѣ скажете....

РАКИТИНЪ.

Все, все....

АННА СЕМЕНОВНА.

Хорошо.

(Медленно уходитъ.)

РАКИТИНЪ (*глядитъ ей вслѣдъ и быстро подходитъ къ двери кабинета.*)

Наталья Петровна... Наталья Петровна, выдьте, прошу васъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*выходитъ изъ кабинета. Она очень блѣдна*).

Что она сказала?

РАКИТИНЪ.

Ничего, успокойтесь... Она, точно, нѣсколько удивилась... Она подумала, что вы нездоровы... Она замѣтила ваше волненіе... Сядьте; вы едва на ногахъ стоите... (*Наталья Петровна садится.*) Я ей сказалъ... я попросилъ ее не безпокоить васъ... оставить насъ однѣхъ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

И она согласилась?

РАКИТИНЪ.

Да. Я ей, признаться, долженъ былъ обѣщать, что завтра все объясню.... Зачѣмъ вы ушли?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*горько*).

Зачѣмъ!... Но чтожь вы ей скажете?

РАКИТИНЪ.

Я.... я придумаю что-нибудь. Теперь дѣло не въ томъ.... Надобно намъ воспользоваться этой отсрочкой. Вы видите, это не можетъ такъ продолжаться.... никакъ не можетъ. Вы не въ состояньи переносить подобныя тревоги.... онѣ недостойны васъ... я самъ... Но не объ этомъ рѣчь. Будьте только вы тверды, а ужь я! Послушайте, вы вѣдь согласны со мной....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Въ чемъ?

РАКИТИНЪ.

Въ необходимости.... нашего отъѣзда? Согласны? Въ такомъ случаѣ мѣшкать нечего. Если вы мнѣ позволите, я сейчасъ самъ переговорю съ Бѣляевымъ.... Онъ благородный человѣкъ, онъ пойметъ....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы хотите съ нимъ переговорить? вы? Но что вы ему можете сказать?

РАКИТИНЪ (*съ смущеніемъ*).

Я....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Ракитинъ, послушайте, не кажется ли вамъ, что мы оба словно съумасшедшіе?... Я испугалась, перепугала васъ, и все, можетъ быть, изъ пустяковъ.

РАКИТИНЪ.

Какъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Право. Что это мы съ вами? Давно ли, кажется, все было такъ тихо, такъ покойно въ этомъ домѣ.... и вдругъ.... откуда что взялось! Право, мы всѣ съ ума сошли. Полноте, довольно мы подурачились.... Станемте жить по прежнему. А Аннѣ Семеновнѣ вамъ нечего будетъ объяснять; я сама ей разскажу наши проказы, и мы вдвоемъ надъ ними посмѣемся. Да и наконецъ, развѣ я подъ опекой? развѣ я не свободна?

РАКИТИНЪ.

Наталья Петровна, вы теперь меня пугаете. Вы улыбаетесь, и блѣдны какъ смерть.... Да вспомните хоть то, что вы мнѣ за четверть часа говорили....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Мало ли чего нѣтъ! А впрочемъ я вижу въ чемъ дѣло.... Вы сами поднимаете эту бурю... для того, чтобы по крайней мѣрѣ не одному потонуть.

РАКИТИНЪ.

Опять, опять подозрѣніе, опять упрекъ, Наталья Петровна:... Богъ съ вами... но вы меня терзаете. Или вы раскаеваетесь въ своей откровенности?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я ни въ чемъ не раскаеваюсь.

РАКИТИНЪ.

Такъ какъ же мнѣ понять васъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ живостью*).

Ракитинъ, если вы хотя слово скажете отъ меня или обо мнѣ Бѣляеву, я вамъ этого никогда не прощу.

РАКИТИНЪ.

А! Вотъ отчего вы такъ.... Будьте покойны, Наталья Петровна. Я не только ничего не скажу г. Бѣляеву, но даже не прощусь съ нимъ, уѣзжая отсюда. Я не намѣренъ навязываться съ своими услугами.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ нѣкоторымъ смущеніемъ*).

Да вы, можетъ быть, думаете, что я перемѣню свое мнѣніе насчетъ.... его отъѣзда?

РАКИТИНЪ.

Я ничего не думаю.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Напротивъ, я такъ убѣждена въ необходимости, какъ вы говорите, его отъѣзда, что я сама намѣрена ему отказать. (*Помолчавъ.*) Да; я сама ему откажу.

РАКИТИНЪ.

Вы?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да; я. И сейчасъ-же. Я васъ прошу прислать его ко мнѣ.

РАКИТИНЪ.

Какъ? сейчасъ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ. Я прошу васъ объ этомъ, Ракитинъ. Вы видите, я теперь спокойна. Притомъ мнѣ теперь не помѣшаютъ. Надобно этимъ воспользоваться.... Я вамъ буду очень благодарна. Я его распрошу.

РАКИТИНЪ.

Да онъ вамъ ничего не скажетъ, помилуйте. Онъ мнѣ самъ сознался, что ему въ вашемъ присутствіи неловко.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*подозрительно*).

А! Вы уже говорили съ нимъ обо мнѣ? (*Ракитинъ пожимаетъ плечами.*) Ну, извините, извините меня, Мишель, и пришлите мнѣ его. Вы увидите, я ему откажу, и все кончится. Все пройдетъ и позабудется, какъ дурной сонъ. Пожалуйста, пришлите его мнѣ. Мнѣ непремѣнно нужно съ нимъ переговорить окончательно. Вы будете мной довольны. Пожалуйста.

РАКИТИНЪ (*который все время не сводитъ съ нея взора, холодно и печально*).

Извольте. Ваше желаніе будетъ исполнено.

(Идетъ къ двери залы.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*ему въ слѣдъ*).

Благодарствуйте, Мишель.

РАКИТИНЪ (*оборачиваясь*).

О, не благодарите меня по крайней мѣрѣ....

(Быстро уходитъ въ залу.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*одна, помолчавъ*).

Онъ благородный человѣкъ.... Но неужели я когда нибудь его любила? (*Встаетъ.*) Онъ правъ. *Тотъ* долженъ уѣхать. Но какъ отказать ему! Я только желаю знать, точно ли ему

нравится эта дѣвочка? Можетъ быть, это все пустяки. Какъ могла я придти въ такое волненіе... къ чему всѣ эти изліянія?... Ну, теперь дѣлать нечего. Желаю я знать, что онъ мнѣ скажетъ? Но онъ долженъ уѣхать.... Непремѣнно.... непремѣнно. Онъ, можетъ быть, не захочетъ мнѣ отвѣчать.... Вѣдь онъ меня боится.... Чтожь? Тѣмъ лучше. Мнѣ нечего съ нимъ много разговаривать... Тѣмъ лучше. (*Прикладываетъ руку ко лбу.*) А у меня голова болитъ. Не лучше ли отложить до завтра? Въ самомъ дѣлѣ. Сегодня мнѣ все кажется, что за мной наблюдаютъ.... До чего я дошла! Нѣтъ ужь лучше кончить разомъ.... Еще одно, послѣднее усиліе, и я свободна!... О да! я жажду свободы и покоя. (*Изъ залы входитъ Бѣляевъ.*) Это онъ ...

Бѣляевъ (*подходя къ ней*).

Наталья Петровна, мнѣ Михайло Александрычъ сказалъ, что вамъ угодно было меня видѣть....

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ усиліемъ*).

Да, точно.... Мнѣ нужно съ вами.... объясниться.

Бѣляевъ.

Объясниться?

Наталья Петровна (*не глядя на него*).

Да.... объясниться. (*Помолчавъ.*) Позвольте вамъ сказать, Алексѣй Николаичъ, я.... я недовольна вами.

Бѣляевъ.

Могу я узнать, какая причина....

Наталья Петровна.

Выслушайте меня.... Я.... я право не знаю, съ чего начать. Впрочемъ я должна предупредить васъ, что мое неудовольствіе не происходитъ отъ какого нибудь упущенія.... по вашей части.... Напротивъ, ваше обращеніе съ Колей мнѣ нравится.

Бѣляевъ.

Такъ что же это можетъ быть?

Наталья Петровна (*взглянувъ на него*).

Вы напрасно тревожитесь.... Ваша вина еще не такъ велика. Вы молоды; вѣроятно никогда не жили въ чужомъ домѣ. Вы не могли предвидѣть....

Бѣляевъ.

Но, Наталья Петровна....

Наталья Петровна.

Вы желаете знать, въ чемъ же дѣло, наконецъ? Я понимаю ваше нетерпѣніе... И такъ, я должна вамъ сказать, что Вѣрочка.... (*взглянувъ на него*) Вѣрочка мнѣ во всемъ призналась.

Бѣляевъ (*съ изумленіемъ*).

Вѣра Александровна? Въ чемъ могла вамъ признаться Вѣра Александровна? И что же я тутъ?

Наталья Петровна.

И вы точно, не знаете, въ чемъ она могла признаться? Вы не догадываетесь?

Бѣляевъ.

Я? Нисколько.

Наталья Петровна.

Въ такомъ случаѣ, извините меня. Если вы точно не догадываетесь — я должна просить у васъ извиненія. Я думала... я ошибалась. Но, позвольте вамъ замѣтить, я вамъ не вѣрю. Я понимаю, что̀ васъ заставляетъ такъ говорить.... Я очень уважаю вашу скромность.

Бѣляевъ.

Я васъ рѣшительно не понимаю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна.

Въ самомъ дѣлѣ? Неужели вы думаете меня увѣрить, что вы не замѣтили расположенія этого ребенка, Вѣры, къ вамъ?

Бѣляевъ.

Расположеніе Вѣры Александровны ко мнѣ? Я даже не знаю, что вамъ сказать на это... Помилуйте. Кажется, я всегда былъ съ Вѣрой Александровной, какъ....

Наталья Петровна.

Какъ со всѣми, не правда ли? (*Помолчавъ немного.*) Какъ бы то ни было, точно ли вы этого не знаете, притворяетесь ли вы, что не знаете, дѣло вотъ въ чемъ: эта дѣвочка васъ любитъ. Она сама мнѣ въ этомъ созналась. Ну, теперь я спрашиваю васъ, какъ честнаго человѣка, что вы намѣрены сдѣлать?

Бѣляевъ (*съ смущеніемъ*).

Что я намѣренъ сдѣлать....

Наталья Петровна (*скрестивъ руки*).

Да.

БѢЛЯЕВЪ.

Все это такъ неожиданно, Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ*).

Алексѣй Николаичъ, я вижу.... я не хорошо взялась за это дѣло. Вы меня не понимаете. Вы думаете, что я сержусь на васъ.... а я.... только.... немного взволнована. И это очень естественно. Успокойтесь. Сядемте. (*Оба садятся.*) Я буду откровенна съ вами, Алексѣй Николаичъ, будьте же и вы, хотя нѣсколько болѣе довѣрчивы со мной. Право, вы напрасно меня чуждаетесь. Вѣра васъ любитъ.... конечно, вы въ этомъ не виноваты, я готова предположить, что вы въ этомъ не виноваты.... Но видите ли, Алексѣй Николаичъ, она сирота, моя воспитанница: я отвѣчаю за нее, за ея будущность, за ея счастье. Она еще молода и, я увѣрена, чувство, которое вы внушили ей, можетъ скоро исчезнуть... въ ея лѣта любятъ не надолго. Но вы понимаете, что моя обязанность была предупредить васъ. Играть огнемъ все-таки опасно.... и я не сомнѣваюсь, что вы, зная теперь ея расположеніе къ вамъ, перемѣните ваше обращеніе съ ней, будете избѣгать свиданій, прогулокъ въ саду... Не правда ли? Я могу на васъ надѣяться... Съ другимъ я бы побоялась такъ прямо объясняться.

БѢЛЯЕВЪ.

Наталья Петровна, повѣрьте, я умѣю цѣнить...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я вамъ говорю, что я въ васъ не сомнѣваюсь... Впрочемъ, это все останется тайной между нами.

БѢЛЯЕВЪ.

Признаюсь вамъ, Наталья Петровна, все, что вы мнѣ сказали, кажется мнѣ до того страннымъ... конечно, я не смѣю не вѣрить вамъ, но...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Послушайте, Алексѣй Николаичъ. Все что я сказала вамъ теперь... я это сказала въ томъ предположеньи, что съ вашей стороны — вы понимаете меня — нѣтъ ничего... (*перерываетъ самое себя*) потому что въ противномъ случаѣ.... конечно, я васъ еще мало знаю, но я на столько уже знаю васъ, что не вижу причины противиться вашимъ намѣреніямъ. Вы не богаты... но вы молоды, у васъ есть будущность, и ко-

гда два человѣка другъ друга любятъ... Я, повторяю вамъ, я сочла своей обязанностью предупредить васъ, какъ честнаго человѣка, насчетъ послѣдствій вашего знакомства съ Вѣрой, но если вы...

Бѣляевъ (*съ недоумѣніемъ*).

Я, право, не знаю, Наталья Петровна, что вы хотите сказать...

Наталья Петровна (*поспѣшно*).

О, повѣрьте, я не требую отъ васъ признанія, я и безъ того... я изъ вашего поведенія пойму, въ чемъ дѣло... (*Взглянувъ на него.*) Впрочемъ, я должна вамъ сказать, что... Вѣрѣ показалось, что и вы къ ней не совсѣмъ равнодушны.

Бѣляевъ (*помолчавъ, встаетъ*).

Наталья Петровна, я вижу: мнѣ нельзя остаться у васъ въ домѣ.

Наталья Петровна (*вспыхнувъ*).

Вы бы, кажется, могли подождать, чтобы я вамъ сама отказала... (*Встаетъ.*) Притомъ, я не вижу причины... послѣ того, что я вамъ сейчасъ сказала...

Бѣляевъ.

Вы были со мной откровенны... Позвольте же и мнѣ быть откровеннымъ съ вами. Я не люблю Вѣру Александровну; по крайней мѣрѣ я не люблю ее такъ, какъ вы предполагаете.

Наталья Петровна.

Да развѣ я....

(Останавливается.)

Бѣляевъ.

И если я понравился Вѣрѣ Александровнѣ, если ей показалось, что и я, какъ вы говорите, къ ней неравнодушенъ, я не хочу ее обманывать; я ей самой все скажу, всю правду. Но послѣ подобнаго объясненья, вы поймете сами, Наталья Петровна, мнѣ будетъ трудно здѣсь остаться: мое положеніе было бы слишкомъ неловко. Я не стану вамъ говорить, какъ мнѣ тяжело оставить вашъ домъ.... мнѣ другого дѣлать нечего. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать объ васъ.... Позвольте мнѣ удалиться.... Я еще буду имѣть честь проститься съ вами.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ притворнымъ равнодушіемъ*).

Какъ хотите.... но я, признаюсь, этого не ожидала.... Я совсѣмъ не для того хотѣла съ вами объясниться.... Я только хотѣла предупредить васъ.... Вѣра еще дитя.... Я, можетъ быть, придала всему этому слишкомъ много значенья. Я не вижу необходимости вашего отъѣзда. Впрочемъ, какъ хотите.

БѢЛЯЕВЪ.

Наталья Петровна.... мнѣ, право, невозможно болѣе остаться здѣсь.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вамъ, видно, очень легко разстаться съ нами!

БѢЛЯЕВЪ.

Нѣтъ, Наталья Петровна, не легко.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не привыкла удерживать людей противъ ихъ воли.... но, признаюсь, это мнѣ очень непріятно.

БѢЛЯЕВЪ (*послѣ нѣкоторой нерѣшимости*).

Наталья Петровна.... я не желалъ бы причинить вамъ малѣйшую непріятность.... Я остаюсь.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*подозрительно*).

А!... (*Помолчавъ.*) Я не ожидала, что вы такъ скоро перемѣните ваше рѣшеніе.... Я вамъ благодарна, но.... Позвольте мнѣ подумать. Можетъ быть, вы правы; можетъ быть, вамъ точно надобно уѣхать. Я подумаю, я вамъ дамъ знать.... Вы позволите мнѣ до сегодняшняго вечера оставить васъ въ неизвѣстности?

БѢЛЯЕВЪ.

Я готовъ ждать, сколько вамъ угодно.

(Кланяется и хочетъ уйдти.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы мнѣ обѣщаете....

БѢЛЯЕВЪ (*останавливаясь*).

Что-съ?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы, кажется, хотѣли объясниться съ Вѣрой.... Я не знаю, будетъ ли это прилично. Впрочемъ, я вамъ дамъ

знать мое рѣшеніе. Я начинаю думать, что вамъ точно надобно уѣхать. До свиданья. (*Бѣляевъ вторично кланяется и уходитъ въ залу. Наталья Петровна глядитъ ему вслѣдъ.*) Я спокойна! Онъ ея не любитъ.... (*Прохаживается по комнатѣ.*) Итакъ, вмѣсто того, чтобы отказать ему; я сама его удержала? Онъ остается.... Но что я скажу Ракитину? Что я сдѣлала? (*Помолчавъ.*) И какое имѣла я право разгласить любовь, первую любовь этой бѣдной дѣвочки?... Какъ? Я сама выманила у ней признаніе.... полупризнаніе, и потомъ я же сама такъ безжалостно, такъ грубо.... (*Закрываетъ лицо руками.*) Можетъ быть, онъ начиналъ ее любить.... Съ какого права я растоптала этотъ цвѣтокъ въ зародышѣ... Да и полно растоптала ли я его? Можетъ быть онъ обманулъ меня.... Хотѣла же я его обмануть!... О нѣтъ! Онъ для этого слишкомъ благороденъ.... Онъ не то, что я! И изъ чего я такъ торопилась? Сейчасъ все разболтала? Теперь, всѣ въ домѣ это знаютъ.... (*Вздохнувъ.*) Мало чего нѣтъ! Если бы я могла предвидѣть.... Какъ я хитрила, какъ я лгала передъ нимъ.... а онъ! Какъ онъ смѣло и свободно говорилъ.... Я склонялась передъ нимъ.... Это человѣкъ! Я его еще не знала....

Онъ долженъ уѣхать. Если онъ останется.... Я чувствую, я дойду до того, что я потеряю всякое уваженіе къ самой себѣ.... Онъ долженъ уѣхать, или я погибла! Я ему напишу, пока онъ еще не успѣлъ увидаться съ Вѣрой.... Онъ долженъ уѣхать!

(Быстро уходитъ въ кабинетъ. Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театръ представляетъ большія пустыя сѣни. Стѣны голыя, полъ неровный, каменный; шесть кирпичныхъ, выбѣленныхъ и облупленныхъ колоннъ, по три съ каждаго бока, поддерживаютъ потолокъ. Налѣво два открытыхъ окна и дверь въ садъ. Направо дверь въ коридоръ, ведущій къ главному дому; прямо желѣзная дверь въ кладовую. Возлѣ первой колонны направо садовая зеленая скамья; въ одномъ углу нѣсколько лопатъ, леекъ и горшковъ. Вечеръ. Красные лучи солнца падаютъ сквозь окна на полъ.)

Катя (*входитъ изъ двери направо, проворно идетъ къ окну и глядитъ нѣкоторое время въ садъ*).

Нѣтъ, не видать. А мнѣ сказали, что онъ пошелъ въ оранжерею. Знать, еще не вышелъ оттуда. Чтожь, подожду, пока мимо пойдетъ. Ему другой дороги нѣту.... (*Вздыхаетъ и прислоняется къ окну.*) Онъ, говорятъ, уѣзжаетъ. (*Вздыхаетъ опять.*) Какъ же это мы безъ него будемъ.... Бѣдная барышня! Какъ она меня просила.... Чтожь, отчего не услужить? Пусть поговоритъ съ ней на послѣдяхъ. Экая теплынь сегодня! А кажись, дождикъ накрапываетъ... (*Опять выглядываетъ изъ окна и вдругъ подается назадъ.*) Да ужь они не сюда ли?... Точно сюда. Ахъ, батюшки....

(Хочетъ убѣжать, но не успѣваетъ еще дойдти до двери коррядора, какъ уже изъ саду входитъ Шпигельскій съ Лизаветой Богдановной. Катя прячется за колонну.)

Шпигельскій (*отряхивая шляпу*).

Мы можемъ здѣсь дождикъ переждать. Онъ скоро пройдетъ.

Лизавета Богдановна.

Пожалуй.

Шпигельскій (*оглядываясь*).

Что это за строеніе? Кладовая, что ли?

Лизавета Богдановна (*указывая на желѣзную дверь*).

Нѣтъ, кладовая вотъ гдѣ. Эти сѣни, говорятъ, Аркадія Сергѣича батюшка пристроилъ, когда изъ чужихъ краевъ вернулся.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А! я вижу въ чемъ дѣло: Венеція, сударь ты мой. (*Садится на скамью.*) Присядемте. (*Лизавета Богдановна садится.*) А признайтесь, Лизавета Богдановна, дождикъ этотъ некстати пошелъ.... Онъ перервалъ наши объясненья на самомъ чувствительномъ мѣстѣ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*опустивъ глаза*).

Игнатій Ильичъ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Но никто намъ не мѣшаетъ возобновить нашъ разговоръ.... Кстати, вы говорите, Анна Семеновна не въ духѣ сегодня?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Да, не въ духѣ. Она даже обѣдала у себя въ комнатѣ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вотъ какъ! Экое несчастье, подумаешь!

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Она сегодня поутру застала Наталью Петровну въ слезахъ.... съ Михайломъ Александрычемъ.... Онъ, конечно, свой человѣкъ.... но все-таки.... Впрочемъ, Михайло Александрычъ обѣщался все объяснить.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А! Ну, напрасножь она тревожится. Михайло Александрычъ, по моему мнѣнію, никогда не былъ человѣкомъ опаснымъ, а ужь теперь-то менѣе, чѣмъ когда нибудь.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

А что?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Да такъ. Больно умно говоритъ. У кого сыпью, а у этихъ умниковъ все языкомъ выходитъ, болтовней. Вы, Лизавета Богдановна, и впередъ не бойтесь болтуновъ: они не опасны, а вотъ тѣ, что больше молчатъ, да съ придурью, да темпераменту много, тѣ вотъ опасны.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*помолчавъ*).

Скажите, Наталья Петровна точно нездорова?

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Такъ же нездорова, какъ мы съ вами.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Она за обѣдомъ ничего не кушала.

Шпигельскій.

Не одна болѣзнь отнимаетъ аппетитъ.

Лизавета Богдановна.

Вы у Большинцова обѣдали?

Шпигельскій.

Да, у него.... Я къ нему съѣздилъ. И для васъ только вернулся, ей Богу.

Лизавета Богдановна.

Ну полноте. А знаете ли что, Игнатій Ильичъ? Наталья Петровна за что-то на васъ сердится.... Она за столомъ не совсѣмъ выгодно объ васъ отозвалась.

Шпигельскій.

Въ самомъ дѣлѣ? Видно, барынямъ не по нутру, коли у нашего брата глаза зрячія. Дѣлай поихнему, помогай имъ — да и притворяйся еще, что не понимаешь ихъ. Вишь какія! Ну, однако, посмотримъ. И Ракитинъ, чай, носъ на квинту повѣсилъ?

Лизавета Богдановна.

Да, онъ сегодня тоже какъ будто не въ своей тарелкѣ....

Шпигельскій.

Гмъ. А Вѣра Александровна? Бѣляевъ?

Лизавета Богдановна.

Всѣ, таки рѣшительно всѣ не въ духѣ. Я, право, не могу придумать, что съ ними сегодня со всѣми?

Шпигельскій.

Много будете знать, до времени состарѣетесь, Лизавета Богдановна.... Ну, впрочемъ, Богъ съ ними. Поговоримте лучше объ нашемъ дѣлѣ. Дождикъ-то, вишь, все еще не пересталъ.... Хотите?

Лизавета Богдановна (*жеманно опустивъ глаза*).

Что вы у меня спрашиваете, Игнатій Ильичъ?

Шпигельскій.

Эхъ, Лизавета Богдановна, позвольте вамъ замѣтить: что вамъ за охота жеманиться, глаза вдругъ эдакъ опускать? Мы вѣдь съ вами люди не молодые! Эти церемоніи, нѣжности, вздохи — это все къ намъ нейдетъ. Будемте говорить спокойно, дѣльно, какъ оно и прилично людямъ нашихъ лѣтъ. Итакъ вотъ въ чемъ вопросъ: мы другъ другу

нравимся.... по крайней мѣрѣ я предполагаю, что я вамъ нравлюсь.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*слегка жеманясь*).

Игнатій Ильичъ, право....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Ну да, да, хорошо. Вамъ, какъ женщинѣ, оно даже и слѣдуетъ.... эдакъ того.... (*показываетъ рукой*) пофинтить, то-есть. Стало быть, мы другъ другу нравимся. И въ другихъ отношеніяхъ, мы тоже подъ пару. Я, конечно, про себя долженъ сказать, что я человѣкъ рода не высокаго; ну да вѣдь и вы не знатнаго происхожденія. Я человѣкъ не богатый; въ противномъ случаѣ я бы вѣдь и того-съ.... (*Усмѣхается.*) Но практика у меня порядочная, больные мои не всѣ мрутъ; у васъ, по вашимъ словамъ, пятнадцать тысячъ наличныхъ денегъ; это все, изволите видѣть, недурно. Притомъ же, вамъ, я воображаю, надоѣло вѣчно жить въ гувернанткахъ, ну да и съ старухой возиться, вистовать ей въ преферансъ и подлакивать — тоже, должно быть, не весело. Съ моей стороны, мнѣ не то, чтобы наскучила холостая жизнь, а старѣюсь я, ну да и кухарки меня грабятъ; стало быть, оно все, знаете ли, приходится подъ ладъ. Но вотъ въ чемъ затрудненіе, Лизавета Богдановна: мы вѣдь другъ друга вовсе не знаемъ, то есть, по правдѣ сказать, вы меня не знаете.... Я-то̀ васъ знаю. Мнѣ вашъ характеръ извѣстенъ. Не скажу, чтобы за вами не водилось недостатковъ. Вы въ дѣвицахъ будучи, маленько окисли, да вѣдь это не бѣда. У хорошаго мужа жена что̀ мягкій воскъ. Но я желаю, чтобы и вы меня знали передъ свадьбой; а то вы, пожалуй, потомъ на меня пенять станете.... Я васъ обманывать не хочу.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*съ достоинствомъ*).

Но, Игнатій Ильичъ, мнѣ кажется, я тоже имѣла случай узнать вашъ характеръ....

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вы? Э, полноте.... Это не женское дѣло. Вѣдь вы, напримѣръ, чай, думаете, что я человѣкъ веселаго нрава — забавникъ, а?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Мнѣ всегда казалось, что вы очень любезный человѣкъ....

Шпигельскій.

То-то вотъ и есть. Видите, какъ легко можно ошибиться. Отъ того, что я передъ чужими дурачусь, анекдотцы имъ разсказываю, прислуживаю имъ, вы ужъ и подумали, что я въ самомъ дѣлѣ веселый человѣкъ. Еслибъ я въ нихъ не нуждался, въ этихъ чужихъ-то, да я бы и не посмотрѣлъ на нихъ.... Я и то гдѣ только можно, безъ большой опасности знаете, ихъ же самихъ на смѣхъ подымаю.... Я, впрочемъ, не обманываю себя: я знаю, иные господа, которымъ и нуженъ-то я на каждомъ шагу, и скучно-то безъ меня, почитаютъ себя въ правѣ меня презирать; да вѣдь и я у нихъ не въ долгу. Вотъ хоть бы Наталья Петровна.... Вы думаете, я не вижу ее насквозь? (*Передразнивая ее.*) «Любезный докторъ, я васъ, право, очень люблю.... у васъ такой злой языкъ».... хе, хе, воркуй, голубушка, воркуй. Ухъ, эти мнѣ барыни! И улыбаются-то онѣ вамъ, и глазки эдакъ щурятъ, а на лицѣ написана гадливость.... Брезгаютъ онѣ нами, что ты будешь дѣлать! Я понимаю, почему она сегодня дурно обо мнѣ отзывается. Право, эти барыни удивительный народъ! Отъ того, что они каждый день одеколономъ моются да говорятъ эдакъ небрежно, словно роняютъ слова—подбирай молъ ты! — ужь онѣ и воображаютъ, что имъ за хвостъ поймать нельзя. Да, какъ бы не такъ! Такіе же смертныя какъ и всѣ мы, грѣшные!

Лизавета Богдановна.

Игнатій Ильичъ.... Вы меня удивляете.

Шпигельскій.

Я зналъ, что я васъ удивлю. Вы, стало быть, видите, что я человѣкъ не веселый вовсе, можетъ быть, даже и не слишкомъ добрый.... Но я тоже не хочу прослыть передъ вами тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ. Какъ я ни ломаюсь передъ господами, шутомъ меня никто не видалъ, по носу меня еще никто не щелкнулъ, и не то, чтобы я, знаете ли, это запрещалъ, а имъ самимъ со мной это въ голову не приходитъ. Они меня даже, могу сказать, побаиваются; они знаютъ, что я кусаюсь. Однажды, года три тому назадъ, одинъ господинъ, черноземный такой, сдуру, за столомъ, взялъ да мнѣ въ волосы рѣдьку воткнулъ. Что вы думаете? Я его въ ту же минуту и не горячась, знаете, самымъ вѣжливымъ

образомъ вызвалъ на дуэль. Черноземнаго отъ испуга чуть параличъ не хватилъ; хозяинъ извиниться его заставилъ — эффектъ вышелъ необыкновенный!... Я, признаться сказать, напередъ зналъ, что онъ драться не станетъ. Вотъ видите ли, Лизавета Богдановна, самолюбія у меня тьма; да жизнь ужь такая вышла. Таланты тоже небольшіе.... учился я кой-какъ. Докторъ я плохой, передъ вами мнѣ нечего скрываться, и если вы когда у меня занеможете, не я васъ лечить стану. Кабы таланты да воспитаніе, я бы въ столицу махнулъ. Ну для здѣшнихъ обывателей, конечно, лучшаго доктора и не надо. Что же касается собственно до моего нрава, то я долженъ предувѣдомить васъ, Лизавета Богдановна: дома я угрюмъ, молчаливъ, взыскателенъ; не сержусь, когда мнѣ угождаютъ и услуживаютъ; люблю, чтобы замѣчали мои привычки и вкусно меня кормили; а впрочемъ, я не ревнивъ и не скупъ, и въ моемъ отсутствіи вы можете дѣлать все, что вамъ угодно. Объ романтической эдакой любви между нами, вы понимаете, и говорить нечего; а впрочемъ, я воображаю, что со мной еще можно жить подъ одной крышей... Лишь бы мнѣ угождали, да не плакали при мнѣ, этого я терпѣть не могу! А я не придирчивъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь. Ну-съ, что вы теперь скажете?

Лизавета Богдановна.

Что мнѣ вамъ сказать, Игнатій Ильичъ.... Если вы не очернили себя съ намѣреніемъ....

Шпигельскій.

Да чѣмъ же я себя очернилъ? Вы не забудьте того, что другой бы на моемъ мѣстѣ преспокойно промолчалъ бы освоихъ недостаткахъ, благо вы ничего не замѣтили, а послѣ свадьбы шалишь, послѣ свадьбы поздно. Но я для этого слишкомъ гордъ. (*Лизавета Богдановна взглядываетъ на него.*) Да, да, гордъ.... какъ вы ни изволите глядѣть на меня. Я передъ моей будущей женой притворяться и лгать не намѣренъ, не только изъ пятнадцати, изо ста тысячъ; а чужому я изъ-за куля муки низёхонько поклонюсь. Таковъ ужь мой нравъ. Чужому-то я зубы скалю, а внутренно думаю: экой ты болванъ, братецъ, на какую удочку идешь; а съ вами я говорю, что думаю. То есть, позвольте, и вамъ я не все говорю, что думаю; по крайней мѣрѣ, я васъ не обманываю. Я долженъ вамъ большимъ чудакомъ казаться, точно; да вотъ постойте,

я вамъ когда нибудь разскажу мою жизнь: вы удивитесь, какъ я еще на столько уцѣлѣлъ. Вы тоже, чай, въ дѣтствѣ не на золотѣ ѣли, а все-таки вы, голубушка, не можете себѣ представить, что такое настоящая, заматерѣлая, такъ сказать, бѣдность.... Впрочемъ, это я вамъ все когда нибудь въ другое время разскажу. А теперь вотъ вы лучше обдумайте, что я вамъ имѣлъ честь доложить.... Обсудите хорошенько, наединѣ, это дѣльцо, да и сообщите мнѣ ваше рѣшеніе. Вы, сколько я могъ замѣтить, женщина благоразумная. Вы.... Кстати, сколько вамъ лѣтъ?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Мнѣ.... мнѣ.... тридцать лѣтъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*спокойно*).

А вотъ и не правда: вамъ цѣлыхъ сорокъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*вспыхнувъ*).

Совсѣмъ не сорокъ, а тридцать-шесть.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Все же не тридцать. Вотъ и отъ этого вамъ, Лизавета Богдановна, надобно отвыкнуть.... тѣмъ болѣе, что замужняя женщина въ тридцать-шесть лѣтъ вовсе не стара. Табакъ тоже вы напрасно нюхаете. (*Вставая.*) А кажется, дождикъ пересталъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*тоже вставая*).

Да, пересталъ.

ШПИГЕЛЬСКІЙ

Итакъ, вы мнѣ на дняхъ дадите отвѣтъ?

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Я вамъ завтра же скажу мое рѣшеніе.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Вотъ люблю!... Вотъ что умно, такъ умно! Ай да Лизавета Богдановна! Ну дайте жь мнѣ вашу руку. Пойдемте домой.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*отдавая ему свою руку*).

Пойдемте.

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

А кстати: я не поцаловалъ ея у васъ.... а оно, кажется, требуется.... Ну, на этотъ разъ куда ни шло! (*Цалуетъ ея руку. Лизавета Богдановна краснѣетъ.*) Вотъ такъ.

(Направляется къ двери сада).

Лизавета Богдановна (*останавливаясь*).

Такъ вы думаете, Игнатій Ильичъ, что Михайла Александрычъ точно неопасный человѣкъ.

Шпигельскій.

Я думаю.

Лизавета Богдановна.

Знаете ли что, Игнатій Ильичъ? мнѣ кажется, Наталья Петровна съ нѣкоторыхъ поръ.... мнѣ кажется, что г. Бѣляевъ.... Она обращаетъ на него вниманіе.... а? Да и Вѣрочка, какъ вы думаете? Ужь не отъ этого ли сегодня....

Шпигельскій (*перебивая ее*).

Я забылъ вамъ еще одно сказать, Лизавета Богдановна. Я самъ ужасно любопытенъ, а любопытныхъ женщинъ терпѣть не могу. То есть, я объяснюсь, по моему жена должна быть любопытна и наблюдательна (это даже очень полезно для ея мужа), только съ другими.... Вы понимаете меня: съ другими. Впрочемъ, если вамъ непремѣнно хочется знать мое мнѣніе насчетъ Натальи Петровны, Вѣры Александровны, г. Бѣляева и вообще здѣшнихъ жителей, слушайте же; я вамъ спою пѣсеньку. У меня голосъ прескверный, да вы не взыщите.

Лизавета Богдановна (*съ удивленіемъ*).

Пѣсенку!

Шпигельскій.

Слушайте! Первый куплетъ:

Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ,
Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ.
Фить какъ! вотъ какъ! сѣренькій козликъ!
Фить какъ! вотъ какъ! сѣренькій козликъ!

Второй куплетъ:

Вздумалось козлику въ лѣсъ погуляти,
Вздумалось козлику въ лѣсъ погуляти,
Фить какъ! вотъ какъ! въ лѣсъ погуляти!
Фить какъ! вотъ какъ! въ лѣсъ погуляти!

Лизавета Богдановна.

Но я, право, не понимаю....

Шпигельскій.

Слушайте же! Третій куплетъ:

Сѣрые во-олки козлика съѣли,
Сѣрые во-олки козлика съѣли,

Фить какъ! вотъ какъ! козлика съѣли!
Фить какъ, вотъ какъ! козлика съѣли!

(Подпрыгиваетъ.)

А теперь пойдемте. Мнѣ же кстати нужно съ Натальей Петровной потолковать. Авось не укуситъ. Если я не ошибаюсь, я ей еще нуженъ. Пойдемте.

(Уходятъ въ садъ.)

Катя (*осторожно выходя изъ-за колонны*).

Насилу-то ушли! Экой этотъ лекарь злющій.... говорилъ, говорилъ, что̀ говорилъ! А ужь поётъ-то какъ! Боюсь я, какъ бы тѣмъ временемъ Алексѣй Николаичъ домой не вернулся... И нужно жь имъ было именно сюда придти! (*Подходитъ къ окну.*) А Лизавета Богдановна? Лекаршей будетъ... (*Смѣется.*) Вишь какая.... Ну, да я ей не завидую. (*Выглядываетъ изъ окна.*) Какъ трава славно обмылась.... какъ хорошо пахнетъ... Это отъ черемухи такъ пахнетъ. А да вотъ онъ идетъ. (*Подождавъ.*) Алексѣй Николаичъ!.... Алексѣй Николаичъ....

Голосъ Бѣляева (*за кулисами*).

Кто меня зоветъ? А, это ты, Катя? (*Подходитъ къ окну.*) Что тебѣ надобно?

Катя.

Войдите сюда.... мнѣ вамъ нужно что-то сказать.

Бѣляевъ.

А! изволь. (*Отходитъ отъ окна и черезъ минуту входитъ въ двери.*) Вотъ я.

Катя.

Васъ дождикъ не замочилъ?

Бѣляевъ.

Нѣтъ.... я въ теплицѣ сидѣлъ съ Потапомъ... что онъ тебѣ дядей, что-ли, приходится?

Катя.

Да-съ. Они мнѣ дяденька.

Бѣляевъ.

Какая ты сегодня хорошенькая! (*Катя улыбается и опускаетъ глаза. Онъ достаетъ изъ кармана персикъ.*) Хочешь?

Катя (*отказываясь*).

Покорно благодарю.... кушайте сами.

БѢЛЯЕВЪ.

А я развѣ отказался, когда ты мнѣ вчера малины поднесла? Возьми.... я для тебя его сорвалъ.... право.

КАТЯ.

Ну, благодарствуйте.

(Беретъ персикъ.)

БѢЛЯЕВЪ.

То-то же. Такъ чтожъ ты мнѣ сказать хотѣла?

КАТЯ.

Барышня.... Вѣра Александровна, попросила меня.... Онѣ желаютъ васъ видѣть.

БѢЛЯЕВЪ.

А! Ну, я сейчасъ къ ней пойду.

КАТЯ.

Нѣтъ-съ.... онѣ сами сюда будутъ. Имъ нужно съ вами переговорить.

БѢЛЯЕВЪ (*съ нѣкоторымъ изумленіемъ*).

Она хочетъ сюда придти?

КАТЯ.

Да-съ. Здѣсь, знаете ли.... Сюда никто не заходитъ. Здѣсь не могутъ помѣшать.... (*Вздыхаетъ.*) Она васъ очень любитъ, Алексѣй Николаичъ.... Она такая добрая. Я схожу теперь за ней, хотите? А вы подождете?

БѢЛЯЕВЪ.

Конечно, конечно.

КАТЯ.

Сейчасъ.... (*Идетъ и останавливается.*) Алексѣй Николаичъ, правда-ли, говорятъ, вы отъ насъ уѣзжаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Я? нѣтъ.... Кто тебѣ сказалъ?

КАТЯ.

Такъ вы не уѣзжаете? Ну и слава Богу! (*Съ смущеніемъ.*) Мы сейчасъ вернемся....

(Уходитъ въ дверь, ведущую въ домъ.)

БѢЛЯЕВЪ (*остается на нѣкоторое время неподвижнымъ*).

Это чудеса! чудеса со мной происходятъ. Признаюсь, я всего этого никакъ не ожидалъ.... Вѣра меня любитъ....

Наталья Петровна, это знаетъ.... Вѣра сама ей во всемъ созналась.... чудеса! Вѣра — такой милый добрый ребенокъ; но.... что значитъ.... что значитъ, напримѣръ, эта записка? (*Достаетъ изъ кармана небольшой лоскутокъ бумаги.*) Отъ Натальи Петровны.... карандашемъ. «Не уѣзжайте, не рѣшайтесь ни на что, пока я съ вами не переговорила.» Какой неровный почеркъ.... Да и о чемъ она хочетъ говорить со мной? (*Помолчавъ.*) Какія глупыя мысли мнѣ приходятъ въ голову! Признаюсь, все это меня чрезвычайно смущаетъ. Если бы кто нибудь мнѣ мѣсяцъ тому назадъ сказалъ, что я.... я.... Я никакъ не могу придти въ себя послѣ этого разговора съ Натальей Петровной. Отчего у меня сердце такъ бьется? И теперь Вѣра вотъ хочетъ меня видѣть... Что я ей скажу! По крайней мѣрѣ, я узнаю въ чемъ дѣло.... Можетъ быть, Наталья Петровна на меня сердится... Да за что же? (*Разсматриваетъ опять записку.*) Это все странно, очень странно.

(Дверь тихонько растворяется. Онъ быстро прячетъ записку. На порогѣ показываются Вѣра и Катя. Онъ подходитъ къ нимъ. Вѣра очень блѣдна, не поднимаетъ глазъ и не трогается съ мѣста.)

КАТЯ.

Не бойтесь, барышня, подойдите къ нему; я буду насторожѣ.... Не бойтесь. (*Бѣляеву.*) Ахъ, Алексѣй Николаичъ!

(Она закрываетъ окна, уходитъ въ садъ и запираетъ за собою дверь.)

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна.... вы хотѣли меня видѣть. Подойдите сюда, сядьте вотъ здѣсь. (*Беретъ ее за руку и ведетъ къ скамьѣ. Вѣра садится.*) Вотъ такъ. (*Съ удивленіемъ глядя на нее.*) Вы плакали?

ВѢРА (*не поднимая глазъ*).

Это ничего.... Я пришла просить у васъ прощенія, Алексѣй Николаичъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Въ чемъ?

ВѢРА.

Я слышала.... у васъ было непріятное объясненіе съ Натальей Петровной ... Вы уѣзжаете.... Вамъ отказали.

БѢЛЯЕВЪ.

Кто вамъ это сказалъ?

ВѢРА.

Сама Наталья Петровна.... Я встрѣтила ее послѣ вашего объясненія съ ней.... Она мнѣ сказала, что вы сами не хотите больше остаться у насъ. Но я.... я не думаю.... Я думаю, что вамъ отказали.

БѢЛЯЕВЪ.

Скажите, въ домѣ это знаютъ?

ВѢРА

Нѣтъ.... Одна Катя.... Я должна была ей сказать.... Я хотѣла съ вами говорить, попросить у васъ прощенія. Представьте же теперь, какъ мнѣ должно быть тяжело.... Вѣдь я всему причиной, Алексѣй Николаичъ; я одна виновата.

БѢЛЯЕВЪ.

Вы, Вѣра Александровна?

ВѢРА.

Я никакъ не могла ожидать.... Наталья Петровна.... Впрочемъ, я ее извиняю. Извините меня и вы.... Сегодня поутру я была глупымъ ребенкомъ, а теперь....

(Останавливается.)

БѢЛЯЕВЪ.

Еще ничего не рѣшено, Вѣра Александровна.... Я, можетъ быть, останусь.

ВѢРА (*печально*).

Вы говорите, ничего не рѣшено, Алексѣй Николаичъ.... Нѣтъ, все рѣшено, все кончено. Вотъ вы какъ со мной теперь; а помните, еще вчера въ саду.... (*Помолчавъ.*) Ахъ, я вижу, Наталья Петровна вамъ все сказала.

БѢЛЯЕВЪ (*съ смущеніемъ*).

Вѣра Александровна....

ВѢРА.

Она вамъ все сказала, я это вижу.... Она хотѣла поймать меня, и я, глупая, такъ и бросилась въ ея сѣти.... Но и она выдала себя.... Я все-таки не такой уже ребенокъ. (*Понизивъ голосъ.*) О, нѣтъ!

БѢЛЯЕВЪ.

Что вы хотите сказать?

ВѢРА (*взглянувъ на него*).

Алексѣй Николаичъ, точно ли вы сами хотѣли оставить насъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да.

ВѢРА.

Отчего? (*Бѣляевъ молчитъ.*) Вы мнѣ не отвѣчаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, вы не ошиблись.... Наталья Петровна мнѣ все сказала.

ВѢРА (*слабымъ голосомъ*).

Что, напримѣръ?

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна.... Мнѣ, право, невозможно.... Вы меня понимаете.

ВѢРА.

Она вамъ, можетъ быть, сказала, что я васъ люблю?

БѢЛЯЕВЪ (*нерѣшительно*).

Да.

ВѢРА (*быстро*).

Да это не правда....

БѢЛЯЕВЪ (*съ смущеніемъ*).

Какъ!...

ВѢРА (*закрываетъ лицо руками и глухо шепчетъ сквозь пальцы*).

Я, по крайней мѣрѣ, ей этого не сказала, я не помню.... (*Поднимаетъ голову.*) О, какъ жестоко она поступила со мной! И вы.... вы отъ этого хотите уѣхать?

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, посудите сами....

ВѢРА (*взглянувъ на него*).

Онъ меня не любитъ!

(Опять закрываетъ лицо.)

БѢЛЯЕВЪ (*садится подлѣ нея и беретъ ея руку*).

Вѣра Александровна, дайте мнѣ вашу руку.... Послушайте, между нами не должно быть недоразумѣній. Я люблю васъ какъ сестру; я люблю васъ, потому что васъ нельзя не любить. Извините меня, если я.... Я отъ роду не былъ въ такомъ положеніи.... Я бы не желалъ оскорбить васъ.... Я не стану притворяться передъ вами; я знаю, что я вамъ понравился, что вы меня полюбили.... Но посудите сами, что изъ этого можетъ выйдти? Мнѣ всего двадцать лѣтъ, за

мной гроша нѣту. Да и притомъ я.... Пожалуйста, не сердитесь на меня. Я, право, не знаю, что вамъ сказать.

Вѣра (*отнимая руки отъ лица и не глядя него*).

И какъ будто я что-нибудь требовала, Боже мой! Но зачѣмъ же такъ жестоко, такъ немилосердо....

(Она останавливается.)

Бѣляевъ.

Вѣра Александровна, простите меня, если я....

Вѣра.

Я васъ не обвиняю, Алексѣй Николаичъ. Въ чемъ вы виноваты? Виновата одна я.... За то и наказана! Я и ея не обвиняю; я знаю, она добрая женщина, но она не могла переломить себя.... Она потерялась.

Бѣляевъ (*съ недоумѣніемъ*).

Потерялась?

Вѣра (*оборачиваясь къ нему*).

Наталья Петровна васъ любитъ, Бѣляевъ.

Бѣляевъ.

Какъ?

Вѣра.

Она влюблена въ васъ.

Бѣляевъ.

Что вы говорите?

Вѣра.

Я знаю, что я говорю. Сегодняшній день меня состарѣлъ.... Я не ребенокъ больше, повѣрьте. Она вздумала ревновать.... ко мнѣ! (*Съ горькой усмѣшкой.*) Какъ вамъ это кажется?

Бѣляевъ.

Да это быть не можетъ!

Вѣра.

Не можетъ быть.... Но зачѣмъ же она вдругъ вздумала выдать меня за этого господина, какъ бишь его, за Большинцова? Зачѣмъ подсылала ко мнѣ доктора, зачѣмъ сама уговаривала меня? О, я знаю, что я говорю! Еслибъ вы могли видѣть, Бѣляевъ, какъ у ней все лицо перемѣнилось, когда я ей сказала.... О, вы не можете вообразить, какъ хитро, какъ лукаво она выманивала у меня это сознаніе.... Да, она васъ любитъ; это слишкомъ ясно.

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, вы ошибаетесь, увѣряю васъ.

ВѢРА.

Нѣтъ, я не ошибаюсь, Бѣляевъ. Повѣрьте мнѣ: я не ошибаюсь. Если она васъ не любитъ, зачѣмъ же она меня такъ истерзала? Что я ей сдѣлала? (*Горько.*) Ревность все извиняетъ. Да что и говорить!... И теперь вотъ, зачѣмъ она вамъ отказываетъ? Она думаетъ, что вы.... что мы съ вами.... О, она можетъ успокоиться! Вы можете остаться!

(Закрываетъ лицо руками.)

БѢЛЯЕВЪ.

Она до сихъ поръ мнѣ не отказала, Вѣра Александровна... Я вамъ уже сказывалъ, что еще ничего не рѣшено....

ВѢРА (*вдругъ поднимаетъ голову и глядитъ на него*).

Въ самомъ дѣлѣ?

БѢЛЯЕВЪ.

Да.... но зачѣмъ вы такъ смотрите на меня?

ВѢРА (*словно про себя*).

А! Я понимаю.... Да, да.... она сама еще надѣется....

(Дверь изъ корридора быстро разстворяется, и на порогѣ показывается Наталья Петровна. Она останавливается при видѣ Вѣры и Бѣляева.)

БѢЛЯЕВЪ.

Что̀ вы говорите?

ВѢРА.

Да, теперь мнѣ все ясно.... Она опомнилась, она поняла, что я ей не опасна! и въ самомъ дѣлѣ, что я такое? Глупая дѣвчонка, а она!

БѢЛЯЕВЪ.

Вѣра Александровна, какъ вы можете думать....

ВѢРА.

Да и наконецъ, кто знаетъ? Можетъ быть, она права.... можетъ быть, вы ее любите....

БѢЛЯЕВЪ.

Я?

ВѢРА (*вставая*).

Да, вы; отчего вы краснѣете?

БѢЛЯЕВЪ.

Я, Вѣра Александровна?

ВѢРА.

Вы ее любите, вы можете ее полюбить.... Вы не отвѣчаете на мой вопросъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Но помилуйте, что вы хотите, чтобы я отвѣчалъ вамъ? Вѣра Александровна, вы такъ взволнованы.... Успокойтесь, ради Бога....

ВѢРА (*отворачиваясь отъ него*).

О, вы обращаетесь со мной какъ съ ребенкомъ.... Вы даже не удостоиваете меня серьёзнаго отвѣта.... Вы просто желаете отдѣлаться.... Вы меня утѣшаете! (*Хочетъ уйдти, но вдругъ останавливается при видѣ Натальи Петровны.*) Наталья Петровна....

(Бѣляевъ быстро оглядывается.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ*).

Да, я. (*Она говоритъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.*) Я пришла за тобой, Вѣрочка.

ВѢРА (*медленно и холодно*).

Почему вамъ вздумалось именно сюда придти? Вы, стало быть, меня искали?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да, я тебя искала. Ты неосторожна, Вѣрочка...: Уже не разъ я тебѣ говорила.... И вы, Алексѣй Николаичъ, вы забыли ваше обѣщанье.... Вы меня обманули.

ВѢРА.

Да полноте же наконецъ, Наталья Петровна, перестаньте! (*Наталья Петровна съ изумленіемъ глядитъ на нее.*) Полно вамъ говорить со мной какъ съ ребенкомъ.... (*Понизивъ голосъ.*) Я женщина съ сегодняшняго дня.... Я такая же женщина, какъ вы.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ смущеніемъ*).

Вѣра....

ВѢРА (*почти шопотомъ*).

Онъ васъ не обманулъ.... Не онъ искалъ этого свиданія со мной. Вѣдь онъ меня не любитъ, вы это знаете, вамъ нечего ревновать.

Наталья Петровна (*съ возрастающимъ изумленіемъ*).

Вѣра!

Вѣра.

Повѣрьте мнѣ.... не хитрите больше. Эти хитрости теперь ужь ни къ чему не служатъ.... Я ихъ насквозь вижу теперь. Повѣрьте. Я, Наталья Петровна, для васъ не воспитанница, за которой вы наблюдаете (*съ иронiей*) какъ старшая сестра.... (*Пододвигается къ ней.*) Я для васъ соперница.

Наталья Петровна.

Вѣра, вы забываетесь....

Вѣра.

Можетъ быть.... но кто меня до этого довелъ? Я сама не понимаю, откуда у меня берется смѣлость такъ говорить съ вами.... Можетъ быть, я говорю такъ оттого, что я ни на что болѣе не надѣюсь, оттого, что вамъ угодно было растоптать меня.... И вамъ это удалось.... совершенно. Но слушайте: я не намѣрена лукавить съ вами, какъ вы со мной.... знайте: я ему (*указывая на Бѣляева*) все сказала.

Наталья Петровна.

Что вы могли ему сказать?

Вѣра.

Что? (*Съ иронiей.*) Да все то, что мнѣ удалось замѣтить. Вы вообразили.... Вы надѣялись изъ меня все вывѣдать, не выдавши самой себя. Вы ошиблись, Наталья Петровна. Вы слишкомъ разсчитывали на свои силы....

Наталья Петровна.

Вѣра, Вѣра, опомнитесь....

Вѣра (*шопотомъ и еще ближе пододвинувшись къ ней*).

Скажите же мнѣ, что я ошибаюсь.... Скажите мнѣ, что вы его не любите.... Сказалъ же онъ мнѣ, что онъ меня не любитъ! (*Наталья Петровна въ смущеньи молчитъ. Вѣра остается нѣкоторое время неподвижной и вдругъ прикладываетъ руку ко лбу.*) Наталья Петровна, простите меня.... я.... я сама не знаю.... что со мною, простите меня, я, право.... будьте снисходительны....

(Заливается слезами и быстро уходитъ въ дверь коридора. Молчаніе.)

Бѣляевъ (*подходя къ Натальѣ Петровнѣ*).

Я могу васъ увѣрить, Наталья Петровна....

Наталья Петровна (*неподвижно глядя на полъ, протягиваетъ руку въ его направленіи*).

Остановитесь, Алексѣй Николаичъ. Точно... Вѣра права... Пора... пора перестать мнѣ хитрить. Я виновата передъ ней, передъ вами— вы въ правѣ презирать меня. (*Бѣляевъ дѣлаетъ невольное движеніе.*) Я унизилась въ собственныхъ глазахъ. Мнѣ остается одно средство снова заслужить ваше уваженіе: откровенность, полная откровенность, какія бы ни были послѣдствія. Притомъ, я васъ вижу въ послѣдній разъ, я въ послѣдній разъ говорю съ вами. Бѣляевъ, я люблю васъ.

(Она все не глядитъ на него.)

Бѣляевъ.

Вы, Наталья Петровна!...

Наталья Петровна.

Да, я. Я васъ люблю. Вѣра не обманулась, и не обманула васъ. Я полюбила васъ съ перваго дня вашего пріѣзда, но сама узнала объ этомъ со вчерашняго дня Я не намѣрена оправдывать мое поведеніе... Оно было не достойно меня .. мелко... но по крайней мѣрѣ, вы теперь можете понять, можете извинить меня. Да, я ревновала къ Вѣрѣ; да, я мысленно выдавала ее за Большинцова, для того, чтобы удалить ее отъ себя и отъ васъ; да, я воспользовалась преимуществомъ моихъ лѣтъ, моего положенія, чтобы вывѣдать ея тайну, и — конечно, я этого не ожидала — и сама себя выдала. Я васъ люблю, Бѣляевъ; но знайте: одна гордость вынуждаетъ у меня это признаніе... комедія, разыгранная мною до сихъ поръ, меня возмутила наконецъ. Вы не можете остаться здѣсь... Впрочемъ, послѣ того, что я вамъ сейчасъ сказала, вамъ, вѣроятно, въ моемъ присутствіи будетъ очень неловко, и вы сами захотите какъ можно скорѣе удалиться отсюда. Я въ этомъ увѣрена. Эта увѣренность придала мнѣ смѣлости. Я, признаюсь, не хотѣла, чтобы вы унесли невыгодное, ложное воспоминаніе обо мнѣ. Теперь вы все знаете... Мнѣ остается попросить у

васъ прощенія. Я, можетъ быть, помѣшала вамъ... можетъ быть, еслибъ все это не случилось, вы бы полюбили Вѣрочку... У меня только одно извиненіе, Алексѣй Николаичъ... Все это не было въ моей власти. Притомъ все это такъ скоро случилось. (*Она умолкаетъ. Она все это говоритъ довольно ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, не глядя на Бѣляева. Онъ молчитъ. Она продолжаетъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, все не глядя на него.*) Вы мнѣ не отвѣчаете?... Впрочемъ, я это понимаю. Вамъ нечего мнѣ сказать. Положеніе человѣка, который не любитъ, и которому объясняются въ любви, слишкомъ тягостно. Я благодарю васъ за ваше молчаніе. Повѣрьте, когда я вамъ сказала... что я люблю васъ, я не хитрила... по прежнему; я ни на что не разсчитывала; напротивъ: я хотѣла сбросить наконецъ съ себя личину, къ которой, могу васъ увѣрить, я не привыкла... Да и наконецъ, къ чему еще жеманиться и лукавить, когда все извѣстно; къ чему еще притворяться, когда даже не кого обманывать? Все кончено теперь между нами. Я васъ болѣе не удерживаю. Я понимаю, какъ вамъ должно быть неловко, съ какимъ тайнымъ нетерпѣньемъ вы ожидаете конца нашихъ объясненій... Вы и прежде никогда не чувствовали себя свободнымъ въ моемъ присутствіи... видно, такова уже моя судьба!... И потому успокойтесь, я освобождаю васъ. Вы можете уйдти отсюда, не сказавши мнѣ ни слова, не простившись даже со мной. Я не только не сочту это за невѣжливость, напротивъ — я вамъ буду благодарна. Есть случаи, въ которыхъ деликатность неумѣстна... хуже грубости. Да и что вы можете мнѣ сказать... Видно намъ не было суждено узнать другъ друга. Прощайте. Да, намъ не было суждено узнать другъ друга... но по крайней мѣрѣ я надѣюсь, что теперь я въ вашихъ глазахъ перестала быть тѣмъ притѣснительнымъ, скрытнымъ и хитрымъ существомъ... Прощайте, на всегда. (*Бѣляевъ въ волненьи хочетъ что-то сказать и не можетъ.*) Вы не уходите?

БѢЛЯЕВЪ (*кланяется, хочетъ уйдти и послѣ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою возвращается*).

Нѣтъ, я не могу уйдти.... (*Наталья Петровна въ первый разъ взглядываетъ на него.*) Я не могу уйдти такъ!... Послу-

шайте, Наталья Петровна, вы вотъ сейчасъ мнѣ сказали.... Вы не желаете, чтобы я унесъ невыгодное воспоминаніе объ васъ, но и я не хочу, чтобы и вы вспоминали обо мнѣ какъ о человѣкѣ, который... Боже мой! Я не знаю какъ выразиться... Наталья Петровна, извините меня... Я не умѣю говорить съ дамами... Я до сихъ поръ зналъ... совсѣмъ не такихъ женщинъ. Вы говорите, что намъ не было суждено узнать другъ друга, но помилуйте, могъ ли я, простой, почти необразованный мальчикъ, могъ ли даже думать о сближеніи съ вами? Вспомните, кто вы и кто я! Вспомните, могъ ли я смѣть подумать... Съ вашимъ воспитаньемъ... Да что я говорю о воспитаніи... Взгляните на меня... этотъ старый сюртукъ, и ваши пахучія платья... Помилуйте! Ну да! я боялся васъ, я и теперь боюсь васъ... Я, безъ всякихъ преувеличеній, глядѣлъ на васъ какъ на существо высшее, и между тѣмъ... вы, вы говорите мнѣ, что вы меня любите... вы, Наталья Петровна! Меня!... Я чувствую, сердце во мнѣ бьется, какъ отъ роду не билось, оно бьется не отъ одного изумленія, не самолюбіе во мнѣ польщено... гдѣ!... не до самолюбія теперь... Но я... я не могу уйдти такъ, воля ваша!

Наталья Петровна (*помолчавъ, словно про себя*).

Что я сдѣлала!

Бѣляевъ.

Наталья Петровна, ради Бога повѣрьте....

Наталья Петровна (*измѣненнымъ голосомъ*).

Алексѣй Николаичъ, еслибъ я не знала васъ за человѣка благороднаго, за человѣка, которому ложь недоступна, я бы могла Богъ знаетъ что подумать. Я бы, можетъ быть, раскаялась въ своей откровенности. Но я вѣрю вамъ. Я не хочу скрыть передъ вами мои чувства: я благодарна вамъ за то, что вы мнѣ сейчасъ сказали. Я теперь знаю, почему мы не сошлись... Стало быть, собственно во мнѣ ничего васъ не отталкивало... Одно мое положеніе... (*Останавливается.*) Все къ лучшему, конечно... но мнѣ теперь легче будетъ разстаться съ вами... Прощайте.

(Хочетъ уйдти.)

БѢЛЯЕВЪ (*который все глядитъ на нее*).

Вы меня любите... Вы! Но, Боже мой, чѣмъ я могъ это заслужить? Я? Я, который думалъ... извините меня... но и я ничего не хочу скрыть передъ вами... что вамъ г. Ракитинъ нравится... Г. Ракитинъ, съ которымъ мнѣ и въ голову не можетъ придти сравниться...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вы не обманулись, Бѣляевъ; я точно его любила.

БѢЛЯЕВЪ.

Вы его любили?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да. Я его больше не люблю. Вы видите, какъ я откровенна съ вами; но не благодарите меня... Я вамъ сказала, что я хочу быть искренней, хочу искупить свою прежнюю ложь.

БѢЛЯЕВЪ (*помолчавъ*).

Наталья Петровна, я знаю, что мнѣ нельзя здѣсь остаться... но я не могу передать вамъ все, что во мнѣ происходитъ. Вы меня любите... мнѣ даже страшно выговорить эти слова... все это для меня такъ ново... мнѣ кажется, я васъ вижу, я слышу васъ въ первый разъ, но я чувствую одно: мнѣ необходимо уѣхать... я чувствую, что я ни за что отвѣчать не могу...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*слабымъ голосомъ*).

Да, Бѣляевъ, вы должны уѣхать... Теперь, послѣ этого объясненья, вы можете уѣхать... И неужели же точно несмотря на все, что я сдѣлала... О, повѣрьте, еслибъ я могла хоть отдаленно подозрѣвать все то, что вы мнѣ теперь сказали — это признаніе, Бѣляевъ, оно бы умерло во мнѣ... Я хотѣла только прекратить всѣ недоразумѣнія, я хотѣла покаяться, наказать себя, я хотѣла разомъ перервать послѣднюю нить... Еслибъ я могла себѣ представить...

(Она закрываетъ себѣ лицо.)

БѢЛЯЕВЪ.

Я вамъ вѣрю, Наталья Петровна, я вѣрю вамъ. Да я самъ за четверть часа... развѣ я воображалъ... Я только сегодня, во время нашего послѣдняго свиданья передъ обѣдомъ, въ первый разъ почувствовалъ что-то необыкновенное,

небывалое, словно чья-то рука мнѣ стиснула сердце и такъ горячо стало въ груди... Я, знаете ли, я, точно, прежде какъ будто чуждался, какъ будто даже не любилъ васъ; но когда вы мнѣ сказали сегодня, что Вѣрѣ Александровнѣ показалось....

(*Останавливается.*)

Наталья Петровна (*съ невольной улыбкой счастья на губахъ*).

Полноте, полноте, Бѣляевъ; намъ не объ этомъ должно думать. Намъ не должно позабыть, что мы говоримъ другъ съ другомъ въ послѣдній разъ... что вы завтра уѣзжаете...

Бѣляевъ.

О, да! я завтра же уѣду! Теперь я ещё могу уѣхать... Все это пройдетъ... Вы видите, я не хочу преувеличивать... Я уѣду... а тамъ что Богъ дастъ! Я унесу съ собой одно воспоминанье, я вѣчно буду помнить, что вы меня полюбили... Но какже это я до сихъ поръ не узналъ васъ? Вотъ вы смотрите на меня теперь... Неужели я когда нибудь старался избѣгать вашего взгляда... Неужели я когда нибудь робѣлъ въ вашемъ присутствіи?

Наталья Петровна (*съ улыбкой*).

Вы сейчасъ мнѣ сказали, что вы боитесь меня.

Бѣляевъ.

Я? (*Помолчавъ.*) Точно.... Я самъ себѣ удивляюсь.... Я, я такъ смѣло говорю съ вами? Я себя не узнаю.

Наталья Петровна.

И вы не обманываетесь?...

Бѣляевъ.

Въ чемъ?

Наталья Петровна.

Въ томъ, что вы меня.... (*Вздрагивая.*) О, Боже, что я дѣлаю.... Послушайте, Бѣляевъ.... Вы благородный человѣкъ, я прибѣгаю къ вамъ. Забудьте ради Бога, что я вамъ сказала.... Посудите сами, могла ли я ожидать.... Придите ко мнѣ на помощь.... Ни одна женщина не находилась еще въ подобномъ положеніи. Я не въ силахъ больше, право.... Можетъ быть, оно такъ къ лучшему, все разомъ прекращено, но мы по крайней мѣрѣ, узнали другъ друга.... Дайте мнѣ руку — и прощайте навсегда.

БѢЛЯЕВЪ (*беретъ ее за руку*).

Наталья Петровна.... я не знаю, что вамъ сказать на прощаньи... сердце у меня такъ полно.... Дай вамъ Богъ.... (*Останавливается и прижимаетъ ея руку къ губамъ.*) Прощайте.

(Хочетъ уйдти въ садовую дверь.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*глядя ему въ слѣдъ*).

Бѣляевъ....

БѢЛЯЕВЪ (*оборачиваясь*).

Наталья Петровна....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*помолчавъ нѣкоторое время, слабымъ голосомъ*).

Останьтесь...,

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ?...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Останьтесь, и пусть Богъ насъ разсудитъ!

(Она прячетъ голову въ руки.)

БѢЛЯЕВЪ (*быстро подходитъ къ ней и протягиваетъ къ ней руки*).

Наталья Петровна....

(Въ это мгновенье дверь изъ саду разстворяется, и на порогѣ показывается Ракитинъ. Онъ нѣкоторое время глядитъ на обоихъ и вдругъ подходитъ къ нимъ.)

РАКИТИНЪ (*громко*).

А васъ вездѣ ищутъ, Наталья Петровна....

(Наталья Петровна и Бѣляевъ оглядываются.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*отнимая руки отъ лица и словно приходя въ себя*).

А, это вы.... Кто меня ищетъ? (*Бѣляевъ, смущенный, кланяется Натальѣ Петровнѣ и хочетъ уйдти.*) Вы уходите, Алексѣй Николаичъ.... не забудьте же, вы знаете....

(Онъ вторично кланяется ей и уходитъ въ садъ.)

РАКИТИНЪ.

Анна Семеновна васъ ищетъ... Признаюсь, я не ожидалъ найдти васъ здѣсь... но, проходя мимо...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*съ улыбкой*).

Вы услышали наши голоса... Я встрѣтила здѣсь Алексѣя Николаича... и имѣла съ нимъ небольшое объясненіе... Се-

годня, видно, день объясненій, но теперь мы можемъ пойдти домой...

(Хочетъ идти въ дверь корридора.)

Ракитинъ (*съ нѣкоторымъ волненьемъ*).

Могу я узнать... какое рѣшенье...

Наталья Петровна (*притворяясь удивленной*).

Какое рѣшенье?... Я васъ не понимаю, Ракитинъ.

Ракитинъ (*долго помолчавъ, печально*).

Въ такомъ случаѣ, я все понимаю.

Наталья Петровна.

Ну такъ и есть... Опять таинственные намеки! Ну да, я объяснилась съ нимъ, и теперь все опять пришло въ порядокъ... Это пустяки были, преувеличенья... Все, о чемъ мы говорили съ вами, все это ребячество. Это слѣдуетъ теперь позабыть.

Ракитинъ.

Я васъ не распрашиваю, Наталья Петровна.

Наталья Петровна (*съ принужденной развязностью*).

Что бишь я хотѣла сказать вамъ... Не помню. Все равно. Пойдемте. Все это кончено... все прошло.

Ракитинъ (*пристально поглядѣвъ на нее*).

Да, все кончено. Какъ вамъ должно быть теперь досадно на себя... за вашу сегодняшнюю откровенность...

(Онъ отворачивается.)

Наталья Петровна.

Ракитинъ... (*Онъ опять взглядываетъ на нее*; *она, видимо, не знаетъ, что сказать.*) Вы еще не говорили съ Анной Семеновной?

Ракитинъ.

Никакъ нѣтъ-съ... Я еще не успѣлъ приготовиться... Вы понимаете, надобно что-нибудь сочинить...

Наталья Петровна.

Какъ это несносно! Чего они отъ меня хотятъ? Слѣдятъ за мной на каждомъ шагу. Ракитинъ, мнѣ, право, совѣстно передъ вами...

Ракитинъ.

О, Наталья Петровна, не извольте безпокоиться... Къ чему? Все это въ порядкѣ вещей. Но какъ замѣтно, что г-нъ Бѣ-

лѣвъ еще новичокъ! И къ чему это онъ такъ смѣшался, убѣжалъ... Впрочемъ, со временемъ... (*въ полголоса и скоро*) вы оба научитесь притворяться... (*Громко.*) Пойдемте.

(Наталья Петровна хочетъ подойдти къ нему и останавливается. Въ это мгновенье за дверью сада раздается голосъ Анны Семеновны: «Онъ сюда пошелъ, вы говорите?» и, вслѣдъ затѣмъ входятъ Анна Семеновна и Шпигельскій.)

Анна Семеновна (*останавливается и поднимаетъ руку*).

Опять!

Наталья Петровна (*быстро подходя къ ней*).

А... maman... (*Нетерпѣливо.*) Вы меня искали? я вотъ здѣсь встрѣтилась съ Михайломъ Александрычемъ и...

Анна Семеновна (*медленно*).

Я точно тебя искала, Наташа, но я никакъ не воображала...

Наталья Петровна (*перебивая ее*).

Я здѣсь встрѣтилась съ Михайломъ Александрычемъ... Но, кажется, пора чай пить. (*Идетъ къ двери и говоритъ про себя.*) Это невыносимо!

Анна Семеновна.

Она васъ здѣсь встрѣтила, мосье Ракитинъ! (*Оглядываясь.*) Какое проходное мѣсто, подумаешь! (*Къ Натальѣ.*) Куда же ты бѣжишь, постой...

(Уходитъ за ней.)

Шпигельскій (*Ракитину*).

Чтожь, Михайло Александрычъ, пойдемте и мы чай пить... Дайте мнѣ руку... Видно намъ съ вами суждено состоять въ арріергардѣ...

Ракитинъ (*съ сердцемъ*).

Ахъ, господинъ докторъ, вы, позвольте вамъ сказать, вы мнѣ очень надоѣли...

Шпигельскій (*съ притворнымъ добродушіемъ*).

А ужь себѣ-то какъ я надоѣлъ, Михайло Александрычъ, еслибъ вы знали! (*Ракитинъ невольно улыбается.*) Пойдемте, пойдемте...

Оба уходятъ въ дверь сада. Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же декорація какъ и въ первомъ и третьемъ дѣйствіяхъ. За столомъ направо сидитъ Наталья Петровна и держитъ въ рукахъ книгу. Налѣво на диванѣ сидитъ Анна Семеновна и шьетъ въ пяльцахъ; возлѣ нея Лизавета Богдановна.

Анна Семеновна (*Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Поднимите мнѣ, голубушка, клубокъ. Благодарствуйте.

(Вздыхаетъ. Наталья Петровна слегка пожимаетъ плечами. Анна Семеновна вздыхаетъ еще громче... наконецъ вздыхаетъ въ третій разъ очень сильно, даже стонетъ слегка.)

Наталья Петровна.

Вы вздыхаете, maman, что съ вами?

Анна Семеновна (*вздыхаетъ еще разъ*).

Эхъ, эхъ, эхъ...

Наталья Петровна.

Вы здоровы?

Анна Семеновна.

Я? Да. Что мнѣ дѣлается!

Наталья Петровна.

О чемъ же вы вздыхаете?

Анна Семеновна.

Мало ли о чемъ мнѣ вздыхать, Наташа!... Ты хоть то разсуди... Давно ли я потеряла моего безцѣннаго Аркашу? Вѣдь шести мѣсяцевъ нѣту! Легко сказать! Вѣдь я мать, Наташа... Вѣдь у меня материнское сердце... Ты это пойми.

Наталья Петровна.

Я, maman, вполнѣ понимаю и раздѣляю ваше горе.

Анна Семеновна.

Нѣтъ, Наташа, какъ можно! Конечно, ты любила своего мужа... Но вѣдь я мать, Наташа... Одна мать можетъ понять, что значитъ потерять сына. (*Плачетъ и утираетъ глаза.*) Ну, и кромѣ того много есть у меня причинъ вздыхать.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какія же это причины, maman?

АННА СЕМЕНОВНА.

Этого, Наташа, въ двухъ словахъ не скажешь. Жизнь ужь теперь моя не та, что прежде... вотъ что.... Конечно, я тебѣ душевно благодарна за все, чувствую и цѣню твое расположеніе ко мнѣ, ты для меня та же дочь... Конечно... Противъ этого нечего сказать. Одно: довѣрія прежняго я къ себѣ не вижу.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Какъ такъ?

АННА СЕМЕНОВНА.

Да также. Нѣту въ тебѣ прежняго ко мнѣ довѣрія. Не вижу я его... нѣтъ! А ужь, кажется, можно бы тебѣ все мнѣ повѣрить... Вѣдь ужь друга лучше меня тебѣ не нажить! Вѣдь ты сама посуди, къ чему мнѣ тебя обманывать?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да — maman, я ничего отъ васъ и не скрываю.

АННА СЕМЕНОВНА.

Эхъ, Наташа, Наташа, грѣшно тебѣ...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Да право же, maman.

АННА СЕМЕНОВНА.

Ты, можетъ быть, думаешь, Наташа, что я, какъ мать Аркадія, не могу, такъ сказать, сочувствовать.... При томъ же такъ еще мало времени прошло со дня кончины моего голубчика. Но мнѣ твое счастье дороже всего, Наташа, и повѣрь мнѣ, если только твой выборъ...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*вспыхнувъ*).

Что вы хотите сказать, я васъ не понимаю.

АННА СЕМЕНОВНА.

Ты меня понимаешь, Наташа. Конечно, мнѣ съ одной стороны оно и больно... но съ другой стороны ты въ своемъ сердцѣ вольна, и я, повѣрь мнѣ, всегда и вездѣ, гдѣ только встрѣчаю качества хорошія, солидность въ намѣреньяхъ, спѣшу отдать полную справедливость. Главное, что я желаю? Я желаю только, чтобы уже не было недоразумѣній... Лизавета Бо-

гдановна, я, кажется, платокъ свой въ спальнѣ забыла. Сдѣлайте одолженіе, милая моя, сходите за нимъ...

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА (*вставая*).

Слушаю-съ.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*быстро поднимаясь съ мѣста*).

Позвольте, maman, я сама схожу...

(Уходитъ.)

АННА СЕМЕНОВНА (*глядитъ ей вслѣдъ и послѣ долгаго молчанія обращается къ Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Лизавета Богдановна, бойтесь и избѣгайте неблагодарности... Это самый ужасный порокъ!... Повѣрьте моей опытности, Лизавета Богдановна, самый ужасный!

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Конечно, Анна Семеновна... что же можетъ быть хуже неблагодарности?

АННА СЕМЕНОВНА.

Да. (*Вздохнувъ.*) Бѣдный мой Аркаша! Ты этого не ожидалъ!... Однако они такъ отъ меня не отдѣлаются... Лизавета Богдановна, будьте такъ добры, сходите за Михайломъ Александрычемъ и попросите его ко мнѣ на пару словъ... Такъ и скажите: на пару, молъ, словъ.

ЛИЗАВЕТА БОГДАНОВНА.

Слушаю-съ.

(Уходитъ.)

(Анна Семеновна, оставшись одна, поднимаетъ глаза къ небу, вздыхаетъ, нюхаетъ табакъ и съ важностью принимается шить, повременамъ произнося въ полголоса: «Да, да, бѣдный Аркаша...»)

(Входитъ Ракитинъ.)

РАКИТИНЪ.

Вы желали меня видѣть, Анна Семеновна?...

АННА СЕМЕНОВНА (*медленно кладя клубокъ и иголку.*)

Я желала васъ видѣть, Михайло Александрычъ.

РАКИТИНЪ.

Что вамъ угодно?

АННА СЕМЕНОВНА.

Какъ что мнѣ угодно, Михайло Александрычъ? Коротка же у васъ память! Вѣдь вы у меня въ долгу. Я цѣлый день вчера все молчала, думала, не вспомните ли вы свое обѣщанье сами, но наконецъ сегодня...

РАКИТИНЪ.

Вы это говорите насчетъ... того разговора между мной и Натальей Петровной?

АННА СЕМЕНОВНА.

Не разговора, а сцены, Михайло Александрычъ, сцены. Вспомните, она плакала... (*Ракитинъ дѣлаетъ движеніе рукой.*) Вы, Михайло Александрычъ, пожалуйста не думайте, что я изъ одного любопытства васъ распрашиваю... Я не имѣю никакого права васъ распрашивать... Я свое положеніе въ здѣшнемъ домѣ очень понимаю, повѣрьте!

РАКИТИНЪ.

Анна Семеновна...

АННА СЕМЕНОВНА.

Сядьте, не волнуйтесь, сядьте. Я васъ не долго задержу. (*Ракитинъ садится.*) Будемте говорить откровенно. Я слишкомъ васъ уважаю, Михайло Александрычъ, я слишкомъ хорошо помню, какого, можно сказать, высокаго мнѣнія былъ о васъ покойный мой Аркаша! Онъ васъ всегда считалъ за лучшаго нашего друга, и потому я буду съ вами откровенна, какъ съ другомъ. Я давно желала съ вами объясниться. Наташа.... я объ ней буду говорить съ вами.... Наташа, вы знаете, еще очень молода, въ ея лѣта репутація женщины такая опасная вещь! малѣйшій какой-нибудь намёкъ, или сплетни тамъ какіе нибудь—и бѣда! Стоитъ только одну неосторожность себѣ позволить, на минуточку себѣ позволить—годами потомъ ея не поправишь, Михайло Александрычъ! Конечно, Наташа свободна, конечно, она теперь вдова.... Ну и всё. А впрочемъ, и въ ея положеніи нельзя безъ обдуманности жить, никакъ нельзя, Михайло Александрычъ!

РАКИТИНЪ.

Къ чему клонится ваша рѣчь, Анна Семеновна?...

АННА СЕМЕНОВНА.

А къ тому она клонится, Михайло Александрычъ, что я хотя и стара, однако также не совсѣмъ смыслъ потеряла, и вижу,

что около меня дѣлается. Послушайте, развѣ вы не любите Наташи? (*Значительно.*) И уже давно! (*Ракитинъ молчитъ.*) Развѣ я не вижу наконецъ, что и она къ вамъ не равнодушна? Къ чему же хитрить и скрываться, лукавить? Вы, можетъ, думаете, я, какъ мать Аркадія ..(*Вздыхаетъ.*) Конечно, мнѣ все это, откровенно вамъ скажу, не можетъ быть совершенно пріятно. Конечно, я этого не ждала, никакъ не ждала... но, Михайло Александрычъ, счастье и спокойствіе Наташи для меня дороже всего на свѣтѣ... И притомъ, сколько я васъ знаю, вы человѣкъ истинно достойный уваженія... Почему же не дѣйствовать прямо? Къ чему скрывать свои намѣренія, когда въ нихъ, кромѣ благородства, нѣтъ ничего? Зачѣмъ давать поводъ ко всякимъ глупымъ толкамъ и пересудамъ... Если вы точно дорожите репутаціей Наташи...

РАКИТИНЪ (*вставая*).

Вы желаете знать мои намѣренія, Анна Семеновна?

АННА СЕМЕНОВНА.

Конечно.

РАКИТИНЪ.

Я съ вами согласенъ, репутація Натальи Петровны драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ... А потому, вотъ мое намѣреніе въ двухъ словахъ: я сегодня же отсюда уѣзжаю.

АННА СЕМЕНОВНА.

Какъ уѣзжаете?

РАКИТИНЪ.

Уѣзжаю, и вѣроятно на долго. Можетъ быть, навсегда.

АННА СЕМЕНОВНА (*вставая*).

Да, помилуйте... да почему же.. да какъ же... Какая же наконецъ причина...

РАКИТИНЪ.

Это ужь мое дѣло, Анна Семеновна...

АННА СЕМЕНОВНА.

Чтó, вы смѣетесь надо мной?

РАКИТИНЪ.

Ни мало-съ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Ну, такъ, вы меня совсѣмъ не такъ поняли...

РАКИТИНЪ.

Нѣтъ-съ, я васъ понялъ.

АННА СЕМЕНОВНА.

Да и наконецъ, Наташа васъ не отпуститъ...

РАКИТИНЪ.

Вы думаете? А я такъ думаю, что, Наталья Петровна и не замѣтитъ моего отсутствія.

АННА СЕМЕНОВНА.

Да что вы говорите, помилуйте? развѣ я не знаю....

РАКИТИНЪ.

То-то и есть, что не знаете... глядите во всѣ глаза, да ничего не видите. Вы бѣды ждете справа, а она... (*Про себя*) Что это я... фи!

(Умолкаетъ.)

АННА СЕМЕНОВНА (*встаетъ*).

Нѣтъ, Михайло Александрычъ, этого я отъ васъ не ждала. Это значитъ другими словами, что вы мнѣ ни на волосъ не довѣряете... Не знаю, чѣмъ я это заслужила...

(Ходитъ по комнатѣ.)

РАКИТИНЪ.

Вы напрасно волнуетесь, Анна Семеновна... Увѣряю васъ, намѣреніе мое уѣхать отсюда совершенно серьёзно... Мнѣ здѣсь нельзя, и не для чего оставаться.

АННА СЕМЕНОВНА.

Не заслужила я этого отъ васъ, Михайло Александрычъ!... (*Изъ залы входитъ Бѣляевъ.*) Впрочемъ... Я надѣюсь еще васъ увидѣть... Это ни на что не похоже ... Досвиданья... Лизавета Богдановна! Лизавета Богдановна, гдѣ же это вы все пропадаете!

(Уходитъ.)

БѢЛЯЕВЪ (*подходя къ Ракитину*).

Какъ вы сегодня себя чувствуете, Михайла Александрычъ?

РАКИТИНЪ.

Благодарствуйте. По обыкновенному. А вы какъ?

БѢЛЯЕВЪ.

Я здоровъ.

РАКИТИНЪ.

Это видно!

БѢЛЯЕВЪ.

А что?

РАКИТИНЪ.

Да такъ.... по вашему лицу.... Э! да вы новый сюртукъ сегодня надѣли.... И что я вижу! цвѣтокъ въ петлицѣ. *(Бѣляевъ, краснѣя, вырываетъ его.)* Да зачѣмъ же.... зачѣмъ, помилуйте.... Это очень мило.... (*Помолчавъ.*) Кстати, Алексѣй Николаичъ, если вамъ что-нибудь нужно.... Я завтра ѣду въ городъ.

БѢЛЯЕВЪ.

Завтра?

РАКИТИНЪ.

Да.... а оттуда, можетъ быть, въ Москву.

БѢЛЯЕВЪ (*съ удивленіемъ*).

Въ Москву? Да вы, кажется, еще вчера мнѣ говорили, что намѣрены пробыть здѣсь съ мѣсяцъ....

РАКИТИНЪ.

Да.... но дѣла.,.. обстоятельство вышло такое...,

БѢЛЯЕВЪ.

И на долго вы уѣзжаете?

РАКИТИНЪ.

Не знаю.... можетъ быть, на долго.

БѢЛЯЕВЪ.

Позвольте узнать — Натальѣ Петровнѣ извѣстно ваше намѣреніе?

РАКИТИНЪ.

Нѣтъ; почему вы спрашиваете меня именно о ней?

БѢЛЯЕВЪ.

Я? (*Нѣсколько смущенный.*) Такъ.

РАКИТИНЪ (*помолчавъ и оглянувшись кругомъ*).

Алексѣй Николаичъ, кажется, кромѣ насъ, никого нѣтъ въ комнатѣ, не странно ли, что мы другъ передъ другомъ комедію разыгрываемъ, а? какъ вы думаете?

Бѣляевъ.

Я васъ не понимаю, Михайло Александрычъ.

Ракитинъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Вы точно не понимаете, зачѣмъ я уѣзжаю?

Бѣляевъ.

Нѣтъ.

Ракитинъ.

Это странно.... Впрочемъ, я готовъ вамъ вѣрить. Можетъ быть, вы дѣйствительно не знаете причину..... Хотите, я вамъ скажу, зачѣмъ я уѣзжаю?

Бѣляевъ.

Сдѣлайте одолженіе.

Ракитинъ.

Вотъ видите ли, Алексѣй Николаичъ — впрочемъ, я надѣюсь на вашу скромность — вы сейчасъ застали меня съ Анной Семеновной.... У насъ съ ней былъ довольно важный разговоръ. Вслѣдствіе именно этого разговора я рѣшился уѣхать. И знаете ли — почему? Я вамъ все это говорю, потому что считаю васъ за благороднаго человѣка.... Вообразилось Аннѣ Семеновнѣ — вообще здѣшнимъ жителямъ, что я.... ну да, что я люблю Наталью Петровну. Какъ вамъ это кажется, а? Не правда ли, какая странная мысль? Но я зато благодаренъ Аннѣ Семеновнѣ, что она не стала хитрить, наблюдать за нами, что ли, а просто и прямо обратилась ко мнѣ. Ну теперь, скажите, что́ бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? Конечно, всѣ эти подозрѣнія не имѣютъ никакого основанія, но онѣ ее тревожатъ.... Для покоя друзей порядочный человѣкъ долженъ умѣть иногда пожертвовать.... своимъ довольствіемъ. Вотъ отъ этого-то я и уѣзжаю.... Я увѣренъ, вы одобрите мое рѣшеніе, не правда ли?

Бѣляевъ,

Позвольте, Михайло Александрычъ, я, признаюсь, все-таки не понимаю, почему вы уѣзжаете.... Кажется, Наталья Петровна свободна....

Ракитинъ (*поспѣшно*).

Это ничего не значитъ, Алексѣй Николаичъ.... Я ни на что не надѣюсь и даже въ мысляхъ никогда не имѣлъ....

Мнѣ только хочется отъѣздомъ своимъ прекратить толки сосѣдей.

Бѣляевъ.

Мало ли что говорятъ сосѣди!

Ракитинъ.

Все это такъ, но дѣло не въ томъ. Я, повторяю, желаю знать, одобряете ли *вы* мое рѣшеніе?

Бѣляевъ.

Не знаю, что сказать вамъ, Михайло Александрычъ; но позвольте спросить: почему вы могли думать, что мнѣ извѣстна причина вашего отъѣзда?

Ракитинъ.

Я это такъ сказалъ; но не правда ли, вы... вы бы точно также поступили на моемъ мѣстѣ? Вы бы тоже уѣхали?

Бѣляевъ (*помолчавъ*).

Можетъ быть.

Ракитинъ.

Мнѣ очень пріятно это слышать.... Конечно, я не спорю, въ моемъ намѣреніи удалиться есть сторона смѣшная, я словно самъ почитаю себя опаснымъ; но, видите ли, Алексѣй Николаичъ, честь женщины такая нѣжная вещь.... И притомъ — я, разумѣется, это говорю не про Наталью Петровну — но я знавалъ женщинъ чистыхъ и невинныхъ сердцемъ, настоящихъ дѣтей, при всемъ умѣ, которыя, именно вслѣдствіе этой чистоты и невинности болѣе другихъ способны были отдаться внезапному увлеченью.... А потому, кто знаетъ? Лишняя осторожность въ такихъ случаяхъ не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что... Кстати, Алексѣй Николаичъ, вы, можетъ быть, еще воображаете, что любовь высшее благо на землѣ?

Бѣляевъ (*холодно*).

Я этого еще не испыталъ, но я думаю, что быть любимымъ женщиной, которую любишь, великое счастье.

Ракитинъ.

Дай вамъ Богъ долго сохранить такія пріятныя убѣжденія! По моему, Алексѣй Николаичъ, любовь бѣдственна, когда забываешь для нея свои прямыя обязанности. Погодите, вы еще, можетъ быть узнаете, какою дорогою цѣною

она покупается. Вы собственнымъ горькимъ опытомъ убѣдитесь въ справедливости словъ моихъ. Но къ чему я это все говорю вамъ, вы мнѣ не повѣрите теперь. Дѣло въ томъ, что мнѣ очень пріятно ваше одобреніе.... да, да.... въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ быть осторожнымъ.

Бѣляевъ (*который все время не спускалъ глазъ съ Ракитина*).

Спасибо за урокъ, Михайло Александрычъ, хотя я въ немъ и не нуждался.

Ракитинъ (*беретъ его за руку*).

Вы извините меня, пожалуйста, я не имѣлъ намѣренія... не мнѣ давать уроки кому бы то ни было... Я только такъ разговорился...

Бѣляевъ (*съ легкой ироніей*).

Безо всякаго повода?

Ракитинъ (*немного смѣшавшись*).

Именно, безъ всякаго особеннаго повода. Я хотѣлъ только... Вы до сихъ поръ, Алексѣй Николаичъ, жили бо́льшей частью въ Москвѣ... Вы не имѣли случая изучить женщинъ. Женщины — это очень своенравный народъ.

Бѣляевъ.

Да вы о комъ говорите?

Ракитинъ.

Такъ... ни о комъ въ особенности.

Бѣляевъ.

О всѣхъ вообще, не правда ли?

Ракитинъ (*принужденно смѣясь*).

Да, можетъ быть. Я, право, не знаю, съ какой стати я попалъ въ этотъ наставническій тонъ, но ужь позвольте мнѣ на прощаньи дать вамъ одинъ добрый совѣтъ. (*Останавливаясь и махнувъ рукой.*) Э! да впрочемъ, что я за совѣтчикъ! Извините, пожалуйста, мою болтовню....

Бѣляевъ.

Напротивъ, напротивъ...

Ракитинъ.

Итакъ, вамъ ничего не нужно изъ города?

БѢЛЯЕВЪ.

Ничего, спасибо. Но мнѣ жаль, что вы уѣзжаете.

РАКИТИНЪ.

Покорно васъ благодарю... Повѣрьте, что и мнѣ тоже... (*Изъ двери кабинета выходятъ Наталья Петровна и Вѣра. Вѣра очень печальна и блѣдна.*) Я очень былъ радъ съ вами познакомиться...

(Опять жметъ ему руку.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*глядитъ нѣкоторое время на обоихъ и подходитъ къ нимъ*).

Здравствуйте, господа...

РАКИТИНЪ (*быстро оборачиваясь*).

Здравствуйте, Наталья Петровна.... здравствуйте, Вѣра Александровна...

(Бѣляевъ молча кланяется Натальѣ Петровнѣ и Вѣрѣ. Онъ смущенъ.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*Ракитину*).

Что вы дѣлаете хорошаго?

РАКИТИНЪ.

Да ничего...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

А мы ужь съ Вѣрой гуляли по саду... Сегодня такъ хорошо на воздухѣ.... Липы такъ сладко пахнутъ. Мы все подъ липами гуляли... Пріятно слушать въ тѣни жужжаніе пчелъ надъ головой... Свѣжій вѣтерокъ такъ хлопотливо шумѣлъ въ молодыхъ листьяхъ... (*Робко Бѣляеву.*) Мы надѣялись васъ тамъ встрѣтить.

(Бѣляевъ молчитъ.)

РАКИТИНЪ (*Натальѣ Петровнѣ*).

А! и вы сегодня обращаете вниманіе на красоты природы... (*Помолчавъ.*) Алексѣю Николаичу нельзя было идти въ садъ... Онъ сегодня новый сюртукъ надѣлъ...

БѢЛЯЕВЪ (*слегка вспыхнувъ*).

Конечно, вѣдь онъ у меня только одинъ, а въ саду, пожалуй, изорвать его можно... Вѣдь вы вотъ что хотите сказать?

РАКИТИНЪ (*покраснѣвъ*).

О, нѣтъ... я совсѣмъ не то... (*Вѣра идетъ молча къ дивану направо, садится и принимается за работу. Наталья Пе-

тровна принужденно улыбается Бѣляеву. Небольшое, довольно тягостное молчаніе. Ракитинъ продолжаетъ съ язвительной небрежностью.) Ахъ, да, я и забылъ вамъ сказать, Наталья Петровна, я сегодня уѣзжаю...

Наталья Петровна (*съ нѣкоторымъ волненіемъ*).

Вы уѣзжаете? Куда?

Ракитинъ.

Въ городъ .. По дѣламъ.

Наталья Петровна.

Я надѣюсь, не надолго?

Ракитинъ.

Какъ дѣла пойдутъ. Впрочемъ, я думаю...

Наталья Петровна.

Смотрите же, возвращайтесь скорѣй. (*Къ Бѣляеву, не глядя на него.*) Алексѣй Николаичъ, это ваши рисунки мнѣ Коля показывалъ? Это вы рисовали?

Бѣляевъ.

Да-съ... я... бездѣлицы...

Наталья Петровна.

Напротивъ, это очень мило. У васъ талантъ.

Ракитинъ.

Я вижу, вы въ господинѣ Бѣляевѣ съ каждымъ днемъ открываете новыя достоинства.

Наталья Петровна (*холодно*).

Можетъ быть... Тѣмъ лучше для него. (*Бѣляеву.*) У васъ, вѣроятно, есть другіе рисунки, вы мнѣ ихъ покажете.

(Бѣляевъ кланяется.)

Ракитинъ (*который все время стоитъ какъ на иглахъ*).

Однако, я вспомнилъ, что мнѣ пора укладываться... До свиданья.

(Идетъ къ двери залы.)

Наталья Петровна (*ему вслѣдъ*).

Да вы еще проститесь съ нами...

Ракитинъ.

Конечно.

Бѣляевъ (*послѣ нѣкоторой нерѣшительности*).

Михайло Александрычъ, погодите, я съ вами пойду. Мнѣ нужно сказать вамъ два слова..

РАКИТИНЪ.

А!

(Оба уходятъ въ залу. Наталья Петровна остается посреди сцены; погодя не много, она садится налѣво.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Вѣра!

ВѢРА (*не поднимая головы*).

Что вамъ угодно?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, ради Бога, не будьте такъ со мной.. ради Бога, Вѣра... Вѣрочка... (*Вѣра ничего не говоритъ. Наталья Петровна встаетъ, идетъ черезъ всю сцену, и тихо становится передъ ней на колѣни. Вѣра хочетъ поднять ее, отворачивается и закрываетъ лицо. Наталья Петровна говоритъ на колѣняхъ.*) Вѣра, прости меня; не плачь, Вѣра. Я виновата передъ тобою, я виновата. Неужели ты не можешь простить меня?

ВѢРА (*сквозь слезы*).

Встаньте, встаньте...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Я не встану, Вѣра, пока ты не простишь меня. Тебѣ тяжело, а знаю... но вспомни, развѣ мнѣ легче... вспомни, Вѣра... Вѣдь ты все знаешь... Между нами только та разница, что ты передо мной ни въ чемъ не виновата, а я...

ВѢРА (*горько*).

Только та разница! Нѣтъ, Наталья Петровна, между нами другая есть разница... Вы сегодня такъ мягки, такъ добры, такъ ласковы...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*перебивая ее*).

Потому что я чувствую свою вину...

ВѢРА.

Въ самомъ дѣлѣ? Только по этому...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*встаетъ и садится подлѣ нея*).

Да какая же можетъ быть другая причина...

ВѢРА.

Наталья Петровна, не мучьте меня больше, не распрашивайте меня..

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*вздохнувъ*).

Вѣра, ты, я вижу, не можешь меня простить.

ВѢРА.

Вы сегодня такъ добры и такъ мягки, потому что вы чувствуете себя любимой.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*въ смущеніи*).

Вѣра!

ВѢРА (*оборачиваясь къ ней*).

Чтожь, развѣ это не правда?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*печально*).

Повѣрь мнѣ, мы обѣ съ тобой равно несчастны.

ВѢРА.

Онъ васъ любитъ!

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, что намъ за охота другъ друга мучить? Пора намъ обѣимъ опомниться. Вспомни, въ какомъ я положеніи, въ какомъ мы положеніи обѣ. Вспомни, что объ нашей тайнѣ, по моей винѣ конечно, знаютъ уже здѣсь два человѣка... (*Останавливается.*) Вѣра, вмѣсто того, чтобы терзать другъ друга подозрѣніями и упреками, не лучше ли намъ вдвоемъ подумать о томъ, какъ бы выйдти изъ этого тяжелаго положенія... Или ты думаешь, что я могу выносить эти волненья, эти тревоги?.. Ты меня знаешь, Вѣра... Ты знаешь, привыкла ли я... Но ты меня не слушаешь.

ВѢРА (*задумчиво глядя на полъ*).

Онъ васъ любитъ...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Вѣра, онъ уѣдетъ.

ВѢРА (*оборачиваясь*).

Ахъ, оставьте меня....

(Наталья Петровна глядитъ на нее съ нерѣшительностью. Въ это мгновеніе въ кабинетѣ раздается голосъ Анны Семеновны: «Наташа, а Наташа, гдѣ ты?»)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*быстро встаетъ и подходитъ къ двери кабинета*).

Я здѣсь... Что вамъ?

ГОЛОСЪ АННЫ СЕМЕНОВНЫ.

Поди-ка сюда, мнѣ нужно тебѣ что-то сказать....

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Сейчасъ.

(Она возвращается къ Вѣрѣ, протягиваетъ ей руку. Вѣра не шевелится. Наталья Петровна вздыхаетъ и уходитъ въ кабинетъ.)

Вѣра (*одна, послѣ молчанья*).

Онъ ее любитъ!... И я должна остаться у ней въ домѣ... О! это слишкомъ...

(Она закрываетъ лицо руками и остается неподвижной. Изъ двери, ведущей въ залу, показывается голова Шпигельскаго. Онъ осторожно оглядывается и подходитъ на цыпочкахъ къ Вѣрѣ, которая его не замѣчаетъ.)

Шпигельскій (*постоявъ передъ ней, скрестя руки и съ язвительной улыбкой на лицѣ*).

Вѣра Александровна!... А Вѣра Александровна...

Вѣра (*поднявъ голову*).

Кто это? Вы, докторъ...

Шпигельскій.

Что вы, моя барышня, не здоровы, что ли?

Вѣра.

Нѣтъ, ничего.

Шпигельскій.

Дайте-ка пощупать пульсъ. (*Щупаетъ у ней пульсъ.*) Гмъ. Что такъ скоро? Ахъ, вы, барышня моя, барышня... Не слушаетесь вы меня... А ужь, кажется, я на что вамъ добра желаю.

Вѣра (*рѣшительно взглянувъ на него*).

Игнатій Ильичъ...

Шпигельскій (*проворно*).

Слушаю, Вѣра Александровна... Что за взглядъ, помилуйте... Слушаю.

Вѣра.

Этотъ господинъ... Большинцовъ, вашъ знакомый, точно хорошій человѣкъ?

Шпигельскій.

Мой пріятель Большинцовъ? Отличнѣйшій, честнѣйшій человѣкъ.... образецъ и примѣръ добродѣтели.

Вѣра.

Онъ не злой?

Шпигельскій.

Добрѣйшій, помилуйте. Это не человѣкъ, это тѣсто, помилуйте. Только стоитъ взять да лѣпить. Такого добряка

другого на свѣтѣ днемъ съ огнемъ не найдти. Голубь, а не человѣкъ.

Вѣра.

Вы за него ручаетесь?

Шпигельскій (*кладетъ одну руку на сердце, а другую поднимаетъ кверху*).

Какъ за самого себя!

Вѣра.

Въ такомъ случаѣ, вы можете ему сказать... что я готова за него замужъ выйдти.

Шпигельскій (*съ радостнымъ изумленіемъ*).

Ой ли?

Вѣра.

Только какъ можно скорѣе — слышите? — какъ можно скорѣе...

Шпигельскій.

Завтра, если хотите... Еще бы! Ай да Вѣра Александровна! Молодецъ барышня! Я сейчасъ же къ нему поскачу. То-то я его обрадую... Вотъ какое неожиданное вышло обстоятельство! Вѣдь онъ въ васъ души не чаетъ, Вѣра Александровна... Оно, впрочемъ, не удивительно...

Вѣра (*съ нетерпѣніемъ*).

Я у васъ этого не спрашиваю, Игнатій Ильичъ.

Шпигельскій.

Какъ знаете, Вѣра Александровна; какъ знаете. А только вы будете съ нимъ счастливы, вы будете меня благодарить, вы увидите... (*Вѣра дѣлаетъ опять нетерпѣливое движеніе.*) Ну, я молчу, я молчу... Стало быть я могу ему сказать...

Вѣра.

Можете, можете...

Шпигельскій.

Очень хорошо-съ. Такъ я сейчасъ отправляюсь. До свиданья. (*Прислушиваясь.*) Кстати же кто-то сюда идетъ. (*Идетъ въ кабинетъ и на порогѣ дѣлаетъ про себя изумленную гримасу.*) До свиданья.

(Уходитъ.)

Вѣра (*глядя ему въ слѣдъ*).

Все на свѣтѣ скорѣй, чѣмъ здѣсь остаться... (*Встаетъ*.) Да; я рѣшилась. Я не останусь въ этомъ домѣ... ни за что. Я не могу сносить ея кроткаго взора, ея улыбки, я не могу видѣть, какъ она вся отдыхаетъ, вся нѣжится въ своемъ счастіи... Вѣдь она счастлива, какъ она тамъ ни прикидывайся грустной и печальной..., Ея ласки мнѣ нестерпимы....

(Изъ двери залы показывается Бѣляевъ. Онъ осматривается и подходитъ къ Вѣрѣ.)

Бѣляевъ (*въ полголоса*).

Вѣра Александровна, вы однѣ?

Вѣра (*оглядывается, вздрагиваетъ и, помолчавъ немного, произноситъ:*)

Да.

Бѣляевъ.

Я радъ, что вы однѣ... Я бы не вошелъ сюда, если бы... Вѣра Александровна, я пришелъ проститься съ вами.

Вѣра.

Проститься?

Бѣляевъ.

Да, я уѣзжаю.

Вѣра.

Вы уѣзжаете? И вы уѣзжаете?

Бѣляевъ.

Да.... и я. (*Съ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ*). Вотъ видите ли, Вѣра Александровна, мнѣ нельзя здѣсь остаться. Мое присутствіе ужь и такъ здѣсь надѣлало много бѣдъ. Кромѣ того, что я, самъ не знаю какъ, возмутилъ ваше спокойствіе и спокойствіе Натальи Петровны, я еще нарушилъ старинныя, дружескія связи. По моей милости г. Ракитинъ уѣзжаетъ отсюда, вы разсорились съ вашей благодѣтельницей... Пора прекратить все это. Послѣ моего отъѣзда все, я надѣюсь, опять успокоится и придетъ въ порядокъ.... Притомъ я.... Кружить голову богатымъ барынямъ и молодымъ дѣвушкамъ не мое дѣло... Вы обо мнѣ позабудете и, можетъ быть, со временемъ станете удивляться, какъ это все могло случиться... Меня даже теперь это удивляетъ... Я не хочу васъ обманывать, Вѣра Александровна: мнѣ страшно, мнѣ жутко здѣсь остаться... Я не могу ни за что отвѣчать...

Я, знаете ли, не привыкъ ко всему этому. Мнѣ неловко.. мнѣ такъ и кажется, что всѣ глядятъ на меня... Да и наконецъ мнѣ невозможно будетъ... теперь... съ вами обѣими...

ВѢРА.

О на мой счетъ не безпокойтесь!... Я не долго останусь здѣсь.

БѢЛЯЕВЪ.

Какъ?

ВѢРА.

Это моя тайна. Но я вамъ не буду мѣшать, повѣрьте.

БѢЛЯЕВЪ.

Ну, вотъ видите, какже мнѣ не уѣхать? Посудите сами. Я словно чуму занесъ въ этотъ домъ: всѣ бѣгутъ отсюда.... Не лучше ли мнѣ одному исчезнуть, пока еще есть время? Я сейчасъ имѣлъ большой разговоръ съ г. Ракитинымъ.... Вы не можете вообразить, сколько было горечи въ его словахъ... Впрочемъ, вы, можетъ быть, не знаете... А онъ подѣломъ подтрунилъ надъ моимъ новымъ сюртукомъ.... Онъ правъ. Да; я долженъ уѣхать. Повѣрите ли, Вѣра Александровна, я не дождусь той минуты, когда я буду скакать въ телѣгѣ по большой дорогѣ.... Мнѣ душно здѣсь, мнѣ хочется на воздухъ. Мнѣ мочи нѣтъ какъ горько и въ то же время легко, словно человѣку, который отправляется въ далекое путешествіе, за море: ему тошно разставаться съ друзьями, ему жутко, а между тѣмъ море такъ весело шумитъ, вѣтеръ такъ свѣжо дуетъ ему въ лицо, что кровь невольно играетъ въ его жилахъ, какъ сердце въ немъ ни тяжело.... Да, я рѣшительно уѣзжаю. Вернусь въ Москву, къ своимъ товарищамъ, стану работать....

ВѢРА.

Вы, стало быть, ее любите, Алексѣй Николаичъ; вы ее любите, а между тѣмъ...

БѢЛЯЕВЪ.

Полноте, Вѣра Александровна, къ чему это? Развѣ вы не видите, что все кончено. Все. Вспыхнуло и погасло какъ искра. Разстанемтесь друзьями. Пора. Я опомнился. Пора. Мнѣ душно здѣсь. Будьте здоровы, будьте счастливы, мы когда нибудь увидимся... Я васъ никогда не забуду, Вѣра Александровна... Я васъ очень полюбилъ, повѣрьте... (*Жметъ*

ей руку и прибавляетъ поспѣшно.) Отдайте отъ меня эту записку Натальѣ Петровнѣ...

ВѢРА (*съ смущеніемъ взглянувъ на него*).

Записку?

БѢЛЯЕВЪ.

Да... я не могу съ ней проститься.

ВѢРА.

Да развѣ вы сейчасъ уѣзжаете?

БѢЛЯЕВЪ.

Сейчасъ... Я никому ничего не сказалъ объ этомъ... исключая одного Михайла Александрыча. Онъ знаетъ... онъ одобряетъ меня. Я отправлюсь отсюда сейчасъ пѣшкомъ до Петровскаго. Въ Петровскомъ я подожду Михайла Александрыча, и мы вмѣстѣ поѣдемъ въ городъ. Изъ города я напишу. Мои вещи мнѣ вышлютъ. Вы видите, все уже слажено... Впрочемъ, вы можете прочесть эту записку. Въ ней всего два слова.

ВѢРА (*принимая отъ него записку*).

И точно, вы уѣзжаете...

БѢЛЯЕВЪ.

Да, да... Отдайте ей эту записку и скажите ей... Нѣтъ, не говорите ей ничего. Къ чему? (*Прислушивается.*) Сюда идутъ... Прощайте...

(Бросается къ двери, остонавливается на минуту на порогѣ, и бѣжитъ вонъ. Вѣра остается съ запиской въ рукѣ. Изъ гостиной выходитъ Наталья Петровна.)

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*подходя къ Вѣрѣ*).

Вѣрочка... (*Взглядываетъ на нее и останавливается.*) Что съ тобой? (*Вѣра молча протягиваетъ ей записку,*) Записка?... отъ кого?

ВѢРА (*глухо*).

Прочтите.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА.

Ты меня пугаешь.

(Читаетъ про себя записку, и вдругъ прижимаетъ обѣ руки къ лицу и падаетъ на кресла. Долгое молчанье.)

ВѢРА (*приближаясь къ ней*).

Наталья Петровна...

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*не отнимая рукъ отъ лица*).

Онъ уѣзжаетъ!... Онъ даже не хотѣлъ проститься со мной... О! Съ вами онъ по крайней мѣрѣ простился!

Вѣра (*печально*).

Онъ меня не любилъ...

Наталья Петровна (*отнимаетъ руки и встаетъ*).

Но онъ не имѣетъ права такъ уѣхать... Я хочу... Онъ не можетъ такъ... Кто ему позволилъ такъ глупс перервать... Это презрѣніе наконецъ... Я... Почему онъ знаетъ, что я бы никогда не рѣшилась... (*Опускается въ кресла.*) Боже мой, Боже мой!...

Вѣра.

Наталья Петровна, вы сами сейчасъ мнѣ говорили, что онъ долженъ уѣхать... Вспомните...

Наталья Петровна.

Вамъ хорошо теперь... Онъ уѣзжаетъ... Теперь мы обѣ съ вами равны...

(Голосъ ея перерывается.)

Вѣра.

Наталья Петровна, вы мнѣ сейчасъ говорили... вотъ вамъ собственныя слова: вмѣсто того, чтобы терзать другъ друга, не лучше ли намъ вдвоемъ подумать о томъ, какъ бы выйдти изъ этого положенія, какъ бы спастись... Мы спасены теперь.

Наталья Петровна (*почти съ ненавистью отворачиваясь отъ нея*).

Ахъ...

Вѣра.

Я понимаю васъ, Наталья Петровна... Не безпокойтесь... Я не долго буду тяготить васъ своимъ присутствіемъ. Намъ вмѣстѣ жить нельзя.

Наталья Петровна (*хочетъ протянуть ей руку и роняетъ ее на колѣни*).

Зачѣмъ ты это говоришь, Вѣрочка... Неужели и ты хочешь меня оставить? Да, ты права, мы спасены теперь. Все кончено... все опять пришло въ порядокъ...

Вѣра (*холодно*).

Не безпокойтесь, Наталья Петровна.

(Вѣра молча глядитъ на нее.... Въ это мгновеніе изъ кабинета выходитъ Анна Семеновна.)

Анна Семеновна (*въ полголоса Вѣрѣ*).

Развѣ онъ и ей сказалъ, что уѣзжаетъ?

Вѣра (*съ недоумѣніемъ*).

Да...

Анна Семеновна.

Это непостижимо! (*Громко.*) Наташа! (*Беретъ ее за руку. Наталья Петровна поднимаетъ голову.*) Это я, Наташа... Ты не здорова, душа моя... (*Кричитъ въ кабинетъ: дѣвушки, сбѣгайте за Шпигельскимъ.*) Я бы посовѣтовала тебѣ прилечь.

Наталья Петровна.

Я здорова, maman... Это ничего.

Анна Семеновна.

Въ самомъ дѣлѣ? Однако ты блѣдна. Право, послушайся меня. Отдохни немножко.

Наталья Петровна.

Ну, пожалуй... Можетъ быть, точно...

(Хочетъ встать и не можетъ.)

Анна Семеновна (*помогая ей*).

Вотъ видишь... (*Она опирается на ея руку.*) Хочешь я тебя провожу, душечка?

Наталья Петровна.

О, я еще не такъ слаба... Пойдемъ, Вѣра.

(Направляется къ двери кабинета. Изъ залы входитъ Ракитинъ. Наталья Петровна останавливается.)

Ракитинъ.

Я пришелъ, Наталья Петровна...

(Умолкаетъ.)

Анна Семеновна.

А! вы! (*Подходитъ къ нему.*) Посмотрите, полюбуйтесь, что такое вы надѣлали? И для чего? Что за непонятная мысль? Еслибъ вы видѣли, въ какомъ волненіи я ее застала...

Ракитинъ.

А вы продолжаете думать, что этому всему *мой* отъѣздъ причиной...

Анна Семенова.

Да полноте, наконецъ! Ну, Богъ съ вами, уѣзжайте, коли ужь вамъ не терпится... И слава Богу! Давно бы пора!

РАКИТИНЪ.

Мнѣ очень пріятно наконецъ слышать отъ васъ, Анна Семеновна, что вы одобряете мое намѣреніе...

(Анна Семеновна пожимаетъ плечами, и обращается къ Натальѣ Петровнѣ, которая нѣсколько разъ какъ бы порывалась приблизиться къ Ракитину.)

АННА СЕМЕНОВНА.

Ты къ себѣ идешь, Наташа?

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*берется за ручку двери*).

Да.

РАКИТИНЪ (*слегка дрожащимъ голосомъ*).

Прощайте, Наталья Петровна...

(Наталья Петровна ничего не отвѣчаетъ.)

АННА СЕМЕНОВНА.

Наташа, онъ прощается съ тобой.

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА (*глухо*).

Прощайте.

(Закрываетъ лицо одной рукою, толкаетъ дверь кабинета другою, и уходитъ. Вѣра уходитъ за ней. Анна Семеновна садится на диванъ.)

РАКИТИНЪ (*поглядѣвъ нѣкоторое время ей вслѣдъ, въ полголоса*).

Каково мое положеніе? а? Славно, нечего сказать. Прáво, даже освѣжительно. И прощаніе-то каково, послѣ четырехъ-лѣтней любви? Хорошо, очень хорошо, по дѣломъ болтуну. Да и слава Богу, все къ лучшему. Пора было прекратить эти болѣзненныя, эти чахоточныя отношенія... (*Громко Аннѣ Семеновнѣ.*) Ну-съ, Анна Семеновна, прощайте и вы.

АННА СЕМЕНОВНА.

Прощайте, любезнѣйшій Михайло Александрычъ.

(Ракитинъ улыбается, кланяется и хочетъ идти въ залу, ему на встрѣчу вбѣгаетъ Шпигельскій.)

ШПИГЕЛЬСКІЙ.

Что такое? мнѣ сказали, Натальѣ Петровнѣ дурно...

АННА СЕМЕНОВНА.

Теперь ей лучше... А все-таки вы посмотрите ее.

Шпигельскій.

Сейчасъ...

Ракитинъ.

А я такъ думаю, лучше не безпокоить теперь Наталью Петровну.

Шпигельскій.

Вы думаете? Ну, пожалуй. Да кстати, правда ли, вы, говорятъ, уѣзжаете?

Ракитинъ.

Да, по дѣламъ .. въ городъ.

Шпигельскій.

А! по дѣламъ!... Внезапный отъѣздъ!

(Вбѣгаетъ Коля; за нимъ Шаафъ.)

Коля.

Бабушка! бабушка!

Анна Семеновна.

Что тебѣ?

Коля.

Гдѣ Алексѣй Николаичъ... говорятъ, онъ ушелъ. Зачѣмъ онъ ушелъ?

Анна Семеновна.

Куда ушелъ?

Коля.

Я не знаю. Поцаловалъ меня, надѣлъ фуражку и ушелъ. А теперь часъ русскаго урока.

Анна Семеновна.

Онъ такъ куда нибудь пошелъ, сейчасъ вернется. Впрочемъ, можно за нимъ послать.

Ракитинъ (*въ полголоса Аннѣ Семеновнѣ*).

Не посылайте за нимъ, Анна Семеновна... Онъ не вернется...

(Шпигельскій шепчется съ Лизаветой Богдановной.)

Анна Семеновна.

Это что?

Ракитинъ.

Онъ тоже уѣзжаетъ.

Анна Семеновна (*встаетъ*).

Уѣзжаетъ?

РАКИТИНЪ.

Точно такъ-съ.

АННА СЕМЕНОВНА (*всплеснувъ руками*).

Чтожь это такое значитъ наконецъ? И вамъ извѣстна причина его отъѣзда?

РАКИТИНЪ.

Да... но для васъ она не интересна.

АННА СЕМЕНОВНА (*величественно Шаафу*).

Господинъ Шаафъ, извольте увести Колю: займитесь съ нимъ, вмѣсто господина Бѣляева.

(Она съ достоинствомъ и грустью садится. Лизавета Богдановна становится сзади ея.)

ШААФЪ (*дергая Колю*).

Kommen sie, mein Herr, kommen sie.

(Уводитъ Колю. Анна Семеновна поднимаетъ взоры къ небу, какъ бы желая отчудиться отъ всего, что происходитъ вокругъ нея.)

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*украдкой и лукаво Ракитину*).

А что, Михайло Александрычъ, не прикажете ли довезти васъ на новой троечкѣ до большой дороги?

РАКИТИНЪ.

А!.. Развѣ вы...

ШПИГЕЛЬСКІЙ (*скромно*).

Я съ Вѣрой Александровной переговорилъ... Такъ прикажете-съ?

РАКИТИНЪ.

Пожалуй! (*Кланяется Аннѣ Семеновнѣ.*) Анна Семеновна, честь имѣю...

АННА СЕМЕНОВНА (*все также величественно, не поднимаясь съ мѣста*).

Прощайте, Михайло Александрычъ... Желаю вамъ счастливаго пути...

РАКИТИНЪ.

Покорно благодарю. Лизавета Богдановна...

(Кланяется ей. Она въ отвѣтъ ему присѣдаетъ. Онъ уходитъ въ залу.)

Шпигельскій (*подходя къ ручкѣ Анны Семеновны*).

Прощайте, барыня...

Анна Семеновна (*менѣе величественно, но все-таки строго*).

А! и вы уѣзжаете, докторъ?

Шпигельскій.

Да-съ... Больные, знаете, того-съ. Притомъ же, вы видите, мое присутствіе здѣсь не требуется. (*Раскланиваясь, хитро щурится Лизаветѣ Богдановнѣ, которая отвѣчаетъ ему улыбкой.*) До свиданья...

(Убѣгаетъ вслѣдъ за Ракитинымъ.)

Анна Семеновна (*даетъ ему выйдти и, скрестивъ руки, медленно обращается къ Лизаветѣ Богдановнѣ*).

Что вы объ этомъ обо всемъ думаете, душа моя, а?

Лизавета Богдановна (*вздохнувъ*).

Не знаю-съ, что вамъ сказать, Анна Семеновна.

Анна Семеновна.

Слышала ты, Бѣляевъ тоже уѣзжаетъ...

Лизавета Богдановна (*опять вздохнувъ*).

Ахъ, Анна Семеновна, можетъ быть, и мнѣ не долго придется здѣсь остаться.... И я уѣзжаю.

(Анна Семеновна съ невыразимымъ изумленіемъ глядитъ на нее. Лизавета Богдановна стоитъ передъ ней, не поднимая глазъ.)

Занавѣсъ медленно падаетъ.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

1850.

ТОНКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ,

ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И НАБЛЮДЕНІЯ.

ГЛАВА I,

въ которой тонкій человѣкъ говоритъ, а другъ его спитъ.

23 марта 18** года очень рано, часу въ одиннадцатомъ, къ Тросникову пришелъ пріятель его Грачовъ и сказалъ съ своей всегдашней важностью:

— Любезный Тросниковъ, можешь ли ты удѣлить мнѣ нѣсколько часовъ времени?

— Изволь, сколько угодно. Но что такое особенное случилось?

— Мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Тросниковъ вдругъ разсмѣялся.

— Чему ты смѣешься?

— Да какже не смѣяться? Ты посмотри на себя. Такъ и Манфредъ не часто смотрѣлъ, я думаю!

— Перестань шутить. Я пришелъ сообщить тебѣ намѣреніе, которое глубоко созрѣло въ моей душѣ и должно имѣть вліяніе на всю мою жизнь.

— Въ чемъ же оно состоитъ?

— Прежде чѣмъ я скажу его, я желалъ бы разсказать многое — дать тебѣ, такъ сказать, ключъ къ моему внутреннему міру.

— Какъ торжественно! Извини, не могу не смѣяться. Впрочемъ готовъ слушать.

— Послушай, таинственно сказалъ Грачовъ, нисколько не обидясь смѣхомъ своего пріятеля. — Послушай, и ты перестанешь смѣяться, ты можетъ быть даже.....

— Пролью слезу состраданія? Можетъ быть; говори!

— Того, что я рѣшаюсь довѣрить твоей дружбѣ (я знаю: ты умѣешь уважать тайны друзей, и надѣюсь, что могу назвать другомъ человѣка, съ которымъ коротокъ съ самого дѣтства), нельзя передать въ двухъ словахъ, и потому если ты не расположенъ слушать теперь, то лучше скажи....

— Ничего, любезный другъ, говори. Ты увидишь, что я не только уважаю тайны друзей, но даже умѣю выслушивать ихъ. Итакъ, начинай!

Грачовъ началъ:

«Чтобъ сказать все, я долженъ коснуться моего дѣтства....»

Но разсказъ Грачова длился нѣсколько часовъ, и какъ мы не принадлежимъ къ числу друзей разсказчика, то не лучше ли намъ сократить его? Благо, у насъ подъ рукою вѣрное средство: опытъ научилъ насъ, что какъ только торжественное «я» уступитъ мѣсто скромному «онъ», многія подробности, казавшіяся чрезвычайно важными, вылетаютъ сами собою. Напримѣръ: «Принужденный самъ заботиться «о долговѣчности моихъ сапоговъ, я пріискалъ какой-то «дрянной черепокъ, пошелъ на рынокъ, купилъ дегтю, увы! «на послѣдній гривенникъ, и возвратясь домой, тщательно «вымазалъ мои сапоги, не щадя рукъ и подвергая невыно-«симой пыткѣ мое бѣдное обоняніе». Отбросьте «я» и останется: «онъ купилъ дегтю — и вымазалъ свои сапоги». Если вамъ мало одного примѣра, то можете дѣлать опыты сами: теперь только и пишутся, что записки, признанія, воспоминанія, автобіографіи. И вы увидите иногда результаты неожиданные. Эта невинная замѣна имѣетъ дѣйствіе лопаты, съ помощью которой очищаютъ — вѣютъ — только-что вымолоченный хлѣбъ: зерно остается на гумнѣ, а шелуху и пыль уноситъ вѣтеръ.... И нѣтъ ничего легче какъ вѣять. Если вы живали въ деревнѣ осенью, то вѣрно замѣтили, что этимъ дѣломъ занимаются даже малые ребятишки. Дружно предаются они своей работѣ; зачерпнувъ зеренъ, высоко взбрасываютъ они лопаты свои — и какъ, образовавъ на минуту

темную бровь въ воздухѣ, весело и хлёско падаютъ тучные зерна на твердое, гладко-укатанное гумно! Славный звукъ и вообще хорошая картина. Но жалкое зрѣлище представляетъ шелуха: какъ подбитая моль, вяло покружась въ воздухѣ, она апатически осѣдаетъ на траву или на болото и пропадаетъ тамъ. Но что до шелухи? О ней никто не думаетъ. Дѣло въ томъ, что очищаемый такимъ образомъ хлѣбъ даетъ сытную и здоровую пищу, и да научатся «вѣять» всѣ тѣ, до кого это можетъ относиться.

И мы попробовали вѣять. И опытъ нашъ превзошелъ ожиданія: разсказъ Грачова разлетѣлся весь такъ, что уцѣлѣло только нѣсколько отрывочныхъ громкихъ словъ съ приличнымъ числомъ восклицательныхъ знаковъ: «скука, тоска, разочарованіе!...» Грачовъ жаловался на пустоту своей жизни и въ подтвержденіе приводилъ свою біографію, точно не богатую ничѣмъ особеннымъ. Итакъ, передавать читателю нечего и приходится начать новую главу. Однакожъ, если пересказывать нечего, то Тросникову пришлось много слушать. Какъ же онъ слушалъ? Сначала онъ брился, пилъ кофей, курилъ сигару, а потомъ сталъ зѣвать, закрываясь газетой, и наконецъ уснулъ. Проснувшись на эпизодѣ о какой-то паннѣ Сабинѣ, которую Грачовъ почиталъ чудомъ женскихъ совершенствъ, и которая провела его самымъ грубымъ образомъ, — проснувшись, Тросниковъ взглянулъ на часы и внезапно озлился, должно быть отъ мысли, что нашелся человѣкъ, считающій его способнымъ выслушивать такія длинныя *признанія*, чьи бы то ни было. Одновременно съ озлобленіемъ, какъ это часто бываетъ, онъ почувствовалъ голодъ, позвонилъ человѣка и велѣлъ подавать обѣдъ тотчасъ, какъ будетъ готовъ.

— Вели и на мою долю, прибавилъ Грачовъ. — Я не ѣлъ больше сутокъ и сегодня буду имѣть аппетитъ волчій.

Окончаніе признаній своего пріятеля Тросниковъ дослушалъ такъ мрачно, что будь Грачовъ хоть немного менѣе погруженъ въ свой разсказъ, онъ вѣрно сдѣлалъ бы одно изъ тѣхъ тонкихъ замѣчаній, которыя любилъ дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ, придавая имъ свою любимую форму вопросовъ и отвѣтовъ, именно:

Вопросъ: Когда человѣкъ находится въ самомъ глупомъ положеніи?

Отвѣтъ: Когда повѣряетъ свои душевныя тайны голодному пріятелю.

Или что-нибудь подобное.

ГЛАВА II,

ВЪ КОТОРОЙ ТОНКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ СПИТЪ, А ДРУГЪ ЕГО ГОВОРИТЪ.

— Итакъ, ты видишь теперь, сказалъ Грачовъ, окончивъ свои признанія: — ты видишь, что я не фразирую, отзываясь нѣсколько жолчно о жизни, о людяхъ, о женщинахъ, и принявъ твердое намѣреніе....

— Вижу, перебилъ Тросниковъ. — Все вижу и все понимаю! И ты убѣжденъ, что жизнь тяжкое бремя? Что женщины, напримѣръ, уже не могутъ занимать ни твоего сердца, ни даже глазъ?

— Убѣжденъ, отвѣчалъ Грачовъ.

— Скромное общество нѣсколькихъ избранныхъ друзей, съ которыми сблизиться — помнишь? — ты такъ добивался, такъ же, говоришь ты, потеряло въ глазахъ твоихъ всю прелесть?

— Да, со вздохомъ сказалъ Грачовъ.

— Карты, въ которыя ты игралъ не столь счастливо, какъ охотно, карты тоже?

— Тоже.

— Театръ, опера, въ которой ты хоть мало понималъ, но много шумѣлъ, опера тоже?

— Тоже.

— И ты говоришь, тебѣ осталось одно: уѣхать въ деревню?

— И навсегда! съ эффектомъ сказалъ Грачовъ.

— Навсегда? Ну, едва ли! Извини, любезный другъ, слишкомъ сильно сказано! И откуда вдругъ такое рѣшеніе? Еще третьяго дня игралъ ты до разсвѣта въ карты, гулялъ по Невскому съ полнымъ самонаслажденіемъ — и вдругъ....

— Но ты знаешь, что часто самыя скорыя рѣшенія бываютъ и самыя рѣшительныя.... Они зрѣютъ въ тишинѣ, подобно.... подобно....

Грачовъ не прибралъ сравненія, и продолжалъ:

— Я пришелъ вчера домой переодѣться, чтобъ ѣхать обѣдать къ С*, какъ вдругъ вопросъ... нѣтъ, множество вопросовъ: что я тамъ буду дѣлать? и къ чему ѣду? и къ чему ѣздилъ прежде? И что я вообще дѣлаю? и не есть ли вся моя жизнь пошлое повтореніе однихъ и тѣхъ же пошлостей? Эти вопросы сами собою пришли мнѣ въ голову. Или, можетъ быть, ихъ вогналъ въ нее порывъ теплаго весенняго вѣтерка, который ворвался въ открытую форточку. И я подумалъ....

— Не лучше ли съѣздить въ деревню?...

—И я подумалъ: *не лучше ли уѣхать навсегда въ деревню!* съ удареніемъ произнесъ Грачовъ.—Эта мысль не оставляла меня за обѣдомъ и потомъ цѣлый вечеръ. Я съ ней сегодня проснулся и нетерпѣливо побѣжалъ къ тебѣ, чтобъ сообщить ее.

— Ну, видишь какъ все просто!

— Да; но дорогой мысль о пошлости моей жизни и о томъ, какъ въ самомъ дѣлѣ мало занимаетъ меня все то, чему я предаюсь съ утра до ночи....

— А иногда и по ночамъ....

— Дорогой эта мысль представилась моему уму съ поразительной ясностью, и мнѣ стало стыдно, я почувствовалъ даже отвращеніе къ той жизни, которую велъ.... и мое давнее презрѣніе, мое горькимъ опытомъ купленное знаніе людей, весь ядъ желчи и ненависти, какъ огонь, таившійся подъ пепломъ, все вспыхнуло....

— И въ такомъ прекрасномъ духѣ ты пришелъ ко мнѣ и вмѣсто того, чтобъ сказать просто: «я вздумалъ ѣхать въ деревню отдохнуть и поохотиться; не хочешь ли ѣхать со мной?», ты вотъ уже пять часовъ сряду... (какъ долго не даютъ ѣсть!...) изливаешься передъ пріятелемъ въ краснорѣчивыхъ и мрачныхъ признаніяхъ, бранишь все и всѣхъ, словомъ — употребляешь отчаянныя усилія вогнать и его въ тоску.... очень великодушно! Прекрасная привычка: какъ только дрянь какая заведется на душѣ, тотчасъ бѣжать къ пріятелю. И все подъ предлогомъ дружбы: ищу участія, совѣта! Изволь, я буду совѣтовать. Только, смотри, не пенять. Теперь моя очередь, и я тоже начну издалека. Прежде всего позволь предложить тебѣ вопросъ: не проигрался ли ты вчера?

— Сдѣлай одолженіе; говори, спрашивай, сколько угодно! Ты хочешь знать, апатически сказалъ Грачовъ: — не

проигрался ли я вчера?... Проигралъ! Ну, теперь продолжай и можешь быть увѣренъ: ты найдешь самаго терпѣливаго слушателя, если вздумаешь говорить хоть до завтра — чѣмъ дольше, тѣмъ лучше....

И тонкій человѣкъ зѣвнулъ, и по круглому лицу его пробѣжала ядовитая улыбка.

— Проигралъ! ну, вотъ видишь, ты проигралъ вчера да и вообще въ зиму попроигрался, пріятели дали нѣсколько щелчковъ твоему самолюбію и дали по дѣломъ: все твоя глупая страсть къ тонкостямъ; вотъ и оказалось: карты и пріятели — вещь негодная. Кстати припомнилъ ты исторію съ панной Сабиной. Ну и женщины тоже! Наконецъ пѣвица, по правдѣ сказать преплохая, которую ты одинъ поддерживалъ, бѣснуясь и бросая ей букеты, тогда какъ другіе шикали, любимая твоя пѣвица окончательно срѣзалась. Ну и опера никуда не годится. Такимъ образомъ и очутилось въ самомъ концѣ то, съ чего слѣдовало начать и въ чемъ все дѣло: «ѣдемъ въ деревню». Сознайся, вѣдь такъ?

Тросниковъ пріостановился. Но вмѣсто отвѣта послышалось тихое и мѣрное храпѣніе.

— Ты спишь? Такъ скоро? о, тонкій человѣкъ! да непритворяешься ли ты?

Отвѣта не было.

— Смотри, Грачовъ, если ты вздумалъ выкинуть новую тонкость, то предупреждаю: она не удастся, ты будешь жестоко раскаеваться въ ней. Лучше признайся. Молчишь? — ну смотри: я буду не умолимъ!

И онъ продолжалъ, наблюдая спящее лицо своего пріятеля.

— Сказать просто «ѣду въ деревню» не въ твоемъ вкусѣ. Я знаю тебя: ты ничего не любишь дѣлать просто. Каждое самое естественное желаніе, мимо простыхъ и очевидныхъ причинъ, ты считаешь долгомъ облечь флеромъ таинственности, особенной важности, или траурной торжественности. Никогда не забуду твоихъ разглагольствій передъ отъѣздомъ за границу. Боже мой! какихъ глубокихъ, важныхъ, возвышенныхъ причинъ не насказалъ ты, хитрый педантъ! а ты ѣхалъ просто потому, что шевелились лишнія деньжонки въ карманѣ и что при разсказахъ о парижскихъ женщинахъ у тебя глаза наливались кровью, какъ у этого тупоумнаго

индѣйца Джальмы, которымъ ты тогда восхищался вмѣстѣ съ парижскими дворниками. Спишь, Грачовъ? спитъ—значитъ я могу продолжать. А твоя глупая страсть къ тонкостямъ? Ха, ха, ха, какъ ты всегда съ ней срѣзывался! Помнишь, разъ на охотѣ, мы въ потѣ лица мѣсили грязь по болоту, а ты, тонкій человѣкъ, засѣлъ въ кустъ и зло посмѣивался, стрѣляя сгоняемыхъ нами бекасовъ и утокъ; но только ты не разсчиталъ одного, что, сберегая ноги, можешь поплатиться лбомъ. И твой же собственный егерь, не замѣтивъ въ кустѣ твоей важной особы, влѣпилъ въ нее ползаряда... ха, ха, ха... правда, лобъ твой устоялъ противъ бекасиной дроби; но смотри: не всѣ части твоего тѣла, можетъ быть, такъ крѣпки какъ лобъ и не всегда ружье заряжается бекасинникомъ! Ты тонилъ еще въ дѣтствѣ, и тонкость уже тогда рѣзала тебя. Помнишь, въ пансіонѣ у Курнана: какой славный день былъ, и какъ чудесно солнце свѣтило въ раскрытыя окна нашего класса! Тогда еще голубь влетѣлъ въ окно и ужасно перепугалъ учителя. Ждали новаго инспектора, все было вымыто, вычищено; Mr. Верфель въ новомъ фракѣ, отчаянно отмахивалъ французскіе глаголы; вдругъ врывается въ классъ... только не голубь, а пьяная фигура съ просительнымъ аттестатомъ. Жидкій французикъ затопалъ ногами, заскрежеталъ зубами, крича: «вонъ, вонъ!» (онъ еще, помнишь, кричалъ какъ-то иначе, что насъ невѣроятно тѣшило). Такъ бы и выгнали бродягу, но пузатый и длинноухій мальчикъ, раскормленный какъ индѣйка, проницательно замѣтилъ своимъ товарищамъ по задней скамейкѣ: «А не инспекторъ ли, господа, самъ передѣлся и пришелъ инкогнито?» Говоръ пронесся по классу, дошелъ до учителя, и глупый французикъ, неизвѣстно почему, счелъ догадку твою основательною и сталъ вѣжливо говорить съ пьянчужкой, пока не явился настоящій инспекторъ, въ сопровожденіи Курнана... Какая тогда произошла сцена и какія были послѣдствія? Раздраженные французы высѣкли тонкаго мальчика — и какъ больно высѣкли! Или, помнишь, другую школьную сцену съ книгой, въ которую вписывались наши проказы; учитель ариѳметики, человѣкъ русскій, долго и горячо допытывался: кто вырвалъ изъ нея нѣсколько листовъ? Виновнаго не нашлось; тогда онъ прибѣгнулъ къ старой сказочной хитрости: роздалъ мальчикамъ по ровной соломенкѣ и сказалъ, что у виновнаго чрезъ часъ

на вершокъ соломенка выростетъ длиннѣе — и ты ровно на вершокъ откусилъ свою соломенку, и тебя опять высѣкли, а виноватъ былъ не одинъ ты, и ты даже меньше другихъ! Такъ кончались твои тонкости въ дѣтствѣ, того же заслуживаютъ они и теперь; да и чѣмъ твои новѣйшія тонкости умнѣе дѣтскихъ? (Чортъ возьми, какъ долго не даютъ обѣдать, пять часовъ!) Напримѣръ, теперешняя твоя тонкость (если только ты не спишь дѣйствительно, а право я сильно подозрѣваю, что ты притворяешься) — что въ ней умнаго? Ты вздумалъ срѣзать пріятеля, которому пришла охота сказать тебѣ горькую правду, и прикинулся спящимъ (я такъ предполагаю), но пріятель подмѣтилъ твою тонкость и выскажетъ даже больше, чѣмъ хотѣлъ, можетъ даже обругать хитреца, и ты ничего не вправѣ будешь сдѣлать: вѣдь ты спишь. Спишь, Грачовъ? возвысивъ голосъ спросилъ Тросниковъ. (Отвѣта не было.)—Смотри, продолжалъ Тросниковъ:—лучше откликнись и признайся, а то хуже будетъ, ты рискуешь услышать непріятныя вещи... Слышишь? я теперь перестаю говорить съ тобой, а буду разсуждать о тебѣ съ самимъ собой; право, не лучше ли откликнуться?... Но ты молчишь, и я начинаю: что такое Грачовъ? Начнемъ съ наружности. Грачовъ плотный дѣтина двадцати-семи лѣтъ. Онъ еще не толстъ, но принадлежитъ къ людямъ, которые должны потолстѣть неизбѣжно. И онъ будетъ толстъ, хотя и принимаетъ дозванныя мѣры, чтобъ не потолстѣть. Но характера у него поменьше, чѣмъ у Байрона, и потерпѣвъ два-три дня, на четвертый онъ такъ наѣдается, что глаза его готовы выскочить. Каблуки его сапоговъ не выше обыкновенныхъ, но они непремѣнно прежде всего бросятся вамъ въ глаза, можетъ быть, вслѣдствіе особенности его походки: онъ не идетъ, а какъ будто козыряетъ, показывая свои маленькія ноги, ставя одну за другой съ граціей и нѣкоторой торжественностію, при чемъ весь корпусъ его слегка колеблется. Вообще онъ не любитъ скрывать того, чѣмъ надѣлила его природа и заказываетъ себѣ платье (у лучшаго портнаго—онъ большой франтъ) въ обтяжку; грудь его и такъ неумѣренно высока, но онъ еще имѣетъ привычку пялить ее, втягивая животъ. Еще два-три года, и талія его будетъ переваливаться, а лѣтъ чрезъ пять онъ начнетъ ходить съ солидной тростью. Онъ мастеръ показывать

галстукъ, и когда кланяется или танцуетъ, то закругляетъ руки и нагибаетъ голову съ медленной граціей. Въ этомъ онъ нѣсколько похожъ на Павла Иваныча Чичикова... Спишь, Грачовъ? Спитъ! (А поваръ тоже видно спать легъ!) Теперь пойдемъ далѣе.

Что такое Грачовъ?

Грачовъ добрый малый, неслишкомъ умный и не дуракъ, но добрый малый, уже утратившій первобытную форму и нѣсколько испорченный новѣйшими примѣсями, и вотъ по какому случаю: Грачовъ имѣлъ счастіе или несчастіе, что рѣшить довольно трудно, попасть въ кругъ, гдѣ любятъ-таки поговорить о существенныхъ вопросахъ науки, жизни, современности и проч. Въ этомъ кругу мужчины очень умны, а дамы очень дурны собой—это его характеристика. Этотъ кружокъ, между прочимъ, имѣетъ свойство быстро развивать самолюбіе каждаго, кто прикоснется къ нему, да иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ роль каждаго опредѣляется его личнымъ значеніемъ, а значеніе — личнымъ достоинствомъ и заслугой. Слѣдствія такого свойства для умныхъ членовъ кружка часто бывали благодѣтельны: возбужденные соревнованіемъ, эти счастливцы выработывали изъ себя все, что могли и дѣлались свѣтилами, если не общества, то своего кружка. Но что дѣлалось съ остальными, съ людьми обыкновенными? Бывало, что они кончали даже трагически. Оторванные отъ полусознательнаго существованія, которое такъ весело влачитъ большинство добрыхъ малыхъ, они гибнутъ жертвою неумѣренно развитаго самолюбія. Вы тотчасъ ихъ узнаете, вступивъ въ такой кругъ (по преимуществу литературный); они желты и зелены, сидятъ вѣчно надувшись, говорятъ мало: не смѣютъ или думаютъ, что не найдутъ слушателей. Самолюбіе гложетъ ихъ и постоянное напряженіе придумать что-нибудь оригинальное умерщвляетъ въ нихъ послѣдній остатокъ ума; они кажутся совершенными дураками... Кто бы подумалъ, что величавый другъ нашъ Грачовъ хоть одну минуту могъ находиться въ такомъ положеніи? Правда не совсѣмъ въ такомъ; онъ богатъ и давалъ хорошіе обѣды; его вздоръ выслушивали, отъ него не отходили прочь, при первомъ его словѣ, но все же гордость его часто получала неизбѣжные щелчки: онъ тайно мучился и потъ скудоумія нерѣдко капалъ съ его высокого чела, при напрасныхъ усиліяхъ сказать что-нибудь умное. Но не такр-

ва была его натура, чтобы запутаться и засѣсть въ паутинѣ, сплетаемой смертельно-уязвленнымъ самолюбіемъ. Его самолюбіе не было смертельно уязвимо. Онъ скоро примирился съ своимъ положеніемъ, пересталъ пыхтѣть и надуваться и поднялъ голову. И съ той поры онъ уже не опускалъ ея: онъ понялъ свою роль въ умномъ кружкѣ, нашелъ еще другой кругъ, въ которомъ отдыхало его самолюбіе — и славно повелъ свои дѣла. Въ умномъ кружкѣ онъ жаловался на пустоту своего свѣтскаго общества, а въ свѣтскомъ — на педантство и ученую скуку умнаго кружка, сношенія съ которымъ облекалъ онъ должною таинственностію, намекая, будто самъ принималъ участіе въ его дѣятельности. Онъ бралъ у кружка умниковъ ихъ сужденія, ихъ взгляды, ихъ мудреныя слова и фразы (всего чаще слова и фразы) и приносилъ ихъ въ свѣтскій кругъ свой, а умникамъ платилъ свѣтскими сплетнями, до которыхъ такъ падки литературные затворники. Наконецъ, окончательное удовлетвореніе своему самолюбію нашелъ онъ въ томъ, въ чемъ я вижу одно доказательство его тупости: если одинъ отличается ученостью, другой написалъ умную книгу, третій мастеръ говорить, то и я также имѣю свое — я человѣкъ необыкновенно тонкій, думаетъ нашъ другъ Грачовъ, который теперь сладко спитъ или, можетъ быть, уже проснулся. Спишь, Грачовъ? Спитъ, и я еще успѣю разобрать, что такое тонкій человѣкъ. (А каковъ поваръ! я умираю съ голоду.) Что такое тонкій человѣкъ?

— Глупецъ, такъ много думающій о своей особѣ, что не хочется даже признать въ немъ и тѣхъ достоинствъ, которыя онъ дѣйствительно имѣетъ....

Тутъ Грачовъ шевельнулся, но почти тотчасъ же снова послышалось его тихое храпеніе.

Тросниковъ продолжалъ:

— Нѣтъ, такое опредѣленіе не годится, оно слишкомъ общо и такъ грубо, что даже сонныхъ коробитъ, надо поискать другого. Что же такое тонкій человѣкъ?

Тонкій человѣкъ — величайшій энциклопедистъ, хоть, можетъ быть, учился плохо и въ дрянной школѣ. Онъ знатокъ рѣшительно во всемъ: въ женщинахъ, въ музыкѣ, въ лошадяхъ, въ литературѣ, въ астрономіи, въ политикѣ. Онъ

могъ бы написать превосходную книгу, о чемъ угодно; но не пишетъ, потому что... *не хочетъ*.

Тонкій человѣкъ слышитъ за версту, видитъ въ потьмахъ, знаетъ васъ насквозь, какъ свои пять пальцевъ.

Тонкій человѣкъ узнаетъ характеръ человѣка по его почерку. Тонкій человѣкъ разскажетъ вамъ исторію приходящаго, даже опредѣлитъ его чинъ, лѣта, ростъ и самую цѣль посѣщенія по звонку, приводимому въ движеніе его рукой.

Тонкій человѣкъ знатокъ въ медицинѣ; если вы больны и лечитесь у извѣстнаго доктора, онъ посовѣтуетъ вамъ прогнать доктора, объявитъ его лекарства никуда негодными и предложитъ вамъ свои услуги, вызываясь вылечить васъ въ одинъ день. Не вѣрите? попробуйте!

Никто не возьмется охотнѣе тонкаго человѣка и никто не выполнитъ лучше, такъ называемыхъ, деликатныхъ и печальныхъ необходимостей; напримѣръ, когда нужно приготовить мать къ извѣстію о смерти сына, жену къ извѣстію о смерти мужа. Можете быть увѣрены, что при самомъ входѣ тонкаго человѣка, мать хлопнется въ обморокъ, вообразивъ, что не только одинъ сынъ, а всѣ ея дѣти померли. Но тонкій человѣкъ все-таки будетъ увѣрять, что не случись его, было бы хуже: и мать, и жена не перенесли бы удара, и вѣрно лежали бы на столѣ, тогда какъ теперь, при его содѣйствіи, мать только разшибла високъ, ударившись объ уголъ кровати, при паденіи, а жена впала въ самое лёгонькое безуміе, которое, не безпокойтесь, пройдетъ, непремѣнно пройдетъ... ужь я знаю!

— Однакожь, вотъ я и кончилъ, а обѣда все нѣтъ и мой другъ Грачовъ все еще спитъ, чтожь я буду теперь дѣлать? Да, я еще не сдѣлалъ общаго заключенія! Что же, какое общее заключеніе о Грачовѣ? Хорошій онъ или дурной человѣкъ? Ни то, ни сё! Былъ онъ хорошъ, когда былъ влюбленъ не въ глупую панну Сабину, о которой онъ такъ высокопарно повѣствовалъ и которая такъ нетонко его провела. Нѣтъ! гораздо ранѣе. Ему было тогда только девятнадцать лѣтъ. Какъ онъ былъ простъ, и искрененъ, и тепелъ! (Я тогда и полюбилъ его.) Какъ онъ весь блисталъ и свѣтился, и однакожь, нисколько не оскорблялъ, а веселилъ своимъ блистаньемъ, чего нельзя сказать о теперешнемъ его

самодовольствіи, которое иногда бѣситъ даже посторонних. Я самъ слышалъ, какъ одинъ господинъ, въ трактирѣ, при входѣ Грачова закричалъ: «человѣкъ, перенеси мой приборъ въ другую комнату!», и потомъ въ полголоса говорилъ своему пріятелю: «Вотъ физіономія, которой я не могу видѣть равнодушно! мы не имѣемъ ничего общаго, даже не знакомы, можетъ быть, онъ прекрасный человѣкъ, въ чемъ я однако сомнѣваюсь, но при видѣ его жолчь моя подымается и аппетитъ пропадаетъ.» (Слышишь, Грачовъ? Такъ отзывался о тебѣ господинъ, котораго зовутъ.... но что пользы называть фамилію, когда ты спишь?....) Впрочемъ, кто же не хорошъ въ пору любви? А кто не хорошъ въ эту пору, отъ того не жди добра въ другое время. О, чудное, чудное пламя любви! зачѣмъ не вѣчно горишь ты въ груди человѣка! Люди были бы лучше, и Грачовъ никогда бы не дошелъ до такого нравственнаго паденія, какъ теперь. Любовь облагороживаетъ самую грубую душу. Такъ точно (славное сравненіе пришло мнѣ въ голову) такъ точно бѣдной и тѣсной лачужкѣ выпадаетъ иногда на долю пріютить на четверть часа подъ соломенной кровлей своей путешественницу, богатую, красивую и причудливую. За четверть часа до пріѣзда красавицы съ лачугой совершается превращеніе: полъ устланъ коврами, потолокъ и стѣны обиты богатой матеріей, накурено благовоніями, зажжена лампа, придающая всему ровный матовый колоритъ. И вотъ явилась чудная гостья — покупала, сдѣлала свой туалетъ, и уѣхала далѣе, только пыль стоитъ столбомъ по дорогѣ да отдаленный стукъ экипажей, да лѣниво расходящаяся толпа свидѣтельствуютъ, что все происходившее за минуту не было видѣньемъ, не сонная греза. А въ избушкѣ все опять бѣдно, даже кажется бѣднѣе и хуже: потолокъ словно почернѣлъ пуще прежняго, огромная печь какъ будто еще стала неуклюжѣе; темно, сыро, нечисто, и какъ мелкія страсти въ душѣ человѣка по закопченнымъ стѣнамъ копошатся и бѣгаютъ проворные прусаки и мухи. И жди, когда опять заглянетъ чудная гостья и заглянетъ ли еще....

Да! славное сравненіе! (уже не говорилъ, а думалъ Тросниковъ.) — Но странное дѣло! нѣтъ сомнѣнія, что оно принадлежитъ мнѣ. Я его нигдѣ не чи-

талъ, ни отъ кого не слыхалъ; оно пришло въ мою голову, оно мое. Но отчего же мнѣ первому кажется, что я его укралъ.... у Гоголя? Неужели сила генія такъ велика, что онъ кладетъ свое клеймо даже на извѣстный родъ мыслей, которыя могутъ родиться въ головѣ другого? Или я ошибаюсь, и это просто общее мѣсто, пошлая мысль, которой я далъ, благо готова, форму сравненій Гоголя.... Или форма-то меня и сбиваетъ и въ чужой формѣ мнѣ и самая мысль моя кажется чужою? А своей формы я не умѣлъ дать. Кто рѣшитъ мнѣ эти вопросы? Я ихъ не въ силахъ рѣшить. И вотъ почему я никогда не могъ бы быть писателемъ. Хорошо или худо ли, мое или не мое — эти сомнѣнія замучили бы меня, и при одной мысли, что меня могли бы заподозрить въ кражѣ чужаго ума, бросаетъ меня въ такой жаръ, какъ еслибъ кто сказалъ, что я вытащилъ платокъ изъ кармана....

— Кушать подано! громко возвѣстилъ человѣкъ.

— А! ну слава Богу! сказалъ Тросниковъ. — Грачовъ, полно дурачиться! пойдемъ ѣсть.

Грачовъ медленно открылъ глаза, приподнялся и спросилъ, зѣвая:

— Что ты говоришь?

— Обѣдать подано.

— Какъ! неужели ужь такъ поздно?

— Полно хитрить, пріятель! Признайся лучше: перетомилъ немножко?

— Что такое? Ничего не понимаю.

Грачовъ причесывался передъ зеркаломъ.

— Ну все равно. Спалъ ли ты или не спалъ, я торжественно объявляю, что сроду не имѣлъ такого слушателя, какъ сегодня....

— А развѣ ты говорилъ что-нибудь? спросилъ Грачовъ, зѣвая.

— Все время.

— Ну, такъ я скажу, что ты ошибаешься: ты могъ имѣть еще лучшаго слушателя.

— Кого же, напримѣръ?

— *Я думаю, человѣка, который умѣлъ бы спать съ открытыми глазами*, кротко сказалъ Грачовъ.

— О, тонкій человѣкъ! Правда, правда!

ГЛАВА III.

ОБА ДРУГА БОДРСТВУЮТЪ.

Пріятели перешли въ столовую и сѣли обѣдать. Но хотя Грачовъ заявилъ, что будетъ имѣть аппетитъ волчій, однакожь кушалъ мало и былъ, вѣроятно, со сна, не совсѣмъ въ духѣ. Разговоръ не клеился. Время отъ времени Тросниковъ повторялъ одни и тѣ же вопросы: «Такъ ты спалъ, Грачовъ? такъ ты не слыхалъ, что я говорилъ?» на что̀ Грачовъ каждый разъ пожималъ плечами и отвѣчалъ сухо: «Разумѣется, чтожь тутъ удивительнаго?» И разговоръ умолкалъ. Наконецъ Тросниковъ прекратилъ свои вопросы (ему показалось, что они какъ будто сердятъ пріятеля) и заговорилъ о поѣздкѣ въ деревню.

— Да! замѣтилъ онъ между прочимъ: — твоя мысль ѣхать теперь же удивительно счастлива; и если бы ты сказалъ мнѣ ее безъ длинныхъ и мрачныхъ предисловій, я бы разцаловалъ тебя! я самъ думалъ ѣхать, но не ранѣе какъ въ концѣ мая. Почему не теперь же? А вотъ спроси! Невѣроятно какъ глубоко и незамѣтно рутина въѣдается во всѣ наши дѣйствія. Всѣ ѣдутъ въ концѣ мая, и я ждалъ конца мая! какъ будто что-нибудь удерживаетъ меня здѣсь! Но не истинное ли удовольствіе уѣхать въ деревню теперь же? Это будетъ то же, что съ одного выстрѣла убить пару вальдшнеповъ: мы избѣжимъ самаго дурнаго времени въ Петербургѣ и захватимъ самое лучшее въ деревнѣ! Не дышать зловоніемъ, когда начнутъ колоть грязный ледъ, не видать чудовищной мостовой, по которой ныряютъ эти бѣдные Ваньки, и вмѣсто того присутствовать при самомъ зарожденіи весны, привѣтствовать обновленіе природы, подстеречь первый побѣгъ молодой травки, вдохнуть полной грудью первое весеннее дуновеніе — признаюсь, роскошнѣе ничего давно не представлялось моему воображенію.... да, ѣдемъ теперь же! я благословляю голову, въ которую пришла эта счастливая мысль. Гордись, Грачовъ! я рѣшительно утверждаю, что это луч-

шая твоя тонкость съ той поры, какъ ты пустился въ тонкости!

И многое еще говорилъ Тросниковъ въ томъ же родѣ. Постепенно и Грачовъ сталъ разговорчивѣе — должно быть, бургонское развязало ему языкъ. Аппетитъ его также усилился: едва притронувшись къ первымъ тремъ блюдамъ, онъ съѣлъ все блюдо жаркого, — и къ концу обѣда пріятели уже горячо и дружно толковали о предстоящемъ путешествіи, выпивъ въ ознаменованіе счастливой мысли Грачова бутылку шампанскаго.

Нѣтъ нужды долго скрывать отъ читателя, что Грачовъ и Тросниковъ были именно такіе друзья, какихъ въ избыткѣ производитъ наше время. Дружба ихъ держалась на взаимномъ щекотаніи самолюбія, и какъ они были точно друзья, то это упражненіе имъ почти всегда удавалось. Въ самомъ дѣлѣ, кто лучше друга знаетъ, въ которое мѣсто должно воткнуть другу булавку такъ, чтобъ она ушла туда и съ головкой? Но за то никто лучше того же друга не знаетъ, какая пропорція сахару нужна для приведенія васъ въ сладчайшее состояніе духа и въ какомъ видѣ вамъ должно поднести ее. Такъ поглаживая другъ друга то по шерсти, то противъ шерсти, они не скучали вмѣстѣ, и на этомъ основаніи думали, что любятъ другъ друга; а въ сущности... но не будемъ откровенны тамъ, гдѣ догадливый читатель не нуждается въ нашей откровенности. Какъ бы то ни было, они не сознавали настоящаго источника своей дружбы, и каждый видѣлъ въ другомъ образецъ дружеской преданности. Тросниковъ думалъ: «глуповатъ этотъ Грачовъ, да за то добрѣйшій малый и любитъ меня»; а Грачовъ думалъ: «ухъ! какая заноза этотъ Тросниковъ! я вижу его насквозь: завистливъ и золъ по природѣ — и притомъ какое самолюбіе! весь свѣтъ бы заставилъ плясать по своей дудкѣ!... Да за то честный малый и готовъ за меня въ огонь и въ воду...» Итакъ, они толковали о предстоящей поѣздкѣ. Надлежало рѣшить вопросъ: куда именно ѣхать? Оба они были столбовые русскіе дворяне и судьба, хотя не въ ровной степени, надѣлила ихъ родовыми помѣстьями. У Грачова были имѣнія въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Куда же ѣхать? Гдѣ природа живописнѣе? Народъ характернѣе? А главное: гдѣ больше дичи?

(Праздные друзья наши любили охоту и были данниками петербургскихъ чухонцевъ, которые, протаскавъ ихъ цѣлый день по пустымъ болотамъ, показывали имъ подъ вечеръ до безумія настреканнаго бекаса или разбитый выводокъ куропатокъ.) Совѣщаніе длилось недолго, и тонкій человѣкъ остался побѣдителемъ. Тросниковъ охотно согласился предпочесть его В—ое имѣніе своему малороссійскому, любя природу чисто русскую и, можетъ быть, имѣя еще нѣкоторыя другія соображенія. Грачовъ же твердилъ одно: «Тамъ сторона глухая и народъ такъ наивенъ, что бьетъ одну утку, считая всю остальную дичь недостойною выстрѣла; какова же охота предстоитъ намъ? тетеревей, куропатокъ, вальдшнеповъ тамъ какъ воронъ, и какую стойку будетъ выдерживать дѣвственный дупель, котораго не тревожили, можетъ быть, двадцать лѣтъ! (Въ пылу увлеченія тонкій человѣкъ забывалъ, что дупель даже самый дѣвственный едвали можетъ прожить двадцать лѣтъ.) Я не бывалъ тамъ съ дѣтства, но помню, что мой отецъ привозилъ дичь корзинами Домъ стоитъ на возвышеніи, которое постепенно сливается съ низменностію, предшествующей луговому берегу Оки; Ока видна съ балкона и передъ самыми окнами дома чудесное озеро...», и многое другое говорилъ Грачовъ, но намъ нѣтъ нужды исчислять краски, которыми живописалъ онъ свое помѣстье: мы сами будемъ въ Грачовѣ (такъ оно называлось). Довольно сказать, что Грачовъ не щадилъ ихъ, и что не одни дѣвственные дупели, но еще болѣе воспоминанія дѣтства, о которомъ онъ, какъ малый солидный и установившійся, рѣдко думалъ, теперь внезапно прихлынувъ, одушевили его и дѣлали краснорѣчивымъ. По разсказамъ тонкаго человѣка, Грачово было рай земной, и друзья разстались, горя нетерпѣніемъ отправиться туда скорѣе.

Приготовляясь къ сложной роли деревенскаго жителя, отчаяннаго охотника и гостепріимнаго хозяина, Грачовъ сдѣлалъ безчисленныя закупки, опись которыхъ сохранилась въ его бумагахъ, откуда мы извлекаемъ важнѣйшія статьи, касающіяся охоты.

Грачовъ закупилъ (все въ большомъ количествѣ):

1) Непромокаемыхъ одѣяній — каучуковыхъ для господъ и клеенчатыхъ для прислуги, каучуковыхъ шапокъ съ ушами и подзатыльниками, каучуковыхъ тюфяковъ и поду-

шекъ. (Въ резинковомъ магазинѣ у Кирштена, и въ магазинѣ à la Toilete).

2) Егерьскихъ вещей — пороховиковъ, дробовиковъ, пистонницъ, якташей (въ Англійскомъ магазинѣ и у Ржецицкаго).

3) Свистковъ на всякую дичь (у Ржецицкаго).

4) Болотныхъ сапоговъ разной длины (подъ колѣно, за колѣно и выше) и всякаго рода: кожаныхъ петербургской работы (Людвига и Гренмарка), кожаныхъ англійскихъ, съ негнущейся несокрушимой подошвой, убитой исполинскими гвоздями (эти богатырскіе сапоги можно иногда найдти въ магазинѣ á la Toilete), каучуковыхъ петербургскихъ, каучуковыхъ заграничныхъ (у Кирштена).

5) Англійскихъ шерстяныхъ носковъ и чулокъ мягкихъ, плотныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ превосходныхъ (въ Англійскомъ магазинѣ).

6) Охотничій погребецъ, изумительно прочный и укладистый.

7) Пудъ персидскаго порошка отъ насѣкомыхъ.

8) Наконецъ вѣнцомъ своихъ охотничьихъ пріобрѣтеній Грачовъ справедливо почиталъ превосходное англійское ружье Пöрдэ (Purdey), которое смотрѣло такъ, какъ будто стоило 40 цѣлковыхъ, а било.... нечего и говорить какъ оно било! и стоило не 40 рублей, а вдесятеро.

Приготовленія и по другимъ частямъ — по съѣстной и питейной — были тоже недурны, и кромѣ того, грачовскому управляющему послано приказаніе откормить и отпоить столько телятъ, поросятъ, барашковъ, индюшекъ, куръ и цыплятъ, сколько найдется въ вотчинѣ.

Все закупленное отправлено въ Москву, а оттуда немедленно должно было двинуться далѣе, чтобъ поспѣть въ Грачово до разлитія Оки и другихъ рѣкъ.

Но мы забыли самую важную статью, именно: статью о собакахъ. Друзья имѣли по собакѣ (и каждый, по обыкновенію, считалъ свою образцомъ собачьихъ совершенствъ), но пары собакъ дальновидному Грачову въ предстоящей охотѣ казалось мало; притомъ въ теченіе зимы собаки ихъ страшно разъѣлись: другъ и фаворитъ тонкаго человѣка — черный, грудастый, коротконогій и короткошерстый Раппо едва перебирался съ своей подушки въ обѣденный часъ въ столовую,

и остальную часть дня уже маялся на голомъ полу, вздыхалъ какъ объѣвшійся гусь и словно говорилъ проходящимъ: «посмотрите какъ неловко и жестко — я всѣ бока отлежалъ! «а идти къ подушкѣ нѣтъ никакого разсчету: скоро будетъ «ужинъ, да еще и проспишь пожалуй!» Раппо былъ малый обдуманный.

Кстати мы должны сказать теперь же нѣсколько словъ о Раппо, безъ котораго Грачовъ-охотникъ не полонъ и не понятенъ. Всего лучше выписать отмѣтку самого Грачова, которую находимъ въ его охотничьемъ журналѣ; она относится ко времени, съ котораго начинается нашъ разсказъ.

«Раппо чистый англійскій пойнтеръ, уже не первой моло-«дости, но хорошо сохранившійся — настоящій джентльменъ «какъ въ домашней жизни, такъ и на охотѣ. Онъ ласковъ «съ хозяиномъ, сухо вѣжливъ съ его гостями, не кусаетъ безъ «побудительной причины, и никогда ни у кого не лижетъ «рукъ, чѣмъ снискалъ особенную мою любовь; въ лучшемъ «расположеніи духа онъ подпрыгиваетъ и легонько стиски-«ваетъ зубами край вашего уха — это его величайшая ласка; «въ остальное время выражаетъ онъ свои чувства — благо-«дарность, довольство самимъ собою и другими, радость сви-«данія — мѣрнымъ, громкимъ и полнымъ достоинства сту-«комъ хвоста. (Хвостъ у него нерубленый, гладкій, нѣсколь-«ко обившійся съ конца; лежа на подушкѣ онъ обыкновенно «растягиваетъ его по полу, какъ крыса, и каждому идущему «даетъ знать о своей близости троекратнымъ постукиваньемъ, «не столько изъ дружелюбія, сколько изъ предосторожности.) «Поведенія примѣрнаго. Случалось, будемъ безпристрастны, «что онъ даже пропадалъ иногда (по сердечнымъ дѣлишкамъ), «но всегда являлся домой самъ — и прямо къ обѣду. Часъ «обѣда ему отлично извѣстенъ; онъ, къ сожалѣнію, обжора— «страсть, которая его погубитъ. Таковъ Раппо дома. На охо-«тѣ являетъ онъ рѣдкое соединеніе сильнаго чутья и крѣпкой «стойки съ хорошими манерами, что даже рѣже хорошаго «чутья: никогда ни въ какомъ случаѣ не горячится, ищетъ «какъ долгъ исполняетъ, предоставляя остальное судьбѣ. Не «горюетъ и не радуется; не волнуетъ васъ ложными стойками «когда ничего нѣтъ, но и не падаетъ духомъ, подобно тѣмъ «бездарнымъ собаченкамъ, которыя, попрыгавъ полчаса по «болоту, начинаютъ поминутно останавливаться и, поставивъ

«переднія ноги на высокую кочку, глядятъ на васъ, какъ «будто говоря: «я ничего не могъ найдти, поищи теперь ты». «А какъ онъ подводилъ!»

Но намъ придется еще видѣть Раппо на самомъ поприщѣ охоты и потому прекращаемъ выписку. Собака Тросникова имѣла также свои хорошія качества, съ которыми познакомимся впослѣдствіи. Теперь дѣло шло о томъ, чтобъ приготовить резервъ, такъ какъ Раппо не безъ основанія внушалъ своему хозяину мрачныя предчувствія. И тонкій человѣкъ поручилъ проживавшему въ его людской бездомному егерю Сидору (спеціальность котораго состояла въ сопровожденіи молодыхъ охотниковъ по болотамъ), поручилъ пріискать нѣсколько собакъ. «*Въ отъѣздъ?*» выразительно спросилъ Сидоръ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, объявилъ: можно и даже не дорого будутъ стоить. Съ той поры онъ ежедневно приводилъ къ Грачову мрачную собаку и не менѣе мрачнаго мужика, который именовался хозяиномъ собаки. Но собака такъ на него глядѣла, что спусти онъ только ее съ веревки, она бы навѣрно показала ему пятки. Разъ, когда онъ зазѣвался, такъ и случилось: огромный маркловскій песъ съ красными вѣками, отвисшими подобно карманамъ дорожнаго тарантаса, вышибъ двойную раму и бѣжалъ въ виду торговавшихъ его охотниковъ и мнимаго своего владѣльца. Мужикъ только икнулъ. Вообще и собаки, и мужикъ, и самый Сидоръ — все имѣло видъ нѣсколько подозрительный, но тонкость какъ будто вдругъ покинула Грачова: онъ платилъ деньги, бралъ собакъ и отправлялъ ихъ съ обозами своими, намѣреваясь на досугѣ въ деревнѣ вникнуть въ ихъ качества.

Такимъ образомъ превосходно обезпеченные по всѣмъ отраслямъ путешествія, деревенскаго комфорта и охоты, пріятели наши двинулись въ путь.

ГЛАВА IV.

НОЧЛЕГЪ НА ПОСТОЯЛОМЪ ДВОРѢ, ДОСТАВИВШІЙ БОГАТУЮ ПИЩУ САТИРИЧЕСКОМУ УМУ ТОНКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Первое событіе, внесенное Грачовымъ въ дневникъ (которымъ мы пользуемся) относится къ ночлегу путешественниковъ въ Гороховцѣ или, точнѣе, въ селѣ Красномъ, чрезъ которое проходитъ шоссе, оставляя городъ правѣе въ одной верстѣ. Они прибыли въ Красное поздно ночью, взяли особую комнату на постояломъ дворѣ и тотчасъ же легли спать. Утромъ тонкій человѣкъ былъ пробужденъ разговоромъ, происходившимъ за стѣной, около которой помѣщалась его кровать. Прислушавшись, онъ нашелъ разговоръ столько интереснымъ, что разбудилъ своего товарища. Оба они стали слушать, и вотъ въ какомъ видѣ записано въ тетради Грачова то, что̀ они услышали.

ЗА СТѢНОЙ.

(*Драматическая сцена.*)

I.

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Васильевна! эй, Васильевна!

(Слышенъ скрыпъ отворяющейся двери, шаги и старушечій голосъ.)

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Чего, кормилецъ?

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ (быстро и съ безпокойствомъ).

Ба! что у те съ лицомъ сдѣлалось?

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

А разѣ што сдѣлалось?

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Погляди.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Ничего не вижу, али зеркало фальшитъ?

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Не зеркало, а глазъ видно нѣтъ. Лицо словно кровь, и носъ — туша! а она не видитъ!

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

А у печи возилась. Твое же добро берегу, не кухарку нанимать! Сродница все лучше чужой. Вотъ и опалило маненько.

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Эхъ, Васильевна, Васильевна! Ну какъ теперь въ люди покажешься? (*Молчаніе*). Ситчикъ скроила?

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ (живо).

И скроить скроила, и сшить поспѣла; спасибо, родной. Вотъ въ благовѣщенье въ церковь пойду — надѣну.

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Я тоись не о Благовѣщеньи говорю, надѣнешь и раньше. Да голову платкомъ повяжи, настоящая купчиха, какъ есть, будь.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Такъ стало надумалъ, кормилецъ?

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Надумалъ. Не што не такая же ты баба, какъ и другія.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Вѣстимо: баба все баба, какъ одна такъ и другая. Справлю не хуже прочихъ.

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

А то еще сваху ищи? деньги ей плати, а деньги нынче въ сапогахъ ходятъ. (*Молчаніе.*) Да башмаки обуй.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Обую и платокъ повяжу: надо какъ есть весь парадъ соблюсти. Да вотъ что, Иванъ Герасимычъ, какъ бы маху не дать.

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

А что?

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Сама выпить любитъ, а скупа.

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Ну?

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

А не подойдти ли то есть такимъ манеромъ: такъ и такъ молъ купила по приказу Ивана Герасимыча, домой несу, да жара больно моритъ — отдохнуть зашла.

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Понимаю, вишь у те губа не дура! ну вотъ на... мадерки купи и того... и изюмцу, что ли, фунтикъ, а то постилы. Да смотри попусту не давай... Какъ увидишь, что дѣло идетъ ладно — и попошвуй старуху... да и Евлампія Маркеловна поди пьетъ? ну и ее....

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Какъ чай не пить: кто нынче не пьетъ? А ужь, нече сказать, красавицу подхватишь: чистая да румяная такая, кровь съ молокомъ; только вотъ зубы бѣлы...

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Зубовъ словно не достаетъ; я встрѣлъ ихъ намедни у праздника, смотрѣлъ всю обѣдню — молчитъ, либо хихикнетъ таково скоро, и опять молчокъ... а кажись, пары нѣтъ.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Это спереди будетъ, что ли, родимой? А и есть нѣтъ, да какой прокъ въ зубахъ, кормилецъ? у самого зубы-те больно востры. А почернѣютъ, Богъ дастъ, такъ и примѣты не будетъ, что недостаетъ. Только ужь плотная да толстенная, нечего сказать...

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ (смѣется недовѣрчиво).

Полно языкомъ молоть. Говоритъ словно видѣла.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

А извѣстно: видно!

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Видно! Дура ты, Васильевна! Видать не видала, а божиться рада! Гдѣ у васъ умъ, у старыхъ людей? Да я вотъ: тоже видѣлъ Евлампію Маркеловну, и ты мнѣ ее хоть годъ еще такъ показывай... Кругла, кругла, а не побожусь! Нѣтъ, я не дуракъ... Я вотъ постоялый дворъ держу, примѣрно бойню въ городѣ имѣю, свою комерцію произвожу, пятый годъ безъ тятеньки остался, а дѣла не уронилъ... не токмо даже люди одобряютъ лучше тятенкинова... Я теперича къ тому говорю: приводятъ ко мнѣ, примѣрно, на бойню быка — ну я и вижу, каковъ онъ есть, и знаю доподлинно, что подъ кожей — все будетъ мясо, какого тамъ ни на-еесть, а мясо. А тутъ, Васильевна, ты не толкуй, тутъ статья особенная. Тутъ дѣло выходитъ деликатное...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Какъ хотите, Иванъ Гарасимычъ, а кость говоритъ...

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Кость! чего кость! Нынче свѣтъ вишь каковъ сталъ: и въ купечествѣ господскіе порядки пошли....

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Нѣтъ ужь, Иванъ Герасимычъ, ты меня рѣжь, а хоть побожиться, фунта фальши въ ней нѣтъ... Евлампія Маркеловна невѣста богатѣющая, всегда скажу...

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Знаю, не толкуй. Стало, знаю, коли сватьевъ засылаю... я ужь и Сергѣй Васильича просилъ — они хотѣли братцу Евлампіи Маркеловны поговорить... такъ они теперь поди ужь знаютъ въ чемъ выходитъ мое есть желаніе, и ежели сами желаютъ того, ты тотчасъ смекнешь.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Какъ не смекнуть? смекну, кормилецъ, смекну... Такъ я пойду, Иванъ Герасимычъ, теперь, мадерки да изюмцу куплю, а тамъ ужь одѣнусь да и съ Богомъ...

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Съ Богомъ, Васильевна, да смотри! буде не того — такъ мадеру не откупоривай: домой тащи — проѣзжіе выпьютъ; а изюмъ съ уговоромъ бери, коли молъ не понравится, такъ обратно принять.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Ладно, кормилецъ. (*Слышенъ скрыпъ дверей.*)

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Да, смотри, приберись получше—огуречнымъ росоломъ, чтоли, помойся.. Вишь лицо словно огонь.

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ. (Усмѣхаясь).

Э, родимой, не въ лицѣ моемъ дѣло. (*Уходитъ.*)

МУЖСКОЙ ГОЛОСЪ.

Знаю, да вишь Маркелъ Абрамычъ человѣкъ гордой, скажетъ: вотъ-де какую сваху прислалъ, куфарку! Знаю я его — гордецъ! Что краснымъ товаромъ торгуетъ, такъ и носъ поднялъ. Мы вотъ постоялый дворикъ держимъ да у насъ деньги не хуже его! По моему такъ все равно: кто ни приди, только дѣло сдѣлай. (*Слышенъ зѣвокъ и потомъ молчаніе; потомъ щелканье счетовъ и отрывочныя слова:*) Приданаго выходитъ тряпья разнаго рублевъ

тысячи на двѣ... жеребецъ карій — триста; лавка въ шорномъ ряду — ходитъ сто двадцать въ годъ... (*слышно щелканье*).. Деньгами ничего (*слышенъ вздохъ*). Выходитъ, взять можно, а свадьбу съиграю рублевъ на 300, а не то и подешевле... куда чужой народъ поить да кормить даромъ! Я и Сергѣй Васильичу сказалъ такъ, и они говорятъ на 300 можно управиться... и обо всемъ обѣщали переговорить... и будутъ посаженымъ отцомъ. Кто тамъ? Лексѣичъ, ты?

ГОЛОСЪ СТАРИКА.

Я, Иванъ Герасимычъ; гостя веду!

II.

ГОСТЬ (*входя*).

Ивану Герасимовичу.

ХОЗЯИНЪ.

Федоту Маркелычу. (*Молчаніе.*) Чѣмъ подчивать дорогаго гостя? Теперича у насъ всего можно, потому: постоялый дворъ — спрашиваютъ. Чайку? вода горячая ночь и день не переводится — духомъ соберемъ. Лексѣичъ! собери четыре парочки — цвѣточнаго и сахарцу, понимаешь? бѣлаго! *Молво* держимъ, первѣйшій московскій фабрикантъ, девяносто три копѣечки фунтъ; есть и похуже: второй сортъ, семдесять двѣ — ну тотъ маненичко посѣрѣй будетъ, а сладость одна.

ГОСТЬ.

Конечно, кому какой требуется. У васъ шавель проѣзжая пристаетъ: все больше обозчики — черной народъ, такъ они, конечно, пьютъ и посѣрѣй.

ХОЗЯИНЪ.

Позвольте, Федотъ Маркелычъ; жирно будетъ семьдесятъ двѣ черный народъ потчивать. Вы нашихъ порядковъ не знаете! Да такъ и стоялый дворъ держать нельзя — съ кошлемъ пойдешь. А мы, благодареніе Богу, наживаемъ... У насъ черному народу подается синецъ.

ГОСТЬ.

То есть какъ, Иванъ Герасимычъ, синецъ?

ХОЗЯИНЪ.

А сахаръ такой, выходитъ — третій сортъ.

ГОСТЬ.

Нечего сказать, не слыхалъ.

ХОЗЯИНЪ.

Оно вотъ видите, Федотъ Маркелычъ: въ продажѣ его не находится, такъ и мудренаго нѣтъ, что не слыхали, а досталъ я его случаемъ. Изволите припомнить, прошлаго году Оловяннишниковъ, Стратилатъ Гаврилычъ, въ Москву ѣздили, ну вотъ они и купили тамъ партію сахару. Дешево, что ль, обошлось, только купили они его много.... и ужь не знаю, сложить, что ли, мѣста не хватило, только часть его лежала такъ Богъ знаетъ гдѣ: у Стратилата Гаврилыча на дворѣ флигелечекъ неражій есть, такъ вотъ они и сложили головъ сотню туда на чердакъ, а внизу красильщики нанимали. И развели они однажды большущій чанъ синей краски — пряжу красить сбирались, а потолокъ не выдержалъ — шутка, сто головъ: тяга немалая! И посудите вы теперича, Федотъ Маркелычъ, сорокъ головъ какъ есть въ самый чанъ такъ вотъ и угодили да почитай часъ въ немъ и кисли. Оказія!

ГОСТЬ.

Подлинно, оказія! (*Слышно, что принесли чай.*) Вотъ, я думаю, Оловяннишниковъ бороду расчесалъ!

ХОЗЯИНЪ.

Э, Федотъ Маркелычъ, такому богачу какъ Оловяннишниковъ — плевое дѣло и не сорокъ головъ! А нашему брату съ руки.... Откушайте! (*Пьютъ чай.*)

ГОСТЬ.

Ну и что же, Иванъ Герасимычъ?

ХОЗЯИНЪ.

Повытаскали да сушить поскорѣй. И то чудно, что ничего: просохъ и такой твердой сталъ словно камень, кипятокъ его не беретъ, съ однимъ кускомъ десять чашекъ пей. И сладокъ. Одно: цвѣтъ! Ну цвѣтомъ не вышелъ, такъ цѣной маленичко посходнѣй бѣлаго: намъ фунтъ, передъ вами какъ передъ Богомъ, Федотъ Маркелычъ, копеичекъ по семнадцати не больше пришелъ, да-съ!

ГОСТЬ.

Неужли? Да это, выходитъ, лафа, Иванъ Герасимычъ.

ХОЗЯИНЪ.

А то какже не лафа? Все выходитъ надо знать какъ деньгу нажить. Я, повѣрите, Федотъ Маркелычъ, какова есть.

крошка другой годъ сахару не покуп.... (*быстро поправляясь*) конечно, купишь маненичко для хорошихъ людей; всякіе случаи бываютъ, надо держать....

ГОСТЬ.

Кто говоритъ, какъ не купить? И должно купить. Дворянину такого сахару не подашь...

ХОЗЯИНЪ.

Дѣло извѣстное. А и тутъ, открыться по божески, Федотъ Маркелычъ, сноровка есть, коли плохонькой придетъ — ничего, клади смѣло, сойдетъ! Конечно, не первый слой: первый слой синь словно вотъ сукно и отзываетъ нехорошо. Второй посвѣтлѣй: этакъ вотъ, примѣрно теперича, какъ стѣна. А какъ разрубишь голову, такъ въ иной, повѣрите ли Федотъ Маркелычъ, фунта съ три чистѣйшаго рафинаду окажется — и бѣлъ какъ снѣгъ! Только такъ мѣстами синяя полоска словно жилка пройдетъ.... (*Наливаетъ чаю.*) Откушайте!

ГОСТЬ.

Нѣтъ, Иванъ Герасимычъ. Я чаю больше не хочу, сами кушайте.

ХОЗЯИНЪ.

Что же-съ, Федотъ Маркелычъ? всего три чашечки да и баста....

ГОСТЬ (рѣзко).

Да такъ не хочу. А я къ вамъ подѣлу.

ХОЗЯИНЪ.

Чашечку?

ГОСТЬ.

А у насъ, по нашему, Иванъ Герасимычъ, слово свято: сказано, не хочу....

ХОЗЯИНЪ.

Да вы, можетъ, подумали.... Разрази громъ — сахаръ настоящій: у Варахобина бралъ, хоть спросите.

ГОСТЬ.

Да я дома много пилъ.

ХОЗЯИНЪ.

Ну такъ водочки. Эй, Лексѣичъ! бальзамчику графинъ, да рюмки большіе, пятнадцати-копѣечныя.

ГОСТЬ.

Къ чему большія? Я много пить не буду. Много пить будишь, голову потеряешь.

ХОЗЯИНЪ.

Со мной ничего, Федотъ Маркелычъ. Я васъ такъ словно брата родного уважаю. И не то, что чай или водка, все готовъ съ моимъ уваженіемъ. *(Слышно, что принесли водку.)* Откушайте! (*Пьютъ и крякаютъ.*) А то подумали. Нѣтъ, Федотъ Маркелычъ, оловянишниковскій сахаръ у насъ весь въ продажу идетъ. верхній слой черному народу идетъ, второй кому почище, а середнимъ и дворяне не брезгуютъ.

ГОСТЬ.

Одно удивительно, какъ теперича цвѣтъ, я полагаю, спрашиваютъ. Мужикъ мужикъ, а все же онъ видитъ.

ХОЗЯИНЪ.

По нашему тракту народъ, слава Богу, смиренъ. Мужикъ богобоязненной и чтобъ буйство или чего, не слыхать. Иной спроситъ случаемъ: что, молъ, сахаръ словно крашеной? «Дуракъ ты — скажешь ему — мужикъ, такъ и видно мужикъ: не слыхалъ, что ли, нынче и все такой сахаръ?» Ну и ничего, пьетъ. А иной такъ еще проситъ такого. Къ намъ кто не заходитъ? При всякомъ его не подашь.... иной разъ подаемъ и мужику побѣлѣй; такъ нѣтъ, сердится: «ты, говоритъ, синцу подай, съ нимъ поспорѣй!» Такъ и пошло синецъ да синецъ!... Откушайте!

ГОСТЬ.

Да сами что же, Иванъ Герасимычъ? (*Пьютъ.*)

ХОЗЯИНЪ.

А вотъ и мы выпьемъ-съ. Такъ изволите говорить, Федотъ Маркелычъ, дѣльцо есть?

ГОСТЬ.

А вотъ видите, Иванъ Герасимычъ: вы приказывали Сергѣю Васильичу, чтобъ поговорить мнѣ, что вы хотите сватать мою сестру?

ХОЗЯИНЪ.

Было дѣло.

ГОСТЬ.

Ну-съ Сергѣй Васильичъ посылали миня къ моимъ родителямъ сдѣлать приддаженье, что вы хотите сватать сестру... и сказалъ я имъ на имя Аркадія Васильича и на Ольгу Васильевну и на Каверина, что будто они совѣтуютъ за васъ отдать....

ХОЗЯИНЪ.

Токъ-съ!

ГОСТЬ.

То родитель сказалъ: когда евти люди объ немъ заключаютъ, что онъ хорошаго поведенья, то намѣрены будутъ отдать....

ХОЗЯИНЪ (въ восторгѣ).

Ужь будто? Такъ, сталь, обдѣлалось.... Я тоись, Федотъ Маркелычъ, по гробъ слугой буду какъ тятинькѣ вашему, такъ равно и вамъ. Откушайте! (*Пьютъ.*) А поведеніе? по всей линіи иди спрашивай—малый ребенокъ про насъ худа не молвитъ! Да, откушайте еще, Федотъ Маркелычъ, а не то: мадерки не прикажете ли?

ГОСТЬ.

Позвольте, Иванъ Герасимычъ. Но только въ томъ дѣло состоитъ, въ какомъ вы смыслѣ намѣрены сватьбу играть: если вы думаете такъ свадьбу сдѣлать, какъ Сергѣй Васильичъ сказали: можно говоритъ на триста рублей сыграть—это, значитъ, по кузнецки....

ХОЗЯИНЪ.

Тоись какъ по кузнецки, Иванъ Маркелычъ?

ГОСТЬ.

А такъ: купить штофъ вина, придти распить его да прощай! нѣту! эткимъ манеромъ взять вамъ у насъ не придется, да и батюшка отдать по кузнецки нисагласится, потому у насъ въ раднѣ по кузнецки ни одной нивѣсты ни отдавали и свадебъ кузнецкихъ ни бывала, а она у насъ ни худова поведенья или ни дура, чтобы мы согласились ее такъ отдать; а она у насъ изъ кожновыхъ нѣвестъ перва красавица.

ХОЗЯИНЪ.

Тэкъ-съ!

ГОСТЬ.

Если намъ ее тахто отдать, то намъ не то свои сродники въ глаза наплюютъ, но даже весь городъ асмiетъ, патаму у насъ на запоѣ и на сговорѣ будитъ публика большая; люди будутъ хорошіе, однихъ барышніевъ будитъ штукъ до девяти; а угощать нечимъ будитъ, и абѣдовъ не будетъ!

ХОЗЯИНЪ.

Триста рублей деньги, Федотъ Маркелычъ!

ГОСТЬ.

Кто говоритъ — и гривна деньги. Только намъ съ гривной дѣлать нечего. Это просто намъ проходу не дадутъ. А

если согласны вы будите свадьбу сыграть по купецкому обряду, она вамъ станетъ не менѣ, какъ тысячу рублей, патаму: у насъ гостей будитъ много. Во время запою и сговору у насъ займется половина хоромъ, а у васъ распорядиться нѐкому, какъ только Васильевнѣ и Лексѣеву; а евту сволочь родители не допустятъ, потому они умѣютъ распорядиться только у табатирокъ, а не у еткихъ дѣловъ....

ХОЗЯИНЪ.

Тэкъ-съ!

ГОСТЬ.

А родители приказали вамъ поговорить, если вы надумаете: больше тысячи станетъ, то они согласны у васъ взять на всю свадьбу тысячу рублей — на свое распоряженье, на разныя вины, и на разныя закуски, и на обѣды, и меду сварить, и на чай, и на сахаръ, и за свадьбу священникамъ отдать, и изъ посуды совершенно до васъ ничего не коснется....

ХОЗЯИНЪ.

Тэкъ-съ!

ГОСТЬ.

А чего сверхъ тысячи ни достанетъ, то они съ васъ ни копѣйки не потребуютъ. А ваше дѣло только пріѣхать съ Ѳедоромъ Васильичемъ и съ ево женою,—сѣсть подлѣ невѣсты,— а не съ евтими людьми съ Васильевной и съ Ликсѣевымъ! Тогда не стыдно будетъ пожаловать и Сергѣю Васильичу: угостимъ хорошими напитками!

ХОЗЯИНЪ.

Тэкъ-съ!

(Слышно кряхтѣнье — онъ выпилъ, но уже не подчивалъ гостя).

ГОСТЬ.

А и я выпью. (*Пьетъ.*) Такъ вотъ, Иванъ Герасимычъ. Изъ платья съ васъ ничего не потребуемъ: снарядимъ сами! Постелю уберемъ въ три перемѣны отличнымъ манеромъ, положимъ васъ на Кобзевъ дворъ въ каменныя комнаты, а они у насъ отдѣланы важно; постелю вамъ отъ насъ примутъ наши сродники, какъ должно по обряду, и уберутъ ее. Вотъ если вы эткимъ манеромъ будете согласны, то приказали мнѣ придти съ вами къ родителямъ и переговорить, и посмотрите при нарядѣ невѣсту. (*Долгое молчаніе.*) Такъ вотъ, Иванъ Герасимычъ, можемъ сдѣлать на Благовѣщенье запой и вы не безпокойтесь сваху посылать — вотъ вамъ мои слова:

если согласны будете, то я вашимъ буду сватомъ, а вы моимъ зятемъ.

(Снова долгое молчаніе.)

ХОЗЯИНЪ.

Тысячу рублей — капиталъ, Федотъ Маркелычъ.

(Пьетъ и крякаетъ.)

ГОСТЬ.

Нешто и мнѣ выпить? Бальзанчикъ отмѣнный! *(Пьетъ и крякаетъ.)* А то поговариваетъ Васильевна за васъ у насъ свататься; лучше не посылайте, потому какъ батюшка на нее посмотритъ, на эткую ловасть, да спроситъ ее съ каково она званья, а она скажетъ: кухарка, то онъ евто выведетъ, и выдетъ дичь палявая! Подѣльнѣе ее приходили, и то носецъ заворачивалъ! Етакой ли ходить сватать....

ХОЗЯИНЪ.

Тэкъ-съ!

ГОСТЬ.

И то батюшка согласится отдать собственно по моей просьбѣ, потому: я желаю васъ имѣть своимъ зятемъ, и вы мнѣ извѣстны такъ, какъ на рукахъ мои пальцы. (*Молчаніе.*) А Васильевна эта думаетъ такъ, какъ она усватала Гирина, — такъ и теперь: нѣтъ! Наша свадьба будетъ особенная; а на этой свадьбѣ, если согласится она готовить кушанье, то мы ей отрѣжемъ платье! Такъ вотъ какъ надумаетете?

ХОЗЯИНЪ.

А думаю.

ГОСТЬ.

Я вечеркокъ побываю. Прощайте съ, наше почтеніе, Иванъ Герасимычъ.

ХОЗЯИНЪ (сухо).

Прощайте!

ГОСТЬ.

А когда не захотите и пожалѣете тысячу рублей, то ищите невѣсту подешевле, а у насъ женихи будутъ. Прощайте-съ! *(Уходитъ и возвращается)*. А Васильевна эта думаитъ, такъ какъ усватала она Гирина, такъ и теперь! Нѣтъ! тутъ свадьба будетъ особенная, а тутъ если согласится онъ готовить кушанье, то мы ей платье отрѣжемъ! (*Уходитъ.*)

ХОЗЯИНЪ.

Думай не думай, а все одно: не бросать же тысячу рублевъ на вѣтеръ! Нѣтъ, Евлампія Маркеловна! не доросли вы,

матушка, до тысячной свадьбы. (*Бросается къ двери.*) Эй, поштенной, поштенной!

ГОСТЬ (возвращаясь).

Стало, надумали, Иванъ Герасимычъ?

ХОЗЯИНЪ.

А надумалъ....

ГОСТЬ.

Такъ не миновать породниться....

ХОЗЯИНЪ (неслушая его).

Что же деньги, поштенной? Куда какъ прытокъ! пить пилъ, а расплатиться догадки нѣтъ. У насъ даромъ ничего не даютъ; потому—постоялый дворъ. Много васъ подлиналъ!

ГОСТЬ.

Какія деньги?

ХОЗЯИНЪ.

А чай пилъ, а бальзамъ?

ГОСТЬ.

Такъ стало такъ, Иванъ Герасимычъ?

ХОЗЯИНЪ.

А такъ, Ѳедотъ Маркелычъ. Еще Евламнія Маркеловна маненичко не доросли-съ до тысячной свадьбы. А денежки отдай: чай— полтину, три рюмки—бальзаму сорокъ пять; всего девяносто пять копѣечекъ.

ГОСТЬ.

Чай? Да съ твоего чаю только горло ободрало. Хорошъ чай — съ крашенымъ сахаромъ!

ХОЗЯИНЪ.

А нѣтъ, сахаръ былъ настоящій.

ГОСТЬ.

Не спадалъ я, что ли? Что ни кусокъ, то синяя жила, словно синькой выкрашенъ, да и воняетъ.

ХОЗЯИНЪ.

Дудки, поштенной! Ну, да чай Богъ съ нимъ. Положимъ чаемъ потчевалъ! А бальзамъ: три рюмки—сорокъ пять. Твоя рука наливала....

ГОСТЬ.

Будетъ съ те и гривенника, алтынная душа.

(Слышенъ звукъ брошенной монеты. Гость быстро уходитъ.)

ХОЗЯИНЪ (кричитъ).

Васильевна!

III.

ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ и я, кормилецъ, совсѣмъ при нарядѣ, одѣлась; гляди: чѣмъ не купчиха?

ХОЗЯИНЪ.

Не ходила еще?

ВАСИЛЬЕВНА.

А нѣтъ. Только мадерки сходила купить, да вотъ принарядилась.

ХОЗЯИНЪ.

Ну, такъ и не ходи.

ВАСИЛЬЕВНА.

Что такъ, родимой?

ХОЗЯИНЪ.

А такъ, не пошто! Негодишься, вишь, говорятъ, какая ты сваха: не знаешь порядковъ!

ВАСИЛЬЕВНА.

Что-й-то, и Господи! какъ не знать? и не то, такъ знаю.... да и другихъ поучу. И неужто онъ такъ сказалъ? Али, кормилецъ, повздорили, стало, съ Федотомъ-то Маркелычемъ?

ХОЗЯИНЪ (самъ съ собою).

Въ тысячу рублевъ, говоритъ, свадьбу справь, да и денежки имъ въ руки дай, вишь нашли дурака. Нѣтъ, я не дуракъ, дай имъ тысячу, знаю: распорядятся — любо! Нѣтъ, жирно будетъ — тысячу. Деньги нынче въ сапогахъ ходятъ! Насъ не тому родители учили деньги бросать.

ВАСИЛЬЕВНА (всплеснувъ руками).

Тысячу рублей, эва! что они, стало, съума спятили. Невѣста совсѣмъ подошлая, а свадьбу въ тысячу играй! Ну! нынче народъ! И получше найдемъ, Иванъ Герасимычъ, и не тужи!

ХОЗЯИНЪ.

А что тужить! Дуракъ я тужить. Какая невѣста! Только и хорошаго было, что лавка шорная: доходъ теперича вѣрный, да жеребчикъ карій — масть отмѣнная, отливъ больно хорошъ, словно золоченой!

ВАСИЛЬЕВНА.

Найдемъ, все найдемъ, не то золоченаго, настоящаго золотого найдемъ! А ужь Евлампія Маркеловна, я давеча только

говорить не хотѣла, а правду сказать: какая она невѣста такому молодцу, да красавцу.... Вѣдь не только зубовъ, и волосъ нѣтъ: коса-то дареная!

ХОЗЯИНЪ.

Какъ дареная?

ВАСИЛЬЕВНА.

А такъ. Вишь съ господами дружество повели, такъ и переняли. Слыхалъ, чай, про казначейшу нашу прежнюю: каковъ есть волосъ, по всей головѣ ни одного нѣтъ.... а въ люди выдетъ—коса стогъ стогомъ—посмотрѣть любо! Ну, вотъ она таку косу одну и подари Евлампіи Маркеловнѣ, и пошла наша купчиха туда же щеголять! Право, я доподлинно слыхала!... Прибрать, родимой? чайку больше не будешь пить?

ХОЗЯИНЪ.

Нѣтъ. А бальзаму не тронь. Изюмъ обратно снеси.

ВАСИЛЬЕВНА.

Ладно, снесу, только вотъ чайку прежде попью....

ХОЗЯИНЪ.

Мадеру сюда подай. Да платье, смотри, скинь: я, примѣрно, не къ тому его подарилъ, чтобъ ты въ немъ по товаркамъ таскалась, а вотъ, можетъ, посватать придется....

ВАСИЛЬЕВНА.

Сниму, сниму, родимой. (*Уходитъ и возвращается.*) А вотъ и мадера. (*Уходитъ.*)

(Молчаніе; потомъ слышенъ звукъ откупоренной бутылки; опять молчаніе и потомъ раздается протяжная пѣсня, напѣваемая не совсѣмъ трезвымъ голосомъ.)

— Каковъ разговоръ? сказалъ Грачовъ своему пріятелю, убѣдившись, что уже не будетъ продолженія. — Не правда ли, чудо? Если записать, выйдетъ маленькая комедія; право, я такъ и сдѣлаю.

— Да, разговоръ не дуренъ. Но, признаюсь, я не желалъ бы быть авторомъ такой комедіи.

— Почему?

— Да потому, что выйдетъ.... подражаніе.

— Помилуй! какимъ же образомъ можетъ выйдти подражаніе?

— А Богъ знаетъ какимъ! Память легче удерживаетъ слышанное или читанное, а умъ безотчетно даетъ просторъ чертамъ, которыя ему уже указаны, истолкованы, — вотъ отчего, я думаю, списывая происходящее, мы невольно подражаемъ тому, что уже происходило и было списано... разумѣется, если нѣтъ дарованія. А есть ли оно у насъ съ тобой—еще вопросъ не рѣшенный. Или, можетъ быть, ужь такая среда, что два-три мастерскіе снимка исчерпываютъ ее всю, и сколько ни списывай потомъ, все будетъ казаться подражаніемъ и повтореніемъ. Впрочемъ, печатай. Такія вещи печатать полезно. Во первыхъ, потому, что нельзя же считать свой приговоръ безапеляціоннымъ, надо оставить что-нибудь и суду публики: можетъ быть, она и найдетъ въ твоей комедіи что-нибудь новое. Во вторыхъ, потому, что всякій предметъ уясняется только тогда, когда перестаетъ быть достояніемъ ограниченнаго числа спеціалистовъ, какъ бы получившихъ на него привиллегію, а въ третьихъ, потому полезно.... что никому не вредно.

Громкій и хриплый голосъ, раздавшійся за стѣной: «Васильевна! эй, Васильевна!» прервалъ разговоръ.

Пришла Васильевна и отвергнутый женихъ потребовалъ чего-то. Пріятели стали одѣваться.

Н. НЕКРАСОВЪ.

АРЛЕКИНЪ.

Меня всю ночь промучилъ сплинъ.
Передо мной, къ стѣнѣ прибитый
И, видно, няней позабытый,
Висѣлъ бумажный арлекинъ.
Едва хочу я позабыться —
Вдругъ арлекинъ зашевелится,
Начнетъ приплясывать, моргать,
И точно хочетъ что сказать.

Я ободрилъ его. Онъ началъ:

У васъ мнѣ просто нѣтъ житья.
Здѣсь для дѣтей забава я,
А то ли я въ Европѣ значилъ?
Тамъ всѣ ужь знаютъ и твердятъ,
Что нынче вѣкъ арлекинадъ.
Мы маскируемся, хлопочемъ,
Кутимъ, журируемъ, морочимъ,
И свѣтъ волнуя и губя,
Тишкомъ смѣемся про себя.

Но ты меня не понимаешь....
Не мудрено! Ты знаешь свѣтъ
Изъ книгъ французскихъ да газетъ;
И вѣрно все воображаешь,
Что арлекинъ — острякъ и шутъ,

Философъ жизни, умный плутъ,
Другъ Бахуса и всякой снѣди —
Есть вымыслъ площадныхъ комедій.
Такъ было прежде, въ старину.
Тогда насъ въ строгости держали,
Тогда мы роль свою играли
Исправно.... даже не одну
Услугу людямъ оказали....
Скажу не обинуясь: міръ
Впередъ мы двигали чудесно,
Когда какой нибудь безвѣстной
Намъ роли сочинялъ Шекспиръ.
Такихъ Шекспировъ было много
Во всѣхъ родахъ. Ихъ здравый умъ
Всѣмъ и всему судья былъ строгой.
Ихъ смѣхъ былъ плодъ глубокихъ думъ....
На площади за ширмой пестрой
Мы зло язвили шуткой острой,
И къ намъ ѣзжала даже знать
Чтобъ каламбуръ у насъ занять —
Инкогнито!... Мы безпристрастно
Тартюфовъ ставили на смѣхъ;
Критиковали даже тѣхъ,
Кого критиковать опасно:
Извѣстный взяточникъ и воръ
Боялся насъ какъ привидѣнья;
Въ дѣлахъ правленья самый дворъ
Насъ принималъ въ соображенье.
А шарлатановъ-докторовъ,
Сластолюбивыхъ старичковъ —
И легкихъ модниковъ аббатовъ,
Скупцовъ и плутовъ-адвокатовъ,
Старухъ — охотницъ до интригъ —
Держалъ въ остраскѣ нашъ языкъ.
Такъ въ нашемъ смѣхѣ и злословьѣ
Нашли орудье короли,
Чтобъ соръ мести съ лица земли;
И насъ любили всѣ сословья:
Въ нихъ силы наша болтовня
Возобновляла какъ лекарство,
Тѣмъ въ равновѣсіи храня
Всѣ элементы государства.

Плѣнясь критическимъ умомъ
И нашей рѣчи бойкой солью,
Насъ свѣтъ иной, важнѣйшей ролью
Рѣшился наградить потомъ.
«Вы гнать умѣете пороки, —
Сказалъ — «Подайте же вы намъ
Высокой мудрости уроки!
Какъ дѣти ввѣримся мы вамъ.
Всей государственной машинѣ
Вы чудный сдѣлали разборъ —
Такъ перестройте жь насъ вы нынѣ —
Да новый міръ пойдетъ съ сихъ поръ!»

Въ насъ умъ всегда былъ смѣлъ и скоръ.
Въ мигъ планъ готовъ — и ухватились
За трудъ съ увѣренностью мы.
Мы къ той порѣ ужь поучились,
И наши бойкіе умы
Ужь въ философію пустились;
Пьеро надѣлъ уже парикъ,
И точно — царь былъ въ царствѣ книгъ!
И мы пошли ломать. Трещало
Все, что построили вѣка....
Грядущее издалека
Намъ средь руинъ зарей сіяло....
Но вдругъ средь нашихъ сладкихъ сновъ,
Средь нашихъ пламенныхъ теорій —
Мы слышимъ черни ярый ревъ:
Какъ будто вдругъ изъ береговъ,
Бушуя, выступило море!...
Мы въ ужасѣ глядимъ кругомъ,
И что жь? Какъ демоны въ потемкахъ,
Одни стоимъ мы на обломкахъ:
Добро упало вмѣстѣ съ зломъ!
Всѣ наши пышныя идеи
Толпа буквально поняла,
И ужь кровавые трофеи
Вопя, по улицамъ влекла....

Но это все тебѣ извѣстно;
Ты знаешь, какъ одни изъ насъ,
Противу черни ополчась,

Погибли праведно и честно:
Но ты не знаешь одного —
Что многимъ голову вскружало
Господство, власть и торжество,
А съ тѣмъ и деньги.... Да, мой милой!
Кто разъ ужь сладко ѣлъ и пилъ,
Тотъ аппетитъ ужь наострилъ!
Мы взять попробовали силой —
Да не смогли: «Ну, такъ постой,
Мы думали, — «народъ пустой!
Подобье вѣчное Сатурна!
Мы какъ нибудь найдемъ лафу,
И такъ поддѣнемъ, на фу-фу!
Половимъ рыбки: море бурно!...
Міръ самъ пойдетъ своимъ путемъ,
А мы съ него свое возьмемъ —
И вотъ какъ: рѣшено, что дурно
Все старое, какъ сгнившій плодъ;
Ну, такъ возьмемъ на оборотъ —
Перевернемъ все на изнанку;
Взболтаемъ цѣлый міръ какъ склянку —
Чему на днѣ быть — упадетъ,
Чему вверху — на верхъ всплыветъ!
То, что считалось безобразнымъ,
Мы совершенствомъ назовемъ;
Что искони казалось грязнымъ,
Мы въ томъ высокое найдемъ....
Но, впрочемъ, эти штуки мелки,
И занимаютъ лишь дѣтей
Литературныя продѣлки...
Тутъ были вещи покрупнѣй.
При томъ у насъ литература
Была неважная фигура.
Одинъ слезами тѣшилъ дуръ,
Другой ругался черезъ-чуръ;
Такъ-что открылась штука эта
И міръ смекнулъ, стряхнувши сплинъ,
Что въ маскѣ чахлаго поэта
Румяный крылся арлекинъ.

Нѣтъ, вотъ гдѣ болѣе отваги!
Смотри-ко дерзость какова —

Мы появилися какъ маги,
Вѣщали чудныя слова;
Со всѣмъ величіемъ пророка
Провозглашали: «нѣтъ порока!
«Для плоти наступилъ свой вѣкъ!
«Стыдъ, совѣсть — робкихъ душъ тревога!
«Въ страстяхъ познайте голосъ бога,
«И этотъ богъ — есть человѣкъ!»...
Благоуханными словами
Навербовали мы толпами
Жрецовъ, а особливо жрицъ
Изъ женъ скучающихъ мужьями,
И неутѣшенныхъ вдовицъ.
Въ своемъ безсовѣстномъ ученьѣ
Открывъ всѣмъ мерзостямъ прощенье,
Пустили пó свѣту гулять
Мы Мессалинъ и Донъ-Жуáновъ,
И куча мелкихъ партизановъ
Пошла ихъ роль перенимать.
Они взялись за дѣло прочно,
И, предъ испуганной толпой,
Плевали съ наглостью тупой,
Въ лицо весталки непорочной,
Имъ недоступной, имъ чужой!
Прикрывши граціей безстыдство,
Они всѣмъ блескомъ сибаритства
Ловили въ сѣти и дѣтей,
Ихъ развращая въ цвѣтѣ дней....
Тутъ было чистое злодѣйство,
Но наши новые жрецы
Втирались въ мирныя семейства
И утучнялись какъ тельцы....

Но все же этимъ аферистамъ
Не такъ продѣлка удалась
Какъ арлекинамъ-журналистамъ.
Въ нихъ оцѣнить ты можешь насъ.
Вотъ знаютъ гдѣ и какъ ударить!
Вотъ, мастера-то чортъ возьми!
Насчетъ умовъ въ карманахъ шарить
И слыть честнѣйшими людьми!
Сбирая дани съ Музъ и Грацій

Натурой, деньгой, тѣмъ и тѣмъ,
Они для вѣрныхъ спекуляцій
Какихъ не строили системъ!
Ужь въ чемъ другихъ не увѣряли,
Не вѣря ровно ничему!
Казалось всѣмъ — они лишь знали
Что неизвѣстно никому!
Родъ человѣческій такъ падокъ
Вѣдь на таинственность: они
Какъ сфинксы, полные загадокъ
Являлись черни въ оны дни!
Отъ нихъ услышать голосъ божій
Къ нимъ собиралися толпы
Великодушной молодёжи,
Чуть не цалуя ихъ стопы.
И сфинксъ, въ нихъ разжигая страсти,
Себѣ прокладывалъ въ тиши
На ихъ плечахъ дорогу къ власти,
И съ благородства ихъ души
Сбиралъ тихонько барыши.
Такъ мы попали въ депутаты....
О, если бъ видѣлъ ты палаты!
Вотъ маскарадъ-то! шумъ и гамъ!
Куда ни взглянешь — тутъ и тамъ
Все арлекинъ на арлекинѣ
Въ патріотической личинѣ!...
Ну, тутъ пошелъ такой кутежъ,
Что ужь теперь не разберешь!
Во имя братства и свободы
Мы взбаламутили народы,
Имъ обѣщая дать уставъ,
Какъ жать, не сѣявъ, не пахавъ.
Хоть, правда, два-три человѣка
Наладить думали ходъ вѣка,
Да — гдѣ имъ? — Главная-то часть
Была у насъ: казна и власть;
Въ рукахъ — голодной черни стая,
Толпа фанатиковъ слѣпая
Да бѣглецы со всей земли.
Такъ мы въ республику сыграли,
Потомъ имперію создали,
Въ парламентъ англійскій вошли,

И два враждебные народа
Сдруживъ для Крымскаго похода,
На помощь Туркамъ повели....
Все бъ это ничего, конечно,
Когда бы въ то, что мы творимъ,
О чемъ мы пишемъ и кричимъ,
Мы вѣрили чистосердечно;
Нѣтъ, вѣры нѣтъ въ насъ на алтынъ!
Вѣдь смѣхъ: почтенный господинъ
Громитъ съ трибуны: плещутъ массы;
А подо всѣ его возгласы,
Въ душѣ витіи, арлекинъ
Толпѣ коверкаетъ гримасы....

Я самъ.... Да что и поминать!
Увы! nessun maggior dolore,
Какъ вспоминать про счастье въ горѣ!
Насъ стали тамъ ужъ понимать.
Народъ — не тотъ, что пьетъ и пляшетъ;
А тотъ, который жнетъ и пашетъ,
Сталъ дѣло кажется смекать....
А этихъ пахарей печальныхъ,
Отцовъ семействъ патріархальныхъ,
Возросшихъ средь лѣсовъ и горъ,
Мы очень трусимъ съ давнихъ поръ.
Къ тому жь, еще ударъ жестокой: —
Оскорблена въ душѣ высокой,
Ужь видитъ наша молодежь,
Что силы, умъ ея, здоровье
Погибли, защищая ложь,
Въ великолѣпномъ пустословьи!
И многіе въ душѣ своей
Даютъ обѣтъ: отъ критиканства,
Отъ пустоты и шарлатанства
Предохранить своихъ дѣтей....

Я думалъ: ужъ не дать ли тягу,
Да здѣсь въ Россіи покутить....
Но какъ наказанъ за отвагу!
Не знаю, какъ и пережить!
Вѣдь вы одни для насъ и грозны.
Вы слишкомъ вообще серьезны.

Я здѣсь безъ вѣсу, безъ гроша.
Иначе тѣшится Россія!
У ней и въ смѣхѣ есть душа,
И въ шуткахъ — думы вѣковыя!
У васъ есть вѣра въ вашу Русь,
А вѣдь и камни движетъ вѣра!
Нѣтъ, я ошибся. Признаюсь,
Ужъ вотъ урокъ-то! вотъ карьера!
Мальчишка дергаетъ шнурокъ,
А я и прыгай что есть ногъ,
Пока не пуститъ онъ шнурочка!...
Послушай, сжалься надо мной!
Пусти меня! Сними съ гвоздочка!
Мнѣ, право, надобно домой!
Идетъ къ концу арлекинада, —
Такъ приготовиться мнѣ надо
Собой украсить мавзолей
Великихъ тамошнихъ людей.

А. МАЙКОВЪ.

ЖИЗНЬ АЛКИВІАДА,

ПО НОВѢЙШИМЪ О НЕЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

I.

Между дѣятелями всемірной исторіи, которымъ современники и потомство присвоиваютъ названіе *великихъ людей*, встрѣчаются личности двоякаго рода. Одни пріобрѣтаютъ себѣ громкое историческое имя заслугами, оказанными своему народу или всему человѣчеству; другіе, сверхъ того и, быть можетъ, еще болѣе, блестящими личными качествами, богатствомъ, даровитостію и, такъ сказать, симпатичностію своей индивидуальной природы. Отдавая должную дань признательности первымъ за полезные плоды ихъ дѣятельности, мы нерѣдко отказываемъ имъ въ нашемъ сочувствіи, нерѣдко даже бываемъ принуждены сдѣлать значительное усиліе, чтобы, заглушивъ въ себѣ голосъ сердца и невольно рождающуюся антипатію, оцѣнить безпристрастно и справедливо несомнѣнныя ихъ заслуги. Личности такого рода отталкиваютъ насъ отъ себя или своимъ суровымъ, иногда даже жестокимъ и безчеловѣчнымъ характеромъ, или узкостію своего взгляда, не простиравшагося далѣе той опредѣленной цѣли, достиженію которой посвятили они свою дѣятельность, или, наконецъ, безнравственностію, возмутительностію тѣхъ средствъ, которыя употребляли они для осуществленія своихъ, весьма часто благодѣтельныхъ и справедливыхъ намѣреній. Такъ напримѣръ, нельзя ни въ какомъ случаѣ отрицать высокаго историческаго значенія, какое имѣли — для Франціи Людовикъ XI, или для

Англіи Генрихъ VIII, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя, познакомившись ближе съ этими личностями, ни полюбить ихъ, ни даже примириться съ ними. Въ совершенно иномъ отношеніи находимся мы къ историческимъ дѣятелямъ втораго рода. Кромѣ уваженія, которое внушаютъ намъ ихъ подвиги, совершенные на пользу человѣчества и его образованія, мы чувствуемъ еще болѣе или менѣе живую, болѣе или менѣе глубокую симпатію къ самой ихъ личности — симпатію, на которую даютъ имъ право иногда прямой и открытый характеръ, иногда многосторонность воззрѣній и чуждая всякой исключительности живость ума, иногда самое разнообразіе и блескъ дарованій, а всего болѣе человѣчность натуры во всей ея цѣльности, способность понимать всѣ проявленія человѣческаго духа, сочуствовать всѣмъ его потребностямъ и усвоивать себѣ всѣ его интересы. Эти качества нерѣдко подкупаютъ насъ невольнымъ образомъ, такъ-что за нихъ мы готовы простить многое, прямо противорѣчащее нашимъ нравственнымъ и общественнымъ убѣжденіямъ. Такъ, напримѣръ, сознавая вполнѣ существованіе многихъ темныхъ сторонъ въ характерѣ и въ самой дѣятельности Александра Македонскаго или Юлія Цезаря, мы однако невольно стараемся или, по крайней мѣрѣ, желаемъ извинить и даже оправдать эти темныя стороны, не столько изъ уваженія къ общей всемірно-исторической роли названныхъ нами великихъ людей, сколько изъ сочуствія къ индивидуальной, исполненной блеска и привлекательности, натурѣ того и другого. Точно такое же, если не бо́льшее чувство симпатіи возбуждаетъ въ насъ и характеръ героя, котораго жизнь и подвиги составляютъ предметъ настоящей статьи. Темныхъ сторонъ въ Алкивіадѣ мы найдемъ несравненно болѣе, нежели въ Александрѣ или Цезарѣ; въ отношеніи къ историческому значенію первый стоитъ, конечно, гораздо ниже послѣднихъ; но между тѣмъ ни Александръ, ни Цезарь, ни другіе великіе историческіе дѣятели не производили, быть можетъ, на современниковъ и потомство того обаятельнаго вліянія, какое производила и производитъ донынѣ блестящая, роскошно надѣленная всѣми дарами природы личность Алкивіада.

«На Алкивіадѣ — говоритъ Корнелій Непотъ — природа хотѣла, по видимому, испытать свои силы, хотѣла показать все то, что могла произвести. Всѣ его жизнеописатели свидѣтельствуютъ единогласно, что никто не могъ превзойдти его ни доблестями, ни пороками.»

Нибуръ, въ своихъ лекціяхъ о древней исторіи, еще точнѣе и глубже опредѣлилъ характеръ Алкивіада.

«Личность его — говоритъ знаменитый историкъ — была по истинѣ личностію чарующей, подчинявшей все и всѣхъ окрестъ себя своему вліянію и господству. Въ сознаніи своей силы и крестся источникъ развившагося въ Алкивіадѣ убѣжденія, что данныя ему способности онъ можетъ употреблять по личному произволу. Такія истинно демоническія натуры рѣдко пользуются своимъ могуществомъ для достиженія благихъ цѣлей. Ничто не можетъ противустоять имъ; все окружающее признаетъ превосходство ихъ надъ собою; сами же они не признаютъ никакихъ законовъ, ни божескихъ, ни человѣческихъ. Они подчиняются этимъ законамъ, когда хотятъ, бываютъ благородны, великодушны, человѣколюбивы; но вмѣстѣ съ тѣмъ они и нарушаютъ законы, также когда хотятъ и когда требуетъ этого собственная ихъ польза. Другіе люди, въ глазахъ ихъ, ничто иное, какъ насѣкомыя, которыхъ они могутъ раздавить, въ случаѣ нужды, нисколько о томъ не безпокоясь. Къ такимъ именно натурамъ принадлежалъ и Алкивіадъ.»

Ничто не можетъ быть вѣрнѣе этой краткой, но глубоко вникающей въ самую сущность предмета, характеристики. Мы должны постоянно имѣть въ виду слова Нибура, если хотимъ избѣжать ошибочныхъ сужденій объ Алкивіадѣ и получить правильное понятіе объ историческомъ его значеніи. Высокимъ мѣстомъ, которое признала за нимъ исторія въ ряду великихъ людей, онъ обязанъ, едва ли не всего болѣе, своей богатой, могущественной или, по удачному выраженію Нибура, демонической натурѣ. Ни глубокая его испорченность, которая во всякомъ другомъ показалась бы возмутительной, ни ложное направленіе политической его дѣятельности, ускорившей, какъ увидимъ ниже, паденіе его отечества, не могутъ уменьшить невольнаго сочуствія, возбуждаемаго въ насъ этой привлекательной личностію. Не надо впрочемъ думать, что одинъ только блескъ личныхъ качествъ даетъ Алкивіаду право на имя великаго человѣка, на почетное мѣсто между героями всемірной исторіи. Конечно, его нельзя причислить къ благодѣтелямъ человѣческаго рода, къ тѣмъ людямъ, геніальность или энергія которыхъ открыла новые пути для развитія общественности и образованія. Но съ другой стороны, какъ важнѣйшій дѣятель одной изъ самыхъ важныхъ въ исторіи эпохъ, какъ важнѣйшій представитель характера и потребностей современнаго ему поколѣнія, его свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, Алкивіадъ имѣетъ, безпорно, великое значеніе для исторіи не только Аѳинъ, но и цѣлой Греціи, а слѣдовательно, и для исторіи всемірной. Чтобы раскрыть настоящій, внутрен-

ній смыслъ исторической его роли, надо вспомнить, что онъ жилъ и дѣйствовалъ въ такое время, когда блестящая аѳинская цивилизація начинала уже клониться къ упадку. Вѣкъ Перикла былъ, какъ извѣстно, высшею точкою ея развитія. Но вскорѣ по смерти этого государственнаго человѣка стали обнаруживаться мало по малу признаки предстоящаго паденія — ослабленіе нравственныхъ, а вмѣстѣ съ ними и политическихъ силъ. За свѣтлыми образами героевъ, сражавшихся при Мараѳонѣ и Саламинѣ, за энергическими и цѣльными характерами людей перикловa времени, на сцену исторіи вступило поколѣніе, богато одаренное духовными силами, вполнѣ способное къ живому развитію искусства и науки, но уже чуждое той рѣдкой гармоніи въ нравахъ и жизни, того высокаго чувства мѣры и самоограниченія, благодаря которымъ великіе люди предшествовавшихъ эпохъ пріобрѣтаютъ въ глазахъ нашихъ еще болѣе величія. Ни многостороннее образованіе современниковъ Алкивіада, ни ихъ безпокойная, шумная дѣятельность на всѣхъ поприщахъ не могутъ скрыть отъ насъ нравственнаго ихъ распаденія и окончательнаго разрыва между основными стихіями общественной ихъ жизни, находившимися нѣкогда въ нераздѣльномъ, гармоническомъ единствѣ. Никогда, быть можетъ, не было совершено аѳинянами столько великихъ дѣлъ, никогда политическое могущество ихъ не доходило до такой высокой степени, какъ въ эпоху Пелопоннезскихъ войнъ, но между тѣмъ всѣ подвиги, совершенные ими въ это время, обращались не въ пользу, а во вредъ аѳинскому государству. Блестящее зданіе, съ такимъ трудомъ воздвигнутое, грозило ежеминутно паденіемъ, потому что опиралось уже на шаткую, непрочную почву, колебавшуюся въ самыхъ основаніяхъ своихъ. Духовныя силы народа достигли въ этотъ періодъ времени высшей степени своего развитія, но неопредѣленность, произвольность, а нерѣдко и безнравственность цѣлей, для достиженія которыхъ эти силы были употребляемы, показывали заранѣе, что отъ нихъ нельзя уже ожидать благодѣтельныхъ и плодоносныхъ послѣдствій. Это глубокое противорѣчіе между содержаніемъ и формою, между внутреннимъ упадкомъ и внѣшнимъ блескомъ, ни въ комъ изъ грековъ не выразились такъ ясно и живо какъ въ Алкивіадѣ. Болѣе всякаго другого знакомитъ онъ насъ съ характеромъ того поколѣнія, среди котораго ему суждено было жить и дѣйствовать. Въ его индивидуальной природѣ соединены были всѣ тѣ рѣзко противорѣчившія другъ другу черты, которыя составили характеристическую особенность цѣ-

лой эпохи, осуществились въ его современникахъ только по одиночкѣ и притомъ въ несравненно меньшихъ размѣрахъ: привлекательный, симпатическій нравъ, геніальная смѣлость ума и живое сочувствіе ко всему благородному и высокому, вмѣстѣ съ страшною нравственною распущенностію, безумною, дерзкою отвагой, ненасытной жаждою власти и безграничнымъ честолюбіемъ. Въ этомъ именно пестромъ смѣшеніи добрыхъ и дурныхъ качествъ, изъ которыхъ каждое достигало громадныхъ размѣровъ, и заключаются — съ одной стороны историческое значеніе Алкивіада, какъ полнѣйшаго представителя падающей, но прекрасной и въ паденіи своемъ цивилизаціи Аѳинъ, съ другой — причина того невольнаго, неодолимаго очарованія, которому не могли противустоять ни степенный Сократъ, ни строгій Платонъ, которому не можемъ противустоять и мы, отдѣленные отъ этой великолѣпной личности цѣлыми столѣтіями и цѣлымъ рядомъ новыхъ, чуждыхъ древнему міру идей.

Несомнѣнная важность роли, которую игралъ Алкивіадъ въ исторіи Аѳинъ и всей Греціи, глубокіе слѣды, оставленные его дѣятельностію въ общественномъ и нравственномъ бытѣ этого государства, наконецъ сильное впечатлѣніе, которое производила и производитъ донынѣ геніальная многосторонность его натуры, не могли не обратить на себя вниманія древнихъ и новыхъ писателей, не могли не побудить ихъ къ ближайшему изученію характера и судьбы столь замѣчательнаго, столь необыкновеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Древніе историки, наперерывъ одинъ передъ другимъ, старались передать потомству вѣрное изображеніе Алкивіада. Вслѣдствіе этого стремленія образовалась даже цѣлая отрасль литературы, исключительно посвященная описанію свойствъ и подвиговъ знаменитаго аѳинянина. Большая часть написанныхъ съ этою цѣлію сочиненій погибла для насъ безвозвратно, но потеря ихъ до нѣкоторой степени вознаграждается богатыми сохранившимися матеріалами, разсѣянными частію въ жизнеописаніяхъ Алкивіада, составленныхъ Плутархомъ и Корнеліемъ Непотомъ, частію въ общихъ историческихъ сочиненіяхъ Ѳукидида, Ксенофонта, Діодора Сицилійскаго, Юстина и другихъ, которые, излагая событія греческой исторіи въ эпоху Пелопоннезскихъ войнъ, не могли, разумѣется, оставить безъ вниманія характера и подвиговъ представителя этой эпохи и важнѣйшаго изъ ея дѣятелей, — частію, наконецъ, въ рѣчахъ или въ отрывкахъ рѣчей греческихъ ораторовъ и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ философовъ, преимущественно Платона. Въ новыя времена личность Алкивіада возбуждала не

менѣе интереса, какъ и въ древности; кромѣ спеціально посвященныхъ ей монографій (*), она была изучаема и объясняема во всѣхъ сочиненіяхъ, имѣвшихъ предметомъ своимъ или древнюю исторію вообще, или исторію Греціи въ частности. Впрочемъ, не отрицая заслугъ, оказанныхъ прежними учеными, надо сознаться, что истинное пониманіе историческаго значенія и личности Алкивіада ведетъ начало свое преимущественно съ Нибура. Этотъ знаменитый писатель, въ своихъ лекціяхъ о древней исторіи, читанныхъ въ 1825 и 1829 — 1830 годахъ и напечатанныхъ въ 1848, положилъ первую основу новѣйшимъ, т. е, господствующимъ нынѣ воззрѣніямъ, которыя были развиты, впослѣдствіи, съ бóльшею или мéньшею подробностію въ ученыхъ трудахъ Шлоссера, Ваксмута, Германна, Дройзена, Бюттнера, Рошера, Гербста, Фишера, Штейнгарта и другихъ. Самое послѣднее, по времени появленія въ свѣтъ, изъ посвященныхъ этому предмету сочиненій принадлежитъ приватъ-доценту галльскаго университета, Герцбергу; оно было издано въ 1853 году, подъ названіемъ: «Алкивіадъ какъ государственный человѣкъ и полководецъ.» (**) Кромѣ собственныхъ изслѣдованій автора о нѣкоторыхъ спорныхъ или темныхъ сторонахъ предмета, эта дѣльная и довольно обширная монографія заключаетъ въ себѣ самый полный сводъ всѣхъ сохранившихся до насъ извѣстій объ Алкивіадѣ; сверхъ того, она отличается живою и легкою формою изложенія, нисколько не вредящей однако ученому достоинству содержанія. Сочиненіемъ Герцберга, заслужившимъ общее одобреніе германскихъ критиковъ, мы будемъ руководствоваться по преимуществу при изложеніи какъ характера Алкивіада, такъ и важнѣйшихъ событій его жизни, общественной и частной.

(*) *Virgilio Mulvezzi*: Considerazioni con occasione d'alcuni luoghi delle vite d'Alcibiade e di Coriolano. Bologn. 1648. 16. (Голландскій переводъ вышелъ въ Амстердамѣ. 1680. 8). — *A. g. Meissner*: Alcibiades. 4 Bde. Leipzig. 1785 — 1788. 8. (Переведено на французскій языкъ два раза, Брюлемъ въ 1787 и Льëто въ 1789). — *J. H. Joanin*: Histoire d'Alcibiade, contenant le recit des évènements les plus mémoralles de la Grèce, où vivait ce célèbre général athénien. Paris. 1819. 8. — *P. C. Champeau*: De Alcibiade. 1835. — *Haud*: Alcibiades въ Энциклопедіи Эрша и Грубера. III c. 135—144.—*Herbst*: Die Rükkehr des Alkibiades. Hamburg. 1843 — *W. Vischer*. Alcibiades und Lysandros. Basel. 1845.

(**) Alcibiades der Staatsmann und Feldherr. Nach den Quellen dargestellt von Dr. Gustav Fridrich Hertzberg, Privatdocenten der Geschichte an der Universität Halle. Halle 1853.

I.

Происхожденіе и юность Алкивіада. — Отношеніе его къ Сократу. — Первые шаги его на военномъ и политическомъ поприщѣ. — Характеръ Алкивіада. (451 — 421 годы до Р. Х.)

По своему происхожденію Алкивіадъ принадлежалъ къ одной изъ благороднѣйшихъ и богатѣйшихъ семей аѳинской аристократіи. Отецъ его, Клиній, возводилъ начало своего рода къ Аяксу Теламониду, и черезъ него къ самому Зевсу. Мать его, Дейномаха, дочь Мегакла, внука извѣстнаго аѳинскаго законодателя Клисѳена, происходила отъ могущественнаго и знаменитаго рода Алкмеонидовъ. Черезъ нее Алкивіадъ приходился родственникомъ Периклу и, въ болѣе отдаленной степени, Кимону.

Предки Алкивіада съ материнской стороны, Алкмеониды, издавна играли значительную роль въ исторіи Аѳинъ и принимали участіе, болѣе или менѣе дѣятельное, во всѣхъ важнѣйшихъ ея событіяхъ. Напротивъ, родъ, къ которому принадлежалъ онъ по отцу, несмотря на свою древность и знатность, доставилъ исторіи мало знаменитыхъ именъ. Исключеніе составляютъ только дѣдъ Алкивіада, носившій тоже имя, какъ и его внукъ, и отецъ послѣдняго, Клиній. Старшій Алкивіадъ былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Клисѳена, старавшагося, какъ извѣстно, ниспровергнуть владычество аѳинской аристократіи и преобразовать государственное устройство сообразно демократическимъ началамъ. Что касается Клинія, онъ возвысилъ славу своего дома блескомъ военныхъ подвиговъ, во время войны съ Персами, и погибъ, пятидесяти трехъ лѣтъ отъ роду, въ несчастной для аѳинянъ битвѣ при Коронеѣ, происходившей въ 447 году до Р. Х. Сыну его, Алкивіаду, родившемуся въ 451 году, было въ то время не болѣе пяти лѣтъ. Опеку надъ осиротѣвшимъ ребенкомъ и надъ меньшимъ его братомъ приняли на себя родственники ихъ съ материнской стороны, знаменитый Периклъ и братъ его Арифронъ.

О воспитаніи и дѣтствѣ Алкивіада сохранилось вообще весьма мало свѣдѣній. Мы можемъ только предполагать, что Периклъ, среди государственныхъ трудовъ, поглощавшихъ все его вниманіе, мало заботился о нравственномъ и умственномъ образованіи своего питомца. Воспитаніе его онъ ввѣрилъ, по свидѣтельству Платона, ѳракійцу Зопиру, «безполезнѣйшему, по причинѣ старости, изъ рабовъ своихъ». Мы знаемъ также изъ до-

шедшихъ до насъ источниковъ, что въ Алкивіадѣ весьма рано стали обнаруживаться зародыши тѣхъ свойствъ, хорошихъ и дурныхъ, которыми отличался онъ въ теченіе всей своей жизни. Необыкновенная рѣшительность характера, смѣлость, доходившая нерѣдко до наглости, и постоянное, неудержимое стремленіе къ первенству и господству проявлялись уже въ дѣтскихъ его играхъ. Съ другой стороны уже съ самаго ранняго дѣтства умѣлъ онъ привлекать къ себѣ сердца блескомъ своихъ качествъ, физическихъ и нравственныхъ. Избалованный снисхожденіемъ матери и родственниковъ, любовью и поклоненіемъ всѣхъ его окружавшихъ, онъ хотѣлъ играть, и игралъ дѣйствительно, первую роль между товарищами своихъ юныхъ лѣтъ. Легко поддаваясь лести, онъ не могъ сносить малѣйшаго противорѣчія; чувство собственнаго достоинства, преждевременно въ немъ развившееся, переродилось мало по малу въ безмѣрную гордость, въ упрямое своеволіе. Вмѣстѣ съ этимъ, благодаря богатымъ дарамъ, тѣлеснымъ и духовнымъ, которыми надѣлила его природа, онъ далеко превосходилъ своихъ сверстниковъ во всѣхъ какъ гимнастическихъ, такъ и умственныхъ упражненіяхъ; съ необыкновенной легкостью понималъ и усвоивалъ онъ себѣ всѣ отрасли знаній, входившія въ составъ греческаго воспитанія. Подобно Александру Македонскому и многимъ другимъ геніальнымъ людямъ, онъ предпочиталъ Гомера всѣмъ остальнымъ писателямъ, но, оставаясь и въ этомъ отношеніи вѣренъ своему характеру, выражалъ всего чаще любовь свою къ великому поэту рѣзкими выходками негодованія противъ людей, не раздѣлявшихъ его восторга. Своевольный всегда и во всемъ, онъ ни за что не хотѣлъ подчиниться существовавшему тогда въ Аѳинахъ обычаю, вслѣдствіе котораго умѣнье играть на флейтѣ признавалось одною изъ необходимыхъ принадлежностей благовоспитаннаго грека. Искусство это Алкивіадъ считалъ неблагороднымъ и низкимъ. Свое отвращеніе къ нему онъ оправдывалъ тѣмъ, что «игра на флейтѣ искажаетъ лицо играющаго и не можетъ быть сопровождаема пѣніемъ.»

«Пусть предоставятъ ее — говаривалъ онъ — дѣтямъ ѳивянъ, которые не только что пѣть, но и говорить не умѣютъ. Вспомнимъ, что изъ двухъ, покровительствующихъ Аѳинамъ божествъ, Минервы и Аполлона, первая откинула отъ себя флейту съ презрѣніемъ, а второй строго проучилъ флейтщика Марсія.»

Примѣръ Алкивіада подѣйствовалъ такъ сильно, что ему послѣдовали всѣ аѳинскіе юноши, и мало по малу игра на флейтѣ вышла совершенно изъ моды.

Достигши восьмнадцатилѣтняго возраста и усвоивъ себѣ весь кругъ знаній, составлявшихъ тогдашнюю систему образованія, Алкивіадъ, сообразно аѳинскимъ обычаямъ, былъ признанъ совершеннолѣтнимъ и введенъ опекунами въ самостоятельное управленіе своимъ имуществомъ. Съ первыхъ шаговъ своихъ на новомъ, открывшемся для него поприщѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своихъ соотечественниковъ. Поклоненіе, которое привыкъ онъ встрѣчать въ своемъ семействѣ, встрѣчено было имъ и въ обществѣ, особенно же въ тѣхъ слояхъ общества, изъ которыхъ состоялъ тогдашній «большой свѣтъ» Аѳинъ. Однихъ привлекало къ нему его внѣшнее блестящее положеніе; другихъ— необыкновенная его красота; третьихъ — его дарованія, всѣхъ вообще любезность и обходительность его нрава, соединенныя съ замѣчательной способностію примѣняться къ особеннымъ обычаямъ и понятіямъ каждаго кружка, каждаго рода людей, съ которыми случалось ему приходить въ соприкосновеніе. Всегда сопровождаемый многочисленною свитою, состоявшей изъ богатѣйшихъ и значительнѣйшихъ гражданъ Аѳинъ, Алкивіадъ сдѣлался весьма скоро предводителемъ аѳинской молодежи, законодателемъ модъ и представителемъ «высшаго, лучшаго тона». Самые знаменитые изъ тогдашнихъ философовъ, или, какъ ихъ называютъ обыкновенно, софистовъ, Горгія, Протагоры, Гиппія, Продики, гордились и считали себя въ высшей степени осчастливленными всякій разъ, какъ остроумному и благородному юношѣ приходило въ голову присоединиться къ числу слушателей, съ удивленіемъ внимавшихъ глубокомысленнымъ ихъ урокамъ. Льстецы и поклонники всякаго рода толпились постоянно около Алкивіада и навязчиво преслѣдовали его изъявленіями своихъ восторговъ, своей преданности и любви. Самъ онъ обращался съ своими обожателями какъ капризная, кокетливая женщина: то оставлялъ совершенно безъ вниманія всѣ ихъ ласкательства и происки, то осыпалъ ихъ самыми жестокими насмѣшками, то вдругъ показывалъ имъ неожиданно ясные знаки своей дружбы и вслѣдъ затѣмъ предавалъ ихъ опять обидному посмѣянію. Зная, что въ цѣлой Греціи не сыщется юноши блестящѣе и красивѣе его, Алкивіадъ пользовался вполнѣ выгодами своего положенія и нерѣдко употреблялъ ихъ во зло; ему весьма легко сходили съ рукъ самые непозволительные и дерзкіе поступки, которые для всякаго другого были бы совершенно невозможны. Однажды, напримѣръ, онъ приглашенъ былъ на пиръ къ самому страстному изъ своихъ поклонниковъ, къ богатому Аниту, тому самому, который впослѣдствіи пріобрѣлъ столь не-

завидную извѣстность, какъ одинъ изъ обвинителей Сократа. Алкивіадъ сперва отказывается отъ приглашенія, но потомъ приходитъ совершенно пьяный въ домъ своего обожателя и приказываетъ своимъ рабамъ взять половину стоявшихъ на столахъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и отнести ихъ въ домъ Тразилла, жившаго въ сосѣдствѣ съ Анитомъ бѣдняка. Послѣ этого онъ учтиво раскланивается съ Анитомъ и выходитъ изъ комнаты. Гости громко выражаютъ свое негодованіе противъ наглаго поступка юноши, но влюбленный хозяинъ, нисколько не раздѣляя ихъ образа мыслей, не находитъ словъ для прославленія умѣренности и великодушія Алкивіада, который могъ взять бы все, а между тѣмъ удовольствовался половиною. Другой изъ обожателей Алкивіада, человѣкъ посредственнаго состоянія, продалъ все свое имущество и вырученные деньги, сто статировъ, принесъ въ даръ своему любимцу, въ надеждѣ пріобрѣсти черезъ это его взаимность. Послѣдній, которому понравился этотъ поступокъ, приглашаетъ къ себѣ своего поклонника, возвращаетъ ему деньги и требуетъ, чтобы на слѣдующій день, при отдачѣ на откупъ сбора казенныхъ податей, онъ явился на торги, принялъ въ нихъ участіе и, во что бы то ни стало, перебилъ цѣну у прежнихъ откупщиковъ, къ которымъ Алкивіадъ по разнымъ причинамъ питалъ сильное нерасположеніе. Бѣднякъ отговаривается неимѣніемъ средствъ для борьбы съ богатыми капиталистами, но капризный юноша принуждаетъ его угрозами и даже ударами къ исполненію своего приказанія. Приказаніе это дѣйствительно исполняется, и на торгахъ право взиманія податей присуждается пріятелю Алкивіада, какъ предложившему высшую цѣну. Благонадежность новаго откупщика покровитель его обезпечиваетъ своимъ собственнымъ поручительствомъ. Этотъ неожиданный результатъ торговъ приводитъ въ крайнее смущеніе прежнихъ сборщиковъ, имѣвшихъ обыкновеніе покрывать недоимки предшествовавшаго откупа доходами съ послѣдующаго. Желая избавиться отъ грозящей имъ опасности, они предлагаютъ своему счастливому сопернику значительную сумму денегъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ отказался отъ откупа. Послѣдній, по совѣту своего покровителя, принимаетъ это предложеніе и такимъ образомъ пріобрѣтаетъ весьма порядочное состояніе — совершенно неожиданнымъ образомъ, благодаря одному только капризу Алкивіада.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для объясненія одной изъ важнѣйшихъ причинъ преждевременной нравственной испорченности Алкивіада. Онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы

понять всю тщету и ничтожество льстивыхъ похвалъ, которыми его преслѣдовали, чтобы не увлечься тѣми соблазнами, которые отовсюду его окружали. Избалованный угодничествомъ друзей и снисходительнымъ одобреніемъ толпы, онъ пріучился давать полный просторъ своимъ страстямъ и въ особенности сильнѣйшей изъ нихъ — честолюбію. Весьма рано пришелъ онъ къ убѣжденію, что нѣтъ такой высокой цѣли, которой бы не могъ онъ достигнуть, что нѣтъ такого высокаго мѣста, котораго бы не могъ онъ занять. Примѣръ его опекуна, осуществлявшаго собою идеалъ государственнаго человѣка въ высшемъ значеніи этого слова, послужилъ только къ тому, чтобы развить въ Алкивіадѣ чувство глубокаго презрѣнія къ толпѣ и къ безсознательнымъ ея стремленіямъ. Самое положеніе, которое занималъ Периклъ въ государствѣ, не удовлетворяло честолюбивымъ притязаніямъ Алкивіада, потому что соединялось съ нѣкоторою зависимостію отъ измѣнчивой воли народа и не давало права на произвольное, безотчетное распоряженіе судьбами аѳинянъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ понятіяхъ и при такой обстановкѣ, Алкивіадъ достигъ бы весьма скоро самыхъ крайнихъ предѣловъ нравственнаго и политическаго разврата, если бы не встрѣтился ему въ это самое время въ лицѣ Сократа истинный другъ, старавшійся направить его геніальныя способности къ болѣе достойнымъ цѣлямъ, открыть для его дѣятельности болѣе благородное поприще. Усилія Сократа, конечно, не имѣли прочнаго успѣха, но имѣли однако значительное, хотя и временное вліяніе на характеръ и дѣйствія Алкивіада. Впрочемъ, вопросъ о свойствѣ связи, соединявшей эти двѣ замѣчательныя личности, о родѣ отношеній, между ними существовавшихъ, принадлежитъ къ числу спорныхъ вопросовъ науки; поэтому самому мы должны разсмотрѣть его съ нѣкоторою подробностію, тѣмъ болѣе, что на него обращаетъ особенное вниманіе и Герцбергъ, сочиненіемъ котораго, какъ выше было замѣчено, мы руководствуемся по преимуществу. Предлагаемое Герцбергомъ рѣшеніе, конечно, еще не можетъ быть названо рѣшеніемъ окончательнымъ, стоящимъ внѣ сомнѣній и спора; но во всякомъ случаѣ оно заслуживаетъ вниманія какъ плодъ усерднаго, добросовѣстнаго изученія всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, какія только сохранились до нашего времени.

Подобно большинству аѳинянъ, говоритъ Герцбергъ, Сократъ слѣдилъ съ давнихъ поръ взорами, исполненными надеждъ и опасеній, за всѣми дѣйствіями молодого Алкивіада. Отъ вниманія его не могли укрыться рѣдкая даровитость юноши и ге-

ніальность его натуры; но въ то же время не могъ онъ не замѣтить, что Алкивіадъ, при ежедневно усиливавшейся въ немъ нравственной испорченности, при совершенномъ недостаткѣ положительныхъ убѣжденій, неминуемо долженъ былъ дать своей общественной дѣятельности отрицательное, пагубное для государства направленіе. Чтобы спасти эту замѣчательную, столь богато одаренную личность отъ предстоявшаго ей паденія, нужно было извлечь ее изъ глубины разврата, въ которой погрязала она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, нужно было направить къ высшей, благороднѣйшей цѣли способности и стремленія юноши, который, смотря по обстоятельствамъ, могъ сдѣлаться современемъ великимъ гражданиномъ, вторымъ Перикломъ, или же вреднымъ членомъ государства, орудіемъ упадка и гибели своей родины. Алкивіадъ былъ еще молодъ, попытка къ его исправленію могла еще увѣнчаться успѣхомъ, и Сократъ рѣшился посвятить ей свои усилія.

Близкія, постоянныя сношенія между Сократомъ и Алкивіадомъ начались только тогда, когда послѣднему минуло уже девятнадцать лѣтъ отъ роду. Великій философъ весьма скоро пріобрѣлъ сильное вліяніе на предводителя аѳинской молодежи, вліяніе, тѣмъ болѣе поразительное, что до той поры никому еще не удавалось обуздывать порывы Алкивіада или руководить его дѣйствіями. Врагъ полуобразованія, которымъ питали аѳинскихъ юношей блестящіе, но поверхностные софисты, мастерски владѣя оружіемъ діалектики, которое употребляли съ такою ловкостію его соперники, но далеко превосходя ихъ глубиною своихъ воззрѣній и возвышенностію своего нравственнаго чувства, Сократъ поставилъ себѣ цѣлію предохранить отъ погибели Алкивіада, котораго любилъ горячо, чисто-отеческою, по мнѣнію Герцберга, любовью. Онъ хотѣлъ пробудить духовныя силы юноши отъ сна, въ который погрузила ихъ преданность чувственнымъ наслажденіямъ, хотѣлъ развить въ немъ сознаніе его обязанностей и высокаго его назначенія, хотѣлъ, однимъ словомъ, направить его дѣятельность, вращавшуюся до тѣхъ поръ въ кругѣ мелкихъ, пошлыхъ интересовъ ежедневной жизни, къ спасенію аѳинскаго общества отъ грозившаго ему разложенія и къ осуществленію въ государственныхъ учрежденіяхъ своей родины высокаго, составленнаго Сократомъ идеала. Задача эта была не легка. Надо было смирить строгими уроками гордость человѣка, внимавшаго дотолѣ только голосу снисходительныхъ родственниковъ или безсовѣстныхъ льстецовъ; надо было убѣдить его въ глубокомъ ничтожествѣ богатства и красоты, которыя цѣнилъ

онъ такъ высоко; надо было усвоить ему совершенно чуждыя для него понятія о высшихъ благахъ жизни, объ истинномъ ея призваніи. Однако, какъ ни трудно было достигнуть этой цѣли, не было основанія считать ее совершенно недостижимою. Алкивіадъ былъ на столько проницателенъ и не на столько еще испорченъ, чтобы не оцѣнить высокихъ намѣреній Сократа и не понять глубокаго различія между истинной, безкорыстною любовью послѣдняго и мнимою дружбою другихъ поклонниковъ, которыхъ привлекали къ нему только богатство его и красота, которые искали въ немъ только веселаго собесѣдника или снисходительнаго, готоваго на всѣ услуги товарища. Руководимый этимъ убѣжденіемъ, Сократъ дѣятельно приступилъ къ исполненію своего предпріятія, значительно облегченному самою даровитостью того, кто былъ его предметомъ. Знаменитый философъ имѣлъ дѣло не съ самоувѣреннымъ софистомъ, не съ пустымъ фразёромъ или декламаторомъ, но съ благороднѣйшимъ юношей того времени, въ которомъ многосторонній и живой умъ соединялся съ пылкимъ сердцемъ, способнымъ къ возпріятію всего высокаго. Для своихъ педагогическихъ опытовъ Сократъ, безъ сомнѣнія, нигдѣ бы не могъ найдти поприща болѣе достойнаго.

Не въ одномъ нравственномъ, но и въ политическомъ отношеніи Сократъ желалъ внушить Алкивіаду новыя идеи, новыя убѣжденія. Онъ не только показывалъ ему необходимость самопознанія и самообладанія для всякаго, кто хочетъ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ въ настоящемъ значеніи этого слова, но, подтверждая свои мысли живыми примѣрами, старался объяснить ему также ложное, безнравственное направленіе дѣятельности тогдашнихъ аѳинскихъ политиковъ. Глубоко сознавая все ничтожество и пустоту ихъ усилій къ достиженію неопредѣленныхъ, ими самими не вполнѣ сознаваемыхъ цѣлей, великій философъ всего болѣе заботился о томъ, чтобы предохранить его отъ преступной самонадѣянности бо́льшей части его современниковъ, которые, не имѣя ни положительныхъ убѣжденій, ни твердыхъ и прочныхъ правилъ для дѣятельности, рѣшались однако участвовать въ дѣлахъ общественныхъ, стремились даже стать во главѣ государства и руководить его судьбами. Политическія стремленія Алкивіада Сократъ хотѣлъ направить къ болѣе положительнымъ и высокимъ цѣлямъ, положивъ имъ въ основаніе съ одной стороны готовность жертвовать всѣмъ для общаго блага, съ другой — ясное и отчетливое сознаніе условій, необходимыхъ для его осуществленія.

Такъ представляетъ себѣ Герцбергъ отношенія Сократа къ Алкивіаду, отношенія, говоритъ онъ, въ которыхъ первый является намъ въ одно и то же время и какъ любящій отецъ, и какъ преданный другъ. Но высказывая такое мнѣніе, добросовѣстный ученый не могъ оставить безъ вниманія довольно многочисленныхъ и положительныхъ свидѣтельствъ, представляющихъ отношенія эти въ совершенно иномъ видѣ. Опроверженію свидѣтельствъ этого рода и заключеній, изъ нихъ выведенныхъ, Герцбергъ посвящаетъ всѣ усилія своей діалектики и учености. Не настаивая на подробностяхъ, приведемъ здѣсь только общій выводъ нѣмецкаго историка.

«Прекрасная связь, соединявшая Сократа и Алкивіада, подверглась — говоритъ онъ — участи всего прекраснаго и благороднаго на землѣ: она была оклеветана, перетолкована въ худую сторону. Нѣтъ сомнѣнія, что связь эту трудно было понять тогдашнему аѳинскому обществу, глубоко испорченному и развращенному. Нѣтъ сомнѣнія, что для многихъ, знавшихъ изнѣженность Алкивіада и преданность его наслажденіямъ чувственнымъ, казалось, невозможнымъ допустить существованіе чистой, безкорыстной дружбы между нимъ и Сократомъ. Они не могли понять, какимъ образомъ избалованный, нерѣдко суровый и неприступный для другихъ поклонниковъ юноша, сдѣлавшись постояннымъ собесѣдникомъ философа, подчинился такъ скоро и такъ покорно его вліянію и господству. Завистъ и злословіе могли, конечно, воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы представить въ двусмысленномъ видѣ отношенія Алкивіада къ Сократу. Но съ другой стороны о чистотѣ этихъ отношеній, по крайней мѣрѣ со стороны Сократа, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ совершенное молчаніе Аристофана, который иначе не упустилъ бы такого прекраснаго случая оттѣнить еще мрачнѣйшими красками каррикатуру философа, нарисованную имъ въ «Облакахъ». Къ этому надо прибавить, что только люди, одержимые страстію чернить и унижать все высокое, могутъ отдать предпочтеніе злобнымъ намекамъ аѳинской скандалёзной хроники надъ прекраснымъ изображеніемъ отношеній Алкивіада и Сократа, которое находимъ мы у Платона, въ одномъ изъ знаменитѣйшихъ «разговоровъ» послѣдняго.»

Указавъ на позднее происхожденіе большей части свидѣтельствъ, противорѣчащихъ его выводу, и на причины, по которымъ свидѣтельства эти заслуживаютъ мало вѣроятія, Герцбергъ переходитъ къ другой сторонѣ вопроса, именно къ опроверженію мнѣнія, высказаннаго по этому поводу Ксенофон-

томъ. Этотъ писатель не придавалъ, по видимому, никакого вѣса обвиненіямъ, опиравшимся единственно на сплетняхъ и подозрительныхъ анекдотахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ допустить существованія въ Алкавіадѣ искренней, сердечной привязанности къ Сократу. Искусство послѣдняго въ діалектикѣ было, по мнѣнію Ксенофонта, единственной причиною, привлекавшей къ нему перваго. Поэтому, говоритъ знаменитый историкъ, Алкивіадъ поддерживалъ связь свою съ Сократомъ до тѣхъ поръ, пока не научился отъ него этому искусству, и немедленно бросилъ своего учителя, какъ скоро увидѣлъ, что достаточно воспользовался его уроками. Герцбергъ считаетъ такой взглядъ совершенно неосновательнымъ. «Не подлежитъ сомнѣнію — говоритъ онъ — что искусство доводить незамѣтнымъ образомъ своихъ собесѣдниковъ до совершенно неожиданныхъ для нихъ истинъ принадлежало къ числу замѣчательнѣйшихъ свойствъ философа и по преимуществу способствовало привлеченію къ нему многочисленныхъ учениковъ. Тѣмъ не менѣе предполагать, что Алкивіадъ искалъ дружбы Сократа *только для того*, чтобы научиться отъ него этому искусству, значитъ смотрѣть на предметъ съ точки зрѣнія совершенно односторонней. Такая односторонность не должна, впрочемъ, удивлять насъ со стороны Ксенофонта. Она *объясняется* частію желаніемъ его отклонить все то, что могло бы подать поводъ къ обвиненіямъ противъ Сократа, частію же вообще нѣкоторою ограниченностью въ понятіяхъ, ограниченностію, которую выказываетъ онъ не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ.»

Чтобы объяснить послѣднія слова Герцберга, необходимо замѣтить слѣдующее. Въ позднѣйшее время на Сократа возлагали отвѣтственность за поведеніе блестящаго, но своеобычнаго его ученика. Въ стремленіяхъ къ тираннія, обнаруженныхъ послѣднимъ передъ такъ называемымъ сицилійскимъ походомъ, въ нечестивыхъ поступкахъ, которые ему приписывали по случаю знаменитаго процесса Гермокопидовъ, въ его измѣнническомъ бѣгствѣ къ спартанцамъ, въ его, нѣсколько лѣтъ сряду продолжавшихся, злобныхъ покушеніяхъ противъ отечества — во всемъ этомъ нѣкоторые аѳинскіе граждане видѣли ничто иное, какъ прямое, естественное послѣдствіе пагубныхъ ученій Сократа. Желаніе Ксенофонта доказать неосновательность этихъ обвиненій и заставляетъ его, по мнѣнію Герцберга, отрицать дѣйствительность вліянія, которое имѣлъ Сократъ на Алкивіада. Съ другой стороны, какъ мы уже видѣли выше, Герцбергъ обвиняетъ Ксенофонта въ нѣкоторой ограниченности воззрѣній, вслѣдствіе

которой послѣдній не въ состояніи былъ понять вполнѣ такую многостороннюю личность, какъ личность Алкивіада. Вотъ какъ оправдываетъ онъ это сужденіе о знаменитомъ греческомъ историкѣ: «при несомнѣнной способности обсуживать правильно обыкновенныя явленія практической жизни, Ксенофонтъ былъ совершенно неспособенъ къ пониманію явленій чрезвычайныхъ, выходившихъ изъ обычнаго ряда, въ особенности же тамъ, гдѣ дѣло шло о непріязненныхъ ему партіяхъ или государствахъ. Этотъ недостатокъ обнаруживается ясно во многихъ мѣстахъ его «Греческой Исторіи». Какъ въ этомъ сочиненіи онъ постоянно остается холоденъ и равнодушенъ ко всѣмъ великимъ дѣламъ Алкивіада, точно также и въ запискахъ своихъ о Сократѣ, онъ ясно выказываетъ свою несостоятельность для широкой и правильной оцѣнки этого замѣчательнаго характера со всѣми его добродѣтелями и пороками, со всѣми его свѣтлыми и мрачными сторонами. Въ Алкивіадѣ онъ постоянно видитъ только честолюбиваго, глубоко развращеннаго софиста, всѣ дѣйствія котораго клонятся ко вреду и гибели государства». Мнѣніе Ксенофонта объ отношеніяхъ Алкивіада къ Сократу можетъ быть разсматриваемо съ этой точки зрѣнія, какъ слѣдствіе и вмѣстѣ доказательство его близорукости.

«Въ своемъ апологетическомъ рвеніи — говоритъ Герцбергъ — въ своемъ желаніи оправдать и возвеличить Сократа, Ксенофонтъ упускаетъ изъ виду, что для послѣдняго гораздо почетнѣе быть обязаннымъ дружбою такого необыкновеннаго человѣка, какъ Алкивіадъ, не мелкимъ разсчетамъ эгоизма, но искренной и восторженной преданности, основанной на сознаніи высокихъ достоинствъ философа, умственныхъ и нравственныхъ.»

Что дѣйствительно Алкивіадъ, въ эпоху своей юности, питалъ глубокую, сердечную привязанность къ Сократу, доказывается уже, по мнѣнію Герцберга, взаимными ихъ отношеніями въ сраженіяхъ при Потидеѣ и Деліонѣ, когда каждый изъ нихъ, нисколько не заботясь о спасеніи собственной жизни, заботился только о томъ, чтобы спасти жизнь другого. Но еще сильнѣйшее, еще убѣдительнѣйшее доказательство находитъ Герцбергъ въ свидѣтельствѣ Платона. Нисколько не сочувствуя политическимъ тенденціямъ Алкивіада, нисколько не скрывая отъ насъ, что въ позднѣйшую эпоху своей жизни ученикъ Сократа совершенно отрекся отъ уроковъ учителя, Платонъ изображаетъ намъ однако, въ самыхъ яркихъ и живыхъ краскахъ, ту благородную и чистую дружбу, которая связывала философа и его воспитанника, во время юности послѣдняго. Въ особенно-

сти опирается при этомъ Герцбергъ на то мѣсто платонова «Симпозіона», въ которомъ отношенія Сократа къ Алкивіаду представлены съ особенной подробностью и въ живой, драматической формѣ. При важномъ значеніи, которое придаетъ этому мѣсту Герцбергъ и которое имѣетъ оно на самомъ дѣлѣ, мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь краткое изъ него извлеченіе.

Въ началѣ разговора Платонъ разсказываетъ намъ, какъ однажды нѣсколько мыслящихъ людей, между которыми былъ и Сократъ, собрались у поэта Агатона, чтобы заняться за чашею вина философскими разсужденіями. Предметомъ этихъ разсужденій избранъ былъ вопросъ о значеніи истинной любви и о существенныхъ ея свойствахъ. Живая бесѣда была прервана внезапнымъ приходомъ пьянаго, увѣнчаннаго цвѣтами и одѣтаго съ величайшею изысканностью Алкивіада, который явился въ сопровожденіи флейтщицы и многихъ друзей, сильно отуманенныхъ, какъ и самъ онъ, винными парами. Объявивъ, что пришелъ «увѣнчать Агатона, какъ самаго краснаго и мудраго изъ собесѣдниковъ», онъ ложится подлѣ поэта, не видя сначала сидящаго рядомъ съ нимъ Сократа. Замѣтивъ присутствіе послѣдняго, онъ вдругъ бросается къ нему и полусерьёзно, полушуточно осыпаетъ его разнаго рода упреками и бранью. Черезъ нѣсколько времени онъ опять успокоивается, возлагаетъ вѣнокъ и на чело Сократа и весело приступаетъ къ участію въ общей попойкѣ и бесѣдѣ. Въ теченіе разговора собесѣдники требуютъ отъ него, между прочимъ, чтобы онъ со своей стороны сказалъ имъ что-нибудь по поводу Эроса. Алкивіадъ соглашается и предметомъ своей рѣчи избираетъ отношенія свои къ Сократу. Не обѣгая щекотливыхъ, опасныхъ сторонъ этого вопроса, онъ, напротивъ, говоритъ о нихъ съ самою наивною откровенностью; восторженное мнѣніе свое о достоинствахъ Сократа онъ высказываетъ съ полнѣйшею искренностью, не опасаясь упрековъ въ преувеличеніи и зная, что опьяненіе, въ которомъ онъ находится, будетъ служить для него достаточнымъ извиненіемъ, если въ своихъ признаніяхъ и восторгахъ зайдетъ онъ слишкомъ далеко.

Такимъ образомъ, пользуясь выгодами своего положенія, Алкивіадъ сперва изображаетъ въ своей рѣчи наружность своего друга, котораго сравниваетъ въ этомъ отношеніи съ силенами и сатирами, потомъ показываетъ всю глубину мудрости и знанія, которыя скрываются въ каждомъ изъ произносимыхъ имъ словъ, кажущихся съ перваго взгляда столь простыми и незначительными. Торжественно свидѣтельствуетъ онъ о цѣломудріи Сокра-

та, цѣломудріи, побѣдоносно вышедшемъ изъ борьбы со всѣми искушеніями, которыми ораторъ старался обольстить своего учителя и въ которыхъ сознается по этому случаю безъ всякаго стыда и съ нѣсколько странною откровенностью. Свою похвальную рѣчь онъ оканчиваетъ прославленіемъ съ одной стороны твердости и мужества, обнаруженныхъ философомъ на ратномъ полѣ, съ другой, высокихъ заслугъ, оказанныхъ имъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія и благодѣтельнаго вліянія его уроковъ какъ на аѳинское юношество вообще, такъ и на самого оратора въ особенности.

Какія именно чувства питалъ Алкивіадъ къ Сократу, въ какой мѣрѣ подчинялся онъ вліянію своего учителя, всего яснѣе видно изъ слѣдующаго мѣста его рѣчи.

«Мнѣ кажется — говоритъ Алкивіадъ — что Сократа можно сравнить съ тѣми скульптурными изображеніями силеновъ, въ которыхъ, если вглядишься ближе, легко подмѣтить божескіе образы подъ грубымъ покровомъ.

«Внимая словамъ другихъ, даже самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, мы по большей части остаемся равнодушны, но рѣчи Сократа увлекаютъ невольнымъ образомъ всѣхъ и каждаго. У меня, по крайней мѣрѣ, сердце бьется сильнѣе, когда я его слушаю, нежели когда кружусь въ бѣшеной пляскѣ; слезы текутъ изъ очей моихъ, когда онъ говоритъ мнѣ, и я вижу, что на многихъ другихъ слова его производятъ такое же дѣйствіе.

«Да, наставленія этого силена часто трогали меня до такой степени, что я хотѣлъ лучше умерсть, нежели остаться тѣмъ, чѣмъ я былъ. Часто заставлялъ онъ меня сознаваться, что при множествѣ моихъ недостатковъ, я долженъ бы былъ заботиться болѣе объ ихъ исправленіи, нежели о дѣлахъ аѳинянъ. Нерѣдко з тыкалъ я себѣ уши и бѣжалъ отъ него, какъ отъ сирены, зная, что его не трудно заслушаться и что въ постоянной съ нимъ бесѣдѣ можно незамѣтно состарѣться, не успѣвъ сдѣлать ничего великаго. Притомъ онъ одинъ только изо всѣхъ людей возбуждаетъ во мнѣ чувство, котораго никто другой возбудить не въ состояніи — чувство *стыда*. Я стыжусь *только* Сократа, потому что глубоко чувствуя, пока говоритъ онъ, всю справедливость его совѣтовъ, поступаю, между тѣмъ, вопреки имъ, какъ скоро онъ отъ меня отходитъ. Всякій разъ, какъ посторонніе искушенія заставляютъ меня отступать отъ его уроковъ, я стараюсь избѣгать его, удаляюсь отъ него, сколько могу, и когда опять случается мнѣ его встрѣтить, со стыдомъ вспоминаю о своемъ поведеніи. Часто мнѣ кажется, что *для* меня было бы гораздо

лучше, если бы его вовсе не было на свѣтѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я убѣжденъ твердо, что страдалъ бы еще болѣе, если бы такъ случилось на самомъ дѣлѣ.»

Твердо настаивая на томъ, что Сократа привязывали къ Алкивіаду самыя чистыя, безкорыстныя стремленія и что послѣдній, по крайней мѣрѣ въ первые годы ихъ дружбы, дѣйствительно подчинялся вліянію перваго, Герцбергъ сознается однако, что вліяніе это не принесло прочныхъ плодовъ, что ни въ частной жизни и нравахъ Алкивіада, ни въ политической его дѣятельности мы не замѣчаемъ твердыхъ, ясныхъ слѣдовъ сократова ученія. Объясняя причины этого, по видимому, страннаго явленія, Герцбергъ высказываетъ вообще много справедливыхъ мыслей и, между прочимъ, дѣлаетъ весьма правильную оцѣнку сократовой философіи со стороны практическаго ея значенія. Начиная свое изслѣдованіе съ вопроса о вліяніи этой философіи на *политическую* дѣятельность Алкивіада, онъ замѣчаетъ, что «вообще уроки Сократа не могли содѣйствовать образованію того разряда государственныхъ людей, въ которыхъ нуждалось аѳинское общество. Мы нисколько не желаемъ — говоритъ Герцбергъ — унижать заслуги, оказанныя наукѣ великимъ мыслителемъ, нисколько не намѣрены отрицать личныя его достоинства и высокое нравственное его значеніе. Охотно и безъ оговорокъ соглашаемся мы съ новѣйшими писателями, когда они, въ справедливомъ сознаніи великихъ подвиговъ, совершенныхъ на пользу науки, произносятъ не иначе, какъ съ восторгомъ имя того, кто понялъ и раскрылъ всю истину, всю глубину принципа самосознанія, какъ основнаго принципа науки, кто умѣлъ создавать и творить тѣми же средствами, которыми пользовались софисты только для разрушенія, кто, наконецъ, на мѣсто субъективности эмпирической поставилъ субъективность абсолютную или идеальную, т. е. объективное и разумное мышленіе. Не менѣе охотно признаемъ мы справедливость тѣхъ похвалъ, которыми превозносятъ Сократа за его стремленія освободить философію отъ даннаго ей прежними философами физико-математическаго направленія, положивъ ей въ основаніе начала этическія или нравственныя, доказать ученымъ образомъ свою непосредственную увѣренность въ существованіи для нравственнаго міра твердыхъ и непреложныхъ законовъ, утвердить потрясенную, разрушенную софистами вѣру въ возможность высшей, объективной истины, наконецъ открыть новые пути къ усовершенствованію образованія посредствомъ надежной, основанной на строгонаучномъ методѣ теоріи познанія. При этомъ однако, мы не мо-

жемъ оставить безъ вниманія, что философія Сократа, хотя и могла бы дѣйствовать спасительнымъ образомъ на его современниковъ, достигшихъ уже крайнихъ предѣловъ духовнаго и нравственнаго распаденія, на самомъ дѣлѣ не остановила этого распаденія, но напротивъ содѣйствовала въ значительной степени, нисколько того не желая, скорѣйшему развитію и обнаруженію пагубныхъ его плодовъ. Такое, съ перваго взгляда непонятное явленіе легко объясняется съ одной стороны глубокою внутреннею испорченностью всего, что окружало Сократа, съ другой — существованіемъ въ его ученіи отрицательной, софистической стороны, безъ которой, конечно, онъ не могъ обойтись, но которая имѣла между тѣмъ самое вредное и разрушительное вліяніе.

«Благодѣтельные, спасительные плоды Сократова ученія могли развиться только на свѣжей, еще не испорченной почвѣ. Къ несчастію огромное большинство его учениковъ, вмѣсто того, чтобы подражать пчеламъ, высасывающимъ чистый медъ даже изъ ядовитыхъ цвѣтовъ, старалось извлечь изъ прекрасныхъ уроковъ Сократа только то, что имѣло ближайшую связь съ интересами современной имъ дѣйствительности, и хотѣло разомъ, безъ труда, безъ усилій, усвоить себѣ самыя трудныя и глубокія части его системы. Очевидно съ другой стороны, что Сократъ не могъ, по самой силѣ вещей, совершенно отказаться отъ софистическаго метода. Поразить своихъ противниковъ онъ могъ не иначе, какъ дѣйствуя ихъ же оружіемъ; поэтому-то и нельзя ставить ему въ вину тѣхъ злоупотребленій, которыя были дѣлаемы впослѣдствіи изъ усовершенствованнаго имъ діалектическаго искусства. Тѣмъ не менѣе философское ученіе его постоянно развивалось въ противуположеніи съ софистикою; чтобы противодѣйствовать съ успѣхомъ чисто-отрицательному направленію послѣдней, чтобы доставить торжество своимъ положительнымъ идеямъ, своему убѣжденію въ безконечности самосознанія, онъ неминуемо долженъ былъ стать въ скептическое отношеніе къ господствовавшимъ понятіямъ и правамъ. Мыслящая абсолютная субъективность, которую призналъ онъ мѣрою всѣхъ вещей и критеріумомъ истины, въ противуположность чистоэмпирической субъективности своихъ противниковъ, въ существѣ дѣла вела его, также какъ и софистовъ, къ рѣшительному отрицанію всего, что дотолѣ признавалось греками за истину объективную. Такъ, напримѣръ, опровергая ученіе своихъ предшественниковъ о государствѣ, ученіе, которое отрицало внутреннюю обязательную силу законовъ, видѣло въ нихъ только

внѣшнее, насильственное противодѣйствіе природнымъ стремленіямъ человѣка, а потому давало беззаконію предпочтеніе надъ законностію, онъ долженъ былъ тѣмъ не менѣе, подобно защитникамъ этого ложнаго взгляда, искать опоры для своихъ убѣжденій не въ непосредственныхъ формахъ бытія, а въ мірѣ субъективномъ, въ сферѣ чистаго мышленія. Но это самое принуждало его стать въ отрицательное отношеніе къ окружавшей его дѣйствительности, т. е. къ тѣмъ формамъ государственной жизни которыя существовали въ Аѳинахъ. Такимъ образомъ его философія, подвергая по необходимости строгой субъективной критикѣ обычныя формы религіи, государства и семейства, сходилась съ софистикою въ томъ отношеніи, что, подобно послѣдней, не могла примириться съ общественнымъ бытомъ Греціи, бытомъ, по существу котораго отдѣльный человѣкъ обязанъ былъ безусловно подчиняться цѣлому, отрекаясь отъ свободнаго обнаруженія своей личности. Конечно между софистами, разрушавшими во имя истины субъективной истину объективную, и Сократомъ, старавшимся о примиреніи дѣйствительности съ мышленіемъ, существовало рѣзкое, глубокое различіе; но замѣтить, понять это различіе могли только немногіе изъ Аѳинянъ. Большей части ихъ кидалось въ глаза одно лишь внѣшнее сходство обѣихъ системъ, въ основѣ которыхъ одинаково лежали отрицаніе непосредственныхъ формъ бытія и возвышеніе субъективнаго мышленія надъ общепризнанными авторитетами. Если такой человѣкъ, какъ Аристофанъ, не въ состояніи былъ отличить радикальнаго нигилизма софистовъ отъ идеальной философіи Сократа, то вовсе не удивительно, что большинство аѳинскаго юношества поняло и усвоило себѣ одну только отрицательную сторону сократовой философіи.

«Положительная часть этой философіи, въ которой только и выражалась особенность, оригинальность Сократа, принесла непосредственную пользу развитію одной науки; въ дѣйствительной же жизни она, не успѣвъ предохранить общества отъ погибели и доставивъ только немногимъ, лучшимъ изъ людей той эпохи, утѣшеніе и убѣжище среди всеобщаго разрушенія, — принесла богатый плодъ уже въ другія, позднѣйшія времена. На современниковъ Сократа дѣйствовала и могла дѣйствовать только та часть его ученія, которая была имъ понятна и сродственна, т. е. часть отрицательная, разрушительная, софистическая. Хотя самъ онъ, въ слѣдствіе возвышенности нравственнаго своего чувства, постоянно оказывалъ въ практической жизни должное уваженіе религіи, учрежденіямъ и законамъ

своей родины, но въ этомъ подражали ему только немногіе изъ его учениковъ, только тѣ, которые вполнѣ подчинились его вліянію и подобно ему отреклись отъ всякаго участія въ публичной, политической дѣятельности. Напротивъ тѣ изъ его друзей и послѣдователей, которые рѣшились погрузиться вполнѣ въ шумный водоворотъ общественной жизни, остались, сообразно духу времени, при одной чисто отвлеченной сторонѣ его ученія. Съ другой стороны при его открытомъ, хотя конечно весьма основательномъ нерасположеніи къ аѳинской демократіи въ томъ видѣ, какой приняла она по смерти Перикла, при умѣньи его подвергать каждое явленіе дѣйствительности холодной, разсудительной, разлагающей критикѣ, весьма понятно, что аѳинское юношество вынесло прежде всего изъ его уроковъ сознаніе недостатковъ государственнаго устройства и чувство глубокаго презрѣнія къ людямъ, стоявшимъ въ главѣ народа. Напротивъ наставленія Сократа о добродѣтели вообще и о правосудіи въ особенности произвели на этихъ людей весьма мало впечатлѣнія и не въ состояніи были воззвать къ жизни притупившееся въ нихъ нравственное чувство; и въ самомъ дѣлѣ изъ многочисленныхъ учениковъ Сократа мы не знаемъ ни одного, политическая дѣятельность котораго была бы благодѣтельна для Аѳинъ. Мы знаемъ, напротивъ, что изъ школы его вышли такіе люди, какъ напр. Ксенофонтъ, пользующійся историческимъ талантомъ своимъ для возвеличенія смертельнаго врага Аѳинъ — Спарты и разсказывающій, между тѣмъ, съ оскорбительнымъ спокойствіемъ объ упадкѣ могущества и славы своей родины, или же такіе дерзкіе олигархи и смѣлые нарушители законовъ, какъ Тераменъ и Критій, изъ которыхъ послѣдній нагло попиралъ всѣ права божескія и человѣческія, а въ позднѣйшее время сдѣлался даже личнымъ врагомъ самого Сократа.

«Къ послѣднему разряду учениковъ великаго философа принадлежалъ и Алкивіадъ. Сократу конечно никакъ нельзя ставить въ вину отрицательнаго, вреднаго направленія позднѣйшей политической дѣятельности его послѣдователя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться, что критическій и легкомысленный умъ юноши нашелъ для себя богатую пищу въ діалектическомъ искусствѣ мудраго его собесѣдника и друга; и между тѣмъ какъ идеальный образъ истинно великаго государственнаго человѣка, раскрытый Сократомъ блестящему любимцу аѳинянъ, остался не болѣе какъ прекрасной мечтой, одушевлявшей Алкивіада только въ тѣ минуты, когда внималъ онъ голосу

своего друга, — скептическая, діалектическая сторона ученія была, напротивъ, усвоена ученикомъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ и оказалась единственнымъ прочнымъ плодомъ наставленій и уроковъ философа. Чтобы убѣдиться, какъ способенъ былъ Алкивіадъ къ усвоенію этого искусства и какъ вѣрно выражалъ онъ собою типъ краснорѣчиваго и образованнаго аѳинянина эпохи упадка, въ противуположность типу энергическихъ и нѣсколько суровыхъ современниковъ Мильтіада и Кимона, стóитъ только вспомнить, какъ еще въ первыя времена дружбы своей съ Сократомъ, имѣя не болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, онъ умѣлъ уже хитрыми и остроумными вопросами о существѣ закона приводить въ замѣшательство и затрудненіе опекуна своего, Перикла.

«Если такимъ образомъ ученіе и дружба Сократа не могли произвести благодѣтельнаго вліянія на политическое направленіе Алкивіада, то съ другой стороны внѣшняя обстановка послѣдняго рѣшительно уничтожала всякую возможность радикальной и прочной перемѣны *нравственнаго* его состоянія. Преждевременно познакомившись съ дѣйствіемъ самыхъ могучихъ страстей и со всѣми соблазнами роскоши и нѣги, Алкивіадъ, при своемъ воспріимчивомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнчивомъ характерѣ, не могъ проникнуться глубоко и надолго уроками истинной мудрости. Его буйная и неукротимая натура съ одной стороны и нравственная испорченность всѣхъ окружавшихъ его людей съ другой весьма скоро заставили его отречься совершенно и на всегда отъ строгой морали Сократа. Ему не удалось соединить съ пріобрѣтенными отъ послѣдняго идеями, далеко возвышавшимися надъ религіозными и политическими понятіями его согражданъ, ни строгости и чистоты нравовъ, ни яснаго сознанія цѣли своихъ дѣйствій и средствъ къ ея осуществленію. Его богатство, его красота, благоговѣніе къ нему высшихъ и низшихъ, мужчинъ и женщинъ, лесть софистовъ и софистами образованнаго, софистами соблазненнаго поколѣнія, развивая чувственность и тщеславіе юноши, питая безмѣрныя и безцѣльныя грёзы его честолюбивой души, произвели и поддерживали въ немъ убѣжденія, что онъ призванъ къ совершенію невиданныхъ и неслыханныхъ подвиговъ на поприщѣ политическомъ. Все соединялось для того, чтобы противодѣйствовать усиліямъ Сократа, чтобы нейтрализировать вліяніе его уроковъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые приходились не по вкусу его ученика. Поэтому-то весьма рано уже находимъ мы въ Алкивіадѣ то колебаніе между твердыми убѣжденіями и легкомысліемъ, между

добродѣтелями и пороками, которое легко замѣтить въ немъ и въ позднѣйшіе годы его жизни. Что однако никакія обстоятельства не могли уничтожить вполнѣ первоначальной привязанности его къ Сократу, что часто внутренній лучшій голосъ напоминалъ ему, какъ обманулъ онъ надежды благороднаго своего учителя, — это видимъ мы изъ содержанія его рѣчи, приведенной выше и переданной намъ Платономъ. Тѣмъ не менѣе тѣсная, на полѣ битвы скрѣпленная связь между двумя друзьями продолжалась весьма недолго, именно до тѣхъ поръ пока Алкивіадъ не началъ обнаруживать рѣшительнаго вліянія на дѣла государственныя. Когда, по смерти Клеона (422 до Р. Х.), онъ погрузился совершенно въ водоворотъ и политическихъ интригъ, и страстей, уроки благороднаго друга его стали казаться ему слишкомъ тяжелыми. Отрекшись сначала отъ ученій Сократа, онъ разорвалъ впослѣдствіи и ту близкую личную связь, которая соединяла его съ великимъ философомъ.»

Во все время владычества Клеона надъ Аѳинами и до самой смерти этого могущественнаго демагога, Алкивіадъ, какъ уже замѣчено отчасти въ приведенныхъ нами словахъ Герцберга, не имѣлъ значительнаго политическаго вліянія и принужденъ былъ довольствоваться второстепеннымъ положеніемъ въ государствѣ. Тѣмъ не менѣе къ этой именно эпохѣ (432—422 до Р. Х.) относятся первые шаги его на поприщѣ общественной дѣятельности. Въ войнѣ, которую вели аѳиняне противъ отложившейся отъ нихъ Потидеи, онъ принималъ уже личное участіе. Въ 432 году аѳинскіе войска, подъ предводительствомъ Каллія, одержали блистательную побѣду надъ потидейцами и ихъ союзниками. Но какъ въ этомъ сраженіи они потеряли своего военачальника и какъ силы ихъ были притомъ недостаточны для обложенія города со всѣхъ сторонъ, то спустя нѣсколько времени Аѳины прислали имъ новаго вождя — Форміона и вспомогательный отрядъ, состоявшій изъ 1600 отборныхъ воиновъ. Форміонъ немедленно приступилъ къ осадѣ Потидеи, осадѣ, которой суждено было продолжаться довольно долго. Въ числѣ прибывшихъ съ нимъ аѳинскихъ гоплитовъ, находились, между прочимъ, Алкивіадъ и Сократъ. Однажды осаждавшіе и осажденные вступили въ кровопролитный бой; оба друга отличались въ этой схваткѣ блестящей храбростію, но Алкивіадъ былъ раненъ, и только мужество Сократа спасло его отъ смерти или плѣна. Несмотря на то, по окончаніи битвы, полководцы рѣшились присудить награду храбрости не Сократу, но болѣе знатному и богатому Алкивіаду, послѣдній, по чувству справедливости, не

хотѣлъ присуждать ея, но Сократъ явился самъ, чтобы свидѣтельствовать въ его пользу и съ радостію уступилъ своему другу присужденные ему вѣнокъ и оружіе.

О дальнѣйшей военной дѣятельности Алкивіада мы не имѣемъ почти никакихъ опредѣлительныхъ извѣстій и на восьмой только годъ послѣ сраженія при Потидеѣ встрѣчаемъ его снова на ратномъ полѣ. Участіе его въ несчастной битвѣ при Деліонѣ (424 г.), въ которой аѳиняне потерпѣли совершенное пораженіе, дало ему возможность отплатить Сократу за благородный поступокъ послѣдняго при Потидеѣ. Когда аѳинское войско пришло уже въ совершенное разстройство и отдѣльные воины искали спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ, Сократъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими гоплитами, принужденъ былъ также отступить. Едва увидѣлъ Алкивіадъ, сражавшійся на конѣ, что другъ его подвергается опасности быть убитъ или взятъ въ плѣнъ настигавшими его непріятелями, какъ сейчасъ же устремился къ нему и съ опасностію для собственной жизни прикрывалъ его собою до тѣхъ поръ, пока не удалось обоимъ достигнуть безопаснаго мѣста, въ которомъ непріятель не могъ уже ихъ преслѣдовать.

Участіе, которое принималъ Алкивіадъ въ военныхъ предпріятіяхъ своихъ согражданъ, приносило ему честь и славу. Нельзя сказать того же о первыхъ шагахъ его на поприщѣ гражданской и политической дѣятельности. Извѣстія о ней, относящіяся къ тому времени, имѣютъ характеръ нѣсколько двусмысленный. Въ 430 году аѳинскій народъ, приведенный въ отчаяніе военными неудачами и опустошеніями моровой язвы, возсталъ противъ Перикла, подвергъ его незаслуженному наказанію и отрѣшилъ отъ участія въ государственномъ управленіи. Когда, спустя нѣсколько времени, аѳиняне раскаялись въ своемъ поступкѣ, Алкивіадъ, по свидѣтельству Плутарха, всего болѣе содѣйствовалъ къ примиренію народа съ своимъ оскорбленнымъ опекуномъ, котораго уговорилъ принять на себя снова завѣдываніе общественными дѣлами. Хотя Плутархъ и хвалитъ его за этотъ поступокъ, но изъ другого, приводимаго тѣмъ же писателемъ анекдота, можно заключить, что Алкивіаду уже въ юности были совершенно чужды понятія о политической добросовѣстности и честности. Однажды, разсказываютъ древніе историки, Алкивіадъ, которому было тогда не болѣе восьмнадцати лѣтъ, пришелъ навѣстить своего опекуна. Периклъ былъ печаленъ и разстроенъ. На вопросъ о причинахъ унынія онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, какъ оправдать передъ

аөиняпамъ свои дѣйствія по финансовому управленію и въ особенности огромные расходы, произведенные при сооруженіи пропилеевъ. Тогда Алкивіадъ замѣтилъ своему опекуну, что, по его мнѣнію, вмѣсто того, чтобы заботиться о представленіи счетовъ, лучше бы было пріискать какое нибудь средство, чтобы обойдтись безъ нихъ и тѣмъ избавить себя отъ всякой отвѣтственности передъ аөинянами.

Когда именно началъ Алкивіадъ принимать дѣятельное участіе въ политикѣ — нельзя опредѣлить съ совершенною точностію. Можно полагать, что Сократъ удержалъ его на нѣкоторое время отъ вмѣшательства въ дѣла общественныя, представивъ ему, какъ безразсудно и смѣшно подобное вмѣшательство со стороны юноши, только-что вышедшаго изъ дѣтскаго возраста и не успѣвшаго еще пріобрѣсти необходимой для государственнаго человѣка опытности. Но вліяніе великаго философа могло противодѣйствовать честолюбивымъ стремленіямъ его ученика только весьма недолго. Въ 427 году Аристофанъ въ одной изъ своихъ комедій сдѣлалъ мимоходомъ нѣсколько колкихъ намековъ на Алкивіада, намековъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что послѣдній пользовался уже въ это время достаточною извѣстностію и даже вліяніемъ, хотя и не слишкомъ былъ уважаемъ своими соотечественниками. Къ этой же эпохѣ должно отнести одинъ случай, по поводу котораго Алкивіадъ, по словамъ Плутарха, выступилъ впервые на политическое поприще. Однажды, разсказываетъ этотъ историкъ, Алкивіадъ проходилъ мимо народнаго собранія, которое въ тотъ день было чрезвычайно шумно и бурно. Удивленный этимъ шумомъ, онъ освѣдомился о его причинѣ и, узнавъ, что дѣло идетъ объ установленіи новой подати, количество которой каждый гражданинъ долженъ былъ опредѣлить самъ, по совѣсти, — немедленно вошелъ въ собраніе и громогласно объявилъ, къ общему удовольствію толпы, ту сумму, которую считалъ справедливымъ наложить на себя. Съ какимъ легкомысліемъ вели себя аөиняне во время политическихъ совѣщаній — всего лучше можно видѣть изъ послѣдовавшей затѣмъ сцены. Среди рукоплесканій и криковъ народа, Алкивіадъ позабылъ о перепелѣ, котораго несъ въ своемъ плащѣ. Птица, испуганная шумомъ, вылетѣла изъ-подъ плаща и всѣ присутствовавшіе немедленно бросились ловить ее, совершенно позабывъ о занимавшихъ ихъ важныхъ вопросахъ. Совѣщаніе было прервано этимъ неожиданнымъ событіемъ и безпорядокъ, имъ причиненный, прекратился только тогда,

когда нѣкто Антіохъ поймалъ наконецъ птицу и возвратилъ ее Алкивіаду.

Древніе писатели свидѣтельствуютъ единогласно, что Алкивіадъ уже въ юности своей пользовался большою популярностію и что имя его было третьимъ словомъ въ устахъ каждаго аѳинянина. Но эту популярность доставила ему не столько политическая дѣятельность, сколько частная его жизнь. Постоянно побѣждая своихъ сверстниковъ во всѣхъ воинскихъ и гимнастическихъ упражненіяхъ, которымъ тогдашнее аѳинское юношество посвящало бо́льшую часть своего времени, неограниченно законодательствуя въ области моды, благодаря изяществу своего вкуса, непогрѣшимость котораго была утверждена всеобщимъ признаніемъ, представляя собою высшій образецъ утонченной учтивости и соблазнительнѣйшей любезности въ обхожденіи съ людьми самыхъ различныхъ состояній и круговъ общества, Алкивіадъ уже этими качествами долженъ былъ обращать на себя вниманіе своихъ соотечественниковъ. Но не столько о качествахъ, сколько о недостаткахъ его любили толковать аѳиняне. Съ особеннымъ удовольствіемъ собирали и распространяли они разсказы о невѣроятныхъ издержкахъ, въ которыя вовлекала его безумная страсть къ лошадямъ, объ аристократическомъ его высокомѣріи, объ юношеской его самоувѣренности, о безчисленныхъ его проказахъ и о страшномъ распутствѣ, которому онъ предавался. Алкивіадъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые умѣютъ облекать въ блестящую и граціозную форму самые дикіе и безпорядочные порывы необузданныхъ своихъ страстей. Эта способность была преимущественно цѣнима его соотечественниками, которые слишкомъ забавлялись остроумными выходками Алкивіада, чтобы имѣть возможность обсуживать ихъ съ надлежащей строгостію. При такомъ настроеніи духа, вовсе не удивительно, что аѳиняне одобрительно смотрѣли даже на такіе поступки, которые переходили уже за границу невинныхъ, простительныхъ для юноши проказъ. Однажды, напримѣръ, при свѣтѣ дня и въ публичномъ мѣстѣ, Алкивіадъ далъ пощечину Гиппонику, одному изъ богатѣйшихъ и значительнѣйшихъ аѳинскихъ гражданъ. Не чувство мести и не сильный порывъ гнѣва побудили его къ этому поступку: нанося такое оскорбленіе одному изъ своихъ согражданъ, онъ хотѣлъ только выиграть закладъ, о который побился, и доставить забаву себѣ и всѣмъ пріятелямъ. Подобная наглость естественно возбудила всеобщее негодованіе. Но Алкивіадъ отправился на слѣдующее утро въ домъ обиженнаго, сбросилъ съ себя плащъ и такъ гра-

цiозно подставилъ спину подъ его удары, что Гиппоникъ позабылъ о нанесенной ему обидѣ и удовлетворился этимъ полушуточнымъ, полусерьёзнымъ проявленiемъ раскаянiя. Если самъ обиженный такъ скоро и легко простилъ обидчика, то понятно, что общественное мнѣнiе еще легче и скорѣе перешло на сторону послѣдняго. Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ, подобныхъ же случаяхъ, негодованiе, которое возбуждали въ народѣ наглые поступки его любимца, продолжалось весьма недолго; оно никогда не могло устоять противъ ловкихъ и остроумныхъ средствъ, которыя употреблялъ Алкивiадъ для его обезоруженiя.

Со смертiю могущественнаго Клеона, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ 422 г. до Р. Х., отрылось новое, обширнѣйшее поприще для честолюбивыхъ стремленiй Алкивiада. Въ это время онъ имѣлъ только тридцать лѣтъ отъ роду и, слѣдовательно, былъ еще весьма молодъ, сравнительно съ бо́льшею частiю прежнихъ и современныхъ ему политическихъ дѣятелей какъ аѳинской, такъ и другихъ греческихъ республикъ.

«Въ Аѳинахъ — говоритъ Фишеръ — не было тогда ни даровитыхъ государственныхъ людей, подобныхъ Периклу, ни дерзкихъ демагоговъ, подобныхъ Клеону; самою видною личностiю былъ болтливый Никiй. При такихъ-то обстоятельствахъ выступилъ на сцену Алкивiадъ, богато надѣленный всѣми качествами, благодаря которымъ могъ бы играть вездѣ, а тѣмъ болѣе у воспрiимчиваго аѳинскаго народа, блестящую, первостепенную роль.»

Но прежде чѣмъ перейдти къ обзору частныхъ событiй, совершившихся въ теченiе этого новаго, втораго перiода алкивiадовой жизни, необходимо сдѣлать еще нѣсколько общихъ замѣчанiй. Политическая дѣятельность Алкивiада можетъ быть объяснена только особенностями его личнаго характера; чтобы познакомиться съ послѣдними, мы обратимся опять къ сочиненiю Герцберга и постараемся передать изложенное въ немъ мнѣнiе, весьма справедливое и безпристрастное, собственными словами этого писателя.

«Происходя отъ древнѣйшихъ и благороднѣйшихъ родовъ, на потомство которыхъ аѳинская демократiя взирала еще тогда съ нѣкоторымъ благоговѣнiемъ, обладая высокимъ ростомъ, несокрушимою тѣлесною силою и красотой, которая съ лѣтами не увядала, а прiобрѣтала новыя, соотвѣтственныя каждой новой порѣ развитiя прелести, занимая, по богатству своему, первое мѣсто между богачами тогдашней Грецiи, соединяя мужество

юнца съ проницательностію и дѣятельностію полководца, владѣя счастливымъ даромъ плѣнять и привязывать къ себѣ людей, превосходя всѣхъ почти современниковъ остроуміемъ и блескомъ своего краснорѣчія, обнаруживая въ дипломатическихъ переговорахъ всѣ качества тонкаго и ловкаго политика, умѣющаго скрывать свои цѣли подъ личиною мнимой откровенности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не знающаго ни чести, ни стыда, ни совѣсти, отличаясь въ частной жизни расточительною щедростію и почти безумною страстію къ роскоши, обращаясь надменно и жестко съ высшими и равными, снисходительно и любезно съ тѣми изъ нисшихъ, которые не мѣшали его намѣреніямъ и не препятствовали его видамъ, Алкивіадъ былъ самымъ вѣрнымъ представителемъ современнаго ему общества, котораго свѣтлыя и темныя стороны сосредоточивались въ немъ, какъ въ фокусѣ, которое находилось въ постоянномъ и живомъ съ нимъ взаимнодѣйствіи. Примѣняясь съ искусствомъ Протея къ каждому новому явленію ежедневно измѣнявшейся дѣйствительности, умѣя, смотря по обстоятельствамъ, принимать на себя различнѣйшіе виды и образы, то погружаясь въ самую глубину порока и разврата, то поднимаясь до недоступной для другихъ, идеальной высоты, представляя собою одно изъ полнѣйшихъ выраженій греческой жизни, которой впослѣдствіи удалось выразиться еще разъ съ такою же полнотою въ одномъ лицѣ Димитріѣ Поліоркетѣ, — онъ неминуемо долженъ былъ сдѣлаться любимцемъ аѳинскаго народа. Сама судьба, казалось, предназначала его, занять, подобно Периклу, первое мѣсто въ государствѣ и довести могущество Аѳинъ до неизмѣримой, неслыханной еще высоты.

«Къ несчастію для Аѳинъ, Алкивіаду не удалось примирить противуположныя стихіи, изъ которыхъ слагался его характеръ; ему не удалось разрѣшить въ высшемъ единствѣ тѣ рѣзкіе контрасты, которые перекрещивались въ его душѣ. Рядомъ съ блестящими качествами, доселѣ производящими на насъ чарующее вліяніе, мы находимъ въ немъ поразительные недостатки, составлявшіе для него Ахиллесову пяту, неисцѣлимую рану, которой были отравлены его богатыя жизненныя силы. Навѣки чуждыми, навѣки недостижимыми остались для него гражданскія доблести людей, которые, подобно Аристиду, жертвовали всѣмъ для государства и готовы были отречься отъ самихъ себя для служенія высшимъ цѣлямъ. Съ другой стороны для Алкивіада, какъ и для всѣхъ его современниковъ, была недоступна и неизвѣстна та древне-греческая мудрость, которая съ такимъ блескомъ сія-

ла въ Периклѣ. Ни къ самообладанію, ни къ самоограниченію Алкивіадъ не былъ способенъ. Неодолимое, можно сказать демоническое стремленіе къ владычеству, заглушивъ въ немъ голосъ совѣсти и подавивъ лучшіе, чистѣйшіе порывы души, не позволило ему оправдать тѣхъ блестящихъ надеждъ, которыя возлагали на него благороднѣйшіе изъ современниковъ. Не истинное славолюбіе руководитъ его дѣйствіями; не жажда высокихъ подвиговъ влечетъ его къ той власти, которая составляетъ постоянную цѣль его желаній. Духъ, которымъ онъ преисполненъ — духъ неслыханнаго произвола и самого дикаго эгоизма, духъ тщеславія, дорожащій только минутными тріумфами и поклоненіемъ толпы. Его прельщаетъ все необыкновенное и чудесное, въ какой бы сферѣ оно ни проявлялось, къ какимъ бы послѣдствіямъ, благодѣтельнымъ или пагубнымъ, оно ни приводило. Покой для него невыносимъ; среди наслажденій испытываетъ онъ жало новыхъ желаній; безпредѣльная сила его тѣла и духа требуетъ безпрерывно новой дѣятельности, новыхъ предпріятій, новыхъ опасностей. Любить для него значитъ только наслаждаться; чувство искренней, глубокой преданности вовсе ему неизвѣстно. Скоро пріобрѣтаетъ онъ дружбу людей, но также скоро и теряетъ ее; привязанности его и страсти, столько же счастливыя, сколько и необузданныя, измѣняются быстро и прихотливо, подобно надеждамъ и судьбѣ его. Дѣятельность и жизнь его не проникаются, не руководятся какой либо единой, высокой идею; не для того, чтобы выполнить призваніе свое, вступаетъ онъ въ борьбу со всѣмъ окружающимъ; онъ подвергается опасностямъ, борется и побѣждаетъ только потому, что хочетъ испытать свои силы. На что направляются эти силы, для него совершенно безразлично.

«Въ Аѳинахъ и городахъ іонійскихъ самый вѣтреный и распутный, самый блестящій и остроумный изъ свѣтскихъ людей, въ Беотіи — ловкій боецъ, во Фракіи попеременно то дикій охотникъ, то ненасытный и грубый служитель Венеры и Бахуса, въ Ѳессаліи — отважный центавръ, въ Азіи, — сластолюбецъ, предающійся съ самозабвеніемъ роскоши и нѣгѣ, изумляющій своимъ великолѣпіемъ и пышностью самыхъ великолѣпныхъ и пышныхъ сатраповъ Персіи, въ Спартѣ — суровый, исполненный самоотверженія воинъ, строжайшій исполнитель строгихъ законовъ Ликурга, Алкивіадъ въ гордомъ сознаніи своего превосходства всегда и вездѣ старался только объ одномъ: затмѣвать собою все окружающее, ни въ чемъ и нигдѣ не имѣть себѣ равныхъ, въ каждой сферѣ дѣятельности занимать первое мѣ-

сто, въ каждомъ кругѣ общества быть владыкою и повелителемъ. И трудно сказать, чему надо удивляться болѣе: легкомыслію ли этого человѣка или той геніальности, съ которою умѣлъ онъ примѣняться къ особенностямъ каждой среды, той проницательности, съ которою подмѣчалъ онъ самые тонкіе оттѣнки различныхъ характеровъ, наконецъ той изумительной ловкости, той необыкновенной быстротѣ, съ которыми обольщалъ и привязывалъ онъ къ себѣ людей, приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

«Безпрерывно измѣняя, по манію своей капризной, непостоянной судьбы, направленіе и поприще своей дѣятельности, Алкивіадъ имѣлъ геніальную способность немедленно становиться средоточіемъ самыхъ жизненныхъ стихій каждаго новаго общества, среди котораго приходилось ему дѣйствовать. Потребности этого общества онъ усвоивалъ себѣ такъ глубоко, какъ будто онѣ были присущи ему съ самаго рожденія; силами его онъ пользовался такъ искусно, какъ будто онѣ были предназначены самою необходимостію служить орудіемъ его воли, какъ будто въ нихъ заключалось единственное средство къ осуществленію его плановъ. Вездѣ умѣлъ онъ подмѣчать, подчинять своему *вліянію* и обращать въ свою пользу тѣ именно элементы, которые составляли положительную, дѣятельную сторону общества — элементы движенія, силы и жизни. Едва низверженный съ высоты, на минуту имъ достигнутой, онъ сейчасъ же умѣлъ воспользоваться какимъ нибудь благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы съ удвоенною смѣлостію устремиться къ своей цѣли, и только-что достигнувъ ея, падалъ вторично, еще ниже, чѣмъ въ первый разъ, чтобы опять воспрянуть изъ глубочайшаго уничиженія съ новою, изумленія достойной отвагою. Никогда не случалось ему упасть столь низко, чтобы потерять присутствіе духа и надежду на будущее, но никогда также, поднявшись на высоту, къ которой онъ стремился, не умѣлъ онъ избѣжать неразлучныхъ съ нею опасностей и удержаться на ней прочнымъ образомъ. Онъ предавался всегда и вполнѣ вліянію минутныхъ обстоятельствъ, съ измѣненіемъ которыхъ мѣнялись и его характеръ, его счастіе, его планы. Все, что онъ производилъ, все, чему давалъ бытіе и доставлялъ побѣду, носило на себѣ печать случайности; только въ самомъ себѣ находилъ онъ постоянное средоточіе и неизмѣнную цѣль своей дѣятельности.

«По этой именно причинѣ, стремленіямъ Алкивіада недоставало вообще высшаго оправданія, а политическая дѣятельность его была лишена истиннаго историческаго величія. Великій

дипломатъ, великій полководецъ, онъ вообще былъ великъ во всемъ томъ, что̀ не требовало постояннаго, правильнаго труда, строгой совѣстливости и неподкупной благонамѣренности. Но къ тѣмъ сферамъ дѣятельности, которыя не могли обойдтись безъ послѣднихъ качествъ, онъ оказывался рѣшительно неспособнымъ. Тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать на сердце, убѣждать, обольщать или устрашать аѳинянъ, руководить политикою другихъ государствъ, предводительствовать войсками, онъ былъ безспорно мастеромъ своего дѣла. Если бы неукротимыя его страсти могли быть обузданы, если бы громадной его силѣ сообщено было послѣдовательное, строго обдуманное направленіе, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ бы произвести много великаго, могъ бы переродить аѳинское общество, упрочить на долгія лѣта могущество своей родины, и, быть можетъ, доставить цѣлой Греціи то единство, къ которому она вѣчно и тщетно стремилась. Что *могъ* бы онъ сдѣлать, видно изъ того, что дѣлалъ онъ дѣйствительно всякій разъ, какъ обстоятельства принуждали его насильственнымъ образомъ къ самоограниченію, къ сосредоточенію всѣхъ силъ на одномъ опредѣленномъ предметѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ преслѣдовалъ свои цѣли съ непреклонной послѣдовательностью, съ энергіею, заранѣе обезпечивавшей успѣхъ, и сообщалъ почти идеальный блескъ всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Когда счастіе улыбалось Алкивіаду, онъ предавался безгранично внушеніямъ своего легкомыслія, своеволія и распутства; только въ тѣ минуты, когда ему отовсюду угрожали притѣсненія, опасности, несчастія, раскрывалъ онъ вполнѣ свои многостороннія способности, дѣйствовалъ гордо и смѣло и, соединяя пылкое рвеніе съ самою трезвою осторожностью, переходилъ внезапно изъ самаго униженнаго въ самое блестящее положеніе. Къ сожалѣнію, бѣдствія, посредствомъ которыхъ умѣрялись и обуздывались его стремленія, не всегда были ниспосылаемы ему судьбою въ надлежащее время; этимъ и объясняется безпорядочность, безсвязность, непослѣдовательность его поступковъ. Исполненная недосягаемаго для другихъ величія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ моментахъ, дѣятельность этого человѣка, если разсматривать ее во всей ея цѣлости, можетъ быть уподоблена только блестящему, но возвѣщающему бѣду и гибель, зареву пожара. Все то, что было имъ воздвигнуто, вызвано къ жизни, миновало, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Прочные, постоянные плоды его дѣятельности мы находимъ только въ развалинахъ разрушенныхъ имъ вѣрованій и учрежденій, въ уничтоженіи могущества великой его родины.

«Этими замѣчаніями опредѣляется уже настоящее отношеніе его къ Аѳинамъ. Всѣ стремленія Алкивіада направляются къ одной цѣли: онъ хочетъ быть властителемъ Аѳинъ, властителемъ Греціи, властителемъ всего извѣстнаго тогда міра; только потому и заботится онъ о возвышеніи своего отечества. Слава и могущество Аѳинъ нужны ему только какъ средства для увеличенія собственной его славы, собственнаго его могущества. Въ этомъ своекорыстномъ направленіи его дѣятельности и кроется настоящій источникъ ея несостоятельности. Не послѣдовательнымъ, спокойнымъ употребленіемъ средствъ, находящихся къ его власти, надѣется онъ пріобрѣсти то высокое мѣсто, къ которому стремится; онъ хочетъ овладѣть имъ насильственно, внезапно, не жертвуя для того ни одной изъ своихъ наклонностей, ни одной изъ своихъ страстей. Онъ не умѣетъ дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ впослѣдствіи Цезарь, по опредѣленному, разъ навсегда составленному плану. Какъ ни велико его честолюбіе, оно не въ состояніи, однако, удержать его, даже на-время, отъ удовлетворенія ничтожныхъ, пустыхъ прихотей. Онъ хочетъ, чтобы власть его была безусловна и безотвѣтственна, но хочетъ этого вовсе не для того, чтобы воспользоваться ею для охраненія общественной безопасности, для утвержденія общественнаго благосостоянія. Власть эта нужна ему только потому, что можетъ доставить ему средство къ безнаказанному поруганію законовъ, къ необузданному удовлетворенію страстей. Тогда какъ Периклъ растратилъ и свое частное, и государственное имущество, чтобы украсить городъ великолѣпными постройками, Алкивіадъ думалъ только о пирахъ, конюшняхъ и роскошной обстановкѣ своей собственной жизни; первый пользовался своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ для того, чтобы вовлекать аѳинянъ въ полезныя и славныя предпріятія; второй употреблялъ свое вліяніе, свой ораторскій талантъ и силу своего всепроникающаго сознанія только какъ средство для осуществленія химерныхъ или самолюбивыхъ цѣлей и фантастически-громадныхъ плановъ, въ которыхъ искалъ единственно личной своей славы. Одинъ не боялся никого и ничего, кромѣ позора, и, ставъ въ главѣ государства, хотѣлъ быть для согражданъ своихъ живымъ закономъ; другой не стыдился никакого преступленія и не страшился совершать всякаго рода беззаконія. Периклъ имѣлъ достоинство, величіе и доброжелательство монарха; про Алкивіада же можно было сказать не безъ основанія, что будучи демагогомъ на словахъ, онъ былъ тираномъ на дѣлѣ. Понятно, что при такомъ характерѣ Алкивіадъ не могъ быть

полезнымъ членомъ государства, в что старый Тимонъ показалъ истинно пророческую проницательность, когда предвѣщалъ въ немъ будущаго врага и губителя своей отчизны.

«Истинная любовь къ отечеству никогда не одушевляла Алкивіада; она была уничтожена въ немъ, какъ и во многихъ, ему подобныхъ, софистическими мудрствованіями и разсчетами эгоизма. Онъ, конечно, любитъ государство, заботится объ его возвеличеніи, приноситъ ему величайшія жертвы и считаетъ изгнаніе изъ Аѳинъ самымъ страшнымъ для себя наказаніемъ. Но отечество, совокупность гражданъ составляютъ для него только орудіе, только средство для достиженія его личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Выше государства стоитъ въ глазахъ его государственная власть; для пріобрѣтенія послѣдней, онъ готовъ, если нужно, пожертвовать первымъ. Только позже, въ послѣдніе годы жизни, совѣсть и патріотическія чувства пробудились въ немъ на столько, что могли удержать его отъ новыхъ, губительныхъ для его родины предпріятій. Софистическая образованность его современниковъ, ихъ безсердечная разсчетливость, непрочность ихъ убѣжденій и односторонность безграничнаго ихъ эгоизма нашли въ немъ для себя самое полное выраженіе. Ближайшее знакомство съ этою личностью порождаетъ даже невольное сомнѣніе насчетъ дѣйствительности обнаруженныхъ ею добродѣтелей. Быть можетъ и онѣ, подобно обманчивому блеску fata morgana, обольщающему насъ издали, но исчезающему вблизи, были не болѣе, какъ блестящими, но искусственно произведенными проявленіями громаднаго его самолюбія.

«Холодная разсчетливость эгоиста не имѣетъ ничего общаго съ благоразуміемъ и осторожностью человѣка, одушевленнаго твердыми политическими убѣжденіями. Алкивіадъ не имѣлъ такихъ убѣжденій и потому нисколько не затруднялся выборомъ средствъ для осуществленія честолюбивыхъ своихъ плановъ. Всякое орудіе казалось ему хорошимъ, какъ скоро онъ могъ употребить его на служеніе своимъ цѣлямъ. Поэтому онъ не принадлежалъ, собственно говоря, ни къ одной изъ партій, существовавшихъ тогда въ Аѳинахъ. Смотря по обстоятельствамъ, смотря по тому, на какой сторонѣ былъ перевѣсъ могущества и вліянія, онъ присоединялся то къ защитникамъ демократіи, то къ представителямъ олигархіи. Покорный и смиренный въ началѣ, онъ старался потомъ мало по малу сдѣлаться независимымъ отъ своей партіи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе воспользоваться находившимися въ распоряженіи ея силами. Но какъ демократія, вообще говоря, доставляла своимъ приверженцамъ несравненно

больше выгодъ, нежели аристократія, то Алкивіадъ естественно находился гораздо чаще на сторонѣ первой. Впрочемъ, по своему происхожденію и образованію онъ стоялъ слишкомъ высоко, отличался отъ толпы слишкомъ рѣзко, чтобы сдѣлаться демагогомъ въ настоящемъ значеніи этого слова. Его демократизмъ былъ демократизмомъ человѣка, который видитъ въ народѣ только орудіе для достиженія своихъ частныхъ цѣлей, только пьедесталъ для своего собственнаго, личнаго возвышенія.

«Но именно то обстоятельство, что онъ не принадлежалъ на самомъ дѣлѣ ни къ одной изъ существовавшихъ партій, и содѣйствовало болѣе всего быстрому его паденію. Къ этому надо еще прибавить, что, желая владычествовать не только на дѣлѣ, но и на словахъ, стремясь основать свое могущество на общемъ согласіи и признаніи, онъ, однако же, нисколько не заботился о сохраненіи на своей сторонѣ людей значительныхъ и вліятельныхъ. Онъ не обуздывалъ ни для какихъ личныхъ соображеній своего высокомѣрія и не щадилъ никого въ порывахъ своего гнѣва. Ни одна партія не довѣряла ему; люди, имъ оскорбленные, питали къ нему непримиримую ненависть; олигархи и демократы преслѣдовали его съ равнымъ ожесточеніемъ. Нигдѣ не находя для себя твердой опоры, онъ падалъ именно тогда, когда, по видимому, стоялъ всего ближе къ цѣли своихъ желаній. Ему не вѣрили даже въ тѣ рѣдкія минуты, въ которыя случалось ему говорить и дѣйствовать искренно. Когда, наученный опытомъ и несчастіями, онъ начиналъ обуздывать дикій пылъ своего честолюбія и умѣрять разсчетами благоразумія безпорядочные порывы страстей своихъ, онъ скоро убѣждался, что слишкомъ поздо рѣшился прибѣгнуть къ этому средству, и что никакія усилія не возвратятъ уже ему утраченнаго довѣрія. Сѣмена зла, имъ посѣянныя, возростали на погибель ему самому; нечистыя силы, имъ самимъ вызванныя къ жизни, преслѣдовали его съ ожесточеніемъ, пока наконецъ утомленный, обезсиленный этимъ преслѣдованіемъ, не палъ онъ преждевременно подъ рукою малодушнаго убійцы.»

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, достаточно объясняющихъ характеръ Алкивіада и значеніе его какъ человѣка государственнаго, мы можемъ уже перейдти къ подробному обзору самой его дѣятельности. Но предварительно замѣтимъ еще, что политическая жизнь его распадается сама собою на три отдѣльные, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого періода:

Первый періодъ продолжается съ 421 года до бѣгства его изъ Аѳинъ въ 415 году. Алкивіадъ въ это время раскрываетъ преимущественно свои дипломатическія дарованія и пользуется несомнѣннымъ, значительнымъ вліяніемъ на судьбы цѣлой Греціи. Успѣхъ не всегда сопровождаетъ его предпріятія, тѣмъ не менѣе ему удается мало по малу пріобрѣсти сильную власть какъ внутри, такъ и внѣ Аѳинъ. Чтобы упрочить свою власть, онъ внушаетъ аѳинянамъ смѣлую мысль о походѣ въ Сицилію и принимаетъ на себя исполненіе обширнаго, составленнаго имъ плана. Но въ эту самую минуту воздвигнутое имъ блестящее зданіе внезапно подламывается и пріобрѣтенное имъ могущество исчезаетъ съ такою же быстротою, съ какою возникло.

Во *второмъ* періодѣ, съ 415 по 411 годъ, вниманіе наше обращаютъ на себя прежде всего безконечныя странствованія Алкивіада, новаго Одиссея, изъ города въ городъ, изъ государства въ государство. Вездѣ видимъ мы его замышляющимъ новыя предпріятія противъ своихъ соотечественниковъ. Пылая жаждою мести, онъ повсюду отыскиваетъ враговъ аѳинскаго народа, воспламеняетъ ихъ ненависть, возбуждаетъ ихъ мужество, руководитъ ихъ дѣйствіями. Сначала съ ихъ помощію онъ наноситъ своему отечеству смертельныя раны, но потомъ обращаетъ свое оружіе противъ главной союзницы своей, Спарты, мирится съ изгнавшими его согражданами и, наконецъ, является снова главою аѳинской демократіи и предводителемъ аѳинскаго войска.

Въ *третьемъ* и послѣднемъ періодѣ, съ 411 по 407 годъ, онъ одерживаетъ, предводительствуя сухопутными и морскими силами аѳинянъ, побѣду за побѣдою, и покрытый славою, обремененный добычею, съ торжествомъ возвращается въ отечество. Новые планы, новыя надежды наполняютъ его духъ; уже погибель Спарты кажется неизбѣжною; уже близка та минута, когда окончательнымъ истребленіемъ враговъ аѳинскаго имени надѣется онъ блистательно вознаградить свою родину за вредъ и зло, нѣкогда ей нанесенные. Но въ это самое мгновеніе интриги политическихъ враговъ его подкапываютъ самыя основы его могущества; онъ подвергается вторичному, и на этотъ разъ окончательному, паденію. Какъ безродный бѣглецъ, укрывается онъ въ одномъ изъ фригійскихъ городовъ и тамъ погибаетъ преждевременно, оканчивая трагической катастрофой теченіе своей [illegible]кой, но тревожной и многошумной жизни.

В. М—НЪ.

ЖУРНАЛЪ

СТЕПАНА ПЕТРОВА СЫНА ХМЕТЕВСКАГО

О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ РУССКАГО ФЛОТА ВЪ АРХИПЕЛАГѢ И У БЕРЕГОВЪ МАЛОЙ АЗІИ ВЪ 1770—1774 ГОДАХЪ.

Предисловіе.

Дѣйствія русскаго флота въ Архипелагѣ, у береговъ Мореи и Малой Азіи во время турецкой войны 1770 — 1774 годовъ составляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Императрицы Екатерины II. Чесменская битва прославила русское оружіе; возстаніе морейскихъ и архипелажскихъ грековъ показало, какъ велика уже тогда была приверженность ихъ къ Россіи и какими полезными союзниками противъ турокъ могутъ быть для насъ утѣсненные мусульманами наши единовѣрцы. Но мы до сихъ поръ не имѣемъ исторіи морской войны 1770—1774 годовъ, какъ не имѣемъ и общей исторіи царствованія Екатерины II. Иностранныя сочиненія наполнены ошибками; единственнымъ источникомъ, откуда можемъ почерпать достовѣрныя извѣстія объ этомъ столь важномъ періодѣ русской исторіи, остается необработанная масса матеріаловъ — оффиціальныя реляціи, указы, обнародованные правительствомъ, и записки частныхъ людей. Относительно многихъ другихъ событій царствованія Екатерины II извѣстно русской публикѣ большое число [illegible]говъ и записокъ. Этого нельзя сказать о дѣйствіяхъ

нашего флота въ первую турецкую войну. Въ старыхъ Отечественныхъ Запискахъ Свиньина (1820 г. часть III, стр. 39—81) помѣщенъ изъ исторіи этой войны А. Я. Глотова отрывокъ о Чесменской битвѣ; но болѣе ничего намъ неизвѣстно изъ его сочиненія; потомъ Свиньинъ началъ печатать важный трудъ: «Первый походъ Россійскаго флота въ Архипелагъ, описанный адмираломъ Грейгомъ» (Отеч. Зап. 1823 г. части XIII, XIV, XV; 1825 г. часть XXV); но разсказъ адмирала Грейга не доводитъ насъ и до времени Чесменской битвы, оканчиваясь послѣдними числами мая 1770 года; продолженіе не было напечатано, и потому изъ рукописи Грейга намъ извѣстно одно только вступленіе. «Жизнь А. Ѳ. Орлова», составленная Ушаковымъ, наполнена общими мѣстами и витійствомъ, а не фактами; такъ-что не представляетъ ни одной дѣльной подробности, ни одного порядочно разсказаннаго событія.

Такимъ образомъ журналъ Степана Петровича Хметевскаго, который теперь помѣщается въ «Современникѣ», будетъ единственнымъ непрерывнымъ описаніемъ знаменитой войны. Этого ужь достаточно для показанія исторической его важности. Но издаваемыя нами записки имѣютъ и самостоятельныя достоинства.

Хметевскій ведетъ дневникъ; потому ближайшимъ образомъ говоритъ о сраженіяхъ и манёврахъ, въ которыхъ участвовалъ его корабль; въ важнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ — битвахъ при Наполи ди Романія, въ Хіоскомъ проливѣ и при Чесмѣ онъ сражался, и сражался съ отличіемъ, какъ видимъ даже изъ его скромнаго разсказа; важнѣйшія изъ другихъ дѣйствій, при которыхъ не былъ очевидцемъ, онъ описываетъ по разсказамъ участвовавшихъ или командовавшихъ офицеровъ. Потому онъ зналъ факты наилучшимъ образомъ. За то, что онъ вѣрно, безъ всякой утайки или прикрасы записывалъ ихъ, ручается характеръ его журнала: нигдѣ не хвалитъ онъ себя ни однимъ словомъ, нигдѣ не выставляетъ себя впередъ, хотя могъ бы это сдѣлать, даже имѣлъ бы на то право, потому что, какъ видимъ по всему, былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ; несмотря на неоднократныя просьбы объ увольненіи по разстроенному состоянію здоровья, главноначальствующіе флотомъ не соглашаются отпустить Хметевскаго и просятъ его остаться въ службѣ; за мужество свое получаетъ онъ награды; еще яснѣе свидѣтельствуетъ о лестной репутаціи Хметевскаго то, что очень часто флагманскимъ кораблемъ избирается его корабль; наконецъ лучшимъ доказательствомъ того, что Хметевскій былъ отличный морякъ, служатъ его записки, представляющія много замѣчаній

о достоинствахъ и недостаткахъ корабельнаго устройства, и многочисленныя карты, приложенныя къ его дневнику, составленныя чрезвычайно тщательно и бывшія въ свое время драгоцѣнными: всѣ острова, проливы, гавани, гдѣ былъ Хметевскій съ кораблемъ своимъ, всѣ крѣпости, въ осадѣ которыхъ онъ участвовалъ, сняты имъ съ обозначеніемъ всѣхъ подробностей, важныхъ для моряковъ. Его наблюдательность видна также изъ общихъ замѣчаній объ Архипелагѣ, берегахъ Малой Азіи, произведеніяхъ этихъ земель, нравахъ жителей и т. д. Замѣтки эти кратки, какъ и весь дневникъ, но дѣльны и любопытны. Хметевскій, будучи отличнымъ морякомъ, интересовался, какъ видимъ, и вообще всѣмъ, что обращаетъ на себя вниманіе образованнаго человѣка. Такъ у него находимъ описаніе Антипаросской пещеры, древнихъ развалинъ, даже рисунки рѣдкихъ рыбъ, которыя ловятся въ Архипелагѣ. Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что Хметевскій, столь скромный и основательный, могъ и хотѣлъ вести самый аккуратный журналъ, который, не говоря ужь о своей исторической важности, замѣчателенъ и потому, что составленъ съ чрезвычайною любовью морскому дѣлу и большимъ знаніемъ его. Наконецъ интересъ его записокъ возвышается тѣмъ, что въ нихъ внесены многіе мирные договоры, оффиціальныя письма и другіе важные историческіе документы. Подлинная рукопись Хметевскаго, съ которой сдѣлано наше изданіе, заключаетъ 133 листа in folio, перенумерованные позднѣйшею рукою; почеркъ Хметевскаго очень твердъ и разборчивъ. Въ надлежащихъ мѣстахъ помѣщены ландкарты и нѣкоторыя другія изображенія, перечисленныя ниже (*).

(*) Вотъ полный перечень картъ и рисунковъ, которыми Хметевскій украсилъ свой журналъ.

1) Планъ баталій при Наполисѣ ди Романи.
2) Планъ бѣгущему турецкому флоту (послѣ этихъ битвъ).
3) Планъ одержанной побѣдѣ 24 іюня 1770 г. (въ Хіосскомъ проливѣ).
4) Сожженіе турецкаго флота при Чесмѣ.
5) Карта Порто-Мудро (на островѣ Лемносѣ).
6) Планъ на островѣ Лемносѣ крѣпость Литодія.
7) Планъ описи острова Тассо отъ нордовой стороны.
8) Планъ входа между острововъ Андромля и Ксеро.
9) Карта пролива между островами Паросомъ и Наксіею.
10) Карта Миконскаго рейда.
11) Карта входа въ бухту о. Патмоса.
12) Карта пролива между Самосомъ и Анатоліею.
13) Городъ Негропонтъ и близь лежащія крѣпости.
14) Островъ Негропонтъ.
15) Видъ дарданельскихъ крѣпостей.

Карты его составлены, начерчены и раскрашены очень тщательно; но нѣкоторыя изъ нихъ остались не надписанными — вѣроятно Хметевскій отложилъ это дѣло до болѣе свободнаго времени, думая пересмотрѣть и пополнить свой журналъ. О томъ, что онъ и дѣйствительно пересматривалъ его, свидѣтельствуютъ небольшія приписки, сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ рукописи почеркомъ, если не ошибаемся, самого автора, но очень поспѣшнымъ и уже потерявшимъ прежнюю твердость, вѣроятно отъ старости. Точно также намѣреніе автора дополнить свои записки обнаруживается и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ (немногихъ) мѣстахъ оставлены небольшіе пробѣлы для вставки цифръ, которыя во время составленія журнала не были въ точности извѣстны автору.

---

16) Крѣпость Тенедосъ.
17) Планъ крѣпости Метелина.
18) Анатолійскій берегъ отъ Дарданелъ до Метелина.
19) Планъ городу Корону (въ Мореѣ).
20) Карта залива Витула (въ Мореѣ).
21) Карта заливу города Наварина.
22) Берегъ Мореи на востокъ отъ мыса Матапана.
23) Западная часть острова Андро.
24) Портъ св. Георгія на о. Скиро.
25) Часть острова Кассо (Коксо).
26) Общая карта Архипелага (на двухъ листахъ).
27) Карта Мраморнаго моря.
28) Карта Чернаго моря.
29) Карта восточной стороны острова Леро.
30) Смирнскій заливъ.
31) Карта Дарданельскихъ крѣпостей.
32) Планъ Чесменской крѣпости.
33) Сѣверная половина западнаго берега Анатоліи.
34) Островъ Скіато.
35) Заливъ Палерно (на островѣ Скопело).
36) Карта побѣды въ заливѣ Лепанто.
37) Острова, лежащіе близь Самоса.
38) Карта проливовъ между о. Анжентеро и окружающими островами.
39) Карта острова Ираклія и другихъ прилежащихъ.
40) Карта окрестностей г. Будрума (въ Анатоліи).
41) Карта военныхъ дѣйствій при г. Станкіо.
42) Проливъ между берегомъ Анатоліи и о. Станкіо.
43) Проливъ между Мореею, островами Специа, Доко и другими.
44) Часть острова Зеа.
45) Бухта острова Занте.

Кромѣ того помѣщены Хметевскимъ въ его журналѣ слѣдующіе рисунки:
1) Англійскій способъ привязывать корабли къ берегу.
2) Килеваніе и обжиганіе подводной части корабля (два рисунка).
3) Рисунки корабельныхъ парусовъ.
4) Изображенія рѣдкихъ рыбъ (три рисунка).

Не смотря на неоспоримую важность «Журнала» Хметевскаго, мы не рѣшаемся однако же печатать его вполнѣ: безчисленныя отмѣтки, что такого-то числа присоединилось къ флоту такое-то судно, такого-то числа отправилось отъ флота такое-то судно, слишкомъ сухи и утомительны, когда съ прибытіемъ или отплытіемъ этихъ судовъ не соединено совершенно ничего важнаго; также утомительны и излишни для читателей мелкія морскія отмѣтки о румбахъ, по которымъ шелъ корабль отъ одной стоянки къ другой; довольно много можно было бъ перечислить и другихъ стольже неважныхъ мелочей, но само ихъ исчисленіе было бъ утомительно. Мы опускаемъ эти ни къ чему не ведущія мелочи, думая, что журналъ обязанъ печатать статьи не иначе, какъ въ такомъ видѣ, въ которомъ онѣ могли бы быть прочитаны. Быть можетъ найдутся люди, которые захотятъ сказать, что они недовольны изданіемъ историческихъ матеріаловъ невполнѣ; но мы увѣрены, что наши читатели одобрятъ наше понятіе объ условіяхъ, единственно при соблюденіи которыхъ журналъ имѣетъ право давать своимъ читателямъ важный и любопытный историческій матеріалъ; эти условія: сохраненіе всего, что въ издаваемомъ матеріалѣ сколько нибудь интересно для читателей или важно для исторіи; опущеніе того, что утомительно и съ тѣмъ вмѣстѣ не имѣетъ никакой исторической важности. Нѣтъ сомнѣнія, что для насъ было бы несравненно легче и спокойнѣе напечатать «Журналъ» Хметевскаго вполнѣ; этимъ избавились бы мы отъ кропотливаго и утомительнаго труда пересматривать одну страницу по нѣскольку разъ, сличать каждое вычеркиваемое мѣсто съ предъидущимъ и послѣдующимъ и т. д. Но мы хотѣли напечатать дневникъ въ такомъ видѣ, который не отталкивалъ бы читателей ненужными, сухими и обременительными замѣтками; мы думаемъ, что журналъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы статьи, въ немъ печатающіяся, могли быть прочитаны безъ отягощенія. Что мы не опустили ни одного слова, сколько нибудь важнаго для нынѣшнихъ читателей, можно убѣдиться, сличивъ наше изданіе съ подлинною рукописью, и мы увѣрены, что едва ли кто нибудь долженъ упрекнуть насъ за опущеніе такихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, слѣдующія:

«Сколько сдѣлаир острова того изъ лѣсовъ (для починки корабля Хметевскаго), присемъ пріобщаю реестръ: блинда рей 1; брамъ стеньгъ 2; крюгель рей 1; веселъ для барказа 10; тожь для шлюбокъ 12 и т. д.

31 октября. На своемъ кораблѣ постава козы вынялъ гротъ — мачту.

3 число ноября. Поставилъ сдѣланную гротъ-мачту въ корабль и т. д.

Всѣ сколько нибудь заслуживающіе вниманія, хотя по объему, пропуски подобнаго рода отмѣчены въ скобкахъ, и показано содержаніе выпущеннаго мѣста.

Для того, чтобы сдѣлать чтеніе удобнѣе, принято различеніе печатаемаго текста двумя шрифтами: крупнымъ печатаемъ мѣста, имѣющія существенную важность и заслуживающія вниманія читателей; мелкимъ напечатаны мелочныя подробности, нужныя только или для соображенія тѣмъ читателямъ, которые захотятъ серьёзнѣе вникнуть въ журналъ, или для связи между существенно важными мѣстами, или для сохраненія характера дневника; на нихъ читателю достаточно будетъ бросить бѣглый взглядъ, и не утомляя вниманія, переходить къ мѣстамъ, которыя напечатаны крупнымъ шрифтомъ.

Наконецъ для удобности обозрѣнія извѣстій, сообщаемыхъ Хметевскимъ въ отрывочномъ видѣ, не излишнимъ считаемъ въ нѣсколькихъ словахъ напомнить читателямъ общій ходъ войны. При вступленіи въ Архипелагъ, флотъ нашъ былъ раздѣленъ на двѣ эскадры: одна, подъ командою адмирала Спиридова, сдѣлала высадку въ Морею; другая, подъ командою контръ-адмирала Эльфинстона, встрѣтила турецкій флотъ въ заливѣ Наполи ди Романи, и разбивъ его, заставила укрыться подъ выстрѣлы крѣпости; потомъ соединилась съ эскадрою адмирала Спиридова. Хметевскій, котораго корабль былъ въ экспедиціи Эльфинстона, описываетъ дѣйствія его эскадры. Отъ Мореи нашъ флотъ прошелъ къ островамъ Метелину (Митилена, древній Лесбосъ) и Хіо (или Шіо), отъискивая турецкій флотъ, который наконецъ и былъ замѣченъ въ проливѣ между островомъ Хіо и берегомъ Анатоліи. Тутъ послѣдовало (24 іюня) знаменитое сраженіе, въ которомъ и нашъ адмиральскій корабль (Евстаѳій) и Турецкій, сцѣпившись для абордажа, взлетѣли на воздухъ. Корабль Хметевскаго (Трехъ Святителей) вмѣстѣ съ Евстаѳіемъ выдерживалъ самый жестокій бой, будучи въ передовой линіи; проходя постепенно на пистолетный выстрѣлъ мимо четырехъ линейныхъ турецкихъ кораблей, Хметевскій сбилъ всѣ ихъ одинъ за другимъ. При этомъ Хметевскій былъ раненъ въ голову осколкомъ каменнаго ядра, однакоже не оставилъ командованія до самаго окончанія битвы. Турецкій флотъ бѣжалъ въ Чесменскую гавань, нашъ флотъ заперъ входъ въ нее, и корабли, стоявшіе въ передней линіи, начали бросать бомбы и брандскугели въ стѣснившіеся турецкіе корабли,

одинъ изъ которыхъ вскорѣ загорѣлся, а отъ него пламя охватило и всѣ остальныя суда. По уничтоженіи турецкаго флота, весь Архипелагъ остался во власти русскихъ. Сборнымъ мѣстомъ для нашихъ кораблей былъ назначенъ портъ Ауза на островѣ Паросѣ. Въ Смирнѣ, лежащей близь Чесмы, фанатическая чернь, возбуждаемая бѣжавшими съ флота матросами, взволновалась, и убила нѣсколькихъ христіанъ; но вскорѣ безпорядки были укрощены; чтобы не подавать къ нимъ новаго повода, европейскіе консулы и паша, начальствовавшій въ Смирнѣ, посылали графу А. Г. Орлову просьбы не подходить къ городу, которому въ этомъ случаѣ предстояла бы совершенная погибель отъ бѣшенства изступленной черни. Хметевскій приводитъ эти просьбы. Графъ Орловъ, отчасти снисходя на эти мольбы, отчасти для того, чтобъ избѣжать заразы, грозившей отъ множества турецкихъ труповъ по чесменскимъ берегамъ, отошелъ съ флотомъ въ портъ Мудро на островѣ Лемносѣ; нѣкоторые корабли были посланы въ крейсерство; съ другихъ былъ высаженъ десантъ и приступлено къ осадѣ крѣпости Литоди, лежащей на островѣ Лемносѣ. Но она получила сильное подкрѣпленіе изъ Дарданелъ, и осада была оставлена; потомъ турки приходили нападать на нашъ десантъ, отступившій къ флоту въ портъ Мудро, но были отражены. Вскорѣ послѣ того русскій флотъ вышелъ изъ порта Мудро; графъ А. Г. Орловъ отправился въ Ливорно, потомъ въ Петербургъ; наши корабли занялись исправленіемъ поврежденій; главнымъ мѣстомъ починки былъ островъ Тасо (древній Θазосъ), гдѣ былъ и Хметевскій съ своимъ кораблемъ. Окончивъ исправленія, корабли отправились въ портъ Аузу. Такъ кончился походъ 1770 года.

Въ мартѣ 1771 года полученъ во флотѣ рескриптъ Императрицы, изъявляющій монаршее благоволеніе за Чесменскую битву; различные корабли ходили въ крейсерство; въ концѣ іюня русская эскадра ходила къ Дарданелламъ по слуху, будтобы турецкій флотъ намѣренъ выйдти въ Архипелагъ; но непріятель не показывался, и потому въ августѣ и сентябрѣ предпринята была высадка на островъ Негропонтъ; потомъ опять блокировали Дарданеллы, и наконецъ производили рекогносцировку крѣпостей на островѣ Тенедосѣ и Метелинѣ. Метелинская крѣпость была осаждена; турки сдѣлали вылазку противъ нашего десанта, но были отрѣзаны отъ крѣпости и разбѣжались; послѣ того они бросили круглую башню, защищавшую берегъ, форштатъ и адмиралтейство; руские взяли эти части города, сожгли адмиралтейство, два строившіеся въ немъ корабля и двѣ большія

галеры, кромѣ того запасъ корабельнаго лѣса. На возвратномъ пути въ портъ Аузу одинъ изъ русскихъ фрегатовъ Санторино) сѣлъ на мель близь берега, и когда турки овладѣли имъ, другія русскія суда, не будучи въ состояніи помочь ему, принуждены были зажечь его брандскугелями. Въ концѣ года графы Орловы (А. Г. и Ѳ. Г.) уѣхали, по обыкновенію, въ Ливорно, откуда графъ А. Г. ѣздилъ въ Великобританію. Во все продолженіе года различныя суда наши были посылаемы въ крейсерство.

РЕДАКЦІЯ.

I.

1730—1769.

Дѣтство Хвостовскаго.—Первоначальная служба.—Женитьба и смерть жены.—Продолженіе службы.

1730. Родился. Именинникъ 28 числа октября.

Будучи по пятому году при отцѣ моемъ, началъ учиться грамотѣ и съ того времени больше отца моего не видалъ и учился у многихъ мастеровъ и мастерицъ, которыя сами мало грамотѣ знали, въ своемъ домѣ и въ людяхъ, и по долговременному ученію назывался непонятнымъ, не разсматривая того, что мѣсяцъ учусь, а пять праздно гуляю, и что выучу, то забуду; только, со всѣмъ тѣмъ, лѣтъ въ шесть, хотя съ нуждою, выучился.

1737 году, по указу малолѣтные всѣ высланы были на смотръ въ Москву, въ томъ числѣ и я представленъ былъ моею матерью, и какъ я, по объявленію, былъ шести лѣтъ, то до семи лѣтъ отпущенъ на годъ домой, потому что меньше семи лѣтъ ни въ какую школу не писали.

1738 году, по явленіи въ губернской отпущенъ былъ домой по 1744 годъ, обучиться на своемъ коштѣ россійской грамотѣ, въ чемъ и поручитель былъ гвардіи капитанъ Богданъ Семеновичъ Рославлевъ.

1742. Отецъ мой, служа въ кронштадскомъ гарнизонѣ штыкъ-юнкеромъ, не старѣе 40 лѣтъ своей жизни, скончался въ Петербургѣ скоропостижно.

1744 года срокъ мой вышелъ и по паспорту въ герольдіи долженъ явиться; братъ моей матери Степанъ Григорьевичъ Мячковъ служилъ въ корпусѣ лейбъ-компаніи гренадеромъ и обѣ-

щался матери моей записать меня въ гвардію, но по частому его гулянію, на то время ему не было, хотя и продолжалось мѣсяца съ три, не записалъ; но чтобъ оные мѣсяцы не поставлены были въ просрочку, да и надежда на дядю была худа, по совѣту поручителя Рославлева матери моей, въ герольдіи паспортъ я объявилъ, и не по желанію моему, 25 числа марта написанъ въ Московскую Академію въ ученики.

Дядя мой Мячковъ узналъ въ то время, когда уже я былъ ученикомъ, свою ошибку и обо мнѣ нестараніе, согласясь съ гвардіи Преображенскаго полка майоромъ Полонскимъ, утая, что былъ уже я ученикомъ, написавъ челобитную «изъ недорослей», а я подписалъ, по которой принятъ въ гвардію въ солдаты въ Преображенскій полкъ въ 16 роту капитана Григорья Ивановича Мядкова; но какъ членъ коллегіи князь Михайло Андреевичъ Бѣлосельскій тогда былъ въ Москвѣ, то требовалъ изъ полку меня обратно и хотя обо мнѣ были великія и просьбы, точію пробывъ въ полку два мѣсяца, присланъ обратно въ Академію безъ штрафа.

1746 года, августа 16 дня, обучась въ московской Академіи ариѳметикѣ, геометріи и плоской тригонометріи, высланъ въ Санктпетербургъ въ Академію.

1747 года, февраля 5 дня, написанъ въ гардемарины и былъ на морѣ на кораблѣ «Великомученицы Варвары», подъ флагомъ вицъ-адмирала и кавалера Мишукова, капитанъ Кенеди. Рейсъ имѣли со флотомъ до Готланда и пришли обратно въ Кронштадтъ.

(Въ 1748 и 1749 сдѣлалъ Хм. два рейса въ Любекъ и одинъ рейсъ въ Данцигъ).

1749 года экзаменованъ изо всѣхъ наукъ, но какъ производство во флотѣ именнымъ указомъ было запрещено, то я въ мичманы и не произведенъ.

1750. Былъ въ компаніи на фрегатѣ «Аполлонѣ» для продолженія описи линій между Готланда, Курляндіи, Пруссіи и Гданска, подъ командою лейтенанта Винкова.

1751. Командированъ къ городу Архангельскому на фрегатѣ «Крейсеръ», подъ командою лейтенанта Давыдова. (Слѣдуетъ нѣсколько неважныхъ подробностей о плаваніи).

(1752 г. сдѣлалъ Хм. два ройса въ Любекъ; 1753—1754 рейсъ въ Архангельскъ; во всѣхъ трехъ случаяхъ «командовалъ вахтою и имѣлъ въ своемъ пріемѣ морской провіантъ»).

(1754.) Экзаменованъ изъ теоріи и практики. Сентября 1 числа пожалованъ унтеръ-лейтенантомъ.

(1755—1756 былъ Хм. въ компаніи въ Сѣверномъ морѣ. 1757 «содержали въ блокадѣ прусскіе берега». Во всѣхъ случаяхъ «командовалъ вахтою»).

(1757.) Марта 27 дня пожалованъ корабельнымъ секретаремъ. 12 декабря отпущенъ въ деревню, апрѣля по 1 число 1758 года.

(1758 года, января 27 дня пожалованъ лейтенантомъ. Написанъ на окрабль «Златоустъ», подъ командою капитана Молчанова, со флотомъ подъ флагомъ адмирала и кавалера Мишукова; былъ въ эскадрѣ, ходившей къ прусскимъ берегамъ).

1759 года опредѣленъ командиромъ на пинку Вологду, для отвозу осадной артиллеріи въ Пруссію, въ городъ Пилловъ. (Нѣсколько неважныхъ морскихъ замѣтокъ.) Жили въ Кенигсбергѣ и въ Пилавѣ весело и всѣмъ довольно.

1760 года посланъ для покупки барокъ въ Рыбную Слободу, на разгрузку прибывшихъ изъ Казани дубовыхъ лѣсовъ. Доволенъ былъ всѣмъ, только, за неимѣніемъ компаніи, было скучно и время препровождалъ въ ѣздѣ домой и по гостямъ.

1761 года, шелъ на баркахъ въ Петербургъ, зимовалъ въ Новогородскомъ уѣздѣ въ селѣ Леонтьевѣ; было весело со множествомъ офицеровъ и ихъ фамилій. (Сговорилъ Хм. жениться на дѣвицѣ Шишковой, но сватьба разстроилась его отказомъ, причинъ котораго Хм. не объясняетъ).

1762 года, апрѣля 10 числа пожалованъ флота капитанъ-лейтенантомъ. Пришелъ на баркахъ въ Петербургъ.

1763 года выбранъ былъ коллегіей къ Его Императорскому Высочеству въ адъютанты и ѣздилъ въ Москву. 11 іюля опредѣленъ на яхту «Св. Андрей» командиромъ, на которой слѣдовать соизволила Ея Императорское Величество изъ Петербурга въ Петергофъ. 18 того жь мѣсяца, въ присутствіи жь Ея Величества изъ Петергофа въ Кронштадтъ, на той же яхтѣ подъ штандартомъ, при томъ же и прочія какъ придворныя, такъ и адмиралтейскія были яхты и подходя къ Кронштадту, встрѣтилъ Его Высочество, яко генералъ-адмиралъ, на шлюпкѣ, подъ кейзеръ-флагомъ, а прочіе флагманы, каждый подъ своимъ флагомъ, а капитаны съ офицерами и Его Высочество подъѣхавъ къ яхтѣ, спустясь подъ корму яхты подъ вѣтръ, спустя флагъ, кричалъ ура 11 разъ, Ея Величество изволила указать отвѣтствовать 5 разъ; тожь чинили и всѣ флагманы и поѣхали обратно подъ флагами въ Кронштадтъ. 19. Ея императорское Величество, изъ Высочайшей своей милости, пожаловать мнѣ соизволила золотую табакерку. 20. Въ присутствіи Ея Величества, на той же яхтѣ изъ Кронштадта обратно отбыть изволила въ Петергофъ, подъ штандартомъ, штандарту палили изъ пушекъ съ придворныхъ яхтъ, съ стоящаго пакетбота и англинскаго фрегата. 20 августа при спускѣ двухъ кораблей въ Петербургѣ, Ея Императорское Величество, на кораблѣ «Евстафій», съѣхать соизволила, а на кораблѣ «Януаріи» обѣденное кушанье соизволила кушать; я при столѣ опредѣленъ былъ.

1764 года, съ 23 марта производилась балотировка всѣмъ флотскимъ офицерамъ: мнѣ положены были все достойные балы, по которымъ баламъ взялъ я у многихъ старшинство. 20 числа апрѣля пожалованъ капитаномъ во второй рангъ. 9 число маія всѣ капитаны и флагманы съ Его Высочествомъ кушали во дворцѣ; мнѣ изволилъ говорить, что я въ комнатномъ его флотѣ пожалованъ капитаномъ-поручикомъ.

По расписанію опредѣленъ на корабль «Шлюшенбургъ». (15-го и 16-го іюля Ея Величество изволила осматривать флотъ, при чемъ Хм. описываетъ порядокъ салютовъ.) 19 іюня пошли съ Кронштадскаго рейда. 21 число того жь мѣсяца пришли въ Ревель. 25 число того жь мѣсяца Ея Императорское Величество прибыть соизволила въ Катеринодальскій дворецъ (и въ послѣдующія числа производились экзерциции въ присутствіи Государыни; Хм. по ветхости своего корабля «Шлюшенбурга» былъ отпущенъ въ Кронштадтъ).

4 число августа. Въ Ревельскомъ портѣ сгорѣли 2 корабля 66 пушечные «Александръ Невскій» и «Св. Петръ» отъ злодѣя констапеля, который хотѣлъ украсть бочку пороху, отъ неосторожности съ огнемъ въ крюйтъ-каморѣ.

1765 года, 30 января командированъ къ городу Архангельскому, для привода оттуда кораблей, и отпущенъ на 28 дней въ деревню. 9 февраля пріѣхалъ въ деревню. 9 марта сговорилъ на дѣвицѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Купріяновой.

14 марта поѣхалъ изъ деревни.

23 тогожь мѣсяца пріѣхалъ въ Вологду; жили въ Вологдѣ, по ласковости преосвященнаго Золотова, воеводы Кошелева, дворянъ и купцовъ, да и по множеству своихъ офицеровъ, весьма весело.

11 маія пошли съ Вологды на баркахъ къ городу Архангельскому; вся команда, плывучи, препроводила время весело и съ вешнею пріятностію.

28 число маія пришли къ городу Архангельскому. Опредѣленъ я на фрегатъ «Гремящій» (перечисляются офицеры, которымъ было поручено вести другіе корабли и описывается плаваніе.) 3 сентября пришли въ Кронштадтъ.

19 декабря отпущенъ въ деревню по апрѣль мѣсяцъ.

1766 года, января 22 дня женился на дѣвицѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Купріяновой. 24 марта пріѣхалъ въ Петербургъ съ женою.

1767 года, съ 1 числа января отпущенъ въ деревню на годъ.

Августа 27 число скончалась (отъ родовъ) Анна Алексѣевна, почему я долженъ перемѣнить съ смертію жены и жизнь въ разсужденіи ея дѣйствій.

1768 года, 23 января пріѣхалъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ корабельную команду.

23 февраля отпущенъ въ деревню на годъ. (Описываются тяжебныя дѣла съ родственниками въ деревнѣ).

1769 года, 22 февраля пріѣхалъ въ Петербургъ. 4 іюня пожалованъ въ капитаны первый рангъ.

II.

1769—1770 годы.

Отправленіе эскадры. — Прибытіе въ Портсмутъ. — Плаваніе въ Архипелагѣ. — Битвы при Наполи ди-Романія.—Битва въ проливѣ Хіосскомъ.—Истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. —Осада крѣпости Литодія, на островѣ Лемносѣ. — Описаніе острова Тасо.—Письмо смирнскихъ консуловъ графу А. Г. Орлову. — Письмо Сендъ-Гавана, къ нему же. — Декларація греческихъ епископовъ Архипелага. — Продолженіе осады Литодіи. — Дальнѣйшія дѣйствія русскаго флота. — Общее обозрѣніе Архипелага.

(1769) 18 іюля Ея Императорское Величество инкогнито изъ Раннбома, на шлюпкѣ, прибыть изволила въ Кронштадтскую среднюю гавань и была на кораблѣ «Евстафіѣ», жаловала всѣхъ морскихъ офицеровъ къ рукѣ и пожелая отправляющейся эскадрѣ счастливаго пути, изволила въ Раннбомъ отбыть на той же шлюпкѣ.

19. Адмиралъ Спиридовъ, имѣя подъ командою корабли: «Евстафій», флагманскимъ, «Святославъ», «Януарій», «Трехъ Святителей», «Трехъ Іерарховъ», «Сѣверный Орелъ», «Европу»; фрегатъ «Надежду», бомбандирскій, два пакетбота и 4 пинка, отправился въ секретную экспедицію.

19. Вытянулась эскадра на рейдъ въ числѣ 8 судовъ: корабль «Не тронь меня» флагманской, капитанъ Хметевской, «Саратовъ» капитанъ Бѣшенцовъ, «Тверь» капитанъ Игнатьевъ, фрегаты: «Надежда» капитанъ Поливановъ, «Африка» капитанъ Клеонинъ, судно «Чичаговъ» капитанъ-лейтенантъ Поярковъ, пинкъ «Св. Павелъ» лейтенантъ Кривцовъ, наемный пинкъ съ десантомъ «Депровиденцъ», подъ флагомъ контръ-адмирала Джонъ Эльфинстона. (Потомъ Хм. перечисляетъ офицеровъ своей команды, т. е. корабля «Нетронь меня.)

9 числа октября пошли съ Кронштадтскаго рейда.

(Потомъ сообщаетъ Хм. морскія замѣтки о плаваніи.)

23 числа ноября пришли на Порсмутскій рейдъ съ однимъ кораблемъ. Будучи въ пути, претерпѣвали отъ великихъ штормовъ, стужи, морозовъ, снѣгу и дождя, и сыростей великія безпокойства и несносности. Въ Порсмутской гавани нашихъ кораблей: «Сѣверный Орелъ», «Европа», Бомбандирскій корабль Громъ», да наемныхъ два судна, подъ командою контръ-адмирала Ельманова. Корабли «Сѣверный Орелъ», за худостію, удостоенъ не годнымъ, а «Европа» на Портсмутскомъ рейдѣ былъ на мели и для осмотра вводили въ докъ.

Чрезъ нѣсколько дней пришелъ корабль «Святославъ», «Саратовъ», фрегатъ «Надежда», пинкъ «Св. Павелъ» и «де Провиденцъ», всѣ одинъ послѣ другого.

Извѣстно стало, что корабль «Тверь», потерявъ мачты, пришелъ въ Ревель; фрегатъ «Африка» близъ Довера стоялъ на мели на банкѣ, съ которой со вредомъ сошелъ и пришелъ по близости къ порту, безъ руля введенъ былъ въ докъ, въ которомъ почпнился, а корабль «Саратовъ», въ великій штормъ на англійскихъ банкахъ имѣлъ на носу великую течь, которая была больше ста дюймовъ, выливали какъ въ помпы, такъ кому только и чѣмъ удалось, ушатами, ведрами, чашками и мисами, однимъ словомъ сказать, были въ отчаяніи своей жизни, но по счастью вѣтръ сталъ тише, подведя подъ носъ парусъ, нашедшимъ на нихъ фрегатомъ «Надежда», въ провожаніи онымъ пришли благополучно.

(1770) 19 числа генваря, вошелъ съ кораблемъ въ Портсмутскую гавань; при выгрузкѣ изъ корабля нашлося нѣсколько бочекъ пороху и всѣ карказы и ракеты помокли, такъ что къ дѣйствію негодны.

(Затѣмъ Хм. дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о Портсмутской гавани и верфяхъ, и о различіяхъ въ постройкѣ и отдѣлкѣ англійскихъ кораблей сравнительно съ русскими; всѣ эти замѣчанія занимаютъ около шести страницъ въ рукописи или 4 страницъ формата «Современника».)

3 числа марта, по ордеру контръ-адмирала Эльфинстона, принялъ я корабль 84 пушечный «Святославъ», гдѣ онъ подыметъ свой флагъ, а корабль «Петронъ меня» отдалъ капитану Бѣшенцову, на «Саратовъ» опредѣленъ капитанъ Баршъ; какъ корабли, такъ и фрегатъ одинъ по одному изъ гавани скоро вышли.

Городъ вообще Порсмутъ составляется изъ трехъ городовъ, между которыми морскіе заливы. 1 городъ Порсмутъ, 2 Комонъ, 3 Гаспутъ, исправными укрѣплены вокругъ крѣпостьми; стѣны каменныя изъ плиты, которая гораздо лутче нашей; пушки стоятъ на крѣпостяхъ имѣвъ у себя колеса чугунныя, да и мѣста, гдѣ пушки стоятъ, выкладены плитою. Въ городѣ улицы вымощены камнемъ, по сторонамъ улицъ изъ плиты, ширины сажени на полторы, возвышены для пѣшихъ и овые сторонніе мосты въ самую грязь бываютъ чисты; зимы со всѣмъ нѣтъ, однако въ декабрѣ и въ генварѣ иногда нападаетъ снѣгъ и бываютъ утренники, только снѣгъ больше сутокъ лежать не можетъ; поля по прежнему очищаются; пашня у нихъ начинается съ генваря, то есть паръ; сѣютъ пшеницу, жито и овесъ два первые жита весьма хороши и родны родятся, а овесъ худъ, черенъ; трава не блекнетъ, зелена, огородные плоды и въ зимніе мѣ-

сяцы съ градъ не сымаются и свѣжи, скотъ во весь годъ ходитъ въ полѣ и жиренъ.

(Послѣ того Хм. описываетъ Портсмутскій госпиталь, мундиры англійскихъ флотскихъ офицеровъ и число ихъ на кораблѣ).

(Затѣмъ Хм. представляетъ счетъ уплаченныхъ англичанамъ за починку кораблей 7,821 фунтовъ стерл., представляетъ списокъ офицеровъ своей команды, т. е. корабля «Святослава», который былъ и флагманскимъ кораблемъ контръ-адмирала Эльфинстона; наконецъ перечисляетъ составъ эскадры Эльфинстона; корабли: «Святославъ,» «Саратовъ,» Нетронь меня,» «Сѣверный орелъ;» фрегаты: «Надежда» и «Африка;» одинъ пинкъ; три англійскія наемныя судна).

Во 2 число апрѣля, по данному сигналу съ порученнаго мнѣ корабля «Святослава, вся эскадра, поднявъ якори, пошла въ повелѣнный путь.

(Далѣе нѣсколько незначительныхъ замѣтокъ о плаваніи и нѣсколько неважныхъ замѣчаній о Гибральтарѣ.)

10 число маія пришедъ въ Архипелагъ въ Калатинскую бухту, противъ мѣстечка Кап-де-Бердогна на глубинѣ 19 саженъ, легли. Грековъ къ намъ великое множество пріѣзжало, изъ себя люди видные, здоровые и чистые, каждый съ винтовкой и съ пистолетомъ; тотъ же день свезли десантъ на пустой берегъ, на другой артиллерію и всѣ сухопутные тягости. Привели греки турка.

12 число пошли съ рейда въ море, по слуху, что турецкой флотъ стоитъ въ бухтѣ Наполисъ де Романи, сказывали разно, 6 и 8 кораблей.

16 маія, вошедъ мы въ бухту Наполисъ де Романи, увидѣли турецкій флотъ, лавирующій въ 22 военныхъ судахъ, къ которому всей эскадрой сдѣлали погоню, а нанятыя суда шли позади насъ; тогда въ турецкомъ флотѣ, поднявъ флаги, стали входить въ линію и какъ наши корабли «Саратовъ», «Нетронь меня» и фрегатъ «Надежда» подошли къ турецкому флоту на пушечный выстрѣлъ, то съ турецкихъ трехъ большихъ осмидесятипушечныхъ кораблей началась пальба, также и съ нашихъ, и по продолженіи нѣсколько времени баталіи, турецкій флотъ, спустясь на фордевинтъ, пошелъ въ бухту Наполисъ де Романи. Корабль «Святославъ» и фрегатъ «Африка», за тихостію вѣтра, къ баталіи не подошли, а потомъ принудила оставить погоню ночь, однако все шли за турецкимъ флотомъ въ бухту. Которой баталіи при семъ пріобщаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

17 число маія, при восхожденіи солнца, сдѣланъ сигналъ гнать за непріятелемъ. Турецкіе корабли шли подо всѣми паруса-

ми въ бухту на рейдъ Наполисъ де Романи подъ защищеніемъ трехъ крѣпостей и пришедъ большихъ четыре корабля легли къ морю порядочно, а прочіе позади ихъ; но какъ мы пришли къ нимъ въ близость, что ядры доставать могутъ, въ (*) часу по полудни, то съ оныхъ четырехъ турецкихъ кораблей и со всѣхъ крѣпостей началась пальба; крѣпости своими выстрѣлами насъ не вредили, ядра оныхъ падали по близости крѣпостей, но мы корабль за кораблемъ проходя лавируя мимо ихъ палили, также бомбы и брандскугели бросали; изъ непріятельскаго флота прилетали ядра 35-фунтовыя, да на оныхъ же корабляхъ по срединѣ на нижнемъ декѣ по три гаубицы, одна превеликая, а двѣ меньше, изъ оныхъ палятъ каменьями, большая въ діаметрѣ противъ 9 пудовой бомбы, и оные камни вредны больше нежели ядра: когда камень придетъ въ корабль, то ударомъ разсыплется и такъ какъ дробью убиваетъ и ранитъ.

Лавируя, пришедъ мы съ кораблемъ «Святославомъ» близь берега на мелкую глубину, 8 сажень, положили якорь и стоя на якорѣ, палили въ турецкій флотъ, но какъ отъ насъ, такъ и отъ нихъ ядра не долетали; потому отрубя якорь, мы начали проходить турецкій флотъ и съ обѣихъ сторонъ началась пальба; отъ насъ съ корабля «Святослава» бомбою у турецкаго флагманскаго корабля зажгли бушпритъ, чѣмъ корабль принужденъ былъ вытти изъ боевой линіи. Въ (**) часу послѣ полудни, опасаясь ночи и штиля, чтобъ не предать себя непріятелю, корабли пошли въ море прочь отъ рейда. Въ оной баталіи убитыхъ 3, раненыхъ 2 человѣка; розбило нѣсколько рей, пробитъ парусъ крюсели; оной баталіи прилагаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

18. Пошедъ съ эскадрою въ бухту на рейдъ Наполисъ де Романи, и не доходя лежащаго турецкаго флота мили двѣ, поворотили мы обратно изъ бухты; въ турецкомъ флотѣ три фрегата, когда мы шли, лавировали позади передовыхъ кораблей въ бухтѣ, а прочіе лежали на якорѣ, а когда мы пошли отъ нихъ прочь, то и тѣ леглижъ на якорь.

19. Турецкій флотъ снялся съ якоря и шелъ къ намъ, только видно съ намѣреніемъ, что когда мы къ нимъ сталибъ приближаться, они возвратились бы обратно на рейдъ; но мы шли вонъ изъ бухты, для соединенія съ адмираломъ Спиридовымъ.

(*) Оставленъ пробѣлъ.
(**) Оставленъ пробѣлъ.

20. Турецкій флотъ отъ насъ закрылся въ бухтѣ Наполисъ де Романи.

22 число, пошли въ Калатинскую бухту, въ которой увидѣли лавирующую изъ бухты эскадру адмирала Спиридова, состоящую изъ 4 кораблей: «Евстафій», «Януарій», «Трехъ Святителей», «Европа», фрегатъ «Николай», пакетботъ «Почталіонъ», и соединясь вмѣстѣ, пошли обратно къ Наполи де Романи; съ адмираломъ былъ на кораблѣ графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ.

24 число, по ордеру адмирала Спиридова отъ Капитана Роксбурга принялъ я корабль «Трехъ Святителей», а ему Роксбургу отдалъ корабль «Святославъ». При входѣ въ бухту Наполисъ Романи, какъ можно было видѣть съ салинга, турецкіе корабли, лежащіе на якорѣ у острова Спеси, снялись съ якоря и начали, убѣгая, выходить изъ бухты;, сколько наши передовые «Саратовъ» и «Нетровь меня» корабли ни старались, приблизиться могли, по тихости вѣтра, не ранѣе какъ въ 7 часовъ послѣ полудня; тогда началась съ обѣихъ сторонъ пальба и продолжалась съ часъ; послѣ за штилемъ и потому что время приходило къ ночи, передовые начали буксироваться обратно ко флоту, также буксировались и въ турецкомъ флотѣ; съ кораблемъ «Трехъ Святителей», да фрегатомъ «Николай» посланъ я атаковать 4 корабля, но хотя съ великимъ стараніемъ буксировали корабль шлюпками, штиль дойти не допустилъ. Въ исходѣ 8 часа по полудни, за приближающеюся ночью и штилемъ, присланная шлюпка отъ адмирала объявила повелѣніе возвратиться ко флоту; съ повелѣніемъ пріѣзжалъ графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, чтобъ мнѣ турецкіе корабли атаковавъ взять, сжечь или потопить, то всѣ люди стоя у борта закричали съ великою охотою: «ради батюшка ваше сіятельство, Боже помози намъ.»

25 числа турецкій флотъ, состоящій въ 15 корабляхъ и фрегатахъ и въ 4-хъ шебекахъ убѣгаетъ къ нордосту; въ 6 часовъ утра всѣмъ кораблямъ велѣно гнать, но за тихостію вѣтра, сколько ни старались, до самой ночи догнать не могли.

26 число, по разсвѣтѣ, увидѣли турецкій флотъ лавирующій восточнѣе острова Георги, за которымъ учинили погоню всѣми кораблями, точію догнать не могли.

27. Турецкихъ кораблей больше не видно, которые обошедъ островъ Георги, пошли къ осту съ благополучнымъ вѣтромъ, а мы должны тотъ островъ обходить и тѣмъ отъ нихъ отстали; къ томуже для налитія воды пошли къ острову Порису, гдѣ себя удовольствуя и вышли; въ которомъ мѣстѣ на обѣихъ сторонахъ греческаго города монастырей весьма много.

27 число, у острова Георги, въ ночное время, турецкой флотъ, пользуясь благополучнымъ вѣтромъ, между частыми островами отъ насъ закрылся; намъ тотъ же вѣтръ обходить островъ противенъ, чрезъ что оставили поискъ за непріятелемъ, пошли въ Порто-Рати для налитія прѣсной воды корабли: «Святославъ», «Евстафій», «Саратовъ», «Нетронь меня»; контръ адмиралъ Эльфинстонъ, съ кораблями: «Трехъ Святителей», «Европою», «Януаріемъ», фрегатами: «Надеждою» и «Африкою» въ Негропонтъ, и бывъ сутки съ четверы, возвратились и пошли всѣ въ море.

12 число іюня, соединился съ нами его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, который оставя городъ Наваринъ подорвалъ его весь, по причинѣ пришедшаго турецкаго немалаго корпуса, и пошелъ для соединенія со флотомъ, на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ», подъ Кейзеръ флагомъ и съ нимъ «Ростиславъ» и бомбардирскій-корабль «Громъ». Въ портъ Маонъ отправлены съ больными и ранеными корабли «Надежда», «Благополучный», фрегаты: «Сатурнъ», «Венера», «Соломбаръ» и наемное датское судно «св. Іоаннъ».

16 числа весь флотъ пошелъ для налитія прѣсной воды въ портъ Тріо.

19 число, флотъ налился водою и пошелъ для поиску непріятеля.

24 число іюня, вошелъ со флотомъ по сѣверную сторону въ Хіосскій каналъ въ 8 часовъ утра, увидѣли лежащій на якоряхъ турецкій флотъ у небольшаго островка, называемаго Нонси, отъ котораго къ анатолическому берегу, также и отъ берега рифы; и отъ онаго островка стояли къ Зюйду турецкіе корабли въ линію, которая примыкала къ подводному большому камню и казалось, что турецкій флотъ стоялъ въ выгодномъ мѣстѣ; однако нашъ флотъ, презря всѣ опасности и превосходство по числу непріятельскихъ кораблей, которыхъ было отъ 80 до 90 пушекъ шесть, отъ 60 до 70 пушекъ одиннадцать, фрегатовъ по 40 пушекъ два, большихъ галеръ двѣ, шамбекъ о 22 пушкахъ восемь, мелкихъ шамбекъ и прочихъ судовъ считалось до ста; первый построился въ линію батальную въ авангардѣ корабль передовой «Европа», капитанъ Крузъ, на которомъ адмиралъ флагъ свой имѣлъ, «Трехъ Святителей», капитанъ Хметевскій; въ главную боевую линію корабли: «Януарій», капитанъ Борисовъ; «3-хъ Іерарховъ» — капитанъ Грейгъ, на которомъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ Кейзеръ-флагъ имѣлъ, «Ростиславъ» — капитанъ Лупандинъ; аріергардъ: «Нетронь меня»—капитанъ Бѣшенцовъ, «Святославъ» — капитанъ Роксбургъ, на которомъ контръ-адмиралъ Эльфинстонъ флагъ имѣлъ, «Саратовъ» — капитанъ Поливановъ; другая линія была отъ первой въ вѣтрѣ изъ фрегатовъ большихъ и малыхъ до шести; и такъ съ Божіею по-

мощію пошли непріятеля атаковать, и подошедъ на осемьдесять саженъ къ непріятелю, который давно по насъ палилъ, начали съ обѣихъ сторонъ жестокую пальбу; передовой корабль «Европа», по объявленію лоцмана, что впереди близко мель, поворотилъ противъ вѣтра и пошелъ назадъ, чтобъ назади заступить мѣсто. Корабль «Евстафій», на которомъ адмиралъ флагъ свой имѣлъ, а за нимъ я съ своимъ кораблемъ, чтобъ долѣе съ непріятелемъ имѣть дѣло, сдѣлавъ гротъ марсель, подойдя къ непріятелю меньше пистолетнаго выстрѣла, производилъ жестокую пальбу; и какъ разстояніе весьма близкое, то ни одно ядро со всѣхъ дековъ мимо непріятеля не пролетало и непріятеля весьма вредило; вѣтръ сталъ прежняго тише, да и теченіе было къ непріятельскому флоту и такъ насъ сносило. Корабль «Евстафій» съ переднимъ кораблемъ въ 90 пушекъ — Капитанъ-Паши по жестокомъ сраженіи свалился, турецкій корабль загорѣлся, который былъ уже нашими взятъ; нашъ же корабль отвесть было вскорѣ не можно по причинѣ, что якоремъ задѣло за ванту и такъ турецкая мачта упала съ огнемъ на нашъ корабль и оба одинъ за однимъ взорвало съ обѣихъ сторонъ, людей спаслось очень мало. За нѣсколько времени съѣхали адмиралъ Спиридовъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ; по взрывѣ выбросило капитана Круза, мичмана Пущина, штурмана Слизова, которые спаслись на отломкѣ корабля, прочіе всѣ безъ остатку пропали; я же съ моимъ кораблемъ, проходя четыре корабля отъ 80 до 90 пушекъ и большую шембеку, сбилъ одинъ по одному, а приближась къ первому отъ капитанъ паши турецкому кораблю, въ разстояніи не болѣе десяти саженъ, заставилъ непріятеля молчать, такъ что многіе турки побросались въ воду и видя жестокость нашихъ ядеръ, отрубя якорь и одинъ по одному весь отоманскій флотъ взялъ ретировку къ городу Чесмѣ; въ тоже самое время моего сраженія съ непріятелемъ, корабль «Трехъ Іерарховъ», будучи отъ меня въ вѣтрѣ, сдѣлалъ по моему кораблю нѣсколько выстрѣловъ. Хотя въ оное сраженіе отъ каменнаго ядра иверенемъ былъ я въ голову жестоко раненъ, но командовалъ до окончанія баталіи.

Во время сраженія убитыхъ служителей: матрозъ одинъ, каноперъ одинъ, главный артиллеріи бомбандиръ одинъ, армейскій мушкатеръ одинъ, тяжело ранены: мичманъ Суковъ, квартермейстеръ одинъ, матрозовъ 3, полевыхъ солдатовъ 3, бомбардиръ 1, легко раненыхъ: я, штурманы: Журавлевъ, Крыловъ, штыкъ-юнкеръ Радиловъ, матросовъ 8, полевыхъ полковъ мушкатеръ 4, штурманскій ученикъ 1, слесарь 1, всѣхъ убитыхъ и раненыхъ 31 человѣкъ; отъ не-

пріятельскаго флота корабль въ корпусѣ весьма поврежденъ какъ ядрами, такъ и большими каменьями, о которыхъ по званіямъ пробитыхъ мѣстъ я умолчу, а только для памяти пишу то, что гротъ-мачта, бушпритъ въ двухъ мѣстахъ ядрами на вылетъ пробиты; повреждены фокъ и бизань мачты, паруса также всѣ пробиты, а фокъ въ мелкія части.

Такой жестокой баталіи обстоятельно описать не могу, только скажу, что будучи разбитъ весь турецкій флотъ, отрубивъ якоря, бѣжалъ въ великомъ безпорядкѣ къ городу Чесмѣ подъ защищеніе крѣпости въ бухту. Хотя наши корабли и гнались, однако они ушли, по причинѣ близости и потому что мы опасались подводнаго камня; въ бухтѣ-жъ они такъ затѣснились, что другъ друга давили. Нашъ флотъ передъ бухтой легъ на якорь, и турецкой флотъ мы совсѣмъ заперли, которой баталіи при семъ прилагаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

25 числа видно въ чесменской бухтѣ, что большія 90 пушечные турецкіе корабли поставлены къ намъ передовыми и сдѣлали турки на сѣверномъ мысу бухты изъ двадцати-двухъ пушекъ батарею.

Въ одиннадцать часовъ утра нашъ бомбандирскій корабль, подтянувшись въ дистанцію турецкаго флота, началъ бомбардировать, а съ кораблей турецкихъ и батарей отвѣтствовали ему изъ пушекъ ядрами.

26 числа, на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ» сдѣланъ былъ сигналъ: капитанамъ съѣздъ; и по общему совѣту господина-адмирала Спиридова, главнокомандующаго надъ флотомъ графа Орлова, опредѣлено атаковать турецкій флотъ, для чего послать четыре корабля, два фрегата и четыре сдѣланные изъ фелюгъ брандера, подъ командою бригадира и флота капитана Грейга.

Въ двѣнадцатомъ часу корабль «Европа», снявшись съ якоря и подошедъ въ близость къ турецкому флоту, легъ на якорь; тогда со всего турецкаго флота, такъ и съ лежащей у входа въ бухту батареи производилась жестокая пальба.

Въ четверть перваго часа пополуночи съ корабля «Европы» началась безпрерывнымъ огнемъ пальба ядрами, бомбами и брандскугелями, потомъ въ полчаса одинъ за однимъ подошли къ турецкому флоту корабли: «Ростиславъ», «Истронь меня»; фрегаты: «Надежда» и «Африка», и корабль «Саратовъ», положили якори и началась продолжаться жестокая пальба бомбами и брандскугелями; остальные же корабли: «Трехъ Іерарховъ», «Святославъ», «Януарій», «Трехъ Святителей», отдавъ марсели, бы-

ли въ готовности идти на помощь, ежели того нужда требовать будетъ. Въ началѣ втораго часа по полуночи брандскугелемъ зажжена турецкаго корабля стеньга, отчего начало свое взялъ пожаръ и вскорѣ охватило огнемъ мачты и корпусъ корабля и по тѣснотѣ кораблей и другіе одинъ отъ другаго начали загораться; въ то уже время по сигналу пошли зажженные брандеры; точію они своей должности ни одинъ не исполнилъ, иной не доходя турецкихъ кораблей сгорѣлъ, другой сталъ на мель; современи трехъ-четвертей втораго часа до половины девятаго часа утра, корабли одинъ отъ одного сгорали и взорвалось кораблей, фрегатовъ и шамбекъ двадцать; въ то же время выведенъ нашими шлюпками турецкій корабль въ шестьдесятъ пушекъ, называемый «Родосъ», пять галеръ и множество шлюпокъ и барказовъ сорокъ-восемь-весельныхъ, въ ходу легкихъ и украшенныхъ; по объявленію жь плѣнныхъ турокъ, а также мальтійцевъ и венеціанъ, кромѣ военныхъ сгорѣло и другихъ судовъ великое множество, а гребныхъ того больше, людей побитыхъ и потопшихъ отъ взорванія кораблей и убитыхъ ядрами на берегу до трехъ тысячъ человѣкъ.

Турецкіе корабли на ходу весьма легки, кормы имѣютъ высокія, украшены рѣзьбою и хорошими красками и золотомъ, и по большой части употребляютъ краски зеленыя, внутри же кораблей чистоты не имѣютъ и около себя неопрятны. Артилерія неисправна, имѣетъ многія недостатки, палятъ не часто и не горизонтально и больше бьютъ по стеньгамъ, нежели въ корпусъ корабля; марсели имѣютъ объ одномъ рифѣ, брамсели не у всѣхъ, лисели одни верхнія, весьма малы; для буксированія же корабля въ штили, почти каждый имѣетъ при себѣ полугалеру; шамбеки корпусъ и крѣпость имѣютъ фрегатовъ трехъмачтовыхъ со многими веслами и однимъ верхнимъ ярусомъ пушекъ, а на низу имѣютъ двадцати-четырехъ фунтовыя пушки. О сожженіи всего турецкаго флота при семъ пріобщаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

24, 25, 26, 27, 28 числъ исправлялъ, стоя на якорѣ у Чесменской бухты, свой корабль, снасти негодныя перемѣнялъ, которыхъ, какъ и прежде писано, перебито было множество, также и пробитыя ядрами и большими каменьями мѣста корпуса корабля плотничной работой исправлялись

29 числа отъ многочисленнаго какъ на берегу, такъ и въ Чесменской бухтѣ, при сгорѣніи непріятельскаго флота, непріятелей побитыхъ и утопшихъ сдѣлался духъ и убѣгая, чтобъ не

учинилось отъ того въ нашихъ людяхъ заразы, 29 числа весь флотъ снялся съ якоря; оставя мѣсто баталіи неслыханной въ свѣтѣ, отошли мы прочь и за противнымъ вѣтромъ при концѣ Хіосскаго канала легли на якорь, у острова Спарматори.

4 числа корабль контръ-адмирала Эльфинстона съ своею эскадрою пошелъ отъ флота на опредѣленный ему постъ къ Дарданелламъ, по причинѣ, что за великимъ теченіемъ къ сѣверу вылавировать не могъ.

5 число. Снялся весь флотъ, пошли къ Норду. Аглицкій военный фрегатъ и пришедшіе съ Эльфинстономъ аглицкіе два транспортныхъ судна, пошли отъ флота къ югу.

15 числа корабли и прочія суда вошли отъ острова Лемноса въ Порто Мудро и положили якори.

16 числа. Пріѣзжали изъ крѣпости Литоди къ графу Алексѣю Григорьевичу Орлову турецкіе комендантъ и другіе старшины, которые тотъ же день обратно поѣхали. Оной гавани пріобщаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

Іюля 17 числа посланъ я съ порученнымъ мнѣ кораблемъ «Трехъ Святителей», да корабль «Ростиславъ» въ крейсерство между Лемноса и Аѳонской горы на видъ крѣпости Литоди, чтобъ оную содержать въ блокадѣ.

20 число увидѣли мы, что южнѣе крѣпости Литоди въ бухтѣ наши корабли и призовыя суда лежатъ на якоряхъ, для чего корабль «Ростиславъ» и я съ своимъ кораблемъ, подошедъ въ близость оныхъ въ бухту, легли на якорь.

21 число бомбандирскій корабль, пришедъ подъ крѣпость въ близость, легъ на якорь.

Того же числа, какъ съ порученнаго мнѣ корабля всѣхъ морскихъ русскихъ сухопутныхъ и главной артилеріи солдатъ съ ихъ офицерами, всего сто одинъ человѣкъ, единороги и корабельную двадцати-четырехъ фунтовую пушку съ снарядами, свезли на островъ подъ крѣпость Литодію въ десантъ, также и съ прочихъ кораблей: «Трехъ Іерарховъ», «Европы», «Януарія», «Ростислава», также артилерію и служителей, 650 албанцевъ, славянъ 1,200 человѣкъ, которые на островъ вышедъ, стали лагеремъ и сдѣлали четыре батареи для разбитія крѣпостныхъ стѣнъ.

22 числа. Съ бомбандирскаго корабля начали бросать въ крѣпость бомбы.

23. Изъ сдѣланныхъ нами четырехъ батарей, началась пальба въ крѣпость, изъ крѣпости какъ по бомбандирскому кораб-

лю, такъ и по сдѣланнымъ нашимъ батареямъ палили изъ пушекъ, а по ночамъ турки съ крѣпости съ албанцами почти всегда имѣли ружейную перестрѣлку какъ съ крѣпости, такъ и съ батарей. Заливу, гдѣ лежали на якоряхъ корабли, при семъ пріобщаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

(Приписано авторомъ въ послѣдствіи.) Послѣ узнали, что въ крѣпости всякаго званія людей, которые могли ружьемъ владѣть, не больше было двухъ сотъ человѣкъ, которой военной крѣпости комендантъ былъ Гассанъ Ага; у меня, 1773 года, нѣсколько времени, пріѣзжая отъ капитанъ паши, жилъ, сказывалъ: ежели бъ мы не поторопились атакою крѣпости, то бы безо всего крѣпость отдали; провіанту въ ней было весьма мало, напослѣдокъ сдѣлался голодъ.

5 числа августа сдѣлана была атака крѣпости ночью, другая фальшивая на шлюпкахъ и фелюгахъ подлѣ берегу матрозами, чтобъ осажденные турки подумали, что мы съ ихъ десантомъ дѣло имѣемъ, а тѣмъ ихъ выманить къ вылазкѣ для вспоможенія сикурсу; но по нашему желанію такъ не сдѣлалось, турки не обманулись и приняли нашихъ вошедшихъ въ бреши крѣпости албанцевъ съ военною осторожностію, къ тому же и свѣтать уже начало, потому они отступили; а другіе не успѣли уйдти, спасли жизнь свою лежа во весь день подъ крѣпостью за каменьями. Въ бытность мою въ Лемносѣ, виноватыхъ два человѣка грековъ, по конфирмаціи графа Алексѣя Григорьевича Орлова, разстрѣляны, одинъ въ тотъ же день погребенъ, а другой былъ повѣшенъ, и черезъ двои сутки, погребенъ же.

Островъ Лемносъ гористый и верхи горъ острые, лѣсу почти нѣтъ, а хотя немного и есть и тотъ мелкій, хлѣбомъ и скотомъ изобиленъ, винограду и арбузовъ довольное число, такъ что всѣмъ онымъ довольствовались кто сколько хотѣлъ, да и мяса служителямъ было раздавано по полтора фунта въ день.

18 числа августа велѣно идти съ порученнымъ мнѣ кораблемъ, для дѣланія гротъ мачты, бушприта и всѣхъ перебитыхъ реевъ и прочаго, въ островъ Тасо; тогожь числа и пошелъ, да вмѣстѣ со мной Рагузинской фрегатъ со пшеницею.

20 числа пришелъ къ острову Тасо и между онымъ и Анатоліей по сѣверную его сторону нашелъ лежащихъ на якорѣ фрегаты Надежду, св. Николай, пинку св. Павелъ и по близости оныхъ легъ на якорь.

21 числа вступилъ въ работу, пригналъ шлюпками съ восточной стороны острова, гдѣ изъ лѣса на берегъ вывозились мачтовыя и прочія деревья, лежащія отъ насъ верстахъ въ

десяти; на берегу учреждено маленькое адмиралтейство, по удобности мѣстъ, въ которомъ находилось строеніе мачтъ, стеньговъ и реевъ, сдѣланажь кузница подъ тѣнью большаго орѣховаго дерева, горнъ состоялъ изъ гробу мраморнаго, шесть печей для печенія сухарей и для служителей хлѣбовъ, прекрасная баня и все оное изъ бѣлаго мрамора, по близости протекающаго чистаго источника; сдѣлали также верфь.

Островъ Тасо лежитъ по близости береговъ Романи, собою не великъ и весь въ каменистыхъ высокихъ и острыхъ горахъ, на которыхъ произрастаетъ изобильно разнаго роду лѣсовъ, особливо сосна; чѣмъ дерево ростетъ на горѣ или самомъ хребтѣ выше, тѣмъ оно сучьями чаще и длиннѣе, такъ что бываетъ по сту по десяти и по сту пятнадцати футъ; по горамъ ростетъ дубъ, сосна, ель, платанъ, винное дерево, а у подошвы горъ на ровныхъ и тучной землѣ мѣстахъ множество оливковыхъ и греческій орѣшникъ.

Оной же островъ изобилуетъ, для живущихъ на немъ грековъ, въ низменныхъ и равныхъ мѣстахъ, по тучной землѣ, уродомъ хлѣба, только онаго сѣютъ мало, а получаютъ по большей части изъ Романи; сами же продаютъ или въ другія мѣста отвозятъ масло деревянное, которое дѣлаютъ въ декабрѣ мѣсяцѣ; медъ, воскъ, котораго съ великимъ изобиліемъ родится, и для того трудной работы не имѣютъ и къ тому же не привыкли; а земля такъ хороша и плодородна, что въ рѣдкости такую и въ ихъ мѣстахъ найдти; также и великое множество всякого скота; изобиленъ разныхъ родовъ рыбою.

Гдѣ стоялъ я въ бухтѣ съ своимъ кораблемъ, то на мысѣ острова видимы еще великаго и по высокости горъ неприступнаго древняго греческаго города развалины, который весь строенъ былъ изъ мрамора и окруженъ многими стѣнами, въ которыя кладены тесаныя немалой величины каменья; да то бы и не удивительно, его на острову много, такъ что горы всѣ мраморные, только то примѣчанія достойно, что по такой крутости, такъ великія каменья на высоту втаскивали, куда порожнему легкому человѣку съ нуждою взойдти можно; гдѣ же былъ форштатъ, мѣсто ровное и натурою украшенное, по всему ровному мѣсту оливковыя и орѣховыя и другія хорошія деревья, черезъ то представляется больше садомъ, а не дикимъ лѣсомъ и доынѣ еще во многихъ мѣстахъ находятся, по обыкновенію, древности: гробницы съ крышками, на фундаментѣ не малой величины, высѣченныя изъ бѣлаго мрамора; подлѣ города башня и гавань, окруженная стѣнами изъ мрамора, съ которой наружную

часть волненіемъ сбило. Мѣста плодородныя и собою прекрасныя, деревни обыкновенно каменныя, есть домы хорошіе съ регулярными садами; скота же по берегу видно множество. Островъ Тасо и съ берегомъ Романи города Ковалло, по нѣкоторой части съ промѣромъ глубины, при семъ пріобщаю планъ.

Переводъ съ письма, писаннаго вообще отъ всѣхъ европейскихъ консуловъ, пребывающихъ въ Смирнѣ, отъ 21 іюля, поданнаго депутатами консуловъ, 25 іюля (5 августа) 1770 года.

Великодушіе, съ какимъ ваше сіятельство поступили съ великимъ числомъ турецкихъ плѣнниковъ, находящихся въ вашей власти, возвратя имъ столь щедро ихъ свободу, привлекло какъ съ вашей стороны, такъ и отъ непріятеля удивленіе и почитаніе, каковое подобные поступки исторгаютъ отъ самихъ варваровъ. Кандійскій Янычаръ-Ага, находившійся въ числѣ плѣнниковъ, вѣрно исполнилъ возложенную отъ вашего сіятельства на него коммиссію къ правительству сего города, и взялъ на себя попеченіе отдать вамъ въ томъ отчетъ; исправное извѣстіе, сдѣланное имъ здѣсь обо всемъ, что вы ему ввѣрить изволили, произвело столь сильное дѣйствіе на здѣшнихъ начальниковъ, что они тотчасъ заставили насъ отправить къ вашему сіятельству общую депутацію, чтобъ дать вамъ наиподробнѣйшее увѣдомленіе о смятеніи, происшедшемъ здѣсь отъ вѣдомости о конечномъ истребленіи отомавскаго флота. Сущая правда, милостивый государь, что 8 сего мѣсяца народъ и войско сего города въ первомъ движеніи бѣшенства и отчаянія, произведенномъ въ нихъ оскорбительною сею вѣдомостью, напали на всѣхъ грековъ, которыхъ нашли по улицамъ и изрубили нарочитое число, изъ оныхъ два европейца были равномѣрно жертвою ярости необузданной сей черни. Совершенный безпорядокъ, произведенный въ городѣ симъ возмущеніемъ, привелъ въ ужасъ всѣхъ европейцевъ; большая часть нашихъ единоземцовъ искали убѣжища въ корабляхъ, другіе заклались въ своихъ домахъ, коммерція была совершенно пресѣчена, лавки и домы заперты и состояніе, въ которое сей городъ былъ ввerженъ въ одно мгновеніе, было наиживѣйшее изображеніе опустошенія; но сіе подлинно, что начальники правленія не имѣли никакого участія во всѣхъ сихъ наглостяхъ, сила истины заставляетъ насъ въ томъ признаться и мы должны въ семъ случаѣ отдать справедливость доброму ихъ поведенію: они трудились не токмо съ ревностію и осторожностію, но и съ самою опасностію жизни о возстановленіи

тишины и спокойствія, и безпрестанно стремились подать европейскимъ націямъ возможное покровительство и заступленіе по силѣ ихъ трактатовъ съ Портою, и мы кромѣ похвалы не можемъ ничего сказать о ихъ въ разсужденіи насъ намѣреніяхъ; еслижъ ихъ поступки невсегда онымъ соотвѣтствовали, мы сего къ иному причесть не можемъ, какъ къ слабости ихъ начальства, которое едва имѣло только тѣнь власти надъ распутнымъ войскомъ, своенравіе котораго они иногда сносить принуждены были.

Нѣсколько уже тому дней, милостивый государь, какъ тишина кажется возстановлена, коммерція начала воспринимать свое дѣйствіе, и довѣренность начала паки возобновляться между гражданами; между тѣмъ европейскія націи всегда въ равной опасности и въ равной неизвѣстности: страхъ показанія флота, предводительствуемаго вашимъ сіятельствомъ, влагаетъ въ нихъ наисправедливѣйшій трепетъ; несомнительно, что страшная сія минута будетъ виновою (*виною*) кровопролитія и грабительства тысячи подданныхъ нашихъ государей и совершеннѣйшаго опровержения ихъ коммерціи. Сія ужасная крайность рѣшила насъ уполномочить депутатовъ нашихъ націй представить вашему сіятельству опасность нашего состоянія: мы покорнѣйше просимъ васъ удостоить ихъ милостивымъ вашимъ пріятіемъ; мы осмѣливаемся ласкать себя, что разныя уваженія, составляющія предметъ ихъ депутаціи, будутъ довольно убѣдительны, что отклонять васъ отъ предпріятія обратить побѣдоносныя оружія Ея Величества отъ купеческаго города, который долженъ быть меньше почтенъ мѣстомъ непріятельскимъ, нежели колоніею, основанною разными нейтральными державами, коихъ коммерціи сія великая Государыня конечно не восхощетъ разорить, ни жертвовать ихъ подданныхъ. Судьба наша въ рукахъ вашего сіятельства и участіе, которое, какъ казалось намъ, вы своими поступками принять въ томъ изволили, довольно удобны успокоить насъ въ разсужденіи вашихъ распоряженій.

Начальники правленія ожидаютъ, милостивый государь, отъ сдѣланнаго нами вамъ засвидѣтельствованія о ихъ поведеніи, освобожденія прочихъ ихъ невольниковъ, коихъ ваше сіятельство удержать изволили, въ залогъ ихъ поступковъ; хотя мы въ разсужденіи сего ничѣмъ не обязаны, но если ходатайство наше удостоено будетъ какого либо отъ вашего сіятельства уваженія и вы захотите увѣнчать ваше великодушіе, освободя сихъ невольниковъ, то сей новый знакъ вашего милосердія не меньше принесетъ вамъ чести, какъ и самая побѣда, а тѣмъ самымъ

дадите намъ предъ глазами турокъ заслугу, которая неописанно будетъ способствовать къ утвержденію нашего спокойствія.

Мы пребываемъ съ глубочайшимъ почтеніемъ,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшіе и послушнѣйшіе слуги.

Переводъ съ письма Сеидъ Ганана Янычарскаго Аги Кандіи изъ Смирны іюля 21 дня 1770 года.

Примѣръ вельможъ, исповѣдающихъ законъ Мессіи, нашъ высокопочтеннѣйшій и знаменитѣйшій другъ фельдмаршалъ и главный повелитель морскихъ силъ Имперіи Россійской, исполня предъ тобою должность дружества, извѣщаетъ тебя, что по счастливомъ нашемъ прибытіи въ Смирну, слѣдуя намѣреніямъ твоимъ, сообщили мы какъ правящему сею землею судьѣ, такъ и другимъ начальникамъ, купно собраннымъ, все что ты намъ поручилъ имъ изустно объявить, на что они единогласно отвѣтствовали, что законъ нашъ воспрещаетъ предавать смерти райя, платящаго дань, но напротивъ того повелѣваетъ стараться о его сохраненіи и защищеніи и вступаться за честь его имени, такъ какъ за свое собственное; что по слѣдствію тѣхъ же самыхъ правилъ дѣлаетъ достодолжныя уваженія разнымъ Европейскимъ консуламъ, учрежденнымъ какъ въ семъ городѣ, такъ и во окрестныхъ къ нему принадлежащихъ, такъ какъ находящимся подъ особливымъ покровительствомъ сильнѣйшаго и великолѣпнѣйшаго императора салтана мусульмановъ, коего калифствованіе да продолжитъ Богъ до дня своего пришествія. Но городъ Смирна будучи знатнѣйшимъ мѣстомъ въ Анатоліи, при первомъ слухѣ плачевной вѣдомости, которая разгласилась въ воскресный день, великая толпа народа сбѣжавшаяся изъ окрестныхъ мѣстъ, возбудила смятеніе между жителями, въ коемъ погибли многіе райи. Въ семъ кровопролитіи, осужденномъ нашимъ закономъ, повелѣно заповѣдью магометовою, что если убійцы впадутъ въ руки правосудія и наслѣдники убіенныхъ востребуютъ удовлетворенія, то да претерпятъ тѣ убійцы казнь возмездія; нынѣ все успокоено, общая безопасность возстановлена.

Вотъ единомысленный отвѣтъ на то, что ты намъ препоручилъ съ твоей стороны объявить и о чемъ обѣщали мы дать тебѣ подробное увѣдомленіе.

Сеидъ Гананъ слуга Божій, Янычаръ-Ага Кандійскій подписалъ своеручно.

Переводъ письма отъ находящагося въ Смирнѣ прусскаго консула Арнольда Віелинга, къ его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, изъ Смирны отъ 21 числа іюля, по новому штилю, 1770 года.

Я имѣю честь сослаться на то общее письмо, каковое всѣ находящіеся въ здѣшнемъ мѣстѣ консулы и проконсулы отправляютъ къ вашему сіятельству съ депутаціею, дабы представить ту опасность, въ которой мы находимся, не упоминая о печальныхъ приключеніяхъ, каковы послѣдовать могутъ, какъ скоро окажется здѣсь Россійскій флотъ; я пріемлю смѣлость всенижайше просить ваше сіятельство не причинять крайняго раззоренія домамъ и фамиліямъ нашимъ, и повторить мою просьбу объ освобожденіи военноплѣнныхъ, находящихся при флотѣ, состоящемъ подъ командою вашего сіятельства, ибо надежда нашего спокойства единственно зависитъ отъ великодушія, которымъ вы одарены; а сія столь великая и особливая милость умножитъ усердныя наши желанія о сохраненіи вашего благополучія.

Я имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Переводъ.

Чрезъ сей нашъ письменный согласный листъ отъ усердія изъявляемъ нижеслѣдующее: Понеже Всемогущій Богъ во дни наши благоволилъ возсіяти въ Архипелагѣ непобѣдимому честнаго и животворящаго Креста оружію, то есть Богохранимому и побѣждающему враги российскому флагу, который безъ остатка сожегши и въ пепелъ развѣявъ весь турецкаго султана флотъ противъ острова Скіо, освобожденнымъ Божіею помощію оставилъ теперь несчастливый Архипелагъ отъ порабощенія тиранскаго и нынѣ премудрою руководительною силою Всемилостивѣйшей нашей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны всея Россіи и героическимъ предводительствомъ какъ сіятельнѣйшаго графа и уполномоченнаго генерала Алексѣя Григорьевича Орлова, такъ и неустрашимаго храбростію высокопревосходительнаго господина адмирала и кавалера Григорья Андреевича Спиридова и прочихъ господъ командирующихъ, процвѣтаетъ въономъ благочестіе.

Того ради и мы во окружности островов находящіеся смиренные архіереи, не только сами себя всеедушно и чистосердечно посвящаемъ Самодержавнѣйшему нашей Государыни Величеству, но и ввѣренную намъ отъ Бога паству, то есть всѣхъ греческаго исповѣданія благочестивыхъ христіанъ, съ благими

надеждами препоручаемъ въ покровительное защищеніе крылъ ея и клятвою утверждая, обѣщаемся предъ Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ по православной нашей вѣрѣ и архіерейскому достоинству, не точію что нынѣ есмы, но и впредь быти до послѣдняго нашего издыханія во всемъ томъ, что будетъ касаться къ пользѣ государственной вѣрнѣйшими и въ повелѣніяхъ уполномоченнаго генерала сіятельнѣйшаго графа и высокопревосходительнаго господина адмирала и прочихъ опредѣленныхъ главныхъ командировъ готовнѣйшими.

Слезно убо просимъ Вашего Императорскаго Величества принять въ вѣчное защищеніе и покровительство несчастливый Архипелагъ, при которомъ повелѣть и намъ быть подъ правительствомъ святѣйшаго всероссійскаго Сѵнода, ибо мы всю нашу по Бозѣ надежду на самодержавную Россійскую Имперію и на ея силу возложили; въ доказательство чего отъ самопроизвольнаго нашего усердія всѣ своеручно и подписуемся. 1771 года февраля 13 дня, въ Архипелагѣ.

Смиренный Анѳимъ митрополитъ Паронаксійскій.
Смиренный Гавріилъ архіепископъ Сандоринскій.
Смиренный Григорій архіепископъ Дзинскій.
Смиренный Іоасафъ архіепископъ Андросскій.
Преосвященнаго Мелетія архіепископа тинскаго намѣстникъ іеромонахъ Аѳонасій.

6 числа сентября извѣстились отъ грековъ, что корабль 80 пушечный «Святославъ», на которомъ свой имѣлъ флагъ контръ-адмиралъ Эльфинстонъ, поставленъ на мель на банку, которая лежитъ отъ Лимноса къ востоку, и оный корабль стоя на мели нѣсколько дней, неизвѣстно кѣмъ зажженъ; хотя не очень далеко стоялъ нашъ на якорѣ корабль «Саратовъ» и другіе суда, съ корабля, кромѣ людей, ничего почти не спасено: артилерія съ снарядами, такелажъ, провіантъ, мундирныя и амуничныя вещи, вмѣстѣ съ корпусомъ корабля, пропали безъ остатка. Контръ-адмиралъ Эльфинстонъ, поднявъ свой флагъ на кораблѣ «Негронь меня», ушелъ къ Лимносу, въ бухту къ крѣпости Литоди, которая содержана въ атакѣ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ.

25 сентября перевезенъ изъ Дарданелъ турецкій десантъ на островъ Лимносъ, на двадцати двухъ судахъ въ конвоѣ нѣсколькихъ галеръ и полугалеръ; десантъ имѣлъ до семи сотъ человѣкъ. Осажденный турецкій гарнизонъ и горожане въ то время почти уже сдѣлали капитуляцію о сдачѣ крѣпости съ его сіятельствомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, и послано уже отъ его

сіятельства описывать и принимать въ крѣпости артиллерію, цейгхаузъ и прочее; на крѣпости же три дня выставляемъ былъ бѣлой флагъ, и чрезъ сутки въ крѣпость для караула введены былибъ наши солдаты; но нечаянный турецкій сикурсъ принудилъ оставить крѣпость въ прежнюю власть туркамъ, а съ батарей нашихъ снять пушки на суда; солдаты и албанцы отошли въ Порто-Мудро, гдѣ стояли корабли; солдаты взяты были на корабли, оставя нѣсколько въ сдѣланномъ редутѣ; турецкой десантъ, бывъ въ крѣпости Лѵтоди, на другой день пришелъ для нападенія въ Порто-Мудро, напалъ ночью на стоящихъ въ греческой деревнѣ албанцовъ и славянъ, которые отъ нечаяннаго нападенія ретировались къ редуту; но когда узнали о приходѣ турковъ, свезены съ кораблей солдаты и албанцы остальные, турокъ прогнали съ великимъ урономъ, такъ что кромѣ раненыхъ, которыхъ они съ собой увели, на мѣстѣ побито со стошестьдесятъ человѣкъ; съ нашей же стороны албанцевъ и славянъ упадокъ весьма малъ, а русскихъ солдатъ и почитать не можно. По прогнаніи турецкаго десанта солдаты на корабли, албанцы и словяне на свои суда, посажены безъ остатка; тотъ день много отъ турокъ порублено бѣдныхъ грековъ, нещадя жонъ ни малыхъ дѣтей.

Октября 3 дня графъ Алексѣй Григорьевичъ на «Трехъ Іерархахъ», графъ Ѳедоръ Григорьевичъ на «Ростиславѣ», корабль плѣнный «Родосъ», бомбандирскій «Громъ», нѣсколько купленныхъ фрегатовъ и взятыхъ въ призъ Рагузинскихъ 3-мачтовыхъ судовъ, вышли изъ Порто-Мудро.

Турецкія суда высадя въ Лимносъ турецкій десантъ, обратно въ Дарданелы, за крѣпостію вѣтра, не попали, а разбросало оныя по разнымъ мѣстамъ, какъ по разнымъ слухамъ увѣдомился я, что въ городъ Ковалло турецкихъ албанцовъ пришло до пяти тысячъ человѣкъ, да три галеры, которыя прикрывали десантъ, то нужно мнѣ было все оное осмотрѣть и узнать точнѣе; пошелъ я къ оному городу на полугалерѣ; пришедъ къ городу, увидѣли по городу и по стѣнамъ народу великое множество; съ крѣпостей по насъ палили, но мы шли на греблѣ не такъ близко, то и ядры до насъ не доставали; и прошедъ городъ увидѣлъ гавань, въ которой стоятъ одно французское судно и двѣ галеры, и одна полугалера, три соколевы, и вдругъ съ великою скоростію галеры и полугалера, и еще о многихъ веслахъ барказъ, съ великимъ числомъ людей, погнались за мной и гнавшись верстъ съ пять, сдѣлавъ великую изъ пушекъ пальбу, поворотились назадъ въ городъ Ковалло.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, со всѣми судами, пришелъ между острововъ Накси и Пароса, легъ на якорь и вскорѣ, отпустя плѣнный корабль «Родосъ» для починки въ итальянскіе порты, самъ съ остальными пошелъ въ портъ Аузу; простоявъ въ портѣ до 11 числа ноября, пошелъ со всѣми въ Ливорну.

(Далѣе Хм. помѣщаетъ реэстръ починкамъ, произведеннымъ на его кораблѣ «изъ лѣсу острова Тасо» и говоритъ, что другіе корабли также были хорошо исправлены, потому что этотъ островъ обиленъ лѣсомъ).

Ноября 25 число флотъ весь пошелъ изъ Тасо и по выходѣ контръ адміралъ Эльфинстонъ съ своей эскадрой пошелъ мимо Лимноса къ Востоку.

Декабря 2 числа пришли «Европа», «Януарій», «Трехъ Святителей», пакетботъ на Миконскій рейдъ.

4 число вышли изъ Миконы и пришли въ портъ Аузу, гдѣ нашли стоящихъ кораблей Эльфинстона съ эскадрой, да пришедшаго изъ порта Маона контръ адмирала Ельманова, на фрегатѣ «Надеждѣ Благополучія», съ пинкой Сатурной.

Въ 10 день декабря корабль «Саратовъ» и фрегатъ «Африка» пошли въ крейсерство къ Анатоліи къ острову Патмосу.

24 день декабря, контръ адміралъ Арфъ пришелъ съ эскадрою въ портъ Аузу.

(Слѣдуетъ списокъ офицеровъ десантнаго отряда).

Теченіе въ Архипелагѣ во всякомъ мѣстѣ есть, только необыкновенное по близости Дарданелъ, больше другихъ. Лѣто въ Архипелагѣ жаркое и почти не имѣетъ вѣтровъ, развѣ маленькими полосками находитъ по началѣ; росы велики, такъ что землю напоютъ какъ бы большимъ дождемъ и дѣлаютъ холодъ; осень началась съ ноября мѣсяца, бываютъ вѣтры, дожди, громъ и молнія, противу лѣтняго чаще; только крѣпкій вѣтеръ не долѣе можетъ быть трехъ сутокъ; шквалы находятъ чрезвычайно крѣпкіе съ снѣгомъ и съ пылью воды.

А порту Аузѣ, съ гаванью, съ промѣромъ глубинъ и съ положеніемъ подводныхъ каменьевъ, сдѣланнымъ батареямъ, адмиралтейству и поставленнымъ лагерямъ пріобщаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

Во весь 1770 годъ взято въ полонъ Рагузинскихъ трехъмачтовыхъ фрегатовъ (*) со всѣмъ ихъ грузомъ, люди отпущены съ экипажемъ на одномъ суднѣ въ Рагузу, а суда причислены ко флоту; призовыхъ французскихъ, англійскихъ, идущихъ съ турецкими товарами и съ хозяевами, товару изъ Туниса, Алжира, Александріи, Смирны, Солоники и другихъ мѣстъ множе—

(*) (Оставленъ пробѣлъ для цифры.)

ство; товары, турки и арабы взяты, а корабельщикамъ судовъ заплачено за провозъ и за простой, что по договору слѣдуетъ, и отпущены они съ честію; греческихъ и фелюгъ также взято много, идущихъ изъ турецкихъ мѣстъ со пшеномъ сорочинскимъ, со пшеницею и съ прочимъ: когда съ турецкимъ, то взяты товары и съ судами, отпустя грековъ; ежелижъ товаръ хотя и греческій, а везутъ въ турецкія мѣста, то взявъ товары, отпущали грековъ съ судами безденежно.

На всѣхъ островахъ Архипелага въ хоромномъ лѣсѣ имѣютъ недостатокъ, и такъ строеніе имѣютъ каменное изъ мрамора или простой плиты, потолокъ настилаютъ на переклады камышемъ и насыпаютъ землей, такой же и полъ, не у многихъ полы имѣются деревянные; есть же нѣкоторые домы, въ которыхъ подъ строеніемъ имѣютъ *цистерну* высѣченную изъ камня: въ осеннее и зимнее время дождей падаетъ изобильно на домъ, и оттуда сдѣланы сверху внизъ трубы и оная дождевая вода въ *цистерну* наливается и довольствуетъ домы нѣсколько лѣтъ; онаяжь вода несравненно добротою лутче всѣхъ натуральныхъ водъ, по причинѣ, что натуральныя протекаютъ по разнымъ каменьямъ и бываютъ нездоровы, а оная чиста, сладка, холодна и легка, и берутъ какъ изъ колодезя.

На корабляхъ умножились мыши и дѣлали провіанту ущербъ, а бочки съ водой и съ прочимъ, прогрызя, выпущали; паруса, сукны, холстъ потомужь перепортили, да и трюмъ, по долговременности, не порядоченъ былъ; для всѣхъ тѣхъ надобностей, корабли разгружали и въ порядочный грузъ привели; я свой корабль выгружалъ и по выгрузкѣ, не имѣя въ трюмѣ воды, мышей ловили, зарывая котлы съ водой въ баластъ, то каждую ночь въ котелъ попадало около ста мышей.

Во всемъ Архипелагѣ острова и берега Романи и Анатоліи, каменныя, имѣютъ гористыя высокія мѣста и не во всѣхъ мѣстахъ водою довольны; пашня бываетъ или на низкихъ, или между горъ въ долинахъ; сѣвъ начинается: пшеницы въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, поспѣваетъ въ маіѣ въ исходѣ; ячмень сѣютъ не въ одно время, кто ранѣе пашетъ, тотъ ранѣе и сожнетъ; уродъ оному хлѣбъ бываетъ: въ плодородный годъ, пшеница въ 12, ячмень въ 10 разъ, въ худой уродъ въ полы родитъ; въ Мореѣ же, въ Анатоліи и Романи, по равности и по тучности земли, родится гораздо лучше; сѣютъ же еще бобы мелкіе въ декабрѣ и январѣ, поспѣваютъ въ апрѣлѣ; большіе бобы и горохъ сѣютъ въ апрѣлѣ, поспѣваютъ въ августѣ. Ленъ по мѣстамъ изрядно родится, хлопчатая бумага сѣется

апрѣля въ исходѣ, поспѣваетъ въ сентябрѣ; виноградъ, арбузы, дыни, которыхъ весьма изобильно, поспѣваютъ въ іюлѣ. Скотъ и птицы питаются сами собой, только въ лѣтнее время, отъ жаровъ трава засыхаетъ; дождя бываетъ мало или и ничего, а съ августа мѣсяца по ночамъ бываютъ великіе росы.

Островамъ: Миконѣ, Патмосу и Самосу карты, гдѣ стоять можно кораблямъ на якорѣ, съ промѣромъ глубинъ и съ положеніемъ мѣстъ, при семъ представляются.

(Слѣдуютъ карты.)

III.

1771.

Награды за Чесменскую битву. — Рескрипты графу А. Г. Орлову и адмиралу Спиридову. — Списокъ острововъ, отдавшихся подъ покровительство Россіи. — Островъ Антипаросъ и обозрѣніе Антипаросской пещеры. — Высадка на островъ Негропонтъ. — Осада Тенедосской крѣпости. — Высадка на Маскопійскіе острова. — Высадка на островъ Метелину, сожженіе турецкихъ кораблей. — Битва фрегатовъ Архипелагъ и Сантарино. — Нравы архипелажскихъ грековъ.

Въ 1 день января фрегатъ «Сѣверный Орелъ», на который пересѣлъ господинъ контръ адмиралъ Эльфинстонъ, пошелъ въ Ливорну.

Въ 10 число января пошли въ крейсерство корабли «Георгій Побѣдоносецъ» и «Азія».

Въ 6 число марта корабль «Всеволодъ», на которомъ командиръ капитанъ и бригадиръ Базбалъ, пришелъ въ портъ Аузу и съ нимъ четыре транспортныхъ судовъ.

13 число марта фрегатъ «Сѣверный Орелъ» пришелъ изъ Ливорны и привезъ господину адмиралу Спиридову орденъ Андрея Первозваннаго; также извѣстіе, что тысячу-четыреста душъ Государыня пожаловать емужь соизволила; графамъ Алексѣю Григорьевичу Орлову Георгіевскій перваго класса, Ѳедору Григорьевичу, контръ адмиралу Грейгу, втораго класса и послѣднему двадцать тысячъ, князю Долгорукову и Ганнибалу ордена Георгіевскіе третьяго класса.

А какіе именно Ея Величества присланные указы при семъ вношу оригиналомъ.

Божіею милостію Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Генералу Графу Алексѣю Орлову.

Великое было удовольствіе наше, когда изъ Мальты отъ Маркиза Кавалькабо получили Мы вѣрное извѣстіе о знатномъ на морѣ бою, подъ предводительствомъ вашимъ, но наивящше умножилося оное, когда чрезъ нѣсколько дней доставлена въ руки Наши чрезъ курьера изъ Ливорны отъ кавалера Дика, туда привезенная Лейбъ Гвардіи Маіоромъ Княземъ Юрьемъ Долгоруковымъ, нынѣ тамъ въ карантинѣ находящимся, реляція, пущенная вами отъ 28 іюня сего года, которой вы Насъ увѣдомляете о совершеннѣйшей вамъ не токмо Богомъ дарованной побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ, но еще о совершенномъ истребленіи огнемъ всей турецкой морской силы вамъ супротиву стоявшей въ числѣ около ста судовъ, коихъ 16 большихъ военныхъ кораблей было отъ 90 до 60 пушечныхъ, тогда когда вы не болѣе девяти имѣли въ лицѣ непріятеля.

Принося въ началѣ Богу Всемогущему достодолжное благодареніе за столь многія Его милосердія къ намъ и Имперіи, вамъ въ отвѣтъ имѣемъ сказать, что сіе въ рѣдкихъ вѣкахъ едва случившееся происшествіе службы, новымъ доказательствомъ, что побѣждаетъ не число, но и единственно мужество и храбрость. Гдѣ же тому болѣе искать очевидныхъ примѣровъ, какъ не въ нынѣшнемъ году, которые Россійскими войсками оказаны. Нашъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцовъ 21 Іюля, при рѣкѣ Кагулѣ съ 17,000 разбилъ и въ совершенный бѣгъ обратилъ за берега Дунайскіе 150,000 Турецкой сволочи. Ваша побѣда съ девятью кораблями надъ великимъ множествомъ непріятельскихъ при Чесмѣ 24 іюня возбуждаетъ страхъ равномѣрный и непріятелямъ и ненавистникамъ нашимъ и отъ морскихъ россійскихъ силъ, кои по сю пору еще удержаны были наказать враговъ Имперіи; но блистая въ свѣтѣ не мнимымъ блескомъ, флотъ нашъ подъ разумнымъ и смѣлымъ предводительствомъ вашимъ нанесъ сей разъ наичувствительнѣйшій ударъ Отоманской гордости. Весь свѣтъ, отдавъ вамъ справедливость, что сія побѣда вамъ пріобрѣла отмѣнную славу и честь, лаврами покрыты вы, лаврами покрыта и вся находящаяся при васъ эскадра, всѣ опасности претерпѣнныя вами суть степени, по коимъ Всевышній благоволилъ возвести васъ для полученія побѣды надъ невѣрнымъ врагомъ имени Христа Спасителя. Мы чрезъ сіе Всемилостивѣйше объявляемъ вамъ Наше благоволеніе, милость и обязанность за сію знаменитую услугу, кою вы намъ и Отечеству усердно оказали; повелѣвая вамъ объявить всему флоту наше удовольствіе, въ знакъ котораго мы не токмо повелѣли нашей Адмиралтейской Коллегіи, въ силу морскаго устава,

выдать въ тѣхъ законахъ предписанныя награжденія за флаги, за пушки, за взятые корабли и прочее, но еще сверхъ того жалуемъ всѣмъ при васъ находящимся 24 іюня нижнимъ чинамъ, какъ морскимъ, такъ и сухопутнымъ по одной, нарочно на сей случай сдѣланной, серебряной медали, кою носить на голубой лентѣ въ петлѣ. Кавалерійскій нашъ военный орденъ Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія установленный для того, чтобъ имъ отличены были тѣ, кои мужествомъ, храбростію, искуствомъ и смѣлостію приготовляютъ, или получаютъ побѣду, вамъ нынѣ по справедливости принадлежитъ, и для того посылаемъ къ вамъ знаки онаго ордена, кавалера перваго класса, повелѣвая вамъ оный на себя наложить по установленнымъ статутамъ. Адмиралтейской Коллегіи Мы дали указъ, чтобъ Кейзеръ-флагъ, который вы столь разумно умѣли употребить, при васъ остался во всю жизнь вашу, съ позволеніемъ поднять оный на корабляхъ нашихъ, сверхъ того дозволяемъ вамъ сей флагъ поставить въ гербѣ вашемъ. Нашему Адмиралу Спиридову вы имѣете вручить приложенный при семъ Всемилостивѣйшій нашъ рескриптъ, въ которомъ Мы ему оказали Наше удовольствіе за похвальное и ревностное его поведеніе въ семъ случаѣ, и жалуемъ ему кавалерію Святаго Апостола Андрея Первозваннаго; Сенату же нашему повелѣно будетъ оному адмиралу въ вѣчное и потомственное владѣніе отдать назначенныя отъ Насъ деревни. Брата вашего графа Ѳедора Орлова, Мы за отличное его поведеніе и храбрость на сухомъ пути и на морѣ, жалуемъ генераломъ поручикомъ и посылаемъ ему кавалерію втораго класса Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія; контръ-адмиралу Грейгу вы имѣете объявить Всемилостивѣйшее наше благоволеніе, въ силу вашего объ немъ засвидѣтельствованія о его отмѣнныхъ качествахъ и храбрости, жалуемъ кавалерію святаго Георгія втораго класса, которую онъ имѣетъ на себя наложить; равномѣрно жь объявить и Генералъ-Маіору Князю Юрью Долгорукову Наше Всемилостивѣйшее благоволеніе, за его храбрость какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, и что Мы жалуемъ его за то кавалеріею того же ордена третьяго класса, кою онъ также на себя возложить имѣетъ. Но какъ намъ неизвѣстны всѣ подробности разныхъ происшествій, то восхотѣли Мы, въ знакъ нашего къ подчиненнымъ вашимъ благоволенія, четвертаго класса (*ордены послать*), дабы вы роздали по дѣламъ, въ Статутахъ того ордена предписаннымъ, а особливо рекомендованному отъ васъ Ильину, и сюда потомъ донесли, чтобъ надлежащія грамоты могли быть заготовлены, въ коихъ подвигъ долженъ быть описанъ, за

что каждый получаетъ сію отличность. Въ заключеніе сего предписываемъ вамъ объявить сей Всемилостивѣйшій и похвальный рескриптъ во всѣхъ командахъ при васъ находящихся. Препоручая васъ во всегдашнее охраненіе Всевышняго и желая вамъ всякаго счастія, остаемся къ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ Сентября 22 дня 1770 года.

На подлинномъ подписано тако: Екатерина.

Въ заключеніе и еще препоручаю вамъ объявить всѣмъ въ командѣ вашей находящимся Нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ Наше Монаршее благоволеніе, съ обнадеживаніемъ впредь особливой Нашей къ нимъ милости, за ихъ труды, мужество и похвальную ревность къ службѣ Нашей и Отечества, пребываемъ къ вамъ самимъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ 23 Сентября 1770 года.

Божіею милостію Мы Екатерина вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Адмиралу Спиридову.

Намъ крайне пріятно было увѣдомиться, сколь вы похвально и ревностно поступали во время одержанной 24 минувшаго іюня надъ непріятельскимъ флотомъ знаменитой побѣды и потому, въ показаніе вамъ Нашего Монаршаго за то благоволенія и удовольствія, удостоили Мы васъ Кавалеромъ перваго Нашего ордена Святаго Апостола Андрея, коего знаки посылая при семъ, повелѣваемъ вамъ ихъ на себя возложить и носить; сверхъ же того жалуемъ Мы васъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе, деревнями, о которыхъ Сенатъ Нашъ получитъ отъ Насъ повелѣніе. Мы уповаемъ, что сія щедрота умножитъ вашу къ заслугамъ ревность и подастъ Намъ случай изъявлять вамъ и впредь Императорскую Нашу милость, съ коею Мы пребываемъ къ вамъ благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ Сентября 22 дня 1770 года.

На подлинномъ подписано тако: Екатерина.

Копія.

Изъ государственной Адмиралтейской Коллегіи высокопревосходительному господину адмиралу и обоихъ россійскихъ орденовъ и Святыя Анны кавалеру Григорью Андреевичу Спиридову.

Преславное и презнаменитое произшествіе, побѣда и совершенное истребленіе морскихъ отоманскихъ силъ, дарованные отъ Бога Россійскому флоту, въ которыхъ вы столь великое имѣете участіе и по справедливости заслужили монаршую милость и достойное награжденіе, Адмиралтейскую Коллегію приводитъ въ истинную радость, ибо видитъ она своего питомца, достойнаго избранія Монаршей и своей надежды, прославителемъ Россійскаго флота; и такъ съ тѣмъ и другимъ васъ всеусердно поздравляя, за ваши подвиги и храбрость, приносимъ вамъ должную благодарность, и отдаемъ справедливую похвалу; при прославленіи жъ васъ вашими дѣлами въ будущіе роды, да останется и сіе засвидѣтельствованіе отъ государственнаго правительства, кое имѣетъ честь начальствовать надъ морскими Россійскими силами, объявить всѣмъ отличившимся отъ Коллегіи удовольствіе и похвалу, а паче господину Ильину, котораго храбрость и твердость духа справедливо не токмо похвалы, но и удивленія достойны. Сентября 28 дня 1770 года.»

Сколько отдались подъ протекцію Россіи въ Архипелагѣ острововъ, при семъ предлагаю реэстры:

Андро, Тино, Миконо, Зеа, Термій, Сиѳано, Ніо, Сичипо, Поликандро, Серфо, Паросъ, Антипаросъ, Наксіо, Сантаринъ, Чимело, Милло, Сиро, Морго.

15 Числа марта пошелъ въ крейсерство, для соединенія съ контръ-адмираломъ Арфомъ, корабль Всеволодъ.

18 Марта пришли изъ Ливорны два фрегата.

Сдѣланъ въ портѣ Аузѣ на плоту киллекторъ, которымъ всѣ малые фрегаты килеваны и починены и Рагузинскимъ фрегатамъ перемѣнены имена, а сколько оныхъ по званіямъ и кто командиры при семъ пріобщаю списокъ:

Какъ у Рагузинцовъ именовались, или назывались.	Отнынѣ какъ наименованы.	Кто командиры вами опредѣлены.	Сколько на себѣ пушекъ помѣстить могутъ.
Минерва.	Минерва.	Флота капитанъ лейтенантъ Дугдалъ, показанный фрегатъ въ командѣ своей уже имѣетъ	
Мадона Делаграція.	Наксія.	господинъ Корелль, опредѣленъ командиромъ еще прежде прибытія моего въ портъ Аузу.	22.
Мадона Деровоэорія Св. Доменика Винценція Феруеро.	Архипелагъ.	состоитъ командиромъ Илья Юшковичъ, но велѣно отъ меня на ономъ командиромъ быть лейтенанту Мельникову.	24.

Иммакулато Копчепціоне.	Тино.	Капитанъ лейтенантъ Волчковъ.	22.
Св. Венценцо Ферере.	Андро.	Лейтенантъ Василій Поярковъ.	14.
Сантронето.	Микона.	Лейтенантъ Козлятьевъ.	14.
Св. Екатерина.	Сантарино.	Лейтенантъ Овцынъ.	16.
Реджинестеръ.	Зеа.	Илья Юшковичь.	14.
Мадона Декарине.	Милло.	Мичманъ Суковатовъ.	14.
Святая Викторія.	Делосъ.	Мичманъ Гусевъ.	14.
Пинкъ Сороко.	Сифано.	Какъ оная пинка остается при Адмиралтействѣ, то на оную командиръ на время отъ Адмиралтейства.	

15 Апрѣля, корабль «Януарій» пошелъ въ крейсерство къ Патмосу къ Анатоліи, на смѣну кораблю «Саратову».

17 Апрѣля корабль «Саратовъ» пришелъ въ Аузу.

19 Транспортныхъ судовъ пятнадцать пошли изъ Аузы, а для конвоированія посланы до Гибралтара фрегаты «Надежда» и «Паросъ».

10 Мая корабль «Петровь Меня», фрегатъ «Сѣверный Орелъ» и Рагузинскихъ нѣсколько, пошли изъ порта Аузы, на Миконскій рейдъ.

1 Іюня съ адмираломъ Григорьемъ Андреевичемъ ѣздилъ я въ Паросъ и Антипаросъ, на которыхъ строеніе и улицы таковы, какъ я и прежде описалъ; въ обоихъ жительствахъ видны развалины мраморныхъ башенъ, которыя на высокихъ мѣстахъ и многими владѣтелями бравъ въ подданство раззорены; въ Паросѣ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы: считается въ Архипелагѣ знатная, сказываютъ, будтобы построена Еленой царицей, изъ мрамора; но по неразумѣнію грековъ, мраморъ замазываютъ известкой, внутри иногда и живописью; во оныхъ же церквахъ и католическіе престолы имѣть отъ Султана дозволено; великолѣпія никакого и украшенія на образахъ нѣтъ, письмо очень дурно, а ежели и есть на образахъ окладъ, и то мѣдный; колоколовъ имѣютъ при церквахъ мало, звонятъ на оцѣпу, сказываютъ, отъ турокъ звонъ запрещенъ. Въ Константинополѣ, по султанскому указу Грекамъ въ Святую недѣлю Пасхи дается на всѣ церемоніи церковныя три дня воли, а въ прочіе дни запрещается. Греки лжецы великіе, рѣдко сыскать можно, ктобъ правду могъ говорить: сами мнѣ признавались, что у нихъ тотъ справедливымъ считается, когда девять словъ солжетъ, а десятое правду скажетъ.

Былъ я на островѣ Антипаросѣ, въ такъ называемомъ гротѣ, который у вершины горы; яма великой глубины изъ мрамору, я самъ спускался съ зажженными въ рукахъ свѣчами, сажень пятьдесятъ по веревочной лѣстницѣ, а бывшіе со мной офицеры спускались сажень до ста, и во многихъ мѣстахъ изъ высоты камня истекаютъ капли, на подобіе какъ будто бы оныя замерзаютъ, и изъ того дѣлаются разныхъ видовъ и цвѣтовъ штуки, которыя достойны примѣчанія; въ другихъ мѣстахъ изъ оныхъ капель, какъ будто завѣсы и весьма хорошій видъ имѣютъ, а въ другихъ, на подобіе статуй и простыхъ сосулекъ, и такъ оная чистота камня и въ немъ блескъ стекла, дѣлаетъ огню великій свѣтъ; о глубинѣ онаго грота, никто еще не свѣдущь, хотя многіе изъ разныхъ государствъ, для любопытства пріѣзжаютъ и на камняхъ, кто въ ономъ гротѣ былъ, высѣкаютъ имена и ставятъ годъ; въ томъ числѣ и мое имя высѣчено.

Въ 17 день іюня адмиралъ по извѣстіямъ узналъ, будто бы турецкій флотъ изъ Дарданелъ вышелъ или выдти хочетъ, то чтобъ его остановить, пошелъ къ Дарданеламъ, имѣя съ собой: «Европу», «Саратовъ», «Нетронь меня», «Георгія Побѣдоносца», «Всеволода» и «Азію»; фрегаты: «Сѣверный Орелъ», «Григорій», «Ѳеодоръ» и другихъ нѣсколько.

Въ 28 день іюня, его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ пришелъ изъ Ливорны на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ», подъ Кейзеръ-флагомъ, и съ нимъ его сіятельство графъ Ѳедоръ Григорьевичь на кораблѣ «Ростиславъ»; съ его жъ сіятельствомъ пришла эскадра капитана Аничкова, крейсирующая между Кандіи и острова Сиризо, шесть фрегатовъ и въ Портѣ-Тріо легла на якорь.

Адмиралъ Григорій Андреевичь Спиридовъ, обошедъ въ близости береговъ Анатоліи и Романіи, подходилъ къ Дарданеламъ, но непріятель вытти изъ Дарданелъ смѣлости не имѣлъ.

Въ 7 день іюля, со всею эскадрою, пришелъ въ Портъ Тріо и соединился съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ.

9 Іюля. За отличные поступки, въ баталіи 24 іюня 1770 года въ Чесменскомъ каналѣ съ сильнымъ непріятельскимъ турецкимъ флотомъ, данъ мнѣ орденъ Великомученика и побѣдоносца Георгія четвертаго класса.

Изъ Англіи пришелъ бомбандирскій корабль, да судно съ поклажею бомбъ и брандскугелей трехъ и пятипудовыхъ калибровъ.

3 число августа его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ и Адмиралъ Григорій Андреевичъ Спиридовъ, взяли съ собой десантъ гвардіи четыреста человѣкъ, Кутузова команды восемь сотъ, флотскихъ батальонныхъ солдатъ шесть сотъ, Албанцевъ двѣ тысячи, а спустя нѣсколько времени и остальный десантъ посаженъ на пинки и фрегаты: шлюсенбургскаго полка тысяча двѣсти, да Албанцевъ тысяча триста и отправлены къ Негропонту.

Господинъ контръ-адмиралъ Ельмановъ получилъ отъ адмирала ордеръ, чтобъ съ порученнымъ мнѣ кораблемъ «Трехъ Святителей» идти ко флоту, для военной надобности. — Увѣдомились мы, что флотъ высажалъ нѣсколько десанта, да и къ Негропонтскому мосту для разбитія, какъ онаго, такъ лежащей на берегу батареи, посланъ былъ корабль Всеволодъ, да фрегатъ «Сѣверный Орелъ» и нѣсколько получа съ берега пшеницы, десантъ взятъ обратно на корабли, оставя для крейсированія у Негропонта фрегатъ «Надежду» и вооруженную сокалеву, пошли всѣ къ острову Тасу. — Негропонтскимъ крѣпостямъ и мосту при семъ прилагаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

Шелъ въ Тасо, бомбандирскій корабль подъ защищеніемъ корабля «Саратова», бомбъ съ пятнадцать броси въ городъ Ковалло, соединилсь со флотомъ.

12 число контръ-адмиралъ Андрей Власьевичъ Ельмановъ спустилъ на порученномъ мнѣ кораблѣ свой флагъ, а переѣхавъ, поднялъ на фрегатѣ «Делосѣ».

13 число пошелъ я съ кораблемъ изъ Порта Аузы для соединенія со флотомъ.

28 число весь флотъ снялся съ якорей, пошелъ въ море, кромѣ корабля «Нетронь меня», фрегатовъ «Сантарино», «Андро» и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, которые оставлены для заготовленія лѣсовъ. Я опредѣленъ въ дивизію графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

30 число пришли къ острову Имбру корабли: «Трехъ Іерарховъ», «Трехъ Святителей», «Всеволодъ», фрегатъ «Сѣверный Орелъ», шамбеки Стефано-Поля и Корелли. Пошли къ Дарданелламъ, у острова Имбро по юго-восточную сторону, легли на якорь.

По 4 число октября крейсировалъ съ кораблемъ «Всеволодомъ» у восточной части острова Имбро, дѣлали опись; также и въ Дарданеламъ ходили; тогожъ числа пришелъ къ намъ изъ флота корабль «Азія», «Сѣверный Орелъ», шамбека «Минерва»; на кораблѣ пришелъ господинъ контръ-адмиралъ и кавалеръ Грейгъ, съ нѣсколькими флотскими и инженернаго корпуса офицерами, и пересѣлъ ко мнѣ на корабль.

5 число по утру снялся я съ порученнымъ мнѣ кораблемъ съ якоря и съ нами «Сѣверный Орелъ», пошли для осмотра и снятія Дарданелъ, Тенедоской и Метелинской крѣпостей плановъ; видно, что отъ крѣпости по берегу къ Норду разставлены турецкіе бекеты и выставлено нѣсколько знаменъ.

6 числа, при благополучномъ вѣтрѣ, снялись съ якоря, пошли въ близость Дарданельскихъ крѣпостей первѣе къ сѣверной, потомъ и южной, съ южной крѣпости нѣсколько пушекъ по насъ стрѣляли, только не доставали. Онымъ крѣпостямъ планы при семъ предлагаю.

(Слѣдуютъ планы.)

Тогожъ числа, послѣ полудня, пришли къ Тенедоской крѣпости; въ близости легли противъ ея въ дрейфъ, съ которой по насъ палили изъ 29 пушекъ, ядра вокругъ корабля и черезъ корабль летали, только въ насъ не попадали. Крѣпость стариннаго строенія, другая къ югу Генуезская; имѣетъ же первая къ морю въ круглыхъ башняхъ горизонтальныхъ большихъ четыре пушки. Снявъ планы съ крѣпостей, съ форштата, и гдѣ турки по обѣ стороны города, числомъ до двухъ тысячъ, съ знаменами стояли, снялись съ дрейфа, пошли къ югу, съ нами еще была соколева, которая шедъ подлѣ анатолическаго берега, взяла въ призъ небольшую соколеву съ изюмомъ и винными ягодами, и за тихостію вѣтра взяла ее по теченію на берегъ; но какъ прошли мы крѣпость, видѣли у города множество разныхъ мелкихъ судовъ, между которыми двѣ турецкія полугалеры, и знавъ, что намъ без вѣтра противъ такъ большаго теченія оной соколевѣ помощи дать не можно, то оныя двѣ полугалеры и ботъ пошли нашу шамбеку атаковать, для чего принуждены всѣ лечь на якорь и послать на вспоможеніе вооруженныя шлюпки; еще жъ велѣно Дугдалу и Жемчужникову, которые были по близости, по турецкимъ галерамъ палить, что было исполнено, хотя то было въ самые сумерки; турецкія галеры уже нагнали соколеву, на которой бывшіе албанцы и греки весьма храбро защищались и палили безпрестанно изъ двухъ своихъ фальконетовъ и ружей, къ томужъ и теченіемъ къ намъ ихъ ближе сносило; потому турки, отступя отъ соколевы, прочь пошли на перевалъ къ анатолическому берегу; соколева спустя свою призу, что съ нуждою только сама собой ретироваться могла, пришла благополучно къ кораблю; господинъ контръ-адмиралъ, за ихъ храбрый поступокъ, наградилъ деньгами. Потомъ снялись мы съ якоря, пошли къ Тенедоскимъ крѣпостямъ, и гдѣ турецкая армія стояла, также подъ крѣпость Мулю, гдѣ множество судовъ стояло. При семъ прилагаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

8 число, съ благополучнымъ вѣтромъ проходили крѣпость въ близости, которая по насъ не стрѣляла; строеніемъ она изрядна, только на гласисахъ пушекъ и людей весьма немного.

Тогожь числа прошедъ Метелинскимъ каналомъ и не дошедъ города Метелины въ разстояніи нѣмецкой мили, легли на якорь.

Господинъ контръ-адмиралъ и кавалеръ Грейгъ, я и прочіе госпо. да пріѣхавшіе съ нимъ офицеры, для осмотру крѣпостей и строенія кораблей, за тихостію вѣтра, переѣхали къ Стефано-Полю по причинѣ, что судно его малое и буксировать шлюпками можно, на которомъ пришли къ крѣпости въ близость, которая стариннаго строенія и къ морю нѣсколько уже обваливались; у города видно нѣсколько мелкихъ судовъ и одна полугалера; за крѣпостію, къ Зюйду, изрядный заливъ, въ которомъ строятся два корабля и одна большая шамбека или галера, одинъ шестидесятный корабль почти готовъ, а прочіе имѣютъ только поставленные ребра, крѣпость къ адмиралтейству гораздо исправнѣе и по близости адмиралтейства стоитъ круглая башня, на которой поставлены пушки; адмиралтейство видится изрядное, магазейнъ, и лѣсовъ множество, форштатъ кругомъ крѣпости къ самому адмиралтейству великій, строеніе хорошее, также кругъ города положеніе мѣста красивое и лѣсъ, въ которомъ отъ моря по горѣ стоятъ загородные изрядные увеселительные домы. Тогожь числа къ вечеру пріѣхали на корабль.

Какъ крѣпостямъ, адмиралтейству, форштату и загороднымъ домамъ планъ; также островамъ Имбрѣ, Дарданеламъ, Тенедосу и Метелинѣ, съ промѣромъ глубинъ карту при семъ предлагаю.

(Слѣдуетъ карта и планъ.)

Въ 10 число октября, снялись мы съ якоря, пошли ко флоту обратно къ Имбро.

Въ 13 день октября, по полудни въ 2 часа, пришли мы по южную сторону острова Лимноса, противъ входа Порта Мудро остановились на якорь; въ тотъ же день турецкій пикетъ на берегу поставленъ былъ противъ корабля.

(18 — 24 октября кратко описывается крейсерство между Лемносомъ и Аѳонскою горою).

25 октября снялись съ якоря, пришли къ Масконійскимъ островамъ, по близости адмирала Спиридова легли на якорь.

Спущены были албанцы на острова Масконіи, которымъ именемъ и слобода называется; жители по большей части греки, между которыми живутъ нѣсколько и турокъ. Албанцы съ острова турокъ согнали на анатолическій берегъ, съ котораго въ перешейкѣ можно ходить бродомъ; изъ которыхъ малое число взято въ полонъ и почти въ тожь время были отпущены графомъ Орловымъ, за что тѣхъ мѣстъ паша возблагодареніе прислалъ въ подарокъ графу лошадь съ уборомъ, а адмиралу кинжалъ и

просилъ, приказано ли ему будетъ по близости жить или удалиться, что онъ русскихъ не опасается, а боится албанцевъ; и ему, напротивъ того, отъ графа посланы подарки, и чтобъ онъ жилъ безопасно, албанцы взяты будутъ на суда; флотъ, между тѣмъ, налился нѣсколько прѣсной водой.

29 октября весь флотъ снялся съ якоря, пошли къ городу Метелину.

Флотъ раздѣленъ на двѣ части, первая подъ Кейзеръ-флагомъ, корабли: «Трехъ Іерарховъ», «Трехъ Святителей», «Всеволодъ», «Надежда Благополучія», бомбандирскій «Громъ», фрегатъ «Сѣверный Орелъ», рагузинскій «Архипелагъ», «Сантаринъ», «Минерва». Положено, чтобъ на югъ отъ крѣпости и адмиралтейства, гдѣ корабли строятся, высадить на берегъ гвардію, моряковъ и Кутузова команду и албанцевъ.

Вторая эскадра подъ флагомъ адмирала, корабли: «Европа», «Георгій Побѣдоносецъ», «Азія», бомбандирскій «Молнія», фрегаты «Слава», Почталіонъ», «Рафаилъ» и трекатры съ албанцами; должна по сѣверную сторону крѣпости высадить шлюшенбургскій полкъ и албанцовъ.

30 и 31 числа октября посаженъ былъ десантъ на суда, флотъ лавировалъ, но за противнымъ вѣтромъ и теченіемъ, до крѣпости Метелина не дошли, къ тому же на ночь ложились на якоряхъ; вѣтры иногда были крѣпкіе, десантъ былъ на судахъ посаженъ, что по многочисленности его было и не безъ опасности, однако Богъ сохранилъ, никакого несчастія не было.

2 число по утру сдѣланъ сигналъ, чтобъ свозить на берегъ десантъ, по которому сигналу какъ съ первой по южную, такъ со второй по сѣверную сторону, сталъ десантъ къ берегамъ приближаться, гдѣ стоящіе фрегаты «Почталіонъ», «Слава», «Сантарино», «Архипелагъ», съ берегу картечной и пушечной пальбой, турокъ отослали, а бомбандирскіе корабли съ обѣихъ сторонъ крѣпость бомбандировать начали.

Первой дивизіи десантомъ предводительствовалъ господинъ генералъ-майоръ, гвардіи Преображенскаго полка маіоръ, разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Юрій Володимеровичъ Долгоруковъ.

Второй дивизіи десантъ былъ подъ предводительствомъ шлюшенбургскаго полка полковника Толя, и обѣ дивизіи, приставъ къ тѣмъ мѣстамъ берега, гдѣ фрегаты уже турокъ отогнали, десантъ высадили благополучно.

Второй дивизіи нѣсколько отъ непріятеля было сопротивленія, что они думали высаженъ десантъ будетъ въ одномъ мѣстѣ

сѣверной части, и противящихся турокъ насчитываютъ до пяти сотъ человѣкъ было; они же на вершинѣ горы сдѣлали батарею, на которой поставлена одна небольшая пушка.

Первая дивизія вышла безъ большаго сопротивленія, потому что не уповали въ двухъ мѣстахъ быть высаженному десанту, однако турокъ противу первой дивизіи было со сто-пятьдесятъ; высажено нашихъ регулярныхъ до трехъ, да албанцевъ и разныхъ званій людей до трехъ же тысячь человѣкъ съ пушками и единорогами; но какъ наши войска вышли на берегъ, построясь, пошли колоннами, то турки ретировались и большая часть отъ города отрѣзаны; первой дивизіи Войновичъ съ славянцами, со ста-пятьдесятъ человѣками, первый пришелъ въ адмиралтейство и на построенный турецкій корабль; на которомъ поставилъ Кейзеръ-флагъ; потомъ вскорѣ и полковникъ Толь, съ своимъ полкомъ, занялъ форштатъ и подкрѣпилъ нѣкоторымъ числомъ своего полка овладѣвшихъ кораблями; потомъ первой дивизіи полковникъ Кутузовъ съ командою, морскіе и гвардія пришли къ форштату и что нужнѣе, то заняли и расположились обѣ дивизіи на высотахъ внѣ города, подъ закрытіемъ отъ городскихъ выстрѣловъ.

Во все время съ турками, хотя сшибки небольшія были и наши войска небольшой уронъ получили, почти и писать нечего. Крѣпость, думать надобно, была въ великомъ страхѣ, потому что онаго нападенія не ожидали; сказываютъ, что турокъ было съ начала до трехъ тысячь, но какъ ихъ нѣсколько отъ крѣпости отрѣзали, а другіе разбѣжались, то и въ крѣпости осталось мало. Послѣ сказывали, ежели бы потребовали крѣпости, то бы безъ сопротивленія отдали.

Круглая башня, которой пушками защищать было надобно корабли, потому что она стоитъ по близости оныхъ; но турки послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, оставя пушки, порохъ и ядра, ушли въ крѣпость, почему башня нашими была и занята; изъ нея стрѣляли по крѣпости, напослѣдокъ порохъ въ воду бросили, а пушки заклепали и оную крѣпость атаковали.

Въ 3 день ноября, поутру въ первомъ часу, построенный 70 пушечный, другой строящійся такойже величины корабли, большую шамбеку, магазейны и однимъ словомъ, все адмиралтейство, сожгли безъ остатка албанцы, разграбя богатый форштатъ, чрезъ что великое богатство себѣ получили. Тогожъ числа въ 9 часовъ утра, оставя непріятельскій островъ Метелину, который весьма богатъ хлѣбомъ, скотомъ, деревяннымъ масломъ и ви-

номъ изобиленъ, и на которомъ, кромѣ городовъ, до шести сотъ деревень считается, — какъ наши регулярные, такъ и албанцы посажены на корабли; адмиралъ Спиридовъ, съ своею дивизіею, пришелъ по южную сторону города и легъ на якорь.

Французское судно стояло въ гавани, по близости строящихся турецкихъ кораблей, но какъ съ нашей стороны бросали бомбы и палили изъ пушекъ, то напротивъ того и турки по нашимъ кораблямъ и по десанту палилижъ, а когда турки увидѣли, что нашими на ихъ кораблѣ поставленъ Кейзеръ-флагъ, то и по немъ съ крѣпости палить начали, а французъ остался отъ насъ и отъ турокъ въ срединѣ огня, и когда къ намъ вышелъ, то разсказывалъ свой страхъ весьма горячо, а когда наши тому смѣялись, что турки ихъ друзья и его не щадили, то онъ сердился и выговаривалъ: вамъ де смѣхъ, а я бы со всѣмъ судномъ пропасть могъ.

4 числа снялся весь флотъ, при сѣверномъ изрядно крѣпкомъ вѣтрѣ; фрегаты, «Архипелагъ и Сантаринъ» прикрывали и очищали берегъ какъ для высаживанія десанта на берегъ, такъ и обратно на суда; но какъ вѣтромъ сняться не дозволило, то стали палить изъ пушекъ, для чего посланы на вспоможеніе имъ фрегатъ «Сѣверный Орелъ» и пакетботъ «Почталіонъ»;

5 число пришелъ весь флотъ въ портъ Аузу; спустя нѣсколько дней пришелъ «Сѣверный Орелъ», «Почталіонъ» и «Архипелагъ», которые сказывали: капитанъ лейтенантъ Мельниковъ на фрегатѣ «Архипелагѣ» былъ не въ такой опасности, какъ «Сантарино», на которомъ капитанъ-лейтенантъ Овцынъ, пріѣхавъ къ нему совѣтовалъ, что фрегатъ спасти уже не можно, а людей перевезти къ нему на фрегатъ, для того, что турокъ великое множество на берегу собралось и изъ ружей по обоимъ фрегатамъ стрѣляютъ; и какъ близко берега стоялъ «Сантарино», то его каюту во многихъ мѣстахъ разбили, а людямъ показаться нельзя, хотя и отъ нихъ изъ пушекъ палили, только всѣ турки лежали за каменьями и имъ вреда дѣлать не можно, то Овцынъ согласился людей перевезти. Мельниковъ поѣхалъ, взявъ отъ него мичмана и семь человѣкъ матросовъ и дожидался, чтобъ и послѣдніе переѣхали, но онъ Овцынъ людей не перевозилъ, а Мельникова фрегатъ, отъ крѣпости вѣтра, стало дрейфовать, потому онъ, отрубя два якоря, отошелъ отъ берега благополучно.

Фрегатъ «Сантарино», видя, что Мельниковъ снялся, хотѣлъ тожь сдѣлать, также отрубилъ якоря, но какъ онъ близко былъ берега, то бросило его на мель весьма уже отъ берега близко, и турки по немъ еще больше стрѣльбу производили. Капи-

такъ Жемчужниковъ сказываетъ, что онъ для спасенія людей шлюпки и ботъ посылалъ къ «Сантарино», но какъ вѣтръ и волненіе очень велики, то къ фрегату съ вѣтра пристать было не можно, а съ подвѣтренной стороны турки стрѣляли изъ ружей, и такъ, неподходя близко къ фрегату, кричали чтобъ бросались въ воду, а для спасенія подадутъ весла и шесты; бывшіе наверху артиллерійскій сержантъ и грекъ бросились къ шлюпкамъ въ воду, тѣ взяты; потомъ возвратились обратно домой, оставя на ночь фрегатъ безъ помощи; турки привезли на берегъ пушку, палили по фрегату; поутру Жемчужниковъ увидѣлъ на фрегатѣ уже множество турокъ, то сталъ по немъ стрѣлять ядрами и брандскугелями, который скоро загорѣлся и подорвало, отъ нашей пальбы, или сами турки зажгли, обстоятельно не извѣстно; турокъ пошло въ городъ двѣ великія толпы, Жемчужниковъ думаетъ, что въ срединѣ оныхъ быть надлежитъ нашимъ плѣнникамъ.

Въ 27, пришелъ изъ Ливорны въ портъ Аузу корабль «Ростиславъ»; графъ Өедоръ Григорьевичъ Орловъ остался въ Ливорнѣ.

Корабль «Трехъ Іерарховъ», на которомъ сидитъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ и контръ-адмиралъ Грейгъ, пошелъ въ Ливорну.

Во 2 день декабря «Саратовъ» и фрегатъ «Рафаилъ», недавно у англичанина купленный, пошли для починки въ Мальту.

По приходѣ флота съ моря объ албанцахъ главная команда сдѣлала разсмотрѣніе; многіе отпущены туда, куда они хотѣли а выбранныхъ изо всѣхъ лучшихъ, 1,500 человѣкъ, оставлены на прежнемъ жалованьѣ, по четыре піастра въ мѣсяцъ; раздѣлены на пять баталіоновъ и въ каждомъ изъ нихъ по одному маіору.

Остальные албанцы уѣхали въ свои отечества, а больные и бѣдные, а можетъ быть и невоздержные, которымъ ѣхать было нечѣмъ, остались на острову Паросѣ, отъ которыхъ обывателямъ острова, да и намъ самимъ, великіе обиды, грабежи и смертныя убійства, дѣлаютъ жителей бѣдность весьма великою: они голы, голодны, питаются одной травой и видъ ихъ показывалъ одну человѣческую тѣнь, напротивъ того такъ лѣнивы и ни къ какой работѣ нескладны, что лучше ѣсть одну траву и ходить голымъ, только работать не хочетъ; бралъ я такихъ, безъ хлѣба шатающихся, къ себѣ на корабль въ службу, съ жалованьемъ по четыре піастра на мѣсяцъ; но они не уживалися, привыкли быть въ праздности и лучше быліемъ питаться нежели работать, и отпущены по прежнему; можно сказать, что вся Греція имѣетъ неограниченную лѣность.

Сахаръ по сорока копѣекъ фунтъ; что изъ Ливорны привозится, съѣстное, питейное или на платье и обувь съ насъ берутъ барыша на копѣйку копѣйка, да еще за дешевое почитается, а другое втрое и то на подхватъ. Въ Аувѣ, да и на прочихъ островахъ харчь, обувь и платье весьма дорого; что мы сами съ выгодной цѣной и оптомъ покупаемъ: курица шестьдесятъ, говядина шесть копѣекъ фунтъ, баранина еще того дороже, да и то продается не всегда, яица по три деньги, хлѣбъ на рынкѣ по десяти копѣекъ фунтъ; ежелижъ вычислить, что нашъ червонецъ въ жалованье дается два рубли шестьдесятъ пять копѣекъ, а отдаемъ два рубли сорокъ копѣекъ, такъ еще больше цѣна прибавится. И такъ албанцы по такой дороговизнѣ необходимо должны голодъ терпѣть, да и съ прочихъ острововъ жители многіе пшеницу получали изъ Романи, Мореи и другихъ турецкихъ мѣстъ, но какъ при насъ отъ турецкаго правительства привозъ на острова запрещенъ, то также по дороговизнѣ нужду терпятъ.

Въ нынѣшнемъ году призовыхъ судовъ взято противъ прошлогодняго гораздо меньше, по той причинѣ: тунисцы и алжирцы коммерцію свою прервали, а только попадаются идущіе изъ Египта и Александріи, да еще греческія небольшія фелюги съ лимонами и апельсинами.

О МЫСЛИ
ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Замѣтки по поводу послѣднихъ произведеній гг. Тургенева и Л. Н. Т.)

Изъ всѣхъ формъ повѣствованія, разсказъ отъ собственнаго лица автора или отъ подставнаго лица, исправляющаго его должность, предпочитается писателями большею частію въ первыя эпохи дѣятельности ихъ — въ эпохи свѣжихъ впечатлѣній и силъ. Несмотря на относительную бѣдность этой формы, она представляетъ ту выгоду, что поле для картины и канва для мысли, по милости ея, всегда заготовлены напередъ и избавляютъ писателя отъ труда искать благонадежный поводъ къ разсказу. Съ нея началъ г. Тургеневъ и на ней еще стоитъ г. Л. Н. Т., два повѣствователя, весьма различные по качествамъ своимъ и по направленію, но сходные тѣмъ, что у обоихъ чувствуется присутствіе мысли въ разсказахъ и оба могутъ подать случай къ соображеніямъ о роли мысли вообще въ изящной словесности.

Разсказъ отъ собственнаго лица освобождаетъ автора отъ многихъ условій повѣствованія и значительно облегчаетъ ему путь. Съ первыхъ пріемовъ писатель уже становится въ положеніе человѣка, не слишкомъ озабоченнаго достиженіемъ предположенной цѣли, что позволяетъ ему иногда рѣзвиться передъ своимъ читателемъ, на просторѣ, а иногда даже кончить вояжъ

на полдорогѣ. При разсказѣ отъ собственнаго лица немаловажное удобство состоитъ еще и въ томъ, что писатель самъ себѣ назначаетъ границы и можетъ избавиться отъ необходимости сообщить предмету описанія настоящій его объемъ, истинныя его очертанія. Отъ каждаго предмета онъ свободно беретъ только ту часть, которая или удачно освѣщена, или живописно выдалась впередъ. Задача писателя, разумѣется, на половину облегчена всѣми этими привилегіями, но и это еще не все. Писатель, разсказывающій отъ себя, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и адвокатъ своего дѣла. Онъ искусно оправдывается передъ читателемъ въ своихъ недоговорахъ, и если успѣлъ возбудить его симпатію, легко получаетъ согласіе даже на сдѣлки съ лицами и характерами, которыя въ строгомъ, художественномъ повѣствованіи никогда бы не могли явиться. Онъ вполнѣ пользуется правомъ человѣка, состоящаго на лицо: съ нимъ всегда поступаютъ снисходительнѣе, чѣмъ съ отсутствующимъ. Однакожь, по закому равновѣсія, существующему вездѣ, даже въ отношеніяхъ между авторомъ и чтецомъ его, выгоды, перечисленныя нами, не даются даромъ. Выкупъ за нихъ весьма значителенъ и не всѣмъ бываетъ подъ силу. Если съ одной стороны ослабѣваютъ требованія и взысканія критики, то они дѣлаются строже и придирчивѣе съ другой. И во первыхъ, разсказчикъ обязанъ выразить личное мнѣніе свое о каждомъ предметѣ, встрѣчающемся на пути его, чего никогда не требуется отъ правильнаго повѣствованія, гдѣ только важно общее впечатлѣніе; затѣмъ примѣры и наблюденія его должны отличаться самостоятельностью, зоркостью и умомъ въ степени, какой другого рода произведенія не обязаны достигать; наконецъ, по участію живой личности автора во всѣхъ, такъ сказать, обстоятельствахъ повѣствованія, она сама должна обладать качествами, способными остановить вниманіе читателя.... Только на этихъ условіяхъ предоставляется право разсказчику свободно отдаться теченію и даже капризу своей мысли и своего вдохновенія. Случалось и вѣроятно еще много разъ будетъ случаться, что писатели, прельщенные выгодами формы личнаго повѣствованія, принимались за нее, не взвѣсивъ предварительно важности условій, съ ней сопряженныхъ. Послѣдствія извѣстны. Кто не знаетъ, что разсказы наиболѣе вялые, ничтожные и пошло-притязательные, какъ въ нашей, такъ и въ другихъ литературахъ, обыкновенно начинаются съ «Я....»

Нельзя сказать, чтобъ г. Тургеневъ въ прежнихъ своихъ разсказахъ не зналъ выгодъ избранной имъ формы или невольнѣ воспользовался ими. Скорѣе можно сказать наоборотъ, что

онъ извлекъ изъ нея все, что она могла дать, и это поставляемъ мы въ немаловажную заслугу автору. Правда, тутъ являются и неизбѣжныя погрѣшности рода. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ не многихъ, мѣстахъ встрѣчается у него довольство, такъ сказать, лицами своего воображенія и при случаѣ своимъ способомъ описанія ихъ. Отсюда, излишнее накопленіе яркихъ подробностей, наваленныхъ грудами на одно лицо, или на одинъ предметъ, и отсюда иногда щегольство фразой, тщательно выставляемой впередъ, на показъ. Вообще стремленіе къ *выразительности* составляетъ отличительный характеръ первыхъ произведеній нашего автора. Мы хорошо знаемъ, что публика обязана этому тѣми блистательными картинами, которыя у всѣхъ въ памяти; но мы знаемъ также, что оно же породило нѣсколько частностей, конечно не въ большомъ числѣ, гдѣ ясно видны слѣды *переработки*, если позволено намъ будетъ употребить терминъ, хорошо извѣстный художникамъ. Переработкой называется слѣдствіе той усиленной работы, которая придаетъ какой либо подробности вѣрность математическую, но лишаетъ ее жизненнаго выраженія. Впрочемъ, не надо забывать, что жажда выразительности, свойственная вообще молодымъ писателямъ, есть признакъ силы, если порождена способностью глубоко чувствовать значеніе предмета въ цѣпи другихъ предметовъ, окружающихъ его. Тогда, несмотря на нѣкоторыя рѣзкія черты, почти неизбѣжныя въ пылу созданія, она дѣлается источникомъ того блеска, той свѣжести и энергіи, которыя отличаютъ первыя произведенія замѣчательныхъ талантовъ. Вмѣстѣ съ примѣромъ г. Тургенева, мы имѣемъ еще другой рѣшительный примѣръ для подтвержденія нашихъ словъ въ этомъ случаѣ, именно примѣръ «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки».

Всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ нашего автора, вѣроятно, помнитъ небольшія повѣствовательныя драмы его, какъ «Уѣздный Лекарь», и др.: нигдѣ, можетъ быть, столько не помогла ему избранная форма разсказа и нигдѣ не пользовался онъ ею (кажется намъ) съ большимъ сознаніемъ выгодъ ея. По существу своему основная мысль каждаго изъ этихъ разсказовъ требовала бы весьма сложнаго и подробнаго развитія для того, чтобъ выступить со всею ясностію и обнаружить вполнѣ свое значеніе. Но въ извѣстныя эпохи писатель цѣнитъ счастливую мысль болѣе, чѣмъ трудъ, потребный на ея изложеніе, чѣмъ наблюденіе всѣхъ отростковъ и вѣтвей, которыя могутъ исходить у нея по силѣ ея производительности, чѣмъ наконецъ великое искусство предоставить идеѣ достиженіе природнаго, натуральнаго рос-

та ея. Счастливая мысль является тогда у писателя почти нагоно, требуя вниманія читателя только ради самой себя. Истинно-разумная критика никогда не позволитъ себѣ суроваго взгляда на подобное заявленіе одного плана, потому что тутъ самый планъ есть уже признакъ свѣжаго и живаго дарованія. Однако же не можетъ она и пропустить безъ вниманія, что въ передачѣ мысли, не вполнѣ подчиненной труду, заключается скорѣе ловкое и блестящее отстраненіе задачи, чѣмъ разрѣшеніе ея. Форма разсказа отъ собственнаго лица пригодна тутъ какъ нельзя болѣе. Она дозволяетъ сжать событіе въ анекдотъ и обратить въ простой случай многосложную исторію, которая имѣла бы право на болѣе широкое развитіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ та же форма даетъ и способы къ подобному ослабленію содержанія и сущности предмета: она позволяетъ вращать дѣйствующія лица повѣствовательныхъ драмъ по благоусмотрѣнію, показывать ихъ съ той стороны, какая наиболѣе извѣстна автору и даже при случаѣ говорить за нихъ. Спѣшимъ, однако же, прибавить, что въ разбираемомъ нами авторѣ есть качество, съ избыткомъ вознаграждающее отсутствіе нѣкоторыхъ условій строгаго, удовлетворительнаго повѣствованія: это врожденная способность мѣткаго наблюденія. Соединеніе мастерства и въ то же время поэтическаго чувства, при описаніи характерныхъ особенностей каждаго дѣйствующаго лица, дѣлаетъ изъ его разсказовъ небольшія картины, яркость и истина которыхъ подчиняютъ воображеніе читателя. Само собою разумѣется, что авторъ только этими качествами и могъ выкупить все, что утратилъ въ размѣрахъ и въ полнотѣ содержанія. Тутъ уже нѣтъ ни одной подробности лишней или приведенной какъ поясненіе и дополненіе предъидущихъ, что такъ часто вредитъ литературнымъ произведеніямъ, сообщая имъ болѣзненный, лимфатическій видъ. На оборотъ, каждая подробность тщательно обдумана и притомъ еще, можно сказать, переполнена содержаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ является она почти какъ нѣчто самостоятельное, какъ отдѣльная мысль, способная выразиться и внѣ той сферы, гдѣ заключена, принять особенное, своеобычное развитіе. Такъ справедливо положеніе, уже приведенное нами: все, что авторъ отнялъ отъ цѣлаго, перешло въ частности, надѣливъ ихъ полнотой жизни, на какую они врядъ ли имѣли право, если смотрѣть на дѣло съ эстетической точки зрѣнія. Это не спокойная, величавая рѣка, а потокъ, остановленный въ своемъ теченіи. Мы очень хорошо знаемъ разительный эффектъ, производимый искусственнымъ оплотомъ, противупоставленнымъ предмету, отъ чего пред-

метъ получаетъ необычайное движеніе и особенную выразительность, но это еще далеко не составляетъ высшей степени искусства и обладанія предметомъ. Произведенія въ этомъ родѣ можно сравнить съ фигурами итальянской живописи первыхъ вѣковъ ея: онѣ поставлены рядомъ другъ съ другомъ, отдѣланы изумительно, проникнуты иногда мыслію и глубокимъ чувствомъ, но имъ недостаетъ группировки и перспективы.

Читатель, вѣроятно, уже замѣтилъ, что мы преимущественно обсуждаемъ внѣшнюю сторону авторскаго таланта, его пріемы и способы созданія, оставляя въ сторонѣ сущность произведеній, такъ какъ настоящая цѣль этой статьи заключается въ одномъ: открыть и уяснить себѣ, сколько позволяютъ намъ силы, художническія привычки писателя, его сноровку и своеобычный образъ исполненія темъ. Намъ всегда казалось, что это самая поучительная и самая важная часть во всякомъ человѣкѣ, посвятившемъ себя искусству, по крайней мѣрѣ нисколько не уступающая всѣмъ остальнымъ. Стоитъ только подумать, что именно эта часть составляетъ литературную физіономію его, которой онъ разнится отъ всѣхъ другихъ людей и подъ которую никто поддѣлаться не можетъ.

Наибольшимъ успѣхомъ пользуются въ публикѣ юмористическіе разсказы нашего автора. И дѣйствительно веселость ихъ сообщительна, какъ, вѣроятно, испыталъ каждый читатель на самомъ себѣ; портреты, рисуемые авторомъ, отличаются истиной, которая нисколько не исключаетъ особеннаго рода граціи, безъ чего даже и вѣрный портретъ лишается въ искусcтѣ всей своей привлекательности, а стало быть и значенія своего. Типы, наиболѣе располагающіе къ смѣху, обдѣланы у него съ участіемъ, со всѣми мелкими подробностями, доказывающими весьма прилежное изученіе. Видно, что онъ самъ забавлялся ими гораздо прежде своего читателя. Можно назвать даже преслѣдованіемъ его безотвязчивую, неугомонную повѣрку всякой оригинальной или странной физіономіи, которую встрѣтилъ; такому же точно изученію подвергнуты и предметы наравнѣ съ лицами. Онъ даже умалчиваетъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ особеннымъ способомъ, равняющимся описанію. Въ одномъ разсказѣ мы нашли забавную фразу: «Экипажъ, правда, у Хвалынскаго формы довольно старинной; на лакеяхъ ливрея довольно потерта (*о томъ, что она сѣрая съ красными выпушками, кажется, едва ли нужно упоминать*)...» Вся эта усиленная ревизія лицъ и вещей, порождающая иногда сцены истиннаго комизма, должна при случаѣ увеличивать ничтожные предметы въ нѣсколько

тысячъ разъ противъ настоящаго ихъ объема и слишкомъ долго ими заниматься, что дѣйствительно кой-гдѣ и замѣтно въ повѣстяхъ автора. Съ другой стороны свободная форма разсказа отъ собственнаго лица позволяетъ автору предаться вполнѣ удовольствію говорить о типахъ, имъ подмѣченныхъ съ игривостію, которая переходитъ иногда въ капризъ и уже обращается нѣсколько своевольно съ предметомъ описанія. Наконецъ излишняя любовь къ мѣткому выраженію и лаконической замѣткѣ приводитъ автора, повременамъ, къ бойкой, но совершенно не опредѣленной фразѣ. Всѣ эти случайныя пятна искупаются однакожь и съ лихвой разнообразіемъ созданныхъ имъ типовъ, психически-вѣрнымъ поясненіемъ характеровъ, чертами, подмѣченными, такъ сказать, въ самомъ ходу жизни, и наконецъ достоинствомъ первыхъ побужденій, не оставляющимъ автора ни въ какомъ случаѣ.

Мы обязаны сказать нѣсколько словъ о существѣ самаго юмора, свойственнаго г. Тургеневу и начнемъ съ характерической и лучшей его черты. Юморъ у нашего автора идетъ почти всегда объ руку съ поэзіей и часто веселая сцена переходитъ мало по малу въ тихое, поэтическое созерцаніе и тамъ пропадаетъ, какъ облако въ небѣ. Надо замѣтить, что авторъ не принадлежитъ, судя по первымъ его произведеніямъ, къ школѣ чистыхъ юмористовъ, веселость которыхъ уживается со всѣми явленіями нравственными міра, каковы бы они ни были. Юмористы этого рода весьма мало заботятся о томъ: хороши ли, добры, благовидны или безобразны лица, представляющіяся ихъ воображенію. Подмѣтка жизненныхъ противорѣчій, въ которыхъ замѣшаны всѣ эти лица безъ исключенія, даетъ и право на одинаковое обхожденіе со всѣми ими. Не то у нашего автора. На лица своего воображенія онъ смотритъ съ особенной точки — можно сказать, съ точки зрѣнія порядочнаго человѣка. Иногда кажется, что еслибъ смѣшные типы его познялись своимъ образованіемъ и исправились, то и перестали бы казаться смѣшными. У чистыхъ юмористовъ смѣшная сторона есть родовая принадлежность лицъ, съ которой они сойдутъ въ гробъ и которая ихъ не покинетъ, какъ бы не поставили они себя въ отношеніи общества и различныхъ требованій его. Вотъ почему, при необычайно развитой наблюдательности, въ первыхъ произведеніяхъ автора нашего чувствуется болѣе насмѣшливости, чѣмъ настоящаго юмора, болѣе пересуда, чѣмъ описанія, и болѣе остроумія, чѣмъ истинной юмористической веселости. Нѣтъ сомнѣнія, что наблюдательность, остроу-

ніе и способность сближенія разнокачественныхъ предметовъ часто достигаютъ изображенія и вѣрнаго, и занимательнаго, и представляющаго любопытные выводы, но, безъ участія поэзіи, разсказъ, основанный на нихъ однихъ, всегда будетъ отличаться нѣкоторой сухостію. Авторъ нашъ не могъ избѣгнуть вполнѣ этого недостатка: у него есть одинъ или два разсказа такого рода, но ихъ не стоитъ указывать. За то въ тѣхъ повѣствованіяхъ, гдѣ поэзія участвуетъ вмѣстѣ съ передачей жизненныхъ явленій, онъ достигаетъ результатовъ истинно замѣчательныхъ. Жесткость наблюденія исчезаетъ тогда въ тепломъ поэтическомъ одушевленіи и сама форма разсказа отъ собственственнаго лица является счастливой помощницей дѣлу. Личное настроеніе автора облекаетъ особеннымъ кроткимъ свѣтомъ фигуры и предметы, исправляя и превосходно дополняя все то, чего недостаетъ юмору его. Не станемъ указывать на маленькія образцовыя произведенія въ этомъ родѣ, потому что они извѣстны читателямъ, но скажемъ, что часто въ серединѣ разсказа неожиданно мелькаетъ у автора поэтическая картина, распространяя далеко кругомъ себя удивительно нѣжный и отрадный блескъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что поэтическій элементъ повѣстей исправляетъ всѣ черезчуръ крупныя линіи ихъ и значительно ослабляетъ дѣйствіе энергическаго выраженія, сообщеннаго физіономіямъ и частностямъ. Это полупрозрачная атмосфера, которая приводитъ въ гармонію краски и очертанія предметовъ, и это транспаранъ, укрощающій излишнюю яркость цвѣтовъ и самаго грунта картины.

Слѣдовало бы сказать о важной части поэтическаго элемента, которымъ занимаемся теперь, именно о способѣ описанія природы и мѣстностей, свойственномъ нашему автору и ему одному принадлежащемъ, но мы боимся вдаться въ излишнія подробности. Ограничимся нѣсколькими замѣтками. Чувство природы въ немъ врожденное, неподдѣльное, независимое отъ чужого примѣра или отъ литературныхъ требованій, какъ у многихъ другихъ — потому и выражающееся оригинально. Г. Тургеневъ не столько заботится о передачѣ общаго впечатлѣнія, производимаго явленіемъ, сколько объ уловленіи его характерной черты, его особенности, но этотъ анализъ и приводитъ его къ подробностямъ, исполненнымъ увлекательной истины. Со стороны искусства гораздо труднѣе оправдать то, что краски автора иногда собраны слишкомъ густо на одномъ мѣстѣ, а не ложатся ровно на всей поверхности ландшафта. Отличительную черту автора составляетъ однакожь его врожденная наклонность къ

свѣтлымъ и роскошнымъ явленіямъ; онъ нѣмъ передъ суровыми красотами сѣвера и даже какъ будто боится печальнаго чувства, возбуждаемаго тишиной поблекшей природы. Онъ поэтъ солнца, лѣта и только отчасти осени, точно такъ какъ г. Тютчевъ, съ которымъ имѣетъ много общаго во взглядѣ на природу и въ пониманіи ея. За всѣмъ тѣмъ внѣшняя обстановка, которую онъ даетъ своимъ представленіямъ, вѣрна и притомъ замѣчательно изящна. Она составляетъ превосходную раму, находящуюся въ полномъ гармоническомъ отношеніи съ тѣмъ, что въ ней заключено.

Между прежними и послѣдними разсказами г. Тургенева, къ которымъ теперь и переходимъ, есть одна общая черта, связывающая ихъ и сообщающая имъ сильное родовое сходство. Черта эта, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что каждая изъ повѣстей его имѣетъ видъ небольшаго психическаго факта, представленнаго на изслѣдованіе и разрѣшеніе читателя. Намъ хорошо извѣстно, что въ сущности всякій романъ и повѣсть вообще, если только не совсѣмъ лишены литературнаго достоинства, непремѣнно заключаютъ въ себѣ психическій вопросъ. Нѣкоторые романисты прямо и начинаютъ съ него, такъ-что разсказъ ихъ есть только математическое, послѣдовательное разрѣшеніе темы, заданной при началѣ. Событія и столкновенія характеровъ играютъ тутъ роль алгебраическихъ формулъ и уравненій. Другіе на оборотъ, выводятъ обыкновенно одинъ и тотъ же любимый свой образъ, одинъ и тотъ же взглядъ на предметы, ожидая, что психическій вопросъ явится самъ собою на концѣ, изъ поясненія ихъ. Невыгода этого рода состоитъ преимущественно въ томъ, что большею частію послѣдній выводъ заставляетъ расходиться съ авторомъ въ мнѣніи его насчетъ лицъ своего романа и, случается, уничтожаетъ самый взглядъ его на предметы. Тутъ развитіе романа идетъ на перекоръ цѣлямъ и намѣреніямъ автора. Гораздо большее число писателей предоставляютъ явиться психическому вопросу какъ онъ можетъ, занимаясь единственно обрисовкой характеровъ и изложеніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ ихъ на сцену. Тутъ дѣйствительно мысль есть уже случайность, которая можетъ находиться и можетъ не находиться въ разсказѣ. Г. Тургеневъ принадлежитъ къ тому отдѣлу писателей, которые не лишены преднамѣренной цѣли, но мысль которыхъ всегда скрыта въ нѣдрахъ произведенія и развивается вмѣстѣ съ нимъ, какъ красная нитка, пущенная въ ткань. Психическій вопросъ онъ проводитъ безъ предварительнаго увѣдомленія, да и оставляетъ разсказъ безъ

притязаній на разрѣшеніе его, предоставляя это вниманію читателей. Въ сдержанности его заключается не одинъ простой разсчетъ на возбужденіе любопытства, а вѣрное эстетическое чувство. Произведеніе должно носить въ самомъ себѣ все, что нужно, и не допускать вмѣшательства автора. Указанія послѣдняго всегда дѣлаютъ непріятное впечатлѣніе, напоминая вывѣску съ изображеніемъ вытянутаго перста.

Вездѣ замѣтна у автора нашего боязнь опредѣлить то или другое психическое положеніе внѣшнимъ, неправильнымъ образомъ т. е. разсужденіями отъ самого себя. Онъ тщательно избѣгаетъ роли повѣствователя, состоящаго на жалованьѣ у ходячей діорамы и машинально исполняющаго свою обязанность съ боку ея. Еще въ первыхъ произведеніяхъ, по излишнему простору, который вообще даетъ форма личнаго разсказа, кой-гдѣ встрѣчаются подсказы автора, какъ мы уже и замѣтили, но они совсѣмъ пропадаютъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ. Способъ, какимъ представляетъ онъ теперь психическій фактъ и объясняетъ моральный вопросъ, неразрывно соединенный съ нимъ, показываетъ значительную зрѣлость въ пониманіи искусства. Съ перемѣной формы разсказа отъ своего лица на разсказъ другого рода (объективный) онъ избѣгъ недостатковъ, часто являющихся у писателей отъ неумѣнья подчиниться строгимъ правиламъ послѣдняго. Авторъ нашъ не забѣгаетъ впередъ, чтобъ предварительно увѣдомить о выходѣ героя, о его способностяхъ и о мысли, которую призванъ олицетворить; еще менѣе позволяетъ онъ себѣ слѣдить за лицами своими, какъ нянька, наблюдая, чтобъ каждое шло прямо по начертанной дорогѣ и по сторонамъ не зѣвало. Въ новыхъ его произведеніяхъ нѣтъ ни узды, ни помочей — этихъ почти видимыхъ инструментовъ большей части нашихъ повѣствованій. Ни на одномъ изъ его лицъ не замѣтите вы того досаднаго значка, который показываетъ, чего искать въ человѣкѣ, и который повѣшенъ ему на шею, почти какъ аптекарскій этикетъ. Свободно движется его герой, сохраняя безъ примѣси родовую физіономію свою, и мысль автора очень ясно живетъ въ разнообразной игрѣ человѣческихъ страстей, въ естественномъ колебаніи характеровъ (потому что рѣшительно неподвижныхъ и опредѣленныхъ характеровъ нѣтъ на свѣтѣ) и въ случайной путаницѣ житейскихъ событій. Вотъ почему охотно займемся мы послѣдними разсказами г. Тургенева и по поводу ихъ скажемъ нѣсколько словъ о значеніи мысли въ литературныхъ произведеніяхъ вообще.

Прежде всего слѣдуетъ устранить изъ разбора повѣсть: «Три встрѣчи», которая, по нашему мнѣнію, можетъ служить любопытнымъ памятникомъ несостоятельности разсказовъ отъ собственнаго лица. Г. Тургеневъ, такъ мастерски пользовавшійся формою личнаго повѣствованія, долженъ былъ и показать всю слабую сторону ея вполнѣ. Она выступила у него въ «Трехъ встрѣчахъ» съ такой гордостію, самостоятельностію и отчасти съ такимъ кокетствомъ, что поглотила содержаніе. Въ разсказѣ есть нѣсколько блестящихъ страницъ, но фантастическое, эффектное содержаніе его къ тому только, кажется, и направлено, чтобъ освѣтить лицо разсказчика наиболѣе благопріятнымъ образомъ. Такъ нѣкоторые портретисты опускаютъ на окна свои пурпоровыя занавѣсы, чтобы получить отблескъ необычайнаго колорита для физіономій, списывающихся у нихъ. Послѣ повѣсти: «Три встрѣчи» форма личнаго разсказа уже была вполнѣ исчерпана авторомъ и возвратиться къ ней уже врядъ ли онъ могъ. Переходомъ къ новому роду произведеній была повѣсть: «Муму», а за ней появились: «Два пріятеля» и «Затишье», на которыхъ и останавливаемся.

Съ измѣненіемъ взгляда на значеніе, достоинство и сущность повѣствованія должна была измѣниться у автора, разумѣется, и манера изложенія. Если мы скажемъ, что теченіе разсказа сдѣлалось у него гораздо ровнѣе и глубже, то мы скажемъ нѣчто уже замѣченное, вѣроятно, всѣми читателями. Мы хотимъ однакоже обратить вниманіе ихъ не столько на качества изложенія, уже добытыя авторомъ, сколько на то, что оня предвѣщаютъ впослѣдствіи и какъ способны развиться. Это зачатокъ истинной, плодотворной дѣятельности. Еще болѣе чѣмъ на полученную долю эстетическаго наслажденія, смотримъ мы на стремленія автора, на цѣль, поставленную имъ самому себѣ. Мы видимъ, какъ расширяется у него пониманіе искусства и какую строгую задачу имѣетъ онъ передъ глазами. Разрѣшеніе ея еще впереди, но первыя основанія для разрѣшенія ея находятся теперь на лицо. Уже ровнѣе и постепеннѣе начинаютъ ложиться подробности, не скопляясь въ одну массу и не разражаясь вдругъ передъ вами, на подобіе шумнаго и блестящаго фейерверка. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеры начинаютъ развиваться последовательнѣе, выясняясь все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени, какъ это и бываетъ въ жизни, а не вставая съ перваго раза совсѣмъ цѣльные и обдѣланные, какъ статуя, съ которой сдернули покрывало. Сущность самыхъ характеровъ дѣлается уже не такъ очевидна: вмѣсто рѣзкихъ фигуръ, требующихъ

остроумія и наблюдательности являются сложныя, нѣсколько запутанныя физіономіи, требующія уже мысли и творчества. Юморъ старается, по возможности, избѣжать передразниванья и гримасы (гримаса можетъ быть и граціозна, но она все гримаса) и обращенъ на представленіе той оборотной стороны человѣка, которая присущна ему вмѣстѣ съ лицевой стороной и нисколько не унижаетъ его въ нравственномъ значеніи. Наконецъ и поэтическій элементъ уже не собирается въ одни извѣстныя точки и не бьетъ оттуда яркимъ огнемъ, какъ съ острія электрическаго аппарата, а болѣе ровно разлитъ по всему произведенію и способенъ принять множество оттѣнковъ. Таковы данныя, заключающіяся въ новыхъ разсказахъ г. Тургенева, и хотя полное развитіе ихъ еще впереди, но они уже принесли существенный плодъ. Читатель уже съ трудомъ можетъ найдти теперь рѣзкую забавную фразу, которая годилась бы въ поговорку и едва на нѣсколько минутъ можетъ остановить глазъ свой на особенно выпуклыхъ мѣстахъ разсказа, которыя скоро и пропадаютъ изъ вида, но за то онъ легко находитъ мысль, поясняющую ему множество лицъ, существующихъ вокругъ него. Понятно, что такое упрощеніе способовъ повѣствованія есть послѣдствіе упрощеннаго взгляда на искусство и награда за него. Авторъ стоитъ уже хорошо вооруженный передъ явленіями жизни. Онъ обращенъ къ нимъ прямо лицомъ, и выборъ его падаетъ смѣло на многочисленныя групы ихъ, не ограничиваясь особенными привязанностями и предпочтеньями. Отсюда и разнообразіе содержанія, такъ какъ никакое явленіе не забраковано предварительными соображеніями, и отсутствіе рутины, такъ какъ всякое явленіе порождаетъ и особенный способъ передачи. Кстати будетъ замѣтить, что произведенія, основанныя на другихъ началахъ, никогда не достигнутъ той степени крѣпости, которая отличаетъ произведенія, явившіяся просто изъ созерцанія жизни безъ всякихъ посредниковъ. Первымъ всегда будетъ недоставать свободы: они живутъ въ узахъ, сплетенныхъ и скованныхъ для нихъ еще раньше самого рожденія ихъ. Не говоримъ о произведеніяхъ, порожденныхъ однимъ какимъ либо литературнымъ направленіемъ, разъ навсегда укоренившимся въ умѣ писателя: предпочтеніе, оказываемое тогда какому либо роду явленій уже не допускаетъ повѣрки его всѣми другими и даетъ содержанію пьесы видъ рѣдкаго животнаго, хорошо сбереженнаго послѣ смерти его и хранимаго за стекломъ.

Опредѣливъ общій характеръ произведеній автора и способъ изложенія ихъ, любопытно посмотрѣть на самую сущность тѣхъ

психическихъ фактовъ, которые послужили основаніемъ для последнихъ разсказовъ его. Здѣсь встрѣчаемся мы съ довольно замѣчательнымъ явленіемъ. Въ обѣихъ повѣстяхъ своихъ: «Два пріятеля» и «Затишье» г. Тургеневъ еще занимается типомъ, весьма хорошо извѣстнымъ въ литературѣ нашей. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія литература наша постоянно и во всѣхъ видахъ старалась передать нравственную физіономію человѣка съ развитой мыслію, но съ неопредѣленной волей и ничтожнымъ характеромъ, съ громкими задачами для жизни и большими требованіями отъ нея, но съ безсиліемъ къ исполненію самой малой доли житейскихъ обязанностей. Подмѣчено было въ этомъ существѣ и господство фразы не въ однихъ только словахъ, но и въ поступкахъ, потому что дѣйствіе, основанное на пустой вспышкѣ, на вздорномъ подражаніи есть та же фраза, перенесенная только въ другую сферу. Существо это имѣло и другіе ясные родовые признаки. Такъ замѣтно въ немъ было отвращеніе отъ всякой ограниченной, то есть истинно полезной дѣятельности, и требованіе какого-то безмѣрнаго круга, который оно никогда и опредѣлить не могло, да и въ которомъ непремѣнно потерялось бы, если бы даже возможно было его существованіе. Жизнь такого характера, несмотря на всѣ его возгласы, течетъ обыкновенно въ самой пошлой, обыденной колеѣ и самъ онъ отличается еще рѣзкой неполнотой: онъ добръ и золъ, образованъ и грубъ — всегда въ половину. Почти всѣ наши лучшіе повѣствователи, за исключеніемъ можетъ быть г. Григоровича, пробовали уяснить этотъ сложный характеръ, и даже у второстепенныхъ писателей, при каждомъ появленіи героя, встрѣчаете вы знакомыя черты, несомнѣнно отнятыя отъ первообраза, который господствуетъ надъ общей фантазіей. Такъ въ нѣкоторыхъ портретныхъ галлереяхъ всѣ лица одной извѣстной эпохи, несмотря на особенности каждаго, имѣютъ одно общее выраженіе. Однако же постоянное участіе какого бы то ни было типа въ цѣлой массѣ литературной производительности уже почти несомнѣнно доказываетъ его дѣйствительное существованіе между нами или можетъ быть въ насъ самихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его способность дробиться на множество частей и принимать многоразличные оттѣнки свидѣтельствуетъ также и о сложномъ составѣ самой идеи, обиліи ея содержанія, о множествѣ родниковъ, бѣгущихъ къ ней и способныхъ на особое, частное изслѣдованіе. Вотъ почему узнаете вы одно и то же лицо въ формахъ совершенно противуположныхъ, въ одеждѣ свѣтскаго чиновнаго господина и въ вѣчномъ халатѣ бурша, въ пустомъ резонерѣ,

имѣющемъ претензію на идеализмъ, и въ праздномъ храбрецѣ, затѣявшемъ для себя роль практическаго человѣка, и т. д. Замѣчательно, что любимый типъ пропадаетъ въ искусствѣ только тогда, когда сильный талантъ внезапно или рядомъ послѣдовательныхъ очерковъ изобразитъ его во всей полнотѣ и самую идею, съ нимъ соединенную, исчерпаетъ до основанія. Съ этой поры прилежная работа писателей къ уясненію типа кончается, а начинается блѣдное подражаніе образу, данному сильнымъ талантомъ—кисть и созданіе покинуты, является работа, такъ сказать, по графарету. Несравненно важнѣе этого явленія тѣ послѣдствія для общества, которыя раждаетъ характеръ, вполнѣ доконченный, совершенно развитый въ искусствѣ: онъ начинаетъ пропадать мало по малу въ средѣ самой жизни. Мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія нашей мысли. Такъ намъ кажется, что нѣкоторые типы «Горе отъ ума» исчезли постепенно въ дѣйствительности, послѣ того, какъ показаны были во всей ясности общему сознанію. Намъ кажется также, что съ послѣдней главой «Евгенія Онѣгина» наступило время преобразованія для всѣхъ тѣхъ въ сущности грубыхъ натуръ, которыя выставляли свой эгоизмъ какъ доблесть, спокойное, безотчетное презрѣніе къ другимъ какъ превосходство надъ ними и скуку въ праздности какъ почетное занятіе. Въ этомъ обратномъ дѣйствіи искусства на жизнь, особенно замѣтномъ у насъ, состоитъ его положительная связь съ нею и его моральное значеніе, въ которомъ могутъ сомнѣваться только поверхностные эстетики. Нѣтъ сомнѣнія, что и типъ, теперь занимающій насъ, получилъ бы художническую жизнь въ литературѣ нашей со всѣми тѣми послѣдствіями, о которыхъ говорено, если бы мы имѣли вполнѣ лицо Тентетникова. По нѣкоторымъ сохраненнымъ чертамъ мы можемъ заключить, что, не ограничиваясь однимъ комизмомъ характера, глубокомысленный писатель хотѣлъ еще возвысить его до идеала, показать его въ соединеніи съ несомнѣннымъ благородствомъ стремленій и объяснить вообще серьёзную сторону, свойственную ему. Тогда дѣйствительно типъ былъ бы завершенъ и оконченъ въ искусствѣ.

Но такъ какъ этого не случилось, то характеръ естественнымъ образомъ распадается отъ раздѣла между производителями на множество кусковъ и грозитъ современемъ измельчаться и обѣднѣть. Уже по одному природному сочувствію къ жизненнымъ явленіямъ, г. Тургеновъ не могъ оставить типъ этотъ безъ вниманія. Онъ является и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, не забытъ и въ новыхъ. Въ повѣсти: «Два пріятеля» еще одинъ герой

ея Борисъ Андреичъ Вязовнинъ принадлежитъ къ семейству характеровъ, нами описанныхъ; въ повѣсти «Затишье» уже встрѣчаемъ два лица такого рода — самого героя Владиміра Сергѣича Астахова и удалаго, поэтическаго Веретьева. Здѣсь любопытно наблюдать, какъ авторъ выразилъ одну и ту же мысль посредствомъ разныхъ лицъ, по видимому, нисколько не схожихъ между собою.

Борисъ Андреичъ Вязовнинъ повѣсти «Два пріятеля», заѣхавшій въ деревню по домашнимъ обстоятельствамъ, знакомится съ сосѣдомъ, который гораздо ниже его по состоянію, уму, образованности и всѣмъ привычкамъ жизни, но которому онъ однакоже подчиняется отчасти добровольно, отчасти нехотя. Сосѣдъ по просту сбирается женить Бориса Андреича и везетъ его сперва къ провинціяльной львицѣ, потомъ въ почтенное семейство съ двумя образованными барышнями. Ни одна изъ этихъ знакомыхъ не получаетъ одобренія Вязовнина, потому что всѣ ужь очень ясны своимъ забавными сторонами, но, къ великому изумленію сосѣда, Вязовнинъ останавливаетъ вниманіе свое на простой, бѣдной, не очень умной, но хорошенькой дѣвушкѣ. Она же притомъ и хозяйка отличная. Сосѣдъ сбитъ съ толку: онъ не понимаетъ, что господамъ, въ родѣ Вязовниныхъ необходимы сильные нравственные удары для пробужденія ихъ чувствительности и что они склоняются обыкновенно или передъ старымъ, опытнымъ кокетствомъ или передъ рѣзкой идилліей. Вязовнинъ женился не по любви собственно, а по тому странному обману самого себя, который тоже свойственъ Вязовнинымъ. Въ извѣстныя эпохи (большею частію на поворотѣ къ старости) они насильственно сводятъ на землю и прикладываютъ къ текучимъ обстоятельствамъ свои прежнія грезы, то, что видѣли иногда въ неопредѣленныхъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Женившись, Вязовнинъ открываетъ всю бѣдность нравственнаго существа своего. Онъ не въ состояніи подчиниться новому своему положенію; онъ хотѣлъ бы соединить двѣ противуположныя вещи — опредѣленность, благоразумную правильность женатой жизни съ колебаніями и порывами человѣка, отыскивающаго себѣ еще точку опоры. Самъ не зная чего требовать отъ настоящаго, чего ожидать отъ будущаго, онъ составляетъ несчастіе жены, которая не можетъ и понять въ чемъ дѣло; наконецъ, просто въ одно утро убѣгаетъ изъ дома, который по наружности кажется такимъ тихимъ и счастливымъ. Онъ отправляется за границу, думая набрать моральной силы однимъ процессомъ движенія и перемѣны мѣстъ, и случайно, отъ неосторожности, погибаетъ на переѣздѣ,

освобождая жену свою, которая выходитъ замужъ за сосѣда. Такова мысль, заключенная въ этомъ небольшомъ разсказѣ: она развита безъ претензій и скромно таится въ обстановкѣ изъ провинціальнаго быта, между сценами и людьми, списанными очень вѣрно и ловко съ натуры.

Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ повѣсти: «Затишье» тоже пріѣзжаетъ въ деревню и тоже по первому приглашенію добраго сосѣда отправляется знакомиться со всѣмъ околоткомъ. Скажемъ кстати, что изображеніе этого безцвѣтнаго характера сдѣлано авторомъ спокойно, неторопливо, безъ наговоровъ и съ большою умѣренностію. Кто знаетъ, какъ трудно изображать совершенно пустыхъ и вмѣстѣ совершенно приличныхъ людей, тотъ пойметъ, что въ передачѣ такого характера обнаруживается степень зрѣлости и силы авторскаго таланта. Астаховъ весь состоитъ изъ однихъ поползновеній къ чему-либо и называетъ себя практическимъ человѣкомъ, прикрывая титломъ этимъ неспособность къ пониманію благороднаго въ жизни и мысли. Онъ мягокъ до безсилія, но всегда сохраняетъ строгую физіономію, которая служитъ ему защитой отъ насмѣшекъ и, при случаѣ, спасаетъ даже отъ шутовскихъ промаховъ. При первомъ появленіи дикой, энергической барышни, Маши, въ домѣ Ипатова, онъ предается уже поползновенію любви, а когда показывается подруга ея, блестящая и рѣзвая Надежда Алексѣевна, онъ и къ ней начинаетъ питать нѣчто подобное. Но Астаховъ наподобіе Сатурна глотаетъ свои чувства или, лучше, свои поползновенія къ чувству, потому что люди, подобные ему, рѣдко находятъ взаимность и привѣтъ у мало-мальски порядочной женщины. Ощущенія ихъ слишкомъ чахлы, да притомъ успѣху мѣшаетъ и постоянная ихъ забота — смотрѣть за собою, беречь себя, стоять вѣчно на сторонѣ противъ чужого глаза и посягательства на ихъ достоинство. За этой тупой работой уже нѣтъ возможности предаться чему либо другому, а еще менѣе такому чувству, которое именно подобную работу и исключаетъ. Рядомъ съ Астаховымъ, авторъ нарисовалъ широкими чертами портретъ Веретьева, который составляетъ, по видимому, совершенную противуположность съ первымъ. Веретьевъ исполненъ огня, удали, откровенной смѣлости. Онъ не боится выдать себя, потому что на себя надѣется, бодро смотритъ всѣмъ въ глаза, заливается цыганскими пѣснями, отдается теченію своихъ мыслей безъ оглядки и всегда сохраняетъ свою оригинальную красоту. Кажется ничего не можетъ быть противуположнѣе съ Астаховымъ, а между тѣмъ это одно и то же лице, одинъ и тотъ же человѣкъ только при разницѣ темперамен-

товъ. Они родня и братское сходство ихъ заключается въ томъ, что оба они не имѣютъ истиннаго, нравственнаго основанія въ характерахъ. Они лишены содержанія. Сила и блескъ Веретьева суть явленія чисто-физическія, условливаемыя молодостью, свойствомъ раздражительности органовъ и обращенія крови. За ними нѣтъ ничего болѣе важнаго, никакой настоящей поэтической или моральной подкладки. Это обманъ, производимый накопленіемъ матеріальныхъ силъ и пропадающій вмѣстѣ съ растратой ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ, съ наступленіемъ зрѣлыхъ годовъ Веретьевы предаются искусственнымъ возбужденіямъ и въ непрерывномъ чаду донашиваютъ свою репутацію любезныхъ людей, какъ раззорившійся богачъ донашиваетъ старое платье, начинающее падать лохмотьями. Обезображенные излишествами всякаго рода, Веретьевы тѣмъ только и разнятся отъ Астаховыхъ, что, будучи почти всегда умнѣе ихъ, сознаютъ свое паденіе, но въ сущности конецъ ихъ одинаковъ. Оба влачатъ печальную, апатическую жизнь: тотъ, который постепеннѣе, въ комфортѣ и окруженный приличными, серьёзными людьми, другой, который, по-распущеннѣе, на разныхъ перекресткахъ и окруженный точно такими же юношами, къ числу какихъ онъ самъ принадлежалъ нѣкогда. Онъ играетъ теперь роль старосты передъ ними.... Такова мысль послѣдняго произведенія г. Тургенева.

Мы приведены къ необходимости сказать нѣсколько словъ о сущности мыслей, доступныхъ разсказу вообще, и это не потому, чтобы хотѣли отвѣчать на какія либо системы и теоріи, а потому что запросъ на мысль постоянно слышится въ самомъ обществѣ, какъ мы имѣли много случаевъ убѣдиться. При всякомъ появленіи замѣчательнаго произведенія раздаются въ публикѣ восклицанія въ родѣ: это хорошо, но какая тутъ мысль и сколько тутъ мысли? Отыскивать причину такого упорнаго требованія мысли въ дѣлѣ искусства было бы слишкомъ долго, но замѣтимъ, что отъ молодыхъ, начинающихъ литераторовъ, общество, которое, по годамъ, ровесникъ литературы, ждетъ преимущественно *поученія*, а эстетическая форма, обиліе фантазіи, и красота образовъ стоятъ уже на второмъ планѣ при оцѣнкѣ произведеній. Постоянныя хлопоты о мысли, которыми занята не одна публика, но и критика, сообщаютъ педагогическій характеръ изящной литературѣ вообще, какъ это мы видимъ не только въ нашемъ прошломъ, но и въ нашемъ настоящемъ. Съ одной стороны кругъ дѣйствія литературы отъ этого, можетъ быть, и расширяется, но съ другой онъ утрачиваетъ большую часть самыхъ дорогихъ и существенныхъ качествъ своихъ —

свѣжесть понимапія явленій, простодушіе во взглядѣ на предметы, смѣлость обращенія съ ними. Тамъ, гдѣ опредѣляется относительное достоинство произведенія по количеству мысли и цѣнность его по вѣсу и качеству идеи, тамъ рѣдко является близкое созерцаніе природы и характеровъ, а всегда почти философствованіе и нѣкоторое лукавство. Не говоримъ уже о томъ, что на основаніи *мысли* легко быть судьею литературнаго произведенія всякому, кто признаетъ въ себѣ мысли (кто же не признаетъ ихъ въ себѣ), а на основаніи эстетическихъ условій это тяжелѣе. Не говоримъ также, что по существу критикъ, ищущихъ предпочтительно мысли, вся лучшая сторона произведенія, именно его постройка, остается почти всегда безъ оцѣнки и опредѣленія, но скажемъ, что обыкновенно и не тѣхъ мыслей требуютъ отъ искусства, какія оно призвано и способно распространять въ своей сферѣ. Подъ видомъ наблюденія за значеніемъ и внутреннимъ достоинствомъ произведенія, большею частію предъявляютъ требованія не на художническую мысль, а на мысль или философскую, или педагогическую. Съ такого рода мыслями искусство никогда имѣть дѣла не можетъ, да онѣ же много способствуютъ и къ смѣшенію всѣхъ понятій о немъ. Извѣстно, что каждый изъ отдѣловъ изящнаго имѣетъ свой кругъ, свой циклъ идей, нисколько не сходныхъ съ идеями, какія можетъ производить до безконечности способность разсужденія вообще. Такъ есть музыкальная, скульптурная, архитектурная, а также и литературная мысль. Всѣ онѣ обладаютъ качествами полной самостоятельности и не могутъ быть перенесены изъ одного отдѣла въ другой безъ того, чтобъ въ ту же минуту перемѣщенная мысль не сдѣлалась, вмѣсто истины, какою была на своемъ мѣстѣ, парадоксомъ и чудовищностію на другомъ. Даже подраздѣленіе родовъ еще обладаетъ своимъ особеннымъ кругомъ идей, равно не способныхъ къ передвиженію и подмѣну. Вотъ почему никогда нельзя составить изъ хорошей повѣсти какую либо порядочную драму и на оборотъ переложить хорошую драму въ изящную повѣсть, чему поучительный примѣръ мы имѣемъ въ «Анжело» Пушкина. Само собой разумѣется, что полный замѣнъ идеи какого либо отдѣла идеей посторонней, чуждой ему, какъ бы она въ сущности ни была глубока и почтенна, уже ничего произвести не можетъ, кромѣ умствованія безъ цѣли въ критикѣ и ложнаго произведенія безъ жизни въ созданіи. Насъ спросятъ: какого же родъ циклъ идей принадлежитъ повѣствованію и въ чемъ состоитъ сущность его? Отвѣтъ не затруднителенъ. Развитіе психологическихъ сторонъ лица или многихъ лицъ составляетъ основную

идею всякаго повѣствованія, которое почерпаетъ жизнь и силу въ наблюденіи душевныхъ оттѣнковъ, тонкихъ характерныхъ отличій, игры безчисленныхъ волненій человѣческаго нравственнаго существа въ соприкосновеніи его съ другими людьми. Никакой другой «мысли» не можетъ дать повѣствованіе и не обязано къ тому, будь сказано не во гнѣвъ фантастическимъ искателямъ мыслей. Гдѣ есть въ разсказѣ присутствіе психическаго факта и вѣрное развитіе его, тамъ уже есть настоящая и глубокая мысль. Всякому, разумѣется, дозволено находить, при случаѣ, что психическое положеніе разсказа или малозначительно, или избито, или наконецъ объяснено слишкомъ поверхностно (это часто такъ и бываетъ), но врядъ ли дозволено дѣлать разсказъ проводникомъ эфическихъ или иныхъ соображеній и по важности послѣднихъ судить о немъ. Ошибка тѣмъ страннѣе, что по связи всякаго лица съ эпохой, въ которой оно живетъ, хорошій разсказъ, не покидая своей скромной сферы уже самъ по себѣ способенъ имѣть и совершенно художественное и совершенно современное достоинство, отвѣчать всѣмъ требованіямъ творчества и требованіямъ образованности, но эта сторона его не можетъ имѣть ясности математической и нуженъ взглядъ критика, чтобъ открыть ее. Въ замѣнъ, если повѣствованіе основано на чистой мысли, но выраженной, какъ всегда выражается такая мысль, посредствомъ невозможнаго или противу-эстетическаго душевнаго настроенія, то мысль уже не спасетъ разсказа, какъ бы сама по себѣ ни была свѣтла и благородна. Произведеніе останется все-таки плохимъ, впечатлѣніе, производимое имъ, будетъ слабо, и вліяніе совершенно ничтожно. Все это, повторяемъ, рѣшились мы сказать, имѣя въ виду нѣкоторую часть публики нашей, которая безпрестанно занята вопросомъ: есть ли тутъ мысль и на сколько тутъ мысли?

И мы особенно благодарны автору за отсутствіе подобной отвлеченной мысли въ его произведеніяхъ, за предпочтеніе психическаго наблюденія и ясной передачи событія изложенію своего опыта или своихъ жизненныхъ идеаловъ, въ формѣ повѣствованія. Мы уже сказали, кажется, что въ новыхъ его произведеніяхъ качество, наиболѣе привлекающее читателя, есть дружеское, радушное отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ вообще. Какъ выборъ, такъ и простое, здравое пониманіе ихъ, показываютъ человѣка, способнаго найдти поэзію и художественную мысль на всѣхъ точкахъ горизонта, представляющагося глазу. Занимательность произведенія тутъ уже нисколько не зависитъ отъ педагогической идеи или отъ противоположности нравствен-

наго развитія и общественнаго положенія лицъ. Въ такой помощи авторъ уже не нуждается, занимательность у него рождается вмѣстѣ съ предметами и отъ способа представленія предметовъ. Вотъ почему настоящее достоинство разсказовъ совсѣмъ не въ описаніи типа, о которомъ мы сейчасъ говорили, болѣе для показанія способа, какъ выражается истинная, литературная мысль въ изящномъ произведеніи, чѣмъ для утвержденія за авторомъ права на какое либо важное открытіе и на особенную похвалу. Типъ этотъ слишкомъ общъ и вмѣстѣ слишкомъ раздробился: онъ безпрестанно просится въ дѣло и, вѣроятно, будетъ еще нѣсколько разъ являться у автора, но по самому свойству этому, врядъ ли найдетъ у него полное, совершенно законченное выраженіе для себя. Настоящее достоинство разсказовъ, по нашему мнѣнію, состоитъ именно въ обиліи прекрасныхъ мотивовъ, разсѣянныхъ по нимъ, во множествѣ картинъ, раждающихся безъ усилія и подготовки, въ легкой дѣятельности фантазіи, что уже почти всегда показываетъ полноту содержанія и зрѣлость таланта. По прочтеніи разсказовъ г. Тургенева, убѣждаешься невольно какъ въ богатствѣ предметовъ для описанія, находящемся подъ рукою автора, такъ и во внимательной жизни его между разнородными явленіями общества, которыя, по мѣрѣ разумнаго снисхожденія, оказываемаго имъ, всегда удесятеряются, множатся передъ глазами наблюдателя. Это залогъ дѣятельности, имѣющей обширное поле для разработки, и залогъ того, что она не будетъ стѣснена самимъ авторомъ, какъ это иногда случается у насъ. Въ разборѣ нашемъ мы не говорили о женскихъ лицахъ послѣднихъ разсказовъ г. Тургенева, но они особенно подтверждаютъ все сказанное нами, такъ какъ въ женскихъ лицахъ примѣсь абстрактной, посторонней мысли является всего ощутительнѣе и, скажемъ, всего безобразнѣе. Пусть вспомнитъ читатель провинціальную львицу, развязную барышню, сосредоточенную въ себѣ Машу, эффектную Наталью Алексѣевну — всѣ онѣ имѣютъ полную самостоятельность и не нуждаются въ помощи идеи, какъ хромой въ помощи костыля, всѣ онѣ переданы въ разсказѣ почти какъ свѣжее воспоминанье и хранятъ на себѣ черты, унесенныя изъ жизни. Такъ всегда выражается прямое наблюденіе послѣдней, безъ помощи тусклой педагогической призмы и безъ умствованія, которое непремѣнно углубляетъ черты каждаго образа и дѣлаетъ его образомъ отчасти вѣрнымъ и отчасти сочиненнымъ. Точно такой же свободной передачей отличаются и нѣкоторыя сцены, исполненныя поэтическаго блеска: пусть вспомнитъ читатель пѣсню, распѣваемую на террасѣ Ипатова дома, всѣмъ обществомъ

его, подъ руководствомъ Веретьева, и лѣтнюю грозу, которая идетъ какъ будто на встрѣчу удалой пѣснѣ и замыкаетъ ее. Все это носитъ признаки естественной поэтической воспріимчивости автора, а на ней только и созидаются произведенія истинно изящныя. Горькій, болѣзненный опытъ, воображеніе, распаленное уединенной мыслію, размышленіе, доведенное до состоянія экстаза или восторженности, разрѣшаются обыкновенно произведеніями, имѣющими свое относительное достоинство, но по большей части неудачными отъ разнородной смѣси, которую представляютъ. Отъ нихъ уже нельзя ожидать полноты эстетическаго наслажденія, которое поминутно прерывается и безпрестанно возмущено грубостію первыхъ поводовъ. Они имѣютъ видъ тѣхъ малорослыхъ и кривыхъ растеній, которыя поражаютъ иногда пышной зеленью на одной вѣтви, между тѣмъ какъ всѣ другія остаются голыми и безобразными.

Здѣсь обязаны мы сдѣлать нѣсколько замѣчаній, и ими заключимъ нашъ бѣглый обзоръ литературной дѣятельности г. Тургенева. Замѣчанія не будутъ относиться къ формѣ изложенія, потому что нѣкоторыя легкіе недостатки его есть послѣдняя дань автора старому направленію, отыскивавшему преимущественно частной, мѣстной выразительности, и, вѣроятно, пропадутъ сами собой, подобно тому, какъ потокъ, нашедшій правильный выходъ, быстро очищается отъ постороннихъ веществъ. Гораздо важнѣе этого нѣкоторые существенные недостатки, уже требующіе вниманія и творческихъ усилій со стороны автора. Прежде всего замѣтимъ, что онъ еще не вполнѣ дописываетъ свои лица и образы, отчего имъ и не достаетъ совершенной очевидности и слишкомъ много въ нихъ предоставлено отгадкѣ читателя. Тутъ осторожность созданія повредила ясности его. Между картиной, рѣзко передающей очертанія предметовъ, и бѣглымъ абрисомъ, не чисто обозначающимъ тѣ же очертанія есть еще середина, на которой мы и желали бы видѣть автора. Большая часть его лицъ написана не во весь ростъ, а только въ половину и даже менѣе: представленъ одинъ только бюстъ ихъ; большая часть его лицъ также взята въ профиль; полнаго облика ихъ мы не имѣемъ, а для замѣчательнаго произведенія, какого читатели вправѣ ожидать отъ г. Тургенева, необходимы прежде всего удовлетворительные размѣры и затѣмъ смѣлость высказать все свое содержаніе. Далѣе мы находимъ, что еще не всѣ лица и характеры автора совершенно оторваны отъ дѣйствительности и перенесены въ искусство. Многіе и очень многіе еще сохраняютъ видъ портретовъ и не очищены отъ неразумныхъ случайностей, отъ

подробностей, не имѣющихъ смысла, какія съ перваго взгляда встрѣчаются на самомъ дѣлѣ въ жизни, но какія не могутъ быть приняты въ искусствѣ. Очищеніе и поясненіе ихъ составляетъ сущность изящнаго вообще, какъ извѣстно. Правда, что цѣликомъ переносить изъ дѣйствительности образы легче, чѣмъ вдумываться въ нихъ, чѣмъ отыскивать слово, оправдывающее какую либо загадочную пустоту или странность, чѣмъ приводить въ порядокъ нравственныя черты характеровъ, всегда нѣсколько спутанныя въ природѣ, но безъ этого труда нѣтъ созданія, а стало быть и того полнаго впечатлѣнія, какое оставляетъ по себѣ всякое созданіе.

Если бы кто нашелъ противорѣчіе въ нашихъ словахъ съ тѣмъ, что мы говорили о прямомъ отношеніи къ жизненнымъ явленіямъ, тотъ ошибся бы. Именно, изъ соединенія художественнаго труда, съ простымъ взглядомъ на предметы, терпимостію и поэтическимъ пониманіемъ жизни являются тѣ стройныя, ясныя и вмѣстѣ мудрыя въ простотѣ своей созданія, которыя остаются памятниками въ литературѣ. Мы не знаемъ чѣмъ завершитъ свою дѣятельность г. Тургеневъ, но уже довольно ясно видимъ его стремленія къ высшему роду повѣствованія, въ которомъ событія и характеры, выставленные спокойно, безъ всякой утайки и вмѣстѣ безъ наговора, сами въ себѣ носятъ свой судъ, приговоръ и мысль, присущую имъ. Что за дѣло, что нѣкоторымъ избраннымъ дѣятелямъ этотъ способъ созданья, такъ сказать, врожденъ и что они съ него именно и начинаютъ, между тѣмъ какъ другіе завладѣваютъ имъ только послѣ ряда предварительныхъ опытовъ и постояннаго размышленія объ условіяхъ искусства. Заслуга отъ того не становится меньше, потому что истина не измѣняется, смотря потому, какъ была отыскана, внезапно или постепенно. Она все останется истиной, а сущность самаго таланта автора, всегда обращеннаго къ живой сторонѣ предметовъ, уже не допуститъ ни старческой вялости, ни болѣзненной блѣдности, иногда поражающихъ плоды, рожденныя однимъ опытомъ и размышленьемъ.

Отъ г. Тургенева переходимъ къ писателю, который особенно отличается твердой отдѣлкой своихъ произведеній и который всего болѣе можетъ подкрѣпить своимъ примѣромъ замѣчанія наши о роли, какую призвана играть «мысль» въ искусствѣ.

Авторъ «Исторіи четырехъ эпохъ» далъ публикѣ еще только описаніе двухъ первыхъ эпохъ своихъ, именно: «Дѣтство» и «Отрочество», но уже способъ созданья его достаточно уяснился и можетъ быть оцѣненъ критикой. Онъ, разумѣется, говоритъ

отъ себя и про себя, но здѣсь обыкновенные недостатки формы личнаго разсказа могли быть отстранены съ успѣхомъ по существу дѣла. Авторъ передаетъ намъ дѣйствительное развитіе собственнаго нравственнаго существа своего съ той минуты, когда мысль, какъ синій огонекъ разгорающагося газоваго проводника, едва-едва теплится, не освѣщая еще вокругъ себя ничего, до тѣхъ поръ пока, съ развитіемъ организма, она все болѣе и болѣе крѣпнетъ и начинаетъ ярко озарять предметы и лица. Само собой разумѣется, что строгость психическаго наблюденія, необходимаго при этомъ, уже должна была исключить произволъ, удальство въ пріемахъ и игру съ предметомъ описанія. Разсказы г. Л. Н. Т. имѣютъ строгое выраженіе и отсюда тайна впечатлѣнія, производимаго ими на читателя. Съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за нараждающимися впечатлѣніями сперва ребенка, а потомъ отрока и каждое слово его проникнуто уваженіемъ какъ къ задачѣ, принятой имъ на себя, такъ и къ возрасту, который столько же имѣетъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, нравственныхъ паденій и переворотовъ, сколько и всякой другой возрастъ. Все это не могло остаться безъ послѣдствій. Полнота выраженія въ лицахъ и предметахъ, глубокія психическія разъясненія и, наконецъ, картина нравовъ извѣстнаго свѣтскаго и строго приличнаго круга, картина, написанная такой тонкой кистью, какой мы уже давно не видѣли у себя при описаніяхъ высшаго общества, были плодомъ серьёзнаго пониманія авторомъ своего предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе первыхъ колебаній воли, сознанія, мысли у ребенка, благодаря тому же качеству, возвышается у автора до исторіи всѣхъ дѣтей извѣстнаго мѣста и извѣстной эпохи и какъ исторія, написанная поэтомъ, она уже заключаетъ рядомъ съ поводами къ эстетическому наслажденію и обильную пищу для всякаго мыслящаго человѣка.

Замѣчательная дѣятельность мысли была уже необходима, разумѣется, автору для представленія молодаго существа, жизнь котораго есть только развитіе идей, въ чемъ, между прочимъ, дѣти сходятся со многими писателями — разница только въ значеніи и качествѣ идей. Но при участіи мысли въ созданіи — первый вопросъ, представляющійся обсужденію — всегда одинъ: какъ проявляется мысль у автора? Повѣствованіе г. Л. Н. Т. имѣетъ многія существенныя качества *изслѣдованія*, не имѣя ни малѣйшихъ внѣшнихъ признаковъ его и оставаясь, по преимуществу, произведеніемъ изящной словесности. Искусство здѣсь находится въ дружномъ отношеніи къ мысли, постоянно присутствующей въ разсказѣ, и указать способъ, какимъ образомъ

совершилось это примиреніе — значитъ подтвердить живымъ примѣромъ основныя положенія нашей статьи.

Прежде всего должно замѣтить, что авторъ всегда держится перваго жизненнаго условія всякаго художественнаго повѣствованія: онъ не пытается извлечь изъ предмета описанія то, чего онъ дать не можетъ и потому не отступаетъ ни на шагъ отъ простаго психическаго изслѣдованія его. Нѣтъ признаковъ противоэстетическаго смѣшенія цѣлей въ разсказахъ г. Л. Н. Т. — ничего не приноситъ онъ имъ извнѣ, заготовленнаго другими, такъ же какъ отстраняетъ отъ нихъ вліяніе какихъ либо любимыхъ идей, почерпнутыхъ въ особенномъ представленіи общества и человѣка, болѣе или менѣе благородномъ, болѣе или менѣе имѣющемъ похвальную цѣль. Онъ избѣгъ этихъ пятенъ современной литературы: оттого и содержаніе произведеній его имѣетъ здоровый видъ, убѣдительность и ясность почти физическихъ предметовъ. Онъ зорко смотритъ на себя и вокругъ себя и мысль его въ обоихъ случаяхъ устремлена только на то, чтобъ показать сущность характеровъ и происшествій за внѣшними подробностями, затемняющими ихъ значеніе для менѣе проницательныхъ глазъ. Когда достигаетъ онъ поясненія ихъ ихъ же природными свойствами, онъ останавливается, не заботясь какой видъ начинаютъ они принимать послѣ того: работа его кончилась, и это мы называемъ художнической работой.

Затѣмъ любопытно посмотрѣть на самое приложеніе его психическаго анализа къ дѣлу. Едва вспоминаетъ онъ какое-либо дѣтское ощущеніе, какую-либо раннюю попытку ребяческой мысли, какъ въ то же время представляется ему давленіе этой мысли на самый характеръ молодого человѣка и цѣпь случаевъ, происшествій, вызванныхъ ею; другими словами онъ облекаетъ ее въ форму искусства, даетъ ей плоть и настоящее бытіе въ области изящнаго. Въ какомъ вѣрномъ отношеніи находятся эти результаты съ первымъ поводомъ, родившимъ ихъ, читатель можетъ убѣдиться самъ въ разсказахъ г. Л. Н. Т. Рѣдкіе писатели такъ логически послѣдовательны, такъ строго вѣрны своимъ идеямъ и рѣдкіе такъ сильно убѣждены въ единствѣ мысли и поступка, какъ г. Л. Н. Т. Все это показываетъ, во первыхъ, истинное пониманіе сущности автобіографіи, а во вторыхъ глубокое его познаніе самой природы того возраста, котораго онъ сдѣлался историкомъ. При этомъ живомъ, художественномъ объясненіи дѣтства есть одна черта у автора, которая показываетъ его способность пониманія предметовъ чисто поэтически, именно: онъ вѣруетъ въ жизненное дѣйствіе орга-

визма и съ настоящимъ чувствомъ поэта уловляетъ ту минуту, когда природа сама по себѣ, безъ всякаго пособія со стороны, даетъ искру мысли, первый признакъ чувства и первую наклонность. Онъ слѣдитъ потомъ за ходомъ ихъ во всемъ ихъ извилистомъ полетѣ черезъ множество ощущеній и случаевъ, которые они окрашиваютъ своимъ цвѣтомъ. Какъ поступаетъ авторъ въ отношеніи самого себя, своей внутренней исторіи, такъ поступаетъ онъ и въ отношеніи внѣшней обстановки, гдѣ судьба опредѣлила ему находиться. Онъ не обсуждаетъ тотъ кругъ, куда былъ поставленъ, и который, не очень глубоко и серьёзно понимая вещи, бережетъ только внѣшній видъ достоинства и благородства: онъ его описываетъ. Кругъ этотъ служитъ рамой для г. Л. Н. Т., гдѣ вращается повѣствованіе его о странствіяхъ дѣтской мысли, безпрестанно возникающей по закону собственной производительности. Отношенія между кругомъ и юнымъ наблюденіемъ, старающимся разгадать его и испытывающимъ на себѣ его вліяніе, составляетъ хронику, исполненную занимательности, перипетій и катастрофъ, которыя, къ удивленію читателя, оковываютъ его вниманіе, какъ перипетіи и катастрофы драматическихъ героевъ. И такимъ образомъ изъ представленія паралельнаго хода жизненныхъ явленій и психическихъ движеній образуется у него разсказъ, исполненный мысли и вполнѣ художественный.

Само собой разумѣется, что если таково общее впечатлѣніе его разсказовъ, то и всѣ подробности ихъ отличаются тѣмъ же характеромъ. У повѣствователя нашего уже почти нѣтъ малозначительныхъ внѣшнихъ признаковъ для лица, ничтожныхъ подробностей для событія. Наоборотъ каждая черта въ тѣхъ и другихъ доведена до значенія, иногда до разумности, смѣемъ выразиться, поражающей даже и такіе глаза, которые отъ привычки къ темнотѣ мало способны къ различенію предметовъ. Отсюда раждается замѣчательная выпуклость какъ лицъ, такъ и происшествій. Авторъ доводитъ читателя, неослабной провѣркой всего встрѣчающагося ему, до убѣжденія, что въ одномъ жестѣ, въ незначительной привычкѣ, въ необдуманномъ словѣ человѣка скрывается иногда душа его, и что они часто опредѣляютъ характеръ лица такъ же вѣрно и несомнѣнно, какъ самыя яркіе, очевидные поступки его. Обѣ части разсказа наполнены подобными изображеніями роли второстепенныхъ и третьестепенныхъ признаковъ въ жизни человѣка, но особенно выказалось это присутствіе мысли, наполняющей содержаніемъ все, до чего коснулась, въ главахъ втораго разсказа: «Отрочество». Въ одной

изъ нихъ, напримѣръ, авторъ рисуетъ способъ держаться двухъ подругъ, Любоньки и Катеньки, и не говоря ни слова о разницѣ ихъ характеровъ, открываетъ нравственную сущность обѣихъ дѣвушекъ — въ манерѣ ходить, носить голову, складывать руки, говорить съ людьми и смотрѣть на подходящаго — возвышая такимъ образомъ незначительные внѣшніе признаки до вѣрныхъ, глубокихъ психическихъ свидѣтельствъ. Происшествія въ разсказѣ имѣютъ точно такое же значеніе: вездѣ это переводъ мысли на дѣло, на существенность. Каждая дробная часть душевной, нравственной жизни отражается у автора въ такомъ же дробномъ, мелкомъ, но граціозномъ и вѣрномъ случаѣ. Истина обоихъ, какъ перваго повода, такъ и результата особенно подтверждается тѣмъ, что въ разсказѣ г. Л. Н. Т. нѣтъ признака анахронизмовъ или хронологическаго смѣшенія происшествій. Впечатлѣнія и событія дѣтства простѣе, наивнѣе, граціознѣе впечатлѣній и событій отрочества, которыя становятся сложнѣе, запутаннѣе, разсудочнѣе и потому драматичнѣе. Вотъ почему мысль и оболочка ея въ области искусства, т. е. характеры, образъ и событія слиты у автора и представляютъ одно цѣлое, дѣйствующее сильно и благодѣтельно на читателя.

Мы возставали противъ авторскаго вмѣшательства вообще въ разсказъ, но, конечно, подобное изложеніе двухъ первоначальныхъ эпохъ жизни не могло быть сдѣлано иначе какъ возмужалой рукой, которая вездѣ и проглядываетъ. Вмѣшательство автора тутъ, однако же, отходитъ въ общую систему, которая, какъ можно замѣтить, присутствовала при сочиненіи разсказовъ. Оно допущено какъ поясненіе того, что смутно лежитъ въ представленіи ребенка, но что уже лежитъ въ немъ несомнѣнно. Авторъ дѣлается только толмачемъ дѣтскихъ впечатлѣній. Такъ буря на дорогѣ во второмъ разсказѣ, столь превосходно описанная г. Л. Н. Т., конечно не такъ полно и подробно могла отразиться въ воображеніи ребенка, но она отразилась въ немъ цѣликомъ, грудой, уже заключавшей всѣ подробности, уловленныя и опредѣленныя въ послѣдствіи. Возмужалый авторъ только ихъ развилъ, извлекъ изъ темнаго представленія для ясной, поэтической картины и ею пояснилъ себѣ то, что въ первые года только чувствовалъ. Таково и вездѣ его вмѣшательство.

Оставляемъ нѣкоторыя критическія замѣчанія до полнаго выхода произведенія г. Л. Н. Т., но скажемъ теперь же, что если послѣднія двѣ части его разсказа, которыхъ ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, будутъ надѣлены такой же дѣльной мыслію и такимъ же изложеніемъ многоразличныхъ ея проявленій въ жизни,

то мы можемъ теперь же поздравить себя съ замѣчательнымъ литературнымъ явленіемъ. Конечно послѣдующая работа автора гораздо труднѣе, чѣмъ та, которую онъ уже представилъ публикѣ: дѣтство и отрочество имѣютъ въ самомъ себѣ много такого, что подкупаетъ и привлекаетъ читателя: эпоха юношества и возмужалости уже требуютъ изображенія характера, который по сущности своей, по своимъ стремленіямъ и даже по своимъ паденіямъ достоинъ былъ бы усилій и изысканій мысли. Тутъ предстоитъ опасность — встрѣтить разнорѣчивыя мнѣнія о человѣкѣ, чего вполнѣ можетъ избѣгнуть эпоха дѣтства, имѣющая въ себѣ и полное свое оправданіе. Не будемъ, однако же, загадывать напередъ, а скорѣе полагаться на природную силу таланта въ авторѣ, которую онъ особенно показалъ въ сферѣ искренняго и глубокаго разъясненія душевныхъ оттѣнковъ. Судя даже по тому, что теперь имѣемъ отъ него, мы уже съ полнымъ убѣжденіемъ причисляемъ г. Л. Н. Т. къ лучшимъ нашимъ разсказчикамъ и ставимъ его имя на ряду съ именами гг. Гончарова, Григоровича, Писемскаго и Тургенева, именами, которыя, конечно, останутся въ памяти читателей и на страницахъ исторіи русской словесности и будутъ почтены добрымъ словомъ какъ тамъ, такъ и здѣсь.

П. А—въ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ДЕКАБРЬ, 1854 ГОДА.

Мѣсяцословъ на 1855 годъ. *Спб.*

«Мѣсяцословъ», какъ и въ предъидущихъ годахъ, имѣетъ VII отдѣлений: свѣдѣнія церковныя, астрономическія, о естественныхъ событіяхъ, статистическія, историческія, почтовыя и свѣдѣнія разныя.

Пересмотрѣвъ внимательно всѣ семь отдѣленій и сравнивъ ихъ съ соотвѣтствующими отдѣленіями «Мѣсяцослова» предъидущаго года, не можемъ не поблагодарить издателей за ихъ стараніе сообщать своему изданію возможное совершенство въ тѣхъ предметахъ, которые подлежатъ улучшеніямъ и перемѣнамъ. Смѣло можно сказать, что самый привязчивый, самый требовательный читатель едва ли встрѣтитъ вопросъ изъ общественнаго быта, которому не удовлетворялъ бы «Мѣсяцословъ», если этотъ вопросъ относится къ предметамъ, имѣющимъ мѣсто въ календарѣ.

Первое отдѣленіе (свѣдѣнія церковныя) основывается на непреложныхъ правилахъ, обдуманныхъ и утвержденныхъ отцами церкви на Никейскомъ соборѣ. Понимающій всю важность дѣла всегда долженъ чувствовать благоговѣйную признательность за мудрое его исполненіе, и отъ души пожалѣетъ, что исправители юліанскаго календаря безъ всякой нужды отклонились отъ «Пасхаліи», принятой и строго сохраняемой Православной Церковью, и чрезъ то раздѣляли христіанъ въ празднованіи Великаго дня,

который однакожь въ приближающемся году будетъ празднованъ въ одинъ день всѣмъ христіанскимъ міромъ — 27 марта или 8 апрѣля; затѣмъ и Вознесеніе и Пятидесятница также придутся въ одни и тѣже дни по Юліанскому и Грегоріанскому календарямъ — 5 или 17 и 15 или 27 мая.

Второе отдѣленіе (астрономическое) также удовлетворительно, хотя для нѣкоторыхъ читателей не мѣшало бы долготы дней показать *открытыми* числами, а не однимъ временемъ восхожденія и захожденія солнца, потому что многіе скучаютъ самымъ незначительнымъ вычисленіемъ. Напримѣръ, желающій знать долготу дня 1 января долженъ 8 ч. 54 м., или время восхожденія солнца, вычесть изъ 12 ч. или изъ 11 ч. 60 м. и къ разности придать 3 ч. 25 м., время захожденія солнца. Также, нельзя не замѣтить, что на стр. 5 выставлены знаки зодіака которые въ «Мѣсяцесловѣ» не употребляются, потому что въ немъ явно не упоминается о видимомъ годичномъ движеніи солнца; а между тѣмъ было бы не лишнее въ началѣ каждаго мѣсяца означать вступленіе этого свѣтила въ соотвѣтствующій знакъ, и въ статьѣ «о мѣсяцесловѣ» прибавить объясненіе разности между знаками зодіака и созвѣздіями тѣхъ же наименованій. Въ томъ же отдѣленіи, кромѣ начала четырехъ временъ года, солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, показано замѣчательное соединеніе трехъ планетъ: Меркурія, Венеры и Марса, которое будетъ видимо 26 и 27 января вскорѣ по захожденіи солнца; явленіе любопытное, и желательно, чтобъ въ эти дни петербургское небо не было покрыто облаками. Наконецъ не безполезно замѣтить, что въ таблицѣ «элементы планетъ, находящихся между Марсомъ и Юпитеромъ» цифры въ кружкахъ означаютъ порядокъ ихъ открытій, и что въ прибавленіи къ этой таблицѣ вкралась не отмѣченная опечатка: *въ Ваалингтонѣ* вмѣсто *Вашингтонѣ*.

Въ третьемъ отдѣленіи содержится вскрытіе и замерзаніе рѣкъ: Невы, сѣверной Двины и Бѣлой, метеорологическія наблюденія въ С. Петербургѣ и Нерчинскѣ въ 1853 г., таблица среднихъ температуръ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и естественныя событія.

Къ таблицѣ среднихъ температуръ прибавлены выводы изъ наблюденій въ Таганрогѣ и Астрахани. Въ ней принято, что *зима* состоитъ изъ декабря, января и февраля: но для сравненія среднихъ температуръ не можно ли дѣлить метеорологическій годъ только на двѣ части, на зиму и лѣто, считая въ первой, тѣ мѣсяцы, въ которыхъ среднія температуры *ниже* нуля, во

второмъ же — тѣ, въ которыхъ среднія температуры *выше* нуля? Не яснѣе ли будутъ тогда понятія о мѣстныхъ климатахъ, выводимыя изъ ихъ сравненія? Такое дѣленіе не принесетъ ли очевидной пользы для полевыхъ работъ, и для невозможности разведенія того или другого рода растеній въ открытой атмосферѣ? Для поясненія нашей мысли разсмотримъ среднія температуры каждаго мѣсяца въ 1850, 1851, 1852 и 1853 г. въ С. Петербургѣ.

Зима.	*Зима.*	*Зима.*
1850 г. ноябрь, — 1°,24	1851 г. дек., — 1°,98	1852 г. ноя., — 4°,78
декабрь, — 1°,71	1852 г. янв., — 6,39	дек., — 3,07
1851 г. январь, — 5,39	фев., — 7,68	1853 г. янв., — 3,76
февраль, — 8,69	мар., — 2,54	фев., — 4,27
мартъ, — 5,02	апр., — 1,96	мар., — 6,40
Сред. — 4,410	Сред. — 5,700	Сред. — 4,454
Лѣто.	*Лѣто.*	*Лѣто.*
1851 г. апрѣль, + 3°,69	1852 г. май, + 6°,78	1853 г. апр., + 0°,57
май, + 6°,59	іюнь, + 13,06	май, + 7,07
іюнь, + 11°,08	іюль, + 12,19	іюнь, + 12,38
іюль, + 14,90	авг., + 12,68	іюл., + 14,25
августъ, + 12,23	сент., + 9,16	авг., + 11,93
сентябрь, + 10,42	окт., + 1,07	сен., + 8,21
октябрь. + 4,60	Сред., + 9,148	окт., + 4,81
ноябрь, + 2,19		Сред. — 8,460
Сред. + 8,250		

Изъ этихъ немногихъ годовъ видно уже: 1) зима продолжается въ С. Петербургѣ пять мѣсяцовъ, къ которымъ иногда принадлежитъ даже апрѣль; 2) отъ умѣренныхъ мѣсяцовъ лѣта къ самымъ жаркимъ, и обратно, переходы очень круты; 3) іюль бываетъ холоднѣе и іюня и августа; 4) зимы по большей части умѣренны, и 5) лѣтнее тепло явно недостаточно для созрѣванія жизненныхъ плодовъ и овощей, хотя иногда продолжается оно восемь мѣсяцовъ. Также любители дачи могутъ видѣть, что и въ маѣ рано еще выѣзжать изъ города. Ежели съ той же точки взглянемъ на ходъ среднихъ температуръ въ Москвѣ, извлекая его изъ многолѣтнихъ наблюденій, то увидимъ, что тамъ зима содержитъ только четыре мѣсяца: ноябрь, декабрь, январь и февраль; лѣто продолжается восемь мѣсяцовъ съ марта до октября включительно; средняя температура мая доходитъ иногда до + 13°, августа — до + 15° и пр. Намъ кажется, что такой способъ сравненія климатовъ заслуживаетъ вниманіе метеорологовъ.

Если взглянете въ таблицу вскрытія и замерзанія Невы, то и въ ней найдете, что петербургская зима продолжается пять мѣсяцовъ.

На замерзаніе и вскрытіе рѣкъ Императорская Академія Наукъ справедливо обратила особенное вниманіе, и вслѣдствіе своего приглашенія, напечатаннаго въ концѣ «Мѣсяцослова», получила любопытныя собранія наблюденій надъ сѣверною Двиною и надъ Бѣлою: изъ этихъ собраній видно, что сѣверная Двина бываетъ покрыта льдомъ болѣе шести мѣсяцовъ, т. е. въ Архангельскѣ во все это время продолжается зима; почти такою же продолжительною (5,26 м.) зимой пользуется и Уфа. Такимъ образомъ замерзаніе и вскрытіе рѣкъ должно считать важнымъ метеорологическимъ элементомъ; надобно только при наблюденіяхъ не опускать изъ вида, что замерзаніе рѣкъ много зависитъ отъ ихъ полноводія и быстроты.

Въ «естественныхъ событіяхъ» также отмѣчено много замѣчательныхъ метеорологическихъ явленій, какъ, напримѣръ, градъ въ Зангезурскомъ участкѣ, упавшій 10 іюня 1853 г. въ такомъ количествѣ, что на землѣ «образовался пластъ льду толщиною въ четверть аршина». Іюля 13, въ Вяземскомъ уѣздѣ, выпалъ градъ въ видѣ крупныхъ яицъ и гранатовыхъ яблокъ; градины, привезенныя въ Вязьму изъ-за 20 верстъ, вѣсили по три четверти фунта, и нѣкоторыя изъ нихъ были плоскіе кружки съ діаметромъ до двухъ, а съ толщиною до одного вершка. Упомянемъ здѣсь еще объ ураганѣ въ деревнѣ Мезнѣ, Суражскаго уѣзда; онъ начался въ 4 часа по полудни 31 іюля также 1853 г., и явился въ видѣ двухъ столбовъ (смерчей), раздѣлившихъ воды озера до самаго дна; съ озера онъ прошелъ чрезъ деревни Шарины, Тукалово и Плахины, въ которыхъ поднялъ на воздухъ 19 избъ съ принадлежащими къ нимъ строеніями и съ имуществомъ крестьянъ. И проч.

Въ IV отдѣленіи (статистическомъ) важнѣйшею статьею считаемъ «Народонаселеніе Россіи по губерніямъ и уѣздамъ, за исключеніемъ регулярныхъ войскъ, въ 1851 г.» Эта статья, драгоцѣнная для статистиковъ, составлена г. академикомъ П. И. Кеппеномъ. Изъ приложенной къ ней «перечневой таблицы» видно, что наиболѣе населенная губернія есть Вятская, а наименѣе — Архангельская, которая, однакожь, многолюднѣе Якутской области. Въ той же таблицѣ замѣчено, что покорныхъ и непокорныхъ, внутри предѣловъ Россіи обитающихъ горскихъ народовъ, должно считать до *полутора милліона*. Всего жителей обоего пола, за исключеніемъ регулярныхъ войскъ и двухъ кирги-

скихъ ордъ, 60,224,619. Если присоединимъ къ нимъ Царство Польское и Великое Княжество Финляндское, то выйдетъ 66.713,589.

Разсматривая «Мѣсяцословъ» 1854 г., мы замѣтили нѣкоторые пропуски и невѣрности въ географическихъ положенiяхъ русскихъ городовъ: нынѣ всѣ пропуски дополнены, и невѣрности исправлены.

За «росписью городовъ и пр.» слѣдуетъ вѣдомость о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ православнаго исповѣданiя, по эпархiямъ, въ 1852 г.» Изъ нея видно, что число родившихся превышало число умершихъ 752,205. За этою вѣдомостью слѣдуютъ: 1) вѣдомость о числѣ умершихъ женскаго пола православнаго исповѣданiя, по возрастамъ въ 1852 г.; г) вѣдомость о числѣ родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ по евангелическимъ приходамъ въ 1853 г.; и 3, 4 и 5) такiя же вѣдомости объ армяно-грегорiанцахъ, римско и армяно-католическихъ, и евреяхъ-караимахъ. Всѣ эти вѣдомости заключаются общею о родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся во всей Россiи въ 1852. Здѣсь видно, что число первыхъ болѣе числа вторыхъ 822,504. Наконецъ десятилѣтнiй перечень (1840—1850 г.) о родившихся и умершихъ въ Россiи показываетъ, что наименьшая смертность была въ 1844 г.: муж. пола умерло 883,195, женскаго 864,151, всего 1,747,346; наибольшее же число родившихся 2,846,548 принадлежитъ 1850 г. Изъ умершихъ въ Москвѣ, капитанъ Сосновскiй жилъ 122 года.

Подробныя вѣдомости о различныхъ гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведенiяхъ и числѣ учащихъ и учащихся занимаютъ *четырнадцать* страницъ и во всей полнотѣ обнаруживаютъ любопытную ихъ статистику, доказывающую отеческую попечительность правительства о распространенiи просвѣщенiя въ Россiи.

Въ вѣдомости о металлахъ, добытыхъ въ 1853 г. на казенныхъ и частныхъ промыслахъ, замѣчательны циферы золота (1,398 пуд. 21 ф. 93 зол. и 20 ф.), сырой платины (61 п. 11 ф. 14 зол.), свинца (40,003 пуд.), чугуна (14,517,524 пуд.) и желѣза 12,092,088 п).

Вѣдомость о состоянiи кредитныхъ установленiй въ 1853 г. свидѣтельствуетъ ихъ цвѣтущее состоянiе.

Изъ акцiонерныхъ обществъ самое прибыльное есть бумагопрядильная мануфактура въ Санктпетербургѣ, которая въ 1853 г. выдала по 14 процентовъ; за нею слѣдуетъ Россiйско-Американская компанiя, выдавшая въ 1852 г. по 12 проц.

Этимъ краткимъ обозрѣніемъ IV отдѣленія мы хотѣли показать его богатство статистическихъ данныхъ.

Въ V отдѣленіи (историческомъ), всякой остановится на «хроникѣ политическихъ происшествій» и на «некрологѣ примѣчательныхъ лицъ» во второй половинѣ 1853 г. и въ первой 1854 г. Первая начинается іюнемъ 1852 г. и оканчивается іюнемъ 1854 г: ; вторый же, собранный весьма тщательно, расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ, какъ мы желали того въ нашей рецензіи «Мѣсяцослова» на 1854 г. Къ этому отдѣленію приложена любопытная статья «о лѣтосчисленіи» академика Д. М. Перевощикова; въ ней, кромѣ историческихъ объясненій, относящихся къ лѣтосчисленію вообще, предложено много примѣровъ для повѣрки нашихъ лѣтописей посредствомъ Пасхаліи, и дано точное правило о счетѣ мартовскихъ и сентябрьскихъ годовъ (стр. 253).

Наконецъ о VI и VII отдѣленіяхъ (свѣдѣнія почтовыя и разныя) должно сказать, что они совершенно необходимы для справокъ.

Вѣстникъ естественныхъ наукъ, *литературно-художественная газета, издаваемая Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Испытателей Природы. 52 № съ политипажами въ текстѣ и 26 особыми рисунками. Москва. 1854.*

Исаакъ Ньютонъ.

Исторія внесенія естественныхъ наукъ въ русское общество начинается, какъ и многое въ русской жизни, съ Петра Вели-

каго. Перенесенныя къ намъ геніемъ преобразователя, именно въ то время, когда они возрождались въ Европѣ, естественныя науки принялись прочно, но развивались въ началѣ медленно. Самъ образователь положилъ имъ первое начало. Онъ скупалъ за границею, дорогою цѣною, собраніе рѣдкихъ естественныхъ произведеній, обращалъ на нихъ усиленное вниманіе своихъ подданныхъ, посылалъ въ отдаленные края путешественниковъ, заставлялъ во всемъ отечествѣ собирать и наблюдать чѣмъ либо замѣчательныя явленія природы. Общество слабо сочувствовало этимъ благимъ и усиленнымъ начинаніямъ, и только впослѣдствіи достигнувъ извѣстной степени общаго образованія, оцѣнило труды, понесенные во имя будущихъ плодовъ.

Городская ласточка.

Сосредоточенная по преимуществу въ тѣсной сферѣ немногихъ спеціалистовъ и ученыхъ обществъ, наука вначалѣ мало была доступна обществу; даже самостоятельные труды ученыхъ въ Россіи печатались чаще на иностранномъ, нежели на русскомъ языкѣ, очевидно потому, что ихъ труды были гораздо полезнѣе наукѣ вообще, нежели русскому обществу. Но съ теченіемъ времени, благодаря преподаванію естествовѣдѣнія въ высшихъ и среднихъ заведеніяхъ, и частнымъ трудамъ, разстояніе между

наукою и обществомъ уменьшилось на столько, что въ настоящее время уже возможно существованіе естественно-исторической газеты, назначенной вообще для читателей, не лишенныхъ до извѣстной степени образованія. Мы отъ души радуемся этому явленію: оно свидѣтельствуетъ, что естественныя науки начинаютъ входить въ кругъ потребности общественной жизни.

Боабабъ во второмъ періодѣ наростанія.

Въ началѣ прошлаго года мы извѣщали читателей («Современникъ» 1854. № 1, Смѣсь, стр. 103—104) о намѣреніи Московскаго Общества Испытателей Природы издавать «Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ», съ цѣлію передавать большинству читателей свѣдѣнія, добытыя по предметамъ естественныхъ наукъ особенно въ Россіи. Въ теченіе 1854 года Общество выполняло свое прекрасное намѣреніе съ постояннымъ рвеніемъ.

«Вѣстникъ», согласно съ своею цѣлію, передавалъ читателямъ все занимательное, полезное, общедоступное изъ того, что уже усвоено наукою.

Выпь, закинувшая голову передъ ревомъ.

Текстъ издавался еженедѣльно однажды (въ субботу), въ величинѣ одного печатнаго листа, въ большую четвертку, въ двѣ колонны, на хорошей бѣлой бумагѣ, съ нужными пояснительными политипажами и съ приложеніемъ къ двумъ нумерамъ газеты (т. е. два раза въ мѣсяцъ) одного большого, отлично сдѣланнаго рисунка, въ большую четвертку, изображающаго предметы по отраслямъ естественныхъ наукъ. Такимъ образомъ, читатели получили въ теченіе года слишкомъ 52 листа иллюстрированнаго текста и 26 рисунковъ, отлично сдѣланныхъ, большею частію въ два тона, иногда, по мѣрѣ надобности, иллюминованныхъ.

Итакъ, «Вѣстникъ» литературно-художественная газета, по предмету естественныхъ наукъ. По цѣли, а еще болѣе по вы-

полненію, «Вѣстникъ» явленіе не бывалое въ русской литературѣ. Естественная исторія доселѣ входила въ періодическія изданія, не болѣе какъ одинъ изъ предметовъ ихъ состава, или какъ предметъ, прилагаемый къ вопросамъ общественной жизни.

Но «Вѣстникъ» еще болѣе замѣчателенъ по выполненію. Дѣятельное участіе въ немъ приняли члены Общества и профессора гг. Давыдовъ, Ершовъ, Рулье, Щуровскій. Въ годовомъ изданіи 49 статей значительнаго объема и 81 мелкихъ статей въ Смѣси по чистой и прикладной наукѣ. Особенно выигралъ «Вѣстникъ» тѣмъ, что умѣлъ удовлетворить современному, живо-трепещущему интересу русскихъ читателей (см. статьи: «Гусиное озеро», «Телеграфы», «Каменный уголь», «Паровыя машины», «Черноземъ», «Чайки въ Соловкахъ», «Выпь», «Амазонская кувшинка или царскій цвѣтъ», «Папортникъ»). Мѣстные интересы также не были имъ пренебрежены. Подъ Москвою, въ селѣ Никольскомъ, недавно основанъ ботаническій садъ (князя П. П. Трубецкаго), который богатствомъ и роскошью предметовъ и содержанія напоминаетъ сады Разумовскаго и Демидова. «Вѣстникъ», въ описаніяхъ и рисункахъ знакомитъ своихъ читателей съ этимъ замѣчательнымъ садомъ. Въ Москвѣ теперь большой сводный звѣринецъ, какой въ Россіи чрезвычайно рѣдко можно видѣть. «Вѣстникъ», опредѣливъ научно привезенныхъ звѣрей, передаетъ ихъ также въ описаніяхъ и картинкахъ.

Мы извѣщали читателей, что въ августѣ мѣсяцѣ цвѣла въ Петербургѣ Амазонская кувшинка или царскій цвѣтъ, обратившій на себя общее вниманіе, — и до разцвѣтенія ея «Вѣстникъ» уже успѣлъ дать три большія статьи объ этомъ замѣчательномъ цвѣткѣ, приложивъ и два великолѣпныя изображенія его (одно изъ таблицъ въ семь тоновъ).

Короче, «Вѣстникъ» успѣлъ угадать новую потребность русскаго общества и прекрасно удовлеторялъ ей. Публика приняла «Вѣстникъ» такъ благосклонно, что онъ будетъ продолжаться и въ нынѣшнемъ году — событіе, котораго мы никакъ не рѣшились бы предсказывать при началѣ изданія.

Въ художественномъ отношеніи «Вѣстникъ» превзошелъ наши ожиданія. До нынѣ русскія иллюстрированныя изданія («Живописное Обозрѣніе», «Живописная Энциклопедія», «Живописный Сборникъ») выписывали политипажныя доски готовыя изъ-за границы, и только въ Петербургѣ «Литературная Газета» и «Иллюстрація» давали иногда политипажи русскіе. Москва же вовсе не знала сносныхъ политипажей. Въ «Вѣстникѣ» они не только удовлетворительны, но и рѣшительно не уступятъ хоро-

нимъ заграничнымъ. О достоинствѣ ихъ можно судить отчасти по четыремъ рисункамъ, помѣщеннымъ въ настоящей статьѣ, но предупреждаемъ читателей, что оттиски у насъ менѣе удовлетворительны, нежели въ «Вѣстникѣ», по типографскимъ причинамъ.

Отнынѣ русская публика убѣдилась, что Москва можетъ печатать превосходные литературно-художественныя изданія, и выпускать ихъ срочно, правильно и при всемъ томъ продавать дешево (пятьдесятъ-два листа иллюстрированнаго текста, 26 рисунковъ въ большую четвертку въ нѣсколько тоновъ за 6 руб. сер.). Въ 1855 году редакція «Вѣстника», какъ уже ею объявлено, чтобы не дробить статей, рѣшилась допустить въ своемъ изданіи нѣкоторыя измѣненія: «Вѣстникъ» будетъ издаваться два раза въ мѣсяцъ (въ первую и третью субботу), каждый разъ по два листа (32 колонны), на хорошей бѣлой бумагѣ, съ политипажами и каждый нумеръ (всего 26) съ таблицею, отлично сдѣланною и, по мѣрѣ надобности, въ нѣсколько тоновъ.

Мелочи изъ запаса моей памяти. М. Дмитріева. *Москва. 1854.*

Записки г. М. Дмитріева, въ которыхъ сохранено такъ много интересныхъ и даже довольно много важныхъ воспоминаній, обращали на себя вполнѣ заслуженное вниманіе журналовъ, когда помѣщались отрывками въ «Москвитянинѣ». Всѣ отдали должную справедливость ихъ занимательности, живости; всѣ хвалили и благодарили почтеннаго автора за то, что онъ подѣлился съ публикою своими воспоминаніями о Карамзинѣ, И. И. Дмитріевѣ, другихъ писателяхъ карамзинской эпохи, которыхъ коротко зналъ, и прежнихъ литераторахъ, разсказы о которыхъ слышалъ отъ своего дяди. Съ другой стороны были замѣчены г. Дмитріеву и недостатки, которыми онъ безъ всякой надобности обременилъ свои записки — враждебныя выходки противъ Н. А. Полеваго (вѣроятно за то, что когда-то Полевой написалъ разборъ сочиненій И. И. Дмитріева, въ которомъ было высказано основательное сужденіе о степени поэтической геніальности этого замѣчательнаго сподвижника Карамзина) и непріязненное расположеніе къ современной литературѣ за то, что нынѣ пишутъ не такимъ слогомъ, какой нравится почтенному автору въ сочиненіяхъ Иванчина-Писарева, Грамматина, Измайлова и другихъ. Въ одномъ изъ журналовъ подробно были указаны и мелочныя погрѣшности въ числахъ годовъ и заглавіяхъ книгъ, встрѣчающіяся иногда у г. М. Дмитріева и неизбѣжныя въ замѣткахъ, писанныхъ на память. Не считая нужнымъ по-

вторять здѣсь эти замѣчанія, сдѣланныя еще такъ недавно «Современникомъ» и другими журналами, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о мысляхъ, которыя вызываются взглядомъ на воспоминанія г. М. Дмитріева, какъ вполнѣ законченную книжку, въ которой авторъ передалъ все, что могъ передать «изъ запаса своей памяти».

Всѣ люди, занимающіеся исторіею русской литературы, жалуются на чрезвычайную скудость біографическихъ извѣстій о нашихъ старыхъ писателяхъ. Все, что намъ извѣстно о жизни Ломоносова или Державина, составитъ не болѣе, какъ очень тощую брошюрку. О Фонъ-Визинѣ князь Вяземскій издалъ довольно большой томъ; недавно вышла отдѣльная книжка или даже книга о Сумароковѣ; но изъ этого не должно заключать, чтобы намъ было извѣстно много о жизни этихъ писателей: бо́льшая половина названныхъ нами монографій занята выписками изъ сочиненій Фонъ-Визина и Сумарокова, разборомъ ихъ литературной дѣятельности, общими разсужденіями о современной имъ эпохѣ; собственно біографическихъ подробностей вовсе немного. Потому историки нашей литературы осуждаютъ своихъ предшественниковъ, чрезвычайно немногочисленныхъ, за то, что они «такъ мало заботились о сохраненіи для потомства живой и полной характеристики замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы». Это правда, наши старики не записали почти ничего о современныхъ имъ литераторахъ. Но, быть можетъ, они въ этомъ случаѣ были несовсѣмъ неправы — вѣдь говорятъ же нѣмецкіе философы, что каждый историческій фактъ имѣетъ свое основаніе, очень удовлетворительное: вѣроятно, и молчаніе современниковъ о Тредіаковскомъ, Сумароковѣ и Херасковѣ имѣетъ свои очень основательныя причины. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ насъ и книжка г. М. Дмитріева. На заглавномъ ея листѣ напечатанъ огромный списокъ литераторовъ, о которыхъ въ ней говорится; тутъ выставлено не менѣе сорока-четырехъ именъ, и между тѣмъ, вся книга заключаетъ въ себѣ не болѣе 174 страницъ. А большую часть изъ этихъ сорока-четырехъ литераторовъ г. М. Дмитріевъ зналъ лично, со многими былъ въ тѣсной дружбѣ. Какъ всѣ воспоминанія объ этихъ людяхъ составили только десять печатныхъ листовъ. Отчего это?

Достаточно взглянуть на содержаніе воспоминаній г. М. Дмитріева, чтобы убѣдиться, что о многихъ «болѣе было писать нечего». Что, напримѣръ, припоминаетъ г. М. Дмитріевъ о Херасковѣ? То, что онъ главнымъ достоинствомъ стиховъ почиталъ гладкость, и что былъ съ нимъ вотъ какого рода случай:

«Однажды Василій Львовичъ Пушкинъ (дядя А. С. Пушкина), бывшій тогда еще молодымъ авторомъ, привезъ къ Хераскову свои новые стихи. — Какіе? спросилъ Херасковъ — «Разсужденіе о жизни, смерти и любви, отвѣчалъ авторъ. Херасковъ приготовился слушать со всѣмъ вниманіемъ и съ большою важностью. Вдругъ начинаетъ Пушкинъ:

Чѣмъ я начну теперь? Я вижу, что *баранъ*
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ риема *барабанъ!*
Вы лучше дайте мнѣ зальцвасеру *стаканъ*,
Для подкрѣпленья силъ! Вранье не *алкоранъ* и т. д.

Херасковъ чрезвычайно насупился, и не могъ понять, что это такое? — Это были буриме, стихи на заданныя риѳмы. Важный хозяинъ дома и важный поэтъ былъ не доволенъ этимъ сюрпризомъ, а Пушкинъ очень оробѣлъ. Дядя мой сказывалъ, что это было очень смѣшно.»

Неудавшаяся шутка В. Л. Пушкина могла подать поводъ къ очень забавной сценѣ въ біографіяхъ и мемуарахъ — охотно тому вѣримъ; но если характеристическія черты поэтовъ должны были ограничиваться подобными анекдотами, то очень легко понять, что никому не приходило охоты тратить на нихъ время и бумагу.

Не г. Дмитріева также вина, если онъ гораздо подробнѣе, нежели о другихъ писателяхъ, говоритъ о графѣ Хвостовѣ и наивномъ В. Л. Пушкинѣ, надъ которыми всѣ подшучивали — историкъ разсказываетъ о томъ, что занимало людей извѣстной эпохи, и что́ же дѣлать, если въ эпоху, описываемую г. М. Дмитріевымъ, литераторы чрезвычайно занимались болѣе или менѣе остроумными насмѣшками надъ бѣднымъ гр. Хвостовымъ и простодушнымъ В. Л. Пушкинымъ. Прочтемъ слѣдующее мѣсто:

«Вотъ какъ принимали въ члены Арзамасскаго Общества Василья Львовича Пушкина. Пушкина ввели въ одну изъ переднихъ комнатъ, положили на диванъ, и навалили на него шубы всѣхъ прочихъ членовъ. Это значило, что новопринимаемый долженъ вытерпѣть, какъ первое испытаніе, *шубное прѣніе*, то есть *прѣть* подъ этими *шубами*. Второе испытаніе состояло въ томъ, что лежа подъ ними, онъ долженъ былъ выслушать чтеніе цѣлой французской трагедіи какого-то француза, петербургскаго автора, которую и читалъ самъ авторъ. Потомъ, съ завязанными глазами, привели его въ комнату, которая была передъ кабинетомъ. Кабинетъ, гдѣ были собраны члены, былъ ярко освѣщенъ, а эта комната оставалась темною, и отдѣлялась отъ него яркою огненною занавѣскою. Здѣсь развязали ему глаза, и ему представилось чучело, огромное, безобразное, устроенное на вѣшалкѣ для платья, покрыто

простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище — *дурной вкусъ*; подали ему лукъ и стрѣлы, и велѣли поразить чудовище. Пушкинъ (надобно вспомнить его фигуру: толстый, съ подзобкомъ, задыхающійся и подагрикъ) натянулъ лукъ и упалъ, пустивъ стрѣлу, потому что за простыней былъ скрытъ мальчикъ, который выстрѣлилъ въ него изъ пистолета холостымъ зарядомъ и повалилъ чучело. Потомъ ввели Пушкина за занавѣску, и дали ему въ руку эмблему Арзамаса, мерзлаго арзамасскаго гуся, котораго онъ долженъ былъ держать въ рукахѣ во все время, пока ему говорили длинную привѣтственную рѣчь. Рѣчь эту говорилъ, кажется, Жуковскій. Все это происходило въ 1816 или 1817 году».

«Такъ забавлялись въ то время люди, которые были уже не дѣти «но всѣ люди извѣстные — прибавляетъ г. М Дмитріевъ.— Никто не «считалъ въ то время предосудительнымъ шутить и быть веселымъ; «тогда не считали нужнымъ педантическую важность, убивающую «природную веселость!» Все это прекрасно и интересно, но зачѣмъ г. М. Дмитріевъ, разсказывая подобные анекдоты, прибавляетъ, что въ то время болѣе уважали литературу, нежели нынѣ, что даже Гоголь не пользуется нынѣ такою извѣстностью, какою прежде пользовался кн. Шаликовъ, потому что «тогда смотрѣли на сло«весность, какъ на самое благородное занятіе, а нынче смотрятъ, «какъ на гаерство пустыхъ людей»? Графъ Хвостовъ главное лицо въ воспоминаніяхъ г. Дмитріева, очень вѣрно отражающихъ тогдашнюю литературную жизнь: нашъ авторъ не менѣе десяти разъ возвращается къ гр. Хвостову; начнетъ говорить о какомъ нибудь литераторѣ, напишетъ нѣсколько строкъ — и видитъ, что безъ гр. Хвостова никакъ нельзя обойдтись, потому что литераторъ, котораго хочетъ изобразить почтенный авторъ «Мелочей», болѣе всего любилъ говорить о гр. Хвостовѣ, всего лучше острилъ надъ гр. Хвостовымъ! Потому безъ воспоминаній о гр. Хвостовѣ нѣтъ воспоминаній о русской литературѣ до Пушкина. Говоришь ли объ Арзамасскомъ Обществѣ — нельзя не сказать, что «въ рѣчахъ, произносимыхъ членами, много упоминался извѣстный гр. Хвостовъ» — слѣдуютъ анекдоты о немъ. Говоришь ли о журналѣ «Другъ просвѣщенія» — опять нельзя не упомянуть о томъ, какъ гр. Хвостовъ сѣлъ въ карету вмѣстѣ съ слушателемъ, бѣжавшимъ отъ чтенія его стиховъ. Говоришь ли о Дмитріевѣ — опять надобно сказать, какъ правдиво и вмѣстѣ деликатно высказывалъ онъ гр. Хвостову свое мнѣніе о его произведеніяхъ: «ваша ода ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ!» Говоришь ли о Мерзляковѣ —

необходимо упомянуть, что онъ поссорился съ Дмитріевымъ, принявъ на свой счетъ эпиграмму

Подзобокъ на груди, и подогнувъ колѣна
Нашъ Бавій говоритъ, любуясь самъ собой:
Отнынѣ будетъ всѣмъ поэтамъ моднымъ смѣна:
Всѣ классики уже переводимы мной! и т. д.

и объяснить, что «хотя этотъ портретъ былъ похожъ на Мерзлякова, который тогда переводилъ греческихъ классиковъ, но «эпиграмма написана была на гр. Хвостова, который переводилъ французскихъ классиковъ». Однимъ словомъ, безъ Хвостова не существуетъ ничто въ старинной литературѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, литература того времени была болѣе забавою чѣмъ дѣломъ. Нѣсколько человѣкъ, одаренныхъ талантомъ, писали потому, что чувствовали призваніе писать; но этихъ людей, если не ошибаемся, нельзя насчитать много въ теченіе ста лѣтъ, прошедшихъ отъ Кантемира до Пушкина. И даже изъ этихъ немногихъ не всѣ понимали, что литературная дѣятельность — высокое призваніе служить на пользу общую. Что остается затѣмъ? Сумароковъ и другіе труженики, не имѣвшіе даже никакого таланта, но имѣвшіе самолюбіе, и желавшіе пріобрѣсть знаменитость стихами, какъ другіе пріобрѣтали знаменитость роскошными обѣдами, свѣткостью, причудами. Но, повторяемъ, литература ни для кого, кромѣ немногихъ, не была цѣлью жизни. Это было сказано очень давно, и часто повторялось до тѣхъ поръ, пока «не разорвалась (по выраженію г. М. Дмитріева) цѣпь преданій», между прежними и нынѣшними критиками, пока не было отыскано въ старой русской литературѣ и самостоятельности, и занимательности, и всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми она никогда и не думала хвалиться. Отъ писателей перейдемъ къ публикѣ. Смотрѣла ли въ старину публика на литературу какъ на дѣло серьёзное, имѣющее существенную важность? Была ли хотя просто привычка къ чтенію? Гораздо менѣе, нежели теперь. Этимъ сказано ужь очень многое для людей, которые въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ, что литература сдѣлалась существенною потребностью ихъ жизни. Всѣхъ русскихъ писателей, начиная съ Кантемира и Ломоносова до Пушкина и Гоголя включительно не разошлось у насъ столько экземпляровъ, сколько Шиллера или Вальтеръ-Скотта между ихъ соотечественниками. Не слишкомъ гиперболически выразились бы мы, сказавъ, что каждая русская книга есть библіографическая рѣдкость; библіоманы перепечатываютъ старинныя книги, сдѣлавшіяся очень рѣдкими, въ числѣ десяти или двадцати-пяти экземпляровъ. Всѣ русскія изданія имѣ-

ютъ этотъ характеръ. Русская литература могла бы носить имя, которое Жуковскій избралъ заглавіемъ одному изъ собраній своихъ стихотвореній : «Для немногихъ». Что́ же было пятьдесятъ, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Русская публика состояла изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Имѣла ли какое нибудь вліяніе старая русская литература на общество? Въ отвѣтъ приведемъ слова кн. Вяземскаго (изъ его сочиненія о Фонъ-Визинѣ): «Напрасно старался я — говоритъ онъ — отыскать какіе нибудь слѣды вліянія комедій Фонъ-Визина на общество : этого вліянія рѣшительно не существовало.» Мы выбрали Фонъ-Визина какъ самый рѣзкій примѣръ. Ощутительно вліяніе литературы на общество началось только съ «Московскаго Телеграфа» — каковы бы ни были недостатки этого журнала, нещадно поражаемые г. М. Дмитріевымъ, должно признаться, что онъ знакомилъ своихъ читателей съ современными понятіями въ наукѣ и литературѣ. До того времени, если на публику нашу (повторяемъ, тогда чрезвычайно малочисленную) имѣли какое нибудь вліяніе книги, то не оригинальныя, а переводныя. Исторія переводной литературы, къ сожалѣнію представляющая въ настоящее время очень много затрудненій, по необработанности матеріаловъ, была бы едвали не интереснѣе исторіи оригинальной литературы стараго времени.

Однимъ словомъ, русская литература не занимала серьёзно публики, очень малочисленной; узкость кружка писателей въ свою очередь была чрезвычайна; удивительно ли послѣ того, что она оставила о себѣ мало извѣстій? Въ лѣтописи вносится только то, чѣмъ интересуется общество. Говоря это, мы не думаемъ утверждать, что изслѣдованія о старинной литературѣ, которыми занялись теперь съ бо́льшею ревностью, нежели когда нибудь, недостойны величайшаго вниманія. Каково бы ни было наше понятіе о настоящемъ положеніи русской литературы, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что она стала предметомъ, интересующимъ очень многихъ, получила нѣкоторую важность для общества, стала занимать нѣкоторое мѣсто въ исторіи націи. А какъ скоро извѣстное явленіе становится достойно вниманія исторіи, логическая необходимость требуетъ, чтобъ изслѣдованы были всѣ предыдущія степени его развитія, отъ самыхъ первыхъ его зачатковъ. Сами по себѣ періоды эти, быть можетъ, и не заслуживали бы особеннаго вниманія, но значительность послѣдующаго развитія заставляетъ изслѣдовать его зародыши. Такъ дѣтство замѣчательнаго человѣка становится пред-

метомъ нашего любопытства, хотя само по себѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго.

Какъ бы то ни было, исторія русской оригинальной литературы до Жуковскаго и Пушкина должна занимать, вмѣстѣ съ характеристикою развитія переводной литературы, чрезвычайно важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще, въ исторіи общественныхъ нравовъ и понятій. Нельзя отказать многимъ писателямъ XVIII вѣка въ почетномъ мѣстѣ—въ общей анекдотической исторіи русскаго общества, потому что въ числѣ ихъ были люди очень замѣчательные по благородству и энергіи характера. Память нѣкоторыхъ нашихъ писателей прошлаго вѣка всегда будетъ намъ также священна, какъ память другихъ дѣятелей на пользу просвѣщенія и другихъ благъ національной жизни. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованія о старыхъ нашихъ писателяхъ не могутъ не имѣть большой важности, не могутъ не приносить очень большой пользы, хотя бы даже результатомъ ихъ были вовсе не тѣ выводы, какихъ надѣются достичь многіе изыскатели, хотя бы обстоятельное изслѣдованіе всѣхъ этихъ 9,934 сочиненій и изданій, означенныхъ въ Каталогѣ Смирдина, и привело насъ къ тѣмъ же мыслямъ, какія возбуждаются чтеніемъ «Мелочей» г. М. Дмитріева. Вопросъ возбужденъ, слѣдовательно, требуетъ полнаго и основательнаго разъясненія, и чѣмъ ревностнѣе будутъ надъ нимъ трудиться, тѣмъ болѣе выиграетъ истина, хотя и нельзя думать, чтобъ изслѣдованія открыли какія нибудь сокровища, неизвѣстныя историкамъ русской литературы, говорившимъ, что все, бывшее до Пушкина, было только приготовленіемъ къ литературѣ въ настоящемъ смыслѣ слова, что существенное значеніе оригинальной литературной дѣятельности нашей до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія состояло въ приготовленіи читателей, въ образованіи нѣкоторой массы публики, съ нѣкоторою любовью къ чтенію, съ нѣкоторымъ эстетическимъ чувствомъ. Такъ или нѣтъ, вопросъ объ этомъ теперь сильно затронутъ, и чѣмъ скорѣе и обстоятельнѣе разрѣшится онъ, тѣмъ лучше. Потому, повторяемъ, нельзя не благодарить людей, которые, подобно г. М. Дмитріеву, дѣлятся съ нами матеріалами для его разрѣшенія.

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка, *изданный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Изданіе третіе. Спб. 1854.*

До тѣхъ поръ, пока мы не познакомились съ органическими

началами Беккера, въ русской грамматикѣ всѣ общія понятія о языкѣ были чрезвычайно неопредѣленны, сбивчивы, неправильны. Система органическихъ (полярныхъ) противоположностей, на которой Беккеръ основалъ ученіе о языкѣ, еще недостаточно оцѣнена для науки. А между тѣмъ, эта система современемъ должна проникнуть и въ другія науки и имѣть самыя благотворныя послѣдствія какъ для самой науки, такъ и для ея практическихъ примѣненій. Она чуждается произвола чисто-отвлеченной философіи, она вноситъ единящее, живое органическое начало въ положительныя наблюденія, она возводитъ положительную науку въ философскую и философскую низводитъ въ положительную. Она основана на самомъ простомъ и истинномъ началѣ: всякій *организмъ есть гармонія полярныхъ противоположностей* (т. е. такихъ противоположностей, которыя не уничтожаютъ другъ друга, а, напротивъ, обусловливаютъ себя взаимно и необходимы другъ для друга въ развитіи органической жизни). Поэтому наука должна изслѣдовать эти противоположности и показать ихъ взаимныя отношенія. Если науки умозрительныя по примѣру естественныхъ наукъ стали повѣрять свои выводы положительнымъ наблюденіемъ и въ настоящее время приходитъ къ живому органическому началу, то не худо и естественнымъ наукамъ приглядываться къ тому, что дѣлается въ области наукъ, изслѣдующихъ духовныя отправленія человѣческаго организма. Подробности, какъ бы ни были онѣ интересны для ученаго, все же не составляютъ науки, которая должна быть полной органической системой. Органическое начало внесено въ науку, и мы твердо увѣрены, что оно получитъ полное развитіе и послужитъ къ возрожденію каждой науки въ отдѣльности и къ соединенію всѣхъ наукъ, какъ живыхъ органовъ, въ одинъ великій организмъ знанія человѣческаго. Грамматика, имѣвшая прежде чисто практическое назначеніе, этимъ началомъ возродилась и получила все достоинство науки. Мы не говоримъ, чтобы система Беккера была совершенно непогрѣшительна, но въ основаніи своемъ она вѣрна. Утвердить русскую грамматику на этомъ основаніи было первой цѣлью изданія Академіею Общесравнительной Грамматики. Другая цѣль практическая. Между правилами грамматики и употребленіемъ языка въ литературѣ не было никакого согласія. Между тѣмъ какъ грамматика упорно держалась своихъ правилъ, языкъ шелъ впередъ, обычаи литературные измѣнялись. Въ самой литературѣ также господствовало разногласіе. Надобно было вывести грамматику изъ ея очарованнаго круга, согласить противорѣчія въ употребленіи языка и обычаямъ литературнымъ

дать прочность законовъ. Для достиженія этой цѣли академикъ И. И. Давыдовъ воспользовался всѣми лучшими изслѣдованіями о русскомъ языкѣ и старался указать правильныя формы языка. Иногда изъ двухъ противорѣчащихъ употребленій какой либо формы онъ не даетъ преимущества ни тому, ни другому, но указываетъ основаніе обоихъ, предоставляя окончательное рѣшеніе естественному развитію языка. Въ этомъ смыслѣ «Опытъ общесравнительной грамматики» есть справочная книга для каждаго грамотнаго человѣка. Потребность въ такой книгѣ была, и три изданія «Опыта» въ непродолжительное время показываютъ, что онъ удовлетворяетъ этой потребности. Перемѣны, сдѣланныя въ третьемъ изданіи, состоятъ въ слѣдующемъ: кромѣ нѣкоторыхъ исправленій, присоединены таблицы склоненій и спряженій; съ помощію академика И. И. Срезневскаго сдѣланы улучшенія въ опредѣленіяхъ и примѣрахъ; прибавлены остроумныя замѣчанія и изслѣдованія корреспондентовъ академіи Я. К. Грота объ удареніяхъ и В. И. Даля о нарѣчіяхъ русскаго языка; философское ученіе отъ сравнительнаго отдѣлено особымъ шрифтомъ.

Московская самоварница. *Сочиненіе* Петра Мед...а. *Москва, 1854.*

Русская литература въ 1854 году представила много поразительныхъ явленій. Читателями нашими, вѣроятно, еще не забыты «Любовь Поэта», «Капитанъ», «Діагоръ» и множество другихъ произведеній подобнаго качества. «Московская Самоварница» по времени появленія въ свѣтъ послѣдняя въ ряду этихъ произведеній 1854 года, столь скуднаго розами и другими благоуханными цвѣтами, и столь обильнаго дикорастущими репейниками, но она далеко не послѣдняя въ ряду ихъ по своимъ достоинствамъ. «Московскую Самоварницу» прочитаютъ съ удовольствіемъ люди, которые до сихъ поръ принуждены были довольствоваться знаменитымъ нѣкогда романомъ «Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ, или наши гуляютъ!» А. А. Орлова. Увы, какія грустныя мысли рождаются при этомъ воспоминаніи! Кто, кромѣ немногихъ избранныхъ, помнитъ теперь имя А. А. Орлова, котораго считалъ достойнымъ безсмертія самъ Пушкинъ? А со времени смерти плодовитаго романиста протекло не болѣе десяти лѣтъ! Увы, скажемъ, подражая знаменитому восклицанію Гамлета, еще не засохли чернила на дивномъ перѣ А. А. Орлова, а мы ужь забываемъ его! И кто позаботился сохранить для насъ біографическія извѣстія объ этомъ столь замѣчательномъ писателѣ? Никто, никто! Вотъ

какъ мы дорожимъ памятью знаменитаго нѣкогда сатирическаго писателя. Да, ни похвалы Пушкина, ни неоспоримое родство и таланта, и заглавій съ однимъ извѣстнымъ сочинителемъ нравственно-сатирическихъ романовъ—ничто, ничто не могло спасти А. А. Орлова отъ забвенія.

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей....

какъ сказалъ Державинъ. Почему эта мысль не остановила г. Петра Мед—ва? Неужели онъ думалъ, что «Московская Самоварница» прославитъ его имя, когда геніальное «Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ» не доставило безсмертія своему автору? Мы не напрасно сравниваемъ эти два произведенія: основная идея въ нихъ одна и таже — изображеніе подмосковныхъ гуляній; даже мѣсто дѣйствія одно — Марьина роща; и когда мы разскажемъ содержаніе «Московской самоварницы», читатели увидятъ, что г. Петръ Мед—ъ не назвалъ своего романа «Разгулье въ Марьиной рощѣ» только потому, что это заглавіе было уже употреблено прежде А. А. Орловымъ.

У автора былъ разочарованный пріятель Алексѣй, думавшій отъ сплина застрѣлиться и уѣхать за границу. Но авторъ сказалъ ему, что въ жизни есть много очаровательнаго, между прочимъ Настя, невинная красавица, промышляющая продажею чая и прочаго въ Марьиной рощѣ гуляющимъ купеческимъ сынкамъ. Алексѣй тотчасъ почувствовалъ влеченіе къ жизни, Марьиной рощѣ и Настенькѣ, прелестной самоварницѣ. Пріятели отправились искать любви и счастья. Пробираясь по рощѣ, они слышатъ, какъ повсюду гуляющіе мастеровые уговариваютъ другъ друга идти пить чай къ Настенькѣ, которую попросту называютъ «Настька» (стр. 21 и другія). Но едва только произносится имя «Настя» или «Настька», какъ мимо-разговаривающихъ проходитъ мрачный человѣкъ съ острою бородкою и ядовитымъ взглядомъ, и бросаетъ на разговаривающихъ такой взоръ, отъ котораго леденѣетъ кровь гулякъ. Этого таинственнаго незнакомца зовутъ Кузмичъ. Алексѣй влюбляется въ Настю, хочетъ на ней жениться; отецъ ему не позволяетъ; Кузмичъ его преслѣдуетъ, и таинственною силою опредѣляетъ Настю въ служанки къ нѣмцу-аптекарю, гдѣ честь ея подвергается разнымъ испытаніямъ. Наконецъ Алексѣй такъ живо и убѣдительно доказываетъ отцу невинность и красоту Насти, что старикъ даетъ свое согласіе; тогда и Кузмичъ изъ демона-гонителя обращается въ благодѣтеля Насти. Настя дочь его друга, завѣщавшаго Кузмичу хранить ея невинность; для сохраненія душевной

частоты своей воспитанницы, Кузмичъ отдаетъ ее на воспитаніе Ѳеонѣ, которая промышляетъ продажею чая и другихъ вещей пьянымъ гулякамъ. Однимъ словомъ, Настя невинна, Алексѣй счастливъ, все объясняется и кончается счастливѣйшимъ образомъ. Въ образецъ наивности и красоты картинъ, рисуемыхъ перомъ г. Петра Мед—а выпишемъ строки, въ которыхъ изображается первое появленіе Кузмича. Авторъ и Алексѣй, его пріятель, идутъ по Марьиной рощѣ, разсуждая о томъ, что московскіе цыгане артисты.

Въ это время раздались несвязныя слова и рѣзкія восклицанія; онѣ заставили насъ прекратить разговоръ и обернуться. Въ сторонѣ отъ дороги подъ деревомъ сидѣлъ молодой человѣкъ, безъ верхней одежды и галстуха, съ разстегнутымъ воротомъ и, мѣстами, запачканный грязью; онъ находился въ такомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ очень близокъ къ животнымъ.

— Экъ нарѣзался, Попойкинъ! сказалъ маленькій человѣкъ съ бородкой (*это и есть Кузмичъ*), проходя мимо насъ и кивая на жалкаго бѣдняка.

Бѣднякъ вдругъ вскочилъ на ноги, подперся въ бока обѣими руками, и покачиваясь, закричалъ хриплымъ голосомъ, узнавъ меня (*то есть автора*):

— А! Свейскій! Постой братецъ, я подойду! да куда же ты торопишься? А, знаю: къ Настькѣ! Чай пить!... Чортъ съ ней!... я все пропилъ! (стр. 21).

Избавляемъ читателей отъ продолженія. Еслибъ можно было давать совѣты писателю съ такимъ дарованіемъ, какъ г. Петръ Мед—ъ, мы посовѣтовали бъ ему прекратить знакомство съ г. Попойкинымъ: такія дружества не доводятъ до добра.

Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. *Географическій сборникъ*, *издаваемый* Николаемъ Фроловымъ. *Томъ III. Москва. 1854.*

Въ прошедшемъ году изданіе второго тома «Магазина» дало намъ случай помѣстить обширную критическую статью (Современникъ 1854, май и іюнь), въ которой показывалось развитіе основныхъ идей географіи и опредѣлялось высокое мѣсто, какое занимаетъ эта наука въ кругу человѣческихъ знаній. Не повторяя здѣсь высказанное такъ недавно въ нашемъ журналѣ, мы хотимъ, прежде нежели перейдемъ къ обзору статей, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ «Магазина», сказать нѣсколько словъ о ихъ общемъ характерѣ.

На физическую географію, на этнографію, даже на статистику до недавняго времени географы обращали очень мало вниманія; надъ всѣмъ преобладала такъ называемая «политическая географія», очень хорошо памятная каждому изъ насъ по тѣмъ учебникамъ, скучныя страницы которыхъ затверживалъ онъ съ такимъ трудомъ, и съ такою быстротою позабывалъ. Дѣло тогда обходилось очень просто, хотя, нельзя не признаться, очень сухо, такимъ образомъ: «границы Франціи; перечисленіе 86 или 87 ея департаментовъ, съ именами главныхъ городовъ; о каждомъ городѣ ровно по двѣ строки, какъ бы ни былъ важенъ, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ: Ліонъ, Марсель и Гавръ, Ваннъ, Бове и Тарбъ описывались одинаковымъ количествомъ словъ, почти одними и тѣми же словами; о томъ, что за народъ французы, какіе у нихъ нравы, какія понятія и обычаи, говорилось менѣе, нежели о томъ, что такое Privas, главный городъ Ардешскаго департамента, или Aurillac, главный городъ Кантальскаго департамента. Англія и Ирландія считались однимъ и тѣмъ же, хотя между этими странами и жителями ихъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства; королевство Саксонское и прусская провинція Саксонія не имѣли между собою ничего общаго, хотя на самомъ дѣлѣ эти земли различаются только краскою на ландкартахъ. Итальянцевъ даже не существовало для географіи, говорившей только, что королевство сардинское раздѣляется на десять округовъ, а великое герцогство Тосканское на пять. О Рейнѣ извѣстно было географіи только то, что онъ служитъ границею между Баденомъ и Франціею, потомъ между рейнскою Пруссіею и герцогствомъ Нассаусскимъ; объ Альпахъ — что тамъ есть гора Монбланъ, имѣющая столько-то футовъ вышины. *Однимъ* словомъ, физической географіи отдѣлялось въ старину въ толстомъ географическомъ трактатѣ пять страницъ, статистикѣ пять строкъ, этнографіи — ни одной строки.

Изъ этихъ пренебрегаемыхъ старинною географіею важнѣйшихъ составныхъ частей ея, первая успѣла убѣдить всѣхъ въ огромномъ своемъ значеніи физическая географія. Теперь каждый порядочный учебникъ обращаетъ надлежащее вниманіе на физическую часть землеописанія; даже у насъ являются атласы съ картами распредѣленія горъ, климатовъ, почвы, растеній, животныхъ и т. д. Статьями по этой отрасли землевѣдѣнія и по неразрывно связанной съ нею математической географіи по преимуществу наполненъ и III томъ «Магазина» г. Фролова, какъ составляли онѣ исключительное содержаніе второго тома. Мы вовсе не хотимъ считать эту спеціальность

недостаткомъ прекраснаго изданія г. Фролова; но мы должны поставить ее на видъ, и замѣтить, что ею далеко не исчерпываются интереснѣйшія для нашего времени стороны землевѣдѣнія; напротивъ, если даже оставить въ сторонѣ болѣе или менѣе случайныя и внѣшнія раздѣленія, которыми занимается такъ называемая политическая географія, то остаются двѣ другія важнѣйшія стороны землевѣдѣнія — этнографія и статистическія отношенія различныхъ земель и областей. Не будемъ говорить о значеніи статистическаго элемента въ географіи, потому что важность статистики, какъ отдѣльной науки, нынѣ достаточно признается всѣми, хотя въ географіи статистическая часть далеко еще не достигла надлежащаго развитія. Но скажемъ нѣсколько словъ о важности этнографіи въ системѣ общаго образованія, куда проникать она должна черезъ посредство географіи.

Не считаемъ нужнымъ распространяться о важности знакомства съ обычаями народовъ, которые могутъ быть названы представителями той или другой цивилизаціи, — само собою разумѣется, что качества каждаго особеннаго направленія цивилизаціи и возникшихъ вслѣдствіе его общественныхъ отношеній должны быть ближайшимъ образомъ провѣряемы изученіемъ нравовъ и обычаевъ народа, сложившихся или видоизмѣнившихся подъ вліяніемъ этихъ отношеній; нравы народа, образъ его жизни, житейскихъ понятій и привычекъ съ одной стороны, съ другой статистическія данныя представляютъ лучшее мѣрило для оцѣнки достоинствъ и недостатковъ разныхъ направленій цивилизаціи. Необходимость имѣть опредѣленное понятіе объ этомъ вопросѣ, одномъ изъ основныхъ въ общей системѣ понятій, не нуждается въ доказательствахъ. Но вмѣстѣ съ народами, стоящими на высокой степени развитія, землевѣдѣніе говоритъ о дикихъ и полудикихъ племенахъ, о народахъ съ мало выработавшимися или оцѣпенѣвшими формами жизни — оставляя всѣ другія области, изученіе которыхъ представляетъ гораздо большую, но съ тѣмъ вмѣстѣ и гораздо очевиднѣйшую важность, обратимъ вниманіе на значеніе ближайшаго знакомства съ нравами, понятіями и учрежденіями народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ умственнаго и общественнаго развитія.

Какъ ни возвышенно зрѣлище небесныхъ тѣлъ, какъ ни восхитительны величественныя или очаровательныя картины природы, человѣкъ важнѣе, интереснѣе всего для человѣка. Потому, какъ ни высокъ интересъ, возбуждаемый астрономіею, какъ ни

привлекательны естественныя науки, важнѣйшею, коренною наукою остается и останется навсегда наука о человѣкѣ. Чтобы пуститься въ дешевую ученость общихъ мѣстъ, которые хороши тѣмъ, что безспорны, напомнимъ о надписи дельфійскаго храма: «Познай себя». Позднѣе была высказана греческимъ философомъ великая мысль, всю истину которой постигли только въ послѣднее время, со временъ Канта, и особенно въ послѣднія десятилѣтія: «человѣкъ мѣрило всего». Конечно, ближайшимъ предметомъ нашихъ мыслей долженъ быть человѣкъ развитый цивилизаціею, его нравственныя и общественныя учрежденія, понятія, потребности. Но эти учрежденія и понятія жили такъ долго, образовались и измѣнялись подъ столькими различными условіями, что часто бываетъ трудно рѣшить, въ чемъ состоитъ ихъ первоначальная сущность и въ чемъ позднѣйшія измѣненія; не зная этого, часто бываетъ затруднительно рѣшить, что̀ именно въ извѣстномъ обычаѣ или учрежденіи мы должны считать необходимымъ для насъ, какія стороны его служатъ выраженіемъ дѣйствительной потребности, какія отжили свое время и при измѣнившихся условіяхъ продолжаютъ существовать только по закону косности, господствующему и въ общественныхъ отношеніяхъ, какъ въ мірѣ физическомъ. Итакъ очень часто бываетъ необходимо прослѣдить исторію предмета съ первобытныхъ его зачатковъ, чтобы рѣшить, дѣйствительно ли онъ сохранилъ свой истинный смыслъ, дѣйствительно ли удовлетворяетъ онъ въ томъ видѣ, какой имѣетъ теперь, настоящимъ отношеніямъ. Все это было бы можно показать на очень живыхъ примѣрахъ; но мы приведемъ только одинъ, конечно имѣющій въ народной жизни только второстепенную важность, но представляющій, между прочимъ, ту выгоду, что не требуетъ длинныхъ поясненій. Общая тема бо̀льшей части романовъ, повѣстей, стихотвореній въ наше время, какъ и прежде — такъ называемая романическая любовь. Ясно, что въ современной жизни не играетъ она такой важной роли, какъ въ литературѣ, которая должна изображать жизнь. Отчего жь это различіе между изображеніемъ и подлинникомъ? Составляетъ ли сущность поэзіи эта обыкновенная тема ея произведеній, такъ-что безъ влюбленныхъ героя и героини на самомъ дѣлѣ трудно обойтись роману? Многіе такъ думаютъ и осуждаютъ романъ на вѣчную односторонность. Но взглянемъ на зародыши, изъ которыхъ развилась новая литература, и дѣло представится въ другомъ видѣ. Важнѣйшая изъ первообразовъ новой поэзіи — народная поэзія и пѣсни трубадуровъ; начало нашей беллетристики находимъ въ ры-

царскихъ романахъ и сборникахъ, подобныхъ Декамерону Боккаччіо. Для народныхъ пѣсенъ и трубадуровъ любовь дѣйствительно была единственною поэтическою темою.

Точно таково же было положеніе дѣла въ обществѣ, которому принадлежали рыцарскіе романы: «Дама Сердца», выходя замужъ, становилась домохозяйкою, не болѣе; мужъ гораздо больше думалъ объ охотѣ, турнирахъ и мелкихъ междоусобицахъ, нежели о женѣ. Само собою разумѣется, что поэзія, находя въ этомъ обществѣ влюбленность единственнымъ гуманнымъ и живымъ элементомъ, сдѣлала ее главною темою; этимъ она была вѣрна своему назначенію служить отраженіемъ жизни. Точно то же надобно сказать о рыцарскихъ романахъ. Наконецъ книга Боккаччіо и другіе подобные сборники составлялись исключительно изъ анекдотовъ и разсказовъ, которые служатъ для препровожденія времени въ веселой компаніи; темою такихъ разговоровъ, постоянно бываютъ любовныя интриги. Все это показываетъ что главная тема произведеній, послужившихъ основаніемъ для послѣдующей литературы, давалась общественными отношеніями того времени; что народныя пѣсни, рыцарскіе романы и сборники анекдотовъ брали почти исключительнымъ содержаніемъ влюбленность потому, что общество на той степени развитія не представляло другихъ отношеній между мужчиною и женщиною. Нѣтъ сомнѣнія, что отвѣтъ этотъ, представляемый исторіею, въ значительной степени облегчаетъ рѣшеніе споровъ о томъ, въ сущности ли произведеній литературы лежитъ то̀, что̀ они повсюду вставляютъ любовь и влюбленность, или эта исключительность порождена исключительными условіями общественной жизни, и мы должны ожидать, что она исчезнетъ вмѣстѣ съ ними.

Мы не хотимъ преувеличивать важности историческаго способа рѣшать вопросы, какъ то̀ дѣлаютъ многіе. Главнымъ мѣриломъ рѣшенія вопросовъ жизни должны служить настоятельныя жизненныя потребности современнаго положенія дѣлъ. Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что при затруднительныхъ или просто спорныхъ случаяхъ, историческія соображенія многимъ людямъ помогаютъ утвердиться въ увѣренности о необходимости и основательности рѣшенія, требуемаго настоящимъ. Въ примѣрѣ, который мы указали, эти соображенія остаются на твердой исторической почвѣ среднихъ вѣковъ и греческаго міра, не увлекая насъ въ темныя области первоначальнѣйшей исторіи племенъ. Это потому, что мы взяли явленіе, самыя зародыши

котораго являются уже только при довольно значительномъ развитіи цивилизаціи. Не то бываетъ при историческомъ изслѣдованіи почти всѣхъ важнѣйшихъ понятій и учрежденій, — почти всѣ принадлежности общественной жизни возникли при самомъ ея началѣ, въ тѣ отдаленнѣйшіе періоды, которые не внесены въ лѣтописи, отъ которыхъ не осталось почти никакихъ памятниковъ, кромѣ общихъ и темныхъ намековъ, уцѣлѣвшихъ въ языкѣ. Потому-то въ последнее время, когда убѣжденія большинства стали шатки, и съ тѣмъ вмѣстѣ сомнѣнія его такъ робки, обратила на себя такое вниманіе историческая филологія, старающаяся отгадать характеръ древнѣйшихъ періодовъ историческаго развитія и объяснить первоначальный видъ и коренное значеніе понятій и учрежденій, въ измѣненномъ видѣ продолжающихъ господствовать до нынѣ. Для людей съ твердымъ характеромъ, съ довѣріемъ къ собственному сужденію, въ этихъ разъясненіяхъ нѣтъ необходимости; но для людей колеблющихся, нерѣшительныхъ — онѣ очень важны. Нѣкоторымъ читателямъ можетъ показаться, что мы отдалились отъ нашего вопроса о значеніи этнографіи — нѣтъ, мы теперь въ самомъ его средоточіи. Все, что съ неимовѣрными усиліями соображенія успѣваетъ добыть историческая филологія для объясненія первобытной жизни, сообщаетъ намъ этнографія въ живыхъ, простыхъ, ясныхъ разсказахъ; потому что, какъ мы имѣли случай недавно говорить, наши древнѣйшіе предки начали съ состоянія, совершенно подобнаго нынѣшнему состоянію австралійскихъ и другихъ дикарей, стоящихъ на низшей степени развитія, потомъ постепенно проходили тѣ состоянія нѣсколько болѣе развитой нравственной и общественной жизни, какую видимъ у различныхъ негритянскихъ племенъ, у сѣверо-американскихъ краснокожихъ, у бедуиновъ и другихъ азіатскихъ племенъ и народовъ; каждое племя, стоящее на одной изъ степеней развитія между самымъ грубымъ дикарствомъ и цивилизаціею, служитъ представителемъ одного изъ тѣхъ фазисовъ исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами въ древнѣйшія времена. Потому этнографія даетъ намъ всѣ тѣ историческія свѣдѣнія, въ которыхъ мы нуждаемся. Какъ восходя отъ подошвы горы къ ея вершинѣ, мы въ одинъ день видимъ физическую жизнь, принадлежащую всѣмъ временамъ года — у подошвы желтѣющія нивы осени и лѣта, выше яркую зелень весны, еще выше первое таяніе снѣговъ, и наконецъ царство зимы, — такъ перенесясь въ пустыни Америки, въ степи Азіи и Африки, мы переносимся въ жизнь тысяче-

лѣтія, предшествовавшаго періоду греческой цивилизаціи; обозрѣвая острова Великаго Океана, проникаемъ еще далѣе въ глубь вѣковъ. Степень развитія и внѣшнія условія жизни, съ нею соединенныя, почти безусловно владычествуютъ надъ характеромъ общества, его обычаями, понятіями и учрежденіями; самое развитіе въ характерѣ различныхъ расъ человѣческаго племени оказываетъ вліяніе, почти совершенно ничтожное сравнительно съ могущественнымъ дѣйствіемъ этихъ условій; потому-то для каждой степени развитія на низшихъ, для каждаго направленія цивилизаціи на высшихъ ступеняхъ исторической жизни человѣчества, существуетъ одинъ типъ; каковы нравы и учрежденія одного пастушескаго племени, таковы есть и были нравы и учрежденія всѣхъ племенъ, когда они стоятъ на той же ступени развитія; каковы нынѣ обычаи австралійцевъ, таковы же были обычаи всѣхъ племенъ, когда они были въ томъ же періодѣ младенчества. Итакъ, посредствомъ историческихъ разысканій о первобытныхъ временахъ жизни нашихъ предковъ мы открываемъ тѣ же самые факты, какія видимъ въ жизни различныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ; этнографія говоритъ совершенно тоже, что историческая филологія. Но есть и огромное различіе между этими очень важными въ наше время науками. Историческая филологія отгадываетъ, строитъ гипотезы, основанныя на скудныхъ и часто блѣдныхъ фактахъ, потому даетъ картины не полныя, не довольно подробныя и живыя, иногда несовсѣмъ точныя. Совершенно не таково положеніе этнографіи: она видитъ и передаетъ факты народной жизни во всей ихъ жизненной полнотѣ и точности; этнографъ видитъ своими глазами то, что при помощи изслѣдованій языка можно только предчувствовать. И вѣрность и полнота на сторонѣ этнографіи. Потому-то она должна быть главнѣйшею путеводительницею при возстановленіи древнѣйшихъ періодовъ развитія народовъ, ставшихъ нынѣ такъ высоко, но прошедшихъ черезъ тѣ же самые періоды жизни, въ которыхъ до нынѣ остаются различныя племена, живущія звѣриною ловлею, собираніемъ плодовъ или пастушествомъ.

И дѣйствительно, въ прежнее время мыслители, занимавшіеся изслѣдованіями о первоначальномъ характерѣ и значеніи различныхъ учрежденій и понятій, постоянно прибѣгали къ помощи извѣстій, представляемыхъ этнографію. У писателей, знаменитѣйшихъ проницательностью и обширностью своихъ соображеній по этимъ вопросамъ, безпрестанно мы встрѣчаемъ ссылки на путешественниковъ. Только со времени появленія истори-

ческой филологіи, былъ забытъ на время этотъ богатый и вѣрный источникъ положительныхъ свѣдѣній. Вмѣсто Кука и Бугенвиля начали цитировать исключительно Гримма. Но въ твореніяхъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей послѣднихъ годовъ, мы уже видимъ возвращеніе къ покинутой на время этнографіи. Они цѣнятъ по достоинству драгоцѣнные матеріялы, представляемые филологіею, но находятъ гораздо больше и гораздо положительнѣйшихъ извѣстій въ описаніяхъ дикарскаго и младенчествующаго быта у племенъ, которыя остались на этихъ древнѣйшихъ ступеняхъ развитія до нашего времени. Большинство ученыхъ конечно скоро послѣдуетъ примѣру, который указывается корифеями науки. Мы позволили себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ потому, что онъ имѣетъ у насъ нѣкоторый интересъ новизны; кромѣ того, намъ хотѣлось выставить на видъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ землевѣдѣнія, снова начинающую обращать на себя вниманіе философіи.

Третій томъ «Магазина землевѣдѣнія и путешествій» заключаетъ въ себѣ только двѣ небольшія этнографическія статьи: «Езиды» г. Березина, и «Воспоминанія о восточной Сибири» г. Корнилова. Онѣ безъ сомнѣнія будутъ прочитаны съ большимъ интересомъ, хотя ихъ почтенные авторы передали намъ только краткіе очерки видѣнныхъ ими земель и народовъ. Остальныя статьи имѣютъ предметомъ математическую и физическую географію Земного шара; г. Д. М. Перевощиковъ помѣстилъ въ «Магазинѣ» прекрасныя «Замѣчанія о математической географіи,» «Геодезическія и топографическія работы въ Россіи», дополненія къ этимъ двумъ статьямъ, и «Обозрѣніе русскихъ Календарей»; кромѣ того онъ «составилъ по Араго» статью «О термометрическомъ состояніи земли» и мы предполагаемъ, что по его же выбору переведена изъ Араго статья о Календарѣ. Г. Щуровскому принадлежатъ три статьи: «Ледники», «Русскіе каменно-угольные бассейны» и біографія Леопольда фонъ-Буха. Наконецъ переведена въ «Магазинѣ» обширная статья «Географическое распространеніе верблюда», изъ Риттера. Читатели видятъ, что почти весь третій томъ сборника г. Фролова составленъ изъ оригинальныхъ статей, и конечно согласятся съ нами, что надобно благодарить почтеннаго издателя за такое усовершенствованіе его изданія. Переходимъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ статей.

Имя г. Д. М. Перевощикова пользуется у насъ громкою извѣстностью, вполнѣ заслуженною, и если бы кто нибудь изъ многочисленныхъ почитателей почтеннаго русскаго математика

составилъ полное и основательное обозрѣніе ученой его дѣятельности, то нѣтъ сомнѣнія, онъ этимъ исполнилъ бы желаніе всякаго, интересующагося успѣхами наукъ въ Россіи. Въ настоящей статьѣ было бы неумѣстно входить въ разсмотрѣніе чисто ученой стороны дѣятельности г. Д. М. Перевощикова; но мы едва ли ошибемся, сказавъ, что въ послѣдніе тридцать лѣтъ никто не содѣйствовалъ столько, какъ онъ, распространенію астрономическихъ и физическихъ свѣдѣній въ русской публикѣ: Д. М. Перевощиковъ постоянно былъ первымъ, неутомимѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ людей, посвятившихъ свою ученую дѣятельность этому прекрасному стремленію. Количество написанныхъ имъ съ этою цѣлью статей очень велико; и по числу и по внутреннему достоинству онѣ въ русской литературѣ занимаютъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ подобныхъ произведеній. Четыре статьи, помѣщенныя имъ въ третьемъ томѣ «Магазина» прекрасны; онѣ составляютъ его украшеніе и придаютъ ему прочное ученое значеніе. «Замѣчанія о математической географіи» писаны съ педагогическою мыслью, и должны, по мысли автора, служить для преподавателей географіи пособіемъ при объясненіи математической части ея, затруднительной для многихъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что авторъ, извѣстный своимъ дарованіемъ популярно излагать научные вопросы, вполнѣ достигаетъ своей цѣли; рекомендуемъ его «Замѣчанія» вниманію учителей географіи — ничего лучшаго не было еще писано для нихъ на русскомъ языкѣ. «Обозрѣніе русскихъ Календарей» драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Мѣсяцеслова, ежегодно издаваемаго Императорскою Академіею Наукъ, и Календарей, прежде него изданныхъ въ Россіи. Г. Перевощиковъ внимательно просматриваетъ календари съ 1710 года до настоящаго времени, и отмѣчаетъ въ нихъ все интересное и характеристичное. Всѣ интересующіеся исторіею русской литературы, будутъ благодарны ученому автору за этотъ обзоръ, составленный съ такою основательностью. Переходя къ статьѣ «Геодезическія и топографическія работы въ Россіи», выразимъ прежде всего сожалѣніе о томъ, что объемъ нашего краткаго обозрѣнія не позволяетъ войдти въ подробности, необходимыя для объясненія важности тригонометрическихъ съемокъ и астрономическихъ опредѣленій долготы, потому не позволяетъ намъ и изложить содержанія полнаго и яснаго обозрѣнія этихъ трудовъ, представленнаго ученымъ авторомъ. Сначала говоритъ онъ о предложеніяхъ Ломоносова, потомъ о топографическихъ съемкахъ и тріангуляціяхъ, опредѣленіяхъ долготы Пулковской и Московской Обсерва-

торій, большомъ измѣреніи меридіана отъ Фуглонеса въ Норвегіи (70°40') до Измаила на Дунаѣ (45°20') и проч. Составленное по Араго г. Перевощиковымъ разсужденіе «О термометрическомъ состояніи земли» очень интересно; а какъ важнѣйшія заключенія его могутъ быть изложены безъ обширныхъ объясненій, то приведемъ ихъ здѣсь.

Извѣстна гипотеза, что сѣверная часть Сибири, гдѣ находятся остовы животныхъ сродныхъ съ тѣми, какія нынѣ встрѣчаются только въ тропическихъ земляхъ, пользовалась нѣкогда климатомъ, какой нынѣ сохраняли только тропическія страны; по другой, столь же извѣстной гипотезѣ, предполагается, что нѣкогда вся наша планета была въ расплавленномъ или даже газообразномъ состояніи: на основаніи этихъ соображеній можно было бы предполагать, что температура земного шара, понижавшаяся въ доисторическія времена, продолжаетъ понижаться и нынѣ, и что если не мы, то наши потомки подвергаются опасности увидѣть всю поверхность земного шара замерзшею и умереть отъ холода. Такое мнѣніе часто повторялось людьми, поверхностно знакомыми съ наукою. Араго, основываясь на строгихъ вычисленіяхъ и положительныхъ наблюденіяхъ, показываетъ неосновательность подобнаго предположенія. Прежде всего приводитъ онъ обыкновенное доказательство, что если бы температура земного шара, взятаго какъ одно цѣлое, уменьшалась, то уменьшался бы и его поперечникъ, по извѣстному закону, что всѣ тѣла, охлаждаясь, уменьшаются въ объемѣ; а если бы поперечникъ земного шара уменьшался, то сократилось бы и время суточнаго обращенія земли на своей оси, по общему правилу, что чѣмъ менѣе становится поперечникъ вертящагося шара, тѣмъ скорѣе онъ начинаетъ обращаться при одинаковости вращающей его силы. Вычисленія показываютъ, что еслибъ земля охладѣла только на одинъ градусъ, то время суточнаго обращенія сократилось бы слишкомъ на полторы секунды. Но мы имѣемъ очень точное измѣреніе времени обращенія луны около земли, сдѣланное еще до Рождества Христова греческими астрономами. Оно продолжаетъ быть совершенно точнымъ и для нашего времени. А еслибъ время сутокъ сократилось, то періодъ обращенія луны сталъ бы, по сравненію съ сутками, продолжительнѣе; сличая греческое измѣреніе этого періода съ нашимъ, относительно ихъ одинаковости, мы не можемъ ошибиться и въ одной сотой части секунды; а какъ охлажденіе на одинъ градусъ произвело бы разницу въ полторы секунды, то ясно, что земля, въ продолженіе слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, протекшихъ между нашимъ

и греческимъ измѣреніемъ луннаго мѣсяца, не охладилась и на одну сто-пятидесятую часть градуса. Кромѣ этого извѣстнаго положительнаго доказательства, Араго представляетъ множество другихъ, отрицательныхъ, основанныхъ на томъ, что ни одно изъ обстоятельствъ и отношеній, имѣющихъ замѣтное влiяніе на температуру земной поверхности, не измѣняется, а тѣ условія, которыя подвержены измѣненію, не имѣютъ почти никакого вліянія на температуру земли. Одинаковость температуры въ древнѣйшія времена съ настоящимъ ея состояніемъ доказываетъ онъ также историческими свидѣтельствами о томъ, какого рода растенія могли производить въ древности и производятъ нынѣ извѣстныя страны и мѣста — изъ этого сравненія оказывается, что гдѣ не измѣнялся климатъ отъ осушенія болотъ и вырубки лѣсовъ (чтò до нѣкоторой степени возвышаетъ темпаратуру странъ) тамъ продолжаетъ онъ производить тѣ же самыя растенія, какъ и въ глубокой древности, слѣдовательно не сдѣлался ни теплѣе, ни холоднѣе. Всѣ эти доказательства и соображенія изложены, какъ всегда у Араго, очень популярно и вмѣстѣ глубокомысленно, и пріобрѣтаютъ новый интересъ для науки отъ множества задачъ, важность рѣшенія которыхъ онъ показываетъ, указывая съ тѣмъ вмѣстѣ, какія нужно произвесть наблюденія для того, чтобъ рѣшить ихъ основательнымъ образомъ.

Тѣми же достоинствами отличается и статья Араго о календарѣ, дополненная примѣчаніями Д. М. Перевощикова. Но мы незнаемъ, почему изъ Риттера выбрана для перевода огромная статья «Географическое распространеніе верблюда въ Старомъ Свѣтѣ»; не можетъ быть и спору въ томъ, что написана она съ огромною ученостью; но предметъ ея слишкомъ спеціаленъ, и едва ли можно было удѣлять въ «Сборникѣ Землевѣдѣнія» 140 страницъ изслѣдованію о первоначальной родинѣ и постепенномъ переселеніи одного животнаго. Намъ кажется, что лучше было бы избрать изслѣдованіе, представляющее болѣе общаго интереса —у Риттера нѣтъ недостатка въ такихъ трактатахъ. Тоже самое должны мы сказать о статьѣ г. Щуровскаго «Ледники». Если бы авторъ изложилъ теорію Агасси и другихъ, относительно значенія ледниковъ въ измѣненіи поверхности земного шара, это имѣло бы общій интересъ; но онъ ограничивается простымъ описаніемъ состава и вида ледниковъ—это не можетъ имѣть для русскихъ читателей такой занаматеьности, которая уполномочивала бы помѣщать обширную статью. Гораздо болѣе интереса въ жизнеописаніи великаго геолога Леопольда фонъ-Буха, потому что здѣсь г. Щуровскій подробно объясняетъ значеніе его тру-

довъ въ наукѣ, излагаетъ его теорію и важнѣйшія открытія. Если мы замѣтимъ, что авторъ напрасно сдѣлалъ сухими многія страницы своей статьи, изчисляя всѣ мелкія сочиненія фонъ-Буха, то замѣтимъ единственно съ тою цѣлью, чтобы обратить на это вниманіе самого автора. Не должно забывать, что подобныя статьи пишутся для большинства публики, а не для специалистовъ, которымъ ужь очень хорошо извѣстна и жизнь Леопольда фонъ Буха и полный списокъ его сочиненій, который приложенъ къ концу статьи г. Щуровскимъ, не удовольствовавшимся тѣмъ, что нѣсколько десятковъ этихъ сочиненій ужь поименовано въ самой статьѣ. Но вполнѣ интересно будетъ для читателей обозрѣніе «Русскихъ каменноугольныхъ бассейновъ», составленное г. Щуровскимъ по специальнымъ изслѣдованіямъ. Перескажемъ въ нѣсколькихъ словахъ главные выводы о каменноугольномъ богатствѣ Россіи.

Въ Европейской Россіи найдены до сихъ поръ четыре главныхъ бассейна каменнаго угля. Сѣверный бассейнъ, прилегающій узкимъ концомъ своимъ къ Бѣлому морю, расширяется въ южной своей половинѣ и обнимаетъ Тверскую, Тульскую, Рязанскую, Калужскую и сосѣдственныя части прилежащихъ губерній. Но это обширное пространство каменный уголь занимаетъ не однимъ непрерывнымъ пластомъ, а отдѣльными, разрозненными мѣсторожденіями, что очень неблагопріятно для разработки. Кромѣ того, самый уголь низкаго качества. Западный бассейнъ изъ Силезіи переходитъ въ Царство Польское, и занимаетъ небольшую часть его юго-западнаго края. Уголь здѣсь лежитъ толстымъ, непрерывнымъ пластомъ, и добываніе его представляетъ нѣкоторыя выгоды. Въ послѣднее время получаютъ его до десяти милліоновъ пудовъ. Восточный бассейнъ идетъ узкою полосою вдоль Уральскаго хребта; уголь годенъ для отопленія и желѣзноводскихъ работъ, потому, вѣроятно, будетъ приносить большую пользу; но до сихъ поръ этотъ бассейнъ мало изслѣдованъ и разработка его едва начата. Наконецъ важнѣйшій, сколько доселѣ извѣстно, бассейнъ южный или Донской (прилегающій къ рѣкѣ сѣверному Донцу), занимаетъ большую часть земли войска Донскаго, и часть губерній Екатеринославской и Харьковской; площадь его болѣе пятисотъ квадратныхъ миль. Качество угля превосходно; между тѣмъ весь бассейнъ, слишкомъ вдвое превосходящій обширностью всѣ великобританскіе каменноугольные бассейны, вмѣстѣ взятые, доставляетъ нынѣ едва одну семисотую часть того количества угля, какое добывается въ Великобританіи. Причиною такой малозначительности производства, надо-

бно считать съ одной стороны то, что добываніе производится безъ помощи паровыхъ машинъ, которыя однѣ могутъ дать работамъ надлежащую силу, съ другой недостатокъ дешевыхъ путей сообщенія съ тѣми мѣстами, которыя нуждаются въ горючемъ матеріалѣ и вслѣдствіе всего этого, невозможность поставлять донской антрацитъ по сходной цѣнѣ. Съ отвращеніемъ этихъ препятствій и съ пониженіемъ цѣны, его разработкамъ предстоитъ, вѣроятно, блестящая будущность.

Этимъ заключаемъ нашъ обзоръ третьяго тома «Магазина землевѣдѣнія и путешествій». Его составъ разнообразенъ; большая часть статей написаны прекрасно и очень интересны по своему содержанію. Если мы говорили о важности статистическаго и этнографическаго элемента въ географіи, то нашей цѣлью было только выставить на видъ эти новые элементы, въ нее проникающіе, а вовсе не смѣшное недовольство тѣмъ, что «Магазинъ» г. Фролова по преимуществу занимается одною изъ нѣсколькихъ сторонъ обширной науки землевѣдѣнія, физическою и, по связи съ ней, математическою географіею — сторона эта также чрезвычайно важна, также чрезвычайно интересна; «Магазинъ», обращая на нее преимущественное вниманіе, представляетъ статьи прекрасныя, и никто не въ правѣ вмѣсто предлагаемаго хорошаго, требовать еще чего нибудь другаго; иначе пришлось бы упрекать историческій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ астрономическихъ статей, археологическій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ юридическихъ статей. Предметъ бо́льшей части статей, помѣщенныхъ въ разсмотрѣнномъ нами томѣ «Магазина Землевѣдѣнія» важенъ и интересенъ, статьи хороши; нѣкоторыя превосходны — и намъ остается только радоваться выходу въ свѣтъ новаго и прекрасно составленнаго тома изданія г. Фролова.

Свѣтскій человѣкъ, *или руководство къ познанію свѣтскихъ приличій и правилъ общежитія, принятыхъ хорошимъ обществомъ. Составленное* Д. И. Соколовымъ. *Изданіе третіе. Москва. 1855.*

Третье изданіе! — Стало быть книжечка имѣла успѣхъ, стало быть въ этой книжечкѣ была потребность? Она печаталась сначала въ Петербургѣ, теперь перепечатывается въ Москвѣ. И дѣйствительно повторимъ слова сказанныя нами при появленіи втораго его изданія, — сочиненіе г. Соколова заслуживаетъ успѣха, (Совр. 1851 г., томъ XXV, Библіографіи, стр. 24). Сколько на свѣтѣ господъ, помѣшанныхъ на свѣтскости и хо-

рошемъ тонѣ! Сколько добродушно убѣжденныхъ, что изъ книги можно почерпнуть хорошій тонъ, свѣтскія манеры, это *комъ-иль-фо*, на которое такъ остроумно нападаетъ практикующій врачъ Нейманъ и за которымъ гоняются и молодые и пожилые, кавалеры и барыни, барышни и даже дѣти! Есть такія существа въ обоемъ полѣ, которыя больше ни о чемъ и говорить не умѣютъ, какъ только о хорошемъ тонѣ.... Я знаю одну барыню, которая считаетъ себя образцомъ *комъ-иль-фо*.... потому что по ея мнѣнію это комъ-иль-фо заключается: 1) въ величественныхъ манерахъ... она все дѣлаетъ величественно,—ходитъ, смотритъ, говоритъ и даже носъ сморкаетъ величественно и 2) въ безпрестанномъ и непрерывномъ разговорѣ о своемъ *Я*.... Это величественное *я* не сходитъ у нея съ языка; съ своимъ *я* она не даетъ никому покоя и отдыха и никому уже при себѣ не даетъ выговорить ни слова...

И я по крайней неопытности моей долго считалъ эту барыню — барыней самого высокаго тона. Но мнѣ недавно только растолковалъ одинъ мой пріятель, имѣющій безукоризненный свѣтскій авторитетъ, что моя барыня, напротивъ, самого дурнаго тона, что она съ своимъ величіемъ походитъ на актрису провинціальнаго театра, играющую героинь, а съ своимъ *Я* становится вовсе уже несносной и неприличной....

Я еще болѣе убѣдился въ этомъ, прочитавъ въ сочиненіи Д. И. Соколова слѣдующіе строки:

«Демосѳенъ, говоритъ Д. И. Соколовъ, сказалъ, что человѣку дано *два* уха и *одинъ* языкъ, для того, чтобы онъ болѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ....»

За тѣмъ въ слѣдующей главѣ Д. И. Соколовъ, который по справедливости можетъ назваться профессоромъ хорошаго тона, продолжаетъ:

«Одно изъ *главныхъ* (слышите ли изъ главныхъ!) достоинствъ образованнаго и свѣтскаго человѣка (и женщины тоже) есть внимательность. Строгое сообљюденіе ея служитъ главнымъ основаніемъ умѣнья жить въ свѣтѣ и несомнѣннымъ признакомъ образованности и общежительности.

«Мы должны быть въ отношеніи къ другимъ тѣмъ, чѣмъ хотимъ, чтобы другіе были въ отношеніи къ намъ. Есть люди (и женщины) которые говорятъ только о себѣ, но сами не хотятъ слушать другихъ. Есть люди (и женщины), которые хотятъ блистать, хотятъ выказывать только свои достоинства и тѣмъ заслужить названіе пріятнаго, любезнаго, умнаго человѣка (или

пріятной, любезной, умной женщины); но подобныя попытки рѣдко доводятъ до желаемой цѣли....»

Слышите ли, — милостивые государи и милостивыя государыни, постоянно занимающіе насъ своими Я? — это говоритъ вамъ знатокъ свѣтскихъ приличій и обычаевъ, почтеннѣйшій Д. И. Соколовъ!

«Можетъ ли», продолжаетъ онъ, тотъ быть пріятнымъ, кто лишаетъ другихъ удовольствія быть дѣйствующимъ лицомъ и *кто одинъ хочетъ замѣнить всѣхъ!»* (Свѣтскій человѣкъ, стр. 48 и 49).

Дѣйствительно такъ!... Странно однако что мнѣ не приходило это въ голову прежде, до изданія книги Д. И. Соколова...

Я самъ былъ большой говорунъ, часто мѣшалъ говорить другимъ и еще — о ужасъ! — перебивалъ ихъ, но теперь прочитавъ въ третій разъ книжку Д. И. Соколова сдѣлался удивительно осторожнымъ въ обществѣ, потому что я, какъ и вы мой читатель, какъ и вы моя читательница, какъ и всѣ мы, смертельно боюсь прослыть человѣкомъ дурнаго тона... О драгоцѣнная книжка!... Ей я обязанъ своимъ исправленіемъ — и ее я осмѣливаюсь рекомендовать моей величественной барынѣ, величественно разсуждающей о собственномъ я; пусть она обратитъ особенное вниманіе на слѣдующіе главы: главу III—О приличіяхъ между супругами, VI — О Манерахъ, VII—о разговорѣ, VIII — о внимательности, XII — о приличіи въ письмахъ и наконецъ на XIII и XIV главу о приличіи хозяина къ гостямъ и на оборотъ...

У меня есть одинъ знакомой, который имѣетъ слабость собирать въ разныхъ мѣстахъ визитные карточки самыхъ чиновныхъ и знатныхъ лицъ: карточки съ гербами, съ княжескими и графскими коронами... онъ самъ загибаетъ на нихъ углы и кладетъ ихъ въ своей гостиной на самое видное мѣсто въ великолѣпную яшмовую вазу нарочно имъ для сего устроенную. Онъ полагаетъ озадачить этимъ своихъ знакомыхъ и воображаетъ, что его знакомые такъ простодушны, что повѣрятъ будто у него въ самомъ дѣлѣ были съ визитами всѣ эти князья, графы, камергеры, шталмейстеры, егермейстеры и проч. и проч...

Онъ хочетъ *задать тону* передъ знакомыми, а знакомые въ тайнѣ подсмѣиваются надъ нимъ...

Если онъ пріобрѣтетъ книжечку Д. И. Соколова и прочтетъ на 120 страницѣ ея слѣдующіе строки:

«Держать карточки (особенно чужія?) за зеркаломъ или *выставлять ихъ на показъ* есть доказательство дурнаго тона».

Онъ послѣ сего вѣрно сейчасъ броситъ въ каминъ всѣ набранныя имъ карточки и съ этой минуты перестанетъ заниматься собираніемъ *оныхъ*.

Увѣряйте же послѣ этого, что книга Д. И. Соколова безполезна, что изъ нея нельзя почерпнуть хорошаго тона!...

Съ 1850 года, т. е. послѣ втораго изданія своей книги, самъ почтенный авторъ сдѣлалъ значителъные успѣхи... не въ хорошемъ тонѣ... хорошій тонъ всегда былъ его профессіею, но во французскомъ языкѣ.... Вмѣсто: *Chaquun* a son goût — онъ пишетъ нынѣ chacun a son gout...

Въ слѣдующемъ году, вѣрно, появиться четвертое изданіе книжки... Мы увѣрены, что это третье изданіе разойдется еще быстрѣе первыхъ двухъ, потому что людей желающихъ слыть людьми *хорошаго тона* размножается у насъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе...

Прекрасно сдѣлалъ бы Д. И. Соколовъ, еслибы теперь, послѣ свѣтскаго авторитета, пріобрѣтензаго имъ тремя изданіями его «Свѣтскаго человѣка», онъ занялся составленіемъ новой книжки хоть подъ такимъ заглавіемъ: *О хорошемъ тонѣ въ литературѣ и журналистикѣ или руководство для господъ литераторовъ и критиковъ къ познанію приличій и правилъ общежитія*... Какой успѣхъ могло бы имѣть подобное сочиненіе!... И какъ прекрасно бы съумѣлъ Д. И. Соколовъ доказать, напримѣръ, своимъ краснорѣчивымъ перомъ, что сочинитель, навязывающійся всѣмъ съ чтеніемъ своихъ сочиненій (а такихъ у насъ много!) или критикъ, забывающійся и выходящій изъ себя, или рецензетъ, пишущій и горячащійся не изъ убѣжденія, а изъ денегъ— суть люди самаго дурнаго тона....

Какую пользу могла бы принести такая книжка нашимъ сочинителямъ, рецензентамъ, такъ называемымъ критикамъ и другимъ!

Пусть не шутя подумаетъ объ этомъ почтенный авторъ «Свѣтскаго человѣка или руководства къ познанію свѣтскихъ приличій».

Чтеніе для юношества. *Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго, составленные* П. Баскаковымъ. *Съ литографированными картинками. Москва. 1854.*

Вмѣсто исторій о томъ, что Ваня былъ послушный мальчикъ и за то получалъ сначала много конфектъ, потомъ еще больше денегъ, а Вася былъ непослушный мальчикъ и за то получалъ розги сначала до конца своей жизни, — вмѣсто этихъ наскучи-

нихъ дѣтямъ исторій, разсказать жизнь замѣчательнаго русскаго писателя мысль очень хорошая. И надобно сказать, что въ первыхъ главахъ своей книжечки, говорящихъ о дѣтствѣ и молодости Жуковскаго, г. Баскаковъ исполняетъ свою добрую мысль очень удовлетворительно; но мы думаемъ, что въ образецъ вѣрности переводовъ Жуковскаго, было бы можно выбрать пьесу, болѣе приспособленную къ интересамъ и разумѣнію дѣтей, нежели «Утѣшеніе въ слезахъ» Гёте, — дѣтямъ рано еще толковать о страданіяхъ безнадежной любви. Точно также и вся характеристика сочиненій Жуковскаго могла бы быть гораздо удачнѣе.

Синопъ. *Стихотвореніе* В. Г—на. *Спб. 1854*,

Англичане и съ русскимъ пѣтухомъ не сладили, или Бухта Колинги. *18 іюля 1854*. Разсказъ стараго русскаго инвалида. *Спб., 1854*.

Герой Щеголевъ, юный питомецъ русской славы. — *Спб. 1854*.

Союзники у Севастополя. *Письмо француза къ пріятелю на родину*. Соч. Ив. Семерихина. *Спб. 1854*.

Заморскіе гости. — *Собраніе пѣсенъ, военныхъ куплетовъ, сказокъ, басенъ и стиховъ про турокъ, англичанъ и французовъ* и проч. *Москва 1854*.

Патріотизмъ, одушевляющій эти стихотворныя брошюрки — долженъ обезоружить всякую критику.

Въ настоящія минуты, когда каждый жаждетъ высказать свои патріотическія чувства, въ эти минуты всеобщаго одушевленія, когда человѣкъ принимается иногда за перо не зная ни стопосложенія, ни грамматики, рецензентъ долженъ только указывать на благородныя намѣренія и порывы импровизированныхъ авторовъ, а о выполненіи же этихъ порывовъ: то-есть о грамматикѣ, стопосложеніи и о прочемъ умалчивать.

Жизнь преподобной Маріи Египетской. *Спб. 1855*.

Прекрасно изданная брошюра, которую нельзя не рекомендовать всѣмъ любителямъ благочестиваго чтенія. Жизнь преподобной Маріи Египетской, исполненная тревогъ, житейскихъ волненій, безчисленныхъ страданій, и наконецъ, пламенной вѣры и несокрушимой воли, которую даетъ одна только христіанская религія, — эта жизнь представляетъ самое любопытное и назидательное чтеніе.

Обзоръ сношеній между Англіею и Россіею въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *Спб. 1854.*

Любопытная книжечка, заключающая на 66 страницахъ краткую исторію сношеній Англіи съ Россіей въ теченіи двухъ предшествовавшихъ столѣтій. Авторъ, какъ самъ онъ говоритъ, пользовался слѣдующими источниками для составленія своей книжки: 1) Hakluyts collection of the early voyages, travels and discoveries of the Englisch nation.» London. 1809. 2) Карамзина «И. Г. Р.» т. VIII и IX. 3) «Собраніемъ Гос. Грам.», т. IV и V и 4) Исторіей князя Щербатова», т. VII.

Обзоръ порожденъ современными событіями. Авторъ его, изложивъ политическій характеръ этихъ сношеній въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, говоритъ въ заключеніе:

«Мы хотѣли показать, что въ то время, какъ цари наши руководствовались началами чести и откровенности, англійское правительство имѣло лишь корыстолюбивые виды и хлопотало о выгодахъ своихъ купцовъ и при томъ не всѣхъ, а *только* небольшой компаніи. Если впослѣдствіи времени Петръ Великій открылъ свои порты *для* иностранныхъ купцовъ, не исключая и англичанъ, онъ не забылъ однако разными мѣрами стѣснить торговлю ихъ русскими изученіями въ самой Россіи.

«Настоящая война, едва ли въ этомъ можно теперь сомнѣваться, въ связи съ вѣковыми претензіями самолюбивыхъ сыновъ Албіона на то, чтобы, овладѣвъ нашею внутреннею торговлею, предоставить себя монополію сбыта произведеній нашей почвы за границею, равно какъ выдѣлки изъ сырыхъ матеріаловъ продуктокъ роскоши, которые мы же и купимъ за огромную цѣну. Барышъ оттого неменуемо огромный, и мы ничѣмъ не можемъ такъ ме(ѣ)тко поразить врага въ самое сердце, какъ доказавъ ему, что мы теперь думаемъ *такъ* же, *какъ* мыслили нѣкогда Щелкаловъ и бояре царя Алексѣй Михайловича, *какъ* лишивъ его барыша, на который онъ *такъ* усердно разсчитываетъ....»

А вотъ отвѣтъ Щелкалова на главный пунктъ всѣхъ домогательствъ англичанъ при московскомъ дворѣ, именно, чтобы ни одинъ англичанинъ и *никакой другой иноземецъ* не пріѣзжали въ пристани Бѣлаго моря, къ устьямъ Двины, въ Ригу или Новгородъ, безъ разрѣшенія королевы англійской. Щелкаловъ писалъ:

«Невѣроятно, чтобы королева дѣлала такое предложеніе нашему царю, а если она дѣлаетъ, то нисколько не выражаетъ тѣмъ дружественнаго къ нему расположенія, *тъмъ ему нелюбье свое объявляетъ*;

потому-что къ явному ущербу Россіи хочетъ затворить въ нее дорогу всякому не Англичанину, который бы хотѣлъ торговать съ нами. Ни въ какомъ приморскомъ государствѣ, ни у папы, ни у императора австрійскаго, ни у королей испанскаго, французскаго, датскаго и иныхъ такъ не дѣлается, чтобы чужой государь указывалъ кого пропускать не въ свои владѣнія, а кому въѣздъ запрещенъ. «А государю нашему о томъ для чего заказъ чинити и дорога божья, океанъ море, къ своему государству затворити: то дѣло не статочное и говорити о томъ не пригоже» А потому объявлено Англичанамъ, что русскія пристани открыты для купцовъ всѣхъ странъ и для всѣхъ Англичанъ, а не для тѣхъ только, которымъ дастъ разрѣшеніе королева; въ вознагражденіе же купцовъ англійской компаніи, открывшей путь въ Россію чрезъ Бѣлое море, имъ отведены домы и дворы въ разныхъ городахъ Россіи и даны многія льготы, которыми не пользуются другіе иноземцы....»

Вообще этотъ краткій «Обзоръ сношеній между Англіею и Россіею» можетъ представить особенно въ настоящую минуту много интересныхъ данныхъ къ разъясненію отчасти современной англійской политики въ отношеніи къ нашему отечеству, и потому, вѣроятно, книжечка, на которую мы указываемъ, прочтется всѣми, кого интересуетъ этотъ вопросъ. А кого же онъ не интересуетъ теперь?...

Жаль, что въ «Обзорѣ» встрѣчаются нѣкоторыя небрежности въ отношеніи языка. Эти небрежности въ мѣстахъ выписанныхъ нами изъ книги мы отмѣтили курсивомъ.

Правда объ Англіи и сказанія о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. А. Ротчева. *Тетрадь III. Спб. 1854.*

Это продолженіе сочиненія, о которомъ мы уже говорили. Въ третьей тетради излагается корыстная политика англійскаго кабинета относительно Китая, французскихъ колоній въ Индіи и въ Канадѣ, и развивается печальная картина насильственныхъ дѣйствій англичанъ повсюду, гдѣ они ни появлялись.

Г. Ротчевъ — авторъ этого сочиненія, говоритъ между прочимъ на стр. 225, что онъ «*не поставилъ себѣ въ обязанность* воспроизводить послѣдовательно историческія событія, сопровождавшія всѣ насильственныя дѣйствія, о кототорыхъ идетъ рѣчь» въ его книгѣ.

Это жаль. Сочиненіе его много выиграло бы, если бы имѣло болѣе послѣдовательности и не носило на себѣ признаковъ поспѣшности: отсутствія всякой системы въ изложеніи и небрежностей въ языкѣ.

Отъ компиляцій г. Ротчева, какъ человѣка давно подвизающагося на литературномъ поприщѣ, мы въ правѣ требовать болѣе строгой, серьёзной и тщательной обдѣлки.... Зачѣмъ было спѣшить — и выпускать свой трудъ маленькими выпусками въ два печатныхъ листа?...

Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. *Сочиненіе* А. Ярцовой. *Часть первая. Спб. 1854.*

Заглавіе довольно странное. Что̀ значитъ счастливое семейство, *или* полезное чтеніе? Къ чему это *или?*...

Но дѣло вотъ въ чемъ:

А. С. Шишковъ въ бытность свою президентомъ Россійской Академіи, замѣтивъ съ прискорбіемъ недостатокъ дѣтскихъ книгъ въ Россіи, возложилъ на г-жу Ярцову обязанность написать въ *нравственномъ смыслѣ* и въ русскомъ духѣ какую нибудь повѣсть для дѣтскаго чтенія. Г-жа Ярцова исполнила это лестное порученіе и написала дѣтскую книжку, подъ названіемъ: *Счастливое семейство*, которую А. С. Шишковъ переименовалъ въ *Полезное чтеніе для дѣтей.*

Это полезное чтеніе издано было впервые въ 1835 году насчетъ бывшей Россійской Академіи; кромѣ того за него получила сочинительница отъ этой Академіи медаль, а отъ Академіи Наукъ— Демидовскую премію за хорошее изложеніе и понятное толкованіе нѣкоторыхъ ученыхъ предметовъ, простымъ языкомъ, безъ употребленія техническихъ словъ.

Выпуская нынѣ въ свѣтъ второе изданіе своего сочиненія, г-жа Ярцова хотѣла соединить свое собственное заглавіе съ заглавіемъ даннымъ ея книгѣ А. С. Шишковымъ. Вотъ какимъ образомъ объясняется это странное *или.*

Сочиненіе г-жи Ярцовой, увѣнчанное двойнымъ академическимъ вѣнкомъ, говоритъ само за себя. Нѣсколько устарѣлая форма и немного тяжеловатый языкъ этого сочиненія не мѣшаютъ ему занимать, однако, почетное мѣсто среди дѣтскихъ сочиненій, которыя составлять весьма не легко, замѣтимъ мимоходомъ.

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ (*)

ЖОРЖА САНДА.

Снисхожденіе къ другимъ;
Уваженіе къ самому себѣ;
Чистосердечіе передъ Богомъ.

Вотъ эпиграфъ моей книги.

15 апрѣля 1847.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (**).

ГЛАВА I.

Зачѣмъ написана эта книга? — Своей опытностью надобно приносить пользу другимъ. — «Письма Путешественника». — Признанія Ж. Ж. Руссо. — Мое имя и возрастъ. — Упреки моимъ біографамъ. — Антуанъ Делабордъ. — Таинственное сродство. — Похвала птицамъ. — Исторія *Агаты* и *Жонкиля*. — Венеціанскій птичникъ.

Мнѣ кажется, что нѣтъ гордости и дерзости въ намѣреніи писать исторію своей собственной жизни, и еще менѣе въ жела-

(*) Представляемъ нашимъ читателямъ начало записокъ знаменитой писательницы. Эта первая часть есть начало перваго тома, и по вступительнымъ главамъ ея читатель можетъ видѣть, какіе обширные размѣры должна принять эта исторія въ цѣлости. Авторъ не стѣсняетъ себя никакими ограничивающими условіями и даетъ полную волю порывамъ своего чувства, иногда оставляя совершенно въ сторонѣ главный предметъ своей книги. Передавая начало ея труда почти вполнѣ, мы не лишаемъ себя права впослѣдствіи переводить его въ сокращенномъ видѣ, смотря по степени интереса, останавливаясь на болѣе любопытныхъ страницахъ. Разумѣется, мы будемъ дѣлать это только въ такомъ случаѣ, когда это окажется нужнымъ или даже необходимымъ.

Редакція.

(**) Эта первая часть сочиненія была написана въ 1847 году.

нiи выбрать тѣ изъ воспоминанiй, оставленныхъ въ насъ этой жизнью, которыя, по нашему мнѣнiю, стоитъ сохранить. Что касается до меня, я считаю это обязанностью, даже довольно трудною, потому что нѣтъ ничего неудобнѣе, какъ опредѣленiе и объясненiе самого себя.

Изученiе человѣческаго сердца имѣетъ ту особенность, что чѣмъ болѣе посвящаютъ себя ему, тѣмъ менѣе видятъ въ немъ; а для нѣкоторыхъ дѣятельныхъ умовъ изученiе себя самого есть трудъ утомительный и всегда неполный. Но я исполню этотъ долгъ; онъ всегда былъ передо мной и я обѣщала не умирать, не сдѣлавши того, что всегда совѣтовала дѣлать другимъ, то есть чистосердечнаго изученiя своей собственной натуры и внимательной оцѣнки своего существованiя.

Неодолимая лѣность (болѣзнь слишкомъ занятыхъ умовъ, и потому болѣзнь юности) заставляла меня до сихъ поръ откладывать эту работу; допуствъ издать довольно много бiографiй, наполненныхъ ошибками, въ похвалу или въ порицанiе меня, я была, можетъ быть, виновата противъ себя самой. Все, даже имя мое было басней въ нѣкоторыхъ изъ этихъ бiографiй, изданныхъ сначала за границей, и появившихся потомъ во Францiи съ прихотливыми видоизмѣненiями. Авторы этихъ разсказовъ обращались ко мнѣ съ вопросами, меня просили сообщить какiя нибудь свѣдѣнiя, но апатiя моя простиралась до того, что я отказывалась дать самое простое указанiе. Признаюсь, мнѣ смертельно не хотѣлось занимать публику своею личностью, въ которой нѣтъ ничего особеннаго, выдающагося, когда мое сердце и голова полны были личностями болѣе сильными, логическими, болѣе полными и идеальными, типами возвышеннѣе меня самой, словомъ, личностями романовъ. Я понимала, что только разъ въ жизни можно говорить съ публикой о себѣ, но говорить серьёзно, и болѣе не возвращаться къ этому предмету.

Привыкая говорить о себѣ, начинаютъ обыкновенно хвалиться, безъ сомнѣнiя, невольно, по естественному закону человѣческаго духа, который постоянно стремится облагородить и возвысить предметъ своего созерцанiя. Мы не должны пугаться этого наивнаго хвастовства, когда оно одѣто формою лиризма, какъ у поэтовъ, имѣющихъ на это особенную привилегiю. Но восторженность самимъ собою, внушающая эти смѣлые порывы къ небу, не можетъ быть точкою опоры для души, которая хочетъ долго говорить людямъ о себѣ. Въ такомъ возбужденномъ состоянiи, она теряетъ сознанiе своихъ собственныхъ недостатковъ. Она отождествляетъ себя съ идеаломъ, и если

чувствуетъ въ себѣ наклонность къ сожалѣнію или раскаянію, то преувеличиваетъ ее до поэзіи отчаянія и мученій совѣсти; она становится Вертеромъ или Манфредомъ, Фаустомъ или Гамлетомъ, высокими типами искусства, но которые, безъ помощи размышленія, дѣлались иногда роковыми примѣрами.

И однако же, великія картины самыхъ могущественныхъ движеній души поэта всегда остаются уважаемыми! великіе художники могутъ одѣваться молніеносными облаками и лучами славы, и упрекать ихъ нельзя. Это принадлежитъ имъ по праву, и раздѣляя съ нами высокія движенія души, они выполняютъ свое верховное посланіе. Но скажемъ также, что и не при такихъ блистательныхъ условіяхъ, и въ болѣе обыкновенной формѣ, можно исполнить серьёзную обязанность, которая принесетъ другимъ болѣе непосредственную пользу, выставляя себя передъ ними безъ символа, безъ вѣнца и пьедестала.

Нельзя, конечно, думать, чтобы эта способность поэтовъ идеализировать свое собственное существованіе и дѣлать изъ него что-то отвлеченное и неосязаемое, могла быть полнымъ урокомъ въ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что она полезна и животворна, потому что всякій возвышается съ этими вдохновенными мечтателями, чувство каждаго очищается и воспламеняется, слѣдуя за ними въ области экстаза; но въ этомъ тонкомъ бальзамѣ, которымъ хотятъ они освѣжить насъ, недостаетъ болѣе существеннаго — реальности.

Но художнику стоитъ подумать о ней, и какъ благородны тѣ, которые заботятся о ней! Но я не могу простирать такъ далеко любовь къ долгу, и только съ большими усиліями перехожу къ прозѣ своего предмета.

Мнѣ всегда казалось трудно и неловко не только говорить о себѣ, но даже долго оставаться съ самой собою. Въ жизни людей обыкновенныхъ мало дней и моментовъ, когда изученіе ихъ бываетъ любопытно и полезно. Въ эти минуты я чувствовала себя иногда какъ всѣ, и бралась за перо, чтобы излить на бумагу тоску или живое страданіе, меня возмущавшее. Большая часть этихъ отрывковъ никогда не была издана и будетъ служить для меня замѣтками при оцѣнкѣ моей жизни. Иные только приняли на половину форму признанія и литературнаго произведенія, въ письмахъ, изданныхъ въ разное время и помѣченныхъ числомъ X, изъ разныхъ мѣстъ. Они собраны подъ заглавіемъ «Писемъ путешественника». Когда я писала эти письма, я не страшилась говорить о себѣ, потому что говорила тогда не именно о себѣ. Этотъ *путешественникъ* былъ лицо выдуманное, услов-

ное, мужчина подстать моему псевдониму, старый, хотя я была молода; устами этого печальнаго пилигрима я высказывала болѣе личныя впечатлѣнія и раздумье, нежели сколько бы рѣшилась высказать въ романѣ, ограниченномъ болѣе строгими условіями искусства.

Мнѣ нужно было тогда говорить о волновавшихъ меня вопросахъ, а вовсе не занимать собою читателей.

Теперь, быть можетъ, я еще меньше чувствую эту необходимость, вообще ребяческую и особенно опасную для художника. Я скажу, почему у меня нѣтъ ея, и почему, однако, я хочу описывать свою жизнь, какъ будто бы чувствовала эту необходимость.

Я достигла той эпохи спокойствія, когда моя личность ничего не можетъ выиграть, выражая себя, и когда, слѣдуя только своему вкусу и инстинкту, я только заставила бы забыть ее совсѣмъ. Я не ищу больше слова загадокъ, занимавшихъ меня въ молодости; я рѣшила въ себѣ много задачъ, не дававшихъ мнѣ заснуть. Мнѣ помогли въ этомъ, потому что одна я, вѣроятно, не была бы въ состояніи ничего объяснить.

Я видѣла искры истины, которыми блеснулъ мой вѣкъ; я знаю, гдѣ ихъ главный фокусъ, и этого будетъ съ меня. Когда-то я искала свѣта въ психологическихъ явленіяхъ. Это было нелѣпо. Когда я поняла, что этотъ свѣтъ былъ въ принципахъ, и что эти принципы были во мнѣ, не происходя отъ меня, мнѣ можно было безъ особенныхъ усилій и заслуги предаться спокойствію ума. Спокойствіе сердца не существуетъ, и никогда не будетъ существовать. Кто родился чувствительнымъ, тому всегда будетъ что любить на землѣ и, слѣдовательно, будетъ чему нравиться, отъ чего зависѣть и страдать. Нельзя потому ни въ какомъ возрастѣ жизни искать отсутствія горя, утомленія и ужаса; оно означало бы безчувственность, слабость, преждевременную смерть. Неизлечимую болѣзнь переносить легче.

Въ этомъ спокойствіи мысли и самоотрицаніи чувства, я не могла бы имѣть ни слишкомъ мрачнаго взгляда на родъ человѣческій, который обманывается, ни энтузіазма къ себѣ самой, такъ долго обманывавшейся. У меня нѣтъ поэтому ни наклонности къ борьбѣ, ни нужды въ откровенности, которая бы заставила меня говорить о моемъ настоящемъ или прошедшемъ.

Но я сказала, что я считаю долгомъ такой разсказъ, и вотъ почему:

Много людей живетъ, не отдавая себѣ серьёзнаго отчета въ своемъ существованіи, не понимая и почти не заботясь проникнуть цѣль, назначенную для ихъ жизни или въ отношеніи къ ихъ собственной личности, или къ обществу, въ которомъ они дѣйствуютъ. Они проходятъ между нами неузнанные, потому что прозябаютъ безсознательно.

Самый живой и достойный уваженія источникъ успѣховъ человѣческаго ума есть, говоря языкомъ нашего времени, понятіе *взаимнаго обязательства* (*). Инстинктивно или сознательно, люди всегда чувствовали его, и отдѣльная личность, болѣе или менѣе одаренная способностью обнаруживать свою собственную жизнь, всегда была увлекаема къ этому обнаруженію или желаніемъ окружающихъ или не менѣе сильнымъ внутреннимъ голосомъ. Такой человѣкъ считалъ раскрытіе свое долгомъ, и это дѣйствительно былъ его долгъ, приходилось ли разсказывать событія историческія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, былъ ли онъ въ сношеніяхъ съ другими важными личностями, или наконецъ онъ путешествовалъ и оцѣнялъ съ какой бы ни было точки зрѣнія людей и внѣшніе предметы.

Другой родъ личнаго труда, исполнявшійся гораздо рѣже, но въ такой же степени полезный, состоитъ въ разсказѣ о внутренней жизни, жизни души, то есть въ исторіи своего ума и сердца, съ цѣлью братскаго наставленія. Эти личныя впечатлѣнія, путешествія или попытки путешествій въ отвлеченный міръ ума и чувства, переданныя характеромъ откровеннымъ и серьёзнымъ, могутъ быть возбудительнымъ средствомъ, ободреніемъ и даже совѣтомъ для другихъ, увлеченныхъ въ лабиринтъ жизни. Этотъ размѣнъ довѣрія и симпатіи возвышаетъ мысли и разсказчика и слушателя. Къ этому роду откровенности, смиренному и вмѣстѣ важному, увлекаетъ насъ естественное движеніе нашей внутренней жизни. Открываетъ ли намъ другъ, братъ, тягость и запутанность своего положенія, у насъ нѣтъ лучшаго средства подкрѣпить и убѣдить его, кромѣ утѣшеній, извлеченныхъ изъ собственнаго опыта; мы чувствуемъ тогда, что жизнь друга есть наша собственная жизнь, и жизнь каждаго есть жизнь всѣхъ. «Я перенесъ тѣ же страданія, подвергался тѣмъ же опасностямъ, и вышелъ изъ нихъ; ты также можешь вынести и побѣдить.» Вотъ что другъ говоритъ другу, и чему человѣкъ научаетъ человѣка. И кто изъ насъ въ эти минуты горя и отчаянія, когда становятся необходимы помощь и сочувствіе другого суще-

(*) Въ предъидущемъ столѣтіи это назвали бы *чувствительностью*, а прежде *любовью къ ближнему*.

ства, не испытывалъ сильнаго впечатлѣнія отъ изліяній той души, которой повѣрялъ свои страданія?

И чѣмъ болѣе перенесла душа, тѣмъ болѣе имѣетъ она власти надъ другими. Мы не ищемъ поддержки въ несчастіи у гордаго или насмѣшливаго скептика; нѣтъ, мы скорѣе обращаемся къ такому же несчастливцу, иногда страдающему больше насъ самихъ. Застигнутый въ минуту скорби, онъ будетъ сострадателенъ и будетъ плакать вмѣстѣ съ нами. Если онъ уже собралъ свое мужество и силы, онъ будетъ нашимъ наставникомъ и, быть можетъ, избавителемъ; но онъ будетъ имѣть успѣхъ только понявши насъ, а для этого на признанія наши онъ долженъ отвѣчать своими признаніями.

Потому разсказъ о страданіяхъ и борьбѣ въ жизни одного человѣка бываетъ поучителенъ для всѣхъ; всѣ были бы счастливы, если бы каждый зналъ, что̀ заставило его страдать, и что избавило его отъ страданія...

Но не въ такомъ высокомъ смыслѣ пересказаны «Признанія» Ж.-Ж. Руссо̀. Цѣль философа XVIII столѣтія была болѣе личная, и потому не столько серьёзная и полезная. Онъ обвиняетъ себя, чтобы имѣть случай къ оправданію, открываетъ тайныя свои ошибки, чтобы получить право отвергнуть публичную клевету. Это смѣшанный памятникъ гордости и смиренія, иногда возмущающій своею аффектаціей, но часто обольстительный и проникающій въ душу своимъ чистосердечіемъ. Но несмотря на недостатки и даже виновность этого знаменитаго произведенія, оно даетъ важные уроки, и чѣмъ больше мученикъ заблуждается въ преслѣдованіи своего идеала, тѣмъ сильнѣе этотъ идеалъ поражаетъ и привлекаетъ насъ.

Очень долго на «Признанія» Ж.-Ж. Руссо̀ смотрѣли какъ на чисто личную защиту. Но онъ самъ былъ причиной такого взгляда, примѣшивая въ нихъ свои личныя предубѣжденія. Теперь, когда у него нѣтъ ни враговъ, ни друзей, мы судимъ его книгу съ болѣе выгодной точки зрѣнія. Для насъ почти неважно знать, до какой степени авторъ «Признаній» былъ несправедливъ или болѣзненно раздраженъ, или до какой степени враги его были безчестны или жестоки. Для насъ интересно, поучительно и важно зрѣлище этой вдохновенной души въ борьбѣ съ заблужденіями времени и съ затрудненіями его философскаго направленія, споръ этого генія, проникнутаго строгостью, независимостью и достоинствомъ, съ тою легкомысленною, невѣрующею и испорченною средою, въ которой ему пришлось дѣйствовать, и которая съ своей стороны постоянно дѣйствуя на него или оболь-

щеніемъ или насиліемъ, то увлекала его въ бездну отчаянія, то вызывала его высокую протестацію.

Если идея «Признаній» хороша, если нужно было разсказывать дѣтскія ошибки и неизбѣжныя заблужденія, то я не принадлежу къ числу тѣхъ, которыхъ пугаетъ эта публичная исповѣдь. Мои читатели, вѣроятно, достаточно знаютъ меня, какъ писательницу и не обвинятъ въ робости. По моему мнѣнію, въ этой манерѣ самообвиненія нѣтъ ничего унизительнаго, и общее чувство не ошибается въ этомъ отношеніи. Нѣтъ никакой пользы иназиданія для насъ знать, что Жанъ-Жакъ укралъ у моего дѣда три ливра десять су, тѣмъ больше, что фактъ еще сомнителенъ (*). Я также помню, что взяла въ дѣтствѣ десять су изъ кошелька своей бабушки, чтобъ отдать нищему, и сдѣлала это тихонько и съ удовольствіемъ. Но я думаю, что здѣсь не изъ-за чего ни хвалить, ни винить себя. Это просто было сдѣлано по глупости, потому что мнѣ дали бы эти десять су, еслибъ я попросила.

Да и большая часть нашихъ ошибокъ, т. е. ошибокъ людей порядочныхъ, такія же глупости. Выказывать себя хуже, чѣмъ мы на дѣлѣ, чтобы тронуть публику или понравиться ей, значило бы слишкомъ за ней ухаживать.

Для меня чрезвычайно непріятно видѣть, какъ великій Руссо унижается такимъ образомъ и воображаетъ, что, преувеличивая, быть можетъ даже выдумывая эти ошибки, онъ оправдываетъ себя отъ недостатковъ сердца, которые приписывали ему враги. Онъ, конечно, не обезоружилъ ихъ своими «Признаніями»; и не достаточно ли прочитать тѣ части его книги, гдѣ онъ забываетъ обвинять себя, чтобы признать его невинность и правоту? Мы хорошо видимъ, что только здѣсь онъ вполнѣ откровененъ.

Въ оправдываніи самого себя всегда есть ребяческое и неудачное тщеславіе, бываетъ ли человѣкъ виновенъ или невиненъ, великъ или незначителенъ.

(*) Вотъ какъ говорится объ этомъ въ замѣткахъ моей бабушки: «Франкейль, мужъ мой, сказалъ однажды Жанъ-Жаку:

«— Не хотите ли идти къ французскимъ актерамъ?

«— Пожалуй, отвѣчалъ Руссо: — *все-таки позѣваешь часъ или два...*

«Можетъ быть въ этотъ вечеръ Руссо укралъ у моего мужа 3 ливра 10 су. Намъ всегда казалось, что онъ хвалился этимъ плутовствомъ съ аффектаціей. Франкейль забылъ объ этомъ и полагалъ даже, что Руссо выдумалъ это, чтобы показать щекотливость своей совѣсти и этимъ заставить не вѣрить тѣмъ его ошибкамъ, въ которыхъ онъ не признается...»

Но здѣсь дѣло идетъ о чести и жизни. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, надобно быть слишкомъ самолюбивымъ, или имѣть какую нибудь серьёзную цѣль, чтобъ защищаться отъ клеветы, которой подвергаются даже самые достойные люди, и доказывать свое безусловное превосходство. Въ жизни общественной это бываетъ иногда необходимо, но въ частной совсѣмъ другое дѣло; и такъ какъ никто не можетъ доказать своего совершенства, то надобно предоставить людямъ, знающимъ насъ, заботу опредѣлить наши особенности и оцѣнить наши качества.

Наконецъ, такъ какъ наши интересы тѣсно связаны съ интересами другихъ, то нѣтъ ошибки, которая была бы совершенно уединенною. Всегда кто нибудь былъ причиной или участникомъ заблужденія, и нельзя обвинять себя, не обвиняя другого, не только врага, нападающаго на насъ, но иногда и друга, принимающаго на себя нашу защиту. Такъ случилось съ Руссо, и это дурно. Можно ли простить ему, что, передавая свои тайны, онъ передавалъ и тайны г-жи Варенсъ?

Прости меня, Жанъ-Жакъ, за порицаніе твоихъ удивительныхъ «Признаній»! Но эти порицанія выражаютъ только мое уваженіе къ тебѣ и не разрушаютъ моего энтузіазма отъ сущности этой книги.

Мои записки не произведеніе искусства; я удерживаюсь отъ увлеченій художника, которыя сдѣлали бы изъ моей жизни романъ, и тогда форма взяла бы верхъ надъ содержаніемъ.

Мнѣ можно поэтому вести разсказъ безъ порядка и связи, и даже впадать въ противорѣчія.

Поэтому въ формѣ моего сочиненія отзовется беззаботность моего характера, и для начала я не стану больше доказывать своихъ убѣжденій о пользѣ этихъ *записокъ* и буду подкрѣплять свои мнѣнія фактами, которые представятся въ ходѣ разсказа.

Пусть не пугается ни одинъ изъ тѣхъ, кто дѣлалъ мнѣ зло, я не вспомню о нихъ; пусть не радуются и тѣ, кто любитъ скандалёзности, я пишу не для нихъ.

Я родилась въ годъ коронаціи Наполеона, XII годъ французской республики (1804). Зовутъ меня не Марія-Аврора де-Саксъ, маркиза Дюдеванъ, какъ находятъ многіе изъ моихъ біографовъ, но Амантина-Люсиль-Аврора Дюпенъ, а мужъ мой, Франсуа Дюдеванъ, не приписываетъ себѣ никакого титула. Онъ былъ только младшимъ лейтенантомъ инфантеріи, и когда я вышла за него замужъ, ему было двадцать семь лѣтъ. Представляя его старымъ полковникомъ имперіи, его смѣшивали

съ Дельмаромъ, лицомъ одного изъ моихъ романовъ. Правда, очень не мудрено написать біографію романиста, если переносить выдумки его фантазіи къ дѣйствительнымъ событіямъ его жизни. Но крайней мѣрѣ издержки воображенія не велики.

Быть можетъ, насъ смѣшали и съ нашими предками. Маріей-Авророй де-Саксъ звали мою бабушку, а отецъ моего мужа былъ кавалерійскимъ полковникомъ при имперіи. Но онъ не былъ ни грубъ, ни брюзгливъ: напротивъ, это былъ прекраснѣйшій и добрѣйшій изъ людей.

Прошу здѣсь извиненія у моихъ біографовъ, но хоть бы мнѣ пришлось поссориться съ ними и за ихъ благосклонность заплатить неблагодарностью, я скажу все! Я нахожу нисколько не деликатнымъ, приличнымъ и даже честнымъ обвинять моего мужа за несправедливости, совершенно забытыя мной съ тѣхъ поръ, какъ я стала свободна, — для того, чтобъ оправдать мой разрывъ съ нимъ. Нельзя, конечно, помѣшать публикѣ составить себѣ мнѣніе о процессѣ такого рода и сохранить о немъ впечатлѣніе болѣе или менѣе благопріятное той или другой сторонѣ; объ этомъ нечего заботиться, когда обѣ стороны рѣшились подвергнуться публичности подобныхъ споровъ. Но писатели, разсказывающіе жизнь другого писателя, особенно когда они предубѣждены въ его пользу и хотятъ возвысить его въ общественномъ мнѣніи, не должны дѣйствовать противъ своей мысли и чувства и защищать его чѣмъ попало. Обязанность писателя въ подобномъ случаѣ есть обязанность друга, а друзья не должны оставлять безъ вниманія общественной нравственности. Мужъ мой живъ и не читаетъ ни моихъ сочиненій, ни того, что говорятъ обо мнѣ. Новый поводъ для меня не одобрять нападокъ, которымъ онъ подвергается изъ-за меня. Я не могла жить съ нимъ, наши характеры и понятія были совершенно различны. Онъ имѣлъ свои причины не соглашаться на законную разлуку, но чувствовалъ ея необходимость, потому что она существовала на дѣлѣ. Неблагоразумные совѣты заставили его начать публичное дѣло, и это принудило насъ обвинять другъ друга. Печальное слѣдствіе неполноты законодательства, которое со временемъ улучшится. Съ тѣхъ поръ какъ наша разлука была рѣшена, я поспѣшила предать забвенію всѣ эти непріятности; всякое новое обвиненіе его кажется мнѣ неприличнымъ; оно заставляетъ предполагать остатокъ недоброжелательства, отъ котораго однако я совершенно свободна.

По этому можно догадаться, что я не стану пересказывать подробностей своего процесса. Для меня было бы слишкомъ

тягостною обязанностью вносить въ записки ребяческія неудовольствія и горькія воспоминанія. Я много страдала отъ всего этого, но я пишу не за тѣмъ, чтобы жаловаться и искать утѣшеній. Ни кому не было бы полезно знать огорченія, испытанныя мной по поводу происшествія, имѣвшаго отношеніе ко мнѣ лично, и я разскажу только о тѣхъ, которыя могутъ случиться со всѣми. Скажу еще разъ, что любители скандала должны закрыть мою книгу съ первой страницы; они ничего не найдутъ въ ней для себя.

Этимъ вѣроятно ограничится все, что скажу я о своемъ замужствѣ, и я поторопилась сдѣлать это, чтобы удовлетворить требованіямъ справедливости. Я знаю, что неблагоразумно оспоривать біографовъ, расположенныхъ въ вашу пользу, и которые могутъ грозить вамъ изданіемъ исправленнымъ и дополненнымъ; но я никогда и ни въ чемъ не была благоразумна, да и не замѣчала, чтобы люди, старающіеся быть благоразумными, были счастливѣе меня. При одинаковыхъ шансахъ, надобно дѣйствовать по побужденіямъ своего истиннаго характера.

Я не стану больше до новаго случая говорить о своемъ замужствѣ и возвращаюсь къ обстоятельствамъ своего рожденія.

Это рожденіе, въ которомъ меня такъ часто и такъ странно упрекали обѣ стороны моей фамиліи, въ самомъ дѣлѣ довольно любопытно и иногда давало мнѣ поводъ думать о различіи человѣческихъ породъ.

Я подозрѣваю своихъ иностранныхъ біографовъ въ большомъ аристократизмѣ, потому что они награждали меня знатнымъ происхожденіемъ; хотя, впрочемъ, они имѣли, по видимому, очень вѣрныя свѣдѣнія, но не хотѣли объяснить пятна, довольно замѣтнаго, на моемъ гербѣ.

Нельзя считаться ребенкомъ только отца; мнѣ кажется, надобно быть отчасти и ребенкомъ матери. Я думаю даже, что мы гораздо больше принадлежимъ матери, съ которою имѣли самую непосредственную, сильную и священную связь. И такъ, если отецъ мой былъ правнукъ польскаго короля Августа II, и если съ этой стороны я, хоть и незаконнымъ, но очень существеннымъ образомъ, дѣлаюсь близкой родственницей Карла X и Людовика XVIII, то съ другой стороны по крови я самымъ прямымъ и несомнѣннымъ путемъ принадлежу народу.

Мать моя была бѣдное дитя парижской мостовой; отецъ ея Антуанъ-Делабордъ былъ maître paulmier et maître oiselier, то есть продавалъ чижиковъ и щегленковъ на набережной aux

Oiseaux, а прежде содержалъ маленькій эстамине съ бильярдомъ, не знаю хорошенько, въ какомъ углу Парижа; однимъ словомъ дѣла его не были въ отличномъ положеніи. Правда, крестный отецъ моей матери составилъ себѣ славу въ прочномъ промыслѣ; его звали Барра; и это имя до сихъ поръ красуется на тампльскомъ бульварѣ, надъ цѣлой громадой клѣтокъ различнаго размѣра, гдѣ всегда весело щебечутъ крылатыя существа; я смотрю на нихъ какъ на такихъ же крестныхъ отцевъ и матерей, таинственныхъ патроновъ, съ которыми я всегда была въ особенномъ сродствѣ.

Пусть объясняетъ, кто хочетъ, это сродство человѣка съ нѣкоторыми второстепенными существами творенія. Оно столько же несомнѣнно, какъ и непреодолимая антипатія и страхъ его передъ другими безвредными животными. Что касается до меня, я такъ сроднилась съ этой симпатіей къ животнымъ, что друзья мои нерѣдко поражены были этимъ, какъ явленіемъ необыкновеннымъ. Я дѣлала въ этомъ отношеніи чудные опыты воспитанія; но я имѣла волшебную власть надъ одними птицами, и если хвалиться этимъ — тщеславіе, то прошу у нихъ извиненія.

Я получила этотъ *даръ* отъ матери, которая владѣла имъ еще въ *большей* степени; она ходила въ нашъ садъ постоянно въ сопровожденіи наглыхъ воробьевъ, проворныхъ ольшанокъ и болтливыхъ зябликовъ, которые жили на свободѣ по деревьямъ, но довѣрчиво являлись получать свою пищу изъ рукъ. Я увѣрена, что она наслѣдовала это вліяніе отъ отца, и что самъ онъ сталъ птичникомъ не по простому случаю, но по естественному влеченію сблизиться съ существами, съ которыми инстинктъ поставилъ его въ отношенія. Никто не отказывалъ Мартину, Картеру и Фанъ-Амбургу въ особенномъ могущественномъ вліяніи на инстинктъ дикихъ животныхъ. Надѣюсь, что не будутъ слишкомъ отвергать и моей сноровки и умѣнья обходиться съ двуногими пернатыми, которые, можетъ быть играли роковую роль въ моей прежней жизни.

Но безъ шутокъ, нѣтъ сомнѣнія, что у каждаго изъ насъ есть замѣтное, иногда очень сильное предубѣжденіе за или противъ какихъ нибудь животныхъ. Собака имѣетъ огромное значеніе въ человѣческой жизни и эта тайна до сихъ поръ не раскрыта вполнѣ. У меня была служанка, которая пристрастилась къ свиньямъ и была внѣ себя отъ отчаянія, когда онѣ попадались въ руки мясника; тогда какъ я, воспитанная въ деревнѣ и по деревенски и имѣвшая возможность привыкнуть къ этимъ животнымъ, которыхъ у насъ держали въ большомъ

количествѣ, всегда чувствовала къ нимъ дѣтскій, неодолимый страхъ, такъ-что совершенно не знала что дѣлать, когда была окружена этой нечистоплотной породой: я скорѣе бы желала быть окруженною львами и тиграми.

Оттого, можетъ, всѣ типы, составляющіе спеціальную принадлежность каждой породы животныхъ, сходятся въ человѣкѣ. Физіономисты доказали сходство физическое; кто можетъ отвергать сходство нравственное? Развѣ нѣтъ между нами лисицъ, волковъ, львовъ, орловъ, майскихъ жуковъ и мухъ? Грубость человѣка часто бываетъ также низка и свирѣпа, какъ инстинкты свиньи, и это всего болѣе страшитъ и возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе въ человѣкѣ. Я люблю собакъ, но не всѣхъ. Я чувствую даже примѣтную антипатію противъ нѣкоторыхъ характеровъ этой породы. Мнѣ нравится ихъ непокорство, смѣлость, ворчливость, независимость. Но я не люблю ихъ обжорства. Это прекрасныя, даровитыя существа, но неисправимыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ грубость животнаго возвращаетъ свои права.

Но я утверждаю, что птица есть болѣе высокое существо творенія. Ея организація удивительна. Способность летать даетъ ей жизненную силу, которой нашъ геній не могъ еще достигнуть. Въ ея клювѣ и ножкахъ чрезвычайно много проворства. У нея есть инстинктъ супружеской любви, домашней предусмотрительности и хозяйства; гнѣздо представляетъ превосходное соединеніе искусства, заботливости и тонкой роскоши. Это единственная порода, гдѣ самецъ помогаетъ самкѣ въ исполненіи семейныхъ обязанностей, и гдѣ отецъ, также какъ у людей, строитъ жилище, бережетъ и кормитъ дѣтей. Въ этихъ красивыхъ пѣвицахъ есть грація, ловкость, живость и инстинктъ привязанности и нравственности, и напрасно считаютъ ихъ типомъ непостоянства. Животныя вообще не отличаются вѣрностью, а въ птицѣ вѣрности всего больше. Въ столько хваленой породѣ собакъ только самка любитъ своихъ дѣтенышей, и потому стоитъ гораздо выше самца; у птицъ оба пола, одаренные равными достоинствами, доходятъ до идеала въ гименеѣ. Такъ пусть не судятъ легко о птицахъ. Они немного отстаютъ отъ насъ; и какъ музыканты и поэты они даже отличаются большими дарованіями, чѣмъ мы. Человѣкъ-птица это художникъ.

Такъ какъ теперь я говорю о птицахъ (и почему мнѣ не распространиться о нихъ? я уже разрѣшила себѣ неограниченныя отступленія), то приведу здѣсь одну черту, которую наблюдала сама и которую желала бы разсказать Бюффону, этому тихому поэту природы. Я взяла на воспитаніе двухъ ольшанокъ изъ разныхъ гнѣздъ и непохожихъ одна на другую: у одной бы-

ла желтая грудь, у другой сѣрая. Желтую звали Жонкиль; она была пятнадцатью днями старѣе сѣрой, которая называлась *Агатой*. Пятнадцать дней для ольшанки (это птичка самая умная, она развивается скорѣе всѣхъ) то же что, десять лѣтъ для молодаго человѣка. Жонкиль была очень маленькое дитя, худенькая и еще неоперившаяся, умѣла летать только съ одной вѣтки на другую и не могла еще клевать одна; потому что птицы, которыхъ воспитываетъ человѣкъ, развиваются гораздо медленнѣе тѣхъ, которыя остаются дикими. Ихъ матери несравненно строже насъ, и Жонкиль скорѣе бы привыкла клевать одна, еслибъ я имѣла благоразуміе принудить ее къ этому, предоставляя ее самой себѣ и не уступая ея докучливости.

Агата была несносная малютка. Она только и дѣлала, что суетилась, кричала, двигала своими раждающимися перьями и мучила Жонкиль, которая начинала уже размышлять и задавать себѣ вопросы, спрятавъ лапку въ пухъ своей одежды, опустивъ головку между плечами и полузакрывъ глаза.

Однако она была еще очень молода, имѣла всегда большой аппетитъ и силилась долетѣть до меня, чтобы накушаться досыта, если я имѣла неосторожность посмотрѣть на нее.

Однажды я писала не помню какой романъ, который немного занималъ меня; я помѣстила въ нѣкоторомъ разстояніи вѣтку, на которую вскарабкались мои воспитанницы, и проводили время очень дружно. Было немного свѣжо. Агата, еще на половину голая, прижалась къ Жонкили, съ благородною готовностью принимавшей на себя эту заботу матери. Они оставались спокойны въ этомъ положеніи около получаса, я между тѣмъ писала; потому что они рѣдко давали мнѣ столько свободнаго времени въ день.

Аппетитъ ихъ наконецъ пробудился, и Жонкиль, вскочивъ сперва на стулъ, потомъ на столъ, стерла послѣднее слово у конца моего пера, между тѣмъ какъ Агата, не смѣя покинуть вѣтку, хлопала крылышками и протягивала ко мнѣ свой полуоткрытый носикъ съ отчаянными криками.

Я была въ серединѣ развязки, и въ первый разъ осердилась на Жонкиль. Я дала ей замѣтить, что она уже большая и можетъ кушать одна, что передъ ея носомъ стояло прекрасное кушанье на красивомъ блюдечкѣ, и что я рѣшилась не обращать вниманія на ея лѣность. Жонкиль, изъ упрямства и досады, надулась и воротилась на вѣтку. Но у Агаты не было столько самоотверженія, и обратившись къ ней, она стала съ невѣроятною настойчивостью просить пищи. Вѣроятно, слова ея были очень

краснорѣчивы, или если она не умѣла еще хорошенько объясняться, въ ея голосѣ были звуки, раздирающіе чувствительное сердце. Но я, жестокая, смотрѣла и слушала, не трогаясь съ мѣста и наблюдая видимое смущеніе Жонкили, которая была въ нерѣшимости и необыкновенной внутренней борьбѣ.

Наконецъ она рѣшилась, подлетѣла разомъ къ блюдечку, покричала немного, ожидая, что пища сама придетъ къ ея носику; потомъ обдумала все и почала кушанье. Но, диво чувствительности! она не думаетъ утолить свой собственный голодъ; она наполняетъ свой носикъ, возвращается на вѣтку и кормитъ Агату съ такой же ловкостью и опрятностью, какъ будто сама была уже матерью.

Съ этого времени Жонкиль и Агата не мѣшали мнѣ больше; старшая кормила маленькую и дѣлала это лучше меня, потому что младшая скоро поправилась, пополнѣла, и сама она привыкла обходиться безъ меня и кушала гораздо скорѣе, чѣмъ со мною. Такимъ образомъ эта бѣдняжка сдѣлала свою подругу пріемышемъ, когда сама была еще малюткой, и выучилась кормиться одна, только побѣжденная чувствомъ материнской любви къ своей подругѣ (*).

Спустя мѣсяцъ, Жонкиль и Агата, всегда не разлучныя, хоть и были одного пола и различныхъ породъ, жили на свободѣ на большихъ деревьяхъ моего сада. Онѣ не отдалялись слишкомъ отъ дома и выбрали любимымъ пріютомъ верхушку высокой ели. Онѣ были длинненькія, гладкія и свѣжія птички. Каждый день, въ хорошую погоду, когда мы обѣдали на чистомъ воздухѣ, онѣ прилетали къ намъ на столъ и кружились около насъ какъ милые собесѣдники, садились намъ на плечи, или летали впереди слуги, который приносилъ плоды, чтобы попробовать ихъ на тарелкѣ прежде насъ.

Но несмотря на довѣріе ко всѣмъ намъ, они только мнѣ позволяли брать себя въ руки, и въ какую бы ни было минуту дня, они являлись съ верхушки своего дерева на мой призывъ, извѣстный имъ очень хорошо, и котораго они никогда не смѣшивали съ другими голосами. Одинъ изъ моихъ друзей, пріѣхавъ ко мнѣ изъ Парижа, чрезвычайно удивился, когда я стала звать птичекъ, совершенно закрытыхъ вѣтвями дерева, и когда птички

(*) Кажется, что эта удивительная исторія есть вещь самая обыкновенная, потому, что, написавши эту книгу, я видѣла много другихъ примѣровъ. Семейство соловьевъ, воспитанное нами, едва выучившись ѣсть, съ большою нѣжностью кормило всѣхъ маленькихъ птичекъ той же породы, которыхъ сажали въ ихъ клѣтку.

тотчасъ прилетѣли ко мнѣ. Передъ тѣмъ я поспорила съ нимъ, что заставлю ихъ повиноваться, и не зная ихъ воспитанія, онъ подумалъ, что мнѣ помогла нечистая сила.

У меня былъ также ряноловъ, существо необыкновенное по своей понятливости и памяти; коршунъ, который для всѣхъ былъ дикимъ животнымъ, а со мной жилъ въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, что влѣзалъ на края колыбели моего сына и своимъ острымъ какъ бритва клювомъ, съ тихимъ и кокетливымъ крикомъ, ловилъ мухъ, которыя садились на лицо ребенка, и дѣлалъ это такъ ловко и осторожно, что иногда не будилъ ребенка. Этотъ господинъ былъ однако такъ силенъ и рѣшителенъ, что однажды улетѣлъ, изломавши клѣтку, куда посадили его, потому что онъ становился опасенъ для тѣхъ, кто ему не нравился. Онъ легко ломалъ кольца всякой цѣпочки, и самыя большія собаки чувствовали передъ нимъ непобѣдимый ужасъ.

Этимъ еще не кончится исторія птицъ, моихъ друзей и товарищей. Въ Венеціи я жила съ однимъ прелестнымъ скворцомъ, который къ моему большому несчастью утонулъ въ каналѣ; за тѣмъ съ дроздомъ, съ которымъ мнѣ было очень горько разставаться. У венеціанцевъ большой талантъ воспитывать птицъ; одинъ мальчишка дѣлалъ чудеса въ этомъ родѣ. Однажды онъ выигралъ въ лотерею нѣсколько секиновъ и всѣ проѣлъ на праздникѣ, который далъ своимъ оборваннымъ пріятелямъ. На другой день онъ явился на свое мѣсто, на ступеняхъ пристани, съ клѣтками, полными ученыхъ сорокъ и скворцовъ, которыхъ продавалъ проходящимъ и съ которыми съ любовью толковалъ, съ утра до вечера. Онъ вовсе не печалился и не жалѣлъ о томъ, что потерялъ свои деньги на пріятелей. Онъ слишкомъ долго жилъ съ птицами и не могъ не быть артистомъ. Въ этотъ самый день онъ продалъ мнѣ за пять су моего милаго дрозда. Имѣть за пять су красиваго, добраго, веселаго и образованнаго собесѣдника, которому нужно прожить съ вами только день, чтобы полюбить васъ на всю жизнь, право не дорого! Ахъ, птицы! какъ мало уважаютъ и какъ дурно цѣнятъ васъ!

Мнѣ пришла фантазія написать романъ, гдѣ птицы играютъ довольно важную роль, и гдѣ я старалась сказать кое-что о таинственныхъ родствахъ и вліяніяхъ. Этотъ романъ — *Теверино*, и я отсылаю къ нему читателя; я часто буду дѣлать такъ, чтобы не повторять того, что лучше развито мною въ другомъ мѣстѣ. Я знаю, что пишу не для всѣхъ людей. У нихъ много другого дѣла, кромѣ чтенія цѣлаго собранія романовъ и исторіи лица, вовсе не принадлежащаго къ оффиціальному міру. Люди

одного со мною ремесла пишутъ только для извѣстнаго числа людей, находящихся въ подобныхъ положеніяхъ или преданныхъ такимъ же мечтамъ, какія занимаютъ ихъ. Потому, не опасаясь показаться слишкомъ высокомѣрною, я буду просить моихъ читателей вспомнить нѣкоторыя страницы моихъ романовъ, чтобы дополнить то, что они читаютъ теперь.

Такимъ образомъ въ *Теверино* я представила дѣвушку, которая, какъ первая Ева, имѣетъ власть надъ птицами, и я говорю, что это совсѣмъ не чистая выдумка.

Но пора кончить эту главу о птицахъ и возвратиться къ моему рожденію.

ГЛАВА II.

О рожденіи и о свободѣ воли. — Фридрихъ-Августъ. — Аврора Кёнигсмаркъ. — Морицъ де-Саксъ. — Аврора де-Саксъ. — Графъ Горнъ. — Дѣвицы Веррьеръ и умные люди XVIII столѣтія. — Дюпенъ Франкёйль. — Г-жа Дюпенъ Шенонсо. — Аббатъ де-Сенъ-Пьеръ.

Итакъ я родилась отъ отца знатныхъ родителей и матери простаго званія. Тó, чтó называютъ судьбою, есть характеръ лица, а характеръ — его организація, и такъ какъ организація каждаго изъ насъ зависитъ отъ смѣшенія или одинаковости породъ, и представляетъ связь постоянно измѣняющихся типовъ, то я всегда думала, что отъ этой естественной наслѣдственности тѣла и души происходитъ довольно важное отношеніе между каждымъ изъ насъ и каждымъ изъ нашихъ предковъ.

Всѣ мы имѣемъ предковъ, великіе и малые, плебеи и патриціи; предки называются *patres*, то есть рядъ отцовъ.

Свои понятія о знатности происхожденія я выразила въ *Пиччинино*; только для этого, можетъ быть, написанъ и весь этотъ романъ. Конечно, можно согласиться съ испанской пословицей, что каждый есть сынъ своихъ дѣлъ, но справедливо и то, что каждый есть сынъ своихъ родителей, предковъ, *patres et matres*. Наши инстинкты, которые мы получаемъ при рожденіи, только слѣдствіе крови, и она имѣла бы вліяніе на насъ какъ судьба, если бы мы не владѣли извѣстною степенью воли, данной божественнымъ правосудіемъ каждому изъ насъ, какъ личное достояніе.

Скажу здѣсь кстати (новое отступленіе), что мы не вполнѣ свободны, но и не безусловно подчинены роковому влеченію своихъ инстинктовъ. Богъ всѣхъ насъ одарилъ довольно сильнымъ

стремленіемъ бороться противъ этого влеченія, когда далъ намъ силу мысли, сравненія, способность пользоваться опытомъ и наконецъ спастись, или посредствомъ разумной любви къ самому себѣ или посредствомъ любви къ вѣчной истинѣ.

Напрасно будутъ возражать на это, говоря объ идіотахъ, сумасшедшихъ и извѣстномъ разрядѣ убійцъ, преданныхъ во власть ужасной мономаніи и потому относящихся къ той же категоріи сумасшедшихъ и идіотовъ. Но всякое правило имѣетъ исключенія, которыя подтверждаютъ его, и во всякомъ разсчетѣ могутъ быть случайности. Я убѣждена, что съ успѣхомъ обществъ и человѣческаго воспитанія эти гибельныя случайности исчезнутъ, и наше предопредѣленіе, становясь зависимымъ отъ лучшаго соединенія способностей, будетъ нашей силой и естественною поддержкою пріобрѣтенной логики, и уже не будетъ причиною безконечной борьбы между нашими принципами и склонностями.

Я снова отдаляюсь отъ предмета, и моя исторія рискуетъ сдѣлаться похожею на исторію семи зàмковъ короля богемскаго. Что за дѣло до этого, мои добрые читатели? сама по себѣ, моя исторія представляетъ немного интереса. События занимаютъ въ ней самую незначительную роль; ее наполняютъ размышленія. Едва ли кто нибудь въ своей жизни больше мечталъ и меньше дѣйствовалъ; могли ли вы ожидать другого отъ романиста?

Слушайте: моя жизнь есть ваша жизнь; потому что мои страницы читаете только вы, не увлеченные житейскими интересами; иначе вы оттолкнули бы ихъ какъ скучную вещь. Вы такіе же мечтатели, какъ я. То, что останавливаетъ меня на пути, останавливало и васъ. Какъ и я, вы старались отдать себѣ отчетъ въ своемъ существованіи, и сдѣлали нѣсколько заключеній. Сравните ваши съ моими. Взвѣсьте и рѣшайте. Истина выходитъ только изъ изслѣдованій.... Пишите свою исторію тѣ, кто понялъ свою жизнь и изучилъ сердце. Для той же цѣли и я пишу свою исторію и разсказываю о своихъ предкахъ.

Фридрихъ-Августъ, курфистръ саксонскій и король польскій, въ свое время былъ извѣстенъ разсѣянною жизнью. Сынъ его и Авроры Кёнигсмаркъ, красавицы и ловкой кокетки, отъ которой бѣжалъ Карлъ XII, и которая могла считать себя страшнѣе арміи (*), много выше его своимъ величіемъ, хотя былъ только

(*) Вотъ какъ разсказывается этотъ любопытный анекдотъ въ «Исторіи Карла XII», Вольтера: «Августу хотѣлось лучше принимать жесткія приказанія отъ побѣдителя, чѣмъ отъ своего сената. Онъ рѣшился просить мира у шведскаго короля и заключить съ нимъ тайный договоръ. Надобно было

маршалъ Франціи. Это Морицъ де-Саксъ, побѣдитель при Фонтенуа, столько же добрый и храбрый какъ его отецъ, не меньше извѣстный своей веселою жизнью, и гораздо болѣе счастливый на войнѣ.

Въ старости Аврора Кёнигсмаркъ сдѣлалась бенефиціанткой одного протестантскаго аббатства; въ этомъ же кведлинбургскомъ аббатствѣ была впослѣдствіи настоятельницей принцесса Амалія прусская, сестра Фридриха Великаго, которая любила знаменитаго и несчастнаго барона Тренка. Графиня умерла и была погребена въ этомъ аббатствѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣмецкіе журналы разсказывали, что подземные склепы аббатства были разрыты и тамъ найдены прекрасно сохранившіеся набальзимированные останки настоятельницы Авроры, одѣтой съ большою роскошью въ парчевое платье, покрытое драгоцѣнными камнями, и въ мантію изъ алаго бархата, подбитую куницами. Въ моей комнатѣ, въ деревнѣ, есть портретъ молодой женщины блестящей красоты. Замѣтно, что она нарумянилась передъ *снятіемъ* портрета. Она чрезвычайно смугла, что вовсе не соотвѣтствуетъ

скрыть это отъ сената, который казался ему врагомъ еще болѣе несговорчивымъ. Дѣло было очень щекотливое, и онъ положился на графиню Кёнигсмаркъ, шведку знатнаго происхожденія, къ которой онъ былъ тогда привязанъ. Братъ ея извѣстенъ своею несчастною смертью, а сынъ съ такимъ успѣхомъ и славой предводительствовалъ французскими арміями. Эта женщина, извѣстная своимъ умомъ и красотою, могла исполнить порученіе лучше всякаго министра. Она имѣла благовидный предлогъ явиться къ королю, потому что у нея были владѣнія въ Швеціи, и она долго была при его дворѣ. Графиня отправилась въ шведскій лагерь въ Литвѣ, и обратилась тамъ къ графу Пиперу, который очень необдуманно обѣщалъ ей аудіенцію у своего короля. Между другими совершенствами, которыя дѣлали ее одною изъ самыхъ любезныхъ женщинъ въ Европѣ, она имѣла необыкновенный талантъ говорить на многихъ языкахъ такъ хорошо, какъ будто каждый изъ нихъ былъ ея роднымъ языкомъ. Она сочиняла для забавы и французскіе стихи, писанные точно въ Версали. Исторія не должна забывать стиховъ ея для Карла XII. Въ нихъ она вывела миѳологическихъ боговъ, которые всѣ хвалили разныя достоинства Карла; стихотвореніе оканчивалось такъ:

Enfin, chacun des dieux discourant à sa gloire
Le plaçait par avance au temple de Mémoire;
Mais Vénus et Bacchus n'en dirent pas un mot.

Но весь этотъ умъ и дарованія ничего не значили передъ такимъ человѣкомъ, какъ шведскій король. Онъ постоянно отказывался принять ее. Тогда она рѣшилась увидѣть его на одной изъ его частыхъ прогулокъ верхомъ. Дѣйствительно, она встрѣтилась съ нимъ на одной узкой дорожкѣ, и замѣтивши его, вышла изъ кареты. Король поклонился ей, не сказавъ ни слова, поворотилъ лошадь и въ ту же минуту поскакалъ назадъ, такъ-что графиня Кенигсмаркъ послѣ своего путешествія могла только имѣть удовольствіе думать, что шведскій король боится только ея одной.»

нашимъ понятіямъ о сѣверной красотѣ. Черные какъ смоль волосы подняты назадъ рубиновыми аграфами; ея гладкій и открытый лобъ не выказываетъ скромности; густыя и жесткія пряди волосъ падаютъ на грудь; она въ парчевомъ платьѣ съ драгоцѣнными камнями и въ алой бархатной мантіи съ соболями, какъ нашли ее въ гробѣ. Признаюсь, мнѣ не нравится эта смѣлая, улыбающаяся красота, и послѣ того какъ ее вырыли изъ земли, портретъ даже пугаетъ меня по вечерамъ, когда смотритъ на меня своими блестящими глазами. Мнѣ кажется, она говоритъ мнѣ тогда: «Какіе пустяки занимаютъ твою бѣдную голову, выродившійся остатокъ моей гордой фамиліи? Какими несбыточными идеями наполнены твои мечты? Любовь не то, что ты думаешь; люди никогда не будутъ такими, какъ ты надѣешься.»

Подлѣ нея — потретъ ея сына Морица де-Саксъ, прекрасная *пастель* Латура. Онъ въ блестящей кирасѣ; голова его напудрена; прекрасная и добрая физіономія всегда, кажется, говоритъ: впередъ, съ боемъ барабана и зажженнымъ фитилемъ! и не заботится о томъ, чтобы выучиться по французски и оправдать свое принятіе въ академію. Онъ похожъ на мать, но онъ блондинъ, съ довольно нѣжной кожей; въ его голубыхъ глазахъ больше пріятности и въ улыбкѣ больше откровенности.

Но страсти часто оставляли пятна на его славѣ, между прочимъ его связь съ г-жею Фаваръ, разсказанная съ такимъ благородствомъ и любовью въ перепискѣ Фаваръ. Одна изъ послѣднихъ его привязанностей была мадмоазель Варрьеръ (*), *dame de l'Opera*, которая жила съ своей сестрой въ маленькомъ загородномъ домѣ, который существуетъ и теперь, и находится въ новомъ центрѣ Парижа, на Шоссе-д'-Антенъ. У мадмоазель Верръеръ родилась дочь, которая только черезъ пятнадцать лѣтъ признана была дочерью маршала де-Саксъ и получила право носить свое имя по опредѣленію парламента. Эта исторія довольно любопытна какъ характеристическая черта эпохи. Вотъ что прочитала я объ этомъ въ одной старинной юридической книгѣ:

«Дѣвица *Марія-Аврора*, побочная дочь Морица, графа де-Саксъ, маршала французскихъ войскъ, была крещена подъ именемъ *дочери Жана-Батиста де-ла-Ривьера, парижскаго гражданина, и Маріи Ринто, его жены.* Дѣвица Аврора была готова вступить въ бракъ, и тогда г. Монгла назначенъ ея опекуномъ, 3 мая 1766. Но дѣвица Аврора не хотѣла, чтобъ при церковномъ

(*) Настоящее имя ея было Марія Ринто; сестру ея звали Женевьевой. Веррьеръ было ихъ подставное имя.

оглашенія она была названа дочерью господина Ривьера, и особенно дочерью *неизвѣстныхъ родителей*. Она представила суду свою просьбу, чтобы прежнее опредѣленіе было измѣнено. Судъ, выслушавъ г. Тетьона за дѣвицу Аврору, представившаго полныя доказательства въ свидѣтельствѣ господина Жерве, присутствовавшаго при рожденіи, и другихъ лицъ, бывшихъ ея воспріемниками отъ купели, и др., что она была и всегда считалась побочною дочерью графа де-Саксъ; и г. Массоне за перваго опекуна, сдѣлалъ 4 іюня 1766 сообразно съ заключеніями г. Жоли-де-Флёри, главнаго адвоката, опредѣленіе, отмѣнявшее сентенцію 3 мая, и назвалъ г. Жиро опекуномъ дѣвицы Авроры, объявилъ ее «побочною дочерью Морица, графа де-Саксъ, под«твердилъ это и предоставилъ ей надлежащія права; затѣмъ «приказалъ, чтобы свидѣтельство о крещеніи, записанное въ «книгахъ парижскаго прихода Сенъ-Жерве и Сенъ-Прота подъ «19 октября 1748, и въ которомъ значится *Марія-Аврора, дочь, «представленная этого числа для крещенія Антуаномъ-Александ«ромъ Кольберомъ, маркизомъ де-Сурди, и Женевьевою Ринто «крестными отцомъ и матерью*, было исправлено, и чтобы вмѣ«сто именъ Жана-Батиста де-ла-Ривьера, парижскаго гражда«нина и Маріи Ринто, его жены, поставлено было послѣ *Марія «Аврора* слѣдующее: *побочная дочь Морица, графа де-Саксъ, «маршала французскихъ войскъ*, и Маріи Ринто» и проч. (*).

Другимъ неопровержимымъ доказательствомъ, которымъ могла воспользоваться моя бабушка въ общемъ мнѣніи, было несомнѣнное сходство ея съ маршаломъ Саксомъ и родъ усыновленія, въ которое она была принята дофиною, дочерью короля Августа, племянницею маршала, матерью Карла X и Людовика XVIII. Эта принцесса помѣстила ее въ Сенъ-Сиръ, заботилась о ея воспитаніи и замужствѣ и запретила видѣться съ матерью.

Пятнадцати лѣтъ Аврора де-Саксъ оставила Сенъ-Сиръ, чтобы выйдти замужъ за графа Горна (**), побочнаго сына Людовика XV. Она увидѣла его въ первый разъ наканунѣ свадьбы и чрезвычайно испугалась; онъ показался ей двойникомъ покойнаго короля, съ которымъ графъ имѣлъ удивительное сходство. Онъ былъ выше, красивѣе, но столько же дерзокъ и суровъ.

(*) Collection de décisions nouvelles et de notions rélatives à la jurisprudence actuelle, par M. J.—B. Denisart, procureur au châtelet de Paris, t. III, p. 704 Paris, 1774.

(**) Антуанъ де-Горнъ, кавалеръ св. Людовика, правитель провинціи Шлештадтъ.

На свадебномъ вечерѣ, гдѣ былъ мой дѣдъ, аббатъ де-Бомонъ (сынъ герцога Буйльона и мадмоазель Веррьеръ), преданный камердинеръ просилъ молодого аббата, который былъ почти ребенокъ, не допускать, чтобы графиня Горнъ провела ночь съ супругомъ. Совѣтовались съ медикомъ графа, и самъ графъ понялъ причину.

Марія-Аврора де-Саксъ навсегда осталась только по имени супругою своего перваго мужа; они видѣлись только на праздникахъ, которые давались имъ въ Альзасѣ съ военными церемоніями, пушечными выстрѣлами, поднесеніемъ на золотомъ блюдѣ городскихъ ключей, съ рѣчами чиновниковъ, иллюминаціями, балами въ ратушѣ, со всѣмъ блескомъ тщеславія, которымъ свѣтъ, казалось, хотѣлъ утѣшить бѣдную дѣвушку, отданную тому, кого она не любила, не знала, и должна была избѣгать какъ смерти.

Бабушка часто разсказывала мнѣ о впечатлѣніи, которое произвелъ на нее этотъ великолѣпный пріемъ, тотчасъ по выходѣ изъ монастыря. Она ѣхала въ позолоченой каретѣ, въ которую были запряжены четыре бѣлыя лошади; супругъ ея верхомъ, въ великолѣпномъ платьѣ. Громъ пушекъ наводилъ на Аврору такой же страхъ, какъ и голосъ ея мужа. Только одно восхитило ее, когда ей подали подписать съ соизволенія короля помилованіе заключеннымъ. Тотчасъ двадцат заключенныхъ были освобождены изъ государственныхъ темницъ и принесли ей свою благодарность. Она принялась плакать, и, быть можетъ, Провидѣніе вознаградило ее за эту наивную радость, когда она выходила изъ тюрьмы послѣ 8 термидора.

Но черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ ея въ Альзасъ, въ самомъ разгарѣ бала, правитель исчезъ; правительница танцовала до трехъ часовъ утра, когда ей сказали, что мужъ проситъ ее на минуту къ себѣ. Она пошла, но при входѣ въ комнату графа остановилась въ смущеніи, вспомнивъ слова брата, который просилъ ее никогда одной не входить сюда. Она ободрилась, когда увидѣла въ комнатѣ свѣтъ и людей. Тотъ же слуга держалъ теперь графа Горна въ рукахъ. Онъ былъ положенъ на постель; возлѣ стоялъ врачъ. «Графу больше нечего говорить графинѣ, закричалъ камердинеръ, увидѣвъ мою бабушку: — уведите, уведите графиню.» Она видѣла только бѣлую руку, упавшую съ постели; ее тотчасъ же подняли, чтобы дать трупу приличное положеніе. Графъ Горнъ былъ убитъ на дуэли сильнымъ ударомъ шпаги.

Моя бабушка ничего больше не знала объ этомъ. Она могла отдать послѣдній долгъ своему супругу только трауромъ; мертвый или живой, онъ всегда внушалъ ей ужасъ.

Если я не ошибаюсь, дофина была еще жива въ это время, и теперь снова помѣстила Марію-Аврору въ монастырь. Тотчасъ ли, или спустя нѣсколько времени, но она скоро получила возможность видѣться съ матерью, которую всегда любила, и она не пропускала случаевъ къ свиданію (*).

Сестры Веррьеръ жили вмѣстѣ, въ довольствѣ, даже богато; они сохранили еще свою красоту, но лѣта доставляли имъ уваженіе, въ которомъ не замѣшивались другіе интересы. Та изъ нихъ, которая была моею прабабушкою, была умнѣе и любезнѣе. Другая была горда; я не знаю, отъ кого она получала содержаніе.

Они вели жизнь пріятную и беззаботную, что вполнѣ отвѣчало тогдашней легкости нравовъ, и *занимались музами*, какъ говорили тогда. У нихъ давали комедіи, и самъ Лагарпъ игралъ въ своихъ еще неизданныхъ пьесахъ. Аврора играла въ роли *Мелани* и имѣла заслуженный успѣхъ. Тамъ исключительно занимались литературой и музыкой. Аврора была ангельской красоты, очень умна, и по серьёзности своего образованія стояла на ряду съ самыми просвѣщенными людьми того времени; умъ ея еще былъ обработанъ и развитъ обществомъ и лицами, которыми была окружена ея мать. Она владѣла кромѣ того великолѣпнымъ голосомъ, и я не знала музыкантши лучше ея. Въ домѣ ихъ давали также комическія оперы; она исполняла роль Колетты въ «Деревенскомъ Гадателѣ», Аземіи въ «Дикаряхъ» и всѣ главныя роли въ операхъ Гретри и пьесахъ Седеня. Я часто слышала, какъ она уже въ старости пѣла аріи старыхъ итальянскихъ композиторовъ, которые впослѣдствіи сдѣлались для нея главною пищей: Лео, Парпора, Гассе, Перголезе и др. Она лишилась употребленія рукъ и могла аккомпанировать себѣ только двумя или тремя пальцами на старомъ дребезжавшемъ клавесинѣ. Дрожащій голосъ ея былъ все-таки правиленъ и великъ; метода и выразительность не пропадаютъ. Она прямо читала всѣ партиціи, и я никогда послѣ не слышала лучшаго пѣнія и акомпанимента. У нея была эта обширная манера, простота, чистота вкуса и ясность произношенія, которыя теперь неизвѣстны. Въ моемъ дѣтствѣ, она заставляла меня повторять за нею маленькій итальянскій дуэтъ, не помню чей:

(*) Дофина умерла въ 1767 году. Моей бабушкѣ было, слѣдовательно, девятнадцать лѣтъ, когда она могла поселиться съ матерью.

Non mi dir, bel idol mio,
Non mi dir ch'io son ingrato.

Она пѣла тенорныя партіи, и несмотря на шестьдесятъ-пять лѣтъ голосъ ея возвышался иногда до такой степени выразительности и прелести, что я однажды не могла удержаться отъ слезъ, слушая ее. Но я возвращусь еще разъ къ этимъ первымъ музыкальнымъ впечатлѣніямъ, самымъ дорогимъ въ моей жизни. Теперь стану продолжать исторію молодости моей милой *мамаши*.

Между знаменитыми людьми, посѣщавшими мою мать, она особенно любила Бюффона; въ разговорѣ его она находила прелесть, о которой всегда сохраняла свѣжее воспоминаніе. Тогдашняя жизнь ея была веселая, тихая и въ то же время блестящая. Всѣмъ она внушала любовь или дружбу. У меня много объясненій въ любви, написанныхъ немудреными стихами, которые представляли ей современные *beaux esprits*, между прочимъ такіе стишки Лагарпа (*):

Des Césars, à vos pieds, je mets toute la cour.
Recevez ce cadeau que l'amitié présente,
Mais n'en dites rien à l'amour....
Je crains trop qu'il ne me démente!

Вотъ образчикъ тогдашняго свѣтскаго остроумія. Аврора прошла черезъ этотъ міръ обольщеній и поклонничества, занимаясь одними искусствами и стараясь о развитіи своего ума. Единственною страстью ея были материнская любовь; она не имѣла понятія объ интригѣ. При всемъ томъ это была натура нѣжная, благородная и съ тонкой чувствительностью. Набожность ее была набожностью XVIII вѣка. Но это была душа твердая, проницательная, увлекавшаяся какимъ-то идеаломъ гордости и самоуваженія. Она не знала кокетства, и одаренная прекрасными качествами, не нуждалась въ немъ; эта система поощренія возмущала въ ней чувство собственнаго достоинства. Она жила въ эпоху большой свободы и испорченности нравовъ, но осталась безъ упрека, и осужденная страшною судьбою не знать любви въ замужствѣ, рѣшила трудную задачу, живя тихо и избѣгнувъ всякаго недоброжелательства и клеветы.

Ей было, кажется, около двадцати-пяти лѣтъ, когда она лишилась матери. Мадмоазель Веррьеръ умерла вечеромъ, готовясь лечь въ постель; она была совершенно здорова и жаловалась

(*) Онъ посылалъ ей свой переводъ «Двѣнадцати цезарей» Светонія.

только, что у нея озябли ноги. И пока служанка грѣла туфли, она сѣла передъ огнемъ, и умерла, не сказавъ ни слова и даже не вздохнувши. Служанка обула ее и спросила, согрѣлась ли она; не получая никакого отвѣта, она взглянула ей въ лицо и увидѣла, что госпожа ея заснула послѣднимъ сномъ. Мнѣ кажется, что въ это время для извѣстныхъ натуръ, остававшихся въ гармоніи съ характеромъ и обычаями ихъ философической среды, все было легко и пріятно, не исключая и смерти.

Аврора воротилась въ монастырь; такъ обыкновенно дѣлали тогда молодыя дѣвушки или вдовы, не имѣвшія родныхъ, которые могли бы руководить ими въ свѣтѣ. Онѣ помѣщались тамъ скромно, но элегантно, принимали визиты, или выходили сами утромъ и даже вечеромъ, съ приличной надзирательницей. Это былъ родъ предосторожности противъ сплетней, требованіе этикета и вкуса.

Но для моей бабушки, отличавшейся серьёзными склонностями, это уединеніе было дорого и полезно. Она читала чрезвычайно много и накопила цѣлыя книги выписокъ и извлеченій, которыя до сихъ поръ цѣлы у меня и говорятъ мнѣ объ основательности ея ума и хорошемъ употребленіи времени. Мать оставила ей кое-какія вещи, два или три фамильныхъ портрета, между прочимъ портретъ Авроры Кёнигсмаркъ, оригинально помѣщенный у нея маршаломъ де-Саксъ, много мадригаловъ и неизданныхъ стихотвореній ея пріятелей-литераторовъ (иныя изъ нихъ стоили бы изданія), наконецъ печать и табакерку маршала, которыя еще хранятся у меня; обѣ они прекрасной работы. Что касается до ея дома, театра и всей роскоши хорошенькой женщины, они, вѣроятно, выпали на долю кредиторовъ; до своей беззаботной и спокойной кончины владѣтельница ихъ, вѣроятно, очень надѣялась на благовоспитанность своихъ заимодавцевъ и не думала о нихъ. Тогда кредиторы въ самомъ дѣлѣ были очень благовоспитаны. Моя бабушка не потерпѣла отъ нихъ никакихъ непріятностей; только доходы ея ограничились небольшимъ пансіономъ отъ дофины; но и та скоро умерла. Тогда она писала къ Вольтеру; онъ отвѣчалъ любезнымъ письмомъ, съ которымъ она обратилась къ герцогинѣ Шуазёль....

Но исканія ея были, вѣроятно, неудачны, потому что, когда Аврорѣ было уже тридцать лѣтъ, она рѣшилась выйдти замужъ за Дюпена Франкёйля, моего дѣда. Ему было тогда шестьдесятъ-два года.

Дюпенъ Франкёйль, котораго Руссó въ своихъ «Запискахъ» и г-жа д'Эпине въ «Перепискѣ» называютъ просто Франкёйлемъ,

былъ человѣкъ любезный по преимуществу, какъ понимали это въ прошедшемъ столѣтіи. Онъ вовсе не принадлежалъ къ высшей аристократіи и былъ сынъ Дюпена, *fermier-général*, который промѣнялъ шпагу на финансы. Самъ онъ былъ главнымъ сборщикомъ, когда женился на моей бабушкѣ. Это была фамилія старинная и съ хорошимъ родствомъ; у нея было четыре фоліанта родословій съ разными геральдическими затѣями и прекрасными раскрашенными виньетками. Какъ бы то ни было, бабушка долго медлила этимъ замужствомъ; главное препятствіе было не въ томъ, что Дюпенъ былъ очень старъ, но въ томъ, что ея окружающіе считали Дюпена лицомъ слишкомъ незначительнымъ въ сравненіи съ мадмоазель де-Саксъ, графиней Горнъ. Предразсудокъ уступилъ выгодамъ богатства, потому что Дюпенъ имѣлъ тогда большое состояніе. Для бабушки моей постоянная заботливость, умъ и любезность стараго обожателя, имѣли гораздо больше значенія, чѣмъ привлекательность его богатства. Послѣ двухъ или трехъ лѣтъ нерѣшительности, въ продолженіи которыхъ Дюпенъ каждый день являлся въ монастырскую пріемную разговаривать и завтракать съ ней, она увѣнчала его любовь и стала г-жею Дюпенъ (*).

Она часто говорила мнѣ объ этомъ замужствѣ, которое такъ долго обдумывала, и о дѣдушкѣ, котораго я вовсе не знала. По словамъ ея, въ теченіе десяти лѣтъ, проведенныхъ ими вмѣстѣ, она ни къ кому не была столько привязана, какъ къ Дюпену и его сыну; и хотя, говоря о себѣ, она никогда не употребляла слова любовь, но улыбалась на мои сомнѣнія въ возможности любить старика.

«Старикъ любитъ сильнѣе молодого человѣка — говорила она — и невозможно не отвѣчать на страстную любовь. Я называла его моимъ старымъ мужемъ и отцомъ. Онъ самъ хотѣлъ этого, и не называлъ меня иначе, какъ дочерью, даже въ обществѣ. Да и былъ ли кто нибудь старъ тогда, прибавляла она. Старость пришла въ міръ только послѣ революціи. Вашъ дѣдушка, милая моя, былъ хорошъ собой, изященъ, граціозенъ, всегда надушенъ, веселъ, любезенъ, снисходителенъ и всегда въ одинаковомъ расположеніи духа, до самой смерти. Если бы онъ былъ моложе, его любезность не допустила бы такой спокойной жизни; быть можетъ, я не была бы и такъ счастлива съ нимъ, потому что его стали бы оспаривать у меня. Я убѣждена, что

(*) Не знаю, съ которой стороны, но были, кажется, препятствія ихъ браку, потому что они отправились въ Англію и вѣнчались въ церкви посольства; бракъ ихъ былъ потомъ утвержденъ во Франціи.

на мою долю досталась самая лучшая пора его жизни, и что никогда молодой человѣкъ не доставлялъ столько счастья молодой женщинѣ, какъ онъ; мы не разставались ни на минуту и мнѣ никогда не было скучно съ нимъ. Въ умѣ его была цѣлая энциклопедія идей, свѣдѣній и талантовъ, никогда не истощавщаяся для меня. Онъ умѣлъ проводить время столько же пріятно для другихъ, какъ и для себя. Днемъ мы занимались музыкой; онъ превосходно игралъ на скрипкѣ, и дѣлалъ скрипки самъ, потому что зналъ это искусство; кромѣ того онъ былъ часовщикъ, архитекторъ, токарь, живописецъ, слесарь, декораторъ, поваръ, поэтъ, композиторъ, столяръ и прекрасно вышивалъ. Не знаю, чѣмъ онъ не былъ еще. Жаль только, что онъ потерялъ все имѣнье, удовлетворяя своимъ стремленіямъ и дѣлая различные опыты; я видѣла въ этомъ одну пылкость, и мы раззорились самымъ милымъ образомъ. Вечеромъ, въ будни, онъ рисовалъ подлѣ меня, и мы по очереди читали; или къ намъ являлось нѣсколько друзей и мы занимались веселой болтовней, вызывавшей его богатое остроуміе. У меня было нѣсколько молодыхъ пріятельницъ, которыя составили болѣе блистательныя партіи и все-таки постоянно говорили, что имъ завидно смотрѣть на моего стараго мужа.

«Да, тогда умѣли жить и умирать — говорила она — и тогда не жаловались на докучныя немощи. У кого была подагра, тотъ ходилъ какъ и всѣ. Тогда умѣли раззоряться, не подавая никакого вида, какъ хорошіе игроки, проигрывая, не обнаруживаютъ ни безпокойства, ни жадности. Полумертвый согласился бы, чтобы его повезли на охоту; думали, что лучше умереть на балѣ или въ театрѣ, чѣмъ на своей постели, между четырьмя восковыми свѣчами и одѣтыми въ черное людьми. На все смотрѣли весело, не принимая суроваго вида, или даже и отличаясь суровостью, не обнаруживали ея. Благоразуміе было дѣломъ вкуса, и не переходило въ педантизмъ и чинность. Тогда наслаждались жизнью. Послѣднимъ словомъ моего стараго мужа было желаніе, чтобъ я надолго пережила его и была счастлива. Вѣрное средство заставить сожалѣть о себѣ, выказывая такое благородство сердца.»

Прежде нежели стану продолжать, я скажу объ одной знаменитости въ фамиліи Дюпеновъ, знаменитости истинной и законной, хотя ни дѣдъ мой, ни я не можемъ имѣть отношенія къ ея славѣ и не испытали ея умственнаго вліянія. Эта знаменитость была г-жа Дюпенъ Шенонсо, съ которою у меня нѣтъ ничего общаго по крови, потому что она была второю супругою Дюпена и, слѣдовательно, мачихою Франкёйля, моего дѣда. Но это

не мѣшаетъ мнѣ поговорить о ней. Я тѣмъ болѣе должна это сдѣлать, что несмотря на свою репутацію ума и красоты и на похвалы современниковъ, эта замѣчательная женщина никогда не хотѣла занять въ серьёзной литературѣ того мѣста, котораго заслуживала.

Она была мадмоазель де-Фонтенъ; ее считали дочерью Самюэля Бернара, такъ по крайней мѣрѣ говоритъ Руссо. Она принесла Дюпеву значительное приданое; я не помню хорошенько, кто изъ нихъ былъ собственно владѣтелемъ Шенонсо, но оба вмѣстѣ они были очень богаты. Ихъ маленькой квартирой въ Парижѣ былъ отель Ламберъ, и они могли похвалиться, что занимаютъ поочередно двѣ изъ самыхъ прекрасныхъ резиденцій въ свѣтѣ.

Извѣстно, какимъ образомъ Жанъ-Жакъ Руссо сдѣлался секретаремъ Дюпена и жилъ въ Шенонсо, какъ онъ влюбился въ г-жу Дюпенъ, хорошенькую какъ ангелъ, и какъ неблагоразумно рѣшился онъ на признаніе, не имѣвшее успѣха. Но несмотря на то, онъ остался въ дружескихъ отношеніяхъ къ ней и пасынку ея Франкёйлю.

Г-жа Дюпенъ занималась литературой и философіей безъ хвастовства и не связывала своего имени съ сочиненіями мужа, хотя, какъ я знаю, лучшая часть ихъ и лучшія идеи принадлежатъ ей. Ихъ обширный разборъ «Духа Законовъ»—очень хорошее сочиненіе, мало извѣстное и мало оцѣненное; по формѣ оно ниже книги Монтескьё, но въ основаніи стоитъ выше по многимъ отношеніямъ, и потому самому, что идеи его далеко опередили вѣкъ, оно прошло незамѣченнымъ передъ геніемъ Монтескьё, который отвѣчалъ всѣмъ тенденціямъ и политическимъ стремленіямъ того времени (*).

Дюпевы занимались сочиненіемъ о достоинствѣ женщинъ, когда поселился съ ними Жанъ-Жакъ. Онъ помогалъ имъ дѣлать справки и разысканія, и собралъ по этому предмету много матеріаловъ, которые и теперь хранятся въ рукописяхъ въ замкѣ Шенонсо. Сочиненіе не было кончено за смертью Дюпена, и г-жа Дюпенъ по скромности не издавала своихъ трудовъ. Нѣко-

(*) Это сочиненіе почти не расходилось. Г-жа Помпадуръ, покровительствовавшая Монтескье, взяла съ Дюпена обѣщаніе, что онъ уничтожитъ свое сочиненіе, хотя оно было уже издано. Но къ моему счастью, у меня есть уцѣлѣвшій экземпляръ этой книги. Безъ всякаго предубѣжденія и фамильной гордости, я считаю ее очень хорошею книгою; ея сжатая критика уничтожаетъ всѣ противорѣчія въ «Духѣ Законовъ», и иногда представляетъ гораздо болѣе высокія идеи о законодательствѣ и нравственности народовъ.

торые очерки ея мнѣній, написанныя ея рукою, подъ скромнымъ заглавіемъ «Опытовъ», очень стоило бы напечатать, даже какъ новый матеріалъ къ исторіи философіи XVIII вѣка. Эта любезная женщина принадлежала къ числу самыхъ умныхъ людей своего времени и, можетъ быть, надобно пожалѣть, что она не посвятила своей жизни развитію и распространенію тѣхъ свѣтлыхъ понятій, которыя носила въ сердцѣ.

Она опередила большую часть тогдашнихъ философовъ, и это даетъ ей особенную и оригинальную физіономію между ними. Она не была послѣдовательницей Руссо̀. У него больше таланта, но не было такой силы и такихъ порывовъ души. Она приняла другое ученіе, болѣе смѣлое и глубокое и болѣе древнее, хотя оно казалось новымъ въ XVIII столѣтіи; она была подругой, ученицей или наставницей (кто знаетъ?) старика, слывшаго оригиналомъ, неполнаго генія, которому недоставало формальнаго таланта... Я говорю о *знаменитомъ* аббатѣ де-Сенъ-Пьерѣ, какъ тогда называли его иронически, и какъ называютъ изъ снисходительности и теперь, хотя онъ почти забытъ и неизвѣстенъ.

Есть несчастные геніи, которымъ недостаетъ выраженія, и которые, не находя Платона для передачи ихъ понятій, оставляютъ блѣдный свѣтъ на темномъ небѣ времени и уносятъ въ могилу тайну своего ума, *неизвѣстность ихъ глубокомыслія*, по выраженію одного изъ членовъ этого большого семейства нѣмыхъ или *заикъ*, Жоффруа Сентъ-Илера.

Безсиліе ихъ кажется чѣмъ-то роковымъ, когда самая ясная и счастливая форма достается людямъ съ очень неглубокими идеями и холодными чувствами. Я очень хорошо понимаю, почему г-жа Дюпенъ предпочла утопію аббата Сенъ-Пьера англоманіи Монтескьё. У великаго Руссо̀ не было столько нравственнаго мужества и свободы ума, какъ у этой благородной женщины. Она просила его представить въ очеркѣ проектъ вѣчнаго мира аббата Сенъ-Пьера и полисинодію, и онъ изложилъ это въ своей ясной и прекрасной формѣ, но признается, что считалъ необходимымъ опустить нѣкоторыя слишкомъ смѣлыя черты автора, и отсылаетъ къ самому тексту читателя, у котораго достанетъ храбрости читать его.

Признаюсь, мнѣ не нравится система ироніи, принятая Руссо̀ въ отношеніи къ утопіямъ Сенъ-Пьера, и осторожность, которую онъ старается выказывать въ отношеніи сильныхъ людей того времени. Впрочемъ, его притворство или слишкомъ хитро или слишкомъ неловко; эта иронія или очень темна, и черезъ это

теряетъ свою силу, или мало скрыта, и потому неблагоразумна и не производитъ своего дѣйствія. Въ сужденіяхъ Руссо о философѣ Шенонсо нѣтъ единства и твердости; смотря по эпохамъ своей жизни, когда онъ самъ болѣе или менѣе страдалъ отъ преслѣдованій, онъ называлъ его или *великимъ*, или *жалкимъ человѣкомъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Признаній» онъ, кажется, краснѣетъ отъ мысли, что когда-то удивлялся ему. Руссо ошибается. Нельзя еще быть *жалкимъ* отъ одного недостатка таланта. Геній въ сердцѣ, и не заключается въ одной формѣ. Притомъ главное осужденіе его, да и всѣхъ другихъ критиковъ того времени, относится къ тому, что онъ не былъ практическимъ человѣкомъ и вѣрилъ въ осуществленіе своихъ соціальныхъ стремленій...

Г-жа Дюпенъ Шенонсо очень любила и уважала Сенъ-Пьера, раздѣляла его мнѣнія, окружила его старость заботливыми попеченіями и приняла въ Шенонсо его послѣдній вздохъ. Въ комнатѣ, гдѣ онъ отдалъ Богу свою благородную душу, я видѣла портретъ его, снятый незадолго передъ тѣмъ. Его прекрасная фигура, пріятная и вмѣстѣ строгая, имѣетъ нѣкоторое типическое сходство съ фигурой Франсуа Араго. Выраженіе, впрочемъ, не то, и тѣнь смерти уже охватила эти большіе черные глаза, углубленные страданіемъ; года оставили слѣды на блѣдныхъ щекахъ (*).

Въ Шенонсо уцѣлѣло нѣсколько сочиненій г-жи Дюпенъ, коротенькихъ, но отличающихся свѣтлыми идеями и благородными чувствами. Вообще это отдѣльныя мысли, въ тѣсной логической связи. Иныя страницы въ ея трактатѣ о «Счастіи» показались мнѣ превосходными...

Хорошенькая и милая, простая, твердая и тихая, г-жа Дюпенъ кончила свою жизнь, въ Шенонсо, уже въ очень пожилыхъ лѣтахъ. Форма сочиненій ея также ясна, какъ ея душа, также деликатна, весела и свѣжа, какъ ея черты. Она писала языкомъ своего времени, оборотами Монтеня и съ остроуміемъ Бейля; замѣтно, что она не боялась стряхнуть пыль старыхъ образцовъ. Она не подражаетъ имъ, но они приходились ей, какъ хорошая пища здоровому желудку.

(*) Я сдѣлала здѣсь маленькую ошибку, которую поправилъ мнѣ мой кузенъ г. Вилльневъ, наслѣдникъ Шенонсо. Аббатъ де-Сенъ-Пьеръ умеръ въ Парижѣ, но вскорѣ послѣ опасной болѣзни, которая случилась съ нимъ въ Шенонсо.

(Примѣчаніе 1850 г.)

Къ похвалѣ ея надобно еще сказать, что изъ всѣхъ старыхъ друзей, которыхъ оставила и заподозрила печальная старость Руссо, можетъ быть, ей одной онъ отдавалъ справедливость въ «Признаніяхъ», безъ горечи вспоминая ея благодѣянія. Она была добра даже къ Терезѣ Левассёръ и ея недостойному семейству. Она была добра ко всѣмъ и пріобрѣла общее уваженіе; буря революціи, ворвавшись въ ея жилище, пощадила сѣдины старушки. Всѣ мѣры строгости ограничились конфискаціей нѣскольких историческихъ картинъ, которыми она охотно пожертвовала требованіямъ времени. Ея простая, но изящная могила находится въ свѣжей и меланхолической тѣни парка Шенонсо. Туристы, съ почтеніемъ собирающіе листки этихъ кипарисовъ, только въ память добродѣтельной красоты, которую любилъ Жанъ-Жакъ, знайте, что она имѣетъ право на бо̀льшее уваженіе. Она утѣшила старость *добраго человѣка* своего времени; она была его ученицей; она внушила своему собственному мужу теорію уваженія къ ея полу; высокая честь, отданная пріятному и и скромному превосходству ея ума.... Итакъ, честь и слава той, которая была хороша какъ любовница султана, благоразумна какъ римская матрона, образована какъ истинный философъ и добра какъ ангелъ.

Благородная дружба, на которую клеветали какъ на все естественное и доброе въ мірѣ, соединяла Франкёйля съ его мачихой. Это была, конечно, новая причина уваженія и привязанности моей бабушки къ ея старому мужу. Дружба такой мачихи, какъ первая г-жа Дюпенъ, и такой супруги, какъ вторая, должна была свѣтло отразиться на юности и старости человѣка. Мужчины гораздо болѣе одолжены женщинамъ, нежели другимъ мужчинамъ, тѣмъ, что̀ есть въ сердцѣ ихъ хорошаго или дурного; въ этомъ отношеніи они могли бы вполнѣ справедливо сказать: назови мнѣ, кого ты любишь, и я скажу, кто ты. Въ обществѣ мужчина можетъ гораздо легче снести презрѣніе женщинъ, нежели мужчинъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

РАЗСКАЗЪ.

Вы, вѣроятно, не знаете уѣзднаго городка N? (говорилъ мнѣ мой знакомый) Да и гдѣ жь вамъ знать: туда только птицы Божіи залетаютъ, да губернскіе чиновники, посланные на слѣдствіе или за другимъ какимъ нибудь, всегда непріятнымъ для мѣстныхъ чиновниковъ дѣломъ. Снаружи N кажется такимъ миленькимъ городкомъ, такъ весело раскинулся на высокомъ берегу довольно большой рѣки, что невольно залюбуешься. Но наружность нерѣдко обманчива. Когда нибудь я вамъ разскажу о житьѣ-бытьѣ этого городка, теперь же хочу передать одинъ фактъ изъ его жизни, фактъ, оставившій во мнѣ грустное воспоминаніе. Я передаю этотъ фактъ, какъ слышалъ изъ устъ его героя, слово въ слово, если память меня не обманываетъ.

Это было въ квартирѣ моего героя. Мы сидѣли въ его кабинетѣ. Какъ теперь помню его дородную фигуру, развалившуюся въ огромныхъ старомодныхъ вольтеровскихъ креслахъ; помню, какъ катился потъ по челу его, какъ пыхтѣлъ и отдувался онъ надъ огромной чашкой чаю, захлѣбывая имъ трубочныя затяжки, и какъ безмятежно спокойна была тогда его физіономія.

— Вотъ, говорилъ онъ, критикуя губернскія знаменитости, съ которыми состоялъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ: — вотъ, я вамъ скажу, народецъ-то! Потонуло вотъ у насъ тутъ во время разлива секверстованное судно, ну, просто, дало течь, да и пошло ко дну. Я такъ и донесъ. Какъ бы вы думали, что отвѣчалъ мнѣ этотъ ученый народъ? При какомъ-де вѣтрѣ, спрашиваютъ. Каково-съ! Будто бы въ природѣ два вѣтра бываетъ! Ну ужь я и отдѣлалъ ихъ: такъ-таки на прямикъ и отрѣзалъ, что двухъ-де вѣтровъ въ природѣ не бываетъ и быть не можетъ, да притомъ въ этотъ день и температуры-то никакой не было. Не солоно съѣли, да не што имъ: впередъ наука. Я имъ не Тарасовъ дался. Тотъ съ дуру-то ляпнулъ, что температуры въ дѣлахъ не имѣется; такъ они думаютъ, что и я такой же дуракъ дался имъ, что мнѣ можно всякой вздоръ писать. Шутишь, не на того напали! Думаютъ, что въ уѣздѣ, такъ и дуракъ. Нашъ городъ они чортъ знаетъ чѣмъ считаютъ; вотъ-де,

говорятъ, помойная яма. Не вѣрите? Право не лгу; отъ самого секретаря слышалъ лично, вотъ такъ, какъ теперь съ вами говорю: «Охота-де вамъ служить, говоритъ, въ такомъ мѣстѣ, вѣдь вы человѣкъ съ состояніемъ; супруга, говоритъ, у васъ молодая, такъ какъ, говоритъ, тамъ жить?» Видишь оно что, думаю, шутишь, почтеннѣйшій, какое тебѣ дѣло приспѣло до моей-то супруги.

— Такъ вы женаты? спросилъ я.

— Былъ-съ.

— А теперь...

— Вдовъ.

— Очень жаль.

— Богъ вѣсть какъ сказать, возразилъ онъ: — иной разъ и жаль, а иной и радъ: нравна была больно покойница, не тѣмъ будь помянута; вотъ какъ нравна, что иногда смучишься, ей-ей такъ-съ. Просто вамъ скажу, не въ терпёжъ приходило.

Не знаю почему, отзывъ ли секретаря подѣйствовалъ на меня или это было праздное любопытство, только судьба этой женщины меня очень заинтересовала, и я, рѣшившись вывѣдать болѣе подробностей о ея жизни, спросилъ, отчего жь это ему не въ терпёжъ приходило?

— Да какъ бы вамъ сказать, отвѣчалъ мой герой, задумываясь: — право, трудно объяснить-то: такая была больно затѣйливая! Иногда, я вамъ скажу, ангелъ ангеломъ, тихоня чистая, и ласкова со мной, и все хорошо, а другой разъ — просто наказанье: и то не такъ, и другое неладно.

«— Кататься, говоритъ, хочу.

«— Поѣдемъ.

«— Не нужно, говоритъ, мнѣ тебя, одна хочу.

«Посудите сами, какъ же одной-то ѣхать? осудятъ, скажутъ: что мужъ-то смотритъ? Ну хоть бы подругу взяла, такъ вотъ бѣда, подругъ-то не имѣетъ. Ни съ кѣмъ не могла сойтись! увѣряю честію. Таковъ былъ характеръ. Бывало приступлю: Юленька, что не съѣздишь къ исправницѣ или судейшѣ? знаете, служебныя отношенія, необходимо. Такъ на силу вытащишь! а впослѣдствіи совершенно отбилась отъ рукъ, я и рукой махнулъ. Да добро бы не выѣзжала: можно, знаете, на болѣзнь сослаться, выдумать что-нибудь; а то и къ себѣ-то никого не принимаетъ. Бывало просишь, просишь, такъ говоритъ:

«— Уволь, пожалуйста, отъ твоихъ исправницъ, я ихъ видѣть не могу; самъ поддерживай знакомство, если это тебѣ доставляетъ удовольствіе, а мнѣ такъ никакого.

«Что жь вы думаете, стыда ради, самъ принималъ. Говорю, что жена-де больна, не можетъ выйдти. Такъ цѣлый вѣкъ за болящую и слыла. Да такая слабенькая была, въ сравненіи-то съ здѣшними просто дитя, руки ихъ, примѣрно сказать, не стоитъ, такъ каждый и вѣрилъ. Право, иногда досада брала, глядя на нее, у другихъ, посмотришь, жены какъ жены: и варенья варятъ, и наливки подслащиваютъ, и грибы, и разныя снѣди въ прокъ заготовляютъ; словомъ домъ, какъ полная чаша, мужья себѣ въ усъ не дуютъ, все готово, сзывай гостей, да угощай знай; моя же сидитъ себѣ съ книжечкой. Ну да это куда ни шло, выписывалъ я ей книжки: все въ домъ, книжки денегъ стоятъ. А то малярить начала. Ну женское ли это дѣло? скажите пожалуйста. Платьевъ сколько перепачкала красками, а мужъ самъ соли грибы, дѣлай наливки, заготовляй все въ прокъ. Инда злость забираетъ, прикрикнешь, знаете, на нее, погрозишься бросить въ печку все—и кисти, и краски. Что жь бы вы думали? Сядетъ себѣ къ окну и смотритъ на небо, а слезы, знаете, такъ и наровятъ брызнуть, да и сидитъ такъ цѣлый день, не говоритъ ни слова, не ѣстъ даже. Тутъ ей то и другое говоришь, молчитъ, ни слова. Иногда выйдешь изъ терпѣнія, вздумаешь, знаете, поучить ее уму-разуму, такъ, вѣрите ли, взглянешь на нее, рука не подымается, плюнешь да и уйдешь. А иной разъ раздумаешься, и жалко станетъ: человѣкъ же есть, хоть и странная. Кто жь ее защититъ, какъ не я? Вотъ, знаете, и подсядешь къ ней, приласкаешься. Ну, говорю, прости, душенька, вѣдь я, говорю, право такъ, вспылилъ немножко. А она все смотритъ на меня, да такъ странно, а слезы вотъ такъ и хочутъ выкатиться. Примѣрно вамъ скажу, человѣкъ я, не баба какая нибудь, а иногда, глядя на нее, и самого слеза прошибетъ. Сто разъ давалъ себѣ зарокъ ни въ чемъ ей не поперечить.

«— Въ чемъ ты просишь у меня прощенія, Иванъ Иванычъ? скажетъ: — ты ни въ чемъ не виноватъ; ты, говоритъ, добрый человѣкъ, не такую бы тебѣ нужно было жену, и она была бы счастлива, и ты; а теперь и самъ ты несчастливъ.

«Чудная была женщина. На своемъ вѣку я видѣлъ много, и подъ туркомъ былъ, и француза видѣлъ, бывало картечью точно дождемъ поливаетъ, и въ усъ себѣ не дуешь, знаешь, семи смертей не бывать, одной не миновать. А тутъ точно въ воду опущенный станешь, такъ-что сама сжалится, да начнетъ утѣшать меня. Веселая такая сдѣлается, улыбается.

«— Видишь, говоритъ, я весела: я вѣдь такъ пошутила только.

«А сама такъ и вертится вокругъ меня и не знаетъ чѣмъ развлечь. Взберется, бывало, ко мнѣ на колѣни и начнетъ ласкаться: то головку положитъ на плечо, то прижмется ко мнѣ, а сама смотритъ въ глаза, да такъ ласково, что, право, хоть бы вѣкъ такъ жить. Ну, знаете, пойдетъ снова по прежнему, рисуетъ себѣ или читаетъ, а то играетъ. Играть-то она, правду сказать, не очень была охотница. Бывало, просишь, просишь — нѣтъ! а тутъ ни съ того, ни съ сего, вдругъ сядетъ за фортепьяно да заиграетъ. А какъ играла, я вамъ скажу! Не я одинъ, бывало случится кто нибудь о ту пору у меня, не нахвалятся. И пѣла хорошо: «Лучинушку», бывало, запоетъ, ну слово, кажись, что такое слово? а такъ въ душу и лѣзетъ. Я вамъ скажу, не неучъ какой, слава Богу, слыхалъ пѣніе, хорошее пѣніе и итальянцевъ слыхалъ, когда въ Одессѣ въ командировкѣ былъ, артисты нечего сказать, пѣніе такое пріятное съ руладами и варіяціями разными, очень пріятно слушать, а все не то, въ душу не лѣзетъ; а у ней, у покойницы-то Юленьки, голосишка былъ такъ себѣ, куда съ итальянцами, заглушатъ! А какъ запоетъ, знаете, такъ плакать и хочется. Печальное все пѣла такое: «Матушку голубушку», бывало, или «Лучинушку». А тутъ не задолго до смерти что-то пѣла новое, не помню хорошенько что, а такъ хорошо, что, бывало, слушаешь, слушаешь, а все хочется слушать, и жалко, что кончила. «Отгадай, моя родная»... Вотъ, кажется, такъ начиналась...»

— Отчего умерла ваша супруга? спросилъ я моего героя, когда онъ кончилъ свой разсказъ.

— Чахоткой, щедушная такая была, отвѣчалъ онъ простодушно. — Мнѣ ужь давно говорили, что она у васъ не жилецъ; щелчкомъ перешибить было можно, ужь такая была, точно ребенокъ.

— Давно она умерла?

— Съ полгода будетъ.

— Дѣтей не осталось?

— Какія дѣти, что вы! говорю вамъ, ребенокъ чистый была!

— Чтожь вамъ пришла за фантазія жениться на такой дѣвушкѣ?

Онъ немного замялся.

— Виноватъ; можетъ быть, мой вопросъ слишкомъ нескроменъ? поспѣшилъ прибавить я.

— Ничего-съ! отвѣчалъ онъ. — Да что тутъ скрывать-то? извѣстно, дѣло житейское, разсчетецъ былъ. Знаете, съ дядей

ея пріятели были большіе, по деревнѣ сосѣди; надобно сказать, почти взросли вмѣстѣ. Вотъ какъ я вышелъ въ отставку да пріѣхалъ въ деревню, онъ и говоритъ:

«— А что, братъ, Иванъ, я думаю, и женкой можно обзавестись теперь.

«Я говорю:

«— Не прочь, да, кажись, братъ, устарѣлъ: молоденькая не пойдетъ, а старухи-то не хочется навязывать на шею.

«— Нишни, говоритъ, есть у меня тебѣ невѣста, да такая, что пальцы оближешь: племянница, говоритъ, есть, въ институтѣ учится, послѣдній годъ остался.

«— Ну, братъ, говорю, не рука.

«— Что не рука, говоритъ, чѣмъ ты не женихъ: человѣкъ порядочный, и душа у тебя добрая, знаю, не мотыга какой нибудь, притомъ же нельзя сказать, чтобы и старъ... какихъ нибудь сорокъ-пять лѣтъ? Не за франтика же мнѣ и отдать, полотера какого нибудь, чтобы онъ промоталъ ея состояніе. Нѣтъ, говоритъ, судьба ея на мои руки отдана, такъ я долженъ пещись о ней пуще роднаго дѣтища, передъ Богомъ отвѣтъ дамъ.

«— Ну, я говорю, а если я не понутру ей приду?

«— Не понутру? говоритъ, вздоръ! порядочный человѣкъ всегда бываетъ хорошимъ мужемъ, а для счастья женщины больше ничего и не нужно, какъ имѣть хорошаго мужа. Любовь-то — эти финтифлюшки въ бракѣ не нужны! Повѣрь мнѣ, Иванъ, что такъ: ужь я, братъ, насмотрѣлся на своемъ вѣку, разные видалъ браки; по любви-то все выходило плохо, а безъ оной вотъ какъ жили, что и намъ съ тобой дай Богъ такъ жить. Притомъ, говоритъ, и имѣньецо есть. Я знаю, говоритъ, въ твоихъ рукахъ оно не протранжирится, а приростится скорѣй. Дѣвушка она молодая, шестнадцать лѣтъ какихъ нибудь скоро минетъ, ей нуженъ руководитель, а можетъ ли быть имъ мужъ вертопрахъ или молокососъ какой нибудь! Что пользы-то, что онъ молодъ, да польки умѣетъ плясать: на этомъ, братъ, далеко не уѣдешь, а вѣдь это-то имъ и нравится. Правда, ты для польки немного тучноватъ и не молодъ; но не уродъ же какой нибудь.

«Разсудите сами, какъ же мнѣ послѣ этого было не жениться! Подумалъ и согласился. Пріѣзжаетъ Юленька. Ну, знаете, такая мизерненькая, что я было и на попятный. Говорю:

«— Нѣтъ, братъ, какая же мнѣ это жена: ребенокъ да и только, няньку, говорю, нужно.

«— Глупъ ты, говоритъ, Иванъ, да такая жена кладъ: это воскъ, говоритъ, всякую форму можно изъ него вылить, какую

хочешь, а что щедушна-то больно, ты насчетъ этого не сомнѣвайся, подростетъ, славная выйдетъ жена.

«Вотъ я, знаете, и повѣрилъ. Началъ этакъ подходить и заговаривать, куда — чистый ребенокъ! Вотъ бы все ей этакъ бѣгать да бабочекъ ловить, да въ воланъ играть. Тяжеловатъ былъ я немного, а нечего дѣлать бѣгалъ, дѣло жениховское! Раскраснѣюсь, бывало; потъ съ меня такъ градомъ и катитъ, едваедва дышу, а она-то вотъ такъ и помираетъ со смѣху. Даже иногда обидно станетъ, а она какъ будто опомнится, подойдетъ, знаете, такъ тихо.

«— Вы устали, Иванъ Иванычъ, говоритъ, извините: я васъ замучила. Вотъ возьмите, говоритъ, платокъ, оботритесь...

«И сердце пройдетъ, готовъ хоть опять бѣгать. Бывало ужь какихъ штукъ на старости лѣтъ не строилъ для нея! На билліардѣ начнемъ играть — сначала нарочно поддавался, а тутъ, знаете, такъ на острилась, обыгрываетъ: вотъ, знаете, и лѣзешь на четвереньках подъ билліардомъ, а она-то себѣ хохочетъ. Такъ-таки много времени прошло. Привыкла она ко мнѣ, какъ къ нянькѣ какой нибудь. Вотъ я и бухъ предложеніе: говорю, такъ и такъ, желалъ бы вѣкъ прожить съ вами. А она хоть бы въ лицѣ измѣнилась: какъ съ улыбочкой плела себѣ вѣнокъ, такъ и слушаетъ меня.

«— Почему жь не жить, Иванъ Иванычъ, и мнѣ, говоритъ, не хочется съ вами разстаться, будемте жить вмѣстѣ: я, говоритъ, васъ люблю, вы такой добрый.

«Вотъ знаете мы и отпировали свадьбу. Начали жить да поживать по прежнему. Прошло съ полгода. Смотрю, совсѣмъ не то: начала моя Юленька задумываться. Думаю: чтобы это значило? Сидоръ (дядя) говоритъ: ребячиться перестаетъ, пришла пора быть женщиной. Вотъ я, знаете, и вздумалъ пообдѣлывать ее на свой ладъ.

«— Ну, говорю, Юленька, осень наступаетъ, пора, говорю, запасы дѣлать на зиму.

«— Что-жь, говоритъ, дѣлай.

«— Ладно, говорю, а ты-бы, говорю, посмотрѣла на гумнѣ, какъ хлѣбъ молотятъ.

«— Зачѣмъ, говоритъ, что тамъ любопытнаго: какъ хлѣбъ молотятъ? я ужь это не одинъ разъ видѣла.

«— Присмотрѣть, говорю, нужно, душенька, хозяйскій глазъ, все-таки лучше.

«— А ты-то, говоритъ, на что? ступай!

«— И тебѣ, говорю, не мѣшало бы.

«— Стыдитесь, говоритъ, Иванъ Иванычъ, что-жь вы изъ жены вашей старосту, что ли, хотите сдѣлать?

«Ладно, думаю, вотъ-те и воскъ, мни изъ него фигуры! Ну да это куда не шло! только, думаю, жила бы себѣ, какъ должно. Такъ нѣтъ-съ: начала тосковать. Думаю, пройдетъ, ничего: потоскуетъ да и перестанетъ. Не тутъ-то было: все хуже, да хуже, въ-чужѣ сердце надрывается. Сначала, знаете, капризничала страшно (ну ужь мы все дѣлали, что захочетъ), а тутъ сдѣлалась такая тихая, да унылая, что жалко смотрѣть стало: просто томится человѣкъ, таетъ какъ свѣчка! Сидоръ, знаете, крѣпко задумался.

«— Ну, говоритъ, Иванъ, поѣзжай съ ней въ городъ, службы ищи: ей скучно, говоритъ, въ деревнѣ.

«Пріѣхалъ въ городъ, жду впредь до открытія вакансіи, нанялъ домъ и обмеблировалъ его, какъ водится у добрыхъ людей. И зажили мы съ Юленькой скромненько: я, знаете, хожу по дѣламъ, а она читаетъ себѣ, а по вечерамъ гуляемъ, въ театръ ѣздимъ иногда. Ну, знаете, она не то, чтобы весела была, а противъ прежняго стала не въ примѣръ лучше. Однажды прихожу домой изъ правленія, Юленька что-то читаетъ. Думаю, книжку по обыкновенію, глядь — объявленіе какое-то.

«— О чемъ, говорю, душечка это?

«— Собраніе завтра будетъ. Поѣдемъ, говоритъ.

«— Изволь, говорю.

«И поѣхали. Вошла она, знаете, не твердо, робко, какъ будто чего конфузилась, а тамъ, смотрю, не узналъ совсѣмъ: такая веселая стала. Радъ самъ сталъ за нее. Смотрю — вокругъ нея человѣкъ пять такъ и увиваются. Всѣ, знаете, въ черномъ такими молодцами смотрятъ: а ужь одинъ изъ нихъ былъ такой молодецъ, что хоть сейчасъ въ гвардію. Съ лица-то онъ, знаете, не такъ, чтобы былъ красивъ, да больно статенъ: видный такой, танцуетъ—заглядѣнье! Вотъ она все съ нимъ, да съ нимъ. Спать, знаете, ужь хочется, а они все пляшутъ. Смотрю — первый часъ.

«— Ну, говорю, душенька, пора и до дому.

«— Нѣтъ, говоритъ, погоди немного, вотъ только мазурку протанцую съ ними.

«А этотъ видный-то около нея сидитъ, знаете, развалившись, непристойно даже и смотритъ на меня; а потомъ началъ съ женой говорить, а на меня все посматриваетъ. Ну, думаю, подожду немножко: куда не шло полчаса!

«— Скорѣе, только, говорю кончайте пожалуйста.

«И кончили они скоро; представьте себѣ, битыхъ два часа танцовали!

«Взбѣсился я страшно. А тутъ, знаете, она:

«— Иванъ Иванычъ, останься, пожалуйста; на гросъ-фатеръ меня просятъ.

«— Нѣтъ, ужь, говорю, извините, не могу!

«— Пожалуйста, говоритъ, сдѣлай мнѣ это удовольствіе.

«— Какое, говорю, удовольствіе, я и такъ битыхъ два часа для вашего удовольствія дожидался! Не прикажете ли и всю ночь не спать.

«Она какъ поблѣднѣетъ вся.

«— Поѣдемъ, говоритъ.

«И ни слова больше.

«На другой день возвращаюсь отъ совѣтника домой. Смотрю: сидитъ съ женой вчерашній-то танцоръ, одѣтъ, знаете, чудно, сукно на фракѣ рублей въ двадцать пять. Думаю: съ вѣсомъ человѣкъ, познакомиться не худо. Юленька мнѣ его рекомендуетъ:

«— Вотъ, говоритъ, мой другъ, Николай Николаичъ Залѣсный желаетъ съ вами познакомиться.

«Ну, знаете, я передъ нимъ разсыпался: «очень пріятно», говорю, и прочее. Что жь, вы думаете, оказалось? Это какой-то такъ маленькій чиновникъ и самъ-то только служить начинаетъ. Скажите, что за польза мнѣ въ его знакомствѣ: что образованъ онъ, блестящее-де воспитаніе получилъ, отъ этого я вѣдь не сдѣлаюсь умнѣе? Я, знаете, на него и вниманіе пересталъ обращать. Юленька сердится, требуетъ, чтобы я ухаживалъ за ея гостемъ какъ за нужнымъ человѣкомъ, визиты посылаетъ дѣлать: образованіе-де всѣхъ уравниваетъ.

«— Образованіе, говорю, въ сторону; я, говорю, человѣкъ со званіемъ, а онъ молокососъ.

«— Спѣсь, говоритъ, качество невѣждъ и дураковъ.

«— Откуда, говорю, матушка, такихъ филантропическихъ мыслей набралась?

«Ну, скажите, пожалуйста, слѣдъ ли мнѣ было визиты платить? Да и что за кампанія моей женѣ этотъ молокососъ? Дамѣ и дамское общество. Каково же было бы, напримѣръ, еслибы я вмѣсто мужчинъ завелъ себѣ дамскую кампанію! Не смѣшно ли? согласитесь сами. Конечно, нельзя жь все съ дамами: не турки мы какіе-нибудь; слава Богу, цивилизированный народъ, понимаемъ утонченность общежитія! Почемужь и мужчинъ не принимать, но людей нужныхъ, отъ которыхъ можно бы какую-

нибудь пользу пріобрѣсти. Почему жь и не приласкать ихъ: ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ. Такъ нѣтъ, я вамъ скажу, такихъ людей ей не нужно: вотъ-де дураки, слова порядочнаго не умѣютъ сказать; сама, говоритъ, одурѣешь въ ихъ обществѣ. Сами можете судить: вѣдь, я думаю, вы изволите знать ассессора Стрижилу-Лайдакъ-Муравлинскаго.

— Не имѣю этого удовольствія.

— Жалко! преумнѣйшій человѣкъ. Какая голова золотая! дѣлецъ, честный дѣлецъ... совѣтникомъ говорятъ, скоро, будетъ, да онъ съ родни еще нашему исправнику... И этотъ вылитый по немъ: такая же умная голова... Одинъ порокъ, оба грѣшны по этой части, черезчуръ любятъ того... (разсказчикъ многозначительно щелкнулъ себя по галстуху.) А вотъ Науменко старый мой пріятель, еще по полку знакомы, тоже умный малый... Не изволите знать?

— Не знаю.

— Жалко, что не знаете! преумные ребята. И въ разговорѣ, знаете, какіе: бывало начнутъ острить, животики надорвешь. Особливо Науменко, вотъ какой былъ пострѣлъ: какъ пойдетъ, бывало, отпускать, да рожи строить, просто со смѣху помрешь. А у ней все дураки! Вотъ поэтому-то, знаете, я и рѣшился положить конецъ всѣмъ этимъ глупостямъ: говорю, что съ визитами, Богъ знаетъ, къ кому ѣздить не стану, да, говорю, непріятно-де мнѣ, что и ты ихъ принимаешь.

«—Тебѣ, говорю, душа моя, лучше кого нужно-то принять, да обласкать: вотъ давича капитанъ Чеснокъ приходилъ, старый мой пріятель, такъ ты не вышла. Правда, на павлина онъ не похожъ: тонкихъ фраковъ не носитъ, да плюшевыхъ жилетовъ съ французскими перчатками, не несетъ отъ него разными парфюмами, амбре, я думаю, только въ свѣтлый праздникъ вспрыскивается, а карманъ-то, я думаю, потяжеловѣснѣе будетъ твоего щеголя, въ окружные мѣтитъ, и совѣтникомъ будетъ. А твой франтъ что? нуль онъ въ служебномъ отношеніи, у этого же Чеснока служить будетъ. Нѣтъ, матушка, корманъ-то всегда и вездѣ былъ, есмь и будетъ лучше головы: всякой ему поклонится; а на твоего франта я первый плевать хочу. Чтожь мнѣ такое образованный-то человѣкъ? Да что мнѣ въ его образованіи: дѣтей нѣтъ, слава Богу, учить некого!

«Какъ она посмотритъ на меня, да такъ, знаете, странно, что какъ-то неловко сдѣлалось, и ни слова. А франтъ знай себѣ ѣздитъ. Думаю: вотъ наказаніе Божіе! какъ бы его спровадить! Надобно признаться, дѣло прошлое, задоръ забиралъ: хоть я не

очень любилъ Юленьку, а-все таки, знаете, жена, обидно. Думаю: чортъ возьми, для того ли я женился, чтобы всякій молокососъ подлипалъ къ моей женѣ? Чтожь я такое? думаю. Что же я-то въ самомъ дѣлѣ: мужъ или такъ себѣ превратникъ какой? Что я пѣшка, что ли, какая нибудь? Чтожь я въ самомъ дѣлѣ такое. Досада взяла. Я, знаете, ей и бухъ все, что на душѣ было. На что это, говорю, похоже? просто ни на что не похоже?

«— Вы, говоритъ, обижаете меня; я, кажется, не подала вамъ повода такъ дурно отзываться о себѣ.

«— Чего, говорю, тутъ обижаться: дѣло на чистоту. За дурака, что ли, вы меня принимаете? Знаемъ мы этихъ франтовъ-то: у нихъ все аллегоріи разныя, да игра ума въ головѣ, того и наровятъ, чтобы какъ нибудь, да гдѣ нибудь того...

«Какъ бы думали вы: ну чего я, кажется, тутъ сказалъ такого обиднаго? Она же ну плакать, убѣжала въ свою комнату и заперлась. Обѣдать зову — не выходитъ, гулять — нѣтъ. Вотъ, думаю, женщина. Плюнулъ, да и самъ ушелъ. Возвращаюсь вечеромъ: сидитъ такая блѣдная и не смотритъ.

«— Плевать, говорю, мнѣ, на твоихъ кавалеровъ: хоть всѣхъ здѣшнихъ франтовъ сзывай, мнѣ все равно — свое спокойствіе дороже.

«Смотрю. Что же бы вы думали? слезы-то такъ и текутъ, а она, знаете, и не утираетъ ихъ: все сидитъ, да молчитъ, а слезки съ рѣсницъ такъ и капаютъ одна за другою на щеки. Разсудите милостиво, съ чего бы кажись тутъ-то плакать? Какія тутъ грубости были: я же хотѣлъ уступку сдѣлать?! Просто хоть въ омутъ, такъ въ пору! Я же, знаете, домосѣдъ, люблю миръ и тишину, а тутъ этакія штуки откалываютъ. Посудите сами, кого же не взорветъ. А какъ я вспылю, чортъ мнѣ тогда не братъ. Бывало такой подыму штурмъ, что на тебѣ: говорю:

«— Чтобъ духу его не-было, а ты у меня не смѣй хныкать, а то я, знаешь, по свойски....

«Уймется, и все сидитъ и молчитъ, да на небо смотритъ; а сама такая блѣдная, точно полотно. Посмотришь, посмотришь, знаете, плюнешь да и уйдешь. Собственная квартира, я вамъ скажу, опротивѣла: идешь, знаете, въ нее точно за наказаніе какое. Къ тому же надоѣдали мнѣ больно знакомства ея: не порукѣ были мнѣ. Къ счастію наклюнулось мѣстечко сюда...»

Вскорѣ послѣ этого я узналъ, что мой разсказчикъ женился на дочери мѣстнаго становаго пристава и на этотъ разъ не ошиб-

ся въ выборѣ подруги своей жизни: супруга его прекрасно умѣла заготовлять все въ прокъ, знала въ совершенствѣ правила мѣстнаго общежитія, не только не плакала отъ обидныхъ словъ своего супруга, но и сама не уступала ему въ крупныхъ выраженіяхъ и съ достоинствомъ поддерживала его отношенія на служебномъ поприщѣ. «Вотъ вторая-то супруга у Ивана Иваныча, такъ дама—говорилъ уѣздный людъ между собою — и принять, и занять умѣетъ.» — «А наливки какія дѣлаетъ — говорилъ исправникъ—просто и языкъ проглотишь!» И всѣ были довольны его супругою, начиная отъ исправника до стряпчаго и ихъ дражайшихъ половинъ. Чего жь больше Ивану Иванычу, онъ былъ вполнѣ счастливъ и чаще прежняго разсказывалъ, какого страннаго характера была его первая жена. Если притомъ случался стряпчій, то онъ обыкновенно замѣчалъ съ своей стороны:

— Вы на меня не сердитесь, Иванъ Иванычъ, дѣло прошлое, откровенно скажу, дурковата была покойница, не тѣмъ будь помянута.

В. ОКОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПАРИЖСКАГО БУРЖУА.

ДОКТОРА ВЕРОНА.

Кто изъ нашихъ читателей не знаетъ доктора Верона, не читалъ бранныхъ статей на доктора Верона, не слыхалъ про достопамятныя дѣла доктора Верона? Кто не знакомился, на страницахъ каррикатурныхъ изданій, съ этой толстою, самодовольною фигурою, для вящшей потѣхи, украшенной ночнымъ колпакомъ и медицинскимъ инструментомъ, въ родѣ инструментовъ, играющихъ такую видную роль въ извѣстномъ фарсѣ Мольера? Кто не имѣетъ понятія о жизни и приключеніяхъ этого страннаго господина, истиннаго героя нашего времени, Жилблаза XIX столѣтія, бывшаго директора оперы, редактора одной изъ счастливѣйшихъ французскихъ газетъ, издателя одного изъ литературныхъ парижскихъ журналовъ, медика, политика, шарлатана, эпикурейца, общаго угодника, общаго друга, изобрѣтателя фельетонныхъ романовъ, посѣтителя игорныхъ домовъ, покровителя всѣхъ изобрѣтеній, имѣющихъ цѣлью битье по карману, начиная отъ грудныхъ лепешечекъ Реньо до химической воды Лоба, отъ которой черепа, бывшіе тридцать лѣтъ плѣшивыми, непремѣнно покрываются

лѣсомъ густѣйшихъ волосъ? Докторъ Веронъ играетъ видную роль въ жизненной комедіи, хотя, по видимому, не имѣетъ ни особеннаго ума, ни особеннаго таланта, ни особенныхъ убѣжденій, ничего, кромѣ особенной ловкости. Онъ видѣлъ многое на своемъ вѣку и хотя принадлежитъ къ разряду разсказчиковъ очень не блистательныхъ, однако выкупаетъ свою неспособность обиліемъ фактовъ, какими напичканы его воспоминанія. Книга его, еще недавно явившаяся въ свѣтъ и еще неоконченная, въ одномъ Парижѣ выдержала четыре изданія; съ этой-то книгой мы желаемъ познакомить нашихъ читателей. Парижскій мѣщанинъ, столько лѣтъ не разсказывавшій ничего, кромѣ игривыхъ исторій, считаетъ долгомъ посвятить насъ въ исторію своей жизни, своихъ удачъ и тревогъ, своихъ связей съ современными знаменитостями міра, начиная съ Шатобріана и кончая юнѣйшимъ изъ новыхъ водевилистовъ. Улегшись на лаврахъ и украсивши свой фракъ ленточкой Почетнаго Легіона, докторъ Веронъ весело смотритъ на свое прошлое, смѣется надъ людскими слабостями, даже философствуетъ, прости его, Боже! Ему кажутся чрезвычайно жалки молодые люди нашего времени, еще не разбогатѣвшіе, еще не успокоившіеся на лаврахъ, еще не получившіе Почетнаго Легіона, еще недовольные своею судьбою, еще стремящіеся къ идеалу въ искусствѣ и въ жизни! Парижскій мѣщанинъ имѣетъ слабость думать, что для человѣка истиннаго всякое колебаніе, всякій признакъ задумчивости, всякій безкорыстный трудъ, всякій припадокъ мечтательности есть одна глупость. При докторѣ Веронѣ Оберъ ставилъ на оперную сцену свою «Баядерку»; изъ этой оперы извѣстный куплетъ:

Своей судьбой доволенъ я,
Всѣ брать примѣръ должны съ меня...

особенно пришелся по вкусу нашему оптимисту. Авторъ «Воспоминаній» совершенно доволенъ своей судьбою, такимъ образомъ составляя рѣзкій контрастъ съ сочинителемъ другихъ «Воспоминаній», господиномъ виконтомъ де-Шатобріаномъ, которому всю жизнь было такъ грустно на свѣтѣ! Если бы пѣвецъ Рене имѣлъ случай познакомиться съ философіей парижскаго мѣщанина, можетъ быть, его взгляды на жизнь измѣнились бы совершенно. Если бы лордъ Байронъ могъ прочесть хоть двѣ главы изъ сказанныхъ «Воспоминаній», онъ простился бы съ ролью Прометея, покрылъ бы насмѣшками своихъ собственныхъ Гяуровъ и Манфредовъ! Для счастія въ жизни нужно такъ немного! проповѣдуетъ намъ другъ Обера и Россини, Дюма и Евгенія Сю: для полнаго

блаженства рецептъ весьма маловаженъ! Раза четыре въ свою жизнь надуйте легковѣрную публику, и у васъ будутъ деньги. Имѣя деньги, вы будете имѣть хорошій обѣдъ и пріятелей съ вѣсомъ. Одолжайте этихъ пріятелей и старайтесь, чтобъ они васъ хорошенько одолжали. Съ людьми бѣдными, безпокойными, заносчивыми, несостоятельными по карманной части лучше всего не водиться, но при случаѣ можно надъ ними смѣяться и показывать свою храбрость. Всякому, кто можетъ быть для васъ полезенъ, поклонъ, любезная улыбка, хорошій обѣдъ, похвальная статейка въ журналѣ! Пусть моралистъ сомнѣвается въ душевныхъ качествахъ этихъ людей; душевное качество есть вопросъ темный и до насъ не касающійся. Успѣхъ прежде всего. Жмитесь къ людямъ успѣха, и они васъ вынесутъ на своихъ плечахъ. Но прежде всего, не требуйте многаго ни отъ людей, ни отъ жизни, тогда и отъ васъ ничего не будутъ требовать, кромѣ хорошаго обѣда, дружескаго поклона и хвалебной статейки! Будьте умѣренны въ вашихъ желаніяхъ: къ чему вамъ громкая слава, лавровый вѣнецъ поэта, похвалы потомства, памятникъ, имѣющій быть воздвигнутымъ на вашей могилѣ! Долгая жизнь, милліонъ въ карманѣ, искусный поваръ, всегдашняя ложа въ театрѣ съ правомъ ходить за кулисы — вотъ ингредіенты истиннаго благополучія; одни идеологи желаютъ другихъ наслажденій, и оттого живутъ безъ гроша.

Такова философія доктора Верона, но весьма ошибется читатель, если станетъ смотрѣть на автора «Воспоминаній парижскаго мѣщанина», какъ на существо пошлое, незанимательное и даже совершенно дурное. Какъ ловкій человѣкъ, какъ человѣкъ вѣка и какъ лицо типическое, Веронъ стоитъ внимательнаго и снисходительнаго изученія. Въ немъ дурныя и хорошія стороны его касты, и онъ очень хорошо это зналъ, давая заглавіе своимъ «Запискамъ». На бѣдныхъ парижскихъ буржуа много нападали и поэты и художники; вмѣсто того, чтобъ повторять эти избитыя нападенія, не лучше ли будетъ поглядѣть, какъ знаменитѣйшіе изъ французскихъ поэтовъ и художниковъ обращались съ Вероиомъ, типомъ буржуа, человѣкомъ успѣха, эгоистомъ по природѣ? Жоржъ-Сандъ, въ своихъ романахъ громившій всю касту Верона, льститъ ему при всякомъ случаѣ, портитъ свои работы по его прихоти; Евгеній Сю пишетъ популярнѣйшія свои вещи для его газеты, такъ любимой лавочниками; юные живописцы, вѣчные враги филистеровъ, считаютъ нашего медика-гастронома своимъ просвѣщеннымъ патрономъ; Ламартинъ, въ періодъ своего могущества, любезнымъ письмомъ даетъ знать Верону, что

не сердится и не можетъ сердиться на статьи его сотрудниковъ! Имѣется же что-нибудь дѣльное въ такомъ человѣкѣ, чѣмъ же нибудь снискалъ онъ общее расположеніе, общія привѣтствія, общую лесть и при случаѣ общія насмѣшки! Можно имѣть чрезвычайно узкій взглядъ на жизнь, съ ея интересами, и жить недурно; можно по наружности казаться самодовольнѣйшимъ чудовищемъ, а на самомъ дѣлѣ быть человѣкомъ практическимъ, кроткимъ, пріятнымъ въ общежитіи.

Вотъ нашъ взглядъ на особу доктора Верона и на значеніе его почти-что знаменитыхъ «Записокъ». Авторъ ихъ, по нашему мнѣнію, родился дурнымъ, плутоватымъ человѣкомъ, эгоистомъ до послѣдней крайности; мало того: Веронъ, какъ большая часть людей мелкихъ нравственно, не любилъ людей, превышающихъ его и талантомъ, и благосостояніемъ. Природа обидѣла его и по части наружности, и даже по части таланта, но она дала ему одну замѣчательную способность—способность уживаться съ людьми. Въ періодъ ученическихъ своихъ годовъ, Веронъ читалъ довольно много, образовалъ свой умъ и, что главное, сходился съ людьми истинно замѣчательными. Думать онъ никогда не былъ мастеръ, но имѣлъ французскую зоркость взгляда, соединенную съ нѣкоторымъ запасомъ французской же bonhomie (это слово трудно передать по русски). Потолкавшись на свѣтѣ и испытавши двѣ-три неудачи, Веронъ совершенно понялъ ту великую истину, что человѣку положительно дурному, человѣку положительно плутоватому не можетъ предстоять нигдѣ и ни въ чемъ положительнаго успѣха. Безсознательный ученикъ Бентама, нашъ докторъ догадался, что безъ добрыхъ началъ даже очень ловкій человѣкъ будетъ всегда въ накладѣ, между тѣмъ какъ примѣры многихъ счастливыхъ современниковъ громко проповѣдывали ту же истину, дѣлающую честь нашему обществу. Въ глазахъ Верона великій Дюпюитренъ удивлялъ городъ дѣлами человѣколюбія, неподкупный Гизо двадцати-семи лѣтъ отъ роду получилъ должность статсъ-секретаря, Шатобріанъ, въ своихъ сочиненіяхъ прославившій возвышеннѣйшія идеи, былъ покрытъ славой и почестями. Путемъ эгоизма нашъ буржуа дошелъ до ограниченія своего собственнаго себялюбія, понялъ необходимость умѣренности, даже въ дѣлахъ партій. Всякій годъ его жизни, ставя его въ сношенія съ массой людей, высоко примѣчательныхъ, отдалялъ Верона отъ той предосудительной карьеры, въ какую онъ было вдался во времена своей молодости. Другихъ послѣдствій не могло выйдти; умственная аристократія, кругъ первоклассныхъ артистовъ и мыслителей, всегда будетъ лучшимъ кругомъ на свѣтѣ.

Всѣ люди, встрѣчаемые нами въ жизни и возбуждающіе къ себѣ чувство пріязни, должны быть раздѣлены на два разряда. Одинъ состоитъ изъ людей съ убѣжденіями и сердцемъ, людей твердыхъ и надежныхъ, горячихъ въ преданности, богатыхъ способностями, сильныхъ на все доброе. Такіе люди — драгоцѣнность жизни и цвѣтъ всего общества. Изъ ихъ рядовъ, почти безъ исключенія, выходятъ мужи слова и совѣта, великіе воины, великіе художники, великіе правители, великіе мыслители. Ихъ голоса отдаются во всѣхъ поколѣніяхъ; ихъ дѣла, ихъ творенія составляютъ гордость цѣлаго народа. Если такимъ избраннымъ лицамъ и не предстоитъ блистательная роль въ свѣтѣ, то они велики и надежны въ своемъ собственномъ темномъ кругу, въ своихъ собственныхъ немногочисленныхъ привязанностяхъ. У всякого самого скромнаго человѣка есть свои любимцы, свои братья по душѣ, свои товарищи жизни; ихъ онъ цѣнитъ, ихъ онъ держится, на нихъ онъ полагается смѣло. Затѣмъ, второй разрядъ состоитъ просто изъ людей, любимыхъ за свою пріятность въ общежитіи. Требовать отъ нихъ многаго есть вѣрный путь къ разочарованію, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они считались особами, существующими для одного только увеселенія нашего. Связавши ихъ интересъ со своимъ, отъ нихъ можно надѣяться пользы: поставивши ихъ передъ собою подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, можно открыть въ нихъ не одно хорошее качество; наконецъ, за неимѣніемъ его, утѣшить себя тою мыслію, что человѣкъ, съ которымъ намъ видѣться и говорить весело, уже потому самому заслуживаетъ нѣкоторой привязанности. Къ такимъ-то людямъ принадлежитъ Веронъ, нашъ эпикурейскій философъ въ мѣщанскомъ нарядѣ. Частная жизнь его, сколько намъ извѣстно, не запятнана дѣлами особенно непозволительными; напротивъ того, многіе изъ знаменитѣйшихъ современниковъ нашихъ вспоминаютъ о Веронѣ, какъ о надежномъ дѣльцѣ, хорошемъ товарищѣ, неутомимомъ любителѣ всѣхъ веселостей. Какъ писатель, докторъ Веронъ стоитъ нѣкотораго вниманія. Отъ книгъ его не забьется молодое сердце, разсужденія его не займутъ собой философа; разсказы, имъ разсказанные, не поставятъ нашего буржуа наряду съ Босвеллемъ, Пеписомъ или Тальманомъ де Рео. У него нѣтъ таланта говорить о прошломъ; ставить знаменитыхъ людей передъ глаза читателя, переносить его въ ту завѣтную область, гдѣ дѣйствительность становится романомъ, а фантазія дѣйствительностью. Нашъ сочинитель не пишетъ *огненными* буквами, какими, по словамъ Карлейля, долженъ писать всякій поэтъ или

историкъ; его разсказъ вялъ, растянутъ, иногда напыщенъ. По временамъ онъ смѣшилъ публику, боясь быть смѣшнымъ. Бывшій директоръ оперы боится шутниковъ, и чтобъ не дать имъ пищи, отбрасываетъ всякое стремленіе къ оригинальности изложенія. Но Веронъ видѣлъ многое и всю свою жизнь имѣлъ рѣдкіе случаи для наблюденія, между тѣмъ какъ безпрестанныя сношенія съ лучшими изъ современныхъ писателей сдѣлали изъ него фельетониста довольно грамотнаго. Признанія доктора замѣчательны по фактамъ, никакъ не по изложенію; а потому передавать ихъ вполнѣ было бъ трудомъ утомительнымъ, какъ для насъ, такъ и для читателя.

Есть еще одна причина, побудившая редакцію «Современника» представить на своихъ страницахъ, вмѣсто перевода «Записокъ» Верона, одинъ по возможности сжатый обзоръ этихъ «Записокъ». Бывшій директоръ Парижской Оперы, вѣчный поклонникъ пуффа, аферистъ болѣе чѣмъ литераторъ, самъ испортилъ литературное значеніе своего труда излишнимъ разсчетомъ на его распродажу. Докторъ Веронъ слишкомъ хорошо знаетъ, что въ наше время книга въ одномъ томѣ, написанная строго, не украшенная заманчивыми заглавіями, можетъ современемъ попасть въ разрядъ классическихъ твореній, но прямой выгоды даетъ мало. Успѣхъ многотомныхъ мемуаровъ за наше и прошлое столѣтіе не давалъ покоя доктору Верону; его собственныя «Воспоминанія», нынѣ еще не конченныя, должны состоять изъ большаго числа волюмовъ. Просматривая оглавленіе каждаго тома (ихъ вышло уже четыре), читатель чувствуетъ нѣчто въ родѣ головокруженія: такъ много великихъ именъ, такъ много заманчивыхъ обѣщаній тамъ встрѣчается, но при чтеніи дѣло принимаетъ другой оборотъ. Есть главы до того незначительныя, что ихъ выкинулъ бы всякій, даже начинающій свое поприще разсказчикъ; многія свѣдѣнія стары, почерпнуты изъ газетъ; многіе анекдоты, съ грустію надо признаться, выхвачены на столько изъ дѣйствительности, на сколько изъ альманаховъ и анекдотическихъ сборниковъ былаго времени. Мало того: десятки страницъ въ «Воспоминаніяхъ парижскаго мѣщанина» заняты документами или слишкомъ извѣстными, или неидущими къ дѣлу, или лишенными всякой занимательности. Поминутно видимъ мы списки пьесамъ того или другого театра; счеты расходамъ, вовсе не занимательнымъ для публики, номенклатуру лицъ, собиравшихся въ той или другой гостиной. Безцеремонность Верона по части наполн[illegible]ія главъ иногда доходитъ до невѣжливости передъ читателемъ. [illegible]ой главѣ о ресторанахъ онъ приводитъ списки прежнихъ

трактирщиковъ, именуетъ объѣдалъ стараго времени, а въ третьемъ томѣ «Воспоминаній» выписываетъ маршрутъ, доставленный ему госпожей Рашель во время одной изъ ея поѣздокъ по Франціи!

Несмотря на всѣ показанныя ухищренія, мѣста все еще остается довольно, но Веронъ этимъ не тяготится. Дѣтство его прошло при императорѣ Наполеонѣ I, и нѣсколько главъ посвящается воспоминаніямъ объ Имперіи, такимъ воспоминаніямъ, въ которыхъ нѣтъ ничего личнаго и дѣтскаго. Авторъ нашъ занимался медициною, вслѣдствіе того изумленный читатель находитъ въ концѣ перваго тома маленькій трактатъ о гигіенѣ для людей преклоннаго возраста. Послѣ Имперіи идетъ Реставрація, а послѣ статьи о ресторатерахъ взгляды на царствованіе Лудовика XVIII, на политику министровъ до Полиньяка. Не стѣсняясь никакими соображеніями и, по видимому, имѣя очень темное понятіе объ историческихъ сочиненіяхъ послѣдняго времени, почтенный парижскій мѣщанинъ наполняетъ свои главы матеріалами лишними и пустыми, въ этомъ отношеніи напоминая подвиги ноздревскаго повара, заправлявшаго кушанья всѣмъ, что только лежало по близости. Кому изъ сколько нибудь грамотныхъ людей неизвѣстны, напримѣръ, прокламація Императора Александра при вступленіи въ Парижъ союзниковъ, статья Шатобріана о смерти герцога Беррійскаго, декреты Наполеона о преміяхъ за лучшія литературныя произведенія? Всѣ эти документы, памятные всякому, перепечатаны Верономъ, перемѣшаны съ текстомъ книги. Такія продѣлки не только вредятъ единству сочиненія, но дѣлаютъ «Воспоминанія парижскаго мѣщанина» книгою тяжелой для чтенія.

Передавая нашимъ читателямъ то изъ «Записокъ» Верона, что стоитъ быть переданнымъ, мы не станемъ стѣсняться манерою автора. Кто хочетъ дѣйствовать посреди всего этого хаоса, долженъ обходиться съ самимъ авторомъ такъ же нецеремонно, какъ онъ поступаетъ съ своимъ читателемъ. Система почтеннаго разсказчика, начавшаго первую главу «Воспоминаній» своимъ собственнымъ портретомъ, и отъ него перешедшимъ прямо къ Франціи временъ Консульства, не будетъ нашей системой. Въ самыхъ безпорядочныхъ признаніяхъ долженъ имѣться какой нибудь порядокъ, а самый ловкій изъ литературныхъ спекуляторовъ не имѣетъ права безнаказанно пренебрегать всѣми условіями (*).

(*) Всю политическую часть «Воспоминаній» мы выбрасываемъ безжалостно: она вполнѣ того заслуживаетъ и по вялости изложенія, и по недобросовѣстному обхожденію съ фактами. Веронъ ничего не говоритъ своего, а цѣликомъ беретъ свои разсказы изъ старыхъ газетъ и новыхъ историковъ.

ГЛАВА I.

Семейство Верона. — Парижскіе нравы временъ Консульства и Имперіи. — Военные люди. — Денежные люди. — Исторія Уврара. — Операціи и поставки. — Городъ Толоза. — Тюрьма Уврара и *Сегенъ*. — Шумная молодежь, обращеніе съ женщинами. — Обжорство гастрономовъ стараго времени. — Умѣренность Наполеона. — Письма Дюбуа Крансе о жизни перваго консула. — Оффиціальные обѣды. — Зрѣлища танцевъ на канатѣ. — Положеніе театровъ въ печальную эпоху Революціи. — Старанія Наполеона поднять отечественное искусство. — Десяти-годовыя преміи, награды разнымъ поэтамъ. — Анекдотъ изъ Тексье. — Главный французскій театръ. — M-lle Марсъ и Тальма. — Госпожа Сталь о Тальмѣ. — Почести честному чиновнику. — 1814 годъ, раненые солдаты и взятіе Парижа.

Луи Веронъ, докторъ медицины и хирургіи, родился 5 апрѣля 1798 года; объ этомъ читатель узнаетъ на первыхъ страницахъ «Воспоминаній». Въ началѣ третьяго тома авторъ сообщаетъ намъ, что родители его имѣли бумажную лавку въ одной изъ парижскихъ улицъ, жили очень бѣдно и копили копѣйку съ замѣчательной скрытностью, разсказывая во всеуслышаніе про тяжелыя времена, трудность жизни въ столицѣ и необходимость великой разсчетливости. Въ третьемъ же томѣ Веронъ посвящаетъ нѣсколько чувствительныхъ страницъ расхваливанію тихой семейной жизни, «такъ пренебрегаемой модными романистами, искателями эффектовъ»—замѣтка крайне оригинальная со стороны человѣка, платившаго огромныя суммы за романы въ родѣ «Мартына-Найденыша»! Не подражая Ламартину или инымъ сочинителямъ «Признаній», не упускающимъ случая представить читателю портреты всѣхъ своихъ родныхъ, и часто портреты во весь ростъ, почтенный буржуа скромно умалчиваетъ о наружности и добродѣтеляхъ четы, подарившей ему существованіе.

Сколько можно судить по нѣкоторымъ мелкимъ чертамъ изъ «Воспоминаній», первые годы много обѣщающаго юноши прошли довольно печально. Семейство Вероновъ, намъ кажется, было ничѣмъ инымъ какъ семействомъ скаредныхъ торгашей, считающихъ скупость добродѣтелью, а деньги, скрытыя въ потаенномъ уголку дома, за первое счастіе жизни, залогъ отличной будущности для своихъ птенцовъ. Воспитаніе молодого Луи не могло назваться многостороннимъ; даже посреди своихъ занятій мальчикъ часто былъ отрываемъ отъ урока для самыхъ странныхъ порученій: такъ, напримѣръ, его всякій день отправляли на конецъ города для полученія газеты, *изъ вторыхъ рукъ, безъ доставки*, гоняли по разнымъ хозяйственнымъ порученіямъ и

вообще держали въ черномъ тѣлѣ. Рано ознакомившись съ уличной жизнью, безпрестанно встрѣчаясь съ гуляками и болтунами того времени, Веронъ безъ труда пріобрѣлъ запасъ наблюдательности, въ которомъ ему отказать невозможно.

Парижскія улицы, парижская жизнь и парижскіе нравы въ эпоху императора Наполеона I не могли назваться хорошей школой для юноши; намъ даже кажется, что именно въ сказанной-то школѣ и сформировались характеры французскихъ стариковъ нашего времени, персонажей, такъ отличавшихся въ послѣдующія эпохи своей политическою шаткостью, своей любовью къ деньгамъ и своимъ необузданнымъ матеріализмомъ. Населеніе столицы, измученное, развращенное и охлажденное годами тяжкихъ потрясеній, вело себя весьма дурно. Въ высшихъ слояхъ общества прежняя тонкая роскошь замѣнилась роскошью грубою, а низшіе классы населенія утопали въ безпутствѣ, которому давали столько пищи игорные дома, Поле-Рояль и другія увеселительныя мѣста въ такомъ же родѣ. Самый сильный вредъ нравамъ приносило быстрое перемѣщеніе капиталовъ, неизбѣжное послѣдствіе безпрерывныхъ войнъ и періода тревогъ внутреннихъ. Искусные бѣдняки обогащались черезъ постав[illegible] припасовъ войску, богачи лишались своего состоянія за рулеткой, Парижъ набитъ былъ ростовщиками, никто изъ его жителей не жилъ сообразно своему состоянію, первые ряды мотовъ того времени занимались лицами извѣстными своей доблестью на ратномъ полѣ. Военная молодежь (а въ то время сами корпусные командиры не могли назваться людьми зрѣлыхъ лѣтъ), военная молодежь, говоримъ мы, веселилась на пропалую, не думала о завтрашнемъ днѣ и глядѣла на столицу какъ на огромный трактиръ, торопясь упиваться короткими днями своего тамъ пребыванія.

Одною изъ характернѣйшихъ особенностей того времени, разсказываетъ Веронъ, была любовь къ деньгамъ, соединенная съ величайшимъ къ нимъ презрѣніемъ. Всякій жаждалъ барышей, военной добычи, хорошихъ мѣстъ, наградъ, выигрышей, но, набивши себѣ карманъ, разбрасывалъ капиталы безъ сожалѣнія. Модныя красавицы должали своимъ поставщикамъ и модисткамъ по 180,000 франковъ за одинъ годъ; извѣстный Камбасересъ тратилъ баснословныя суммы на свою кухню; въ свѣтѣ поминутно появлялись эпикурейцы, проживавшіе въ годъ все свое состояніе и потомъ исчезавшіе Богъ вѣсть куда, на вѣчное время. За мотовствомъ первыхъ богачей города весь Парижъ слѣдилъ завистливыми глазами, и, точно, эти господа позволяли себѣ уве-

селенія безграничныя: особенно замѣчательны были по этой части двое военныхъ коммисаровъ: *Поле* и *Увраръ;* изъ нихъ первый, нажившій себѣ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ годоваго дохода, началъ свое поприще въ городѣ Дуэ, трактирнымъ слугою. Какая будущность и какой примѣръ для Вероновъ нашего времени!

Увраръ, имя котораго до сихъ поръ еще популярно во Франціи, заслуживаетъ болѣе подробнаго отзыва. Этотъ человѣкъ вступилъ въ подряды, имѣя свое порядочное состояніе и сверхъ того свой особенный взглядъ на вещи, если не совсѣмъ безкорыстный, то по крайней мѣрѣ полезный отечеству. Первыя имъ устроенныя операціи привлекли на него вниманіе Наполеона, а за вниманіемъ послѣдовало довѣріе, даже пріязнь между властелиномъ и подданнымъ. При совѣщаніяхъ съ императоромъ, Уврарь говорилъ просто и откровенно, не прикидываясь безсребренникомъ, но зато развивая планы не только замѣчательные, но касающіеся важныхъ финансовыхъ вопросовъ. Войско, ненавидѣвшее коммисаровъ весьма понятной ненавистью, любило Уврара за его щедрость и находчивость. Когда при операціяхъ встрѣчались затрудненія, когда войска встрѣчали нѣкоторое замедленіе по части продовольствія, Уврарь не жалѣлъ ничего и повременамъ являлся почти рыцаремъ. Такъ напримѣръ, во время испанской войны, когда корпусъ, занявшій Толозу, не получилъ припасовъ, вслѣдствіе дурнаго распоряженія младшихъ чиновниковъ, Увраръ, явившись въ штабъ, встрѣченъ былъ упреками, требованіями провіанта по крайней мѣрѣ на десять дней впередъ. «Завтра провіантъ будетъ», отвѣтилъ коммисаръ и проѣхалъ въ квартиру, для него отведенную.

Первымъ его дѣломъ, по прибытіи домой, было отправленіе повѣстки по всѣмъ значительнѣйшимъ жителямъ городка, съ приглашеніемъ явиться къ Уврару, немедленно. Горожане, поспѣшившіе на зовъ, увидѣли въ пріемномъ покоѣ столы, засыпанные грудами серебра, свертками золота.

— Господа, сказалъ коммисаръ посѣтителямъ: — мнѣ надо припасовъ, къ завтрашнему дню. Денегъ, какъ вы видите, у меня довольно. Объявите всему городу слѣдующее: кто привезетъ мнѣ завтра какіе бы ни было припасы *раньше восьми часовъ*, тотъ получитъ за все цѣну, увеличенную противъ таксы, *вдесятеро*. За провіантъ, привезенный ранѣе девяти часовъ, я плачу въ девять разъ; за то, что прибудетъ ранѣе десяти — въ восемь, и такъ далѣе, уменьшая съ каждымъ часомъ.

Таковъ былъ успѣхъ предложенія, что еще до солнечнаго восхода всѣ улицы запрудились повозками; лица, сохранявшія провизію для себя и никогда не думавшія пускаться въ торгъ, соблазнились выгодою. Проголодавшіеся солдаты разграбили ближайшіе къ нимъ обозы. Увраръ заплатилъ за все по условію, не торгуясь, не изъявляя сомнѣнія въ справедливости показаній.

Роскошь Уврара, зàмки Уврара, обѣды Уврара, причуды Уврара до сихъ поръ въ Парижѣ памятны: онъ проживалъ въ годъ по нѣскольку милліоновъ, поощрялъ художниковъ, выручалъ изъ бѣды особъ ему совершенно неизвѣстныхъ и повременамъ совершалъ дѣла, возможныя только безстрашному человѣку. Послѣ Ватерло и вторичнаго отреченія императора, многимъ изъ военныхъ людей, особенно замѣтныхъ по своей къ нему привязанности, грозила страшная опасность; въ числѣ этихъ лицъ находился и полковникъ Лабедойеръ, впослѣдствіи разстрѣлянный въ одинъ годъ съ маршаломъ Неемъ. Извѣстясь о положеніи своего пріятеля, Увраръ послалъ полковнику письмо съ 1500 луидорами золотой монетой и векселемъ въ 50,000 франковъ на имя банкира Перша, въ Нью-Йоркѣ; но Лабедойера арестовали въ тотъ же день, и письмо попалось къ Талейрану, поспѣшившему послать за Увраромъ.

— *Князь*, сказалъ ему генералъ-коммиссаръ, выслушавъ обвиненія: — вамъ ли упрекать меня за попытку спасти храбраго воина?

Великодушный Людовикъ XVIII, никогда не одобрявшій насильственныхъ мѣръ, кончилъ исторію, отозвавшись такимъ образомъ:

— Увраръ сдѣлалъ свое дѣло какъ достойный другъ, оставьте Уврара въ покоѣ.

При концѣ своей жизни Увраръ раззорился отъ неразсчетливой жизни. *Сегенъ*, товарищъ его по прежнимъ поставкамъ, арестовалъ бывшаго Креза за долгъ въ пять милліоновъ франковъ. Бывшій генералъ-коммиссаръ, имѣя отъ роду около шестидесяти лѣтъ, да сверхъ того давно уже пресытившись всѣми удовольствіями, встрѣтилъ бѣду, какъ нельзя бодрѣе, отдѣлалъ себѣ въ тюрьмѣ изящное помѣщеніе и сталъ давать тамъ обѣды, слухъ о которыхъ разнесся по всему Парижу. Поэты, министры, прекрасныя женщины, весельчаки всякаго рода наполняли съ утра тюремное помѣщеніе; число посѣтителей иногда надоѣдало хозяину такъ, что камердинеръ счелъ долгомъ докладывать многимъ изъ знакомыхъ узника: «*monsieur est sorti*». Се-

генъ, о которомъ мы уже говорили, сообщилъ своему должнику, что и самъ хочетъ хоть одинъ разъ у него пообѣдать; предложеніе приняли, и пиршество дѣйствительно оказалось полубаснословнымъ.

— Неудобство въ моей жизни только одно, сказалъ Увраръ, на славу накормивъ гостя. — Лукуллъ обязанъ каждый день обѣдать у Лукулла.

— Любезный Увраръ, сказалъ на это Сегенъ: — вамъ нѣтъ еще шестидесяти лѣтъ, передъ вами порядочная доля человѣческой жизни, для чего сидите вы здѣсь и рѣшаетесь здѣсь просидѣть всю жизнь? Обѣдъ вашъ очень хорошъ, на свою долю я плачу за него два милліона, изъ числа должныхъ мнѣ вами. Отдайте мнѣ вмѣсто пяти три, и я васъ выпущу.

— Дорогой Сегенъ, возразилъ Увраръ: — еслибъ вамъ въ настоящую минуту кто нибудь предложилъ трудную поѣздку за море, въ надеждѣ получить пять милліоновъ, вы вѣрно предприняли бы поѣздку, не взирая на ваши лѣта и на трудности путешествія? Здѣсь, въ этомъ домѣ, я, Увраръ, не перемѣняя климата и мѣста, не подвергаясь усталости, болѣзнямъ, опасностямъ, заработываю пять милліоновъ! Могу ли я послѣ этого принять ваше обязательное предложеніе?

Таковы были роскошь и неразсчетливость финансовой аристократіи того времени, но и люди, съ меньшею щедростью надѣленные отъ фортуны, жили почти также шумно, особенно военная молодежь, такъ прославленная историками, по словамъ Верона, была неутомима на буйные подвиги. Офицеры, являвшіеся въ Парижъ на время, или проживавшіе тамъ по дѣламъ службы, не давали прохода лицамъ гражданскаго званія (pekins), въ кофейныхъ домахъ вырывали у нихъ изъ рукъ газеты, сталкивали фрачниковъ съ тротуара и, при случаѣ, награждали ихъ добрыми толчками. Обращеніе этихъ суровыхъ сыновъ Марса съ женщинами было невѣжливо и причудливо. Если нашъ авторъ не сочиняетъ, то въ его время считалось дѣломъ молодечества брать деньги у любимой женщины, продавать ея бриліанты и, въ случаѣ невѣрности или другого прегрѣшенія, прибѣгать къ силѣ. Одинъ графъ, острякъ того времени, входя въ гостиную одной изъ самыхъ щеголеватыхъ дамъ Парижа, баронессы Г., засталъ ее въ генеральномъ сраженіи съ маркизомъ М***. Кавалеръ билъ фарфоръ хозяйки, а хозяйка готовилась пустить въ него подсвѣчникомъ.

— А! весело вскричалъ гость, дождавшись минуты, когда бойцы дошли до рукопашнаго боя: — видите, я не лгалъ, разсказывая, что между вами большая дружба!

Увеселенія того времени, какъ народныя, такъ и частныя, отличались грубостью. Въ праздничное время народу кидали окороки, пироги, колбасы, попадая ими въ головы и сбивая съ ногъ публику. Ротмистръ гвардейскихъ егерей, впослѣдствіи генералъ *Доменилъ*, угощая свой полкъ въ погребахъ Провансальскихъ братьевъ, устроилъ изъ бутылокъ особенныя пирамиды, съ надписью года и сорта вина надъ каждою. Надо было непремѣнно пить изъ каждой. Огромное число ресторацій, расплодившихся вслѣдствіе совершеннаго измѣненія въ публичной жизни, содѣйствовало успѣхамъ гастрономіи, часто переходившей въ излишество. Къ періоду консульства и имперіи приходится отнести ѣдоковъ подобныхъ Камбасересу, Шаландре и другимъ. Нѣкто *Д'Эгрфейль*, пріятель Камбасереса, погибъ отъ чрезвычайнаго обжорства. Одинъ разъ за такимъ обѣдомъ онъ набросился на какое-то рѣдкое блюдо съ такою необычайною жадностью, что Камбасересъ, самъ человѣкъ неосторожный, закричалъ черезъ столъ:

— Д'Эгрфейль, вы занеможете!

— Monseigneur, отвѣчалъ обжора, продолжая свое дѣло: — я это знаю!

Былъ еще въ Парижѣ гастрономъ, имя котораго, теперь выскользнувшее изъ нашей памяти, не разъ упоминается въ извѣстномъ «Альманахѣ Лакомокъ»; этому господину, на большомъ обѣдѣ, полюбилась лососина съ самыми тяжелыми приправами. Онъ три раза требовалъ блюдо и три раза съѣдалъ все со своей тарелки, къ ужасу собесѣдниковъ. Несмотря на смѣхъ и увѣщанія, онъ въ четвертый разъ наложилъ передъ собой цѣлую гору того же кушанья, но, не успѣвъ кончить подвига, скоропостижно окончилъ жизнь, не вставая со стула. Такого-то человѣка парижскіе журналисты оплакивали, всенародно выставляя его идеаломъ изящныхъ эпикурейцовъ!

Жизнь самого Наполеона, какъ во время консульства, такъ и въ послѣдствіи, представляла рѣзкій контрастъ съ обычаями парижанъ его времени. Говоря объ этомъ предметѣ, докторъ Веронъ представляетъ намъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній изъ неизданныхъ еще писемъ бригадира *Дюбуа Крансе*, набросанныхъ во время его поѣздокъ въ столицу, послѣ обѣдовъ и вечеровъ перваго консула. Надѣемся, что извлеченіе изъ этой корреспонденціи не покажется лишнимъ читателю.

....«По скверной дорогѣ и въ скверномъ экипажѣ доѣхалъ я до Парижа, и вмѣстѣ съ генераломъ Лефебромъ отправился къ консулу. Увидавъ его, я было почувствовалъ припадокъ робости, но онъ принялъ меня ласково, сказавши: «я радъ видѣть васъ, — слыхалъ про васъ, — приходите обѣдать завтра». Наконецъ мнѣ удастся разглядѣть этого необыкновеннаго человѣка! Онъ работаетъ 18 часовъ въ сутки; министровъ принимаетъ вечеромъ, говоря, что ночь длинна и на все будетъ время. Спать ложится онъ въ четыре часа утра, въ теченіи десяти дней собираетъ государственный совѣтъ, шесть или семь разъ, десятый день (decade), впрочемъ, онъ даетъ себѣ немного отдыха. Въ этотъ праздникъ онъ сидитъ за столомъ около часа, тогда какъ въ обыкновенное время обѣденный столъ не продолжается болѣе двадцати минутъ. Въ прошлый разъ, за городомъ, разсказывала мнѣ m-me Шабо, — за обѣдомъ собралась у него странная публика: сенаторы, поэты, живописцы, турецкій посланникъ, двое покорившихся вандейцовъ и наконецъ многочисленное семейство самого хозяина . . . .

«Вотъ теперь мой собственный разсказъ объ обѣдѣ консула. Я опоздалъ и засталъ всѣхъ за столомъ: консулъ, въ отвѣтъ на мой поклонъ, указалъ мнѣ мѣсто. Не смотря на двадцать приготовленныхъ кувертовъ, всѣхъ сидѣло не болѣе восьми, считая въ томъ числѣ брата и падчерицу хозяина. Бонапартъ былъ не въ духѣ и началъ говорить только къ концу обѣда объ Италіи. Онъ торопится за кушаньемъ, а ѣстъ довольно много, особенно такія блюда, въ составъ которыхъ входитъ тѣсто. Столъ чрезвычайно простъ, но хорошо приготовленъ, онъ состоитъ блюдъ изъ десяти, поданныхъ разомъ (un service de dix plats), а за ними прямо идетъ дессертъ. Консулу прислуживаютъ два мамелюка и двое маленькихъ абиссинцовъ; за столомъ мы провели восьмнадцать минутъ, счетомъ. Неправду говорили мнѣ, будто Бонапартъ ѣстъ только блюда, нарочно для него одного приготовленныя: мы съ нимъ вдвоемъ атаковали одинъ и тотъ же пирогъ съ грибами, изъ котораго порядочная часть досталась мнѣ, какъ любителю.

«Онъ вина пьетъ очень мало, не мѣшая его съ водою, — доѣвши же дессертъ, тотчасъ встаетъ и отправляется въ гостиную, куда на этотъ разъ послѣдовалъ и я за всей компаніей. Пока пили кофе, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, относящихся до полка (1-го конно-егерскаго), а покончивъ и эту

часть, ушелъ въ рабочій свой кабинетъ. Вся исторія тянулась не то двадцать пять, не то тридцать минутъ.» . . . . . (*).

Простота наполеоновскихъ обѣдовъ такъ не приходилась по нутру приглашеннымъ, что нѣкоторыя лица, обязанныя иногда на нихъ присутствовать, являлись въ указанный часъ, садились между гостями, не трогали ни одного кушанья и, справивши церемоніалъ, уѣзжали вознаграждать себя настоящимъ обѣдомъ, дома или въ ресторацiи. Вообще, повелитель Франціи такъ много содѣйствовалъ къ измѣненію грубой стороны парижскихъ увеселеній, что Парижъ 1814 года, въ эпоху вступленія союзниковъ, рѣзко отличался отъ полудикаго и немного-безграмотнаго Парижа временъ консульства. Повѣритъ ли читатель, что въ началѣ нашего столѣтія любимѣйшимъ спектаклемъ моднаго парижанина считались танцы на канатѣ? Плясуны, обтянутые въ трико тѣлеснаго цвѣта, съ шестами въ рукахъ, отбивали публику отъ театровъ; клоуны *Форіозо* и *Равель* своимъ вѣчнымъ соперничествомъ создали двѣ фешенебльныя партіи, напоминавшія своимъ поведеніемъ борьбу глюкистовъ и пиччинистовъ. Имя канатной же героини *мадамъ Саки*, недавно кончившей свою жизнь въ ужаснѣйшей бѣдности, когда-то пользовалось знаменитостью, достойною именъ Малибранъ, Марсъ и Рашели.

Императоръ любилъ музыку, театръ и литературу; кому изъ читателей неизвѣстно его слово: «еслибъ Корнель жилъ въ наше время, я сдѣлалъ бы его принцомъ!» Не малаго труда стоило правителю поднять, облагородить, оживить искусства, почти на смерть пораженныя годами революціоннаго безначалія. Во время кровавой борьбы партій поэту, артисту, директору театра не дозволялось вздохнуть спокойно, ибо публика, утративъ любовь къ изящному, а сверхъ того находившаяся въ постоянномъ раздраженіи, всюду искала политическихъ аллюзій. Клубы и комитеты Національнаго Собранія съ другой стороны строго наблюдали, чтобы книги и піесы были писаны въ ихъ духѣ, то есть льстили страстямъ безумной черни. Поэты, артисты и директоры, стоя между двухъ огней, часто головой платили за свою приверженность къ порядку, а еще чаще терпѣли всякую обиду безъ малѣйшаго къ ней повода. Въ піескѣ *Сусанна*,

(*) Третье письмо Дюбуа Крансе говоритъ о предметахъ совершенно посторонихъ и вовсе не имѣетъ интереса. Для чего Вероне его напечаталъ, предваривъ читателя, что эти *три письма* могутъ дать читателю понятіе о жизни Тюильрійскаго Двора? Мы позволимъ себѣ отъ времени до времени указывать на особенно оригинальные подвиги нашего автора въ области пуфа.

игранной на водевильномъ театрѣ во время Террора, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ другимъ: «вы не судьи, а обвинители». Выраженіе, которому авторъ можетъ быть и не думалъ придавать значенія, сперва возбудило восторгъ въ зрителяхъ, а потомъ навлекло на театръ порядочное бѣдствіе, ибо въ партеръ ворвалась шайка клубныхъ буяновъ, начавшая свистать, поносить актеровъ, грозить директору театра и раздавать оплеухи тѣмъ изъ зрителей, которые аплодировали. *Дельпешъ*, бывшій директоромъ, на другой же день умолялъ комитетъ полиціи принять мѣры къ сохраненію порядка во время спектаклей, но ему объявили, что *прошеніе гражданина Дельпеша, какъ способное возбудить одно чувство презрѣнія къ просителю, принимается къ свѣдѣнію.* Послѣ подобнаго приговора и директору, и его труппѣ оставалось ждать окончательной гибели, но скорое паденіе партіи Робеспьера возвратило театрамъ хотя тѣнь прежней независимости.

Трудиться на пользу литературы было невозможно при такихъ условіяхъ, потому-то Наполеонъ, съ первыхъ дней своего могущества, оцѣнивъ причины паденія искусства во Франціи, приступилъ къ дѣятельнымъ мѣрамъ по его возстановленію. Обыкновеннаго доброжелательства тутъ оказывалось недостаточно; тревожные годы такъ много повредили всему дѣлу, что для поднятія театровъ, науки, художествъ и словесности потребовались мѣры дѣятельнаго поощренія. Съ этой цѣлью Comédie Française (театръ, на которомъ давались отечественныя трагедіи и комедіи, сдѣлавшійся потомъ «Французскимъ Театромъ») сталъ получать сто тысячъ франковъ ежегодной субсидіи; первымъ актерамъ его назначены были какъ добавочное жалованье, такъ и единовременныя награды. При консерваторіи учредили школу декламаціи, назначивъ ея профессорами первыхъ артистовъ — распоряженіе выгодное и для учащихъ, и для учащихся. Лица, приближенныя ко двору, получали предписанія абонировать ложи въ разныхъ театрахъ, для примѣра кому слѣдуетъ, между тѣмъ какъ самъ императоръ не пропускалъ случая показать свое уваженіе къ драматическому искусству. На похоронахъ *Моле*, ветерана французской сцены, присутствовалъ генералъ Жюбье, нарочно присланный отъ имени перваго консула, для участія въ процессіи. Въ 1808 году, поэтъ Дельріё, авторъ трагедіи «Артаксерксъ», получилъ за свою пьесу пенсію въ двѣ тысячи франковъ; черезъ годъ послѣ того другой драматическій писатель, *де-Лансиваль*, удостоился пенсіи въ шесть тысячъ франковъ за трагедію «Гекторъ». Конечно, авторы «Гектора» и «Артаксеркса», вмѣстѣ съ

другими поэтами, отличенными вниманіемъ императора, давно преданы забвенію; конечно, литература временъ Имперіи не можетъ назваться литературой блистательной эпохи, но въ пользу поэтовъ того времени можно сказать многое. Періодъ полнаго застоя словесности рѣдко смѣняется счастливымъ періодомъ; а застой, произведенный тревогами революціи, имѣлъ въ себѣ нѣчто мертвое. Науки пострадали, воспитаніе потеряло свою благотворную полноту, головы, мыслящія и отмѣченныя перстомъ Аполлона, были сложены на эшафотѣ; изъ числа оставшихся дѣятелей многіе еще скитались вдалекѣ отъ неблагодарной и буйной Франціи.

27 февраля 1808 года Наполеонъ принялъ у себя депутацію отъ литературнаго отдѣленія Парижскаго Института, явившуюся подъ предводительствомъ своего президента *Шенье* (Мари-Жозефа), для представленія доклада о современномъ состояніи словесности во Франціи. Милостиво выслушавъ длинный докладъ, заключавшійся такими словами: «вслѣдствіе поощреній вашего величества, геніи явятся на призывъ генія, для прославленія вѣка, ознаменованнаго вашимъ царствованіемъ», императоръ отвѣчалъ краткими словами, въ которыхъ уже можно было распознать часть его помысловъ, на пользу отечественнаго искусства. И точно, въ ноябрѣ 1809 года послѣдовалъ декретъ, учреждавшій преміи (по пяти тысячъ и по десяти тысячъ франковъ) за лучшую исторію, за лучшую оперу, лучшую картину, лучшую поэму, лучшее скульптурное произведеніе, лучшую трагедію и такъ далѣе, въ десятилѣтній періодъ времени. Труды за первое десятилѣтіе XIX вѣка долженствовали быть увѣнчаны 9 ноября 1810 года, что и было выполнено по возможности добросовѣстно. Конечно, въ числѣ лицъ, получившихъ преміи, красовались особы дарованія сомнительнаго (*Ренуаръ*, за трагедію «Тампліеры», *Делиль* за поэму «Воображеніе»), но они все-таки не могли назваться поэтами бездарными. Что касается до другихъ лауреатовъ, имена ихъ громко говорятъ о справедливости цѣнителей. Графъ *Лапласъ* получилъ премію за свою «Mecanique Celeste», графъ Бертолле за «Трактатъ о красильномъ искусствѣ», *Спонтини* за свою «Весталку», *Мегюль* за когда-то популярную оперу «Іосифъ», живописецъ *Жироде* за картину «Потопъ». Любопытно будетъ упомянуть, что *Дюси* получилъ премію за «Гамлета»; въ рапортѣ императору его назвали Несторомъ драматическихъ писателей. Вообще, преміи раздавались щедро, ибо цѣнители получили позволеніе не стѣсняться текстомъ декрета, не ограничиваться *однимъ* только произведе-

ніемъ по каждой отрасли искусства и награждать всякаго, кто стоилъ награды.

Суммы, въ разное время розданныя артистамъ, поэтамъ и художникамъ изъ собственной казны императора, могли назваться очень значительными; многія премін, выдаваемыя отъ канцеляріи секретныхъ фондовъ, до сихъ поръ остались и, вѣроятно, навсегда останутся неизвѣстными. Сообщаемъ читателю любопытный анекдотецъ по поводу одной изъ такихъ премій (*). *Геренъ*, завѣдывавшій секретными фондами отъ временъ Наполеона I до президентства нынѣшняго принца Наполеона, въ 1812 году получилъ предписаніе о выдачѣ пяти тысячъ франковъ автору «Кантаты на рожденіе короля Римскаго». Когда поэтъ явился за полученіемъ денегъ, Геренъ, сдѣлавши свое дѣло и отпустивъ его, просмотрѣлъ кантату. Она была написана очень плохо, выказывала несомнѣнную бездарность въ сочинителѣ и кончалась такими словами:

«Если врагъ когда нибудь захочетъ покорить насъ,
Поклянемся, вокругъ наполеонова сына, умереть или одолѣть врага!»

Прошло нѣсколько лѣтъ, Наполеонъ I кончилъ свое поприще, герцогъ Рейхштадскій не имѣлъ уже правъ на престолъ Франціи, Парижъ веселился по случаю рожденія нынѣшняго графа Шамбора, сына герцогини Беррійской. Геренъ снова получаетъ приказаніе выдать три тысячи франковъ сочинителю «Кантаты на рожденіе Генриха, Богомъ-даннаго» Получатель явился тотъ же, что въ 1812 году, и кантата была та же, только заключеніе измѣнилось слѣдующимъ образомъ:

«Если свирѣпый врагъ захочетъ разрушить наше счастье,
Сомкнемся всѣ и умремъ вокругъ юнаго сына Каролины!»

Опять прошли года, во Франціи не находилось уже ни Каролины Беррійской, ни Генриха Богомъ-даннаго, къ Герену опять принесли бумагу о выдачѣ денегъ и «Кантату на рожденіе графа Парижскаго»; кантата уже заключалась приглашеніемъ сомкнуться и умереть вокругъ «юнаго сына Елены». Геренъ хладнокровно выдалъ поэту двѣ тысячи франковъ.

Наконецъ въ мартѣ 1849 года явился за деньгами тотъ же самый поэтъ съ «Кантатою въ честь временнаго правленія». Послѣднія строки дышали энергіею, сочинитель взывалъ къ своимъ согражданамъ:

(*) Анекдотъ этотъ беремъ мы не у Верона, а у Тексье, разбиравшаго «Воспоминанія парижскаго мѣщанина».

«Пусть враги наши вторгаются въ предѣлы отечества,
Подадимъ другъ другу руки, сомкнемся и умремъ или побѣдимъ непріятеля!»

— Милостивый государь, сказалъ Геренъ, прочитавъ предписаніе: — ваше правленіе не богато, оно приказало вамъ выдать только двѣсти франковъ.

Геренъ любилъ разсказывать это приключеніе, а Эдмондъ Тексье, сообщившій его читателямъ, лукаво совѣтуетъ доктору Верону обогатить имъ страницы «Воспоминаній парижскаго мѣщанина».

Уваженіе Наполеона ко всему, что относилось до драматическаго искусства, не могло назваться дѣломъ разсчета, а происходило отъ дѣйствительной любви къ театру. На островѣ святой Елены онъ часто, подъ вечеръ, спрашивалъ своихъ собесѣдниковъ:

— Куда бы намъ пойдти сегодня, въ трагедію или въ комедію?

И сообразно отвѣту, начиналъ читать вслухъ то «Сида», то «Мизантропа». Труппа актеровъ сопровождала императора въ Эрфуртъ и въ Дрезденъ, Тальма каждый день лично доставлялъ ему афиши и бесѣдовалъ о постановкѣ новыхъ пьесъ. М-lle Марсъ въ послѣдніе годы своей жизни любила разсказывать о томъ, какъ во время смотра въ Тюильри императоръ, примѣтивши ее въ числѣ зрителей, подскакалъ къ ней съ любезнымъ привѣтствіемъ и самъ отвелъ ей лучшее мѣсто.

— Наконецъ-то, сказалъ онъ великой актрисѣ, улыбаясь: — наконецъ-то вы отдаете намъ хоть одинъ визитъ, за всѣ наши посѣщенія, въ залѣ французскаго театра.

За то, можетъ быть, во всей Франціи не было женщины, болѣе преданной памяти Наполеона; Людовикъ XVIII, зная очень хорошо образъ мыслей госпожи Марсъ, тѣмъ не менѣе уважалъ ее и не пропускалъ случая оказывать ей свое покровительство.

Вообще, сколько можно судить по запискамъ современниковъ, Тальма и m-lle Марсъ, артисты истинно геніальные, много содѣйствовали къ преобразованію не только французской сцены, но и драматическаго искусства во всей Европѣ. «Ахъ!—часто говорила Марсъ, послѣ самыхъ блистательныхъ ролей—какъ бы хорошо мы всѣ играли, еслибы не гонялись за апплодисманомъ!» Она была образована по свѣтски, видѣла многое на своемъ вѣку, но любила театръ со страстью, и никакое важное дѣло не могло ее заставить прибыть *не первою* на репетицію. Въ глубо-

кой старости прощаясь со сценою, m-lle Марсъ сказала, что умираетъ въ первый разъ. Въ частной жизни она была очень мила и дѣлала много добрыхъ дѣлъ; при ней постоянно жили два безпріютныя существа изъ театральнаго міра: дряхлый актеръ *Вальвилль* и госпожа *Жюльенъ*, тоже когда-то игравшая на театрѣ.

«Когда во Франціи появляется геніальный человѣкъ — говоритъ госпожа Сталь — онъ всегда почти достигаетъ до степеней безпримѣрнаго совершенства, ибо въ его натурѣ всегда соединяется смѣлость съ чувствомъ такта, обуздывающимъ ея злоупотребленіе. Тальма, по моему мнѣнію, есть образецъ смѣлости и вкуса, простоты и величія. Его позы напоминаютъ собой древнія изваянія, его костюмъ драпируется какъ-то особенно изящно, выраженіе его лица должно служить предметомъ изученія для живописцовъ. Иногда онъ является на сцену съ полузакрытыми глазами, и вдругъ, проникнувшись чувствомъ, бросаетъ на васъ лучи свѣта и какъ будто озаряетъ всю сцену.

«Одинъ звукъ его голоса уже потрясаетъ слушателя; читая какое нибудь мѣсто въ описательномъ родѣ, онъ даетъ понимать всю прелесть стиха, — это Пиндаръ, самъ читающій свои пѣснопѣнія! Другіе артисты требуютъ времени для того, чтобъ овладѣть душой зрителя, но въ голосѣ этого человѣка есть особенная магія, способность съ перваго раза будить общее сочувствіе. Поэзія, музыка, живость, скульптура — все соединяется въ немъ и служитъ къ его цѣли. Онъ даетъ нашей трагедіи то, чего, по мнѣнію пѣвцовъ, ей не достаетъ, то-есть простоту и оригинальность. Онъ оттѣняетъ характеры, имъ изобрѣтаемые; онъ достигаетъ великихъ эффектовъ простыми средствами. Въ его декламаціи Шекспиръ мирится съ Расиномъ.»

Тальма хорошо зналъ по-англійски — обстоятельство рѣдкое въ то время; онъ читалъ Шекспира и понималъ его ровно на столько, на сколько то было возможно въ его время. Въ частной своей жизни, разсказываетъ Веронъ, познакомившійся съ Тальмою въ послѣдніе годы его поприща, великій трагикъ былъ добрымъ, любезнымъ, но довольно безпорядочнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ карты и почти всегда, возвращаясь со сцены въ свою ложу, заставалъ тамъ раскинутый столъ и готовую партію въ экарте, очень часто сопровождавшуюся бранью, криками и большимъ проигрышемъ. Но на сценѣ не было джентльмена болѣе приличнаго и деликатнаго. Онъ не запутывалъ другихъ актеровъ, не вредилъ имъ, коварно отводя ихъ отъ суффлера, даже въ патетическія минуты «не подставлялъ синяка героинѣ», а деревянный кинжалъ, столь страшный въ рукахъ иного свирѣпаго героя, не

наносилъ никому ссадинъ и тычковъ въ боки, при концѣ пятаго акта. Пріобрѣтеніе всякаго новаго таланта было праздникомъ для Тальмы; «какъ лелѣялъ бы онъ госпожу Рашель — восклицаетъ намъ разсказчикъ—съ какимъ наслажденіемъ такой Орестъ умеръ бы за подобную Герміону!»

Заключимъ эти разсказы о наполеоновскомъ времени еще однимъ свѣдѣніемъ, какъ кажется, довольно новымъ. Въ архивахъ министерства финансовъ существуютъ документы, показывающіе, до какой степени императоръ умѣлъ придавать драматическую форму нѣкоторымъ торжествамъ, имѣющимъ цѣлью возвышать народную нравственность. Директоръ государственнаго казначейства, *Дюфренъ*, человѣкъ, довольно темный въ историческомъ смыслѣ, но, по крайнему своему безкорыстію, представлявшій замѣчательный контрастъ съ жадными чиновниками того времени, умеръ, оставивши послѣ себя самую незапятнанную славу. Вотъ письмо императора къ министру финансовъ, по полученіи печальнаго извѣстія:

Парижъ, 3 вентоза, IX годъ республики.

«Глубоко чувствительна для меня, господинъ министръ, потеря, понесенная нами въ лицѣ статсъ-секретаря *Дюфрена*, такъ драгоцѣннаго намъ по своей строгой честности и способностямъ, столь рѣдкимъ и необходимымъ въ настоящее время.

«Общее уваженіе есть награда честныхъ людей, и мнѣ отрадно думать, что усопшій, изъ нѣдръ другого міра, сочувствуетъ горести нашей.

«Я желаю, чтобы бюстъ его былъ торжественно поставленъ въ залѣ казначейства.»

По исполненіи бюста, заказаннаго Массону, изображеніе честнаго человѣка было перенесено по назначенію, въ присутствіи министровъ, депутаціи отъ Сената, депутаціи отъ Государственнаго Совѣта, всѣхъ главныхъ лицъ по управленію счетными вѣдомствами, многочисленныхъ чиновниковъ младшаго разряда и, наконецъ, толпы народа, сбѣжавшейся смотрѣть на небывалую процессію. Протоколъ съ описаніемъ торжества былъ подписанъ, скрѣпленъ, утвержденъ печатью и отданъ на сохраненіе въ то присутственное мѣсто, гдѣ Дюфренъ безкорыстно подвизался на пользу отечества.

Раннею весною 1814 года, гуляя по парижскимъ бульварамъ, разсказываетъ намъ авторъ «Воспоминаній», усмотрѣлъ я сцены, невыразимо грустныя. Большія массы солдатъ, раненыхъ подъ Бріеномъ, Монтеро и такъ далѣе, входили и въѣзжали въ столицу. Сперва везли тяжело раненыхъ, по шести и восьми въ

одной повозкѣ, лошадьми иногда правили женщины; блѣдные, едва одѣтые воины печально лежали на соломѣ. За повозками двигались конные солдаты на хромыхъ лошадяхъ, у многихъ всадниковъ лица были обвязаны полотномъ, а сверхъ надѣта каска; другіе шли пѣшкомъ, не жалѣя себя, но жалѣя усталыхъ коней, за кавалеристами шли раненые пѣхотинцы, опиравшіеся на сабли, ружья и палки. Позади всего ѣхали фургоны съ сѣдлами, касками, оружіемъ и вещами, поднятыми на полѣ сраженія. Со всѣхъ сторонъ выбѣгали горожане, предлагая бѣднякамъ разныя пособія, но бо́льшая часть солдатъ молча торопилась къ госпиталямъ, не требуя и не принимая ничего отъ зрителей.

«30 марта, въ десять часовъ утра, въ улицѣ Комартенъ, увидѣлъ я перваго казака, державшаго подъ устцы лошадь русскаго офицера».

Такъ кончаются «Воспоминанія» доктора Верона о временахъ Консульства и Имперіи. Гдѣ находился нашъ юноша во время защиты Парижа, о томъ онъ не считаетъ нужнымъ сообщать читателю. Все начало сочиненія пропитано такою же отрывочностью, а еще болѣе неопредѣленностью. Видалъ ли Веронъ Наполеона своими глазами — этого онъ намъ не сказываетъ. Хотя бы онъ позаимствовался у Дюма, который, десяти лѣтъ отъ роду, чуть не бесѣдовалъ съ императоромъ! Что дѣлалъ нашъ авторъ до 1814 года (ему уже тогда было шестнадцать лѣтъ), мы совершенно не знаемъ! Отъ кого пріобрѣлъ онъ свѣдѣнія про Дюбуа Крансе, Тальму, Эгрфейля, m-lle Mars, это тоже остается скрытымъ во мракѣ неизвѣстности; «Воспоминанія» Верона отъ его рожденія до 1814 года занимаютъ половину толстой книги; пишущій настоящія строки смѣетъ думать, что онъ самъ способенъ написать точь въ точь такія же «Воспоминанія», никогда не бывавши во Франціи, съ помощью двухъ-трехъ анекдотическихъ сборниковъ. Къ счастью, слѣдующія наши главы будутъ занимательнѣе, ибо въ нихъ мы увидимъ Верона-студента, Верона-доктора, Верона, играющаго въ рулетку, и Верона, директора парижской оперы.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣтки и размышленія Новаго Поэта по поводу русской журналистики.

Полемика въ жизни и полемика въ литературѣ. — Литература и наши мелочныя самолюбія. — Новый девизъ: *la littérature oblige.* — Обязанности добросовѣстнаго рецензента. — Бюлозъ и Бальзакъ. — Пушкинъ и его рецензенты. — Тостъ въ новый годъ. — Пѣснь новаго года. — Минутное возвращеніе къ старому. — «Библіотека для Чтенія»:— «Двѣ встрѣчи», разсказъ Дружинина. — «Отечественныя Записки»: — Романъ г. Михайлова, повѣсть «Костенька» и пр. — «Москвитянинъ». (№№ 20, 21 и 22): — Повѣсть «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». — «Воспоминанія учителя». — Г. Аксаковъ и его отвѣтъ старому театралу.

Странное, непостижимое созданіе человѣкъ! Онъ вѣчно недоволенъ собою... я знаю, что есть люди, которые постоянно бываютъ довольны собою, но много ли такихъ счастливцевъ?... Это исключенія... Поглядите вокругъ себя... вотъ, напримѣръ, передъ вами господинъ, который окруженъ всѣми условіями для счастія... у него прелестнѣйшая подруга жизни, съ брильянтовымъ фермуаромъ на шеѣ, съ драгоцѣнными браслетами и кольцами, которая обожаетъ его и подаренныя имъ фермуары, браслеты и кольца; милыя малютки окружаютъ его, и кричатъ ему: «Папа! папа!» У него нѣсколько тысячъ въ ломбардѣ, онъ участвуетъ въ откупахъ, въ золотыхъ промыслахъ, у него акціи всевозможныхъ обществъ, онъ пользуется значительною извѣстностію, ему всѣ крѣпко пожимаютъ руки, ему всѣ пріятно улыбаются... Съ большимъ талантомъ... пріобрѣтенія, съ прекрасной и многозначительной физіономіей —

. . . .
Взираетъ онъ на жизнь сурово, строго,
И глядя на него подумать можно:
У! у него здѣсь (надо указывать на лобъ) *много! много!...*
Солидный видъ и страшный мракъ во взорѣ
И на челѣ какой-то думы слѣдъ,
Отрывистость и сухость въ разговорѣ...
Да! мудрецомъ его признаетъ свѣтъ!
Такая внѣшность — мудрости залогомъ,
Безъ всякаго сомнѣнья быть должна...
Она ему способствуетъ во многомъ
И уваженіе внушаетъ всѣмъ она!... и прочее.

Какъ бы не быть, казалось, вполнѣ счастливымъ при такихъ условіяхъ и данныхъ?... А этотъ господинъ завидуетъ, страшно завидуетъ... и кому же?... Какому нибудь труженику мысли... бѣдному ученому, сидящему на чердакѣ... Бѣдный ученый, въ свою очередь, можетъ быть, завидуетъ иногда этому господину съ паями... Всѣ мы болѣе или менѣе завидуемъ другъ другу и заводимъ нерѣдко другъ съ другомъ ожесточенную и смѣшную полемику...

Да, благосклонный читатель, полемика существуетъ не въ одномъ только нашемъ уголкѣ, не въ одной нашей литературѣ... она существуетъ и въ жизни, только еще гораздо въ большихъ размѣрахъ...

И часто эта полемика бросаетъ непріятную тѣнь и на жизнь, и на литературу.

Новый Поэтъ постарается избѣгать участія въ такой полемикѣ съ новаго года. Онъ проситъ извиненія у своихъ читателей, если подалъ къ ней въ прошломъ году даже неумышленный поводъ... Ему было бы непріятно, когда бы даже его противники, вслѣдствіе этой полемики, явились въ невыгодномъ свѣтѣ, если только эти противники — литераторы.... Честь литературы должна быть дороже всего для литератора. Только Бюловы — журнальные антрепенёры топчутъ литературу и пятнаютъ ее грязью, во имя личныхъ своихъ интересовъ!...

Если мои литературные противники позволяли себѣ, обращаясь ко мнѣ, говорить не совершенно литературно, я, принимая въ соображеніе человѣческія слабости и страсти, охотно извиняю имъ это, и въ такомъ случаѣ когда мнѣ случится говорить о нихъ, или объ ихъ произведеніяхъ (если такія имѣются) или объ ихъ изданіяхъ, я постараюсь отдавать имъ должную справедливость и никогда ни въ какомъ случаѣ не позволю себѣ отступать отъ принятыхъ всѣми общественныхъ условій — приличія и вѣжливости. Я былъ бы въ совершенномъ восторгѣ, если бы всѣ русскіе литераторы выбрали себѣ такой девизъ: *littérature oblige*, и во имя этого девиза вели бы себя такъ, чтобы могли служить для всѣхъ образцомъ вѣжливости и хорошаго тона, объясняясь прилично другъ съ другомъ, и заставляя тѣмъ уважать литературу.

Но такъ какъ словамъ моимъ иногда придаютъ не совсѣмъ правильное значеніе и стараются нерѣдко отыскивать во мнѣ противорѣчія, то я долженъ здѣсь вставить небольшую оговорку, только *для немногихъ*. Выражая такое желаніе, я вовсе не исключаю этимъ строгой и даже рѣзкой критики, если только эта критика проникнута добросовѣстнымъ убѣжденіемъ, если она рѣзка во имя законовъ науки или искусства. Такая рѣзкость не можетъ и не должна быть оскорбительна для автора. Авторы сами не захотятъ, чтобы критика говорила имъ только одни комплименты, или отдѣлывалась отъ нихъ вѣжливыми, любезными, или никому непонятными фразами. Правду всегда должно говорить прямо, и если можно высказывать ее мягко, тѣмъ лучше; но если въ натурѣ критика нѣтъ мягкости, пусть онъ высказываетъ

ее рѣзко — все равно. Каждый изъ насъ, готовъ принять и рѣзкую правду, когда рѣзкое перо критика движимо истинною любовью къ искусству, а не другими какими либо побочными причинами.

Приступая къ разбору даже самого посредственнаго писателя, стоящаго на второмъ и на третьемъ планѣ, по моему убѣжденію, рецензентъ добросовѣстный обязанъ, если даже этотъ писатель былъ бы почему нибудь врагомъ его, забыть его личность и смотрѣть на одно его произведеніе или вовсе отказаться отъ такого разбора, если личность автора не даетъ ему покоя и преслѣдуетъ его. Критика, рецензія — не пародія, не фарсъ, не эпиграмма, не каррикатура. Пишите, если у васъ есть способности, на вашихъ литературныхъ враговъ пародіи, фарсы, эпиграммы и каррикатуры, выставляйте ихъ въ смѣшномъ видѣ. — мы не отнимаемъ у васъ этого права, потому что мѣткія пародіи и каррикатуры бываютъ иногда не безполезны, но не выдавайте передъ публикою ваши статейки, наполненныя разборомъ maнepъ автора, его привычекъ и проч. (можетъ быть, очень смѣшныхъ), за серьёзный разборъ его произведенія. Вы не обманете публику. Публика тотчасъ пойметъ въ чемъ дѣло. Если произведеніе преслѣдуемаго вами автора имѣетъ какое нибудь достоинство, публика отдастъ ему справедливость, несмотря на ваши крики и на ваши усилія представить его смѣшнымъ, пустымъ, ничтожнымъ и незаслуживающимъ никакого вниманія. Публика не станетъ смотрѣть на ваши личныя отношенія къ автору, и вы никогда не заставите ее стать на свою точку зрѣнія, если только эта точка зрѣнія опирается на основаніе, не имѣющее ничего общаго ни съ наукой, ни съ искусствомъ.

Если вы любите искусство, если вы имѣете призваніе критика, вы не позволите себѣ сказать неправды о произведеніи даже самого маленькаго изъ литераторовъ и никогда не позволите себѣ оскорбить своего собрата изъ уваженія къ литературѣ, потому что такая неправда и такое оскорбленіе падутъ не на него, а на васъ и, что хуже всего, бросятъ тѣнь на всю литературу.

Только Бюлозы съ ихъ наемщиками могутъ равнодушно пятнать честь и доброе имя писателей, потому что Бюлозы антрепренёры, спекуляторы, а не литераторы. Они не могутъ принимать къ сердцу литературу и дорожить ея именемъ. Для нихъ литература — дойная корова, по выраженію Шиллера. Но Бальзака, котораго пятналъ Бюлозъ, знаетъ и помнитъ весь образованный и читающій міръ, Бюлоза же, къ счастью, впрочемъ, для него, забыли даже и во Франціи, съ тѣхъ поръ, какъ имя его сошло съ обертки Revue des deux mondes и замѣнилось именемъ г Марса (V. de Mars).

«Евгенія Онѣгина» знаютъ наизустъ даже полуграмотные русскіе люди, а кто помнитъ и знаетъ рецензіи и критики на это произведеніе, которыя бывало съ каждой новой главой, появлявшейся въ свѣтъ, кричали: «*Chute complète!* Это ли тотъ Пушкинъ, что написалъ «Кавказскаго Плѣнника?» и прочее.

— Все это мы очень хорошо знаемъ, могутъ мнѣ возразить мои литературные противники: — это не ново. Къ тому же, какъ сказалъ Гёте, «нѣтъ ничего въ мірѣ скучнѣе того, что всякій считаетъ себя обязаннымъ учить другихъ тому, что онъ самъ думаетъ знать».

Но я могу отвѣчать имъ на это словами же Гёте: «Обо всемъ разумномъ было уже передумано, почему же однако не попробовать снова подумать объ этомъ?»

Теперь я обращаюсь ко всѣмъ, даже къ моимъ литературнымъ противникамъ, съ слѣдующимъ искреннимъ словомъ:

«Произнесемте торжественно *Pereat!* всякой личной полемики, въ минуту новаго года.... Поднимемте наши бокалы за процвѣтаніе русской литературы вообще и за процвѣтаніе въ ней честной, здравой и умной критики, въ особенности! Вмѣстѣ съ этимъ новымъ годомъ:

Да здравствуетъ солнце! да здравствуетъ разумъ!...

Новый годъ передъ вами и говоритъ вамъ:

Пробилъ часъ!... Не скажу, чтобъ съ охотой
Въ міръ вступалъ я моею чредою....
Что́ головъ, убѣленныхъ заботой!
Сколько лицъ, омраченныхъ тоскою!
Благороднымъ проникнуты гнѣвомъ,
Пусть бы старцы глядѣли серьёзно....
Но пристало ли юношамъ, дѣвамъ
Сокрушаться и хмуриться грозно?...
Слышу всюду одинъ я вопросъ:
«Новый годъ! что́ ты міру принесъ?...»

Всколыхнется ли бурей полсвѣта,
Тишина ль процвѣтетъ надъ землею —
Все поглотитъ бездонная Лета,
Все законной пройдетъ чередою.
Настоящее станетъ прошедшимъ,
Но сойду ли я въ темное царство,
Какъ предшественникъ мой — сумасшедшимъ,
Окровавленнымъ, полнымъ коварства,
Или буду умнѣй и свѣтлѣй —
Эта тайна въ десницѣ моей!

Все на свѣтѣ старо, какъ могила,
Все ужь было и будетъ всегда:
Умъ и глупость, безсилье и сила,
Зависть, гнѣвъ, клевета и вражда;
Но на вѣкъ благородно и ново,
Никому надоѣсть не успѣло —
Вдохновенное, свѣтлое слово
И великое, честное дѣло....
Словъ такихъ, а особенно дѣлъ
Я побольше бы видѣть хотѣлъ!...

Но послѣ встрѣчи новаго года я еще на минуту долженъ обратиться къ старому и хоть бѣгло обозрѣть журнальныя произведенія его за послѣдній мѣсяцъ.

Начнемъ съ «Библіотеки для Чтенія. Этотъ журналъ doyen-d'âge въ русской журналистикѣ, или *доуенъ-довъ*, какъ переводилъ одинъ мой пріятель, котораго, впрочемъ, я имѣю деликатность не упрекать въ незнаніи французскаго языка.

Г. Дружининъ помѣстилъ въ «Библіотекѣ» очень умный и легко читающійся разсказъ подъ названіемъ: «Двѣ встрѣчи». Дѣло вотъ въ чемъ. Авторъ, проѣздомъ черезъ городокъ Н*, встрѣтилъ на станціи Надежду Петровну Алексѣеву, которая ѣхала въ свое имѣніе — Успенское... Это имѣніе почти рядомъ съ имѣніемъ автора, и онъ неоднократно въ своемъ дѣтствѣ игрывалъ въ этомъ Успенскомъ; которое въ недавнее время было куплено мужемъ Надежды Алексѣевны. Надежда Алексѣевна, высокая интересная брюнетка, лѣтъ двадцати шести, была кажется до этой встрѣчи вовсе не знакома съ авторомъ, но очень хорошо знала его сестру и родственниковъ. Пользуясь этимъ, онъ представляется ей.... Путешественникъ и путешественница должны остаться поневолѣ на станціи до слѣдующаго утра, потому что впереди чинится какой-то мостъ и ѣзда остановлена. Новые знакомые проводятъ одинъ изъ поэтическихъ, упоительныхъ вечеровъ, которые въ жизни такъ рѣдки. Они ѣдутъ осматривать пороги за городъ.... Надобно замѣтить, что это происходитъ въ прекрасный лѣтній вечеръ....

«Картина — говоритъ авторъ — передъ которой мы стояли съ На-«деждой Петровной, напоминала собой привлекательнѣйшіе пейзажи «Швейцаріи, хотя въ нѣсколько уменьшенномъ масштабѣ. По сторо-«намъ уступа, съ котораго валилась рѣка, съ клокотомъ, пѣною и «туманнымъ облакомъ сверхъ воды, стояли въ небольшомъ числѣ чи-«стые домики, мѣльницы и другія строенія, какія обыкновенно «строятся около тѣхъ мѣстъ, гдѣ можно воспользоваться силой воды «для торговыхъ цѣлей. Вѣроятно по причинѣ вѣчной влажности бе-«реговъ, растительность отличалась силой весьма замѣтною: деревья, «свѣсившіяся надъ водою, сады, рощицы по сторонамъ и кажется «даже дальній лѣсъ глядѣли какъ-то бодро и весело. Небо еще не «совсѣмъ померкло и двѣ зори свѣтились на небѣ, дивное и ни съ «чѣмъ несравненное освѣщеніе сѣверной ночи придавало всей сценѣ «ту особенность, которая могла бы поразить самого холоднаго, само-«го приглядѣвшагося къ природѣ человѣка. Глядя и восхищаясь, «карабкаясь по прибрежнымъ камнямъ и выбирая разные удобные «штандтпункты подъ деревьями, я однакоже не забывалъ моей спут-«ницы, — и надо отдать ей полную справедливость, въ этотъ вечеръ «она оказалась совершеннымъ сокровищемъ. Надежда Петровна, по «видимому, не имѣла особенной любви къ природѣ, ее тѣшила гораз-«до больше странность нашей прогулки, бесѣда передъ водопадомъ «съ полузнакомымъ молодымъ человѣкомъ, — но какъ бы то ни было,

«она понимала меня и сердечно радовалась тому, что доставила мнѣ «минуты чистаго удовольствія. Она не боялась промочить ноги, не «жаловалась на холодъ, съ участіемъ выслушала скучнѣйшую тираду «въ родѣ той, отъ которой вы меня сейчасъ удержали, безъ всякихъ «ужимокъ позволила мнѣ поцаловать свои руки, — почему мнѣ ихъ «пришлось поцаловать, этого я и самъ теперь не помню; — однимъ «словомъ удвоивала все мое наслажденіе въ этотъ счастливый вечеръ. «Нагулявшись до усталости, мы все-таки рѣшились дойти пѣшкомъ «до города, приказавши экипажу ѣхать за собою. Одна темнота, «соединенная съ непомѣрной слабостью вслѣдствіе непривычной ходь«бы, заставила насъ остановиться на полъ-дорогѣ, на томъ самомъ «мѣстѣ, гдѣ рѣка будто пропадала подъ ногами и гдѣ красивая до«лина превращалась въ ровную мѣстность, въ гладкое поле, заканчи«вающееся городскими зданіями. Все еще не желая садиться, мы «стали лицомъ къ лѣсу, глядя, какъ загарались огоньки въ двухъ-«трехъ домикахъ, расположенныхъ по близости пороговъ и еще не «совсѣмъ исчезнувшихъ отъ нашего взора. Надежда Петровна дру«жески облокотилась на мою руку и о чемъ-то думала, тихо улыба«ясь: мое настроеніе духа ее заразило. Она призналась, что никогда «еще этотъ, такъ знакомый пейзажъ, не казался ей такъ пріятенъ, «какъ въ настоящій вечеръ. И говоря это, она будто бы во что-то «вслушивалась. Я самъ сталъ вслушиваться, и мы заслушались оба. «Невидимая рѣка, еще недавно шумѣвшая по камнямъ и шумѣвшая «самымъ обыкновеннымъ образомъ, съ наступленіемъ темноты будто «перемѣнила интонацію, возвысила голосъ и подняла его какъ-то гроз«но и торжественно. Она какъ будто пѣла, то жалобно завывая, то «разсыпаясь грознымъ рокотомъ, то смолкнувъ на минуту и снова «разражаясь тонами самыми изумительными. Есть что-то высокое и «страшное въ шумѣ воды по камнямъ, если его слушаешь въ часъ «ночной, не видя самой воды, въ пустомъ и просторномъ мѣстѣ. «Шумъ этотъ, конечно, тотъ же что днемъ, но слухъ нашъ не тотъ— «неразвлеченный органомъ зрѣнія и ежеминутною перемѣною пред«метовъ, представлявшихся глазу при дневномъ свѣтѣ, мы всѣмъ сво«имъ существомъ погружаемся въ эту дивную гармонію, результатъ «которой всегда бываетъ одинъ — безотчетнаго и вмѣстѣ сладкаго «страха. Надежда Петровна вздрогнула первая и сказала, что ей «страшно, я хотѣлъ улыбнуться и самъ почувствовалъ легкій припа«докъ ужаса, и музыка раздраженной рѣки произвела на меня свое «дѣйствіе. Оправившись отъ этого невольного чувства, мы наконецъ «засмѣялись оба и сѣли въ пролетку совершенно довольные и поро«гами, и всей прогулкой.»

Пріѣхавъ въ свою деревню, авторъ не могъ наговориться о Надеждѣ Петровнѣ — и это очень натурально. Она все являлась ему въ ореолѣ этого розоваго, поэтическаго вечера. Наконецъ онъ отправляется въ нѣкоторомъ волненіи къ Надеждѣ Петровнѣ въ Успенское.... Онъ уже полувлюбленъ...- Можетъ быть отъ этого втораго

свиданія зависитъ его участь.... Онъ подъѣзжаетъ къ Покровскому — и что же?

«Дорога къ Успенской усадьбѣ казалась ему невыносимо долгою «именно оттого, что глазу не на чемъ было остановиться: все селе-«ніе сидѣло въ ямѣ, барскій домъ скрывался за садомъ, такимъ же «свѣтло-зеленымъ и жидкимъ, какъ въ старое время. Въ довершеніе «бѣдствій и утомленія, солнце, прорѣзавшись сквозь тучи, начало «грѣть тѣмъ сухимъ, болѣзненнымъ зноемъ, который вѣрнѣе всего «предвѣщаетъ дурную погоду. На краю поля, при бѣломъ, ослѣпи-«тельномъ его сіяніи, обозначился столбъ, расписанный бѣлымъ, «желтымъ и краснымъ колеромъ, на столбѣ красовалась дощечка съ «арабесками изъ тѣхъ же трехъ цвѣтовъ, надпись на доскѣ не пред-«вѣщала ничего добраго: на ней съ точностью обозначенъ былъ чинъ «господина Алексѣева, объемъ и населеніе сельца Успенскаго, даже «число десятинъ земли всего имѣнія. Помѣстье супруга Надежды «Петровны стояло въ сторонѣ отъ большой дороги, въ углу всего «уѣзда: попасть въ него могъ только человѣкъ, лично знавшій помѣ-«щика и имѣющій дѣло въ самомъ Успенскомъ....

...«Всѣ прекрасныя вещи, которыя собирался я расказать Надеждѣ «Петровнѣ улетѣли — говоритъ авторъ — изъ моей памяти. — Я будто «иссохъ нравственно. Только представьте себѣ, что домъ выкрашенъ «былъ темножолтою краскою, а ярко-красная крыша, расписанная съ «особымъ тщаніемъ, прикрывала это въ ужасъ приводящее зданіе! «Мало того, господа — сообразите еще одно обстоятельство: шаговъ «за сто отъ подъѣзда, дорога превращалась въ мостовую; на дворѣ «передъ домомъ не было ни цвѣтовъ, ни деревьевъ; дворъ выложенъ «былъ крупными камнями и между всѣмъ этимъ булыжникомъ кругами «пропробивалась трава, скорѣе похожая на мохъ, нежели на травку. «Самые плоскіе изъ камней, вытянутые въ одну узкую линію, на ма-«неръ прежнихъ московскихъ тротоаровъ, — прямой дорожкою вели «къ саду, обнесенному оградой изъ булыжника, съ воротами изъ того «же драгоцѣннаго матеріала. Такъ вотъ почему на успенскихъ по-«ляхъ нельзя было подсмотрѣть ни одного камешка!

«Скучныя размышленія и скучныя воспоминанія наконецъ прерва-«ны были приходомъ хозяина. Мы поздоровались и отрекомендова-«лись другъ другу. Василій Васильевичъ показался мнѣ человѣкомъ «лѣтъ сорока осьми, довольно красивымъ, крѣпкимъ и весьма холод-«нымъ — онъ носилъ какой-то кокъ старыхъ временъ и жолтыя ба-«кенбарды, кругло спускавшіяся почти до уголковъ рта. Видно было, «что онъ занялся тоалетомъ и надѣлъ фракъ по случаю моего пріѣз-«да, но все, что на немъ было надѣто, оказывалось узкимъ или ши-«рокимъ или страннымъ; галстухъ, между прочимъ, затянутый чрез-«вычайно туго, *безобразилъ лицо.*»

Къ довершенію всего, Надежда Петровна повела автора въ тощій садикъ, посадила его въ китайскомъ павильонѣ, который былъ вы-

строенъ на нарочно устроенной для сего насыпи и вела съ нимъ такой разговоръ:

«— Признайтесь, — мой Базиль (мужъ) вамъ не совсѣмъ понравился?»

«— Этого я не имѣю права сказать — былъ отвѣтъ — кажется «мнѣ однако, что мы едва ли сойдемся: натуры наши слишкомъ не-«сходны.

«— И все-таки я рекомендую его вамъ, какъ отличнаго чело-«вѣка.

«Я поклонился, ничего не сказавши.

«— И вы его полюбите,—продолжала Надежда Петровна,—полю-«бите, когда сойдетесь поближе.... хотя сойтись съ нимъ дѣло нелег-«кое. Онъ человѣкъ практическій, дѣятельный, положительный.

«Эти панегирики скучному Василью Васильевичу немного меня оза-«дачили.

«— Что же по вашему значитъ практическій человѣкъ? спросилъ «я Надежду Петровну.

«— Противоположность вамъ, вашей сестрѣ,—всѣмъ людямъ иде-«альнымъ и восторженнымъ.»

Когда авторъ спросилъ ее, зачѣмъ они живутъ въ такомъ скучномъ имѣніи, Надежда Петровна отвѣчала:

«— Ни мы, ни дѣти долго не будемъ жить въ этомъ краѣ,—Basi-«le продастъ Успенское, когда доведетъ его до хорошаго состоянія.»

«— И вамъ вовсе не будетъ жаль разстаться съ имѣніемъ, гдѣ вы «прожили нѣсколько лѣтъ вашей жизни?

«— Нимало, — мы уже продаемъ третье имѣніе.

«Такъ вотъ какого рода птица, Василій Васильевичъ! подумалъ я.

«— Не желаю я такой практичности, Наталья Петровна, сказалъ «я громко. Я по крайней мѣрѣ люблю свое имѣніе со всею силой «прочной привязанности; ѣду въ него съ радостью, живу тамъ сча-«стливо и прощаюсь съ нимъ черезъ силу....

«— Оттого, что вы фантазеръ, — опять сказала хозяйка.

«— Почему вы меня не называли фантазеромъ, когда мы стояли «у—скихъ пороговъ?

«— Потому, что около нихъ хорошо постоять два часа, — а трудиться и устроивать состояніе, есть дѣло всей жизни.»

Поэтическій ореолъ розоваго вечера, окружавшій Надежду Петровну, потухъ .. Въ Успенскомъ она явилась самой прозаической женщиной. Очарованіе автора исчезло, и онъ поспѣшилъ скорѣй отдѣлаться отъ хозяевъ Успенскаго, съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возвращаться къ нимъ.... Все это разсказано, какъ вѣроятно уже замѣтили наши читатели по приведеннымъ отрывкамъ, очень легко и мило и тѣмъ бойкимъ литературнымъ языкомъ, который составляетъ неотъемлемое достоинство г. Дружинина.... И кому не случалось въ жизни такъ обманываться, какъ обманулся авторъ «Двухъ встрѣчъ»? Подъ особенно-счастливымъ настроеніемъ духа и при

поэтической обстановкѣ мы придаемъ иногда самымъ посредственнымъ явленіямъ значеніе и цѣну которыхъ онѣ вовсе не имѣютъ? Кто не имѣетъ въ жизни — своей Надежды Петровны?

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» кончился романъ г. Михайлова: «Перелетныя птицы». Онъ, по нашему мнѣнію, послѣ *Адама Адамыча*, — самое удачное изъ произведеній г. Михайлова... Романъ этотъ имѣетъ нѣсколько *положительныхъ* достоинствъ и почти всѣ *отрицательныя*. Въ немъ нѣтъ ни особенной растянутости, ни натянутости, нѣтъ безвкусія, незамѣтно подражанія какому нибудь писателю (хотя нѣтъ и рѣзкой оригинальности), нѣтъ отсталости въ идеѣ и во взглядѣ на предметы.... Таковы его отрицательныя достоинства. Теперь обратимся къ достоинствамъ положительнымъ: въ «Перелетныхъ Птицахъ» виденъ талантъ, трудолюбіе и добросовѣстность.... Въ романѣ есть нѣсколько очень удачно подмѣченныхъ, вѣрно переданныхъ и до конца выдержанныхъ характеровъ, какъ напримѣръ, Мирвольскаго, обѣихъ актрисъ, Бушуева и Наруковича. Ко всему этому, романъ не лишенъ занимательности и написанъ безукоризненнымъ, прекраснымъ языкомъ. Того, что называется *слогомъ* г. Михайловъ еще не выработалъ себѣ.... Чтобы романъ этотъ могъ назваться замѣчательнымъ произведеніемъ, ему не достаетъ *немногаго*. Чего же именно?.... Въ немъ нѣтъ.... какъ бы сказать? свѣжести.... въ немъ мало жизни, — однимъ словомъ поэзіи, того необходимаго и животворнаго элемента, который, проходя незамѣтно черезъ все произведеніе и мѣстами вспыхивая болѣе или менѣе ярко, сообщаетъ ему теплоту и жизнь....

Достигнетъ ли до этого когда нибудь г. Михайловъ въ своихъ произведеніяхъ, или нѣтъ — рѣшить это трудно, но безъ этого элемента романы его, иль чьи бы то ни было, могутъ быть болѣе или менѣе занимательны, умны, вѣрны дѣйствительности, будутъ, какъ говорится, *читаться*, но никогда не возбудятъ сильнаго сочувствія, никогда лица такихъ романовъ не оставятъ на читателя впечатлѣніе живыхъ существъ, — слѣдовательно впечатлѣніе никогда не будетъ полно, глубоко и прочно....

Мы старались выяснить себѣ чувство несовершеннаго удовлетворенія, оставленное въ насъ умнымъ и прекрасно написаннымъ романомъ г. Михайлова, и результатъ нашихъ соображеній, откровенно высказываемъ здѣсь автору, отъ котораго публика вправѣ ожидать много хорошаго въ будущемъ.

Рядомъ съ романомъ г. Михайлова какъ то-неловко и странно встрѣчать неудачные литературные опыты, имѣющіе претензіи на анализъ, или на остроуміе, — повѣсти, отличающіеся отсутствіемъ литературнаго такта и такого рода остроуміемъ, которое не возбуждаетъ ничего въ образованномъ читателѣ, кромѣ состраданія....

Въ декабрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» множество стихотвореній. Лучшее изъ нихъ принадлежитъ г. Огареву. Это стихотвореніе, названное «Отрывкомъ изъ письма» и точно не заключающее

въ себѣ ничего цѣлаго, носитъ характеръ той задушевности, которою отличались прежнія произведенія этого поэта.... Въ доказательство мы приведемъ изъ него слѣдующую картину:

«И право, жаль, что никогда
Не доведется мнѣ лѣниво
Сидѣть на берегу пруда
Подъ старою плакучей ивой,
Глядѣть, какъ тихо съ высоты
Она зеленые листы,
Склоняя, медленно купаетъ....
Недвиженъ прудъ. Хоть бы слегка
Пронесся шелестъ вѣтерка....
И вечеръ ясно догораетъ,
Сливая мирно ночь и день
Въ одну задумчивую тѣнь —
И ловитъ чуткое вниманье
Мгновенныхъ звуковъ трепетанье
Надъ полусонною водой:
Шумъ крыльевъ птицы мимолетной
И подъ разбрызнутой волной
Плесканье рыбки беззаботной.»

Переводы изъ Байрона г. Грекова вовсе неудовлетворительны.... Чтобы переводить Байрона, надобно имѣть талантъ по крайней мѣрѣ — равной Лермантову; въ ожиданіи такого таланта лучше оставить Байрона въ покоѣ.... Стихи г. Яхонтова недурны: мѣстами отъ нихъ вѣетъ какъ бы поэзіей, есть въ нихъ очень хорошія картинки, но въ цѣломъ они не имѣютъ никакой выдержанности.

Изъ серьёзныхъ статей декабрьской книжки «Отечественныхъ Записокъ» надобно указать прежде всего на продолженіе превосходныхъ «Библіографическихъ отрывковъ». Въ третьей статьѣ: о Матвѣѣ Мѣховскомъ (Матвѣй изъ Мѣхова, польскій лѣтописецъ, составившій хронику: Chronica Polonorum a prima propagatione ab ortu Polonorum usque annum Christi 1504, изданной въ Краковѣ въ 1521 году) авторъ представляетъ его біографію, излагаетъ содержаніе сочиненія его «о двухъ сармаціяхъ» и упоминаетъ о разныхъ изданіяхъ и переводахъ этого сочиненія. Все это въ высшей степени любопытно.

Седьмая статья г. Забѣлина о «Домашнемъ бытѣ русскихъ царей прежняго времени» замѣчательна не менѣе первыхъ. Кто не отдастъ справедливости г. Забѣлину за его добросовѣстные и даровитые труды? Кто не оцѣнитъ важности этихъ трудовъ для русской исторіи? Кто не замѣтитъ эту умную и тщательную разработку историческихъ матеріаловъ?... Но.... не слишкомъ ли сухи такого рода статьи для журнала по преимуществу все-таки литературнаго? Это вопросъ, впрочемъ, уже вовсе не касающійся г. Забѣлина....

Въ трехъ нумерахъ «Москвитянина» (20, 21 и 22) помѣщена повѣсть, подъ заглавіемъ: «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Главныя дѣйствующія лица этой повѣсти слѣдующія: г. Напольный — ветеранъ двѣнадцатаго года, служащій по выборамъ, а потомъ городничій; Володя Леонидовъ — вѣтреный молодой человѣкъ; Алексѣй Петровичъ Раздуминъ — резонёръ и отставной гусарскій ротмистръ; Соня — бѣдная и добродѣтельная дѣвица; ея тетка — Клавдія Петровна; Вѣра Егоровна Кривская — свѣтская, лицемѣрная и бездушная кокетка. Этими лицами разыгрывается драма. Въ добродѣтельную дѣвицу влюблены ветеранъ, вѣтреный молодой человѣкъ и гусарскій резонёръ. Изъ нихъ двое — вѣтреный молодой человѣкъ и гусарскій резонёръ — влюблены также въ лицемѣрную вдову. Какимъ же это образомъ?... Я вамъ сейчасъ объясню, если угодно Володя Леонидовъ влюбился въ Соню и потомъ разлюбилъ ее, завлеченный сѣтями коварной вдовы; онъ признается объ этомъ Раздумину. Раздуминъ читаетъ ему длинную мораль и говоритъ, что непостоянство дурно и измѣнять своей страсти не годится. А впослѣдствіи познакомясь съ добродѣтельной дѣвицей и коварной вдовой, самъ сначала влюбляется въ первую, потомъ во вторую и, наконецъ, снова переходитъ къ первой.... видно резонировать легче, нежели примѣнять свои резонерства къ практикѣ! Напольный, единственное лицо повѣсти недурно задуманное, но слабо выполненное, отличается постоянствомъ въ любви. Онъ думаетъ любить Соню какъ отецъ, какъ другъ, и самъ сначала не подозрѣваетъ, что къ этой любви примѣшивается еще другая любовь — увы! — несвойственная его лѣтамъ. Онъ всѣмъ на свѣтѣ жертвуетъ Сонѣ, онъ не можетъ существовать безъ нея, онъ спасаетъ ее отъ нищеты, онъ ухаживаетъ за нею, какъ нянька за ребенкомъ, онъ перевозитъ ее къ себѣ, когда умираетъ ея тетка, онъ смотритъ на нее съ благоговѣніемъ, онъ вполнѣ счастливъ только въ ея присутствіе. Соня также любитъ его, какъ дочь, но не болѣе. Сначала она была влюблена въ вѣтренаго молодого человѣка, а потомъ влюбилась въ гусарскаго резонёра и вышла за него замужъ. Старикъ благословилъ ее на этотъ бракъ, но онъ не можетъ пережить разлуки съ своею Сонею и вскорѣ умираетъ, а вѣтреный молодой человѣкъ женится на коварной вдовѣ. Это содержаніе растянуто по крайней мѣрѣ на десяти печатныхъ листахъ и неловко связано различными приключеніями и похожденіями, ненужными путешествіями изъ Петербурга въ деревню и обратно, длинными, утомительными и стереотипными разсужденіями, жалобами, стонами и проч.

Разсказъ автора (М. В—а) изобличаетъ неопытность въ литературномъ дѣлѣ и совершенное неумѣнье связывать происшествія; языкъ разсказа вялъ, неправиленъ и крайне безцвѣтенъ; а мысли, описанія и выраженія устарѣлы до крайности. Чтобы не осуждать безъ доказательствъ, представимъ образчики этого языка, этихъ описаній и этихъ мыслей.

Описанія: «Прежде круглое, пухленькое, розовое ея личико, приняло теперь почти овальную форму и *лиліи на немъ раздружились съ розами.*

«Софья, укрытая до самой шеи бѣлымъ покрываломъ.... казалась въ этомъ видѣ младенцемъ, *безпечно уснувшимъ въ снѣговомъ сугробѣ...*»

«Въ сосѣдней рощѣ соловей заливался трелями, какъ бы славя «вечернюю прохладу послѣ знойнаго іюньскаго дня. Луна выглянула «изъ-за села, полная и ясная, какъ лицо сельской красавицы; вотъ «переплыла ужъ она и по полнебесью, и повстрѣчавшись съ выходящею «изъ-за горы денницею, *точно устыдилась простой красоты своей и* «*спряталась за густую березовую рощу.* Вотъ зашевелились и зачиликали въ травѣ кузнечики; рѣзвыя бабочки пустились въ погоню «*другъ за дружкой;* — послышался и давно замолкъ уже рожокъ пастуха.... и наконецъ жаркій лучъ полуденнаго солнца ударилъ прямо «въ непокрытую голову, ..» и проч.

Неправильности въ языкѣ: «*его* не то чтобы взволновала, а какъ-то особенно пріятно *впечатлила* необыкновенная граціозность ея племянницы....»

Авторъ называетъ разсказъ свой *не мудрымъ*, *но право задушевнымъ.* И это дѣйствительно справедливо.... въ немъ есть нѣкоторая задушевность; но одной задушевности недостаточно для сочиненія повѣстей. Чтобы познакомить читателей съ точкой зрѣнія автора, нельзя не выписать нѣсколько строкъ изъ сцены, въ которой *свѣтская* кокетка Кривская очаровываетъ и запутываетъ въ свои сѣти Раздумина. Какъ вы полагаете, къ какимъ средствамъ прибѣгаетъ эта *свѣтская* и *тонкая* кокетка?... къ лафиту и шампанскому!...

«Лафитъ изъ англійскаго магазина, которымъ онъ (Раздуминъ) любилъ иногда полакомиться, *лился*, по правиламъ знатоковъ, понемногу, яхонтовою струею *изъ рукъ прекрасной хозяйки въ роскошный, граненый стаканъ.* Потомъ *спросили* (т. е. онѣ,—хозяйка дома?) *бутылку* клико, *выпить за здоровье новаго друга....*» и прочее.

Эта же свѣтская кокетка употребляетъ въ письмѣ своемъ къ вѣтреному молодому человѣку такія фразы, которыя употребляются только въ дѣловыхъ канцелярскихъ бумагахъ, какъ напримѣръ:

«Ты по возвращеніи, можешь не иначе явиться ко мнѣ, какъ *испросивъ предварительно* моего позволенія.»

И письмо это оканчивается слѣдующею фразою: «Клянусь тебѣ самимъ тобою!»....

И такого рода повѣсти печатаются на первомъ планѣ въ первомъ отдѣлѣ, въ отдѣлѣ *изящной* словесности, тогда какъ превосходные, художественные разсказы С. Т. Аксакова являются на заднемъ планѣ, въ смѣси, напечатанные мелкимъ шрифтомъ. Вотъ что значатъ *журнальныя рубрики* и *рутина!*

Мы уже упоминали о двухъ разсказахъ (№ 20) г. Аксакова: «Охота съ острогою» и «Ловля шатромъ тетеревовъ» и сдѣлали выписку изъ одного изъ этихъ разсказовъ, но мы не можемъ еще разъ

не возвратиться снова къ этимъ превосходнымъ разсказамъ и не можемъ удержаться, чтобы не представить нашимъ читателямъ другую картину изъ разсказовъ о «Ловлѣ тетеревовъ»:

«.... Устроивъ все хорошенько и затрусивъ свои слѣды, дощечку и «веревку, на самой привадѣ мякиной, а около нея снѣгомъ — охот-«никъ съ товарищемъ садятся въ шалашъ затыкаютъ входъ изнутри «соломой и, притаяся смирно, дожидаются прилета тетеревовъ... «Долго тянется зимній разсвѣтъ и долго царствуетъ глубокая тиши-«на. Скучно и душно сидѣть въ темномъ шалашѣ. Наконецъ свѣтъ «проникаетъ въ его скважины, и на дворѣ наступаетъ *бѣлый день*, «какъ говорится:—послышатся карканье воронъ и щекотанье сорокъ; «потомъ *заскрипятъ* снигири и зазвенятъ пронзительно голоса зеленыхъ «и голубыхъ синицъ (бѣсковъ по-оренбургски), также привыкшихъ «кормиться около привады. Какъ, бывало, обрадуешься голосу жи-«вой твари. Но вотъ зардѣлся юго-востокъ, солнце взошло и готово «выкатиться изъ-за горы; наступило время прилета тетеревовъ на «приваду, которое, впрочемъ, иногда можетъ замедлиться отъ разныхъ «причинъ. Вдругъ прошумѣлъ сильный вѣтеръ... стая тетеревомъ «пронеслась надъ шалашемъ и разсѣлась около него по деревьямъ, а «если деревьевъ нѣтъ по близости (что случается на привадахъ поле-«выхъ съ первозимья) то по снѣгу: даже садятся иногда на шалашъ «и на шатеръ. Вотъ самая интересная минута! Видъ шатра такъ «иногда поражаетъ тетеревовъ, что они, посидѣвъ нѣсколько минутъ «на деревьяхъ или побродя по снѣгу около привады — вдругъ уле-«таютъ, какъ будто чѣмъ-то испуганные; иногда остаются довольно «долго, но не подходятъ подъ шатеръ; иногда подойдутъ два, три «тетерева (вѣроятно посмѣлѣе другихъ) и досыта наѣдятся, а всѣ «остальные или смотрятъ или клюютъ древесныя почки, точь въ точь «какъ это бываетъ съ первоначала, когда тетерева нейдутъ на при-«вады...»

Такъ вѣрно, тонко и поэтически возпроизводить природу можетъ только истинный художникъ!

Кстати о г. Аксаковѣ. Мы считаемъ не лишнимъ перепечатать здѣсь *нѣсколько словъ* его о статьѣ «Воспоминанія стараго *театрала*:

«Въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» напечата-«на очень интересная статья подъ названіемъ: «Воспоминанія стараго «театрала» Въ ней находятся между прочимъ, хотя не прямо выска-«занныя опроверженія моей статьи: «Яковъ Емельяновичъ Шуше-«ринъ», напечатаной въ Москвитянинѣ. Еслибъ въ «Воспоминаніяхъ «стараго театрала» выражалось только несогласіе съ моими мнѣніями «и негодованіе за мой ошибочный взглядъ, то я не сказалъ бы ни «одного слова, хотя бы могъ много сказать въ подтвержденіе моихъ «мнѣній. Доказывать, что такой-то актеръ былъ лучше или хуже та-«кого-то актера, тогда какъ прошло уже нѣсколько детятковъ лѣтъ «послѣ ихъ смерти — дѣло весьма затруднительное, не говоря уже

«о томъ, что это дѣло чисто вкуса и личныхъ понятій о театраль-
«номъ искусствѣ; а главное — такіе споры безполезны и скучны для
«читателя. Скажу только, что опровергая мои заключенія о достоин-
«ствѣ игры Шушерина и Плавильщикова, стараясь доказать, что
«Дмитревскій не могъ никого образовать (чего я и не говорилъ), го-
«сподинъ сочинитель своими собственными выводами какъ нельзя луч-
«ше доказываетъ, разумѣется, съ нѣкоторыми оттѣнками, что мои
«мнѣнія справедливы: еслибъ кто-нибудь рѣшился прочесть обѣ наши
«статьи послѣдовательно одну за другою, то я смѣю надѣяться, что
«онъ согласился бы со мною. Но въ «Воспоминаніяхъ стараго театра-
«ла» находится указаніе моихъ ошибокъ въ годахъ, и я спѣшу по-
«благодарить его за эти указанія. Я предполагаю, что онѣ вѣрны,
«потому что господинъ сочинитель, какъ самъ пишетъ, 46 лѣтъ ве-
«детъ ежедневныя записки. Я не стану извиняться тѣмъ, что писалъ
«на память, писалъ о слышанномъ мною отъ другихъ, я долженъ
«былъ прежде справиться, а потомъ печатать. Я сдѣлаю это теперь
«и, печатая собраніе моихъ воспоминаній, конечно, исправлю мои
«ошибки.

«Съ искреннимъ удовольствіемъ прочелъ я въ «Воспоминаніяхъ
«стараго театрала» все, что касается до князя А. А. Шаховскаго.
«Я сердечно обрадовался, что наконецъ нашелся человѣкъ, который
«по своему близкому и многолѣтнему знакомству съ княземъ Шахов-
«скимъ и съ его управленіемъ въ Петербургѣ тогдашнею репертуар-
«ною частью, имѣлъ право обличить клевету, которая такъ долго ле-
«жала на памяти нашего даровитаго писателя, принесшаго такъ много
«пользы сценическому искусству въ Россіи. Я самъ нѣсколько разъ
«хотѣлъ написать объ этомъ. Но я былъ коротко знакомъ съ княземъ
«Шаховскимъ только въ то время, когда онъ, оставилъ Петербургъ,
«переѣхалъ въ Москву и прожилъ въ ней нѣсколько лѣтъ сряду: въ
«эти года я видѣлся съ нимъ почти каждый день. Не смотря на
«прежнія мои предубѣжденія, я вполнѣ убѣдился, что князь Шахов-
«ской не способенъ былъ къ такимъ недостойнымъ поступкамъ, въ
«какихъ его обвиняли; но личное мнѣніе не доказательство. Я напи-
«салъ тогда статью о заслугахъ князя Шаховскаго, оказанныхъ дра-
«матической литературѣ и сценическому искусству, и напечаталъ ее
«въ Московскомъ Вѣстникѣ, который издавался тогда М. П. Пого-
«динымъ; но въ которомъ это было году и какъ называлась моя
«статья — рѣшительно не помню. Помню только, что князь Шахов-
«ской былъ ею не совсѣмъ доволенъ и сказалъ кому-то, что ожидалъ
«отъ моей дружбы болѣе горячаго заступленія. Это послѣднее слово
«доказываетъ, чего желалъ князь Шаховской, и до чего касаться я
«считалъ себя не въ правѣ. Очень будетъ жаль, если господинъ со-
«чинитель «Воспоминаній стараго театрала», не напишетъ о князѣ
«Шаховскомъ всего того, что̀ ему было такъ хорошо извѣстно. Лич-
«ность князя Шаховскаго, его живость, веселость, забавное и безо-
«бидное остроуміе, его дѣтское притязаніе на хитрость, его незабвен-

«ныя репетиціи, на которыхъ онъ предавался вполнѣ своей горячей «любви къ театру, сопровождаемыя безчисленными, самыми комическими анекдотами — представляютъ богатое и благородное поле для «біографа.

«Въ заключеніе скажу: неужели нельзя, опровергая чьи-нибудь «мнѣнія, обойдтись безъ такихъ выраженій и такого тона, какой слышится, напримѣръ, на ст. 117 «Воспоминаній стараго театрала»?

Вотъ истинный образецъ благородной полемики!

Въ Смѣси 21 № «Москвитянина» очень любопытна статья «Воспоминанія учителя» (М. К.). Мы приведемъ изъ нея то, что г. М. К. говоритъ о своемъ ученикѣ Гоголѣ:

«Что вамъ сказать о Гоголѣ?

«Какъ теперь вижу этого бѣлокураго мальчика въ сѣромъ суконномъ сюртучкѣ, съ длинными волосами, рѣдко разчесанными, молчаливаго, какъ будто затаившаго что-то въ своей душѣ, съ лѣнивымъ «взглядомъ, съ довольно неуклюжею походкою, и никогда незнавшаго «латынскаго урока. Онъ учился у меня три года, и ничему не научился какъ только переводить первый параграфъ изъ хрестоматіи «при латынской грамматикѣ Кошанскаго: Universus mundus plerumque «distribuitur in duas partes, coelum et terram. Не одинъ онъ былъ «такой лѣнивый къ латинскому языку; было еще нѣсколько такихъ, «и каждаго изъ нихъ я иначе не звалъ, какъ — Universus mundus. «Ну-тка ты, Universus mundus, скажи свой урокъ.» — Мъгъ ли я тогда думать, что этотъ бѣлокурый, молодой Universus mundus, будетъ «нашимъ первокласнымъ писателемъ?...

«Во время лекціи Гоголь всегда-бывало подъ скамьею держитъ какую нибудь книгу и читаетъ, не обращая вниманія ни на coelum, «ни на terram. Принудительныхъ средствъ у меня не было никакихъ, «кромѣ аттестаціи въ мѣсячной вѣдомости. Я писалъ нули да единицы, а Гоголь три года все оставался на латынскомъ синтаксисѣ, и «дальше Корнелія-Непота не заходилъ въ латынскую словесность, — «съ этимъ и кончилъ курсъ. — Надобно признаться, что не только «у меня, но и у другихъ товарищей моихъ, онъ, право, ничему не «научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической «формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою, «и ежели правду сказать, не хотѣвшій или не умѣвшій признаться «школѣ. Между тогдашними наставниками Гоголя были такіе, которые могли бы приголубить и прилелѣять этотъ талантъ, но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ: Гоголя знали только «какъ лѣниваго, хотя повидимому *не бездарнаго* юношу, который не «потрудился даже научиться русскому правописанію. — Жаль, что «не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть и къ лучшему.

«Вотъ что достойно замѣчанія: будучи лѣнивцемъ, Гоголь въ тоже «время былъ самымъ благонравнымъ юношею, и велъ себя всегда благородно. Хотя вообще уже принято въ школахъ: ставя ученику

«худой шаръ за ученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшать шары и въ по-«веденіи — вѣроятно на томъ основаніи, что лѣность есть нравствен-«ный порокъ; но Гоголь былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ: *еди-«ница*, или даже *нуль* въ ученіи и *пять* въ поведеніи!

«Живо я помню представленіе *Митрофанушки-Недоросля* на гимна-«зическомъ театрѣ. Гоголь игралъ *Еремѣевну;* хохотали до слезъ, и «не подозрѣвали, что эта Еремѣевна уже, можетъ быть, обдумывала «своего Ревизора.

«Окончивши курсъ въ 1828, Гоголь прежде всѣхъ товарищей сво-«ихъ, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу «его въ свѣтлокоричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были «какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка «почиталась тогда nec plus ultra молодаго щегольства; и Гоголь, «идучи по гимназіи, безпрестанно обѣими руками, какъ будто нена-«рочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку.

«Въ заключеніе моихъ воспоминаній о Гоголѣ скажу, что онъ впо-«слѣдствіи времени имѣлъ сильное сознаніе своего таланта, и кажется, «такое же сознаніе недостаточности своего научнаго образованія. Въ «1834 году его пригласили адъюнктъ-профессоромъ Исторіи въ Кіев-«скій Университетъ, но онъ отказался.... потому что приглашали не «прямо въ ординарные профессоры! — Вотъ, что я слышалъ отъ «лица, уполномоченнаго пригласить Гоголя адъюнктомъ въ Кіевъ. «Зимою 1834 года въ Министерствѣ приготовляли уставъ и штаты «для Университета св. Владимира и заботились о пріисканіи настав-«никовъ. Воспитанники профессорскаго института тогда еще не воз-«вратились изъ ученаго путешествія по Европѣ, — нужно было за-«пастись домашними средствами. Для всѣхъ каѳедръ были уже въ «виду достойные кандидаты, только для русской Исторіи не было «человѣка. Начальство само вспомнило о Гоголѣ, и предложило лицу «уполномоченному познакомиться съ нимъ и пригласить его на ка-«ѳедру адъюнкта. Гоголю тогда было не болѣе 26 лѣтъ. Пришедши «къ лицу, пригласившему его, онъ съ перваго слова очаровалъ его «своимъ умнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ. Къ концу бесѣды «Гоголю было объявлено, чтобъ онъ принесъ свои документы и про-«шеніе. — Чрезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаро-«валъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни просьбы не при-«несъ. Когда ему за третьимъ разомъ напомнили объ этомъ, онъ не «безъ нѣкотораго замѣшательства вынулъ изъ боковаго кармана, и «подалъ свой аттестатъ объ окончаніи курса гимназіи высшихъ наукъ «съ правомъ на чинъ XIV класса, и прошеніе объ опредѣленіи его «ординарнымъ профессоромъ!

«— Знаете ли, что? отвѣчали ему: васъ нельзя вдругъ опредѣлить «ординарнымъ при этомъ аттестатѣ; согласитесь сперва въ адъюнкты.

«Гоголь долго упрямился, не соглашался; дѣло дошло до Министра, «который и съ своей стороны приказалъ объявить молодому писа-«телю, что онъ охотно опредѣлитъ его адъюнктомъ. Но Гоголь не

«согласился, и дѣло разстроилось. — Не далѣе года послѣ того онъ «поступилъ адъюнктомъ въ Петербургскій Университетъ....»

Вообще «Воспоминанія» г. М. К. читаются съ удовольствіемъ, потому что переданы просто и проникнуты самымъ искреннимъ добродушіемъ и теплотою.

Вотъ все, что мы замѣтили въ послѣднихъ нумерахъ нашихъ журналовъ за 1854 годъ.

Простившись съ этимъ годомъ и обращаясь къ новому, я искренно желаю моимъ литературнымъ противникамъ, чтобы они были счастливѣе въ этомъ году по части *изящной* словесности, а моимъ литературнымъ друзьямъ, чтобы они писали болѣе, и чтобы имена ихъ чаще появлялись въ журналахъ къ удовольствію читателей и къ украшенію журнальной литературы!...

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Гриппъ въ Парижѣ. — Потребность скандала. — Пьеса Латура и нервическій припадокъ Рашели. — Концертъ Берліоза. — Гастрономическій комитетъ. — Индѣйскій набабъ. — Положеніе коммерческихъ дѣлъ. — Виды на академическія кресла. — Парижскіе театры. — Продажа книгъ и картинъ. — Значеніе Ренара въ искусствѣ одѣвать человѣчество. — Новое оружіе и *револьверы* Кольта. — Праздничная скука въ Лондонѣ. — Англійская передѣлка «Мертвыхъ Душъ» Гоголя. — Poly-Harmonicon. — Книга Каппельманса. — Новости по части наукъ. — Подвигъ лейтенанта Жерара. — Новый опытъ искуснаго плутовства.

Въ началѣ декабря Парижъ страдалъ гриппомъ и былъ отъ того постоянно не въ духѣ. Свѣтало по утрамъ очень поздно, гораздо спустя послѣ восхожденія солнца; туманъ со стороны Ла-Манша появлялся съ удивительнымъ постоянствомъ и соединялъ атмосферу двухъ союзныхъ націй въ одну общую сырую, леденящую массу, которая хватала за горло людей, одаренныхъ и самымъ лучшимъ и самымъ посредственнымъ голосомъ, которая навѣвала насморкъ и кашель на самыя полезныя и самыя безполезныя парижскія личности, которая безчеловѣчно искажала театральные аффиши и репертуары, перебивала придворные церемоніалы, порождала новыя политическія убѣжденія, по поводу болѣзни того или другого дипломата и министра — и натѣшившись вдоволь на одинъ день, улетала по ту сторону пролива, съ тѣмъ, чтобы возвратиться на-завтра.

Но несмотря на атмосферическія непріятности, на преобладаніе политическихъ разговоровъ, не смотря на фотографическіе портреты, развѣшенные по угламъ каждаго дома, не смотря на пошлые водевили, фортепьянную игру, на потишиманію — не смотря на всѣ эти бичи столичной жизни, Парижъ довольно терпѣливо ожидалъ появленія зимняго солнышка, чтобы обновиться и повеселѣть къ новому году.

Впрочемъ немного нужно Парижу, чтобы вызвать пріятную улыбку на лица своихъ гражданъ. Одинъ изъ французскихъ фельетонистовъ говоритъ отъ души, что еслибы ему привелось быть во Франціи министромъ, то онъ мастерски управлялъ бы государствомъ, вводилъ бы новые учрежденія и законы, представлялъ бы проекты новыхъ займовъ, требованія новыхъ расходовъ, усиленныхъ наборовъ войскъ, даже производилъ бы, для разнообразія, маленькіе государственные кризисы — все это съ единственнымъ условіемъ удовлетворять первой насущной потребности парижскаго населенія, потребности невинной, непритязательной, потребности *легкаго скандала*.

Къ счастію парижанъ, потребность эта постоянно находитъ себѣ удовлетвореніе, и личности въ родѣ Крувелли пріятно развлекаютъ умы, утомленные разговорами о войнѣ и возвышающейся дороговизнѣ припасовъ.

Послѣ примиренія своенравной *diva* съ парижскою публикою, примиренія совершавшагося также не безъ легкаго скандала, На Французскомъ театрѣ случилось происшествіе другого рода. Давали въ первый разъ трагедію «Розомонда» г. Латура. Пьеса эта не имѣла успѣха и причину тому приписываютъ ея сюжету, который вовсе не привлекателенъ.

Розомонда, дочь Куннмонда, царя Гепидовъ, котораго Альбоинъ разбилъ и умертвилъ въ 567 году, принуждена была выйдти замужъ за побѣдителя. Альбоинъ заставлялъ ее пить изъ черепа ея отца, изъ черепа, который онъ употреблялъ вмѣсто кубка, и этимъ такъ вооружилъ противъ себя жену, что она велѣла Перидею убить его.

Г-ну Латуру показалось мало этихъ ужасовъ, и онъ прибавилъ къ нимъ два отравленія ядомъ, съ ужасными предсмертными конвульсіями, выбросилъ даже на глаза зрителю окровавленный трупъ самого Альбоина.

Всѣ эти подробности и тонъ пьесы произвели на публику непріятное впечатлѣніе, котораго не могъ разсѣять никакой поэтическій талантъ. Театральная зала, наполненная избраннымъ парижскимъ обществомъ, сохраняла мрачное молчаніе. M-lle Рашель съ усиліемъ боролась за успѣхъ этого произведенія и, дѣйствительно, побѣдила всѣ трудности, впрочемъ, не безъ пожертвованій....

Что особенно хорошо было исполнено при представленіи Розомонды, это декоративная часть. Сцена представляла богатое собраніе мебели, костюмовъ, статуй, рѣзныхъ украшеній въ византійскомъ вкусѣ. За всѣмъ тѣмъ, пріемъ, сдѣланный публикою, если и не былъ прямо неблагопріятенъ, то все-таки отличался холодностью. Рашель, пріученная къ болѣе лестнымъ пріемамъ, когда ей случается играть, была этимъ оскорблена и разстроена. Ея необыкновенный органъ, одинъ изъ великихъ даровъ ея, не выдерживалъ трудностей дикціи, и такъ какъ публика лишена была здѣсь преимущества знать наизусть всю пьесу, подобно пьесамъ классическаго репертуара, то много стиховъ, не довольно внятно произнесенныхъ, ускользнуло отъ ея

слуха. Дѣло въ томъ, что m-lle Рашель не только была предубѣждена противъ своей роли и противъ равнодушной публики, но дѣйствительно была больна. Припадокъ обнаружился съ нею по окончаніи пьесы, когда она, едва держась на ногахъ, вошла къ себѣ въ ложу.

Обитый бѣлымъ атласомъ будуаръ, который находится передъ ложей, наполнился дюжиною друзей знаменитой артистки. Лишь только она завидѣла ихъ на порогѣ, какъ вскричала:

— Кто всѣ эти черные люди?... похоронить, что ли, хотятъ они меня?... Подите прочь, подите прочь!...

И пройдя мимо ихъ, какъ бы въ испугѣ, она заперлась въ ложѣ, вмѣстѣ съ матерью и сестрою Сарой.

Когда этотъ испугъ прошелъ, съ нею обнаружился родъ нервическаго припадка. Измученная, изнуренная, со слезами на глазахъ, она объявила г. Арсенію Гуссэ, что не будетъ болѣе играть, что она чувствуетъ себя совершенно изнеможенною, что ей всего нужнѣе отдохновеніе, спокойствіе, что она отказывается отъ всего, отъ роли Розамонды, «Царицы», отъ своихъ путешествій.... Въ этомъ положеніи ее посадили въ карету. На другой день припадокъ еще не прошелъ, и она сохраняла свое намѣреніе отказаться отъ театра. Еще черезъ день нашлись люди, которые стали ее уговаривать, убѣждать не оставлять театра. Г. Латуръ, пользуясь какимъ-то покровительствомъ при дворѣ, успѣлъ даже возвратить артистку къ ея обычному благоразумію; она обѣщала ему еще разъ сыграть Розамонду.

Мы говорили уже о намѣреніи Берліоза дать духовный концертъ въ Парижѣ. Концертъ этотъ, по отзывамъ журналовъ, удался, то-есть знаменитому композитору пришлось поплатиться изъ своего кармана меньшею суммою, нежели онъ ожидалъ. «Все предвѣщаетъ, писалъ Берліозъ, наканунѣ концерта, одному изъ своихъ друзей—все предвѣщаетъ, что у меня будетъ прекрасный сборъ — я не понесу убытка болѣе какой нибудь тысячи франковъ.» И подобное предположеніе не было вызвано ни минутною раздражительностію, ни особенными неудачами — это было прямымъ слѣдствіемъ опытности и знанія музыкальныхъ наклонностей Парижа. Раздавая роли своимъ артистамъ по внушеніямъ разсчета на барышъ и угрожая имъ судебнымъ обвиненіемъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законы изящнаго не допускали бы, повидимому, никакой аппеляціи, Парижъ мало заботится о содѣйствіи такимъ предпріятіямъ, которыя безъ всякой мысли о прибыли, развиваются съ безкорыстною эстетическою цѣлію.

По отзывамъ самихъ же французовъ, ни въ общественныхъ учрежденіяхъ, ни въ частныхъ домахъ, въ Парижѣ, человѣку съ такою громадною извѣстностію какъ у Берліоза, нѣтъ средствъ исполнить новое произведеніе, не поплатившись жестоко и большими и маленькими суммами, такъ-что, по причинѣ множества репетицій, требующихся для новаго сочиненія, предполагаемый сборъ поглощается самыми существенными расходами, которые оставались бы неудовлетворенными, если бы самъ композиторъ не соглашался принять убыт-

ки на себя. Оркестръ консерваторіи оказывается въ этомъ случаѣ самымъ ненадежнымъ сотрудникомъ, и достоинства его обыкновенно подвергаются самымъ горячимъ оспариваніямъ. Неизвѣстный кропатель музыки и знаменитый композиторъ, если желаютъ, чтобы произведенія ихъ исполнялись, должны платить за все безъ исключенія; такъ, что превосходная лирико-религіозная драма, которую Берліозъ далъ въ залѣ Герца, стоила ему отъ четырехъ до пяти тысячъ франковъ, считая копировку партицій, репетиціи, плату за залу, и т. д. Неужели въ Парижѣ дѣйствительнымъ успѣхомъ (разумѣя успѣхъ денежный) можетъ пользоваться лишь второстепенный или третьестепенный артистъ, какой нибудь музыкальный акробатъ, фарсёръ или шарлатанъ? Это мнѣніе самихъ же французовъ. Берліозъ самъ обработалъ поэтическую часть своей священной трилогіи: сонъ Ирода, бѣгство въ Египетъ, прибытіе въ Саисъ. Дѣйствующими лицами служатъ самъ Иродъ, его приближенные и центуріоны, святой Іосифъ, дѣва Марія, хоры левитовъ, ангеловъ и пр. Композиторъ умѣлъ соединить въ этомъ задушевномъ и блестящемъ твореніи достоинства, свойственныя разнымъ родамъ музыки: ораторіи, симфоніи, лирической драмѣ; онъ воспроизводитъ свою идею въ самой привлекательной, поразительной, возвышенной формѣ.

«Дѣтство Христа» должно было исполняться еще 24 декабря. За тѣмъ Берліозъ отправится въ Германію, гдѣ не знаютъ еще, какое торжество готовится любителямъ музыки въ новомъ произведеніи композитора.

Въ оперныхъ балахъ произошелъ важный переворотъ. Они уже выходятъ изъ-подъ распоряженія общества, въ которомъ участникомъ былъ знаменитый Мюзаръ; новый конкуррентъ получилъ ихъ въ свое завѣдываніе, заплативъ за это право нѣсколько дороже другихъ. Его зовутъ Штраусъ; онъ родомъ изъ Страсбурга и, пользуясь сходствомъ именъ съ знаменитымъ вѣнскимъ Штраусомъ, со смертію котораго бальная музыка впала въ совершенную бездарность, онъ сдѣлался сначала капельмейстеромъ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ оркестровъ, а потомъ взялъ въ свое управленіе и оркестръ оперныхъ баловъ. Однако французамъ жаль разстаться съ Мюзаромъ, подъ музыку котораго проплясало цѣлое поколѣніе, который видѣлъ первые успѣхи на паркетѣ нынѣшнихъ бальныхъ ветерановъ и инвалидовъ, и который прослѣдилъ всѣ періоды развитія танцовальнаго искусства въ XIX вѣкѣ, начиная чопорными менуэтами, затѣйливыми кадрилями, мазурками, вальсами à trois temps, à deux temps, и оканчивая польками, редовами, шоттишами и бѣшеными вальсами, безъ малѣйшихъ признаковъ темпа. Мюзаръ удаляется, по слухамъ, на Итальянскій театръ, и тамъ вѣроятно получитъ должное вознагражденіе со стороны публики за свои многолѣтніе труды для увеселенія человѣчества.

Въ Парижѣ, на площади Пале-Ройяля, на пространствѣ, идущемъ до улицы Пѣтуха (rue du Coq) съ одной стороны и улицъ Сентъ-

Оноре и Риволи съ другой, устроенъ огромный отель на 1200 кроватей. Для управленія этимъ колоссальнымъ зданіемъ искали способнаго человѣка по всей Европѣ и думали адресоваться въ Америку, отечество колоссальныхъ коммерческихъ предпріятій; наконецъ компанія, управляющая новымъ титаническимъ зданіемъ, напала на одного изъ артистовъ трактирнаго дѣла, г. Нуелленса, владѣльца отеля того же имени въ Ахенѣ. Этотъ знаменитый спеціалистъ по части успокоенія усталыхъ членовъ и наполненія пустыхъ желудковъ прибылъ въ Парижъ по приглашенію комитета, и дѣло все было подвергнуто самому зрѣлому обсужденію. Г. Нуелленсу предложили въ обезпеченіе сумму около ста-тысячъ франковъ ежегодно, что̀ не покажется вовсе удивительнымъ, если вспомнимъ, что онъ теперь навѣрное выручаетъ половину этой суммы отъ заведенія своего въ Ахенѣ. Дѣло не сладилось, хотя коммиссія и отдавала полную справедливость глубокимъ познаніямъ и опытности ахенскаго ресторатора. Не сошлись, кажется, вслѣдствіе неустойки, уплаты которой требовалъ Нуелленсъ за то, чтобы прекратить дѣла въ Ахенѣ. Такимъ образомъ, судьба громаднаго отеля, выстроеннаго на славу, названнаго *Луврскимъ отелемъ* и приводящаго своими размѣрами въ ужасъ самихъ строителей и директоровъ учрежденія, — еще не рѣшена.

Въ ожиданіи того, пока антрепренёры Луврскаго отеля перестанутъ пугаться его колоссальности и пока парижская и пріѣзжая публика начнутъ собираться туда и сорить тамъ деньгами, въ Парижѣ занимаются все еще однимъ индѣйскимъ набобомъ, который подобно героямъ Дюма поставилъ себѣ пріятною задачей въ жизни сыпать и швырять деньги направо и налѣво.

Этотъ магараджа прибылъ въ Бордо въ половинѣ ноября, а въ Парижѣ онъ съ первыхъ чиселъ декабря. Разумѣется, молва предшествовала ему на пути въ столицу Франціи и окружала личность его такимъ же ореоломъ, какъ личность новаго Монте-Кристо.

Въ Бордо, по случаю пасмурной погоды, набобъ снабдилъ всѣхъ проходящихъ зонтиками. Это обошлось ему всего четыре-пять тысячъ франковъ—сумма ничтожная для человѣка, который привезъ съ собой банковыхъ билетовъ на двѣнадцать милліоновъ франковъ. Говорятъ еще, что въ одномъ изъ театровъ онъ роздалъ фуражки всѣмъ зрителямъ, которыхъ нашелъ съ непокрытыми головами и которыхъ потому счелъ совершенными бѣдняками. Пріѣздъ набоба въ Парижъ сопровождался подобными же выходками. Въ одномъ изъ ресторановъ въ кварталѣ Одеона, онъ приказалъ подать всѣмъ посѣтителямъ по порціи блюда на выборъ и по бутылкѣ самаго лучшаго вина. На другой день онъ нанялъ квартиру на Монмартскомъ бульварѣ, противъ новощичьей биржи, и приглашалъ всѣхъ мало-мальски молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ брать экипажи и разъѣзжать по городу на его счетъ. Наконецъ онъ отправлялся на площадь Бастиліи съ сотнями пальто, плащей, тальмъ и шинелей, сложенныхъ въ каретѣ и по мѣрѣ того, какъ замѣчалъ какого нибудь ремесленника, одѣтаго слишкомъ

легко по времени года, онъ посылалъ ему ту или другую принадлежность туалета, избѣгая всякихъ объясненій во избѣжаніе скандала. Въ оперѣ разсказывали, что набобъ намѣренъ нанимать поочереди всѣ театры, съ тѣмъ, чтобы пускать туда публику даромъ. Все это, по общему мнѣнію, скоро нанесетъ чувствительный ударъ даже такому полному кошельку, каковъ кошелекъ набоба и, вѣроятно, безъ защиты отъ полицейскихъ властей, магараджа подвергнется самымъ жаркимъ нападеніямъ со стороны паразитовъ и зѣвакъ. Во всякомъ случаѣ зонтики, фуражки, извощичьи кареты и червонцы, разсыпанные по улицамъ Парижа, пріобрѣтутъ набобу необыкновенную популярность и хотя въ нѣкоторой степени поддержатъ заснувшую дѣятельность модныхъ магазиновъ, портныхъ и банкировъ.

Въ самомъ дѣлѣ, торговлѣ Парижа нужны хотя какіе нибудь толчки, потому что она не выходитъ изъ состоянія застоя и возбуждаетъ нескончаемыя жалобы. Въ декабрѣ въ коммерческихъ дѣлахъ замѣчалось, правда, нѣкотораго рода волненіе, которое нельзя было, конечно, принимать за признакъ серьёзной дѣятельности, но которое все-таки доказывало по крайней мѣрѣ, что торговля при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ готова выйдти изъ летаргіи. Возвышеніе курсовъ на общественные фонды на биржѣ заставило нѣкоторыхъ промышленниковъ войдти въ такія предпріятія, которыя они отлагали въ теченіе многихъ мѣсяцовъ. Многіе рѣшились сдѣлать закупки въ разницу и даже самыя фабрики испытали на себѣ вліяніе такого оборота дѣлъ. Торговля теперь болѣе чѣмъ когда нибудь находится въ прямой зависимости отъ биржевыхъ операцій. Когда общественные фонды понижаются и когда капиталисты терпятъ убытокъ на всѣхъ тѣхъ суммахъ, которыя находятся въ ихъ рукахъ, они не могутъ поддерживать коммерческія предпріятія, и если у нихъ остаются еще свободные фонды, они употребляютъ ихъ на покупку дешевыхъ облигацій.

Когда же, напротивъ того, биржевые курсы возвышаются и когда векселя могутъ продаваться съ барышемъ, деньги появляются въ большемъ изобиліи, и коммерческія сдѣлки производятся гораздо легче: Впрочемъ, дороговизна на съѣстные припасы служитъ важнымъ препятствіемъ къ замѣтному оживленію дѣлъ и опытные люди ожидаютъ, что начало года будетъ совершенно безплодно для коммерческихъ предпріятій.

Неблагопріятные виды въ будущемъ парализировали всякую предпріимчивость и магазины не спѣшили запасаться всѣмъ необходимымъ къ Новому году. Жалобы, которыя возникаютъ постоянно при наступленіи поры подарковъ и усиленныхъ расходовъ, не мѣшали однако подчиняться обычаю, который служитъ источникомъ дѣятельности въ магазинахъ и на фабрикахъ. Но въ нынѣшнемъ году для весьма многихъ будетъ совершенно невозможно дозволять себѣ даже обыкновенные расходы. Семейства, которыхъ денежные способы не измѣнялись уже въ теченіе многихъ лѣтъ, видятъ однако, что самыя насущныя потребности ихъ возрастаютъ; они чрезвычайно этимъ затрудняются, и

обычай дѣлать подарки въ день Новаго года, конечно, подчинился вліянію подобныхъ обстоятельствъ.

За всѣмъ тѣмъ вывозъ мануфактурныхъ произведеній съ нѣкотораго времени нѣсколько оживился. Фабрики видѣли въ своихъ стѣнахъ голландскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ коммиссіонеровъ. Коммиссіонеры эти еще не дѣлали значительныхъ заказовъ, но по крайней мѣрѣ требовали образцовъ издѣлій. Въ особенности испанцы кажутся расположенными дѣлать покупки съ тѣхъ поръ, какъ политическое положеніе ихъ отечества постепенно устанавливается. Но Англія все еще не являетъ признаковъ жизни; состояніе ея мануфактуръ еще печальнѣе, нежели мануфактуръ французскихъ. Запасы фабричныхъ произведеній, будучи чрезвычайно значительны, не позволяютъ продолжать работу, подъ опасеніемъ перейдти далеко за черту потребности, и потому оказалось необходимымъ сократить рабочіе часы въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Лидсѣ, Брадфордѣ и во всѣхъ промышленныхъ округахъ. Впрочемъ, послѣднія извѣстія изъ Лондона говорятъ о замѣтномъ оживленіи дѣлъ во всѣхъ этихъ пунктахъ. Соединенные Штаты также не вышли еще изъ состоянія кризиса, продолжающагося нѣсколько мѣсяцовъ; покупки, сдѣланныя ими на французскихъ фабрикахъ, были исключеніемъ, и теперь они будутъ набирать французскіе товары не ранѣе какъ къ веснѣ.

Розничная продажа въ модныхъ магазинахъ, бывшая довольно удовлетворительною до половины ноября, потомъ остановилась, лишь только всѣ предметы для зимы были закуплены; движеніе дѣлъ стало снова вяло. Магазины выпустили часть товаровъ и до сихъ поръ еще не возобновляли своихъ запасовъ, такъ что главныя торговыя депо и мануфактуры только въ слабой степени почувствовали принужденную живость розничной торговли.

Зерновой хлѣбъ значительно понизился въ цѣнѣ на парижской биржѣ, послѣ изданія закона о запрещеніи вывозить хлѣбъ и муку, и это измѣненіе сдѣлалось бы еще чувствительнѣе, если бы высокія цѣны не поддерживались упорно на бóльшей части рынковъ въ департаментахъ.

Изъ различныхъ извѣстій, приходящихъ въ Парижъ, оказывается, что урожаевъ ржи, пшеницы и овса во Франціи и Алжиріи было бы достаточно для внутренняго продовольствія государства, если бы скудные сборы картофеля и нѣкоторыхъ маслянистыхъ зеренъ не заставляли дѣлать закупки за границей. По письмамъ изъ Гамбурга и Лондона, тамъ скупается хлѣбъ въ значительномъ количествѣ для составленія продовольственныхъ запасовъ на зиму.

Разность между цѣнами на нѣкоторые главные товары, существовавшими въ началѣ минувшаго декабря и тѣми, которыя состоялись въ декабрѣ 1853 года, очень значительна. Такимъ образомъ, мѣшокъ муки высшаго сорта, который продавался въ Парижѣ въ 1853 году за 101 франкъ, теперь стоитъ отъ 82 до 83 франковъ; 100 килограммовъ свѣжаго сала съ парижскихъ боенъ продавались въ 1853 году за

64 франка; нынче за нихъ должно платить 80 франковъ. Хлопчатая бумага стоила прежде въ Гаврѣ 96 франковъ; теперь за нее платятъ 82 франка. Чугунъ, продававшійся за 160 франковъ, нынче стоитъ 155 франковъ.

Отъ сомнѣній и недоразумѣній въ дѣлахъ торговли перейдемъ къ сомнѣніямъ по части наукъ, если только Французская Академія и науки имѣютъ между собою много общаго.

Во Французской Академіи два вакантныхъ кресла—г. Ансло и графа Сентъ-Олера.

На каждое изъ этихъ креселъ есть свои кандидаты. На первое — гг. Понсаръ и Легуве; на второе—гг. Эмиль Ожье и де Фаллу. Понсаръ, не видя передъ собою другого соперника, кромѣ Легуве, кажется увѣренъ въ своей побѣдѣ.

«Между знаменитымъ авторомъ двухъ произведеній — говоритъ одинъ французскій журналъ—произведеній, получившихъ въ послѣдніе годы самые лестные отзывы и доставившихъ самые завидные сборы (Lucrèce, L'Honneur et l'Argent), между человѣкомъ, которому Французская Академія сама присудила первую премію, между поэтомъ, наконецъ, который достигъ своей репутаціи *собственными силами*, и г. Легуве, сотрудникомъ Скриба въ его «Adrienne Lecouvreur», «les Contes de la Reine de Navarre» и «Bataille de Dames», точно также какъ сотрудникомъ г. Дино въ «Louise de Lignerolles», борьба не можетъ быть серьёзною.»

У г. Легуве есть на сценѣ только одно произведеніе, которое принадлежитъ исключительно ему: это «Gurrero»; это произведеніе относится еще къ 1845 году. Кромѣ того, есть «Медея», прославленная тяжбою съ Рашелью, и нѣсколько книгъ романовъ и нравственныхъ сочиненій, приноровленныхъ къ понятіямъ и вкусу дамъ. Весь этотъ хламъ, разумѣется, не можетъ противостоять блестящей репутаціи соперника г. Легуве.

Претендентами на кресло графа Сентъ-Олера являются Эмиль Ожье, также поэтъ, и господинъ де-Фаллу, виконтъ. «Такъ какъ тутъ дѣло касается литературной корпораціи, а не геральдическаго собранія — продолжаетъ тотъ же журналъ — то мы надѣемся, что человѣкъ политическій уступитъ здѣсь мѣсто литератору.» Впрочемъ, нѣкоторые утверждаютъ, что кандидатура г. де-Фаллу встрѣчаетъ соперничество внѣ литературнаго поприща. Ему противопоставляютъ герцога Брогли. Герцогъ Брогли въ отношеніи литературномъ извѣстенъ нѣсколькими напечатанными рѣчами и неизданнымъ этюдомъ «О естественномъ и народномъ правѣ». Гораздо выше его общественное положеніе. Онъ внукъ маршала Брогли, перъ временъ реставраціи, защитникъ маршала Нея, посланникъ и министръ при Луи-Филиппѣ, зять г-жи Сталь, однимъ словомъ—одинъ изъ великихъ людей Франціи, которая теперь небогата истинно замѣчательными личностями. Французскому фёльетонисту кажется невѣроятнымъ, впрочемъ, чтобы

этотъ герцогъ, посланникъ, перъ, со всею его блестящею карьерой и семидесяти-двумя годами за плечами, чтобы онъ могъ противостоять даровитому поэту, которому кромѣ «Діаны», «Габріели» и «Искательницы Приключеній», принадлежитъ пьеса, доставившая театру Gymnase и много славы, и много денегъ: «Зять г. Пуарье»—пьеса, которая уже нѣсколько разъ была дана въ Петербургѣ и заслужила общія похвалы. Кромѣ того, онъ скоро поставитъ на сценѣ Gymnase еще свою пьесу «Золоченые пояса».

Но если Академія затрудняется признать великимъ поэтомъ человѣка, который замѣтенъ только своимъ происхожденіемъ, и колеблется въ выборѣ между герцогомъ Брогли и де-Фаллу, который ни знатенъ, ни талантливъ, то за то Комитетъ общества литераторовъ не затруднился принять въ число своихъ членовъ Верона, основателя «Revue de Paris», «Constitutionnel», автора «Memoires d'un bourgeois de Paris» книги, извѣстной нашимъ читателямъ.

Театры по прежнему лишь въ слабой степени занимаютъ вниманіе парижанъ. Комическая опера продолжаетъ давать «L'Etoile du Nord», и «Pré-aux-Clercs». «L'Etoile du Nord», съигранная въ восьмидесятый разъ, дала еще 5,000 франковъ сбора. Театръ Gymnase повторяетъ «Фламиніо» и готовитъ «les Ceintures dorées» Эмиля Ожье. Въ скоромъ времени хотятъ дать «Шляпу часовщика» (Chapeau de l'horloger) г-жи Жирарденъ.

На театрѣ Водевиля «Смѣшные мужья» (les Maris me font toujours rire) и «Грегуаръ» составляютъ любимые спектакли. Въ послѣдней пьесѣ новый актеръ, Парадъ, получаетъ много рукоплесканій за мастерское исполненіе роли пьянаго. Г. Бойе тщательно приготовляетъ для сцены «Парижане временъ упадка» (les Parisiens de la décadence) Кромѣ того, есть пьесы, которыя еще только разучиваются; въ числѣ ихъ назовемъ «Искательницу ума» (la Chercheuse d'esprit) Фавара. Уже назадъ тому два года, г. Арсеній Гуссэ хотѣлъ поставить это маленькое произведеніе. Пьеса Фавара близко подходитъ къ опереткѣ. здѣсь болѣе вольныхъ стиховъ, чѣмъ прозы. Все это слѣдовало принаровить къ требованіямъ современной французской сцены, что и было исполнено. Пьеса готовилась появиться, но интриги по поводу роли г-жи Малье заставили отложить ее. Впрочемъ, когда Алиса Терикъ со сцены Французской Комедіи перешла на сцену Водевиля, г. Бойе захотѣлъ воспользоваться случаемъ представить забытую пьесу. «La Chercheuse d'esprit» была вынута изъ архива Французской Комедіи и какъ при подобномъ переходѣ произведеніе это должно было подвергнуться новымъ измѣненіямъ, то сотрудницей Фавара явилась m-lle Терикъ, дополняя и исправляя въ 1854 году то, что было написано въ 1741 году.

На театрѣ «Variétés», самомъ плодовитомъ изъ всѣхъ парижскихъ театровъ, давали недавно забавную шутку подъ названіемъ «Кровавая нянька» (la Bonne sanglante) гг. Дюпаня и Вареня. Эта пьеска, въ ко-

торой немного ума, но довольно добродушія и веселости; это родъ пародіи на «Nonne sanglante» Большой Оперы.

На итальянской сценѣ Бозіо продолжаетъ нравиться и пользоваться лестными отзывами журналовъ. Тамъ давали между прочимъ «Нѣмую изъ Портичи» (la Muette) Обера, самую популярную и самую провинціальную изъ оперъ. Императоръ и императрица французовъ присутствовали на этомъ представленіи; всѣ лучшія ложи заняты были оффиціальными лицами. Исполнѣніе было слабо. Публика, не совсѣмъ хорошо или, можетъ быть, слишкомъ хорошо понимавшая музыку, требовала повторенія знаменитой «stretle» дуэта «Amour sacré de la patrie» именно въ ту минуту, когда это мѣсто нужно было повторить по мысли автора. Тутъ участвовала новая дебютантка г-жа Пулькъ. Роль нѣмой очень граціозно исполнила г-жа Черрито. Гардони въ роли Мазаніэлло былъ также недуренъ; но большая часть рукоплесканій относилась къ танцовщицѣ Розати. Поставили новую оперу Верди «Трубадуръ» (Trovatore) и по этому случаю прибавили къ оркестру, кромѣ существовавшихъ уже мѣдныхъ инструментовъ, еще *три колокола* и *десять наковаленъ.* Жители всего квартала и даже записные меломаны боялись за прочность своихъ ушей и за оптимизмъ во мнѣніяхъ о современной музыкѣ. Въ этомъ «Trovatore» дебютировалъ теноръ Бокарме, о которомъ разсказываютъ очень много хорошаго.

Въ Пале-Ройялѣ продолжаютъ давать болѣе или менѣе забавные фарсы, чрезвычайно полезные въ томъ отношеніи, что они развлекаютъ публику, слишкомъ занятую серьёзными вопросами о войнѣ и возвышающейся дороговизнѣ жизни. Новая и очень забавная шутка гг. Лафарга и Сиродэна «Смерть рыбака» выказала въ первый разъ замѣчательный талантъ граціозной актрисы m-lle Дюверже.

На сценѣ Французскаго театра играли новое произведеніе г. Самсона подъ названіемъ «Приданое моей дочери» (la Dot de ma fille). Это приданое, къ несчастію претендентовъ, состояло не въ пачкахъ ассигнацій и не въ звонкой монетѣ, а въ связкахъ книгъ, которыя отецъ дѣвушки считаетъ выше всего на свѣтѣ. Впрочемъ, желая сбыть дочь съ рукъ, онъ рѣшается разстаться и съ своею библіотекою. Пьеса, по словамъ фёльетона, не представляетъ никакого серьёзнаго значенія и большаго интереса, но авторъ пріятно говоритъ, мастерски округляетъ фразу; потому со стороны формы твореніе его нравится и занимаетъ. Во всякомъ случаѣ эта пьеса не стоитъ другой пьесы того же автора «Семейство Пуассонъ» (La Famille Poisson), которая дана была въ тотъ же вечеръ. Самсонъ, актеръ-авторъ, игралъ съ большимъ остроуміемъ и ловкостію роль букиниста, а m-lle Савари прекрасно поняла положеніе молодой дѣвушки, одаренной несомнѣнными достоинствами отъ природы и засыпанной книгами отъ щедротъ отца.

Кромѣ этихъ общественныхъ увеселеній, которыхъ, какъ видно, очень немного въ Парижѣ, журналы говорятъ еще о балѣ, данномъ

2 декабря чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ Бразиліи, кавалеромъ маркизомъ Лисбоа, по случаю дня рожденія Е. В. дона Педро.

Рожеръ, пѣвецъ, о возникающей славѣ котораго мы говорили уже съ читателями «Современника», продолжаетъ странствовать по Германіи и восхищать германцевъ своимъ вокальнымъ талантомъ. Изъ Кёльна, гдѣ принимали его съ распростертыми объятіями и съ открытыми кошельками, онъ отправился въ Ганноверъ. Онъ пѣлъ въ «Гугенотахъ», «Лучіи» и другихъ операхъ, одинаково имѣвшихъ успѣхъ при содѣйствіи даровитаго пѣвца. Королевская фамилія наградила артиста лавровымъ вѣнкомъ. Изъ Ганновера онъ отправился въ Брменъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда ѣхать въ Гамбургъ и затѣмъ въ Берлинъ. Мейерберъ ожидаетъ его на дорогѣ съ партитурою «Африканки», которую Рожеръ долженъ будетъ привести въ Парижъ.

20 ноября началась въ Парижѣ продажа съ аукціона книгъ. Она будетъ продолжаться болѣе мѣсяца. Французскіе журналы еще не сообщаютъ о ней подробныхъ свѣдѣній, въ ожиданіи, что императорская библіотека пріобрѣтетъ нѣкоторыя изъ болѣе замѣчательныхъ произведеній. Указываютъ только на нѣкоторые экземпляры, возбудившіе особенную восторженность библіофиловъ. Такимъ образомъ миньатюрное изданіе Виргилія, 1527 года, in 8-vo, говорятъ, продано за 1600 фр. и притомъ не богачу, не милліонеру, а журналисту, оставившему литературу и промѣнявшему ее на занятія желѣзными дорогами. Одинъ изъ англійскихъ лордовъ купилъ за 350 фр. прекрасный экземпляръ письма Мильтона и за 500 фр. письмо Лютера къ Карлу V. Нынѣшній годъ Лейпцигъ открылъ въ этомъ случаѣ дорогу. Тамъ продается собраніе Гюттнера, прежняго саксонскаго почтъ-директора. Коллекція эта довольно богата, потому что въ ней не менѣе 5,123 нумеровъ, занимающихъ 127 страницъ каталога; но это еще только половина всего собранія. Несмотря на разнообразіе хранящихся тамъ документовъ, коллекціи этой не достаетъ автографовъ многихъ реформаторовъ, представляющихъ особенный интересъ для германцевъ. Тутъ нѣтъ даже Кальвина; зато любители древностей найдутъ въ этой коллекціи нѣкоторыя литературныя произведенія Меланхтона и письмо, адрессованное къ Меланхтону Лютеромъ. Лучшимъ украшеніемъ этой коллекціи служитъ письмо Микель-Анджело Буонаротти, купленное недавно въ Парижѣ за невысокую цѣну 300 фр., потому что возникли сомнѣнія насчетъ подлинности этого документа.

Въ Лондонѣ, по смерти одного лорда, небольшаго, впрочемъ, библіофила, продавалось между прочимъ изданіе Шекспира, 1623 года, въ 20 томахъ. Изданіе это двадцать лѣтъ тому назадъ можно было получить за 20 фунтовъ, теперь же, вслѣдствіе конкурренціи, послѣдняя цѣна за него состоялась въ 3,750 франковъ.

Продажа картинъ, оставшихся послѣ смерти барона Мекленбурга, сильно занимаетъ знатоковъ и любителей. Тридцать картинъ, которыя составляютъ эту галлерею, стоили владѣльцу 211,000 фр. Проданы

онѣ за 356,230 фр. Здѣсь преимущественно находились образцы фламандской живописи. Великолѣпный *Конскій Рынокъ* Филиппа Вувермана, купленный въ 1837 году на аукціонѣ герцогини Беррійской за 35,000 фр., теперь проданъ за 80,000 фр. маркизомъ Гертфортомъ. Гоббема, художникъ, который сталъ особенно цѣниться лишь въ послѣднія двадцать-пять лѣтъ, имѣлъ здѣсь своимъ представителемъ превосходный пейзажъ, купленный за 72,000 фр.

Портретъ бургомистра Сакса, Рембрандта, проданъ за 28,000 фр. барону Сейлоресу; графъ Рожеръ Рачинскій купилъ *Портретъ Филиппа Рубенса*, работы Петра-Павла Рубенса, за 3,200 фр. и изображеніе *Спасителя*, Рембрандта, писанное въ 1661 году, за 13,000 фр. Картина Ванъ-Гюйзума, представляющая цвѣты и насѣкомыхъ, куплена за 13,000 фр.

Впрочемъ, цвѣты хороши не на одномъ лишь полотнѣ или въ дѣйствительной природѣ; книга г-жи Лакруа, подъ названіемъ *Оранжерейные и полевые цвѣты* (Fleurs de serre et fleurs de champs) соединяетъ въ себѣ, по отзывамъ журналовъ, всѣ достоинства того и другого рода цвѣтовъ. Она предназначена для молодыхъ дѣвицъ, но между тѣмъ въ состояніи интересовать всѣ возрасты. Содержаніе ея — маленькій романъ, идиллія, пастушеская поэма, гдѣ господствующая страсть есть любовь къ природѣ. Разсказъ полонъ граціи, изящества, глубокой задушевности и возвышенной морали.

Мы говорили уже читателямъ объ одной изъ важнѣйшихъ новостей парижскаго фэшенебельнаго міра, о преобразованіи магазина портнаго Ренара и переѣздѣ его изъ пассажа Панорамъ на Итальянскій Бульваръ.

Новая квартира Ренара, гдѣ онъ занимаетъ нижній этажъ и антресоли, отдѣлана, говорятъ, съ удивительною роскошью; мраморы, бронза, великолѣпная рѣзная мебель, обитая дорогою шелковой матеріей и приспособленная ко всѣмъ требованіямъ его профессіи, дѣлаютъ это помѣщеніе маленькимъ музеемъ изящнаго. Огромныя окна изъ зеркальныхъ стеколъ, выходящія на улицу Друо, закрываются у него посредствомъ особаго механизма, дѣйствующаго изнутри, и это совершается въ нѣсколько минутъ.

Ренаръ основалъ свою мастерскую въ 1825 году. Панталоны скоро сдѣлались его спеціальностію. Но въ то время эта часть мужскаго туалета находилась еще въ дѣтствѣ. Въ то время невзыскательный человѣкъ называлъ панталонами все, что только обертывало его ноги, и выборъ условливался лишь цвѣтомъ матеріи, чернымъ, сѣрымъ или верблюжьимъ. Но благодаря Ренару, человѣчество скоро вышло изъ этого состоянія варварства: онъ ввелъ въ выборъ брючныхъ матерій много дотолѣ невиданныхъ цвѣтовъ и замѣнилъ толстыя и грубыя ткани прежняго времени болѣе тонкими и мягкими. Ему же обязаны были любители прекраснаго узкими панталонами (ajustés), обжимавшими ногу и застегивавшимися на пуговки, что особенно выгодно выставляло достоинства маленькихъ ногъ испанскихъ аристократовъ. За-

тѣмъ явились изогнутые панталоны (cambrés), покрывавшіе сапогъ; панталоны эти имѣли нѣкогда огромный успѣхъ. Панталоны съ лампасами увидали свѣтъ также въ мастерской Ренара и нѣкоторые изъ нихъ, съ шитыми разноцвѣтными гирляндами по сторонамъ, продавались за 120 фр.— цѣна громадная для Парижа. Полу-широкіе панталоны (demi-ajustés), которые выходятъ нынѣ изъ-подъ ножницъ Ренара, соединяютъ въ себѣ всѣ условія, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ, на сколько людское счастіе зависитъ отъ хорошо сшитыхъ панталонъ.

Дѣти этого маститаго портнаго ѣздятъ всякій годъ въ Англію, присматриваются къ британскимъ модамъ и переносятъ на континентъ все, что находятъ достойнымъ подражанія. Лучшіе французскіе фабриканты: Бонжанъ и Кюнель, изъ Седана, Флавиньи и Дефремикуръ, изъ Эльбёфа, Бонадье изъ Ліона, и т. д. пріѣзжаютъ ежегодно въ Парижъ и совѣщаются съ Ренаромъ о новыхъ рисункахъ и новомъ расположеніи тканья брючныхъ матерій, о выборѣ цвѣтовъ и удачныхъ сочетаніяхъ контраста. Такимъ образомъ панталоны, скроенные Ренаромъ, рождаются на свѣтъ не прежде какъ по долгомъ и многостороннемъ разсужденіи, въ присутствіи цѣлаго комитета.

Брессо, въ пору особенной изысканности въ выборѣ туалета, былъ одѣваемъ Ренаромъ; изящный манерами комикъ Лафонтенъ получалъ платье отъ Ренара; первостепенные артисты французской труппы въ Петербургѣ также кліенты Ренара; Ренаръ же былъ портнымъ Брюммеля, Орсе, лорда Симура, герцога Ріансареса, генерала Прима, Маврокордато, князя Ипсиланти, господарей Гики, Стирбея.

Такая огромная и избранная практика дѣлаетъ и личность и магазинъ Ренара очень замѣчательными, и мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи послѣдовать въ его мастерскую за однимъ изъ парижскихъ фёльетонистовъ.

Наверху, въ антресоляхъ, вы увидите пространные и прекрасно убранные салоны для примѣриванія платья; тутъ вы найдете и журналы и альбомы для собственнаго развлеченія, если вамъ придется подождать.

Въ этихъ-то салонахъ разложены образцы всевозможнаго платья, приготовленнаго Ренаромъ и приспособленнаго для всякаго часа дня. Великосвѣтская парижская жизнь предполагаетъ никакъ не менѣе трехъ туалетовъ въ день: *утренняго* (tenue du matin), *полдневнаго* (tenue de midi), для визитовъ, катанья, прогулокъ въ Булонскомъ лѣсу, и *вечерняго* (tenue du soir) или бальнаго.

Отправляясь на утреннюю прогулку, молодой человѣкъ хорошаго тона надѣваетъ англійскую жакетку каштановаго цвѣта съ рукавами и грудью сшитыми свободно, полуширокіе панталоны съ лампасами, по которымъ идетъ шелковая полоска подъ цвѣтъ; жилетъ изъ шерстянаго кудряваго шотландскаго плюша, съ небольшими клѣтками, застегнутый до верху.

Послѣ полудня туалетъ этотъ замѣняется ваточнымъ сюртукомъ (moos cloth) темно-синяго цвѣта, подбитымъ шелковою матеріей и до-

ходящимъ до колѣнъ. Вмѣсто темныхъ панталонъ надѣваются болѣе свѣтлые изъ трико фабрики Бонжанъ. Шерстяной плюшъ уступаетъ мѣсто шелковому, или тисненому бархату, положенному узорами на атласномъ фонѣ. Но костюмъ, который получаетъ теперь колоссальную знаменитость, это плащъ Макъ-Фарланъ, предлагаемый Ренаромъ. Этотъ плащъ сверху довольно узкій, идетъ книзу расширясь въ видѣ колокольчика, и составляетъ сзади три большія складки. По отзывамъ журналовъ, это самое комфортабельное, самое удобное изъ одѣяній. Его широкіе рукава подбиты шелковой матеріей. Это настоящій костюмъ для выхода изъ театра или съ бала. При своей полнотѣ и легкости Макъ-Фарланъ не мнетъ и не портитъ платья.

Сохраняя сукно, какъ непремѣнную принадлежность туалета, и черный цвѣтъ фраковъ, Ренаръ придаетъ своимъ издѣліямъ характеръ новизны, изящества. Фраки его двубортные, на атласной подкладкѣ; при очень узкихъ панталонахъ онъ предписываетъ надѣвать башмаки; жилеты съ шалью изъ чернаго шитаго казимира, внизу поджилетникъ изъ бѣлаго пике, шириною въ четверть сантиметра.

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ усовершенствованіяхъ, которыя испытало въ послѣднее время огнестрѣльное оружіе. Мы будемъ пользоваться статьею одной англійской газеты.

Вмѣстѣ съ новымъ ружьемъ, которое принято теперь у многихъ континентальныхъ націй, въ особенности у австрійцевъ, но общее достоинство котораго еще не опредѣлилось положительными результатами, англійская газета говоритъ между прочимъ объ *оборотныхъ пистолетахъ* (revolvers) Кольта, какъ объ одномъ изъ удачнѣйшихъ изобрѣтеній. Достоинства этого оружія особенно ощутительны при стрѣльбѣ на небольшое разстояніе. При испытаніи произведенномъ въ Эрестѣ, на разстояніи 410 ярдовъ (175 саженъ) изъ тридцати выстрѣловъ шесть пуль попали въ цѣль, не далѣе тридцати-шести дюймовъ отъ ея центра.

Вотъ устройство револьвера. Заряженныя драхмою пороха, шесть камеръ пистолета, которыя попеременно подходятъ подъ стволъ, сначала подвергаются дѣйствію нагнетающаго рычага, укрѣпляющаго пулю и довершающаго зарядъ. Въ ту же минуту пистолетъ можетъ быть употребляемъ. Пули загнанныя въ камеры цилиндра такъ хорошо прилажены, что довольно прилѣпить немного воску на затравку, чтобы предохранить зарядъ отъ малѣйшей порчи, даже при погруженіи его въ воду.

Другого рода особенность, которую представляетъ револьверъ, есть совершенная безопасность отъ случайныхъ, преждевременныхъ выстрѣловъ; въ самомъ дѣлѣ, выстрѣлить изъ этого пистолета можно тогда лишь, когда камера цилиндра находится на прямой линіи съ дуломъ. Если есть малѣйшее уклоненіе отъ этой прямой линіи, то выстрѣлъ невозможенъ.

«Но, продолжаетъ та же газета, къ сожалѣнію, должно сознаться, что люди, стоящіе во главѣ правленія Англіи, боятся новизны и при

всякомъ удобномъ случаѣ стараются прекратить дорогу изобрѣтателямъ. Молодой офицеръ, который предлагаетъ какое либо новое улучшеніе по службѣ, считается посягающимъ на правила дисциплины; наглое невѣжество начальниковъ смотритъ на талантъ какъ на оскорбленіе собственнаго достоинства, и все, что̀ имѣетъ цѣлію выйдти изъ избитой колеи, отвергается безусловно. Если бы посредствомъ какого нибудь до сихъ поръ еще неизвѣстнаго процесса, возможно было вложить въ *костяную голову* нашихъ оффиціальныхъ лицъ хотя маленькую частицу той обыкновенной вещи, которую называютъ «здравымъ смысломъ», то они поняли бы наконецъ, что во время сраженія всего важнѣе пустить извѣстное количество огнестрѣльныхъ снарядовъ съ наибольшею быстротою; они поняли бы, вѣроятно, также, что желаемаго результата скорѣе достигнуть легкими пульками, нежели ихъ тяжелыми и безсильными пулями. Если они хотя сколько нибудь сомнѣваются въ этомъ, то пусть возьмутъ одинъ изъ флотскихъ пистолетовъ Кольта. Вотъ результатъ опыта, произведеннаго на Мысѣ Доброй Надежды, во время войны противъ кафровъ.

«Сержантъ-квартирмейстеръ Ренни испытывалъ въ Гокѣ силу удара одного изъ пистолетовъ второй величины (вѣсомъ въ 2 фунта 6 унцій, съ пулей въ $^1/_2$ унціи). На опытѣ оказалось, что ударъ подобнаго пистолета вдвое сильнѣе мушкета, заряженнаго обыкновенною круглою пулей. Цѣль была сдѣлана изъ доски крѣпкаго дерева, толщиною въ три-четверти дюйма; къ ней приложены были сзади два одѣяла изъ солдатскаго сукна; каждое изъ этихъ одѣялъ было обороченo восемь разъ. Пистолетная пуля прошла насквозь; ружейная пуля остановилась въ четвертой складкѣ втораго одѣяла.

«Профессоръ Гоутонъ, изучавшій съ особеннымъ вниманіемъ теорію огнестрѣльнаго оружія, доказалъ, что ланкастерскіе стволы—и это заключеніе относится ко всякаго рода оружію—слишкомъ коротки, чтобы употребить въ дѣло все количество пороховаго заряда, и одинъ изъ сотрудниковъ «Журнала Общества Искусствъ» предлагаетъ дѣлать стволы такой длины, какъ «у штуцеровъ дяди Сама». По нашему мнѣнію, говоритъ газета далѣе, хотя онъ и сообщаетъ наставленія, какимъ образомъ обращаться съ его чудовищнымъ оружіемъ,—за всѣмъ тѣмъ есть лучшій и болѣе научный способъ приготовить полное дѣйствіе пороховаго заряда и сообщить пулѣ наибольшую быстроту.

«Въ пистолетахъ Кольта желаемый результатъ достигается такъ называемымъ центральнымъ огнемъ и особаго рода затравкой, сдѣланной по системѣ Бланка, при помощи которыхъ значительный потокъ пламени, происходящій отъ возгаранія заряда, устремляется прямо сквозь пороховой патронъ. По этой системѣ, при маломъ возвышеніи, можно попасть въ цѣль на разстояніи 500 или 600 ярдовъ (около 200 саженъ) изъ ствола длиною въ семь съ половиною дюймовъ и пулей, которая вѣситъ не болѣе полъ-унціи.

Въ три последние года полковникъ Кольтъ сделалъ более 200,000 этихъ пистолетовъ, и требованіе на нихъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Новый вице-король Египта, Саидъ Паша, заказалъ 5,000 револьверовъ для своей кавалеріи.

Лондонъ въ теченіи декабря почти не жилъ иною жизнію, кромѣ политической: все населеніе его отъ мала до велика толковало объ открытіи парламента, сначала какъ о явленіи, долженствующемъ совершиться, потомъ какъ о фактѣ совершившемся. Второстепенные интересы были забыты, сплиническое настроеніе духа переходило въ раздражительность, развиваемую ожиданіемъ, пульсъ бился сильнѣе у самыхъ хладнокровныхъ островитянъ; люди съ извѣстными, усвоенными уже убѣжденіями старались скорѣе высказать ихъ громогласно съ трибуны или болѣе скромно въ клубѣ или тавернѣ, наконецъ люди, лишенные всякихъ опредѣленныхъ убѣжденій, пытались выработать ихъ хоть на скорую руку, чтобы не съ пустыми руками явиться въ вестминстерскую залу.

Итакъ, парламентъ былъ открытъ королевою Викторіей 12 декабря. Рѣчь ея британскаго величества прослушана была въ глубокомъ молчаніи.

Мундиры представителей разныхъ націй пестрѣли на хорахъ и на скамьяхъ, приготовленныхъ для членовъ дипломатическаго корпуса. Въ той части залы, которая отдѣляетъ тронъ отъ лавокъ, занимаемыхъ лордомъ канцлеромъ и его чиновниками, поставлено было кресло, приготовленное для индѣйскаго принца, одного изъ потомковъ Реджитъ-Синга, принца, одѣтаго въ національный костюмъ, изукрашенный каменьями.

Огромная, возможная лишь въ Лондонѣ, толпа народа занимала улицы, которыя ведутъ отъ буккингэмскаго дворца до Вестминстера, и привѣтствовала королеву громкими восклицаніями.

Время, назначенное для начала церемоніи, было два часа пополудни, но королева пріѣхала лишь въ четверть-третьяго и вошла въ залу въ сопровожденіи принца Альберта и принца Валлійскаго; впереди ея шелъ лордъ-канцлеръ и герцогъ Веллингтонъ, оберъ-шталмейстеръ, съ регаліями; за нею слѣдовали уже всѣ придворные чины, составляя многочисленную и блестящую свиту.

Мы не намѣрены касаться здѣсь тѣхъ болѣе или менѣе длинныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ рѣчей, которыя говорились на парламентскихъ засѣданіяхъ. Правительство выслушивало тамъ много горькихъ истинъ, много полезныхъ совѣтовъ, представляло въ оправданіе много неопровержимыхъ фактовъ и парадоксовъ; но всѣ эти обвиненія, оправданія, возгласы негодованія, восторга, одобрительныя восклицанія, свистъ, смѣхъ, — однимъ словомъ, вся обычная обстановка англійскихъ правительственныхъ собраній, затрогиваютъ интересы чисто-политическіе и не должны входить въ настоящее обозрѣніе.

Всякій, кто побываетъ въ Лондонѣ, вывозитъ самыя грустныя впечатлѣнія отъ воскресныхъ дней, тамъ проведенныхъ. Но эта скука

еще усиливается, когда случатся два или болѣе праздника сряду, какъ было во время Рождества: тутъ лондонскіе жители рѣшительно не знали, куда дѣваться отъ тоски. Кафе и рестораны были по обыкновенію закрыты, и истые лондонцы, привыкшіе насыщаться кое-гдѣ и какъ попало, чуть не умирали съ голоду. Театры, концерты, общественныя увеселенія прекратились; на улицахъ — ни звука радости, а только крики пьяницъ, приведенныхъ къ безпутству запрещеніемъ пользоваться болѣе благородными наслажденіями.

Изъ числа министровъ трое преданы были на жертву столичной скуки, лордъ Эбердинъ, герцогъ Аржильскій, хранитель малой печати, и герцогъ ньюкэстльскій, военный министръ, который принужденъ былъ остаться въ Лондонѣ по дѣламъ. Всѣ остальные министры отправились въ свои зáмки, чтобы провести праздники посреди семействъ и друзей.

Что праздники прошли въ Лондонѣ скучно, этому никто не удивляется, удивляются лишь тому, что они обошлись безъ министерскаго кризиса; впрочемъ, въ нынѣшнее время пора перестать удивляться чему бы то ни было, — и монотонности лондонскаго воскресенья, и долговѣчности англійскаго министерства.

Оставивъ въ сторонѣ политическіе интересы Англіи, скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ любопытномъ явленіи въ британской литературѣ. Это передѣлка на англійскій языкъ «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, о которой упоминается между прочимъ въ журналѣ «The Athenaeum».

Въ предисловіи къ книгѣ, вышедшей въ Англіи подъ заглавіемъ «Домашняя жизнь въ Россіи» (Home life in Russia), издатель говоритъ, что «сочиненіе это написано русскимъ дворяниномъ, который прислалъ рукопись для напечатанія, переведя ее на англійскій языкъ, и предоставляя просвѣщенному вкусу издателя исправлять всѣ тѣ ошибки и промахи, которыхъ можно ожидать отъ человѣка, писавшаго не на родномъ языкѣ. — Авторъ увѣряетъ, сказано въ томъ же предисловіи, что разсказанная имъ исторія истинна и что бóльшая часть приводимыхъ имъ фактовъ очень хорошо извѣстны въ Россіи. Всѣ сословія русскаго народа выведены здѣсь на сцену и авторъ указываетъ на ихъ слабыя стороны безъ всякой пощады. Впрочемъ, на него не должно смотрѣть какъ на человѣка недоброжелательнаго къ своему отечеству». — «Въ заключеніе — продолжаетъ издатель — мы должны выразить сожалѣніе, что *не можемъ открыть имени автора*, не потому, чтобы подлинность сочиненія допускала какое либо сомнѣніе — такъ какъ оригинальность его замѣтна на каждой строчкѣ — но дѣло въ томъ, что авторъ боится воротиться на родину, будучи совершенно увѣренъ, что подобная книга, съ чисто-сатирическимъ взглядомъ на людей, не заслужитъ особеннаго одобренія». (!?!)

Несмотря на мистификацію, придуманную издателемъ, англичане попали въ этомъ случаѣ на истину и узнали въ новой книгѣ «Мертвыя Души» Гоголя. Атеней означаетъ по этому поводу и время по-

явленія поэмы и имя автора, которое издатель «не считалъ себя въ правѣ открыть», и даже дѣлаетъ перечень критическихъ статей, которыя писались о «Мертвыхъ Душахъ» въ русскихъ журналахъ и въ коллекціи Мериме «Nouvelles».

Впрочемъ, англійская передѣлка «Мертвыхъ Душъ» не обошлась, по отзыву Атенея, безъ искаженій и сокращеній: лирическія мѣста поэмы, объ обширности Россіи и величіи будущихъ судебъ ея, знаменитое обращеніе его къ тройкѣ — въ переводѣ опущены. Самый языкъ перевода шероховатъ, неправиленъ и вовсе не передаетъ, по словамъ того же журнала, красотъ подлинника.

«Романъ самъ по себѣ — продолжаетъ Атеней — не представляетъ много привлекательнаго. Даже въ Россіи по поводу его высказывались совершенно противоположныя другъ другу убѣжденія, и мы скорѣе склоняемся на сторону недовольныхъ. Общій планъ напоминаетъ смоллетова «Графа Фатома».

Разсказавъ содержаніе «Мертвыхъ Душъ», интересъ котораго въ англійской передѣлкѣ совершенно уничтоженъ, потому что завязка объяснена читателю заранѣе, Атеней замѣчаетъ:

«Главное достоинство сочиненія Гоголя состоитъ въ живости описаній и яркомъ изображеніи характеровъ. Впрочемъ, вполнѣ удался ему лишь характеръ Ноздрева, котораго личность можетъ быть поставлена на ряду съ мастерскими портретами Фильдинга и Смоллета.»

Въ Англіи недавно появилась новая музыкальная игрушка *Poly-Harmonicon*, работы Дива съ сыномъ. Игрушка эта основана на научныхъ началахъ — чрезвычайномъ, почти безконечномъ разнообразіи сочетаній, которымъ могутъ подвергаться нѣсколько музыкальныхъ тактовъ. Всякая музыкальная тема состоитъ изъ весьма немногихъ коренныхъ фразъ, и говоря вообще, одна тема отличается отъ другой лишь порядкомъ, въ которомъ расположены эти фразы. Въ Poly-Harmonicon извѣстное число такихъ фразъ, состоящихъ изъ двухъ тактовъ, напечатано на отдѣльныхъ карточкахъ и притомъ такимъ образомъ, что если ихъ соединять другъ съ другомъ въ различныхъ постепенностяхъ, то каждое изъ этихъ сочетаній будетъ представлять извѣстный мотивъ. Отдѣльныя фразы, соединяемыя такимъ образомъ, образуютъ польку въ тонѣ *g*, переходящую въ первой части въ тонъ *d* и заключающуюся первоначальнымъ ключемъ. Каждое сочетаніе представляетъ одну общую форму; но вмѣстѣ съ тѣмъ отличается разнобразными подробностями. Такимъ путемъ, перемѣняя сочетанія по извѣстнымъ даннымъ правиламъ, можно составить болѣе двухъ тысячъ различныхъ темъ. Соединять такое безконечное разнообразіе звукокъ и потомъ разыгрывать ихъ на фортепьяно составляетъ самое пріятное занятіе и можетъ безпрерывно поддерживать вниманіе; при руководствѣ же опытнаго музыканта, подобное упражненіе можетъ хорошо познакомить съ главными основаніями музыки.

По поводу конвенціи, заключенной между Франціею и Бельгіей 22 августа 1852 года, г. Викторъ Каппелльмансъ издалъ недавно книгу «*О литературной и художественной собственности въ Бельгіи и во Франціи*». Первый томъ содержитъ въ себѣ историческій обзоръ, на основаніи специальныхъ источниковъ; второй, отличаясь юридическимъ характеромъ, заключаетъ въ себѣ самыя постановленія объ этомъ предметѣ и толкованія нѣкоторыхъ законовъ.

Просимъ позволенія у читателей сообщить имъ нѣкоторыя подробности объ этой книгѣ, заимствованныя нами изъ одной французской газеты.

«Пока Бельгія видѣла — говоритъ авторъ — что и другіе народы, высоко поставленные въ общественномъ мнѣніи, также занимались перепечаткою книгъ, она не считала несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ и долгомъ употреблять огромные капиталы на поддержаніе такой промышленности, которая распространяла по вселенной ученыя свѣдѣнія и вообще просвѣщеніе. Она перепечатывала французскія книги и продавала ихъ по умѣренной цѣнѣ; она разсылала ихъ въ такіе края, гдѣ умственное развитіе Франціи было извѣстно только по слухамъ и гдѣ вовсе не читали прежде ея произведеній. Но лишь только Бельгія убѣдилась, что большинство націй осуждало перепечатку, какъ промышленность, несовмѣстную съ народными правами, она тотчасъ же рѣшилась на перемѣну, и въ тотъ день, когда перепечатка была уничтожена, едва лишь нѣсколько голосовъ возстали противъ этой мѣры.

«Типографщики собрались, правда, и стали требовать отъ правительства, чтобы оно не утверждало конвенціи 22 августа; но они возставали противъ того лишь, что конвенція была заключена въ самомъ дѣлѣ весьма несправедливо въ отношеніи къ нимъ, потому что она уничтожала ихъ промышленность, въ существѣ совершенно законную, и не представляла имъ за это никакого вознагражденія. Конвенція казалась имъ причиною ихъ раззоренія; они не усматривали въ ней никакого разумнаго начала, а только видѣли здѣсь вопросъ о насущномъ хлѣбѣ. Должно, впрочемъ, отдать имъ справедливость, что при этой протестаціи они сохранили умѣренность и правила приличія, выказали глубокое уваженіе къ общественной пользѣ и порядку. Это благоразумное поведеніе типографщиковъ принесетъ обильные плоды и, послѣ неизбѣжнаго переворота, будущее докажетъ имъ, что конвенція вовсе не должна уничтожить ихъ промыселъ, но что послѣдствіемъ ея будетъ преобразованіе этого промысла, постановка его въ болѣе выгодныя условія для него самого и болѣе почетныя для нихъ, что конвенція уничтожитъ, вмѣстѣ съ возможностію безконечнаго соперничества, и постоянно тревожившія ихъ опасенія насчетъ долговѣчности существованія тѣхъ учрежденій, въ которыхъ они находили работу.»

Послѣ этого введенія, г. Каппельмансъ дѣлаетъ историческій перечень книжныхъ привилегій и постановленій о правѣ авторской собственности во Франціи и Бельгіи.

Во Франціи право литературной собственности признано въ первый разъ въ пользу семейства Фенелона и передано его наслѣдникамъ указомъ 1774 года.

Однако, еще съ 1761 года сословіе типографщиковъ уже было встревожено постановленіемъ совѣта, который, несмотря на противодѣйствіе этого сословія, присвоилъ внукамъ Лафонтена право на сочиненія ихъ дѣда, хотя при жизни своей Лафонтенъ продалъ ихъ книгопродавцу Барбину, который передалъ это право, послѣ долгаго пользованія, другимъ книгопродавцамъ.

Въ 1779 году, генеральный адвокатъ Сегье, въ донесеніи своемъ доказываетъ оффиціальнымъ порядкомъ, что право собственности автора надъ сочиненіемъ священно и неоспоримо, что привилегія не составляетъ права собственности надъ рукописями, но только охраняетъ эту собственность. Онъ оканчиваетъ свои замѣчанія, предлагая новый порядокъ, по которому само правительство должно было пріобрѣтать рукописи, договариваться съ авторами о цѣнѣ ихъ произведеній, и получать часть цѣны или всю цѣну, выпрошеннуюза право изданія.

«Автору должно предоставить — говоритъ адвокатъ — исключительную привилегію, болѣе или менѣе обширную, смотря по значительности суммы или трудности предпріятія. По истеченіи срока привилегіи, когда выпрошенная сумма поступитъ въ подлежащую кассу, книга дѣлается общественнымъ достояніемъ, и всякій книгопродавецъ можетъ получить право на перепечатаніе ея, безъ опасенія какихъ либо противодѣйствій.»

Привилегіи были уничтожены декретами августа 1789, которые въ то же время провозгласили свободу книгопечатанія. Съ этого времени авторская собственность пала подъ вліяніемъ общественнаго права. 24 августа 1790 года, депутація художниковъ и литераторовъ, допущенная въ національное собраніе, требовала возстановленія правъ сочинителей и изобрѣтателей на свои творенія; и 19 іюля 1793 г. издано постановленіе, опредѣлившее права литературной собственности и обозначившее въ точности и подробности права печатанія и гравированія. Право литературной собственности сохранялось при жизни автора и послѣ его смерти въ теченіи *десяти* лѣтъ. Всякій контрфакторъ обязывался заплатить настоящему владѣльцу сочиненія сумму, равную цѣнѣ трехъ тысячъ экземпляровъ первоначальнаго изданія.

Конституція 5 фруктидора III года (22 августа 1795 г.) торжественно обнародовала права авторовъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Законъ долженъ заботиться о награжденіи изобрѣтателей и о поддержкѣ ихъ исключительной собственности въ отношеніи къ открытіямъ и произведеніямъ».

1 жерминаля года XIII (22 марта 1805) декретъ опредѣлилъ права собственности на посмертныя сочиненія; въ немъ сказано: «Владѣльцы посмертнаго изданія, по наслѣдству или другимъ правамъ, имѣютъ одинаковую власть съ самимъ авторомъ и распоряженія закона объ исключительной собственности авторовъ, и о срокахъ этого права примѣнимы въ одинаковой степени и къ нимъ, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы они печатали посмертныя сочиненія отдѣльно, не соединяя ихъ съ новымъ изданіемъ сочиненія, уже изданнаго и сдѣлавшагося общественною собственностію».

5 февраля 1810 г. императорскій декретъ, содержащій правила типографскаго дѣла и книжной торговли, замѣнилъ законъ 1793 г. въ томъ, что касается сроковъ права, принадлежащаго вдовѣ и дѣтямъ. Одинъ изъ параграфовъ этого декрета говоритъ: «Право собственности предоставляется автору и вдовѣ на все время ихъ жизни, если брачныя условія этой послѣдней не будутъ тому противорѣчить; дѣтямъ же ихъ право это принадлежитъ въ теченіи двадцати лѣтъ».

Въ 1825 году учреждена коммиссія съ цѣлью опредѣлить, какія улучшенія могли быть сдѣланы въ законодательствѣ насчетъ литературной собственности. Подъ предсѣдательствомъ Ларошфуко, коммиссія эта, составленная изъ перовъ, депутатовъ, членовъ государственнаго совѣта, академиковъ, представителей сословія драматическихъ писателей и книгопродавцевъ, представила проэктъ закона, который опредѣлялъ пятидесятью годами права собственности вдовы, наслѣдниковъ или и постороннихъ лицъ, которымъ авторъ подарилъ бы свое право. Но этому закону въ то же царствованіе не было дано хода. Формальнымъ образомъ взялись за этотъ вопросъ въ слѣдующее царствованіе; въ 1836 году учреждена 22 октября этого года, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, новая коммиссія, которой поручено составить проэктъ закона *о правахъ собственности въ искусствахъ, наукахъ и литературѣ*. Сегюръ былъ докладчикомъ этой коммиссіи, и 18 января 1841 года составленный проэктъ былъ внесенъ въ палату депутатовъ.

13 слѣдующаго марта Ламартинъ подалъ свое мнѣніе, и 2 апрѣля этотъ проэктъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, былъ брошенъ. «Чего же недоставало этому проэкту? — спрашиваетъ Жюль Кальмельсъ въ своемъ *Трактатѣ о перепечаткахъ* — Конечно въ даровитыхъ и ученыхъ людахъ недостатка тутъ не было. Мнѣніе Ламартина является трудомъ мыслителя и вполнѣ художника, и люди самые свѣдущіе по этой части вступали въ пренія по сему предмету. Препятствовало этому проэкту возымѣть значеніе дѣйствительнаго закона — отсутствіе въ немъ существеннаго начала, прочнаго основанія. У этого проэкта была лишь законная форма. Это было тѣло безъ души, неодушевленная матерія, которой не оживляло вѣяніе философскаго ума. Разсуждали о собственности умственной, а между тѣмъ понятіе объ этой собственности не было опредѣлено;

она оставалась неизвѣстною, ея свойства и признаки не были обозначены».

Затѣмъ нѣсколько разъ возникали ходатайства по этому предмету передъ правительствомъ Франціи; люди самые значительные и опытные въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, Викторъ Гюго, Альфредъ де Виньи, Шарль Нодье требовали перемѣны въ законодательствѣ о правахъ литературной собственности. Наконецъ въ мартѣ 1853 года, Законодательное Собраніе, по докладу г. Жюбиноля, предложило проэктъ закона, на который Сенатъ въ засѣданіи 3 апрѣля изъявилъ свое согласіе, и который, по постановленію 8 числа того же мѣсяца внесенъ въ полный сводъ законоположеній. Въ законодательствѣ французскомъ это еще первый законъ, въ которомъ говорится вообще о художникахъ; законъ 1793 года упоминаетъ лишь о живописцахъ и рисовальщикахъ, декретъ 1810 говоритъ только объ авторахъ произведеній, напечатанныхъ или гравированныхъ; уголовный кодексъ упоминаетъ о сочиненіяхъ письменныхъ, музыкальныхъ твореніяхъ, рисункахъ, живописныхъ картинахъ и о всякаго рода произведеніяхъ, напечатанныхъ или гравированныхъ; скульптура и лѣпная работа не находили еще оффиціальнаго покровительства, кромѣ какъ въ истолкованія дѣйствовавшихъ законовъ, данномъ кассаціоннымъ судомъ 17 ноября 1814 и сдѣлавшемся общимъ правиломъ въ области юриспруденціи.

Вотъ что сказано, между прочимъ, въ законѣ 8 апрѣля 1853 г.

«Вдовы писателей, композиторовъ и художниковъ должны пользоваться въ теченіе всей жизни правами, предоставленными законами 13 января 1791 г. и 1 іюля 1793 г., декретомъ 5 февраля 1810 г., закономъ 3 августа 1844, и прочими законами и постановленіями по сему предмету. Право пользованія, предоставленное дѣтямъ тѣми же законами и постановленіями, распространяется на *тридцать лѣтъ*, считая или отъ смерти автора, композитора или художника или отъ прекращенія правъ вдовы.»

Подробности правъ нынѣшнихъ писателей также довольно интересны. Когда драматическій писатель не заключилъ предварительныхъ условій на плату за свои права, онъ долженъ подчиняться размѣру пошлины, установленной театральнымъ управленіемъ для пьесъ подобнаго рода и подобнаго же объема.

Такса Французскаго театра назначаетъ автору, за пять актовъ, двѣнадцатую часть сбора; за три акта — восемнадцатую часть; за одинъ актъ — двадцать-четвертую

Опера даетъ постоянно пятьсотъ франковъ за каждое изъ двадцати первыхъ представленій большой оперы; эти пятьсотъ франковъ дѣлятся между авторомъ пьесы и музыки.

Въ Комической оперѣ плата авторамъ назначается за произведеніе въ три, четыре или пять актовъ въ восемь съ половиною процентовъ сбора; за произведеніе въ два акта — въ шесть съ половиною процентовъ; за произведеніе въ одинъ актъ — въ шесть процентовъ.

Если пьеса одна занимаетъ весь спектакль, то даетъ право на прибавку шести процентовъ.

На прочихъ театрахъ, права авторовъ опредѣляются двѣнадцатью процентами, на драматической сценѣ они составляютъ восемь процентовъ. Плата простирается до десяти процентовъ, когда играютъ одну большую пьесу.

Когда пьеса умершаго автора, сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ, дается вмѣстѣ съ новымъ произведеніемъ, агенты общества драматическихъ писателей берутъ въ пользу общественной кассы четверть платы, которую бы слѣдовало получить автору при жизни.

Цензура возникла во Франціи въ царствованіе Франциска I. 13 іюля 1521 года онъ запретилъ книгопродавцамъ и типографщикамъ печатать, продавать и издавать что̀ бы то ни было, безъ позволенія университета и богословскаго факультета и безъ предварительнаго представленія рукописи. Въ томъ же году Карлъ V, въ странахъ ему подвластныхъ, запретилъ печатаніе всѣхъ сочиненій, касающихся религіи, безъ позволенія епископа діоцеза, а всѣхъ прочихъ книгъ безъ разрѣшенія своего собственнаго, — угрожая ослушникамъ такимъ же наказаніемъ, какое положено за оскорбленіе величества.

Послѣдующая затѣмъ глава книги г. Каппельманса говоритъ о правахъ литературной собственности въ Бельгіи, и потому особенно интересна лишь для бельгійцевъ.

Заключеніе, которое вытекаетъ изъ всего этого сочиненія, исполненнаго любопытныхъ подробностей и фактовъ, состоитъ въ томъ, что независимо отъ существующихъ уже законовъ и тѣхъ, которые впослѣдствіи будутъ изданы, книжная торговля между французскою и бельгійскою націями должна образоваться на новыхъ началахъ. Еще прежде нежели знаменитая конвенція между двумя государствами была заключена, одинъ изъ лучшихъ парижскихъ издателей, сдѣлавшійся, вслѣдствіе политическихъ происшествій, издателемъ въ Брюсселѣ, г. Гетцель, публично далъ французской книжной торговлѣ слѣдующій совѣтъ.

«Если бельгійская книжная промышленность протянетъ вамъ руку, даже при уничтоженіи перепечатыванія, примите эту руку. Перепечатываніе, нанося вамъ значительный вредъ и не извлекая для себя оттого большихъ выгодъ, доказало вамъ, впрочемъ, свое могущество; если вы думаете, что довольно, чтобы бельгійская промышленность умерла, для того чтобы наслѣдовать ея права, вы ошибаетесь. Она вамъ оставитъ поле, которое она разработывала, но никакъ не самое знаніе обработки, не тайну своей промышленности, не практическое приложеніе своихъ средствъ. Если вы вздумаете, на другой день послѣ того, какъ перепечатка падетъ, если вы вздумаете завести французскую книжную торговлю въ Бельгіи, вы не успѣете сдѣлать ничего порядочнаго. То, чего должно будетъ вамъ добиваться, — это бельгійской книжной торговли, бельгійской производительности. Должно, однимъ словомъ, если вы не хотите, чтобы область контрфакціи уменьшилась на три

четверти, должно съ той самой минуты, когда она будетъ вамъ принадлежать, начать сѣять ее или по примѣру тѣхъ или при помощи тѣхъ, которые прежде еще приготовляли землю подъ подобный посѣвъ, и которые умѣли сообщить этой производительности такое значеніе, какого въ вашихъ рукахъ она, пожалуй, никогда не достигнетъ.

«Итакъ, авторы и издатели, не утѣшайте себя слѣдующими идеями: вслѣдствіе бельгійской контрфакціи продалось 80,000 экземпляровъ такого-то сочиненія Тьера; значитъ, не перепечатывай Бельгія этой книги, Франція изготовила бы и продала болѣе 80,000 экземпляровъ. Вовсе нѣтъ: если бы Франція взялась за эту продажу, если бы она стала держаться *французской фабрикаціи*, если бы авторъ сталъ домогаться такихъ же выгодъ отъ экземпляровъ, проданныхъ за границей, какъ и отъ тѣхъ, которые продаются во Франціи, если бы *французскій издатель* заключилъ съ посторонними книгопродавцами тѣ же условія въ отношеніи цѣны и сроковъ доставки и платежей, какіе въ ходу во Франціи, то Франція продала бы этой книги за границей не 80,000 экземпляровъ, а развѣ 10,000.» Г. Гетцель вмѣстѣ съ этими идеями предлагалъ нѣкоторые практическіе совѣты съ цѣлью уничтоженія контрфакціи и установленія международныхъ правъ по части книжной торговли. Многія изъ предположеній его приняты были французскимъ и бельгійскимъ правительствами. Онъ, впрочемъ, не удовольствовался этимъ, хотѣлъ оправдать свои воззрѣнія примѣромъ, и первый выпустилъ въ свѣтъ прекрасныя изданія съ надписью: *изданіе, дозволенное въ Бельгіи и за границею.*

Г. Віаръ, профессоръ физики въ Гренобльскомъ факультетѣ, представилъ Парижской Академіи Наукъ записку *о степени теплоты, развиваемой электричествомъ во время тока его по металлическимъ проволокамъ.*

Г. Мартине читалъ записку *о мышьякѣ, какъ средствѣ уничтожать болотныя міазмы.*

Вредное дѣйствіе, оказываемое на человѣческій организмъ болотными испареніями, слишкомъ извѣстно, говоритъ авторъ, чтобы нужно было доказывать необходимость устраненія этой важной причины болѣзней; и осушеніе болотъ представляется въ этомъ случаѣ первымъ средствомъ. Но подобное осушеніе часто бываетъ невозможно, и когда оно даже и удобоисполнимо, то достигается съ значительною тратою денегъ и пожертвованіями жизнію многихъ людей. Нѣтъ ли другого средства достигнуть подобнаго же результата? Нельзя ли прямо уничтожить болотныя міазмы? Я отвѣчу утвердительно и объясню, что̀ навело меня въ этомъ случаѣ на настоящую дорогу.

Занимаясь, годъ тому назадъ, изысканіями причины эпидемическихъ болѣзней, я прочиталъ между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе доктора Стокса: «въ Корнуаллѣ лихорадки истребляли населеніе; но лишь только завели тамъ литейный заводъ, какъ болѣзнь исчезла.

При переплавкѣ руды, въ воздухъ поднимались мышьячныя испаренія, которыя уничтожали міазмы.» Впослѣдствіи г. Бюри замѣтилъ, что работники, занимавшіеся мѣднымъ производствомъ, спасались отъ холеры, и что жилища, сосѣдвія съ литейными дворами, бывали тоже пощажены эпидеміей; между тѣмъ, въ мѣди часто есть мышьякъ, такъ-что мышьякъ едва ли былъ чуждъ спасительному противодѣйствію болѣзни. Мышьякъ съ успѣхомъ употребляется теперь при леченіи болотныхъ лихорадокъ; но для чего же ожидать развитія болѣзни, съ тѣмъ чтобы на нее дѣйствовать? Отчего не уничтожить міазмъ заранѣе? Нужно устранить его немедленно, не учрежденіемъ лишь литейныхъ заведеній, но отравленіемъ самыхъ болотъ бочками мышьяку.

За тѣмъ, авторъ выставляетъ причины, которыя заставляютъ его предполагать, что болотныя испаренія производятъ гибельное дѣйствіе, не вслѣдствіе своего химическаго состава, но какъ вмѣстилище микроскопическихъ существъ, которыя продолжаютъ жить даже послѣ того, какъ попадутъ въ дыхательные органы; противъ этихъ-то существъ, авторъ хочетъ обратить дѣйствіе отравленія мышьякомъ.

Лейтенантъ Жераръ, извѣстный охотникъ за львами, отличился недавно новымъ подвигомъ отваги, описаннымъ имъ въ письмѣ къ г. Леону Бертрану, главному редактору *Журнала Охотниковъ*. Мы приведемъ разсказъ Жерара въ томъ видѣ, какъ онъ помѣщенъ въ одной французской газетѣ.

...«По пріѣздѣ моемъ въ Константину, я слышалъ отовсюду жалобы на львовъ. Въ теченіе года, во время моего отсутствія, они дали о себѣ знать слѣдующаго рода злодѣйствами.

Въ началѣ прошлой зимы, тунисскій купецъ пріѣхалъ съ женою въ мѣсто, называемое Тифекъ, на землѣ Садератовъ (въ Константинскомъ округѣ).

Онъ только-что вступилъ въ ущеліе, которое ведетъ къ древнему римскому городу, извѣстному въ томъ краѣ подъ именемъ Мемиссы, какъ жена нѣсколько отстала отъ своего мужа; купецъ пріѣхалъ къ выходу изъ ущелья, погоняя вьючныхъ животныхъ, везшихъ товары, когда замѣтилъ, что жена его пропала изъ виду.

Онъ тотчасъ же воротился назадъ и наткнулся на льва, который терзалъ бѣдную женщину.

Левъ не обратилъ на него никакого вниманія, и онъ могъ спокойно доѣхать до сосѣдняго дуара.

Напрасно уговаривалъ онъ Садератовъ идти вмѣстѣ съ нимъ, чтобы спасти трупъ его жены; они отказались подъ предлогомъ, что ночь застигла бы ихъ въ самомъ ущельи, и предлагали ему дождаться слѣдующаго утра, обѣщая свою помощь къ отмщенію за смерть несчастной.

Съ разсвѣтомъ купецъ, вооруженный съ головы до ногъ, отправился къ мѣсту, гдѣ жена его попалась въ когти къ льву.

Сзади его шли отъ тридцати до сорока человѣкъ тунисцевъ.

Но волосы и лоскутья платья было все, что осталось отъ женщины.

Въ припадкѣ отчаянія, купецъ просилъ Садератовъ указать ему убѣжище льва и помочь ему въ его мщеніи.

Черезъ часъ они пришли къ краямъ берлоги, гдѣ левъ спалъ, переваривая вчерашній обѣдъ.

При первомъ крикѣ людей, онъ вскочилъ на скалу, потягиваясь и зѣвая безъ всякой церемоніи.

— Ну, ступай, честь нападенія принадлежитъ тебѣ, сказали Садераты купцу: — подвинься немного и всади ему пулю въ голову; въ случаѣ нужды мы тебѣ поможемъ.

Несчастный сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, приблизился ко льву и выстрѣлилъ.

Но въ это самое время Садераты напали на купца, свалили его съ ногъ, изрубили его, подшучивая надъ нимъ самымъ жестокимъ образомъ, и потомъ отправились въ дуаръ, чтобы раздѣлить между собою наслѣдство, доставшееся имъ отъ тунисцевъ.

Мѣсяцъ спустя, Шезатмы охотились за этимъ львомъ точно такимъ же образомъ.

Одинъ изъ нихъ, видя льва у дерева, на которое самъ влѣзъ, пустилъ въ него пулю.

Левъ сообразилъ высоту и найдя ее по своимъ силамъ, прыгнулъ на стволъ дерева, схватилъ охотника за полу его бурнуса, стащилъ его и растерзалъ въ клочки.

Въ самомъ началѣ весны, три человѣка изъ того же племени ожидали на неприступныхъ скалахъ льва, который по утрамъ приходилъ пить къ источнику, извѣстному подъ именемъ Аинъ-Сеидъ, *Источникъ льва*.

На разсвѣтѣ левъ пришелъ, неся въ пасти мертвую женщину; положивъ ее возлѣ ручья, онъ началъ лизать кровь, которая текла у нея по рукамъ и по ногамъ, потомъ онъ воротился и черезъ полчаса принесъ араба, въ которомъ еще были признаки жизни. Въ ту самую минуту, какъ левъ клалъ трупъ мужчины возлѣ трупа женщины, Шетазмы выстрѣлили въ него и убили его на мѣстѣ. Нѣсколько минутъ спустя арабъ умеръ.

Въ прошломъ іюнѣ Уледъ-Мегбули, отрасль племени Сегіа, встрѣтили льва, въ горахъ Уикъ-Шеритъ. Когда левъ сталъ нападать на нихъ, они полегли на землю плечомъ къ плечу и рѣшились стрѣлять въ него въ упоръ.

Не смотря на шесть выстрѣловъ, изъ которыхъ многіе попали въ него, левъ бросился на нихъ, тяжко ранилъ двоихъ людей, а третьяго схватилъ въ пасть и отнесъ его, потряхивая, на разстояніе 1000 метровъ, гдѣ онъ былъ найденъ мертвымъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ нашли остатки мужскаго и женскаго труповъ, на мѣстѣ, называемомъ: Фумъ-эль-Гаміа.

Левъ напалъ на этихъ людей и ночью растерзалъ ихъ обоихъ. Въ послѣдніе дни того же мѣсяца, арабы изъ племени Уледъ-Мегбули, найдя въ Зеразерѣ, львицу съ двумя львятами, вызывали ее на нападеніе въ то время, какъ ихъ товарищи похищали у нея дѣтенышей.

Львица, воротившись, привязалась къ тѣмъ, которые несли ея дѣтей и преслѣдовала ихъ по равнинѣ до самыхъ палатокъ.

Двое людей были схвачены ею; одинъ отдѣлался тѣмъ, что у него была истерзана рука и изцарапано тѣло; другой же былъ убитъ.

Львица, остановившись передъ шатромъ, въ которомъ находились львята, заставила разбѣжаться всѣхъ жителей дуара, такъ-что принуждены были призвать Уледъ-Сесси для того, чтобы убить ее.

Шейкъ Амаръ-бенъ-Тайебъ прибѣжалъ съ пятнадцатью человѣками изъ своихъ; сойдя съ лошадей, они устремились на львицу замкнутымъ строемъ; львица., завидя ихъ, немедленно на нихъ напала.

Не смотря на ружейный залпъ, который сдѣланъ былъ по ней въ упоръ, она пала въ рядахъ своихъ враговъ не прежде, какъ ранивъ троихъ человѣкъ.

Назадъ тому нѣсколько дней, мужчина поджидалъ дѣвушку, которой онъ назначилъ свиданіе при подошвѣ Джебель-Ганута съ цѣлію похитить ее у родныхъ.

Придя на назначенное мѣсто, она сказала: «посмотри что у меня сзади».

Трусливый ловласъ, не обративъ вниманія на опасность, угрожала дѣвушкѣ, бросилъ ее, и она была растерзана львицей, которая завлѣла ее при выходѣ изъ дуара и постоянно преслѣдовала.

Наконецъ я отправился на поиски 20 октября; 23 я осмотрѣлъ гору Уикъ-Джемень, а вечеромъ того же дня я остановился у Уледъ-Сеси, между Эль-Ганутомъ и Зеразеромъ.

24 утромъ я входилъ на вершину этой послѣдней горы съ тѣмъ, чтобы выждать тамъ условленный сигналъ. Этотъ сигналъ былъ костеръ.

Въ полдень бѣловатый дымъ показался на высотѣ Эль-Ганута; въ часъ я сошелъ съ лошади у подножія этой горы, гдѣ меня ожидали тридцать человѣкъ изъ племени Уледъ-Сесси.

Взобравшись на отвѣсныя скалы на протяженіи восьмисотъ метровъ, я достигъ самаго возвышеннаго пункта, и человѣкъ, который видѣлъ прежде львицу, показалъ мнѣ ея логовище въ двухъ-стахъ шагахъ ниже меня.

Ущеліе шириною въ четыре или пять метровъ вело отъ этой берлоги къ мѣсту, гдѣ я находился.

Съ обѣихъ сторонъ были отвѣсныя неприступныя скалы. Поднявшись, львица должна была напасть на тѣхъ, кто бы затронулъ ее или идти по ущелью и приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ я стоялъ.

Съ другими спутниками, а не съ Уледъ-Сесси или даже съ ними, но если бы дѣло шло обо львѣ, я бы предпочелъ идти прямо къ логовищу.

Но я зналъ хорошо и людей и звѣря, и былъ увѣренъ, что, идя на львицу замкнутыми рядами, съ ружьями на плечахъ, безъ выстрѣла и неумѣстныхъ криковъ, можно было не бояться неудачи.

Я съ Гамидой сѣлъ на скалѣ, которая возвышалась футовъ на шесть или на семь надъ дорогою, и сдѣлалъ знакъ Уледъ-Сесси, чтобы они приближались.

Берлога состояла просто изъ впадины внутри скалы, гдѣ росло нѣсколько кустовъ тощаго можжевельника. Раздѣлившись на два отряда, люди мои направились прямо на львицу, которая привстала, когда они были въ пятидесяти шагахъ отъ нея.

Тутъ они встали на колѣни, держа ружья на плечахъ, и очень умѣренно, очень учтиво приглашали ее подняться, посмотрѣть, что дѣлается по ту сторону горы.

Но львица скалила зубы и не трогалась съ мѣста; видя это, одинъ изъ людей зажегъ валежникъ, покрывавшій землю, и какъ вѣтеръ распространялъ пламя, то львица принуждена была оставить свое убѣжище.

Она тихо встала и начала подниматься на крутизну, соприкасавшуюся съ мѣстомъ, на которомъ я стоялъ.

Она останавливалась разъ двадцать, чтобы посмотрѣть назадъ, и дойдя до подножія скалы, сѣла въ семи или восьми шагахъ отъ меня, глядя на меня самымъ неблагопріятнымъ окомъ и какъ будто разсчитывая высоту утеса, который казался ей неприступнымъ.

Находя свое положеніе неудобнымъ для того, чтобы начинать стрѣлять, я привсталъ; она также встала, но не подвинулась ни на шагъ.

Я прицѣлился ей между глазомъ и ухомъ, но въ ту минуту, какъ я собирался подавить собачку у ружья, муха сѣла у меня на дулѣ и стала перепрыгивать по немъ, мѣшая мнѣ видѣть изъ-за себя предметы.

Два раза раскачивалъ я карабинъ, но муха не улетала.

Однако львица сидѣла все на томъ же мѣстѣ неподвижно, поднявъ голову и смотря мнѣ прямо въ глаза.

Боясь промахнуться, цѣлясь въ голову, я прицѣлился въ плечо и выстрѣлилъ.

Пока львица визжала отъ боли, не падая однако на землю, я, выждавъ удобную минуту, пустилъ ей вторую пулю въ ухо и она пала на мѣстѣ какъ пораженная громомъ.

Такимъ образомъ убита была львица Эль-Ганута, трупъ которой я отправилъ въ тотъ же вечеръ въ Константину.

На другой день я останавливался у Фумъ-эль-Гамія; я дѣлалъ поиски въ Джуджѣ, Гузиретѣ, велѣлъ зажечь тростникъ въ Тимергеннѣ, но безъ всякаго результата...»

Оканчиваемъ разсказомъ о происшествіи, которое, несмотря на болѣе миролюбивый колоритъ, также довольно замѣчательно въ своемъ родѣ.

Актриса одного изъ главныхъ парижскихъ театровъ недавно потеряла мужа. Супруги эти лишены были удовольствія имѣть дѣтей. Однако, въ самый день погребенія, замѣтили въ церкви молодого человѣка въ глубокомъ траурѣ. Молодой человѣкъ казался очень огорченнымъ и повторялъ то и дѣло въ полголоса:

— О, батюшка, мой бѣдный батюшка!

По окончаніи церемоніи, онъ вышелъ съ открытою головою и послѣдовалъ пѣшкомъ за погребальною колесницей. На кладбищѣ рыданія его усилились; когда первыя горсти земли ударились о крышку гроба, онъ вскричалъ:

— О, батюшка! и такъ все кончено, я тебя болѣе не увижу.

И онъ безъ чувствъ упалъ на землю. Его постарались привести въ чувство; но такъ какъ онъ былъ еще очень слабъ, то его отвезли въ одной изъ траурныхъ каретъ на квартиру, которую онъ указалъ.

Всѣ эти происшествія были разсказаны вдовѣ покойнаго, при чемъ не забыли намекнуть ей, что черты лица молодого человѣка представляли поразительное сходство съ тѣмъ, кого онъ называлъ отцомъ. Актриса тотчасъ же пришла къ мысли, что это незаконный сынъ ея мужа. Будучи далека отъ того, чтобы упрекать человѣка, который съумѣлъ сдѣлать ее счастливой, она, не испытавъ сама наслажденія быть матерью, почувствовала, напротивъ, какое-то влеченіе къ молодому человѣку, котораго горесть въ подобныхъ обстоятельствахъ говорила въ пользу его чувствъ.

Она отправилась къ нему на квартиру, которой адресъ ей сообщили прежде. Когда онъ узналъ имя дамы, посѣтившей его, то пришелъ въ сильное замѣшательство; но госпожа *** ободрила его привѣтливостію, такъ-что онъ рѣшился разсказать ей свою печальную исторію. Исторія его похожа была на всѣ исторіи подобнаго рода. Мать его умерла съ горя, когда отецъ его оставилъ ее, чтобы жениться на госпожѣ ***. Съ тѣхъ поръ молодой человѣкъ жилъ маленькой пенсіей, которой теперь лишился съ кончиною своего единственнаго покровителя. Новые потоки слезъ заключили этотъ трогательный разсказъ.

Пока молодой человѣкъ говорилъ, госпожа *** дѣйствительно замѣчала между нимъ и покойнымъ мужемъ нѣкоторое сходство. Узнавъ, что она была, хотя и совершенно безъ намѣренія, причиною смерти его матери, она почувствовала къ нему еще болѣе сожалѣнія и симпатіи. А такъ какъ онъ выразилъ желаніе имѣть что-нибудь на память о покойномъ, то во вторичный визитъ она отдала ему часы, которые обыкновенно носилъ г. *** и портретъ его, оправленный въ медальонъ съ брильянтами. Къ этимъ подаркамъ она присоединила банковый билетъ въ тысячу франковъ, котораго молодой человѣкъ не

хотѣлъ было принимать; потомъ она оставила его, обѣщавъ ему заняться его участью.

Два дня спустя, г-жа *** хотѣла снова посѣтить своего protégé. Но къ удивленію, она узнала, что онъ выѣхалъ изъ этого дома и неизвѣстно куда дѣвался. Его знали подъ именемъ Виктора, и по свѣдѣніямъ, собраннымъ г-жею ***, она узнала, что была жертвою комедіи, сыгранной однимъ изъ искуснѣйшихъ плутовъ. (*)

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Прошлый годъ завершился въ русскомъ ученомъ мірѣ публичнымъ годовымъ собраніемъ Императорской Академіи Наукъ, описаніе котораго беремъ изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». «Собраніе происходило въ большой университетской залѣ, подъ предсѣдательствомъ вице президента Академіи, сенатора князя Сергія Ивановича Давыдова, въ присутствіи господина министра Народнаго Просвѣщенія, тайнаго совѣтника Авраама Сергѣевича Норова, и многочисленныхъ почетныхъ посѣтителей. Засѣданіе открылось чтеніемъ отчета о занятіяхъ Втораго Отдѣленія Академіи, представленнаго академикомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ. Говоря о трудахъ членовъ этого отдѣленія, П. А. Плетневъ упомянулъ между прочимъ о томъ, что въ нынѣшнемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе литературной жизни Александра Христофоровича Востокова. При этихъ словахъ господинъ министръ Народнаго Просвѣщенія подошелъ къ маститому академику, и, поздравивъ его, объявилъ, что, во вниманіе къ ученымъ трудамъ его, Государь Императоръ Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать ему орденъ св. Станислава первой степени. Далѣе П. А. Плетневъ прочелъ новое стихотвореніе другаго члена, князя Петра Андреевича Вяземскаго: 6 декабря 1854. (Стихотвореніе — замѣтимъ — превосходное, приближающееся по силѣ и мастерству стиха къ лучшимъ патріотическимъ пьесамъ Жуковскаго и Пушкина.)

«По общему желанію, выраженному господиномъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, это стихотвореніе было прочтено во второй разъ, и вырвало у слушателей громкія, единодушныя рукоплесканія — не бывалыя въ засѣданіяхъ Академіи. По окончаніи отчета, академикъ, статскій совѣтникъ Александръ Ѳеодоровичъ Миддендорфъ прочелъ, на французскомъ языкѣ, сочиненіе свое, Esquisse de la vie organique en Sibérie (Очеркъ органической жизни въ Сибири); и академикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Герасимовичъ

(*) The Athenaeum.—The Illustrated London News. — Indépendance Belge. — Comptes rendus de l'Académie des Sciences. — Revue Britannique. —Allgemeine Zeitung, и проч.

Устряловъ отрывокъ изъ своей Исторіи Петра Великаго: «Сооруженіе флота на Воронежѣ». — Въ заключеніе засѣданія, за болѣзнію г. непремѣннаго секретаря Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Павла Николаевича Фуса, Академикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Викторъ Яковлевичъ Буняковскій объявилъ, что на открывшіяся вакансіи избраны въ члены-корреспонденты Академіи: по I Отдѣленію: гг. Магнусъ въ Берлинѣ и Моль въ Тюбингенѣ; по II Отдѣленію: дѣйствительный статскій совѣтникъ И. М. Снегиревъ, статскіе совѣтники А. Ѳ. Вельтманъ, I. М. Бодянскій и И. П. Сахаровъ; наконецъ по III Отдѣленію: гг. Гриммъ въ Берлинѣ и Виденаннъ въ Ревелѣ».

— Въ началѣ нынѣшняго года готовится другое торжество науки, въ обширнѣйшемъ размѣрѣ; мы говоримъ о юбилеѣ въ честь Московскаго Университета, назначенномъ 12 января. Въ слѣдующей книжкѣ мы сообщимъ нашимъ читателямъ описаніе торжества, которое будетъ, безъ сомнѣнія, блистательно и многолюдно.

— Не съ большимъ мѣсяцъ тому назадъ напечатанъ былъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» слѣдующій *Разсказъ унтеръ-офицера, раненаго въ дѣлѣ при Альмѣ 8 сентября.*

«Желая ознакомиться съ огнестрѣльными ранами, я посѣщалъ военно-временный госпиталь, въ которомъ находятся раненые въ дѣлѣ при Альмѣ, доставленные въ Одессу на англійскомъ пароходѣ «Эванъ». Разспрашивая больныхъ, я обратилъ особенное вниманіе на разсказъ унтеръ-офицера 12-й роты Владимірскаго пѣхотнаго полка Григорьева, заключающій въ себѣ нѣсколько подробностей о дѣлѣ, и замѣчательный по оригинальности изложенія. Позволяю себѣ думать, что и въ безъискуственной формѣ своей, онъ не лишенъ будетъ интереса для публики, и считаю нужнымъ прибавить, что я старался удержать не только характеръ разсказа, но и самыя выраженія разсказщика.

— Ты куда раненъ?

— Въ грудь на вылетъ, ваше благородіе.

— Крови много вышло?

— Много, ваше благородіе, — думалъ, что изойду. На полѣ меня, какъ ударила пуля, — опорокъ ошибъ. Я свалился, да очнулся-то ужь — солнышко было на закатѣ.

— А сраженіе въ которомъ часу началось?

— Часовъ въ одиннадцать, въ обѣдъ. На позиціи-то мы были съ утра, да англичанинъ все не подходилъ.

— Далеко жъ онъ былъ отъ васъ?

— Да версты двѣ или три такъ-то, гдѣ онъ лагеремъ стоялъ.

— Чтожь, скажи, предъ сраженіемъ не страшно?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, только вотъ что мнѣ въ примѣту: хмѣль не беретъ. Бывало, выпьешь шкаликъ, а другой — такъ и мурашки въ глазахъ забѣгаютъ; а тутъ я съ унтеръ-офицеромъ нашей таки роты назали манерку у маркитанта, да еще опосля штофъ

вали, въ баталіонѣ-то съ своими и выпили, — такъ ничего, ваше благородіе, только сердце-то разыгралось. Унтеръ-офицеръ у меня спрашиваетъ: «что,.у васъ сердце-то не бьется?» — Нѣтъ, говорю, чего ему биться!» — «Ну, вы, говоритъ, не будете равены». А тутъ подъѣхалъ баталіонный командиръ, — добрый такой у насъ баталіонный командиръ былъ; — Богъ его знаетъ, гдѣ онъ теперь. — «Ребятушки, говоритъ, не выдайте, покажите себя молодцами». — «Какъ это можно выдавать, ваше высокоблагородіе, говоримъ мы ему, — ужли жъ мы не русскіе». Тутъ онъ вызвалъ пѣсенниковъ изъ баталіона, въ бубны-те ударили, — такъ не то, ваше благородіе, что англичанинъ да французъ, а кабы еще кого изъ-за моря привезли, и то бы ничего.... Вотъ когда онъ сталъ пущать ракеты, такъ немножко боязно стало, безъ привычки — какъ утка словно кряхтитъ. Да добрѣ плохо стрѣлялъ: все ядра саженъ на тридцать позади фронта ложились. Тутъ смѣху-то, ваше благородіе, сколько было! За нами выѣхалъ маркитантъ, и боченки съ водкою вывезъ. Какъ стали ракеты-то летать, онъ за бочку и присѣлъ. Одна ракета прямо въ бочку и попади; какъ выхватится оттуда маркитантъ, изъ-за бочки-то, мечется по полю направо да налѣво, не знаетъ, куда бѣжать, — смѣхъ такой! А ужь какъ пошли въ перестрѣлку, такъ тутъ все одно, хошь на ножъ лѣзь, такъ въ ту жь пору: сердце, значитъ, зашлось. Мы вѣдь были, ваше благородіе, въ первой линіи, — стало быть, полкъ Его Высочества и владимірцы, въ самомъ огню.

— И близко сходились?

— Да вотъ-вотъ только-что не сойдешься.

— На штыки не ходили?

— Раза три бросались на ура, — такъ не подпущаетъ: сейчасъ и отбой бьетъ. Онъ вѣдь развернутымъ фронтомъ былъ; такъ тѣ, что противъ насъ, отступаютъ, а тѣ, что съ боковъ, ужь сильно-то строчатъ. Пулями, какъ горохомъ, обсыпаютъ; ходу не даютъ. Да мало нашихъ было, ваше благородіе; глянешь назадъ — помочи нѣтъ: насъ всего восемь полковъ было, и то неполные, — а ихъ-то армія верстъ на пять растянулась, да куда на пять — верстъ на семь, отъ трактира до самаго моря. А кабы нашихъ было, ваше благородіе, побольше, — перевѣдаться бы можно. Впрочемъ, побилъ онъ у насъ мало, — ранилъ много. У него битыхъ больше, не въ примѣръ больше, — по киверамъ я такъ-то примѣчалъ, — для того, что ихъ съ батарей-то жестоко били. Они тутъ черезъ рѣку хотѣли переправляться, а противъ какъ разъ-то наша батарея была. Съ пушекъ-то значитъ, какъ ударятъ въ строй, — такъ и шарахаются, какъ овцы, аль и кувыркаются. Въ эфтомъ-то мѣстѣ силы ихъ положили, Боже сохрани, сколько. Ну, и онъ много лошадей на батареѣ побилъ: иной ядромъ ногу оторвало, тянется за своими, а у самой слезы такъ изъ глазъ и льются, — даромъ что скотина, чувствуетъ. Когда отбой ударили, стали мы отступать, — тутъ онъ много насъ ранилъ. И мы жь его одначе тожъ ловко запопали разъ: забѣ-

жали за валъ, гдѣ батарея наша стояла, — за валомъ-то ловчѣй: ружье заряжаешь — сидишь, зарядилъ — приподнялся немного, выпустилъ пулю, да опять нагнулся, — а онъ-то въ валъ жаритъ. Другой разъ поднялся стрѣлять, — глянулъ, аль ни ужасно: такъ покатомъ по полю и лежатъ въ красныхъ мундирахъ, а другіе-то напираютъ, — больно ихъ много. Рядомъ со мной солдатикъ нашъ былъ, — Кочетковъ, изъ пѣсенниковъ: парень такой важный, говорливый. Пригнулся, — а самъ прибаутки говоритъ: «сѣмъ-ка, ребята, говоритъ, долговязаго пристрѣлю. Намѣтилъ-то, говоритъ, я его давно; да тонокъ больно — никакъ не пристрѣлишь: должно пули соскользаются. Ну, да ничего, говоритъ, теперь въ баки буду цѣлить, — не промахнусь. Ишь какой волосатый!» Приподнялся, да и выглядываетъ изъ-за валу. А пуля, такъ-то наискось, прямо въ високъ ему щелкнула — такъ и покатился; тутъ и духъ выпустилъ. И Богъ его знаетъ, пристрѣлилъ онъ его, не то нѣтъ. Вотъ здѣсь и меня пуля ударила, — я упалъ, да ужь до самаго вечера не помню... Тутъ-то, ужь, значитъ, вѣтеръ повѣялъ съ моря, — я прозябъ и очнулся. Пить больно захотѣлось. А англичане прошли ужь чрезъ нашу позицію. Посидѣлъ я, посидѣлъ такъ-то; думаю: «пойду я себѣ — не доберусь ли къ своимъ; — все, значитъ, ваше благородіе, къ своимъ-то тянетъ. Хотѣлъ встать на ноги, да ослабѣлъ больно, что ты сдѣлаешь! Вотъ я сталъ, то ползкомъ, гдѣ на корточкахъ, лѣзъ я такъ-то версты надыть.... двѣ, а ужь темно стало, совсѣмъ темно Вижу, что-то маячитъ; думаю себѣ: «наши, не то нѣтъ», а сонъ-то меня такъ и клонитъ. Господи, Твоя святая воля! — что будетъ, то будетъ. Подлѣзаю этакъ поближе-то, — часовой закричалъ: слышу, кричитъ не по нашему, — въ сердцѣ у меня такъ и похолонуло. А я на нижнюю цѣпь, ваше благородіе, залѣзъ. Перекрестился, сталъ тоже имъ кричать: «ребятушки, явите Божескую милость, — дайте водицы». Въ горлѣ-то, значитъ, тогда у меня пересохло: пить бы, все пить бы. Подходятъ они ко мнѣ, одинъ-то малый здоровый изъ себя, по своему стали говорить надо мной. Вотъ я показываю имъ на ротъ-то, — пить прошу. Одинъ взялъ бутылку и далъ мнѣ напиться, дай Богъ ему здоровья, а другой-то пошелъ куда-то. Пролежалъ я, маленько отдохнулъ, — опять пить. Часовой крикнулъ, — пришли, еще воды мнѣ принесли: одначе видятъ, что я сталъ больно-то пить, стали давать мнѣ ужь по наперочкѣ. Такія наперочки есть у нихъ маленькія. А тутъ имъ сигналъ что ли дали, — только цѣпь-то они сняли, и эти, что подлѣ меня стояли, тоже пошли, да такъ-то показываютъ на кустъ: «ну, говоритъ, Русъ, — тутъ ложись» (*). Ушли они, а я себѣ ду-

(*) Безъ всякаго сомнѣнія, англичане объяснялись съ нимъ не по русски; но ужь таково замѣчательное свойство русскаго человѣка, что онъ, догадываясь о смыслѣ рѣчи, обращенной къ нему на иностранномъ языкѣ, передаетъ ее обыкновенно въ разсказѣ ужь по русски, хотя исковерканнымъ нарѣчіемъ, какъ бы желая поддѣлаться подъ иностранный выговоръ. Впрочемъ я долженъ упомянуть, что на вопросъ мой, предложенный разсказщику: «есть ли между

маю: «чтожь, лежать не приходится; попробую,—Богъ дастъ, доберусь до своихъ». Вотъ по кустамъ-то я опять поползъ; да озябъ таково, что трясусь весь, трясусь — да на пеньки натыкаюсь. А опосля-то съ горы сталъ спущаться, гдѣ наша была позиція, — вижу, огни горятъ «Ну, думаю себѣ, слава тебѣ Господи, — наши!» Прилегъ къ землѣ, слушаю: надъ лагеремъ-то говоръ стоитъ. Слышу, такъ какъ будто не русски говорятъ, какъ наши примѣрно. Подлѣзаю ближе; смотрю — анъ нѣтъ, ажноль не наши, — англичане. «Ну, думаю, попался же теперь; шабашъ до своихъ добраться». Перекрестился я такъ-то, — подлѣзаю. Вотъ тутъ подбѣжали ко мнѣ двое, взяли подъ руки, повели къ начальнику. Начальникъ вышелъ ко мнѣ изъ палатки, — такъ изъ себя старый человѣкъ. Спрашиваетъ меня: «русъ или полякъ?». Я вытянулся; «русъ, говорю, ваше превосходительство.» Онъ пошелъ въ палатку, вынесъ мнѣ оттуда полчашки рому и, должно быть, онъ приказалъ позвать доктора. Тутъ около меня собрались солдаты: смотрятъ на меня, качаютъ головою, по своему что-то говорятъ, а я прилегъ такъ-то у костра. Лежу, — слышу, одинъ толкаетъ меня; открылъ я глаза, — вижу, чай мнѣ даетъ. Тутъ ужь я какъ глянулъ на себя: и рубашка-то у меня, и шинель, и сапоги — все въ крови. Вотъ подходитъ ко мнѣ одинъ: мордища-то здоровая — здоровая, съ ножемъ въ рукахъ — сержантъ, что-ли, по ихнему прозывается. — «Ну-ка, говоритъ, русъ, показываетъ мнѣ такъ-то руками, чтобъ я растегнулся.

— Чтò-жъ, ты, я думаю, испугался?

— Какъ не испужаться, ваше благородіе,—надъ душею человѣкъ съ ножемъ стоитъ. Я такъ-таки и думалъ, что онъ меня тутъ и рѣшитъ совсѣмъ, да еще сталъ просить его; «явите божескую милость, любезный человѣкъ, — дайте свѣтъ увидѣть» Одначе нѣтъ, вижу, не рѣзать меня хочетъ: далъ мнѣ изъ своихъ рукъ чаю хлѣбнуть, растегнулъ шинель и ножемъ вырѣзалъ изъ рубахи лоскутъ, чтобъ раны, значитъ, не теръ. Тутъ докторъ пришелъ, перевязалъ мнѣ рану, капель далъ какихъ-то, прикрылъ меня одѣяломъ и показываетъ такъ рукою: «Ну, говоритъ, Русъ, спи, говоритъ, тутъ спи», потрепалъ по плечу: «жива, говоритъ, будешь.» Пригрѣлся я тутъ подлѣ костра и заснулъ...

Проснулся ужь я, ваше благородіе, часа въ четыре. Холодно мнѣ стало, для того, что ночью костеръ потухъ, и только угольки тлѣли. Часовой, что ходилъ около меня, замѣтилъ, что я трясусь, крикнулъ своимъ — принесли дровъ, опять разложили огонь. Вижу, стали въ походъ собираться: около костровъ какъ муравьи кишатъ, — кофій варятъ, альни дымъ отъ кофію-то по лагерю пошелъ. У меня инда голова закружилась,—Богъ ихъ знаетъ, какъ они его пьютъ... Опосля

ими такіе, которые говорятъ по нашему?» — онъ отвѣчалъ: «двоихъ я видѣлъ тамъ, ваше благородіе, — бойко говорятъ! Должно — французы, для того, что по бородѣ волосы запущены, примѣрно какъ у козы!»

Прим. авт.

принесли носилки, кладутъ меня, а сами махаютъ рукою на Севастополь: «Мы, говоритъ, Русъ, туда, говоритъ, пукъ! пукъ!...» Я думаю себѣ: «идите, идите, — можетъ, еще бываетъ такъ-то — напоретесь.» Тутъ одинъ снялъ шапку мѣховую и надѣлъ на меня, а самъ подперся въ боки, стоитъ да смѣется. Шапка-то тяжелая такая, мнѣ аль ни на носъ наѣхала. Снялъ я; вижу смѣется, — ажъ досадно стало. Пырнулъ я ему шапку въ руки, да говорю: «ну-те къ свиньямъ съ твоею шапкою.» Онъ надѣлъ на себя, подбоченился и отошелъ...

— А оттуда-жь тебя куда понесли?

— На лугъ, ваше благородіе. Стали подносить меня, глянулъ я, наши есть. «Ну, слава Богу, думаю себѣ, не одинъ буду пробавляться.»

— И долго лежалъ тамъ?

— Да дёнъ шесть, почитай. Сначала-то дня два они съ нами маячили, — своихъ хоронили, и нашимъ, случалось, пули вынимали; я видѣлъ одну — англичанской докторъ вынималъ нашему таки унтеръ-офицеру, такъ Боже сохрани: этакая острая, преострая, а въ середкѣ, пустая, должно, начинена чѣмъ. А какъ пошли къ Севастополю, съ нами только двое и осталось: докторъ, да еще какой-то. Докторъ-то изъ себя толстый, да рыжій; въ очкахъ...

— Онъ теперь умеръ отъ холеры (*).

— Дай Богъ ему царствіе небесное, — чудесный былъ человѣкъ, даромъ что Англичанинъ, старался о насъ. Должно быть, онъ вытребовалъ для насъ десять мѣшковъ сухарей, четыре боченка рому, чаю, сахару; стало быть, не сахару, — а песку. Разъ и самъ отбилъ у Татарина двухъ коровъ, пристрѣлилъ ихъ изъ ружья; «ну, говоритъ, Русь, бери.» Мы-то ужь тутъ сами: у кого ноги есть, пойдетъ, воды принесетъ; щи варили въ котелкахъ. Котелковъ-то у никъ много, — такіе, какъ наши, примѣрно, ведра, только къ верху пошире... Голодомъ не морили, а только жалостно было, ваше благородіе, на своихъ смотрѣть: перевязать рану нечѣмъ, да и докторъ-то одинъ не справится, — жаръ, опять же муха ѣстъ. Нѣкоторые солдатики тамъ и попримерли. Иной чувствуетъ, что смерть близко, — говоритъ: «вынесите меня, ребятушки, на берегъ, чтобъ я живой-то еще вамъ не опротивѣлъ.» Возьмемъ и вынесемъ, — все къ рѣкѣ клали... Чего не передумалось, ваше благородіе! Думаешь, — или приколютъ, или въ полонъ возьмутъ. Одначе нѣтъ — нашего не прикалывали, благо Турка не допустилъ Англичанинъ да Французъ, а то-бъ тамъ всѣмъ былъ капутъ. Только, какъ еще наши лежали на полѣ, такъ ходили, деньги обирали. У меня денегъ-то за голенищемъ немного было, съ цѣлковый всего: получилъ, значитъ, жалованье, рубашонку купилъ, — и тѣ подлая душа какая-то взяла... Жадный народъ, анаѳемскій: образки-благословеніе, — и то снимали. Ну, да то должно невѣрные: турки-замухрышки. Какъ увидятъ, что англичане отошли, такъ и бѣжатъ какъ собаки. Къ одному солдатику пристали, показываютъ копѣйку,

(*) Докторъ Томсонъ. — *Прим. авт.*

а тесакомъ къ горлу прикладываютъ: давай, не то молъ тутъ-те и рѣшу. Солдатику-то должнό было жаль денегъ, да и деньги-то не всѣ были свои; золотыхъ три товарища. дали. Сталъ упрямиться, а они ружьемъ-то какъ стали его въ грудь, да въ животъ подсаживать, — почитай, до полусмерти избили. Отъ этого опосля на проходѣ и померъ. Да оно, ваше благородіе, не все турки; межъ англичанами есть тоже ребята ловкіе: спуску мало даютъ. У меня въ табашномъ-то кисетѣ было съ двугривенной мѣдныхъ, трубочка и кресало. Кресало важное этакое: пятиалтыннаго не взялъ бы. Сначала дня два не трогали, даромъ что курилъ при всѣхъ; только, должнό, имъ нашъ табакъ не привычный: потянетъ носомъ дымъ, покрутитъ головою, «тютюнъ, тютюнъ, говоритъ, Русъ!» Опосля одинъ-то изъ рыжихъ и подвернулся, цапнулъ у меня изъ рукъ кисетъ, взялъ кресало, съ гривенникъ денегъ, а гривенникъ, значитъ, оставилъ на заводъ... Ахъ, ты подлый человѣкъ!—что ты съ нимъ сдѣлаешь!... Тутъ-то и уйтибъ можно, присмотру нѣтъ, пошелъ бы на волю Божую, — да больно ужь ослабѣлъ-то я; ночью пойдешь, попробуешь, оступишься въ канаву, а въ рану какъ желѣзомъ кольнетъ—и вернешься опять. А кто оправился мало-мало, — всѣ ушли.

— Ну, чтожь, скажи: — какъ они, народъ видный?

— А-а, народъ ловкій, ваше благородіе, чистый изъ себя. Наша-то дивизія съ десятаго декабря въ походѣ; по снѣгу-то мало пёрли! Отъ Москвы до Одессы чай тысячи двѣ верстъ отмахали, а все Богъ хранилъ. Опосля въ Молдавію еще заходили, а изъ Молдавіи-то ужь въ Крымъ. А онъ все по морю ѣздилъ, да на праходахъ, — отгулялся!...

— А мундиры-жь у нихъ красные?

— А-а, мундиры хорошіе, ваше благородіе. У англичанъ мундиры красные, красные, — какъ кровь алая. Одѣты всѣ легко, — тутъ у нихъ бѣлыя одѣяла, нѣмецкаго сукна шинель, въ родѣ какъ капишонъ, а спереди-то у него всякіе причандалы, одна фляжка съ ромомъ, другая съ водою, сухари въ сумкѣ черезъ плечо; такія сумки подѣланы, что лошадямъ на уши надѣваютъ.

— А сражаются хорошо они?

— Ничего, ваше благородіе, идутъ ровно. Тутъ-то какъ съ орудій стали бить, мѣшались сильно, а то ничего: такъ-таки ломомъ и ломитъ. А то тамъ еще были, ваше благородіе, какіе-то: вотъ какъ въ Саратовской губерніи бабы носятъ сарафаны, — спереди виситъ и сзади виситъ, поясомъ прихвачено, а сверху мундиръ надѣтъ,—такъ и ходитъ, а на ногахъ только чулочки, а тамъ ничего нѣтъ, — какъ есть, ничего. На головѣ у нихъ шапки мѣховыя, а спереди виситъ звѣрье, что ли какое ободранное, — должно барсукъ, какъ есть, цѣлый, съ лапками и головкой. Головка приходится какъ разъ на животъ; подниметъ ее, —тамъ у него и кресало, и табачекъ и всякіе припасы... Какъ бы теперь, разсмотрѣлъ бы все хорошо, а то и глядѣть на нихъ не хотѣлось. Песъ ихъ знаетъ, что за народъ такой необрядный!...

— Сюда-жь васъ, кажется, на пароходѣ привезли?

— Точно такъ-съ.

— Какъ же на пароходъ васъ переносили?

— Матросы пріѣхали съ кораблей. Они насъ и перетаскивали на носилкахъ. Мы думали, что въ Англію насъ повезутъ, — одначе нѣтъ: ночью еще къ Севастополю заходили, должно къ отрядному начальнику.

— Какъ же тебѣ показалось на морѣ страшно?

— Страшно, ваше благородіе. Вѣтеръ-то этакой страшный былъ, что и Боже упаси. Пойдешь такъ-то по кораблю, такъ тебя и качаетъ: вотъ скажи, словно пьяный какой. Всѣ переблевались, ваше благородіе, аль ни срамно. А они-то народъ этакой ловкій, — по праходу такъ вьюномъ и вьется, ходитъ, вотъ какъ бы, примѣрно, по корридору. Привычка—нельзя!... Э-е, да и хитро праходъ устроенъ. Видалъ я въ Саратовской губерніи купца Крохопяткина мельницу, стоитъ на горѣ, надъ рѣкою, примѣрно, здѣсь надъ моремъ, и мелетъ водою. Богъ ее знаетъ, какъ она такъ дѣйствуетъ,—одну воду изъ рѣки тянетъ, а другую въ рѣку пущаетъ ужь горячую. Тутъ наши солдаты, бывало рубашки моютъ и купаются,—полежишь съ полчаса, аль ни кости распарятся. Та хитро устроена, а этотъ еще хитрѣе... Тамъ у нихъ всякіе припасы, какъ дома: и коровы, и овцы, и куры, все, какъ есть; черепахи въ клѣткахъ содержатся.

— На пароходѣ хорошо-жь обращались съ вами?

— Ничего-съ... Вечеромъ пріѣхали мы сюда, стали якорь бросать, праходъ останавливать. Начальникъ-то ходитъ по кораблю: «Одессъ-то, Одессъ, Русъ», и смѣется. Мы думаемъ: «что-жь ты подманываешь — Одессъ-то, Одессъ! ты выпусти насъ, — будемъ Бога молить.» Ему что-жь!—ему говоришь, а онъ себѣ говоритъ: онъ скажетъ,—ты не понимаешь; ему скажешь,—онъ не понимаетъ,—словно со скотомъ. Цѣлую ночь мы тутъ-то не спали: холодно, да и къ своимъ-то хочется; чувствуешь, что близко. Ужь они тамъ какъ меня ни ласкай, а только я имъ не рачитель,—компаніи я съ ними держать не буду... Утромъ поѣхалъ ихъ начальникъ на берегъ: ждемъ; всѣ кто могъ, всѣ вылѣзли наверхъ; смотримъ, а сердце такъ и бьется, такъ бы кажись, и прянулъ. Одначе видимъ,—нашъ праходъ идетъ. Слеза, ваше благородіе, такъ прошибаетъ,—что больно рады-то были.

— Ну, какъ же теперь твое здоровье?

— Слава Богу, ваше благородіе, рана совсѣмъ, почитай, зажила, только въ боку маленько еще покалываетъ, да кашель бьетъ... Явите божескую милость, — лекарствія какого ни на есть противъ кашлю: хочется скорѣе выписаться, ваше благородіе. Буду просить начальство, чтобъ опять въ полкъ. Наши-то, почитай, тамъ бьются, — а тутъ лежишь. Не такое время теперь, ваше благородіе, чтобъ лежать-то, — своимъ помогать надо. А тамъ, что̀ Богъ дастъ, — не двадцать разъ умирать....

Считаю долгомъ присовокупить, что въ настоящее время разскащикъ, унтеръ-офицеръ Григорьевъ, почти совершенно оправился и находится въ отдѣленіи выздоравливающихъ, въ Военно-Временномъ № 21-го Госпиталѣ, въ Одессѣ.

Военный медикъ М. КУЗНЕЦОВЪ.

Мы, не пожалѣвъ мѣста, выписали весь разсказъ, во первыхъ потому, что онъ очень хорошъ и характеренъ, а во вторыхъ по слѣдующему поводу. Намъ давно хотѣлось обратиться ко всѣмъ тѣмъ, кто въ настоящее время находится при театрѣ военныхъ дѣйствій или въ какомъ либо прикосновеніи къ нимъ, и имѣетъ возможность посвящать перу хоть нѣсколько минутъ въ день, намъ хотѣлось обратиться къ такимъ лицамъ съ просьбою набрасывать хотя бѣглыя замѣтки о томъ, что вокругъ нихъ дѣлается, что они видятъ, слышатъ, въ чемъ сами принимаютъ участіе. Нѣтъ надобности напоминать, что мы переживаемъ время великое, о которомъ не намъ однимъ, но и всей Европѣ, или даже цѣлому свѣту долго потомъ не наговориться и словесно и печатно. И чѣмъ больше напишется замѣтокъ, схваченныхъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія, въ самомъ пылу совершающихся фактовъ, тѣмъ будутъ любопытнѣе и характернѣе будущія книги о нашемъ времени. Что касается редакціи «Современника», то она съ удовольствіемъ дастъ мѣсто въ своемъ журналѣ статьямъ въ родѣ разсказа г. Кузнецова или описанія парохода «Колхида», сколько бы такихъ статей ни было ей прислано.

— Съ нынѣшняго года издается въ Петербургѣ: «Газета Лѣсоводства и Охоты», подъ редакціею подполковника Корпуса Лѣсничихъ Ѳ. К. Арнольда, по одному листу еженедѣльно. Программа газеты слѣдующая: I. Лѣсоводство въ Россіи; II. Пособія къ лѣсоводству; III. Лѣсоводство заграничное; IV. Охота (Описаніе охотничьихъ орудій, способовъ ловли и травли; свѣдѣнія о разныхъ другихъ предметахъ, относящихся къ охотѣ; описаніе замѣчательныхъ случаевъ изъ охотничьей жизни и промысла; охотничьи разсказы, поговорки и т. п.); V. Библіографія; VI. Смѣсь; VII. Часть оффиціальная. За подробнѣйшими свѣдѣніями отсылаемъ читателей къ программѣ «Газеты», которая уже и начала выходить. Мы получили первый нумеръ, содержащій въ себѣ слѣдующія статьи: 1) «Нѣсколько словъ о причинахъ недостаточной въ Россіи заботливости къ сохраненію лѣсовъ» *Ѳ. Арнольда.* 2) «Практическія замѣчанія о рабочей силѣ, потребной для производства нѣкоторыхъ работъ въ лѣсныхъ плантаціяхъ Таврической губерніи». 3) «Лѣсной пожаръ во Франціи». 4) «Посѣвъ дубовыхъ желудей, пустившихъ ростки» и 5) небольшая охотничья замѣтка, подъ названіемъ: «Озадачилъ пѣтухъ». Затѣмъ слѣдуетъ часть оффиціальная, въ отношеніи къ лѣсоводству. Всѣ перечисленныя нами статьи дѣльны, любопытны и хорошимъ языкомъ написаны. Наружный видъ газеты очень красивъ. Цѣна годоваго изданія «Газеты Лѣсоводства и Охоты», съ приложеніями и съ пересылкою по почтѣ или съ доставкою въ С. Петербургѣ на домъ, полагается 6 руб. 50 коп.

сер., а безъ пересылки и безъ доставки 4 руб. сер. Подписка принимается: въ С. Петербургѣ, въ редакціи, при Лѣсномъ Департаментѣ, у Синяго моста, въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, и у коммиссіонера II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, почетнаго гражданина Лоскутова, въ книжномъ магазинѣ сего послѣдняго, противъ Гостинаго двора, въ Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Балабина. При подпискѣ долженъ быть доставленъ самый точный адресъ подписчика, ибо иначе редакція не можетъ ручаться въ исправности и своевременномъ доставленіи «Газеты».

— Заключимъ наши «Извѣстія» нѣсколькими замѣтками объ итальянской оперѣ и испанскихъ танцахъ:

Доницетти былъ нѣкогда любимцемъ петербургской публики, которая не могла безъ восторга слушать Рубини и Віардо въ «Лучіи», Гризи и Маріо въ «Лукреціи Борджіа» и потомъ Де-ла-Гранжъ въ «Любовномъ Напиткѣ».

Всѣ эти оперы, хотя не очень глубоко задуманныя и нечуждыя разсчета но эффектъ, нравились необыкновенною легкостію выраженія, граціею музыкальныхъ пріемовъ и роскошною пѣвучестію мелодій. При счастливой обстановкѣ, подобныя оперы заставляли мириться съ итальянскимъ стилемъ даже тѣхъ суровыхъ приверженцевъ контрапункта, которые вообще сравнивали итальянскую оперную музыку съ сладкими до приторности конфетами.

Привыкнувъ однако къ неистощимому разнообразію, игривости и округленности твореній Доницетти, публика наша остановилась въ раздумьи надъ двумя большими операми того же маэстро: «Фавориткой» и «Поліевктомъ», данными въ продолженіе нынѣшняго сезона, и кажется послѣдствіемъ этого раздумья было маленькое разочарованіе въ достоинствахъ синьора Гаэтано. О «Фавориткѣ» и впечатлѣніи, оставленномъ ею въ публикѣ, мы уже говорили, и потому скажемъ теперь нѣсколько словъ о «Поліевктѣ» и о томъ какъ онъ былъ принятъ нашими меломанами.

Если посредственный и безцвѣтный сюжетъ не мѣшаетъ даровитому композитору написать прекрасную оперу и заставить совершенно забыть о слабыхъ сторонахъ либретто, если Донъ-Жуанъ Моцарта, доходящій по сюжету своему до уродливаго и нелѣпаго, не перестаетъ однако въ музыкальномъ отношеніи быть великимъ произведеніемъ, то Доницетти, при сочиненіи «Поліевкта», тѣмъ менѣе представлялось труда написать что нибудь удачное, что сюжетъ этой оперы дѣйствительно хорошъ и даже, смѣемъ думать, даетъ много матеріаловъ для музыкальнаго развитія. Высокіе интересы, которые руководствуютъ здѣсь поступками дѣйствующихъ лицъ, сильные характеры, опредѣляемые религіозными убѣжденіями, и, наконецъ, борьба элементовъ язычества и христіанства и торжество послѣдняго — открывали здѣсь композитору обширное поле для творчества и вмѣстѣ налагали на него требованія сознательнаго, обду-

маннаго исполненія, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало величію воспроизводимой идеи.

Прослѣдите лучшія изъ оперныхъ твореній, возьмите «Фрейшюца», Вебера, «Осаду Гента» Мейербера, «Карла Смѣлаго» Россини, прислушайтесь къ драматическому развитію звука, который идетъ въ этихъ операхъ рука объ руку съ дѣйствіемъ, и вы убѣдитесь, что композиторъ здѣсь творитъ подъ вліяніемъ извѣстной идеи, подчиняющей себѣ все: и общій характеръ сочиненія, и самую отдѣлку частностей. Вы чувствуете, что каждая арія, каждая фраза здѣсь прочувствованы во всей полнотѣ, что композиторъ совершенно забываетъ о личныхъ ощущеніяхъ, о личномъ взглядѣ на вещи, и переносится въ положеніе извѣстныхъ лицъ, отодвигается назадъ на десятки и сотни лѣтъ, что онъ развивается, старѣется, морально возвышается, или падаетъ, вмѣстѣ съ своими персонажами, стремится къ извѣстной цѣли, достигаетъ ея съ блестящимъ успѣхомъ или въ изнеможеніи преклоняется предъ волею судьбы — и всѣ эти фазы дѣйствія, всѣ эти ступени развитія, всѣ разнообразные элементы національности, историческихъ положеній и ощущеній душевныхъ яркими узорами рисуются здѣсь на музыкальномъ фонѣ. Первый актъ «Карла Смѣлаго» совершенно не таковъ какъ второй и третій; первый актъ навѣянъ мирною жизнію среди горъ, сладкимъ, невозмутимымъ чувствомъ любви къ женщинѣ и привязанности къ родному краю, привязанности, которая не подозрѣваетъ еще предстоящихъ для нея усилій и пожертвованій. Во второмъ актѣ пора тихихъ восторговъ любви, пара безмятежнаго спокойствія замѣняются сомнѣніемъ, тревогами, опасеніями за будущее; характеръ ростетъ, обозначается въ борьбѣ за родину; сознаніе долга патріота пробуждаетъ въ немъ невѣроятную энергію, и вотъ уже не сладкія модуляціи горнаго рожка, не нѣжная пѣсня рыбака, собирающаго свои сѣти, раздаются среди пустынныхъ ущелій; ихъ смѣняютъ бранные клики, восторженные гимны защитниковъ отечества, музыкальныя партіи усложняются, аккорды становятся гуще, отрывистѣе, угловатѣе, энергичнѣе, какой-то сумракъ неизвѣстности охватываетъ еще бурные потоки звука и нѣжные тоскливые мотивы, какъ память о минуемомъ, лишь изрѣдка, лишь вскользь пробѣгаютъ по мрачной картинѣ смятенія, безпорядка и тревоги. И такъ музыка ростетъ, ширится вмѣстѣ съ объемомъ дѣйствія, она получаетъ грозный, торжественный характеръ и вмѣстѣ съ развязкою драмы переходитъ въ единодушный кликъ побѣды и радостнаго торжества.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ сюжетъ «Поліевкта» отражается на музыкальной части творенія, разберемъ достоинства этой оперы, со стороны драматической и музыкальной.

Увертюра «Поліевкта» длинна; то есть, можетъ быть, она и не длиннѣе увертюръ «Волшебнаго Стрѣлка» и «Карла Смѣлаго», но дѣло въ томъ, что она кажется болѣе длинною, потому что она вяла, растянута, безцвѣтна; вы не замѣчаете въ ней постепеннаго раз-

витія; звуки смѣняются звуками, фразы фразами совершенно случайно: поставьте начало въ середину, конецъ въ начало, и увертюра не потеряетъ. Прослушавъ ее, вы не испытываете никакого опредѣленнаго впечатлѣнія, вы не приготовлены къ слушанію оперы, не настроены къ сочувствію композитору; это пьеса, отрѣшенная отъ оперы, лишь случайно съигранная для наполненія промежутка времени.

Роли въ «Поліевктѣ» распредѣлялись у насъ слѣдующимъ образомъ: Феликсъ, правитель Арменіи—Тальяфико; Паулина, дочь его—Марай; Поліевктъ, зять Феликса — Тамберликъ; Северъ, проконсулъ римскаго императора — Ронкони; Неархъ, христіанинъ, другъ Поліевкта — Беттини.

Опера начинается хоромъ еще до поднятія занавѣса. Первая сцена представляетъ внутренность катакомбъ. Направо отъ зрителей ряды римскихъ гробницъ. Группы христіанъ сходятъ въ катакомбы и сбираются отправлять богослуженіе.

O volta oscura, che accogli il santo
De' monumenti tranquillo orror,
Il tuo silenzio solenne ahi quanto!
Non turbi il vile empio opprevor. (*)

Вотъ хоръ, пропѣвъ который христіане уходятъ въ пещеру налѣво, для отправленія богослуженія.

Сцена Неарха съ Поліевктомъ, изъ которой видно, что послѣдній обратился уже въ христіанство, слаба; хоры римскихъ дѣвушекъ и невольницъ, спускающихся затѣмъ въ камакамбы вмѣстѣ съ Паулиной, и обращеніе Паулины къ матери.

Oh! madre mia!...
Tu che nel cor mi leggi...

также безцвѣтны; дѣйствіе не подвигается, музыка римлянъ нисколько не разграничена здѣсь съ христіанскою, это тѣ же монотонные, съ претензіями на церковный стиль, переходы звука безъ малѣйшаго признака яркой мысли или затронутаго чувства.

Весь этотъ актъ, въ концѣ котораго Паулина узнаетъ о прибытіи проконсула Севера, нѣкогда любимаго ею, идетъ очень вяло и нисколько не вяжется съ остальными частями оперы.

Во второмъ актѣ мы видимъ, какъ въ рабочемъ кабинетѣ Феликса изготовляются эдикты, провозглашающіе гоненіе на христіанъ; Паулина читаетъ одинъ изъ экземпляровъ этого эдикта и трепещетъ за участь Поліевкта. Затѣмъ происходитъ въѣздъ Севера въ Митилену, при великолѣпной декоративной обстановкѣ; музыка тутъ довольно громогласная, но безъ достоинствъ; впрочемъ зрѣніе въ это время

(*) О, темный сводъ, гдѣ царствуетъ гробовая тишина; пусть ничто не нарушаетъ твоего молчанія, пусть ничто не тревожитъ вашихъ гонителей.

слишкомъ занято, такъ-что забываешь слушать. Огромная толпа народа, отряды самыхъ разнохарактерныхъ войскъ, военные хоры, знаменоносцы, невольники—все это пестрѣетъ на городской площади, выходя изъ тріумфальной арки, и послѣ подобной суматохи можно простить Северу его черствое обращеніе къ жителямъ

Valenti abitatori
Della vetusta Armenia.

Мы пропускаемъ сцену свиданія Севера съ Паулиной въ концѣ втораго акта пропускаемъ нѣсколько другихъ сценъ третьяго акта и переходимъ къ четвертой сценѣ того же акта, когда Поліевктъ рѣшается провозгласить себя христіаниномъ во всеуслышаніе:

Si; andrò nel loro tempio:
Iddio mi scorgerà.
Dei vili orrendo scempio
Il braccio mio farà (*)

говоритъ онъ, сбираясь идти къ храму Юпитера, гдѣ готовится по случаю пріѣзда Севера торжественное жертвоприношеніе.

Къ ногамъ проконсула приводятъ въ это время Неарха съ жалобою, что онъ къ соблазну народа склоняетъ и другихъ къ новому ученію. Неархъ не хочетъ открыть имени прозелита; но въ это время появляется Поліевктъ и торжественно признаетъ себя христіаниномъ.

Тутъ дѣйствіе нѣсколько оживляется; общее смятеніе, тревога за участь людей, которые отстаиваютъ свои убѣжденія передъ лицомъ цѣлаго народа, соединяетъ нѣкоторымъ образомъ всѣ разнообразные интересы около одного центра и даетъ толчекъ страсти.

Торжественное исповѣданіе истинной религіи въ прекрасномъ *morceau d'ensemble*, начинающемся дуэтомъ Поліевкта и Неарха

Jo fido in dio,
Signor dell'universo...

и переходящемъ потомъ въ *tutti*, очень эффектно; это лучшее мѣсто всей оперы, оно и исполнено было удачнѣе, чѣмъ что-нибудь, и потому было повторено по требованію публики. Тамберликъ, съ своимъ необыкновенно энергическимъ голосомъ оказывался здѣсь превосходнымъ пѣвцомъ и превосходнымъ драматическимъ актеромъ. Tutti третьяго акта рѣшительно стоитъ всей остальной оперы. Четвертый актъ опять безъ достоинствъ; вообще въ характерѣ Поліевкта, со времени торжественнаго признанія себя христіаниномъ, не замѣтно рѣзкаго переворота, не замѣтно градаціи и въ самой музыкѣ, которая послѣ торжественнаго финала третьяго акта, въ четвертомъ представляетъ все тѣ же вялыя партія, которыя тянутся въ продолженіе всей оперы. Мы видимъ, какъ Пау-

(*) Да, я пойду въ ихъ храмъ, Богъ поведетъ меня туда. Рука моя нанесетъ тяжкій ударъ нечестивымъ.

лина, плѣняясь мужествомъ Поліевкта, сама обращается къ христіанству, но этотъ переходъ такъ крутъ, такъ неожиданнъ и такъ неестественно переданъ композиторомъ, что, не зная заранѣе содержанія пьесы, трудно было бы понять, отчего печальная дотолѣ Паулина, вдругъ разцвѣтаетъ и становится радостною восклицая:

Che veggo, che ascolto?
Qual fremito in me!

Но какъ холодны эти слова обращенной римлянки! трудно узнать въ нихъ Паулину, которая готова запечатлѣть жизнію истину христіанскаго ученія.

Дуэтъ ея съ Поліевктомъ, подъ звуки арфы

O santa melodia
Celeste voluttà!

недуренъ.

Это послѣднее эффектное мѣсто въ оперѣ. Затѣмъ дѣйствіе идетъ какъ бы на скорую руку. Послѣдняя сцена, въ циркѣ, кромѣ декоративной обстановки, не имѣетъ никакого серьёзнаго значенія.

Вообще вся опера основана на роли Поліевкта и весь успѣхъ ея у насъ въ Петербургѣ принадлежитъ чисто таланту Тамберлика; онъ вынесъ твореніе Доницетти на своихъ плечахъ и избавилъ его отъ очень возможнаго *fiasco*.

Если значеніе и успѣхъ Поліевкта основаны на одной роли, то вновь поставленная въ Петербургѣ опера Верди «Сивардъ Саксонецъ», также кружится около личности самого Сиварда. Роль эта исполнена была Дебалини съ его обычнымъ, все болѣе и болѣе развивающимся искусствомъ. Теденко въ роли Гевы была также хороша. Должно замѣтить, что мрачный, ужасный характеръ этой оперы, несмягченной ни одною свѣтлою, отрадною личностью, ни одною ясною музыкальною фразой, долженъ быть чрезвычайно тяжелъ для исполнителей. Ужасы здѣсь громоздятся на ужасы, убійства слѣдуютъ за убійствами, и жертвы падшія подъ ударами Сиварда являются ему длинной вереницей.

Верди громогласный по преимуществу и пѣвцеубійца по общему отзыву музыкальныхъ критиковъ, Верди, который, не довольствуясь музыкальными инструментами, начинаетъ употреблять въ дѣло и наковальни и сковороды и котлы и метлы, оказывается и здѣсь довольно горячимъ приверженцемъ шума и стукотни.

Опера начинается прямо бурей и хорами вѣдьмъ; разумѣется въ этихъ хорахъ мало музыкальнаго, и они настраиваютъ слушателя очень непріятно. Неужели нельзя было избѣжать подобныхъ крайностей, если уже не доставало у композитора таланта на то, чтобы сладить съ шекспировскимъ сюжетомъ.

Арія Гевы.

Vieni! t'affretta! accendere
Vô quel tuo freddo core

пропѣта была Тедеско очень искусно, съ тѣмъ леденящимъ холодомъ, который требуется характеромъ роли.

Дебассини пѣлъ и игралъ безукоризненно, и этому должно приписать, что новая опера Верди, кажется, понравилась нашей публикѣ. Декоративная обстановка какъ и всегда отличалась художественнымъ великолѣпіемъ. Въ этомъ отношеніи сцена наша можетъ смѣло идти въ состязаніе съ любою изъ европейскихъ оперныхъ сценъ.

Пріятнымъ развлеченіемъ отъ ужасовъ и холоднаго громогласія творенія Верди служили испанскіе танцы Алонзо Гусмана и Пепы Варгасъ.

Танцы эти породили множество разнообразныхъ толковъ: были и поклонники таланта пріѣзжихъ танцоровъ—и на этой сторонѣ оказывалось большинство; были и порицатели или скорѣе порицательницы граціозныхъ тѣлодвиженій г-жи Пепы Варгасъ.

Что касается до насъ, мы съ восторгомъ смотрѣли на національные танцы Андалузіи, переданные Пепа *почти* до подробностей. La Manola, el Paso de la Capo Espagnole и нѣкоторые другіе характерные танцы, исполненные страсти, чувственности, но и глубокаго поэтическаго смысла, воодушевляли публику, и громкимъ, искреннимъ рукоплесканіямъ не было конца.

МОДЫ.

Въ Парижѣ нѣтъ баловъ, итальянскую оперу посѣщаютъ очень мало и бальнаго туалета не видать на посѣтительницахъ. Модистки болѣе не проводятъ безсонныхъ ночей, выдумывая какой нибудь оригинальный туалетъ для одной изъ красивыхъ своихъ кліентокъ. Ихъ мастерскія наполнены одними визитками, платьями, для которыхъ у нихъ какъ бы не достаетъ фантазіи, потому что давно они не были такъ просты, какъ нынче. Фасонъ шляпокъ измѣнился, но нисколько не въ пользу: голова и лицо по прежнему открыты для мороза и солнца. Парижскія модистки, изобрѣтая нынѣшнія шляпки, не подумали о жгучемъ солнцѣ Бразиліи и о петербургскихъ морозахъ; но удивительно, почему петербургскія модистки не дали себѣ труда придумать фасона шляпокъ для русскихъ женщинъ, которыя по цѣлымъ часамъ катаются въ саняхъ съ открытой головой. Изобрѣтя удобную, т. е. теплую шляпку для русскихъ женщинъ, они бы спасли цѣлое поколѣніе отъ головныхъ ревматизмовъ, потому что даже дѣтскія головки сдѣлались жертвой безразсудной моды.

Но обратимся къ парижскимъ модамъ. Фасонъ платьевъ очень упростился, воланы исчезли, а съ ними и пестрота. Юбки платьевъ дѣлаютъ очень широкія и длинныя, но только для комнаты; для улицы нужно, чтобъ юбка была умѣренной ширины и длины. Уборка если бываетъ на юбкахъ, то съ боковъ. Рисунокъ на матеріяхъ — полосы или цвѣты. Лифы высокіе и закрытые на пуговицахъ, баскъ не отрѣзная и откры-

тая спереди. Рукава о двухъ и о трехъ буфахъ и съ однимъ воланомъ. Воротнички небольшіе, рукава пышные. Шляпки изъ бархату болѣе не дѣлаютъ на кулисахъ, донышко у тулья плоское; уборка ихъ—кружева безъ лентъ или перья. Чепчики большіе и черные, кружева необходимы для уборки ихъ. Прическа волосъ все та же, передніе волосы носятъ пышно и совершенно гладко, бандо изъ лентъ снова стали носить. Кашъ-пень дѣлаютъ изъ лентъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Дорогія ожерелья, серьги и другія вещи необходимы для бальнаго туалета.

Бальный туалетъ.

1. Голубое муаръ-антикъ платье съ серебрянымъ отливомъ, юбка гладкая, лифъ вышитъ бусами, рукава также, и къ нимъ пришиты широкія блонды. Кушакъ изъ бусъ обхватываетъ талію и падаетъ на юбку. Голова убрана цвѣтами изъ гранатнаго бархату и бусами. Двѣ нитки изъ жемчугу, съ застежкой, яхонтами и брильянтами; серьги, брошъ и браслеты изъ этихъ же камней.

2. Блѣдно-розовое платье изъ неразрѣзнаго бархату, юбка гладкая, лифъ съ отворотами, которыя начинаются спереди отъ шнипа и кончаются на спинкѣ у самой таліи; отвороты обшиты узкой блондой съ двухъ сторонъ. Спереди лифъ покрытъ бѣлымъ атласомъ и на немъ нашиты бѣлыя блонды; рукава буфой изъ атласу и на нихъ пришиты блонды. Голова убрана бѣлыми съ розоватымъ отливомъ розами, передніе волосы раздѣлены розовой бархатной лентой, въ косѣ такой же бантъ. Серьги, браслеты и колье изъ бирюзы съ брильянтами.

3. Палевое пу-де-суа платье о двухъ черныхъ кружевныхъ воланахъ. Лифъ и рукава покрыты кружевами. Голова убрана полевыми нарцисами и нитка брильянтовая отдѣляетъ передніе волосы. Браслеты, брошъ и колье изъ брильянтовъ.

4. Розъ-шинь крѣповое платье о трехъ воланахъ; каждый изъ нихъ обшитъ розовой атласной лентой, которая обшита узенькой блондой. Лифъ гладкій, со шнипомъ, широкая атласная лента идетъ отъ спинки въ видѣ берты, обхватываетъ плеча и у таліи скрещивается, опускаясь длинными концами въ видѣ кушака. Рукава о двухъ буфахъ. Напереди на лифѣ букетъ изъ розъ. Голова убрана розами и лентами. Нитки жемчугу, браслетъ и маленькія серьги.

Этотъ туалетъ для молодыхъ дѣвицъ, его можно упростить: вмѣсто крѣпу бѣлый тарлатанъ и одна лента на головѣ.

Обѣденный туалетъ.

1. Бархатное платье свѣтло-гранатное. Юбка съ разрѣзами на бокахъ, въ которые вставленъ атласъ подъ цвѣтъ бархату и весь зашитъ кружевами гипюръ черными, и аграмантомъ съ стеклярусомъ. Лифъ полузакрытый, рукава съ плеча разрѣзные и убраны какъ юбка, т. е. кружевами и стеклярусомъ. Ченчикъ изъ гипюръ съ бѣлыми лиліями и болотною зеленью. Брошъ, серьги, браслетъ изъ брильянтовъ съ яхонтами.

2. Муаръ-антикъ платье цвѣта веръ-де-помъ, юбка убрана въ видѣ передника кружевами и атласными лентами; лифъ полузакрытый, рукава и баскъ убрана такими же кружевами. Кашъпень изъ темныхъ зеленыхъ бархатныхъ лентъ. Серьги и прочія вещи изумрудъ съ брильянтами.

Визитный туалетъ.

1. Платье синее дама съ черными полосами, юбка гладкая, лифъ закрытый съ баскъ, рукава съ воланами и широкими кружевами. Воротничекъ гипюръ, рукава такіе же. Мантилья шарфъ изъ трехъ рядовъ кружевъ и каждый рядъ нашитъ на бархатную черную ленту. Шляпка бѣлая изъ неразрѣзнаго бархату, съ перьями. У полей широкая блонда, подъ полями бѣлыя розы и рюшь съ узенькой блондой. Кромѣ брошъ изъ каме и браслетовъ съ часами другихъ вещей нѣтъ.

2. Сѣрое муаръ-антикъ платье, на юбкѣ съ боковъ въ три ряда нашита бархатная сѣрая лента, обшитая узенькой блондой. Рукава и лифъ отдѣланы также. Мантилья-шарфъ сѣрая бархатная, отдѣланная сѣрыми атласными лентами и бѣлыми блондами. Шляпка розовая бархатная, съ сѣрыми перьями.

3. Платье изъ пу-де-су-а, голубое съ бѣлымъ, мелкаго рисунка, о трехъ воланахъ, каждый обшитъ бахрамой. Лифъ закрытый, съ баскъ, рукава о трехъ буфахъ; лифъ и рукава обшиты бахрамой, какъ на воланахъ. Мантилья изъ бѣлыхъ кружевъ съ голубыми лентами. Шляпка бѣлая атласная, съ блондами, подъ полями незабудки.

Туалетъ для прогулки.

1. Темное шелковое платье, шубка чернаго бархата, обшитая соболями; муфта. Шляпка синяя гладкая бархатная, отдѣланная черными кружевами, подъ полями бархатная синяя лента, съ блондами, бѣлыми и черными узкими лентами. Ботинки на пуговицахъ и съ каблучками.

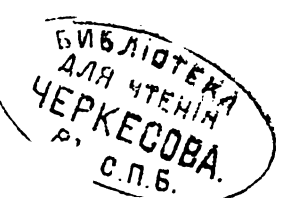
2. Платье изъ паплина полосатаго коричневаго съ чернымъ. Прямой салопъ на кокеткѣ изъ муаръ-антикъ, отдѣланнаго чернымъ бархатомъ. Шляпка коричневая бархатная. Муфта соболья.

Утренній домашній туалетъ.

1. Халатъ изъ темно-малиноваго плюшу, юбка бѣлая кисейная, вышитая спереди. Фасонъ халата блузой, золотой шнурокъ съ шерстью обхватываетъ талію, рукава широкіе и очень длинные. Чепчикъ изъ блондъ и бархатныхъ узенькихъ лентъ. Туфли бархатныя, вышитыя золотомъ и съ такой же бахрамой.

2. Халатъ съ пелеринкой изъ бѣлаго кашемиру на голубомъ атласѣ. Чепчикъ кружевной, съ голубыми лентами. Юбка и кофта почти вся изъ волановъ и вышивки. Туфли голубыя атласныя, съ бѣлыми кружевами.

3. Халатъ изъ шали, чепчикъ блондовый, съ пестрыми лентами. Туфли вышитыя шелками, турецкаго фасона.



ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
О. В. ВАЗУНОВА,

на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Энгельгарда, противъ Милютиныхъ лавокъ

ПРОДАЮТСЯ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ КНИГИ:

Цѣны означены на серебро.

Заморскіе гости, собраніе пѣсенъ, военныхъ куплетовъ, сказокъ, басенъ и стиховъ про турокъ, англичанъ и французовъ, выражающія чувства русскихъ за Вѣру, Царя и Отечество, въ войну настоящаго времени. Москва. 1854. Цѣна 30 коп., съ перес. 50 коп.

О новыхъ открытіяхъ золота въ отношеніи къ статистикѣ и государственной экономіи. Рѣчь, произнесенная профессоромъ Императорскаго Санктпетербургскаго Университета *И. Горловымъ.* Спб. 1854. Цѣна 1 руб. и съ пересылкою.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненіе Грибоѣдова и Крюковскаго. Изданіе *Александра Смирдина.* Спб. 1854. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

Путешествіе А. С. Норова. 5 томовъ. Спб. 1853. Томъ 3 и 4 (Путешествіе по Святой Землѣ въ 1835 году). Томъ 5 (Путешествіе къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ). Цѣна 5 руб., съ перес. 6 руб.

Ручная книга русской опытной хозяйки, составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюденій русской хозяйки *К. Авдѣевой.* Изданіе восьмое. 3 части. Москва. 1854. Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкою 3 руб.

Кухмистеръ XIX вѣка, содержащій въ себѣ 372 правила нужнѣйшихъ для поваровъ и поварихъ, составленный изъ многолѣтнихъ опытовъ и наблюденій русскимъ кухмистеромъ. Москва. 2 части. Цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 25 коп.

Печатать позволяется. Декабря 5 дня 1854 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній.

Стр.

ки русскаго языка (17). — Московская самоварница. Сочинение Петра Мед...а (19). — Магазинъ землеведенія и путешествій. Географическій сборникъ издав. Николаемъ Фроловымъ (21). — Свѣтскій человѣкъ, или руководство къ познанію свѣтскихъ приличій и правилъ общежитія, принятыхъ хорошимъ обществомъ. Сост. Д. И. Соколовымъ (33). — Чтенія для юношества. Очерки жизни и сочиненій Жуковскаго, составл. П. Баскаковымъ (36). — Синопъ. Стихотвореніе В. Г—на. — Англичане и съ русскимъ пѣтухомъ не сладили, или Бухта Колинги. 18 іюля 1854. Разсказъ стараго русскаго инвалида. — Герой Щеголевъ, юный питомецъ русской славы. — Союзники у Севастополя. Письмо француза къ пріятелю на родину. Соч. Ив. Семерихина. — Заморскіе гости. Собраніе пѣсенъ и проч. (37). — Жизнь преподобной Маріи Египетской (37). — Обзоръ сношеній между Англіею и Россіею въ XVI и XVII столѣтіяхъ (38). — Правда объ Англіи и сказанія о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. А. Ротчева (39). — Счастливое семейство, или полезное чтеніе для дѣтей. Соч. Л. Ярцовой 40

История моей жизни ЖОРЖА САНДА. Томъ I. Часть I. 1
Воспоминаніе. Разсказъ В. ОКОВА 21
Воспоминанія парижскаго буржуа. Доктора ВЕРОНА 41
Замѣтки и размышленія НОВАГО ПОЭТА по поводу русской журналистики. 63
Иностранныя извѣстія. (Гриппъ въ Парижѣ. — Потребность скандала. — Пьеса Латура и нервическій припадокъ Рашели. — Концертъ Берліоза. — Гастрономическій комитетъ. — Индѣйскій набабъ. — Положеніе коммерческихъ дѣлъ. — Виды на академическія кресла. — Парижскіе театры. — Продажа книгъ и картинъ. — Значеніе Ренара въ искусствѣ одѣвать человѣчество. — Новое оружіе и *револьверы*. — Праздничная скука въ Лондонѣ. — Англійская передѣлка «Мертвыхъ Душъ» Гоголя. — Poly Harmonicon. — Книга Капцельманса. — Новости по части наукъ. — Подвигъ лейтенанта Жерара. — Новый опытъ искуснаго плутовства). 79
Внутреннія извѣстія 108
Моды *(съ парижскою картинкою)* 123

СОВРЕМЕННИКЪ въ **1855** году выходитъ ***перваго числа каждаго мѣсяца*** книжками отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе, съ картинкою парижскихъ модъ при каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

съ 12-ю картинками модъ и другими приложеніями,

въ С. Петербургѣ безъ доставки: 15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкою: 16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, при книжномъ магазинѣ Ѳ. В. Базунова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.*

СОВРЕМЕННИКЪ

1855

F. M.

№ II ФЕВРАЛЬ

Санктпетербургъ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ:

Стр.

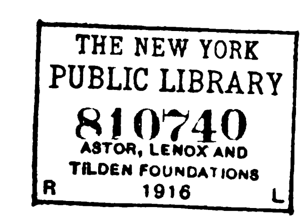
Три стихотворенія А. С. ПУШКИНА. . . . 213
1) Воспоминанія въ Ц. С. 214
2) Воспоминаніе. 215
3) *Наперсница волшебной старины* 217
Виновата ли она? Повѣсть. А. Ф. ПИСЕМСКАГО 305
Аспазія. Стихотв. Я. П. ПОЛОНСКАГО 306
Въ саду. Стихотв. А. А. ФЕТА. 307
Часовщикъ, или Слова и Дѣла Самюэля Сликка, изъ Слликвилля. Очерки американскихъ нравовъ. АЛИБУРТОНА. . . . .

Жизнь Алкивіада, по новѣйшимъ о ней изслѣдованіямъ. М**. Статья вторая 83
Журналъ Степана Петрова сына Хметевскаго о военныхъ дѣйствіяхъ русскаго флота въ Архипелагѣ и у береговъ Малой Азіи въ 1770—1774 годахъ. Статья вторая и послѣдняя. (IV. *1772*. Списокъ судовъ русскаго флота. — Килеваніе кораблей. — Крейсированіе у Дарданелъ. — Декларація графа А. Орлова о контрабандной торговлѣ подъ нейтральнымъ флагомъ. — Перемиріе. — Подлинныя статьи договора. — Дѣйствія противъ дульциніотовъ. — Новое перемиріе. — Нравы жителей Архипелага и береговъ Анатоліи. — Осада Чесменской крѣпости. — Сожженіе турецкихъ судовъ. — Переговоры съ правителемъ Хіоса. — Крейсированіе, встрѣча съ турецкими судами у Патраса, сожженіе ихъ. — Вызовъ офицеровъ въ Россію. — Общее обозрѣніе дѣйствій истекшаго года. — Нравы архипелажскихъ грековъ. — V. *1773—1774*. Переговоры Грейга съ правителемъ Тенедоса. — Письмо отъ капитанъ-паши о заключеніи перемирія. — Отвѣтъ Грейга. — Возвращеніе лейтенанта Овцына изъ плѣна. — Хметевскій просится въ отставку. — Крейсированіе у Дарданелъ. — Возвращеніе графа А. Г. Орлова въ Ливорно. — Рескриптъ, присланный Хметевскому. — Бомбардированіе Будрумскаго порта и высадка на берегъ Анатоліи. — Высадка на островъ Станкіо. — Разрѣшеніе Хметевскому возвратиться въ Россію. — Возвращеніе флота въ портъ Аузу. — Увольненіе Хметевскаго. — Обозрѣніе компаній его. — Бомбардированіе и осада города Бейрута. — Возвращеніе Хметевскаго въ Россію.). 111

Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. Томы I и II. Статья первая 27

Историческая записка, рѣчи, стихи и отчеты Императорскаго Московскаго университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года, по случаю его столѣтняго юбилея (41). — Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1708 году (45). — Италія. Письма

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)



ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПУШКИНА.

(Изъ новаго изданія «Сочиненій Пушкина», котораго два первые тома вышли на дняхъ въ свѣтъ. См. нашу статью о нихъ въ этой книжкѣ.)

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ Ц. С.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи — безумный расточитель —
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,

Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей
И слышалъ.... снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ.... забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены Великою Женою
Ея любимые сады!
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ орловъ!

14 декабря 1829. С.-Петербургъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда;
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ — и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя — два данные судьбой
Мнѣ Ангела, во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ.
И стерегутъ.... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

19 мая 1828.

---

* * *

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!

Младенчество прошло какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила —
Средь важныхъ Музъ тебя лишь помнилъ онъ
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной.
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ
Прелестная глава благоухала,
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала....

А. ПУШКИНЪ.

ВИНОВАТА ЛИ ОНА?

ЗАПИСКИ.

I.

Мнѣ было двадцать два года. Я перешелъ на четвертый курсъ математическаго отдѣленія (*). Освоившись съ факультетомъ, мнѣ очень легко стало заниматься, свободнаго времени начало у меня оставаться очень довольно, но куда его дѣвать? и чѣмъ наполнить даже въ многолюдной Москвѣ, небогатому и одинокому студенту? я жилъ одинъ, знакомыхъ не имѣлъ никого и единственнымъ моимъ развлеченіемъ было часа по два, по три ходить по Тверскому бульвару и, Богъ знаетъ, чего не передумать. Однажды я встрѣтилъ молодаго человѣка, который прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Не знаете ли кого нибудь изъ вашихъ товарищей, кто бы приготовилъ меня въ университетъ?

Я посмотрѣлъ на него пристально; на видъ ему было лѣтъ осьмнадцать, одѣтъ онъ былъ небрежно, въ пріемахъ его видна была безпечность. Лицо выразительно, и съ глубокимъ оттѣнкомъ меланхоліи.

— Если вамъ угодно, я могу это взять на себя, отвѣчалъ я.

(*) Московскаго Университета.

— Пожалуйста, мнѣ надобно приготовиться изъ математики. Вы какого факультета?

— Математикъ.

— Это хорошо, а вы почемъ возьмете за урокъ?

Этотъ прямой вопросъ меня сконфузилъ.

— Обыкновенную цѣну — рубль серебромъ, отвѣчалъ я.

Молодой человѣкъ подумалъ.

— Хорошо, это я могу дать. Ваша фамилія? проговорилъ онъ.

Я сказалъ, онъ мнѣ назвалъ свою, далъ адресъ квартиры и просилъ придти на другой день въ 7 часовъ вечера.

— Вы живете одни, или съ семействомъ? спросилъ я.

— Съ матерью, есть и сестры, отвѣчалъ онъ.

Мы разстались.

Я возвратился домой очень довольный этой встрѣчей, мнѣ давно хотѣлось имѣть урокъ — не для денегъ, которыхъ хотя было у меня и немного, но доставало на мои умѣренныя желанія, но мнѣ желалось учить, хотѣлось имѣть право передавать другому свои знанія, свои убѣжденія, а того и другаго было въ моей головѣ довольно въ запасѣ.

На другой день я отправился еще за подчаса до назначеннаго срока. Домъ, который отыскалъ по адресу, былъ барской; стоялъ онъ на дворѣ, по бокамъ тянулись огромныя каменныя прислуги, кругомъ почти цѣлый кварталъ обхватывала желѣзная рѣшетка. Я долго путался въ огромныхъ сѣняхъ, наконецъ вошелъ въ бель-этажѣ въ главныя двери. Лакей въ ливреѣ на вопросъ мой: «здѣсь ли живетъ Леонидъ Николаичъ Ваньковскій?» отвѣчалъ довольно грубо: «ступайте на самый верхъ, на право.» На верху въ передней я никого не нашелъ, въ залѣ тоже; изъ сосѣдней комнаты слышался разговоръ, я началъ кашлять, выглянула молодая дѣвушка. Я поклонился ей.

— Вамъ, вѣрно, брата Леонида нужно? проговорила она и ушла назадъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ мой ученикъ.

— Bon soir, пойдемте въ кабинетъ, проговорилъ онъ, подавая мнѣ руку.

Мы вошли въ довольно большую комнату, которая, видно, дѣйствительно была нѣкогда богатымъ кабинетомъ, но въ настоящее время представляла страшный безпорядокъ: стѣ-

ны подъ мраморъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были безбожно исколочены гвоздями, въ углу стоялъ красивый, но съ изломанною переднею рѣшеткою каминъ, на картинѣ масляной работы висѣла шинель. Хозяинъ спалъ на кушеткѣ, на которой еще лежали неубранныя простыня и подушки. Мягкая мебель, обитая бархатомъ, была переломана и изорвана. На огромномъ краснаго дерева столѣ лежали кипами бумаги, книги и ноты. Мы сѣли около этого стола.

— Съ чего жь мы начнемъ! Заговорилъ я серьёзнымъ тономъ наставника.

— Съ чего хотите, отвѣчалъ ученикъ небрежно.

— Я желалъ бы, продолжалъ я въ томъ же тонѣ: — прежде испытать, въ какой мѣрѣ вы знакомы съ математикою и просилъ бы позволить мнѣ проэкзаменовать васъ.

— Хорошо.

— Первую часть ариѳметики, вѣроятно, вы знаете?

— Знаю.

— А вторую?

— Кажется, знаю; впрочемъ, можетъ быть, и забылъ.

Я взялъ листъ бумаги и хотѣлъ написать задачу, но оказалось, что, изъ дюжины торчавшихъ въ черниляцѣ перьевъ, ни одно не писало, да и черкилъ почти не было.

— У васъ перья не совсѣмъ въ порядкѣ, замѣтилъ я.

— Да; я самъ неумѣю чинить, вотъ вамъ карандашъ, отвѣчалъ ученикъ, поднимая съ полу карандашъ и подавая мнѣ его.

Для перваго испытанія я задалъ ему сложеніе десятичныхъ дробей; онъ взялъ и положилъ съ какою-то насмѣшливою улыбкою листъ предъ собою, подумалъ немного, провелъ нѣсколько линій карандашемъ по бумагѣ и, отодвинувъ ее отъ себя, проговорилъ:

— Нѣтъ, не знаю, позабылъ.

Я задалъ ему сложеніе простыхъ дробей, но онъ и въ тѣхъ спутался; потомъ объ алгебрѣ признался, что со всѣмъ ее не знаетъ, а геометріи не много. Я принялся экзаменовать его въ геометріи, на повѣрку вышло, что и въ геометріи нуль. Я нахмурился.

— Вы очень слабы въ математикѣ; съ вами надобно проходить сначала, сказалъ я.

— Лучше сначала, а то я все перезабылъ.

— Стало быть, мы начнемъ со второй части ариѳметики, рѣшилъ я.

Ваньковскій, въ знакъ согласія, кивнулъ головой. Я былъ убѣжденъ, что съ нимъ слѣдовало бы начать съ первой части ариѳметики, но высказать ему это мнѣ на первый разъ было совѣстно.

Въ продолженіи часа я толковалъ съ увлеченіемъ и въ то время, какъ окончательно хотѣлъ объяснить пріемъ дѣленія дробей, ученикъ мой во все горло зѣвнулъ и спросилъ меня:

— Вы курите?

Мнѣ сдѣлалось стыдно за себя и досадно на него.

— Курю, отвѣчалъ я.

— Хотите трубку, или сигару?

— Позвольте трубку.

Леонидъ всталъ, наложилъ мнѣ самъ трубку, а себѣ закурилъ сигару и, когда я хотѣлъ снова обратиться къ толкованію, онъ сказалъ:

— Будетъ, больше часа прошло, не хочется что-то сего дня.

Я пожалъ плечами.

— Вамъ надобно очень много заниматься, чтобы выдержать экзаменъ, произнесъ я съ удареніемъ.

— Займусь — я хочу на юридическій.

— Все равно; надобно выдержать экзаменъ изъ всѣхъ предметовъ, отвѣчалъ я.

— Что тебѣ, Лида? спросилъ Леонидъ, обращаясь къ дверямъ.

— Вы здѣсь будете пить чай, или туда придете? раздался женскій голосъ.

Я обернулся; это была прежняя дѣвушка.

— Туда придемъ, отвѣчалъ Леонидъ.

Дѣвушка скрылась. Я взялся за фуражку.

— Куда же вы? Посидите, пойдемте я познакомлю васъ съ нашими.

Я положилъ фуражку; онъ провелъ меня въ гостиную. Въ большихъ креслахъ сидѣла высокая, худощавая дама лѣтъ сорока пяти, рядомъ съ нею помѣщался, должно быть, какой нибудь помѣщикъ, маленькой, толстенькой, со всѣмъ бѣлокурый, съ жиденькими, сильно нафабренными

усами, закрученными вверхъ, съ лицомъ одутловатымъ и подозрительно-краснымъ. Лидія разливала чай, около нея сидѣли чопорно, на высокихъ дѣтскихъ креслахъ двѣ маленькія дѣвочки.

Ученикъ мой подвелъ меня къ дамѣ и отрекомендовалъ. «Матушка моя» отнесся онъ ко мнѣ.

Г-жа Ваньковская кивнула мнѣ слегка головою и, проговоря съ обязательною улыбкою: «очень пріятно познакомиться», указала мнѣ глазами на ближайшій стулъ.

Я сѣлъ.

— Вы давно въ университетѣ? спросила она меня.

— Четвертый годъ.

— Имѣете батюшку, матушку?

— Имѣю-съ мать.

— Какъ, я думаю, ей пріятно, что вы въ университетѣ, я это сужу по себѣ: мнѣ очень хочется, чтобы Леонидъ поступилъ поскорѣй въ студенты, проговорила г-жа Ваньковская. — Онъ, я думаю, ничего не знаетъ, прибавила она, взглянувъ на сына.

Леонидъ ничего на это не возражалъ, а только нахмурился и сѣлъ за чайный столъ около сестры.

— Это не такъ трудно: если займутся, такъ скоро приготовятся, отвѣчалъ я.

— Вы, пожалуйста, будьте съ нимъ построже; у него прекрасныя способности, только онъ очень лѣнивъ: это говорили всѣ его учителя, сказала г-жа Ваньковская и, найдя, конечно, что достаточно обласкала меня, обратилась къ помѣщику:

— Какія у васъ прекрасныя лошадки, Иванъ Кузьмичъ, я всегда ими любуюсь.

— Очень пріятно слышать, отвѣчалъ тотъ.

— Премиленькія, небольшія, а очень красивенькія.

— Вятки-съ.

— А, такъ это вятки! я и не знала.

— Вятки-съ. Онѣ у меня возятъ воду и воеводу. Я на нихъ въ городъ ѣзжу и въ дорогахъ верстъ по семидесяти дѣлаю не кормя.

— Какъ это много! Онѣ, я думаю, очень устаютъ?

— Нѣтъ-съ, ничего. Эта порода снослива, имъ часа два дайте вздохнуть и опять ступай смѣло на семдесятъ верстъ, только, чтобъ горячихъ не напоить.

— Зачѣмъ же вы въ городѣ всегда шагомъ ѣздите? сказалъ вдругъ Леонидъ, взглянувъ насмѣшливо на Ивана Кузьмича.

— Здѣсь нельзя шибко ѣздить, Леонидъ Николаичъ, возразилъ тотъ. — На мостовой снѣгъ хуже песку, здѣсь одинъ Кузнецкій проѣхать на рысяхъ, такъ лошадь надорвешь.

— Другіе же ѣздятъ?

— Отъ другихъ и мы не отстанемъ, давайте вашихъ коурыхъ, потягаемся!

— Стану я съ вами тягаться; я васъ на одной верстѣ обгоню на двѣ версты.

— Шутите, а я бы съ вами поспорилъ.

— Что тутъ спорить, всѣ знаютъ, что у васъ лошади дрянь и вы жалѣете ихъ больше себя.

— Ну, ужь это, Леонидъ Николаичъ, вы ошибаетесь; у меня хоть лошади не дорогія, а не дрянь, и я не жалѣю ихъ, и ѣзжу, гдѣ можно.

Этотъ споръ Леонида, кажется, былъ непріятенъ матери.

— Лида! Что же чаю? отнеслась она къ дочери.

— Сейчасъ, отвѣчала Лидія и сама подала матери чашку.

Та прихлебнула, сдѣлала гримасу и проговорила:

— Опять сладко, никакъ ты не можешь примѣниться къ моему вкусу.

— Позвольте, я разбавлю.

— Оставь ужь, возразила Ванькова; въ голосѣ ея слышалась досада.

Лидія немного сконфузилась и пошла къ чайному столу.

— А Ивану Кузьмичу чаю? сказала мать.

— Онъ готовъ, отвѣчала дочь, указывая глазами на стаканъ чаю, стоявшій на краю стола.

— Виноватъ-съ, перебилъ Иванъ Кузьмичь, быстро вставая и беря стаканъ и, какъ-то особенно расшаркавшись передъ Лидой, пробормоталъ ей что-то; она съ своей стороны ничего не отвѣчала.

Мнѣ и Леониду подалъ чай лакей; Леонидъ закурилъ себѣ сигару и подалъ другую мнѣ. Я отказался.

— Что же ты, Леонидъ, Ивану Кузьмичу не предложишь трубку, сказала мать.

Леонидъ нахмурился.

— Хотите? спросилъ онъ Ивана Кузьмича.

— Прошу васъ, отвѣчалъ тотъ. — Я всегда васъ, Марья Виссаріоновна, безпокою своею трубкою, отнесся онъ къ Ваньковской.

— Мнѣ ничего, я очень люблю этотъ запахъ.

— Подай сюда трубку, сказалъ Леонидъ человѣку.

Я между тѣмъ сталъ внимательно смотрѣть на молодую дѣвушку, которая поила маленькихъ сестеръ чаемъ. Чѣмъ болѣе я въ нее вглядывался, тѣмъ болѣе она мнѣ нравилась. Она была далеко не красавица, но въ то же время въ ней было что-то необыкновенно милое и доброе, что невольно влекло къ ней съ перваго раза. Чайный столъ наконецъ былъ убранъ, разговоръ какъ-то не клеился; мать говорила въ полголоса съ Иваномъ Кузмичемъ, Лидія Николаевна сѣла за работу. Мой ученикъ молчалъ и курилъ. Я хотѣлъ было уйдти домой, но Леонидъ всталъ, раскрылъ стоявшую тутъ рояль и, не обращая ни на кого вниманія, сѣлъ и началъ играть. Я невольно сталъ вслушиваться; въ игрѣ его, кромѣ мастерскаго пріема, слышалось что-то энергическое, задушевное. Молодая дѣвушка, умышленно или нѣтъ, не знаю, пересѣла рядомъ со мною. Леонида слушали внимательно всѣ: Иванъ Кузмичъ придалъ лицу грустное выраженіе, мать потупилась, даже маленькія дѣвочки перестали между собою болтать.

— Какъ братъ хорошо играетъ, сказала мнѣ Лидія Николаевна.

— А вы любите музыку?

— Очень.

— А сами музыкантша?

— Да.... но нѣтъ, я гораздо хуже его играю.

Леонидъ вдругъ на половинѣ пьесы остановился, всталъ, сѣлъ около меня и опять нахмурился.

Въ остальную часть вечера Иванъ Кузмичъ принимался нѣсколько разъ любезничать съ Лидіею Николаевною; она болѣе отмалчивалась. Леонидъ безпрестанно говорилъ ему колкости, на которыя онъ не только не отвѣчалъ тѣмъ же, но какъ будто бы даже не понималъ ихъ.

Возвратившись домой, я все думалъ объ моихъ новыхъ знакомыхъ; болѣе всѣхъ мнѣ понравились Лидія Николаевна и Леонидъ. Старшая Ваньковская произвела какое-то неопредѣленное на меня впечатлѣніе, а этотъ Иванъ Кузмичъ плоховатъ. И что онъ такое тутъ? Родня, знакомый, женихъ? Странное дѣло! Я уже тогда какъ бы предчувствовалъ ту драму, которая впослѣдствіи разыгралась на моихъ глазахъ между этими лицами.

. . .

II.

Съ тѣхъ поръ, какъ я познакомился съ Ваньковскими, жизнь моя сдѣлалась какъ-то полнѣе. Всѣ вечера, послѣ уроковъ, я проводилъ у нихъ. Говоря откровенно я, самъ того не замѣчая, влюбился въ Лидію Николаевну. Каждый день, я болѣе и болѣе съ мучительнымъ нетерпѣніемъ началъ ожидать шести часовъ, чтобы отправиться въ завѣтный домъ на Смоленскомъ рынкѣ и всю дорогу меня занимала одна мысль: дома ли Лидія, или куда нибудь уѣхала? Увижу я ее, или нѣтъ? Проходилъ я обыкновенно прямо къ Леониду въ кабинетъ и въ продолженіе часа, занимаясь съ нимъ, все прислушивался: не долетитъ ли до меня звукъ ея голоса. Я зналъ ея походку, чувствовалъ шелестъ ея платья и потомъ, когда мы, кончивъ занятія, выходили въ гостиную — если не было ее тамъ, мной овладѣвала невыносимая тоска, я садился, задумывался и ни слова не говорилъ, но она входила и я оживалъ, дѣлался вдругъ веселъ, болтливъ. Не знаю, замѣчалъ ли это кто нибудь, но только Лида была ко мнѣ очень ласкова: вообще молчаливая, со мной всегда заговаривала первая и всякій разъ, когда я сбирался уходить домой, говорила мнѣ въ полголоса: куда вы? посидите, еще рано!

Марья Виссаріоновна добрая женщина, но рѣшительно не умѣетъ держать себя съ дѣтьми: Леонида она любитъ болѣе всѣхъ, хотя и споритъ съ нимъ постоянно и надобно сказать, что въ этихъ спорахъ онъ всегда правѣе; съ маленькими дѣвочками она ни то ни сё, или почти ими не занимается, но съ Лидіею Николаевною обращается въ высшей степени дурно. Бѣдная дѣвушка поставлена въ такое поло-

женіе, что скорѣе походитъ на приживалку, чѣмъ на дочь. Она занимается всѣмъ хозяйствомъ, учитъ и нянчитъ маленькихъ сестеръ и, несмотря на все это, получаетъ отъ матери безпрерывныя замѣчанія за всѣ возможныя пустяки. Ко мнѣ Марья Виссаріоновна привыкла. Иванъ Кузьмичъ отрекомендовался мнѣ, сказавъ, что онъ калужскій помѣщикъ Марасѣевъ и просилъ обязать его пріятнымъ моимъ знакомствомъ. Онъ очень не далекъ и, кажется, къ Лидіи Николаевнѣ неравнодушенъ, Марью Виссаріоновну уважаетъ, а Леонида боится. Что касается до сего послѣдняго, то онъ, по прежнему, ничего не дѣлаетъ, но, сблизившись съ нимъ, я увидѣлъ въ немъ очень умнаго человѣка, въ высшей степени честнаго по своимъ убѣжденіямъ и далеко не по лѣтамъ развитаго. Я день отъ дня болѣе къ нему привязывался и онъ, съ своей стороны, высказалъ мнѣ, что полюбилъ меня.

Къ Ваньковскимъ ѣздила еще одна дама, нѣкто Лизавета Николаевна Піонова и ѣздила почти каждый день, рыжая, рябая, съ огромнымъ ртомъ и влажными сѣрыми глазами. Я ее терпѣть не могъ, потому, что кромѣ своей наружности, она была очень, по видимому, хитрая: къ Марьѣ Виссаріоновнѣ обнаруживала пламенную дружбу, а отъ Ивана Кузьмича приходила въ восторгъ и всегда про него говорила: «чудный человѣкъ! превосходный человѣкъ!» За Леонидомъ она, кажется, приволакивалась, а онъ славно держалъ себя съ нею: говорилъ ей на каждомъ шагу дерзости и показывалъ явное пренебреженіе. Разъ она, не зная, о чемъ бы съ нимъ заговорить, попросила его дать ей какую нибудь книгу читать. Сначала онъ ей отвѣчалъ: «у меня никакихъ нѣтъ книгъ». Она приступила. «Да какую вамъ надобно книгу?» наконецъ спросилъ онъ. «Какую нибудь по интереснѣе». Онъ пошелъ и принесъ ей календарь. Она надулась. Когда она обращалась къ нему съ просьбою сыграть на фортепіано, онъ садился и начиналъ казачка. Досаднѣе всего, что эта госпожа обходилась съ Лидіею Николаевною свысока и едва ее замѣчала.

Однажды я пришелъ на урокъ. Леонида дома не было, это съ нимъ часто случалось. Я прошелъ въ кабинетъ. Мимо растворенныхъ дверей промелькнула горничная, потомъ другой разъ, третій — и наконецъ вошла въ кабинетъ.

— Что вы изволите сидѣть одни-съ, барышня дома, сказала она.

— Гдѣ же Лидія Николаевна? спросилъ я не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Въ гостиной, пожалуйте туда-съ; я докладывала объ васъ.

Я прошелъ въ гостиную. Лидія Николаевна сидѣла за пяльцами.

— Братъ сейчасъ пріѣдетъ, онъ поѣхалъ съ маменькою, сказала она.

Я сѣлъ. Говорить съ Лидіею Николаевною было для меня величайшимъ наслажденіемъ, но мнѣ это рѣдко удавалось. Я рѣшился воспользоваться настоящимъ случаемъ.

— Какую вы огромную картину вышиваете, сказалъ я.

Приличнѣе этого мнѣ ничего не пришло въ голову.

— Эта еще не такъ велика.... Посмотрите, какое славное лицо у старика, отвѣчала Лидія Николаевна, показывая узоръ, на которомъ былъ изображенъ старикъ съ сѣдою бородою, съ арфою въ рукахъ, возлѣ его сидѣлъ курчавый мальчикъ и лежала собака; вдали былъ извѣстной ландшафтъ съ деревцами, горами и облаками.

— Надобно имѣть истинно-женское терпѣніе, чтобы все это вышить, продолжалъ я, разсматривая узоръ.

— Нѣтъ, это не терпѣніе, а такъ, отъ нечего дѣлать, отвѣчала Лидія Николаевна. — Хорошо, если бы женщины должны были имѣть терпѣніе только вышивать подушки, которыя потомъ запачкаются и бросятся, прибавила она, вздохнувъ.

— А гдѣ же имъ оно еще нужно? спросилъ я съ удареніемъ.

— Въ жизни.

— Это, я полагаю, нужно мужчинамъ и женщинамъ.

— Мужчинамъ? о нѣтъ! они гораздо свободнѣе, они могутъ быть тѣмъ, чѣмъ хотятъ, а мы бываемъ тѣмъ, чѣмъ намъ велятъ.

Милая дѣвушка, какъ она умна, подумалъ я.

— Мнѣ кажется, началъ я вслухъ: — что женщины въ наше время довольно свободны; онѣ могутъ быть учеными, поэтами, живописцами, музыкантшами.

— Да, этимъ всѣмъ онѣ могутъ быть, но для этого надобно имѣть особыя способности, проговорила Лидія Нико-

лаевна. — А скажите мнѣ, продолжала она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — можетъ ли женщина выдти, или не выдти замужъ?

— Конечно можетъ.

— Нѣтъ не можетъ, потому что надъ ней сейчасъ станутъ смѣяться, назовутъ старою дѣвушкою, скажутъ, что она зла, родные будутъ сердиться, тяготиться, на это недостанетъ никакого терпѣнія.

— Необходимость выдти замужъ, для каждой дѣвушки сдѣлается пріятною: стоитъ только выдти за того, кого полюбишь.

— А если ни кого не любишь?

— Надобно дожидаться; для всякой женщины придетъ пора, когда она полюбитъ.

— Недумаю, я первая никогда и ни кого не полюблю.

— Это почему вы думаете?

— Такъ.... Полюбишь одного, а выдадутъ за другаго: лучше ужь никого не любить.

— Да, пожалуй, что вы правы, сказалъ я и потомъ, будто про себя, проговорилъ въ полголоса:

И схоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты печальный свой путь,
Безполезно угасшую силу
И ничѣмъ не согрѣтую грудь.

— Именно такъ, подхватила Лидія Николаевна и вздохнула.

Интересный разговоръ нашъ былъ прерванъ на этомъ мѣстѣ пріѣздомъ Леонида съ матерью.

Мы ушли съ нимъ въ кабинетъ.

Въ этотъ разъ я не со всѣмъ добросовѣстно исполнялъ обязанность наставника. Теорію неопредѣленныхъ уравненій растолковалъ такъ неопредѣленно, что это даже замѣтилъ мой воспитанникъ, хотя и слушалъ меня, по обыкновенію, очень не внимательно.

— Вы что-то сегодня со всѣмъ не понятно разсказываете, сказалъ онъ съ обыкновенною своею откровенностію.

— Мнѣ нездоровится, отвѣчалъ я.

— Ну такъ оставьте и мнѣ надоѣло. — Пойдемте въ гостиную.

Я только того и ждалъ и далъ себѣ слово, во чтобы-то ни стало, возобновить съ Лидіею Николаевною прежній разговоръ, но на бѣду мою несносный Иванъ Кузьмичъ былъ уже тутъ и сидѣлъ рядомъ съ нею. Марья Виссаріоновна разсказывала какую-то длинную исторію про одну свою родственницу, которой предстояла прекрасная партія и которую она сначала не хотѣла принять; но потомъ, желая исполнить волю родителей, вышла и теперь счастливы такъ, какъ никто; что, наконецъ, дѣти, которые слушаются своихъ родителей бываютъ всегда благополучнѣе тѣхъ, которые дѣлаютъ по своему. Говоря это, она переглядывалась съ Иваномъ Кузьмичемъ, который ей поддакивалъ и взглядывала на дочь; та сидѣла, потупившись и ни слова не говорила. Леонидъ слушалъ мать съ насмѣшливою улыбкою. Мнѣ бы, вѣроятно, цѣлый вечеръ не удалось переговорить съ Лидіею Николаевною, но пріѣхала Піонова. Съ нѣжностію поздоровалась она съ Марьею Виссаріоновною, издала радостное восклицаніе при видѣ Ивана Кузьмича, который у ней поцаловалъ руку, и тотчасъ же начала болтать, а потомъ, прищурившись, взглянула въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Леонидъ и проговорила сладкимъ голосомъ:

— Вы здѣсь, Леонидъ Николаичъ, я васъ и не вижу, здравствуйте!

Тотъ не пошевелился и ни слова не сказалъ; меня и Лидію Николаевну она, по обыкновенію, не замѣтила, Лида вышла наконецъ въ залу, я тоже послѣдовалъ за нею, благословляя въ душѣ пріѣздъ Піоновой. Когда я вошелъ, Лидія сидѣла на небольшомъ диванѣ, задумавшись. Увидѣвъ меня, она улыбнулась и проговорила:

— Я ушла, тамъ очень жарко, посидимте здѣсь.

Я сталъ около нее.

— Вы будете у насъ завтра? спросила она.

— Буду.

— А послѣ завтра?

— Послѣ завтра, воскресенье, уроку у меня нѣтъ.

— Ничего, приходите обѣдать и на цѣлый день.

Я обмеръ отъ радости.

— Завтра я не буду цѣлый день дома, прибавила Лидія.

— Гдѣжь вы будете? спросилъ я.

— Въ пансіонѣ у M-me Жарвей. Тамъ завтра актъ и вечеромъ балъ.

— Стало быть, вы завтра будете веселиться?

— Какое веселье!... Я не люблю баловъ, но я тамъ училась, наставница меня очень любила, сама пріѣзжала и просила, чтобъ маменька меня отпустила; она очень добрая!

— Я зналъ одну изъ воспитанницъ M-me Жарвей; та непохожа на васъ, и, кажется, очень любитъ балы.

— Кто такая?

— Вѣра Базаева, которая мнѣ еще какъ-то кузиной приходится.

— Вѣрочку Базаеву? Она вамъ кузина! Это наша пансіонская красавица. Скажите, гдѣ она и что дѣлаетъ?

— Я думаю, танцуетъ и кокетничаетъ.

— Право? Она, впрочемъ, всегда была не много кокетка, а какая хорошенькая! Сначала я была съ ней дружна, а потомъ разстались холодно; она тогда зиму жила здѣсь, очень много выѣзжала и мы почти не видались.

— У меня съ нею почти были такія же отношенія: на первыхъ порахъ мы съ ней очень скоро подружились, или по крайней мѣрѣ, она увѣряла меня, что ей очень ловко танцовать со мною вальсъ, а я находилъ, что она очень хороша собою.

— Вы не были въ нее влюблены?

— Нѣтъ.

— Не можетъ быть.

— Отчего же не можетъ быть?

— Оттого, что она такъ мила, что нравится всѣмъ.

— На первый взглядъ, можетъ быть, а потомъ, вглядѣвшись, увидишь, что красотѣ ея многаго недостаетъ.

— Чего жь недостаетъ?

— Мысли, чувства, души.

Лида не возражала.

— Вы напрасно думаете, продолжалъ я: — чтобъ я могъ быть влюбленъ въ Базаеву; по моимъ понятіямъ женщина должна имѣть совершенно другаго рода достоинства.

— А именно?

— Вы желаете знать?

— Очень.

— Женщина должна быть не суетна, а семьянинка, кротка, но не слабохарактерна, умна безъ педанства, великодушна безъ рисовки, не сентиментальна, но способна къ привязанности искренней и глубокой, отвѣчалъ я.

Въ головѣ моей давно уже приготовленъ былъ для Лидіи Николаевны этотъ очеркъ идеала женщины.

— А наружность? спросила она.

— Наружности я и опредѣлять не хочу. Эти нравственныя качества, которыя я перечислилъ, тамъ одушевятъ даже неправильныя черты лица, что она лучше покажется первой красавицы въ мірѣ.

— Такихъ женщинъ нѣтъ.

— Нѣтъ, есть.

— Вы, стало быть, встрѣчали?

— Можетъ быть.

— Желала бы я посмотрѣть на такую женщину.

Я ничего не отвѣчалъ. Дѣло въ томъ, что подъ этимъ идеаломъ я разумѣлъ ее самую Нѣсколько времени мы молчали.

— Вы, Лидія Николаевна, говорили, что никогда и никого не полюбите? началъ я.

— Да.

— Стало быть, вы никогда и замужъ не пойдете?

— Нѣтъ, пойду.

— По расчету?

— Да, по расчету, отвѣчала она.

И мнѣ показалось, что, говоря это, она горько улыбнулась.

— Я не ожидалъ отъ васъ этого слышать.

— Отчего жь не ожидали, это очень покойно, по крайней мѣрѣ, если мужъ разлюбитъ, то не такъ будетъ обидно.

— Перестаньте такъ говорить, я вамъ не вѣрю.

— Нѣтъ, правда.

— Правда.... началъ было я.

— Постойте, вдругъ перебила меня Лидія Николаевна:— тамъ, кажется, говорятъ про меня.

— Что такое васъ встревожило? спросилъ я.

— Такъ, ничего, отвѣчала Лидія Николаевна. — Ахъ, какая эта несносная Піонова! прибавила она, какъ бы про себя.

— Lidie, où etes vous? раздался голосъ Марьи Виссаріоновны изъ гостиной.

— Ici maman, отвѣчала Лидія.

— Venez chez nous.

— Посидите тутъ, я скоро возвращусь, это ужасно! проговорила она и ушла.

По крайней мѣрѣ съ полчаса сидѣлъ я, напрягая слухъ, чтобы услышать, что говорится въ гостиной, но тщетно, подойти къ дверямъ и подслушивать мнѣ было совѣстно. Наконецъ послышались шаги, я думалъ, что это Лидія Николаевна, но вошелъ Леонидъ, нахмуренный и чѣмъ-то сильно разсерженный.

— Что вы тутъ сидите, пойдемте въ кабинетъ, сказалъ онъ.

Я пошелъ за нимъ въ надеждѣ, не узнаю ли чего нибудь.

— Піонова сегодня что-то много говоритъ, началъ я.

— Мерзавка!... Чортъ знаетъ, какъ всѣ эти женщины нелѣпы.

— А что же?

Леонидъ ничего не отвѣчалъ, распрашивать его, я зналъ, было безполезно.

— А математика идетъ плохо, началъ я съ другаго.

— Скверно. Какъ мнѣ хочется на воздухъ! Поѣдемте прокататься; я васъ довезу до дому, у меня лошадь давно заложена.

— Хорошо. Можно проститься съ вашими?

— Ступайте; а я покуда одѣнусь.

Въ гостиной я засталъ странную сцену: у Марьи Виссаріоновны были на глазахъ слезы, Піонова, только-что переставшая говорить, обмахивала себя платкомъ, Иванъ Кузьмичъ былъ краснѣе, чѣмъ всегда, Лидія Николаевна сидѣла вдали и какъ будто похудѣла въ нѣсколько минутъ. Я раскланялся. Леонидъ подвезъ меня къ моей квартирѣ. Во всю дорогу онъ ни слова не проговорилъ и только, когда я вышелъ изъ саней, спросилъ меня:

— Вы будете завтра дома?

— Буду.

— Я завтра приду къ вамъ.

— Приходите.

III.

На другой день, только что я всталъ, Леонидъ пришелъ ко мнѣ и, по обыкновенію, закурилъ трубку, разлегся на диванѣ и молчалъ; онъ не любилъ скоро начинать говорить.

— Ваши здоровы ли? спросилъ я.

Меня заботило, чтó такое у нихъ вчера было.

— Не знаю хорошенько; матери не видалъ, а сестра больна.

— Чѣмъ?

— Голова болитъ.

— Вы вчера поздно воротились?

— Нѣтъ, прокатился только.

— А гости еще у васъ долго сидѣли?

— Не знаю, я не входилъ туда. Кажется, что долго, отвѣчалъ нехотя Леонидъ.

Онъ былъ очень не въ духѣ.

— Скажите, пожалуйста, Леонидъ Николаичъ, началъ я послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — что это за человѣкъ, Иванъ Кузьмичъ?

— Что за человѣкъ онъ, я не знаю и даже сомнѣваюсь, человѣкъ ли онъ? а что глупъ, какъ бревно, такъ это вѣрно.

— Однако онъ принятъ у васъ, какъ свой?

— Неотвяжешься отъ него, хотя я и давно объ этомъ стараюсь.

— Почему же?

— Онъ главный кредиторъ нашъ.

— А развѣ у васъ долги есть?

Леонидъ усмѣхнулся.

— Есть не много.

— Сколько же?

— Тысячъ триста серебромъ.

— Триста тысячъ!... а состояніе велико ли?

— Около тысячи душъ.

— Состояніе прекрасное.

— Хорошо, только въ итогѣ ставь нуль.

— Отчего же это?

— Дѣла разстроены. Отецъ у меня былъ очень умный человѣкъ и, когда женился на матери, у него ничего не было, а у нее промотанныхъ двести душъ, но въ пять лѣтъ онъ составилъ тысячу, а умеръ — и пошло все кривымъ колесомъ: сначала фабрика сгорѣла, потомъ взяты были подряды, не выполнили, залоги лопнули! а потомъ стряпчіе поживились и остальное доканали.

• — Какимъ же образомъ Иванъ Кузьмичъ попалъ въ число кредиторовъ?

— Получилъ отъ роднаго брата по наслѣдству, съ которымъ отецъ имѣлъ дѣла.

— А великъ его вексель?

— Тысячъ въ тридцать серебромъ,

— Кто жь теперь управляетъ всѣмъ этимъ: и дѣлами и имѣніемъ вашимъ?

— Судьба.

— А матушка ваша предпринимаетъ же что-нибудь?

— Едва ли. Она то плачетъ и говоритъ, что несчастнѣйшая въ мірѣ женщина, а потомъ, побесѣдовавши съ Піоновою, увѣряетъ всѣхъ, что ничего, что все прекрасно устроилось. Я ничего не понимаю.

— Во всякомъ случаѣ, она, мнѣ кажется, женщина умная.

— Умна, только прежде была очень избалована жизнію. При дѣдушкѣ жила въ богатомъ домѣ и знала только на балы выѣзжать, при отцѣ то же: онъ ей въ глаза глядѣлъ и окружалъ ее всевозможною роскошью. Вы бывали у насъ въ бель-этажѣ?

— Нѣтъ.

— Жаль: Я вамъ покажу когда нибудь. Тамъ есть кабинетъ, нарочно для нея отдѣланный, онъ одинъ стоитъ десять тысячъ серебромъ, а теперь и нѣтъ ничего, да еще хлопоты по дѣламъ, и растерялась.

— Поэтому теперь лежитъ обязанность на васъ устроить какъ нибудь дѣла.

— А что я такое? Мальчишка, да и по характеру одинъ изъ тѣхъ пустѣйшихъ людей, которые ни на что негодны. Я отъ лѣни по цѣлымъ днямъ хожу не умывшись и необъ-

давши, у меня во всю мою жизнь не доставало еще терпѣнія дочитать ни одной книги.

— Однако, вы музыкантъ, и музыкантъ замѣчательный.

— Музыка и дѣла — двѣ вещи разныя; музыку я люблю, отвѣчалъ Леонидъ.

Несмотря на то, что онъ все это говорилъ, по видимому, равнодушно, но видно было, что семейное разстройство его сильно безпокоило. Мнѣ было болѣе всего досадовало, что Марасѣевъ былъ въ числѣ кредиторовъ.

— Вѣроятно, Иванъ Кузьмичъ, по хорошему знакомству не безпокоитъ своимъ векселемъ? началъ я.

— Напротивъ, несноснѣе всѣхъ, отвѣчалъ Леонидъ.

— Неужели же онъ такъ не деликатенъ?

— Не очень. Все сватается къ сестрѣ и говоритъ, что если она выйдетъ за него, такъ онъ сейчасъ же изорветъ вексель.

Сердце у меня замерло.

— А Лидіи Николаевнѣ онъ нравится? спросилъ я.

— Еще бы ей нравился! Она не совсѣмъ еще съ ума сошла.

— А Марья Виссаріоновна желаетъ этого брака?

— Очень.

— Неужели же Марья Виссаріоновна не видитъ въ немъ ни разницы лѣтъ, ни разницы воспитанія съ Лидіею Николаевною, неужели наконецъ не понимаетъ личныхъ его недостатковъ? Я увѣренъ, что имъ самимъ будетъ неловко имѣть такого зятя; у него ничего нѣтъ общаго съ вашимъ семействомъ.

Леонидъ молчалъ.

— И какъ вы думаете, бракъ этотъ состоится? прибавилъ я, желая вызвать его на разговоръ.

— Я думаю. Матушка желаетъ и говоритъ, что отъ этого зависитъ участь всей семьи.

— Какая же участь? Тридцать тысячъ не все ваше состояніе.

— Кажется, а Лида вѣритъ.

— Но какъ же это?

— А также вѣритъ. Вы не знаете этой дѣвушки, она олицетворенная доброта. Матушкѣ стоитъ только выразить малѣйшую ласку, и она не знаю на что не рѣшится. Досад-

нѣе всего, что я ее ужасно люблю, не отъ того, что она мнѣ сестра; это Богъ бы съ ней, а именно потому, что она чудная дѣвушка.

— Мнѣ самому Лидія Николаевна чрезвычайно нравятся, даже въ наружности ихъ есть что-то особенно привлекательное.

— Нѣтъ, наружность что? Она собою не хороша, но у ней чудный характеръ, кроткій, ровный.

Эти слова Леонидъ говорилъ съ бо̀льшимъ противъ обыкновеннаго своего тона одушевленіемъ.

— Я безъ ужаса вообразить не могу, продолжалъ онъ, вставая и ходя взадъ и впередъ по комнатѣ: — что такая славная женщина достанется въ жоны какому нибудь Марасѣеву.

— Тѣмъ болѣе, Леонидъ Николаичъ, вы должны этому противодѣйствовать всѣми средствами.

— Ничего не сдѣлаешь. Неужели вы думаете, что я не дѣйствовалъ? Я нѣсколько разъ затѣвалъ съ нимъ исторію и почти въ глаза называлъ дуракомъ, чтобы только разсердить его и заставить перестать къ намъ ѣздить; говорилъ наконецъ матери и самой Лидѣ — и все ничего.

— Но онѣ возражали же что-нибудь вамъ?

— Ничего не возражали; мать сердится и говоритъ, что я еще мальчишка и ничего не понимаю, а Лида плачетъ.

— Во всякомъ случаѣ это слабость характера со стороны Лидіи Николаевны.

— Вовсе не слабость, когда она два года борется и въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ ей говорятъ безпрестанно одно и тоже, безпрестанно толкуютъ, что этотъ человѣкъ влюбленъ въ нее, что лучшаго жениха ей ожидать нельзя, потому что не хороша собою, что она неблагодарная, капризная и что хочетъ собою только отягощать мать. Я бы на ея мѣстѣ давно убѣжалъ изъ дома и нанялся бы гдѣ нибудь въ ключницы, чѣмъ сталъ бы жить въ такомъ положеніи.

— А Иванъ Кузьмичъ богатъ?

— Въ томъ все и дѣло, что хочетъ уничтожить нашъ вексель, а кромѣ того Піонова увѣряетъ, что у него триста душъ и что за невѣстою онъ ничего не проситъ и даже приданое хочетъ сдѣлать на свой счетъ и наконецъ по всѣмъ дѣламъ матери берется хлопотать. Я вамъ говорю, что тутъ

такія черныя основанія, по которымъ выдаютъ эту несчастную дѣвушку, что вообразить трудно.

— Я, право, все еще не вѣрю, чтобы Марья Виссаріоновна могла имѣть такія нечистыя побужденія въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ бракъ дочери.

— У ней никакихъ нѣтъ побужденій, потому что нѣтъ никакихъ убѣжденій. Въ этомъ случаѣ ее рѣшительно поддуваетъ Піонова, не будь этой совѣтчицы, мать бы задумала, опять передумала, потомъ, можетъ быть, опять бы задумала и такъ бы время шло, покуда не нашелся бы другой женихъ, за котораго Лида сама бы желала выйдти.

— Неужели же вліяніе этой пустой женщины такъ сильно, что вы не можете ее отстранить и наконецъ на чемъ основано это вліяніе?

— На томъ, что она унижается предъ матерью, восхищается ея умомъ, увѣряетъ ее, что она до сихъ поръ еще красавица; клянется ей въ безпредѣльной дружбѣ, вотъ и основанія всѣ, а та очень самолюбива. Прежде, когда она была богата и молода, ей льстили многіе, а теперь всѣ оставили; Піонова же держитъ себя по прежнему и, значитъ, неизмѣнный другъ.

— Но та — какую цѣль имѣетъ?

— Можетъ быть деньги взяла за сватанье, и вѣроятно, да и Лиду ей уничтожить хочется, она ее ненавидитъ.

— За что же?

— За то, за что не совсѣмъ порядочные люди вообще ненавидятъ хорошихъ людей, которые для нихъ живое обличеніе.

— Мнѣ кажется, что Піонова неравнодушна къ вамъ?

— Какъ же! влюблена въ меня; сама признавалась мнѣ, что она дорожитъ нашимъ семействомъ только для меня.

— Вотъ бы вы это и сказали матушкѣ.

— Говорилъ.

— Чтожь она?

— Смѣется.

Такимъ образомъ Леонидъ раскрылъ предо мною всю семейную драму. Мы долго еще съ нимъ толковали, придумывали различныя способы, какъ бы поправить дѣло и ничего не придумали. Онъ ушелъ. Я остался въ грустномъ раздумьѣ. Начинавшаяся въ сердцѣ моемъ любовь къ Лидіи Николаевнѣ

была сильно поражена мыслію, что она должна выйдти замужъ и выйдти скоро. Стыдно признаться, а не хочу неталть: я нѣсколько разъ принимался плакать; такъ мнѣ сдѣлалось тошно и досадно на Лиду.

Въ первыя минуты я написалъ къ ней письмо.

Вотъ оно:

«Я, можетъ быть, слишкомъ много беру себѣ права, что «осмѣливаюсь писать къ вамъ, но разубѣжденіе, которое мнѣ «суждено въ васъ испытать, такъ болѣзненно отозвалось въ «моемъ сердцѣ, что я не въ состояніи совладѣть съ собою. Я «нѣкогда, если вы только это помните, говорилъ вамъ объ «идеалѣ женщины, и нужно ли говорить, что всѣ его прекра«сныя качества я видѣлъ въ васъ, но Боже мой! какъ много «вы спустились съ высоты того пьедестала, на которомъ я, «ослѣпленный безумецъ, до сихъ поръ держалъ васъ въ «своемъ воображеніи. Вы выходите замужъ, я это знаю, и «знаю также, что вашъ умъ и ваше сердце и свободу вы «приносите двумъ-тремъ стамъ душамъ мужчина состоянія. Не «говорите тутъ о необходимости, о самоотверженіи. Подобное «пренебреженіе, чтобъ не сказать неравенство въ собствен«номъ счастіи, я убѣжденъ, выше силъ женщины, и служитъ «признакомъ, знаете ли чего? страшно сказать, бездушія, без«страстности, что признать въ васъ мнѣ все-таки не хочется, «и я все-таки еще желаю оставить вамъ на столько нрав«ственныхъ качествъ, что напередъ вамъ предсказываю много «горя и страданій, если вы только сдѣлаете этотъ неосторо«жный шагъ.»

Написавъ это письмо, я предполагалъ въ тотъ же день передать его, но вспомнивъ все, что говорилъ Леонидъ, мнѣ стало жаль Лиды.

«Нѣтъ, она не такъ виновна — подумалъ я — Богъ съ ней: пускай она выходитъ замужъ, я останусь ей преданъ, друженъ и, по возможности, близокъ съ нею.»

Рѣшившись такимъ образомъ изъ пламеннаго обожателя преобразовать себя въ смиреннаго и не требовательнаго друга, я задалъ себѣ вопросъ: что за человѣкъ Марасѣевъ? Можетъ быть, Леонидъ сильно противъ него предубѣжденъ, можетъ быть, онъ только не очень уменъ, но добрый въ душѣ человѣкъ, можетъ быть, онъ точно любитъ Лидію Николаевну, доказательство этому отчасти есть: онъ жертвуетъ для нея

тысячами. Изъ него. можетъ быть, выйдетъ хорошій семьянинъ и онъ въ состояніи будетъ, если не сдѣлать Лидію Николаевну вполнѣ счастливою, то по крайней мѣрѣ станетъ покоить ее.

Мое намѣреніе было: на другой же день съѣздить къ Марасѣеву и посмотрѣть на него въ домашней жизни; это было мнѣ и кстати сдѣлать, потому что онъ былъ у меня недѣли двѣ тому назадъ, а я ему еще не заплатилъ визита.

IV.

Иванъ Кузьмичъ жилъ въ Грузинахъ. Я ѣхалъ къ нему часа два съ половиною, потому что долженъ быть проѣхать около пяти верстъ большими улицами и изъѣздить, по крайней мѣрѣ, десятокъ маленькихъ переулковъ, прежде чѣмъ нашелъ его квартиру: это былъ полуразвалившійся домъ, ходъ съ двора; я завязъ почти въ грязи, покуда шелъ по этому двору, на которомъ, впрочемъ, стояли новыя конюшни и сарай. Я сейчасъ догадался, что Иванъ Кузьмичъ выбиралъ квартиру съ бо́льшими удобствами для лошадей, чѣмъ для себя. Въ маленькой темной передней встрѣтилъ меня лакей и, проворно захлопнувъ дверь въ залу, сталъ передо мною, какъ бы желая загородить мнѣ дорогу.

— Дома, Иванъ Кузьмичъ? спросилъ я.

Лакей замялся.

— Я не знаю-съ, они дома, да не почиваютъ ли? позвольте, я доложу-съ, отвѣчалъ онъ и ушелъ въ залу, опять притворивъ дверь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, неся въ рукахъ подносъ съ пустымъ графиномъ и объѣдками пирога. Поставивъ все это, бѣгомъ побѣжалъ въ сѣни и возвратился оттуда съ умывальникомъ и полотенцомъ и прошелъ въ залу. Положеніе мое становилось несносно; я стоялъ, не снимая ни шинели, ни калошъ, въ полу-темнотѣ и посреди удушливаго запаха, который происходилъ отъ висѣвшихъ тутъ хомутовъ, смазанныхъ недавно ворванью. Лакей еще нѣсколько разъ прибѣгалъ за сапогами, сертукомъ, головною щеткою, которыя хранились тутъ же въ передней и наконецъ разрѣшилъ мнѣ входъ. Иванъ Кузьмичъ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, обнялъ и крѣпко

поцаловалъ. Не ожидая такой нѣжности, я попятился и съ удивленіемъ взглянулъ ему въ лицо, оно не только было красно, но пылало и глаза были уже совсѣмъ безсмысленные. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ толстѣйшій и высочайшій мужчина, какихъ когда либо я видалъ, съ усищами до ушей, съ хохломъ, съ огромнымъ животомъ, такъ что довольно-толстый Иванъ Кузьмичъ и я не совсѣмъ маленькій — казались противъ него ребятами, однимъ словомъ, на первый взглядъ страшно было смотрѣть. Онъ мнѣ расшаркался и при этомъ закачался весь полъ. Иванъ Кузьмичъ поздоровался со мною и облокотился на печку.

— Очень радъ, началъ онъ, едва переминая языкъ; прошу познакомиться, прибавилъ онъ, указывая на огромнаго господина: — мой пріятель, Сергѣй Николаичъ, а они учитель Марьи Виссаріоновны, очень радъ.... извините, пожалуйста, я не ожидалъ васъ: недавно проснулся, будьте великодушны, извините.... Сдѣлайте милость, господа, пожалуйте въ гостиную. Сергѣй Николаичъ! чтожь ты церемонишься? Мы съ тобою не сегодня знакомы; ты свинтусъ послѣ этого.... Сдѣлайте милость, простите великодушно; мы съ нимъ по пріятельски, болталъ хозяинъ и наконецъ пошелъ въ гостиную, шатаясь изъ стороны въ сторону. Не оставалось никакого сомнѣнія, что онъ былъ мертвецки пьянъ. Мы пошли за нимъ, громадный господинъ былъ тоже сильно выпивши, только ему было это ничего, у него все выходило испариною, которая крупными каплями выступила на лбу и которую онъ безпрестанно обтиралъ, но она снова появлялась.

Въ такъ-названной гостиной въ которой былъ какой-то деревянный диванъ и нѣсколько стульевъ, сидѣлъ молодой офицеръ и курилъ трубку. Онъ мнѣ особенно бросился въ глаза тѣмъ, что имѣлъ чрезвычайно худощавое лицо, покрытое всплошь желчными пятнами.

Иванъ Кузьмичъ опять принялся за рекомендацію.

— Позвольте васъ познакомить: поручикъ Дановичъ — учитель Марьи Виссаріоновны; прошу полюбить другъ друга.

Зачѣмъ онъ насъ просилъ, чтобы мы полюбили другъ друга, неизвѣстно.

Я потупился, поручикъ усмѣхнулся, однако мы раскланялись.

— Очень, право радъ, ко мнѣ вотъ сегодня пріѣхалъ Сергѣй Николаичъ, потомъ господинъ Дановичъ пришелъ.... потомъ вы пожаловали: благодарю.... только извините, пожалуйста; я такой человѣкъ, что всѣмъ радъ, извините.... проговорилъ Иванъ Кузьмичъ и потупилъ голову. Поручикъ качалъ головою; толстый господинъ не спускалъ съ меня глазъ. Мнѣ сдѣлалось непріятно и неловко.

— Вы кого у Марьи Виссаріоновны учите? Леонида, или маленькихъ дѣвочекъ? спросилъ онъ меня необыкновенно густымъ басомъ.

— Леонида, отвѣчалъ я.

Сергѣй Николаичъ откашлялся.

— Славный малый Леонидъ, продолжалъ онъ, только ко мнѣ не ѣздитъ, да и самъ я давно не бывалъ у нихъ: съ годъ!... все не здоровиться.

Ему не здоровиться, подумалъ я и внутренно разсмѣялся; скорѣе въ молодомъ слонѣ можно было предположить какую нибудь болѣзнь, чѣмъ въ немъ.

— Жена моя часто у нихъ бываетъ; видали тамъ мою жену? отнесся опять ко мнѣ Сергѣй Николаичъ.

— Вашу супругу? спросилъ я, не отгадывая еще, кто этотъ господинъ.

— Да, Піонову; я имѣю честь быть господиномъ Піоновымъ, а г-жа Піонова моя нѣжнѣйшая супруга, вѣрная жена и подруга дней моихъ печальныхъ.

— Видалъ-съ, отвѣчалъ я.

Такъ вотъ кто былъ супругъ Піоновой; не даромъ она не возитъ его къ Ваньковскимъ и говоритъ, что онъ домосѣдъ.

— Хорошо, что я вспомнилъ объ женѣ, продолжалъ Піоновъ, обращаясь къ хозяину. Она меня поѣдомъ ѣстъ за твоего бурку; говоритъ: зачѣмъ купилъ, не нравится. Да полно, что ты нахмурился?

— Бурку?... отозвался Иванъ Кузьмичъ; бурка, братъ, славная лошадь; если бы мнѣ такая попалась, я сейчасъ дамъ тысячу цѣлковыхъ.

— Возьми назадъ, я за полтысячи уступлю.

— Давай: возьму!... что жь: развѣ не возьму?

— Бери, мнѣ самому жалъ. Какъ бы не барыня, я бы съ ней не разстался.

Поручикъ взглянулъ на меня и усмѣхнулся.

— Барыня.... барыня, говорилъ Иванъ Кузьмичъ, твоя барыня, братъ, милая; я у ней ручку поцалую, а ты въ лошадяхъ ничего не смыслишь; ты что говорилъ про бѣлогриваго жеребца?

— Что говорилъ?

— Что говорилъ! не помнишь? ты говорилъ выкормокъ, вотъ онъ тебѣ и показалъ себя! Зачѣмъ же ты его на заводъ далъ? выкормки, братъ, на заводъ нейдутъ; что ты мнѣ говоришь!

Піоновъ ничего не возражалъ. Я всталъ съ тѣмъ, чтобы уѣхать.

— Прощайте, Иванъ Кузьмичъ, сказалъ я, раскланиваясь.

— Сдѣлайте милость, прошу васъ покорнѣйше, посидите, возразилъ онъ, разведя руками; извините меня великодушно, вамъ, можетъ быть, скучно у меня, а я душевно радъ. Позвольте мнѣ хоть трубку вамъ предложить; будьте такъ добры, выкурите хоть трубку.

— Позвольте, отвѣчалъ я и сѣлъ.

— Ѳомка! крикнулъ Иванъ Кузьмичъ, трубку подай.

— Очень радъ, что вы пожаловали, только извините меня; я сегодня не здоровъ что-то: насморкъ, что ли?

Между тѣмъ, Піоновъ всталъ, какъ-то особенно кашлянулъ и вышелъ въ другую комнату, впрочемъ онъ не совсѣмъ ушелъ, какъ видѣлъ я въ зеркалѣ, а остановился въ дверяхъ и началъ дѣлать Ивану Кузьмичу знаки и манить его рукою, но тотъ не замѣчалъ.

— Васъ зовутъ, Иванъ Кузьмичъ, сказалъ поручикъ.

Иванъ Кузьмичъ поднялъ голову и, замѣтивъ пріятеля, всталъ и едва попалъ въ дверь; тотъ началъ ему шептать что-то на ухо, а онъ только моталъ головою и наконецъ оба ушли.

— Какъ наклюкались, проговорилъ имъ вслѣдъ поручикъ, обращаясь ко мнѣ.

— Что такое у нихъ сегодня? спросилъ я.

— Не знаю-съ, я пришелъ, они уже были готовы; у нихъ, впрочемъ, часто это бываетъ. Вы давно знакомы съ Иваномъ Кузьмичемъ?

— Нѣтъ, я у него сегодня только въ первый разъ; скажите, пожалуйста, хорошій онъ человѣкъ?

— Человѣкъ онъ добрый, только слабъ ужасно. Въ одномъ полку со мной служилъ; полковникъ прямо ему предложилъ, чтобы онъ по своей слабости оставилъ службу. Товарищи стали обижаться, ремарку дѣлаетъ на весь полкъ; у насъ общество офицеровъ прекрасное, а онъ былъ какое-то исключеніе.

Холодный потъ выступилъ у меня, слушая поручика; хотя, по желчному лицу его, и можно было подозрѣвать, что онъ о себѣ подобныхъ не любитъ отзываться съ хорошей стороны, но въ этомъ случаѣ говорилъ, видимо, правду.

— Что же онъ здѣсь дѣлаетъ въ Москвѣ? спросилъ я.

— Да ничего не дѣлаетъ, кутитъ. Говорятъ: жениться хочетъ. Не знаю, какая идетъ за него дѣвушка, а большой рыскъ съ ея стороны.

— Если онъ добрый человѣкъ и будетъ любить жену, то, можетъ быть, и перестанетъ кутить, замѣтилъ я.

— Врядъ ли съ! привычку сдѣлалъ большую, возразилъ поручикъ.

— Но еще скажите мнѣ, сдѣлайте милость, богатъ онъ или нѣтъ?

— Состояніе есть, ему послѣ брата много досталось, безалаберно только живетъ очень. Одинъ этотъ толстый Піоновъ его лошадьми да картами въ годъ тысячи на двѣ серебромъ надуетъ.

— А они пріятели?

— Какъ же съ; друзья по графину.

Вотъ почему Піонова такъ хлопочетъ за Ивана Кузьмича. Боже мой! въ слѣдствіе какой черной интриги погибаетъ бѣдная дѣвушка и неужели мы съ съ Леонидомъ неуспѣемъ разбить ихъ козней? я было хотѣлъ еще распросить поручика, но Иванъ Кузьмичъ и Піоновъ возвратились. Они, вѣроятно, еще клюкнули. Силъ моихъ не было оставаться долѣе. Я опять началъ прощаться, Иванъ Кузьмичъ не отпускалъ.

— Обяжите меня, сдѣлайте милость, посидите; я васъ, кажется, ничѣмъ не обидѣлъ, а что если.... извините меня, выкушайте по крайней мѣрѣ шампанскаго, что же такое; я имѣлъ честь познакомиться съ вами у Марьи Виссаріоновны, которую люблю и уважаю. Вотъ Сергѣй Николаичъ знаетъ,

какъ я ее уважаю, а что если.... такъ виноватъ. Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ.

— Мнѣ надобно, Иванъ Кузьмичъ, ѣхать на лекціи.

— Вы и поѣзжайте, Христосъ съ вами, дай вамъ Богъ добраго здоровья, а шампанскаго выпьемъ· извините, это уже нельзя.

— Благодарю васъ, я не пью. Позвольте мнѣ уѣхать, сказалъ я рѣшительно.

Иванъ Кузьмичъ обидѣлся.

— Богъ съ вами, поѣзжайте, чтожъ! вы человѣкъ ученый, а мы люди простые, что жь? Богъ съ вами, а что если.... Я не дождался конца его рѣчи и пошелъ.

— Позвольте хотя проводить, что же такое: говорилъ онъ и пошелъ за мною.

Какъ я ни торопился надѣть шинель, онъ однако жь успѣлъ меня на крыльцѣ нагнать и, желая подать мнѣ руку, пошатнулся, и, конечно, хлопнулся бы въ грязь, если бы не подхватилъ его подъ руку лакей.

Я возвратился домой, возмущенный до нельзя. Леонидъ правъ! Говорятъ, онъ добръ; но что же изъ этого, когда онъ пьяница и пьяница безобразный и глупый. Вечеромъ я поѣхалъ къ Леониду, чтобы передать ему все, что видѣлъ и засталъ его въ любимомъ положеніи, то есть лежащимъ на кушеткѣ.

Я сегодня былъ у Ивана Кузьмича, началъ я.

— Зачѣмъ?

— Такъ, мнѣ хотѣлось узнать его хорошенько.

— Что же вы узнали?

Я разсказалъ ему, чему былъ свидѣтелемъ и что говорилъ мнѣ поручикъ.

Леонидъ слушалъ молча и только выступившія на лицѣ его красныя пятна заставляли догадываться, каково ему было все это слышать. Мнѣ сдѣлалось даже жаль, за чѣмъ я ему разсказывалъ.

— Во всякомъ случаѣ, заключилъ я, мы все это должны передать вашей матушкѣ и Лидіи Николаевнѣ.

— Теперь ужь поздно, вчера дали слово ему, Лида согласилась.

— Леонидъ Николаичъ! воскликнулъ я, это будетъ съ вашей стороны жестоко и безчестно скрыть подобныя вещи.

— Лидѣ нечего теперь говорить, а матери, пожалуй, скажемъ.

— Когда же?

— Да хоть теперь пойдемте.

— Мнѣ говорить!

— Нѣтъ, я буду отъ себя.

Въ передней намъ сказали, что пріѣхала Піонова.

— Ловко ли будетъ? замѣтилъ я.

— Ничего, еще лучше, рѣшилъ Леонидъ.

Мы вошли. Марья Виссаріоновна, должно быть, о чемъ нибудь совѣщалась съ своею пріятельницею. При нашемъ входѣ онѣ обѣ замолчали. Піонова, увидѣвъ Леонида, закатила глаза и бросила на него такой взглядъ, что мнѣ сдѣлалось стыдно за нее.

— Вотъ онъ сейчасъ былъ у Ивана Кузьмича, началъ тотъ прямо, показывая на меня.

Обѣ дамы переглянулись съ удивленіемъ, не понимая, къ чему онъ это говоритъ.

— Вашъ мужъ былъ тоже тамъ, прибавилъ онъ Піоновой.

— Вы видѣли мужа? отнеслась она ко мнѣ.

— Видѣлъ-съ.

— Познакомились съ нимъ?

— Познакомился.

— Очень рада. Онъ чрезвычайно любитъ молодыхъ людей — это его страсть.

— А теперь онъ дома? спросилъ Леонидъ.

— Дома.

— Я думалъ, что онъ еще у Ивана Кузьмича; они тамъ пьютъ съ утра, Иванъ Кузьмичъ такъ напился, что на ногахъ не стоитъ, отрѣзалъ онъ.

Марья Виссаріоновна поблѣднѣла. Піонова вспыхнула.

— Перестаньте, Леонидъ, врать, начала мать строгимъ голосомъ. Я тебѣ давно приказывала, чтобы ты не смѣлъ такъ говорить о человѣкѣ котораго я давно знаю и уважаю.

— Напился пьянъ.... на ногахъ не стоитъ.... я не понимаю даже этого и не знаю, что такое было у Ивана Кузьмича, можетъ быть, какой нибудь завтракъ, а мужъ пріѣхалъ вовсе не пьяный. Мнѣ слышать подобную клевету смѣшно, проговорила Піонова.

Я хотѣлъ было отвѣчать ей, но Леонидъ перебилъ меня.

— Говорятъ не о вашемъ мужѣ, а объ Иванѣ Кузьмичѣ, который у насъ рюмки сладкой водки не пьетъ, а дома тянетъ по цѣлому штофу. Что вамъ говорилъ про него прежній его товарищъ, отнесся онъ ко мнѣ.

— Я вамъ передавалъ, отвѣчалъ я.

— Изъ прежнихъ его товарищей никто ничего про него не скажетъ дурнаго, его всѣ товарищи обожали въ полку; мой мужъ служилъ съ нимъ съ юнкеровъ, такъ намъ лучше знать Ивана Кузьмича, чѣмъ кому нибудь другому.

— Вы всегда его хвалите, а за что же его изъ службы выгнали?

— Какъ выгнали?

— Такъ выгнали.

Піонова засмѣялась принужденнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! чего не выдумаютъ. Ивана Кузьмича выгнали! Ивана Кузьмича!... воскликнула она такимъ тономъ, какъ будто бы это было также невозможно, какъ самому себѣ сѣсть на колѣна. — Слышите, Марья Виссаріоновна, что еще сочинили? вы хорошо знаете причину, по которой Иванъ Кузьмичъ оставилъ службу, и его будто бы выгнали! Ха, ха, ха...

— Сочиняете болѣе всѣхъ вы! возразилъ Леонидъ.

Піонова только пожала плечами.

— Леонидъ Николаичъ какое-то особенное удовольствіе находитъ говорить мнѣ дерзости. Не знаю, чѣмъ подала я поводъ, сказала она, покачавъ грустно головою.

— Ты выводишь меня изъ терпѣнія, Леонидъ! Царь небесный! что я за несчастная женщина, всю жизнь отъ всѣхъ должна страдать, говорила она. И начала плакать.

— Успокойтесь, Марья Виссаріоновна, умоляю васъ, пощадите вы себя для маленькихъ вашихъ дѣтей. Леонидъ Николаичъ такъ только сказалъ, онъ не будетъ болѣе васъ разстроивать.

— Разстроиваете вы, а не я, перебилъ тотъ.

— Перестань, Леонидъ! воскликнула опять Марья Виссаріоновна. — Душечька, Лизавета Николаевна, скажите ему, чтобъ онъ ушелъ, онъ меня въ гробъ положитъ.

— Cher Leonide, ayez pitie pour votre mére, произнесла Піонова своимъ отвратительнымъ голосомъ, которому старалась придать умоляющее выраженіе.

Леонидъ всталъ и, хлопнувъ дверьми, ушелъ, оставивъ меня въ самомъ щекотливомъ положеніи. Марья Виссаріоновна продолжала плакать. Піонова ее утѣшала. Я такъ растерялся, что рѣшительно не находился, оставаться ли мнѣ или уйдти. Вдругъ дверь отворилась, явился Иванъ Кузьмичъ и явился, какъ ни въ чемъ не бывало, кромѣ красноты глазъ и небольшой опухлости въ лицѣ, и слѣда не оставалось утренней попойки. Піонова сначала сконфузилась, но увидѣвъ, что Марасѣевъ въ обыкновенномъ состояніи, насмѣшливо взглянула на меня. Марья Виссаріоновна отерла слезы и ласково поклонилась гостю. Иванъ Кузьмичъ, раскланявшись съ дамами, подалъ мнѣ дружески руку. Не помню, какъ я просидѣлъ еще нѣсколько времени, какъ поклонился всѣмъ и пошелъ къ Леониду, котораго засталъ сидящимъ за столомъ. Онъ схватилъ себя за голову и, кажется, плакалъ. Я не хотѣлъ его еще болѣе волновать и потому, молча, простился съ нимъ и уѣхалъ.

V.

Наступалъ май мѣсяцъ, мнѣ предстоялъ выпускный экзаменъ; скоро я долженъ былъ проститься и съ университетомъ, и съ Москвою и съ моими Ваньковскими. Судьба Лидіи Николаевны рѣшена окончательно: она помолвлена за Марасѣева, хотя объ этомъ и не объявляютъ. Свадьба, вѣроятно, будетъ скоро, потому что готовятъ уже приданое. Піонова торжествуетъ и пріѣзжаетъ разъ по семи въ день.

Марья Виссаріоновна еще болѣе подчинилась пріятельницѣ; какъ проснется, такъ и посылаетъ за нею. Марасѣевъ, говорятъ, нанялъ щегольскую квартиру; онъ рѣшительно цвѣтетъ и цѣлые дни у Ваньковскихъ. Лицо его сдѣлалось менѣе опухло и красно. Лидія Николаевна не принимаетъ никакого участія въ хлопотахъ о своей свадьбѣ, но съ женихомъ ласкова. Иногда мнѣ досадно на нее, а чаще жаль, мы съ ней почти не видимся, хоть я и бываю у нихъ почти каждый день; она какъ будто бы избѣгаетъ меня. Леонидъ, по

наружности, спокоенъ. Меня очень радуетъ, что онъ началъ заниматься, и тутъ только я увидѣлъ, какими блестящими способностями онъ надѣленъ отъ природы, когда захочетъ ихъ обнаружить. Въ двѣ недѣли онъ прошелъ съ самыми легкими отъ меня пособіями весь гимназическій курсъ математики и зналъ его весьма удовлетворительно. О свадьбѣ сестры онъ говорилъ мало. Я разъ его спросилъ, передавалъ ли онъ Лидіѣ Николаевнѣ, что мы узнали о ея женихѣ, онъ отвѣчалъ, что нѣтъ и просилъ меня не проговориться, а потомъ разсказалъ мнѣ, что Иванъ Кузьмичъ знаетъ отъ Піоновой весь нашъ разговоръ объ немъ и поэтому случаю объяснялся съ Марьею Виссаріоновною, признался ей, что дѣйствительно былъ тогда навеселѣ, но далъ ей клятву во всю жизнь не брать капли вина въ ротъ, и что одинъ изъ ихъ знакомыхъ, по просьбѣ матери, ѣздилъ къ бывшему его полковому командиру и спрашивалъ объ немъ, и тотъ будто бы увѣрялъ, что Иванъ Кузьмичъ добрѣйшій въ мірѣ человѣкъ. Все бы это было хорошо, только, кажется, Леонидъ мало этому вѣрилъ, да и у меня лежало на сердцѣ тяжелое предчувствіе; внутренній голосъ говорилъ мнѣ: быть худу, быть бѣдамъ!

Марья Виссаріоновна, сердившаяся на сына, сердилась и на меня. Во все это время, она со мною не кланялась и не говорила; но вдругъ, однажды, когда я сидѣлъ у Леонида, она прислала за мною и просила, если я свободенъ, прійдти къ ней. Леонидъ усмѣхнулся. Я пошелъ. Она приняла меня съ необыкновеннымъ радушіемъ и, чего прежде никогда не бывало, сама предложила мнѣ курить.

— Я васъ давно хотѣла спросить, начала она: — что Леонидъ видно совсѣмъ отъ меня хочетъ отторгнуться?

— Почему же вы это думаете? спросилъ я ее на оборотъ.

— Потому что я его совсѣмъ не вижу: что онъ этимъ хочетъ показать?

— Онъ думаетъ, что вы сердитесь на него за послѣднее объясненіе, въ которомъ и я участвовалъ.

— Я не могла тогда не разсердиться, онъ слишкомъ забылся.

— Чѣмъ же онъ забылся? Онъ говорилъ только по искреннему желанію добра Лидіѣ Николаевнѣ.

— По искреннему желанію добра Лидіѣ Николаевнѣ? Да чѣмъ же вы, господа, послѣ этого меня считаете? Неужели же я менѣе Леонида и васъ желаю счастія моей дочери, или я такъ глупа, что ничего не могу обсудить? Никто изъ моихъ дѣтей не можетъ меня обвинить, чтобы я для благополучія ихъ не забывала самой себя, проговорила Марья Виссаріоновна съ важностію.

Я увѣренъ, что этотъ монологъ сочинила ей Піонова, или, по крайней мѣрѣ, всѣ эти мысли материнскаго самодовольствія она ей внушила.

— Я удивляюсь, продолжала Марья Виссаріоновна: — я прежде никогда въ поступкахъ Леонида не замѣчала ничего подобнаго, и не знаю, откуда пріобрѣлъ онъ такія правила.

Я понялъ, что это было сказано на мой счетъ.

— Вы съ нимъ дружны, отнеслась она потомъ ко мнѣ прямо: — растолкуйте ему, что такъ поступать съ матерью грѣшно.

— Леонидъ Николаичъ и безъ моихъ наставленій васъ любитъ и уважаетъ, возразилъ я.

— Отчего жь онъ убѣгаетъ меня? Вы сами имѣете матушку, каково бы ей было, если бы вы не захотѣли видѣть ее? И что это за фарсы? Сидитъ въ своемъ кабинетѣ, какъ запертый, болѣе мѣсяца не выходитъ сюда. Мнѣ совѣстно всѣхъ своихъ знакомыхъ. Всѣ спрашиваютъ: что это значитъ? что его не видать? и что же я могу на это сказать?

Не всѣ знакомые, а только Піонова спрашиваетъ тебя объ этомъ, потому что ей тошно безъ Леонида, подумалъ я.

— Леонидъ Николаичъ придутъ сейчасъ, если вы имъ прикажете, сказалъ я вслухъ.

— А если не придетъ?

— Придутъ-съ.

— Нѣтъ, я вижу, вы его не знаете, онъ очень упрямъ. Поспоримте, что не придетъ.

— Извольте.

— Сходите сами, и увидите.

Я пошелъ, сказалъ Леониду и онъ, какъ я ожидалъ, тотчасъ же пришелъ со мною. Марьѣ Виссаріоновнѣ было это пріятно, отчасти потому, что любя сына, ей тяжело было съ

нимъ ссориться, а болѣе, думаю, и потому, что она исполнила желаніе своего друга Піоновой и помирилась съ Леонидомъ. Однако удовольствіе свое она старалась скрыть и придала своему лицу насмѣшливое выраженіе.

— Я сейчасъ объ тебѣ съ ними спорила, начала она.

Леонидъ молчалъ.

— Я говорила, что ты не придешь.

— Нѣтъ-съ, я пришелъ, отвѣчалъ Леонидъ.

— Отчего же ты такой нахмуренный, все еще изволишь на меня гнѣваться?

— Я не гнѣваюсь.

— Нѣтъ, ты гнѣваешься, только за что, не знаю!

— Я не гнѣваюсь, а вступался только за сестру. За что надобно на меня сердиться—вы ничего, а гдѣ я не виноватъ — сердитесь.

— Я ни за что на тебя не могу сердиться. Тебѣ стыдно быть въ отношеніи меня такимъ неблагодарнымъ.

Леонидъ молчалъ.

— Я не могу понять, продолжала Марья Виссаріоновна: — съ чего ты взялъ такъ объ Лидѣ безпокоиться, она сама выбрала эту партію.

— Никогда бы она не выбрала, если бы вы, два года не настаивали и не требовали бы отъ нее этой жертвы.

— Оставимъ, Леонидъ, этотъ разговоръ; если ты пришелъ сердить меня, такъ лучше было бы тебѣ не приходить.

— Я васъ и не думаю сердить, а только говорю, и всегда скажу, что выдать Лиду за этого человѣка, значитъ погубить ее.

Марья Виссаріоновна усмѣхнулась.

— Онъ глупъ, пьянъ, продолжалъ Леонидъ: — состояніе у него никто не знаетъ какое, пугаетъ насъ своимъ векселемъ, который при нашихъ дѣлахъ ничего не значитъ; а если, наконецъ, нужно съ нимъ расплатиться, такъ пусть лучше продадутъ все, только бы съ нимъ развязаться.

Желая поддержать Леонида, я тоже вмѣшался.

— За Ивана Кузьмича выдать не только Лидію Николаевну, но и всякую дѣвушку есть рыскъ; это мнѣніе объ немъ общее, — мнѣніе, которое мнѣ высказалъ его товарищъ, въ первый разъ меня увидѣвшій.

Марья Виссаріовна молчала. Наши представленія начинали ее колебать, инстинктъ матери говорилъ за насъ, и, можетъ быть, мы много бы успѣли передѣлать, но Піонова поспѣла во время. Марья Виссаріоновна еще издали услышала ея походку и съ разу измѣнилась: ничего намъ не отвѣтила, и, когда та вошла, тотчасъ же увела ее въ спальню, боясь, конечно, чтобы мы не возобновили нашего разговора.

На другой день я спросилъ Леонида, нѣтъ ли какихъ послѣдствій нашего объясненія.

— Никакихъ, со мною мать ласкова, отвѣчалъ онъ.

— А объ Лидіѣ Николаевнѣ что говоритъ?

— Поетъ старыя пѣсни; ничего тутъ не сдѣлаешь. Я съ своей стороны тоже убѣдился, что дѣйствовать на Марью Виссаріоновну было совершенно безполезно; но что же наконецъ сама Лидія Николаевна, что она думаетъ и чувствуетъ? Хотя Леонидъ просилъ меня не говорить съ нею объ женихѣ, но я рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ, если не распросить ее, то по крайней мѣрѣ заговорить и подмѣтить, съ какимъ чувствомъ она относится къ предстоящему ей браку; наружному спокойствію ея я не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что она худѣла съ каждымъ днемъ.

Экзаменъ кончился, оставалась всего недѣля до моего отъѣзда изъ Москвы. Я пришелъ къ Леониду съ ранняго утра и обѣдалъ у него. Часу въ седьмомъ Марья Виссаріоновна съ женихомъ уѣхала на Кузнецкій мостъ. Леонидъ пошелъ въ гостиную, я за нимъ: онъ сѣлъ за рояль и началъ одну изъ сонатъ Бетховена. Я часто слыхалъ его игру и вообще любилъ ее, но никогда еще она не производила на меня такого глубокаго впечатлѣнія; Леонидъ игралъ въ этотъ разъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ будто бы наболѣвшее сердце его хотѣло все излиться въ звукахъ. Вошла Лидія Николаевна.

— Я пришла послушать брата, сказала она и сѣла около меня.

Леонидъ продолжалъ играть и необращалъ на насъ вниманія.

— Вы скоро ѣдите? спросила меня Лидія Николаевна въ полголоса.

— Чрезъ недѣлю.

— Не забывайте насъ; мнѣ жаль брата, онъ очень васъ любитъ и станетъ скучать безъ васъ.

— Что дѣлать, будемъ хотя изрѣдка переписываться, сказалъ я.

Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Вы слышали, я замужь выхожу? начала Лидія Николаевна со всѣмъ тихимъ голосомъ.

— Слышалъ.

— Вамъ нравится мой выборъ?

Я молчалъ.

— Онъ очень хорошій человѣкъ.

Я молчалъ.

— Я ему давно нравлюсь.

— Еще бы вы ему не нравились, сказалъ я наконецъ.

Въ голосѣ моемъ противъ воли слышалась досада.

— Скоро свадьба? прибавилъ я.

— Не знаю.

— Гдѣ вы будете постоянно жить?

— Тоже не знаю, ничего не знаю.... За что маменька сердится на брата?

— За васъ.

— Ахъ Боже мой! я это предчувствовала. Уговорите его, пожалуйста, чтобы онъ ее не сердилъ, у нея горя много и безъ насъ.

— Онъ ни въ чемъ не виноватъ, я на его мѣстѣ сдѣлалъ бы больше, возразилъ я.

— Что же бы вы сдѣлали?

— Я бы на васъ сталъ дѣйствовать.

— А если бы я васъ не послушэлась?

— Не думаю.

— Нѣтъ, не послушалась бы; я бы можетъ быть согласилась съ вами, но не послушалась, потому, что не могу собой располагать.

Мы опять молчали.

— Сколько я преданъ вашему семейству, началъ я: — какъ искренно люблю вашего брата и какъ желаю вамъ счастія: это видитъ Богъ!.... и увѣренъ, что изъ васъ выйдетъ кроткая, прекрасная семьянинка, но будущаго вашего мужа не знаю.

— Онъ любитъ меня.

— Увѣрены ли вы въ этомъ? и наконецъ любите ли вы сами его?

— Я привыкла къ мысли, быть его женою и уважаю его за постоянную дружбу къ намъ.

— Лидія Николаевна, не обманываете ли вы себя? Иванъ Кузьмичъ вамъ не пара: когда-то вы мнѣ сказали, что выйдите замужъ по разсчету, потому, что это удобнѣе, тогда я не повѣрилъ вашимъ словамъ.

— Какъ вы все помните.

— Не мудрено, потому, что вижу подтвержденіе этихъ словъ, хотя все-таки не могу допустить той мысли, чтобы вами руководствовало столь ничтожное чувство.

— Отчего же?

— Оттого, что оно прилично только самымъ пустымъ женщинамъ, которыя сами не способны любить, да и ихъ никто не полюбитъ.

— А если я именно такая женщина?

— Если вы такая женщина, то смотрите остерегитесь и не ошибитесь въ разсчетѣ.

— Нѣтъ, я не такая: не обвиняйте меня, вы многаго не знаете.

— Все знаю, возразилъ я: — и все-таки васъ обвиняю.... хотѣлъ было я добавить, но, взглянувъ на Лидію Николаевну, остановился, у ней были полные слезъ глаза. Леонидъ тоже взглянулъ на насъ, пересталъ играть, всталъ и увелъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

— Что вы такое говорили съ Лидой? спросилъ онъ.

Я разсказалъ ему отъ слова до слова: ему было непріятно.

— Зачѣмъ, не говорите ей болѣе: будетъ съ нее и безъ нашихъ словъ, сказалъ онъ и вздохнулъ.

VI.

Я видѣлъ послѣ этого Лидію Николаевну всего одинъ разъ и то на парадномъ вечерѣ, который Иванъ Кузьмичъ давалъ по случаю новоселья. Упоминаю объ этомъ вечерѣ, который хотя и косвенно, но идетъ къ главному сюжету моего разсказа. Получивъ приглашеніе, я сначала не хо-

тѣлъ ѣхать, но меня уговорилъ Леонидъ, отъ котораго мать требовала, чтобъ непремѣнно былъ тамъ.

Мы пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ и застали довольное число гостей. Квартиру Иванъ Кузьмичъ нанялъ дѣйствительно щегольскую и прекрасно ее меблировалъ. Надобно сказать, что я, человѣкъ вовсе не щепетильный, бывалъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ провинцій, живалъ въ столицѣ въ нумерахъ, посѣщалъ очень не завидные трактиры, но такихъ странныхъ гостей, какихъ созвалъ Иванъ Кузьмичъ, я рѣдко встрѣчалъ. Дамы были какія-то особеннаго свойства не говоря уже о предметахъ ихъ разговоровъ, о способѣ выраженія, самая наружность ихъ и костюмы были удивительныя: у одной, напримѣръ, дамы, среднихъ лѣтъ, на лицѣ было до восьми бородавокъ, другая, должно быть, дѣвица была до того худа, что у ней, между собственною ея спиною и спинкою платья, имѣлся необыкновенной величины промежутокъ, какъ будто бы спина была выдолблена. Третія, по видимому, ея пріятельница, высокая, набеленная, нарумяненная, дама или дѣвица, трудно догадаться, сидѣла молча, вытянувшись. какъ будто бы проглотила аршинъ и только обводила всѣхъ большими сѣрыми глазами. Мужчины тоже не лучше: особенно обратилъ на себя мое вниманіе одинъ господинъ, гладко причесанный съ закругленными висками и сильно надушенный пачулями. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату и чрезвычайно внимательно разсматривалъ столовые бронзовые часы, карманные часы, стоявшіе въ футлярѣ на столикѣ, горку съ серебромъ, поставленную въ гостиной, даже оглядывалъ бронзовый замокъ у двери и пробовалъ рукою доброту матерій на драпировкѣ, и кромѣ того безпрестанно пилъ лимонадъ, какъ бы желая успокоить взволнованную созерцаніемъ цѣнныхъ вещей кровь. Что такое и для чего онъ это дѣлаетъ? подумалъ я, и мнѣ пришло въ голову смѣшное подозрѣніе, что онъ разсматриваетъ съ цѣлью украсть что нибудь. Въ числѣ гостей имѣлся и купецъ, какъ можно было это заключить по длиннополому сюртуку, бородѣ и прическѣ въ скобку, но купецъ не русскій, потому, что его черные, курчавые волосы и черное лицо, напоминали цыганскій типъ. Съ нимъ толковалъ въ полголоса маленькій, плешивый, въ потертомъ фракѣ господинъ и толковалъ съ большимъ одушевленіемъ; онъ то шепталъ ему на

ухо, то выщитывалъ по пальцамъ, то взмахивалъ руками и становился фертомъ, но купецъ, видно, мало здавался на его убѣжденія, физіономія его какъ будто бы говорила: охота тебѣ, баринъ, надсажаться, меня не своротишь, я свое знаю и безъ тебя.

Большая часть этихъ гостей обращалась съ хозяиномъ безъ всякой церемоніи и даже называли его разными родственными именами, дама съ бородавками именовала его племянникомъ, худощавая дѣвица-кузеномъ, нарумяненная дама или дѣвица — кумомъ, чиновникъ — сватомъ, господинъ осматривающій цѣнныя вещи — братомъ. Въ Иванѣ Кузьмичѣ, можетъ быть, это хорошая черта, что онъ не чуждается родныхъ, подумалъ я, но во всякомъ случаѣ, для Лидіи Николаевны трудно будетъ съ ними сблизиться, если бы они были только люди не богатые и простые, это было бы еще ничего, но они модничаютъ и по своему стараются выказать нѣкоторый тонъ.

Я началъ распрашивать объ всѣхъ этихъ господахъ бывшаго тутъ же желтолицаго поручика, который по прежнему курилъ и по прежнему ядовито на всѣхъ посматривалъ, онъ, впрочемъ, зналъ только троихъ и объяснилъ мнѣ, что купецъ — лошадиный барышникъ, высокая дама или дѣвица, называющая Ивана Кузьмича кумомъ, будто бы многимъ кума, и удивился, почему я ее не знаю, потому, что у ней есть шляпный магазинъ. Посреди этого общества Піонова была рѣшительно лучше всѣхъ. Разряженная какъ на балъ, она должно быть, никакъ не ожидала, что Иванъ Кузьмичъ назоветъ такихъ неинтересныхъ гостей; сначала она всѣхъ оглядывала, дѣлала гримасы, и наконецъ, заключила тѣмъ, что не стала обращать ни на кого вниманія и уставила, не отводя глазъ, томный взоръ на сидѣвшемъ въ углу Леонида. Мужъ ея, какъ колоссъ Родоскій, возвышался надъ всѣми въ сосѣдней комнатѣ, онъ игралъ тамъ въ карты. Ваньковская съ дочерью пріѣхала довольно поздно. Иванъ Кузьмичъ ввелъ ихъ въ гостиную съ торжествомъ. Марья Виссаріоновна, какъ и Піонова, осмотрѣла всѣхъ, переглянулась съ пріятельницею и усѣлась рядомъ съ нею. Затѣмъ послѣдовала смѣшная и досадная сцена: дама съ бородавками, худощавая дѣвица и господинъ во фракѣ, вдругъ вздумали рекомендоваться Ваньковскимъ, и не Марьѣ Виссаріоновнѣ, а Лидіѣ Николаевнѣ

съ просьбою, чтобы она ихъ полюбила, и не оставила на будущее время своимъ знакомствомъ и расположеніемъ. Бѣдная дѣвушка переконфузилась и не знала, что ей отвѣчать и куда глядѣть.

Вскорѣ за Ваньковскими, Иванъ Кузьмичъ привелъ еще новаго гостя — но этотъ былъ совсѣмъ другаго рода: мужчина лѣтъ тридцати, прекрасно сложенный, съ матовымъ цвѣтомъ лица, брюнетъ, но съ голубыми глазами, одѣтый франтомъ, однимъ словомъ, совсѣмъ красавецъ.

— Петръ Михалычъ, проговорила, при входѣ его, Лидія.

— Ахъ, Петръ Михалычъ, давно ли вы здѣсь? воскликнула Марья Виссаріоновна.

— Не болѣе двухъ часовъ, какъ въѣхалъ въ заставу, былъ сейчасъ у васъ, отвѣчалъ гость, садясь около Лидіи Николаевны.

— И тамъ, вѣроятно, вамъ сказали, что Марья Виссаріоновна у меня, вмѣшался Иванъ Кузьмичъ.

— Да, отвѣчалъ гость и отнесся къ Леониду: — Bon soir, cher Leonide!

Леонидъ кивнулъ ему головой.

— Вы теперь откуда? спросила его Марья Виссаріоновна.

— Теперь изъ Петербурга.

— Долго тамъ изволили быть? вмѣшался опять Иванъ Кузьмичъ.

— Нѣтъ, нѣсколько дней.

— Гдѣ жь вы были этотъ годъ? сказала Марья Виссаріоновна.

— Въ деревнѣ.

— И не скучали? спросила Лидія.

— Я скучалъ въ томъ отношеніи, что мои милые сосѣди не жили въ деревнѣ.

— Намъ нынче хотѣлось, очень хотѣлось пожить въ вашихъ мѣстахъ, но никакъ не возможно было по моимъ несноснымъ дѣламъ, подхватила Марья Виссаріоновна.

— У васъ такъ много занятій, что вамъ, я думаю, и безъ сосѣдей не скучно, замѣтила Лидія.

— Нѣтъ, я скучалъ, отвѣчалъ Курдюмовъ.

Такъ это сосѣдъ Ваньковскихъ, подумалъ я, а на первый взглядъ онъ мнѣ показался иностранцемъ. Я ожидалъ, что

это какой нибудь италіянской пѣвецъ, музыкантъ или французъ путешественникъ потому, что въ произношеніе его, в въ самыхъ оборотахъ рѣчи, слышалось что-то не русское, какъ будто бы онъ думалъ на какомъ-то иностранномъ языкѣ, а на русской только переводилъ.

За тѣмъ пошло все обыкновеннымъ порядкомъ. Піонова, должно быть, видѣла Курдюмова въ первый разъ и желая его заинтересовать собою, начала къ нему безпрестанно обращаться съ различными фразами и вопросами на французскомъ языкѣ, дѣлая страшныя ошибки и несносно произнося, чему я былъ душевно радъ, потому, что никогда она не была такъ смѣшна, какъ въ эти минуты. Курдюмовъ отвѣчалъ ей вѣжливо, но коротко и все заговаривалъ или съ Лидіею, или съ Марьею Виссаріоновною. Иванъ Кузьмичъ былъ тоже очень смѣшонъ въ обращеніи съ Курдюмовымъ, онъ безпрестанно его угощалъ то чаемъ, то конфектами, то сигарами, и тотъ отъ всего отказывался.

Ужинъ былъ накрытъ на маленькихъ столикахъ: я съ Леонидомъ случайно очутился за однимъ столомъ съ Піоновымъ, его партенерами и желтолицымъ поручикомъ. Здѣсь я въ первый разъ въ жизнь мою видѣлъ, сколько одинъ человѣкъ можетъ выпить безъ всякихъ признаковъ опьяненія, и это показалъ мнѣ, конечно, Піоновъ. Въ продолженіе вечера, находясь, по его выраженію, подъ дирекціею супруги, онъ посничалъ и выпилъ только рюмокъ пять доппелькюмеля, но за ужиномъ вознаградилъ себя сторицею. Насмѣшливый поручикъ замѣтилъ ему, что на столѣ мало вина, котораго стояло четыре бутылки.

— Мало, самъ вижу, что мало. Благодарю васъ, молодой человѣкъ, что вы меня понимаете, въ старые годы не такъ бывало: мы выпивали, что глазомъ окинешь, а нынче подадутъ, что одною рукою поднимешь, да и думаютъ, что угостили хорошо. Это, какъ я вижу все конфекты; ну, конфектами мы послѣ займемся, отвѣчалъ Сергѣй Николаичъ. Эй ты, севильскій цирульникъ, отнесся онъ къ официанту, подай-ка сюда господина квартирмейстера — ромашки, и затѣмъ объяснивъ, что ромъ онъ называетъ квартирмейстеромъ, потому что онъ въ желудкѣ приготовляетъ квартиру къ воспріятію дальнѣйшаго, выпилъ залпомъ стаканъ квартермейстера, крякнулъ и съѣлъ кусокъ хлѣба.

— Теперь хорошо: испаринка началась, теперь можно и поѣсть, продолжалъ онъ, и, отваливъ себѣ на тарелку три звѣна бѣлорыбицы, съѣлъ все это въ минуту, какъ яйцо въ смятку.

Леонидъ началъ угощать Сергѣя Николаича и налилъ ему стаканъ хереса; это онъ дѣлалъ, какъ я увѣренъ, въ досаду Піоновой.

— Развѣ ужь для тебя, душа?... изволь, не могу отказать, ты малый отличный, я тебѣ пророчу, что изъ тебя выйдетъ современемъ превосходный пьяница, отвѣчалъ Піоновъ и выпилъ хересъ.

Поручикъ и партенеры Піонова просили его выпить и для нихъ.

И для васъ? извольте, я готовъ услужить каждому, а себѣ въ особенности, порѣшилъ Сергѣй Николаичъ, и еще выпилъ отъ каждаго по стакану и началъ ѣсть.

— Вы, господа, говорилъ онъ, сами не пейте, вы люди молодые; это можетъ войти въ привычку, въ обществѣ это не принято, я самъ тоже терпѣть не могу вина и, когда увижу его, тотчасъ стараюсь уничтожить, что я и сдѣлаю съ этимъ шато-марго.

И дѣйствительно сдѣлалъ: бутылки какъ не бывало. Вошелъ Иванъ Кузьмичъ.

— Господа, пожалуйста, кушайте. Что ты, Сергѣй Николаичъ, выпилъ бы чего нибудь, сказалъ онъ.

— Да что, братъ, пить, пить-то у тебя нечего, вотъ на столѣ поставлены были четыре бутылки; молодые люди все выпили, а мнѣ старику ничего и не досталось.

Я велю сейчасъ подать.

— Да, да, вели; не щади меня, душа моя, я не стою твоего сожалѣнія. А самъ-то что?... Хоть бы понюхалъ, братецъ, на! понюхай, славно вѣдь пахнетъ.

— Не могу, братецъ, нынче, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ и ушелъ, чтобы приказать еще подать вина.

Піоновъ продолжалъ пить и ѣсть, толкуя въ тоже время, что рюмками не слѣдуетъ пить, такъ какъ это сосудъ для женщинъ; потому что они съ тоненькими таліями и женскаго рода.

Его никто уже не слушалъ. Мы переглянулись съ Леонидомъ и вышли въ залу, гдѣ ужинали дамы. Курдюмовъ си-

дѣлъ рядомъ съ Лидіею Николаевною и что-то ей разсказывалъ; Иванъ Кузьмичъ стоялъ у нихъ за стульями. Послѣ ужина Піонова вдругъ сѣла рядомъ съ Леонидомъ.

— Леонидъ Николаичъ, довезите меня домой; Сержъ, вѣроятно, останется въ карты играть, а я ужасно устала.

— Я съ нимъ пріѣхалъ, отвѣчалъ Леонидъ, указывая на меня.

— Они, вѣроятно будутъ такъ добры, что доѣдутъ съ кѣмъ нибудь.

— Нѣтъ нельзя, я къ нему ѣду.

— Вы все по прежнему не любезны, неисправимый человѣкъ, проговорила она и задумалась.

Леонидъ отошелъ отъ нее.

Ваньковскія вскорѣ уѣхали, ихъ провожалъ Иванъ Кузьмичъ и Курдюмовъ; послѣдній пожалъ дружески руку Лидіи Николаевны и застегнулъ ей манто.

— Курдюмовъ видно хорошо знакомъ съ вашими? сказалъ я Леониду, когда мы сѣли въ экипажъ.

— Знакомъ: въ деревнѣ часто къ намъ ѣздилъ... Не люблю я его.

— А что?

— Антипатиченъ, а поетъ не дурно.

— Поетъ не дурно?

— Да, да много учился?

Леонидъ у меня ночевалъ. На другой день я совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы; онъ меня провожалъ до заставы, мы братски съ нимъ обнялись и растались.

VII.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Я думалъ уѣхать изъ Москвы навсегда, а лѣтъ черезъ пять случилось опять въ нее вернуться и вернуться на житье. Въ продолженіи этого времени я переписывался съ Леонидомъ; онъ меня увѣдомлялъ, что желаніе Піоновой исполнилось: Лида вышла за Марасѣева, что дѣла ихъ по долгамъ поправляются плохо, что онъ поступилъ въ университетъ, но ничего не дѣлаетъ; вообще тонъ его писемъ, а особенно послѣднихъ, былъ

грустенъ, въ одномъ изъ нихъ была даже слѣдующая фраза: опасенія наши сбываются, Лидѣ не хорошо!

Пріѣхавъ въ Москву, я не засталъ его: онъ съ Марьею Виссаріоновною и съ маленькими сестрами уѣхалъ въ деревню, а Лидія съ мужемъ жила въ Сокольникахъ; я тотчасъ же къ нимъ отправился. Они нанимали маленькій флигель; въ первой же послѣ передней комнатѣ, я увидѣлъ Лидію Николаевну, она стояла, задумавшись у окна, и, при моемъ приходѣ обернулась и вскрикнула. Я хотѣлъ взять у ней ручку, чтобы поцѣловать, она мнѣ подала обѣ, ей хотѣлось говорить, но у ней захватывало дыханіе, я тоже былъ не спокоенъ.

— Сейчасъ заѣзжалъ къ Леониду, но его нѣтъ въ Москвѣ, началъ я.

— Да, онъ уѣхалъ съ маменькою въ деревню. Ахъ Боже мой, я все еще не вѣрю глазамъ своимъ!... что же мы стоимъ?... садитесь!... Не хотители чего нибудь: чаю, кофею?

— Ни чего покуда, хочу только насмотрѣться на васъ.... Иванъ Кузьмичъ?

— Его нѣтъ дома; онъ очень будетъ вамъ радъ, мы почти каждый день вспоминаемъ васъ, а надъ Леонидомъ смѣялись, что онъ въ васъ влюбленъ.

— Какъ влюбленъ?

— Рѣшительно влюбленъ, онъ слышать не можетъ, если кто нибудь скажетъ объ васъ дурно.

— Кто же это говоритъ объ мнѣ дурно?

— Конечно Піонова.

— Она все еще знакома съ вами?

— Да, у маменьки бываетъ часто, а ко мнѣ не ѣздитъ, Иванъ Кузьмичъ, впрочемъ бываетъ у нихъ.... она меня, вы знаете не любитъ, отвѣчала Лидія. И снова взяла меня за руку и крѣпко пожала. На глазахъ у ней навернулись слезы.

— Скажите же, что нибудь про себя, продолжала она: — гдѣ вы были, что вы дѣлали? Я нѣсколько разъ спрашивала Леонида, онъ мнѣ ничего подробно не расказывалъ, такой досадный.

— Я былъ въ многихъ мѣстахъ и служилъ.

— Я думала, что вы ужь женились?

— По чему вы это думали?

— Такъ, мнѣ казалось, что вы непремѣнно женитесь на Вѣрочкѣ Базаевой.

— Это съ чего пришло вамъ въ голову?

— Сама не знаю, а часто объ этомъ думала.

— Ошиблись, я ни на Вѣрѣ Базаевой и ни на комъ не женился, а вы вотъ вышли замужъ, и потому не вамъ бы меня, а мнѣ васъ слѣдовало спрашивать.

— Развѣ я не при васъ вышла замужъ?

— Кажется.

— Ахъ да, я и забыла, это уже было такъ давно, вы однако знали, что я выхожу за Ивана Кузьмича.

— Догадывался.

— Нѣтъ, вы знали, вы даже говорили мнѣ объ этомъ, и я никогда не забуду вашихъ словъ.

— Я уѣхалъ до вашей свадьбы.

— Теперь вспомнила: вы уѣхали на другой день послѣ вечера у Ивана Кузьмича. Какъ я была тогда сердита на себя, я никакъ не думала, что вы уѣдите, не простясь съ нами, я хотѣла вамъ сказать многое послѣ этого вечера.

— Скажите теперь.

— Теперь уже нечего говорить.

— Стало быть теперь для васъ бури промчались, гроза миновалась?

— Не совсѣмъ: бури, кажется, еще только начинаются; вы гдѣ живете?

— На Тверской.

— Нѣтъ, за чѣмъ? переѣзжайте въ Сокольники.

— У меня дѣла есть въ Москвѣ.

— Ну, что дѣла, отъ сюда можно ѣздить, переѣзжайте. Богъ дастъ прiѣдетъ Леонидъ, намъ будетъ очень весело. Переѣзжайте.

Я согласился.

— А сегодня у насъ отобѣдаете?

— Если вамъ угодно.

— Да непремѣнно, я васъ познакомлю съ моею belle-soeur, сестрою Ивана Кузьмича.

— Она не въ родѣ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ у него на вечерѣ?

— О нѣтъ; то родня его съ отцевской стороны, а эта совсѣмъ другая, очень умная дѣвушка, она вамъ понравится.

Такъ говорила Лидія Николаевна, и я не спускалъ съ нее глазъ. Она мнѣ очень обрадовалась, но въ то же время видно было, что къ этой радости примѣшивалось какое-то безпокойство. Въ ея, по видимому, безпечномъ разговорѣ, было что-то лихорадочное, какъ будто бы она хотѣла заговорить меня и скрыть то, что у ней лежало на сердцѣ. Подозрѣнія мои еще болѣе подтвердились, когда она потомъ вдругъ задумалась, и какъ-то мрачно задумалась, такъ что тяжело и грустно было видѣть ее въ этомъ положеніи. Я началъ между тѣмъ осматривать комнату, въ которой сидѣлъ. Квартира была слишкомъ не богатая, несмотря на то, что, по видимому, были употреблены всѣ усилія, чтобъ скрыть ея недостатки и хоть сколько нибудь принарядить бѣдное помѣщеніе. На грязныхъ и не высокихъ окнахъ стояли прекрасные цвѣты, мебель, врядъ ли обитую чѣмъ нибудь, покрывали изъ толстаго коленкора бѣлые чахлы; не крашенный полъ былъ вымытъ, какъ стеклышко.

Вошла бѣлокурая дѣвушка въ локонахъ, собою не хороша и не молода, но въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, въ голубомъ поясѣ и съ книгою въ рукахъ, я тотчасъ же догадался, что это M-lle Марасѣева и не ошибся. Лидія Николаевна познакомила насъ и сказала, что я другъ Леонида и былъ съ нею очень друженъ, когда она была еще въ дѣвушкахъ. M-lle Марасѣева жеманно поклонилась мнѣ, сѣла и развернула книгу.

— У насъ никто не былъ? спросила она.

— Нѣтъ, никто, отвѣчала Лидія Николаевна.

— Ужасная тоска, я вчера отъ скуки принималась нѣсколько разъ хохотать и плакать.

— Сейчасъ кто-то подъѣхалъ, сказалъ я, увидѣвъ, что на дворъ въѣхалъ красивый фаэтонъ.

M-lle Марасѣева вскочила и взглянула въ окно.

— Петръ Михайлычъ, проговорила она, голосъ ея дрожалъ.

Я взглянулъ на Лидію Николаевну, она тоже вспыхнула.

— Курдюмовъ? спросилъ я ее.

— Да, ахъ, какая досада: я не одѣта.

— А онъ развѣ здѣсь же живетъ?

— Да въ Сокольникахъ. Прими его, Надина,: я уйду. Какъ рано ѣздитъ, проговорила Лидія Николаевна и ушла.

Курдюмовъ вошелъ изъ противуположныхъ дверей; онъ былъ въ легонькомъ пальто, въ галстукѣ болотнаго цвѣта, въ пестрыхъ невыразимыхъ и превосходномъ бѣльѣ. Еще болѣе сталъ походить на иностранца.

— Bonjour, Mademoiselle Nadine, проговорилъ онъ, подавая ей руку.

— Bon jour, отвѣчала та, пожимая его руку съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Madame est à la maison? спросилъ онъ.

— Elle va venir à l'instant.

Усѣвшись Курдюмовъ началъ оглядывать свое пальто, сапоги, которые точно удивительно блестѣли; потомъ натянулъ еще плотнѣе на правой рукѣ перчатку, и наконецъ, прищурившись, началъ внимательно разсматривать висѣвшій на стѣнѣ рисунокъ, изображающій травлю тигровъ.

— Comme il fait beau aujourd'huit, сказала Надина.

— Oui, отвѣчалъ Курдюмовъ, неизмѣняя своего положенія.

Зачѣмъ этотъ господинъ живетъ въ Соколькинахъ и ѣздитъ, какъ видно, довольно часто къ Ивану Кузьмичу, думалъ я, не можетъ быть, чтобы онъ находилъ удовольствіе въ сообществѣ съ хозяиномъ, но если предположить, что онъ это дѣлаетъ по старому знакомству, или просто отъ-нѣкуда дѣваться, то врядъ ли старое знакомство можетъ имѣть цѣну въ глазахъ его, а чтобы ему никуда было дѣваться въ Москвѣ, тоже невозможно. Обѣ дамы ожидали его пріѣзда и обѣ, каждая по своему, встревожилась.

— Вы вчера не были на гуляньѣ? сказала Надина.

— Non, отвѣчалъ Курдюмовъ.

— А зачѣмъ же третьяго дни вы обѣщали?

— Que faire donc? j'avois des lettres à ecrire pour la campagne.... Васъ тоже не было, вы ѣздили въ Москву.

— Одна только Лида, а я цѣлый день была дома и ужасно скучала, на гулянье пошла злая, презлая.... Къ счастію попался Занатскій, и мы съ нимъ пересмѣяли всѣхъ. Онъ очень милый молодой человѣкъ, и я начинаю его съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе любить.

— О!.. любить!... Это немножко досадно, проговорилъ Курдюмовъ, въ голосѣ его слышалось скрытная насмѣшка.

— Вамъ досадно? не вѣрю; для васъ не можетъ быть это досадно, возразила Надина.

— Отчего же не можетъ быть? спросилъ Курдюмовъ съ удареніемъ и протяжно.

— А!... если это такъ, такъ это очень лестно, воскликнула m-lle Марасѣева: — вы знаете, я очень самолюбива и начинаю думать, что вы завидуете Занатскому, который имѣетъ счастіе мнѣ нравиться.

— Можетъ быть.

— Ваши, можетъ быть, несносны; я ненавижу ничего неопредѣленнаго; для меня, можетъ быть, хуже, чѣмъ нѣтъ.

— Какой вы имѣете рѣшительный характеръ.

— О! да; и не я одна; мы всѣ женщины гораздо рѣшительнѣе васъ, господъ мужчинъ, присвоившихъ себѣ, не знаю къ чему, имя героевъ, характеръ твердый, волю непреклонную; мы лучше васъ, мы способны глубже чувствовать, постояннѣе любить и даже храбрѣе васъ.

Курдюмовъ ничего не отвѣчалъ и продолжалъ разсматривать картину.

— Вопросъ: кто лучше мужчины, или женщины, довольно старый, вмѣшался я.

— Однако онъ еще не рѣшенъ, отозвалась Надина.

— Всякій рѣшаетъ его по своему, отвѣчалъ я.

— Вы думаете! Ахъ, позвольте, мнѣ это напомнило очень смѣшной анекдотъ: когда я жила въ Калугѣ, мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ цѣлый вечеръ спорили объ этомъ до того, что начали сердиться другъ на друга. Вдругъ пріѣзжаетъ докторъ; чудо, какой умный человѣкъ, практикъ превосходный и ужасный острякъ. Я обращаюсь къ нему почти съ слезами на глазахъ и говорю: Иванъ Васильичъ! Бога ради, скажите намъ скорѣе, кто хуже мужчины, или женщины! Онъ вдругъ не задумавшись и очень серьёзно отвѣчаетъ: оба хуже! я покатилась со смѣху, молодой человѣкъ тоже, а за нами всѣ и цѣлый вечеръ повторяли: оба хуже!

М-lle Марасѣева изъ этой маленькой сцены сдѣлалась для меня совершенно понятна. Она была лицо довольно типическое. Многимъ, конечно, случалось встрѣчать въ нѣкоторыхъ домахъ гувернантокъ, по своему, не глупыхъ, очень бойкихъ и чрезвычайно самолюбивыхъ, которыя любятъ говорить, спорить, острить; ѣздятъ всегда въ маскарады, ловко интригуютъ и вообще съ мужчинами обращаются чрезвычайно свободно, и сверхъ того имѣютъ три рѣзкіе признака: не

совсѣмъ пріятную наружность, достаточное число лѣтъ и необыкновенное желаніе составить себѣ выгодную партію; та быстрота и та энергія, съ которою онѣ стремятся завоевать сердце избраннаго героя, напоминаетъ полетъ орла, стремящагося на добычу, но увы! Эта энергія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, почти всегда истрачивается безполезно. Золовка Лидіи Николаевны на первый взглядъ показалась мнѣ въ этомъ же родѣ. Я видѣлъ, что она преслѣдуетъ Курдюмова, но неужели и онъ ею интересуется? Странно! Лидія Николаевна наконецъ вышла; она одѣлась очень къ лицу, такъ-что я никогда не видалъ ее столь интересною. Курдюмовъ поклонился ей съ улыбкою, въ лицѣ его отразилось удовольствіе. Кланяясь съ гостемъ, Лидія опять какъ будто вспыхнула и сѣла около меня.

— Мнѣ все не вѣрится, что вы пріѣхали, начала она. — Аннушка моя вамъ такъ обрадовалась, точно сумасшедшая, ничего даже мнѣ не приготовила; я вовсе не знала, что она васъ такъ любитъ.

Эта Аннушка была та самая горничная, которая нѣкогда пригласила меня изъ кабинета Леонида въ гостиную къ барышнѣ.

— Мы съ Петромъ Михайлычемъ сейчасъ поссорились, заговорила Надина. — Онъ меня просто выводитъ изъ терпѣнія своими двусмысленными отвѣтами, а ты знаешь, какъ я не люблю таинственности.

— Вы часто ссоритесь, отвѣчала Лидія Николаевна.

— M-lle Nadine на меня сердится, а я нѣтъ, сказалъ Курдюмовъ.

— Я сержусь, но я и прощаю, а кто прощаетъ, тотъ искупаетъ все, потому что раскаявается, возразила Надина, въ этой книгѣ я нашла одну прекрасную мысль, она мнѣ очень понравилась. По французски теперь не помню, а по русски: легче снести брань и побои грубаго простолюдина, чѣмъ холодный эгоизмъ свѣтскаго человѣка. Это справедливо.

— Et vous, madame, avez vous lu le petit ouvrage, que je vous ai recommandé, отнесся Курдюмовъ къ Лидіи Николаевнѣ.

— Pas encore, отвѣчала та.

— C'est dommage, car il est plein d'esprit et de sentiment.

— Невѣрьте ей, прочла, она взяла его у меня и вчера вечеромъ все читала.

— Гдѣ же читала? Я такъ только развернула, возразила Лидія.

— Нескрывай, читала; а если ты не читаешь, такъ я у тебя опять возьму. Я видѣла, тутъ есть отмѣтки? Это ваши отмѣтки?

— Мои, отвѣчалъ Курдюмовъ.

— Очень рада; непремѣнно изучу ихъ. По отмѣткамъ въ книгахъ можно судить о характерѣ человѣка, а мнѣ очень хочется разгадать вашъ характеръ.

Подали завтракъ и завтракъ довольно прихотливый. Курдюмовъ началъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Лидія Николаевна предложила мнѣ, но я отказался: мнѣ кусокъ не шелъ въ горло! вся обстановка, посреди которой я ее встрѣтилъ, мнѣ очень не нравилась: тутъ что-нибудь да скрывается.

Надина вышла въ залу, сѣла за фортепьяно и начала брать аккорды.

— Иванъ Кузьмичъ рано уѣхалъ въ городъ? спросилъ Курдюмовъ, уставивъ глаза на Лидію Николаевну.

— Да, рано, отвѣчала она, потупившись.

— А пріѣдетъ домой сегодня?

— Я думаю.

— Вы здоровы?

— Нѣтъ, несовсѣмъ; мало спала.

— У васъ прекрасный цвѣтъ лица.

— Не знаю, отвѣчала Лида, я поутру чувствовала себя не хорошо, но вотъ онъ — мой старой другъ — пріѣхалъ прибавила она, беря меня за руку, и я такъ обрадовалась, что все забыла.

Курдюмовъ покачнулъ головой.

— Петръ Михайлычъ угодно вамъ пѣть? проговорила изъ залы Надина.

— Je mange, Mademoiselle, отвѣчалъ Курдюмовъ.

— Спойте, сказала Лидія Николаевна.

— Я думаю, наскучилъ вамъ своимъ пѣніемъ; я такъ много пою у васъ, что нигдѣ столько не пѣлъ.

— Вы такъ хорошо поете, васъ такъ пріятно слушать, что никогда не наскучитъ.... Спойте!

— A l'instant, отвѣчалъ Курдюмовъ, и пошелъ въ залу.

Лидія тоже встала и пошла, я послѣдовалъ за нею.

— Вы, по прежнему, Лидія Николаевна, любите музыку?

— Да, очень; мнѣ легче на душѣ, когда я слышу хорошую музыку: Петръ Михайлычъ прекрасно поетъ.

Курдюмовъ подошелъ и сѣлъ за рояль.

Надина кокетливо ему улыбнулась и встала у него за стуломъ. Лидія Николаевна сѣла на дальній стулъ; я не вышелъ изъ гостиной, а всталъ у косяка, такъ что видѣлъ Лидію Николаевну, а она меня нѣтъ. Курдюмовъ запѣлъ: «за чѣмъ сидишь ты до полночи у раствореннаго окна!» Онъ дѣйствительно имѣлъ довольно сильный и пріятный баритонъ, хорошую методу и нѣкоторую страстность, но въ то же время въ его пѣніи недоставало ощутительно того, чего такъ много было въ игрѣ Леонида — задушевности!

Надина приняла театральную позу, глаза подняла вверхъ и руки вытянула, какъ бы желая представить изъ себя олицетворенный восторгъ, Лидія Николаевна сидѣла задумавшись и слушала съ большимъ чувствомъ. Какъ хотите, это не даромъ; пѣніе Курдюмова было вовсе не такъ обаятельно, откуда же такая симпатія?

— Какъ милъ этотъ романсъ, заговорила Надина, это твой любимый, Лидія, и я даже знаю, почему, ты сама такъ любишь сидѣть у окна по вечерамъ.

— Съ чего ты взяла? Я никогда не сижу.

— Ахъ, mon Dieu! никогда, каждый вечеръ.

Курдюмовъ запѣлъ какую-то трудную итальянскую арію, но вдругъ остановился.

— Иванъ Кузьмичъ пріѣхалъ, проговорилъ онъ и всталъ.

Лидія проворно пошла въ лакейскую на встрѣчу мужу, гдѣ и говорила съ нимъ довольно тихо въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Курдюмовъ нахмурился, Надина смотрѣла съ безпокойствомъ на дверь въ прихожую. Наконецъ Лидія Николаевна возвратилась, а за нею и Иванъ Кузьмичъ, одѣтый въ какую-то венгерку съ взъерошенными волосами и весь въ пыли. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня.

— Здравствуйте! вотъ ужь, ей Богу, неожиданный гость.... совсѣмъ нечаянный.... сначала не повѣрилъ, ей

Богу, не повѣрилъ, какими, думаю, судьбами? а если.... очень радъ, прошу покорнѣйше садиться, говорилъ Иванъ Кузьмичъ, садясь.

Здраствуйте! отнесся онъ къ Курдюмову; тотъ молча подалъ ему руку.

— Здоровы ли вы? спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Благодарю, здоровъ; отвѣчалъ Курдюмовъ.

— А вы здоровы! отнесся Иванъ Кузьмичъ съ насмѣшливою улыбкою къ сестрѣ.

— Здорова, отвѣчала Надина, а потомъ съ гримасою прибавила: посмотрите, какъ вы запылились, хоть бы велѣли себя почистить.

— Запылился! что дѣлать?.... извините; пыли много, я не виноватъ; пыль не сало, потеръ, такъ и отстало; а ужь чего оттереть нельзя, скверно. Стараго молодымъ нельзя сдѣлать, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ и засмѣялся. Я очень радъ, что вы здоровы; Петръ Михайлычъ тоже здоровъ.... очень радъ, продолжалъ онъ и потомъ вдругъ отнесся ко мнѣ:

— Какъ проводили время въ деревнѣ?

Я ему объяснилъ, что въ деревнѣ я не жилъ, потому что служилъ.

— А! вы служили? я и не зналъ; по статской, или военной изволили продолжать службу?

— По статской,

— Это, то есть, выходитъ по гражданской части; я самъ хочу идти по гражданской, въ военной бы слѣдовало, и привыкъ, да устарѣлъ; ноги вотъ пухнутъ, не могу. Какъ здоровье вашего батюшки и матушки?

Я снова объяснилъ ему, что у меня только мать, а отецъ умеръ, что ему и прежде было извѣстно. Иванъ Кузьмичъ посмотрѣлъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ; онъ былъ если не такъ пьянъ, какъ я видѣлъ его нѣкогда, то по крайней мѣрѣ очень на веселѣ.

— Запамятовалъ, совсѣмъ запамятовалъ; а очень радъ, говорилъ онъ, вотъ только у насъ Марья Виссаріоновна уѣхала съ Леонидомъ; они вамъ будутъ очень рады и Лидія Николаевна вамъ рада; она васъ очень любитъ. Лидія Николаевна! вы ихъ любите?

— Я тебѣ это говорила, отвѣчала она.

— Говорила, а я не ревную; я не ревнивъ, заключилъ Иванъ Кузьмичъ и взглянулъ на жену изъ подлобья.

Лидія Николаевна распорядилась объ обѣдѣ и безпрестанно торопила слугу, чтобы накрывалъ скорѣе на столъ. Иванъ Кузьмичъ отправился было въ буфетъ; я догадался, что онъ хотѣлъ еще выпить, но Лидія Николаевна пошла за нимъ и помѣшала ему, потому что онъ возвратился оттуда нахмуренный, а она встревоженная. Чрезъ четверть часа мы сидѣли за столомъ. Иванъ Кузьмичъ былъ очень непріятенъ. Въ продолженіи всего обѣда, онъ глупо и неблагопристойно шутилъ съ женою и подтрунивалъ надъ сестрою и Курдюмовымъ. Изъ словъ его можно было понять, что онъ намѣкаетъ на ихъ взаимную любовь. Послѣ обѣда, онъ извинился передъ мною и отправился спать. Между Курдюмовымъ, Надиною и Лидіею Николаевною завязалось какое-то совѣщаніе. Надина говорила настойчиво, Курдюмовъ ее поддерживалъ, а Лидія полуотговаривалась. Дѣло объяснилось тѣмъ, что они затѣвали кататься и Лидія просила меня не уходить, говоря, что они очень скоро вернуться; но я отозвался надобностію быть въ Москвѣ, впрочемъ проводилъ ихъ. Мнѣ желалось видѣть: какого рода ихъ катанье. Оказалось, что Лидія Николаевна сѣла съ Курдюмовымъ въ тильбюри, а Надина верхомъ. Мнѣ это не понравилось.

VIII.

Я переѣхалъ въ Сокольники и первое время бывалъ у Лидіи Николаевны довольно часто, но потомъ сталъ рѣже; мнѣ тяжело было ее видѣть. Иванъ Кузьмичъ дуритъ: дня по два, по три онъ совсѣмъ пропадаетъ изъ дома и, гдѣ бываетъ — неизвѣстно. Лидія Николаевна грустить и страдаетъ, но со мною неоткровенна, а у меня не достаетъ духу заговорить съ нею объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Надина неутомимо преслѣдуетъ Курдюмова, онъ почти каждый день бываетъ у нихъ. Понять не могу этого господина, точно онъ влюбленъ въ свои длинные ногти и лакированные сапоги; цѣлые дни, кажется, способенъ ими любоваться. Поетъ по просьбѣ дамъ онъ довольно часто и этимъ ихъ очень интересуетъ, а впрочемъ скучнѣйшій по моему человѣкъ — гово-

ритъ вообще мало, но за то очень любитъ насвистывать различныя аріи и дѣлаетъ это довольно нецеремонно, когда только ему вздумается.

Однажды утромъ пришелъ ко мнѣ отъ имени Ивана Кузьмича человѣкъ и просилъ вечеромъ пріѣхать. Я пошелъ и, не входя еще въ домъ, услышалъ изъ открытыхъ оконъ говоръ нѣсколькихъ голосовъ. Вхожу; полна зала гостей и все старые знакомые: лошадиный барышникъ, гладкопричесанный братъ и еще двое какихъ-то господъ, очень дурно одѣтыхъ. Всѣ играли въ карты; сильный запахъ ромомъ давалъ знать, что пили пуншъ; Иванъ Кузьмичъ былъ уже пьянъ и сильно встревоженъ, онъ игралъ съ Піоновымъ, который, увидѣвъ меня, выразилъ большое удовольствіе и тутъ-же остроумно объяснилъ объ вновь изобрѣтенномъ напиткѣ состоящемъ въ томъ, что онъ сначала выпьетъ рюмку рому, потомъ захлебнетъ чаемъ, потомъ встрѣхнетъ желудокъ, а тамъ и сдѣлается пуншъ.

Лидія Николаевна сидѣла одна въ гостиной. Я прошелъ къ ней. На глазахъ ея видны были замѣтные слѣды недавнихъ слезъ.

— Что вы у насъ такъ давно не были? Богъ съ вами, сказала она.

— Я былъ не такъ здоровъ, отвѣчалъ я.

Вошелъ лакей.

— Водку прикажете подавать? спросилъ онъ Лидію Николаевну.

— Еще девятый часъ, возразила она.

— Спрашиваютъ-съ.

— Всего девятаго половина.

Лакей ушелъ.

— Я тоже больна, продолжала Лидія Николаевна., обратившись ко мнѣ: — голова все болитъ, хочу пройтись, да не съ кѣмъ; Надина уѣхала къ знакомымъ. Пойдемте!

— Очень радъ, отвѣчалъ я.

Лидія Николаевна надѣла шляпку, бурнусъ и мы ни кѣмъ не замѣченные вышли заднимъ крыльцомъ. Она попросила мою руку и оперлась на нее. Дойдя до большой дорожки, Лидія Николаевна остановилась, и мы сѣли на ближайшую скамейку.

— Что это у васъ за вечеръ сегодня? началъ я.

— Мужъ затѣялъ! Такъ мнѣ это непріятно!... ничего меня не слушаетъ, отвѣчала Лидія Николаевна.

— А давно ли у васъ такія вечеринки? спросилъ я.

— Съ нынѣшняго лѣта. Онъ гораздо хуже сталъ, какъ уѣхалъ братъ и маменька. Если бы вы знали, что я переношу?

— Знаю и даже ожидалъ этого, когда вы еще выходили замужъ.

Лидія Николаевна закрыла лицо руками и нѣсколько времени пробыла въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ взяла мою руку.

— Вамъ жаль меня? спросила она.

— Неужели же вы сомнѣваетесь?

— Нѣтъ, я вѣрю вамъ. Скажите мнѣ, научите меня, что дѣлать? Я такъ поглупѣла, такъ растерялась, что ничего не могу сообразить.

— Что мнѣ вамъ посовѣтовать? возразилъ я. — Совѣтовать, или очень легко, если хочешь отдѣлаться одною фразою, или ужь очень трудно.... Какъ можно было выходить за подобнаго человѣка?

— Нѣтъ, я должна была выйдти за него. Послушайте, теперь я съ вами могу говорить откровенно. Знаете ли, что мы ему до свадьбы были должны сто тысячь и если бы ему отказали, онъ хотѣлъ этотъ долгъ передать одному своему знакомому, а тотъ обѣщалъ посадить мать въ тюрьму. Неужели же я не должна была пожертвовать для этого своею судьбою? Я бы стала послѣ этого презирать себя.

— Но кто же вамъ говорилъ объ этомъ долгѣ и обо всемъ?

— Мнѣ говорила это Піонова.

— И вамъ не совѣстно было вѣрить этой женщинѣ?

— Этому нельзя было не вѣрить.... она ко мнѣ точно не расположена, но мать она любитъ и говорила мнѣ объ этомъ съ горькими слезами, наконецъ сама мать говорила объ этомъ.

Я только пожалъ плечами.

— Объ этомъ что ужь говорить, продолжала Лидія Николаевна; — теперь ужь этого измѣнить нельзя, все кончено.

— Конечно, уже кончено, согласился я мысленно.

— Добръ ли, по крайней мѣрѣ, Иванъ Кузьмичъ, по характеру? и любитъ ли васъ? спросилъ я помолчавъ.

— Добръ и любитъ, когда этого мерзкаго вина не пьетъ, а какъ закутитъ, совсѣмъ другой человѣкъ. Ко мнѣ теряетъ всякое уваженіе, начинаетъ за все сердиться.... особенно последнее время, пріѣзжая изъ Москвы, тамъ кто нибудь его противъ меня вооружаетъ.

— Я думаю, тѣ же Піоновы.

— Да, и Піоновы, но они не столько: тутъ есть, говорятъ, другая дрянная женщина — старинная его привязанность. Я бы и не знала, да мнѣ Аннушка показала ее разъ здѣсь на гуляньѣ.

— Кто же она такая?

— Не знаю, магазинщица какая-то.

— Высокая, прямая.

— Да.

Это была никто иная, какъ названная кума, которая у Ивана Кузьмича была на вечерѣ. Лидія Николаевна это забыла, а напоминать ей я не счелъ за нужное. Свести подобную женщину на одинъ вечеръ съ невѣстою, есть ли въ этомъ человѣкѣ хотя капля совѣсти!

— Самое лучшее: не давайте ему пить, сказалъ я.

— Дома я ему не даю, такъ старается какъ нибудь потихоньку; наскучитъ быть вѣчно на стражѣ, а не то уѣдетъ въ Москву.

— Не отпускайте.

— Какъ его не отпустишь, не маленькой ребенокъ. Я и такъ-то стараюсь всегда съ нимъ ѣздить, не беретъ. Говоритъ, что ему надобно въ присудственныя мѣста. Какже удержать человѣка, когда онъ хочетъ что-нибудь сдѣлать! Сначала я тосковала, плакала, а теперь и слезъ не достаетъ. Я его очень боюсь пьянаго, особенно когда онъ ночью пріѣзжаетъ, начнетъ шумѣть, кричать на людей, на меня: ревнивъ и жаденъ дѣлается до невѣроятности. Теперь все укоряетъ, что потерялъ для меня сто тысячь.

— Злой и низкій человѣкъ, больше ничего.

— Нѣтъ, когда не пьянъ, совсѣмъ другой; проситъ, чтобы все забыла, цалуетъ руки, часа по два на колѣняхъ стоитъ, такъ что непріятно видѣть.

— Вы бы его больше бранили, что дѣлать? Противъ подобныхъ людей надобно употреблять грубыя средства.

— Я не въ состояніи. Сестра Надина въ этомъ случаѣ мнѣ помогаетъ. Она читаетъ ему натацію по цѣлымъ днямъ. Первое время это была рѣшительно моя спасительница, онъ ее какъ-то побаивался, а теперь и на ту не смотритъ; какъ попадетъ въ голову, сейчасъ начнетъ смѣяться и бранить ее почти въ глаза; она бѣдная все терпитъ.

— А вы съ нею дружны?

— Да, я люблю ее. Она меня тоже очень полюбила. Прежде она никогда не жила съ братомъ вмѣстѣ, а теперь живетъ для меня.

— Полно такъ ли, Лидія Николаевна?... Вы слишкомъ довѣрчивы! Вы готовы вѣрить въ любовь каждаго, кто хоть немного васъ приласкаетъ. Я думаю, Надина имѣетъ другую, болѣе эгоистическую цѣль.

— Можетъ быть, ей хочется и въ Москвѣ пожить!

— Именно въ Москвѣ жить и жить за тѣмъ, чтобы побѣдить сердце Курдюмова.

— А вы развѣ ужь замѣтили!

— Еще бы! для этого надобно имѣть небольшую проницательность.

— Странная: я ее не понимаю, она очень умная дѣвушка, но въ этомъ отношеніи смѣшна: она влюбилась въ него на другой же день, какъ увидѣла его.

— Это не мудрено; онъ такъ хорошъ собою и имѣетъ столько другихъ достоинствъ, что можетъ и не Надину увлечь.

— Но какъ бы не былъ хорошъ мужчина, все-таки надобно узнать его сколько нибудь, чтобы полюбить.

— А вы сами лично знаете Курдюмова?

— Да, я его знаю; онъ человѣкъ очень благородный и у него прекрасное сердце.

— Вотъ какъ! даже и сердце прекрасное! Кто же объ этомъ вамъ сказалъ? не самъ ли онъ?

— Ну, нѣтъ; что вы смѣетесь! Онъ, право, хорошій человѣкъ, немного свѣтскій, но не похожъ на другихъ. Посмотрите, сколько у него души въ пѣніи?

— Нисколько; счастливый голосъ и наученая рутина.

— Полноте, вы несправедливы къ нему! За что вы его не любите?

— Я его не люблю за то, что его не любитъ вашъ братъ и я въ этомъ случаѣ Леониду вѣрю безусловно.

— Нѣтъ, Леониду нельзя вѣрить; онъ чудный человѣкъ, но капризный. Изъ всѣхъ знакомыхъ онъ любитъ только одного васъ, а прочихъ никого.

— Если Леонидъ Николаичъ черезчуръ исключителенъ въ своихъ привязанностяхъ, то вы совершенно противоположны ему въ этомъ отношеніи. Любить и быть дружнымъ надобно осторожно, особенно женщинамъ, чтобы не испытывать поздняго и тяжелаго разочарованія.

— Но зачѣмъ же видѣть людей въ такомъ черномъ цвѣтѣ и безъ того въ жизни много горькаго, а чтожь будетъ, если никому не станешь вѣрить и никого не будешь любить? Это ужасно! отвѣчала Лида, встала и подала мнѣ руку.

Мы пошли; я видѣлъ, что ей не хотѣлось продолжать нашъ разговоръ.

У женщинъ, мыслящихъ и чувствующихъ есть своего рода ложныя, сердечныя убѣжденія, измѣнить которыя также трудно, какъ и измѣнить натуру ихъ сердца и противорѣчія которыя горьки и обидны для нихъ. Такъ было и съ Лидою, но я не стѣснился этимъ и рѣшился высказать ей самую горькую правду.

— Не знаю, Лидія Николаевна, началъ я: — съ чего вы предполагаете въ Курдюмовѣ прекрасное сердце! По моему, онъ человѣкъ свѣтскій, то есть человѣкъ внѣшнихъ достоинствъ. Пріѣзжая къ вамъ, онъ насилуетъ себя, ему нуженъ иной кругъ, ему неловко въ вашей маленькой гостиной и всѣмъ этимъ, вы, конечно, понимаете, онъ жертвуетъ не для Ивана Кузьмича, на котораго не обращаетъ никакого вниманія и не для Надины, отъ которой отыгрывается словами, а для васъ.

Когда я говорилъ послѣднія слова, то чувствовалъ, что рука Лидіи дрожала, но я не остановился и продолжалъ:

— Вы въ самомъ удобномъ положеніи, чтобы за вами ухаживать; вы женщина умная, вы несчастливы, быть вашимъ утѣшителемъ пріятно и незамѣтно можно достигнуть своей цѣли.

— Довольно, будетъ, перебила Лидія Николаевна: — вы безжалостны и несправедливы. Я къ нему чувствую только дружбу и была бы очень довольна, если бы онъ женился на Надинѣ.

— Вы знаете, что этого никогда не случится. Будьте къ себѣ строже, Лидія Николаевна, повѣрьте свои чувства и остерегитесь, когда еще можно.

— Неужели же вы обвиняете меня и за дружбу? Я и съ вами дружна, но не влюблена же въ васъ, возразила она съ достоинствомъ.

Мнѣ это сравненіе показалось нѣсколько обидно.

— Дай Богъ, чтобы вы питали къ этому человѣку тоже чувство, которое привязываетъ васъ ко мнѣ, но что наши чувствованія въ отношеніи васъ совершенно различны, въ томъ я готовъ дать клятву. Не скрою, что первое время нашего знакомства и я смотрѣлъ на васъ иными глазами, но съ той минуты, когда узналъ, что вы выходите замужъ, я овладѣлъ собою, съ той минуты вы сдѣлались для меня родною сестрою и только. Курдюмовъ дѣйствовалъ, кажется, совершенно иначе: на васъ—дѣвушку онъ, врядъ ли, обращалъ какое нибудь вниманіе, а заинтересовался вами, когда вы сдѣлались дамою.

— Довольно, кончимте этотъ разговоръ. Вы безжалостны, съ вами иногда страшно говорить; вы способны убить въ женщинѣ вѣру и въ самую себя и въ другихъ.

— Я сказалъ только правду, какъ я ее понимаю.

Говоря это, мы подошли къ дому и опять съ задняго крыльца прошли въ гостиную, тамъ нашли Курдюмова. Лидія взглянула на меня и потупилась.

— Vous vous etes promené? спросилъ Курдюмовъ.

Лида кивнула головою и сѣла. Я взглянулъ въ залу; тамъ была возмутительная сцена: игроки перестали играть и закусывали. Всѣ они были на веселѣ и страшно шумѣли и спорили. Иванъ Кузьмичъ и Піоновъ еще играли. У перваго лицо было совершенно искажено, онъ вѣрно проигрался. Піоновъ хохоталъ своимъ громаднымъ голосомъ на цѣлый домъ.

— Ну дама, такъ дама!... извините, сударыня, и васъ пришибемъ. А валетъ? Эхъ, братъ Иванъ, говорилъ, не надѣйся на валета. Ну тузъ твой, твой!... али нѣтъ! десяточка косаточка, не выдай —не выдала! баста! проговорилъ Піоновъ, всталъ и подошелъ къ столу съ закускою.

— Эге, господа, вы тутъ ловко распорядились: все чисто. Эй ты, кравчій! выдай, братъ, за туже цѣну подливки, а мы покуда мадеркой займемся. Вы, гос-

пода, на мадерку-то и вниманія не обратили, да она и не стоитъ — дрянь, я ужь такъ, отъ нечего дѣлать, по смиренству своему, займусь ею. Эй, Иванъ Кузьмичъ! позабавь хоть мадеркою, раскуражъ себя. Это, вѣдь, ничего, виноградное, оно не дѣйствуетъ.

Иванъ Кузьмичъ всталъ и подошелъ къ столу. Піоновъ налилъ ему полный стаканъ; онъ выпилъ, закурилъ трубку прошелся по залѣ не твердыми шагами, вошелъ въ гостиную, посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, сѣлъ на стулъ и началъ кусать губы, потомъ взглянулъ сердито на жену.

— Отчего вы не велѣли давать намъ закуски? спросилъ онъ, взъерошивъ волосы.

Лидія Николаевна не отвѣчала.

— Вы не велѣли, а я велѣлъ, извините, продолжалъ онъ, гдѣ моя сестрица?

Лидія Николаевна молчала.

— Отчего же вы со мною не хотите говорить! Я васъ спрашиваю: гдѣ моя сестрица?

— Она уѣхала, отвѣчала Лидія.

— А! уѣхала, очень жаль.... Петръ Михайловичъ! ваша m-lle Надина уѣхала, сказалъ Иванъ Кузьмичъ и замолчалъ на нѣсколько минутъ.

— Отчегожь вы не велѣли подавать закуску? отнесся онъ опять къ женѣ.

— Я ничего не говорила, меня дома не было.... я гуляла.

— А! вы гуляли! Вы все гуляете и я гуляю, что же такое?

Курдюмовъ блѣднѣлъ, я не въ состояніи былъ взглянуть на Лидію, такъ мнѣ было ее жаль.

— Вы проиграли, или выиграли? отнесся я къ Ивану Кузьмичу, желая хоть какъ нибудь перемѣнить разговоръ.

— Проигралъ-съ, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: — тысячу цѣлковыхъ проигралъ, ничего-съ; я свое проигрываю, я ни у кого ничего не беру.

Лидія встала и пошла.

— Куда же вы? Посидите съ нами, мы сейчасъ будемъ ужинать, сказалъ ей Иванъ Кузьмичъ.

— Я не хочу, отвѣчала Лидія и проворно ушла.

— Это значитъ дамы не ужинаютъ. Покойной ночи, а мы будемъ ужинать и пить; а вы, тоже не ужинаете? отнеесся онъ насмѣшливо къ Курдюмову.

— Не ужинаю; отвѣчалъ тотъ, всталъ и, поклонившись, ушелъ.

— Ну, такъ и вамъ покойной ночи, сказалъ хозяинъ: — вы тоже дама, у васъ бѣленькія ручки. Прощайте; я вѣдь глупъ, я ничего не понимаю, въ васъ m-lle Надина влюблена. Знаю, я хоть и дуракъ, а знаю, кто въ васъ влюбленъ; я только молчу, а у меня все тутъ — на сердцѣ кипитъ, мнѣ все наплевать. Я вѣдь дуракъ, у меня жена очень умна.

Я всталъ и тоже хотѣлъ уйдти, Иванъ Кузьмичъ тутъ только замѣтилъ мое присутствіе.

— Нѣтъ, вы, пожалуйста, не ходите, я васъ люблю; самъ не знаю, а люблю; а этотъ Курдюмовъ — вотъ онъ у меня гдѣ — тутъ на сердцѣ, я его когда нибудь поколочу. Вы останьтесь, поужинайте, я васъ люблю; мнѣ и объ васъ тоже говорятъ, я не вѣрю.

— Что ты тутъ сидишь? Пора, братецъ, ужинать, сказалъ Піоновъ, войдя.

— Не смѣю: мнѣ жена не велитъ ужинать.... говоритъ вредно.... Она боится, что я умру. Ха.... ха.... ха.... засмѣялся Иванъ Кузьмичъ. А я не боюсь, я хоть сейчасъ умру; не хочу я жить, а хочу умереть. Поцалуй меня толстой.

— Изволь! проревелъ Піоновъ и, прижавъ Ивана Кузьмича голову къ груди, произнесъ: — лобзай меня, твои лобзанья, мнѣ сладки и пріятны.

Я воспользовался этою минутою и ушелъ. Господи, что такое тутъ происходитъ и чѣмъ все это кончится!

IX.

Какъ хотите, Лидія Николаевна болѣе, чѣмъ дружна съ Курдюмовымъ. Она непремѣнно передала ему послѣдній мой разговоръ съ нею о немъ, потому что прежде онъ со мною почти не говорилъ ни слова, а тутъ вдругъ началъ во мнѣ заискивать.

— У васъ свободенъ вечеръ? сказалъ онъ мнѣ однажды, когда мы вмѣстѣ съ нимъ выходили отъ Ивана Кузьмича.

— Свободенъ, отвѣчалъ я.

— Заѣдемте ко мнѣ.

Я согласился. Мнѣ самому хотѣлось хотя сколько нибудь съ нимъ сблизиться. Онъ нанималъ небольшую, но очень красивую по наружности дачу; внутренне же убранство превзошло всѣ мои ожиданія. Пять комнатъ, которыя онъ занималъ, по одной ужь чистотѣ, походили скорѣй на модный магазинъ изящныхъ вещей, чѣмъ на жилую квартиру: драпировка, мраморныя статуйки, пейзажи масляной работы, портреты, бронзовыя вещи, мебель, ковры, всего этого было пропасть и все это, кажется, было разставлено съ величайшей предусмотрительностію: такъ, что, можетъ быть, нѣсколько дней обдумывалось, подъ какимъ угломъ повѣсить такую-то картинку, чтобы сохранить освѣщеніе, какимъ образомъ постзвить китайскую вазу, такъ, чтобы каждый посѣтитель могъ ее тотчасъ же замѣтить и гдѣ расположить какой нибудь угловой диванъ, чтобы онъ представлялъ полный уютъ, и все это, однако, произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе: видѣть столько лишнихъ пустяковъ, разставленныхъ съ такимъ глубокимъ вниманіемъ въ квартирѣ мужчины, какъ хотите, признакъ мѣлочности. Кто не знаетъ, какъ непріятно бывать въ гостяхъ, когда знаешь, что хозяинъ тебя въ душѣ не любитъ и не уважаетъ, но по наружности для своихъ видовъ, насилуя себя, старается въ тебѣ заискать. Точно въ такомъ положеніи я очутился у Курдюмова. Болѣе часу сидѣли мы съ нимъ или молча, или переговаривали избитыя фразы о погодѣ, о мѣстоположеніи, наконецъ онъ, какъ бы желая хоть чѣмъ нибудь занять меня, началъ показывать различныя свои занятія. Прежде я думалъ, что онъ только пѣвецъ, но оказалось, что онъ и рисуетъ, и лепитъ, и галванопластикою занимается и даже точитъ изъ дерева, кости, серебра и точитъ очень хорошо. Всѣ его работы я, разумѣется, на сколько доставало во мнѣ притворства, хвалилъ, наконецъ и эти предметы истощились и мы снова замолчали. Къ концу вечера, впрочемъ, я рѣшился затронуть за его чувствительную, какъ полагалъ, струну и заговорилъ о семействѣ Марьи Виссаріо-

новны. Курдюмовъ отвѣчалъ слегка и также слегка спросилъ меня: давно ли я знакомъ съ ними? И когда я сказалъ, что еще училъ Леонида и похвалилъ его, онъ проговорилъ покровительственнымъ тономъ:

— Oui, il a beaucoup de talent pour la musique.

Въ отношеніи Лидіи Николаевны больше отмалчивался и только назвалъ ее милою дамою, а Надину умною дѣвушкою; говоря же объ Иванѣ Кузьмичѣ, сдѣлалъ гримасу.

Возвратившись домой, я засталъ у себя нечаяннаго гостя. Леонидъ возвратился въ Москву и уже часа два дожидался меня на моей квартирѣ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ тотчасъ, какъ вышелъ изъ дорожнаго экипажа, не заходя даже домой, но, здороваясь со мною, не обнаружилъ большой радости, а только проговорилъ:

— Хорошо что пріѣхали, а то все это время была такая скука.

— Кончили курсъ? спросилъ я.

— Да.

— Кандитатомъ?

— Да.

— Много занимаетесь?

— Нѣтъ; все было не до того.... у сестры бываете?

— Какже.

— Что она здорова?

— Не совсѣмъ кажется.

— А что благовѣрный ея!

— Тоже прихварываетъ, только своего рода болѣзнію.

— Опять разрѣшилъ, проговорилъ Леонидъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Курдюмовъ часто тамъ бываетъ?

— Каждый день, отвѣчалъ я.

Онъ нахмурился.

— Я познакомился тамъ еще съ новымъ лицемъ, съ сестрою Ивана Кузьмича, сказалъ я.

— Она еще все гоститъ? проговорилъ Леонидъ.

— Гоститъ и не думаетъ уѣзжать.

— Чтожь она тутъ дѣлаетъ?

— Ничего: пламенѣетъ страстію къ Курдюмову.

Леонидъ ничего не отвѣчалъ, но еще болѣе нахмурился и нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Вы говорили съ сестрою? спросилъ онъ вдругъ меня. Я догадался, о чемъ онъ спрашиваетъ.

— Говорилъ одинъ разъ.

— А что именно?

Я передалъ ему слово въ слово разговоръ мой съ Лидіею Николаевною: споръ нашъ объ Курдюмовѣ и визитъ къ сему послѣднему.

— У Курдюмова чрезвычайно развито чувство изящнаго: онъ какой-то всеобщій художникъ! замѣтилъ я.

Эти слова мои очень не понравились Леониду.

— Перестаньте вы, Бога ради, перебилъ онъ меня: — у васъ послѣ этого всѣ художники; у человѣка не достаетъ душенки, чтобы съ толкомъ спѣть романсъ, а вы его считаете художникомъ, токарь онъ можетъ быть хорошій, но никакъ не художникъ.

— А чѣмъ вы объясните его любовь къ искусствамъ.

— Самолюбьишкомъ: не удалось ни въ чемъ другомъ, а учили много; терпѣніе ослиное и давай заниматься искусствами, авось удастся прослыть замѣчательнымъ человѣкомъ. Климъ все и Климъ ничто — терпѣть не могу такихъ людей. Я не возражалъ Леониду, потому что былъ совершённо согласенъ съ нимъ. Онъ у меня ночевалъ, а на другой день мы оба пошли обѣдать къ Лидіѣ Николаевнѣ. Она только что пріѣхала отъ матери и очень обрадовалась брату, бросилась къ нему на шею и разрыдалась. Иванъ Кузьмичь болѣнъ. Сначала я думалъ, что это послѣдствія похмѣлья, но оказалось, что онъ болѣнъ серьёзнѣе. Вмѣстѣ почти съ нами пріѣхалъ къ нему докторъ, котораго я зналъ еще по университету, старикъ добрый и простый. Когда онъ вышелъ отъ больнаго, я нагналъ его въ передней и спросилъ:

— Какого рода болѣзнь у Ивана Кузьмича!

— А, что батинька, отвѣчалъ старикъ: — падагрица разыгралась и завалы въ печени нажилъ. Алкоголю, видно, глоталъ много.

— И въ сильномъ развитіи?

— Будетъ съ него, если нашего снадобья не покушаетъ, да діэты не подержитъ, такъ на осень, пожалуй, и водянка разыграется.

— У меня есть къ вамъ просьба, Семенъ Матвѣичъ, началъ я: — семейство здѣшнее я очень люблю и хорошо знаю.

— Ну, что же такое?

— И потому я просилъ бы васъ Лидіѣ Николаевнѣ ничего неговорить о состояніи болѣзни Ивана Кузьмича, а ему скажите и объясните, какія могутъ быть послѣдствія, если онъ не будетъ воздерживаться.

— Напугаешь, батинька; ты самъ можетъ знаешь, въ чемъ вся наша медицина состоитъ: ножь, теплецо, голодокъ и душевное спокойствіе.

— Напугать необходимо; иначе онъ не будетъ ни лечиться, ни воздерживаться.

— Эка какой человѣкъ-то; спасибо, что сказалъ. Я его мало знаю, вижу, что пьяница. Охъ ужь эти мнѣ желудочныя болѣзни, хуже грудныхъ; тѣ хотя отъ Бога, а эти отъ себя, проговорилъ докторъ и уѣхалъ.

Обѣдъ и время послѣ обѣда прошло у насъ не весело: Леонидъ былъ скученъ, Лидія Николаевна, какъ и при первой встрѣчѣ со мною, старалась притвориться веселою и безпечною, но не выдерживала роли, часто задумывалась и уходила по временамъ къ мужу. Надина переходила отъ окна ко окну; я догадался, кого она ждетъ.

Въ шесть часовъ вечера пріѣхала Марья Виссаріоновна съ двумя младшими дочерьми и съ Піоповою, которая у Лиды небывала болѣе года, но, поздоровавшись, сейчасъ объяснила: «Ахъ, сhèге Лидія Николаевна! я давнымъ давно сбиралась быть у васъ, да все это время была нездорова. Нѣсколько разъ просила Сережу взять меня съ собою, неберетъ. Полно, говоритъ, mon ange, ты едва ноги таскаешь, гдѣ тебѣ ѣхать въ Сокольники за такую даль. Такъ скучала, такъ скучала все это время. Сегодня говорятъ: Марья Виссаріоновна пріѣхала, а я и невѣрю; раза три переспрашивала человѣка, правду ли онъ говоритъ. Сейчасъ собралась и поѣхала; думаю, наємотрюсь на мою милую Марью Виссаріоновну и повидаюсь съ Лидіею Николаевною.»

«Что это за безстыдная женщина, подумалъ я; какъ ей не совѣстно говорить: что едва бродитъ, когда у ней здоровье брызжетъ изъ лица и она вдвое растолстѣла съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣлъ. Видно ужь у ней общая съ мужемъ привычка, ссылаться на болѣзнь.» Страсть ея къ Леониду еще не угасла, потому что, когда тотъ вошелъ въ гостиную изъ другой комнаты, она, поздоровавшись съ нимъ, завернулась въ шаль и

придала своему лицу грустное и сентиментальное выраженіе.

Ожиданія Надины сбылись; Курдюмовъ часовъ въ восемь явился. Войдя въ гостиную, онъ не много оторопѣлъ, увидя гостей, но скоро поправился и началъ говорить съ Марьею Виссаріоновною, относился потомъ нѣсколько разъ къ Піюновой и разговаривалъ съ Леонидомъ. Лидіѣ Николаевнѣ онъ едва поклонился, но съ Надиною былъ болѣе обыкновеннаго любезенъ; та въ свою очередь пришла въ какое-то восторженное состояніе. Я не могу слово въ слово передать теперь ихъ разговоръ, потому что занятъ былъ болѣе Лидою, но сколько припоминаю, то Надина вдругъ, ни съ чѣмъ не къ стати, спросила Курдюмова: былъ ли онъ влюбленъ? По прежней тактикѣ я думалъ, что онъ не отвѣтитъ ей, но онъ отвѣтилъ.

— Былъ.

— А теперь?

— И теперь влюбленъ.

— Вы должны сказать: въ кого?

— Подобныхъ вещей не говорятъ.

— Говорятъ, особенно друзьямъ; вѣдь мы друзья.

— Если позволите.

— Съ восторгомъ разрѣшаю, и потому говорите.

— Вы сами напередъ посвятите меня въ вашу тайну.

— Охъ! какіе вы требовательные! Вы хотите, чтобы съ вами были откровенны прежде, чѣмъ вы сами откровенны и у васъ недостаетъ даже великодушія оставить намъ женщинамъ право скромности. Вы сами нерискуете шагу сдѣлать, но ожидаете, сидя спокойно въ креслахъ, чтобы къ вамъ подошла бѣдная женщина и разсказала всѣ свои тайные помыслы, проговорила Надина и пошла въ томъ же родѣ.

Надобно сказать, что когда разговоръ касался любви и вообще чувствъ, то она заговаривалась. Въ началѣ, въ ея словахъ былъ еще нѣкоторый смыслъ, но потомъ, чѣмъ болѣе хотѣла она высказаться, чѣмъ болѣе желала выразить свои мысли, тѣмъ больше начинала нести вздоръ такъ, что ужь и сама себя, вѣроятно, переставала понимать.

Въ этотъ разъ повторилось тоже: болѣе полчаса она говорила совершенную галиматью и потомъ вдругъ перемѣнила разговоръ и начала Курдюмова просить спѣть что нибудь;

онъ сейчасъ согласился и пошелъ въ залу. Надина послѣдовала за нимъ; она вѣроятно съ тою цѣлію и вызвала его въ залу, чтобы остаться съ нимъ наединѣ. Это очень непонравилось Марьѣ Виссаріоновнѣ.

— Что это за обращеніе! отнеслась она къ Піоновой.

Та покачала головой.

— И за чѣмъ она живетъ здѣсь? Мнѣ очень непріятно, что у тебя подобная компаньонка, прибавила Марья Виссаріоновна дочерѣ.

Лида потупилась.

Вообще Марья Виссаріоновна въ эти два года постарѣла, похудѣла и сдѣлалась очень раздражительна, такъ что съ нею говорить было невозможно; она все споритъ, или принимаетъ на свой счетъ; на дѣтей безпрестанно сердится. Въ продолженіи этого вечера она сказала нѣсколько самыхъ обидныхъ колкостей Лидѣ; на двухъ младшихъ дочерей, которыя вышли погулять и погуляли не болѣе получаса, крикнула, за чѣмъ онѣ смѣли такъ долго гулять и даже Леониду, которому она всегда болѣе другихъ уступала и который обыкновенно спорилъ съ нею очень смѣло, въ одномъ пустомъ разговорѣ велѣла замолчать.

X.

Я не бывалъ у Лидіи Николаевны нѣсколько дней. Леонида то же не видалъ, онъ живетъ по дѣламъ въ Москвѣ. Въ четвергъ, или въ пятницу, теперь ужь не помню, въ Сокольникахъ бываетъ общее гулянье. Я пришелъ на это гулянье съ единственною цѣлью встрѣтить Лидію Николаевну, но ея не было. Надина была тутъ. Это нѣсколько меня удивило: онѣ обыкновенно всегда гуляли вмѣстѣ, но еще болѣе показалось мнѣ страннымъ, что Надина, встрѣтившись со мной, отвернулась. Сама она была въ необыкновенно тревожномъ состояніи: соломенная шляпка была у ней со всѣмъ на боку, локоны распустились и падали въ безпорядкѣ длинными прядями, она брала всѣхъ попадавшихъ ей на встрѣчу знакомыхъ подъ руку, говорила имъ, что-то такое съ большимъ жаромъ, потомъ оставляла ихъ, переходила къ другимъ и наконецъ со всѣмъ скрылась.

Кто живалъ въ Сокольникахъ, тотъ знаетъ, что къ концу лѣта онѣ дѣлаются очень похожими на маленькій городокъ. Всѣ узнаютъ другъ объ другѣ до малѣйшихъ подробностей: узнаютъ, кто какого характера, съ кѣмъ знакомъ и на какомъ основаніи знакомъ, кто что дѣлаетъ и наконецъ, что кто ѣстъ. Миленькой комеражъ, у кого нибудь случившійся, дѣлается предметомъ толковъ и выростаетъ въ одинъ день до огромныхъ размѣровъ. Начавшіяся здѣсь новыя знакомства, особенно между дамами, часто развиваются къ 1 сентября въ тѣсную дружбу и на оборотъ. Хорошо знакомыя семейства, переселившіяся вмѣстѣ на дачу съ единственною цѣлью, чтобы чаще видаться, уѣзжая отсюда совсѣмъ ужь не видятся.

Пройдя раза два по главной аллеѣ, я сѣлъ рядомъ на скамейку съ однимъ господиномъ изъ Ярославля, тоже дачнымъ жителемъ, который былъ мнѣ нѣсколько знакомъ и котораго прозвали въ Сокольникахъ *воздушнымъ*, не потому, чтобы въ наружности его было, что нибудь воздушное, нисколько: онъ былъ мужчина плотный и коренастый, а потому, что онъ какая бы ни была погода, цѣлые дни былъ на воздухѣ; часовъ въ пять утра онъ пилъ ужъ чай въ бесѣдкѣ, до обѣда переходилъ со скамѣйки на скамѣйку, развлекая себя или чтеніемъ «Сѣверной Пчелы», къ которой чувствовалъ особенную симпатію, или просто оставался въ созерцательномъ положеніи, обѣдалъ то же на воздухѣ, а послѣ обѣда ложился гдѣ нибудь въ тѣни на коврѣ, а часовъ въ семь опять усаживался на скамѣйку и наблюдалъ гуляющихъ. Услышать новость, самому разсказать таковую же и вообще поговорить былъ большой охотникъ. Всѣмъ почти проходящимъ мимо его знакомымъ онъ говорилъ:

— Что вы ходите? присядьте! Нѣтъ ли чего новенькаго? повѣдайте.

Когда я сѣлъ около него, онъ остался этимъ очень доволенъ и ласково кивнулъ мнѣ головой.

— Что и вы пришли воздухомъ подышать? Здѣсь славно! Чувствуете ли, какъ смолой пахнетъ? Самый здоровый запахъ.

Я хоть ничего нечувствовалъ, но, чтобъ не спорить, согласился, что пахнетъ смолой.

— А да! кстати! продолжалъ воздушный ярославецъ: — вы знакомы съ Ваньковской, или какъ его, забылъ фамилію, съ зятемъ ея?

— Знакомъ отвѣчалъ я.

— Скажите на милость, что у нихъ такое надѣлалось?

— Я ничего неслыхалъ.

— Будто? А тутъ разсказываютъ цѣлую исторію. У этого зятя живетъ, говорятъ, сестра, живетъ вѣдь?

— Живетъ, отвѣчалъ я.

— Сухощавая этакая дѣвица, сейчасъ была здѣсь.

— Что жь изъ этого?

— А я вотъ давича послѣ обѣда, видите вонъ этотъ бугорокъ подъ большой сосной, я вотъ давеча лежалъ тутъ и заснулъ почти, а тутъ подходитъ, какъ его забылъ фамилію, почтамскій чиновникъ что ли, знаете, я думаю?

— Нѣтъ, не знаю.

— Э, какъ не знаете, вѣрно знаете, въ самый жаръ еще гуляетъ; говоритъ, что докохтъ пьетъ, непремѣнно знаете.

— Увѣряю васъ, что нѣтъ, отвѣчалъ я и просилъ разсказать, что такое случилось у Ваньковскихъ.

— А думалъ, что вы знаете, онъ тутъ мнѣ и разсказалъ, сначала попросилъ у меня огня и разсказалъ, съ нимъ былъ еще какой-то молодой человѣкъ, того жь не знаю. Они мнѣ и разсказали.

— Да чтожь такое они вамъ разсказали? перебилъ я съ досадой.

— Разсказали, что сестра у нихъ живетъ, ну, и къ нимъ часто ѣздилъ Курдюмовъ. Курдюмова, конечно, знаете? Онъ мнѣ старый знакомый, нашъ Ярославецъ, богатые люди прежде были, теперь не знаю.

Никакого терпѣнія у меня недоставало; несносный болтунъ, точно съ умысломъ пыталъ меня.

— Я васъ рѣшительно не понимаю; что же изъ этого слѣдуетъ? сказалъ я ему.

— Слѣдуетъ, что онъ къ нимъ ѣздилъ, ну и здѣсь былъ слухъ, что онъ на этой сестрѣ женится, а вышло вздоръ. Она была, знаете, только, какъ я придумалъ, громовой отводъ, а интригу-то онъ велъ съ этой молодой барыней, дочерью Ваньковской, я ее не знаю, должна быть хорошенькая, а съ отцомъ хорошо былъ по клубу знакомъ: человѣкъ

былъ умный, оборотливый; мать тоже знаю, видалъ въ одномъ домѣ.

То, что я предполагалъ, была дѣйствительно правда и молва объ этомъ огласилась уже на всѣ Сокольники, и чтобы тамъ не было, подумалъ я, но я долженъ, хоть сколько нибудь поколебать правдоподобность этихъ слуховъ, которые могутъ быть пагубны для Лиды. Собесѣдникъ мой показался удобнымъ для этого средствомъ; онъ станетъ встрѣчному и поперечному толковать pro и contra, какъ его направишь; я рѣшился его разубѣдить.

— Это нелѣпыя сплетни, началъ я: — я бываю въ этомъ домѣ каждый день и очень хорошо знаю, что Курдюмовъ бывалъ тутъ безъ всякой цѣли.

— Говорятъ....

— Мало ли что говорятъ; нельзя всему вѣрить. Эта молодая женщина слишкомъ далека отъ подобныхъ отношеній и какимъ же образомъ могло это открыться вдругъ, тогда, какъ онъ знакомъ съ ними болѣе шести лѣтъ?

— Видно, какъ-то открылось, я не знаю хорошенько. Я васъ хотѣлъ спросить, не знаете ли вы? Вотъ посижу еще здѣсь, можетъ быть пройдетъ кто нибудь, кто знаетъ. Любопытно, очень любопытно узнать.

— Все это вздоръ!

— Не спорьте; сестра отъ нихъ переѣхала, не захотѣла съ ними жить, стало не вздоръ, возразилъ Ярославецъ. — Эй, Николай Лукичъ, а Николай Лукичъ? Куда вы бѣжите? Присядьте, крикнулъ онъ къ проходящему мимо его господину, въ серомъ пальто. — Вотъ мы спросимъ Николая Лукича, онъ все знаетъ. Но Николай Лукичъ только обернулся, сдѣлалъ ручкой и проговоривъ: «въ минуточку вернусь», побѣжалъ далѣе.

— Погодите, онъ придетъ и все намъ разскажетъ, отнесся ко мнѣ мой собесѣдникъ, но я не хотѣлъ ждать дальнѣйшихъ разъясненій и отошелъ.

Къ Лидіи Николаевнѣ я почувствовалъ ненависть и презрѣніе. Неужели эта женщина, думалъ я, всю жизнь будетъ меня обманывать: въ то время, какъ я считалъ ее чистою и невинною, въ которой видѣлъ несчастную жертву судьбы, она выходитъ самая коварная интриганка; но положимъ, что она могла полюбить Курдюмова, я ей это прощаю, но за-

чѣмъ скрыла отъ меня своего друга, который, Богъ знаетъ, какъ ей преданъ и съ которымъ, не могу скрыть этого, какъ замѣчалъ по многимъ даннымъ, она кокетничала; и наконецъ, какъ неблагородно поступила съ бѣдною Надиною. Сама, вѣроятно, завлекла и сдѣлала изъ нее ширмы своей интриги. Я рѣшился идти къ ней и сорвать съ нея маску. Я засталъ ее въ маленькомъ кабинетѣ; она сидѣла въ креслахъ, опустивши голову на руки. Увидѣвъ меня, она вздрогнула и проговорила:

— Это вы?

— Да, я, отвѣтилъ я сурово.

Лида посмотрѣла на меня такимъ грустнымъ и печальнымъ взоромъ, что рѣшимость моя—быть строгимъ очень поколебалась.

— Гдѣ Леонидъ? спросила она.

— Онъ въ Москвѣ, а вы одни дома?

— Одна.

— А вашъ больной Иванъ Кузьмичъ?

— Ему лучше; онъ уѣхалъ, у насъ много перемѣнъ надѣлалось.

— Я слышалъ.

— Ужь слышали? что же такое вы слышали?

— Слышалъ, что Надина отъ васъ переѣхала, потому что надежды ея на Курдюмова лопнули; онъ, говорятъ, ухаживалъ за вами.

— И это ужь говорятъ?

— Да, говорятъ и говорятъ на гуляньѣ.

— Чтожь: пускай говорятъ! Это правда.

— Не дай Богъ, чтобъ все была правда; говорятъ не только, что онъ за вами ухаживалъ, но что у васъ была интрига и Надина была громовымъ отводомъ, который обезпечивалъ ваши отношенія. Неужели и это правда?

— Ну да правда; вы этому вѣрите, чтожь еще спрашиваете?

— За что же вы сердитесь на меня? а если вамъ непріятно мое участіе....

— Мнѣ ничьего ненужно участія; участь моя рѣшена, возразила Лида.

— Но чѣмъ же рѣшена? вы напрасно такъ отчаяваетесь.

— Я не отчаяваюсь, а смѣюсь. Я потерянная женщина. мужъ меня бросилъ, тутъ отчаяніе не поможетъ.

— Конечно, не поможетъ. Лучше хладнокровно обдумать и тогда еще можно найдти какое нибудь средство продолжить обманъ на годъ, на два.

Лида посмотрѣла на меня.

— Какой обманъ? спросила она.

— Въ родѣ громоваго отвода, которымъ была сдѣлана Надина. Курдюмовъ при всемъ своемъ тупоуміи, на эти вещи изобрѣтателенъ. Онъ пріищетъ еще другой какой нибудь способъ, чтобъ погубить васъ окончательно.

— Не онъ меня губитъ, а другіе. Онъ прекрасный человѣкъ и преданъ мнѣ такъ, какъ можетъ быть никто, возразила Лида.

Я пожалъ плечами.

— Вамъ это странно слышать, продолжала она: — а вы не знаете, что когда меня глупую выдали замужъ, такъ всѣ кинули, всѣ позабыли: мать и слышать не хотѣла, что я страдаю день и ночь, Леонидъ только хмурился, вы куда-то уѣхали, никому до меня не стало дѣла, одинъ только онъ, у котораго тысячи развлеченій, пренебрегъ всѣмъ, сидѣлъ со мной цѣлые дни, какъ съ больнымъ ребенкомъ; еще бы мнѣ не вѣрить въ него!

— Къ чему тутъ тратить много словъ, Лидія Николаевна; вы влюблены въ него и этого довольно, проговорилъ я съ досадой.

— Я не влюблена въ него, а люблю его, это вы можете сказать моему мужу, матери, брату, цѣлому свѣту: мы невольны въ нашихъ чувствахъ.

— Только этого не доставало, чтобъ вы меня понимали такъ, возразилъ я, берясь за шляпу.

Лида молчала.

— Не мало, но, можетъ быть, слишкомъ много, и безъ всякихъ правъ претендовалъ я на участіе къ вамъ, продолжалъ я, почти со слезами на глазахъ; извиняюсь же вашимъ выраженіемъ: мы невольны въ нашихъ чувствахъ.

Лида отвернулась отъ меня, Я снова продолжалъ:

— Искренно желаю, чтобы вы не ошиблись въ вашихъ надеждахъ на избраннаго вами человѣка и чтобы не страдали въ послѣдствіи раскаяніемъ. Измѣнить своему долгу,

на какомъ бы то ни было основаніи, проступокъ для женщинъ, за который ихъ осудятъ и общественное мнѣніе и собственная совѣсть.

Проговоря эти слова, я вышелъ изъ кабинета, рѣшившись совсѣмъ уйдти, но сдѣлать этого былъ не въ состояніи, а прошелъ въ гостиную и сѣлъ, ожидая, что Лида меня вернетъ. Прошло нѣсколько минутъ, я превратился весь въ слухъ, Лида меня незвала, но я слышалъ, что она рыдала. Я не выдержалъ и снова вошелъ въ кабинетъ.

— О чемъ же вы плачете? спросилъ я садясь противъ нее?

— Простите меня, отвѣчали Лида, протягивая мнѣ руку, я оскорбила васъ, я сама не знаю, что говорю.... Еслибы вы знали, какъ я страдаю.... Не вѣрьте мнѣ, я многое вамъ говорила не правду.

Я вздохнулъ свободнѣе.

— Дай Богъ, возразилъ я, но все таки вы держали себя неосторожно съ Курдюмовымъ,

— Неосторожно, повторила Лида грустнымъ голосомъ, еще надобно быть осторожнѣй, я ужь и не знаю.

— Да, слѣдовало бы, замѣтилъ я.

— Можетъ быть, но чтожь мнѣ дѣлать, если я такая глупенькая. если я такъ слабохарактерна, вы это и прежде мнѣ говорили, проговорила Лида и залилась горькими слезами.

Мнѣ стало до души ее жаль, будь она, кажется, во сто разъ виновнѣе, я не въ состояніи быть строгимъ ея судьею и буду участвовать и помогать ей на сколько во мнѣ достанетъ силъ и возможности.

— Что же у васъ такое вышло теперь? спросилъ я.

Лида нѣсколько времени не отвѣчала.

— Третьяго дня, начала она, съ трудомъ переводя дыханіе: — Курдюмовъ говорилъ мнѣ разныя разности. Надина подслушала, потомъ онъ прислалъ мнѣ письмо, она перехватила его и показала мужу, въ этомъ все и произошло.

— Чтожь, Иванъ Кузьмичъ?

Лида глубоко вздохнула.

— Сначала онъ хотѣлъ меня убить, потомъ гналъ, чтобы я шла къ Курдюмову, потомъ плакалъ — это ужаснѣе всего, а теперь уѣхалъ и не хочетъ съ мной жить. Еслибы вы только слышали, что онъ мнѣ говорилъ! Надина тоже,

такъ разсердилась, что я думала, что она съума сойдетъ; вдвоемъ на меня и напали, я даже теперь не могу вспомнить объ этомъ равнодушно. Посмотрите, какъ я дрожу, а первое время у меня даже голова тряслась.

Сердце кровью облилось у меня, слушая разсказъ Лиды.

— Что вы теперь думаете дѣлать! спросилъ я ее.

— Сама не знаю; я очень боюсь, Леонида и маменьки, что если они услышатъ, а оправдаться я не могу. Они, Богъ знаетъ, что подумаютъ.

— За Леонида я вамъ ручаюсь, онъ васъ очень любитъ, я ему разскажу все.

— Пожалуйста; впрочемъ, Господи! я сдѣлала еще одну глупость, послѣ этой сцены, когда Иванъ Кузьмичъ и Надина такъ меня разобидѣли, я съ отчаянія написала къ Курдюмову письмо, все ему разсказала и написала, что онъ одинъ остался у меня на свѣтѣ и, что вся моя надежда на него.

— Что жь онъ вамъ отвѣчалъ на это письмо?

— Умолялъ, чтобъ я съ нимъ бѣжала, хотѣлъ увезти меня за границу. Мнѣ такъ послѣ этого сдѣлалось досадно и стыдно за себя. Неужели я такая потерянная женщина, что въ состояніи бросить мужа. Иванъ Кузьмичъ ко мнѣ былъ очень не хорошъ, но пусть онъ будетъ въ тысячу разъ хуже, пусть будетъ каждый день меня терзать, я все таки хочу съ нимъ жить.

— Другаго вамъ нечего и дѣлать! Крестъ вашъ тяжелъ, но вы его взяли и несите.

— Я знаю.... Послушайте; съѣздите, пожалуйста, къ мужу упросите его, чтобы онъ не дѣлалъ этихъ глупостей и пріѣхалъ бы домой и, Бога ради, успокойте его объ Курдюмовѣ.

При послѣднихъ словахъ я нарочно смотрѣлъ Лидѣ въ глаза, но и тѣни притворства не было, въ кроткомъ выраженіи ея лица.

— Гдѣжь я могу найдти Ивана Куьмича, спросилъ я.

— Онъ, или у Піоновыхъ, или у той магазинщицы. Они все и вооружаютъ его; если онъ дольше еще у нихъ останется, то совсѣмъ меня броситъ.

Я хотѣлъ было тотчасъ же ѣхать, но Лида меня остановила и просила остатокъ вечера провести у ней. Она бо-

ялась, что пріѣдетъ Курдюмовъ и онъ, въ самомъ дѣлѣ пріѣзжалъ, но его, по общему нашему распоряженію, не приняли.

XI.

На другой день я чѣмъ свѣтъ написалъ къ Леониду письмо и отправилъ его по городской почтѣ. Я подробно ему описалъ все, что случилось съ Лидіей Николаевной, мое свиданіе съ ней и порученіе, которое она мнѣ сдѣлала. Ивана Кузьмича я поѣхалъ отъискивать часу въ десятомъ. У Піоновыхъ его не было; я далъ ихъ лакею полтинникъ, чтобы вызвать его на откровенность и сталъ разспрашивать; онъ мнѣ сказалъ, что Иванъ Кузьмичъ заѣзжалъ къ намъ наканунѣ по утру и разговаривалъ очень долго съ господами, запершись въ кабинетѣ, а потомъ уѣхалъ вмѣстѣ съ бариномъ, который возвратился домой уже на утрѣ и очень пьяный, а барыня чѣмъ свѣтъ сегодня поѣхала къ Марьѣ Виссаріоновнѣ.

Отъ Піоновыхъ я отправился въ магазинъ, о которомъ мнѣ нѣкогда говорилъ желтолицый поручикъ и отъискалъ его очень скоро по вывѣскѣ, на которой было написано: махазинъ лучихъ французкихъ цвитовъ, Анны Ивановой. Я вошелъ по грязной лѣстницѣ и отворилъ дверь прямо въ большую комнату. Въ ней былъ шкафъ и столъ, за которымъ, впрочемъ, никто не работалъ. Маленькая, запачканная дѣвочка мѣла полъ, у открытаго окна сидѣли двѣ, какъ я полагаю, старшія мастерицы, изъ которыхъ одна была худая и бѣлокура, а другая толстая, маленькая, черноволосая и съ одутловатымъ лицемъ. При входѣ моемъ онѣ переглянулись и засмѣялись.

— Что вамъ надобно? спросила бѣлокурая.

— Здѣсь мой хорошій знакомый Иванъ Кузьмичъ! Я желалъ бы ихъ видѣть, отвѣчалъ я.

— А вы чьи такіе? спросила черноволосая.

— Я знакомый ихъ, повторилъ я.

— Да кто такіе! мы ихныхъ знакомыхъ очень хорошо знаемъ.

— Тебѣ что за безпокойство? Суешься не въ свое дѣло, перебила ее бѣлокурая.

— Что мнѣ за безпокойство, такъ спрашиваю.

— Гдѣ я могу видѣть Ивана Кузьмича! отнесся я къ бѣлокурой.

— Онъ тамъ — вонъ въ этой комнатѣ.... Матреша! спросила она дѣвочку, Иванъ Кузьмичь всталъ!

— Всталъ-съ.

— Позвать что-ли вамъ его!

— Нѣтъ, я самъ пойду, отвѣчалъ я, и, боясь, что Иванъ Кузьмичь ко мнѣ не выйдетъ, отворилъ дверь, на которую бѣлокурая мнѣ показывала и вошелъ.

Онъ лежалъ на диванѣ, передъ нимъ стоялъ графинъ водки и морсъ. Комната была расгорожена ширмами съ дверцами, которые при моемъ появленіи захлопнулись. Увидѣвъ меня, Иванъ Кузьмичь ужасно смѣшался, привсталъ, говорить ничего не могъ и весь дрожалъ. Онъ былъ очень истощенъ и болѣзнію и, вѣроятно, недавнею попойкою. Я началъ прямо:

— Я пріѣхалъ къ вамъ, Иванъ Кузьмичь, отъ Лидіи Николаевны, она проситъ васъ возвратиться домой.

— Нѣтъ-съ, благодарю васъ покорно, небезпокойтесь, сдѣлайте одолженіе, я старъ — мной играть, я неигрушка. Домой мнѣ незачѣмъ ѣхать, я здѣсь живу.... чтожъ такое, я всѣмъ скажу, что здѣсь живу, я квартиру здѣсь нанимаю и кончено....

— Вы этимъ компроментируете Лидію Николаевну; неужели васъ совѣсть не упрекаетъ за нее?

Иванъ Кузмичь сдѣлалъ нетерпеливый жестъ.

— Вы сердитесь на нее и сами незнаете за что, продолжалъ я. Мнѣ все извѣстно: письмо Курдюмова никакъ не можетъ служить обвиненіемъ для Лидіи Николаевны. Ни одна въ мірѣ женщина не поручится, чтобы какой нибудь господинъ нерѣшился ей написать подобнаго письма. Между вами или одно недоразумѣніе, или вы хотите только сдѣлать зло вашей женѣ, и за что же наконецъ! Неужели зато, что она въ продолженіи пяти лѣтъ, терпѣла всѣ ваши недостатки, скрывала ихъ отъ знакомыхъ, отъ родныхъ, а вы пустую записку обращаете ей въ преступленіе.

— Я не за то-съ, мнѣ это что.... я не за это....

— Такъ за что же!

— Такъ ничего-съ: мимо ѣхали, отвѣчалъ Иванъ Кузмичь, выпилъ стаканъ водки и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Коли такъ больна и не любитъ меня, такъ за чѣмъ же за мужъ выходила, шла бы въ кого влюблена, а я вѣдь дуракъ, я ничего не понимаю, говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собой.

— Она сначала васъ уважала, но послѣ вы сами ее вооружили противъ себя! возразилъ я.

— Я вооружилъ, да-съ, я же виноватъ, коли мужъ къ женѣ, а она въ сторону, можетъ быть, повашему образованному ничего, очень хорошо, а мы люди простые. Что-жъ такое? я прямо скажу, я мущина, за неволюдамъ что нибудь... У нихъ рюмку водки выпьешь, такъ сейчасъ и пьяница; ну пьяница, такъ пьяница-будь по ихнему. Теперь меня всего обобрали, я нищій сталъ, у меня тутъ тридцать тысячь серебромъ ухнуло, — ну и виноватъ значитъ! Мы вѣдь дураки, ничего не понимаемъ, учились на мѣдныя деньги, въ университетахъ не были.

— Не совѣстно-ли вамъ, Иванъ Кузмичь, говорить это? Не вы ли сами предложили, какъ доказательство любви вашей, уничтожить этотъ вексель!

— Я не корю. Дай имъ Богъ счастья, а мнѣ проживать на нихъ нечего, я все прожилъ.

Видя, что Иванъ Кузмичь былъ такъ настроенъ противъ Лидіи Николаевны, что не возможно было ни оправдать ее предъ нимъ, ни возбудить въ немъ чувство состраданія къ ней, я рѣшился, покрайнѣй мѣрѣ, попугать его и намекнулъ ему, что у ней есть родные: мать и братъ, которые не допустятъ его безславить несчастную жертву, но и то не подѣйствовало. Онъ сдѣлалъ презрительную гримасу.

— Ничего я не боюсь, плѣвать я на всѣхъ хочу, что они мнѣ сдѣлаютъ?

Тѣмъ мое свиданіе и кончилось.

Я уѣхалъ.

«Нѣтъ, Лида недолжна жить съ этимъ человѣкомъ, онъ совсѣмъ потерялся, подумалъ я. Это еще и лучше, что онъ самъ ее оставилъ. Пусть она живетъ съ матерью; разскажу все Леониду и мы вмѣстѣ, какъ нибудь, это устроимъ, больше всѣхъ я ожидалъ сопротивленія отъ самой Лиды, врядъ ли она на это рѣшится?

Я заѣхалъ къ ней, чтобы передать ей малоуспѣшность своей поѣздки и сообщить новое мое предположеніе на счетъ дальнѣйшей ея участи, но не засталъ ея дома: она у матери, которая присылала за ней. Что-то тамъ происходитъ? Отъ Леонида не было никакого извѣстія. Возвратившись домой, я цѣлое утро провелъ въ раздумьѣ, ѣздилъ потомъ къ Курдюмову, чтобы растолковать, какое зло принесъ онъ любимой имъ женщинѣ и прямо просить его уѣхать изъ Москвы, заѣзжалъ къ Надинѣ растолковать ея ошибку, но обоихъ незасталъ дома, или меня не приняли, а между тѣмъ судьба готовила новый ударъ бѣдной Лидѣ.

Поздно вечеромъ, когда ужь я улегся въ постель, вдругъ вошелъ ко мнѣ Леонидъ во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Откуда это? спросилъ я его.

— Въ воксалѣ былъ и пріѣхалъ къ вамъ ночевать.

— Очень радъ.

— Вы меня положите въ кабинетъ.

— Отъ чего же не въ спальнѣ — со мной?

— Такъ, я завтра рано уѣду.

Я предложилъ было ему ужинать, но онъ отказался и просилъ только дать ему вина.

— Мнѣ хочется сегодня хорошенько выспаться, отъ какого вина лучше спишь?

— Отъ всякаго крѣпкаго: хересу, портвейну.

— Дайте, какое у васъ есть.

Я велѣлъ подать ему хересу, онъ выпилъ цѣлый стаканъ, чего съ нимъ прежде никогда не бывало, поцаловалъ меня, ушелъ въ кабинетъ, заперся тамъ и тотчасъ же погасилъ огонь.

Вообще онъ былъ какъ-то страненъ и чрезвычайно грустенъ. Объ Лидіи Николаевнѣ не сказалъ ни слова, какъ будто бы не получалъ моего письма, а я не успѣлъ и не рѣшился заговорить объ ней. Мнѣ не спалось, изъ кабинета слышался легкой шумъ, я всталъ потихоньку и заглянулъ въ замочную скважину. Ночь была лунная. Леонидъ стоялъ на колѣняхъ и молился. Я съ полчаса наблюдалъ его, онъ все молился, это меня удивило. Я зналъ, что онъ богомоленъ, но чтобы молиться ночью, скрытно отъ меня — этого никогда не бывало!

XII.

Понять не могу, что такое дѣлается: Леонидъ, кажется, всю ночь молился. Я самъ заснулъ почти на утрѣ, но когда проснулся, его ужь не было у меня: въ шесть часовъ утра, какъ сказалъ мнѣ мой человѣкъ, за нимъ заѣзжалъ молодой человѣкъ въ каретѣ, въ которой они вмѣстѣ и уѣхали. Тяжелое предчувствіе сдавило мнѣ сердце. Я рѣшился, не теряя минуты, ѣхать къ Леониду въ Москву, ожидая или найти его дома, или узнать по крайней мѣрѣ тамъ, куда и за чѣмъ онъ могъ уѣхать. Проѣзжая Мясницкую, я услышалъ, что меня кто-то зоветъ по имени; я обернулся: это былъ человѣкъ Ваньковскихъ, который кричалъ мнѣ во все горло и махалъ фуражкой. Я остановился. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ.

— Что такое? спросилъ я.

— Къ вамъ, сударь, бѣжалъ; у насъ несчастье приключилось: Леонидъ Николаичъ очень нездоровы.

— Какъ, чѣмъ нездоровъ? спросилъ я, сажая его къ себѣ на пролетки и велѣвъ извощику ѣхать, какъ можно скорѣе.

— Сами не можемъ знать хорошенько; ночевать они дома не изволили, а сегодня на утрѣ привезли въ безпамятствѣ, всѣ въ крови; надобно полагать такъ, что изъ пистолета видно ранены.

Только этого недоставало, подумалъ я, и очень хорошо все понялъ. Вчера онъ получилъ мое письмо объ Лидѣ, а сегодня у него была вѣрно дуэль съ Курдюмовымъ. О! какъ проклиналъ я себя за глупую поспѣшность сообщить ему то, чего бы лучше никогда было ему не знать. И какъ мнѣ тупоумному было не догадаться еще вчера, что онъ замышляетъ что-то недоброе, остановить его — я имѣю тысячу средствъ: я бы его не пустилъ, уговорилъ, наконецъ бы помирилъ ихъ.

— Куда онъ раненъ и опасно ли? спросилъ я человѣка.

— Богъ ихъ, батюшка, знаетъ; слышалъ что кровь-то больно одолѣваетъ, докторъ при нихъ, не знаемъ, что будетъ. Они, какъ не много поочувствовались, сейчасъ при-

казали, чтобъ за вами шли, я и побѣжалъ. Этакое на насъ Божеское посѣщеніе — баринъ-то какой! этакого, кажись, и не нажить другаго. Ну, какъ что случится, сохрани Богъ, старая барыня не снесетъ этого, кричитъ теперь какъ полоумная, на весь домъ.

Пріѣхавъ, я встрѣтилъ въ залѣ молодаго человѣка, товарища Леонида — нѣкоего Гарновскаго, котораго видѣлъ у него нѣсколько разъ и котораго, какъ я замѣтилъ, онъ держалъ въ полномъ у себя подчиненіи. Я догадался, что это былъ секундантъ.

— Живъ ли? спросилъ я его.

— Живъ еще-съ, отвѣчалъ онъ.

— Не стыдно ли вамъ, молодой человѣкъ, участвовать въ подобномъ дѣлѣ, не предувѣдомивъ ни родныхъ, ни меня, сказалъ я ему.

— Чтожь мнѣ было дѣлать, онъ взялъ съ меня клятву, въ этакихъ случаяхъ нельзя отказываться, отвѣчалъ онъ со слезами на глазахъ.

— Очень можно; глупое браверство, больше ничего. Это была не дуэль, а подлое убійство. Леонидъ во всю жизнь пистолета не бралъ въ руки, вы это знали, такъ друзья не дѣлаютъ.

Молодой человѣкъ заплакалъ.

Я прошелъ въ кабинетъ. Леонидъ лежалъ на своей кушеткѣ вверхъ лицомъ, уже блѣдный какъ мертвецъ, но въ памяти. Увидѣвъ меня, онъ улыбнулся.

— Здравствуйте! я васъ давно жду, сказалъ онъ протягивая мнѣ руку.

Я взялъ и незамѣтно пощупалъ пульсъ, который былъ неровенъ, но довольно еще силенъ. У изголовья стоялъ растерявшійся полковой медикъ, котораго пригласили изъ ближайшихъ казармъ. Я спросилъ его потихоньку о состояніи больнаго: онъ отвѣчалъ, что рана въ верхней части груди, пуля вышла, но кровотеченіе необыкновенно сильно и врядъ ли не повреждена сонная артерія. Я просилъ его съѣздить къ университетскимъ врачамъ, чтобы составить консиліумъ. Изъ дальнихъ комнатъ слышались стоны и рыданія Марьи Виссаріоновны. Ее, по распоряженію врача, не пускали къ сыну.

— Сядьте около меня, сказалъ Леонидъ, когда мы остались одни. Я сѣлъ.

— Я скрылъ отъ васъ мою продѣлку, началъ онъ слабымъ голосомъ, вы бы мнѣ помѣшали.... а мнѣ очень хотѣлось проучить этого негодяя.... Не думалъ, что такъ кончится серьёзно....

Я просилъ его не говорить и успокоиться.

— Ничего... часомъ раньше.... часомъ позже.... все равно.... не послали ли Лидѣ сказать; я этого не хочу.... не сказывайте ей дольше.... какъ можно дольше.... Вы не оставьте ее.... я на васъ больше всѣхъ надѣюсь.... мать тоже не оставьте.... ой, за чѣмъ это она такъ громко рыдаетъ, мнѣ тошно и безъ того.

Я не въ состояніи былъ владѣть собой и заплакалъ.

— И вы туда же! стыдно быть такимъ малодушнымъ, продолжалъ Леонидъ. — Теперь мать будетъ за меня проклинать Лиду; вразумите ее и растолкуйте, что та ни въ чемъ не виновата. Она вчера, говорятъ, такъ ее бранила, что ту полумертвую увезли домой. Тамъ въ моей шкатулкѣ найдете вы записку, въ которой я написалъ, чтобы Лидѣ отдали всю слѣдующую мнѣ часть изъ имѣнія; настойте, чтобы это было сдѣлано, а то она, пожалуй, безъ куска хлѣба останется. Ой! что-то хуже, слабъ очень становлюсь.... попросите ко мнѣ мать.

Я пошелъ къ Марьѣ Виссаріоновнѣ; она лежала на диванѣ, металась, рвала на себѣ волосы, платье; глаза у ней бѣгали, какъ у съумасшедшей, въ лицѣ были судороги. Около нея сидѣла Піонова, тоже вся въ слезахъ.

— Леонидъ Николаичъ васъ проситъ къ себѣ, сказалъ я.

— Что онъ — умеръ?... умеръ?... спросила Марья Виссаріоновна, вскочивъ.

— Напротивъ, имъ лучше, они желаютъ только васъ видѣть.

Она быстро пошла, Піонова послѣдовала за ней.

— Позвольте и мнѣ; мнѣ нельзя ее оставить въ такомъ положеніи, отнеслась она ко мнѣ.

Я ей ничего не отвѣчалъ. Мы всѣ вмѣстѣ вошли въ кабинетъ. Марья Виссаріоновна бросилась было къ сыну на шею, но онъ ее тихо отвелъ.

— Нѣтъ, тутъ кровь, замараетесь, сказалъ онъ.

— Кровь!... да, тутъ кровь, проговорила она безумнымъ голосомъ и, упавши къ нему на ноги, начала ихъ цаловать.

На лицѣ Леонида изобразилась тоска.

— Марья Виссаріоновна! вы ихъ безпокоите, сказалъ я, подходя къ ней.

— Cher amie! да вы сядьте, произнесла Піонова.— Да.... да.... я ничего.... я сяду, отвѣчала она. И сѣла.

Я и Піонова стали около нея, Леонидъ закрылъ глаза. Прошло около четверти часа убійственнаго молчанія, Марья Виссаріоновна рыдала потихоньку.

Вдругъ.... во всю жизнь мою не забуду я этой сцены: умирающій открылъ глаза, двинулся всѣмъ корпусомъ, сѣлъ и началъ пристально глядѣть на мать. Выраженіе лица его было какое-то торжественно-спокойное.

— Не плачьте, а простите меня: я много противъ васъ виноватъ, началъ онъ: — моею безразсудною смертію васъ Богъ наказываетъ за Лиду.... вы погубили ее замужствомъ.... За что?... Это не хорошо. Родители должны быть равны къ дѣтямъ.

Марья Виссаріоновна упала на руки Піоновой, въ лицѣ Леонида промелькнула какъ бы улыбка.

— Вы женщина умная, добрая, благородная; отецъ, умирая, просилъ васъ объ одномъ: не предаваться дружбѣ и любить всѣхъ дѣтей одинаково. Онъ хорошо зналъ ваши недостатки; вы ни того, не другого не исполнили.

Марья Виссаріоновна начала сильнѣе рыдать.

— Загладьте хоть теперь, началъ опять Леонидъ, голосъ у него прерывался: — устройте Лиду.... съ мужемъ ей нельзя жить, онъ ее замучитъ.... отдайте ей все мое состояніе, я этого непремѣнно хочу.... А вы тоже оставьте ее въ покоѣ, отнесся онъ къ Піоновой: — будетъ вамъ ее преслѣдовать.... Она вамъ ничего не сдѣлала.... Матери тоже жениховъ не сватайте, ей поздно ужь выходить замужъ.

Піонова обратила къ нему умоляющій взоръ; Леонидъ грустно покачалъ головой.

— Я все знаю, продолжалъ онъ: — какъ вамъ покажется, обратился онъ ко мнѣ: — Лизавета Николаевна сватала

матери своего роднаго брата, мальчишку двадцати-двухъ лѣтъ и увѣряла, что онъ влюбленъ въ нее, въ пятидесяти-лѣтнюю женщину влюбленъ! Какое дружеское ослѣпленіе!

Съ Марьей Виссаріоновной сдѣлался настоящій обморокъ, Піонова тоже опустилась въ кресла. Леонидъ замолчалъ, легъ и обернулся къ стѣнѣ.

— Пора мнѣ и съ собой разсчитаться.... Священника! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

Я позвалъ горничныхъ женщинъ и съ помощію ихъ вынесъ безчувственную Марью Виссаріоновну; Піонову тоже вывели въ двои руки. Пришелъ священникъ, Леонидъ очень долго исповѣдался, причастился, самъ прочиталъ себѣ отходную и ни слова уже не говорилъ. Пріѣхали медики, но было безполезно: онъ умеръ.

Печальныя хлопоты о похоронахъ я принялъ на себя и пригласилъ въ нихъ участвовать Гарновскаго, который все сидѣлъ въ залѣ и обливался горькими слезами. Онъ мнѣ разсказалъ подробности дуэли: наканунѣ пріѣхалъ къ нему Леонидъ и повезъ его съ собой въ воксалъ; когда пріѣхали, то Леонидъ все кого-то искалъ. Встрѣтившись съ Курдюмовымъ, онъ остановилъ того, и они вмѣстѣ ушли въ дальнія комнаты. Возвратившись, Леонидъ отвелъ Гарновскаго въ сторону и, предварительно обязавъ его клятвою, не говорить того, что онъ ему откроетъ, сказалъ, что у него дуэль и просилъ его быть секундантомъ; онъ согласился и на другой день Леонидъ назначилъ ему заѣхать за нимъ ко мнѣ въ шесть часовъ утра. Когда пріѣхали къ назначенному мѣсту, Курдюмовъ уже былъ тамъ. Онъ или боялся, или не желалъ дуэли, съ нимъ даже не было секунданта; онъ нѣсколько разъ просилъ у Леонида прощенія, но тотъ отвѣчалъ, что онъ обиженъ не лично и потому простить не можетъ. Когда противники были поставлены, то Курдюмовъ хотѣлъ выстрѣлить на воздухъ, но Леонидъ замѣтивъ это, требовалъ, чтобы онъ стрѣлялъ, какъ слѣдуетъ, а въ противномъ случаѣ обѣщалъ продолжать дуэль цѣлый день. Курдюмовъ повиновался, раздался выстрѣлъ, Леонидъ пошатнулся, самъ тоже выстрѣлилъ, но на воздухъ, и упалъ. Увидѣвъ, что онъ раненъ, Курдюмовъ бросился къ нему, высасывалъ у него пулю, перевязывалъ рану и безпрестанно спрашивалъ, что онъ чув-

ствуетъ? Когда безчувственнаго Леонида повезли домой, онъ просилъ позволенія проводить его и всю дорогу рыдалъ, какъ ребенокъ и когда того привезли, онъ не вышелъ изъ экипажа и велѣлъ себя прямо везти къ коменданту.

Изъ этого разсказа я ясно увидѣлъ предопредѣленіе Божіе.

Да будетъ его святая воля, подумалъ я, можно ли было вообразить, что разсудительный и хладнокровный Леонидъ обнаружитъ когда нибудь такое упорное безразсудство, какъ будто онъ самъ нарочно желалъ смерти. Какъ знать, чтобы принесла ему жизнь, особенно если взять въ разсчетъ его прекрасную, но все-таки странную натуру.

Я очень боялся за Лиду, мнѣ казалось, что списпосланное ей испытаніе свыше силъ ея. Приказаніе Леонида — скрыть отъ нея случившееся — не исполнили. Кто-то изъ людей отправился къ ней въ тоже утро и все разсказалъ до малѣйшихъ подробностей; она пріѣхала, но Леонидъ лежалъ уже на столѣ. Тутъ только я увидѣлъ, какими огромными нравственными силами обладала эта, по видимому, слабая женщина. Какъ должна была огорчить ее смерть брата, котораго она страстно любила и который умеръ за нее, объ этомъ и говорить нечего, но она не рыдала, не рвалась, какъ Марья Виссаріоновна, но тихо и спокойно подошла и поцаловала усопшаго; потомъ пошла было къ матери, но скоро возвратилась; та съ ней не хотѣла говорить.

Въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей, она не отходила отъ тѣла, провожала его въ церковь, выстояла всю службу, хотя, конечно, видѣла и понимала, что была предметомъ неприличнаго любопытства. Одни называли ее по имени, другіе указывали на нее, третьи разсказывали исторію дуэли, но никто ее не пожалѣлъ, никто въ ней не поучавствовалъ, за то Марья Виссаріоновна, какъ говорится, надсадила всѣхъ. Ее внесли рыдающую на креслахъ, а при концѣ службы, за ней шла, тоже рыдая, Піоновна, съ ними обѣими сдѣлалось дурно. Я и Лида подошли первыя и простились съ покойникомъ. Иванъ Кузьмичъ тоже явился на похороны истерзанный и больной; за панихидой онъ разрыдался, подошелъ потомъ къ Марьѣ Виссаріоновнѣ, утѣшалъ ее, а женѣ даже не поклонился и какъ

будто бы не замѣтилъ ее. Онъ, какъ мнѣ сказывали, отобралъ отъ нея всѣ вещи, экипажи, людей и Лида осталась съ одной своей горничной Аннушкой.

Курдюмовъ содержится на гаубвахтѣ и очень, говорятъ, тоскуетъ. Все это передавалъ мнѣ Гарновскій, который неимовѣрно ласкается ко мнѣ и каждый почти день бываетъ у меня. Онъ, кажется, очень боится, чтобы ему не досталось чего нибудь за дуэль и чтобы я въ этомъ случаѣ не былъ его обвинителемъ.

XIII.

Иванъ Кузьмичъ доканалъ себя. Вскорѣ послѣ смерти Леонида, онъ тяжко заболѣлъ и сошелся съ женою. Лида все ему простила и въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ была его сидѣлкой, въ полномъ значеніи этого слова. Старикъ докторъ не ошибся: водяная дѣйствовала быстро. Грустно и отрадно было его видѣть въ этотъ предсмертный періодъ жизни: разумъ его просвѣтлѣлъ, самосознаніе и чувство совѣсти къ нему возвратились; онъ оцѣнилъ наконецъ достоинство Лиды и привязался къ ней, какъ малый ребенокъ, никуда ее не отпускалъ отъ себя, цаловалъ у нея безпрестанно руки и все просилъ прощенія за прошедшую жизнь, Піоновыхъ рѣшительно не хотѣлъ видѣть, они пріѣзжали нѣсколько разъ, и какъ Лида ни просила, чтобы принять ихъ, хоть для приличія, онъ не соглашался; родныхъ своихъ также не велѣлъ пускать, да они и сами не пріѣзжали, за исключеніемъ Надины, которая была одинъ разъ и съ которой онъ ни слова не сказалъ, за то Анна Ивановна ѣздила каждый день, но ее, это ужь по приказанію Лиды, тоже не пускали, впрочемъ, она разъ сказала объ ея посѣщеніи Ивану Кузьмичу, онъ вдругъ вскочилъ, затопалъ ногами и закричалъ: «вонъ ее, вонъ ее!» Мы перепугались, думали, что онъ сейчасъ умретъ, однако кончилось только истерикой. Говорятъ, онъ далъ ей значительный вексель, который она и подала ко взысканію. Умеръ онъ тихо и вполнѣ раскаялся. Лидія Николаевна осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни и даже во время его болѣзни она жила только тѣмъ, что продавала кой-какія свои брилліантовыя вещи.

Марья Виссаріоновна не только необезпечила, по завѣщанію Леонида, дочери, несмотря на всѣ мои настоянія, но даже непринимала ее и называла ее при всѣхъ убійцею сына. Отъ меня Лида тщательно скрывала свою бѣдность, но я зналъ, что она начала жить только своей работой и потому подсылалъ къ ней различныхъ торговокъ и закупалъ все по возможно–дорогой цѣнѣ.

Однажды, это было мѣсяцевъ шесть спустя послѣ смерти Ивана Кузьмича, я познакомился съ однимъ довольно богатымъ домомъ. Меня пригласили между прочимъ бывать въ субботу по вечерамъ; въ одну изъ нихъ я поѣхалъ и когда вошелъ въ гостиную, тамъ сидѣло небольшое общество: старикъ серьёзной паружности; мужъ хозяйки — огромнаго роста блондинъ; дама–старуха въ очкахъ; дама очень молоденькая и наконецъ сама хозяйка. Между всѣми этими лицами шелъ довольно одушевленный разговоръ. Я сѣлъ и началъ прислушиваться.

— Мнѣ очень жаль, очень жаль Курдюмова, говорилъ старикъ: — человѣкъ онъ умный, образованный, хорошаго круга, влюбился въ эту интриганку, выдержалъ за нее дуэль и наконецъ погубилъ свою карьеру навсегда.

— Ее мать съ малолѣтства боялась, съ малолѣтства видѣла въ ней дурныя наклонности; эта женщина, какъ я слышу объ ней, совершенная Лафаржъ, говорила отрывисто старуха въ очкахъ.

— Я безъ грусти не могу вообразить ея брата. Говорятъ, еще очень молоденькій мальчикъ и умереть въ такія лѣта, это ужасно! Какъ должна ее самую мучить совѣсть? Я удивляюсь, какъ она до сихъ поръ еще жива? вмѣшалась молоденькая дама и покраснѣла отъ неувѣренности, не сказала ли чего нибудь глупаго.

— О! ей ничего: подобнымъ женщинамъ ничего не бываетъ. Скажите лучше, какъ мать жива! вотъ этой несчастной жертвѣ я удивляюсь, возразила старуха.

— Очень хорошо тутъ дурачили эту старую дѣву, сестру мужа, сказалъ хозяинъ: — они ее увѣряли, что Курдюмовъ влюбленъ въ нее. Я тогда жилъ въ Сокольникахъ и очень хорошо помню, что ее кто-то назвалъ громовымъ отводомъ или новое средство скрывать любовь.

Старикъ пожалъ плечами.

— Одно, что можетъ ее извинить, что она вышла за человѣка, котораго не любила. Будь она къ нему привязана, такъ на многое бы не рѣшилась, замѣтила хозяйка и взглянула съ нѣжностію на мужа, который отвѣчалъ ей улыбкою.

— Ничто не можетъ служить ей оправданіемъ, началъ старикъ диктаторскимъ голосомъ. — Она была дурная дочь, какъ говорила Алена Александровна. Она вышла замужъ точно за дряннаго человѣка, я его знаю, онъ у меня служилъ подъ начальствомъ, но это ее нисколько не оправдываетъ, а напротивъ еще хуже рекомендуетъ ея сердце. Для чего она это дѣлала? Или по расчету, или по нестерпимому желанію выдти за кого нибудь и наконецъ ужь если вышла, такъ должна была исправить недостатки мужа, а не доводить его до того, что онъ съ кругу спился и померъ отъ того; потомъ она завлекла молодаго человѣка, отторгнула его совершенно отъ общества; послѣднее время его нигдѣ не было видно и чтобы скрыть свою интригу, сдѣлала изъ родной сестры своего мужа, какъ говоритъ Алексѣй Иванычъ, громовой отводъ, или средство скрывать любовь. Поведеніемъ своимъ была причиной смерти брата и въ заключеніе всего вошла въ связь съ какимъ-то еще господиномъ, который у ней бываетъ каждодневно, чтобъ не сказать больше. Неуже ли послѣ всего этого ее можно оправдать? Общественное мнѣніе должно эту женщину казнить, а не извинять.

Въ продолженіи этихъ словъ старуха кивала утвердительно головой, да и прочіе, кажется, всѣ безусловно соглашались. Я не вытерпѣлъ.

— Исторію объ этой дамѣ разсказываютъ совсѣмъ не такъ, какъ оно было, началъ я въ тонѣ же старика, вставая: — она точно вышла не по любви, но по усиленнымъ настояніямъ матери. Мужъ ея несчастному пороку пьянства былъ преданъ еще холостой, остановить его не было никакой возможности. Курдюмовъ, въ отношеніи ея, былъ только навязчивый искатель. Сестру мужа ей и въ голову не приходило дѣлать умышленно громовымъ отводомъ, но та сама влюбилась въ Курдюмова. Съ господиномъ, который бываетъ у ней ежедневно, существуютъ только самыя святыя, чистыя, дружественныя отношенія, это я могу утвердительно сказать, потому что господинъ этотъ я самъ.

Всѣ сконфузились, старикъ нахмурился, и скоро уѣхалъ.

Надобно сказать, что у меня съ Лидой въ послѣднее время были какія-то неопредѣленныя отношенія, что я любилъ ее, что я желалъ сдѣлаться ея мужемъ, въ этомъ конечно нечего было и сомнѣваться, но не рѣшался еще, не будучи съ одной стороны твердо увѣренъ, любитъ ли она меня, а съ другой — боясь оскорбить въ ней чувство горести о потерѣ брата и мужа. Ѣздилъ къ ней я дѣйствительно очень часто, она была и рада моимъ посѣщеніямъ, и отчасти стѣснялась ими. Послѣдній случай окончательно утвердилъ меня въ моемъ намѣреніи. Лида одна, оставлена всѣми, безъ денегъ, порицаема общественнымъ мнѣніемъ; медлить нечего, что будетъ— то и будетъ, подумалъ я, и написалъ ей письмо въ которомъ признался ей въ любви, откровенно высказалъ ей, какимъ образомъ толкуютъ наши отношенія и молилъ ее согласиться быть моей женой, въ противномъ случаѣ мы должны будемъ разстаться, чего, увѣренъ, я и она не желаемъ.

Лида не отвѣчала мнѣ цѣлые два дни; нетерпѣніе меня мучило. Я самъ было хотѣлъ ѣхать къ ней, но мнѣ принесли отъ нея письмо, передаю его въ подлинникѣ.

«Прости меня, что я такъ долго не отвѣчала на твое письмо, мой добрый и единственный другъ, позволь мнѣ назвать тебя этимъ именемъ хоть за дружбу къ тебѣ моего безцѣннаго Леонида. Ты пишешь, что любишь меня давно, я давно это знаю, но у меня не достало присутствія духа, сказать тебѣ, просить тебя, чтобы ты не любилъ меня, видишь какая я кокетка и какая коварная! Ты возмутился за обвиненія, которыми караетъ меня общество, но какъ ты ошибался писавши эти строки, это общество гораздо лучше меня знаетъ, чѣмъ ты, развѣ я такъ любила мужа, какъ должно, развѣ я видѣвши безразсудство Надины, предостерегла ее! а братъ мой, бѣдный братъ! развѣ не за меня онъ померъ и развѣ я не любила Курдюмова и не люблю до сихъ поръ, и, можетъ быть, въ послѣднее время только твое строгое присутствіе, мой добрый другъ, спасло меня, что я не пала совершенно, и могу еще, чтобы про меня ни говорили, просить тебя не презирать меня вмѣстѣ съ другими, и только тѣнь брата, ставшая между нами, дала мнѣ силы отторгнуться отъ этого человѣка, а припомни, какъ много и какъ долго обманывала я всѣхъ васъ, а ты еще пишешь.

что я не виновата. Быть женой твоей *я не могу и не стою*, моя добрая мать теперь простила меня и позволила быть при ней, она больна, я буду за ней ходить и приведи Богъ хоть этимъ искупить мои проступки....»

Дальше мнѣ говорить, полагаю, нечего, разсказъ мой, на сколько было въ немъ задачи, конченъ. Лида сама надъ собой произнесла судъ и обвиненіе, но въ заключеніе я все таки хочу обратиться къ тебѣ, мой безпристрастный читатель, къ тебѣ, которому искренно и не утаивъ ничего разсказалъ эту простую повѣсть, рѣши ты и скажи, положивъ руку на сердце: *виновата ли она*?

АЛЕКСѢЙ ПИСЕМСКІЙ.

АСПАЗІЯ.

ГОСТЬ.

Чтóбъ это значило — вижу, сегодня ты
Домъ свой какъ храмъ убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты,
Благоухаетъ смола.
Цитра настроена; свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ,
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы причесаны....
Ставятъ амѳоры на столъ.
Ты же блѣдна, — словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей.

АСПАЗІЯ.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
Тѣнью сквозныхъ галлерей,
Шумъ ея замеръ — и это молчаніе
Въ полденъ такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія
Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я
Это — Периклъ говоритъ;
Если блѣдна и молчитъ его милая,
Значитъ весь городъ молчитъ...
Чу! шумъ на площади, — рукоплесканія, —
Друга вѣнчаетъ народъ —
Но, и въ дубовомъ вѣнкѣ изъ собранія
Онъ къ этой двери придетъ.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ВЪ САДУ.

Привѣтствую тебя, мой добрый, старый садъ,
Цвѣтущихъ лѣтъ цвѣтущее наслѣдство!
Съ улыбкой горькою я пью твой ароматъ,
Которымъ нѣкогда мое дышало дѣтство.

Густыя липы тѣ жь, но заросли слова,
Которыя въ тѣни я вырѣзалъ искусно,
Хватаетъ за ноги заглохшая трава
И чувствую, что тамъ въ лѣсу мнѣ будетъ грустно.

Какъ будто съ трепетомъ здѣсь каждаго листа
Моя пробудится и затрепещетъ совѣсть,
И станутъ лепетать знакомыя мѣста
Давно забытую, оплаканную повѣсть.

И скажутъ: помнимъ мы, какъ ты игралъ и росъ,
Мы помнимъ, какъ потомъ, въ послѣдній часъ разлуки,
Вѣнкомъ изъ молодыхъ и благовонныхъ розъ
Тебя здѣсь нѣжныя благословляли руки.

Скажи: гдѣ розы тѣ, которыя такой
Веселой радостью и свѣжестью дышали?
Однѣ я раздарилъ съ безумствомъ и тоской,
Другія растерялъ, и всѣ онѣ увяли.

А вы, вы молоды и пышны до конца.
Я радъ.... и радости вполнѣ вкусить не смѣю,
Стою какъ блудный сынъ передъ лицомъ отца
И плакать бы хотѣлъ, и плакать не умѣю.

А. ФЕТЪ.

ЧАСОВЩИКЪ,

или слова и дѣла Самюэля Слика, изъ Сликвилля.

ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКИХЪ НРАВОВЪ.

АЛИБУРТОНА.

Письмо Слика.

(Когда эти очерки были отпечатаны и приготовлены къ изданію, мы послали ихъ въ корректурѣ мистеру Слику; вскорѣ потомъ мы получили отъ него слѣдующее письмо, которое передаемъ, какъ характеристическое, въ полномъ составѣ.)

(Издатель).

Мистеру Гоу.

Сэръ, я получилъ ваше письмо, вмѣстѣ съ статьею, его сопровождавшею. Долженъ вамъ замѣтить, что я вовсе не въ восторгѣ ни отъ того, ни отъ другой; я полагаю даже, что я осмѣянъ; это вѣрно какъ день, несомнѣнно какъ фактъ. Не джентльменская штука была выпытывать у меня пятое-десятое и потомъ выводить меня на свѣжую воду, выставить на показъ, размазать въ печати. Это было дрянное, жалкое дѣло, и я не чувствую ни къ вамъ, ни къ сквайру ни малѣйшей благодарности за подобную выходку. Теперь конецъ моей торговлѣ часами, конецъ тѣмъ округленнымъ барышамъ, которые я добывалъ чест-

нымъ трудомъ — не такъ ли? я не хочу болѣе и слышать обо всемъ этомъ, и что же я скажу, когда возвращусь въ Штаты! Я готовъ побожиться, что я никогда не говорилъ и половины того, что тутъ вздумали нагородить; что же касается всей этой дребедени насчетъ мистера Ивретта, Гоббля и министра, то въ ней нѣтъ ни слова правды отъ начала до конца. Если мнѣ доведется когда нибудь столкнуться съ вами, то я дамъ вамъ понять — впрочемъ къ чему все это? лучше не буду вовсе говорить о такомъ непріятномъ предметѣ. Теперь, тутъ есть еще обстоятельство, котораго я не сознаю вполнѣ ясно. Если эта книга имѣетъ предметомъ мои *Слова и Дѣла*, то какимъ образомъ сдѣлалась она вашимъ достояніемъ или достояніемъ какого нибудь сквайра? Если мои мысли и сужденія принадлежатъ лично мнѣ, то какими судьбами они вдругъ становятся собственностію всякаго? Сколько могу понять вещи, вы имѣете такое же право присвоить себѣ эту собственность вашего покорнаго слуги, какъ набрать у меня часовъ, не заплативъ за нихъ. Человѣкъ, который дозволяетъ себѣ подобный поступокъ, не джентльменъ, вы вѣрно въ томъ со мной согласитесь. Не знаю, былъ ли я еще когда нибудь такъ взбѣшенъ. Почему же было не выставить имени настоящаго автора, а непремѣнно мое? Если на какомъ нибудь издѣліи не видно имени мастера, если нѣтъ на немъ ярлыка, то оно считается поддѣльнымъ, и всякій благомыслящій человѣкъ постыдится его себѣ присвоить. Если имя мое выставлено на книгѣ, то мнѣ придется отдуваться за книгу — спрашиваю — по какимъ резонамъ? Теперь изволите видѣть: говорятъ, что вы человѣкъ благородный, что вы ведете дѣла на чистоту, не кидаете словъ на вѣтеръ, что вы... впрочемъ сила не въ комплиментахъ; повторяю вамъ, что я наслышался объ васъ всего хорошаго. Вотъ это-то я и люблю; люблю вести дѣла съ такимъ народомъ. Теперь вообразите, что вы дѣлаете мнѣ предложеніе. Вы не найдете во мнѣ слишкомъ упрямаго человѣка; со мною еще можно ладить. Я увѣренъ въ томъ, что я успѣлъ бы сбыть немедленно цѣлую половину книгъ, которыя бы были у меня на рукахъ. Я объясню вамъ сейчасъ, какъ бы я поступилъ въ подобномъ случаѣ. Я бы сказалъ: «Вотъ книга, которую назвали, въ

честь меня, Самюэль Сликкъ, часовщикъ; но на самомъ дѣлѣ книга эта вовсе не моя и едва ли кто съумѣетъ доказать, чья именно эта книга. Одни утверждаютъ, что это произведеніе генерала, другіе, что это твореніе епископа, третьи приписываютъ ее самому Гоу; но я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ, кому она подлинно принадлежитъ. Во всякомъ случаѣ, она умное дитя, и хорошо знаетъ своего папеньку. Она порядочно подсмѣивается надъ Сизыми-носами (*), не щадитъ въ свою очередь и Янковъ; но за всѣмъ тѣмъ нельзя не огласиться, что это одна изъ лучшихъ книгъ, когда либо напечатанныхъ въ государствѣ. Хотя и нельзя, можетъ быть, поручиться за справедливость того, что въ ней написано; но несомнѣнно, что въ ней есть нѣкоторыя житейскія, домашнія истины — это фактъ. Кто бы ни написалъ ее, долженъ быть веселымъ малымъ — это вѣрно; потому что въ ней есть курьёзныя исторіи, отъ которыхъ хоть кто угодно такъ разхохочется. Это чуть ли не самая остроумная книга, какую мнѣ когда либо случалось видѣть. Она почти уже вся распродана, но я оставилъ нѣсколько экземпляровъ для моихъ старинныхъ друзей. Цѣна ея собственно пять шиллинговъ шесть пенсовъ, но я уступаю вамъ ее за пять шиллинговъ, надѣясь, что вы непремѣнно воспользуетесь этимъ случаемъ получить подобную книгу.» Должно всегда запрашивать шестью пенсами свыше настоящей цѣны, а потомъ сбавить эти шесть пенсовъ, и когда Сизый-носъ услышитъ про подобную уступку, то вообразитъ, что напалъ на находку и тотчасъ клюнетъ удочку. Я еще не встрѣчалъ ни одного изъ нихъ, который бы прямо не ввалился въ подобную западню. Да, сдѣлайте-ка мнѣ предложеніе, и мы съ вами, вѣроятно, сойдемся. Но всякая шутка хороша лишь на своемъ мѣстѣ, а я долженъ вамъ признаться, что отъ вашей шутки я очень мрачно настроенъ. Вы оба некрасиво поступили со мною, и я рѣшительно не могу убѣдиться въ томъ, чтобы мнѣ непремѣнно слѣдовало играть роль дурака въ этой книгѣ, потѣшать честную публику и, затѣмъ, сойдти съ доски долой. Если бы я и дѣйствительно былъ шутомъ, то все-таки, увѣряю васъ, можно было представить меня менѣе обиднымъ образомъ. Я точно также никому не мѣшаю какъ

(*) Подъ именемъ Сизыхъ-носовъ мистеръ Сликкъ разумѣетъ ново-шотландцевъ. *Прим. пер.*

старая перчатка, но и старую перчатку нечего надѣвать вмѣсто башмака и топтать ногами. Надѣясь получить отъ васъ скорый отвѣтъ, остаюсь вашимъ покорнымъ слугою.

«Самюэль Сликкъ.»

Гостинница Пёгиоза, Рейверъ-Филипъ, 25 декабря 1836 года.

P. S. Я прочиталъ на послѣдней страницѣ, что сквайръ намѣренъ предпринять вторичное путешествіе по Берегу и возвратиться въ Галифаксъ на слѣдующую весну. Я соглашусь, пожалуй, сдѣлать съ нимъ эту прогулку, и не безпокойтесь, мы съ нимъ поймемъ другъ друга прежде, нежели возвратимся во свояси.

ГЛАВА I.

РЫСАКЪ.

Я всегда хорошо ѣздилъ; я охотникъ до лошадей и всегда гордился тѣмъ, что у меня самый рѣзвый рысакъ въ цѣлой провинціи. Я никогда не отличался блестящими успѣхами въ свѣтѣ; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ я сознаю, что меня никто не обгонитъ въ чистомъ полѣ. Я никогда не чувствую себя такъ хорошо, никогда не наслаждаюсь такъ, какъ сидя на спинѣ у лошади, потому что въ быстромъ движеніи есть дѣйствительно что-то упоительное; будучи уже человѣкомъ въ лѣтахъ, я нахожу особенное удовольствіе заставить какого нибудь встрѣчнаго-поперечнаго пустить лошадь въ полный галопъ, чтобы ѣхать на ряду съ моимъ рысакомъ. Бѣдный Эѳіонъ! вы конечно помните, какъ онъ любилъ закидывать назадъ уши, класть ихъ на свою лебединую шею, и какъ затѣмъ онъ пускался точно изъ лука стрѣла бѣжать безъ-оглядки. Тебя уже нѣтъ, бѣдный товарищъ! Шпатъ поубавилъ у тебя прыти, и ты бродишь теперь на подножномъ корму у моей фермы въ Труро. Могаукъ тоже никогда не попадалъ въ просакъ до нынѣшняго лѣта.

Я горжусь (вы, можетъ быть, станете смѣяться надъ этою ребяческою слабостію человѣка моихъ лѣтъ), надо въ томъ признаться, горжусь тѣмъ, что пускаю пыль въ глаза фран-

тамъ, которыхъ встрѣчаю на дорогѣ, восхищаюсь тѣмъ, что обгоняю дураковъ, которые своими глупыми рѣчами могли бы нарушить мои отвлеченныя думы.

Во время послѣдняго путешествія моего къ Форту Лоренсу, лишь только прелестный видъ Кольчстера открылся передо мною, и я сталъ разсматривать этотъ роскошный и изящный ландшафтъ, какой-то высокій, худощавый господинъ, со впалыми щеками и блестящими черными глазами, господинъ на доброй гнѣдой лошади, подъѣхалъ ко мнѣ и, приподнявшись на сѣдлѣ, сказалъ:

— Я полагаю, что вы раненько встали сегодня, сэръ?

— Раненько, сэръ, отвѣчалъ я.

— Вы, должно быть, изъ Галифакса, сэръ, не такъ ли? продолжалъ тощій господинъ на такомъ звучномъ діалектѣ, который не позволялъ не признать въ немъ чистѣйшаго Янки. — А по какой дорогѣ, смѣю спросить, намѣрены вы ѣхать?

— Къ Форту Лоренсу.

— А! значитъ намъ по пути; это какъ разъ *въ моемъ округѣ*.

Слово *округъ* произнесено было имъ такимъ оффиціальнымъ тономъ, что я пристально взглянулъ на незнакомца, желая припомнить, не видалъ ли я его прежде или по крайней мѣрѣ убѣдиться, что я встрѣтился съ однимъ изъ тѣхъ безъименныхъ, но многочисленныхъ представителей закона, которые процвѣтаютъ теперь въ каждомъ уголкѣ провинціи. Въ глазахъ его замѣтна была хитрость, на лицѣ выражалась проницательность, говорившія въ пользу моего предположенія, что это оффиціальная особа; но костюмъ и пріемы этого человѣка, казалось, противорѣчили подобной догадкѣ. Сюртукъ его не показывалъ въ немъ человѣка, который въ состояніи носить лишь дрянь и старье; но съ другой стороны онъ не отличался и тѣмъ франтовскимъ покроемъ, который отличаетъ деревенскихъ казуистовъ отъ деревенскихъ олуховъ. Платье его было недурно сшито, и притомъ изъ хорошихъ матеріаловъ; но, смотря на это платье, можно было подумать, что носящій его значительно похудѣлъ и съежился съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ надѣлъ его; платье висѣло на немъ широкими складками. Большая булавка и нѣсколько совершенно безполезныхъ ключиковъ и печатей, украшавшія

его внѣшность, напоминали, ни дать ни взять, Новую Англію. «Посѣщеніе Соединенныхъ Штатовъ, думалъ я, превратило можетъ быть этого кольчстерскаго красавчика въ американскаго разгильдяя.» Однако, что мнѣ было за дѣло до того, кто этотъ господинъ? ни въ какомъ случаѣ мнѣ не приходилось имѣть съ нимъ ничего общаго, я не желалъ даже свести съ нимъ знакомство, не искалъ его сообщества, а между тѣмъ не переставалъ задавать себѣ вопросъ о томъ, что это за человѣкъ.

— Я не знаю хорошенько, сказалъ я: — есть ли теперь засѣданіе суда въ Кумберлэндѣ, сказалъ я.

— И я также не знаю, отвѣчалъ мой пріятель. — Впрочемъ, какое до того дѣло моему округу?

Мнѣ пришло въ голову, не методистъ ли это. Я снова посмотрѣлъ на незнакомца, но наружность его снова сбила меня съ толку. Его манеры еще поддавались бы этому предположенію, цвѣтъ лица и платья еще туда-сюда, широкіе поля шляпы пожалуй приходились кстати; но во взглядѣ не было, того одеревенѣнія, въ фигурѣ не было той важности, не было однимъ словомъ, во всей личности, того отличительнаго характера неподвижности, которая составляетъ принадлежность методистовъ.

Я не могъ отдать себѣ отчета въ моемъ странномъ любопытствѣ, любопытствѣ, которое минуту назадъ тому я замѣтилъ въ немъ съ недовѣрчивостію и неудовольствіемъ; но между тѣмъ это было такъ, я чувствовалъ необыкновенное желаніе узнать, чѣмъ же онъ могъ быть, если онъ не казуистъ, а между тѣмъ толкуетъ о своемъ округѣ съ такою важностію. «Какъ это смѣшно, впрочемъ! — думалъ я про себя — постараюсь отъ него отдѣлаться.» Обратившись къ нему, я сказалъ, что боюсь опоздать къ завтраку и что потому долженъ пожелать ему добраго утра. Могаукъ почувствовалъ давленіе моихъ колѣнъ и мы пустились довольно быстрою рысью. Я внутренно хвалилъ себя за то, что успѣлъ преодолѣть собственное любопытство и избѣгнуть пытливыхъ вопросовъ моего спутника. «Вотъ — сказалъ я самому себѣ — вотъ достоинство доброй лошади»; я погладилъ ее по шеѣ, я гордился ею въ эту минуту, но вдругъ я услыхалъ конскій топотъ позади себя, топотъ этотъ все болѣе и болѣе становился слышнымъ и явственнымъ.

«А, любезный другъ — подумалъ я — этому не бывать: тебѣ надо вылѣзть изъ кожи, если ты хочешь поспѣть за мною.» И я погонялъ Могаука шибче, шибче и шибче, какъ только могъ. Онъ превзошелъ себя; никогда еще онъ не бѣжалъ такъ красиво, такъ свободно, такъ зло.

— А признаюсь, это задорная лошаденка, сказалъ незнакомецъ, подъѣзжая ко мнѣ и укорачивая поводья съ видимою цѣлію не позволить своему коню опередить меня: — того и гляди, что такого рысака не найдется у меня во всемъ *округѣ*.

Округъ или неокругъ, одна мысль только засѣла у меня въ головѣ, именно, что пріятель мой Янки, и притомъ еще очень наглый Янки. Я чувствовалъ себя униженнымъ самолюбіе мое было оскорблено, и Могаукъ побѣжденъ окончательно. Продолжать этотъ бѣгъ рысью было бы не совмѣстно съ моимъ достоинствомъ; потому я уступилъ, пока еще побѣда моего врага не была довольно ощутительна, и состроилъ очень любезную гримасу.

— Да, продолжалъ онъ: — лошаденка съ порядочной побѣжкой, прозрачный рысачишка; чортъ меня возьми, если это не такъ.

Гордость рано или поздно низвергается во прахъ. Мое высокомѣріе было совершенно ниспровергнуто въ ту минуту. Слова незнакомца щемили мнѣ самыя чувствительныя фибры сердца. «Какъ! Неужели дѣло доходитъ до того, бѣдный Могаукъ, что ты, удивленіе всѣхъ людей, исключая завистниковъ, великій Могаукъ, мѣрило, по которому опредѣляются достоинства всѣхъ остальныхъ лошадей — «бѣжитъ чуть чуть не такъ какъ Могаукъ, уступитъ развѣ лишь Могауку, подходитъ не много къ Могауку» — говорятъ, бывало охотники, разбирая кровныхъ лошадей — и теперь, послѣ всего этого, ты не болѣе чѣмъ «порядочная лошаденка, рысачишка, по отзыву какого-то дерзкаго Янки!»

— Если бы онъ былъ выѣзженъ какъ должно, то конечно побѣжалъ бы еще лучше. Извините меня, но позвольте замѣтить, что если вы раздѣлите свою тяжесть между колѣнами и стремянами, приналяжете побольше на колѣни и податесь на сѣдлѣ нѣсколько впередъ, такъ, чтобы оставить за собою маленькій промежутокъ, то не приведи меня Богъ еще

проѣхать по *этому округу*, если вы не будете тогда дѣлать на своемъ рысакѣ въ часъ одной милей больше.

«Какъ—ворчалъ я мысленно—еще недовольно того, что моя лошадь побѣждена, осмѣяна; мнѣ еще должно выслушивать замѣчанія, что будто я не умѣю ѣздить, и отъ кого же? отъ какого нибудь Янки, но въ томъ-то и дѣло, Янки ли это? можетъ быть, онъ какой нибудь мѣшаной породы, можетъ быть онъ вполовину Янки и вполовину Сизый-носъ. Такъ какъ уже не было возможности избавиться отъ моего собесѣдника, то я рѣшился, по крайней мѣрѣ, заставить моего наставника въ верховой ѣздѣ проговориться.»

— *Вашъ округъ*, началъ я, выражая во взорѣ своемъ столько удивленія, сколько было въ моей власти: — *вашъ округъ*? скажите пожалуйста, что́ бы это могъ быть за округъ?

— О, отвѣчалъ онъ:—восточный округъ, я въ восточномъ округѣ, сэръ.

— Я слышалъ, продолжалъ я, убѣдившись, что имѣю дѣло съ какимъ нибудь казуистомъ:—я слышалъ, что въ этомъ округѣ пропасть дѣла, ну что́ же, случаются важные вопросы, капитальныя распоряженія?

— Дѣлишки таки есть,—порядочно,—по крайней мѣрѣ было прежде; но важныхъ случаевъ почти не встрѣчается, интересныхъ дѣлъ мало, мы не получаемъ отъ нихъ значительныхъ выгодъ; правда, обработываемъ-то мы ихъ безъ большихъ хлопотъ, но за то они и доставляютъ намъ самые пустые барыши.

«Экая дрянь — подумалъ я — ну не жалкая ли та страна, гдѣ играетъ роль такой плутъ, и еще жокей въ добавокъ, не правда ли, какая замѣчательная личность! Пощупаю-ка его хорошенько въ отрасли его общественной дѣятельности.»

— А вѣдь у васъ отличный конь—сказалъ я:—мнѣ рѣдко случалось встрѣчать лошадь, которая могла бы гоняться съ моею.

— Да, отвѣчалъ онъ холодно: — очень порядочный бѣгунъ, въ особенности, славная грудь, какъ изволите замѣтить.

Я остановился. Человѣкъ, который съ такою наглостію говоритъ объ обработываніи дѣлишекъ и добываніи отъ нихъ барышей, не можетъ обидѣться вопросомъ, который я намѣ-

ренъ ему предложить, да, попытаю его еще съ этой стороны.

— А вы не расположены разстаться съ своимъ конемъ?

— Я никогда не разстаюсь съ лошадьми, которыхъ завелъ; я не люблю, изволите видѣть, задыхаться отъ пыли, какую вздумаетъ пустить мнѣ въ глаза всякій встрѣчный ѣздокъ; признаюсь вамъ, что я позволяю обгонять себя только тому, кому мнѣ вздумается.

«Возможно ли,—подумалъ я—что онъ меня знаетъ? неужели онъ слыхалъ о моей слабости, и теперь рѣшился дразнить меня или у меня эта страстишка общая съ нимъ?»

— Но, продолжалъ я:—но вы можете достать себѣ другую лошадь.

— Только не въ *этомъ округѣ* и не въ Кампбелльскомъ округѣ.

— Кампбелльскій округъ? а что́ это такое, смѣю спросить, сэръ?

— Это западный округъ, а Ламптонъ придерживается береговаго округа. Про этотъ береговой народецъ я долженъ вамъ замѣтить, что онъ большой знатокъ въ лошадяхъ: Ламптонъ мнѣ разсказывалъ, что какой-то господинъ изъ Эйльсфорда продалъ тамъ безрогаго вола, которому обрѣзалъ хвостъ и опуталъ конской гривой, продалъ за коня голіаѳовой крови.

— Я полагаю, замѣтилъ я:—что мистеру Ламптону лафа посреди такихъ кліентовъ.

— Кліентовъ, сэръ! воскликнулъ мой новый пріятель:—да вѣдь мистеръ Ламптонъ не какой нибудь адвокатъ.

— Прошу извиненія, но вѣдь вы же сами сказали, что онъ придерживается какого-то *округа*.

— Да, мы называемъ это округами, отвѣчалъ незнакомецъ, по видимому, вовсе не польщенный моимъ quiproquo въ отношеніи къ мистеру Ламптону:—мы дѣлимъ провинцію, такъ же, какъ и въ календаряхъ, на округи, изъ которыхъ въ каждомъ мы отдѣльно занимаемся дѣломъ приготовленія и продажи часовъ. Увѣряю васъ, что мало людей, продолжалъ часовщикъ: — которые бы такъ удалялись работы въ кредитъ какъ мы, которые бы такъ рѣдко, какъ мы, имѣли дѣло съ стряпчими и сутягами. Если бы казуисты, также, какъ мы, въ дѣлахъ своей практики умѣли *завести* человѣка,

послѣ того, какъ пружины его интересовъ *сбились*, увѣряю васъ, что они были бы самымъ безвреднымъ народомъ.

Это объясненіе возвратило ко мнѣ веселое расположеніе духа, и такъ какъ я не могъ оставить моего спутника, а онъ не былъ расположенъ уѣхать отъ меня впередъ, то я и рѣшился уже сопутствовать ему на дорогѣ къ Форту-Лоренсу, границѣ его *округа*.

ГЛАВА II.

ЧАСОВЩИКЪ.

Я еще прежде слыхалъ о Янки-разнощикахъ, продающихъ часы и олово, особенно объ одномъ изъ нихъ, который распродавалъ подобныхъ товарцовъ на сумму шестнадцати тысячъ фунтовъ. Домъ всякаго добропорядочнаго мызника отличается двумя существенными украшеніями, деревянными часами и оловяннымъ телескопомъ. Отчего же происходитъ, что американецъ успѣваетъ продавать свои товары, за какую цѣну ему вздумается, тамъ, гдѣ сизый-носъ, не съумѣлъ бы продать ничего? Я спрошу у часовщика о тайной причинѣ его успѣховъ.

— Какъ жаль, мистеръ *Сликкъ* (это было его имя), какъ жаль, что вы, такъ успѣшно вселяя въ народъ понятіе о цѣнности *часовъ*, не можете научить его знать цѣну *времени*.

— Это оттого, что мы считаемъ часы и минуты единицами и сотнями долларовъ, а здѣшній народъ ничего не дѣлаетъ для собственной пользы, только ѣстъ, пьетъ, куритъ, спитъ, шляется и рыщетъ, шатается по тавернамъ и толкуетъ о *народномъ собраніи*. Если человѣкъ лѣнится вспахать свою борозду и потомъ полѣнится убрать и тотъ дрянной хлѣбъ, который у него родится, то онъ оправдывается тѣмъ, что много долженъ въ банкъ; если же, запутавшись въ долгахъ, онъ получаетъ приглашеніе явиться въ судъ къ отвѣту, то начинаетъ увѣрять, что адвокаты и присяжные настоящіе бичи его отечества. Они всѣ здѣсь, изволите видѣть, сэръ, лѣнтяи, ротозеи, олухи, увѣряю васъ.

— Но какъ же случается, сказалъ я: — что вы успѣваете продавать такое множество часовъ (которые все-таки нельзя

же назвать предметомъ первой потребности) народу почти постоянно нуждающемуся въ деньгахъ?

Мистеръ Сликкъ остановился, какъ бы размышляя, въ какомъ родѣ приличнѣе отвѣчать на подобный вопросъ, и смотря мнѣ въ лицо, сказалъ мнѣ конфиденціальнымъ тономъ:

— Не знаю, я думаю, что мнѣ можно объяснить вамъ это, потому что потребность края удовлетворена, и я намѣренъ оставить этотъ округъ. Успѣхъ, изволите видѣть, достигается умѣньемъ *пріятно говорить* и глубокимъ изученіемъ *человѣческой природы*. Но здѣсь есть пасторъ Флинтъ, продолжалъ онъ: — а у меня какъ разъ остались еще одни часы; потому я ему и сбуду ихъ.

У воротъ очень удобнаго на видъ домика, похожаго на мызу, стоялъ посторъ Флинтъ, почтенный старичекъ, который понималъ цѣну времени лучше бо́льшей части своихъ сосѣдей, если позволительно было судить по предметамъ, которые его окружали. Послѣ обычныхъ привѣтствій и приглашенія *на верхъ*, мистеръ Сликкъ сошелъ съ лошади, сказалъ, что желаетъ проститься съ мистриссъ Флинтъ, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Кольчстера.

Лишь только мы вошли въ домъ, какъ часовщикъ указавъ на ландшафтъ, открывавшійся изъ окна, и обращаясь ко мнѣ произнесъ:

— Если бы я вздумалъ разсказывать въ Коннектикутѣ, что такая ферма есть далѣе къ востоку въ Новой Шотландіи, мнѣ бы не повѣрили, стали бы утверждать, что подобной мѣстности нѣтъ во всей Новой Англіи. У пастора здѣсь сто десятинъ.

— Семьдесятъ, перебилъ пасторъ: — только семьдесятъ.

— Хорошо, семьдесятъ, но тутъ у васъ прекрасная глубокая долина, изъ которой можно извлекать баснословныя выгоды.

— Мы зовемъ это Гривой, замѣтилъ пасторъ, который хотя и былъ доволенъ похвалами собственнымъ владѣніямъ, но, по видимому, желалъ, чтобы гость немедленно приступилъ къ исчисленію ожидаемыхъ выгодъ.

— Ну, пожалуй, грива, если вамъ угодно (хотя профессоръ Елеазеръ Кемстиккъ, въ своемъ сочиненіи объ Огіо, зоветъ подобныя мѣстности долинами). Дѣло все въ томъ, что тутъ за 3,000 или 4,000 доллеровъ можно извлекать такіе ба-

рыши, которые какъ разъ превзойдутъ вдвое операціи губернатора Косса, стоившія ему до 15,000 доллеровъ. Я удивляюсь, пасторъ, что вы не поставите здѣсь чесальную машину: она же приводила бы у васъ въ движеніе токарный станокъ, лѣсопильню, круглую пилу, крупчатую мельницу, и...

— Я уже слишкомъ старъ, замѣтилъ пасторъ: — я слишкомъ старъ, чтобы заниматься подобными спекуляціями.

— Стары! повторилъ часовщикъ: — можетъ быть, кто нибудь старъ, да только не вы; да вы стоите полдюжины молодыхъ людей, которыхъ мы видимъ въ нынѣшнее время; вы еще, доложу вамъ, довольно молоды, чтобы....

Тутъ онъ произнесъ что-то, понизивъ голосъ, такъ-что я не могъ разслушать, но, какъ бы то ни было, пасторъ остался доволенъ, улыбнулся и отвѣчалъ, что онъ уже не думаетъ теперь о такихъ вещахъ.—Но ваши лошади, мои милые, ихъ пора поставить, пора дать имъ корму.

Сказавъ это, пасторъ вышелъ и распорядился поставить лошадей въ стойла.

Когда старый джентльменъ затворилъ за собою дверь, мистеръ Сликкъ подошелъ ко мнѣ и шепнулъ мнѣ.

— Вотъ что я называю *пріятно говорить*. Англичанинъ не посмотрѣлъ бы на этого человѣка; или, продолжалъ онъ съ нѣкоторою усмѣшкою: — или, если бы англичанинъ сидѣлъ на какой нибудь рѣзвой лошадкѣ, то непремѣнно постарался бы ускакать, *если бы только могъ*. Теперь, я вамъ скажу...

Тутъ его разсужденіе объ искусствѣ *пріятно говорить*, было прервано приходомъ мистриссъ Флинтъ.

— Мое почтеніе, мистриссъ Флинтъ; нарочно пріѣхалъ, чтобы проститься съ вами.

— Какъ, вы продали всѣ ваши часы?

— Да, и очень дешево, потому что денегъ вездѣ очень не густо; а мнѣ уже хотѣлось поскорѣе свалить эту обузу. Впрочемъ, что я говорю! не всѣ часы проданы; осталась еще одна штука. Жена сосѣда Стиля просила приберечь для нея такіе часики, но мнѣ кажется, что я не продамъ ихъ: у меня только и было двое такихъ часовъ, эти да пара къ нимъ, что проданы губернатору Линкольну. Генералъ Гринъ, статсъ-секретарь въ Мэнѣ, говорилъ, что онъ далъ бы за эти часы пятьдесятъ доллеровъ; въ нихъ вѣдь сложныя колеса и патентовыя оси, превосходная отдѣлка, вещь высока-

го разбора, безъ обмана, мастерская работа; но я думаю, что я не отдамъ ихъ ему; притомъ же сквайръ Гокъ подумаетъ пожалуй, что я нарочно припряталъ отъ него такую дорогую вещь.

— Ахъ, милый мой, сказала мистриссъ Флинтъ: — я бы желала посмотрѣть на эти часы; гдѣ они?

— Они уложены въ сундукъ и стоятъ въ лавкѣ Тома Тэпа, недалеко отсюда. Я полагаю, что онъ скоро отправитъ ихъ.

— Это очень хорошій человѣкъ, замѣтила мистриссъ Флинтъ: — нельзя ли теперь же послать къ нему?

Мистеръ Сликкъ, настроенный къ самой изысканной угодливости согласился, и скоро часы были принесены. Это была мишурная, размалеванная и подозрительная на взглядъ исторія.

Мистеръ Сликкъ поставилъ часы на каминъ, гдѣ всѣ достоинства ихъ были должнымъ образомъ разобраны и оцѣнены мистриссъ Флинтъ. Удивленіе ея готово уже было обратиться въ вызовъ купить ихъ, когда мистеръ Флинтъ воротился, отдавъ нужныя приказанія насчетъ ухода за лошадьми. Пасторъ похвалилъ часы; они также показались ему чрезвычайно хорошими; но пасторъ былъ человѣкъ благоразумный, у него уже были карманные часы, онъ выразилъ сожалѣніе, но ему не къ чему были стѣнные часы.

— Напрасно безпокоитесь, пасторъ, эти часы не продажные, возразилъ мистеръ Сликкъ: — да если бы они и были продажные, то ужь я никому не уступилъ бы ихъ, кромѣ жены сосѣда Стиля, потому что она и такъ не даетъ мнѣ покою изъ-за этихъ часовъ.

Мистриссъ Флинтъ замѣтила, что мистеру Стилю, бѣдняжкѣ, и безъ того нужно много трудиться, чтобы заплатить лишь проценты, и что ему вовсе не до покупки часовъ по прихоти жены.

— Это ужь не мое дѣло, сказалъ мистеръ Сликкъ: — пока онъ платитъ, я ему продаю, но мнѣ вовсе не хочется теперь продавать эти часы, тѣмъ болѣе, что они мнѣ пришлись самому довольно дорого; такихъ часовъ въ Родъ-Эйландѣ нельзя сдѣлать менѣе, чѣмъ за сорокъ доллеровъ. Какъ! продолжалъ часовщикъ, съ видимымъ изумленіемъ, взглянувъ на свои карманные часы: — если у меня не

двоитъ только въ глазахъ, то теперь ужь четыре; не пробудь я битыхъ два часа здѣсь, я поспѣлъ бы засвѣтло въ Ройверъ-Филипъ. Я вотъ что скажу вамъ, мистриссъ Флинтъ, я оставлю часы у васъ на сохраненіи впредь до возвращенія моего изъ поѣздки въ Штаты; я заведу ихъ и поставлю какъ должно, минута въ минуту.

Лишь только эта операція была окончена, онъ отдалъ ключъ пастору съ нѣкотораго рода серьёзно комическимъ наставленіемъ заводить часы по вечерамъ каждую субботу. Мистриссъ Флинтъ отвѣчала на это, что она приметъ часы подъ свое особенное покровительство, и обѣщала напоминать своему супругу о часахъ въ случаѣ, если бы онъ самъ забылъ исполнить наставленіе мистера Сликка.

— Это, сказалъ часовщикъ: — лишь только мы сѣли съ нимъ на нашихъ лошадей—это то самое, что я называю *человѣческою природою*. Теперь часы проданы за сорокъ долларовъ, тогда какъ они мнѣ стоятъ ровнехонько шесть съ половиною долларовъ. Мистриссъ Флинтъ ни за что не допуститъ мистриссъ Стиль перебить у нея вещь, и пасторъ убѣдится, когда я потребую часы къ себѣ назадъ, что позволивъ себѣ разъ какое либо излишество, трудно потомъ себѣ отказывать въ немъ. Мы можемъ обойдтись безъ какого бы то ни было предмета роскоши, которымъ никогда не владѣли, но лишь только мы пріобрѣтаемъ подобный предметъ, какъ уже не въ *человѣческой природѣ* разстаться съ нимъ добровольно. Изъ пятнадцати тысячъ часовъ, проданныхъ мною и моими товарищами въ провинціи, двѣнадцать тысячъ были сбыты такимъ образомъ, и за исключеніемъ десяти часовъ, которые были возвращены, остальные всегда покупались тѣми, у кого находились на сохраненіи. Мы втираемъ часы при помощи искусства *пріятно говорить* и слишкомъ хорошо понимаемъ *человѣческую природу*, чтобы знать, что часы никогда не возвратятся къ намъ изъ дома, въ которомъ побывали.

ГЛАВА III.

МОЛЧАЛИВЫЯ ДѢВИЦЫ.

— Посмотрите, вѣдь это ласточки; какъ онѣ низко летаютъ! сказалъ часовщикъ. — Да, я полагаю, что скоро пойдетъ дождь; вонъ какъ чайки шумно носятся въ воздухѣ, какъ близко спускаются онѣ къ водѣ въ Шебнакэди; это вѣрный признакъ. Если мы хорошенько изучимъ природу, то намъ не нужно будетъ термометра. Но я полагаю, что мы успѣемъ еще стать подъ крышу, на тесовомъ заводѣ, который теперь отъ насъ всего миляхъ въ трехъ.

Мы достигли уединенной хижины тесовщика, именно въ то время, когда дождь полилъ какъ изъ ведра.

— Я увѣренъ, сказалъ часовщикъ, усѣвшись на груду тесу: — я увѣренъ, что здѣсь самыя дрянныя гостинницы. Здѣсь когда какой нибудь дровосѣкъ слишкомъ облѣнится для своей работы, то намалюетъ у себя надъ дверьми свое имя и называетъ домъ свой таверной; вскорѣ мало по малу и сосѣди слѣдуютъ его примѣру, дѣлаются такими же лѣнтяями, какъ онъ самъ; потому-то найдти хорошую гостинницу въ Галифаксѣ—такъ же трудно, какъ отыскать мягкое руно на спинѣ у козла. Гостинница, чтобы быть порядочною, въ полномъ смыслѣ слова, должна быть построена согласно своему назначенію; нельзя же сдѣлать хорошую таверну изъ перваго попавшагося на глаза жилого строенія, — это не менѣе трудно, чѣмъ сшить хорошій сюртукъ изъ старыхъ лоскутьевъ. Вы не можете себѣ представить, какіе лѣнтяи весь этотъ народъ, а между тѣмъ здѣсь бы можно сдѣлать превосходную спекуляцію построеніемъ хорошей гостинницы.

Мало было предпріятій болѣе выгодныхъ, чѣмъ построеніе гостинницъ, прежде нежели желѣзныя дороги пошли въ ходъ, прежде нежели пары поглотили всеобщее вниманіе.

— Повѣрьте мнѣ, сэръ, продолжалъ онъ, съ философскою важностію: —повѣрьте мнѣ, что эта провинція отстала отъ вѣка въ умственномъ отношеніи. Но если она дѣйствительно въ этомъ случаѣ позади насъ, то за то она значительно опе-

редила насъ во многомъ другомъ. Я никогда не видалъ страны, никогда не слыхалъ о странѣ, которая бы имѣла столько естественныхъ преимуществъ, какъ эта. Вспомните только, что здѣсь вдвое болѣе гаваней, вдвое болѣе водяныхъ двигателей, нежели на всемъ пространствѣ отъ Истпорта къ Новому Орлеану. У здѣшняго края есть все, что ему нужно для разработки; у него несравненно болѣе всѣхъ угодій, чѣмъ онъ по справедливости заслуживаетъ. Здѣсь есть желѣзо, каменный уголь, аспидъ, оселокъ, известь, кремень, алебастръ, булыжникъ; и если бы перечислять всѣ главныя мѣстныя произведенія, то пришлось бы составить такой же длинный списокъ, какъ списокъ аукціонера. Но на все это здѣшній народъ смотритъ слипающимися отъ лѣни глазами, съ равнодушіемъ чисто-каменнымъ. Воды края изобилуютъ рыбой, равнины покрыты лѣсами. Теперь взгляните на ихъ чищобы. Если бы вы стали разсказывать нашимъ гражданамъ, что на этихъ чищобахъ можно сѣять хлѣбъ въ теченіе ста лѣтъ безъ удобренія, то они стали бы увѣрять, что вы идете по слѣдамъ полковника Крокетта, величайшаго лжеца въ цѣлой націи. Вы, вѣроятно, слыхали о господинѣ, который не могъ разсмотрѣть Лондона изъ-за домовъ; такъ увѣряю же васъ, что владѣй мы этою страною, и тогда гаваней не было бы видно изъ-за кораблей. Тутъ былъ бы такой же наплывъ народа, какъ въ нашихъ гостинницахъ въ обѣденный часъ, когда всѣ разомъ бросаются къ столу, давятъ другъ друга и чуть не ходятъ по головамъ. Маленькій негръ въ Нью-Йоркѣ нашелъ алмазъ, который стоилъ девять тысячъ доллеровъ; хорошо, за что же продалъ онъ его часовому мастеру? за полъ-доллера: онъ не могъ вообразить себѣ болѣе значительной суммы. *Вашъ народъ ни дать, ни взять какъ этотъ маленькій негръ: онъ не знаетъ цѣны своему алмазу.*

Негры цѣлый день говорятъ, ихъ примѣру слѣдуютъ и Сизые-носы Новой Шотландіи, имъ бы только ворочать губами, да отдыхать, теперь, посмотрите, у насъ повсюду работа и вовсе нѣтъ болтовни. на нашихъ верфяхъ, нашихъ мануфактурахъ, на нашихъ мельницахъ и самыхъ корабляхъ не услышите пустыхъ разговоровъ; Человѣкъ не можетъ работать и говорить въ одно и то же время. Я увѣренъ, что если бы вы побывали на мануфакту-

рахъ въ Лауэлѣ, то мы бы вамъ показали вещь, которая бы не мало удивила васъ: это *пятьсотъ дѣвушекъ, сидящихъ вмѣстѣ за работою и сохраняющихъ самое глубокое молчаніе.* Я не думаю, чтобы наше великое государство обладало еще такою замѣчательною рѣдкостью, какъ эта: я полагаю, что въ цѣломъ свѣтѣ не найдется ничего подобнаго; потому что женскій язычекъ вообще очень подвиженъ; безъ дѣйствія воды и паровъ, онъ такъ свободно вертится на шалнерахъ своихъ, что мудрено придумать зацѣпку, которая бы его останавливала.

Я не могу утверждать, чтобы эти дѣвушки никогда уже не отступали отъ принятаго правила, особенно въ промежутки между работою и въ свободные часы, но когда онѣ за дѣломъ, то вы не услышите празднаго слова. Вы, конечно, видали, какъ мальчики выходятъ гурьбою изъ школы. Боже мой! это не дастъ вамъ ни малѣйшаго понятія о выходѣ фабричныхъ дѣвчонокъ; школьники передъ ними не болѣе какъ стадо гусей; тѣ похожи лишь на смирненькихъ клеперовъ, а это настоящія кровныя лошади. За всѣмъ тѣмъ на работѣ онѣ всѣ точно спятъ, только вы не услышите при этомъ и признаковъ храпѣнья. Я думаю, что мы имѣемъ полное право хвастаться подобнымъ явленіемъ, мы вышколили этихъ маленькихъ созданій, точно какіе нибудь часы, и потому они не смѣютъ бить минуты и секунды медленнѣе чѣмъ должно. Между тѣмъ народъ въ Галифаксѣ только и дѣлаетъ, что говоритъ, говоритъ о пароходахъ, о китоловномъ промыслѣ, о желѣзныхъ дорогахъ; но эти разговоры оканчиваются все тѣмъ же, чѣмъ начались, то есть пустословіемъ. Я думаю, что я не выйду изъ предѣловъ вѣроятія, если скажу, что они въ этомъ случаѣ мыслятъ какъ женщины. Послушайте, одинъ изъ нихъ скажетъ вамъ: «я говорю, что нужно бы отправиться въ Англію», другой объявитъ: «я разсуждаю о томъ, какъ бы собраться въ деревню», наконецъ третій: «я говорю, не пора ли бы и соснуть». Между тѣмъ, если намъ случится коснуться подобныхъ предметовъ, мы говоримъ: «я ѣду на востокъ», или «я пускаюсь на югъ», и въ ту же минуту мы уже несемся какъ стрѣла, какъ молнія. Когда намъ нужны бываютъ люди для разговора, мы имъ платимъ даже за это; таковы наши министры, адвокаты, члены конгресса; тогда именно мы ожидаемъ отъ нихъ работы языкомъ, а не рука-

ми; когда же, напротивъ, мы нанимаемъ людей для производительнаго труда, то и ожидаемъ отъ него дѣйствія руками, а не языкомъ. Я полагаю, что работа не по природѣ населенію здѣшней провинціи точно такъ же, какъ не годится она для слишкомъ раскормленной лошади. Мнѣ кажется, здѣшній народъ убѣжденъ, что въ немъ *слишкомъ много крови*, для того, чтобы работать; онъ почти также гордъ и самолюбивъ, какъ и лѣнивъ.

ГЛАВА IV.

РАЗГОВОРЪ ВЪ РЕЙВНРЪ-ФИЛИПЪ.

Было уже поздно, когда мы прибыли въ пегнозову гостинницу; вечеръ былъ холодноватъ, и потому огонь въ каминѣ произвелъ на насъ самое пріятное, умиряющее дѣйствіе.

Мистеръ Сликкъ отказался раздѣлить со мною бутылку вина, сказавъ, что онъ страдаетъ неправильнымъ пищевареніемъ. Вскорѣ одинъ или два стакана убѣдили меня, что и на меня вино производитъ какое-то непріятное дѣйствіе, которое хуже диспепсіи. Я велѣлъ убрать вино и мы подсѣли къ огню.

Вынувъ маленькій перочинный ножикъ изъ кармана, мистеръ Сликкъ началъ строгать тоненькую деревянную палочку изъ сухого полѣна, положилъ ее на рѣшетку камина и, подумавши нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Вы должно быть никогда не бывали въ Штатахъ.

Я отвѣчалъ, что никогда не бывалъ, но что до возвращенія моего въ Англію я намѣренъ посѣтить ту страну.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ онъ: — вы увидите знаменитаго Даніэля Вебстера, онъ великій человѣкъ, говорю объ этомъ съ убѣжденіемъ; Цицеронъ, повѣрьте, не годился бы ему и въ подметки, какъ ораторъ; Вебстеръ забросалъ бы его словами въ какіе нибудь полчаса. Если бы онъ былъ у васъ въ Нижнемъ Парламентѣ, то бьюсь объ закладъ, что онъ выставилъ бы многихъ изъ вашихъ великихъ людей шутами гороховыми; это истинный патріотъ и государственный человѣкъ; онъ первый дѣятель въ нашем

отечествѣ въ отношеніи административномъ и притомъ очень остроумный адвокатъ.

Видите, жилъ-былъ одинъ квакеръ, тоже порядочный пройдоха, у него было дѣло въ Родъ-Эйландѣ. Вотъ онъ и явился къ Даніэлю, чтобы попросить его ходатайствовать по дѣлу.

«— Ну, а что же вы возьмете за это, адвокатъ Вебстеръ? спросилъ онъ въ заключеніе.

«— Позвольте, отвѣчалъ Даніэль: — дайте подумать; мнѣ нужно сначала ѣхать на югъ, въ Вашингтонъ, чтобы ходатайствовать по иску объ обезпеченіи дѣлъ Гартфордской компаніи, потомъ надо побывать въ Цинциннати для присутствованія на конвентѣ, и я рѣшительно не вижу, поспѣю ли я въ Родъ-Эйландъ безъ значительной потери времени и большого утомленія; пожалуй ходатайство мое обойдется вамъ дороже, нежели вы намѣрены дать.

«Квакеръ поблѣднѣлъ какъ муха отъ подобнаго предисловія, потому что онъ не могъ дѣйствовать мимо адвоката, а между тѣмъ предвидѣлъ съ его стороны самыя непріятныя для себя требованія; наконецъ думая, что хуже не будетъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе и спросилъ, что же онъ намѣренъ взять?

«— А вотъ что, отвѣчалъ Даніэль: — я всегда любилъ квакеровъ, они смирный народъ и никогда не сутяжничаютъ если не вынуждаются къ тому необходимостью. Для нашего отечества послужило бы большимъ благодѣяніемъ, если бы у насъ было погуще такого народа. Я никогда не видалъ въ нихъ, не слыхалъ о нихъ ничего предосудительнаго, кромѣ того развѣ, что они воскуряютъ ѳиміамъ генералу Джаксону да этому негодяю, Ванъ Бурену; да, я люблю квакеровъ, я надѣюсь, что и они поддержатъ при случаѣ Вебстера, потому я сбавлю вамъ цѣны на столько, на сколько могу, именно спущусь до 1,000 доллеровъ.

Квакеръ чуть не лишился чувствъ, услыхавъ это; но онъ былъ себѣ на умѣ и отвѣчалъ:

«— Адвокатъ, это большія деньги 1,000 доллеровъ, но у меня зато есть другія дѣла, кромѣ дѣла, о которомъ я говорилъ; если я заплачу вамъ 1,000 доллеровъ, станете ли вы хлопотать по другимъ дѣламъ, какія бы я вздумалъ вамъ поручить?

«— Да, отвѣчалъ Даніель: — съ полною готовностью и по мѣрѣ моихъ ограниченныхъ способностей.

Такимъ образомъ они отправились въ Родъ-Эйландъ; Даніэль взялся за дѣло квакера и выигралъ его. Хорошо, теперь квакеръ начинаетъ слоняться къ людямъ, у которыхъ есть тяжбы по судамъ и спрашиваетъ то у того, то у другаго.

«— А что дадите, если я уговорю великаго Даніэля ходатайствовать по вашему дѣлу? Его рѣчи обошлись мнѣ въ 1000 долларовъ, но зато теперь мы съ нимъ на пріятельской ногѣ, и такъ какъ онъ теперь здѣсь, то я успѣю сладить дѣло за бездѣлицу.

Этимъ путемъ квакеръ взялъ триста долларовъ съ одного, двѣсти съ другаго и такъ далѣе, пока не набралъ тысячи ста долларовъ, какъ разъ сотней долларовъ больше, чѣмъ самъ заплатилъ.

Даніэль пришелъ въ сильное бѣшенство, когда услыхалъ объ этомъ.

«— Какъ, сказалъ онъ: — неужели вы думаете, что я позволяю вамъ выручать эти деньги черезъ мою спину? я не ломовая лошадь.

«— Другъ Даніэль, отвѣчалъ квакеръ: — не согласился ли ты самъ вести дѣла, которыя я хотѣлъ тебѣ передать? Если ты не исполнишь твоего обязательства, то я не исполню моего.

«Даніэль хохоталъ до тѣхъ поръ, что чуть не надсѣлся отъ хохота. Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился хлопотать по дѣламъ съ веселымъ духомъ и дѣйствительно хлопоталъ по всѣмъ.

— Этотъ лѣнтяй, Пёгнозъ, продолжалъ часовщикъ: — Пёгнозъ, что содержитъ гостинницу, кажется намѣренъ продать ее и отправиться въ Штаты. Онъ увѣряетъ, что здѣсь очень тяжело вести дѣла, что здѣшніе рынки очень пусты, зимы слишкомъ долги. Онъ думаетъ, что ему тамъ будетъ привольнѣе, но я увѣренъ, что онъ разочаруется въ непродолжительномъ времени. Дѣло въ томъ, что наше государство нельзя сравнить съ здѣшнимъ, ни въ какомъ отношеніи; наше государство не старалось сдѣлать изъ насъ тотъ великій народъ, какимъ мы считаемся теперь; напротивъ того мы создали репутацію нашего государства. Какимъ способомъ могли бы мы, если бы были также безтолковы, такъ

же лѣнивы, какъ старый Пёгнозъ, какъ могли бы мы заставить тощій грунтъ Новой Англіи производить то, что онъ теперь производитъ. Именно, сэръ, страна между Бостономъ и Салемомъ уморила бы съ голоду и стадо гусей; а теперь взгляните на Салемъ, у него болѣе денегъ чѣмъ нужно, чтобы купить у короля Новую Шотландію. Мы встаемъ рано, живемъ умѣренно, и работаемъ по долгу: все, что мы пріобрѣтаемъ, пріобрѣтаемъ съ разсужденіемъ. Ко всему этому мы присоединяемъ предпріимчивость и проницательность; тунеядецъ, который увѣряетъ, что здѣсь тяжело жить, пусть лучше и не показываетъ носа въ Штаты. Я встрѣтилъ на прошлой недѣлѣ ирландца Патъ-Ланнигана, который только-что воротился изъ Штатовъ.

— Что, Патъ, отчего это вы вздумали такъ скоро вернуться? каково идутъ ваши дѣла? спросилъ я его.

«— Да что! прахъ ихъ возьми совсѣмъ, отвѣчалъ Патъ: — я раззорился въ пухъ.

«— Что вы заработываете въ день въ Новой Шотландіи? спросилъ меня судья Белеръ.

«— Четыре шиллинга, отвѣчалъ я.

«— Въ такомъ случаѣ я предложу вамъ за день столько, сколько вы получаете въ два дня; я дамъ вамъ восемь шиллинговъ.

«— Дай Богъ вамъ добраго здоровья, отвѣчалъ я.

«На слѣдующій день я отправился съ артелью рыть каналъ и если этотъ день не былъ жарокъ, то я не могу называться Патъ-Ланниганъ. Я началъ присматриваться за рабочими, трудился, не разгибая спины и совершенно умаялся.

«— Миккъ, мнѣ ужасно жарко, сказалъ я своему товарищу: — смерть хочется пить.

«— Мы не позволяемъ говорить на работѣ о постороннемъ, замѣтилъ мнѣ на это приставленный смотритель.

«Въ самомъ дѣлѣ, я скоро убѣдился, что я тутъ, за плату, равнявшуюся двухъдневной, долженъ былъ сдѣлать въ одинъ день то, что по настоящему слѣдовало бы разложить на два дня, что за недѣльное содержаніе рабочихъ мнѣ приходилось платить сумму, какой прежде хватало па двѣ недѣли, такъ-что къ концу мѣсяца я нашелъ свои карманы въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и въ Новой Шотландіи. Притомъ же ни одна косточка въ моемъ тѣлѣ не осталась цѣлой, всѣ

онѣ дьявольски пыли, и что касается моего носа, то изъ него текла кровь денно и нощно. Клянусь вамъ жизнію, мистеръ Сликкъ, сказалъ онъ въ заключеніе, что бѣдный земледѣлецъ не долго пропенширтъ въ вашемъ отечествѣ; все это въ соединеніи съ злымъ ромомъ, тяжелымъ трудомъ и жаркой погодой поведетъ къ тому, что вы увидите по обѣимъ сторонамъ каналовъ ряды могилъ ирландцевъ.

Это, продолжалъ часовщикъ, страна тяжкаго труда. У насъ два рода невольниковъ, негры и бѣлые. Всѣ земледѣльцы изъ европейцевъ и негры, которые попадаютъ къ намъ въ руки, исполняютъ за насъ всю черную физическую работу, въ то время, какъ мы направляемъ труды ихъ къ прибыльному результату; у насъ ни богатый, ни бѣдный, ни знатный, ни безпріютный не ѣстъ хлѣба даромъ. Всѣ наши капиталы заключаются въ дѣятельныхъ предпріятіяхъ и все наше населеніе находится въ постоянныхъ трудахъ. Лѣнтяй, подобный Пёгнозу, который вздумаетъ искать счастья у насъ, запрягается нами въ хомутъ прежде, чѣмъ успѣетъ образумиться и сажается за работу; подобно лошади, которая упрямится везти, его ставятъ на своего рода коноводную машину. Лошадь видитъ и передъ собою и за собою лошадей, которыя везутъ изо всѣхъ силъ, и потому и ей самой остается или везти или быть раздавленною — такъ будетъ и съ Пёгнозомъ.

ГЛАВА V.

СУДЪ ПЕТТИФОГА.

Утромъ, часовщикъ сказалъ мнѣ, что въ гостинницѣ Пёгноза будетъ производиться судебное разбирательство, почему онъ и предполагалъ, что предстоитъ возможность устроить нѣсколько дѣлишекъ съ помѣщиками и сельскими жителями, которые соберутся при этомъ случаѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, по его словамъ, должны еще ему за часы, и такимъ образомъ онъ избавится за одно отъ труда ѣздить изъ угла въ уголъ и собирать констаблей для привлеченія должниковъ къ платежу.

— Я увѣренъ, продолжалъ онъ: — что если бы генералъ Кампбелль зналъ, что за человѣкъ здѣшній констабль, то непремѣнно выгналъ бы его изъ службы; это настоящая піявка, совершенная заноза для всего края. Попробуй-ка онъ поступать такимъ образомъ въ Кентукки, и тогда въ одно прекрасное утро ему подадутъ такой сытный завтракъ, что пожалуй желудокъ его вовсе и не переваритъ этого завтрака. Говорятъ, что онъ выпускаетъ до трехъ-сотъ предписаній ежегодно, и что эти предписанія доставляютъ ему не много не мало три тысячи долларовъ. Если бы онъ попался въ руки къ Даніэлю Вебстеру, то бьюсь объ закладъ, что онъ выворотилъ бы его утробу на изнанку, какъ старый чулокъ.

Народъ началъ скоро собираться; одни приходили пѣшкомъ, другіе пріѣзжали верхомъ или въ экипажахъ. Таверна Пёгноза скоро представляла сцену суеты и смятенія; просители, адвокаты, свидѣтели — всѣ въ одинъ голосъ говорили, ссорились, требовали объясненій, не выслушивая ихъ, и пили съ образцовымъ единодушіемъ.

— Вотъ ѣдетъ сквайръ, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— А вѣдь, если разобрать, такъ пожалуй, что лошадь-то его везетъ теперь больше крючкотворства и плутней, чѣмъ справедливости, замѣтилъ другой.

— Видно не хватило дерева на выдѣлку хорошаго законника, если выбрали такую кривую корягу.

— Однако въ немъ довольно соку на то, чтобы поставить на своемъ, когда какая нибудь кутерьма залѣзетъ ему въ голову, сказалъ какой-то высокій фермеръ.

— Можетъ быть, что сокъ-то и есть, только душа-то его также черства, какъ сердцевина еловаго полѣна.

— Да неужели же колымага его не догадается когда нибудь разсѣсться на части и придавить его половчѣе!

Много сдѣлано было еще подобныхъ же замѣчаній, много выражено подобныхъ же желаній, касающихся личности сквайра; но всѣ они выражали въ одинаковой степени горечь, злобу и презрѣніе.

Онъ везъ съ собою въ кабріолетѣ двѣ большія книги и обширный свертокъ бумагъ. Лишь только предупредительный мистеръ Пёгнозъ увидалъ его передъ крыльцомъ, какъ прибѣжалъ помочь ему подняться съ экипажа и взойдти на

лѣстницу, потомъ увелъ его въ «лучшую комнату», и выразилъ желаніе, чтобы констабль встрѣтилъ сквайра. Толпа хлынула вслѣдъ за ними, и констабль открылъ засѣданіе со всѣми приличными обрядами и съ строгими убѣжденіями сохранять глубокое молчаніе.

Взявъ длинный перечень судныхъ дѣлъ, мистеръ Петтифогъ началъ перебирать имена тяжущихся:

— Джемсъ Шарпъ противъ Джона Слёга; улики на Джона Слёга. Джонъ Слёгъ былъ надлежащимъ образомъ призываемъ къ отвѣту и, не явившись, обвиняется.

Такимъ путемъ онъ обвинилъ двадцать или тридцать человѣкъ.

Наконецъ онъ дошелъ до дѣла: «Виліамъ Гэръ противъ Денниса О'Бріена—Денисъ О'Бріенъ вызывается къ отвѣту.»

— Здѣсь! вскричалъ, звучный голосъ изъ другой комнаты: — я здѣсь: кто вздумалъ говорить. противъ Денниса О'Бріена?

— Не шумите такъ, сэръ, отвѣчало правосудіе: — или я прикажу взять васъ подъ стражу.

— Взять меня подъ стражу? отвѣчалъ Деннисъ: — берегись, сквайръ, чтобы вамъ самимъ не попасться.

— Вильямъ Гэръ требуетъ съ васъ три фунта, мѣсячную плату за столъ и квартиру, что вы скажете на это?

— Что я скажу? отвѣчалъ Деннисъ: — слыхали ли вы, что сказалъ Тимъ Доиль, когда его вели на висѣлицу за кражу поросенка? онъ сказалъ, что если бы поросенокъ не завизжалъ, то кража ни за что не открылась бы. Я вижу въ судьбѣ Тима Доиля полезный для себя урокъ; я ничего не скажу пока, пусть противникъ мой уличаетъ меня.

Тутъ призвали мистера Гэра для изложенія своихъ обвиненій; но онъ въ полномъ убѣжденіи, что дѣло его рѣшится подобно прочимъ, безъ особеннаго разбирательства, и что за тѣмъ оправданіе его несомнѣнно, вовсе не приготовилъ никакихъ доказательствъ.

— Въ такомъ случаѣ, я требую прекращенія иска, возражалъ Деннисъ.

Тутъ произошло маленькое совѣщаніе между правосудіемъ и истцомъ; наконецъ правосудіе объявило, что оно не намѣрено прекратить искъ, а находитъ нужнымъ протянуть его.

— Какъ? отложить его до слѣдующаго засѣданія, да это все равно, что вытянуть изъ меня всю душу! вскричалъ Деннисъ. — Гдѣ же мнѣ, бѣдному человѣку, шататься сюда такъ часто! Можетъ быть это полезно для Пёгноза и его кошелька; но моихъ финансовъ это нисколько не поправитъ. Я скорѣе соглашусь признать себя неправымъ, нежели идти опять сюда.

— Итакъ, вы признаетесь, что вы должны ему три фунта,— свое содержаніе въ продолженіе мѣсяца?

— Въ этомъ не могу признаться; могу только сказать, что я жилъ у него мѣсяцъ, и что къ концу мѣсяца я исхудалъ хуже чумной коровы.

Призвали сосѣда, который подтверждалъ, что три фунта самая обыкновенная плата за квартиру со столомъ.

— А знаете ли вы, что я училъ дѣтей его писать, приготовлялъ ихъ въ школу? сказалъ Деннисъ.

— Можетъ быть.

— Чего это стоитъ?

— Не знаю.

— Вы не знаете?... впрочемъ, вы совершенно справедливы, потому что если эти дѣти будутъ въ половину такими сорванцами какъ ихъ отецъ, то имъ писанье не пойдетъ въ прокъ, и они навѣрное будутъ повѣшены.

Тутъ Деннисъ представилъ счетъ, изъ котораго оказалось, что онъ училъ пятерыхъ дѣтей Гэра въ продолженіе шести мѣсяцевъ, по девяти шиллинговъ за три мѣсяца съ каждаго, что составляло четыре фунта десять шиллинговъ.

— Мнѣ очень жаль, мистеръ Бріенъ, отвѣчало правосудіе: — очень жаль; но вы не можете теперь быть оправданы, потому что сумма, указанная вами, слишкомъ значительна для одного судьи; всякая сумма свыше трехъ фунтовъ присуждается двумя членами присутствія.

— Но я не хочу получить больше того, сколько съ меня требуютъ за квартиру; остальное я уступаю.

— Дѣло не можетъ быть ведено такимъ путемъ, отвѣчалъ судья: — я посовѣтуюсь съ моимъ собратомъ и сосѣдомъ мистеромъ Дулиттлемъ, и если мистеръ Гэръ не согласится разсчитаться съ вами полюбовно, то ваши доводы будутъ приняты къ соображенію.

— Хорошо, сказалъ Деннисъ: — все, что мнѣ остается объяснить, это то, что вдоль по цѣлой рѣкѣ не найдется такой бестіи, такого мошенника какъ Гэръ, кромѣ развѣ одного плута, объ имени котораго я долженъ умолчать.

И съ этими словами Деннисъ сдѣлалъ многозначительный и низкій поклонъ правосудію.

Тутъ по всей судейской комнатѣ раздался хохотъ; Деннисъ вышелъ въ сосѣдній покой, чтобы успокоиться отъ волненія, вознаградить себя стаканомъ грогу и дать полную волю своему негодованію противъ Гэра и судьи.

Насмотрѣвшись на грубое и наглое пристрастіе правосудія, я также оставилъ судейскую комнату, совершенно раздѣляя мнѣнія, высказанныя Деннисомъ, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ одобряя нѣкоторыя изъ его рѣзкихъ выраженій.

Петтифогъ обязанъ былъ своимъ званіемъ интригамъ на выборахъ. Должно надѣяться, что послѣдующія заслуги его также будутъ надлежащимъ образомъ вознаграждены, и что онъ по справедливости будетъ выгнанъ изъ судейской комнаты, которую унижаетъ своимъ присутствіемъ.

ГЛАВА VI.

АНЕКДОТЫ.

Когда мы снова сѣли на лошадей и отправились въ Энгерстъ, группы поселянъ стояли еще около гостинницы Пёгноза и разсуждали о происшествіяхъ того утра, тогда какъ другіе изъ посѣтителей расходились постепенно по домамъ.

— А вѣдь первостатейная, отъявленная каналья этотъ Петтифогъ, сказалъ часовщикъ: — они съ констаблемъ такъ паристы, такъ давно ѣздили въ одномъ хомутѣ за однимъ дышломъ, что составляютъ отличный мошенническій выѣздъ, какой не вдругъ встрѣтишь на дорогѣ. Ихъ можно также плотно сложить другъ съ другомъ, какъ два обломка одного и того же камня. Этотъ констабль былъ однажды въ такой передѣлкѣ, что чуть не задохнулся; дыхательное горло напружилось тогда у него какъ пузырь.

Здѣсь есть, изволите видѣть, отчаянный негодяй, одинъ изъ нашихъ кентуккскихъ бездомниковъ, Билль Смитъ, сор-

ванецъ, который не боится ничего на свѣтѣ. Шерифъ и констабль оказываются совершенно безсильными предъ нимъ, они не знаютъ, какъ и взяться за него: если имъ и случится иногда захватить его, то онъ ускользаетъ потомъ какъ ртуть; притомъ же онъ ходитъ вооруженный, и умѣетъ въ пятидесяти шагахъ попадать бѣлкѣ прямо въ глазъ, однимъ словомъ, это самый непріятный для властей господинъ.

Хорошо, вотъ однажды Ноббъ, констабль, получилъ предписаніе поймать его во что бы то ни стало, и началъ разсчитывать надосугѣ, какъ бы похитрѣе поддѣть негодяя; наконецъ онъ выдумалъ планъ, который, по его мнѣнію, былъ чудомъ проницательности, и искалъ случая примѣнить этотъ планъ къ дѣлу. Онъ слышалъ, что Билль будетъ въ гостинницѣ Пёгноза, по поводу какихъ-то дѣлишекъ, и что останется тамъ на всю ночь. Ноббъ выжидаетъ, пока порядкомъ стемнѣетъ, и потомъ садится на лошадь, ѣдетъ къ трактиру и тамъ прячетъ коня за стогомъ сѣна. Потомъ онъ крадется къ окну и смотритъ внутрь комнаты Билля, выжидая, пока тотъ пойдетъ спать, такъ какъ жертву свою онъ считалъ болѣе удобнымъ и благоразумнымъ изловить во время сна. Однако Ноббъ продержалъ констабля на стражѣ такъ долго, не переставая все время болтать и пѣть, что констабль самъ чуть не заснулъ прежде. Наконецъ Билль началъ собираться ложиться. Во первыхъ, онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ, осмотрѣлъ замокъ и дуло, положилъ пистолетъ на столъ у своего изголовья, а затѣмъ уже легъ въ постель.

Предварительныя мѣры предосторожности со стороны Билля непріятно подѣйствовали на констабля; онъ почувствовалъ странную дрожь въ тѣлѣ и сильное біеніе пульса; но когда онъ замѣтилъ, что жертва его растянулась на постели и захрапѣла такъ, какъ храпятъ поросята, когда ихъ везутъ на рынокъ, то получилъ снова болѣе отрадное расположеніе духа и сталъ соображать, что теперь всего вѣрнѣе воспользоваться обстоятельствами, отворить тихонько дверь въ комнату Билля и потомъ прыгнуть на него, пока еще онъ не успѣетъ очнуться. Вслѣдствіе этихъ соображеній, онъ обходитъ домъ кругомъ, повертываетъ ручку у двери Билля такъ тихо, какъ будто смазалъ ее масломъ, и потомъ бросается на лежащаго въ постели плута.

«— Кажется, что я поймалъ тебя этотъ разъ, сказалъ Ноббъ.

«— Мнѣ тоже кажется, отвѣчалъ Билль: — но я бы желалъ, чтобы вы не налегали на меня такъ тяжело, нельзя ли вамъ немпожко привстать, а?

Съ этими словами Билль кладетъ на констабля руку, желая приподнять его и продолжая между тѣмъ увѣрять, что онъ совсѣмъ раздавилъ его, какъ какую нибудь оладью.

Прежде чѣмъ Ноббъ успѣлъ сообразить свое положеніе, Билль уже перевернулъ его на спину и сѣлъ въ свою очередь на него. Потомъ онъ схватилъ его за горло и сталъ душить до тѣхъ поръ, что глаза его сдѣлались по доброму огурцу и языкъ вытянулся вершка на четыре; въ то же время Ноббъ строилъ изъ своей рожи презатѣйливыя гримасы, ни дать, ни взять, какъ разбойникъ, который былъ повѣшенъ въ Бостонѣ на Монументномъ холмѣ. Ноббу приходилось ужь окончательно протянуть ноги, когда онъ вспомнилъ, что у него на сапогахъ есть шпоры; тутъ онъ тотчасъ же загнулъ ноги вверхъ и изо всѣхъ силъ впустилъ шпоры въ тѣло своего противника. Ударъ пришелся въ самое чувствительное мѣсто, и такъ какъ Билль былъ раздѣтъ, то констабль могъ дѣйствовать на него съ полнымъ удобствомъ. Наконецъ Билль не могъ долѣе выдерживать; онъ выпустилъ свою жертву, проревѣлъ какъ быкъ и хлопая себя руками по поясницѣ, выскочилъ за дверь, какъ стрѣла. Не случись тутъ шпоръ на сапогахъ констабля, я полагаю, что Билль избавилъ бы одного изъ палачей отъ труда повѣсить современемъ Нобба.

Часовщикъ былъ человѣкъ наблюдательный и вмѣстѣ словоохотливый. Ничто не ускользало отъ его вниманія; онъ зналъ чью угодно родословную, чью угодно исторію и средства, и подобно кучеру англійскихъ почтовыхъ каретъ, особенно любилъ дѣлиться своими свѣдѣніями.

— Видите тамъ этотъ уютный домикъ, съ полисадникомъ? сказалъ онъ между прочимъ: — домикъ этотъ принадлежитъ старшему Томсону. У этого человѣка препрочные кулаки и онъ порядочный кулакъ въ отношеніи всего, что попадаетъ ему въ руки. Онъ человѣкъ справедливый и очень добродѣтельный. Но одинъ изъ моихъ пріятелей въ Коннектикутѣ, Старый флотскій капитанъ, говаривалъ обыкновенно: «дружище самъ,

смерть не люблю, братецъ, этихъ народовъ, провалъ ихъ побери, которые ужь не кстати очень добры». Въ этомъ изреченіи есть много правды; разумѣется, что фраза моего пріятеля нисколько не потеряла бы, если бы онъ далъ ей менѣе рѣзкій оборотъ; но должно замѣтить, что пріятель мой вообще охотникъ до сильныхъ выраженій. Какъ бы то ни было, но объ этомъ старшемъ Томсонѣ я знаю исторію, которая, по всей вѣроятности, займетъ васъ.

Однажды, какой-то престарѣлый пасторъ пріѣхалъ къ нему въ домъ на митингъ; хорошо, вотъ по окончаніи митинга, старшій Томсонъ пригласилъ пастора осмотрѣть свою ферму, которая, надо правду сказать, очень хороша. Показалъ онъ ему и племяннаго быка и огромную жирную свинью, которая вѣсила сотни фунтовъ, показалъ все, чѣмъ былъ въ состояніи похвалиться, а между тѣмъ не предложилъ пастору ничего ни выпить, ни закусить. Пасторъ очень утомился всѣмъ этимъ и, не видя даже впереди возможности утолить голодъ и жажду и получить приглашеніе къ семейному столу, онъ попросилъ одного изъ слугъ вывести себѣ лошадь изъ сарая. Когда онъ прощался съ хозяиномъ дома— кругомъ было много народа—то сказалъ ему: «Старшій Томсонъ, у васъ прекрасная ферма, славная ферма въ самомъ дѣлѣ; у васъ и большой быкъ, очень большой быкъ; и я думаю, продолжалъ онъ, смотря Томсону прямо въ лицо (потому что онъ хотѣлъ его порядкомъ отдѣлать), *я думаю даже, что я видѣлъ сегодня самого крупнаго борова, какого мнѣ когда либо удавалось видѣть.*» Сосѣди порядкомъ посмѣялись, а Томсонъ повѣсилъ носъ и захлопалъ ушами. Я увѣренъ, что онъ отдалъ бы теперь съ радостью и свинью и быка, лишь бы только исторія эта не ходила по свѣту.

ГЛАВА VII.

ДВИЖЕНІЕ ВПЕРЕДЪ.

Когда мы окончили нашъ разговоръ, часовщикъ сказалъ: Я полагаю, что мы самая великая нація на всей землѣ, и притомъ самая просвѣщенная.

Эта фраза была слишкомъ самонадѣянна, чтобы оставить ее безъ отвѣта, и я готовъ былъ выразить ту мысль, что по крайней мѣрѣ его нація едва ли самая *скромная*, какъ онъ продолжалъ:

— Мы идемъ передомъ, а Новая Шотландія задомъ. Наши корабли идутъ впереди противъ кораблей другихъ націй, наши пароходы превосходятъ быстротою даже британскіе, таковы же и наши почтовые дилижансы, и я увѣренъ, что настоящій нью-йоркскій рысакъ заткнетъ за поясъ бѣгуна какой угодно крови. Но съ тѣхъ поръ, какъ мы ввели у себя желѣзныя дороги, намъ стыдно уже не идти передомъ. До тѣхъ поръ мы хорошенько не знали, что значитъ нестись во всю прыть; мы должны были пробивать себѣ дорогу сами, а это вовсе не легко, увѣряю васъ. Если бы здѣшній народъ имѣлъ еще какое нибудь понятіе о воспитаніи, то и онъ, можетъ быть, послѣдовалъ бы нашему примѣру; а то онъ и не слыхалъ, кажется, что такое образованіе.

— Вы ужь слишкомъ унижаете здѣшнихъ жителей, сказалъ я: — у нихъ есть тоже коллегіи и академіи; у нихъ есть и элементарныя школы, заведенія для перваго возраста; я думаю, что между ними мало найдется такихъ, которые не умѣли бы читать и писать.

— Все это ровно ничего не значитъ. Что касается до греческаго и латинскаго языковъ, мы цѣнимъ ихъ меньше гроша; мы учимся этимъ языкамъ, какъ учимся живописи и музыкѣ, потому что это въ обычаѣ у англичанъ, а мы стараемся быть у нихъ впереди даже въ подобныхъ пустякахъ; что касается чтенія, то оно полезно лишь людямъ, которымъ нечего дѣлать; а писанье пожалуй отворитъ двери въ государственную тюрьму, особенно при сходствѣ подписей какихъ нибудь господъ и могущихъ отъ того произойдти ошибокъ. Счетоводство только и можно назвать настоящимъ дѣломъ: если человѣкъ умѣетъ считать, то онъ можетъ надѣяться разбогатѣть. Мы народъ «расчитывающій», мы всѣ ведемъ тѣ или другіе счеты.... Лошадь, которая не привыкла бѣжать впередъ, очень способна подвигаться назадъ, и чѣмъ болѣе вы будете ее хлыстать, тѣмъ энергичнѣе она будетъ пятиться задомъ. Это случилось съ ново-шотландцами; они бѣжали назадъ въ послѣднее время съ та-

кою быстротою, что наткнулись на свои Банки (*) и чуть не переломили себѣ шей; теперь они только что приподнимаются на ноги, потряхиваютъ головами и увѣряютъ, что обязаны своимъ грязнымъ платьемъ и разбитыми носами исключительно Банкамъ. Я полагаю однако, что теперь, если они и не привыкли смотрѣть впередъ на свое будущее, то научились смотрѣть назадъ и въ состояніи подмѣтить, нѣтъ ли у нихъ какой нибудь кочки подъ ногами.... Медвѣдь начинаетъ ломать дерево съ большою предусмотрительностію. Онъ хитрое, осторожное животное, онъ знаетъ всѣ условія для того, чтобы поднять на себѣ большую тяжесть, и какъ ни крѣпка его спина, онъ не слишкомъ довѣряетъ ея прочности, боясь ошибиться въ разсчетѣ и потомъ полетѣть вверхъ ногами; потому онъ пристально осматриваетъ основаніе дерева и держитъ голову такъ, чтобы легче избѣжать возможнаго удара. Я бы желалъ, чтобы Сизые-носы находили хотя подобное оправданіе въ своемъ движеніи назадъ. Но медвѣдь *расчитываетъ;* онъ знаетъ, сколько фунтовъ въ состояніи вынести его ноги, и предвидитъ всѣ случаи неудачнаго пріема.... Если бы эта провинція была въ нашихъ рукахъ, мы начали бы тотчасъ же разсчитывать и работать на-пропалую. Галифаксъ безъ рѣки или внутреннихъ земель своихъ ничего не стоитъ; приложите нуль къ нулю и вы получите тотъ же нуль; приложите желѣзную дорогу къ Фундійскому заливу, и что же у васъ выйдетъ? Нужно разсчесть: это потребуетъ 300,000 долларовъ или 75,000 фунтовъ на ваши деньги, положите на непредвидимый случай и ошибки въ исчисленіяхъ треть всей суммы составитъ 100,000 фунтовъ.... Проценты по пяти составляютъ 5,000 фунтовъ ежегодно; теперь сочтите издержки на перевозку матеріяловъ: онѣ превысятъ 25,000 фунтовъ въ годъ. Если бы вы были у меня въ конторѣ, я показалъ бы вамъ самые счеты. Теперь начинается *вычитаніе:* исключите расходы на пріобрѣтеніе машинъ, почину ихъ, назначьте сумму на непредвидимыя издержки и выведите круглое число 5,000 фунтовъ ежегодно — количество слѣдующихъ процентовъ. Что же по-

(*) Въ англійскомъ здѣсь игра словъ, которую нельзя передать на русскомъ: *Banks* значитъ Банки, а также *валы, насыпи,* дѣлаемые на мѣстахъ конскихъ скачекъ. *Пр. пер.*

лучилось у васъ въ результатѣ? предпріятіе, которое въ состояніи лишь уплачивать проценты на употребленный капиталъ. Но предположите, что оно и доставляло бы около 2½ процентовъ (для этого нужно, повѣрьте мнѣ, очень хорошо разсчитывать; а мудрено ожидать здраваго разсчета отъ людей, которые охотнѣе ползутъ назадъ нежели идутъ впередъ), что же тогда въ состояніи сказать самый умный, самый опытный человѣкъ?... Вы умѣете считать въ головѣ?

— Не совсѣмъ хорошо.

— Жаль, очень жаль, а то я показалъ бы вамъ *цифирство Янковъ*. Какъ вы думаете, чего стоитъ Галифаксъ со всѣми его угодьями?

— Рѣшительно не могу вамъ сказать.

— Вижу, отвѣчалъ онъ: — что вы не мастеръ вычислять; греки и римляне тоже были несильны въ разсчетахъ; это понятно впрочемъ: у нихъ не было желѣзныхъ дорогъ. Подумайте-ка хорошенько, опредѣлите стоимость владѣній и потомъ прибавьте пять процентовъ, и если вы не получите суммы нужной на желѣзную дорогу, то я позволю не называть себя Самъ Сликкъ. Хорошо, страна между Галифаксомъ и Анноизомъ стоитъ нуля, разсчитайте на эту сумму пять процентовъ, и потомъ пошлите въ любой коллегій опредѣлить барыши, какіе можно получить отъ этого капитала. Но если вы попадете въ Гантское графство, то я увѣренъ, что вы не пожалѣете о сдѣланномъ переѣздѣ отъ Бостона съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть только на этотъ край. У его королевскаго величества, я думаю, не найдется лучшихъ владѣній. Хорошо; теперь приложите 15 процентовъ на земли, которыя лежатъ по Виндзорскому бассейну, и 5 процентовъ на тѣ земли, которыя сопредѣльны майнзскому, и тогда что́ вы получаете? Очень значительную сумму, увѣряю васъ, но, впрочемъ, зачѣмъ затруднять васъ такимъ длиннымъ рядомъ цифръ, если нельзя доказать правильности вычисленій на дѣлѣ?.., Теперь мы отложимъ въ сторону ариѳметику и возьмемся за другую книгу не менѣе дѣльную и полезную, хотя здѣшній народъ и смѣется на ея счетъ,—я разумѣю человѣческую природу.

— Ахъ, отвѣчалъ я: — знаніе этого рода было очень полезно для васъ при продажѣ часовъ старому пастору; посмотримъ, какъ употребите вы его въ настоящемъ случаѣ.

— Что нужно дѣлать съ часами, у которыхъ спустилась цѣпочка?

— Нужно опять завести ихъ, отвѣчалъ я.

— Вы угадали. Народъ въ Галифаксѣ опустился какъ гиря у часовъ и онъ никогда не пойдетъ впередъ, если его не завести; эти часы сдѣланы старательно и изъ хорошаго матеріала, колеса въ нихъ приложены вѣрно, но имъ нуженъ непремѣнно *ключикъ*. Приведите въ дѣйствіе желѣзную дорогу, и живость, которую она сообщитъ дѣламъ, одушевленіе, которое распространитъ во всемъ краѣ, удивятъ васъ. Это все равно, что поднять барахтающагося на полу ребенка и поставить его на ноги: посмотрите, какъ малютка побѣжитъ впередъ и какъ будетъ доволенъ своими успѣхами. Если посѣять четверть ржи, она дастъ нѣсколько четвертей; при посѣвѣ этихъ нѣсколько четвертей урожай еще возрастетъ. Однажды 4—4, а четырежды 25 составляютъ 100 (вы видите, что всякій порядочный человѣкъ считаетъ, исключая Сизыхъ-носовъ). Именно, если здѣшняя желѣзная дорога и не породитъ другихъ желѣзныхъ дорогъ, то она разовьетъ духъ предпріимчивости, который въ свою очередь разовьетъ много другихъ полезныхъ предпріятій. Она расширитъ средства для производства торговли, откроетъ новые источники для выгодныхъ сдѣлокъ, разовьетъ вообще коммерческія силы и, что̀ всего важнѣе, породитъ повсемѣстное движеніе. Она научитъ народъ, что стыдно пятиться назадъ и стоять на мѣстѣ подобно Бостонской думѣ, (хотя и говорятъ, что фундаментъ ея нѣсколько осѣлъ въ теченіе нынѣшняго лѣта), что мало того, чтобы *идти впередъ:* нужно *поглощать время и растояніе.*

Тутъ его лошадь (которая, чувствуя одушевленіе своего сѣдока, въ послѣднее время начинала волноваться) пустилась самою быстрою рысью. Часовщикъ довольно долго не могъ удержать ее. Когда я снова сравнялся съ нимъ, онъ сказалъ: — Эта старая американская лошадь, какъ изволите видѣть, понимаетъ наше выраженіе «идти впередъ» лучше нежели Сизыеносы. — Что же, продолжалъ онъ: — что же сковываетъ ноги этому молодому государству и точно котомка давитъ его шею? что замедляетъ разработку его земель, успѣхи его рыбныхъ ловлей? дороговизна труда, увѣряю васъ. Хорошо; теперь: что́ такое желѣзная дорога? Замѣна человѣческаго или

скотскаго труда механическимъ, только замѣна въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ обширно наше государство. Трудъ дорогъ въ Америкѣ и дешевъ въ Европѣ. Потому желѣзная дорога сравнительно не такъ полезна европейцамъ, какъ полезна намъ; тамъ она удивляетъ, здѣсь она производитъ чудеса. Тамъ она дѣлаетъ старика молодымъ, здѣсь изъ ребенка дѣлаетъ великана. Для насъ все равно важно: рѣка, мостъ, дорога, каналъ. Все это сберегаетъ намъ то, что для насъ всего нужнѣе, сберегаетъ людей, лошадей, суда, сокращаетъ тяжести и, главное, сберегаетъ время. Съ самаго созданія вселенной, я думаю, это величайшее изъ сдѣланныхъ изобрѣтеній. Вотъ что я называю «разсчитывать» сообразно съ достоинствомъ человѣка и его значеніемъ въ дѣлѣ труда. Ничто такъ не необходимо какъ вычисленіе для успѣшнаго хода «впередъ».

ГЛАВА VIII.

ОРАТОРЪ, КОТОРЫЙ УДАЛИЛСЯ ОТЪ ПРЕДМЕТА СВОЕЙ РѢЧИ.

Мы знаемъ о Новой Шотландіи, я полагаю больше чѣмъ сами Сизые-носы. Янки видятъ впередъ дальше, чѣмъ большая часть другихъ націй; они нерѣдко замѣчаютъ въ предметѣ такую сторону, о которой другіе и не помышляютъ; вслѣдствіе этого зрѣніе многихъ изъ нихъ сильно пострадало, и я думаю, что чуть ли не по этой причинѣ они носятъ очки. Первый, отъ котораго я слышалъ разсказы о Кумберлэндѣ, былъ мистеръ Ивиреттъ, членъ конгресса; онъ знаетъ этотъ край такъ хорошо, какъ будто вѣкъ жилъ здѣсь и, можетъ быть, знаетъ больше, чѣмъ здѣшніе старожилы. Это человѣкъ съ блестящими способностями, котораго мы ставимъ подъ № 1, буквою А. Однажды мнѣ случилось зайдти въ таверну генерала Пипа въ Бостонѣ, и кого же я тамъ засталъ? великаго мистера Ивиретта, который разматривалъ карту провинціи Новой Шотландіи.

«— Возможно ли, сказалъ я: — если это не профессоръ Ивиреттъ, то я не хочу быть живъ! Ну, что, — какъ поживаете, профессоръ?

«— Очень хорошо, благодарю васъ, отвѣчалъ онъ. — Какъ вы можете? Я уже не профессоръ: порѣшилъ съ этимъ дѣломъ, пересталъ читать ученыя рѣчи и принялся за политику.

«— Можетъ ли быть! спросилъ я снова: — что же это? какая земная сила могла побудить васъ къ такой перемѣнѣ?

«— А вотъ что, мистеръ Сликкъ, посмотрите сюда. Какая польза читать поученія мудреца нашимъ свободомыслящимъ и образованнымъ согражданамъ, когда эти сограждане столько же знаютъ, сколько и самъ мудрецъ? Человѣкъ, сказавшій, что нѣтъ ничего новаго подъ луною, немножко поторопился въ своихъ сужденіяхъ; онъ не выразилъ бы этого убѣжденія, если бы посмотрѣлъ на наши пароходы, желѣзныя дороги и каучуковыя калоши—три изобрѣтенія, которыя нельзя сбить въ одну кучу съ прочими.

«— Все это можетъ быть справедливо, замѣтилъ я: — но такъ или иначе, а мнѣ кажется, что ваши теологическія рѣчи доставили бы вамъ, въ общей сложности, болѣе выгодъ, потому что унитаріи платятъ щедрѣе, чѣмъ дядя Самъ (мы называемъ, прибавилъ часовщикъ, американскую публику дядей Самомъ, точно также, какъ британскую зовемъ Джономъ Буллемъ).

Это замѣчаніе, по видимому, нѣсколько укололо его; онъ какъ будто почувствовалъ нѣкоторую неловкость и прошелся два раза по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился и спросилъ:

«— Куда вы намѣрены отправиться отсюда, мистеръ Сликкъ.

«— Да что! я ѣздилъ на югъ, велъ кой-какія дѣлишки по торговлѣ мускатными орѣхами.

«— Я надѣюсь, продолжалъ профессоръ: — что орѣхи эти лучшаго качества, что они оказывались товаромъ, соотвѣтствующимъ назначенію.

«— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я: — безъ сомнѣнія, профессоръ; всѣ они были самого лучшаго достоинства и притомъ продавались по самой сходной цѣнѣ. Но позвольте узнать, для чего вы дѣлаете мнѣ подобный вопросъ.

«— А вотъ видите ли: извѣстный мошенникъ капитанъ Джонъ Олспейсъ, изъ Наганта, имѣлъ обыкновеніе торговать съ Чарльстономъ и однажды онъ привезъ туда грузъ изъ

пятидесяти бочекъ мускатныхъ орѣховъ; хорошо, теперь онъ положилъ по нѣскольку пригоршней хорошихъ орѣховъ въ каждую бочку съ краевъ, а все остальное пространство набилъ негодными, жесткими или гнилыми орѣхами, такъ-что разницу между обоими сортами можно было замѣтить лишь попробовавъ орѣхи на зубъ. И этакая продѣлка повторялась съ нами и впослѣдствіи.

Въ другой разъ, это было въ Вашингтонѣ, отъявленный дуалистъ Виргиніи, генералъ Кеффи, находившійся въ числѣ сенаторовъ, въ домѣ президента, сказалъ мнѣ:

«— Ивиреттъ, я, какъ вамъ извѣстно, былъ самымъ непримиримымъ врагомъ вашего билля о тарифѣ; но я совершенно перемѣнилъ свои убѣжденія съ тѣхъ поръ, какъ выслушалъ вашу прекрасную рѣчь объ этомъ предметѣ. Теперь я подамъ голосъ въ пользу этого билля.

«— Позвольте мнѣ вашу руку, генералъ Кеффи, отвѣчалъ я: — бостонцы будутъ въ восторгѣ, когда услышатъ, что человѣкъ съ такими блестящими дарованіями на нашей сторонѣ; я думаю, что теперь дѣло пойдетъ, мы его подвинемъ.

«— Да, замѣтилъ онъ: — ваши юго-восточныя мануфактуры пошибутъ хоть какія угодно. Онѣ стоятъ далеко впереди противу англійскихъ.

Вы можете себѣ представить, что мнѣ пріятно было слышать отъ жителя Новой Англіи такой отзывъ; повѣрьте, что въ ту минуту я ощущалъ чувство національной гордости.

«— Въ особенности, продолжалъ онъ: — есть мануфактура, которая можетъ заманить всю Европу къ подобной же производительности.

«— Что же это такое? спросилъ я, съ обязательною улыбкою и съ признаками пріятно затронутаго самолюбія на лицѣ.

«— Это приготовленіе деревянныхъ орѣховъ — совершенно американское изобрѣтеніе, одна изъ привиллегій, присвоенныхъ янкамъ.

При этихъ словахъ всѣ присутствовавшіе джентльмены разразились такимъ громкимъ хохотомъ, который вѣрно слышенъ былъ до самаго Песочнаго Крюка.

«— Я вотъ вамъ что скажу, мистеръ Сликкъ, замѣтилъ профессоръ взаключеніе: — я бы желалъ отъ всего сердца, чтобы эти мускатные орѣхи лежали теперь на днѣ моря.

Это была первая грозная фраза, которую я слышалъ изъ его устъ: но она и нѣкоторыя другія, слѣдовавшія за нею, были составлены очень энергично, такъ-что мнѣ стало страшно: вообще, когда слышишь, что такой благоразумный и смирный человѣкъ начинаетъ горячиться, то становится какъ-то неловко, особенно когда прежде слыхалъ отъ него только степенныя разсужденія и цитаты изъ твореній ученыхъ.

«— Вотъ, замѣтилъ я мистеру Эвиретту: — вотъ плоды, которые принесла вамъ политика; что касается до меня, я право не знаю, приносилъ ли даже лучшій отростокъ ея что-нибудь пріятное для вкуса и удобоваримое для желудка. Но обратимся опять къ прежнему предмету нашего разговора, что это за карта, за которою я засталъ васъ, профессоръ, когда вошелъ сюда?

«— Это карта Новой Шотландіи. Новая Шотландія богатая провинція, населенная народомъ даровитымъ; мы правда не очень ее полюбливаемъ, но нельзя не сознаться, что она, пожалуй, станетъ намъ поперекъ дороги.

«— Пошлите за Самомъ Патчемъ, профессоръ, сказалъ я. (Надо вамъ замѣтить, прибавилъ часовщикъ: — что этотъ человѣкъ былъ необыкновеннымъ водолазомъ и послѣдній опытъ ныряньа, который онъ сдѣлалъ, имѣлъ мѣстомъ водопадъ Ніагары. Когда онъ ушелъ въ воду, то о немъ не было ни слуха, ни духа до слѣдующаго дня, когда капитанъ Энохъ Вентвортъ увидалъ его въ южномъ морѣ. «Какже это, Самъ, спросилъ его капитанъ: — какже вы прошли здѣсь къ землѣ? Я думалъ, что вы опустились въ воду около канадскихъ береговъ». — «Въ томъ-то и дѣло, отвѣчалъ Патчъ, что я прошелъ сюда не *по* землѣ, а *сквозь* землю. Около самаго Ніагрскаго водопада вѣдь очень глубоко, и я опустился внизъ именно на столько, на сколько нужно было, чтобы проплыть подъ землею на ту сторону; вотъ какъ я очутился въ здѣшнихъ мѣстахъ. И если я не доставлю вамъ самаго подробнаго описанія морскаго змѣя по возвращеніи моемъ въ Бостонъ, то я не хочу называться Самомъ Патчемъ.») Да, профессоръ, продолжалъ я: — пошлите за Самомъ Патчемъ, водолазомъ, заставьте его нырнуть въ воду, подвести мину подъ утробу провинціи и потомъ взор-

вать ее на воздухъ; или если это не удастся, то велите какому-нибудь изъ пароходовъ нашихъ восточныхъ городовъ опутать провинцію сѣтями и насильно вытащить ее изъ застоявшейся воды; вы знаете, что нашъ народъ на все способенъ, лишь бы только принялся за дѣло какъ слѣдуетъ.

Слова мои, продолжалъ часовщикъ, заставили его засмѣяться; онъ, по видимому, забылъ о мускатныхъ орѣхахъ.

«— Это чудесная выдумка, сказалъ онъ: — только она не удастся; мы сами когда-нибудь почувствуемъ нужду пріобрѣсти провинцію и конечно купимъ ее у короля Вильяма; говорятъ, что онъ по уши въ долгахъ, что онъ долженъ девятьсотъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; мы купимъ ее какъ купили Флориду. Въ такомъ случаѣ намъ нужно будетъ пріобрѣсти весь каналъ отъ Фундійскаго до Вартскаго заливовъ чрезъ Кумберлэндъ и Шиттіакъ съ тѣмъ, чтобы рыболовныя суда наши ходили въ Лабрадоръ. Я именно разсчитывалъ это въ ту минуту, когда вы вошли сюда. Я думаю, что мы не будемъ долго колебаться или разсуждать въ подобномъ случаѣ, а примемся за дѣло разомъ и окончимъ его; это путь, указываемый *самою необходимостію*. Я слышалъ однажды, что президентъ судебной палаты въ Бальтиморѣ сказалъ: «Если въ какомъ нибудь государствѣ большія дороги дѣлаются опасными для проѣзжихъ, то всегда есть средство проѣхать по полямъ какъ по пути, представляемому самою *необходимостію*». Мы должны слѣдовать этому примѣру, потому что дорога вокругъ Песочнаго острова дѣйствительно опасна. Я удивляюсь, что ново-шотландцы не придутъ къ этой мысли сами собою.

Я отвѣчалъ, что это была бы вовсе не дурная спекуляція.

«— Наши братья не умѣетъ придумать лучшей, замѣтилъ онъ.

«— Хорошо, сказалъ я: но отчего же они-то, сенъ-джонскій народъ, не могутъ придти къ подобной мысли? а вѣдь, кажется, люди со смысломъ.

«— Вы мнѣ напомнили о Джимѣ Беллингсѣ, сказалъ профессоръ.—Вы вѣдь знали Джима Беллингса, мистеръ Сликкъ; не правда ли?

«— О, да, отвѣчалъ я: — я зналъ его. Вѣдь это онъ надѣлалъ такого шума корабельными одѣялами, которыя отправлялъ въ Вестъ-Индію.

«— Тотъ самый. Вотъ однажды я пошелъ навѣстить его въ квартирѣ мистриссъ Лекенъ. «У васъ, говорю, Беллингсъ, здѣсь славное помѣщеніе». — «Да къ несчастію ужь слишкомъ славное. Госпожа Лекенъ до такой степени прожужжала мнѣ уши о своихъ коврахъ, что я всегда долженъ пройдти по этому длинному корридору и двумъ лѣстницамъ къ уличной двери, чтобы плюнуть; всѣ остальные джентльмены, которые живутъ здѣсь, дѣлаютъ то же самое, такъ-что весь день только и видишь людей, взадъ и впередъ бѣгающихъ съ цѣлію плевать. У меня было чуть не вышло исторіи съ однимъ нью-йоркцемъ нынѣшнее утро. Я, по обыкновенію, сбѣжалъ къ наружной двери и прежде чѣмъ замѣтилъ, что кто-то идетъ, — плюнулъ. Случилось такъ, что я попалъ прямо на бѣлый жилетъ какому-то господину, который въ это время входилъ на крыльцо. Онъ бросается на меня, я затворяю ему дверь подъ самымъ кулакомъ его, запираю ее цѣпью, оставляю тамъ моего противника, а самъ мчусь какъ стрѣла въ спальню госпожи Лекенъ и прячусь тамъ за занавѣсомъ кровати. Противникъ мой реветъ какъ быкъ, пока черномазая Лукреція, одна изъ домашнихъ служанокъ, не вводитъ его. Они осматриваютъ всѣ джентльменскія комнаты и не находятъ никого; такимъ образомъ я избавляюсь отъ этой передряги. Вслѣдствіе этого, вслѣдствіе ковровъ мистриссъ Лекенъ и жилетовъ уличныхъ господъ, квартира моя кажется мнѣ ужь слишкомъ изящною, и я намѣренъ завтра же навострить лыжи?

«Теперь, изволите видѣть, продолжалъ профессоръ, сентъджонцы ни дать ни взять этотъ Беллингсъ. За вздорную сумму онъ могъ бы купить себѣ плевальницу и избавить себя отъ безпрерывныхъ странствованій къ уличной двери; точно такъ каналъ къ Вартскому заливу избавилъ бы сенъджонцевъ отъ необходимости огибать кругомъ Новую Шотландію. А-то какже? для того, чтобы попасть въ свои же собственныя владѣнія они должны дѣлать переѣздъ чуть ли не такой, какой нужно для того, чтобы пріѣхать въ Европу. Если бы эта страна была въ нашихъ рукахъ, мы вырыли бы тамъ судоходный каналъ и по обѣимъ сторонамъ этого канала устроили бы по городу по крайней мѣрѣ такой величины какъ Портландъ. Намъ все толкуютъ о мудрости древнихъ философовъ, продолжалъ профессоръ, но древніе фило-

софы со всею своею мудростію не были и вполовину такъ умны, какъ настоящіе американскіе граждане.

«— Все это такъ, профессоръ, сказалъ я: — мы самый образованный народъ—этому я повѣрю; но я удивляюсь что вы унижаете древнихъ мудрецовъ; потому что хотя они и не были такъ умны какъ дядя Самъ, но зато (подойдя ближе къ профессору и говоря ему шопотомъ на ухо изъ боязни, чтобы кто не услыхалъ меня изъ сосѣдней комнаты), зато съ вѣроятностію можно предположить, что они были по крайней мѣрѣ такъ же честны и правдивы, какъ мы.

«— Мистеръ Сликкъ, замѣтилъ онъ мнѣ на это: — есть, изволите видѣть, люди, которые много думаютъ, но мало говорятъ; ихъ мы называемъ умными людьми; есть напротивъ того и такіе, которые болтаютъ на вѣтеръ, что имъ придетъ въ голову, и по моему мнѣнію это первостепенные, первостатейные и самые утонченные глупцы.

Съ этими словами онъ повернулся на каблукахъ и снова сѣлъ за свою карту; онъ уже не издалъ болѣе ни звука и смотрѣлъ пристально на одинъ и тотъ же пунктъ все время, какъ я тутъ пробылъ.

ГЛАВА IX.

ПРЕСЫЩЕННЫЙ ЯНКИ И РАСКОРМЛЕННАЯ ЛОШАДЬ.

Слыхали ли вы когда нибудь о британскомъ докторѣ Эбернети? спросилъ часовщикъ.

— Очень часто, отвѣчалъ я. — Онъ былъ человѣкъ очень замѣчательный и имѣлъ большую практику.

— Да именно; только онъ былъ такъ простъ, что лечилъ и неважныхъ людей. Ольденъ Гоббль, секретарь нашего посольства въ Лондонѣ, однажды сильно захворалъ и отправился къ нему просить совѣта.—Увѣряю васъ, что если бы онъ поступилъ со мною такъ какъ съ нимъ, то я пустилъ бы въ него чѣмъ попало, я заставилъ бы его дѣлать такіе же прыжки, какіе дѣлаетъ боровъ, когда собака гонитъ его изъ огорода. Ужь конечно онъ нашелъ бы дверь и проскочилъ въ нее скорѣе, нежели сколько я употребилъ времени на то, чтобъ придти къ нему.

— Конечно его пріемы, отвѣчалъ я: — отличались иногда уже слишкомъ большею непринужденностью; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ такой честный и открытый человѣкъ, что я думаю никто еще не бывалъ имъ обиженъ серьёзно. Всѣ его поступки были слѣдствіемъ усвоенной имъ манеры держать себя.

— Въ такомъ случаѣ, долженъ вамъ замѣтить, что эта манера отличалась такою шероховатостію, что не худо было бы, если бы онъ нѣсколько поковалъ и пошлифовалъ ее. Ее слѣдовало распластать и раздавить какъ какую нибудь камбалу.

— Въ чемъ же заключалась его невѣжливость? спросилъ я.

— Вы можете сами судить, въ какой степени она требовала возмездія.

Почтенный Ольденъ Гоббль страдалъ диспепсіей и потому чувствовалъ себя очень дурно послѣ всякаго обѣда; вслѣдствіе этого онъ пошелъ къ Эбернети за совѣтомъ.

«— Что съ вами? спросилъ докторъ, именно такимъ тономъ, какъ я теперь говорю, не обмѣнявшись даже съ нимъ обычными привѣтствіями.—Что же съ вами? повторилъ онъ.

«— Мнѣ кажется, что у меня диспепсія, отвѣчалъ Ольденъ.

«— А! понимаю, вскричалъ тогда докторъ: — Янки проглотилъ доллеровъ больше, нежели желудокъ въ состояніи переварить.

«— Я американскій гражданинъ, замѣтилъ Ольденъ, съ достоинствомъ; я секретарь нашего посольства при Сенъ-Джемскомъ дворѣ.

«— Чѣмъ чортъ не шутитъ! отвѣчалъ Эбернети: — въ такомъ случаѣ вы скоро избавитесь отъ своей диспепсіи.

«— Я не вижу никакой связи между этими понятіями о моей болѣзни и о моей обязанности, сказалъ Ольденъ: — изъ того, что вы изволили отвѣтить мнѣ, трудно вывести какое нибудь заключеніе: мудрено понять, отчего человѣкъ можетъ выздоровѣть потому только, что онъ призванъ независимымъ и просвѣщеннымъ народомъ исполнять значительную должность. (Дѣло въ томъ, что Ольдена также мудрено было забросать словами, какъ поймать индѣйца въ чистомъ полѣ. Онъ тотчасъ замѣчалъ слѣды, оставляемые другими людьми, но самъ не дѣлалъ ихъ вовсе; онъ былъ настоящій

дипломатъ; а наши дипломаты, сколько мнѣ кажется, едва ли не изъ лучшихъ въ цѣломъ свѣтѣ).

«— Я вамъ сейчасъ скажу, какое заключеніе можно вывести изъ моихъ словъ: въ томъ обществѣ, въ которомъ вы будете находиться по обязанности службы, вы будете кушать по человѣчески.

Ольденъ имѣлъ терпѣніе ему противорѣчить, и докторъ разразился цѣлымъ потокомъ самыхъ энергическихъ словъ.

«— Я хочу быть повѣшеннымъ, сказалъ онъ: — если я видалъ хоть одного янки, который бы не пожиралъ пищи такъ же алчно, какъ какой нибудь Boa Constrictor. Какого же чорта вы хотите переварить пищу, которую вы не даете себѣ труда ни разрѣзать, ни пережевать? Не мудрено, что вы теряете зубы, потому что никогда не употребляете ихъ въ дѣло; не мудрено, что вы теряете способность пищеваренія, потому что вы обременяете пищепріемные органы; не мудрено, что вы теряете слюну, потому что вы тратите ее, плюя безпрестанно на ковры, вмѣсто того, чтобы обращать ее въ помощь пищеваренію. Это отвратительно, недостойно человѣка. Вы, Янки, набиваете свои желудки, какъ какой нибудь девонширецъ нагружаетъ свою телѣгу, до тѣхъ поръ, пока она въ состояніи держать, и такъ скоро, какъ только можно при помощи какой нибудь грязной вилы; послѣ этого вы жалуетесь еще, что такой балластъ слишкомъ тяжелъ для васъ. Диспепсія! Я вотъ что вамъ скажу, г. секретарь посольства: употребляйте на ѣду половину того времени, какое вы тратите на то, чтобы мямлить ваши цвѣтистыя фразы, жуйте вашу пищу хотя вполовину того, какъ вы жуете дрянной табачище, и вы будете совершенно здоровы въ какой нибудь мѣсяцъ.

«— Я не понимаю вашихъ словъ, сэръ, сказалъ Ольденъ: — я пришелъ сюда, чтобы посовѣтоваться съ вами какъ съ докторомъ, услышать что-нибудь полезное для себя, а не для того, чтобы....

«— Вы не поняли меня! вскричалъ докторъ, странно! а между тѣмъ я вѣдь говорилъ на чистомъ англійскомъ языкѣ; но вотъ возьмите, почитайте мою книгу.

Съ этими словами онъ сунулъ ему книгу и тотчасъ же оставилъ его, отойдя на середину комнаты.

Если бы уважаемый Ольденъ Гоббль тотчасъ же уѣхалъ и потребовалъ свои паспорты, если бы онъ возвратился съ посольствомъ, на одномъ изъ нашихъ первоклассныхъ фрегатовъ, въ Вашингтонъ, то я увѣренъ, продолжалъ часовщикъ, что президентъ и народъ поддержали бы его въ этомъ дѣлѣ и потребовали бы удовлетворенія за оскорбленіе чести націи. Если бы это было со мною, сказалъ мистеръ Сликкъ въ заключеніе, я приперъ бы доктора къ стѣнѣ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ бы улизнуть, я забилъ бы его куда нибудь въ уголъ и заставилъ бы его глотать его фразы такъ же скоро, какъ онъ ихъ произносилъ, потому что я не видалъ англичанина, который бы не рубилъ словъ такъ же коротко, какъ хвостъ у своей лошади, то есть вплоть къ самому корню.

— Конечно, манеры доктора были грубы и площадны, сказалъ я, и я думаю, что вашъ секретарь имѣлъ достаточный поводъ быть обиженнымъ такимъ неджентльменскимъ обращеніемъ, хотя онъ и показалъ много благородства, отплативъ доктору презрѣніемъ, котораго тотъ заслуживалъ.

Часовщикъ былъ замѣтно взволнованъ разсказанною имъ исторіею, и чтобы вознаградить себя за замѣчанія, сдѣланныя насчетъ его соотечественниковъ, онъ рѣшился хоть немного потѣшиться надъ ново-шотландцами.

— Посмотрите на эти стада жеребятъ, сказалъ онъ (въ то время, какъ мы проходили по одному изъ прелестныхъ луговъ, дѣлающихъ долины Новой Шотландіи такими цвѣтущими и плодоносными): — мнѣ кажется, что объ этихъ жеребятахъ слишкомъ высоко думаютъ и кормятъ ихъ больше, нежели они стоятъ. Я слышалъ однажды, какъ индѣецъ спрашивалъ у хозяина таверны рому. — «Да мнѣ кажется, Джо Споудикъ, отвѣчалъ трактирщикъ: — что ты ужь и такъ довольно выпилъ». — «Слишкомъ много другой какой нибудь вещи — не хорошо, но слишкомъ много рому будетъ въ самую пору».

Я увѣренъ, что Сизые-носы точно также думаютъ о своихъ лошадяхъ; они кормятъ ихъ напропалую и дома и въ ѣздѣ, но лошади отъ этого не дѣлаются лучше. Они стараются воспитать ихъ и хорошими верховыми лошадьми и хорошими возовиками; и разумѣется, что не достигаютъ ни того, ни другого. Они въ этомъ случаѣ похожи на нашихъ коннектикутцевъ. Во время жатвы они пьютъ обыкновенно

солодъ съ водою — гадкую смѣсь, годную только для приманки мухъ, и такимъ образомъ портитъ только воду, не приготовляя порядочнаго пива.

Неудивительно послѣ этого, что народъ бѣденъ. Посмотрите на ихъ обширныя чищобы; онѣ всѣ назначаются подъ пастьбу лошадей, взгляните на ихъ поля, что тамъ на возвышенной мѣстности, и поля эти засѣяны овсомъ также для корма лошадямъ, а между тѣмъ хлѣбъ для себя они покупаютъ у насъ. Изъ этого и выходитъ, что мы кормимъ ословъ, а они кормятъ лошадей. Если бы эти жеребята принадлежали мнѣ или если бы они паслись на моей землѣ, я перестрѣлялъ бы ихъ одного за другимъ,—этихъ мохнатыхъ, дряблыхъ, большеголовыхъ, вислоухихъ, вислозадыхъ, кривоногихъ, узкогрудыхъ, ни на что не годныхъ животныхъ; они, по моему мнѣнію, не стоятъ, чтобы ихъ кормить одну зиму. Увѣряю васъ, я отъ души желалъ бы, чтобы одинъ изъ этихъ Сизыхъ-носовъ, въ платьѣ, въ которомъ онъ ходитъ, по обыкновенію, на митинги, съ полами сюртука, завороченными назадъ, съ старыми шпорами на сапогахъ и чубукомъ, заткнутымъ за ленту на шляпѣ, чтобы такой герой на одной изъ своихъ разжирѣвшихъ клячъ, которая перебираетъ ногами точно курица на нашести, чтобы такой герой явился вдругъ посреди одной изъ лучшихъ нью-йоркскихъ улицъ. Боже! мнѣ кажется, что я слышу уже, какъ уличные мальчишки поднимаютъ его на смѣхъ.

«— Бьюсь объ закладъ, что онъ явился сюда изъ какого нибудь захолустья Снѣжныхъ горъ.

«— Нѣтъ, это холерный докторъ изъ Канады, даже едва ли изъ Канады, потому что, взглянувъ на него, можно подумать, что онъ провелъ всю жизнь между какими-то лѣшими.

«— Жаль будетъ, если надъ нимъ не сыграютъ какой нибудь штуки.

Если бы они держали менѣе лошадей и поболѣе овецъ, то у нихъ были бы и пища и платье готовыя, а то теперь они принуждены покупать и то и другое. Признаюсь вамъ, что я чуть не надорвался отъ смѣха, глядя, какъ одинъ изъ этихъ народовъ пытался поймать лошадь. Я думаю, что онъ избѣгалъ при этомъ пространство въ двѣ или три мили. Вотъ онъ вышелъ сначала на чищобу съ недоуздкомъ въ одной

рукѣ и какой-то старой плошкой, наполненной овсомъ, въ другой, съ тѣмъ, чтобы поймать своего коня. Сначала онъ подходитъ къ одной кучкѣ лошадей, потомъ къ другой, желая замѣтить ту лошадь, которую ему нужно. Наконецъ онъ замѣчаетъ ее и тихонько подходитъ къ ней, пересыпая въ горсти овесъ и чмокая губами, и лишь только готовится наложить руку на свою добычу, какъ та бросается бѣжать и въ хвостъ и въ голову; за этою лошадью бросается все стадо, за нимъ другое, и такъ далѣе всѣ, мимо которыхъ имъ приходится проскакать, пока наконецъ не соберется табунъ лошадей въ двѣсти или триста. Такимъ образомъ, молодецъ травитъ ихъ вдоль всего Тантрамерскаго болота, добрыхъ семь миль, чрезъ рвы, лужи, грязь и тину; потомъ все стадо мгновенно поворачиваетъ и стремглавъ несется еще на протяженіи семи миль. Въ это время и самъ охотникъ и дичь его успѣваютъ порядкомъ нагрѣться, и Сизый-носъ собираетъ весь народъ по сосѣдству, съ тѣмъ, чтобы поймать своего рѣзваго бѣгуна; его ловятъ какъ дикаго лося уже тогда, когда онъ выбьется изъ силъ. Такимъ образомъ для того, чтобы проѣхать дрянною рысью двѣ мили, Сизый-носъ дѣлаетъ пѣшкомъ четырнадцать миль, несясь самымъ быстрымъ бѣгомъ, потому что ему время дорого, онъ спѣшитъ куда-то. Это все равно, что ѣсть супъ вилкой въ то время, когда вы торопитесь отобѣдать поскорѣе. Были люди, которые увѣряли, что лучшій способъ ловить птицъ, состоитъ въ томъ, чтобы посыпать имъ на хвосты соли; вѣроятно, Сизые-носы употребляютъ такіе же дѣйствительные способы въ отношеніи своихъ лошадей, потому что изъ полудюжины или даже дюжины этихъ одровъ имъ удается поймать не болѣе одной. Притомъ, у той лошади свалились копыта, у другой совершенно разбиты ноги, у третьей весь задъ въ ранахъ, у четвертой постоянный мытъ, и пятая наконецъ такъ рѣзва и неукротима, что населеніе всего Кумберлэнда не успѣло бы поймать ее никогда, если бы зимнее время не принуждало ее возвращаться въ родныя конюшни на подножный кормъ.

Посреди многихъ изъ здѣшнихъ чищобъ лежатъ болота, въ которыхъ есть такъ называемые *медовые горшки*—это глубокія ямы, полныя жидкой, едва застывшей сверху тины, въ которой невозможно добраться до твердаго дна. Потому случается, что когда отъ времени до времени какой нибудь олухъ

выйдетъ въ луга полюбоваться на лошадку свою, то онъ усматриваетъ только конецъ хвоста ея, который торчитъ изъ одного изъ этихъ медовыхъ горшковъ и качается точно метла трубочиста; иногда онъ имѣетъ удовольствіе видѣть двухъ или трехъ лошадей, попавшихъ въ эту западню, уже совершенно утомленныхъ, выбившихся изъ силъ и плавающихъ и барахтающихся въ этой трясинѣ, точно крысы въ кадкѣ капусты. Когда Сизому-носу случится увидать подобную банку съ новаго рода пикулями, онъ отправляется за веревкой, завязываетъ лошадь за шею и съ опасностію совершенно задушить ее, вытаскиваетъ ее кое-какъ на твердую почву. Можете себѣ представить, какъ красивы бываютъ несчастныя клячи, когда онѣ выходятъ изъ подобной продѣлки. Онѣ напоминаютъ тогда мокрыхъ поджарыхъ котятъ—шерсть на нихъ прилипаетъ къ тѣлу и ерошится чудовищными сосками, длинный хвостъ торчитъ точно швабра, обмакнутая въ смолу.—По зимамъ здѣсь кормятъ лошадей горячимъ мѣсивомъ, держатъ ихъ очень тепло, и потому, когда наступаетъ весна, онѣ обыкновенно или околѣваютъ или начинаютъ чахнуть. Я бы желалъ отъ всей души, чтобы половина лошадей здѣшняго края попадали въ «медовые горшки»; остальной половины было бы слишкомъ достаточно для пользы страны. Посмотрите только на здѣшнія левады по лѣтамъ, вы увидите на нихъ полдюжину облѣзлыхъ и тощихъ жеребятъ въ изодранныхъ попонахъ и полдюжину никуда не годныхъ старыхъ клячъ; коровъ же и овецъ не найдется ни за что.

Можно ли же послѣ этого удивляться, что народъ, который какъ нелѣпо ведетъ свои хозяйственныя дѣла, сводитъ ихъ, что называется, на банный уголъ.

ГЛАВА X.

ПУТЬ КЪ ЖЕНСКОМУ СЕРДЦУ — РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ.

Когда мы начали приближаться къ гостинницѣ въ Эмгертѣ, часовщикъ сталъ приходить въ дурное расположеніе духа.

— Вотъ теперь вѣдь прекрасный вечеръ, сказалъ онъ: — но у Мармъ Пегвашъ такой же измѣнчивый характеръ, какъ

апрѣльская погода; она или сіяетъ какъ лучезарное солнце, или закрывается самымъ густымъ, непроницаемымъ мракомъ и тутъ она то и дѣло вытягиваетъ шею и шипитъ ни дать, ни взять гусыня со стадомъ гусятъ. Я удивляюсь, о чемъ думалъ только Пегвашъ, когда онъ подписывалъ кондиціи сожительства съ такою женщиной; впрочемъ, она не очень безобразна на взглядъ, бабенка хоть куда; жаль только, что у такой ловкой особы такая толстая верхняя губа. Мистриссъ Пегвашъ напоминаетъ мнѣ всегда яблоки нашего прежняго пастора, Іошуа Гопвелля. У нашего пастора былъ садъ, приносившій особенно хорошіе плоды, потому что хозяинъ былъ большой мастеръ въ дѣлѣ приготовленія грунта, колировки деревьевъ, и всего такого: садъ—бывшій съ южной стороны дома—тянулся до самой дороги. Нѣкоторыя деревья клонились даже на заборъ, выходили вонъ изъ сада. Я никогда не видывалъ такой силы: яблоки висѣли гроздіями, и что это были за яблоки! За всѣмъ тѣмъ никто не трогалъ яблоковъ пастора и когда всѣ другіе садоводы терпѣли отъ прожорливости мальчишекъ, эти яблоки торчали тамъ точно на показъ, точно на искушеніе любителямъ, а между тѣмъ ни одинъ удалецъ не рѣшался запустить въ нихъ зубы.

Вотъ, однажды, я и говорю ему—«пасторъ, говорю, какъ ухитряетесь вы сберегать эти яблоки, тогда какъ никто другой не можетъ уберечь своего сада?

«— Да, отвѣчалъ онъ: — это канальски хорошія яблоки, не правда ли?

«— Совершенная правда; такихъ яблоковъ пожалуй что не найдешь во всемъ Коннектикутѣ.

«— Хорошо, продолжалъ онъ: — я открою вамъ секретъ, но съ условіемъ, чтобы вы о томъ — ни-гугу.

«Вотъ этотъ первый рядъ яблонь, что къ забору,—я вѣдь прививалъ ихъ самъ, и чего мнѣ стоило, чтобы достать черенковъ подходящей породы! Ужь я посылалъ во всѣ концы и въ Роксъ-Берри и въ Скво-некъ-Крикъ.

— Я боялся, замѣтилъ часовщикъ: — что онъ начнетъ мнѣ высчитывать дни и часы каждой колировки, потому что онъ былъ охотникъ сильно размазывать, когда начиналъ говорить какую нибудь исторію.

«— Всему этому я конечно вѣрю, пасторъ, отвѣчалъ я: — но какимъ же образомъ сохраняете вы яблоки, вотъ въ чемъ дѣло?

«— Ну, вотъ, я именно объ этомъ-то и хотѣлъ сказать вамъ, когда вы меня прервали.... Этотъ крайній рядочекъ, какъ я уже вамъ докладывалъ, былъ привитъ моими руками, и притомъ самыми отборными черенками; успѣхъ былъ полный. Эти яблоки, извольте замѣтить, очень красивы на видъ, но за то они такая злѣйшая кислятина, что ни одна живая душа не въ состояніи укусить ихъ. Хорошо, теперь мальчишки думаютъ, что колировка ихъ пастора удалась въ ровной степени и надъ другими яблонями, какъ надъ первымъ рядомъ, и они не пускаются уже въ дальнѣйшія изслѣдованія. Они трунятъ надъ моимъ садомъ, а я смѣюсь, себѣ въ рукавъ, надъ ихъ проницательностью.

Теперь, Мармъ Пегвашъ ни дать ни взять какъ яблоки пастора: очень аппетитна на видъ, но кисла до невѣроятія. Если, можетъ быть, у нея и были прежде свѣженькія губки, то теперь уже онѣ покрылись морщинами! Впрочемъ, если она вздумаетъ вздорить, то я пущу въ дѣло свое искусство «пріятно говорить» и конечно успѣю разгладить морщины на ея физіономіи, сдѣлавъ ея циферблатъ такимъ же гладкимъ, какъ эмалевая поверхность любыхъ изъ моихъ часовъ. Жаль, въ самомъ дѣлѣ, что она такъ несносно безтолкова, потому что въ ней есть порядочныя статьи—недурные глаза — ноги — довольно складныя икры, хорошенькая шея, маленькія руки и изящная походка. — Но вотъ мы пріѣхали; вы увидите, какой успѣхъ будетъ имѣть мое искусство «пріятно говорить.»

Когда мы вошли въ домъ, комната часовщика утопала въ совершенной темнотѣ, и въ открытую дверь, выходившую въ гостиную, на противоположной сторонѣ мы увидали представительницу женской половины семейства, гасящую огонь предъ наступленіемъ ночи. Мистриссъ Пегвашъ держала въ рукѣ вѣникъ и предавалась послѣднему изъ ежедневныхъ занятій хозяйки—тушенію очага. Ярко вспыхивающій огонь, который отражался на высокую фигуру и красивое лицо женщины, выказывалъ въ ней особу совершенно соотвѣтствовавшую описаніямъ, сдѣланнымъ часовщикомъ.

— Добрый вечеръ, Мармъ, сказалъ мистеръ Сликъ: — какъ поживаете вы, какъ здоровье мистера Пегваша?

— Онъ уже легъ, отвѣчала она: — я надѣюсь, что вы хоть теперь-то оставите его въ покоѣ.

— О, конечно, сказалъ мистеръ Сликкъ: — конечно; мнѣ очень жаль даже, что я обезпокоилъ васъ, но насъ задержали долѣе, чѣмъ мы ожидали; мнѣ чрезвычайно досадно, что....

— Мнѣ тоже досадно, отвѣчала она; — но если уже мистеръ Пегвашъ взялся содержать гостинницу, то его семьѣ нѣкогда нѣжиться.

Тутъ часовщикъ, видя, что буря собирается, тотчасъ же постарался перемѣнить разговоръ, привсталъ, развелъ руками и вскричалъ:

— Ну какже, неужели это еще не хорошенькій ребенокъ! подойди сюда, малютка, пожмемъ другъ другу руку; говорю во всеуслышаніе, что это первый красавчикъ, котораго мнѣ удается видѣть.... просто херувимчикъ.... еще не заночивалъ, душенька? ахъ, ты дурнушка; гдѣ досталъ такія розовыя щочки? взялъ у мамаши, что ли? Дорого бы далъ, чтобы моя старушка-мать посмотрѣла на этого миленка. Въ нашей сторонѣ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: — въ нашей сторонѣ дѣти блѣдны и тощи, или желты какъ апельсинъ. Боже мой, да этакая игрушечка была бы просто находкой для нашей стороны.... поди ко мнѣ, крошка.

Искусство «пріятно говорить» начинало производить свое дѣйствіе.

Мистриссъ Пегвашъ сказала болѣе кроткимъ голосомъ, чѣмъ прежде:

— Ступай, душечка, къ джентльмену.... ступай къ нему, милочка.

Мистеръ Сликкъ поцаловалъ его, спросилъ, поѣдетъ ли онъ его провожать въ Штаты, разсказалъ ему о всѣхъ маленькихъ, хорошенькихъ дѣвочкахъ, которыя влюбятся въ него, потому что имъ не удастся еще увидать такого красавчика, даже въ Свѣтлое Воскресенье.

— Черненькіе глазки.... дай-ка посмотрѣть... ну, да, маменькины глазки, и волосенки черненькіе тоже; тотчасъ видно чей сынокъ, вылитый портретъ мамаши.

— Не присядете ли, джентльмены, сказала мистриссъ Пегвашъ: — Солли, разведи-ка огонь въ сосѣдней комнатѣ.

— Мамаша, я думаю, гордится вами, душенька, продолжалъ между тѣмъ часовщикъ. — Постойте, вотъ если будемъ живы, да я возвращусь сюда, я велю написать ваше личико, и стану выставлять его на часахъ; тогда у меня начнутъ брать часы нарасхватъ, собственно для вашего личика. Видали ли вы когда нибудь, сказалъ онъ, опять обратившись ко мнѣ: — видали ли вы когда нибудь такое сходство между двумя особами, какъ между этимъ хорошенькимъ мальчикомъ и его маменькой?

— Я увѣрена, что вы еще не ужинали, сказала мистриссъ Пегвашъ, относясь ко мнѣ: — вы, я думаю, и голодны и устали порядкомъ.

— Мнѣ очень совѣстно, что мы такъ безпокоимъ васъ, сказалъ я.

— Помилуйте, какое же безпокойство! отвѣчала мистриссъ Пегвашъ: — это, напротивъ, для меня удовольствіе.

Вслѣдъ затѣмъ мы вошли въ сосѣднюю комнату, гдѣ огонь уже ярко пылалъ; но мистеръ Сликкъ не могъ и тутъ разстаться съ мальчикомъ; онъ спрашивалъ его, который ему годъ, и нѣтъ ли у него тетеньки, которая такъ же былá бы похожа на мама, какъ онъ.

Когда дверь затворилась, мистеръ Сликкъ сказалъ:

— Жаль, что они не умѣютъ уживаться другъ съ другомъ. Главное затрудненіе съ людьми съ такимъ норовомъ, это сдвинуть ихъ съ мѣста; а тамъ ужь съ ними можно ладить, если вы не поведете дѣла слишкомъ круто. Поспѣшите, сдѣлайте промахъ, и они снова остановятся, будутъ пятиться назадъ, упрямиться, уже тогда самъ Старый Никкъ не съумѣетъ съ ними справиться. Пегвашъ именно не разумѣетъ искусства прилаживаться къ строгому норову супруги; потому у нихъ и происходитъ такая разладица. Когда я вижу ребенка, продолжалъ часовщикъ: — я заранѣе увѣренъ, что успѣю заслужить расположеніе бабья; я убѣждался постоянно, что дорога къ сердцу женщины лежитъ какъ разъ черезъ ребенка.

— Вы, какъ кажется, очень хорошо понимаете женское сердце, замѣтилъ я; — и потому я не сомнѣваюсь, что вы общій любимецъ прекраснаго пола.

— Умѣйте только къ нимъ приноровиться. Робкихъ и застенчивыхъ ободряйте, съ вздорными и взбалмочными будьте кротки и умѣренны, мрачныхъ и неподвижныхъ старай-

тесь расшевелить, и тогда онѣ будутъ къ вамъ благосклонны. Люди постоянно говорятъ вздоръ о женщинахъ и едва ли придется одинъ на тысячу человѣкъ, который бы хоть на волосъ зналъ ихъ. Вы часто услышите отзывы въ родѣ этого: «о, этотъ человѣкъ настоящій извергъ, онъ совершенно разобьетъ сердце своей жены»; какъ будто въ самомъ дѣлѣ женское сердце такъ же хрупко, какъ хрустальный стаканъ! Сердце женщины, скажу вамъ въ свою очередь, по опыту, очень похоже на каучукъ; вы можете тянуть и растягивать его до тѣхъ поръ пока онъ не вытянется въ ярдъ длины, потомъ пустите его на свободу и онъ снова приметъ прежніе размѣры.

Я только зналъ одинъ примѣръ разбитаго сердца и то въ другомъ родѣ. Жилъ былъ нѣкто Вашингтонъ Банксъ, большой охотникъ и мастеръ чихать. Представьте себѣ мужчину, который могъ бы плевать на головы нашимъ гренадерамъ, у котораго хватило бы роста на то, чтобы пройдти въ бродъ Чарльстонъ-Рейверъ. Это былъ мужчина въ полномъ смыслѣ слова, кровь съ молокомъ; увидавъ его, вы никогда бы его не забыли. Зато народъ сбѣгался смотрѣть на него, когда онъ появлялся на фабрикѣ. Я полагаю, что на Лоуэльскихъ мануфактурахъ не нашлось бы ни одной женщины, которая не была бы влюблена въ него. Иногда, по окончаніи работы по субботамъ, когда онѣ толпами выходили съ фабрикъ и брели къ домамъ своимъ (любопытно видѣть, скажу мимоходомъ, какія пестрыя группы составляютъ эти фабричныя дѣвушки), Банксъ говорилъ имъ обыкновенно: «Признаюсь вамъ, красавицы, что я желалъ бы имѣть теперь пятьсотъ рукъ, чтобы привѣтствовать васъ должнымъ образомъ; зато сердце мое довольно обширно для всѣхъ васъ; вы сами можете судить о его наружныхъ размѣрахъ, и всякая жилка, всякій кусочекъ его будетъ въ полномъ вашемъ распоряженіи». — «Посмотримъ, посмотримъ, мистеръ Банксъ», кричали, визжали и жужжали тогда полтысячи голосовъ въ одно время и хорошенькіе глазки блестѣли и искрились, точно звѣзды въ морозную зимнюю ночь.

Хорошо, теперь, когда я увидалъ его въ послѣдній разъ, отъ него остались кожа да кости; онъ похожъ былъ на ободранную лошадь. Онъ совершенно спалъ съ тѣла, былъ ходячій скелетъ.

«— Мнѣ очень жаль, сказалъ я: — что я вижу васъ, Банксъ, такимъ изношеннымъ; вы теперь ни дать ни взять мокрая курица на нашести; что могло съ вами случиться?

«— Я умираю отъ *разбитаго сердца*, отвѣчалъ онъ.

«— Да развѣ фабричныя дѣвушки только кокетничали съ вами?

«— Э, нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — подобные вздоры мало меня занимали и прежде.

«— Такъ что же? вы не имѣли успѣха въ спекуляціяхъ?

«— Нѣтъ, сказалъ онъ, покачавъ головой: — я слишкомъ хорошо знаю толкъ въ мукѣ, чтобы ошибиться на отрубяхъ.

«— Да что же наконецъ съ вами было?

«— А вотъ видите ли, сказалъ онъ въ заключеніе: — въ началѣ лѣта я держалъ пари съ лейтенантомъ Обеемъ Ноульзомъ, что я подниму носовой якорь его фрегата. Я дѣйствительно выигралъ пари, но якорь былъ такъ тяжелъ, что *разбилъ мнѣ сердце*.

Вскорѣ послѣ нашего свиданія, Банксъ умеръ, и вотъ единственный случай, когда я видѣлъ примѣръ *разбитаго сердца*.

ГЛАВА XI.

КУМБЕРЛЕНДСКІЯ УСТРИЦЫ РОЖДАЮТЪ ГРУСТНЫЯ ПРЕДЧУВСТВІЯ.

«Пріятный разговоръ» часовщика произвелъ замѣтное дѣйствіе на эмгерстскую красавицу, нашу почтенную хозяйку гостинницы Пегваша; такимъ образомъ я самъ склоняюсь къ убѣжденіямъ мистера Сликка, что «дорога къ сердцу женщины лежитъ чрезъ ея дитя»: я былъ самъ очевидцемъ впечатлѣнія, оставленнаго въ ней похвалами, которыя расточались ея маленькому сыну.

Я размышлялъ объ этой женской воспріимчивости ко всякаго рода лести, когда мистриссъ Пегвашъ вошла, украшенная самою пріятною улыбкою и самымъ лучшимъ чепцемъ — вспомогательныя средства совершенно необходимыя

для красоты ея рода, которая, подобно итальянскому небу, не застилаясь облаками, не встрѣчаетъ себѣ равной нигдѣ.

Подойдя ко мнѣ, она сказала обворожительно улыбаясь:

— Неугодно ли вамъ мистеръ....

(Тутъ произошла пауза, hiatus, которые восполнить, по всей вѣроятности, слѣдовало мнѣ, сказавъ мое имя. Но имени моего никто не знаетъ и я не желалъ бы, чтобы кто нибудь узналъ его. Въ Медлей-отелѣ, въ Галифаксѣ, я былъ извѣстенъ какъ иностранецъ № 1. Вниманіе, которое это инкогнито возбуждало ко мнѣ, важность, которую оно мнѣ придавало въ глазахъ хозяина дома, его жильцовъ и прислуги, невообразимы. Только значительные люди путешествуютъ инкогнито. Путешествовать, разсказывая о своемъ имени и общественномъ положеніи, тяжело и скучно; постоянное вліяніе формъ и этикета уничтожаетъ душевную бодрость и настраиваетъ очень непріятно. Напротивъ того, сколько прелести въ странствованіи, если вы ходите никѣмъ незамѣченный, если вы останавливаетесь когда и гдѣ вамъ вздумается, если вы почти не выходите изъ широкаго пальто или коротенькой жакетки! Кромѣ того, гдѣ таинственность, тамъ и значительность; пользуясь правомъ скрываться въ тѣни, я тѣмъ не менѣе ясно вижу и свободно наблюдаю предметы. Но открой я только свѣту мое темное имя, мое ничтожное общественное положеніе, и я немедленно опущусь до того уровня, на которомъ мнѣ слѣдовало бы стоять по моему плебейскому происхожденію и болѣе чѣмъ скромному имени; тогда и моя прелестная хозяйка, и мой склонный къ пытливости другъ, часовщикъ, величающій меня «сквайромъ», разгласятъ мою тайну и лишатъ меня всѣхъ преимуществъ представляемыхъ неизвѣстностью.)

.... Не угодно ли вамъ, мистеръ?...

— Очень угодно, мистриссъ Пегвашъ, сказалъ я: — прошу присѣсть и объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Неугодно ли вамъ будетъ самыхъ лучшихъ *шиттіачекъ* къ ужину?

— Очень угодно, повторилъ я улыбаясь: — но скажите пожалуста, что̀ это за блюдо?

— Боже, воскликнула она съ удивленнымъ взглядомъ: — да гдѣ же вы до сихъ поръ странствовали, если не слыхали

о нашихъ шиттіаккскихъ устрицахъ? А я полагала, что онѣ извѣстны всякому.

— Прошу извиненія, отвѣчалъ я: — но бывши въ Галифаксѣ, я слышалъ, что устрицы здѣсь только и водятся по берегамъ острова принца Эдуарда.

— О нѣтъ, вовсе нѣтъ, возразила хозяйка: — устрицы ловятся по всему берегу отъ Шиттіака чрезъ Вартскій заливъ до Рамшая. Послѣднихъ мы рѣдко достаемъ, за то онѣ лучшія. Ихъ не подвозятъ регулярными транспортами и если намъ случается получить ихъ, то большею частію безъ раковинъ и сложенными въ кадки безъ порядка. Въ эти два года я немогла достать хорошихъ рамшайскихъ устрицъ, съ тѣхъ поръ какъ губернаторъ былъ у насъ въ домѣ; онъ чудо какъ любилъ ихъ, а адвокатъ Толкемдэфъ нарочно послалъ на мѣсто свой экипажъ, чтобы достать самыхъ свѣжихъ устрицъ. Теперь уже мы рѣшительно не видимъ ихъ, зато шиттіаккскія устрицы у насъ отборныя. Скажите только слово, и вамъ подадутъ ихъ немедленно.

Хорошее блюдо и притомъ неожиданное блюдо чрезвычайно пріятно; потому мой американскій другъ и я самъ отдали самую высокую честь устрицамъ, которыя хотя и не отличались классическимъ именемъ въ области гастрономіи, но тѣмъ не менѣе были также вкусны и ароматичны, какъ лучшіе изъ представителей устричной породы. Мистеръ Сликкъ ѣлъ отъ души, такъ что когда онъ вздумалъ возобновить разговоръ, слова его отзывались уже какими-то грустными предчувствіями.

— Слыхали вы что нибудь о клочкахъ хлопчатой бумаги, обмокнутыхъ въ терпентинъ и о ихъ воспалительномъ свойствѣ? Слыхали? Ну такъ я вамъ скажу, что начала самосгаранія распространены и между нами въ даволько значительной степени; когда только искрѣ случится вспыхнуть по среди насъ, вы убѣдитесь, что человѣческая кровь кипитъ ужаснѣе, чѣмъ лава какой нибудь Этны. Я не ошибаюсь въ этомъ случаѣ; я предчувствую, что негры перерѣжутъ все бѣлое племя южныхъ провинцій, и что сѣверные жители въ свою очередь обратятся на негровъ и истребятъ ихъ. Вѣдь эти убійства, висѣлицы, истязанія, поджоги — будутъ утѣшать нашъ народъ какъ кусокъ сырого мяса утѣшаетъ сабаку, и

при этой-то мысли мнѣ становится больно, невыносимо тяжело.

— Если печальная картина, которую вы только что нарисовали, дѣйствительно вѣрна природѣ, сказалъ я: — то какъ же послѣ этого, она можетъ представлять для иныхъ столько прелестей и привлекать такую значительную часть нашего населенія?

— Въ ней есть своего рода притягательная сила, отвѣчалъ часовщикъ: — она отличается всѣми свойствами всасывающаго болота; это огромная пучина, водоворотъ; она втягиваетъ въ себя и хлопья соломы, и вѣтви деревьевъ, и морскую траву, и палки, и бревна, и все вертитъ до тѣхъ поръ, пока не скроетъ въ своихъ нѣдрахъ. Маленькія суда и лодочки, падая туда, кружатся съ невѣроятною быстротою, какъ бѣлки запертыя въ клѣтки, и уже никогда не выйдутъ они изъ этихъ омутовъ. Болѣе сильные корабли еще въ состояніи кое-какъ противиться порывамъ теченія и успѣваютъ обойти опасное мѣсто, безъ поврежденій.

— Вы чрезвычайно удивляете меня, сказалъ я: — оба ваши предъидущіе разговора и единогласныя увѣренія моихъ друзей, которымъ случалось посѣщать Штаты, представляютъ тамошній край въ совершенно другомъ свѣтѣ.

— *Ваши друзья!* отвѣчалъ часовщикъ, тономъ такого явнаго пренебреженія, что я почувствовалъ сильное желаніе пришибить его за подобную дерзость: — ваши друзья! Какіе нибудь юнкера или лейтенанты изъ британскихъ маршевыхъ колоніальныхъ полковъ, которые перешагали пять тысячъ миль въ пять недѣль, и смотрятъ потомъ такими же бывалыми и умными, какъ обезьяны, которымъ случается объѣхать кругомъ свѣта въ клѣткѣ звѣринца. Когда такимъ господамъ, какъ друзья ваши, случится возвратиться на родину, то они да такой степени переполняются глубокими свѣдѣніями о Янкахъ, что свѣдѣнія и наблюденія текутъ у нихъ черезъ край, точно молодое, закупоренное въ бочку вино, которое бродитъ, пѣнится и выходитъ изъ щелей, въ видѣ бѣловатыхъ пузырьковъ. Шлепанье по колѣни въ грязи они называютъ путешествіемъ, безграмотную переписку съ лавочниками и маркитантами считаютъ дневниками, походными журналами, дѣловою корреспонденціей; но все это не болѣе какъ

мутная водица, на которую поймаешь развѣ только мухъ да таракановъ.

Это напоминаетъ мнѣ мой французскій языкъ. Я учился по французски зимою въ одной изъ вечернихъ школъ у нашего пастора Іошуа Гопвелля (пасторъ былъ ученѣйшій человѣкъ своего времени; онъ самъ учился всевозможнымъ языкамъ въ Европѣ). Вотъ хорошо, — на слѣдующую весну, отправляюсь я въ Бостонъ, встрѣчаюсь тамъ съ однимъ французомъ и начинаю болтать съ нимъ по французски.

«— Polly woes a french shay» говорю я ему.

«— Я не понимаю по американски, отвѣчаетъ онъ мнѣ.

«— Вы не понимаете! вскричалъ я тогда, съ изумленіемъ: — да вѣдь я говорю по французски. Я увѣренъ, что вы не ожидали услыхать здѣсь такой чистый парижскій выговоръ, не правда ли, что не ожидали? Но мы дѣйствительно вообще хорошо говоримъ; напримѣръ, по англійски мы выражаемся, по общему отзыву, чище чѣмъ сами британцы.

«— О, отвѣчалъ онъ: — да вы пресмѣшной Янки послѣ этого, да это презабавно, сэръ: вы говорите по индѣйски и называете этотъ языкъ французскимъ.

«— Но, возразилъ я: — мистеръ, Mountshear, это чистѣйшій французскій языкъ, увѣряю васъ; самый употребительный, общепринятый языкъ, безъ сучка и задоринки; имъ можно говорить и быть понятнымъ на любомъ рынкѣ, въ любой гостиной.

«— Очень можетъ быть, охотно вамъ вѣрю, повторялъ онъ, кланяясь также учтиво какъ кланяются слуги; негры въ Новомъ Орлеанѣ: — охотно вамъ вѣрю — только право мнѣ не случалось слышать такого языка: о, очень изящный, чистый французскій языкъ, понятный до невѣроятія, но я не возьму его въ толкъ, это уже моя вина, сэръ, что прикажете дѣлать! Пасторъ, изволите видѣть, зналъ такъ много языковъ, что не успѣвалъ подраздѣлять эти знанія на категоріи; онъ не отмѣчалъ свѣдѣнія каждаго отдѣла особыми знаками или ерлыками, и потому они перебились и перемѣшались. Вѣроятно и я сталъ дѣйствовать на француза снадобьями не подлежащаго сорта, такъ что онъ рѣшительно осовѣлъ передъ моею обширною ученостію. Впрочемъ, я думаю, что благоразумнѣе было бы мнѣ разстаться со всею обильною жатвою моихъ свѣдѣній, нежели начинать выпалывать дурную и безполезную

траву; потому что какъ ни дергай куколь, онъ все таки будетъ рости на томъ же мѣстѣ, если хоть малѣйшая часть корешка осталась въ землѣ. Слѣдовательно не выполовши доброиъ поля, мнѣ пришлось бы помять безъ нужды и весь хлѣбъ.

Нѣтъ другаго средства хорошо выучиться по французски, какъ живя между французами; и *если вы желаете понимать насъ, вы должны пожить между нами;* ваши Голзы, Гамильтоны, и другіе подобные имъ болваны, что они *могутъ* знать о нашемъ братѣ? Можетъ ли живописецъ снять съ васъ портретъ, если вы пронесетесь только мимо его въ вагонѣ желѣзной дороги? Въ такомъ случаѣ, онъ не успѣетъ даже разсмотрѣть хорошенько черты вашего лица. Старый адмиралъ Ансонъ спросилъ одного изъ нашихъ, еще до революціи (если бы британцы знали насъ тогда хоть на волосъ лучше, то конечно они не позволили бы поколотить себя, какъ это случалось); и такъ онъ спросилъ его, откуда онъ пріѣхалъ.

«Изъ Чезапика, отвѣчалъ онъ.

«Ай, ай, сказалъ адмиралъ: — значитъ изъ Вестъ-Индіи.

«По всему видно, замѣтилъ мой землякъ: — что вы ѣздили *кругомъ свѣта*, адмиралъ, а мало заглядывали *внутрь*, иначе вы знали бы нѣсколько поболѣе на этотъ счетъ.

Я застрѣлилъ у Рейверъ-Филиппа дикаго гуся, у котораго былъ еще свѣжій виргинскій рисъ въ зобу: онъ, кажется, набирался, походя, всякой всячины, подобно другаго рода гусямъ, британскимъ туристамъ. Кто изъ нихъ разсмотрѣлъ хорошо страну, по которой проѣхалъ? Можетъ быть, что на шесть человѣкъ выдавался одинъ повнимательнѣе и видѣлъ хоть что-нибудь; во всякомъ случаѣ, два съ темной водой глаза, немногимъ лучше одного съ бѣльмомъ.

Нѣтъ, если вамъ нужно узнать всю подноготную о насъ и о Сизыхъ-Носахъ (въ нихъ также есть примѣсь крови янки, увѣряю васъ), то распросите меня хорошенько, и я готовъ подѣлиться съ вами моими свѣдѣніями. Я не изъ числа такихъ людей, которые не видятъ въ своемъ сосѣдѣ ни одного хорошаго качества, въ себѣ же самихъ не замѣчаютъ ни малѣйшей предосудительной черты; я слишкомъ много видѣлъ свѣта для того, чтобы впадать въ подобную односторонность. Вообще я имѣю обыкновеніемъ скорѣе хвалить чужую лошадь, нежели распространяться о достоинствахъ моего соб-

ственнаго коня. Если я, встрѣтясь съ Сизымъ-Носомъ, ѣдущимъ верхомъ, скажу ему: «А вѣдь у васъ лихая лошаденька, попробуйте-ка пустить ее», то я увѣренъ, что онъ тотчасъ же понесется, какъ сумасшедшій. Онъ горячо начнетъ работать шпорами, лошадь будетъ лѣзть изъ кожи, а я между тѣмъ пролечу, какъ стрѣла мимо изумленнаго наѣздника. Простофиля совершенно осовѣетъ, видя быстроту моего коня. «У васъ настоящій, — какъ быть, скакунъ, право», скажетъ онъ поглядывая на мою лошадь. «Такъ себѣ» отвѣчу я (совершенно холодно и безстрастно, какъ будто я слыхалъ подобные отзывы не одну тысячу разъ), «такъ себѣ, *для меня* живетъ, бѣжитъ порядочно, но хвалиться имъ не приходится». Такъ должно поступать всегда въ подобныхъ случаяхъ; при этомъ не худо имѣть въ виду примѣръ фанфароновъ и хвастуновъ. Никогда не говорите людямъ, что вы идете у нихъ впереди, но доказывайте это прямо на дѣлѣ; подобные пріемы устраняютъ много пустыхъ разговоровъ, не производятъ въ соперникахъ вашихъ одышки и позволяютъ имъ пользоваться всею пропорціей дыханія, необходимой для того, чтобы простудить бульонъ за обѣдомъ.

Если вы хотите знать внѣшность и внутренность Янки, то я долженъ вамъ замѣтить, что я изучилъ ихъ вдоль и поперекъ, съ лица и съ изнанки; я знаю всѣ стороны ихъ характера, знаю ихъ манеры, поступки, способы; я слѣдилъ за ними при всякомъ удобномъ случаѣ, подмѣчалъ, гдѣ имъ везетъ, и гдѣ, напротивъ, они терпятъ неудачу. Мои земляки имѣютъ много своихъ недостатковъ и я знаю ихъ (я вѣдь не родился слѣпымъ), но ваши пріятели-туристы, кажется, ужь слишкомъ строги къ намъ. Наша старая служанка-негритянка была матерью нѣсколькихъ грязныхъ и безобразныхъ дѣтей; это однако не мѣшало ей оказывать самое нѣжное вниманіе къ чумазымъ негодяямъ. Она обыкновенно говоривала, въ припадкѣ материнской предупредительности: «Юнона, по моему ужь лучше вовсе не утирать ребенку носа, нежели, чего добраго, вывихнуть или отвертѣть ему носъ».

ГЛАВА XII.

АМЕРИКАНСКІЙ ОРЕЛЪ.

— Посмотрите пожалуста въ дверь, посмотрите какая прекрасная ночь, какъ тихо, какъ спокойно, какъ свѣтло; не правда ли, что любо взглянуть! Я часто засматриваюсь на звѣзды, когда мнѣ случится выходить изъ дома: онѣ напоминаютъ мнѣ о нашемъ національномъ флагѣ, который теперь, по общему отзыву, одинъ изъ первыхъ въ цѣломъ свѣтѣ. Британскій флагъ хвастаетъ, что можетъ пошибить какой угодно; но мы, кажется, пошибемъ и британскій. Лучшее зрѣлище, какое я могу себѣ представить, это нашъ первоклассный фрегатъ, наполненный искусными и опытными моряками, готовыми отплыть въ море; онъ похожъ бываетъ въ эту минуту на большаго американскаго орла, сидящаго на гибкой вѣтви, которая колеблется на голубомъ небесномъ фонѣ; орелъ не страшится ничего и смотритъ на все съ гордымъ сознаніемъ собственнаго могущества. Не правда ли, что мы избрали удачную эмблему?

— Конечно, отвѣчалъ я: — эмблема избрана удачно. Но чѣмъ я особенно восхищался, такъ это девизомъ вашего морскаго флага въ послѣднюю войну — орелъ держащій въ когтяхъ якорь. Эта идея очень естественна и заимствована изъ обычнаго порядка вещей: птица, которая крадетъ у фрегата якорь, какъ будто это какой нибудь необходимый предметъ для пропитанія ея дѣтей. Эмблема очень счастливая и доказывающая въ художникѣ много вкуса и соображенія. Эмблема эта, по моему мнѣнію, болѣе примѣнима къ вамъ, нежели вы сами сознаете: девизъ хвастовства тѣмъ, чего вы не можете совершить, желанія завладѣть тѣмъ, чего вамъ никогда не получить, олицетвореніе самонадѣянности и безсилія, худо направленнаго честолюбія и пошлой притязательности.

— У нашихъ моряковъ, замѣтилъ онъ, не безъ негодованія: — у нашихъ моряковъ есть бранная поговорка, «чтобы ихъ раснесло отъ кормы до носу»; я думаю, что вы съ удовольствіемъ усвоили бы себѣ эту фразу; говоря о нашемъ

флотѣ; я понимаю даже, что вы будете правы, выражая подобное желаніе. Впрочемъ, нашъ разговоръ принялъ самое непріятное направленіе и я вообще раскаяваюсь, что завелъ съ вами рѣчь о подобномъ предметѣ. Хорошо, когда собака лежитъ смирно, но еще лучше, если мы привяжемъ ее на цѣпь.

Часовщикъ былъ, замѣтно, оскорбленъ, и съ свойственною ему ловкостію далъ волю своимъ ощущеніямъ, посмѣиваясь надъ Сизыми-Носами, которые, прибавилъ онъ, «ничто иное, какъ помѣсь изъ англичанъ и янки и потому приходятся намъ обоимъ двоюродными братьями. «Можетъ быть, продолжалъ онъ, приличнѣе было бы изобразить орла сидящимъ на якорѣ, нежели держащимъ его въ своихъ когтяхъ и я увѣренъ, что только какой нибудь иностранный художникъ могъ сдѣлать подобный промахъ. Если орелъ силится достигнуть того, чего *не въ состояніи сдѣлать*, то это во всякомъ случаѣ благородное стремленіе, во всякомъ случаѣ это лучше, чѣмъ поступаютъ Сизые-Носы, которые не принимаются даже за то, что *въ состояніи сдѣлать*! Эмблемой ихъ дѣятельности, девизомъ ихъ слѣдовало избрать Сову: *она спитъ въ продолженіе всѣхъ дней своей жизни*. Вся эта страна ни дать, ни взять настоящая ночь: прекрасная навзглядъ, но безмолвная, какъ могила; она холодна, какъ гробовая доска, сонлива, неподвижна.

— Если бы море было всегда тихо, замѣтилъ часовщикъ: — оно отравило бы всю вселенную; никто не былъ бы въ состояніи дышать тогда въ зараженномъ воздухѣ. Стоячая вода вообще непріятна, но соленая вода, если она испорчена, убиваетъ все существующее. Между тѣмъ движеніе дѣлаетъ ее здоровою и сообщаетъ ей жизненность, — и это, говоря словами нашего пастора, есть «одно изъ чудесъ морской бездны».

Эта провинція находится въ совершенномъ застоѣ; въ ней заключаются зародыши порчи и распаденія, точно въ стоячей водѣ; въ ней не замѣтно ни движенія, ни звука, ни жизни. Если вамъ случалось бывать въ морѣ во время штиля, то вы конечно знаете, какой это бичь для человѣка, который спѣшитъ скорѣе достигнуть назначеннаго мѣста. Но вотъ вы замѣчаете легкое колебаніе парусовъ, висѣвшихъ прежде неподвижно на мачтахъ, вы слышите скрипъ

рей, вы замѣчаете нѣкоторую дѣятельность въ самыхъ матросахъ, которые лежали до тѣхъ поръ дюжинами на палубѣ и не знали какъ убить время, — и вотъ море пачинаетъ воздыматься, рости, точно грудь какого нибудь громаднаго чудовища, погруженнаго въ сонъ, но уже готоваго къ пробужденію.

Путешественникъ удивляется, почему экипажъ выходитъ изъ апатичнаго состоянія, — и онъ идетъ смотрѣть на горизонтъ, нѣтъ ли надежды на вѣтерокъ съ востока или запада, нѣтъ ли надежды услыхать плескъ волнъ, который въ подобную минуту показался бы ему самою усладительною музыкой. Но какъ поражаетъ его при этомъ случаѣ пароходъ, который какъ бѣшеный пронесется мимо; матросы, группируясь около паровой трубы, подшучиваютъ надъ медленностію парусчаго корабля, и просятъ у его экипажа порученій; просятъ вѣсточки домой, къ землякамъ, къ роднымъ....

Тоже самое случается съ здѣшнимъ краемъ. Провинція находится въ застоѣ, она сознаетъ, что мы уходимъ отъ нея впередъ, что она теряетъ насъ изъ виду, и между тѣмъ она не собралась завести у себя ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ; я даже убѣжденъ, что половина здѣшнихъ жителей едва ли слыхали о пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Я еще никогда не видалъ подобнаго народа, кромѣ индѣйцевъ: у нихъ нѣтъ ни малѣйшей частицы любопытства или любознательности. Теперь, изволите видѣть, въ этихъ Сизыхъ-Носахъ, какъ уже сказано, нѣтъ ни малѣйшаго признака движенія, ни малѣйшей предпріимчивости или бодрости душевной, и если кто нибудь изъ нихъ проявитъ въ себѣ хотя зародышъ дѣятельности, то объ немъ начинаютъ говорить, какъ о человѣкѣ опрометчивомъ, безразсудномъ, какъ о спекуляторѣ, аферистѣ, однимъ словомъ, негодяѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Они растутъ какъ какая нибудь трава въ душной теплицѣ, вытягиваются вверхъ, не утвердившись хорошенько на корнѣ, переполняются дурными соками, истощаются и умираютъ.

Къ одному изъ нашихъ пасторовъ пришла дѣвушка, чтобы наняться въ домоправительницы..

«— Я полагаю, пасторъ, сказала она, что вамъ ненужно ли молодой женщины для того, чтобы держать въ порядкѣ комнаты и разводить червей, не такъ ли?»

— Она разумѣла, прибавилъ часовщикъ, — воспитаніе шелковичныхъ червей.

«— Скажите мнѣ прежде, отвѣчалъ пасторъ: — гдѣ вы воспитывались?

«— Воспитывалась! Да я вовсе не воспитывалась, я такъ — выросла, и больше ничего.

— Передъ какой каѳедрой, продолжалъ пасторъ (онъ былъ убѣжденъ, что всякая изъ служанокъ должна была посѣщать его митинги), передъ какой каѳедрой провели вы нѣжныя лѣта дѣтства?

«— Передъ каѳедрой! вскричала служанка, поднявъ голову и насторошивъ уши точно молодой жеребенокъ, къ которому въ первый разъ подходятъ съ недоуздкомъ, — да мнѣ кажется что вовсе не передъ каѳедрой, а просто, въ очень порядочномъ домѣ.

«— Вы выразились очень удачно, отвѣчалъ пасторъ, нѣсколько обиженный — вы выразились очень удачно, моя милая, сказавъ, что вы только *выросли*, потому что вы выросли въ совершенномъ невѣжествѣ.

«— Въ такомъ случаѣ, желаю вамъ найти служанку, которая бы знала все лучше меня — попробуйте, поищите.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью и смотря такъ презрительно, какъ какая нибудь лондонская лэди, — а бѣдный пасторъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, едва шевеля губами отъ удивленія.

Теперь, Сизые-Носы ни дать ни взять какъ эта домоправительница; они *выросли*, и притомъ выросли въ совершенномъ невѣдѣніи тѣхъ вещей, которыя не представлялись имъ существенно необходимыми на первый же случай; а учить взрослый народъ такъ же трудно, какъ выѣздить шестилѣтнюю лошадь; порядочный человѣкъ не въ состояніи смотрѣть на нихъ равнодушно и подчасъ они до того съѣзжаютъ вкривь и вкось, что у меня чешутся руки, чтобы разбить имъ затылки.

— Но какое же, въ самомъ дѣлѣ, средство противъ подобной неподвижности, какимъ образомъ можно пробудить этотъ народъ отъ его невѣжественной сонливости и заставить его быть хоть сколько нибудь дѣятельнымъ? спросилъ я.

— Средство это, отвѣчалъ мистеръ Сликкъ, готово; нужно только умѣючи его примѣнить. Они должны подобно ин-

дѣйцамъ отступить предъ нашими просвѣщенными гражданами; мы ихъ купимъ и тогда они дадутъ у себя мѣсто болѣе разумному и дѣятельному народу. Пока ихъ нужно будетъ перевести на земли Лабрадора или отослать въ Канаду; пусть ихъ тамъ подержатся нѣсколько годовъ, а между тѣмъ потокъ просвѣщенія достигнетъ и до нихъ, и тогда они опять перекочуютъ къ нашимъ предѣламъ, какъ это дѣлаютъ дикіе. Это предположеніе въ ходу. Конгрессъ предоставитъ въ ихъ пользованіе нужное количество земли и избавитъ ихъ на первое время отъ всякихъ повинностей. Мы и такъ не знаемъ куда дѣвать излишки государственныхъ доходовъ.

ГЛАВА XIII.

МНѢНІЕ ЧАСОВЩИКА О ГАЛИФАКСѢ.

Слѣдующее утро было теплѣе нежели всѣ предшествовавшія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ необыкновенно ясныхъ дней, которыми отличается американская осень.

— Нынѣшняя погода, сказалъ мистеръ Сликкъ, ни дать ни взять зажигательное стекло, на которое положенъ кусокъ льда: прикоснувшись къ стеклу, вы чувствуете и жаръ и прохладу; денекъ славный, увѣряю васъ; я люблю такіе дни.

Всѣ согласные въ томъ, что въ Америкѣ бываетъ самая благорастворенная погода, какой не найдешь на всемъ земномъ шарѣ въ другомъ мѣстѣ, какъ ни ищи.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ закурилъ сигару и откинувшись на спинку стула, выставилъ обѣ ноги за окно и сложилъ руки на груди, представляя самое живое изображеніе совершеннаго благополучія.

— Вы, какъ кажется, замѣтилъ я, — изъѣздили всю здѣшнюю провинцію и изучали страну и народъ съ большимъ вниманіемъ; скажите же мнѣ пожалуста, какого мнѣнія вы на счетъ нынѣшняго положенія и будущей судьбы Галифакса?

— Если вы мнѣ скажете, отвѣчалъ онъ, когда тамошній народъ проснется, то я готовъ буду удовлетворить вашей лю-

безнательности; но они тамъ постоянно спятъ, или если не спятъ, то дремлютъ. Что касается до провинціи, то это великолѣпная провинція, которой суждено идти далеко впередъ: она выростетъ также скоро, какъ виргинская дѣвушка, а виргинскія дѣвушки растутъ до того быстро, что если вы обнимете которую нибудь изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы поцаловать ее, она успѣетъ уже въ это время созрѣть совершенно и сдѣлаться вполнѣ развитою женщиной. Это прекрасная провинція, доложу вамъ — она хороша сверху и еще лучше снизу: поверхность ея покрыта пажитями, лугами, лѣсами, воды представляются здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, а нѣдра земли изобильно наполнены минералами; — она напоминаетъ мнѣ супъ въ Тримонтской гостинницѣ.

Однажды я прохаживался въ Моллѣ и повстрѣчался съ маіоромъ Брадфордомъ, коннектикутскомъ джентльменомъ, который торговалъ телятами и свиными тушами на бостонскомъ рынкѣ.

«— Сликкъ, гдѣ вы принимаете сегодня пищу? спросилъ онъ меня.

«— Въ тавернѣ генерала Пипа, отвѣчалъ я.

«— Только и годна, что для негровъ; отчего вы не зайдете въ Тримонтскую гостинницу? это, по общему отзыву, самое блестящее и комфортабельное заведеніе въ цѣломъ свѣтѣ.

«— Можетъ быть, замѣтилъ я, но дѣло въ томъ, что оно мнѣ не по карману — черезчуръ дорого для моихъ маленькихъ средствъ.

— Прекрасно, продолжалъ онъ: — тамъ все дорого, въ одномъ отношеніи, но зато дешевле пареной рѣпы въ другомъ: тамъ обширное поле для спекуляціи; туда съѣзжаются многіе изъ южныхъ плантаторовъ и иностранцевъ, у которыхъ гораздо болѣе денегъ въ кошелькахъ, нежели въ головѣ мозгу, потому вамъ представляется тутъ случай обдѣлать дѣльце другое, не выходя за дверь. Сегодня утромъ, напримѣръ, я пріобрѣлъ двѣсти долларовъ, менѣе чѣмъ въ полминуты. Тамъ былъ адвокатъ изъ Каролины, богатый какъ какой нибудь банкъ. Вотъ онъ мнѣ и говоритъ послѣ завтрака: «гдѣ бы, говоритъ, маіоръ, достать мнѣ такого рысака, который бы могъ пробѣжать милю, какъ стрѣла, пробѣжать молодецки, злодѣйски, съ запалу».

«— Милордъ, отвѣчалъ я (надо вамъ замѣтить, что онъ называетъ себя ближайшимъ наслѣдникомъ какого-то дряннаго шотландскаго пера) — милордъ, у меня есть лихой бѣгунъ, рысакъ, который, пожалуй, не отстанетъ отъ паровой локомотивы, такой отчаянный конь, что будетъ тягаться съ пулей, пущенной изъ любаго карабина, а ни за что не сорветъ въ голопъ.

«— Маіоръ, замѣтилъ онъ, я бы вовсе не желалъ, чтобы вы меня величали лордомъ (хотя при словѣ, милордъ негодяй осклаблялся чрезвычайно самодовольно).

«— Какъ вамъ угодно, милордъ, отвѣчалъ я: — не позволяю себѣ судить объ этомъ.; но не могу также не придти къ мысли, что если вы имѣете всѣ права на высшее званіе, то странно было бы отказываться отъ этихъ правъ.

«— Ну, хорошо, проговорилъ онъ: — лордъ или не лордъ, а лошадку не мѣшало бы посмотрѣть.

Вотъ я и отправился къ конному двору Джо-Броуна, на другой конецъ города, и велѣлъ вывести лучшаго рысака, въ которомъ, впрочемъ, можно было находить порядочныя статьи, лишь скрѣпя сердце.

«— Что вы просите за лошадку, Джо-Броунъ? спросилъ я.

«— Двѣсти доллеровъ, отвѣчалъ онъ.

«— Хорошо, я возьму рысачка, попробую его, и если онъ мнѣ полюбится, то я его куплю.

Такимъ образомъ, я показалъ лошадь королинскому лорду и когда онъ взгромоздился на нее, я сказалъ ему тономъ благоразумія и неисходной мудрости:

«— Смотрите же, не пускайте рысака-то во всю прыть, берегите его удаль на черный день; если здѣшніе охотники замѣтятъ, съ какою дьявольскою побѣжкой эта лошадь, они, пожалуй, набьютъ цѣну.

Когда онъ возвратился, то сказалъ мнѣ, что чрезвычайно доволенъ лошадью и спросилъ о цѣнѣ.

«— Четыреста доллеровъ, отвѣчалъ я; хорошую вещь нельзя имѣть за безцѣнокъ; въ мѣдной оправѣ вы никогда не найдете порядочныхъ часовъ.

«— Знаю, знаю, отвѣчалъ онъ, нечего и толковать: лошадка моя.

Разумѣется, мы разстались очень довольные другъ другомъ.

«— Да, я хотѣлъ вамъ сказать на счетъ супа — произнесъ маіоръ въ заключеніе; теперь какъ разъ обѣденнее время, зайдите сами и взгляните — какъ понравится вамъ помѣщеніе.

Тамъ было видимо-невидимо джентльменовъ и лэди, которые тѣснились въ общей столовой (мнѣ еще никогда не случалось встрѣчать такого множества); всѣ они готовы были броситься къ съѣстному, и лишь только звонокъ прозвучалъ, мы запрыгали и засуетились точно стадо овецъ. Можете себѣ представить, какая возня сопровождала подобное стремленіе. Я получалъ отовсюду толчки, чувствовалъ, какъ платье мое теряло пуговицы и распадалось клочьями; наконецъ отъ какого-то особенно ловкаго удара, я уже готовъ былъ полетѣть вверхъ ногами: по чувству самосохраненія, я растянулъ руки и схватился за первый встрѣтившійся мнѣ предметъ, а что же это могло быть какъ не женское платье. Вотъ, какъ теперь помню, лифъ затрещалъ и лопнулъ, юбка оторвалась и упала на полъ, и пока я барахтался, обрывая и послѣдніе лоскутья, остававшіеся еще на жертвѣ моей ловкости, она стояла въ грустномъ сознаніи своей потери; стояла едва придерживая руками остатки платья. Что она пищала и визжала, это очень понятно; но дѣло въ томъ, что чѣмъ живѣе выражала она свое отчаяніе, тѣмъ громче хохотала публика; никто не имѣлъ силы преодолѣть свой хохотъ, и это длилось до тѣхъ поръ, пока слуги не догадались завернуть несчастную въ скатерти.

— Какой же вы рохля, Сликкъ, повторялъ маіоръ, когда мы усѣлись съ нимъ за столомъ; по крайней мѣрѣ, теперь не промохнитесь, не пронесите мимо рта и не ударьте себя лицемъ въ грязь.

Я, какъ выше мною замѣчено, сѣлъ позади маіора. Предо мною стояла китайскаго фарфора миска съ двумя ручками, наполненная супомъ — миска колоссальныхъ размѣровъ съ большою серебряною ложкою внутри, которая была чуть не съ ковшъ, употребляемый при выдѣлкѣ сахара въ котлахъ. Я сбирался было уже нацѣдить себѣ жижицы въ тарелку, когда маіоръ остановилъ меня.

«Берите со дна, Сликкъ, берите, не плошайте, все крошево, какъ есть, — на днѣ». Съ этими словами, онъ переворотилъ глубину суповой чашки и на верху немедленно показа-

лись куски жирной черепахи, отстой крѣпкаго бульону вмѣстѣ съ кореньями и катышки фаршу величиною съ орѣхъ. Никакое перо не въ состояніи описать, до какой степени все это было вкусно: супъ напоминалъ своимъ общимъ видомъ завѣтную прадѣдовскую яблоновку, которая оказываетъ на человѣка самое усладительное дѣйствіе, начиная отъ маковки головы до кончика большаго пальца на ногѣ.

Теперь, я дамъ вамъ, Сликкъ, полезный совѣтъ, сказалъ маіоръ — совѣтъ, который возвыситъ васъ въ собственномъ мнѣніи и во мнѣніи другихъ людей. Здѣшній народъ недалекъ, довѣрчивъ, не смотря на то, что садится за тримонтскій столъ. Обѣдайте всякій день въ тавернѣ Пипа — это ничего; но отобѣдавши тамъ, бѣгите по-скорѣе въ Тримонтскую гостинницу, остановитесь на крыльцѣ предъ уличною дверью и начинайте работать зубочисткою; тогда толпа повѣритъ, что вы обѣдаете здѣсь. Я самъ часто поступаю такимъ же образомъ и это мнѣ сберегаетъ по два доллера въ день.

Здѣшняя провинція ни дать-ни-взять этотъ трактирный супъ: она привлекательна и казиста снаружи, но раскопайте ее хорошенько и вы найдете въ ней настоящія сокровища: каменноугольныя копи, желѣзную руду, гипсъ и что угодно. Что же касается до Галифакса, то онъ довольно благовидѣнъ, хотя въ немъ и немного большихъ и замѣчательныхъ зданій. Вы увидите тамъ большой домъ и кругомъ его непремѣнно нѣсколько лачужекъ, такъ что группа эта напоминаетъ насѣдку съ своими цыплятами; но народъ тамъ чудакъ—только хлопаетъ глазами, да дремлетъ. Онъ дремлетъ походя и ходитъ въ дремотѣ, онъ говоритъ сквозь сонъ, и что скажетъ нынче, забываетъ на другой же день, увѣряя, что онъ бредилъ. Вѣдь вы знаете, гдѣ живетъ губернаторъ Кампбелль — въ большомъ каменномъ домѣ, съ высокою стѣною кругомъ, въ домѣ похожемъ на государственную тюрьму: вблизи отъ этого дома лежитъ тамъ смрадное, страшное на видъ кладбище, наполненное огромными могильными крысами, величиною съ добрую кошку. Ручьи мутной зловонной воды протекаютъ тамъ въ разныхъ направленіяхъ, всасываются въ землю чрезъ трещины и порядкомъ отравляютъ честной людъ—это замѣчательное въ своемъ родѣ мѣстечко, увѣряю васъ. Я удивляюсь только тому, какъ отъ вліянія подобной атмосферы все серебро, какое есть въ домѣ генерала, не потускнѣтъ и не

позеленѣетъ какъ мѣдь, (а серебра этого набралось бы воза четыре); такимъ образомъ резиденція именитаго сановника грязна и отвратительна какъ корабль наполненный неграми. Теперь попробуйте-ка пойти на это кладбище и разбудить мертвецовъ, которые заключены въ истлѣвшіе гробы; вы не разбудите ихъ ни за что, какъ ни ухитряйтесь: а между ними и народомъ Галифакса очень немного разницы — только тѣ лежатъ смирно и безмолвно, не шатаются и не говорятъ сквозь сонъ какъ ихъ потомки, разсхаживающіе на поверхности земли. Галифаксъ кормится изъ чужихъ гаваней и самый процессъ питанія доставляетъ ему, по его мнѣнію, довольно много хлопотъ. У гражданъ его нѣтъ рѣки, нѣтъ хорошо воздѣланныхъ полей; но заставьте ихъ проложить дорогу къ Мейназскому бассейну, и тогда откуда ни возьмутся у нихъ руки способныя снискивать пропитаніе. Если они не исполнятъ этого и притомъ не исполнятъ скоро, то я убѣжденъ, что они придутъ въ упадокъ, и тогда никакія человѣческія усилія не будутъ въ состояніи поднять ихъ. Они уже и теперь порядкомъ тощи; вы можете съ полнымъ удобствомъ пересчитать у нихъ ребра, безъ помощи пальцевъ. *Единственная вещь, которая могла бы сдѣлать что нибудь порядочное изъ Галифакса, которая могла бы поднять его изъ ничтожества — это желѣзная дорога чрезъ всю страну до Ѳундійскаго залива.*

«Нужно будетъ потолковать объ этомъ» говоритъ одинъ; «вы увидите у насъ современемъ желѣзную дорогу «говоритъ другой.

«Да, говоритъ третій, желѣзная дорога придетъ сама собою; но теперь мы еще слишкомъ молоды для нея».

У нашего стараго пастора была хорошенькая, быстроглазая дочка, къ которой сватались два или три очень порядочные жениха; но пасторъ обыкновенно говорилъ своей дочери: «Феба ты еще слишкомъ молода, мой другъ; — время придетъ — но теперь ты еще слишкомъ молода, милочка.» За всѣмъ тѣмъ, Феба не раздѣляла подобныхъ убѣжденій; она считала себя довольно свѣдущею по части сердечныхъ склонностей и при первомъ новомъ сватовствѣ, боясь потерять удобный случай, она убѣжала въ Родъ-Эйландъ и вышла тамъ замужъ. «Батюшка слишкомъ старъ, что бы знать толкъ въ

подобныхъ дѣлахъ» говорила она обыкновенно въ свое оправданіе. Тоже самое случается и съ Галифаксомъ

Тамошніе старики увѣряютъ, что государство ихъ слишкомъ молодо, что для него придетъ еще время, и тому подобное; тогда какъ молодежь не хочетъ дожидаться: она спасается бѣгствомъ въ Штаты, гдѣ господствующее правило то, что *молодость есть самое удобное время для дѣятельности и улучшеній: новое государство никогда не бываетъ слишкомъ молодо для предпріятій — поднимайся на-ноги — работай что есть силъ — лети впередъ.*

ГЛАВА XIV.

МНѢНІЕ МИСТЕРА СЛИККА О БРИТАНЦАХЪ.

— Успѣшно ли удавалась вамъ, спросилъ я, сбывать часы шотландцамъ въ восточной части провинціи? Такъ ли же они простоваты какъ Сизые-носы?

— Какъ же! произнесъ онъ съ неудовольствіемъ: — вы конечно слыхали, что Янки никогда не отвѣчаетъ на вопросъ, не сдѣлавъ другаго вопроса — неправда ли что слыхали? Теперь, видали ли вы какъ кланяется кучеръ англійской почтовой кареты? Если вы этого не замѣчали, то я вамъ могу помочь, на основаніи моихъ личныхъ наблюденій. Онъ поднимаетъ правую руку, проводитъ ее по срединѣ лица и потомъ проѣзжаетъ мимо васъ, съ легкимъ движеніемъ головою, какъ будто говоря: «какъ вы поживаете? очень радъ васъ видѣть; только смотрите, у меня не задѣвать за колеса, а то я, будьте покойны, разобью всѣ зубы у вашей лошади». Въ эту минуту онъ похожъ бываетъ на медвѣдя, который старается снять у себя больницу съ морды. Я почти такимъ же образомъ поступаю съ голоногими шотландцами. Боже мой — если-бы имъ пришлось жить на здѣшнихъ кумберлэндскихъ болотахъ: вотъ мухи-то и комары заѣли бы ихъ тогда! Они стали бы чесать себѣ ноги какъ ирландецъ чешетъ голову, когда сбирается солгать. Нѣтъ, для янки небольшая находка быть между ними, все равно какъ жиду въ Новой-Англіи: чѣмъ скорѣе онъ дастъ тягу, тѣмъ лучше. Ихъ также мудрено заманить на какую нибудь покупку какъ продолбить тиковое

полѣно (*); долото выскакиваетъ изъ рукоятки прежде чѣмъ вы успѣете сдѣлать малѣйшій рубецъ. Если бы Сизые-носы также какъ они знали цѣну деньгамъ, то конечно у нихъ были бы болѣе полные кошельки и менѣе встрѣтили бы вы у нихъ часовъ и оловянныхъ рефлекторовъ, я въ томъ увѣренъ.

Ирландцы опять совершенно въ другомъ родѣ; они потому не носятъ съ собою кошелька, что имъ нечего туда класть. Они постоянно или влюблены или пьяны, или мечутся, Богъ вѣсть почему, изъ угла въ уголъ. Это самые безпокойные, верченые сорванцы, какихъ я когда либо видалъ. Судья Билеръ, вы вѣрно слыхали о немъ — онъ забавникъ и острякъ большой руки — повѣсилъ надъ дверьми у своей конторы въ Лоуеллѣ слѣдующую надпись: «Сигары и ирландцы нетерпимы внутри этихъ стѣнъ,» потому, какъ объяснялъ онъ, что «первые сожгутъ у меня бумагу, а вторые собьютъ съ пантолыку моихъ фабричныхъ дѣвчонокъ. Я вовсе не желаю имѣть вокругъ себя такихъ скоровоспалительныхъ и опасныхъ господъ.» Когда британцы заискивали въ насъ, чтобы заключить общій трактатъ на счетъ прекращенія торговли неграми, я помню. какъ старый Джонъ Адамъ говорилъ, что мы должны выражать имъ свою признательность, потому что они избавляютъ насъ, по его словамъ отъ большихъ затрудній, отправляя къ намъ цѣлые транспорты ирландцевъ. «Ирланды, замѣчалъ онъ, работаютъ лучше, работаютъ дешевле и не такъ долго живутъ. Негры, когда они выбиваются изъ силъ и перестаютъ работать, еще цѣлые годы только сбираются умирать, и составляютъ въ это время прямой убытокъ для хозяина, между тѣмъ какъ жары и злодѣйскій ромъ скоро свертываютъ шею ирландцамъ и вызываютъ новые транспорты ихъ земляковъ.»

Англичане, ведя свои торговыя дѣла, являются иногда настоящими ребятами; они щелушатъ свои кошельки какъ какіе нибудь колосья пшеницы: зерна такъ и сыплются, куда ни попало, на грязный полъ. Но зато изъ этихъ зеренъ приготовляютъ они самый кислый, самый грубый хлѣбъ, годный только развѣ для скотины. Кто далъ имъ прозваніе Джонъ-Булль, былъ видно себѣ на умѣ; они въ самомъ дѣлѣ люди

(*) *Тикъ* — остъ-индское дерево.

съ бычачьими шеями и головами, увѣряю васъ (*). Они желчны, раздражительны, капризны, ворчатъ и бранятся по цѣлымъ днямъ и надежны только до тѣхъ поръ, пока за ними присматриваешь. Они вообще упрямы какъ лошаки и пусты и тщеславны какъ павлины.

Удивленіе, съ которымъ я выслушалъ эту тираду противъ моихъ соотечественниковъ, совершенно подавило во мнѣ негодованіе. Я съ изумленіемъ прислушивался къ тону, какимъ онъ произносилъ эти слова. Онъ какъ будто сообщилъ одну изъ тѣхъ очевидныхъ истинъ, которыя не требуютъ ни доказательствъ, ни оправданій, и которыя приняты всѣмъ человѣчествомъ какъ что-то общеизвѣстное и непреложное.

— По моему, нѣтъ великолѣпнѣе зрѣлища какъ, смотрѣть когда кто нибудь изъ нихъ пріѣдетъ въ первый разъ въ одинъ изъ нашихъ большихъ городовъ. Онъ надувается и жилится, точно желаетъ превратиться въ пузырь, кожа на немъ такъ и хочетъ лопнуть и разлетѣться въ прахъ — ни дать ни взять на аэростатѣ, наполненномъ газомъ; онъ прыгаетъ по мостовой, точно медвѣдь на раскаленной плитѣ — такой же неотесанный чурбанъ (потому что ихъ въ самомъ дѣлѣ нельзя сравнить съ французами по изяществу манеръ); онъ улыбается въ глаза каждому встрѣчному, такъ и хочетъ сказать вамъ: «Посмотрите на меня, Іанаѳанъ, посмотрите на меня внимательно: я англичанинъ, я человѣкъ, въ которомъ кровь такъ же чиста и благородна какъ въ жилахъ норманискаго пирата, въ которомъ соединяются досужества двухъ племенъ, двухъ націй: похвальныхъ качествъ у меня полны карманы, полонъ ротъ — не проворотишь. Неправда ли, что я дьявольски милъ!» И тутъ онъ дѣлается гордымъ и свирѣпымъ какъ тигръ, такъ и хочетъ окрыситься на васъ, оскалить зубы и произнести съ нахальною отвагою: «попробуй-ка, подступись, гусь лапчатый!»

Нѣтъ, скажу вамъ откровенно, что, по моему мнѣнію, мы рѣшительно способны затушевать чуть не всю вселенную. Ищите «хоть днемъ съ огнемъ», «глядите въ оба», а вамъ не найти человѣка, который бы, при подробномъ изслѣдованіи вдоль и поперекъ, оказался ровнымъ достоинствами съ нашими просвѣщенными гражданами. Это люди, въ которыхъ

(*) *Bull* по англійски значитъ *быкъ*.

есть смѣтка, проворство, душа и сердце; это чистая крупка безъ отрубей и шелухи, это имбирь, который бросится въ носъ кому угодно, заставитъ встрепенуться умирающаго, это народъ съ широкой костью, а не мозглякъ, не дряблая кляча. Всѣ согласны въ томъ, что такого отродья поискать, да и поискать — а найти, все-таки не найдешь. Хитеръ какъ лиса, увертливъ какъ вьюнъ, вкрадчивъ какъ кошка. Хотя бы можетъ быть не слѣдовало говорить этого, но не могу не выразить убѣжденія, что народъ нашъ составляетъ цвѣтъ творенія, лучшій капиталъ вселенной.

Онъ смотрѣлъ въ эту минуту какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что онъ выражается до того основательно и удачно, что всякое лишнее слово только ослабляло бы достоинства его рѣчи. Потому онъ немедленно перемѣнилъ разговоръ, указавъ на дерево, которое росло въ небольшомъ разстояніи отъ дома и замѣтивъ, что это сахарный кленъ.

Это славное дерево, сказалъ онъ; оно способно еще долго рости и выпускать сокъ, пока не истощится совершенно и не изсохнетъ.

Эта провинція ни дать ни взять какъ дерево, которое вы видите передъ собою; оно сочится до тѣхъ поръ, пока не начнетъ постепенно умирать съ верхушки, и если прорѣзанное въ немъ отверстіе не задѣлать клинышкомъ, оно непремѣнно погибнетъ. Всѣ деньги, какія выработываются здѣсь, всѣ проценты, которые на нихъ пріобрѣтаются, даже значительная часть биржевыхъ оборотовъ — все это идетъ за границу, обращается въ пользу постороннихъ людей; только весьма немногое оставляется для покупки у насъ хлѣба.

Провинція высохла какъ какое нибудь болото; она открыла на вѣтеръ свои нѣдра, выставила ихъ напоказъ и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что нашлись люди, которые подрываютъ основу ея благосостоянія. Теперь, вѣдь всякое болото, всякую лужу, можно совершенно высушить; можно извлечь изъ нихъ сырость до такой степени, что самая тина превратится въ пыль и поднимется на воздухъ. Англійскіе фонды и наши банки, желѣзныя дороги и каналы, — все это какъ губка вбираетъ въ себя наши капиталы и пожираетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ вы успѣваете пріобрѣтать ихъ. Самый мостъ въ Виндзорѣ, напримѣръ, мостъ, о которомъ мы такъ много слышали, одолженъ своимъ существованіемъ

Новому Браунтвейгу и будетъ платить этой провинціи пошлину. Капиталисты Новой Шотландіи поступаютъ съ нимъ какъ съ наемнымъ домомъ: они не хотятъ его чинить, не хотятъ его красить съ цѣлію предохранить перила отъ порчи, не задѣлываютъ дыръ, которыя пропускаютъ сырость и заставляютъ дерево гнить; они нарочно ведутъ его къ тому, чтобы онъ разрушился скорѣе чѣмъ можно вбить въ доску гвоздь, или вставить стекло въ оконную раму. Здѣсь незамѣтно въ народѣ ни бодрости душевной, ни предпріимчивости, ни патріотизма; весь край погруженъ въ апатію, точно медвѣдь по зимамъ, лежа въ своей берлогѣ.

Здѣшній житель переворачивается себѣ съ боку на бокъ цѣлые дни и ночи, да только думаетъ про себя: «вѣдь экій я, право, несчастный — что ты будешь дѣлать! Есть кажется на мнѣ теплая шкура, не хуже тѣхъ, какія удается видѣть на джентльменахъ гуляющихъ по лѣсу; но нѣтъ у меня сапоговъ для ногъ, и потому, чтобы согрѣть ноги, я долженъ дуть на нихъ попеременно и поджимать ихъ подъ себя. Если бы не это, я заставилъ бы всѣхъ тѣхъ, у кого на ногахъ копыты и рога на головѣ, я заставилъ бы ихъ держать ухо востро. Неправда ли досадно, что я не могу теперь этого исполнить? Будь у меня только какія нибудь средства, я бы показалъ имъ себя на чистоту, я заставилъ бы ихъ чесать себѣ голову со всѣхъ четырехъ сторонъ».

Мнѣ случилось идти внизъ къ Матанзасу на фультоновскомъ пароходѣ. Это былъ первый пароходъ, который они увидали. Дѣло не обошлось безъ испуга, когда пронесся мимо ихъ этотъ корабль безъ парусовъ и веселъ, идущій прямо какъ стрѣла и дѣлающій по девяти узловъ въ часъ; какъ метеоръ мелькнулъ онъ у нихъ въ глазахъ, и полоса дыма тянулась точно хвостъ кометы. Вы могли бы тогда полюбоваться занимательнымъ зрѣлищемъ, какъ негры собирались оттолкнуть этотъ пароходъ отъ берега, въ случаѣ нападенія, и какъ самыя войска пришли въ сильнѣйшій азардъ, думая, что угрожаетъ опасность всему краю. Между тѣмъ, какой-то приземистый, тощій, съ лицомъ апельсиннаго цвѣта, испанскій офицеръ одѣтый въ мундиръ, похожій на ливрею, вздумалъ даже выѣхать къ намъ на маленькой лодчонкѣ, въ которой сидѣло кромѣ его два человѣка.

Мы кричали ему раза два, чтобы онъ остерегся столкнуться съ пароходомъ; но онъ ѣхалъ прямо на наши колеса. Одно изъ этихъ колесъ такъ сильно ударило въ носъ лодки, что она прыгнула однимъ концемъ вверхъ, точно положенная на палку доска, на которой качаются мальчишки, — и выбросила офицера, какъ разъ, къ намъ на палубу. Мнѣ еще никогда не случалось видѣть человѣка въ такой крайней степени изумленія, какимъ казался въ то время испанецъ. Онъ бормоталъ что-то на ломаномъ англійскомъ языкѣ, видя, что мы его окружили, и когда совершенно образумѣлся, то сказалъ съ чувствомъ задѣтаго самолюбія: «проваль побери всѣ эти выдумки — гдѣ вотъ теперь моя лодка?» и онъ оглянулся, какъ будто полагая, что лодка вслѣдъ за нимъ прыгнула къ намъ на палубу.

«— Ваша лодка, отвѣчалъ капитанъ методически, — вѣроятно пошла ко дну, а люди ваши должно быть отправились присматривать за нею, потому что мы не видали и не слыхали ихъ, послѣ того, какъ лодка столкнулась съ пароходомъ.»

Да, я именно желалъ бы протрясти здѣшнихъ лѣнтяевъ, вотъ такъ, какъ этого испанскаго офицера, я заставилъ бы ихъ выпучить глаза такъ, какъ будто имъ въ чудо, что у нихъ не слипаются вѣки, какъ будто имъ въ первый разъ приходится смотрѣть на свѣтъ. Губернаторъ Камибелль не ожидалъ, я думаю, найдти такую сторонку, когда сюда пріѣхалъ, — ужь вѣрно не ожидалъ.

Когда я еще былъ маленькимъ мальчишкой, ростомъ не болѣе, какъ до колѣнка, и жилъ въ Коннектикутѣ, матушка говаривала мнѣ обыкновенно «Слушай, Самъ, если ты у меня не перестанешь чесаться точно старый Скратчъ, я пошлю тебя въ Новую Шотландію, какъ Богъ святъ, пошлю.»

О! какъ пугала меня тогда подобная угроза; волосенки на головѣ у меня поднимались дыбомъ, точно у разсерженной кошки, и морозъ пробѣгалъ по всѣмъ членамъ, начиная отъ темени до пятокъ и отъ кончика носа до пальцевъ на ногахъ и рукахъ. Дочь нашего сосѣда Дирборна выходила замужъ за Ярмутскаго джентльмена, который занимался какими-то спекуляціями, по части контробанды. Когда она отправлялась совсѣмъ, чтобы плыть въ Новую Шотлан-

дію, родные и знакомые провожали ее точно на похоронахъ; они увѣряли, что она хочетъ погребенія за живо.

«— Дочь моя, говорилъ старый полковникъ, ея отецъ, я скорѣе согласился бы опустить тебя въ могилу,—тамъ ты избѣгла бы всѣхъ безпокойствъ и страданій, — нежели видѣть тебя отправляющеюся въ эту дрянную страну, гдѣ только и есть, что льдяныя горы, да болота. И при этомъ старикъ вылъ такимъ пронзительнымъ голосомъ, какимъ воетъ ирландецъ, когда пробуетъ разбудить умершую жену свою. Конечно мы имѣемъ самыя уродливыя, нелѣпыя понятія объ этомъ краѣ, то правда; но если провинція сама по себѣ не такъ дрянна, какъ обыкновенно объ ней думаютъ, зато народъ въ тысячу разъ хуже, чѣмъ онъ можетъ представиться человѣку съ самымъ мрачнымъ воображеніемъ.

Вы, конечно, видали, какъ въ морозное осеннее утро, стая куропатокъ выбирается изъ тѣнистаго мѣста на солнышко и грѣется тамъ нахохлившись и лѣниво потягиваясь: Сизые-носы половину своего времени проводятъ такъ, какъ куропатки — грѣются на солнышкѣ, и больше ничего. Гдѣ же причина этому? Причина заключается въ законодательствѣ. Законы *не поощряютъ тамъ усовершенствованій въ порядкѣ внутренняго управленія, не способствуетъ полезному употребленію капиталовъ, а послѣдствіемъ всего этого — апатія, бездѣйствіе, бѣдность*. Они проводятъ по три мѣсяца въ году въ Галифаксѣ. Но что же они тамъ дѣлаютъ?

Отецъ далъ мнѣ однажды доллеръ съ тѣмъ, чтобы я отправился на ярмарку въ Гартфордъ. Когда я воротился, отецъ спросилъ меня: «ну что, Самъ, много ли видѣлъ ты, много ли пыли пустилъ въ глаза, что̀ пріобрѣлъ на данный тебѣ доллеръ?»

Такъ и теперь, я спросилъ бы ихъ, что̀ они видятъ, что̀ достаютъ себѣ путнаго, сидя тамъ по три мѣсяца? Они обманываютъ только и смущаютъ народъ; увѣряютъ его, что единственная цѣль собраній состоитъ въ томъ, чтобы облаять адвокатовъ, судей, банкировъ и всю подобную сволочь, и воспрепятствовать имъ отростить слишкомъ большіе зобы; а на дѣлѣ выходитъ, что зоркость самихъ надзирателей становится гораздо дороже, чѣмъ бы стоило прокормить всю остальную братію законниковъ, хотя бы у нихъ былъ самый чудовищный аппетитъ. Если я вижу, что ферма развалилась,

я говорю, что въ ней худой порядокъ, худое управленіе; если же я вижу провинцію, которая подобно этой, обладая большими естественными средствами, несмотря на то, поражена нищетою, я говорю, что у нея негодное законодательство.

Нѣтъ, сказалъ онъ въ заключеніе (такимъ серьёзнымъ тономъ, какого я не замѣчалъ въ немъ прежде), *очень жаль, что отложивъ въ сторону мелочные интересы и личное самолюбіе, они не соединятся общими стремленіями и не обратятся съ рвеніемъ къ дѣлу внутренняго усовершенствованія и развитія естественныхъ богатствъ этой прекрасной провинціи. Достоинства ея совершенно неизвѣстны ни центральному, ни мѣстному правительству, и единственные люди, которые могутъ оцѣнить здѣшній край, — это Янки.*

ГЛАВА XV.

ПРИЛАЖИВАНІЕ РУКОЯТКИ КЪ ГАЛИФАКССКОМУ КЛИНКУ.

Я встрѣтилъ сегодня утромъ какого-то господина изъ Галифакса, ужаснаго фанфарона и чудака, у котораго все дѣлается не спроста, а на показъ. Взглянувъ на него, можно было подумать, что онъ заимствовалъ свои манеры у какого нибудь армейскаго офицера, когда тотъ уже износилъ ихъ, какъ старый сюртукъ, и бросилъ. Манеры эти казались на немъ дурно сшитымъ платьемъ, которое не впору, не къ лицу. Онъ былъ недуренъ собой, но важничалъ и очень напоминалъ милиціоннаго капитана, который надѣваетъ на себя мундиръ и выходитъ на какую нибудь сцену домашняго театра въ роли солдата; онъ воображаетъ, что онъ чрезвычайно красивъ и что весь свѣтъ не можетъ имъ довольно налюбоваться. Итакъ галифакскій джентльменъ ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, точно павлинъ, таращился въ ширину и вытягивался вверхъ до невозможности Въ рукѣ у него былъ хлыстикъ, которымъ онъ билъ себя отъ времени до времени по икрамъ, какъ будто желая этимъ сказать: «Не правда ли, что ножки хоть куда: мускулисты, красивы! А сапоги? Боже, что за сапоги! Ужь конечно весь эмгерстскій народъ удивится, посмотрѣвъ на меня». «Красивъ-то ты красивъ, подумалъ я, да только надо бы тебя прошколить порядкомъ, надо придѣлать къ тебѣ, какъ

къ какому нибудь клинку, надежную рукоятку». Когда я проходилъ мимо его, онъ держалъ голову такъ высоко, какъ высока труба пороховаго завода, стоялъ упершись кулаками въ бока и обозрѣвалъ меня съ головы до ногъ, точь-въ-точь какъ квакеръ посматриваетъ на модную городскую леди; онъ такъ и хотѣлъ сказать мнѣ: «Какой же вы странный, право; мнѣ еще не удавалось встрѣчать такихъ чудаковъ; вы вѣрно не въ своемъ разумѣ, вѣрно помѣшаны, бьюсь объ закладъ, — помѣшаны».

«— Хорошенькій денекъ, сэръ, сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ, съ такимъ видомъ, какъ будто клалъ въ эту минуту сотню доллеровъ въ шапку нищаго: — хорошенькій денекъ.

— Вы дѣйствительно такого мнѣнія? спросилъ я. — мямля слова чисто по коннектикутски.

«— Разумѣется, сказалъ онъ отрывисто: — иначе я не гогорилъ бы.

«— Не знаю, какъ вы, замѣтилъ я, въ свою очередь: — но если бы я былъ такого мнѣнія, я бы не сталъ о томъ разсказывать.

«— Отчего же нѣтъ?

«— Потому, что всякій дуракъ, точно такъ же, какъ и я, можетъ понять, что погода хороша.

И вмѣстѣ съ этимъ я устремилъ на него глаза, стараясь показать ему, что если ты дескать желаешь, то я готовъ потягаться съ тобою, чѣмъ и когда хочешь. Но онъ подумалъ, подумалъ, да и повернулся на коблукахъ, насвистывая пѣсенку про Янки Дудля. Онъ походилъ въ эту минуту на человѣка, для котораго насвистываніе кажется гораздо болѣе пріятнымъ и легкимъ занятіемъ, чѣмъ мышленіе.

Вслѣдъ за тѣмъ я услыхалъ, какъ онъ спрашивалъ у грума:

«— Кто этотъ странный и дерзкій Янки?

«— Это: отвѣчалъ грумъ: — да какже, это самъ мистеръ Сликкъ!

«— Ты! что ты орешь! Какъ — Сликкъ часовщикъ, можетъ ли быть! Жаль, что я не зналъ этого прежде, потому что мнѣ давно хотѣлось его видѣть; онъ, говорятъ, презабавный малый.

Онъ тотчасъ же воротился и не спускалъ съ меня глазъ, точно съ какого нибудь пугала; потомъ сталъ кружитьсяоколо меня, ни-дать-ни-взять боровъ около огорода, въ которомъ посѣялъ картофель и въ который ему хочется отыскать лазейку. «Ну, подумалъ я самъ съ собою, нужно же поговорить съ нимъ что-нибудь; пусть его пораскажетъ потомъ добрымъ людямъ, когда возвратится къ себѣ въ городъ.

«— Что, каково идутъ дѣла въ Галифаксѣ, сэръ? спросилъ я.

«— Хорошо, отвѣчалъ онъ: — гораздо лучше: дѣла ведутся на болѣе надежныхъ началахъ, чѣмъ прежде, и всѣ предпріятія выясниваются.

«— Ни-дать-ни-взять, какъ свѣчка передъ тѣмъ, какъ ей погаснуть; она ярко, очень ярко вспыхиваетъ да потомъ ужь разомъ и потухла, и остается отъ нея только сажа да отвратительный чадъ. По моему мнѣнію, вашъ народъ не умѣетъ подливать масла въ лампу, а пустая она не прогоритъ долго. Нѣтъ, сэръ, пройдетъ для Галифакса масляница, настанетъ и великій постъ, и въ этомъ будутъ виноваты сами его жители. Если человѣкъ сидитъ у дверей своего дома и видитъ, какъ скотъ бродитъ у него по полямъ и поѣдаетъ хлѣбъ и какъ сосѣди свозятъ у него снопы, и если замѣчая все это, онъ не соберется привстать и прогнать ихъ, то по дѣломъ вору и мука.

«— Я хорошенько не понимаю этого, сэръ, сказалъ *онъ*.

«Было бы странно, подумалъ я про себя, было бы странно, если бы ты понялъ, потому что я не видалъ изъ вашего брата ни одного, который бы умѣлъ отличить кукушку отъ ястреба.

«— Ну такъ я вамъ объясню, сказалъ я ему, въ отвѣтъ: — слушайте, въ чемъ дѣло: проведите линію отъ Песочнаго мыса къ Канзойскому мысу, поперекъ всей провинціи; провинція раздѣлится тогда на двѣ половины такъ же ровно, какъ разрѣзанное по-поламъ яблоко; теперь, изволите видѣть,—худшая половина, гнилая половина — принадлежитъ Галифаксу, а другая, здоровая половина, Сентъ-Джону. Ваша половина пропровинціи по морскому берегу вся каменниста: я еще никогда не видалъ такихъ тощихъ, голыхъ скалъ; тутъ и кроликъ умретъ съ голода. Между тѣмъ другая сторона отъ Фундійскаго залива превосходный, благодатный край, какого не най-

дешь нигдѣ. Теперь, — все населеніе, которое живетъ по заливу, — какая нелегкая понесетъ его въ Галифаксъ, когда съ меньшими вдвое затрудненіями оно можетъ пріѣзжать въ Сентъ-Джонъ? Сентъ-Джонъ есть настоящая столица Фундійскаго края и сдѣлается со временемъ самымъ значительнымъ послѣ Нью-Йорка городомъ въ цѣлой Америкѣ. У него есть пажити такія же пространныя какъ въ Великобританіи, есть судоходная рѣка; народъ его смѣтливъ, проницателенъ и проворенъ, какъ янки, дѣла тамъ могутъ идти блистательнымъ образомъ. Жители извлекаютъ всевозможныя произведенія изъ береговъ залива, требованіе и потребленіе совершаются въ надлежащей соразмѣрности; на этомъ сосредоточивается вся торговля провинціи. Ваши богачи скоро поймутъ, что они обожгли себѣ пальцы, что они сѣли какъ ракъ на мѣли — да ужь будетъ поздно. Дома безъ жильцовъ, гавани безъ кораблей, городъ безъ горожанъ, какое славное положеніе!!! Если у васъ есть свободные доллеры, пускайте ихъ подъ вѣрный залогъ въ оборотъ на полезныя предпріятія. Вамъ прежде всего нужно устроить гавань и для этого берегъ представляетъ неисчислимыя удобства..... У васъ мало сосноваго и еловаго лѣсу, нѣтъ порядочныхъ бревенъ или досокъ; у васъ не родится порядкомъ ни пшеница, ни овесъ, нѣтъ у васъ и сѣнныхъ покосовъ, ни сѣнокоса, и никогда не будетъ ничего; вы не думаете заводить и житницъ, магазиновъ, кромѣ развѣ тѣхъ, которые служатъ для складки Брейдвельскихъ замковъ; вы посѣяли гордость и собираете нищету: берегитесь за свой насущный хлѣбъ — и его нельзя добывать даромъ. У васъ нѣтъ ни рѣки, ни производительной почвы, какую же послѣ этого торговлю думаете вы вести?»

«— Но, отвѣчалъ онъ (и при этомъ распялилъ бѣлки глазъ точно жеребецъ): — но какъ же, мистеръ Сликкъ, Галифаксъ все-таки растетъ, развивается; развѣ онъ не пріобрѣтаетъ теперь того, что получалъ прежде, развѣ онъ сталъ хоть на волосъ хуже чѣмъ былъ?

«— Дѣйствительно, еще земля терпитъ васъ до времени; но если вы понадѣетесь на нее, то скоро гдѣ нибудь обломаете себѣ ноги, — этому не миновать. Вы нѣкогда вели торговлю со всей провинціей, держали эту торговлю въ своихъ рукахъ; но сентъ-джонцы стали вамъ поперекъ дороги и пе-

ребили у васъ всѣ порядочныя дѣла, вы потеряли все, исключая жалкаго торгашества ягодами и кроликами съ неграми Гаммондской равнины. *Вы потеряли навсегда своихъ покупщиковъ, ваши соперники обладаютъ несравненно лучшими способностями для дѣлъ — они утвердились на перекресткѣ, четыре дороги сходятся тамъ къ одному центру, а рынокъ рукою подать оттуда.*

Собесѣдникъ мой немножко осовѣлъ.

«— Можетъ быть, что вы говорите и правду, отвѣчалъ онъ: — но мнѣ никогда не случалось объ этомъ думать («Да никто и не ожидалъ, чтобы ты былъ способенъ думать» сказалъ я самому себѣ): — многіе изъ нашихъ великихъ людейу увѣряютъ, продолжалъ онъ: — что вашъ народъ, чрезъ продажу часовъ вытянулъ у насъ огромное количество денегъ.

«— Можетъ быть, замѣтилъ я: — но часы, вмѣстѣ съ шпильками и булавками, составляютъ такую домашнюю принадлежность, которая не въ состояніи разорить; есть вещи цѣннѣе этого, накладнѣе, убыточнѣе для народа.

«— Да, я слыхалъ, что это банки.

«— Вы можетъ быть также слыхали, что если смазать у телѣги оси, то ее труднѣе будетъ вести? Слыхали что ли? А въ этомъ сужденіи столько же здраваго смысла, сколько и въ первомъ.

«— Есть также люди, продолжалъ онъ: — которые говорятъ, что мы обѣдняли отъ того, что въ нынѣшнемъ году покупали все дешевле нежели въ прошлые годы, не такъ ли? Да, вашъ народъ чрезвычайно догадливъ, право; онъ удивилъ бы любаго Филадельфійскаго адвоката обширностію своихъ знаній.

«— Ахъ, произнесъ онъ, потирая руки и улыбаясь съ такимъ самодовольствіемъ, съ какимъ улыбается молодой докторъ,только что получившій перваго паціента: — ахъ, если бы только пошлина на лѣсъ измѣнилась,—Сентъ-Джонъ пропалъ бы весь цѣликомъ, отъ головы до пятокъ: онъ построенъ на зыбкомъ основаніи, въ немъ все дѣлалось и дѣлается для наружности, народъ тамъ спекулируетъ до безумія, они разорятся непремѣнно.

«— Ну, если вы будете дожидаться ихъ смерти, чтобы устроить вашу карьеру, то вамъ придется довольно много потерять времени. Жутко сидѣть безъ сапоговъ, въ ожиданіи на-

слѣдства отъ человѣка, который еще живехонекъ. Предположите, что какой нибудь восьмидесятилѣтній старикъ сталъ бы говорить вамъ: «Когда вотъ эта молодежь примретъ — я получу послѣ нихъ наслѣдство», чтобы вы сказали о немъ? Вы конечно сказали бы, что это старый дуракъ. *Нѣтъ, сэръ, если англичане не нуждаются въ лѣсѣ, то мы все-таки нуждаемся: мы уничтожили уже всѣ наши лѣса и теперь у насъ почти не остается ни прута.* Если британцы не вызовутся поставить нужное количество, то мы возьмемся за это и Сентъ-Джонъ, какъ хорошенькая и молоденькая вдовушка, утретъ себѣ глазки и начнетъ снова беззаботно и весело бѣгать и рѣзвиться.»

«Въ настоящее время нѣтъ страны, которая бы представляла болѣе выгодъ для торговыхъ сношеній, чѣмъ Сентъ-Джонъ; потому что, кромѣ другихъ преимуществъ, онъ дѣлается соперникомъ Галифакса, а Галифаксъ, точно послѣ пріема опіума, храпитъ на-всю-ивановскую и деревянѣетъ точно пьяный, упавшій на снѣгъ въ холодную зимнюю ночь. Онъ такъ долго спалъ, что я думаю никогда ужь не проснется. Впрочемъ, это довольно легкая смерть, и если вы станете будить его, то поступите очень неблагоразумно; я на вашемъ мѣстѣ оставилъ бы его въ покоѣ. Я однажды спасъ человѣка, который тонулъ; на другую же ночь онъ напился пьянъ и оставилъ меня въ то время, какъ я самъ не могъ выходить изъ комнаты. Повстрѣчавшись послѣ съ нимъ, я сказалъ ему на отрѣзъ: «Я попробовалъ васъ спасти въ первый разъ въ жизни, и даю слово, что впередъ не сдѣлаю подобной глупости, если такимъ образомъ платится за услугу». Нѣтъ, сэръ, Галифаксъ окончательно лишился своихъ кліентовъ. Съ кѣмъ торгуетъ Ярмутъ? Съ Сентъ-Джономъ. Съ кѣмъ ведетъ дѣла графство Аннаполисъ? Съ Сентъ-Джономъ. Съ кѣмъ торгуютъ всѣ жители Минизскаго бассейна и береговъ залива? Съ Сентъ-Джономъ. Съ кѣмъ Кумберлэндъ въ постоянныхъ коммерческихъ сношеніяхъ? Съ Сентъ-Джономъ. Да, у Галифакса остались только обсѣвки, оборъ, шелуха. Вы только и продаете, что тощихъ свиней, дряхлыхъ гусей и не менѣе дряхлую длинноногую птицу, голодныхъ борововъ и быковъ, которыхъ мясо такъ же твердо, какъ камень; все это вы мѣняете, какъ ни попало, на чай, сахаръ и другія съѣстныя вещи, способныя интересовать лишь ста-

рыхъ бабъ. Между тѣмъ желѣзныя дороги и каналы Сентъ-Джона перебиваютъ у васъ всю береговую торговлю. Мухи живутъ по лѣтамъ и умираютъ на зиму; вы суетитесь такъ же, какъ лѣтомъ мухи, но отъ васъ не услышишь порядочной пѣсни даже въ лѣтнюю пору. Нѣтъ, не быть уже праздннку на вашей улицѣ; пора вамъ образумиться и посбавить спѣси. Вашъ городъ похожъ на бальную залу по окончаніи танцевъ. Публика наѣлась, напилась, навеселилась и оставила чуждый для нея домъ; лампы и жирандоли еще горятъ, но нѣтъ ни души живой въ комнатѣ».

«— Неужели противъ этого нѣтъ никакихъ средствъ? сказалъ онъ, и смотрѣлъ въ эту минуту какъ черокійскій индѣецъ.

«Ну — подумалъ я — теперь, кажется, рукоятка насаживается какъ должно». — «Какъ же, сказалъ я громко: — когда человѣку холодно, онъ долженъ сначала осмотрѣться кругомъ, нѣтъ ли средствъ избѣжать когтей мороза; если же онъ не приметъ мѣръ предосторожности, то разумѣется немедленно окоченѣетъ. Есть средство и вамъ помочь, если вы только приметесь за дѣло благовременно: *проведите желѣзную дорогу къ Майнзскому бассейну и тогда у васъ будетъ порядочный путь сообщенія съ вашими кліентами,— обоюдная выгода и для нихъ и для васъ*. Когда я былъ въ послѣдній разъ въ Нью-Йоркѣ, одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ Гезекіагъ Сликкъ сказалъ мнѣ: «Я, кажется, совершенно раззорюсь, Самъ, я потерялъ всѣхъ своихъ покупателей; теперь всѣ принялись за расширеніе и улучшеніе улицъ, которыя до того загромождены народомъ и телѣгами, что къ моей лавкѣ невозможно подойдти. Что я теперь буду дѣлать? а между тѣмъ нужно платить страшные проценты». «Погоди, Ки, отвѣчалъ я ему: — когда передѣлки на улицѣ окончатся и все будетъ прибрано и выметено, покупатели явятся къ тебѣ опять цѣлою гурьбою; ихъ наберется больше, чѣмъ было прежде; ты начнешь продавать вдвое успѣшнѣе съ будущаго года, можешь быть въ этомъ увѣренъ». Такъ и случилось, и теперь у брата моего денегъ куры не клюютъ. Желѣзная дорога возвратитъ вамъ вашихъ прежнихъ кліентовъ, если будетъ готова во-время; но промедлите, пока торговля изберетъ для себя новые пути и освоится съ этими путями, и тогда вамъ ни за что въ свѣтѣ не удастся уже

сшибить ее изъ этой колеи. Когда дѣтина дождется пока дѣвушка выйдетъ замужъ, тогда уже поздно просить ея *руки и сердца*».

«Сентъ-Джонъ *долженъ* идти впередъ во всякомъ случаѣ; вы *можете* подвинуться, но предваряю васъ, что для этого вамъ нужно трудиться, работать. Если у человѣка одна нога, а гулять хочется, онъ придѣлываетъ себѣ фальшивую ногу. Если у васъ нѣтъ рѣки, проведите желѣзную дорогу; она замѣнитъ вамъ рѣку».

— Но, мистеръ Сликкъ, замѣтилъ онъ: — у насъ опытные люди говорятъ, что дорога никогда не окупится, что это такой же безумный планъ, какъ планъ проводить каналъ».

— Въ самомъ дѣлѣ, они такого мнѣнія? сказалъ я: — въ такомъ случаѣ, пришлите ихъ ко мнѣ, и я приверну на нихъ рукоятку какъ должно. Я вамъ говорю, что дорога окупится и лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что мои земляки возьмутъ на себя третью часть первоначальныхъ издержекъ. Слыхали ли вы, хоть отъ кого нибудь, даже изъ своихъ опытныхъ людей, вопросъ о томъ, окупится ли лекарство, когда оно дается съ тѣмъ, чтобы спасти жизнь больному? Если длинный Эрійскій каналъ въ состояніи упрочить для Нью-Йорка торговлю этихъ отдаленныхъ странъ — чуть не на другомъ краю свѣта, — то конечно желѣзная дорога въ сорокъ-пять миль доставитъ вамъ торговлю Фундійскаго залива. Желѣзная дорога пойдетъ отъ Галифакса къ Виндзору и соединитъ ихъ въ одинъ городъ. такъ что перевозить товары изъ одного въ другой будетъ легче, чѣмъ переносить вещи отъ губернатора Кампбеля къ адмиралу Кокбёрну. Мостъ создаетъ городъ, рѣка родитъ городъ, каналъ строитъ городъ, а желѣзная дорога соединяетъ въ себѣ все, — и мостъ, и рѣку и каналъ. И что за городъ вышелъ бы тогда у васъ, просто чудо! Онъ былъ бы настоящимъ дэнди въ числѣ другихъ городовъ. Нѣтъ, когда вы воротитесь во свояси, выберите потемнѣе ночь, возьмите кусокъ мѣлу и напишите на каждой уличной двери въ Галифаксѣ крупными буквами: *желѣзная дорога*; если же они не поймутъ, что значитъ это слово, скажите, что это самое употребительное слово у янки; «если вы молъ пойдете къ Саму Сликку, часовщику (человѣку, который приладилъ къ гали-

факскому клинку рукоятку янки, — и я при этомъ далъ ему легонькій толчекъ ногою, желая скорѣе вразумить его), если вы пойдете къ нему и купите у него часы, то онъ разскажетъ вамъ всю подноготную о желѣзныхъ дорогахъ».

ГЛАВА VI.

ЧАСОВЩИКЪ ШКОЛИТЪ СИЗАГО-НОСА.

Праправнучки Евы худо воспользовались ея примѣромъ. Любопытство прекраснаго пола попрежнему ненасытно, и, такъ какъ оно нерѣдко бываетъ худо направлено, то и ведетъ къ заблужденіямъ и ошибкамъ. Для человѣка, который странствуетъ по внутреннимъ землямъ провинціи, эта наклонность женщинъ чрезвычайно безпокойна, и потому, во избѣжаніе непріятностей и излишнихъ распросовъ, путешественникъ хорошо сдѣлаетъ, если заранѣе объявитъ, при въѣздѣ въ Кумберлэндскую гостинницу, о своемъ имени, занятіяхъ, мѣстѣ постояннаго жительства и продолжительности предпринятой поѣздки.

Наша прекрасная хозяйка, мистриссъ Пегвашъ, сѣвъ за завтракъ сегодня утромъ, показала на себѣ живой примѣръ любопытства, и навела насъ на подобныя размышленія. Она пришла въ ужасъ отъ нашего разговора, изъ котораго она слышала только конецъ, да и тотъ растолковала совершенно въ другую сторону.

« — Президентъ совершенно загонялъ ее — сказалъ я—такъ что необходимо было дать ей, хотя маленькій, роздыхъ. Гулярдцы обнажили ее, потому что она совершенно разбилась.

« — Обнажили, кого? вскричала мистриссъ Пегвашъ, выронивъ отъ ужаса изъ рукъ чайникъ: — кого обнажили? ради самого неба, кого? — скажите скорѣе.

« — Лэди Огль, отвѣчалъ я.

« — Леди Огль? повторила наша хозяйка;—это ужасно!

« — Два ребра у нея были совершенно сломлены, такъ что понадобилось вставить новыя.

« — Два новыя ребра! Да я сколько лѣтъ живу на свѣтѣ, а не слыхала ничего подобнаго. Бѣдняжка—какъ, я думаю, она страдала!

«— Разсматривая ее снизу, нашли....

«— Разсматривая снизу! повторила мистриссъ Пегвашъ, все съ болѣе и болѣе возраставшимъ ужасомъ (чувство собственнаго достоинства задѣто было въ ней за-живое, при мысли о подобномъ обращеніи), да что же послѣ этого адмиралъ-то? Неужели онъ равнодушно глядѣлъ на ихъ поступки?

«— Адмиралу, сударыня, не до того, отвѣчалъ я, чтобы заниматься такими мелочами. Притомъ же, при осмотрѣ оказалось, что она значительно повреждена и изъѣдена червями.

«— Изъѣдена червями! продолжала впечатлительная мистриссъ Пегвашъ, какъ это ужасно! Навѣрное, — грязные матросы занесли сюда подобную гадину; говорятъ, что червей этихъ въ Вестъ-Индіи пропасть; у Джо Кроу они завелись-было въ ногѣ и онъ, бѣдный, долженъ былъ отрѣзать себѣ два пальца. Изъѣдена червями! Ахъ, бѣдная, ахъ, милая! Но все-таки, это скорѣе можно перенести, нежели дозволить—дозволить раздѣть себя взрослымъ мужчинамъ. Скажу вамъ откровенно, что еслибы гулярдцы только подумали... я бы показала имъ, какъ должно обращаться съ порядочною женщиною, я бы скорѣе умерла, нежели позволила поступать съ собою такимъ образомъ. Я правда и прежде слыхала, что знатныя агнлійскія лэди очень смѣлы и отважны, но никогда не предполагала ничего подобнаго.

— Да объ чемъ вы такъ безпокоитесь? сказалъ мистеръ Сликкъ. — Я еще никогда не видалъ васъ въ припадкѣ такой заботливости, никогда не видалъ, мармъ, увѣряю васъ. Мы говорили о починкѣ яхты: что же за дикая идея пришла и забилась въ вашу красивую головку?

Мистриссъ Пегвашъ была совершенно пристыжена и обижена послѣдствіями своего легкомыслія и неумѣстнаго любопытства, и скоро вышла изъ комнаты?

— Я чуть не фыркнулъ раза два или три, слушая ея соболѣзнованія, продолжалъ часовщикъ; я ужь сжималъ и собиралъ губы, какъ какой нибудь шелковый кошелекъ и едва не расхохотался ей прямо въ лицо, — до такой степени казалась она мнѣ забавною. За то, я думаю, впередъ она не будетъ завираться и голосить безъ толку.

Это былъ послѣдній нашъ завтракъ въ Эмгерстѣ.

Ранній морозъ прошелъ уже по полямъ, засѣяннымъ картофелемъ, и превратилъ прекрасный зеленый цвѣтъ индійской ржи въ желтый и темно-коричневый цвѣта, напоминая о скоромъ наступленіи осени, поры короткихъ дней и дурныхъ дорогъ. Я рѣшился ѣхать въ Парресборо, оттуда чрезъ Виндзоръ и Кенмвилль въ Аннаполисъ, Ярмутъ и Шельбурнъ и возвратиться береговою дорогою чрезъ Ливерпуль и Люненбургъ въ Галифаксъ. Потому я долженъ былъ проститься (хотя и не безъ сожалѣнія) съ часовщикомъ, который намѣревался ѣхать въ Фортъ-Лоренсъ.

— Нечего дѣлать, сказалъ онъ — а мнѣ жаль разстаться съ вами; продолжительное путешествіе вмѣстѣ съ кѣмъ нибудь, — подобно нашему теперешнему странствованію — напоминаетъ тѣ впечатлѣнія, которыя испытываешь, засидѣвшись поздно въ сообществѣ хорошенькихъ дѣвушекъ: чувствуешь, что пора бы и на боковую, что время идетъ уже къ утру, а между тѣмъ ложиться не хочется, потому что тутъ только и становишься словоохотливымъ и развязнымъ.

У меня вертится въ головѣ одинъ планъ, сказалъ онъ, — который, кажется, будетъ соотвѣтствовать нашимъ общимъ намѣреніямъ. У меня здѣсь есть кое-какіе должки за проданные часы; теперь, предположите, что вы оставите здѣсь вашу лошадь: она растолстѣетъ у васъ такъ, что черезъ мѣсяцъ едва будетъ смотрѣть заплывшими отъ жира глазами; а я запрягу *Стараго Клея*, я запрягу его въ вагонъ, который у меня здѣсь есть, и провезу васъ по всему берегу.

Это было слишкомъ любезное приглашеніе, чтобы отказаться отъ него. Подножный кормъ для моей лошади, покойный и удобный вагонъ, и такой оригинальный и занимательный спутникъ какъ мистеръ Сликкъ — были довольно сильными доводами для выраженія съ моей стороны полнаго согласія.

Лишь только мы сѣли въ вагонъ, какъ часовщикъ замѣтилъ:

— Теперь мы славно поѣдемъ; это такая лошадь, которая не знаетъ тихой ѣзды; она два раза чуть не сожгла у меня осей. Вы увидите, какой это ретивый конь, даже въ упряжкѣ. Онъ попалъ ко мнѣ, когда ему было всего два года; въ то время ноги и хвостъ его равнялись толщиною

съ гвоздемъ, и я велѣлъ объѣздить его старому негру моего отца, Джануари Сноу. Лошадь моя знаетъ прекрасно англичанъ и все, что до нихъ касается; не умѣетъ только говорить по англійски. Она помогла мнѣ однажды задать порядочную трепку Сизому-носу.

— Я думаю, въ самомъ дѣлѣ, несчастный провелъ время непріятно, если его въ одно время били и человѣкъ, и лошадь.

— Э! не въ томъ дѣло: Боже! да если бы только Старый Клей вздумалъ бить Сизаго-носа, онъ его расколотилъ бы на тысячи малѣйшихъ частей, какъ вамъ привелось расколотить соусникъ въ гостинницѣ Пёгноза. — Я сейчасъ разскажу вамъ, какъ это было.

Я отправился къ Труро, въ гостинницу Эзры Гитера. Тамъ было судебное разбирательство между двумя законниками, Текстомъ и Фэтфулемъ. Народу собралось очень много, потому что казалось всѣмъ любопытнымъ видѣть, какъ два умные человѣка будутъ стараться привѣсить другъ другу ослиныя уши.

У меня тогда были тамъ въ околодкѣ кой-какія дѣлишки, и я только что отправился къ рѣкѣ верхомъ на моемъ Старомъ Клеѣ, выпивъ предварительно у Эзры стаканчикъ превосходнаго ямайскаго рому. Я ѣхалъ очень крупной рысью, и наѣхалъ какъ разъ на Тима Брадлея. Это грубый, безобразный болванъ, особенно когда не побрѣется, вы я думаю, видали его.

Я тотчасъ же остановился и говорю ему: «я надѣюсь, что вы не разсердитесь, мистеръ Брадлей; мнѣ очень жаль, что я наѣхалъ на васъ; увѣряю васъ, что мнѣ самому это болѣе непріятно чѣмъ вамъ». Онъ назвалъ меня безпутнымъ Янки, бродягой, деревянной кабылой и другими подобными же именами.

Толпа, которая окружала насъ, кричала: «Такъ его и надо — этого негоднаго Янки — задай ему трезвону, проучи его хорошенько, Тимъ» — и возгласы все становились гуще и неистовѣе. Я между тѣмъ принялъ оборонительную позицію, видя, что надо держать ухо востро. «Погоди же, голубчикъ, говорилъ я самъ съ собою, — я тебя проучу такъ, какъ тебѣ и во снѣ не снилось».

«— Что ужь, сказалъ я ему, — что ужь, мистеръ Брадлей, пустите лучше меня; вы знаете, что я владѣю оружіемъ не искуснѣе коровы; а къ дракѣ на кулачкахъ я не пріученъ, да и не люблю вовсе этого занятія.

«— Оборви его хорошенько, негоднаго труса, поколоти его порядкомъ, докажи ему дружбу!» кричала толпа, возбуждая Брадлея къ насилію въ отношеніи къ моей особѣ.

Тутъ онъ беретъ меня за-воротъ и даетъ мнѣ толчокъ; я какъ будто теряю равновѣсіе и сбираюсь упасть, а между тѣмъ пришпориваю лошадь и кричу: «валяй, Клей!» Конь мой бросается какъ стрѣла. «Теперь, я надѣюсь, мистеръ Брадлей, говорю я тогда моему сопернику, который ѣдетъ за мною — теперь я надѣюсь, что вы совершенно удовлетворены, поступивши такъ грубо со мною.» Онъ хочетъ нанести мнѣ еще ударъ, но я отклоняю его. «Прошу не прогнѣваться, продолжаю я, но я вамъ не позволю поступать со мною, какъ съ собакой, ни за-что ни про-что; я поѣду своею дорогой, и заранѣе говорю вамъ, что нисколько васъ не боюсь.» Онъ опять пробуетъ ударить меня въ плечо. — «Нѣтъ, говорю я ему тогда на отрѣзъ: — я не намѣренъ терпѣть отъ васъ подобныя грубости; это мнѣ и такъ ужь надоѣло и я вамъ сейчасъ постараюсь доказать это на дѣлѣ.» Тутъ я пускаю свою лошадь во весь духъ, а онъ гонится за мною (я сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы оставить за собою поскорѣе толпу народа и расправиться съ моимъ соперникомъ на свободѣ). Я скоро уѣхалъ отъ него впередъ и могъ уже раздѣлаться съ нимъ одинъ-на-одинъ. Съ этою цѣлію, я пріостановилъ лошадь и когда онъ подъѣхалъ ко мнѣ вплоть, такъ что могъ положить мнѣ руку на плечо, я схватилъ его поперекъ, подбросилъ на воздухъ и ударилъ о землю, такъ, что онъ ткнулся прямо носомъ. «Теперь, сказалъ я ему, позвольте мнѣ отретироваться, потому что мнѣ некогда, и я усталъ, какъ ломовая лошадь; вамъ въ свою очередь также не мѣшало бы заняться своею внѣшностію и умыть, напримѣръ, себѣ лицо, которое, къ крайнему моему сожалѣнію, кажется разбито въ кровь.» Это совершенно взбѣсило его; онъ приподнялся какъ разъяренный быкъ и бросился на меня съ необычайнымъ звѣрствомъ. Я выждалъ его нападенія — и потомъ — разъ-два-три, далъ ему три хорошія затрещины справа, слѣва и опять спра-

ва. Эти мѣры сопровождались самыми удовлетворительными результатами, продолжалъ часовщикъ (и онъ показалъ мнѣ жестами, какъ поступилъ съ своимъ врагомъ); лучшій пріемъ въ подобномъ случаѣ, это подбить одинъ глазъ, подбить другой и взаключеніе выбить зубы. Скулы звучатъ тогда точно кошелекъ съ мелкой монетой. Такимъ образомъ, я поставилъ мистеру Брадлею по синяку подъ каждымъ глазомъ и выдернулъ ему три зуба гораздо скорѣе нежели это удавалось какому либо дентисту. «Теперь, другъ мой, когда вы порядкомъ будете смотрѣть своими опухшими глазами, я увѣренъ, что вы увидите свою ошибку — я старый воробей и обмануть меня на мякинѣ трудно. Со временемъ, Богъ дастъ, когда вы будете чувствовать себя въ болѣе пріятномъ расположеніи духа, милости просимъ ко мнѣ, и разыграю съ вами вторую часть пантомимы на тотъ же ладъ.»

Отдохнувъ нѣсколько, я свистнулъ Старому Клею, чтобы онъ прибавилъ рыси, потому, что толпа приближалась. Народъ, казалось, удивлялся, что въ такое короткое время и на такомъ маленькомъ пространствѣ случилось такое важное происшествіе. Да, да, продолжалъ часовщикъ: «Старый Клей» конь бывалый и составившій себѣ репутацію; онъ живъ и игривъ какъ жеребенокъ, чистъ статьями и мускулистъ до безконечности; когда я смотрю на него, мнѣ всегда приходитъ въ голову порода кентуккскихъ лошадей, которыя кажутся помѣсью съ аллигаторомъ и у которыхъ на спинахъ и бокахъ бываютъ признаки волканическихъ переворотовъ.

Я рѣшительно считалъ бы себя въ накладѣ, если бы взялъ за него восемьсотъ доллеровъ. Ступай, ступай, мой коренастый старикашка, — покажи джентльмену, какъ быстро ты умѣешь бѣжать, говорилъ часовщикъ, обращаясь къ лошади. Покажи намъ настоящую кентуккскую гоньбу. Вотъ такимъ образомъ только и слѣдовало бы перевозить депеши президента изъ Вашингтона въ Нью-Йоркъ, — такимъ образомъ нужно везти дѣвушку изъ Костона въ Родъ-Эйландъ, съ тѣмъ, чтобы выдать ее тамъ замужъ, прежде нежели отецъ сберется встать съ постели въ лѣтнее утро. Ну не красавчикъ ли онъ? не кукалка ли настоящая? Не чета кумберлендскимъ клячамъ, которыхъ чѣмъ болѣе школишь, тѣмъ тише идутъ онѣ; нѣтъ, это такой конь, который побѣжитъ какъ должно

безъ напоминаній и поощреній, побѣжитъ даромъ, безъ корыстныхъ побужденій, — полѣзетъ и въ хвостъ и въ голову добровольно. Да, лошадка, подобная «Старому Клею» стоитъ всего поколѣнія элгертсниковъ лошадей, взятыхъ вмѣстѣ, съ костями, мясомъ и шкурами. Это конь въ полномъ смыслѣ слова; что ни жилка, что ни волосокъ въ немъ, все это золото, капиталъ, банковый билетъ, пущенный въ оборотъ; вотъ каковъ мой «Старый Клей».

ГЛАВА XVII.

СТРАСТИШКА СЕСТРЫ СОЛЛИ.

— На этомъ мосту всегда ужасныя прорѣхи: онѣ не лучше капкановъ, которые предназначаются для волчьихъ, или, пожалуй, человѣчьихъ ногъ — сказалъ часовщикъ. Дыры эти напоминаютъ мнѣ капканъ, въ который попалъ Джимъ Менро однажды ночью, и который вытянулъ ему одну ногу на ярдъ длиннѣе другой. Мнѣ кажется, что я вамъ разсказывалъ о немъ»—о негодяѣ, что пришелъ изъ Оніонскаго графства въ Коннектикутъ. Ему вздумалось вдругъ ухаживать за сестрою Солли. Солли была миловидная дѣвушка; трудно было найдти такую красотку въ цѣлой окружности: головка самая изящная—признаки даровитости во всей особѣ, *бездна* лукавства, игривости и безпечности — ни дать ни взять хорошенькій котенокъ. Вотъ, онъ вотьми, да и вскружи ей голову. Чѣмъ болѣе мы уговаривали ее не обращать на него вниманія, не думать о немъ, тѣмъ упрямѣе становилась она въ своей сердечной склонности, а это сильно начинало безпокоить насъ потому, что его характеръ былъ не изъ отличныхъ. Онъ однако вообще нравился молодымъ дѣвушкамъ, хотя и поступалъ иногда съ ними очень некрасиво: забывалъ жениться, давши на это обѣщаніе и имѣя въ виду достаточныя причины не забывать подобныхъ обѣщаній. Какъ бы то ни было, а онъ все-таки отличался постоянными успѣхами въ любви, умѣлъ уговорить и убѣдить въ чемъ угодно въ какія нибудь двѣ минуты, и Солли, подобно многимъ другимъ дѣвушкамъ, скоро сдѣлалась къ нему очень неравнодушной.

Наконецъ однажды вечеромъ, когда онъ пришелъ съ твердымъ намѣреніемъ разсыпаться въ любезностяхъ, отецъ мой сказалъ ему на прямки:» Вы не доведете себя до добра, если будете поступать такъ, какъ поступали до сихъ поръ. Вы вообще не таковъ малый, чтобы васъ можно было терпѣть въ порядочномъ домѣ, и ваше отсутствіе было бы для насъ вдесятеро пріятнѣе вашего сообщества, говорю вамъ откровенно. Я вовсе не желаю, чтобы Солли осталась въ дурахъ, и чтобы примѣръ Полли Броунъ и Нанси Гейтъ....

«— Полноте, полноте, дядюшка Самъ, отвѣчалъ онъ, перестаньте говорить объ этомъ; еслибы вы знали дѣло въ подробности, вы не стали бы увѣрять, что я виноватъ въ этомъ случаѣ. Кромѣ того, я теперь совершенно остепенился, попалъ на прямую колею и намѣренъ завестись фермой.

«— Хорошо, хорошо, и дѣло это можетъ пойти у васъ,— можетъ порядочно пойти, хотя вы и пользуетесь довольно грязненькою репутаціей — замѣтилъ отецъ. Я зналъ вашего батюшку; онъ служилъ у насъ сержантомъ; умный, славный былъ старикъ, — это одинъ изъ героевъ нашей революціи. Я чрезвычайно уважалъ его, и мнѣ очень больно за его доброе имя, что вы такъ дурно себя ведете. Но во всякомъ случаѣ, говорю вамъ на-отрѣзъ, что вы должны однажды навсегда отказаться и отъ мысли о Солли.

Когда Солли услыхала объ этомъ, она начала кричать, визжать и плакать точно сумасшедшая. Она попробовала сперва подавить въ себѣ горе и старалась казаться равнодушною; но потомъ стала краснѣть и блѣднѣть, цвѣтъ лица ея то потухалъ, то доходилъ до самыхъ яркихъ оттѣнковъ; наконецъ она сдѣлалась блѣдною какъ мѣлъ и вдругъ упала безъ чувствъ со стула на полъ.

«— Теперь я вижу, повторялъ отецъ, теперь я вижу въ чемъ дѣло; ахъ, ты негодяй, вотъ, я тебя, извергъ» — и отецъ мой бросился къ старомодному палашу, который у насъ висѣлъ надъ каминомъ (мы называли этотъ палашъ Старымъ Бенкеромъ, потому что разсказывая свои исторіи, въ которыхъ это ржавое оружіе играло значительную роль, отецъ начиналъ всегда словами: «вотъ, какъ теперь помню— когда я былъ у Бенкеръ-Гилля»!); итакъ отецъ мой схватился за палашъ, вынулъ его изъ ноженъ и устремился на Джима, ни-дать ни-взять какъ какой нибудь фермеръ наступаетъ

на крысу съ вилой или граблями. Но Джимъ выскочилъ за дверь какъ молнія, и затворилъ дверь за собою, а отецъ мой съ-розмаху всадилъ конецъ Стараго Бенкера въ косякъ. «Я изкрошу, изомну тебя, негодяя, повторялъ отецъ — изувѣчу тебя, если мнѣ удастся только гдѣ нибудь поймать тебя въ удобномъ мѣстечкѣ. Вспомяни мое слово — ты еще поплатишься у меня за это висѣлицей.»

Послѣ этого Джимъ сдѣлался толковымъ; онъ уже не смѣлъ переступить порогъ нашего дома и мнѣ казалось, что онъ оставилъ всѣ виды на Солли, равно и Солли постепенно забывала его. Но вотъ однажды ночью, когда на дворѣ не видно было ни зги, я возвращаюсь домой отъ сосѣда Дирборна и слышу, что подъ окномъ Солли кто-то разговариваетъ. Хорошо — я останавливаюсь и прислушиваюсь. То былъ голосъ Джима, который говорилъ, спрятавшись за близь растущую рябину; Джимъ Менро убѣждалъ Солли бѣжать съ нимъ и выйти за него за-мужъ въ Родъ-Эйлондѣ. По его словамъ, все уже было готово; онъ придетъ съ лошадью къ самымъ воротамъ, и поможетъ тогда сестрѣ выпрыгнуть изъ окна; все это должно послѣдовать ровно въ девять часовъ, когда она имѣла обыкновеніе ложиться спать. Потомъ онъ начинаетъ просить, чтобы сестра протянула ему руку, которую ему хотѣлось поцаловать (онъ былъ любезникъ въ полномъ смыслѣ слова и умѣлъ точить лясы); она даетъ ему руку и онъ цалуетъ ее. «Скоро я назову тебя своею, говоритъ негодяй, гладя ея руку, и потомъ легонько щиплетъ ее; эта неожиданная любезность заставляетъ сестру вскрикнуть, а онъ бросается стремглавъ къ забору и перепрыгиваетъ его.

Всю эту ночь я занимался самыми точными и глубокими вычисленіями; я разсчитывалъ, какъ лучше было заплатить за всѣ эти дерзкія выходки; наконецъ я напалъ на одинъ планъ. Я повторялъ слова отца, сказанныя имъ при разставаньи съ Джимомъ: «*Вспомяни мое слово, что ты еще не уйдешь за это отъ висѣлицы*», — и думалъ про себя: «хорошо, пріятель Джимъ, я употреблю всѣ усилія, чтобы угроза отца не прошла тебѣ даромъ.»

На слѣдующую ночь, когда уже порядкомъ стемнѣло, я даю локтемъ толчекъ Джануари Сноу, старому негру, и когда онъ просыпается, продираетъ глаза, я дѣлаю ему знакъ, чтобы онъ шелъ за мною.

— «Джануари, говорю я ему, умѣешь ли ты держать языкъ за зубами, — умѣешь-ли, старый хрычъ?

— «А что, масса, для чего вы меня спрашиваете объ этомъ? Дурно же вы знаете старика Сноу, если сомнѣваетесь въ моей скромности. Языкъ мой переболтался уже и лежитъ себѣ спокойно позади выпавшихъ зубовъ; не бойтесь ничего.

«— Хорошо, говорю я ему, наклони тихонько эту рябину, но только не смѣй дѣлать ни малѣйшаго шума. Дерево было скоро нагнуто и притянуто къ землѣ веревкой, задѣтой за колъ, на которомъ сдѣлана была зарубка; сверху же спущенъ ходячій узелъ на ту самую тропинку, которая отъ воротъ вела къ дому.

«— Ну, вотъ, масса, теперь —

«— Молчи, старый пострѣлъ, замѣчаю я ему — или я пошлю твой языкъ гулять по свѣту, вслѣдъ за зубами; молчи, и ступай за мною.

Лишь только пробило девять часовъ, я говорю Солли: «подержи пожалуста съ минуту этотъ пучекъ веревокъ, пока я смотаю съ него, сколько мнѣ нужно; веревки славныя, и мнѣ не хочется ихъ спутать.» Она поправила огонь на свѣчкѣ, а я надѣлъ ей на руку мотокъ веревокъ, и сталъ мотать такъ медленно и такъ лѣниво, что клубокъ у меня то и дѣло валился изъ рукъ.

«— Самъ, сказала наконецъ сестра,—я надѣюсь, что ты не будешь мотать эти воревки всю ночь; поручи лучше это Джануари; я совершенно утомилась и до смерти хочу спать.

«— У этого стараго хрыча руки какъ крюки, отвѣчалъ я; онъ все перепортитъ. Но постой.... что это? мнѣ кажется, что-то возится за деревомъ—ты нечего не слышишь, Солли?

«— Я слышу, что тамъ гуси, говоритъ она, — только и всего; они всегда приходятъ по ночамъ ко мнѣ подъ окно.

Въ это время она начинала уже замѣтно тревожиться.

«— Я рѣшительно говорю тебѣ, что я устала; я не могу же цѣлый вѣкъ держать такъ руки», — и она бросила мотокъ на полъ.

«— Хорошо, душенька, отвѣчалъ я; подожди минуту, я только спосылаю старика Джануари посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ въ самомъ дѣлѣ кого нибудь; можетъ быть скотина сосѣда Дирборна пришла къ намъ въ садъ и топчетъ гряды.

Джануари отправился, хотя Солли продолжала увѣрять, что поиски совершенно напрасны, что она знаетъ, что въ саду шумятъ гуси, которые всегда приходятъ на ночь ближе къ дому, избѣгая насѣкомыхъ.

Въ эту самую минуту, вбѣгаетъ къ намъ въ комнату старый Сноу, съ волосами, стоящими дыбомъ точно иглы ежа, съ бѣлками глазъ, распяленными до того, что они казались величиною съ тарелку.

«— Охъ, Горъ-Ормити, повторялъ онъ,—охъ, масса, охъ, миссъ Солли, охъ, охъ!....

«— Что съ тобою, скажи ради Бога? говоритъ Солли; ты меня пугаешь; не съ ума ли ты сошелъ?

— Ахъ, Горъ мой, отвѣчаетъ негръ, ахъ, масса — вѣдь Джимъ Менро повѣсился, повѣсился на деревѣ, что подъ окномъ у миссъ Солли — охъ, Горъ мой, ой, ой!!!

Эта новость пришлась бѣдной Солли не въ бровь, а прямо въ глазъ; она зашаталась, затряслась всѣмъ тѣломъ и упала въ обморокъ. Юнона, жена стараго Сноу, вынесла ее и положила на кровать. Сестра чувствовала себя, бѣдняжка, надо думать, не совсѣмъ хорошо.

Отецъ, когда услыхалъ объ этой новости, также едва не лишился чувствъ, только съ радости.

«— Ахъ, милый, милый, повторялъ онъ; не ожидалъ я, что это такъ скоро случится, а ужь зналъ, что сбудется рано или поздно. Я вѣдь, помнишь, говорилъ Джиму, какъ видѣлъ его въ послѣднiй разъ: «*Джимъ*, говорилъ, *ты еще будешь болтаться на веревкѣ.*» Дай-ка мнѣ мечь, который я носилъ, когда былъ подъ Бенкеромъ; можетъ быть въ злодѣе есть еще живье, — такъ надо пришибить.

Скоро зажженъ былъ фонарь и мы отправились къ рябинѣ.

«— Доконай меня скорѣе, Самъ, сдѣлай дружбу, — говорилъ Джимъ, обращаясь къ отцу моему, — вся кровь изъ моего тѣла прилила мнѣ въ голову и идетъ носомъ; я совсѣмъ задыхаюсь — пришиби скорѣе — будь другъ, — да проворнѣй!

«— Боже мой! воскликнулъ отецъ, — несчастный еще не умеръ. Какъ? можетъ ли быть? — продолжалъ онъ, всматриваясь ближе и ближе въ позицiю висѣльника — какъ, да это ни на что не похоже! — онъ вѣдь повѣсился за ногу и болтается точно кроликъ за спиной у охотника. Вотъ ужь

по пословицѣ, «умираетъ, а ногой дрягаетъ», Самъ — не такъ ли? Только знаешь, дружище, — вѣдь это должны быть твои продѣлки — оно, конечно, штучка затѣйливая, планъ обдуманный, но забава вообще немножко опасная.

«— Да полноте тутъ разсуждать-то да охать всю ночь, взываетъ между тѣмъ Джимъ — пришибите меня скорѣе, говорю вамъ, или зарѣжьте по крайней мѣрѣ, потому что кровь меня душитъ.

— Подними-ка этотъ узелъ, Сноу, сказалъ я: — а я между тѣмъ постараюсь снять петлю и высвободить ногу; вотъ такъ.

Несчастный былъ скоро вынутъ изъ силковъ, но не могъ сдѣлать и шагу; лодыжка вздулась у него, въ величину слоновой ноги, и онъ увѣрялъ, что одна нога у него теперь длиннѣе, чѣмъ другая.

«— Джимъ Менро, сказалъ тогда мой отецъ: — не ожидалъ я тебя когда нибудь видѣть въ моемъ домѣ; но теперь прошу пожаловать ко мнѣ; мы обязываемся въ отношеніи къ тебѣ долгомъ гостепріимства.

Вотъ, чтобы много не распространяться, сказалъ часовщикъ въ заключеніе: — вотъ вамъ конецъ исторіи: Джимъ съ тѣхъ поръ такъ присмирѣлъ и такъ прикусилъ себѣ язычекъ, что только просилъ Христомъ да Богомъ, чтобы эта исторія осталась въ тайнѣ; «если же она разгласится, повторялъ онъ, мнѣ нельзя будетъ здѣсь остаться, и я принужденъ буду шататься по свѣту».

«— Отъ тебя будетъ зависѣть, дружище, отвѣчалъ мой отецъ: — отъ тебя будетъ зависѣть остаться здѣсь или искать въ другомъ мѣстѣ счастья; но если ты мнѣ дашь руку, Джимъ, и поклянешься честнымъ словомъ, что выкинешь изъ головы всю прежнюю дурь, то я не только сохраню все дѣло втайнѣ, но даже предложу тебѣ гостепріимство въ домѣ стараго Сама Слика, ради дружбы моей съ твоимъ родителемъ — храбрый былъ человѣкъ — одинъ изъ Бенкерскихъ героевъ — служилъ у насъ сержантомъ.

«— Онъ обѣщаетъ, батюшка, прервалъ я тогда начинавшуюся исторію (потому что я замѣтилъ уже, что старикъ выставилъ впередъ правую ногу — поза, въ которой онъ разсказывалъ всегда о давнопрошедшей войнѣ; а такъ какъ Джимъ не могъ въ это время двинуться съ мѣста, то онъ и

представлялся ему самымъ благосклоннымъ слушателемъ, способнымъ благодушно принять разсказы о ходѣ всей революціи отъ генерала Гэджа до возстановленія независимости): — онъ обѣщаетъ, батюшка, сказалъ я.

Все дѣло устроилось, пришло въ обычный порядокъ и жизнь наша потекла такъ же гладко, какъ гладка поверхность двухдневнаго молока въ крынкѣ. Прошелъ годъ,—Джимъ сдѣлался такимъ же степеннымъ человѣкомъ, какъ нашъ пасторъ Іошуа Гоппель, и женился на Солли. О силкѣ, въ который попался когда-то Джимъ, не было и рѣчи до дня бракосочетанія. Когда пасторъ благословилъ молодую чету, отецъ мой подошелъ къ Джиму.

«— Джимъ, сказалъ онъ ему, ударивъ его по плечу, съ такимъ чувствомъ, что тотъ поперхнулся и закашлялся (батюшка былъ здоровъ, ай-ай здоровъ, Богъ съ нимъ!) Джимъ, дружокъ, теперь ты надѣлъ силокъ себѣ на шею, вмѣсто ноги; рябина была для тебя родною матерью, выняньчила изъ тебя порядочнаго малаго: бери же съ нея примѣръ, и принеси намъ хорошенькихъ румяныхъ малютокъ.

Мы всѣ разумѣется поняли глубокій смыслъ этихъ словъ, исключая пастора, который пребылъ чуждымъ этой загадкѣ. За то отецъ, сжалившись надъ нимъ, отвелъ его въ уголъ и прочелъ ему цѣлую главу изъ исторіи войны за независимость. Сколько разъ ни пробовалъ я подходить къ нимъ, только и слышалъ: «Бенкеръ-Гилль», «хлѣбная водка», «Клинтонъ», «Городскія ворота», и т. д. Уже начало смеркаться, когда мы разстались, и послѣдній, кто ушелъ отъ насъ, былъ несчастный пасторъ. Отецъ слѣдовалъ за нимъ до самыхъ воротъ и сказалъ ему на прощанье:

«— Теперь, конечно, намъ не удалось, пасторъ, развить хорошенько эту матерію; иначе я вамъ разсказалъ бы все съ начала до конца объ освобожденіи Нью-Йорка; впрочемъ, мы потолкуемъ объ этомъ при первой встрѣчѣ.»

ЖИЗНЬ АЛКИВІАДА,

по новѣйшимъ о ней изслѣдованіямъ.

II.

Политическое возвышеніе Алкивіада по смерти Клеона. — Отношеніе его къ партіямъ, существовавшимъ въ Аѳинахъ. — Дипломатическая его дѣятельность и частная жизнь до похода въ Сицилію (421—416 до Р. Х.).

Начало политическаго возвышенія Алкивіада совпадаетъ съ прекращеніемъ упорной, нѣсколько лѣтъ сряду продолжавшейся борьбы между Аѳинами и Спартою. Главную, первостепенную роль въ этой борьбѣ играли два человѣка: аѳинянинъ Клеонъ и спартанецъ Бразидъ; оба они погибли въ 422 году. Смерть ихъ измѣнила отношеніе, существовавшее въ обоихъ государствахъ между партіями, желавшими продолженія войны, и тѣми, которые требовали ея прекращенія. Защитники мирной политики пріобрѣли на нѣкоторое время значительный перевѣсъ надъ своими противниками какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ Спартѣ. Аѳиняне, послѣ несчастныхъ для нихъ сраженій при Деліонѣ и Амфиполисѣ, потеряли прежнюю гордую увѣренность въ своемъ превосходствѣ. Но съ другой стороны и враги ихъ, послѣ многихъ, испытанныхъ въ теченіе войны неудачъ, сдѣлались гораздо умѣреннѣе; въ особенности переходъ Аргоса, дотолѣ остававшагося нейтральнымъ, на сторону аѳинянъ, поставилъ спартанцевъ въ положеніе весьма затруднительное и опасное. Личные виды и соображенія людей, пользовавшихся тогда наибольшимъ вліяніемъ

въ обоихъ государствахъ, совпадали съ общимъ стремленіемъ къ возстановленію тишины и спокойствія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, уже въ теченіе зимы 422 года рѣшено было приступить къ переговорамъ, а въ мартѣ слѣдующаго 421 года заключенъ былъ окончательный, пятидесятилѣтній миръ между обоими государствами. Нѣтъ надобности излагать здѣсь подробно самыя условія мирнаго договора; но необходимо замѣтить, что условія эти, составленныя въ торопяхъ и безъ зрѣлаго обсужденія, были въ высшей степени неудовлетворительны. Они не разрѣшили ни одного изъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ спора, не разъяснили ни одного изъ тѣхъ сомнительныхъ отношеній, въ которыхъ заключался главный источникъ взаимныхъ неудовольствій и жалобъ. Лица, которые участвовали въ составленіи договора и между которыми первое мѣсто занималъ Никій, тогдашній предводитель умѣренной аристократической партіи въ Аѳинахъ, заботились, по видимому, только о томъ, чтобы прекратить бѣдствія войны какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало. Но при этомъ они вовсе не приняли мѣръ ни къ дѣйствительному примиренію противоположныхъ интересовъ, ни къ совершенному уничтоженію тѣхъ обстоятельствъ, которыя современемъ могли опять подать поводъ къ несогласіямъ и распрямъ. Самый договоръ заключалъ въ себѣ много двусмысленныхъ пунктовъ, которые должны были посѣять сѣмена новаго раздора между договаривавшимися сторонами. Такимъ образомъ люди проницательные уже тогда могли предвидѣть, что этотъ такъ называемый пятидесятилѣтній миръ будетъ только кратковременнымъ перемиріемъ, минутнымъ отдыхомъ среди постоянной борьбы. И дѣйствительно, прошло не болѣе пяти или шести лѣтъ по заключеніи договора, какъ уже возгорѣлась новая, продолжительная война между Аѳинами и Спартою. Предшествовавшіе ей мирные годы были употреблены обоими государствами только на то, чтобы раздуть тлѣвшія подъ золою искры пожара и подготовить мало по малу необходимыя средства для окончательнаго рѣшенія своего спора въ послѣднемъ ожесточенномъ боѣ.

Но не одна только внѣшняя политика аѳинянъ измѣнилась со смертію Клеона; на внутреннее состояніе государства и въ особенности на взаимныя отношенія партій, событіе это имѣло также весьма значительное вліяніе. Партія *демократическая* потеряла въ лицѣ своего предводителя главную опору своего могущества. Заключеніе мира съ Спартой было первымъ признакомъ ея упадка и перехода власти на сторону аристократовъ, рѣшительныхъ противниковъ преобладавшаго до тѣхъ поръ воинственнаго

направленія. Ничтожество и слабость людей, стоявшихъ во главѣ этой партіи, лишали ее всякой надежды на скорое возстановленіе утраченнаго ею кредита. Отъ совершеннаго упадка она спасена была только тѣмъ, что наслѣдіе Клеона перешло весьма скоро изъ рукъ недостойныхъ его преемниковъ въ руки Алкивіада. Послѣдній, не желая подчиняться Клеону, безусловно господствовавшему надъ аѳинскимъ демосомъ, рѣшился, незадолго до окончанія войны, сблизиться съ важнѣйшими аристократами, чтобы въ нихъ искать опоры для политическаго своего возвышенія. Но внезапная смерть Клеона совершенно измѣнила его намѣренія и планы. Сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ, чтобы стать во главѣ аристократической партіи, признавшей вождемъ своимъ Никія, онъ скоро убѣдился, что надежды его были напрасны и что только съ помощію демократіи, только дѣйствуя за одно съ нею, можетъ онъ достигнуть своей цѣли и удовлетворить честолюбивымъ своимъ стремленіямъ. Примѣръ его предковъ и родственниковъ, почти всегда стоявшихъ въ главѣ или въ рядахъ народной партіи, содѣйствовалъ также по всей вѣроятности быстрой перемѣнѣ его политическаго образа мыслей. Съ своей стороны защитники демократіи не только не чуждались Алкивіада, но, напротивъ, искренно и горячо желали привлечь его въ ряды свои. Воспоминаніе о заслугахъ, оказанныхъ демократіи его предками, увѣренность въ блестящихъ его способностяхъ и сознаніе совершеннаго ничтожества людей, наслѣдовавшихъ Клеону, краснорѣчиво говорили народу въ пользу Алкивіада, какъ единственнаго человѣка, который могъ возвратить народной партіи потерянное ею могущество. Понятно, что при такомъ расположеніи умовъ, Алкивіаду не нужно было употреблять большихъ усилій, чтобы достигнуть своей цѣли. И дѣйствительно, онъ достигъ ея весьма скоро. Въ ту эпоху, событія которой подлежатъ теперь нашему разсмотрѣнію, онъ уже безспорно былъ признанъ главою и вождемъ какъ аѳинской демократіи вообще, такъ въ особенности всѣхъ молодыхъ, одушевленныхъ воинственнымъ духомъ гражданъ.

Аристократическая партія, о которой мы также должны сказать нѣсколько словъ, была, по числу приверженцевъ своихъ, несравненно слабѣе враждебной ей партіи народной. Послѣ смерти Кимона и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ кормило государственнаго правленія перешло изъ рукъ Ѳукидида старшаго въ руки Перикла, въ Аѳинахъ уже не существовала аристократія въ настоящемъ, первоначальномъ значеніи этого слова. Во время владычества Клеона, политическая роль людей, стоявшихъ по

своему рожденію или богатству выше другихъ гражданъ, ограничивалась единственно слабою, безцвѣтною оппозиціею могущественному демагогу. Не имѣя ни малѣйшей надежды восторжествовать вполнѣ надъ демократіею, они старались только обуздывать послѣднюю и по возможности препятствовать превращенію ея въ охлократію. Лишившись всякаго вліянія на ходъ внутренняго управленія, оптиматы желали только сохранить въ рукахъ своихъ завѣдываніе внѣшнею политикою аѳинянъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что изъ ихъ среды были по преимуществу избираемы предводители какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ силъ аѳинскаго государства. Сообразно общему направленію аристократическихъ партій во всѣхъ городахъ тогдашней Греціи, они питали особенное сочувствіе къ спокойной, консервативной Спартѣ. Это сочувствіе выражалось преимущественно въ мирномъ направленіи ихъ политики, въ желаніи ихъ прекратить войну, которую вели аѳиняне противъ спартанцевъ. Вообще и въ стремленіяхъ своихъ, и въ образѣ дѣйствій тогдашняя аристократическая партія обнаруживала несравненно болѣе умѣренности, нежели замѣнившая ее впослѣдствіи времени партія олигархическая. Характеръ и тенденція первой нашли для себя самое полное олицетвореніе въ предводителѣ ея, Никіѣ, съ личностію котораго поэтому не мѣшаетъ познакомиться нѣсколько короче.

Уже при жизни Перикла, Никій, по свидѣтельству греческихъ историковъ, пользовался значительнымъ вліяніемъ и нѣсколько разъ былъ облекаемъ въ высокій санъ стратега. Но по смерти Перикла, онъ пріобрѣлъ еще важнѣйшее значеніе и, какъ предводитель умѣренной аристократической партіи, сдѣлался главнымъ соперникомъ и противникомъ Клеона. Впрочемъ, какъ политическія его убѣжденія, такъ и самый характеръ его не позволяли ему ни противодѣйствовать съ успѣхомъ энергическому демагогу, ни вообще играть сколько нибудь видную роль на политическомъ поприщѣ. По словамъ Ѳукидида, Никій заботился преимущественно о томъ, чтобы обезпечить свое собственное спокойствіе и благосостояніе. Всѣ дѣйствія его клонились къ одной цѣли—предохранить себя и согражданъ своихъ отъ всякаго рода несчастій и опасностей, пріобрѣсти славу государственнаго человѣка, умѣвшаго утвердить тишину и миръ въ своей родинѣ. Съ этой стороны онъ очевидно имѣлъ весьма много общаго съ Алкивіадомъ. Какъ Алкивіадъ въ славѣ и могуществѣ Аѳинъ искалъ только собственныхъ своихъ выгодъ, такъ точно и Никій видѣлъ въ благѣ общемъ только средство для обезпеченія своего лич-

наго блага. Оба они были эгоисты; различіе состояло въ томъ, что одинъ олицетворялъ собою пассивную, страдательную, а другой — энергическую и дѣятельную сторону эгоизма. Но понятно, что при такомъ настроеніи духа, Никій не могъ отличаться возвышенностію своихъ политическихъ идей и что партія, избравшая его своимъ вождемъ, должна была раскаяться рано или поздно въ своемъ выборѣ. Благодаря военнымъ своимъ способностямъ и счастію, которое постоянно, несмотря на чрезмѣрную его осторожность и отвращеніе отъ смѣлыхъ, опасныхъ предпріятій, слѣдовало за его знаменами, онъ весьма часто избираемъ былъ своими согражданами въ предводители войска. Но это не мѣшало ему играть въ народныхъ собраніяхъ второстепенную, незначительную роль. Не получивъ отъ природы блестящихъ ораторскихъ способностей, не имѣя ни живости ума, ни столь необходимой для оратора самоувѣренности, Никій сверхъ того отталкивалъ отъ себя народъ жесткостію аристократическихъ своихъ манеръ, вовсе не любилъ публичности и по возможности старался избѣгать всякаго соприкосновенія съ толпою. По всѣмъ этимъ причинамъ онъ весьма неохотно являлся въ народныя собранія и предпочиталъ проводить время въ тишинѣ и уединеніи. Боязнь, которую внушалъ ему народъ, могла до нѣкоторой степени льстить самолюбію аөинянъ, но ни въ какомъ случаѣ не могла содѣйствовать увеличенію его популярности и политическаго вліянія. Желая расположить толпу въ его пользу, друзья его старались распространить слухъ, что онъ чуждается общества и ищетъ уединенія только для того, чтобы безпрепятственно и на свободѣ обдумывать средства къ увеличенію общаго блага. Но эти старанія по всей вѣроятности принесли бы мало пользы, если бы богатый стратегъ не нашелъ другаго, вѣрнѣйшаго пути къ сохраненію своего кредита, въ многочисленныхъ и щедрыхъ дарахъ, которыми осыпалъ своихъ приверженцевъ. Ко всему этому надо еще прибавить, что по слабости характера, Никій находился въ постоянной нравственной зависимости отъ окружавшихъ его сикофантовъ и что, не находя твердой опоры въ самомъ себѣ, онъ принужденъ былъ искать ея внѣ себя, преимущественно въ изреченіяхъ оракуловъ и предсказателей. Онъ отличался необыкновеннымъ благочестіемъ; но это благочестіе, вмѣсто того, чтобы одушевлять и руководить его къ высокимъ подвигамъ, было въ существѣ не болѣе какъ пустымъ суевѣріемъ и средствомъ къ оправданію малодушія. Съ слѣпою довѣрчивостію внималъ онъ жрецамъ и предсказателямъ, съ которыми постоянно находился въ самыхъ тѣсныхъ и близкихъ сношеніяхъ.

Ежедневныя жертвоприношенія, истолкованія внѣшнихъ знаковъ, въ которыхъ выражалась воля боговъ и блестящее отправленіе религіозныхъ празднествъ наполняли его досуги и доставляли обильную пищу насмѣшливости его согражданъ. Съ теченіемъ времени суевѣріе Никія дошло наконецъ до того, что сдѣлало его совершенно неспособнымъ къ исполненію возлагавшихся на него военныхъ обязанностей. Подъ Сиракузами, вслѣдствіе слѣпой покорности совѣтамъ предсказателей, онъ пропустилъ удобный случай къ спасенію аѳинскаго войска и не только погубилъ самого себя, но вовлекъ вмѣстѣ съ собою въ погибель тысячи храбрыхъ воиновъ, находившихся подъ его предводительствомъ.

Какъ глава партіи, Никій очевидно былъ ниже своего положенія; аристократы, избравши его своимъ вождемъ, лишили себя тѣмъ самымъ всякой возможности утвердить прочнымъ образомъ вліяніе свое и могущество. Неудивительно поэтому, что консервативные элементы народа, т. е. съ одной стороны всѣ люди знатные и богатые, съ другой всѣ граждане, желавшіе тишины и порядка, не могли ни въ какомъ случаѣ удержать за собою того выгоднаго положенія, которое случайно пріобрѣли по смерти Клеона. Ни самъ Никій, ни другіе корифеи охранительной партіи не были въ состояніи воспрепятствовать возвышенію такого смѣлаго и даровитаго противника, какого встрѣтили въ лицѣ Алкивіада.

Но если, какъ мы сейчасъ видѣли, умѣренная аристократія находилась въ весьма затруднительномъ и далеко не блестящемъ положеніи, то съ другой стороны и такъ называемая *олигархическая* партія была также вовсе не способна къ успѣшной борьбѣ съ аѳинскою демократіею и съ отважнымъ ея вождемъ. Въ эпоху, о которой мы говоримъ здѣсь, эта партія только-что начинала образовываться и не имѣла еще того важнаго значенія, съ какимъ является впослѣдствіи времени. Она составилась первоначально изъ самыхъ энергическихъ и рѣшительныхъ приверженцевъ аристократіи, которыхъ не удовлетворяла слабая, малодушная оппозиція Никія, изъ людей, враждебно смотрѣвшихъ не только на тогдашнюю систему государственнаго управленія, но и на самыя основанія утвердившейся въ Аѳинахъ демократической конституціи. Къ этимъ людямъ присоединилось мало по малу, съ теченіемъ времени, большинство аѳинскаго знатнаго юношества. Всѣ молодые, богатые и знатные аѳиняне были воспитаны подъ вліяніемъ софистовъ, ученіе которыхъ находилось въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ демо-

кратіи. При атеизмѣ, которымъ заражены были всѣ эти юноши, они естественно не могли питать никакого сочувствія къ первобытнымъ народнымъ вѣрованіямъ, а слѣдовательно и къ сохранившей эти вѣрованія толпѣ. Гордясь знатностію своего происхожденія и многосторонностію своего образованія, доставлявшаго имъ несомнѣнное умственное превосходство надъ грубою невѣжественною массою, они смотрѣли на послѣднюю съ чувствомъ глубочайшаго презрѣнія. Эти обстоятельства дали сословнымъ отношеніямъ совершенно новый видъ, вслѣдствіе котораго разстояніе между высшимъ и низшимъ классами сдѣлалось гораздо замѣтнѣе и гораздо значительнѣе, чѣмъ прежде. Къ этому надо прибавить, что политическій образъ мыслей, пріобрѣтенный юными олигархами въ школѣ софистовъ, отличался самымъ безнравственнымъ и разрушительнымъ характеромъ. Въ основѣ его лежали совершенное безсердечіе и отсутствіе истинно-патріотическихъ чувствъ, страшный эгоизмъ и недостатокъ твердыхъ убѣжденій. Нисколько не помышляя о благѣ государства и заботясь единственно о личныхъ своихъ интересахъ, эти люди были совершенно равнодушны къ добру и злу и ни мало не затруднялись выборомъ средствъ для достиженія своихъ выгодъ. Стремясь къ сокрушенію демократіи и къ возстановленію строгихъ аристократическихъ учрежденій, они, смотря по обстоятельствамъ, то преслѣдовали эту цѣль открыто, то напротивъ, дѣйствуя тайно въ томъ же смыслѣ, прикидывались на словахъ ревностными, преданными народу демагогами. Въ случаѣ нужды, они безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти искали себѣ союзниковъ внѣ государства и вступали въ тѣснѣйшія связи съ врагами своего отечества. Все это дѣлало олигарховъ, не смотря на неоспоримыя ихъ дарованія, совершенно неспособными къ возвышенной политической дѣятельности, хотя съ другой стороны благопріятствовало въ значительной степени успѣху ихъ предпріятій и увеличенію ихъ могущества. Надо замѣтить впрочемъ, что эта крайняя олигархическая партія постоянно принуждена была бороться не только съ партіей демократической, но сверхъ того и съ умѣренной частію аристократіи, вовсе не раздѣлявшей ея образа мыслей. Поэтому самому возвышеніе ея встрѣчало сильныя препятствія и совершалось довольно медленно. Въ то время, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, силы этой партіи были, повторяемъ, еще весьма незначительны и недостаточны для того, чтобы удержать въ должныхъ границахъ стремленія Алкивіада и воспрепятствовать съ успѣхомъ осуществленію его плановъ.

Послѣ этого краткаго очерка внутренняго состоянія партій и взаимнаго ихъ отношенія, мы перейдемъ уже къ обзору самыхъ событій, совершившихся въ промежутокъ времени отъ смерти Клеона до такъ называемаго сицилійскаго похода. Для объясненія этихъ событій, замѣтимъ прежде всего, что мирный договоръ, заключенный въ 421 году между Аѳинами и Спартою, возбудилъ сильныя неудовольствія и ропотъ въ союзникахъ послѣдней. Условія договора, выгодныя во многихъ отношеніяхъ для самой Спарты, были въ высшей степени невыгодны для другихъ, дѣйствовавшихъ за одно съ нею, городовъ. Желая прекратить войну какъ можно скорѣе, спартанцы не приняли никакихъ мѣръ къ охраненію общихъ интересовъ пелопоннезскаго союза и за важныя услуги, оказанныя имъ членами послѣдняго во время войны, отплатили, при заключеніи мира, самою черною неблагодарностію. Негодованіе, возбужденное поведеніемъ Спарты, усилилось еще болѣе, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что, не довольствуясь возстановленіемъ мирныхъ отношеній, лакедемоняне вступили съ аѳинянами въ тѣсный и дружескій оборонительный союзъ. Союзъ такого рода, заключенный между двумя могущественнѣйшими государствами Греціи, очевидно не могъ имѣть другой цѣли, кромѣ притѣсненія и униженія государствъ второстепенныхъ. Желая сохранить свою свободу и самостоятельность, нѣкоторые изъ городовъ Пелопоннеза рѣшились съ своей стороны соединиться тѣснымъ образомъ, чтобы противодѣйствовать за одно властолюбивымъ стремленіямъ Аѳинъ и Спарты. Важнѣйшими членами этого союза были Коринѳъ, Мантинея и Аргосъ. Послѣдній, издавна соперничествовавшій съ Спартою, былъ одушевляемъ надеждою поколебать ея могущество и занять ея мѣсто, какъ первенствующее государство въ Пелопоннезѣ. Спарта, которой не удалось, не смотря на всѣ старанія, воспрепятствовать заключенію договора, находилась въ довольно опасномъ положеніи. Но удачный походъ спартанцевъ противъ Мантинеи значительно охладилъ воинственный жаръ союзниковъ и уменьшилъ ихъ самоувѣренность. По всей вѣроятности они дорого заплатили бы за дерзкую свою попытку, если бы неудовольствія, возникшія въ это самое время между Аѳинами и Спартою, не дали имъ средства поправить свои дѣла и возобновить съ бо̀льшимъ успѣхомъ такъ неудачно начатую борьбу противъ властолюбія послѣдней.

Мы видѣли выше, что по смерти Клеона общественное мнѣніе въ Аѳинахъ высказалось энергическимъ образомъ противъ

продолженія войны и въ пользу заключенія мира съ Спартою. Тѣмъ не менѣе въ государствѣ всё еще существовала сильная партія, враждебно взиравшая на новое направленіе внѣшней политики, которое было поддерживаемо вліяніемъ Никія и друзей его. Сдѣлавшись предводителемъ аѳинской демократіи, Алкивіадъ сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ и главою всѣхъ недовольныхъ, т. е. всѣхъ граждáнъ, желавшихъ по той или другой причинѣ возобновленія войны. Распри, возникшія между Спартою и прежними ея союзниками, доставили этой партіи удобный случай къ оправданію своихъ неудовольствій и жалобъ. Сохраненіе мира, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, казалось ей совершенно несообразнымъ съ выгодами и политикою аѳинянъ.

«Демократическій Аргосъ есть единственный естественный союзникъ послѣднихъ въ Пелопоннезѣ. Оказавъ ему надлежащее вспомоществованіе, аѳиняне пріобрѣтутъ въ немъ надежный оплотъ противъ Спарты, съ которой придется, рано или поздно, вступить въ новую, рѣшительную борьбу. Напротивъ, предоставивъ Аргосъ на произволъ судьбы, они не только вооружатъ его противъ себя, но будутъ виновниками его погибели, будутъ содѣйствовать, вопреки своимъ интересамъ, утвержденію вліянія и могущества спартанцевъ надъ государствами Пелопоннеза. При такихъ обстоятельствахъ, истинные сыны отечества должны желать скорѣйшаго разрыва съ Спартою и только измѣнники, только лже-шпіоны могутъ настаивать на сохраненіи мира съ этимъ непримиримымъ, наслѣдственнымъ врагомъ аѳинянъ.»

Такъ разсуждали Алкивіадъ и друзья его, и нельзя не сознаться, что разсужденія ихъ не были лишены основанія. Тѣмъ не менѣе усилія воинственной партіи по всей вѣроятности не привели бы ни къ чему, если бы сами спартанцы, неосторожностію своего поведенія, не доставили ей новаго, сильнѣйшаго довода въ пользу ея мнѣній. На основаніи заключеннаго въ 421 году мирнаго договора, аѳинянамъ слѣдовало возвратить всѣ принадлежавшіе имъ прежде и отнятые у нихъ во время войны города и крѣпости. Но спартанцы и ихъ союзники медлили исполненіемъ этого условія; замедленія естественно должны были возбудить въ Аѳинахъ сильныя подозрѣнія насчетъ добросовѣстности Спарты, подозрѣнія, которыя усилялись еще болѣе, когда получено было извѣстіе о договорѣ, заключенномъ этимъ государствомъ съ нѣкоторыми городами Пелопоннеза и явно клонившемся ко вреду аѳинянъ. Алкивіадъ и приверженцы его воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы съ одной

стороны возбудить народное негодованіе противъ лакедемонянъ и друга ихъ Никія, а съ другой — внушить народу мысль о необходимости заключить какъ можно скорѣе тѣсный союзъ съ Аргосомъ. Послѣднее было тѣмъ желательнѣе, что Аргосъ, опасаясь за исходъ предпринятой имъ неровной борьбы и потерявъ всякую надежду на помощь аѳинянъ, вступилъ уже въ мирные договоры съ Спартою. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ къ удовлетворенію противорѣчащихъ требованій, обѣ стороны согласились наконецъ возобновить существовавшее между ними перемиріе еще на пятнадцать лѣтъ. Все было кончено и оставалось только представить проэктъ договора на утвержденіе народнаго собранія въ Аргосѣ, какъ вдругъ вмѣшательство Алкивіада придало всѣмъ отношеніямъ въ Пелопоннезѣ совершенно новый видъ и принудило спартанцевъ отказаться отъ надежды на разрушеніе враждебнаго имъ союза и на возстановленіе мирныхъ связей съ важнѣйшими его членами.

Состояніе Пелопоннезскихъ государствъ и отношенія ихъ другъ къ другу стали обращать на себя вниманіе Алкивіада съ той самой минуты, какъ заключенъ былъ мирный договоръ между Аѳинами и Спартою. Частію черезъ друзей своихъ, частію посредствомъ личной переписки, онъ вступилъ въ тѣсныя сношенія съ предводителями демократіи въ Аргосѣ и всѣми силами старался поддержать въ нихъ, вмѣстѣ съ непріязненнымъ расположеніемъ противъ Спарты, надежду на неминуемую и скорую перемѣну аѳинской политики. Когда недобросовѣстное уклоненіе спартанцевъ отъ исполненія условій договора возбудило противъ нихъ негодованіе аѳинянъ, Алкивіадъ поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ единомышленниковъ своихъ въ Аргосѣ. Онъ совѣтовалъ послѣднимъ воспользоваться благопріятной минутою, соединиться какъ можно скорѣе съ другими враждебными Спартѣ городами Пелопоннеза и отправить въ Аѳины посольство съ предложеніемъ заключить тѣсный вооруженный союзъ противъ лакедемонянъ. Получивъ это извѣстіе, граждане Аргоса сейчасъ же прекратили начатые ими мирные переговоры съ Спартою. Сознаніе значительныхъ выгодъ, которыя могъ доставить имъ союзъ съ демократическими и могущественными Аѳинами, издавна находившимися въ дружескихъ съ ними сношеніяхъ, превозмогло всѣ прежнія опасенія и разсчеты. Поэтому весною 420 года, сообразно желаніямъ и совѣту Алкивіада, послы Аргоса и союзниковъ его явились въ Аѳины.

Съ своей стороны спартанцы, узнавъ о сильномъ неудовольствіи, возбужденномъ ихъ поступками въ отечествѣ Алкивіада,

рѣшилась также отправить туда посольство, чтобы успокоить раздраженный народъ и воспрепятствовать, если можно, соединенію его съ Пелопоннезскимъ союзомъ. Этому посольству даны были неограниченныя полномочія для возстановленія дружескихъ сношеній съ аѳинянами и для заключенія новаго договора о всѣхъ остававшихся еще спорными пунктахъ. Предложенія, сдѣланныя въ этомъ смыслѣ послами, были приняты весьма благосклонно аѳинскимъ сенатомъ. Уже назначенъ былъ день народнаго собранія, въ которомъ слѣдовало постановить окончательное рѣшеніе. Содержаніе этого рѣшенія можно было предвидѣть; предложенія спартанцевъ были такъ выгодны, что народъ, безъ сомнѣнія, охотно бы согласился принять ихъ и слѣдовательно отказался бы отъ предположеннаго союза съ Аргосомъ. Но такой исходъ дѣла разстроилъ бы, разумѣется, всѣ планы и намѣренія Алкивіада. Послѣдній рѣшился поэтому прибѣгнуть къ хитрости, чтобы отклонить отъ себя грозившую опасность. Явившись къ лакедемонскимъ посламъ, онъ сталъ увѣрять ихъ, что они вовсе не достигнутъ своей цѣли, если объявятъ народному собранію, какъ объявили уже сенату, о данномъ имъ Спартою полновластіи для заключенія союза. Очаровавъ неопытныхъ дипломатовъ своею любезностью и возбудивъ въ нихъ подозрѣнія насчетъ добросовѣстности Никія, Алкивіадъ торжественно поклялся, «что аѳиняне согласятся заключить со«юзъ на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ, если только не бу«дутъ знать о предоставленномъ спартанскому посольству неогра«ниченномъ полномочіи». «Если прежде — говорилъ Алкивіадъ — мнѣ такъ легко удалось возбудить противъ васъ аѳинянъ, то нынѣ, перейдя на вашу сторону и дѣйствуя съ вами за одно, я еще легче достигну своей цѣли и безъ труда уговорю народъ принять ваши предложенія». Когда на слѣдующій день спартанцы явились въ народное собраніе, Алкивіадъ спросилъ у нихъ самымъ учтивымъ и дружескимъ тономъ: снабжены ли они достаточными полномочіями для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ. Послы, сообразно съ заключеннымъ наканунѣ тайнымъ условіемъ, отвѣчали на это отрицательно. Отвѣтъ ихъ произвелъ всеобщее изумленіе, особенно въ сенатѣ, которому незадолго передъ тѣмъ они объявили совершенно противное. Смущенный Никій, не подозрѣвавшій хитрости своего соперника, сидѣлъ безмолвно. Между тѣмъ народъ, которому отвѣтъ пословъ казался очевиднымъ доказательствомъ ихъ двуличности и недобросовѣстности, обнаружилъ сильнѣйшее негодованіе и привѣтствовалъ восторженными кликами Алкивіада, когда послѣдній

обратился къ несчастнымъ жертвамъ своихъ козней съ горькими упреками и энергическою бранью. Пристыженные и совершенно растерявшіеся спартанцы принуждены были оставить собраніе, въ которое немедленно введены были представители Аргоса. Народъ благосклонно выслушалъ предложеніе послѣднихъ и хотѣлъ немедленно приступить къ заключенію съ ними договора. Къ счастью для Никія и друзей его, внезапно случившееся землетрясеніе устрашило толпу и принудило ее отложить до другого дня окончательное рѣшеніе по этому предмету.

На слѣдующій день возбужденное Алкивіадомъ волненіе нѣсколько утихло, и приверженцамъ Никія удалось, хотя не безъ труда, убѣдить народное собраніе въ необходимости отсрочить на нѣсколько дней заключеніе договора съ Аргосомъ. Самъ Никій вызвался отправиться въ Спарту, въ качествѣ посла, для разъясненія возникшихъ недоразумѣній. Но посольство его не принесло никакой пользы. Въ Спартѣ, какъ и въ Аѳинахъ, существовала воинственная партія, которая пріобрѣла именно въ это время потерянный ею на минуту перевѣсъ надъ защитниками мирной политики. Спартанцы приняли аѳинскаго посла весьма учтиво, но рѣшительно отказались отъ исполненія его требованій. Понятно, что эта неудача должна была уничтожить въ конецъ популярность и вліяніе Никія, уже сильно потрясенныя двусмысленнымъ поведеніемъ спартанскихъ пословъ, которыхъ онъ постоянно защищалъ и поддерживалъ передъ народомъ. Раздраженные аѳиняне совершенно перешли на сторону Алкивіада и, по его совѣту, утвердили безъ дальнѣйшихъ разсужденій предложенный имъ договоръ съ Аргосомъ и союзниками послѣдняго. На основаніи договора, обѣ стороны вступили въ тѣсный оборонительный союзъ и обязались помогать другъ другу противъ всякаго непріязненнаго нападенія. Впрочемъ, вступая въ этотъ союзъ, очевидно направленный противъ Спарты, аѳиняне еще не рѣшились на совершенный съ нею разрывъ. Оба государства, несмотря на взаимное озлобленіе, одинаково нуждались въ мирѣ для изцѣленія ранъ, нанесенныхъ имъ послѣднею войною. Они хотѣли избѣжать, хотя на нѣкоторое время, открытой борьбы и сохранить, хотя на словахъ, только-что возстановленныя между ними мирныя отношенія.

Такимъ образомъ, въ теченіе 420 года всѣ политическія отношенія приняли новый видъ, совершенно соотвѣтствовавшій намѣреніямъ и планамъ Алкивіада. Въ отечествѣ его весьма высоко цѣнили то искусство, съ которымъ умѣлъ онъ связать интересы Аргоса и его союзниковъ съ интересами Аѳинъ. Никій

совершенно лишился своего вліянія и былъ отстраненъ отъ участія въ государственномъ управленіи, тогда какъ Алкивіадъ сдѣлался на нѣкоторое время главнымъ руководителемъ внѣшней политики аѳинянъ. Усилія послѣдняго, конечно, еще не вполнѣ достигли своей цѣли; заключенный съ Спартою миръ еще сохранялъ свою силу; но съ другой стороны близость и неминуемость разрыва не подлежали уже ни малѣйшему сомнѣнію. Посредствомъ союза съ Аргосомъ, аѳиняне впервые пріобрѣли твердую для себя опору въ Пелопоннесѣ. Но, по мнѣнію Алкивіада, они, не ограничиваясь этимъ успѣхомъ, должны были принять положительныя мѣры для немедленнаго извлеченія изъ него положительныхъ выгодъ. Съ этою цѣлью слѣдовало, принявъ Аргосъ за исходный пунктъ дальнѣйшей дѣятельности, вступить мало по малу въ тѣсное соединеніе со всѣми демократическими элементами, существовавшими въ Пелопоннесѣ, и, сохраняя на словахъ мирныя отношенія къ Спартѣ, возстановить противъ нея всѣ города полуострова, одинъ за другимъ. Искусными дѣйствіями надо было довести спартанцевъ до того, чтобы въ случаѣ войны они, потерявъ всѣхъ прежнихъ союзниковъ и располагая одними лишь собственными силами, принуждены были отказаться отъ всякой мысли о завоеваніяхъ и ограничиться защитою своихъ владѣній. Тогда аѳиняне, соединивъ свой сильный флотъ съ сухопутными войсками союзниковъ, могли бы напасть на Спарту и съ сухаго пути, и съ моря, стѣснить ее со всѣхъ сторонъ и нанести послѣдній, рѣшительный ударъ не только ея могуществу, но и самой независимости. Таковъ былъ планъ Алкивіада; посмотримъ теперь, какія принялъ онъ мѣры для его исполненія.

Вскорѣ по заключеніи договора съ Аргосомъ, именно лѣтомъ 419 года, Алкивіадъ, избранный аѳинянами въ стратеги, предпринялъ, при содѣйствіи союзниковъ, первый свой походъ въ Пелопоннезъ. Съ небольшимъ отрядомъ аѳинскихъ гоплитовъ и стрѣлковъ явился онъ въ Аргосъ, откуда, соединившись съ союзными войсками и принявъ всѣ нужныя мѣры къ укрѣпленію и распространенію союза, предполагалъ уже приступить къ исполненію обширныхъ своихъ предпріятій. Города, подчинявшіеся аѳинской симмахіи, образовали собою цѣпь, благодаря которой связь между сѣверными и южными союзниками Спарты была почти совершенно разорвана. Оставалось только обезопасить себя со стороны сѣвера и въ особенности со стороны Коринѳа, который сначала присоединился къ союзу, но впослѣдствіи отказался отъ всякаго въ немъ участія и рѣшился дѣйствовать за

одно съ Спартою. Вѣрный взглядъ Алкивіада указалъ ему на Патрай въ западной Ахаіи, какъ на лучшее орудіе для достиженія этой цѣли. Торговые интересы этого значительнаго приморскаго города, соперничество его съ Коринѳомъ и существовавшее въ немъ издавна нерасположеніе къ племени дорійскому были причиною того, что граждане Патрая охотно согласились выйдти изъ союза ахайскаго и пристать къ аѳинскому. Чтобы обезпечить морскія сношенія ихъ съ Аѳинами, Алкивіадъ убѣдилъ ихъ соединить городъ съ моремъ посредствомъ длинной стѣны. Черезъ это аѳиняне утвердились прочнымъ образомъ на сѣверѣ, открыли себѣ доступъ въ Ахаію, обезопасили себя со стороны Коринѳа и, что было особенно важно, получили возможность извлечь положительную выгоду изъ принадлежавшаго имъ въ Локридѣ Навпакта. Коринѳскій заливъ, благодаря Навпакту и нѣкоторымъ другимъ городамъ, которыми уже давно владѣли аѳиняне, сдѣлался наконецъ совершеннымъ достояніемъ послѣднихъ. Понятно, что этотъ успѣхъ долженъ былъ возбудить живѣйшія опасенія во всѣхъ прибрежныхъ городахъ залива, не принадлежавшихъ къ аѳинскому союзу. Безпокойство ихъ еще усилилось, когда Алкивіадъ, для полнѣйшаго утвержденія владычества аѳинянъ надъ этимъ краемъ, вознамѣрился построить сильную крѣпость на ахайскомъ мысѣ Ріонѣ, въ равномъ почти разстояніи отъ Патрая съ одной стороны и Навпакта съ другой. Ширина моря въ этомъ мѣстѣ составляла не болѣе семи стадій, такъ-что построенная здѣсь крѣпость легко могла бы овладѣть входомъ въ заливъ и запереть его для всѣхъ неаѳинскихъ кораблей. Дорическіе торговые города, въ особенности Сикіонъ и Коринѳъ, не могли оставаться равнодушными свидѣтелями столь опасныхъ для нихъ приготовленій. Поэтому они поспѣшно вооружились, выступили въ походъ и благодаря какъ быстротѣ своихъ дѣйствій, такъ и превосходству силъ, принудили Алкивіада отказаться отъ исполненія задуманнаго плана.

Не успѣвъ вполнѣ достигнуть своей цѣли на западѣ, Алкивіадъ и союзники надѣялись вознаградить неудачу на востокѣ. Находившійся на восточномъ берегу Арголиды Эпидавръ былъ искренно преданъ коринѳянамъ и спартанцамъ. По своему положенію, этотъ городъ имѣлъ въ отношеніи къ Коринѳу точно такое же значеніе, какъ и Патрай. Овладѣвъ имъ, союзники могли бы значительно сократить путь изъ Аргоса въ Аѳины, а слѣдовательно значительно облегчить соединеніе между обоими государствами. Вмѣстѣ съ этимъ Дорійскій союзъ лишился бы од-

ного изъ важнѣйшихъ своихъ членовъ, а Коринѳъ сдѣлался бы съ юго-запада совершенно беззащитнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, союзники рѣшились обратить свои силы противъ Эпидавра. Но дѣйствія ихъ были весьма медленны и нерѣшительны и вовсе не соотвѣтствовали важности предпріятія. Виною тому было по всей вѣроятности отсутствіе Алкивіада, который именно въ это время отправился въ Аѳины, чтобы склонить своихъ соотечественниковъ къ усиленію посланнаго ими въ Пелопоннезъ отряда. Къ началу зимы онъ снова явился въ Аргосъ, въ сопровожденіи тысячи гоплитовъ, но позднее время года уже не позволяло ему приступить къ чему либо рѣшительному. Когда же аѳиняне услышали, что спартанцы вооружаются и хотятъ идти на помощь къ союзникамъ своимъ въ Эпидаврѣ, они рѣшились возвратиться на родину, потому что не имѣли еще ни средствъ, ни желанія вступить въ открытую борьбу съ Спартою.

Отъ вниманія спартанцевъ не могли, между тѣмъ, укрыться ни тайныя намѣренія Алкивіада, ни опасность, какой они подвергались въ случаѣ исполненія обширныхъ его плановъ. Поэтому лѣтомъ 418 года они рѣшились соединить всѣ находившіяся въ распоряженіи ихъ военныя силы, подать помощь Эпидавру, который въ теченіе цѣлой зимы былъ осаждаемъ непріятелемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нанести рѣшительный ударъ какъ Аргосу, такъ и союзникамъ послѣдняго. Сильное лакедемонское войско выступило, подъ предводительствомъ царя Агиса, въ походъ, соединилось на пути съ войсками нѣкоторыхъ, преданныхъ Спартѣ государствъ Пелопоннеза и невдалекѣ отъ Аргоса встрѣтилось съ непріятелемъ. Столкновеніе, казалось, было неминуемо и обѣ стороны, разсчитывая на побѣду, горѣли желаніемъ вступить въ рѣшительный бой. Но энтузіазмъ, одушевлявшій воиновъ, не былъ раздѣляемъ ихъ предводителями; послѣдніе, одинаково опасаясь борьбы, исходъ которой, при равенствѣ силъ, зависѣлъ бы единственно отъ случая, вступили между собою въ переговоры и согласились заключить перемиріе срокомъ на четыре мѣсяца. Вслѣдствіе того войска разошлись по домамъ и рѣшеніе спора отложено было до другого времени.

Но вскорѣ по удаленіи спартанцевъ на родину, въ Аргосъ явилось опять аѳинское вспомогательное войско. Аѳиняне, по видимому, колебались довольно долго, прежде чѣмъ рѣшились оказать эту помощь приверженцамъ своимъ въ Пелопоннезѣ. Въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ Аргосу предстояла борьба уже не съ союзниками Спарты, но съ самою Спартою. Придти на помощь

первому значило то же, что объявить войну послѣдней. Такимъ образомъ аѳиняне поставлены были въ необходимость сдѣлать окончательный выборъ между войною и миромъ. Никій и его партія всѣми силами старались удержать своихъ соотечественниковъ отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ дѣла Пелопоннеза и, если имъ не удалось достигнуть вполнѣ своей цѣли, то удалось по крайней мѣрѣ заранѣе уничтожить всѣ плоды, которыхъ можно было ожидать отъ такого вмѣшательства. Вслѣдствіе ихъ происковъ, въ Пелопоннезъ отправленъ былъ только малочисленный отрядъ, слишкомъ слабый для оказанія дѣйствительной помощи Аргосу, но довольно сильный для уполномоченія спартанцевъ къ обвиненію аѳинянъ въ вѣроломномъ нарушеніи мира. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 1,400 человѣкъ; начальство надъ нимъ, также вслѣдствіе интригъ аристократической партіи, ввѣрено было не Алкивіаду, но двумъ приверженцамъ этой партіи Никострату и Лакесу. Не надо, впрочемъ, думать, чтобы черезъ это уничтожилось вліяніе Алкивіада на дѣла Пелопоннезскія; отправленный на полуостровъ въ качествѣ посланника, а не вождя, онъ былъ тѣмъ не менѣе главнымъ двигателемъ и руководителемъ предпринятой экспедиціи. Немедленно по прибытіи въ Аргосъ, аѳиняне принудили гражданъ послѣдняго нарушить только-что заключенное ими перемиріе и возобновить непріязненныя дѣйствія противъ Спарты. Союзныя войска выступили въ походъ и прежде всего направились противъ Орхомена, которымъ и овладѣли послѣ краткой осады. Затѣмъ они рѣшились идти противъ Тегеи, въ которой существовала партія, обѣщавшая предать городъ въ руки аѳинянъ. Но спартанцы съ своей стороны не дремали; они выслали противъ непріятеля сильное войско, подъ предводительствомъ Агиса. Приближеніе его заставило союзниковъ отступить, но Агисъ настигъ ихъ въ равнинѣ, лежащей на югъ отъ Мантинеи, напалъ на нихъ съ ожесточеніемъ и нанесъ имъ самое рѣшительное пораженіе. Спартанцы потеряли не болѣе 300 человѣкъ, тогда какъ обращенные въ бѣгство союзники оставили на полѣ битвы болѣе 1,100 убитыхъ, въ числѣ которыхъ находились оба аѳинскіе полководца и 200 аѳинянъ. Эта блестящая побѣда, одержанная Агисомъ, имѣла послѣдствія чрезвычайно важныя. Она возстановила военную славу спартанцевъ, нѣсколько омраченную предшествовавшими неудачами, надолго упрочила вліяніе ихъ въ Пелопоннезѣ, нанесла смертельный ударъ образовавшемуся противъ нихъ демократическому союзу и противупоставила неожиданную, неодолимую преграду исполненію

намѣреній и плановъ Алкивіада. Въ самомъ дѣлѣ, спустя нѣсколько времени послѣ сраженія при Мантинеѣ, главный соперникъ и врагъ Спарты, Аргосъ не только отказался отъ продолженія войны, но вступилъ съ нею въ тѣсный союзъ и, по ея настоянію, принудилъ аѳинянъ вывести изъ Пелопоннеза остатки присланнаго ими вспомогательнаго войска. Этого мало. Съ помощію спартанцевъ аристократическая партія въ Аргосѣ ниспровергла издавна существовавшій въ этомъ городѣ демократическій образъ правленія и сосредоточила верховную власть въ рукахъ небольшаго числа преданныхъ Спартѣ олигарховъ. Другіе города, дѣйствовавшіе дотолѣ за одно съ Аргосомъ, послѣдовали, разумѣется, примѣру послѣдняго. Такимъ образомъ Спарта не только избавилась разомъ отъ всѣхъ грозившихъ ей опасностей, но сверхъ того умѣла упрочить и, вслѣдствіе происшедшей въ Аргосѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ аристократической реакціи, увеличить значительнымъ образомъ свое могущество и вліяніе. Аѳиняне, напротивъ, не только не извлекли никакой пользы изъ вмѣшательства своего въ дѣла Пелопоннеза, но потеряли, казалось, всякую надежду на возстановленіе тѣхъ выгодныхъ связей, которыя удалось было заключить имъ съ нѣкоторыми государствами полуострова.

Этотъ неудачный исходъ пелопоннезскихъ экспедицій долженъ былъ естественно поколебать въ значительной степени вліяніе и власть Алкивіада въ Аѳинахъ. Никій и его приверженцы, постоянно противодѣйствовавшіе союзу съ Аргосомъ, имѣли теперь удобный случай къ оправданію своей политики и къ восхваленію своего благоразумія. Вмѣсто того, чтобы доставить аѳинянамъ столь необходимое для нихъ спокойствіе, Алкивіадъ и друзья его, вовлекши ихъ въ самое безразсудное предпріятіе, погубили въ горахъ Аркадіи множество лучшихъ аѳинскихъ гражданъ и нанесли смертельное оскорбленіе могущественной Спартѣ. Если это государство не вступило еще въ открытую войну съ аѳинянами, то послѣдніе обязаны этимъ единственно умѣренности спартанцевъ. Такъ разсуждали приверженцы Никія. Но противники ихъ съ своей стороны слагали съ себя всякую отвѣтственностъ за испытанную неудачу, которую приписывали единственно ничтожеству предоставленныхъ въ распоряженіе имъ военныхъ силъ. Постигшее аѳинянъ бѣдствіе было, по ихъ мнѣнію, необходимымъ слѣдствіемъ недостаточности вспоможенія, оказаннаго Аргосу. Можно ли было надѣяться — говорили они — на достиженіе существенныхъ и важныхъ результатовъ

при средствахъ, столь ограниченныхъ и незначительныхъ? Истинными виновниками случившагося несчастія были слѣдовательно не тѣ, которые присовѣтовали аѳинянамъ вмѣшаться въ дѣла Пелопоннеза, но тѣ, которые своими происками и кознями ограничили объемъ этого вмѣшательства и уничтожили тѣмъ самымъ всякую возможность успѣшнаго его окончанія. Несмотря на то, что эти доводы были до нѣкоторой степени основательны, они не могли однако уменьшить того невыгоднаго для Алкивіада впечатлѣнія, которое произвели на общественное мнѣніе несчастныя послѣдствія Мантинейской битвы. Съ другой стороны въ народѣ стало распространяться мнѣніе, что постоянное соперничество и вражда между Алкивіадомъ и Никіемъ, препятствуя правильному теченію государственныхъ дѣлъ, могутъ подвергнуть государство величайшимъ опасностямъ. Нѣкоторые изъ гражданъ пришли мало по малу къ убѣжденію, что предупредить эти опасности можно не иначе, какъ помощію остракизма, средства, къ которому издавна прибѣгали политическія партіи для рѣшенія своихъ споровъ. Сдѣланное ими предложеніе: рѣшить по большинству голосовъ, который изъ предводителей двухъ партій долженъ подвергнуться временному изгнанію, уже принято было народомъ и, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, повело бы по всей вѣроятности къ удаленію изъ Аѳинъ не Никія, но Алкивіада. Послѣдній однако умѣлъ на этотъ разъ предохранить себя отъ опасности; съ свойственною ему ловкостію онъ успѣлъ не только примириться съ Никіемъ, но и убѣдить его въ необходимости дѣйствовать за одно противъ общаго непріятеля. Слѣдствіемъ ихъ соглашенія было то, что оба они избавились отъ грозившаго имъ изгнанія и что остракизму подверглись именно тѣ, которые предложили народу прибѣгнуть къ этому средству для прекращенія раздиравшихъ государство несогласій и смутъ. Новыя событія, совершившіяся между тѣмъ въ Пелопоннезѣ, дали возможность Алкивіаду отчасти загладить прежнюю неудачу и снова пріобрѣсти утраченное на минуту могущество надъ умами измѣнчивыхъ и легкомысленныхъ соотечественниковъ.

Олигархическое правленіе, учрежденное въ Аргосѣ спартанцами, сдѣлалось весьма скоро ненавистнымъ народу. Негодованіе гражданъ было возбуждено въ сильнѣйшей степени притѣсненіями и насильственными поступками олигарховъ. Недовольные, число которыхъ увеличивалось ежедневно, могли ожидать помощи только отъ аѳинянъ и въ особенности возлагали надежды

своя на Алкивіада, постояннаго защитника и покровителя пелопоннезской демократіи. Послѣдній поддерживалъ, сколько могъ, эти надежды и не прерывалъ связей своихъ съ вождями народной партіи. Неожиданный случай ускорилъ подготовлявшееся въ тиши возстаніе противъ друзей Спарты. На восьмой мѣсяцъ по утвержденіи владычества олигарховъ, предводитель ихъ позволилъ себѣ обезчестить одну изъ гражданокъ Аргоса, похищенную имъ въ ту самую минуту, когда она готовилась вступить въ брачный союзъ съ избраннымъ ею женихомъ. Несчастная, желая отмстить своему похитителю, ослѣпила его во время сна и на слѣдующее утро явилась къ народу, требуя покровительства и защиты. Слова ея и самый поступокъ довели всеобщее негодованіе до самой крайней степени. Озлобленная толпа немедленно вооружилась и напала на олигарховъ. Послѣ кровопролитнаго боя въ стѣнахъ самаго города между защитниками аристократіи и народомъ, побѣда осталась на сторонѣ послѣдняго. Событіе это нанесло смертельный ударъ олигархіи. Уполномоченные послѣдней немедленно отправились въ Спарту съ просьбою о помощи, но прежде чѣмъ спартанцы достигли Тегеи, противники народной партіи принуждены были оставить Аргосъ. Тѣмъ не менѣе, зная, что изгнанные олигархи скоро возвратятся съ лакедемонскимъ вспомогательнымъ войскомъ, побѣдители поспѣшили отправить посольство къ аѳинскому народу для возстановленія съ нимъ прежнихъ дружескихъ отношеній. Самъ Алкивіадъ прибылъ въ Аргосъ для ободренія и подкрѣпленія друзей своихъ. По его совѣту, приступлено было съ величайшею поспѣшностію къ сооруженію длинныхъ стѣнъ между городомъ и моремъ для того, чтобы, въ случаѣ осады перваго съ сухаго пути, сношенія его съ Аттикою не могли быть прерваны. Въ Аргосѣ повторились сцены, происходившія въ Аѳинахъ во времена Ѳемистокла. Мужчины, женщины, рабы работали неутомимо и усердно; сосѣдніе города доставили дѣятельную помощь: Аѳины, по требованію Алкивіада, прислали немедленно нужное число архитекторовъ и каменщиковъ. Хотя построенныя такимъ образомъ стѣны были разрушены пришедшимъ на слѣдующую зиму, (417—416) подъ предводительствомъ Агиса, спартанскимъ войскомъ, однако городъ отразилъ всѣ сдѣланныя противъ него нападенія и принудилъ наконецъ спартанцевъ къ отступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ граждане Аргоса, по соглашенію съ Алкивіадомъ, рѣшились принять энергическія мѣры для того, чтобы предупредить новыя, возможныя со стороны олигархиче-

ской партіи интриги. Лѣтомъ 416 года Алкивіадъ явился съ двадцатью кораблями въ гавань Аргоса и, по совѣщаніи съ предводителями народной партіи, взялъ подъ стражу всѣхъ гражданъ, которые были подозрѣваемы въ расположеніи къ олигархіи и Спартѣ. Эти люди, числомъ до 300, были отвезены на сосѣдніе, союзные съ Аѳинами острова и отданы подъ надзоръ жителей. Такимъ образомъ владычество демократіи въ Аргосѣ было возстановлено на прежнемъ основаніи и аѳиняне снова пріобрѣли себѣ, на случай войны съ Спартою, сильнаго и вѣрнаго союзника въ Пелопоннезѣ. Что касается лично до Алкивіада, то изложенныя нами событія значительно содѣйствовали увеличенію кредита его и власти не только въ самыхъ Аѳинахъ, но также въ Аргосѣ и другихъ городахъ полуострова, непріязненно расположенныхъ противъ Спарты. Эти города видѣли въ немъ своего покровителя и въ затруднительныхъ случаяхъ нерѣдко прибѣгали къ нему съ просьбами о совѣтѣ и помощи.

Сдѣлавшись такимъ образомъ главою демократической партіи не только въ Аѳинахъ, но отчасти и въ другихъ государствахъ Греціи, успѣвъ пріобрѣсти, несмотря на нѣкоторыя неудачи, репутацію искуснаго и ловкаго дипломата, увѣренный въ расположеніи и преданности къ нему многочисленнѣйшей части аѳинскаго народа, Алкивіадъ рѣшился воспользоваться выгодами этого положенія, чтобы распространить поле своей дѣятельности и предоставить полный просторъ своему ненасытному честолюбію. Борьба пелопоннезскихъ государствъ, въ которой принималъ онъ до той поры столь дѣятельное участіе, потеряла въ глазахъ его всякую занимательность съ той минуты, какъ родившаяся въ умѣ его мысль о новомъ громадномъ предпріятіи — о походѣ въ Сицилію, указала ему возможность найдти болѣе обширное и достойное поприще для раскрытія своихъ дарованій. Но это знаменитое предпріятіе, вмѣстѣ со всѣми обстоятельствами, его сопровождавшими, представляетъ собою новый моментъ, новый, отмѣченный рѣзкими характеристическими чертами періодъ въ жизни Алкивіада. По этому, прежде чѣмъ перейдти къ его изложенію, мы должны сказать еще нѣсколько словъ объ одной, доселѣ нетронутой нами сторонѣ предмета, именно о *частной жизни* Алкивіада въ эпоху, предшествовавшую сицилійской экспедиціи. Ближайшее знакомство съ нею можетъ не мало содѣйствовать къ объясненію какъ событій, нами изложенныхъ, такъ и тѣхъ, которыя должны мы будемъ излагать въ слѣдующихъ отдѣлахъ статьи нашей.

Многіе изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о частной жизни Алкивіада имѣютъ источникъ весьма сомнительный. Они основываются по бо́льшей части на свидѣтельствѣ или политическихъ его враговъ, или людей, которые, по любви къ скандалёзнымъ анекдотамъ, не имѣли обыкновенія подвергать строгой критикѣ доходившіе до нихъ слухи. Свидѣтельства этого рода слѣдуетъ принимать не иначе, какъ съ крайнею осмотрительностью; нѣкоторыя изъ нихъ отзываются явнымъ преувеличеніемъ; другія вовсе не заслуживаютъ довѣрія. Тѣмъ не менѣе, чтобы вполнѣ оправдать строгіе, произнесенные во имя нравственности, приговоры надъ Алкивіадомъ, достаточно прочесть разсказы расположеннаго къ нему Плутарха и серьёзнаго Ѳукидида. Странная натура этого человѣка и неодолимое стремленіе къ первенству выразились не въ одной только публичной его дѣятельности. Оставаясь и въ домашнемъ быту вѣрнымъ своему характеру, онъ хотѣлъ испить до дна чашу чувственныхъ наслажденій и громадными размѣрами своего распутства возбудить всеобщее удивленіе. Поэтому частная жизнь его представляетъ собою дѣйствительно картину величайшаго разврата и неслыханнаго дотолѣ въ Аѳинахъ презрѣнія ко всему высокому и святому. Красавецъ, внушавшій въ юности своей столь сильныя страсти многочисленнымъ своимъ обожателямъ, предался и самъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ своихъ, противоестественнымъ вкусамъ, господствовавшимъ между греками. Съ другой стороны мы знаемъ изъ сохранившихся до насъ свидѣтельствъ, что красота Алкивіада плѣняла не однихъ только мужчинъ; прекраснѣйшія и благороднѣйшія изъ аѳинскихъ женъ были также очаровываемы ею. Обладая отъ природы огненнымъ темпераментомъ, Алкивіадъ имѣлъ сверхъ того случай весьма рано познакомиться со всѣми утонченностями разврата, во время пребыванія своего среди изнѣженныхъ обитателей Малой Азіи. Едва достигши гражданскаго совершеннолѣтія, на девятнадцатомъ году отъ роду, онъ совершилъ съ дядей своимъ Аксіохомъ путешествіе по берегамъ Геллеспонта и, между прочимъ, прожилъ нѣсколько времени въ славившемся распущенностью своихъ нравовъ Абидосѣ. Въ сообществѣ съ нескромными женщинами этого города, онъ прошелъ полный курсъ сластолюбія и усвоилъ себѣ всѣ его пріемы. Возвратившись въ Аѳины, онъ скоро пріобрѣлъ себѣ репутацію человѣка, преслѣдованію котораго не могла противустоять ни одна женщина и въ этомъ отношеніи про него, также какъ позже про Цесаря, можно было сказать безъ боль-

шаго преувеличенія, что «былъ въ началѣ женою всѣхъ мужей, онъ сдѣлался впослѣдствіи мужемъ всѣхъ женъ». Гетеры туземныя и иностранныя, съ которыми находился онъ въ постоянныхъ связяхъ, сопровождали его даже во время походовъ. При общей распущенности тогдашнихъ нравовъ поведеніе Алкивіада, конечно, никого не удивляло, но даже развратные современники его изумлялись тому безстыдству, съ которымъ совершалъ онъ свои распутства, не только не скрывая ихъ отъ нескромныхъ взоровъ, а, напротивъ, стараясь придавать имъ какъ можно болѣе публичности и гласности. Такъ, напримѣръ, однажды онъ выставилъ на показъ народу картину живописца Аристофона, въ которой былъ изображенъ сидящимъ на колѣняхъ извѣстной гетеры Немеи. Такая наклонность можетъ быть объясняема только его самолюбіемъ; въ гордомъ сознаніи своей красоты онъ хотѣлъ, чтобы она была цѣнима во всѣхъ безъ изъятія ея проявленіяхъ. Этимъ также должны быть объясняемы и страсть его къ пышнымъ нарядамъ и тотъ изнѣженный образъ жизни, котораго не покидалъ онъ даже въ военное время. Въ разгульныхъ попойкахъ, какъ и во всемъ другомъ, онъ не встрѣчалъ соперниковъ не только между аѳинянами, но даже между испытанными въ этомъ «искусствѣ» обитателями Ѳракіи. Не жалѣя денегъ для удовлетворенія страсти своей къ вину и женщинамъ, онъ имѣлъ также и много другихъ, не менѣе раззорительныхъ страстей. Расточительность была вообще однимъ изъ отличительныхъ его свойствъ. Онъ бросалъ деньги и направо и налѣво, частію изъ тщеславія, частію потому, что видѣлъ въ этомъ вѣрнѣйшее средство угодить народу и пріобрѣсти его уваженіе. Кто не знаетъ анекдота объ его собакѣ? Извѣстно также, какъ дорого стоила ему любовь его къ красивымъ конямъ и къ пышнымъ колесницамъ. Конюшни его возбуждали всеобщее удивленіе и превосходили своимъ великолѣпіемъ все, что встрѣчалось въ этомъ родѣ у богатѣйшихъ аѳинскихъ оптиматовъ. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, во время олимпійскихъ игръ, онъ постоянно затмѣвалъ соперниковъ роскошью своего наряда, многочисленностью и блескомъ своей свиты. Это великолѣпіе, которымъ любилъ онъ окружать себя, служило не къ одному только удовлетворенію его тщеславія; оно съ одной стороны увеличивало вліяніе его въ Аѳинахъ, съ другой — усиливало кредитъ его и значеніе въ другихъ государствахъ Греціи. Но понятно, что при такихъ наклонностяхъ, при такомъ образѣ жизни, богатство его, само по себѣ весьма значительное, должно

было оказаться рано или поздно недостаточнымъ для удовлетворенія многочисленныхъ и прихотливыхъ его потребностей. И дѣйствительно дѣла его пришли весьма скоро въ крайнее разстройство, грозившее ему совершеннымъ раззореніемъ. Желаніе поправить ихъ играло по этому самому немаловажную роль въ политическихъ его предпріятіяхъ, отъ удачнаго окончанія которыхъ онъ ожидалъ увеличенія не только могущества своего, но и матеріальнаго благосостоянія.

Отъ людей, подобныхъ Алкивіаду—людей, руководимыхъ неодолимымъ стремленіемъ къ исключительному и необыкновенному, съ презрѣніемъ взирающихъ на общественную нравственность и нагло нарушающихъ ея предписанія, нельзя, конечно, ожидать должнаго уваженія къ законамъ, которыми охраняются права и интересы отдѣльныхъ гражданъ. Обязанный, по самому положенію своему, угождать массѣ и льстить ея наклонностямъ, Алкивіадъ находилъ особенное удовольствіе и нѣкоторымъ образомъ вознагражденіе, въ возможности презрительнаго и грубаго обращенія съ отдѣльными лицами. Благодаря чрезмѣрной благосклонности, съ которою смотрѣли первоначально аѳиняне на порывы юношескаго его высокомѣрія, онъ привыкъ давать полный просторъ своему необузданному своеволію и находить величайшее для себя наслажденіе въ открытомъ нарушеніи законовъ, въ оскорбленіи своихъ согражданъ и въ насильственныхъ противъ нихъ поступкахъ. Наглость его развилась мало по малу до такой степени, до какой еще не доходила ни въ одномъ изъ аѳинянъ. Для примѣра не мѣшаетъ привести здѣсь нѣкоторые изъ наиболѣе извѣстныхъ анекдотовъ этого рода. Имѣя какое-то неудовольствіе противъ одного изъ аѳинскихъ живописцевъ, по имени Агатарха, Алкивіадъ, чтобы отмстить ему, заманилъ его однажды въ свой домъ и, заставивъ расписывать стѣны своихъ комнатъ, продержалъ этого художника въ самомъ тѣсномъ заключеніи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Еще хуже поступилъ онъ съ однимъ изъ аѳинскихъ богачей, который, будучи, во время общественныхъ празднествъ, его антихорегомъ, хотѣлъ превзойдти его великолѣпіемъ и роскошью. Въ хорѣ Алкивіада находился между прочимъ одинъ иностранецъ. Соперникъ Алкивіада, замѣтивъ это нарушеніе правилъ, потребовалъ, чтобы чужеземцамъ не было дозволено принимать участія въ танцахъ. Услышавъ это, Алкивіадъ быстро всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ своему противнику и, взявъ его за уши, вывелъ изъ театра въ присутствіи всего народа. И

вліяніе его было такъ велико, что, несмотря на сильное неудовольствіе, возбужденное этимъ поступкомъ въ большинствѣ зрителей, судьи не только не рѣшились наказать Алкивіада, а, напротивъ, признали его совершенно правымъ и возложили всю вину на несчастнаго его соперника.

Но всего яснѣе и рѣзче выражалась безнравственность Алкивіада въ семейной жизни и особенно въ супружескихъ его отношеніяхъ. Мы упомянули уже выше объ оскорбленіи, которое нанесъ онъ Гиппонику. Но впослѣдствіи онъ подружился какъ съ нимъ, такъ и съ сыномъ его Калліемъ. По смерти Гиппоника, Каллій отдалъ сестру свою замужъ за Алкивіада, назначивъ ей въ приданое десять талантовъ. Хотя количество этого приданаго было весьма значительно и далеко превосходило обычную его мѣру, однако Алкивіадъ не удовольствовался имъ, но, по случаю разрѣшенія Гиппареты отъ бремени, принудилъ своего зятя выдать ему еще десять талантовъ. Послѣ этого богатый и славившійся расточительностію своею Каллій, страшась дальнѣйшихъ посягательствъ Алкивіада на свое имущество, боясь даже за самую жизнь свою, рѣшился, чтобы избавиться отъ грозившихъ ему опасностей, завѣщать все свое имѣніе, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ, аѳинскому народу. Что касается до Гиппареты, то Алкивіадъ обращался съ нею еще хуже, чѣмъ съ зятемъ своимъ. Вступивъ въ бракъ, онъ нисколько не перемѣнилъ своего образа жизни и, по прежнему, предавался распутствамъ всякаго рода. Онъ нисколько не совѣстился вводить въ домъ свой туземныхъ и иностранныхъ гетеръ и до того довелъ свое безстыдство, что однажды послалъ женѣ своей, отъ чужаго имени, богатый подарокъ, чтобы испытать степень ея вѣрности и цѣломудрія. Глубоко оскорбленная этимъ поступкомъ Гиппарета покинула его домъ и возвратилась къ своему брату. Такъ какъ Алкивіадъ нисколько объ этомъ не безпокоился и продолжалъ вести прежній образъ жизни, то она рѣшилась наконецъ разстаться съ нимъ совершенно и съ этою цѣлію отправилась къ архонту съ просьбою о разводѣ. Узнавъ объ этомъ, Алкивіадъ, въ сопровожденіи друзей своихъ, пошелъ на площадь, отыскалъ свою жену и, схвативъ ее на руки, насильно отнесъ въ свой домъ. Никто изъ присутствовавшихъ не осмѣлился оказать ему сопротивленія и Гиппарета, съ этихъ поръ, принуждена была жить опять подъ одною съ нимъ кровлей. Страданія этой несчастной женщины продолжались, впрочемъ, недолго; она умерла, кажется, вскорѣ послѣ неудачной попытки своей къ расторже-

нію ненавистнаго ей брака — по всей вѣроятности, въ то самое время, когда Алкивіадъ находился въ Сициліи.

Человѣкъ, обращавшійся такимъ образомъ съ членами своего семейства, не могъ показывать большаго уваженія къ учрежденіямъ государственнымъ. Посягательства противъ послѣднихъ нисколько не страшили его и не возбуждали въ немъ ни малѣйшаго угрызенія совѣсти. Приведемъ для примѣра случай, бывшій съ Гегемономъ. Какъ отличный актёръ и сочинитель остроумныхъ пародій, Гегемонъ пользовался въ Аѳинахъ большимъ уваженіемъ. Но грубыя его манеры и колкія выходки, которыя позволялъ онъ себѣ во время театральныхъ представленій, доставили ему множество враговъ и вовлекли накопецъ въ весьма опасный для него процессъ. Опасаясь за исходъ этого процесса, Гегемонъ обратился къ Алкивіаду съ просьбою о помощи. Алкивіадъ, давъ слово спасти его отъ бѣды, отправился вмѣстѣ съ нимъ и съ другими актёрами, его друзьями, въ государственный архивъ, въ которомъ была записана и публично выставлена поданная на Гегемона жалоба. Намочивъ палецъ, Алкивіадъ тщательно вытеръ все, что написано было въ этой жалобѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на оппозицію хранителя архива. Самый истецъ, испуганный вмѣшательствомъ могущественнаго любимца аѳинянъ, не осмѣлился продолжать своего иска и призналъ за лучшее оставить Гегемона въ покоѣ. Въ какой мѣрѣ стѣснялся Алкивіадъ правами и преимуществами религіозныхъ учрежденій — можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Исправляя однажды должность казначея въ Акрополѣ, онъ взялъ изъ храма Аѳины всѣ золотые и серебряные сосуды, тамъ находившіеся. Сосуды эти, которые были употребляемы государствомъ только во время торжественныхъ празднествъ, были внесены имъ въ домъ и обращены на его личное, ежедневное употребленіе. Другой разъ, въ Олимпіи, празднуя свою побѣду, онъ получилъ позволеніе воспользоваться для даннаго имъ пиршества государственной посудою, золотыми курильницами и жертвенными чашами. Но впослѣдствіи онъ не только отказался возвратить ихъ въ назначенный ему срокъ, желая, чтобы данный государствомъ праздникъ показался менѣе пышнымъ, нежели его собственный, но сверхъ того распустилъ между греками слухъ, что всѣ эти предметы роскоши были частною его собственностью и что они были даны въ ссуду не государствомъ — ему, но напротивъ имъ — государству.

Всѣ наглые поступки Алкивіада, всѣ посягательства его и противъ частныхъ правъ, и противъ учрежденій государствен-

ныхъ, оставались обыкновенно совершенно безнаказанными. Законы, казалось, потеряли въ отношеніи къ нему свою силу. Въ глазахъ толпы, всѣ дѣйствія ея любимца были дозволительны и законны; отдѣльныя лица, имъ оскорбленныя, не осмѣливались искать противъ него управы, изъ опасенія подвергнуться новому, еще сильнѣйшему оскорбленію. Забавляя легкомысленныхъ аѳинянъ своими остроумными выходками, потворствуя и угождая прихотямъ и вкусамъ народа, Алкивіадъ тѣмъ вѣрнѣе могъ разсчитывать на безнаказанность, что неимовѣрная щедрость доставляла ему множество приверженцевъ. Его роскошь и расточительность приносили прямую, положительную выгоду значительному числу его соотечественниковъ. Одни, участвуя въ его забавахъ, пользовались на его счетъ всѣми наслажденіями жизни; другіе выгодно сбывали ему свои произведенія и товары; третьи получали отъ него, въ случаѣ нужды, щедрые дары и денежныя пособія; наконецъ всѣ вообще любили и цѣнили то великолѣпіе, которымъ окружалъ онъ себя во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ и особенно на Олимпійскихъ играхъ, гдѣ свидѣтелями его роскоши были не одни аѳиняне, но представители всѣхъ племенъ и государствъ Греціи. Исторія, между прочимъ, сохранила память о блестящемъ участіи его въ Олимпійскихъ играхъ 416 года. Онъ явился на ристалище съ *семью* колесницами, чего не дѣлалъ дотолѣ ни одинъ изъ частныхъ людей; на что́ рѣдко отваживались даже цари и государства. И между тѣмъ какъ одной побѣды на этихъ играхъ достаточно было для доставленія славы и самому бойцу и его родинѣ, Алкивіадъ получилъ разомъ три приза: первый, вторый и четвертый. Затмивъ своею пышностію, во время жертвоприношеній Зевсу, всѣхъ присутствовавшихъ грековъ, какъ частныхъ людей, такъ и представителей государствъ, онъ въ заключеніе далъ всѣмъ имъ роскошный пиръ, на которомъ выказалъ невиданное дотолѣ великолѣпіе. Но еще болѣе возвысило его значеніе въ глазахъ всѣхъ участниковъ этого торжества, то благоговѣйное уваженіе, которое обнаружили къ нему по этому случаю представители союзныхъ съ Аѳинами и подчиненныхъ гегемоніи ихъ городовъ. Въ числѣ прочихъ даровъ, граждане Эфеса поднесли ему великолѣпную персидскую палатку; отъ лесбійцевъ получилъ онъ вино и южныя лакомства; отъ жителей Хіоса и Кизика — жертвенныхъ животныхъ и кормъ для своихъ лошадей. Изъ благодарности за славу, доставленную государству одержанными имъ побѣдами, аѳиняне простили ему даже то коварство, благодаря которому

удалось ему затмить пышность и блескъ даннаго ими пиршества. Но другой, неменѣе наглый поступокъ, совершенный имъ въ это же время, сильно повредилъ его репутаціи и затемнилъ его славу. Одинъ изъ его соотечественниковъ и друзей, по имени Діомедъ, пославъ коней своихъ въ Олимпію для участія въ состязаніяхъ, ввѣрилъ ихъ его надзору и попеченіямъ. Но Алкивіадъ выдалъ лошадей этихъ за своихъ и присвоилъ себѣ выигранный ими призъ. Не довольствуясь этимъ, онъ, по окончаніи игръ, не согласился возвратить коней настоящему ихъ хозяину и продолжалъ пользоваться ими, какъ своею собственностью. За этотъ безцеремонный поступокъ онъ поплатился, впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, весьма дорого, но въ ту эпоху, о которой идетъ здѣсь рѣчь, вліяніе его было такъ велико, что Діомедъ не рѣшился даже подать на него жалобы. По возвращеніи своемъ изъ Олимпіи, Алкивіадъ былъ торжественно встрѣченъ аѳинянами, которые, считая славу его своею, отпраздновали одержанныя имъ побѣды почётнымъ пиромъ, который дали ему въ Пританеѣ. Чтобы увѣковѣчить воспоминаніе объ этомъ торжествѣ, Алкивіадъ выставилъ въ публичномъ мѣстѣ двѣ сдѣланныя, по его заказу, живописцомъ Аглаофономъ картины, на которыхъ изображены были подвиги его въ Олимпіи, подвиги, которые къ еще бòльшему увеличенію его славы, были воспѣты первымъ изъ аѳинскихъ поэтовъ того времени — знаменитымъ Эврипидомъ.

Такимъ образомъ въ концѣ 416 года Алкивіадъ, не встрѣчая нигдѣ достойныхъ соперниковъ, не опасаясь ни одного изъ своихъ тайныхъ или явныхъ враговъ, невозмутимо пользовался пріобрѣтеннымъ могуществомъ и вліяніемъ. Этого человѣка, котораго уважали и боялись какъ внутри, такъ и внѣ Аѳинъ, ожидала, по видимому, самая великая, самая блестящая будущность. Когда, въ полномъ сіяніи своей красоты, облеченный въ пышныя пурпурныя одежды и сопровождаемый многочисленною толпою друзей, проходилъ онъ площади и улицы города, богатые и бѣдные, знатные и простолюдины одинаково имъ восхищались и съ одинаковымъ вниманіемъ устремляли на него свои взоры. Потерявъ его изъ виду, аѳинскіе зѣваки долго еще продолжали толковать: одни объ его щедрости и благотворительности, другіе — о пышности наканунѣ даннаго имъ пира, третьи — о какой-нибудь удачной остротѣ, недавно имъ сказанной; четвертые — о той или другой изъ безчисленныхъ и безумныхъ его прихотей. Никому еще не приходило въ голову сомнѣваться въ проч-

ности и неизмѣнности пріобрѣтеннаго имъ кредита. Но между тѣмъ, грозныя тучи уже собирались надъ главою Алкивіада, не подозрѣвавшаго, что, по мѣрѣ того, какъ увеличивался внѣшній блескъ его положенія, увеличивались также и опасности, отовсюду его окружавшія.

В. М—НЪ.

ЖУРНАЛЪ

СТЕПАНА ПЕТРОВА СЫНА ХМЕТЕВСКАГО

О ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ РУССКАГО ФЛОТА ВЪ АРХИПЕЛАГѢ И У БЕРЕГОВЪ МАЛОЙ АЗІИ ВЪ 1770—1774 ГОДАХЪ.

IV.

1772.

Списокъ судовъ русскаго флота. — Килеваніе кораблей. — Крейсированіе у Дарданелъ. — Декларація графа А. Орлова о контрабандной торговлѣ подъ нейтральнымъ флагомъ. — Перемиріе. — Подлинныя статьи договора. — Дѣйствія противъ дульциніотовъ. — Новое перемиріе. — Нравы жителей Архипелага и береговъ Анатоліи. — Осада Чесменской крѣпости. — Сожженіе турецкихъ судовъ. — Переговоры съ правителемъ Хіоса. — Крейсированіе, встрѣча съ турецкими судами у Патраса, сожженіе ихъ. — Вызовъ офицеровъ въ Россію. — Общее обозрѣніе дѣйствій истекшаго года. — Нравы архипелажскихъ грековъ.

1772. Сколько въ Архипелагѣ россійскаго Императорскаго флота кораблей и фрегатовъ и прочихъ военныхъ судовъ и кто на оныхъ командиры, при семъ предлагаю реестръ.

Суда.	Командиры.	Суда.	Командиры.
Корабли:		Ростиславъ . . .	Бѣшенцовъ.
Трехъ Іерарховъ	Капитанъ Степановъ.	Георгій Побѣдоносецъ	Палибинъ.
Европа	Капитанъ Поливановъ.	Всеволодъ. . . .	Фонъ-Дезинъ.
		Януарій . . .	Борисовъ.

Суда.	Командиры.
Трехъ Святителей	Хметевскій.
Азія	Толбузинъ.
Нетронь-меня	Капитанъ-лейт. Бахметевъ.
Саратовъ	Капитанъ Булгаковъ.
Надежда-благополучія	Аничковъ.
Фрегаты:	
Надежда	Лейтенантъ Козлановъ.
Африка	Капитанъ Клеопинъ.
Сѣверный Орелъ	Жемчужниковъ.
Почталіонъ	Кривцовъ.
Григорій	Давыдовъ.
Св. Николай	Секундъ-майоръ Войновичъ.
Архипелагъ	Мельниковъ.
Андро	Поярковъ.
Тино	Проселковъ.
Побѣда	Козлятьевъ.
Св. Павелъ	Капитанъ Алексіано.
Слава	Лейтенантъ Войновичъ.
Паросъ	Мистровъ.
Минерва	Дугдалъ.
Наксія	Корелли.
Новый Рафаилъ	Александръ Алексіано.
Делосъ	Скуратовъ.
Микона	
Зея	Поповкинъ.
Венера	Ратиславскій.
Сатурнъ	Шетихинъ.
Запасной	Өедоровъ.
Помощный	
Сифано	
Бомбандирскіе:	
Громъ	Перепечинъ
Молнія	Ильинъ.
Страшный	Макаровъ.
Поландра:	
Вольность	Езопъ

Суда.	Командиры.
Бригантина:	
Залетъ	Кумани.
Поляки:	
Св. Андрей	Джовани Ладико.
Ломадоти Каригата	Герасимъ Калиго.
Св. Екатерина	Стефанъ-Поли
Св. Екатерина пріятная	
Ауза	
Патмосъ	
Св. Спиридонъ	Пано Понагополо.
Антро	
Св. Алексѣй	
Св. Анна	
Джовани-Бальзамаки	
Мадона Дедона.	
Пинкъ:	
Св. Спиридонъ	
Шебека:	
Св. Александръ.	
Полугалеры:	
Анжентьера	
Антипаросъ	Леонардъ.
Союзъ пяти братьевъ	
Ищунъ	
Забіяка	
Трекатры:	
Плоскій	Григори-Пано.
Воличъ захватъ съ бережливости	
Малый, изъ Месалоніи	
Лоидра Доѣзда.	
Соколевы:	
Подвозная	
Поландра	Варвачъ.

Изготовилъ я корабль «Трехъ Святителей» къ килеванію; по своз провіанта и воды, въ поставленные два котла съ водою ловили мы- шей, въ которые поймано болѣе двухъ тысячъ, кромѣ, что во врем

килеванія, перемочило ихъ водой, то онѣ обезсиля, по трюму стадами ходили и ихъ прибито и сами издохли множество: такъ оной гадины было много, хотя болѣе пятидесяти на кораблѣ кошекъ, только ихъ время отъ времени прибавилось; онѣ жь великія на кораблѣ дѣлали пакости: на кормѣ ниже заднихъ портовъ, почти въ ватерлиніи, больше десяти дыръ прогрызли, гдѣ великимъ множествомъ собирались, для свѣту и питья, воды изъ дыръ доставали, отчего въ походѣ въ кораблѣ великая была течь; и что оной гадинѣ ни попадалось, все ѣла; сыскивались такія блудницы, которыя ходили на марсъ бушпритъ и проѣдали паруса, также въ крюйтъ-каморѣ картузы и патроны объѣдали, а бочекъ съ водой множество выпущали, а о провизіи уже и не упоминаю.

Корабль «Трехъ Святителей» до киля повалили; оказалось, что фальшкиля нѣтъ и червями обшивныя доски съ носу до фальреба съѣдены безъ остатка.

Другой разъ корабль поваленъ былъ до киля; фальшкиль прибили и досками въ одинъ дюймъ, съ шерстью бумагою и стекломъ, обшивали.

31 число января. Повалили корабль на лѣвую сторону до киля и оказалось, что лѣвая сторона больше изъѣдена червями, нежели правая и больше ѣдятъ у ватерлиніи и носа, а къ килю меньше.

Киленбанку и поваленному кораблю до киля при семъ предлагаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

Хочу же для памяти написать объ устерцахъ и червяхъ:

Устерцы по всему дну корабля, приставъ къ доскамъ великое множество такъ крѣпко, что съ нуждою ихъ отбивали или отколуповали ножемъ; устерцъ такихъ въ Архипелагѣ я не видалъ, ихъ нѣтъ, и откуда оныя берутся неизвѣстно; можно бы сказать, что онѣ пристали изъ Англіи; но на трекатрахъ, которыя изъ Архипелага не выходили, такое же множество имѣютъ; онѣ видомъ и вкусомъ таковыя же, какія въ Англіи или къ намъ въ Россію привозятъ; между оными были такъ велики, что въ рѣдкости, гдѣ имъ родъ, быть могутъ.

Черви, ядущіе обшивныя корабля доски, собою съ начала весьма малы, рогатые и нѣсколько похожи на морскихъ длинноватыхъ раковъ, входятъ въ доски, какъ буравку пройдти; потомъ увеличиваются лежа по длинѣ доски, не каждый равно, иные болѣе аршина, а толстотою въ окружности въ два съ половиною дюйма, состоящіе изъ слизи; имѣетъ крѣпость одна головка, которая не такъ велика, какъ туловище.

Такъ видно, когда онъ придетъ въ совершенство, то дѣлаетъ отъ себя бѣлую скорлупу, на подобіе дудки, и оную сдѣлавъ изрядно крѣпко и истратя всю жидкость, совсѣмъ исчезаетъ, какъ шелковичный червь выматываетъ изъ себя шелкъ и пропадаетъ; ядятъ они дерево, которое мягче, то больше, а крѣпкое или совсѣмъ обходя,

или гораздо меньше, а которое на вкусъ ихъ попадется, безъ остатка.

Каждый червь, навиваяся, идетъ по длинѣ доски; касаяся до шерсти, бумаги или конопати, которая между досками, отходитъ прочь и ѣстъ только дерево, не касаяся ни до чего другаго.

(Далѣе Хм. предлагаетъ свои соображенія относительно обшивки судовъ; потомъ 12 — 25 февраля слѣдуютъ извѣстія о прибытіи и отходѣ разныхъ кораблей.)

Чрезъ многіе изъ острововъ извѣстія, что турецкаго флота изъ Дарданелъ часть вышла, да и послѣдніе выходить намѣрены же, на которыхъ посажено десанта, говорятъ неравно, иные до 12, другіе до 16 тысячъ; то для поиску оныхъ господинъ контръ-адмиралъ Ельмановъ пошелъ съ эскадрою въ 27 число февраля, поднявъ свой флагъ на кораблѣ «Георгій Побѣдоносецъ» и съ нимъ корабли: «Ростиславъ», «Всеволодъ», «Азія», «Надежда благополучія», бомбандирскій «Громъ», фрегаты: «Паросъ», «Почталіонъ», «Архипелагъ», «Побѣда», двухъ-мачтовыя шамбека.

17 числа марта отъ господина контръ-адмирала Ельманова прислано извѣстіе, что онъ дошедъ съ эскадрою до Дарданелъ, военныхъ турецкихъ судовъ нигдѣ не видалъ: выходилъ изъ Дарданелъ къ Метелину одинъ фрегатъ, съ нѣсколькимъ числомъ галеръ и шамбекъ и прочихъ мелкихъ судовъ, но какъ объ нашей эскадрѣ извѣстили, то обратно ушли въ Дарданелы.

Эскадрой его господина контръ-адмирала, въ разныхъ мѣстахъ, взяты въ плѣнъ, а другія сожжены турецкія полугалеры, тартаны и фелюги, изъ которыхъ нѣсколько съ грузомъ присланы въ портъ Аузу.

(Слѣдуютъ краткія извѣстія о починкѣ, приходѣ и уходѣ разныхъ судовъ).

24 апрѣля пришелъ въ портъ Аузу военный французскій фрегатъ, называемый «Султанъ», на которомъ командиръ капитанъ и кавалеръ Допеди.

Былъ капитанъ со всѣми своими офицерами у меня на кораблѣ и не могли довольно чистотѣ въ кораблѣ и хорошей оснасткѣ надивиться, такъ что капитанъ вошедъ въ констапельскую, во удивленіи чистотѣ и убранству ружей, перекрестился.

Напротивъ того, я съ своими офицерами дѣлалъ какъ капитану, такъ и офицерамъ французскимъ визитъ, нашелъ фрегатъ въ великой нечистотѣ и въ дурной оснасткѣ.

21 апрѣля получилъ адмиралъ письма изъ Константинополя отъ взятыхъ нашихъ въ плѣнъ у крѣпости Метелины на фрегатѣ «Сантаринѣ», первое отъ унтеръ-баталера Сарычева, который разжало-

ванъ изъ коммисаровъ, второе отъ грека Жоржа, который у меня былъ въ эскадронѣ у острова Тассо, отъ капитанъ-лейтенанта Овцына.

19 маія вышелъ я съ кораблемъ на рейдъ.

20 числа пошелъ съ кораблемъ къ острову Микону, въ дивизію господина контръ-адмирала Ельманова.

21 числа пришелъ съ кораблемъ на Миконскій рейдъ, гдѣ нашелъ лежащіе на якоряхъ корабли: «Георгій Побѣдоносецъ», подъ флагомъ контръ-адмирала, «Азія», «Надежда благополучія», бомбандирскій «Громъ», фрегаты: «Делосъ», «Слава», «Побѣда», «Тино», «Почталіонъ», брегантина одна и шамбека одна.

23 маія снялась вся дивизія съ якорей, пошли въ море, кромѣ корабля «Надежды благополучія», который остался на рейдѣ.

25 числа пришли между Метелина и Хіо, гдѣ нашли крейсирующій корабль «Ростиславъ» съ фрегатомъ «Архипелагомъ».

Французское судно взято въ призъ, на которомъ турецкій муфтій, не главный, муфтій однако въ великомъ чинѣ, со всей своей фамиліей и офицерами ѣхалъ въ островъ Кандію, всѣхъ семьдесятъ пять человѣкъ, которые, какъ слышно, отъ адмирала отпущены.

Корабль «Ростиславъ» пошелъ съ онымъ французскимъ судномъ въ Микону, а мы пошли къ Дарданеламъ.

27 числа маія прошли мимо Дарданелъ, не видавъ никакихъ турецкихъ судовъ, пошли къ острову Скиру.

30 числа, пришедъ къ острову Скиру, господинъ контръ-адмиралъ раздѣлилъ свою дивизію на двѣ эскадры: первую, подъ моею командою, корабль «Трехъ Святителей», фрегаты: «Паросъ», «Почталіонъ», «Архипелагъ», брегантина Варвачева; крейсировать мнѣ съ эскадрою отъ острова Скиро восточнѣе Метелина и Хіо, для Смирны.

Вторую капитану перваго ранга Толбузину, корабль «Азія», фрегаты: «Делосъ», «Слава», поляки: «Стиксъ», «Ауза», Стефани, «Филандрія» и шамбека Николетова.

Контръ-адмиралъ съ кораблемъ «Побѣдоносцемъ» пошелъ въ портъ Скиро, гдѣ и стоять будетъ; мы же, обѣ эскадры, пошли каждая на свои посты.

12 числа іюня фрегатъ «Григорій», да и прочія аглицкія суда пришли изъ Ливорны съ провіантомъ въ портъ Аузу, на которыхъ судахъ прислано о произведеніи флотскихъ и другихъ офицеровъ и притомъ отъ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова присланъ манифестъ, который вношу оригиналомъ.

Мы графъ Алексѣй Орловъ, Ея Императорскаго Величества Всероссійской, уполномоченный сухопутными и морскими въ Левантѣ Ея силами генералъ и всѣхъ Ея орденовъ кавалеръ и прочая и прочая.

Извѣстно всѣмъ, что со вступленіемъ флота Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни нашей въ непріятельскія воды, всѣ участвующіе въ левантской торговлѣ націи достаточныя имѣли доказательства не только уваженія, но дѣйствительной помощи и способствованія, каковыя во всѣхъ случаяхъ флагамъ ихъ были оказываемы; ибо среди военныхъ дѣйствій отдѣлили мы отъ флота, состоящаго изъ довольнаго числа судовъ, эскадру для очищенія моря отъ разсѣявшихся по оному разбойниковъ, кои думая воспользоваться смутнымъ военнымъ временемъ, дерзнули было прикрыть злодѣйства свои подложнымъ Россійскимъ флагомъ; изъ коихъ немогущіе уйдти пойманы и ближайшему суду тѣхъ націй, коихъ флагъ отъ нихъ оскорбленъ, были преданы, а многіе при Россійскомъ флотѣ, въ присутствіи обиженныхъ, лишеніемъ жизни наказаны; таковые примѣры нашего правосудія тѣмъ больше бывъ чувствительны, что оные едва знаемы у насъ бываютъ, устрашили и удержали наглость прочихъ злодѣйствъ ихъ соучастниковъ, и всѣ народы съ удовольствіемъ увидѣли, что плаваніе Средиземнаго моря въ Левантѣ никогда столь вѣрно и столь безопасно не было, тогда какъ флагъ Россійскій сталъ на ономъ виденъ; ибо видимо всѣмъ, сколь сіи мѣста корсарами всегда наполнены были искони, малосильныя купеческія суда отъ оныхъ наиплачевнѣйшей участи подвержены бывали. Но мы не останавливаясь при семъ, а желая дать всевозможные опыты истиннаго нашего доброхотства и споспѣшествованія дозволенной неутральнымъ націямъ торговли, поставили себѣ за начальныя правила: лучше терять многое съ своей стороны, нежели причинять промышляющимъ наималѣйшій видъ затрудненія, принесли въ жертву, мало другими чувствуемую, существенный нашъ интересъ, не терпя ни одного у себя корсара, въ чемъ даннымъ отъ насъ 1770 года іюля 12 дня манифестомъ всѣхъ и предупредили; сверхъ сего ни въ какихъ обстоятельствахъ не упустили ни одного случая подавать неутральнымъ судамъ вспоможенія всякаго рода, снабдѣвая ихъ не только съѣстными припасами и нужными къ мореплаванію вещами, какъ-то: якорями, канатами и прочимъ, но даже до свинцу и пороху. Итакъ небезосновательно ласкались мы, что таковое наше поведеліе не привлечетъ намъ съ другой стороны столь худаго за то признанія, каковое многіе изъ купцовъ разнообразными подлогами противъ общихъ правъ и противъ совѣсти дѣлать намъ послѣ неустыдились, и къ крайнему нашему удивленію и прискорбности открыли намъ, что корыстолюбіе нѣкоторыхъ изъ

оныхъ превозмогло не только тѣ уваженія, коими они къ нашему противу ихъ поступку должны были, но и то, коимъ всѣ народы къ общему народному праву обязаны: ибо многія суда, злоупотребляя преимуществами неутральнаго флага, съѣстные и военные припасы въ блокированныя нами непріятельскія мѣста провозить покушались, что перехваченіемъ многихъ изъ оныхъ ясно изобличено было; а какъ недостатокъ въ оныхъ у непріятеля, возвыся ихъ цѣну, усилилъ корыстолюбіе, а нѣжность нашего поведенія усугубила дерзость провозчиковъ, то мы наконецъ увидѣли запрещенный всѣми правами сей подвозъ, день ото дня возрастающій и достигшій почти до того, что большая часть производимой въ Левантѣ неутральными судами торговли преобратилась въ прокормленіе и въ вооруженіе непріятеля нашего, безпрестаннымъ доставленіемъ оному съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, подъ разновидными подлогами.

Въ семъ случаѣ имѣя съ нашей стороны ясно о томъ гласящія военныя и народныя права, употребляемъ мы данное намъ на таковый случай отъ Ея Императорскаго Величества полномочіе: объявляемъ чрезъ сіе купцамъ и провозчикамъ и всѣмъ въ ономъ участвующимъ, что отнынѣ впредь всѣ идущія въ непріятельскіе порты суда, кои злоупотребляя преимуществами неутральнаго флага, гружены будутъ съѣстными и военными припасами, такъ какъ вещами, подающими непріятелю существенныя къ произведенію войны средства, Россійскими военными судами не токмо остановлены, но взяты и конфискованы будутъ, безъ малѣйшаго за то платежа купцамъ и провозчикамъ, кои себя сему подвергнуть отважатся; подтверждая притомъ, что всѣ, кромѣ вышепомянутыхъ вещей, товары не только пропущены, но всегда и вездѣ судами Ея Императорскаго Величества защищены и гдѣ только хотя мало нужнымъ окажется, препровождаемы будутъ. Впрочемъ совершенно надѣемся, что всѣ правительства, коимъ военныя и народныя права столь извѣстны, не только примутъ за благо всѣ тѣ мѣры, кои нами къ пресѣченію беззаконной сей торговли употребятся, но паче еще воспоспѣшествуютъ произведенію въ дѣйство оныхъ. Нарушителей же предаемъ мы безпристрастному правосудію самихъ тѣхъ державъ, коимъ они принадлежать будутъ; несомнѣваясь, чтобъ истребленіе таковыхъ злоупотребителей достоинства ихъ флаговъ не было общимъ дѣломъ всѣхъ державъ, равно интересованныхъ въ охраненіи общенародныхъ законовъ, кои нами столь свято противъ всѣхъ наблю-

даемы были. Во увѣреніе чего сей нашъ Манифестъ собственною нашею рукою подписали и приложеніемъ печати нашего герба утвердить повелѣли. Данъ на фрегатѣ «Св. Григорій», маія 1 дня 1772 года.

(М. П.) На подлинномъ подписано: Графъ Алексѣй Орловъ.

18 іюня полномочный Оттоманской Порты посолъ Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Джани Хаджа Заде, ордена Ходжа Яна, изъ Константинополя пришелъ на четырехъ полугалерахъ въ Портъ Аузу и привезъ съ собою изъ главной нашей арміи двухъ курьеровъ съ тѣмъ, что въ арміи, маія 19 числа, съ Портою Отоманскою у рѣки Дуная при Журжѣ сдѣлано перемиріе; то и въ Архипелагѣ съ уполномоченнымъ его сіятельствомъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ сдѣлать перемиріе жъ, для чего къ его сіятельству съ извѣстіемъ посланъ корабль «Ростиславъ.»

24 іюня прошла изъ Аузы въ Константинополь съ турецкими курьерами турецкая полугалера, на которой капитанъ Гасанъ Алжерино, съ пропускомъ адмиральскимъ; салютовали мнѣ, а я отвѣтствовалъ двумя выстрѣлами меньше; были у меня на кораблѣ и смотрѣли корабль; великую даютъ честь порядку россійскихъ кораблей.

27 іюня пришелъ въ Масканинскія острова, для налитія прѣсной воды, пробылъ три дня, пошелъ на свой постъ.

6 числа іюля изъ острова Скиро пришелъ къ намъ корабль «Георгій Побѣдоносецъ», на которомъ сидѣлъ господинъ контръ-адмиралъ Ельмановъ; пробывъ съ нами четыре дня, пошелъ въ Микону. Пришла изъ Скиро наша сокалева, привезла турецкихъ спаговъ пять человѣкъ, а троихъ убили. Оные турки ѣхали изъ крѣпости Лимноса.

Іюля 15 дня получилъ я на шамбекѣ «Аузѣ» присланные ко мнѣ отъ господина контръ-адмирала перемирные во всемъ Архипелагѣ съ Отоманскою Портою пункты, которые вношу оригиналомъ:

Воимя Господа Бога Всемогущаго и Милосердаго.

Адмиралъ и кавалеръ россійскаго въ Архипелагѣ флота, Григорій Спиридовъ и Тешери Фачи Мустафа Бей Ефенди Дженимъ Халжа Заде ордена Ходжа Яна, присланный отъ Блистательной Отоманской Порты высокоуполномоченнымъ. Іюня осьмаго-надесять числа здѣсь въ Архипелагѣ, при островѣ Паросѣ, въ Портѣ Аузѣ, получили изъ главныхъ армій, россійской и турецкой, отъ главнокомандующихъ надъ оными господъ россійскаго фельдмаршала и кавалера, его сіятельства графа Петра Алексан-

дровича Румянцова и Порты Отоманской верховнаго визиря, его сіятельства Мусунъ Заде Магметъ Паши, вѣрное извѣстіе о заключеніи у рѣки Дуная, при Журжѣ, маія девятагонадесять числа, перемирія; и хотя по повелѣнію надлежало здѣшней архипелагской сторонѣ о перемиріи переговоры имѣть съ предводителемъ флота, высокоуполномоченнымъ господиномъ генераломъ и кавалеромъ его сіятельствомъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ, но какъ его здѣсь нынѣ въ присутствіи нѣтъ, и хотя къ нему съ извѣстіемъ послано и ожидается, но скоро ль прибудетъ, по состоянію вѣтровъ, предузнать не можно; и для того, чтобъ и въ здѣшней сторонѣ ускорить, дальнѣйшее пролитіе крови человѣческой остановить, послѣдствуя тому же при Журжѣ перемирію, согласились на слѣдующіе артикулы временнаго на обѣ стороны перемирія и удержаніе оружія на морѣ и на сухомъ пути и на островахъ:

1.

Всѣ непріязненности и военныя дѣйствія должны быть прекращены во всѣхъ частяхъ Архипелага, на морѣ и въ окружныхъ берегахъ и островахъ, гдѣ находятся войска и флотъ и въ крейсерствахъ корабли и прочіе военные суда императорскіе россійскіе и турецкіе.

2.

Здѣсь при островѣ Паросѣ, въ Портѣ онаго Аузѣ, считать перемиріе со дня подписанія сего; въ прочихъ же мѣстахъ Архипелага, во всѣхъ островахъ и гдѣ около оныхъ россійскія эскадры и военныя суда находятся, то есть, до Кандіи и по сю сторону острова Родоса, начало перемирія послѣ дня подписанія десять дней, а для скорѣйшаго и вѣрнаго доставленія къ обнародованію сего заключеннаго перемирія, посланы будутъ немедленно съ обѣихъ сторонъ, какъ отъ россійской, такъ и оттоманской, во всѣ мѣста по островамъ и берегамъ нарочные курьеры, коимъ дадутся съ обѣихъ же сторонъ надлежащія о перемиріи письма, въ разсужденіи того, что ежели случится встрѣтиться съ эскадрой или другими находящимися въ крейсерствѣ судами, кои можетъ быть еще отъ своей стороны извѣстія о перемиріи не получили, то тѣ письма командующимъ отданы были, по которымъ упредительно, со дня оныхъ полученія, и какъ на берегахъ, такъ и на морѣ военное дѣйствіе будетъ прекращено; на равномъ же основаніи посланы будутъ съ обѣихъ сторонъ курьеры и въ дальныя мѣста въ Медитеранію, считать отъ острова Родоса и Кандіи, въ коихъ мѣстахъ и началу сего перемирія быть со дня прибытія съ извѣстіемъ къ нимъ курье-

ровъ; до полученія жь о перемиріи извѣстія, какія либо гдѣ съ обѣихъ сторонъ непріязненныя происшествія были, оное въ предосужденіе перемирія не почитать.

3.

Оба флота россійскій и турецкій и войска чрезъ все время перемирія должны остаться въ томъ же самомъ положеніи, каково нынѣ; то есть флотъ и войска россійскія отъ острова Тассо, которой близъ Романи, а отъ онаго къ югу и къ юго—западу, и къ юго-востоку у архипелагскихъ всѣхъ островов и на островахъ, гдѣ турецкихъ крѣпостей и гарнизоновъ и жительства турецкаго нынѣ нѣтъ, до острововъ Станкіо и Кандія; а флотъ и войска турецкія въ Дарданелахъ и подлѣ Анатолическаго берега, въ заливахъ и Будрумѣ, и островахъ Лимносѣ, Тенедосѣ, Метелинѣ, Хіо, Станкіо, Родосѣ и Кандіи, гдѣ турецкіе города, крѣпости, гарнизоны и жительство турецкое и понынѣ состоитъ, также и подлѣ береговъ и заливовъ и портовъ европейскихъ, и острова Негропонта; однако никакимъ военнымъ турецкимъ судамъ въ соединеніе съ дарданельскими, или дарданельскимъ въ соединеніе съ будрумскими и родосскими, и отъ другихъ мѣстъ по Архипелагскому морю, не ходить, да и отъ Адріатискаго моря и Алжира и Туниса и тому подобныхъ мѣстъ, турецкимъ судамъ къ сѣверу выше Сириги и Кандіи, во время продолжающагося перемирія, въ Архипелагъ не входить и противуходящихъ подъ россійскимъ флагомъ судовъ, гдѣ бъ то ни было, покушенія и нападенія на оныя не дѣлать, а остаться всѣмъ турецкимъ военнымъ судамъ по вышеописанному въ своихъ положеніяхъ; острову Тассо быть нейтральнымъ и каналами между онаго и Романи и Македоніи, какъ россійскимъ, такъ и турецкимъ военнымъ судамъ не ходить и на якоряхъ въ узкости канала не стоять, развѣ по необходимости; въ разсужденіи тогожь, или неминуемости, какому судну пройдти должно, то приходя къ тому, на якорѣ не останавливаться и на берега не въѣзжать; островъ же Самосъ въ продолжающееся перемиріе, хотя съ прочими и при россійской сторонѣ останется, каналомъ между онаго острова Самоса и Анатолическаго берега, гдѣ узкость, какъ россійскимъ, такъ и турецкимъ судамъ, безъ крайней надобности не проходить же, и въ томъ узкомъ между береговъ мѣстѣ на якоряхъ не стоять.

4.

Во все время перемирія, какъ отъ россійскаго флота изъ Архипелага, въ россійскую армію на Дунай къ командирамъ, чрезъ

Константинополь и другія пристойныя мѣста, такъ изъ арміи въ Архипелагъ въ россійскій флотъ, курьеровъ пропускать безъ задержанія, чиня имъ всѣ принадлежащія къ скорой ѣздѣ и въ прочемъ вспоможенія; также и турецкіе курьеры потому же въ Архипелагѣ морѣ отъ россійскихъ военныхъ судовъ будутъ пропускаемы безостановочно, и когда таковые курьеры поѣдутъ моремъ на какомъ либо военномъ россійскомъ или турецкомъ суднѣ, то оному судну имѣть на передней у себя мачтѣ бѣлый флагъ; также и посылаемыя турецкія галеры, или другія какія суда съ письмами къ россійскому флоту, или въ Анатолію и въ Европу, въ свои мѣста, свободно отъ россійскихъ военныхъ судовъ пропущаемы будутъ, токмо бы на тѣхъ не было транспортнаго войска, ниже военныхъ дѣлъ и непріятельскихъ поисковъ, да притомъ имѣли бы отъ командировъ тѣхъ мѣстъ, куда и зачѣмъ посланы, паспорты; сіе равномѣрно посылаемымъ и отъ россійскаго флота судамъ отъ порты Отоманской также свободный пропускъ къ турецкому флоту и къ крѣпостямъ, на островахъ и у береговъ турецкихъ позволяется.

5.

Во все продолжающееся перемиріе въ Архипелагѣ, въ Анатолія и Европѣ, въ приморскіе и на островахъ турецкіе города, крѣпости и изъ Архипелага въ Дарданелы военныхъ снарядовъ и военнаго ружья и амуниціи и войска не подвозить и вновь никакихъ крѣпостей не дѣлать, и провіантскихъ магазиновъ не учреждать; однако въ находящихся нынѣ дѣйствительно на островахъ и въ Дарданелахъ, и у береговъ, и въ крѣпостяхъ при Архипелагскомъ морѣ, владѣнія Порты Отоманской, гарнизонахъ, свое войско и жителей свободно снабдѣвать пропитаніемъ, и ежели бы какія для турецкихъ гарнизоновъ и жителей островскихъ, съ провіантами суда турецкія, большія и малыя, подданныхъ Порты Отоманской, повстрѣчались съ россійскими военными крейсерами, то безпрепятственно и безъ задержанія пропускаемы въ путь ихъ будутъ; точію на таковыхъ судахъ отоманскихъ откуда, куда и для котораго мѣста, и съ коликимъ числомъ какого провіанта, имѣть отъ начальниковъ своихъ, кто отправитъ, вѣрные паспорты; во все жь время перемирія съ обѣихъ сторонъ, россійской и турецкой, въ Архипелагѣ моремъ съ товарами ѣздить на невооруженныхъ судахъ, на острова и берега грекамъ и подданнымъ Порты Отоманской, безпрепятственно позволяется, но чтобъ, откуда пойдутъ, и съ чѣмъ, или кого перевозить станутъ, имѣли отъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ

обо всемъ у себя паспорты; начатыя жь и построенныя турецкія, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оныя строятся, суда, съ берегу на воду не спускать и не вооружать, и вновь военныхъ судовъ не дѣлать, и къ строенію военныхъ судовъ моремъ лѣсу не возить.

6.

Ежели по какому либо случаю отъ бурь россійское какое нибудь судно занесено, или придетъ куда къ островамъ, или въ заливъ и къ берегамъ, гдѣ турки имѣютъ города, крѣпости и жительства, то онымъ, во все время перемирія, будетъ давано пристойное вспоможеніе, въ которомъ имѣли бы нужду, и въ предлежащемъ пути никакого препятствія чинено не будетъ; сіе равномѣрно и отъ россійскаго флота при островахъ турецкимъ судамъ исполняемо будетъ, и таковымъ судамъ, по исправленіи своихъ надобностей, безъ замедленія отправляться въ ихъ путь, не стоя на якоряхъ понапрасну.

7.

Сколько извѣстно, что въ здѣшнихъ архипелагскихъ водахъ, отъ своевольства и бездѣльничества безпутныхъ людей, бывали и быть могутъ на судахъ бродящіе разбойники; и о искорененіи таковыхъ должно употреблять стараніе и имѣть отъ оныхъ всѣ принадлежащія осторожности, что иначе и нельзя, какъ надлежитъ ввести въ нихъ страхъ оружіемъ, и для того во первыхъ судамъ Отоманской Порты, турецкимъ подданнымъ съ провіантомъ и прочимъ, о чемъ выше въ артикулахъ значитъ, ходить подъ турецкими, а къ рѣкамъ подъ греческими флагами, а россійскимъ и при россійскомъ флотѣ служащимъ, подъ русскими, а островскимъ грекамъ, подъ греческими флагами; имѣть на каждомъ таковомъ суднѣ отъ начальниковъ береговыхъ или островскихъ у себя паспорты, и таковую пушками и оружіемъ оборону, чтобъ морскіе разбойники на водѣ имъ вреда причинить не могли, а егда возможность будетъ, то стараться таковыхъ разбойниковъ ловить и искоренять съ обѣихъ сторонъ; буде же бы и не разбойники, но подозрительные окажутся, и въ неисполненіи установленія ходить станутъ безъ паспортовъ, таковыхъ брать и съ судами подъ крѣпкіе караулы; и ежели явятся турецкіе подданные, таковыхъ отъ россійскаго флота присылать, по близости, куда способнѣе будетъ, къ наказанію къ турецкимъ начальникамъ; буде отъ острововъ россійской стороны, таковыхъ для подобнаго жь наказанія туркамъ присылать въ россійскій флотъ, дабы тѣмъ способомъ пресѣчь, какъ разбой-

никовъ, такъ и своевольниковъ, которые безъ паспортовъ станутъ ходить.

8.

Сроку перемирія продолжаться ноября до перваго числа сего тысяча семьсотъ семьдесятъ втораго года; въ разсужденіи дальности мѣстъ какъ Александрія, великій Каиръ, Алжиръ, Тунисъ, Триполь и прочія владѣнія Порты Отоманской, куда извѣстіе о заключеніи перемирія вскорѣ доставить не можно; однако съ тѣмъ включеніемъ, буде прежде окончанія онаго военныя дѣйствія въ главныхъ арміяхъ на Дунаѣ начнутся, то здѣсь въ Архипелагѣ отъ полученія перваго о томъ извѣстія, паки военныя дѣйствія начало свое примутъ, и тѣмъ назначенный срокъ уничтожается; ежели жь въ главныхъ арміяхъ перемиріе, по обстоятельствамъ, еще далѣе положеннаго срока продолжаемо будетъ, то равнымъ образомъ въ здѣшнихъ водахъ, въ Архипелагѣ и около лежащихъ мѣстахъ и вездѣ, срокъ перемирія продолжаемъ будетъ во все то время на сихъ основаніяхъ и пунктахъ, какъ и нынѣ оное перемиріе заключено.

9.

Во время перемирія, ежели бы съ обѣихъ сторонъ, не взирая на всѣ предосторожности, которыя взяты будутъ, сдѣлалось что не по желанію; то для онаго разбирательства, съ россійской стороны, при островѣ Скиро или Ипсаро, а съ турецкой, при островѣ Хіо, быть опредѣленнымъ изъ чиновныхъ повѣреннымъ, дабы то по доводамъ и справедливости они, снесясь между собою, могли безъ продолженія, приводя все въ порядокъ, успокоивать.

Сей конвенціи написано два равногласящіе экземпляра, на русскомъ и турецкомъ языкахъ, съ приложенными къ тому вѣрными французскими переводами, кои взаимно россійскаго въ Архипелагѣ флота адмиралъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Григорій Спиридовъ и высокоуполномоченный отъ Блистательной Отоманской Порты Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Джанимъ Хаджи Заде ордена Ходжа Янь, своеручно подписали, печатами своими утвердили оные, по обыкновенію, между собою размѣняли. Учинено на берегу въ палаткахъ при островѣ Паросѣ, въ портѣ онаго Аузѣ, іюля 2 дня 1772 года.

(М. П.) Григорій Спиридовъ. (М. П.) Тешери Фачи Мустафа Бей Эфенди Джанимъ Хаджи Заде ордена Хаджи Яна.

Іюля 18 прошла изъ Аузы турецкая полугалера въ Константинополь, на которой нашъ россійской службы маіоръ ѣдетъ въ главную армію обратно курьеромъ и съ нимъ визиря Мисивъ Углу, адъютантъ Заимъ Измаилъ Ага, капитанъ полугалеры Сакъ Изли Эмиръ Меймеръ, урожденецъ острова Хіо. Полугалера салютовала мнѣ, я отвѣтствовалъ меньше двумя пушками; были у меня на кораблѣ, по кораблю ходили, какъ на чистоту, такъ на порядочные экипажи съ удивленіемъ смотрѣли; пили водку, только съ смѣшною оговоркою, что по закону ихъ водку пить не велѣно, однако на христіанскомъ кораблѣ можно, и они, какъ видно, великіе охотники, безотговорочно выпили по три рюмки и сказывали, что ихъ посолъ вмѣстѣ съ ними вышелъ изъ Аузы на нашемъ фрегатѣ «Африкѣ» и пошелъ къ Самосу.

21 іюля, отъ крѣпкаго вѣтра и волненія, пришелъ я съ фрегатомъ «Архипелагомъ» на Миконскій рейдъ, гдѣ нашелъ корабли: «Георгій Побѣдоносецъ», подъ флагомъ контръ-адмирала, «Азія», «Надежда Благополучія», фрегаты: «Сѣверный Орелъ», «Делосъ», трекатръ двѣ, шамбека «Св. Спиридонъ».

Во все время моего пребыванія, браны были въ плѣнъ турки съ ихъ судами и товарами; греческія и разныхъ націй суда съ непозволительными товарами также взяты были въ призъ и отсылаемы въ портъ Аузу, къ адмиралу Спиридову.

Въ 1-й день августа пришелъ въ портъ Аузу, нашелъ стоящихъ въ портѣ Аузѣ на якоряхъ корабли: «Европу», на которомъ адмиральскій флагъ, «Всеволода», «Януарія», «Нетронь меня», фрегаты: «Надежду», «Св. Николай», «Венеру», «Сатурнъ», «Св. Павелъ», «Минерву», «Микону», «Наксію», «Побѣду», «Тино», «Запасный», «Помощный», бомбандирскіе: «Страшный», «Громъ», «Молвію», трекатръ 7, поликъ 12, шамбекъ 7, яхту 1, галеру 1, полугалеръ 4, Броуновъ фрегатъ, англійскихъ судовъ 3, брегантинъ 3, голландское судно одно, французскихъ 4, греческихъ лодокъ 81, плѣнныхъ турецкихъ шамбекъ 5.

(Отъ 23 іюля до 18 августа Хм. помѣщаетъ краткія извѣстія о починкѣ своего корабля, о приходѣ и уходѣ другихъ судовъ.)

Въ 19 число пришелъ въ гавань фрегатъ «Африка,» на которомъ былъ турецкій министръ.

Графъ съ эскадрой пришелъ въ портъ Тріо.

22 число августа, корабль «Европа», на которомъ адмиралъ и кавалеръ Спиридовъ, уволенъ отъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова въ Ливорну, который пошелъ въ море. Просилъ я его сіятельство уволить меня за болѣзнію головной раны отъ службы; но милостиво изволилъ уговорить, чтобъ еще послужить, обнадеживая милостію нашей Государыни; и въ разсужденіи его сіятельства особливой ко мнѣ милости еще на годъ оставилъ.

(23—29 августа Хм. помѣщаетъ извѣстія о приходѣ разныхъ судовъ.)

29 числа пришла въ гавань турецкая полугалера съ ихъ курьерами, съ требованіемъ, между другими неизвѣстными требованіями отъ намѣстника великаго визиря и капитанъ паши, чтобъ изъ Дарданелъ позволено было ихъ флоту вытти, для усмиренія, такъ называютъ, бунтовщика Али Бея; однако оное имъ не позволено, а сказано, что это противно перемирнымъ пунктамъ; въ противномъ случаѣ, ежели турецкій флотъ выйдетъ, то силою удержанъ будетъ.

31 числа августа, вышла изъ гавани турецкая полугалера изъ порта Тріо; графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ со всею эскадрою пошелъ въ Микону.

Во 2 день сентября, я съ кораблемъ «Трехъ Святителей,» фрегатъ «Африка» снялись съ якоря, пошли къ острову Микову, для соединенія съ эскадрою его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова.

Въ 3 число пришли на Миконскій рейдъ, нашли стоящихъ кораблей: «Ростислава,» подъ Кейзеръ-флагомъ, «Всеволода, «Авію,» «Надежду благополучія,» фрегаты: «св. Николай,» «св. Павелъ,» «Паросъ,» «Наксію,» «Почталіонъ,» «Славу,» «Побѣду,» «Рафаила,» бомбандирскій «Страшный», шамбеки: «Грецію», «Григорій-Пано,» разныхъ судовъ пятнадцать.

Въ 11 число сентября, фрегатъ «св. Павелъ» отправленъ отъ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова съ курьерами къ Дарданеламъ, которые курьеры поѣдутъ къ нашей главной арміи.

Сегожъ числа отъ его сіятельства приказомъ объявлено, что его сіятельство поѣдетъ по кораблямъ и прочимъ судамъ, для осмотра диспозиціи и распредѣленія командующихъ во время сраженія съ непріятелемъ, подъ Кейзеръ-флагомъ, то со всѣхъ кораблей палить по 13 пушекъ, что при выѣздѣ его и учинено, также съ котораго корабля съѣзжалъ, палилъ все также изъ 13 пушекъ, а люди во все то время, когда съ корабля на корабль переѣзжалъ, поставлены на всѣхъ корабляхъ по вантамъ, штагамъ и реямъ; по окончаніи всего, когда пріѣхалъ его сіятельство на свой корабль, то поднятъ былъ сигналъ, чтобъ палить со всего флота изъ 13 пушекъ, которое и учинено.

Въ 17 число сентября, стоящая эскадра на Миконскомъ рейдѣ, подъ Кейзеръ-флагомъ, снялась съ якоря, пошла къ Сѣверу, въ томъ числѣ и я съ моимъ кораблемъ. Корабль «Надежда благополучія,» фрегатъ «Наксія» и прочіе мелкіе суда остались на рейдѣ на якорѣ.

Фрегаты: «св. Николай,» «Слава» и шамбека посланы къ Дульциніотамъ, для разбитія оныхъ, которыхъ, по объявленію, до сорока пяти судовъ, взятыхъ у Рагузинцовъ и нѣсколько своихъ въ разныя пушки, въ двадцать восемь одно, въ шестнадцать, въ

двѣнадцать и восемь пушекъ, и чтобъ онымъ судамъ пройти въ Дарданелы и тѣмъ пріумножить морскую турецкую силу. Дулциніоты почитаются морскими и храбрыми людьми. Велѣножъ Войновичу отъ графа Алексѣя Григорьевича, ежели онъ повстрѣчается съ идущими изъ Россіи кораблями, тобъ объявилъ ордеръ, по которому велѣно соединиться двумъ кораблямъ въ оную жъ экспедицію и имѣть надъ непріятелемъ поиски.

19 числа сентября, лавируя съ эскадрою въ Хіосскомъ каналѣ, его сіятельсво Алексѣй Григорьевичъ, изъ главной арміи получилъ курьера чрезъ Константинополь, что десятое число сего мѣсяца съ Отоманскою Портою перемиріе кончилось и военныя дѣйствія уже начались, тогожъ времени и у насъ въ Архипелагѣ военныя дѣйствія начались.

Тогожъ числа посланы крейсировать у острова Патмоса, Самоса и бухты, фрегаты «Сѣверный Орелъ» и «Почталіонъ».

А флотъ пошелъ кругомъ острова Хіо, а не каналомъ.

23 сентября тогожъ числа фрегатъ «Надежда,» который посланъ былъ для отвоза въ главную армію курьеровъ, фрегатъ стоялъ у острова Имбро, а съ курьерами посылана была шлюпка и оная пропущена до другихъ Дарданелъ, на которой былъ лейтенантъ Левицкій, артилеріи поручикъ Зиновьевъ, которые въ проѣздѣ сняли съ крѣпости виды и коликое число стоящихъ кораблей, при семъ вношу планъ. Капитанъ-Пашею приняты были ласково, аудіенція дана была въ палаткѣ, подчивали кофіемъ и въ проѣздѣ съ крѣпостей салютовали нашимъ офицерамъ по три пушки съ ядрами, больше для доказательства, что ядры изъ крѣпости въ крѣпость почти достаютъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

25 число сентября, отъ графа присланъ ко мнѣ на корабль турокъ Каймакамъ Чоадари Сеитъ Амеръ и съ нимъ слуга, которые пріѣхали съ нашимъ курьеромъ изъ главной арміи; курьеръ тотъ, который привезъ, что въ арміи перемиріе кончилось и военныя дѣйствія начались, отъ турокъ весьма вездѣ приниманъ дурно, не такъ какъ другіе, по причинѣ, что не сдѣлалось мира, а въ островѣ Хіо его щипали, а что бранили, почти вездѣ.

Въ 29 число сентября, для налитія прѣсной воды, вся эскадра перешла въ портъ Тріо, легла на якорь.

Тогожъ числа пришелъ изъ Россіи корабль «Побѣда,» на которомъ командиръ капитанъ втораго ранга Степанъ Васильевичъ Новокщеновъ, сталъ на якорь, а о другихъ двухъ корабляхъ сказывалъ, что они изъ Ливорны вышли вмѣстѣ; онъ дней съ-шесть, для починки, заходилъ въ портъ Ферли; сказывалъ, что корабль «Трехъ Іерарховъ» еще починивается.

Въ 1 число октября, присланъ ко мнѣ отъ графа турокъ, пріѣхавшій съ письмами отъ намѣстника верховнаго визиря и капитанъ паши Гасанъ Бея съ тѣмъ, что въ арміи еще сдѣлали перемиріе на сорокъ дней.

3 число живущіе у меня турки отпущены на фелюгѣ въ Дарданелы съ тѣмъ, что его сіятельство перемирія дѣлать не хочетъ.

Въ 7 число октября присланъ ко мнѣ на корабль отъ его сіятельства пріѣхавшій изъ главной арміи чрезъ Константино*поль* курьеръ, Иностранной Коллегіи переводчикъ Сергій Лашкаревъ и съ нимъ провожатый турокъ Едепъ Чили Ибрагимъ и при нихъ слугъ два, съ письмомъ изъ главной арміи, отъ фельдмаршала Румянцова, что по просьбѣ визиря между турецкою и нашею арміею сдѣлано перемиріе на сорокъ дней, чтобъ послѣ сорока дней сдѣлать на шесть мѣсяцевъ, для чего посланъ курьеръ въ Петербургъ; чтобъ и графъ сдѣлалъ въ Архипелагѣ таковоежъ перемиріе. Курьеръ сказывалъ, да и самые турки, что ихъ армія противу прежняго меньше; наша же армія, надобно бы быть, противъ прежняго больше, да и полки въ комплектѣ, только много больныхъ, такъ что въ каждомъ полку человѣкъ по четыреста.

У насъ въ Архипелагѣ шлюшенбургскій полкъ, живучи на острову Паросѣ, почти весь болѣнъ и въ три мѣсяца больше шести сотъ человѣкъ рядовыхъ, да офицеровъ великое множество померло.

Въ 10 число октября курьеръ Лашкаревъ и съ нимъ приставленный турокъ, отправлены обратно въ главную армію съ тѣмъ, что хотя въ главной арміи перемиріе есть и впредь будетъ, только въ Архипелагѣ его сіятельство перемирія не сдѣлаетъ, развѣ на то Именное повелѣніе будетъ.

Да и правда, что намъ перемиріе приноситъ больше убытка, нежели прибыли; въ военное время беремъ призы, хлѣбъ и прочее; другое, что турки не могутъ магазейны свои провіантомъ наполнять, въ Константинополѣ, Смирнѣ, Солоникѣ, за непропускомъ, дѣлается дороговизна, да и на корабли новостроющіеся припасовъ возить не могутъ; также Дульциніоты въ Дарданелы идти опасаются.

Въ 14 число октября, капитанъ фрегата «Африка» Михаилъ Андреевичъ Клеопинъ отставленъ и вмѣсто его командиромъ опредѣленъ съ моего корабля капитанъ лейтенантъ Извѣковъ, а ко мнѣ опредѣленъ капитанъ лейтенантъ Иванъ Васильевичъ Арцыбашевъ.

Въ Архипелагѣ острова: Симъ и Калематъ; жители промышляютъ грецкими губками, берутъ оныя въ морѣ, на глубинѣ отъ сорока до пятидесяти саженъ, бываютъ подъ водою отъ четверти и до половины часа, плаваютъ на нѣсколько миль и скоро, а въ водѣ пробыть можетъ двои и трои сутки, тому есть причина: плавать съ малыхъ лѣтъ пріучаютъ; чтобъ быть подъ водою, у маленькаго, когда еще младенцомъ, портятъ слуховые уши и такъ, что онъ подъ водою переводитъ дыханіе чрезъ уши, и такъ свободно подъ водой пробыть можетъ почти сколько нужда требуетъ.

Въ Черномъ Морѣ, въ самомъ проходѣ къ Константинополю есть деревня Фанаръ, да и мысъ тѣмъ же именемъ называется; жители той деревни плаваютъ и бываютъ подъ водой столько же какъ и островскіе; у мыса идущія изъ Чернаго Моря, или изъ Константинополя суда за противными вѣтрами ложатся на якорь, то оные жители приплываютъ къ судну, подрѣзываютъ канатъ, чтобъ бросило судно на берегъ, тогда всѣхъ на суднѣ убиваютъ и получаютъ все судно себѣ въ добычу.

На Анатолическомъ берегу, кочующіе въ горахъ, переходя съ мѣста на мѣсто, такъ какъ калмыки, живутъ въ палаткахъ, называются Туркмены; у нихъ лошадей, верблюдовъ и скота великое множество; изъ нихъ нанимаются отъ мѣста до мѣста перевозить товары, торгуютъ своимъ продуктомъ: скотомъ и масломъ коровьимъ; жены ихъ ткутъ ковры; по зимамъ, для тепла, переселяются по близости моря; сверхъ всего они еще великіе разбойники, что гдѣ имъ ни попадется, присвоиваютъ себѣ, при томъ великіе смертоубійцы. Султану платятъ съ палатки по одному турецкому червонцу, то есть сто-восемьдесятъ копѣекъ.

Въ 15, вся эскадра, подъ Кейзеръ-флагомъ, снялась съ якоря и пришедъ въ портъ Маріо, легла на якорь.

Въ 19 день октября, подошедъ въ близость острова Микона ночью, на кораблѣ «Ростиславѣ» Кейзеръ-флагъ спустили, а на кораблѣ «Побѣда» господинъ контръ-адмиралъ и кавалеръ Грейгъ поднялъ свой флагъ; остались съ кораблемъ «Ростиславомъ» фрегаты «Григорій», «Тино», трекатръ «Греція», шамбеки три и отдѣлились отъ эскадры къ югу.

22 число, чрезъ пришедтую къ намъ полугалерку изъ Миконы увѣдомились, что его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ, день простоя на якорѣ у острова Тина, потомъ пришелъ на Миконскій рейдъ со всѣми судами на якорь.

Въ 23 день октября, вся эскадра пришедъ въ Хіосскій каналъ, противъ города Чесмы легли на якорь.

Въ 24 день октября опредѣлены къ Чесменской крѣпости, для разбитія оной, стоящія суда зажечь, выгнать изъ города турокъ, фрегаты «Африка», «Надежда», «Паросъ», бомбандирскій «Молнія», да фрегатъ «Констанція», на которомъ для присмотра военныхъ дѣйствій имѣетъ быть господинъ контръ-адмиралъ Грейгъ.

По данному сигналу съ корабля «Побѣды», фрегаты и бомбандирскій, пошли къ городу Чесмѣ въ бухту и легли въ самомъ маломъ разстояніи на якорь съ шпрингомъ, бомбандирскій бросалъ бомбы, а фрегаты первые два безпрерывно стрѣляли изъ пушекъ ядрами.

Десантъ свезли на берегъ отъ непріятеля безпрепятственно, на томъ мѣстѣ, гдѣ при сожженіи флота, турецкая была сдѣлана батарея; число всѣхъ гвардейскихъ, армейскихъ и морскихъ солдатъ, албанцовъ пятьсотъ-двадцать человѣкъ и двѣ пушки; албанцы заняли высоты, а регулярныя войска расположились по берегу до самого форштата Чесмы.

Фрегаты, при сильной и безпрестанной своей пальбѣ, крѣпость заставили молчать, множество сбили амбразуръ; тожъ, надѣюсь, досталось и стоящимъ на крѣпости пушкамъ, хотя ихъ не больше шести было; люди на крѣпости отъ нашихъ ядеръ скрылись за стѣнами, хотя ихъ какъ въ крѣпости, такъ и въ форштатѣ очень мало видно было: за вѣрное сказывали тамошніе греки, что турокъ всѣхъ съ небольшимъ тридцать человѣкъ, но и греки, гдѣ есть оказія русскаго застрѣлить, случаю не упускаютъ, что я самъ видѣлъ: по моему барказу стрѣляли не одни турки, а были и греки.

Для взятія крѣпости нашъ десантъ старанія не имѣлъ; у стоявшаго на круглой башнѣ флага, албанецъ древко подстрѣлилъ, отъ чего оное упало и досталось въ добычу; на той же башнѣ видно, что ядромъ также сбитъ флагъ, а прочіе въ крѣпости флаги и лежащія по набережной у крѣпости пушки мѣдныя четыре, въ томъ числѣ широкогорлая одна, чугунныхъ шесть пушекъ, оставили въ тѣхъ же мѣстахъ безвредны.

Десантъ въ форштатѣ сжогъ одинъ турецкій домъ изъ собранныхъ негодныхъ матеріаловъ; послѣ сожженія флота, магазиновъ и нѣсколько вытащенныхъ на берегъ лодокъ и небольшаго магазина съ хлѣбомъ, возвратился на корабли, также отъ непріятеля безпрепятственно.

Когда стали фрегаты сниматься съ якорей, выходить изъ бухты, то съ крѣпости изъ одной пушки палили по онымъ.

Я во все время былъ у десанта на берегу съ контръ-адмираломъ отъ начала и до конца.

Въ оную атаку города на фрегатѣ «Надежда» отъ непріятельскаго ядра разорвало двѣнадцати-фунтовую пушку, убило шесть человѣкъ до смерти и ранило нѣсколько; на «Африкѣ» двоимъ у рукъ пальцы отбило, на фрегатѣ «Паросѣ» ядромъ фокъ-мачту на три дюйма пробило.

Барказъ мой для свозу десанта, на которомъ опредѣленъ мичманъ Кыгнинъ, по неосторожности подъѣхалъ къ берегу съ другой стороны крѣпости, гдѣ нашего десанта не было; изъ запала убили двухъ матросовъ и троихъ ранили; изъ высаженныхъ въ десантъ сухопутныхъ солдатъ ранили двухъ, да албанцевъ убито четыре, ранено шесть.

Сколько же турокъ пропало въ крѣпости и форштатѣ, знать не можно; въ форштатѣ почти дѣла никакого не имѣли, только изъ-за угла или изъ палатъ перестрѣлки иногда были.

Какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути города Чесмы атаки при семъ пріобщаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

25 число октября, вся эскадра снялась съ якорей и подошедъ подъ Хіо, повыше немного города, легли на якорь.

26 число послано отъ господина контръ-адмирала въ Хіо къ губернатору, съ грекомъ того острова, письмо; какъ пристали къ берегу близь крѣпости, то двое чиновныхъ отогнали сбѣгшихся турокъ прочь и взявъ письмо, одинъ поскакалъ къ пашѣ, а прочіе турки и грекъ побѣжали за нимъ же; шлюпка и офицеры поѣхали обратно на корабль; хотя отъ турокъ было и представлено, чтобъ подождали, только наши отговорились бывшей тогда погодой, спасаясь у берега, чтобъ не разбить шлюпки; которое письмо вношу оригиналомъ.

Почтеннѣйшій губернаторъ острова Хіо.

Его сіятельство, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, послалъ меня съ эскадрою противъ вашего острова, приказавъ прежде истребить маленькія суда въ Чесменскомъ портѣ, которыя я найду за способныя и могущія принести вамъ помощь, потомъ, по его природной склонности къ человѣколюбію, приказалъ мнѣ до нападенія истребовать отъ васъ, ежели вы хотите спасти вашъ городъ и его жителей отъ всѣхъ раззореній и несчастій, какія война нанесть можетъ, то для избѣжанія оныхъ, можете заплатить контрибуцію и прислать о томъ договариваться со мною. Его сіятельство, въ разсужденіи богатствъ города,

столь многолюднаго, имѣющаго множество фабрикъ и великую коммерцію, требуетъ милліонъ піастровъ, для спасенія города отъ огня, грабительства и раззоренія; вы видите, что требованіе его весьма умѣренно; но еще при всемъ томъ онъ мнѣ далъ полную власть съ вами объ ономъ договориться, и ежели за благо разсудите, то прислать ко мнѣ людей для договору; присланные будутъ сохранены свято и отпущены назадъ вѣрно и сохранно, прежде нежели какія нибудь съ нашей стороны будутъ начаты военныя дѣйствія; впрочемъ, хотя въ характерѣ публичномъ мы и непріятели, но партикулярно остаюсь вашимъ другомъ,

На подлинномъ подписалъ: Контръ-адмиралъ Самуилъ Грейгъ.

27 командиръ Куппа взялъ ночью трекатру, которая шла въ Чесму, для взятія со сгорѣвшихъ кораблей, вынятыхъ изъ воды пушекъ; она перевезла изъ Константинополя въ Лимноскую крѣпость четыре пушки, нѣсколько бомбъ и шесть тысячъ ядеръ; съ оной трекатры грековъ въ матросы велѣно взять молодыхъ по кораблямъ, я на свой корабль взялъ шесть. Оные греки сказываютъ, что въ Дарданелахъ стоятъ три корабля, бомбандирскихъ два, нѣсколько шамбекъ и галеръ; два корабля и множество галеръ въ Черномъ морѣ.

На посланное письмо, отъ хійскаго губернатора присланъ съ тѣмъ же грекомъ на фелюгѣ отвѣтъ, который вношу оригиналомъ:

Россійскаго флота честнѣйшій и почтеннѣйшій господинъ контръ-адмиралъ Самуилъ Грейгъ, желаю вамъ добраго здравія.

Получилъ я вчера ваше письмо и изъ онаго увидя, что вы сожгли всѣ суда въ портѣ Чесмѣ и разбили крѣпость съ морской стороны, и что хотите раззорить островъ Хіо, который я опредѣленъ защищать, и что вы на то имѣете повелѣніе отъ графа; все то очень хорошо и для того мы полагаемся на власть Божію, совсѣмъ готовы. Еще жь мнѣ пишете, что ежели я хочу спасти островъ и все, что въ немъ есть, отъ раззоренія и отъ всего, что война нанесть можетъ, приказано вамъ требовать милліонъ піастровъ контрибуціи; удивляюсь весьма: я не опредѣленъ, чтобъ продавать и выкупать города; дѣлать такія требованія непріятно самому Богу, изъ которыхъ не заключаю ничего другаго, какъ только, что вы хотите войны и мы, полагаясь на силу Божію, готовы показаться, и съ тѣмъ посылаемъ къ вамъ письмо, которое получа, дѣлайте, что вамъ разсудится.

На подлинномъ подписано: Мустафа-Паша визирь и протекторъ острова Хіо.

Грекъ, который возилъ письмо, сказывалъ, что турки и греки всѣ свои пожитки перенесли въ крѣпость въ погреба, въ домахъ и на фабрикахъ ничего нѣтъ и совсѣмъ къ принятію насъ готовы, крѣпость имѣетъ большихъ пушекъ больше осьмидесяти; также есть батареи, изъ которыхъ одна на мысу по южную сторону города, на всѣхъ считаютъ со ста-семьнадцать пушекъ, въ томъ числѣ есть широкогорлыя; янычаръ въ крѣпости тысяча человѣкъ, конныхъ и пѣшихъ турокъ по триста, которые кругомъ города караулы содержатъ, да можетъ быть будутъ и греки, но всѣхъ не болѣе, полагаетъ, какъ тысяча восемьсотъ человѣкъ.

Контръ-адмиралъ Грейгъ, получа отвѣтъ изъ Хіо отъ губернатора, что онъ контрибуціи не даетъ, а ожидаетъ принять военною рукою, хотѣлъ поставить противъ крѣпости два корабля, два фрегата и одинъ бомбандирскій; но разсуждая, что крѣпость велика и предвидится больше быть нашего ущерба безъ славы и военной прибыли, десанта же намъ, по малости, высадить не можно, потому, хотя и стыдненько, но всѣ покушенія противъ непріятеля и всего города оставилъ; отписалъ къ графу прислать войскъ русскихъ и албанцевъ и бомбандирскій: тогда, писалъ, уповаетъ съ пользою на городъ напасть; но графъ десанта прислать за благо не разсудилъ, да и некого—полкъ весь почти померли, а которые еще живы, такъ больны.

Въ 29 день октября вся эскадра снялась съ якоря и пошла къ сѣверу.

Въ 1 день ноября, вся эскадра у Масконскихъ острововъ легла на якорь. Каналу Хіосскому, между Анатоліи и Метелины; Масконійскимъ островамъ, съ видомъ береговъ и съ промѣромъ глубинъ при семъ пріобщаю карты.

(Слѣдуютъ карты.)

2 числа снялись съ якоря и пошли къ Дарданеламъ.

3 число, прошедъ между Тенедоса и Анатоліи къ Дарданеламъ и не видавъ никакихъ турецкихъ судовъ, пошли къ Тасу.

Подходя къ острову Имбрѣ, увидѣли идущихъ фелюгъ отъ Лимноса, восемь, за которыми сдѣланъ былъ сигналъ, чтобъ всей эскадрѣ гнать; но какъ корабль мой лучше всѣхъ другихъ ходитъ, то и отдѣлился я отъ эскадры въ довольномъ разстояніи, и будучи уже у острова Лимноса, одну трембакаду нагналъ съ хорошимъ грузомъ, которая моими ядрами принуждена идти

къ кораблю; прочія фелюги старались въ бухту острова Лимноса уйти, къ томужь и наступила ночь; но я противъ бухты съ кораблемъ легъ на дрейфъ и послалъ, довольно вооружа и умножа людьми, двѣ шлюпки, для взятья ушедшихъ фелюгъ; на первой шлюпкѣ мичмана Киленина, на другой армейскаго поручика Фризеля; Киленинъ привелъ къ кораблю, безъ людей, три фелюги съ разнымъ богатымъ грузомъ, а у Фризеля на шлюпкѣ ранили матросовъ двухъ, полеваго солдата одного легкими ранами, и онъ съ трусости возвратился въ самой скорости къ кораблю.

7 числа ноября, вся эскадра пришедъ къ острову Тассу, легла на якорь.

19 ноября вся эскадра снялась съ якоря, пошла къ Дарданелламъ.

Я съ моимъ кораблемъ, къ тому же за зимнимъ неспокойнымъ временемъ и течью, отпущенъ въ портъ Аузу.

Острова Скіато южной стороны съ аккуратною описью и промѣромъ глубины, другую острова Скопела, по южную жь сторону, съ видомъ береговъ и промѣромъ глубины, при семъ предлагаю портамъ карты.

(Слѣдуютъ карты.)

25 ноября пришелъ я съ кораблемъ въ портъ Аузу, гдѣ нашелъ въ гавани стоящихъ кораблей: «Януарія», пришедшаго изъ Россіи, семидесятъ пушечный «Чесму», «Азію», «Нетронь-меня», «Надежду благополучія»; фрегаты: «Св. Николай», «Славу», «Констанцію», «Минерву», «Соломбалъ», бомбандирскій корабль «Громъ», на брантвахтѣ запасное судно, английскихъ судовъ восемь, въ томъ числѣ пришедшихъ изъ Россіи съ грузомъ три, французскихъ семь, венеціанское одно, разныхъ мелкихъ тридцать-четыре, всѣхъ шестьдесятъ два судна.

Съ графомъ въ портѣ Маріо корабли: «Ростиславъ», «Георгій Побѣдоносецъ», «Саратовъ», «Графъ Орловъ», бомбандирскій «Страшный» и нѣсколько другихъ судовъ.

Увѣдомился я, по приходѣ въ портъ Аузу, что наши корабли «Орловъ» и «Чесма», фрегаты «Св. Николай», «Слава» и шамбека «Забіяка» сожгли дульциніотскихъ фрегатовъ въ Мореѣ у Патроса тридцать, остались на мели три.

Когда его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, въ перемиріе съ Портою, узнавъ, что Дульциніоты, вооружа свои фрегаты, шамбеки и галеры, въ прибавокъ взявъ у Рагузинцовъ, числомъ всѣхъ до сорока судовъ, съ большимъ числомъ десанта, чтобъ напасть на наши въ Архипелагѣ острова и раззорить, а пущее намѣреніе на островъ Паросъ, знавъ, что полкъ совсѣмъ вымеръ, или пройти въ Дарданелы, для пріумно-

женія морской силы, да они и почитаются храбрыми и морскими людьми; послалъ къ онымъ два фрегата «Св. Николай» и «Славу», на которыхъ Иванъ и Марко Войновичи, шамбеку «Забіяку», чтобъ онымъ Дульциніотамъ представить, чтобъ они изъ своихъ портовъ не выходили, которое будетъ въ противность перемирнымъ договорамъ; но какъ наши посланники дошли до острова Занто, то увидѣли дульциніотскій флотъ, состоящій въ двадцати-пяти судахъ, подъ адмиральскимъ и вицъ-адмиральскимъ флагами; но какъ нашихъ увидѣли, то весь турецкій флотъ погнался, и конечнобъ нашихъ переловили, ежели бы гнались каждый особо; но они хотѣли атаковать всѣ обще, и такъ наши, пользуясь ночнымъ временемъ, отъ оныхъ ушли и вся эскадра лавировала у острова Сириго, примѣчая дульциніотовъ, а дульциніоты возвратились къ Патрасу. Иванъ Войновичъ получилъ отъ графа Алексѣя Григорьевича и съ присланной шамбеки, что съ Портою перемиріе кончилось и военныя дѣйствія начались; почти въ тоже время пришла нечаянная радость: увидѣли идущихъ къ Сиригѣ россійскихъ два корабля «Чесму» и «Графъ Орловъ», которымъ свою коммиссію объявилъ; да емужь отъ графа предписано было, чтобъ, въ случаѣ надобности, съ ѣдущими изъ Россіи кораблями соединиться. На кораблахъ были командиры: на «Графѣ Орловѣ» капитанъ Коняевъ, на «Чесмѣ» датчанинъ Аклейнъ, и такъ соединясь, по старшинству взявъ надъ всѣми команду капитанъ Коняевъ, пошли дѣлать поискъ надъ непріятелемъ, и какъ прошли островъ Занто, то увидѣли турецкій флотъ, лавирующій въ двадцати-пяти судахъ, который вскорѣ сталъ ложиться въ линію; но тотъ день, хотя и были перестрѣлы другъ съ другомъ, но крѣпкій вѣтеръ сдѣлать баталію не допустилъ.

На другой день, то есть 27 октября, наша эскадра погналась за непріятелемъ, который сталъ ретироваться и бѣжать подъ крѣпость Патрасъ; наши догоняя по нихъ стрѣляли и два фрегата, по близости берега, загнаты на мель, а прочіе у восточной крѣпости, подъ защищеніемъ крѣпостныхъ пушекъ, за противнымъ и крѣпкимъ, входить въ Левантской заливъ, вѣтромъ, на якорь легли.

На третій день, 28 дня октября, наши корабли и фрегаты, не взирая, что съ обѣихъ крѣпостей достаютъ ядры, подошедъ къ непріятельскимъ фрегатамъ, легли на шпрингъ и производили жестокую пальбу изъ пушекъ съ ядрами, бросали бомбы и брандскугели и многія суда зажигали, отъ которой сильной пальбы на непріятельскихъ судахъ замолчали, да и люди всѣ сбѣжали на

берегъ; наши увидя непріятельскія суда безъ людей, послали жечь, и такъ сожгли тринадцать судовъ, нѣсколько о тридцати-двухъ, о двадцати, шестнадцати и осьми пушкахъ и большую капитанъ-паши галеру; три фрегата у самой крѣпости остались, увѣряютъ, что оные на мели, а прочіе ушли за Дарданелы, въ Лепанскій заливъ, гдѣ, сказываютъ, ихъ достальная эскадра; за убѣгшими, по узкости Дарданелъ, гнаться было не можно. На кораблѣ «Чесмѣ» убитъ флотскій поручикъ Козминъ, ногу отбили у капитана-поручика Лопухина и троихъ легко ранили; и такъ съ побѣдою возвратились къ острову Паросу, гдѣ и соединились съ графомъ въ портѣ Маріо. Оной баталіи при семъ пріобщаю планъ.

(Слѣдуетъ планъ.)

Присланъ изъ арміи чрезъ Константинополь отъ Обрѣзкова курьеръ, что въ главной арміи съ Отоманскою Портою сдѣлано перемиріе на три мѣсяца, то есть марта по десятое число, почему отъ его сіятельства посланы ко всѣмъ крейсерамъ повелѣнія, чтобъ военныя дѣйствія пресѣчь, также и призовъ не брать; которыя же взяты нейтралитетныхъ державъ суда съ турками и съ ихъ экипажемъ, всѣхъ отпустили, заплатя шкиперамъ судовъ за простой не малыми суммами денегъ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ писалъ къ капитанъ — пашѣ, чтобъ они прислали, уполномоча, такихъ людей, которыебъ договорялись о перемиріи; ежелижъ они на положенный срокъ не пришлютъ, то начаты будутъ военныя дѣйствія.

Отъ Ея Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни, чрезъ письмо къ его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, велѣно морскихъ офицеровъ: капитанъ-поручиковъ, поручиковъ, мичмановъ и штурмановъ, изъ архипелагской эскадры прислать въ Петербургъ, нѣсколько человѣкъ, на которое повелѣніе отъ его сіятельства требовано охотниковъ, кто въ Россію ѣхать пожелаетъ; сколькожъ офицеровъ охотою послано и кто за болѣзнію отправленъ на англійскомъ суднѣ, при семъ предлагаю реестръ:

Капитаны перваго ранга: Петръ Бѣшенцовъ, Никифоръ Палибинъ.

Капитанъ-лейтенанты: Алексѣй Давыдовъ, Семенъ Кондратьевъ, Иванъ Бахметевъ.

Лейтенанты: Василій Плещеевъ, Сергій Плещеевъ, Василій Поярковъ, Алексѣй Чаплинъ, Николай Шубинъ, Василій Машинъ, Уразай Кисель, Амандусъ Бергъ, князь Алексѣй Вяземскій, Петръ Сливовъ, Степанъ Золотиловъ, Өедоръ Сараевъ, Өедоръ Бачмановъ.

Мичманы: Василій Френевъ, Ульянъ Пустошкинъ, Александръ Воейковъ, Егоръ Панинъ, Яковъ Сукинъ, Петръ Кашинцовъ, Василій Шенинъ, Емельянъ Толбузинъ, Яковъ Харламовъ.

Штурманы: Өедоръ Мининъ, Петръ Кудрявцовъ, Иванъ Журавлевъ, Андрей Козминъ, Григорій Леоновъ, Яковъ Степановъ, Константинъ Өоминъ, Өедоръ Кармазинъ, Иванъ Шишуковъ, Иванъ Антоновъ.

Подштурманы: Иванъ Комаровъ, Левъ Петровъ, Степанъ Экетовъ. Михаилъ Никитинъ, Игнатій Кореневъ, Яковъ Бѣлоглазовъ, Александръ Батаковъ, Прокофій Веселовскій, Василій Артемьевъ.

За болѣзнію отправлены на англинскомъ суднѣ «Гранлукъ-офъ-Рушъ:»

Капитаны втораго ранга: Михаилъ Клеопинъ, Аөонасій Поповкинъ, Моисей Давыдовъ.

Капитанъ-лейтенантъ: Александръ Муромцовъ.

Лейтенантъ Өедоръ Путятинъ.

Мичманы: Михаилъ Жуковъ, Николай Рудаковъ, Владиміръ Гальской.

Морскихъ баталіоновъ. Капитанъ Николай Байковъ. Коммисаръ Аөонасій Баженовъ. Шкиперъ Дмитрій Пиляскинъ.

У его сіятельства, въ то же число, просилъ и я отпуска въ Россію, но жалуючи мнѣ сказалъ, что не отпущу, съ обнадеживаніемъ отъ Ея Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни милости; и такъ по убѣжденію его сіятельства, милостію, принужденнымъ себя нашелъ остаться.

23 декабря изъ главной арміи присланъ къ графу курьеръ, который былъ въ Мореѣ, въ Наполи де Романи, Салоникѣ и съ Ковалы отправленъ съ тѣмъ же подтвержденіемъ, что сдѣлано перемиріе по десятое число Марта 1773 года.

26 число декабря его сіятельство, на кораблѣ «Ростиславъ,» «Побѣдоносецъ,» «Саратовъ,» бомбандирскій «Страшный» и одинъ «Помощный» пошли къ острову Миконѣ.

Нынѣшній годъ былъ спокоенъ, лѣтомъ былъ вѣтренъ и тѣмъ отъ жаровъ дѣлалъ великое облегченіе, только для Шлюшенбургскаго полка несчастливъ: въ три мѣсяца, начиная съ іюля, померло солдатъ больше девяти сотъ, и тридцати человѣкъ штабъ и оберъ-офицеровъ, да и по нынѣ еще достальные мрутъ, такъ что превосходитъ тысячу двухъ сотъ человѣкъ.

Такъ было опасно: кто изъ постороннихъ пожаветъ въ полку, то есть лекаря или другіе, то рѣдко выходили: всѣ въ скорости занемогаютъ и умираютъ; болѣзни имѣли разныя: гнилую горячку съ пятнами, гнилую же лихорадку и кровавый поносъ.

Нынѣшній годъ почти было все перемиріе, и такъ призовъ мало взято; всѣхъ другихъ державъ купецкія суда, узнавъ, что ежели въ Константинополь, въ Смирну, Солонику и другія мѣста везутъ хлѣбъ и прочее, кромѣ контробандныхъ вещей, на имя христіанскихъ въ тѣхъ мѣстахъ купцовъ, то россійскіе крейсеры, хотя точно знавъ, что турецкій хлѣбъ и везетъ къ турку, не берутъ, а ежели кто возметъ, то отпущая, за простой деньги платятъ; нынѣшній годъ великая сумма вышла судамъ за простойные дни; и такъ турокъ все можетъ получать безпрепятственно.

Въ Романи, Анатоліи и другихъ мѣстахъ хлѣбъ родился хорошъ и прежняго гораздо дешевле.

Есть въ Кандіи, Метелинѣ и другихъ мѣстахъ, магометанскаго закона люди, имѣя у себя природную проказу; другіе люди близко съ ними не бываютъ, спасаяся той прилипчивой болѣзни, которая чрезъ вѣтръ пристаетъ, живутъ отъ жилищъ въ отдаленіи, въ горахъ, особливыми селеніями, питаются милостынею, женятся на таковыхъ же, дѣти съ тою же проказою родятся, и такъ остаются болѣзни въ ихъ родѣ. Въ Греціи неудивительно, что называется, люди питаются быліемъ травнымъ, такъ какъ и было въ островѣ Наксіи 772 года: за неимѣніемъ хлѣба, три мѣсяца питалися люди, какъ скотина, травой, да и той родится на каменьяхъ мало, въ холодное время не растетъ, а лѣтомъ отъ солнца выгараетъ. Оный островъ посвященъ въ прежнія времена былъ Бахусу и нынѣ еще остатки его храма видны; я людей много видалъ и довольно отъ нихъ самихъ слышалъ, что они проживаютъ травой и разныхъ родовъ морскими ракушками и полевыми улитками, и однимъ словомъ сказать, всякой ядятъ вздоръ, толькобъ ихъ лѣность и праздность природная была вольною. Нашелъ я грека, молодаго человѣка, отъ двадцати до двадцати пяти лѣтъ отъ роду, который питается быліемъ травнымъ, худъ собой и весь почти голъ, я его взялъ къ себѣ на корабль въ службу, давая ему провіантъ, равно какъ своимъ матрозамъ, и по два рубля съ полтиною на мѣсяцъ денегъ; но онъ, пробывъ двои сутки, быть на кораблѣ не захотѣлъ: лучше будетъ въ праздности ѣсть траву и ходить голымъ, нежели быть подъ какою либо властію; да и много такихъ равномѣрныхъ.

Въ Греціи и въ другихъ христіанскаго закона областяхъ посты, среду и пятницу весьма свято наблюдаютъ: не довольно мяса, ни рыбы не вкушаютъ; чтожъ принадлежитъ убить человѣка, разграбить со всѣмъ, оное ни за что считаютъ; когда онъ

убилъ кого, за что по законамъ нашимъ и судится, то онъ ничего не извиняася, какъ будто надобно такъ было, скажетъ, что онъ убилъ за тó, что онъ досадилъ ему или брату его или отцу, или что нибудь у него ему полюбилось; и оное сказываетъ, какъ будто пó справедливости было то и надобно, безо всякой робости.

Свадьбы въ Греціи вѣнчаютъ въ домахъ, даже хотя бы то было и въ великій постъ; и архіерей мужа съ женою разводитъ.

V.

1773—1774.

Переговоры Грейга съ правителемъ Тенедоса. — Письмо отъ капитанъ-паши о заключеніи перемирія. — Отвѣтъ Грейга. — Возвращеніе лейтенанта Овцына изъ плѣна. — Хметевскій просится въ отставку. — Крейсированіе у Дарданелъ. — Возвращеніе графа А. Г. Орлова въ Ливорно. — Рескриптъ, присланный Хметевскому. — Бомбардированіе Будрумскаго порта и высадка на берегъ Анатоліи. — Высадка на островъ Станкіо. — Разрѣшеніе Хметевскому возвратиться въ Россію. — Возвращеніе флота въ портъ Аузу. — Увольненіе Хметевскаго. — Обозрѣніе компаній его. — Бомбардированіе и осада города Бейрута. — Возвращеніе Хметевскаго въ Россію.

1773. Сколько въ Архипелагѣ россійскаго Императорскаго флота кораблей, фрегатовъ и прочихъ военныхъ судовъ, кто на оныхъ командиры, при семъ предлагаю реестръ.

Суда.	Командиры.
Корабли:	
Януарій	Борисовъ.
Всеволодъ. . . .	Роксбургъ.
Трехъ Святителей	Хметевскій.
Графъ Орловъ. .	Коняевъ.
Азія.	Толбузинъ.
Европа	Поливановъ.
Чесма.	Аничковъ.
Побѣда.	Новокщеновъ.
Саратовъ	Булгаковъ.
Трехъ Іерарховъ	Степановъ.
Ростиславъ . . .	Аклей.
Побѣдоносецъ. .	Козляниновъ.
Надежда благополучія. . . .	Коняевъ.

Суда.	Командиры.
Фрегаты:	
Сѣверный орелъ	Фонъ Дезинъ.
Надежда	Кожуховъ.
Африка	Извѣковъ.
Тино.	Проселковъ.
Св. Николай . .	Войновичъ.
Саломбалъ. . . .	Муратовъ.
Св. Григорій . .	Давыдовъ.
Паросъ	Мистровъ.
Венера.	Арцыбашевъ.
Минерва.	Дугдалъ.
Почталіонъ . . .	Кривцовъ.
Архипелагъ. . .	Мельниковъ.
Саратовъ	Шишкинъ.
Побѣда	Козлятевъ.
Делосъ	Скуратовъ.

Суда.	Командиры.
Слава	Марко Войновичъ.
Запасный	Өедоровъ.
Св. Павелъ . . .	Паніоти Алексіано.
Констанція . . .	Александръ Алексіано.
Наксія	Корелли.
Помощный . . .	Киленинъ.
Бомбандирскіе:	
Громъ	Перепечинъ.
Страшный	Сенявинъ.
Молвія	Ильинъ.
Шамбеки:	
Греція	Псаро.
Забіяка	Николето Кужевичь.
Св. Николай . .	Гералимусъ Витоли.
Спиридонъ . . .	Яни Поломари.
Поляки:	
Патмосъ	Лежневъ.
Стиксъ	Паликуто.
Мадоне Калига.	Герасимъ Салига.
Мадона Мегаспола или св. Алексѣй . . .	Джовани Вальзомаки.
Св. Спиридонъ.	Понагопуло.
Св. Екатерина .	Джовани-Купо.
Стефани Поландри Ауза . . .	Илья Юшковичь.
Св. Екатерина пріятная . . .	Стефани Поли.
Св. Анна	Паламида
Мадона Дельбона	Өедоръ Мурзанаки.

Суда.	Командиры.
Требанула Менатилія	Николако Мандино.
Трекатры:	
Гусева	Гусевъ.
Мадона Дидна .	Григорій Пано.
Мадона Трипети	Анагности Марогно Поло.
Бригантины:	
Залетъ	
Захватъ	
Антипаросъ . . .	Юрго Артачино.
Поландра	Яни Варвачь.
Лондры:	
Доѣзда	Антонъ Алексіано
Эйно	Пасіали Николаевъ.
Воличь Лаго . .	Грекъ Петръ Семеновъ.
Полугалерки:	
Анжентера . . .	
Ищунъ	
Союзъ пяти братій	
Соколевы:	
1	Яни Анастасіевъ.
2	Яни Псаріоносъ.
3	Яни Димитріевъ.
4	Калимера.
5	Калисперова.
6	Марангополова.
7	
Лодка 18 весельная	Калимерова.

Починя я свой корабль «Трехъ Святителей», за неимѣніемъ лѣсовъ, сколько было можно, 4 числа января вышелъ изъ Порта Аузы, для соединенія съ его сіятельствомъ; того же дня пришелъ въ Микону на рейдъ, гдѣ нашелъ стоящіе корабли: «Ростиславъ» подъ брамъ-вымпеломъ, «Саратовъ»; фрегаты: «Св. Павелъ», который ходилъ въ Александрію, «Венера», «Слава», четыре шамбеки; съ его сіятельствомъ на короткое время пошли къ острову Тино фрегаты: «Св. Николай», «Констанція», бомбандирскій «Страшный».

Корабль «Побѣдоносецъ», судно «Запасный» съ контръ-адмираломъ Ельмановымъ, да камеръ-юнкеръ Домашневъ посланы 31 декабря прошедшаго года къ острову Скиро къ французскому фрегату, который стоя у Скиро на якорѣ, да и въ нашей будучи службѣ, двѣ греческія фелюги, нагруженныя пшеницею, арестовалъ, людей взялъ къ себѣ на фрегатъ, подъ видомъ, яко бы они были разбойники, всѣхъ перековалъ и хотѣлъ головы ихъ рубить, для чего вынесены были плахи и топоры, и представлены были для экзекуціи, окружа солдатами; но какъ стали одного грека расковывать и притомъ можетъ еще убили, то онъ видя, что уже смерть близка, схватилъ свои желѣзы и который французъ больше всѣхъ ему досадилъ, ударилъ, то всѣ стоящіе солдаты подняли его въ штыки и бросили въ воду и еще отъ капитана велѣно было по немъ стрѣлять изъ ружей; прочіе остались по прежнему скованы. Греки имѣли паспорты отъ адмирала Спиридова, контръ-адмирала Арфа и отъ тѣхъ острововъ канцелярій; Хіосскіе приматы и наши бывшіе на островѣ для печенія сухарей офицеры свидѣтельствовали, что они добрые люди, а не воры, паспорты ихъ справедливы; только капитанъ, невзирая ни на что, бросалъ паспорты на полъ и ничему не вѣрилъ; и такъ съ фелюгъ выгрузя весь грузъ на фрегатъ, взявъ съ оныхъ пушки, сжегъ, а грековъ, связавъ руки и ноги, бросилъ на берегъ и самъ ушелъ; и такъ господинъ контръ-адмиралъ не засталъ фрегата; возвратился 11 числа января въ Микону.

Въ 12 число фрегатъ «Слава» посланъ проводить англійское судно до острова Хіо, на которомъ одинъ паша, съ семьдесятъ-двумя человѣками турокъ, ѣхалъ въ Александрію, къ арміи противъ Али-бея; но у острова Патмоса крейсеромъ задержанъ и присланъ къ графу, которые отпущены съ приказаніемъ, что впредь пропущены не будутъ.

13 число бомбандирскій «Страшный», брегантина «Залетъ», посланы въ эскадру къ капитану фонъ-Девину, крейсирующему у острова Патмоса.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ перешелъ на корабль «Чесму» и поднялъ брейдъ-вымпелъ.

18 число корабль «Всеволодъ», изъ эскадры контръ-адмирала Грейга, пришедъ на миконскій рейдъ, легъ на якорь. Капитанъ сказывалъ, что они съ эскадрою лежали на якоряхъ у острова Тенедоса; контръ-адмиралъ Грейгъ посылалъ въ городъ грековъ, чтобъ губернаторъ тенедоскій дозволилъ купить для эскадры провизіи; губернаторъ на то отказался, что онъ того сдѣ-

лать несмѣетъ, а будетъ писать къ капитанъ-пашѣ въ Дарданелы; и чрезъ короткое время капитанъ-паша къ контръ-адмиралу прислалъ письмо, которое вношу оригиналомъ, и притомъ нѣсколько быковъ, куръ и зелени, съ тѣмъ, ежели изъ провизіи русскіе хотятъ купить въ Тенедосѣ, то отъ него тенедоскому губернатору всѣмъ удовольствовать велѣно, для чего, чтобъ не причинить нашимъ какой либо отъ турокъ обиды, двухъ чаушей прислалъ. Контръ-адмиралъ посылалъ шлюпку съ офицерами для покупки; какъ офицеры, такъ и матросы приняты ласково, у губернатора ночевали, для охраненія былъ караулъ и вмѣстѣ спалъ янычарскій полковникъ, да и губернаторъ почти во всю ночь не спалъ, ходя нѣсколько разъ нашихъ осматривалъ, покойно ли спятъ и чтобъ отъ подлости не сдѣлалося бунту. На другой день накупивъ наши нѣсколько провизіи, а большая часть вина, дорогою цѣною, поѣхали на корабль; провожены были до шлюпки самимъ губернаторомъ и прочими офицерами, и какъ наши ѣхали на шлюпкѣ, то губернаторъ, какъ будто бы еще провожалъ, ѣхалъ верхомъ по берегу. Примѣчено, что турки великіе лакомцы до подарковъ, или что продать за дорогую цѣну; полковникъ негодный кошелекъ князю сибирскому, не устыдяся, продалъ за два червонца.

Копія.

Съ письма отъ капитанъ-паши, полученнаго изъ Дарнанелъ декабря 18 дня 1772 года.

Отъ благородныхъ и княжескихъ рода христіанскаго изъ первѣйшихъ Императорскаго Россійскаго флота адмираловъ, поспѣшнѣйшему, почтеннѣйшему, и честнѣйшему, и высокороднѣйшему. Великій Богъ да подастъ вамъ многія лѣта, здравія и счастія; въ заключеніе всѣхъ вамъ моихъ учтивостей даю знать: ваше почтенство изволили прибыть къ Тенедосу и не имѣете извѣстія о новомъ перемиріи, которое сдѣлано на сто-тринадцать дней, чего для и послали ваше высокородіе Лимноскаго плѣнника, и оный плѣнникъ, по пріѣздѣ въ Тенедосъ, точно объ ономъ донесъ тенедоскимъ командирамъ; оные прислали его къ намъ, мы отъ него получили полное извѣстіе и потому вамъ даемъ знать: въ нашемъ лагерѣ его высочество великій визирь съ его сіятельствомъ фельдмаршаломъ нашли способъ сдѣлать миръ между двумя царствами; и такъ было писано нашей Высокой Портѣ, почему и опредѣлено дѣлать договоры о соглашеніи мира; для сего посланъ былъ уполномоченнымъ министромъ почтеннѣйшій Рейсъ Ефенди; по отъѣздѣ котораго, былъ съ

нимъ почтеннѣйшій, вашъ министръ Обрѣзковъ и когда говорили между собою два министра, то и сотворили сдѣлать теперешнее перемиріе, отъ перваго ноября до третьягонадесять марта, то есть на четыре мѣсяца и тринадцать дней; было укрѣплено и рѣшено съ обѣихъ сторонъ письменными обстоятельствами; о семъ происшествіи писалъ къ намъ его высочество великій визирь, а его сіятельство фельдмаршалъ писалъ къ славнѣйшему графу, генералу Орлову; и такъ будьте увѣрены, что между двумя царствами сдѣлано перемиріе на четыре мѣсяца и тринадцать дней; мы отъ тѣхъ поръ слѣдовали тому согласію какъ выше значится, и я неколеблясь остался никуда не трогаясь, чтобъ противъ перемирія ничего не сдѣлать. Надобно съ вашимъ благородіемъ по приказаніямъ двухъ царствъ мнѣ согласіе, дабы были приказы на шамбекахъ у вашихъ кораблей, чтобъ не трогать въ нашихъ судахъ какъ турковъ, такъ и грековъ купцовъ, и чтобъ ваше почтенство были извѣстны симъ обо всемъ, что сдѣлано, мы объявляемъ; и такъ какъ сдѣлано между двумя царствами согласіе и миръ, намъ надобно другъ друга любить и исполнять повелѣнія нашихъ главныхъ; ваши лѣта да будутъ многи и счастливы.

Подлинное подписалъ: Побѣдитель Хасанъ Паша, Божіею милостію визирь и капитанъ-паша.

Копія.

Съ письма, посланнаго въ отвѣтъ декабря 19, 1772 года.

Почтеннѣйшій и славнѣйшій господинъ, Хасанъ паша визирь и капитанъ-паша, желаю вамъ всякаго благополучія и продолженія счастія. Ваше почтеннѣйшее письмо съ присланнымъ нарочнымъ вчерашняго дня я имѣлъ честь получить, въ которомъ увидавъ, что между двумя воюющими высокими державами сдѣлано перемиріе, радуюся тому и желаю, чтобъ совершенное замиреніе, согласіе и дружба послѣдовать могли; будучи же увѣренъ отъ васъ, почитаю извѣстіе сіе за самое истинное и для того военныя дѣйствія нынѣ оставляю и сверхъ того ожидать буду повелѣнія отъ полномочнаго и высокоповелительнаго въ Архипелагѣ генерала, его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова, и для увѣдомленія васъ о томъ, посылаю сіе письмо съ присланными отъ васъ Башъ Чаушъ Гасаномъ съ товарищами, которые всѣ къ вамъ обратно отправлены. Сіе окончавъ мое письмо, желаю съ моей стороны, чтобъ, по заключеніи мира между двумя высокими державами, могъ и я назваться вашимъ другомъ.

Подлинное подписано: Россійскій контръ-адміралъ Самуилъ Грейгъ.

25 дня въ вечеру въ Миконѣ былъ балъ, въ нарочно убранныхъ покояхъ; представленъ небольшой фейерверкъ и поставленъ для народа быкъ съ золотыми рогами, множество хлѣбовъ, за ужиномъ застольная пушечная пальба. Все оное дѣлалъ господинъ камеръ-юнкеръ Домашневъ въ честь того дня имениннику, его сіятельству Григорью Григорьевичу Орлову.

Пришла изъ Дарданелъ каика (*каикъ*) отъ капитанъ-паши съ чаушемъ Мустафою къ его сіятельству съ письмами о подтвержденіи перемирія.

Въ пятый день февраля пришла изъ Константинополя соколева съ морскими нашими, которые взяты съ фрегата «Сантарина» въ островѣ Метелино 1771 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ плѣнъ, а именно капитанъ-лейтенантъ Овцынъ, мичманъ Неклюдовъ, разныхъ чиновъ служителей двадцать-семь человѣкъ, и кромѣ офицеровъ опредѣлены ко мнѣ на корабль. Сказываютъ, что они отдались на декларацію, чтобъ съ ними дурно поступлено не было; но когда командиръ Овцынъ съѣхалъ первый на берегъ, то его турки тотъ моментъ оборвали, а съ командою гораздо хуже поступлено при высаженіи ихъ съ судна на берегъ: изрубили турки разныхъ чиновъ восемь человѣкъ, за что, никто не знаетъ, потому что ихъ тотчасъ по одному развели. Въ Метелинѣ, кромѣ Овцына, сидѣли всѣ въ погребѣ скованы и къ стѣнѣ прикованы почти нагіе. А какъ ихъ вели лѣсомъ, то отъ терновника ноги и корпусъ въ кровь изрѣзаны; грозили имъ всѣмъ смертію, да можетъ бы и исполнено было, но Гасанъ капитанъ-паша пришелъ изъ Дарданелъ съ десантомъ, всѣхъ отъ смерти избавилъ и мичмана Неклюдова отъ служителей отдѣлилъ, послалъ въ Константинополь. Офицеры содержаны въ Едикулѣ весьма хорошо, да имъ же, Нашей Всемилостивѣйшей Государыни, отъ прусскаго министра давано денегъ, кто сколько хотѣлъ, и офицеры выѣхали изрядно одѣты; служители сначала недѣли съ три ходили на работу, а потомъ не стали ихъ посылать, и также отъ министра давано было по шести копѣекъ на день, а отъ султана шло хлѣба полтора фунта и кашица; а офицеры въ Едикулѣ, что хотѣли, то кушали. Сказываетъ Овцынъ, будто онъ на своемъ фрегатѣ оставилъ въ крюйтъ-каморѣ фитиль и оттого фрегатъ сгорѣлъ, только невѣроятно быть оному, по многимъ причинамъ; а можетъ, что видя еще наши стоящія суда, и чтобъ фрегатъ не спасли, то сами турки зажгли. Также присланы на корабль капитанъ Гасанъ

паши села Магаси Ахметъ Ага, житель изъ Босніи: онъ идетъ или ѣдетъ передъ капитанъ-пашею и за него кланяется народу, при немъ чауши: Мейметъ житель Тенедоса, Абдула Бошнякъ.

Въ 12 число февраля корабль «Чесма», я съ моимъ кораблемъ, фрегатъ «Запасный», снялись съ якоря, пошли въ Аузу, тогожь дня и пришли, гдѣ нашли стоящіе корабли: «Георгій Побѣдоносецъ», подъ флагомъ контръ-адмирала, и «Януарій» подъ брейдъ-вымпеломъ, «Всеволодъ», «Ростиславъ», «Надежда Благополучія», фрегаты: «Помощный», «Констанція», «Сатурнъ», бомбандирскій «Громъ», «Молнія» къ Осту: въ портѣ: «Нетронь меня»; на кораблѣ «Чесмѣ»; брейдъ-вымпелъ спустили, а подняли флюгера.

25 число февраля пришелъ изъ Ливорны корабль «Европа», на которомъ адмиралъ Спиридовъ.

27. Поднятъ ночью на кораблѣ «Чесмѣ» кейзеръ, а на «Европѣ» адмиральскій флаги. Подалъ я чрезъ адмирала Спиридова графу Алексѣю Григорьевичу Орлову челобитную, чтобъ отпустить меня въ Россію, которая вносится оригиналомъ:

«Въ службѣ Ея Императорскаго Величества нахожусь съ 1744 года и продолжаю оную безпорочно; а нынѣ отъ долговременной здѣшней компаніи и всегдашней на морѣ бытности и жаровъ и отъ головной раны, которую получилъ 1770 года при сраженіи съ турецкимъ флотомъ въ Чесменскомъ каналѣ, отъ которой имѣю въ головѣ боль, глухоту и обмороки, къ томужъ и зрѣніе повредилось, также почечуйную и цынготную въ ногахъ болѣзни и отъ оныхъ болѣзней пришелъ въ великую слабость, отъ чего имѣю частыя припадки; и для того вашего высокографскаго сіятельства покорнѣйше прошу, дабы соблаговолено было уволить меня нижайшаго въ Россію, гдѣ по привычному нашему климату не могу ли получить отъ болѣзни свободу и впредь еще продолжить Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйшую мою службу.»

Въ 4 число марта посадили ко мнѣ, для отвоза въ Дардавелы, плѣнныхъ турокъ шестьдесятъ-два, да еще Гасанъ Агу съ своими чаушами и того всѣхъ семьдесятъ-два человѣка; велѣно вмѣстѣ идти съ кораблемъ «Трехъ Іерарховъ» и фрегатомъ «Святымъ Николаемъ» къ острову Тассо и явиться къ контръ-адмиралу Грейгу; сего числа я и «Трехъ Іерарховъ» вышли въ море; въ ордерѣ же отъ графа предписано, чтобъ француза и другихъ нейтральныхъ державъ не останавливать и потому вольно отвсюду возить что хотятъ.

Пришедъ къ острову Ипсару, терпѣлъ трои сутки крѣпкій штормъ съ великимъ снѣгомъ, въ которомъ разлучился съ кораблемъ «Трехъ Іерарховъ» и у меняжь изорвало много парусовъ и прибавилась изрядная течь.

12 число вѣтръ сдѣлался; крѣпкій штормъ съ снѣгомъ, больше нежели прежде, также течь прежней своей привычки не оставляетъ; изорвало много парусовъ; для чего я съ кораблемъ и фрегатомъ «Св. Николай» ушли къ острову Скіару и легли на якорь.

13 число марта въ половинѣ одиннадцатаго часа по полудни было землетрясеніе два раза, одинъ за другимъ скоро, первый великъ; хотя стоялъ на глубинѣ тридцать-восемь сажень, только весьма колебался и привелъ людей въ страхъ: которые спали всѣ проснулись, выбѣжали наверхъ, а пуще турки; другой гораздо меньше. Команды моей служители были посланы на берегъ, для рубки дровъ, и во время трясенія съ просонку, испугавшись, не могли бѣжать, катились подъ гору; а въ деревнѣ домовъ съ шесть развалило.

17 число марта пришелъ я съ эскадрою къ острову Тассо, гдѣ нашелъ контръ-адмирала Грейга на кораблѣ «Побѣда» и съ нимъ корабли «Саратовъ», «Графъ Орловъ», фрегаты: «Африка», «Надежда», «Минерва», «Паросъ», да со мной пришелъ фрегатъ «Слава»; думалъ найдти въ эскадрѣ контръ-адмирала Грейга, ежели цѣлъ, корабль «Азія», только его нѣтъ, и они считали его въ Аузѣ; и такъ теперь увѣриться можно, что онъ пропалъ и при томъ не спасся ни одинъ человѣкъ.

20 число фрегата «Африки» четверо матросовъ, изъ татаръ, ночью сѣвъ па шлюпку ушли на непріятельскій берегъ, или въ городъ Ковалло и пропали, хотя поутру ихъ искали. Снялась вся эскадра и пошли къ острову Имбро.

21 число пришли къ острову Имбро, но противный вѣтръ и крѣпкое отъ Нордъ-осту теченіе, прійти къ Дарданеламъ препятствовало; положили якорь; а другіе корабли тѣмъ теченіемъ, близь Лимноса, отнесло, также легли на якорь.

25 число марта Войновичъ пришелъ на полугалеркѣ изъ Дарданелъ отъ капитанъ-паши; сказываетъ, что его капитанъ-паша принялъ весьма хорошо. И сверхъ всѣхъ еще учтивостей подарилъ его богатымъ ружьемъ, да послалъ также по богатому ружью графу Алексѣю Григорьевичу и контръ-адмиралу Грейгу; когда Войновичъ проходилъ Дарданелы, то съ овыхъ палили ему изъ пушекъ съ ядрами, и во вторыхъ Дарданелахъ беругъ съ берега на берегъ; видѣлъ Войновичъ тутъ стоящихъ большихъ кораблей два и нѣсколько фрегатовъ; присланы съ нимъ для забранія плѣнныхъ турокъ и прочихъ двѣ фелюги и одна шлюпка, которые отъ меня турки на оныя и посажены и отправились въ Дарданелы.

Турки, да и всѣ въ Архипелагѣ мореходцы-греки марта по 9 число считаютъ время неспокойнымъ и не прежде изъ гаваней выходятъ онаго числа, а особливо въ Черное море; ещежъ исходъ онаго мѣсяца дурнымъ считается.

Сказывали турки, что капитанъ-паша грамотѣ не знаетъ; онъ уроженецъ изъ Алжира, былъ корсаромъ и нѣсколько удачливо

съ нимъ случалось, да и съ нами Лимноскій сикурсъ много ему помогъ; въ Метелину также въ сикурсахъ поспѣшилъ, хотя насъ уже и не засталъ; въ сраженіи въ Чесменской бухтѣ съ кораблемъ «Евстафіемъ» онъ будучи, весьма храбро поступалъ и другой корабль турецкій такъ ни одинъ не дрался; онъ имѣетъ отъ роду близь шестидесяти лѣтъ и почитается у турокъ наихрабрѣйшимъ человѣкомъ и онъ самъ приписываетъ себѣ: побѣдитель.

Гасанъ Ага сказывалъ, что на островѣ Евстратія, у деревни, есть лекарственная хорошая вода, которой лѣчилъ ноги отъ опухоли и ранъ, и ежели ее выпить кружки четыре и ноги становить въ воду, то человѣкъ будетъ здоровъ.

26 число марта вся эскадра между Тенедоса и Лимноса прошла къ югу.

31 число марта, проходя вся эскадра мимо острова Миконы по восточную его сторону, видѣли лежащую на Миконскомъ рейдѣ, подъ Россійскими флагами эскадру, въ числѣ четырехъ кораблей, одинъ подъ брейдъ-вымпеломъ.

Подходя къ острову Паросу на кораблѣ «Побѣда», выстрѣломъ изъ пушки сдѣлавъ сигналъ, которымъ дано знать, чтобъ мнѣ съ кораблемъ, для починки сысканной течи, идти въ портъ Аузу; по сему я пошелъ; со мной пошли также для исправленія фрегаты «Африка», «Св Николай» и «Паросъ», а контръ-адмиралъ Грейгъ пошелъ на якорь въ портъ Маріо, съ нимъ корабли: «Побѣда», «Графъ Орловъ», «Саратовъ», «Трехъ Іерарховъ», фрегаты: «Надежда», «Минерва».

Пришелъ я съ кораблемъ, также и фрегаты, въ портъ Аузу, легли на якорь, гдѣ нашли стоящихъ кораблей: «Европу», подъ адмиральскимъ флагомъ, «Всеволода», «Георгія Побѣдоносца», «Януарія», фрегатовъ пять, бомбандирскихъ два, разныхъ націй судовъ тридцать одно; на другой сторонѣ гавани корабль «Нетронь меня».

Тогожъ числа прошелъ отъ острова Миконы въ портъ Маріо его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ на кораблѣ «Чесмѣ», подъ кейзеръ-флагомъ, и съ нимъ корабль «Ростиславъ» и бомбандирскій «Громъ».

Въ 6 число апрѣля, его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ пробовалъ въ портѣ Аузѣ, съ нордовыхъ обѣихъ сторонъ батареи, съ первой изъ двѣнадцати-фунтовой пушки съ ядрами, какъ близко можетъ лечь на дистанцію остовой батареи; но какъ горизонтально, такъ и на элевацію нѣсколько той дистанціи не долетали, также и съ другой нордовой батареи палилижь изъ двадцати-четырехъ фунтовыхъ пушекъ съ ядрами, точію до противнаго батареѣ мыса чрезъ проливъ не долеталижь.

(8—17 апрѣля Хм. сообщаетъ подробности о починкѣ своего корабля, о приходѣ и отплытіи разныхъ другихъ судовъ.)

18 число апрѣля. Его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, несказавшись никому и не простясь ни съ кѣмъ, только къ адмиралу пославъ своего адъютанта и камеръ-юнкера Домашнева съ письменными дѣлами, уѣхалъ на шлюпкѣ одинъ поутру въ одиннадцать часовъ въ портъ Тріо, а контръ-адмиралу Грейгу и своимъ домашнимъ велѣлъ перебираться на корабль «Побѣду,» что съ превеликою скоростію исполнено и въ четыре часа пополудни корабль «Побѣда» снялся съ якоря съ благополучнымъ вѣтромъ, пошелъ въ портъ Тріо, гдѣ взявъ его сіятельство, пошли въ Ливорну; съ кораблемъ «Побѣдою» пошлижъ фрегаты: «Св. Николай,» «Слава» да поляка «Забіяка.»

Мнѣ его сіятельство прежде обѣщалъ, чтобъ отпустить въ Россію; но только того же дня изъ порта Тріо отъ контръ-адмирала Грейга получилъ письмо, что его сіятельство приказалъ мнѣ кланяться и увѣдомить, чтобъ меня въ Россію на первоидущемъ суднѣ въ Ливорну отправить, къ господину адмиралу Григорью Андреевичу ордеръ посланъ, и скоро де мы увидимся; но я хотя два раза его высокопревосходительство просилъ, чтобъ меня отпустить за моею болѣзнію въ Россію, точію мнѣ отказалъ, что онъ не отпуститъ.

(19—27 апрѣля сообщаются подробности, подобныя тѣмъ какъ и подъ 8—17 числами апрѣля).

28 число апрѣля пришло въ Аузу изъ Ливорны для нашего флота съ разнымъ такелажемъ и провіантомъ англинское судно, на которомъ ѣхалъ изъ Россіи курьеръ, но повстрѣчавшись съ кораблемъ «Побѣдою» противъ Мореи, его сіятельство курьера взялъ къ себѣ, а письма изъ Петербурга на ономъ кораблѣ присланы. Получилъ я отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни Высочайшую грамоту, которую при семъ вношу оригиналомъ:

Нашему флота капитану Хметевскому.

Произведенное вами храброе и мужественное дѣло, когда вы, вступивъ съ непріятелемъ въ сраженіе, однимъ кораблемъ, съ отличнымъ искуствомъ и неустрашимостію, дѣлали нападеніе на превосходную непріятельскую силу, учиняетъ васъ достойнымъ къ полученію отличной чести и нашей монаршей милости, по узаконенному отъ насъ статуту, военнаго ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія; а потому мы васъ въ четвертый классъ сего ордена всемилостивѣйше пожаловали и знакъ онаго повелѣваемъ вамъ носить по установленію нашему. Сія ваша заслуга увѣряетъ насъ, что вы симъ Монаршимъ поощре-

ніемъ наипаче потщитесь и впредь равнымъ образомъ усугублять ваши военныя достоинства.

Подлинная грамота подписана собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Господинъ контръ-адмиралъ, корабль мой со всѣми капитанами и мастеромъ осматривалъ, въ которомъ найденъ наборъ трухловатъ; коммиссіею опредѣлено: поваля корабль отыскать течь, исправить, причемъ тонкую обшивку всю отодрать, вновь же отъ червоядія не обшивать, во избѣжаніе опасности: ежели обшивать досками, то корабль по слабости можетъ потонуть, а только выконопатить настоящую обшивку, выжечь и подмазать; оный конциліумъ подписанъ. Я будучи онымъ конциліумомъ не доволенъ, представлялъ его превосходительству, что по выгрузкѣ баласта, между наборомъ и наружной настоящей обшивки нашлось мышеядія много, такъ что осталось доски полдюйма и менѣе, и ежели тонкую обшивку отодрать, а другою не обшивать, то въ разсужденіи мышеядія, легко подъ водою провдено быть можетъ, и чрезъ то можно получить гибель; требовалъ, чтобъ корабль, обшивныя доски отодравъ, настоящую обшивку выконопатя, обшить тонкою обшивкою вновь; но на оное его превосходительство не согласился, съ объявленіемъ, что онъ подписаннаго конциліума перемѣнить не можетъ, о чемъ я долженъ былъ донесть мою претензію господину адмиралу, на которую получилъ, чтобъ валка корабля и починка была въ моей волѣ и что мнѣ надобно, чтобъ все отъ адмиралтейства исправляли.

(2 — 14 мая и далѣе 17 — 28 мая сообщаются подробности о починкѣ корабля Хм., о приходѣ и отплытія разныхъ другихъ судовъ.)

Въ 16 число на кораблѣ «Побѣдоносцѣ» поднятъ адмиральскій флагъ.

Въ 17 число вышли изъ гавани въ портъ Маріо корабли: «Европа,» подъ адмиральскимъ флагомъ, «Всеволодъ,» пинкъ «Соломбалъ.»

Въ 3 число іюня послалъ я доношеніе въ государственную адмиралтейскую коллегію, чтобъ за сей 773 годъ, генварскую и майскую трети, жалованья моего, кромѣ прежде оставленныхъ въ Россіи, производить каждый годъ: матери и тестю сто-пятьдесятъ рублей, сестрѣ Пелагеѣ Петровнѣ триста рублей выдать изъ суздальской канцеляріи, а ей писано оныя деньги употребить, которая закладная дана ей отъ меня на купленное имѣніе у Купреянова, купчую въ вотчинной коллегіи явить, и деньги пошлинныя внесть.

Въ 7 число іюня вышелъ изъ гавани въ портъ Маріо корабль «Георгій Побѣдоносецъ,» фрегатъ «Архипелагъ,» поляка «Патмосъ,» трекатръ пять, шамбекъ двѣ; на пяти судахъ посаженъ десантъ, албанцевъ числомъ восемь сотъ человѣкъ.

Въ 12 число іюня съ рейда снялся я съ якоря и пришелъ въ портъ Маріо, положилъ якорь, гдѣ нашелъ стоящіе корабли: «Георгій Побѣдоносецъ,» подъ флагомъ контръ-адмиральскимъ, «Всеволодъ,» «графъ Орловъ,» «Саратовъ,» «Трехъ Іерарховъ,» «Ростиславъ,» «Чесма», бомбандирскіе «Громъ,» «Страшный,» «Молнія,» да встало съ нами на якорь англійское судно, которое посылано было въ Александрію для покупки на флотъ служителямъ пшена сорочинскаго, на которомъ суднѣ и привезено; да былъ же на ономъ гвардіи подпоручикъ Максимъ Баумгардъ, который за болѣзнію остался.

Шкиперъ онаго судна сказывалъ, что онъ слышалъ, будто бы Али Бей съ зятемъ своимъ Беемъ, который противъ его шелъ, имѣлъ баталію, и будучи въ семъ сраженіи, отъ Али Бея нѣкоторыя войска, принадлежащія Беямъ, ушли съ мѣста баталіи, зять его Бей войска достальныя Али Беевы разбилъ, и Али Бей два раза раненъ, и взятъ въ полонъ, но зять его отпустилъ домой, и послѣ изъ Али Беева дома вынесенъ гробъ для погребенія, почему и положили, что Али Бей умеръ, а правда ли то, онъ за подлинно не увѣряетъ.

Адмиралъ съ своимъ кораблемъ «Европою,» фрегатъ «Григорій,» пинкъ «Соломбалъ,» для налитія воды стоятъ въ портѣ Тріо.

Въ 13 число съѣхалъ я въ островъ Наксію и жилъ въ католическомъ монастырѣ по 20 число сего мѣсяца; ѣздилъ верхомъ поутру до восхожденія, а въ вечеру по захожденіи солнца, сначала сколько слабость моя дозволяла, а напослѣдокъ въ одинъ конецъ двѣ и двѣ съ половиною версты.

Въ 19 число пришелъ адмиралъ изъ порта Тріо со всѣми судами.

Въ 21 число переѣхалъ я съ острова на корабль, еще въ слабости.

Въ 28 и 29 числа іюня, послѣ благодарственнаго молебна, палили со всего флота изъ пушекъ, въ первый отъ адмирала одной, а съ прочихъ кораблей изъ двадцати одной и во вторый день съ адмиральскаго изъ двадцати одной, а съ прочихъ кораблей изъ девятнадцати и разсвѣчались флагами.

Здѣсь слѣдуютъ, для рѣдкости, виды рыбъ, которыя ловятся въ водахъ Архипелажскихъ, и именно: Хортарны, Гилью и Хилидоно-Тари.

1-ое числю іюля эскадра капитана и бригадира Борисова пришла въ Микону; ходила до острова Сапіенса, а другіе фрегаты посыланы были и далѣе, непріятельскихъ судовъ никакихъ не видали.

Въ 13 число іюля, флотъ состоящій въ девяти корабляхъ, фрегатъ «Григорій», пинкъ «Соломбалъ», бомбандирскіе «Страш-

ный», «Громъ», «Молнія», съ десантомъ, шамбека одна, трекатръ семь, полугалеръ четыре, снялись съ якоря, пошли къ островамъ въ Аргузы.

Въ 16 число повстрѣчалась съ нами эскадра капитана фонъ-Дезина, крейсирующая у острова Патмоса, состоящая изъ четырехъ фрегатовъ и одной поляки и соединяся, пошли въ Аргузы.

Того жъ числа пришли нѣкоторые корабли въ острова Аргузскіе, а другіе и на другой день; легли на якорь.

Въ 24 число фрегатъ «Тино» съ заготовленнымъ фашинникомъ пришелъ.

25 число. Адмиралъ Спиридовъ отдѣлилъ контръ-адмиралу Ельманову особую эскадру, корабли: «Георгій Побѣдоносецъ», «Трехъ Святителей», «Трехъ Іерарховъ», «Саратовъ», фрегаты: «Сѣверный Орелъ», «Тино», «Побѣда», пинкъ «Соломбалъ», бомбандирскіе: «Громъ», «Молнія», «Страшный», транспортныхъ судовъ, на которыхъ посажены войсва, восемь, полугалеръ пять, фелюгъ и соколевъ двѣнадцать, чтобъ высадить войска, первые въ Будрумъ, а послѣ на островъ Станкіо и дѣлать непріятелю вредъ огнемъ и мечемъ.

Въ 29 число іюля транспортные суда пошли къ югу и велѣно имъ, прошедъ къ Анатолическому берегу, къ сѣверному углу мыса Карабагела, который берегъ близко лежитъ къ другому, выпустить албанскіе войска на берегъ, чтобъ разорили по берегу лежащія турецкія деревни, однако не проходя въ Будрумъ, и когда мы пойдемъ мимо ихъ, былибъ съ нами итти на судахъ готовы.

Въ 30 число пакетботу «Почталіону» дана особая команда и съ нимъ послана поляка одна, соколевъ шесть, полугалерка одна, который и пошелъ къ Анатолическому берегу.

Господина контръ-адмирала Ельманова эскадра снялась съ якорей и пошла къ югу къ городу Будруму, а господинъ адмиралъ Спиридовъ съ кораблями «Европой», «Чесмой», «графъ Орловъ,» «Всеволодомъ» и «Ростиславомъ», съ фрегатомъ «Григоріемъ», и пинкою «Венерою» снялся съ якоря, пошелъ къ острову Самосу.

Мы съ эскадрою поверстались у Анатолическаго берега у мыса Карабагела; лежащія на якоряхъ наши транспортныя суда снялись съ якорей и соединились съ нами.

Сказывали, что Албанцы на берегъ выходили, сожгли одинъ домъ по близости моря, а въ другія деревни не ходили.

Господинъ контръ-адмиралъ вошелъ съ эскадрою и со всѣми транспортными судами къ Будруму.

Я жъ съ своею эскадрою, съ кораблями «Трехъ Святителей», «Трехъ Іерарховъ», съ фрегатами «Сѣвернымъ Орломъ» и «Побѣдою», къ городу Станкіо въ портъ Скуко, для блокированія какъ города, такъ и всего острова Станкіо, близъ котораго легъ на якорь; съ крѣпости палили по насъ изъ пушекъ.

Контръ-адмиралъ со всѣми судами вошелъ въ портъ къ городу Будруму, легъ на якорь.

Бомбандарскіе корабли начали бомбардировать въ гавань, въ стоящій турецкій фрегатъ о сорока пушкахъ, новый, и множество другихъ судовъ и галеръ.

31 число ночью спустили албанцевъ и славонцевъ, которыхъ было тысяча двадцать человѣкъ, и поутру на разсвѣтѣ иррегулярныхъ триста сорокъ семь человѣкъ, подъ командою надо всѣми войсками инженеръ-маіора Матвѣева; сопротивленія отъ Турокъ почти не было, а когда Турки и показывались, только малое число, которые албанцами были прогнаны; вошедъ наши легкіе войска въ форштатъ, сожгли домовъ до десяти и одинъ магазинъ, или лавки, который былъ заперть, повытаскали изъ домовъ, что нашли, только все почти бездѣлица, и бывъ до полудня, перевезены всѣ войска на суда; предметъ былъ нашъ, чтобъ вывесть изъ гавани фрегатъ или зажечь, но бывъ его близко, разсмотрѣли, что вывесть способа нѣтъ, стоитъ у самой батареи подъ пушками и ружейными выстрѣлами, также близко и крѣпость, а проходъ весьма узокъ, а сжечь — была нашими (*сдѣлана*) ошибка, что не имѣли съ собою тѣхъ матеріаловъ чѣмъ сжечь.

1-е число августа высажены были албанцы на берегъ, другой разъ турокъ прогнали въ крѣпость; старались сжечь фрегатъ и другія суда, только за множествомъ на батареѣ людей, защищающихъ пушками и ружейными выстрѣлами, не допустили; албанцы взяты на суда; бомбандирскіе во все время бросили во фрегатъ и въ городъ триста двадцать восемь бомбъ и брандскуглей; одинъ брандскугель во фрегатъ легъ, отъ котораго былъ огонь, турками огонь погашенъ. Сказывали греки, тутошные жители, что палубы фрегата наполнены водой и устланы войлоками. Турокъ было въ городѣ мало — жители не ожидали, чтобъ мы напали на Будрумъ, а послѣ начали прибавляться, и то мужики; нашъ уронъ состоитъ: десять человѣкъ русскихъ, въ томъ числѣ и денщики, да албанцевъ и славонцевъ один-

надцать; ранено егерей три, албанцевъ девятнадцать, славонцевъ два человѣка, а турецкаго урона неизвѣстно.

Во 2-е число контръ-адмиралъ съ эскадрою и со всѣми транспортными судами вышелъ изъ бухты города Будрума и по близости оной у островка легъ на якорь, для заготовленія бомбандирскимъ бомбъ, а албанцамъ патроновъ.

Въ 4 число августа турки на Станкіовскомъ южномъ берегу зачали дѣлать укрѣпленіе; для чего, чтобъ оное сбить и впредь дѣлать не допущать, посланъ отъ меня фрегатъ «Сѣверный Орелъ», который по нихъ и палилъ и отбилъ ихъ отъ работы.

Въ 5 число господинъ контръ-адмиралъ Ельмановъ со всѣми судами пришелъ подъ городъ Станкіо; и какъ стали ложиться на якорь, то съ крѣпости по кораблямъ палили изъ пушекъ; хотя отъ крѣпости были болѣе тысячи сажень, ядра доставали, а другія и далѣе кораблей пролетали, для чего отошли далѣе.

Въ 6 число съ полудня высадили по южную сторону города Станкіо, подъ пушками фрегатовъ «Сѣвернаго Орла», «Тино», «Соломбала», албанцевъ и славонъ тысячу сто семьдесятъ восемь человѣкъ, которые пошли по высотамъ горъ и буераковъ; напротивъ встрѣтили ихъ турки конные и пѣшіе и съ ними жъ греки, изъ которыхъ одинъ къ намъ пришелъ; сказывалъ, что они взяли противъ насъ оружіе съ принужденія турокъ, а кто не хотѣлъ, тѣхъ рубили. Сошедшись на высотахъ албанцы съ турками, начали во многихъ мѣстахъ имѣть ружейную перепалку и казалось, что наши во всѣхъ мѣстахъ турокъ прогоняли и занимали ихъ мѣста; но одинъ баталіонъ и славонцы на правомъ крылѣ въ садахъ уступили мѣсто туркамъ и побѣжали; турецкіе конные четыре человѣка гнались за албанцами и славонами и нѣсколько албанцевъ удалось изрубить, только скоро другими подкрѣплены и турокъ прогнали. Видя оное замѣшательство, господинъ контръ-адмиралъ сдѣлалъ сигналъ, чтобъ свозить регулярныхъ солдатъ, которые тотчасъ и свезены подъ командою того жъ инженеръ-маіора Матвѣева, всѣхъ числомъ четыреста семьдесятъ восемь человѣкъ, да егерей пятьдесятъ семь человѣкъ и шесть единороговъ трехъфунтовыхъ; люди поставлены были фронтомъ на берегу, потомъ стали маршировать далѣе и отошедъ нѣсколько, выбравъ ровное мѣсто, стали въ баталіонъ каре; албанцы безпрестанно съ турками имѣли перепалку; потомъ приближались ночью наши регулярныя войска, остались на томъ же мѣстѣ ночевать, да и албанцы и славоны

собрались на тоже мѣсто и расположились по угламъ баталіонъ каре въ безопасныхъ мѣстахъ; въ добычу Албанцами отъ непріятеля получена пушка мѣдная трехъфунтовая одна.

Поутру, по восхожденіи солнца, началась перепалка и турокъ изъ закрытыхъ мѣстъ наши выгоняли, которые принуждены были ретироваться, а напослѣдокъ чрезъ ровное мѣсто прогнали турокъ до самаго форштата; но турецкая конница подкрѣпила своихъ и принудила нашихъ албанцевъ ретироваться назадъ; для чего наши регулярныя войска съ мѣста, гдѣ ночевали, перешли впередъ, на другое мѣсто, и поставлены фронтомъ; въ половинѣ дня съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія утихли, албанцы просили у Матвѣева двухъ единороговъ съ прикрытіемъ оныхъ нашихъ войскъ и бомбардирами, а безъ того они опасаются конницы идти къ форштату; Матвѣевъ въ ономъ съ грубостію отказалъ, а чтобъ они шли безъ орудій, или бъ взяли пушки безъ людей, и въ случаѣ оныхъ потери, оставшіе отвѣтствовалибъ своею жизнію, а онъ съ онаго мѣста съ регулярными войсками и артилеріею, за великими крутыми горками, буераками, густыми садами, рвами и каменными огородами не пойдетъ; но послѣ полудня, часу въ третьемъ, началась у албанцевъ съ турками перепалка, албанцы стали по нѣскольку уступать; видя то, Матвѣевъ послалъ для подкрѣпленія два единорога, подъ прикрытіемъ одной роты; но какъ далѣе огонь умножаться сталъ, такъ что наши единороги и для прикрытія оныхъ солдаты, начали съ непріятелемъ имѣть дѣло, для чего и всѣ регулярныя войска къ мѣсту сраженія идти принуждены были, хотя мѣсто весьма для регулярныхъ войскъ не способно, но принуждены вступить. По приходѣ въ сраженіе, главный командиръ, господинъ Матвѣевъ, раненъ двумя тяжелымы ранами, который, отдавъ команду премьеръ-майору и кавалеру Черемисинову, велѣлъ себя везти на берегъ къ судамъ; потомъ убиты албанскіе лучшіе два майора и одинъ тяжело раненъ, почему албанцы, или не имѣвъ своихъ командировъ, или не вытерпя непріятельскаго жестокаго огня, мѣста же неизвѣстныя, приходили къ загородкамъ и кустамъ, часто сами на непріятельское дуло, а непріятель тѣмъ имѣлъ, какъ и изъ батарей, великій авантажъ; пошли съ мѣста баталіи къ берегу къ судамъ одинъ по одному; наши регулярныя войска одни остались противъ непріятеля, на самомъ дурномъ мѣстѣ; къ томужь; ходя по горамъ и стоя цѣлый день противъ солнца, можно сказать, сгорѣли и оттого обезсилили; но принуждены вступить въ не-

равное сраженіе, хотя изъ-за кустовъ и огородовъ непріятеля и не видятъ, который ихъ вредитъ, палили изъ артиллеріи и ружьевъ по неизвѣстности, а только въ то мѣсто, гдѣ покажется дымъ; да и вѣтръ былъ на наши войска. Вскорѣ послѣ албанцевъ взяли и наши регулярные непорядочную ретираду, также къ судамъ, одинъ по одному, положа ружье на плечо, а иной по ремню, такъ какъ безъ команды ходятъ изъ мѣста въ мѣсто; тутъ были какъ офицеры, такъ и солдаты всѣ равны; артиллерію бомбардиры везти были безсильны, а солдаты никакой помощи имъ не дѣлали; турки, отобравъ единороги безъ всякаго отъ насъ сопротивленія, рады были оной добычѣ; может же и того опасались, чтобъ наши не опомнились и построясь, назадъ не отобрали, за нашими войсками не гнались: но и трудно такихъ людей привесть кому въ порядокъ, которыхъ было часть, или многіе, отъ жара и отъ усталости, и может быть и со страха сошедши съ ума, а другіе шли и падали на земь безъ памяти. Турокъ конныхъ человѣка три или четыре устремившись за нашими, прежде не думали, чтобъ были наши солдаты такъ слабы и необоронительны: проѣдетъ въ сторону мимо солдата раза два, не изготовится ли для сопротивленія; но видя, что наши обороняться и мыслей не имѣютъ, выбирая рубили въ части кого хочетъ; сзади наши идутъ кучами человѣкъ по пятидесяти, смотрятъ безъ всякаго чувства, какъ будто оное до нихъ не принадлежитъ; турокъ одного изрубя поѣдетъ рубить въ куски другаго — спасибо, что еще тѣмъ медлили, каждаго рубили сходя съ лошадей; а иногда, лошадь будучи голодна отъ него уйдетъ ѣсть траву, турокъ ее ловитъ между нашими, но наши смотря на него, проходятъ мимо; и такъ рубили солдатъ покамѣсть подъѣхали подъ пушки фрегатовъ, то ихъ ядрами и картечами отогнали. Ежели бы было турокъ больше, и когда бы они хотѣли, то только стоило ихъ конницѣ человѣкамъ десяти отхватить отъ берега гдѣ наши стояли транспортныя суда и сказать, кто хочетъ быть живъ, тотъ бы шелъ въ крѣпость, и такъ бы наши солдаты были послушливѣе всякой скотины — почти пишу невѣроятное, однако еще не все для нашихъ людей кончилось бѣдствіе. Когда уже пришли подъ защищеніе пушекъ и больше непріятеля не видятъ, лѣзли безъ памяти въ воду, и отъ безсилія падали и тонули въ морѣ, другихъ отъ безумія вязали и перевозили на суда. Еще два офицера и пятнадцать человѣкъ солдатъ молодыхъ и здоровыхъ, пріѣхавъ уже на суда, не чувствуя боли, померли въ одну четверть часа. И такъ несчастливая для

насъ баталія тѣмъ кончилась, потерявъ шесть единороговъ, множество ружей и всякой амуниціи — солдаты, облегчая себя, бросали, что имъ тяжелымъ не казалося. На другой день поутру человѣкъ съ шесть пришли на берегъ и взяты на суда, въ томъ числѣ моей команды двое солдатъ; сказывали, что шедъ, будучи безсильны, упали наземь въ обморокѣ и лежали съ шестаго часа по полудни по пятый часъ по полуночи безъ всякихъ чувствъ; конечно много такихъ подобныхъ досталось непріятелю; сколько же нашихъ людей на непріятельскомъ берегу пропало, потопли въ морѣ и умерли по привозѣ на суда, порознь какихъ чиновъ, при семъ пріобщаю вѣдомость.

Регулярныхъ:

Убиты:

Инженеръ-майоръ Ѳедоръ Матвѣевъ.

Сухопутныхъ и морскихъ:

Капитанъ Григорій Апухтинъ.

Подпоручики:

бомбардирскій — Василій Радиловъ,
армейскій — Козьма Бирюковъ.

Капраловъ	3.
Барабанщиковъ	2.
Флейщикъ	1.
Бомбардиръ	11.
Гренадеръ	6.
Мушкатеръ	52.
Егерей	7.
Итого	86.

Въ морѣ потонули и на судахъ померли:

армейскіе прапорщики:

Иванъ Водолеевъ и Дмитрій Воронцовъ.

Подпрапорщиковъ	2.
Капраловъ	2.
Бомбардиръ	3.
Гренадеръ	3.
Мушкатеръ	9.
Егерей	2.
Итого	23.

Ранены.

Поручики:

бомбардирскій — Николай Вердеревскій; кирасирскій — Михаилъ Карачинскій.

Каптенармусъ	1.
Капралъ	1.
Цырюльникъ	1.
Бомбардиръ	9.
Гренадеръ	3.
Мушкатеръ	23.
Егерей	4.
Итого	44.

Нерегулярныхъ албанской команды.

Убиты:

Майоровъ	2.
Сержантъ	1.
Десятниковъ	4.
Рядовыхъ	24.
Итого	31.

Раненыхъ.

Майоръ	1.
Капитановъ	2.
Поручиковъ	2.
Знаменщиковъ	2.
Сержантовъ	2.
Десятниковъ	12.
Рядовыхъ	44.
Итого	65.

Славонцевъ:

Убитыхъ	5.
Раненыхъ	5.
Итого	10.

А непріятельскій уронъ неизвѣстенъ.

Городъ Станкіо крѣпость имѣетъ хотя старую, однако еще изрядную, пушекъ на ней довольно, много же и большихъ; форштатъ не малый, положеніе мѣста и строеніе хорошее; кругомъ его великіе сады, да и весь островъ изобиленъ разныхъ родовъ фруктами и зелеными плодами: на немъ родятся лимоны, апельсины, померанцы, ананасины, груши, яблоки, гранаты, априкосы, винныя ягоды, черносливъ, арбузы, дыни, огурцы; винограду великія поля и съ великимъ урожаемъ, изъ котораго дѣлаютъ изрядное вино, изюмъ и коринка.

Хлѣба родится довольно; скота, лошадей, быковъ, барановъ великое множество.

Весь же островъ водными источниками и колодезями доволенъ; гдѣ мы высаживали десантъ, у самаго почти берега, четыре колодезя съ хорошей и довольной водой. Купецкія суда, которыя идутъ въ Александрію, или изъ Александріи въ Смирну, въ Константинополь и въ Солонику, онаго острова мимо не проходятъ, ложатся у города на якорѣ для удовольствія себя водой и съѣстными припасами. Якорныя мѣста отъ всѣхъ мѣстъ закрыты, грунтъ хорошій; есть же напротивъ острова на анатолическомъ берегу бухта Бегреро близь Будрума, въ которой множество купецкихъ судовъ, грузятся того мѣста продуктами.

Какъ города Будрума, такъ и города Станкіо съ ихъ рейдами при семъ прилагаю планы.

(Слѣдуютъ планы.)

Въ 9 число августа присланъ къ контръ-адмиралу отъ адмирала пакетботъ «Почталіонъ» съ письмами.

Командиръ пакетбота капитанъ-лейтенантъ Кривцовъ сказывалъ, что онъ будучи въ посылкѣ по анатолическому берегу, высаживалъ какъ отъ себя албанцевъ, такъ съ фелюгъ грековъ, въ лежащія на берегу деревни и нѣсколько оныхъ сжогъ и взялъ въ полонъ одного турка.

Въ 10 число снялась отъ города Станкіо вся эскадра и стала лавировать къ нордъ-весту.

Въ 15 число пришли между Липсо и Аргузскихъ острововъ, вся эскадра легла на якорь, нашли стоящихъ въ Аргузахъ господина адмирала съ эскадрою.

Пришедъ услышали, что корабль «Побѣда» изъ Ливорны пришелъ въ портъ Аузу; прежде бывшіе въ эскадрѣ бригадира и флота капитана Борисова фрегаты и «Нетронь меня» посланы крейсировать къ острову Сириго, для дульциніотовъ; корабль «Побѣда» около перваго числа сентября, по исправленіи своемъ, пойдетъ въ тужъ эскадру въ крейсерство.

Господинъ адмиралъ Спиридовъ былъ съ эскадрой въ Самосѣ по южную его сторону, гдѣ стояли на якорѣ; видомъ положеніе мѣста, древесныхъ разныхъ плодовъ и винограду, болѣе придавало мѣсту красоты и людамъ удовольствіе; только въ лѣтніе мѣсяцы для низкости мѣста и сыраго воздуха, да и вѣтръ въ тѣ мѣсяцы обыкновенно бываетъ сѣверный, который за горами не проходитъ, что сами жители имѣютъ заразу болѣзни, для которой удаляяся, уходятъ изъ деревни на тѣ мѣсяцы въ горы. Гвардіи нѣсколько человѣкъ для веселости ради жили на берегу

все то время, сколько эскадра стояла на якорѣ, нечувствуя болѣзни; но по приходѣ въ Аргузу зачали изъ тѣхъ людей, которые часто были, а больше тѣ, которые жили на берегу, сказываться больными, изъ которыхъ и умирать стали; для чего господинъ адмиралъ, какъ офицеровъ, такъ и рядовыхъ больныхъ сомнительныхъ всѣхъ отдѣля, чтобъ другіе тою болѣзнію не заразились, свесть въ островъ Патмосъ приказалъ, въ нарочно на то сдѣланную госпиталь.

Въ 25 число августа бомбандирскіе «Страшный» и «Молнія», для починки, пошли въ портъ Аузу, а бомбандирскій «Громъ» починился въ Аргузахъ.

Во 2 число сентября отправленъ въ Ливорну фрегатъ «Григорій», на которомъ отпущены гвардіи офицеры: капитанъ Шамшевъ, капитанъ-поручикъ Щепотьевъ, да изъ служителей нѣсколько человѣкъ, которые на войнѣ потеряли руку или ногу. Я просилъ адмирала, чтобъ отпустилъ меня въ Россію, мнѣ отказалъ, а обѣщался отпустить послѣ.

Въ 18 число сентября господинъ контръ-адмиралъ и кавалеръ Елмановъ, съ порученною ему эскадрою, съ кораблемъ «Побѣдоносцемъ», гдѣ имѣетъ свой флагъ, «Трехъ Святителей», «Саратовъ», «Трехъ Іерарховъ», бомбандирскимъ «Громъ», пинкою «Соломбалъ», трекатрами пятью, шамбеками двумя, полугалерами тремя, снялись съ якоря, взяли свой курсъ съ острова Тассо.

Остались въ Аргузахъ господинъ адмиралъ, съ нимъ корабли: «Европа», «Чесма», «Всеволодъ», «Графъ Орловъ», «Ростиславъ», фрегаты: «Сѣверный Орелъ», «Тино», поляка одна, шамбека, сокалевъ и полугалеръ тринадцать.

Въ 19 число, за противнымъ и крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, вся эскадра, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, по южную сторону острова Самоса, легла на якорь, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ господинъ адмиралъ. При насъ на берегу болѣзни почти не было, время то прошло. Мѣстоположеніе ровное и всѣхъ плодоносныхъ деревъ множество, водой изобильно и близко къ морю. Нашли мы тутъ стоящихъ на якорѣ пакетботъ «Почталіонъ» и фрегатъ «Побѣду».

Сего числа было затмѣніе луны, сѣверный край до трехъ четвертей ея діаметра, съ начала седьмаго до исхода девятаго часа.

20 и 22 число сентября, первое для дня рожденія Его Императорскаго Высочества Благовѣрнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя Павла Петровича, со всѣхъ кораблей палено по двадцати по одной пушкѣ; второе для дня коронованія Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, со всѣхъ кораблей палено по тридцати одной пушкѣ.

Въ 25 сентября, отъ контръ-адмирала велѣно кораблю «Трехъ Іерарховъ» идти, для забранія лѣсовъ, въ островъ Скапо, те

оный, для поджиданія пинки, остался у острова Ипсаро, также и крейсирующая эскадра капитана Извѣкова, а мы пошли къ острову Тассо.

29 сентября у острова Евстратія бомбандирскій «Громъ» сдѣлалъ сигналъ, что онъ съ эскадрою держаться не можетъ, почему и велѣно ему идти въ ближній портъ, а съ нимъ посланъ для конвоя корабль «Саратовъ».

Итакъ осталось насъ только два корабля: «Георгій Побѣдоносецъ» и «Трехъ Святителей». Мелкія суда, не вытерпя крѣпости вѣтра разошлись, по способности, въ острова, да и мы пошли по южную сторону острова Метелины и держались вблизи его до третьяго числа октября; но какъ вѣтеръ нимало не стихалъ, то господинъ контръ-адмиралъ, хотя никакихъ выгодъ и удобности, а больше опасности имѣлъ, зашелъ за островъ Ипсаръ, гдѣ только четыре румба отъ сѣверныхъ вѣтровъ закрываютъ, легъ на якорь, гдѣ я и принужденъ съ кораблемъ на сорока-пяти саженяхъ положить якорь. Тутъ нашли эскадру капитана Извѣкова, а корабль «Трехъ Іерарховъ» пошелъ искать пинка, о которомъ послѣ узнали, что они пришли въ островъ Микону, и велѣно имъ отъ адмирала: пинкѣ идти въ Аузу, а кораблю въ Патмосъ, вмѣсто капитана фонъ-Девина, а фонъ-Девинъ съ фрегатомъ для киленованія пошелъ въ Аузу.

Услышали мы отъ капитана Извѣкова, что на фрегатѣ «Надежда Благополучія», вынимая изъ нея мачту, порвался гинь и упадшею мачтою дно проломило, отчего и потонулъ.

Въ 12 октября, пришедъ къ острову Тассо, корабли «Побѣдоносецъ» и «Трехъ Святителей», легли по сѣверную его сторону на якорь.

Въ 17 октября пришли къ намъ корабли «Саратовъ», бомбандирскій «Громъ», легли на якорь; по разлученіи съ нами стояли они въ заливѣ острова Целидромля; бомбандирскій «Громъ» имѣлъ течь въ носу отъ гнилости пеньки, которую исправили.

Въ 22 октября пришелъ къ намъ съ эскадрою господинъ адмиралъ Григорій Андреевичъ Спиридовъ, состоящею въ пяти корабляхъ, легъ на якорь.

Тогожь числа пришли наши полугалерки, нѣсколько шамбекъ и служащихъ у кораблей фелюгъ.

Получилъ я отъ генералъ-адъютанта Апрѣлева письмо, при которомъ присланъ отъ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова господину адмиралу ордеръ, а какого оный содержанія, вношу оригиналомъ.

Ордеръ его высокопревосходительству господину адмиралу и разныхъ орденовъ кавалеру Григорью Андреевичу Спиридову.

Находящагося въ Архипелагѣ флота, господина капитана и кавалера Хметевскаго имѣете ваше высокопревосходительство на первоидущихъ судахъ за провіантомъ, прислать въ *Ливорну*.

На подлинномъ подписалъ : графъ Алексѣй Орловъ, *іюля* 27 дня 1773 года.

Въ 28 октября пришла изъ Аузы поляка, на которой присланы письма, привезенныя англинскимъ судномъ изъ Ливорны и притомъ увѣдомляютъ, что содержащійся въ Константинополѣ въ плѣну главной арміи полковникъ Рѣпнинъ выпущенъ и пріѣхалъ въ портъ Аузу на англинскомъ суднѣ, который и отправился на пинкѣ въ Ливорну.

13 числа ноября, за худостію корабля «Трехъ Святителей», также и по нехорошему ходу бомбандирскаго корабля «Грома», отпущенъ я въ Аузу прежде флота.

Въ 19 число ноября пришелъ я, а послѣ и бомбандирскій «Громъ» въ портъ Аузу, гдѣ нашли стоящіе въ портѣ корабли: «Побѣду», «Нетронь Меня», «Януарій» (перетимбиривають); фрегаты «Сѣверный Орелъ», «Почталіонъ», «Помощный», «Запасный», «Делосъ», «Паросъ» бомбандирскіе: «Страшный», «Молнія», разныхъ судовъ подъ нашими флагами двадцать-пять, нейтральныхъ два. Адмиралъ, за крѣпостію вѣтра въ Аузу не пошелъ, а легъ на якорь между Наксіи и Пароса, а корабль «Саратовъ» пошелъ въ Микону.

Съ прошедшей моей болѣзни, зрѣніе моихъ глазъ стало хуже и за нужное нахожу смотрѣть въ очки.

Въ 21 ноября адмиралъ съ своимъ кораблемъ «Европою», «Побѣдоносцемъ», «Чесмой», «Ростиславомъ» пришелъ въ портъ Аузу, оставя въ каналѣ корабли «Всеволодъ» и «Графъ Орловъ».

Въ 26 число пришелъ въ портъ Аузу небольшой турецкій фрегатъ, взятый близь Родоса, эскадры адъютанта Ризы офицеромъ, называемымъ Пано; турки почти безъ всякаго сопротивленія подошедъ къ берегу, брося фрегатъ, сами уѣхали на берегъ, оттуда Ризо рапортуетъ, что онъ же Пано гнался за турецкою шамбекою; турки, пришедъ къ берегу, выбрались всѣ на берегъ, а шамбеку сожгли; Пано высадилъ своихъ людей на берегъ же, турокъ разбивъ, взялъ въ полонъ грузинокъ дѣвушекъ и нѣсколько мальчиковъ, которые везены были склавами въ Сирію.

(7—30 декабря слѣдуютъ извѣстія о прибытіи разныхъ судовъ въ портъ Аузу.)

Ордеръ отъ господина адмирала и разныхъ орденовъ кавалера Спиридова, писанный декабря 28 числа 1773 года.

Его сіятельство высокоуполномоченный генералъ и кавалеръ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, при отбытіи своемъ въ Ливорну апрѣля 17 числа сего 1773 года, въ ордерѣ своемъ изволилъ написать, что ваше высокоблагородіе, поданнымъ къ его сіятельству доношеніемъ, просились за болѣзнію вашею въ Россію; буде вы не получите никакого отъ болѣзни облегченія, въ такомъ случаѣ уволить васъ господина Хметевскаго на первоидущемъ суднѣ въ Ливорну: но какъ тогда недостатокъ состоялъ на линейныхъ корабляхъ флота капитановъ и по наличію только могло сыскаться мѣсто опредѣлить на корабль «Трехъ Іерарховъ» вновь пожалованнаго флота капитаномъ господина Муратова; и такъ въ тогдашнее время, разсматривая каждаго изъ васъ флота капитановъ требованій въ самой надобности, кого напервѣе отпустити, и ваше высокоблагородіе согласились и отпущенъ господинъ капитанъ Степановъ, а на мѣсто его опредѣленъ означенный господинъ капитанъ Муратовъ; сіе же правда, что въ тогдашнее время и еще были флота господа капитаны, которые бы, какъ порученный вамъ корабль «Трехъ Святителей», такъ и корабль же «Европу» на мѣсто господина капитана Поливанова къ командованію мѣста занять могли; но тогда же изъ тѣхъ господъ капитановъ были назначены въ особыя экспедиціи, и ежели бы съ фрегатовъ опредѣлить на линейные корабли, какъ на вашъ «Трехъ Святителей», такъ и на «Европу» вновь командировъ, то учинились бы промедленія въ опредѣленіи тѣмъ капитанамъ экспедицій, а притомъ и упущеніе, по военному времени, въ нужныхъ случаяхъ дѣлъ; и затѣмъ-то вы, господинъ флота капитанъ, какъ и выше значится, по надобности, которую вы признали первоотпущенному флота господину капитану Степанову, были не отпущены, до окончанія нынѣшней 1773 года компаніи, доколѣ изъ похода сюда въ портъ Аузу пришли, а къ сему времени уже и командующіе фрегатами господа капитаны сюда въ портъ Аузу также прибыли, да и корабль «Трехъ Святителей», подъ командою вашего высокоблагородія находящійся, по генеральному свидѣтельству въ морскомъ хожденіи и въ надобности, и въ нужныхъ приключеніяхъ, болѣе на морѣ служить не способенъ; но со всѣмъ этимъ есть еще здѣсь въ портѣ Аузѣ такой же линейный 66 пушечный корабль «Побѣда», на которомъ флота господинъ капитанъ Новокщеновъ умеръ и погребенъ въ Адріа-

тическомъ морѣ, при островѣ Занто, и на оный корабль потребенъ командиромъ флота капитанъ. Я вышеписанное изъясненіе вашему высокоблагородію для того сдѣлалъ, дабы вы вѣдали, вмѣсто корабля «Трехъ Святителей» есть такой же корабль, называемый «Побѣда», гдѣ вы можете быть командиромъ; но нужно мнѣ знать, по вашимъ болѣзненнымъ припадкамъ, можете ли вы службу продолжать, о чемъ по чести вы можете рапортомъ дать знать, чтобъ во исполненіе его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова повелѣнія, ваше высокоблагородіе въ Россію ль отпустить или опредѣлить на вышеписанный корабль «Побѣду», на что и опредѣленіе на сихъ же числахъ могъ бы сдѣлать и его сіятельству рапортовать.

Вашего высокоблагородія доброжелательный слуга
(на подлинномъ подписано) Григорій Спиридовъ.

Поданный господину адмиралу Спиридову декабря 29 числа рапортъ:

Присланнымъ вашего высокопревосходительства ордеромъ велѣно, по моимъ болѣзненнымъ припадкамъ, могу ли я службу продолжать, о чемъ по чести вашему высокопревосходительству донесть.

И на оное вашему высокопревосходительству съ покорностію моею доношу, что въ поданномъ вашему высокопревосходительству сего года февраля 27 дня отъ меня доношеніи показано: отъ долговременной здѣшней компаніи и всегдашней на морѣ бытности и жаровъ, и отъ головной раны, которую получилъ 1770 года при сраженіи съ турецкимъ флотомъ въ Чесменскомъ каналѣ, отъ которой имѣю въ головѣ боль, глухоту и обмороки, къ томужъ и зрѣніе повредилось, также почечуйную и цынготную въ ногахъ болѣзни, и отъ оныхъ болѣзней пришелъ въ великую слабость, отъ чего имѣю частые припадки; и просилъ тѣмъ доношеніемъ уволить меня нижайшаго въ Россію, гдѣ по природному нашему климату не могу ли получить отъ болѣзни свободы и впредь еще продолжать Ея Императорскаго Величества всеподданнѣйшую мою службу; но съ подачи отъ меня къ вашему высокопревосходительству доношенія и по сіе время, не довольно чтобъ отъ вышеписанныхъ моихъ болѣзней имѣть свободу, но и болѣе отъ тѣхъ болѣзней имѣю припадковъ.

Ордеръ отъ господина контръ-адмирала и кавалера Ельманова, писанный декабря 30 числа 1773 года.

Его высокопревосходительство главнокомандующій флотомъ и войскомъ адмиралъ и кавалеръ Григорій Андреевичъ Спиридовъ ордеромъ мнѣ предписать соизволилъ, что на посланный ордеръ вы рапортомъ отзываетесь: отъ долговременной здѣшней всегда на морѣ бытности и отъ болѣзненныхъ припадковъ пришли въ совершенную слабость, и за тѣмъ службы здѣсь въ Архипелагѣ продолжать далѣе не въ состояніи, а просили увольненія въ Россію; почему вы и увольняетесь въ Ливорну для испрошенія объ отъѣздѣ въ С. Петербургъ отъ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова повелѣнія. Того ради въ силу объявленнаго ордера его высокопревосходительства соблаговолите ваше высокоблагородіе порученный вамъ корабль «Трехъ Святителей» и на немъ команду, какъ оный, по свидѣтельству, къ военной службѣ неблагонадежный, поручить по себѣ первому капитэнъ-лейтенанту и учинить смѣну по регламенту наступающаго 1774 года генваря съ 1 числа, а по отдачѣ для отправленія васъ въ Ливорну съ обстоятельствомъ ко мнѣ рапортовать, для донесенія его высокопревосходительству.

Вашего высокоблагородія
государя моего
покорный слуга.
(на подлинномъ подписано) Андрей Ельмановъ.

(Здѣсь вставленъ списокъ мачтамъ и другимъ принадлежностямъ оснастки корабля «Трехъ Святителей»; потомъ перечисленіе компаній, сдѣланныхъ Хметевскимъ, сначала очень краткое, но съ 1770 г. дѣлающееся болѣе обстоятельнымъ; опуская первую, печатаемъ вторую, обстоятельную, половину послѣдняго списка.)

Въ 1769 году на кораблѣ «Нетронь Меня» изъ Кронштадта до англійскаго порта Порсмута, въ 1770 году на кораблѣ «Святославѣ» изъ Англіи до Архипелага; на обоихъ корабляхъ господинъ контръ-адмиралъ Эльфинстонъ флагъ свой имѣлъ, и былъ въ сраженіи съ сильнымъ турецкимъ непріятельскимъ флотомъ, на рейдѣ города Наполи де-Романи; въ томъ же году опредѣленъ на корабль «Трехъ Святителей»; будучи наономъ, находился при атакѣ бѣгущаго отъ насъ турецкаго флота отъ Мореи въ Архипелагъ, потомъ въ Чесменскій каналъ, въ сраженіи съ сильнымъ непріятельскимъ турецкимъ флотомъ; въ то время аверпемъ отъ камня въ голову раненъ, но командуя кораблемъ имѣлъ сраженіе съ четырьмя турецкими кораблями отъ 60 до

90 пушекъ и одной шамбекой, которые, во время моего корабля на нихъ нападенія, проходилъ меньше пистолетнаго выстрѣла; которые оставя по мнѣ пальбу, отрубивъ свои канаты, ретировались къ порту Чесмѣ; а послѣ того до истребленія всего непріятельскаго флота находился при осадѣ же въ Чесмѣ онаго турецкаго флота; а по сожженіи въ Чесмѣ непріятельскихъ кораблей, былъ при осадѣ острова Лемноса и крѣпости Литоди; а потомъ посланъ въ островъ Тассо для полученія, вмѣсто разстрѣленныхъ при сраженіи моемъ съ непріятельскими вышеобъявленными кораблями, на порученный мнѣ корабль мачты, бушприта, стеньговъ и всѣхъ реевъ; въ островѣ Тассо сдѣлавъ мачту, бушпритъ поставилъ на корабль, также исправилъ перебитые въ сраженіи пушечные станки, колеса и другія на кораблѣ пробитыя мѣста, починками исправилъ; во время заготовленія на корабль нужнаго, командовалъ эскадрою; въ 1771 году находился въ Архипелагѣ въ крейсерствѣ, да для снятія Дарданелъ, Тенедосской и Метелинской крѣпостей при Тенедосѣ, съ крѣпостей производилося по порученному мнѣ кораблю множество выстрѣловъ изъ пушекъ съ ядрами; потомъ былъ же въ Метелинѣ, при осадѣ крѣпости и при сожженіи двухъ непріятельскихъ кораблей адмиралтейства и магазина; въ 1772 году въ Архипелагѣ въ крейсерствѣ, подъ флагомъ господина контръ-адмирала Ельманова, командовалъ эскадрою, на опредѣленномъ мнѣ посту, между Хіо и Метелины, для Смирны, а потомъ въ эскадрѣ господина контръ-адмирала и кавалера Грейка, въ крейсерствѣ и при разбитіи крѣпости Чесмы, и раззореніи города, въ сожженіи нѣсколькихъ домовъ и магазина; въ 1773 году, на кораблѣ жь «Трехъ Святителей» въ Архипелагѣ съ флотомъ, подъ командою господина контръ-адмирала Ельманова, да и самъ отдѣльною командовалъ эскадрою, и содержалъ въ блокадѣ островъ Станкіо.

774 года въ 7 число января вошелъ въ портъ Аузу фрегатъ «Тино».

Въ 14 число корабли «Всеволодъ» и «Графъ Орловъ» вышли изъ порта Маріо на рейдъ острова Миконы.

Въ 16 число вышла изъ гавани французская военная шамбека.

Въ 24 число пришелъ въ портъ Аузу пинкъ «Соломбалъ» изъ острова Самоса, съ нагруженнымъ для корабля лѣсомъ.

Въ 31 число генваря пришли изъ Сиріи фрегаты «Св. Николай» и «Слава», и съ ними нѣсколько полугалеръ и трекатръ.

Мѣсяцъ январь былъ нѣсколько дней дождливъ, съ градомъ.

Мѣсяца февраля въ 7 число пришелъ изъ Сиріи въ портъ Аузу фрегатъ «Надежда,» на которомъ капитанъ Кожуховъ и

съ нимъ нѣсколько шамбекъ и полугалеръ; онъ былъ вмѣстѣ съ Войновичемъ; произшествіе его экспедиціи нижеслѣдующее: когда господинъ Кожуховъ съ эскадрою пришелъ въ Сирію къ городу Каифу, въ мѣсяцѣ іюлѣ, графъ Иванъ Войновичъ съ своей эскадрой стоялъ въ Сури, и какъ о приходѣ господина Кожухова увѣдомился, то онъ Войновичъ, вмѣстѣ съ бывшимъ тогда тамъ гвардіи поручикомъ Баумгартеномъ, пріѣхали къ нему господину Кожухову, его увѣдомили, что Али Бей, къ которому обѣ эскадры отъ флота посланы на помощь противъ его непріятелей, бывъ въ войнѣ съ прежде бывшимъ своимъ слугой, а послѣ и зятемъ роднымъ Махметъ Беемъ, раненъ и отъ той раны умеръ; остался его союзникъ и нашъ Шехдаеръ Омеръ, прежде по приходѣ, Войновичу, а потомъ и Кожухову представилъ, какъ оные командиры эскадры присланы для помощи его союзнику Али-Бею, котораго нынѣ въ живыхъ нѣтъ, то предложилъ, чтобъ они помогли вновь его союзнику, а потомъ и нашему, князю Друзскому взятьемъ изъ его владѣнія города Байрута, которымъ взбунтовавъ, завладѣлъ его князя Друзскаго подданный губернаторъ Чезаръ Бей, на что господинъ Кожуховъ согласился и пошелъ съ своей эскадрой для соединенія съ графомъ Войновичемъ къ городу Санде, а оттуда пошли всѣ къ городу Байруту, гдѣ остановились на якоряхъ, дѣлали съ княземъ Друзскимъ договоръ; въ договорѣ положено, чтобъ русскимъ взять городъ Байрутъ и отдать ему князю, безъ всякаго города грабежа, за что онъ князь обѣщался и утвердилъ контрактомъ дать триста тысячь піастровъ и притомъ еще обѣщалъ своимъ войскомъ помогать, когда сдѣланы будутъ въ городъ бреши; и какъ съ обѣихъ сторонъ условились, то напервѣе положено городъ атаковать съ морской стороны фрегатами, чтобъ жителей обратить на себя, а между тѣмъ высадить десантъ и дѣлать батареи; почему фрегаты: «Надежда,» «св. Николай,» «св. Павелъ,» «Слава,» «Наксія,» шамбека «Забіяка,» подошедъ въ близость города, легли на шпрингъ; то время городъ ихъ никакъ не тревожилъ; но какъ наши изготовясь, начали производить по городу пальбу, то отъ нихъ началась же жестокая пальба; хотя съ морской стороны на городовой стѣнѣ девять было пушекъ, изъ которыхъ одна только 35 фунтовая, а другія 3-хъ и 4-хъ фунтовъ, только стрѣляли цѣльно и проворно, отъ чего «св. Павелъ,» «Слава,» «Наксія,» а потомъ и «Николай» принуждены отойти прочь, да и «Надежда,» бывъ въ сраженіи, въ третьи сутки отошла; фрегатъ «Надежда больше всѣхъ получилъ отъ непріятеля ядеръ, а особливо въ ватерлинію, отъ чего всю ее раздробило, какъ отъ непріятель-

скихъ ядеръ, такъ и отъ великой своей пальбы — они разстрѣляли почти весь порохъ и ядра, отъ чего въ фрегатѣ «Надежда» сдѣлалась великая течь, съ которой и въ Аузу пришелъ; безнадежно было, чтобъ оный фрегатъ впредь къ военнымъ дѣйствіямъ былъ годенъ. Когда производилась по городу съ фрегатовъ пальба, въ то время высаженъ нашъ на берегъ десантъ, состоящій изъ 700 человѣкъ албанцевъ, грековъ и славонъ и съ ними свезены 12 фунтовыхъ пушекъ двѣ, шестифунтовыхъ пушекъ двѣ и при нихъ для управленія оными морскіе канониры, весь оный десантъ, подъ командою гвардіи поручика Баумгарта, вышедъ на берегъ отъ непріятеля безпрепятственно, по правую сторону, сдѣлалъ двѣ батареи: одною командовалъ волжиръ баронъ Паленъ, другою Баумгартъ; съ которыхъ начали палить по городу; князь Друзскій стоялъ съ своимъ войскомъ, состоящимъ отъ 3 до 4-хъ тысячь Друзовъ, позади нашего десанта верстахъ въ трехъ, первые два дня; а потомъ день ото дня стали умаляться и уходили по домамъ въ свои деревни; но когда наши чрезъ десять дней сдѣлали бреши, но сдѣлать было не трудно: стѣна города тонкая, больше похожа на ограду, — то требовали отъ князя помощи идти въ городъ, князь людей своихъ сколько ни уговаривалъ, только они идти въ городъ отказались; наши представляли имъ, что они пойдутъ напередъ, но и на то не согласились: можетъ быть, или идти побоялись, или потому, что наши взять городъ за вышеписанную цѣну обязались, и напослѣдокъ всѣ Друзы ушли, оставя однихъ нашихъ; князь въ томъ извинялся: онъ бы помогать радъ, но его люди не слушаютъ; наши войска видя себя противъ города безсильными, въ городъ идти одни опасались превосходной непріятельской силы, да еще и боялись сдѣлать и ретираду на суда, чтобъ чрезъ то не вывесть изъ города на себя вылазки, то употребили хитрость нѣкоторыми договорами съ Чезаръ Беемъ, который былъ согласенъ въ то время договариваться, когда мы возмемъ съ берега десантъ свой на суда, нашимъ было то и надобно: пушки и десантъ порядочно перевезли на суда; а по свозѣ былъ договоръ съ Чезаръ Беемъ, но онъ нашимъ дать ничего не хотѣлъ, какъ только быть союзникомъ, какъ прочіе Беи; но нашимъ Чезаръ-Беевъ союзъ весьма былъ не авантаженъ, а желаніе состояло въ томъ, толькобъ взять триста тысячь піастровъ; но какъ видя Беево упорство, а свое противъ его безсиліе, то набрали албанцевъ и грековъ до трехъ сотъ человѣкъ, съ подкрѣпленіемъ нѣсколькихъ полугалеръ, высадили по лѣвую сторону города Байрута, для треложенія и безпокойствъ выходящихъ изъ го-

рода жителей; изъ города были двѣ вылазки, которыя съ добрымъ успѣхомъ, съ подкрѣпленіемъ и съ полугалерами, прогнаты, съ потерею непріятелей. Въ городѣ хотя въ нѣкоторыхъ съѣстныхъ припасахъ и недостатокъ, однако Чезаръ Бей города никакъ не хотѣлъ отдать; видя наши свои неудачи, прибѣгнули съ просьбою къ Шердаеръ Омеру, чтобъ онъ помогъ или своимъ войскомъ, или бы уговорилъ Чезаръ Бея отдать городъ; Шердаеръ Омеръ въ бѣдность нашихъ вступился, писалъ Чезаръ Бею, чтобъ отдалъ городъ, онъ его принимаетъ къ себѣ въ службу, а ежели города не отдаетъ, то онъ пойдетъ для вспоможенія Русскимъ съ своимъ войскомъ; перваго посла онъ не послушалъ, а по другому, вмѣстѣ съ нашими къ Даеръ Омеру, для договора ѣхать согласился, почему вмѣстѣ и ѣздили на полугалерѣ; на договорѣ положено: чтобъ Чезаръ Бею отдать городъ и выйти съ своимъ войскомъ съ ружьемъ и амуниціей, а нашимъ войти въ городъ и взять подъ свой караулъ, почему оное число и учинено: Чезаръ Бей съ своимъ войскомъ изъ города вышелъ какъ выйти положено, а господинъ Кожуховъ въ оный городъ вступилъ, караулъ и россійскіе флаги на крѣпостяхъ поставилъ и объ ономъ далъ знать князю Друзскому, по чему князь пріѣхалъ и поздравленъ былъ съ города изъ нѣсколька пушекъ и по договору за триста тысячь піастровъ оный городъ получилъ, которыя деньги всѣ безъ остатка по частямъ по себѣ господинъ Кожуховъ раздѣлилъ, изъ которыхъ ему достались 22 тысячи піастровъ, кромѣ призовыхъ и другихъ посторонниxъ разныхъ вещей; въ казну же изъ оной контрибуціи, или лучше сказать найму, ничего не досталось, въ великомъ убыткѣ, потерявъ почти фрегатъ «Надежду,» который сдѣлался безнадеженъ, также и другіе фрегаты требуютъ великихъ починокъ, разстрѣляли весь порохъ, ядры, книпели и картечи на всѣхъ, сколько ихъ ни было, судахъ безъ пользы казнѣ, восемь мѣсяцевъ покупая дорогою цѣною провіантъ. При блокированіи города Байрута убитыхъ: флотскій лейтенантъ Калниковъ, морскихъ баталіоновъ прапорщикъ славонинъ Войновичъ, русскихъ рядовыхъ 18 человѣкъ; ранено: волжиръ баронъ Паленъ, изъ грековъ поручикъ Саблинъ, албанскій капитанъ; всѣхъ убитыхъ и раненыхъ съ греками и славонами до 100 человѣкъ.

Беи черезъ свой союзъ получили, чтобъ ихъ Россія защищать и въ нужныхъ случаяхъ помогать; ихъ коммерція во всемъ Левантѣ вольная.

Въ 8 число февраля пришелъ изъ Ливорны въ портъ Аузу фрегатъ «Минерва», на которомъ привезено извѣстіе, что адми-

ралъ Спиридовъ отставленъ отъ службы съ полнымъ адмиральскимъ жалованьемъ.

Ордеромъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, велѣно въ Россію командировать матрозъ и унтеръ-офицеровъ отъ 300 до 350 человѣкъ, почему и командированы для отвоза на фрегаты: «Григорій», «Страшный», «Минерва»; тогожь числа вышелъ изъ гавани въ крейсерство корабль «Побѣда».

Въ 23 число корабль «Трехъ Святителей» отдалъ по себѣ первому капитанъ-лейтенанту Сорневу.

Въ 24 число переѣхалъ я на корабль «Европу», для отправленія въ Ливорну, экипажъ и людей посадилъ на фрегатъ «Григорій».

Въ 25 число адмиралъ Спиридовъ отдалъ команду вице-адмиралу Ельманову, флагъ свой спустилъ ночью.

Въ 27 число февраля корабль «Европа» и съ нимъ идущіе въ Ливорну фрегаты «Григорій», «Страшный», (а «Минерва» на нѣсколько дней оставлена, пробыть въ Аузѣ); да въ крейсерство, фрегаты же «Сѣверный Орелъ», «Африка» и «Тино» вышли изъ порта Аузы.

Во 2 число марта при вѣтрѣ снялись, какъ корабль «Европа», такъ и фрегаты и пошли по сѣверную острова Пароса сторону.

Въ 4 число съ полуночи до 5 часовъ утра лежали въ дрейфѣ, для темности ночи проходить мимо острова Сириго.

Въ 8 часовъ утра, прошли островъ Сириго; на немъ у мысу Сириги есть небольшой заливъ, въ которомъ, кромѣ мелкихъ судовъ, отъ вѣтровъ стоять не можно: стоялъ однажды нашъ фрегатъ «Надежда благополучія» съ великою опасностію; у того залива есть селеніе и небольшая крѣпость, вокругъ города много разныхъ запаханныхъ полей и оливковыхъ деревьевъ.

Въ ночь на 5 число отстали отъ насъ фрегаты; 5 или 6 числъ былъ крѣпкій штормъ; на 7 число съ 11 часовъ вечера по 6 часъ утра лежали въ дрейфѣ, чтобъ въ темнотѣ не приблизиться къ Сициліи; въ пять часовъ снялись при вѣтрѣ съ дрейфа, въ 7 часовъ утра увидѣли Месинскій проливъ, вѣтръ при перемѣнѣ сталъ быть тихій. Шедъ въ Месинскій проливъ, примѣчать должно кромѣ горы, которая бываетъ часто густымъ воздухомъ покрыта, такъ какъ и мы ее не видали, то на берегу Калабріи въ половинѣ горъ стоитъ раздвоясь вверху камень, хотя не гораздо высокъ, но довольно примѣтенъ; на сицильскомъ берегу два селенія, одно отъ другаго не подалеку, которое селеніе имѣетъ холмъ и на холму церковь со спицомъ и кругомъ ограда.

Въ 4 число пополудни прошли месинской проливъ, въ ономъ же проходѣ должно примѣчать, когда войдешь въ проливъ, то вѣтеръ въ ономъ рѣзче, нежели какъ прежде былъ и не тотъ, который на открытомъ морѣ; на берегу Калабріи неаполитанскій городъ, презрядная крѣпость и форштатъ; на сицильскомъ берегу Месина, хорошій и не малый городъ, прежде въ немъ былъ моръ и отъ того и нынѣ еще много домовъ пустыхъ; въ ономъ же городѣ множество какъ мужскихъ, такъ и женскихъ католическихъ монастырей, которые величиной и великолѣпнымъ строеніемъ немалую часть города составляютъ; къ морю крѣпость довольно велика и хороша; по близости крѣпости хорошая гавань, которая отъ всѣхъ вѣтровъ закрыта, въ которой военныхъ кораблей до двадцати, кромѣ купеческихъ, помѣститься можетъ; по оной гавани къ морю подѣланы батареи; но совсѣмъ тѣмъ мѣсто, сказываютъ, нездоровое; на выходѣ пролива, когда идешь къ N, то поперегъ всего пролива спорное теченіе такъ сильно бываетъ, что при тихихъ вѣтрахъ судно не слушаетъ руля и вертитъ въ теченіи по своей волѣ, такъ что приноситъ близко къ берегу, чрезъ то дѣлаетъ опасность; якоря за глубиною бросить не можно.

Въ 9 число марта противнымъ вѣтромъ въ 10 часовъ утра прошли островъ Стромболо, оставя его въ лѣвой сторонѣ; какъ изъ онаго острова, такъ неподалеку лежащаго жъ острова Вулкана выходитъ, почти изъ вершинъ оныхъ, густой дымъ и по ночамъ видно, какъ изъ оныхъ пропастей выкидываетъ огонь.

Въ 15 число марта пришли мы съ кораблемъ, въ 9 часовъ утра, въ самой близости по сторону острова Монтекристо.

Тогожъ числа въ 3 часа послѣ полудня прошли между острововъ Планозы и Эльбы; островъ Планоза не жилой, по причинѣ раззоренія отъ Барбарцовъ; видно еще на ономъ островѣ развалины крѣпости и жилья.

Островъ Эльба, въ немъ три владѣнія: первое принадлежитъ герцогу Тосканскому, въ которомъ портъ Ферае; второе герцогу Калибричискому, портъ Лангони; третья часть принадлежитъ герцогинѣ Піэмбинской; а весь островъ очень малъ и не болѣе лежащаго въ Архипелагѣ, знакомаго намъ, острова Пароса.

Въ 16 число марта, послѣ полудня въ 6 часовъ, пришли мы на Ливорнскій рейдъ, на которомъ стоитъ пришедшая изъ Россіи наша эскадра, состоящая въ одномъ 70 пушечномъ кораблѣ «Исидорѣ», на которомъ контръ-адміралъ Грейгъ флагъ свой имѣетъ, капитанъ Сурминъ, шестидесятныхъ три: «Женъ Мироносицъ», капитанъ Тарасъ Вороновъ; на «Александрѣ Невскомъ», Мусинъ Пушкинъ, на «Дмитріи Донскомъ» Поярковъ, на фрегатѣ Поваляшинъ; фрегатъ «Наталія» остался въ Англіи съ больными, на которомъ командиръ капитанъ-поручикъ Боде; какъ скоро положили мы якорь, то изъ Ливорны пріѣхалъ капитанъ надъ пор-

томъ, спрашивалъ, откуда мы пришли и сколько времени шли и какъ называютъ корабль и командира; для присмотра, чтобъ мы не мѣшались съ другими, нашимъ на кораблѣ людямъ опредѣлена лодка.

Въ 7 число пріѣхалъ поздравлять насъ городской комендатскій хоръ музыки, которая нѣсколько штукъ проиграла подъ кормой, за что получила денежную плату. Въ 11 часовъ утра пріѣхалъ контръ-адмиралъ Ирудефордъ подъ корму корабля поздравить адмирала.

Тогожь числа салютовалъ корабль Ливорнской крѣпости, съ оной отвѣтствовано тожь число.

Въ вечеру того же дня пришли наши фрегаты «Григорій», «Страшный», легли на якорь.

Въ 20 число марта пришелъ изъ Архипелага фрегатъ «Николай.»

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА *съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и проч.* *Изданіе* П. В. Анненкова. *Томы I и II. Спб. 1855.*

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Нетерпѣливое ожиданіе, настоятельная потребность русской публики наконецъ удовлетворяется. Два первые тома новаго изданія твореній великаго нашего поэта явились въ свѣтъ; остальные томы скоро послѣдуютъ за ними.

Событіями, радостными для всѣхъ образованныхъ людей русской земли ознаменовано начало 1855 года: въ одной столицѣ юбилей Московскаго Университета, столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи; въ другой столицѣ достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики — какія торжества для русской науки и литературы!

Вполнѣ понимая всю важность такого событія, какъ изданіе сочиненій Пушкина, спѣшимъ отдать о немъ отчетъ публикѣ.

Мы не будемъ говорить о значеніи Пушкина въ исторіи нашего общественнаго развитія и нашей литературы; не будемъ и разсматривать съ эстетической точки зрѣнія существенныя качества его произведеній. На сколько то возможно для настоящаго времени, историческое значеніе Пушкина и художественное

достоинство его творенiй ужь оцѣнено и публикою и критикою. Пройдутъ годы прежде, нежели другiя литературныя явленiя измѣнятъ настоящiя понятiя публики о поэтѣ, который навсегда останется великимъ. Потому пройдутъ годы прежде, нежели критика будетъ въ состоянiи сказать о его творенiяхъ что-нибудь новое. Мы можемъ теперь только изучать личность и дѣятельность Пушкина на основанiи данныхъ, представляемыхъ новымъ изданiемъ.

Мы не будемъ обращать вниманiя и на неизбѣжные недостатки новаго изданiя. Мы можемъ говорить только о томъ, что даетъ намъ издатель, и до какой степени удовлетворительно исполняетъ онъ то, что могъ исполнить.

Итакъ, прежде всего скажемъ о системѣ и границахъ новаго изданiя.

Основанiемъ ему послужило посмертное изданiе «Сочиненiй Александра Пушкина» въ 11 томахъ. Но это посмертное изданiе, какъ извѣстно, было сдѣлано небрежно, по дурной системѣ, съ пропусками многихъ произведенiй, съ неправильностями въ текстѣ, съ произвольнымъ и часто ошибочнымъ расположенiемъ произведенiй по рубрикамъ, которыя только затрудняли изученiе и самыхъ сочиненiй и постепеннаго развитiя генiя Пушкина. Потому обязанностью г. Анненкова было исправленiе недостатковъ въ новомъ изданiи. Онъ говоритъ объ этомъ такъ:

Первою заботой новаго изданiя должно было сдѣлаться исправленiе текста изданiя предшествующаго; но это, по важности задачи, не могло произойти иначе, какъ съ представленiемъ доказательствъ на право поправки или измѣненiя Отсюда система примѣчанiй, допущенная въ настоящее изданiе. Каждое изъ произведенiй поэта, безъ исключенiя, снабжено указанiемъ, гдѣ впервые оно явилось, какiе варiанты получило въ другихъ редакцiяхъ при жизни поэта, и въ какомъ отношенiи съ текстомъ этихъ редакцiй находится текстъ новаго изданiя. Читатель имѣетъ, такимъ образомъ, по возможности, исторiю внѣшнихъ и, отчасти, внутреннихъ измѣненiй, полученныхъ въ разныя эпохи каждымъ произведенiемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданiя, изъ коихъ наиболѣе яркiе исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранiя сочиненiй Пушкина. Многiя изъ стихотворенiй и статей поэта (особенно тѣ, которыя явились въ печати послѣ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны числовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренiя (Предисловие къ II тому).

За исправленіемъ текста последовало дополненіе его: издатель воспользовался всѣми указаніями о пропущенныхъ въ посмертномъ изданіи произведеніяхъ Пушкина, когда либо напечатанныхъ, пересмотрѣлъ всѣ альманахи и журналы, въ которыхъ Пушкинъ помѣщалъ свои стихотворенія и статьи; но этимъ не ограничились пополненія: въ распоряженіе издателя поступили всѣ бумаги, оставшіяся послѣ Пушкина, и онъ извлекъ изъ нихъ все, что еще оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Наконецъ къ библіографическимъ примѣчаніямъ и варіантамъ, о которыхъ говорили мы выше, прибавилъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, объясненіе случаевъ и поводовъ, по которымъ было написано извѣстное произведеніе.

Вмѣсто прежняго спутаннаго и произвольнаго раздѣленія по мелкимъ и неточнымъ рубрикамъ, составлявшаго одинъ изъ существенныхъ недостатковъ посмертнаго изданія, принялъ онъ строгій хронологическій порядокъ, съ распредѣленіемъ произведеній по немногимъ отдѣламъ, которыя приняты во всѣхъ лучшихъ европейскихъ изданіяхъ классическихъ писателей и указываются удобствомъ для читателей, эстетическими понятіями и сущностью дѣла:

I. Стихотворенія. Отдѣлъ первый—лирическія, отдѣлъ второй — эпическія, отдѣлъ третій — драматическія произведенія.

II. Проза. Отдѣлъ первый—Записки Пушкина: a) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ; b) Остатки записокъ Пушкина въ строгомъ смыслѣ (автобіографическихъ); c) Мысли и замѣчанія; d) Критическія замѣтки; e) Анекдоты, собранные Пушкинымъ; f) Путешествіе въ Арзрумъ. Отдѣлъ второй — романы и повѣсти (здѣсь же и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»). Отдѣлъ третій — журнальныя статьи, напечатанныя въ посмертномъ изданіи и напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ посмертное изданіе (одиннадцать статей). Отдѣлъ четвертый — Исторія Пугачевскаго бунта съ приложеніями и невошедшею въ посмертное изданіе антикритическою статьею по поводу этого сочиненія.

Затѣмъ (говоритъ издатель) въ рукописяхъ Пушкина отыскано множество отрывковъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, нѣкоторое число небольшихъ пьесъ и продолженія или дополненія его произведеній. Всѣ эти остатки помѣщены въ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» и въ приложеніяхъ къ нимъ.

Объяснивъ такимъ образомъ порядокъ и систему, положенныя въ основаніе новаго Сборника, издатель нисколько не скрываетъ отъ себя, что найдется еще много упущеній и недосмотровъ, какъ въ

примѣчаніяхъ къ произведеніямъ нашего автора, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Совсѣмъ тѣмъ издатель смѣетъ питать надежду, что при системѣ, взятой для новаго изданія, всякая поправка свѣдущей и благонамѣренной критики скорѣе можетъ быть приложена къ дѣлу, чѣмъ прежде. Арена для библіографической, филологической и исторической критики открыта. Общимъ дѣйствіемъ людей опытныхъ и добросовѣстныхъ ускорится время изданія сочиненій народнаго писателя нашего, вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. (Предисловіе къ II тому).

Критика новаго изданія должна согласиться съ этою скромною и безпристрастною его оцѣнкою, данною самимъ издателемъ. Оно лучшее изданіе, какое могло быть сдѣлано въ настоящее время; недостатки его неизбѣжны, достоинства его—огромны, и вся русская публика будетъ благодарна за нихъ издателю.

Изъ вышедшихъ двухъ первыхъ томовъ новаго изданія, первый заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» съ его портретомъ (гравиров. Уткинымъ, въ 1838 году) и слѣдующими приложеніями: 1) Родословная А. С. Пушкина; 2) Сказки (три) Арины Родіоновны, записанныя Пушкинымъ; 3) Французскія письма (два) Пушкина по поводу «Бориса Годунова»; 4) и 5) Послѣднія минуты Пушкина, описанныя Жуковскимъ, и выписка изъ біографіи Пушкина, составленной г. Бантышемъ-Каменскимъ; 6) Пушкинскій переводъ XXIII пѣсни Аріостова «Orlando Furioso» (строфы 100—112); 7) Дополнительныя октавы къ повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ» (15 октавъ); 8) Продолженіе повѣсти «Рославлевъ»; 9) Замѣчанія на Слово Полку Игоревѣ. Второе, третье, шестое, седьмое, восьмое и девятое приложенія въ первый разъ являются въ печати. Наконецъ къ этому тому приложены семь fac-simile Пушкина: 1) Почеркъ его въ 1815 г.; 2) Почеркъ его въ 1821 г.; 3) Листокъ изъ тетради, содержащій первый оригиналъ «Полтавы»; 4) Тотъ же листокъ, начисто переписанный; 5) Рисунокъ съ послѣдней страницы сказки: «Купецъ Остолопъ»; 6) Рисунокъ, сдѣланный Пушкинымъ при повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ; 7) Проэктъ заглавнаго листа для драмъ и драматическихъ отрывковъ. Эти снимки исполнены прекрасно.

Второй томъ заключаетъ лирическія стихотворенія Пушкина съ 1814 по 1830 годъ (включительно) съ примѣчаніями издателя.

Прежде, нежели займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ изданныхъ томовъ, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ

изданія. Форматъ его — большое in-octavo, нѣсколько болѣе формата нашихъ журналовъ. Шрифтъ текста очень удобный для чтенія, крупный и убористый. Сообразно формату, томы имѣютъ приличную полноту — болѣе тридцати печатныхъ листовъ каждый; такъ что вообще внѣшній видъ изданія должно назвать приличнымъ и удовлетворительнымъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію содержанія изданныхъ томовъ, и, во первыхъ, къ изученію «Матеріаловъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина», составленныхъ издателемъ, г. П. В. Анненковымъ, и занимающихъ первый томъ.

Значеніе и достоинства біографіи А. С. Пушкина, составленной г. Анненковымъ, полнѣе будутъ высказываться самымъ изученіемъ ея содержанія, которое представляютъ наши статьи; теперь же скажемъ о ея характерѣ только нѣсколько словъ. Это первый трудъ, который надлежащимъ образомъ удовлетворяетъ столь сильно развившемуся въ послѣднее время стремленію русской публики познакомиться съ личностями дѣятелей русской литературы и образованности. Потребность эта ужь вызвала довольно много монографій, отличающихся основательностью и подробностью библіографическихъ и біографическихъ изслѣдованій. Публика приняла эти первые опыты съ живымъ сочувствіемъ, но не могла не видѣть въ нихъ важныхъ недостатковъ. Какъ и всякое новое направленіе, стремленіе къ подробнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ отечественной литературы было неумѣренно въ своихъ проявленіяхъ. Каждая личность, по чему нибудь обращавшая на себя вниманіе трудолюбивыхъ изъискателей, показалась имъ необыкновенно важною, заслуживающею самыхъ подробныхъ трактацій; каждый новый фактъ, ими отъисканный, имъ казался чрезвычайно интереснымъ для всей публики, какъ бы мелоченъ въ сущности ни былъ. Потому почти всѣ монографіи, являвшіяся въ послѣднее время, страдали важными недостатками и по содержанію и по формѣ. Растерявшись во множествѣ мелочныхъ подробностей, каждый авторъ былъ не въ силахъ обработать предметъ съ общей точки зрѣнія, и обременялъ свою статью безчисленными библіографическими подробностями, среди которыхъ утомленный читатель совершенно запутывался; вмѣсто цѣльныхъ трудовъ давались публикѣ отрывки черновыхъ работъ, со всѣми мелочными сличеніями буквъ и стиховъ, среди которыхъ или тонула или принимала несвойственные ей размѣры всякая общая мысль. Однимъ словомъ, вмѣсто изслѣдованій о

замѣчательныхъ явленіяхъ литературы, представлялись публикѣ отрывочныя изъисканія о маловажныхъ фактахъ; вмѣсто ученаго труда въ его окончательной формѣ представлялся весь необозримый для читателя процессъ механической предварительной работы, которая только должна служить основаніемъ для картинъ и выводовъ, изъ нея возникающихъ. Не такова біографія Пушкина, которую будетъ читать русская публика при новомъ изданіи его твореній. Она говоритъ не о какой нибудь темной личности, которая привлекла вниманіе изслѣдователя только потому, что была забыта, но забыта была только потому, что не заслуживала вниманія потомства. Творенія Пушкина, создавшія новую русскую литературу, образовавшія новую русскую публику, будутъ жить вѣчно, и вмѣстѣ съ ними незабвенною навѣки останется личность Пушкина. Важный трудъ, который знакомитъ насъ съ нею, представляется г. Анненковымъ въ совершенно обработанной литературной формѣ. Кропотливая мелочная работа сличеній и поисковъ, ему предшествовавшая, не выставляется на первомъ планѣ, затемняя для читателя черты великаго писателя и его трудовъ; изслѣдователь даетъ намъ завершенную картину жизни и творчества Пушкина. Сличенія годовъ, буквъ и отдѣльныхъ стиховъ отнесены въ примѣчанія, если нужны для полноты составитель біографіи далъ читателямъ не черновыя свои бумаги, а жизнеописаніе, возведенное окончательною обработкою къ формѣ литературнаго произведенія. Его работа должна послужить для нашихъ изслѣдователей исторіи литературы образцомъ біографій.

Приступимъ же къ ея изученію, чтобы ближе познакомиться съ Пушкинымъ. Не будемъ при этомъ утомлять читателей сличеніемъ матеріаловъ, представляемыхъ г. Анненковымъ, съ прежними статьями и отрывками о жизни Пушкина, разбросанными по журналамъ, потому что всѣ эти отрывки теряютъ теперь свою важность. Мы коснемся этого впослѣдствіи — и то въ такомъ только случаѣ, если откроемъ въ трудѣ г. Анненкова какое-либо значительное упущеніе, которое будемъ въ состояніи пополнить съ помощію новыхъ матеріаловъ.

О дѣтствѣ и лицейскихъ годахъ жизни Пушкина было въ послѣднее время сообщено русской публикѣ много свѣдѣній; потому не будемъ долго останавливаться на этомъ періодѣ, и передадимъ читателямъ только немногія изъ интересныхъ подробностей, представляемыхъ новою біографіею.

Многія черты въ характерѣ Александра Сергѣевича перешли къ нему по наслѣдству отъ Сергѣя Львовича. Отецъ поэта былъ блестящій, остроумный, неистощимый собесѣдникъ и съ увлеченіемъ

предавался удовольствіямъ общества; беззаботность его характера доходила до разсѣянности, о которой г. Анненковъ приводитъ два анекдота. Однажды Сергѣй Львовичъ, любившій, сидя у камелька, мѣшать огонь, явился на разводъ съ обгорѣлою тростью, и получивъ за это отъ начальника замѣчаніе: «ужь вамъ бы, г. поручикъ, лучше явиться съ кочергою на ученье:» жаловался потомъ женѣ на тяжесть военной службы. Въ другой разъ, отправляясь на придворный балъ, онъ позабылъ перчатки и потому не могъ танцовать. Изъ анекдотовъ, о его остороумныхъ отвѣтахъ приведемъ слѣдующій. Какая-то очень полная иностранка вздумала въ насмѣшку спросить его: «правда ли, mr. Пушкинъ, что вы, русскіе, людоѣды и ѣдите медвѣдей?» «Нѣтъ, Madame, отвѣчалъ Сергѣй Львовичъ: мы ѣдимъ коровъ, какъ напримѣръ вы.»

До семи лѣтъ А. С. Пушкинъ своею вялостью, тучностью, неповоротливостью, неподвижностью приводилъ въ отчаяніе родныхъ; потому отъ него не ожидали ничего въ будущемъ; потому даже не столько ласкали его, какъ сестру и младшаго брата. Учился онъ плохо, надѣясь на свою огромную память, повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали прежде, и не могъ ничего отвѣчать, когда спрашивали его первымъ. Но съ девятаго года развилась у него страсть къ чтенію; онъ день и ночь проводилъ въ библіотекѣ отца, наполненной французскими писателями XVII и XVIII столѣтій. Скоро пробудилась у него и страсть къ авторству. Все его воспитаніе было ведено на французскомъ языкѣ; отецъ поэта писалъ множество легкихъ французскихъ стиховъ для развлеченія въ обществѣ; потому и молодой Пушкинъ началъ писать не порусски, а по французски. Сначала импровизировалъ онъ комедіи въ мольеровскомъ родѣ, потомъ задумалъ шутливую поэму въ 6 пѣсняхъ, описывавшую битвы карликовъ и карлицъ — она была сожжена обидѣвшимся авторомъ, когда учитель расхохотался, прочитавъ первыя страницы; но начало поэмы сохранилось въ памяти читавшихъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Ou maint guerrier périt, ou Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible éscarmouche.

Вотъ первые стихи, оставшіеся намъ отъ дѣтства Пушкина. Ему въ это время могло быть около десяти лѣтъ. Французскіе стихотворенія продолжалъ онъ писать и въ Лицеѣ. Слѣды пріобрѣтенной въ дѣтствѣ привычка писать и думать по французски остались въ Пушкинѣ на всю жизнь; изъ множества примѣровъ, находи-

мыхъ въ «Матеріалахъ», приведемъ нѣкоторые. Не говоримъ ужь о томъ, что часто Пушкинъ писалъ къ роднымъ своимъ французскія письма (Сергѣй Львовичъ выражаетъ свое радостное согласіе на бракъ сына также французскимъ письмомъ); еще замѣчательнѣе то, что въ русскихъ письмахъ, даже въ замѣткахъ набросанныхъ въ черновыхъ тетрадяхъ для памяти, Пушкинъ безпрестанно перемѣшиваетъ русскія фразы съ французскими. Г. Анненковъ говоритъ:

Въ бѣглыхъ замѣткахъ, писанныхъ для себя наскоро, чудно мѣшаются у него оба языка, смотря потому, какой пришелъ первый на мысль.... Почти нѣтъ замѣтки въ его бумагахъ безъ галлицизмовъ и французскихъ фразъ. Вотъ, напримѣръ, замѣчательный образецъ этого смѣшенія: «Главная прелесть романовъ W. Scot состоитъ въ томъ, «что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ не съ enflure фр. «трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ dig-«nité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не похо-«дятъ, какъ герои французскіе, на холопей, передразнивающихъ la «dignité et la noblesse Ils sont familiers dans les circonstances ordinai-«res de la vie, leur parole n'a rien d'affecté. de théâtral, même dans «les circonstances solennelles, car les grandes circonstances leur sont «familières».... Пушкинъ сознавался, что писать по русски все-таки трудъ.

Приготовляя замѣтки, изъ которыхъ хотѣлъ составить предисловіе къ «Борису Годунову», онъ набрасываетъ ихъ по французски. Написавъ стихотвореніе «Обвалъ», онъ объясняетъ его заглавіе въ черновой тетради, прибавляя въ скобкахъ «Avalanche».

Все это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что въ комъ сильна народная стихія, въ томъ никакія иноземныя вліянія не подавятъ ее. Но несмотря на французское воспитаніе, несмотря на то, что въ кругу родныхъ его говорилось преимущественно по французски, Пушкинъ, какъ извѣстно, уже въ дѣтствѣ былъ окруженъ элементомъ народности; извѣстно, что главною представительницею этого вліянія была няня его, знаменитая Арина Родіоновна, которую потомъ прославилъ онъ въ дивныхъ, проникнутыхъ любовью, строфахъ. Безпредѣльная привязанность ея къ своему питомцу слишкомъ хорошо извѣстна; но и всему семейству Пушкиныхъ она была необыкновенно предана. Когда, продавая село Кобрино, къ которому была приписана Арина Родіоновна, Пушкины давали ей отпускную, вмѣстѣ съ ея двумя сыновьями и двумя дочерьми, она не хотѣла отойдти на волю; потомъ, когда Пушкины хотѣли выкупить семейство ея дочери, Марьи, вышедшей за крестьянина села Захарова, Арина Родіоновна снова не согласилась, говоря: «Я сама была крестьянка;

на что ей вольная!» Извѣстно, что отъ нея Александръ Сергѣевичъ узналъ большую часть сказокъ и пѣсенъ, которыхъ зналъ такъ много, слушая ее, проникся онъ духомъ народнаго языка. Въ 1824 году онъ пишетъ изъ деревни: «Знаешь ли мои занятія? «До обѣда пишу записки, обѣдаю поздо, послѣ обѣда ѣзжу вер«хомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостат«ки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки!» Въ тетрадяхъ Пушкина г. Анненковъ нашелъ семь сказокъ, бѣгло записанныхъ со словъ няни. Изъ нихъ три были потомъ пересказаны имъ въ стихахъ, четвертая послужила для Жуковскаго основою сказки о царѣ Берендеѣ. Три (о царѣ Салтанѣ, о Берендеѣ, о купцѣ Остолопѣ и Балдѣ) напечатаны г. Анненковымъ въ числѣ приложеній къ біографіи. Вотъ, между прочимъ, въ какихъ словахъ записана у Пушкина присказка, изъ которой произошли знаменитые стихи предисловія, прибавленнаго ко второму изданію «Руслана и Людмилы:»

У Лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
На лѣво — сказку говоритъ.

«У моря-лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя «цѣпи, а по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ; вверхъ идетъ — сказки «сказываетъ, внизъ идетъ — пѣсни поетъ.» Нѣтъ надобности говорить, что Пушкинъ въ своихъ стихотворныхъ передѣлкахъ сильно измѣнялъ подробности, то отбрасывая, то прибавляя новыя. Отъ этихъ передѣланныхъ сказокъ (о царѣ Салтанѣ и проч.) къ превосходно возсозданной въ истинно народномъ духѣ сказкѣ «О Рыбакѣ и Рыбкѣ» переходъ составляютъ два отрывка другихъ, переложенные въ стихи очень близко, остававшіеся забытыми въ бумагахъ Пушкина. г. Анненковъ напечаталъ ихъ въ своихъ «Матеріалахъ». Вотъ начало первой сказки, о томъ, какъ мужикъ убилъ медвѣдицу и взялъ ея медвѣжатъ:

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго
Выходила медвѣдица
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать и т. д.

Но Пушкинъ знакомился съ народными сказками и пѣснями не по однимъ только разсказамъ своей няни — проникнувшись

любовью къ народности, онъ и самъ входилъ въ простонародные кружки, подслушивая тамъ языкъ и пѣсни. Въ 1825 г., проводивъ до Пскова своихъ деревенскихъ сосѣдей онъ — время пребыванія во Псковѣ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли — изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отъисканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова. Не удивительно послѣ того, что П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ пѣсенъ» говоритъ: «А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ замѣчательную тетрадь «пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи». Пушкинъ владѣлъ значительнымъ количествомъ памятниковъ народнаго языка, добытыхъ собственнымъ трудомъ.

Въ тетрадяхъ 1830, г. Анненковъ нашелъ записанными «народныя пословицы, фразы и термины старой нашей литературы», которыя и сообщаетъ въ своихъ «матеріялахъ». Чтобы въ одномъ мѣстѣ собрать все, относящееся къ этому предмету, приведемъ и понятіе самого Пушкина о томъ, въ чемъ состоитъ народность произведеній литературы. Замѣтка его объ этомъ не окончена, но существенный смыслъ его мнѣнія ясенъ и совершенно справедливо выводится г. Анненковымъ изъ тѣхъ строкъ, которыя Пушкинъ успѣлъ написать:

«Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о «народности.... Но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ «подъ словомъ народность. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, «полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ оте«чественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборо«тахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по русски, «употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть до«стоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечест«венниками: для другихъ оно не существуетъ, или даже можетъ по«казаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ «Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріолана, вызы«вающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожъ но«ситъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, при«надлежащихъ исключительно какому нибудь народу. Климатъ, об«разъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, «которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи.....». Пушкинъ не докончилъ своей замѣтки (*прибавляетъ г. Анненковъ*), но легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ, или выбравшій ложную почву дѣятельности

ненароденъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ.»

Сколькимъ людямъ, толкующимъ нынѣ о народности, нужно посовѣтовать вникнуть въ смыслъ замѣтки Пушкина, набросанной двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, при самомъ началѣ этихъ толковъ.

Соединивъ въ краткомъ извлеченіи данныя, представляемыя «матеріалами» г. Анненкова относительно двухъ важнѣйшихъ стихій, участвовавшихъ въ первоначальномъ образованіи поэтическаго характера Пушкина — относительно французскаго воспитанія съ одной стороны, русскаго элемента съ другой, постараемся, хотя кратко, проследить свѣдѣнія о жизни Пушкина, доставляемыя этою біографіею.

Мы уже сказали, что не будемъ останавливаться на годахъ, проведенныхъ въ Лицеѣ, потому что этотъ періодъ подробно извѣстенъ русской публикѣ; но приведемъ изъ записокъ шестнадцатилѣтняго поэта отрывокъ, сохранившій воспоминаніе о его юношеской, вѣроятно первой, любви, и первоначальную редакцію тѣхъ строфъ «Евгенія Онѣгина» (глава VIII), въ которыхъ Пушкинъ вспоминаетъ о своей лицейской жизни.

«29-го. (*какого же мѣсяца? быть можетъ декабря 1815 г.*, потому предъидущія выписки у г. Анненкова относятся къ 10 декабря, а тетрадь принадлежитъ, по всей вѣроятности, 1815 году)

И такъ я счастливъ былъ, и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались лётомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...

«Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; поутру я
«мучился ожиданьемъ, стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную
«дорогу — ее не было видно! Наконецъ я потерялъ надежду — вдругъ
«нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ..., сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковскій.

«Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б. (фамилія была написана вполнѣ, но потомъ всѣ буквы, кромѣ первой, зачеркнуты, какъ видимъ на fac-simile этого отрывка, приложенномъ къ біографіи)

«Я былъ счастливъ 5 минутъ!»

Вотъ отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ его первобытномъ видѣ:

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея (*)
А Цицерона проклиналъ;
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилѣженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ;

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ, —
Въ тѣ дни.... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
О ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ,
И счастье тайныхъ мукъ узналъ.

Послѣдняя половина второй строфы относится, быть можетъ, къ той самой страсти, о которой говоритъ отрывокъ записокъ, сейчасъ нами представленный.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ, какъ извѣстно, увлекся удовольствіями молодости, развлеченіями свѣта и кружка друзей. Крѣпкое здоровье его не могло вынесть изнурительнаго образа жизни и черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ выпуска онъ вытерпѣлъ сильную горячку (въ февралѣ 1818 года). По выздоровленіи онъ вновь предался «водовороту» его уносившему, какъ

(*) Старинная шутливая поэма.

выражается г. Анненковъ. Какъ разсѣянна была его жизнь въ первые два года послѣ того, какъ онъ остался распорядителемъ своихъ дѣйствій, лучше всего свидѣтельствуетъ обстоятельство, что въ это время не велъ онъ записокъ, которыя начинаются только съ пріѣзда его въ Крымъ (въ 1820 г.). Въ Кишиневѣ и въ Одессѣ Пушкинъ также велъ жизнь разсѣянную и даже позволялъ себѣ множество шалостей. Обо всемъ этомъ писано было довольно много, потому здѣсь мы опять можемъ удовольствоваться немногими чертами. Свой эксцентрическій костюмъ въ Кишиневѣ самъ Пушкинъ описываетъ на Онѣгинѣ (въ одной изъ неизданныхъ строфъ):

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку,
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ.
Но только симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ. Евгеній,
Быть можетъ, толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ;
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ:
Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

Изъ его приключеній сообщимъ только одно: въ 1822 году Пушкинъ пропалъ изъ Кишинева на нѣсколько времени; онъ присталъ къ цыганскому табору, кочевалъ съ нимъ, доходилъ до границъ имперіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отрывокъ изъ «Цыганъ», не попавшій въ поэму при ея изданіи:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустынѣ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями....
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Пламенные поклонники поэта, тогда уже признаннаго великимъ, съ ужасомъ смотря на такую растрату времени и силъ, по ихъ мнѣнію пагубную для таланта, съ укоризнами или горестью умоляли его покинуть шалости и развлеченія, его недостойныя, и всѣ силы души обратить на славную дѣятельность,

которой идутъ отъ него всѣ образованные русскіе. Одно изъ такихъ писемъ (на французскомъ языкѣ) уцѣлѣло въ бумагахъ Пушкина, и г. Анненковъ сообщаетъ его въ переводѣ:

Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, рабодѣйствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: по чему преграждаетъ мнѣ дорогу тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатымъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ; а я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.

Такія заботливыя напоминовенія (прибавляетъ г. Анненковъ) Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, до самаго 1830 года, съ котораго, какъ увидимъ, образъ его жизни совершенно измѣняется. Нельзя не сочувствовать столь благороднымъ и такъ прекрасно высказаннымъ сожалѣніямъ и требованіямъ, какія видимъ въ этомъ письмѣ; но теперь мы знаемъ, что увлеченія молодости, пагубныя для натуръ слабыхъ и одностороннихъ, не повредили мощной и всесторонней натурѣ Пушкина — его геній развивался и мужалъ среди волненій юности, благодаря самымъ увлеченіямъ жизни, и мы къ нему болѣе чѣмъ ко всякому другому, можемъ отнести его же собственное восклицаніе:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!

Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга авторомъ «Руслана и *Людмилы*», возвратился въ Петербургъ авторомъ «Евгенія Онѣгина» и «Бориса Годунова». Извѣстно, что по возвращеніи на родину, онъ до самой своей женитьбы увлекался, почти по прежнему, удовольствіями свѣта и наслажденіями молодости всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ Москву или Петербургъ, и неутомимо предавался труду, всякій разъ, когда уѣзжалъ въ деревню. Потому переходимъ прямо къ подробностямъ, какія сообщаетъ біографія о перемѣнѣ характера, обнаружившейся во время двухъ послѣднихъ (1829 г.) его пребываній въ Москвѣ до женитьбы. Большею частью останавливался онъ въ домѣ П. В. Н—на.

Изъ словъ П. В. Н—на можно видѣть, какъ измѣнялись привычки Пушкина, какъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ, къ разнорѣчивому говору многолюдства смягчилась въ немъ потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкинъ казался домосѣдомъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту и прислушиваясь къ простому разговору, въ кото-

ромъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобъ заставить Пушкина не прерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать. Пушкинъ слѣдовалъ совѣтамъ П. В. Н—на, нехотя: такъ уже нужда отдохновенія, начинала превозмогать всѣ другія склонности.

Однако прежняя безпокойная жажда внѣшняго разнообразія, прежняя тоска, производившая «охоту къ перемѣнѣ мѣстъ — весьма мучительное свойство», не совершенно еще исчезла въ это время: начало 1830 года было занято планами путешествій; Пушкинъ задумывалъ съѣздить за границу, а когда этотъ проэктъ не исполнился, просилъ позволенія провожать въ Китай нашу миссію. Объ этомъ осталось даже воспоминаніе въ его стихахъ:

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Кудабъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножью ли стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ и пр.

«Пушкинъ познакомился съ семействомъ Н. Н. Гончаровой еще въ 1828 году, когда будущей супругѣ его едва наступала шестнадцатая весна. Онъ былъ представленъ ей на балѣ, и тогда же сказалъ, что участь его будетъ на вѣки связана съ молодой особой, обратившей на себя общее вниманіе. Два года однакожь протекли для Пушкина въ безпрерывныхъ трудахъ и разъѣздахъ. Въ 1830 году прибытіе части Высочайшаго Двора въ Москву, оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Наталья Николаевна принадлежала къ тому созвѣздію красоты, которое въ это время обращало вниманіе, и, смѣемъ сказать, удивленіе общества. Она участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ своихъ посѣтителей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ, живыхъ картинахъ, данныхъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. По обыкновенію своему, онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намѣреній, и возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, 21 апрѣля 1830 года, онъ сдѣлалъ предложеніе семейству Натальи Николаевны, которое и было принято.»

Послѣ того отрадное спокойствіе водворилось въ душѣ Пушкина; оно, какъ замѣчаетъ г. Анненковъ, отразилось и на его произведеніяхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ подробностей, и должны перейти къ новымъ свѣдѣніямъ, какія могъ сообщить г. Анненковъ о роковой дуэли.

«Всѣ попытки друзей отвратить ударъ остались тщетны. Въ самый день поединка они везли обоихъ противниковъ чрезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли нарочно оружіе, надѣясь еще на благодѣтельное вмѣшательство общества; но всѣ ихъ усилія и намеки остались безъуспѣшны. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ острову, одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣли его и г. Дантеса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселье, только она догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха: «тутъ должно случиться несчастіе. Поѣзжайте за ними.» Но уже было поздно.

«Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, и нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ на снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ, чтобы противникъ, подбѣжавшій къ нему, возвратился опять на свое мѣсто, и, собравъ всѣ силы, послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, чтобъ показать степень страсти, овладѣвшей всѣмъ существомъ его.

Радость была напрасна. Покамѣсть противникъ садился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника на случай несчастія. Пушкинъ еще поглядѣлъ въ слѣдъ удаляющагося врага, и прибавилъ: «мы не все кончили съ нимъ.» Но уже все было кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ, и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго въ дому его.

Послѣднія минуты Пушкина, его кроткая разлука съ жизнью, его нѣжная заботливость о супругѣ, его прощеніе всѣмъ клеветникамъ и врагамъ ихъ обоихъ, извѣстны каждому русскому изъ письма Жуковскаго. Въ заключеніе интересныхъ подробностей, о жизни Пушкина, заимствованныхъ нами изъ труда г. Анненкова повторимъ его слова, что лучшая біографія поэта въ его собственныхъ произведеніяхъ; потому что у него постоянно живая связь между событіями жизни и произведеніями; г. Анненковъ говоритъ, что едва ли найдется у Пушкина хотя одно лирическое произведеніе, которое не было бы вызвано дѣйствительною жизнью; происхожденіе большей части становится ясно по соображенію «матеріаловъ» и примѣчаній новаго изданія. «Въ его произведеніяхъ безпрестанно слышится живой голосъ событія, и сквозь поэтическую призму ихъ безпрестанно мелькаетъ настоящее происшествіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, мы ужь пояснили нѣкоторое изъ его стихотвореній чертами и анекдотами изъ жизни. Подобнымъ комментаріямъ, со временемъ, могутъ быть подвергнуты почти всѣ лирическія пѣс-

из Пушкина.» Точно также и характеръ Пушкина лучше и полнѣе всего выразился въ его произведеніяхъ, — эта удивительная многосторонность ума и сердца, которая даетъ право сказать о немъ, какъ Баратынскій сказалъ о Гёте.

... Ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта;

«Изъ смѣшенія противуположностей состоитъ весь поэтическій обликъ Пушкина», говоритъ г. Анненковъ, высказавъ уже все, что могъ сказать для раскрытія его характера: «какъ ни старались мы изложить въ посильномъ описаніи необычайно подвижныя черты его характера, но онѣ не поддаются описанію, и требуютъ, для объясненіи примиренія своего, уже творческой кисти настоящаго художника». Постараемся однако отмѣтить нѣкоторыя особенности характера и привычекъ, особенно рѣзко выступающія въ «матеріалахъ», собранныхъ г. Анненковымъ.

Живость, пылкость, впечатлительность, способность увлекаться и увлекать, горячее серде, жаждущее любви, жаждущее дружбы, способное привязываться къ человѣку всѣми силами души, горячій темпераментъ, влекущій къ жизни, къ обществу, къ удовольствіямъ и тревогамъ; нравственное здоровье, сообщающее всѣмъ привязанностямъ и наклонностямъ какую-то свѣжую роскошность и полноту, отнимающее у самыхъ крайностей всю болѣзненность, у самыхъ прихотей, которыми такъ обильна его молодость, всякую натянутость, побѣждающее наконецъ всякія одностороннія увлеченія — эти черты въ лицѣ Пушкина ясны для всякаго, кто читалъ его произведенія, кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о его жизни. Обратимся же къ другимъ, съ которыми знакомятъ насъ «матеріалы» г. Анненкова.

Какъ Пушкинъ считалъ нужнымъ держать себя въ свѣтѣ, видимъ изъ совѣтовъ, которые даетъ онъ младшему брату, при его вступленіи въ общество. Многіе изъ этихъ правилъ самъ Пушкинъ старался соблюдать, другія нарушалъ иногда только по пылкости темперамента. Вотъ въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ его французскаго письма.

Ты будешь въ сношеніяхъ съ людьми, тебѣ еще неизвѣстными; не суди о нихъ по твоему сердцу, которое благородно и добро. Будь холоденъ со всѣми.... Фамильярность всегда вредна; но особенно остерегайся предаваться ей съ людьми, которые выше тебя.... Не принимай никогда благодѣяній. Благодѣяніе почти всегда коварство. Не принимай протекціи, потому что она унижаетъ и подчиняетъ. Я

посовѣтовалъ бы тебѣ не предаваться увлеченіямъ дружбы, но не рѣшаюсь леденить твоего сердца въ возрастѣ нѣжныхъ самообольщеній... Если состояніе не позволяетъ тебѣ жить блистательно, не старайся скрывать своей недостаточности. Скорѣе можно позволить себѣ противную крайность. Предъ суровымъ цинизмомъ склоняется общее мнѣніе, а мелкія уловки суетности дѣлаютъ человѣка смѣшнымъ. Никогда не бери въ займы; скорѣе терпи нужду. Знай, что она не такъ ужасна, какъ ее описываютъ, и далеко не такъ страшна, какъ возможность быть или показаться человѣкомъ не честнымъ.

Проповѣдуя брату осторожность въ обращеніи съ людьми, Пушкинъ самъ соблюдалъ ее, какъ человѣкъ истинно свѣтскій. Извѣстно множество примѣровъ того, какъ онъ былъ уклончивъ въ разговорѣ, поставивъ себѣ правиломъ не противорѣчить рѣзко высказанному мнѣнію и, для избѣжанія спора, отдѣлываться уступчивыми фразами или перемѣнять разговоръ. Говорятъ, что и съ людьми близкими онъ часто находилъ нужнымъ держать себя подобнымъ образомъ. «Вообще — говоритъ г. Анненковъ — онъ любилъ закрывать себя и мысль свою шуткой или такимъ оборотомъ рѣчи, который еще оставлялъ возможность сомнѣнія для слушателей: вотъ почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицомъ къ лицу.» Въ замѣчаніи брату о томъ, что бѣдность вовсе не страшна, опять видны привычки самого Пушкина, который, при всей любви къ комфорту, при всемъ желаніи блистать въ обществѣ, любилъ простоту, будучи человѣкомъ истинно лучшаго тона въ этомъ, какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ.

Вообще Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось собственно до внѣшней обстановки. Одѣвался онъ очень небрежно, заботясь преимущественно только о красотѣ длинныхъ своихъ ногтей. Имѣть простую комнату для литературныхъ своихъ занятій было у него даже потребностью таланта и условіемъ производительности. Онъ не любилъ картинъ и голая сѣренькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его. Онъ довольствовался незатѣйливымъ помѣщеніемъ въ Демутовомъ трактирѣ, гдѣ обыкновенно останавливался въ пріѣздахъ своихъ въ Петербургѣ. Вообще, привычки его были просты, но вкусы и наклонности уже не походили на нихъ. Такъ поздніе обѣды въ Михайловскомъ были довольно прихотливы, по собственному его свидѣтельству.... Образъ жизни его въ деревнѣ чрезвычайно напоминаетъ жизнь Онѣгина (гл. VI, строфы 37—39, 44). Онъ также вставалъ очень рано и тотчасъ же отправлялся на легкѣ къ бѣгущей подъ горою рѣчкѣ и купался; зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ завтракомъ.... Если случалось оставаться ему одному дома безъ дѣла и

гостей, Пушкинъ игралъ двумя шарами на бильярдѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней Ариной Родіоновной.

Несмотря на то, что Пушкинъ не былъ расточителенъ, и получалъ довольно много денегъ за свои произведенія, онъ почти постоянно нуждался. Главнѣйшею причиною этого была безпечность, неаккуратность, неопытность въ денежныхъ дѣлахъ. Можно указать и нѣкоторыя другія причины. Такъ у него выходило очень много денегъ на книги; всѣ письма его къ брату наполнены списками книгъ, покупать которыя поручалось ему. Карты также уносили много денегъ. Г. Анненковъ приводитъ изъ его записокъ слѣдующія строки, интересныя по своему простодушному тону:

15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ. Пріѣхавъ въ Боровичи, въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣзжающаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не достало мнѣ 5 рублей. Я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600 рублей. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 рублей и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой.

Но гораздо забавнѣе относящійся также къ этой страсти анекдотъ, пересказываемый г. Анненковымъ со словъ Гоголя. Гоголь, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургѣ (около 1829 года) еще не имѣя литературной извѣстности, отправился знакомиться съ великимъ поэтомъ, произведеніями котораго такъ восхищался еще въ школѣ:

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ квартирѣ Пушкина, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ робость и наконецъ у самыхъ дверей квартиры развилась до того, что онъ убѣжалъ въ кандитерскую и потребовалъ рюмку ликеру. Подкрѣпленный имъ, онъ снова возвратился на приступъ, смѣло позвонилъ, и на вопросъ свой: «дома ли хозяинъ,» услыхалъ отвѣтъ слуги: «почиваютъ!» Было ужь поздно на дворѣ. Гоголь съ великимъ участіемъ спросилъ: «вѣрно всю ночь работалъ?» — «Какъ же, работалъ! — отвѣчалъ слуга: въ картишки игралъ.» Гоголь признавался, что это былъ первый ударъ, нанесенный школьной идеализаціи его. Онъ иначе не представлялъ себѣ Пушкина до тѣхъ поръ, какъ окруженнаго постоянно облакомъ вдохновенія.

Но главною причиною денежныхъ затрудненій Пушкина, повторяемъ, надобно считать его неаккуратность, беззаботность и неопытность въ дѣлахъ. Примѣровъ ея въ «матеріалахъ» чрезвычайно много. Ограничимся нѣсколькими. Задумавъ издать (первое) собраніе своихъ стихотвореній, онъ въ разныя времена далъ, по забывчивости, тремъ лицамъ обѣщаніе продать это из-

даніе, и съ одного изъ нихъ взялъ даже 1000 рублей задатка. Впрочемъ забывчивость Пушкина извиняться можетъ тѣмъ, что книжку эту собирался онъ издать въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ! Кромѣ того, онъ собирался печатать ее также и на собственный счетъ по подпискѣ. Можно представить, сколько путаницы возникло съ этими четырьмя претензіями, когда печатаніе книжки дѣйствительно началось. Такая же безпечная неопытность проявляется и въ письмахъ его по случаю залога имѣнія въ банкъ: Пушкинъ высказываетъ въ этомъ полнѣйшее незнаніе дѣлъ. Билетъ Опекунскаго совѣта забываетъ онъ у пріятеля въ Москвѣ, и пишетъ объ этомъ въ Post-Scriptum, такъ:

«Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку; если и ее найдешь, и ее перешли. Ты въ счастью не вѣруешь, а я вѣрую.»

Какъ характерична эта одинаковость тона, которымъ говорится о билетѣ и серебряной копѣечкѣ! Скоро мы будемъ говорить о томъ, какъ постоянная нужда въ деньгахъ возбуждала въ Пушкинѣ желаніе быть человѣкомъ разсчетливымъ, соблюдающимъ вездѣ свою выгоду; теперь же перейдемъ къ другой чертѣ характера — мистицизму или лучше сказать вѣрѣ въ разные предразсудки. Въ «Матеріалахъ» находимъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ этому, въ родѣ вѣры въ счастье, приносимое старыми копѣечками, въ родѣ того, что пріятель поэта, не вѣрившій силѣ серебряныхъ копѣечекъ, вѣрилъ могуществу колецъ, и подарилъ Пушкину золотое кольцо съ бирюзой, которое имѣло силу «предохранять отъ внезапной бѣды» — Пушкинъ носилъ его до самой смерти, не снимая никогда съ руки. Было у Пушкина и другой, покрытый какими-то знаками кабалистическій перстень, съ которымъ былъ связанъ, какъ онъ твердо вѣрилъ, его талантъ (Это кольцо теперь находится у В. И. Даля; кольцо съ бирюзою у г. Д—са). Вотъ, наконецъ, случай, разсказанный самимъ поэтомъ г-жѣ Фуксъ:

Вамъ, быть можетъ, кажется удивительнымъ (началъ опять говорить Пушкинъ) что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому. Быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому Проспекту, и, изъ проказъ, зашли къ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы, сказала она мнѣ, на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который будетъ вамъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги. А

третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью.... Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадальщицѣ. Но, спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ Проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ. Вотъ первый разъ послѣ гаданія, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами, и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его объигралъ. Онъ получивъ послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, который я нетолько не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ».

Не удивительно, что Пушкинъ вѣрилъ предразсудкамъ: разсказы няни, чудесные и таинственные, съ дѣтства овладѣли его пылкимъ воображеніемъ; кромѣ того, онъ былъ расположенъ къ мистицизму, какъ видимъ по всему; какъ ни проницателенъ былъ его природный умъ, но онъ, никогда не углублялся въ отвлеченные философскіе вопросы, занятіе которыми одно можетъ удержать отъ мистицизма человѣка съ пылкимъ воображеніемъ; надобно также припомнить, что онъ имѣлъ вообще много предразсудковъ, и кромѣ относящихся къ сувѣріямъ; наконецъ онъ былъ мнителенъ — и объ этой послѣдней чертѣ его характера «матеріалы» сообщаютъ нѣсколько данныхъ. Будучи тѣлосложенія крѣпкаго, развитаго гимнастическими упражненіями, онъ находилъ въ себѣ расположеніе къ чахоткѣ и даже ему казалось, что онъ чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ. Къ числу стихотвореній, высказывающихъ это постоянное опасеніе смерти, принадлежитъ, напримѣръ, прекрасное «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»; именно о немъ упоминаемъ потому, что въ «матеріалахъ» г. Анненкова напечатаны выпущенные авторомъ стихи, которые еще яснѣе извѣстныхъ читателямъ строфъ говорятъ, что Пушкинъ выразилъ въ этомъ размышленіи свою задушевную думу:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой:
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, вездѣ со мной...
. . . .
Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта
. . . .

А между тѣмъ, если кто нибудь, то именно Пушкинъ не долженъ былъ предаваться мрачнымъ опасеніямъ преждевременной смерти: онъ могъ разсчитывать на долгую жизнь, благодаря крѣпкой организаціи, лучшимъ доказательствомъ которой служитъ его неутомимость въ ходьбѣ; потому что, бывъ самымъ неподвижнымъ ребенкомъ въ дѣтствѣ, онъ потомъ чрезвычайно любилъ ходить пѣшкомъ, и нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ его прогулокъ были бы подъ силу немногимъ; неговоримъ ужь о томъ, что живучи въ 1833 году на дачѣ на Черной Рѣчкѣ, онъ ходилъ каждый день пѣшкомъ въ Архивы, и возвращался на дачу также пѣшкомъ; по возвращеніи, онъ купался, и послѣ этого ужь не чувствовалъ никакой усталости; но гораздо замѣчательнѣе этого, прогулки его пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское село. Онъ выходилъ изъ города поутру, выпивалъ стаканъ вина на Средней Рогаткѣ, и погулявъ еще послѣ обѣда въ садахъ Царскаго Села, возвращался вечеромъ пѣшкомъ въ Петербургъ, исходивъ такимъ образомъ въ день болѣе пятидесяти верстъ.

Извѣстно, что Пушкинъ вообще имѣлъ въ характерѣ расположеніе любить и уважать преданія, любилъ старину, былъ, если можно такъ выразиться, въ душѣ до нѣкоторой степени старинный человѣкъ, несмотря на то, что проницательный умъ, образованность и практическій взглядъ на вещи, заставляли его превосходно понимать различіе между отжившими свое время понятіями и потребностями настоящаго. Одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ сильно укоренялись въ его сердцѣ преданія, представляютъ его отношенія къ литературнымъ обществамъ, которыя въ первой своей молодости засталъ онъ процвѣтающими, и распаденію которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Анненкова, самъ содѣйствовалъ болѣе всего, возведя своими произведеніями литературу на степень дѣла, принадлежащаго всему русскому обществу, а не тѣсному кружку немногочисленныхъ любителей, образовавъ десятки тысячь читателей вмѣсто прежнихъ сотенъ, и вызвавъ къ дѣятельности сотни писателей вмѣсто прежнихъ немногихъ дилеттантовъ. Возбудивъ первыми своими стихотвореніями вниманіе Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкинъ былъ тогда же принятъ въ число членовъ извѣстнаго литературнаго общества «Арзамасъ», душою котораго былъ Жуковскій, цѣлью котораго было противодѣйствіе обществу «Любителей Россійскаго слова» и ихъ устарѣлымъ литературнымъ понятіямъ. Неудивительно, если молодой писатель горячо раздѣлялъ всѣ симпатіи и анти-

патіи поэтовъ, которыхъ и самъ онъ считалъ своими учителями, и публика тогда еще ставила выше его. Но замѣчательно, что до конца своей жизни Пушкинъ не переставалъ показывать въ себѣ бывшаго члена «Арзамаса». «Пушкинъ навсегда сохранилъ (говоритъ г. Анненковъ) почтеніе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованія во имя идей, обсужденныхъ цѣлымъ обществомъ... да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія». Въ этомъ отчасти надобно искать причину нелюбви его къ журналистикѣ, вліяніемъ которой замѣнилось въ послѣдствіи вліяніе литературныхъ обществъ, въ особенности къ «Московскому Телеграфу». Пушкинъ не могъ привыкнуть къ новому порядку вещей, когда журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ сужденіяхъ о литературѣ, не служа выраженіемъ мнѣнію тѣснаго кружка людей, коротко знакомыхъ, имѣвшихъ одни привязанности, не замѣчавшихъ или щадившихъ слабости каждаго члена своего общества, а сдѣлавшись органомъ независимаго мнѣнія, образовавшагося или начинавшаго образоваться въ массѣ публики. Въ мнѣніяхъ журналовъ, особенно «Московскаго Телеграфа», который первый обнаружилъ самостоятельность, Пушкинъ видѣлъ произволъ личнаго мнѣнія, и, говоритъ г. Анненковъ, какъ только замѣтилъ признаки новаго направленія, «началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, имѣя въ виду возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики». Попытку осуществить это намѣреніе надобно видѣть въ основаніи «Литературной Газеты». Можно было бы считать эти замѣчанія о вѣрности Пушкина духу прежнихъ литературныхъ обществъ предположеніемъ, еще не совсѣмъ вѣрнымъ, такъ много тутъ страннаго; но самъ Пушкинъ оставилъ доказательства того, что не напрасно мы будемъ до конца его дѣятельности видѣть въ немъ прежняго члена «Арзамаса». Извѣстно, что каждый членъ этого кружка получалъ имя, заимствованное изъ балладъ Жуковскаго: одинъ былъ названъ Громобоемъ, другой Старушкою и т. д. А. С. Пушкину дано было имя «Сверчокъ»; въ 1830 году А. С. Пушкинъ, уже всѣми признанный первымъ поэтомъ русскимъ, затмѣвающимъ собою всѣхъ остальныхъ, помѣщая свои стихотворенія въ «Литературной Газетѣ», подписываетъ ихъ буквами *Крс.* — это перестановка сокращенной подписи *Срк.* — Сверчокъ. Итакъ Пушкинъ еще помнитъ и любитъ свое Арзамазское имя, въ то время, какъ ужь всѣ, кромѣ его, давно за-

были о существованіи Арзамаса. Другой примѣръ его высокаго уваженія къ литературнымъ обществамъ: въ началѣ 1833 года избранный членомъ Россійской Академіи, президентомъ которой былъ тогда Шишковъ, и духу которой Пушкинъ, поэтому, кажется, мало могъ сочувствовать, Пушкинъ постоянно посѣщалъ еженедѣльныя собранія Академіи и «вообще весьма серьёзно смотрѣлъ» на труды этого ученаго сословія.

Мысль о журналѣ, который противодѣйствовалъ бы новому положенію въ литературѣ, принятому «Московскимъ Телеграфомъ» постоянно занимала Пушкина съ 1826 года — онъ тогда уже задумывалъ основать свой собственный журналъ; но, по обыкновенію, и въ этомъ дѣлѣ былъ безпеченъ; скоро впрочемъ онъ былъ обрадованъ основаніемъ «Московскаго Вѣстника» (г. Погодина), душою котораго хотѣлъ быть; потомъ «Литературной Газеты», отношенія къ которой у него были еще тѣснѣе. Въ 1832 году хлопочетъ онъ о разрѣшеніи основать ежедневную газету, и наконецъ получаетъ позволеніе, но, скоро охладѣвъ къ своей мысли, ужь не приводитъ ее въ исполненіе. Только въ 1836, Пушкинъ дѣлается наконецъ редакторомъ журнала, о которомъ такъ долго мечталъ.

Вмѣстѣ съ желаніемъ имѣть органъ для выраженія своихъ литературныхъ мнѣній и противодѣйствія другимъ журналамъ, Пушкинъ при намѣреніи основать журналъ, имѣлъ въ виду и денежную выгоду. Онъ прямо и съ какою-то особенною аффектаціею любилъ говорить, что пишетъ по внутренней потребности, для наслажденія творчествомъ (какъ это дѣйствительно и было), но печатаетъ свои произведенія только изъ единственнаго желанія получить за нихъ деньги, а вовсе не изъ потребности дѣлиться съ публикою своими чувствами или изъ желанія авторской славы (что было ужь не совсѣмъ справедливо). Въ «Матеріалахъ» г. Анненкова находимъ много мѣстъ изъ писемъ и отрывковъ Пушкина, гдѣ онъ старается увѣрить въ этомъ, даже какъ бы хвалится тѣмъ, что печатаетъ единственно для денегъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1824 году Пушкинъ пишетъ о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»: «Радуюсь, что мой фонтанъ шумитъ.... Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны.»

Г. Анненковъ нашелъ въ бумагахъ Пушкина слѣдующій отрывокъ неизданнаго стихотворенія:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
— Смотрите! вы поэтъ; уловкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава ненужна?

Смѣшной и суетной вамъ кажется она?
Зачѣмъ же пишете?—Я? для себя—За что же
Печатаете вы? — Для денегъ.—Ахъ, мой Боже,
Какъ стыдно! — Почему жъ?

Интересенъ также отрывокъ изъ просьбы объ отпускѣ въ Оренбургъ и деревню; просьба эта писана въ 1833 году, когда онъ занимался «Исторіею Петра Великаго» и «Исторіею пугачевскаго бунта»; романъ, о которомъ въ ней говорится — «Капитанская дочка».

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими трудами, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С. Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ — это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить обѣ сіи губерніи.»

30 іюля.
Черная Рѣчка.»

Пушкинъ постоянно нуждался въ деньгахъ, потому естественно долженъ былъ думать о нихъ. Припомнимъ правило, которое даетъ онъ брату: порядочный человѣкъ не старается никогда скрывать, если нуждается въ деньгахъ; напротивъ долженъ нарочно самъ обнаруживать свое затрудненіе, чтобъ импонировать своимъ «гордымъ цинизмомъ»; потому, принужденный признаваться, что живетъ деньгами, получаемыми за свои произведенія, Пушкинъ естественно приходилъ къ мысли, что ему надобно надменно твердить: «я печатаю единственно для денегъ». Охота говорить это усиливалась въ немъ оригинальнымъ отвращеніемъ отъ того, чтобъ его принимали въ обществѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть исключительно свѣтскимъ человѣкомъ, какъ писателя, серьёзно интересующагося участью своихъ произведеній и авторскою славою; объ этомъ будемъ мы сейчасъ говорить. Но было бы жалкимъ недоразумѣніемъ видѣть въ Пушкинѣ, по своей беззпечности, неопытности въ денежныхъ дѣлахъ, постоянно нуждающемся въ деньгахъ и оттого хлопочущемъ о деньгахъ, человѣка сколько нибудь корыстолюбиваго — напротивъ мы видимъ, что часто будучи въ правѣ преслѣдовать людей, обманывавшихъ его въ коммерческомъ отношеніи, онъ этого не дѣлалъ; сер-

дился, выражалъ свою досаду въ письмѣ къ какому нибудь пріятелю, и только. Не считаемъ нужнымъ прибавлять, что всегда онъ былъ благороднѣйшимъ человѣкомъ, — иначе и не могло быть при его характерѣ и правилахъ. Что онъ былъ щедръ и любилъ помогать, это извѣстно изъ всѣхъ его литературныхъ отношеній. Позволяемъ себѣ наконецъ привести два отрывка изъ писемъ его къ брату, который, живучи въ Петербургѣ, нѣкоторое время завѣдывалъ его дѣлами. Первое письмо было послано по полученіи извѣстія о наводненіи въ Петербургѣ:

I. Этотъ потопъ у меня съ ума нейдетъ. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ; но, прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго (8 декабря 1824).

II. (1825 г.).... P. S. Слѣпой священникъ перевелъ Сираха (см. «Инвалидъ» N какой-то), издаетъ по подпискѣ; подпишись на нѣсколько экземпляровъ.

Благородное желаніе помочь и ободрить всякаго начинающаго писателя, въ которомъ замѣчалъ онъ талантъ, хорошо извѣстно. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю излишне говорить. Многіе также знаютъ, съ какимъ радушіемъ старался онъ о литературныхъ успѣхахъ барона Розена, г-жи Дуровой, какими похвалами встрѣтилъ сказку г. Ершова «Конекъ Горбунокъ», которую внимательно пересмотрѣлъ, и первыя четыре стиха которой (по словамъ г. Смирдина) принадлежатъ Пушкину. Извѣстно такъ же, какъ Пушкинъ отправился знакомиться съ Губеромъ, тогда совершенно безвѣстнымъ, услышавъ, что онъ занимается переводомъ Фауста, какъ ободрялъ Губера къ продолженію труда, который безъ Пушкина, вѣроятно, и не былъ бы оконченъ, какъ наконецъ нѣсколько дней провелъ, вмѣстѣ съ авторомъ провѣряя и поправляя переводъ. Не говоримъ ужь о томъ, съ какою радостью привѣтствовалъ онъ каждое произведеніе тѣхъ людей, которыхъ считалъ, по своему добродушію, великими талантами.

И однакожь, не смотря на свою пламенную любовь — даже мало этого сказать, не смотря на свою безусловную преданность литературѣ, Пушкинъ не хотѣлъ, чтобы въ обществѣ его считали литераторомъ. Приводимъ слова г. Анненкова:

Никто такъ не боялся, особенно въ обществѣ, званія поэта, какъ Пушкинъ. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ, и считалъ помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ, и является въ свѣтѣ уже какъ писатель. Въ ту эпоху,

которой занимаемся (около 1828—30) всякое смѣшеніе свѣтскаго человѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Это превосходно выражено имъ самимъ въ отрывкѣ, который предшествовалъ созданію «Египетскихъ ночей». Художественно передана тамъ, въ лицѣ Чарскаго, борьба различныхъ направленій въ одномъ человѣкѣ».

Интереснымъ слѣдствіемъ одного изъ капризовъ, родившихся отъ этого нежеланія Пушкина, чтобы его принимали за «сочинителя», осталась надпись на драматическомъ отрывкѣ его: «Скупой Рыцарь» — «The cavetous Knihgt, Ченстона». Несмотря на розыски, никто изъ критиковъ не могъ найдти въ англійской литературѣ ни Ченстона, ни пьесы «The cavetous Knight». Потому предполагали, что Пушкинъ вздумалъ назвать переводомъ то, что было вовсе не переводъ, а собственное его поэтическое произведеніе. Теперь, кажется, невозможно и сомнѣваться въ этомъ. Г. Анненковъ не только самъ напрасно отыскивалъ Ченстона, и не нашелъ его, но и получилъ отъ издателей англійскаго критическаго журнала «The Athenaeum», знатоковъ старинной англійской словесности, положительное увѣреніе, что никакого англійскаго писателя Ченстона не было. Кромѣ того, въ черновой рукописи англійское имя пьесы написано и поправлено нѣсколько разъ, такъ что Пушкинъ, очевидно, придумывалъ его. Г. Анненковъ нашелъ у Пушкина и другіе случаи подобнаго приписыванія своихъ сочиненій постороннимъ лицамъ. Такъ несомнѣнно оригинальное стихотвореніе свое «Надъ лѣсистыми брегами», Пушкинъ называетъ переводомъ съ англійскаго. У одного изъ неизданныхъ стихотвореній, также оригинальнаго, сначала была сдѣлана надпись «Alfred Musset», а потомъ зачеркнута, и вмѣсто ея написано «Изъ VI Пиндамонте».

Здѣсь мы кончаемъ наши извлеченія изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова, касательно жизни и личнаго характера Пушкина.

Теперь мы считаемъ уже излишнимъ говорить о томъ, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ сообщается въ біографіи, составленный г. Анненковымъ, какъ вѣрны и основательны объясненія и замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ — читатели могли видѣть въ нашей статьѣ довольно примѣровъ тому. Но безъ всякаго сомнѣнія интереснѣйшая часть матеріаловъ, собранныхъ г. Анненковымъ, относится къ исторіи того, какъ создались и развивались геніемъ Пушкина его произведенія, и этимъ-то мы займемся въ слѣдующей статьѣ. Въ ней постараемся мы собрать изъ «Матеріаловъ»

данныя, объясняющія, если такъ можно выразиться, авторскія привычки Пушкина, его манеру писать, внѣшнюю сторону его творчества, исторію сочиненія его произведеній, — мы прежде знали объ этомъ только смутно; теперь на основаніи чрезвычайно внимательнаго разбора черновыхъ бумагъ Пушкина, г. Анненковъ сообщаетъ множество данныхъ, въ высшей степени интересныхъ. Переходомъ отъ подробностей, собранныхъ въ настоящей статьѣ, къ этой исторіи созданія произведеній Пушкина, послужатъ заимствованныя также изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова данныя, о развитіи таланта и литературныхъ мнѣній Пушкина.

P. S. Выше сказано, что изданіе г. Анненкова обогащено нѣсколькими новыми произведеніями Пушкина въ прозѣ и стихахъ, отысканными новымъ издателемъ въ бумагахъ поэта. Между этими драгоцѣнными находками есть нѣсколько стихотвореній превосходныхъ. Мы украсили настоящую книжку «Современника» тремя пьесами Пушкина, изъ которыхъ двѣ совершенно новыя; третья (Воспоминаніе) — нова, только во второй половинѣ, начиная со стиха: «Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ». Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти двѣ половины, соединенныя чрезъ столько лѣтъ въ одно стихотвореніе, представляютъ одну изъ лучшихъ и характернѣйшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина, въ томъ видѣ, какъ она создалась подъ перомъ его. Въ заключеніе настоящей статьи, приводимъ еще нѣсколско стихотворныхъ отрывковъ, впервые появившихся въ изданіи Анненкова.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОКТАВЫ КЪ ПОВѢСТИ:

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(*Къ III Октавѣ.*)

Modo vir, modo foemina.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны. . . . .
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?

Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рифму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили.
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ,
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой. . . .
Съ гекзаметромъ . . . . О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже — точная змѣя...
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
Но пудреной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Гюго съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты Делиль — Парнасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ — вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

(Къ Октавѣ VIII).

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо....
Но Муза никому здѣсь не грози —
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ Сѣверной Пчелы!

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной;
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ....
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся.... или смѣхъ
Плохой ужь выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.
Порой я стихъ повертываю круто,
Все жъ видно — не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того я не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь — а какъ наѣду....
Чтожъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покамѣсть можете принять меня
За стараго, обстрѣляннаго волка,
Или за молодаго воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой,
Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужь тото-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

А вѣроятно, не замѣтятъ насъ,
Меня съ октавами моими купно.
Однакожъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ; — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

Сварилъ его (у г-на Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ ... Опять, за чѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его вареным языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ.
На силу-то, риѳмачъ я безразсудной,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной! —

Усядься муза....

МОНОЛОГЪ ПЬЯНАГО МУЖИЧКА.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь-будь что будь —
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами, да виномъ,

Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать-такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно....
Слушай сватъ: начну первой
Сказка будетъ за тобой....
. . . .

Наконецъ вотъ еще превосходный отрывокъ въ классическомъ родѣ, относящійся къ поэту Петрову, уже въ преклонной старости написавшему извѣстную оду адмиралу Н. С. Мордвинову....

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
    И Пинда острыя вершины.
Въ то время ты вставалъ: твой лучь его согрѣлъ;
Онъ подвялъ къ небесамъ и крылья и зеницы —
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ,
    Во срѣтенье твоей денницы.
Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита,
Ты Лиру оправдалъ: ты вѣкъ не измѣнилъ
    Надеждамъ вѣщаго Піита....

Не смѣемъ ничего прибавлять въ похвалу этому стихотворенію, особенно первымъ двумъ строфамъ его, картинность и величественность которыхъ поразительны. За одно это стихотвореніе, еслибъ г. Анненковъ не нашелъ ничего болѣе новаго въ бумагахъ Пушкина — онъ уже заслуживалъ бы глубокой благодарности всей читающей публики. Но мы уже отчасти видѣли, что поиски г. Анненкова принесли обильные плоды, обогативъ русскую литературу нѣсколькими превосходными стихотвореніями, и давъ г. Анненкову матеріалы къ возсозданію личности великаго русскаго поэта, что яснѣе увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ЯНВАРЬ, 1855 ГОДА.

Историческая записка, *рѣчи, стихи и отчеты Императорскаго Московскаго университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года, по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1835.*

Торжество столѣтняго юбилея Московскаго университета, было совершенно достойнымъ славныхъ воспоминаній университета образомъ. Читатели конечно уже знаютъ подробности этого торжества, которому подобныхъ еще небывало въ честь русской науки. Государь Императоръ благоволилъ почтить старѣйшій изъ русскихъ университетовъ милостивою высочайшею грамотою. Всѣ высшія ученыя учрежденія Имперіи прислали депутаціи или адресы, поздравляя Московскій университетъ съ его празднествомъ. Бывшіе воспитанники университета, въ числѣ которыхъ такъ много людей, почетныхъ заслугами на государственномъ или ученомъ поприщѣ, собрались изъ разныхъ областей имперіи своимъ участіемъ и воспоминаніями оживить вѣковое торжество учрежденія, которому обязаны своимъ образованіемъ.

Помѣщая въ «Современныхъ замѣткахъ» описаніе юбилея, мы здѣсь сообщимъ обозрѣніе рѣчей, которыя были произнесены въ торжественномъ собраніи празднества.

Первою изъ этихъ рѣчей была «Историческая записка о дѣйствіяхъ университетскаго начальства объ ученыхъ трудахъ чле-

новъ университета, по случаю настоящаго торжества», читанная г. ректоромъ университета, А. А. Альфонскимъ.

8 марта 1851 года Государь Императоръ благоволилъ утвердить програму приготовленій университета къ юбилею; для исполненія этой программы былъ учрежденъ при университетѣ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. ректора изъ пр. Морошкина, Щуровскаго, Шевырева, Зернова, Анке, Грановскаго, Соловьева, Бодянскаго, Буслаева и адъюнкта Бѣляева.

По Высочайше утвержденной программѣ выбита академикомъ Лялинымъ медаль въ память юбилея. На одной сторонѣ ея, по мысли комитета, изображена Императрица Елизавета Петровна, основательница университета, и представляющіе Государынѣ проэктъ университета, Шуваловъ и Ломоносовъ. На этой сторонѣ поставлено: «12 января 1755 г.» — день основанія университета. На другой сторонѣ медали, по Высочайшему повелѣнію, изображенъ государственный гербъ и начертано 12 января 1855 г.

Изготовлены членами университета слѣдующія книги:

1. Исторія Императорскаго Московскаго университета за все истекшее столѣтіе, г. Шевыревымъ. Государь Императоръ благоволилъ принять посвященіе этого труда Его Августѣйшему Имени.

2. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета, за все истекшее столѣтіе, въ двухъ томахъ, содержащій 238 біографій, составленныхъ разными лицами, принадлежащими къ университету.

3. Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ, заключающіе въ себѣ статьи гг. Петрова, Клина,. Менщикова и Буслаева. Этотъ сборникъ издается «въ память приблизительнаго стеченія» тысячелѣтія кирилловской азбуки и столѣтія Московскаго университета.

4. Начата изданіемъ Біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета, за все столѣтіе, съ приложеніемъ всеобщаго ихъ списка. Составлено членами университета и другими учеными.

5. Профессоры и преподаватели издали собраніе учено-литературныхъ статей, подъ заглавіемъ: «Въ воспоминаніе 12 января 1855 года». Здѣсь помѣщены статьи гг. Баршева, Брашмана, Спасскаго, Орнатскаго, Глѣбова, Лешкова, Вернадскаго, Давыдова, Кудрявцева, Буслаева, Бѣляева, Швейцера, Любимова и Страхова.

6 и 7. Г. Бодянскій приготовилъ къ изданію изслѣдованія: о времени происхожденія славянскихъ письменъ и житіе св. Первоучителей Кирилла и Меѳодія.

Послѣ записки г. ректора, г. профессоръ Шевыревъ прочиталъ «Обозрѣніе столѣтняго существованія Императорскаго Московскаго университета». Причинами счастливаго возрастанія университета, во все первое столѣтіе его жизни, г. Шевыревъ находитъ: благоволеніе Божіе, милостивое покровительство Государей и любовь русскаго народа къ просвѣщенію; припоминаетъ милости, оказанныя русскими Монархами Московскому университету, исчисляетъ начальниковъ университета; потомъ разсматриваетъ «четыре дѣла», которыя исполнялъ университетъ во все время своего существованія: насажденіе науки въ Россіи, веденіе ея въ уровень съ собственнымъ движеніемъ, примѣненіе науки къ жизни и потребностямъ Россіи, воспитаніе Отечеству сыновъ полезныхъ, вѣрныхъ слугъ Государю и Отечеству, и при этомъ исчисляетъ знаменитѣйшихъ профессоровъ и воспитанниковъ университета. Труды профессоровъ мы скоро исчислимъ, разсматривая ихъ біографіи, изданныя университетомъ; изъ воспитанниковъ назовемъ здѣсь: Фонъ-Визина, Богдановича, Новикова, Кострова, Карамзина, Жуковскаго, Нарѣжнаго, Гнѣдича, Мерзлякова, Калайдовича, Грибоѣдова.

За рѣчью г. Шевырева слѣдуетъ: «Благодарное воспоминаніе о *Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ*», рѣчь г. Соловьева. Нашъ извѣстный историкъ начинаетъ, сообразно значенію торжества, указаніемъ важности живой связи съ прошедшимъ для дѣятельности въ настоящемъ, и объясняетъ коренное значеніе Московскаго Университета, потребность, которою былъ онъ вызванъ къ существованію:

Всякое учрежденіе есть слѣдствіе какой нибудь потребности, которая почувствовалась извѣстнымъ образомъ въ извѣстное время. Понятно, что учрежденіе тѣмъ полезнѣе, тѣмъ почтеннѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяетъ потребности, вызвавшей его основаніе чѣмъ живѣе между его членами преданіе о цѣли учрежденія, чѣмъ сознательнѣе переходитъ это преданіе изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это преданіе, присущее членамъ учрежденія при ихъ соединенной дѣятельности, составляетъ духъ учрежденія. Учрежденіе живетъ полною жизнію, процвѣтаетъ, когда этотъ духъ силенъ, когда даетъ себя чувствовать и въ совокупныхъ дѣйствіяхъ членовъ учрежденія и въ поведеніи каждаго изъ нихъ, гдѣ бы онъ ни находился: тогда многія другія учрежденія заимствуютъ отъ него жизнь, духъ и сильны бываютъ этою жизнію, этимъ духомъ. Когда же преданіе забывается, духъ слабѣетъ, — учрежденіе клонится къ упадку; тогда люди, ревностные къ славѣ учрежденія, стараются воскресить преданіе, возвратить его къ первоначальной чистотѣ. Обыкновенно основателями учрежденія бываютъ люди, которые яснѣе другихъ сознаютъ извѣст-

ную потребность общества, которые образомъ мыслей и всею дѣятельностію своею осуществляютъ ту цѣль, къ которой должно стремиться учрежденіе; дѣятельность основателей поэтому становится живымъ преданіемъ, образцомъ, котораго члены учрежденія никогда не должны терять изъ виду.

Въ чемъ же состоитъ преданіе, духъ того учрежденія, столѣтіе котораго мы собрались теперь торжествовать, и кто былъ человѣкъ, въ нравственномъ образѣ, котораго осуществляется это преданіе, чей нравственный образъ мы должны благоговѣйно перенести изъ одного вѣка въ другой?

Для разрѣшенія вопроса, какая потребность вызвала Московскій университетъ, говоритъ г. Соловьевъ, надобно перенестись къ тому времени, которое основало его. Въ концѣ XVI вѣка, Русское царство было громадно, но въ немъ чувствовался недостатокъ умѣнья приносить частныя выгоды въ жертву благу общему, сознавалась потребность распространенія между гражданами познанія обязанностей гражданскихъ. Смуты, которыми окончился XVI вѣкъ, обнаружили и эти недостатки и силу русскаго народа побѣдить ихъ.

Такъ наступилъ XVII вѣкъ, вѣкъ богатый славными событіями, великими торжествами, но еще болѣе замѣчательный тѣмъ, что откликается историку непрестаннымъ воплемъ о необходимости нравственнаго очищенія, совершенствованія, о мѣрахъ, которыя должны быть употреблены для этого. Священный, утѣшительный вопль! Онъ не похожъ на тотъ болѣзненный вопль, который издаютъ государства предъ минутою своего разрушенія, когда немногіе лучшіе люди, указывая на болѣзни государственнаго организма, отчаяваются въ возможности ихъ излеченія и предсказываютъ близкую гибель государства. Не таковъ вопль, слышный на Руси въ XVII вѣкѣ—это вопль юнаго, крѣпкаго общества, которое сознаетъ свои недостатки, громко объявляетъ о нихъ, дѣятельно ища въ то же время средствъ для ихъ исправленія. У насъ въ XVII вѣкѣ, не нѣкоторыя только, частныя лица вопіютъ противъ нравственныхъ недостатковъ общества; но само Правительство безпощадно, въ сильныхъ выраженіяхъ указываетъ на нравственныя болѣзни, требуя излеченія ихъ, употребляя къ тому средства....

При усиленной борьбѣ, съ многочисленными препятствіями внѣшними и внутренними, встрѣченными Россіею при достиженіи государственныхъ цѣлей, въ XVII вѣкѣ было сознано, что необходимое средство для торжества надъ этими препятствіями есть призваніе на помощь науки, мудрости гражданской, распространяющей свѣтъ, при помощи котораго члены общества видятъ, что̀ они, гдѣ они, что̀ обязаны дѣлать для отечества; ибо только тотъ можетъ быть вѣрнымъ сыномъ отечества, кто знаетъ свое отечество, его потребности,

и въ состояніи употребить способности свои, для удовлетворенія той или другой изъ этихъ потребностей.

Петръ Великій совершилъ приготовленіе государства къ принятію науки, вѣкъ Екатерины II водворилъ ее. Но люди, дѣйствовавшие при Екатеринѣ, образовались при Елисаветѣ.

Изъ царствованія Елисаветы, лучшіе люди Екатерининскаго времени, вынесли убѣжденіе въ необходимости просвѣщеннаго воспитанія, сознаніе о высшей, нравственной цѣли науки; въ это царствованіе, у престола Императрицы явился человѣкъ, при образованіи котораго, «наука и искусство подали руки, чтобъ сдѣлать его отечеству полезнымъ, между людьми любезнымъ и всегда желательнымъ» — и по мысли этого-то человѣка, въ царствованіе Елисаветы возникло учрежденіе, долженствовавшее удовлетворять потребности времени, а именно — дать наукѣ возможность достигать своей высшей, нравственной цѣли, дать ей значеніе мудрости гражданской. Этотъ человѣкъ, былъ И. И. Шуваловъ, это учрежденіе, былъ Московскій университетъ.

Каковъ же былъ Шуваловъ? Какъ на немъ отразились благія дѣйствія науки?.. У престола благодѣтельствовавшей ему монархини стоялъ онъ съ высокимъ характеромъ посредника, миротворца; съ тѣмъ же характеромъ миротворца являлся онъ и для семействъ частныхъ, и для семьи къ нему близкой, семьи ученыхъ и литераторовъ. «Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, когда имѣлъ «случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ.»

Таковы должны быть и дѣти его по нравственному родству, дѣти Московскаго университета, заключаетъ свою прекрасную рѣчь г. Соловьевъ.

За тѣмъ былъ пропѣтъ хоръ, написанный г. Шевыревымъ и положенный на музыку г. Верстовскимъ и прочитанъ отчетъ о состояніи Московскаго университета, за 1854 гражданскій годъ.

Надолго останется въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ, прекрасное торжество Московскаго университета, ознаменованное милостью Монарха и оживленное всеобщимъ сочувствіемъ.

Первыя русскія вѣдомости, *печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году. Новое тисненіе по двумъ экземплярамъ, хранящимся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Спб. 1855.*

Вопросъ о первыхъ русскихъ вѣдомостяхъ долго занималъ нашихъ библіографовъ. Рѣдкость экземпляровъ этого изданія поддерживала интересъ розысканій и необходимость ихъ; спорили и о мѣстѣ и особенно о времени перваго появленія вѣдомостей, относя его то къ 1703, то, по свидѣтельству Гольдбаха, къ 1701 году; нѣсколько разъ печатали небольшіе отрывки вѣдомо-

стей, которые по самой ограниченности своей, конечно, не могли замѣнить рѣдкаго изданія. Теперь, просвѣщенное начальство Публичной Библіотеки, рѣшилось ближе ознакомить русскихъ читателей съ этими начатками нашей газетной и журнальной литературы и напечатало первый годъ вѣдомостей, до сихъ поръ извѣстный только въ двухъ экземплярахъ, которые оба принадлежатъ Библіотекѣ. «Если — говоритъ предисловіе этого изданія — за обиліемъ другихъ относящихся къ вѣку Петра Великаго матеріаловъ, отечественныхъ и иноземныхъ, изданные при немъ вѣдомости, конечно, не представятъ въ настоящее время историку много *новыхъ* данныхъ; если онъ не найдетъ въ нихъ даже полнаго разсказа, изо дня въ день, о внутренней жизни нашего отечества и о внѣшнихъ его отношеніяхъ, то въ замѣнъ, онѣ помогутъ ему опредѣлить съ большею точностію взглядъ правительства на политическія событія, и вообще духъ той эпохи. Съ этой точки зрѣнія никто, безъ сомнѣнія, не станетъ отрицать важности первыхъ нашихъ вѣдомостей, какъ матеріала для отечественной исторіи». Кромѣ этого главнаго интереса, книга найдетъ сочувствіе въ публикѣ и какъ замѣна чрезвычайно рѣдкаго изданія первой русской газеты, и какъ любопытное библіографическое явленіе. Изданіе посвящено «Императорскому Московскому Университету, въ день празднованія столѣтія со времени его основанія, 12 января 1855 года, отъ Императорской Публичной Библіотеки».

Въ прекрасно составленномъ предисловіи передаются свѣдѣнія о самомъ изданіи вѣдомостей. Извѣстно, что первые слабые и неясно опредѣлившіеся зародыши нашихъ газетъ явились еще задолго до Петра. Когда, въ XVII столѣтіи, сношенія и связи русскихъ съ Европою стали болѣе и болѣе усиливаться, необходимо должна была пробудиться и потребность слѣдить за ходомъ политическихъ событій въ иноземныхъ государствахъ. Средства, которыми удовлетворяли этой потребности прежде, то есть донесенія и статейные списки пословъ, оказались уже недостаточными, такъ какъ въ нихъ невозможно было найти всего, что нужно было знать русскому правительству; при томъ, какъ бы то ни было, посольскія донесенія могли имѣть только ограниченный кругъ свѣдѣній и — довѣрія. Потому уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича въ посольскомъ приказѣ получались иностранныя газеты; въ переводахъ и извлеченіяхъ газетныя извѣстія подносимы были царю, отъ котораго переходили къ немногимъ приближеннымъ государя. На русскомъ языкѣ онѣ удержали тоже названіе *курантовъ*, которое переводчики находили въ подлинни-

кахъ; оно сохранялось, какъ извѣстно, и во времена Петра Великаго. Древнѣйшій столбецъ такихъ курантовъ, по свидѣтельству статьи Булгакова («Московскій Телеграфъ» 1827. № 13), относится къ 1621 году; но въ то время полученіе иностранныхъ газетъ въ Москвѣ происходило очень неправильно и медленно, такъ-что онѣ доходили въ Москву черезъ два или три мѣсяца, иногда черезъ полгода, и только съ 1665 года, со времени учрежденія иностранной почты, голландскія, гамбургскія, кенигсбергскія и другія газеты приходили въ Москву каждыя двѣ недѣли или даже еженедѣльно.

Переводныя извѣстія иностранныхъ газетъ, конечно, должны были имѣть интересъ для русскихъ читателей; статьи изъ курантовъ, хотя и составлявшихъ государственную тайну, вносились въ рукописные сборники и находили вѣроятно много читателей: нѣсколько такихъ сборниковъ есть между рукописями Публичной Библіотеки (пред. стр. 8) и въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Безъ сомнѣнія, изъ того же источника появляются въ сборникахъ XVII столѣтія и статьи не политическаго содержанія, свѣдѣнія о необыкновенныхъ явленіяхъ природы въ разныхъ европейскихъ государствахъ, напримѣръ, изверженіяхъ волкановъ, наводненіяхъ (въ нѣкоторыхъ рук. Рум. Музея), «о знаменіи надъ мѣстомъ Касовія въ Венгріи 1679 года октября 15» (Библ. Моск. Общ. М. 1845. I, № 118 и Рукописи библ. Царскаго. М. 1848. № 451) и др. Не думаемъ, впрочемъ, чтобы распространеніе курантовъ и значеніе ихъ при дворѣ могли быть причиной прекращенія нашей лѣтописи (пред. стр. 9): и тѣ, и другія имѣли свою задачу и не мѣшали другъ другу, такъ-что ихъ совмѣстное существованіе было очень возможно и не заключало въ себѣ никакого противорѣчія. Упадокъ лѣтописи — явленіе обширное, и онъ произошелъ вѣроятно отъ болѣе важныхъ причинъ, стоявшихъ въ связи съ общимъ характеромъ времени и взглядомъ на вещи, тогда нѣсколько измѣнившимся сравнительно съ прежнимъ.

Составленіе рукописныхъ курантовъ прекратилось указомъ Петра Великаго, отъ 16 декабря 1702 года, «по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, *печатать куранты*, а для печатныхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать изъ тѣхъ приказовъ въ Монастырскій Приказъ, безъ мотчанья (т. е. немедленно), а изъ Монастырскаго Приказа тѣ вѣдомости отсылать на печатный дворъ», и 2 января 1703 года вышелъ

первый листъ первой русской газеты. Петръ Великій самъ заботился о вѣдомостяхъ, отмѣчалъ статьи, которыя нужно было перевести для русской газеты, иногда просматривалъ даже корректуры. Предисловіе сообщаетъ слѣдующія извѣстія о внѣшнемъ составѣ вѣдомостей: «Вѣдомости 1703 года печатались въ Москвѣ, въ 8 д. л., двумя, разными по очертанію, церковными шрифтами: московскимъ и подходящимъ близко къ шрифту изданій Кіево-Печерской Лавры; послѣднимъ, довольно сбитымъ, набрано шесть нумеровъ (отъ 2 января, 5, 18 и 26 апрѣля, 1 мая и 27 іюня). Полное изданіе состоитъ изъ тридцати-девяти нумеровъ, выходившихъ въ неопредѣленные сроки, вѣроятно по мѣрѣ накопленія статей, и различающихся, какъ объемомъ — отъ двухъ до семи листовъ, — такъ иногда и числомъ и длиною строкъ. Счетъ листовъ не общій въ годовомъ изданіи, но отдѣльный по нумерамъ; есть и такіе, которые были выпущены безъ страничной помѣты. Въ концѣ каждаго нумера означались всегда число, мѣсяцъ и годъ выхода газетнаго листка и мѣсто тисненія («на Москвѣ»). Печатались вѣдомости въ числѣ 1,000 экземпляровъ, на что указываютъ слѣдующія приписки киноварью, находящіяся на нѣкоторыхъ нумерахъ одного изъ экземпляровъ Публичной Библіотеки: «сихъ вѣдомостей дѣлано 1,000», «дѣлано всѣхъ сихъ 1,000 курантовъ». Уже одно это обстоятельство даетъ вѣрное понятіе о потребности, которую ощущали современники въ изданіи подобнаго рода, а степень его занимательности для нихъ подтверждается рукописными того времени сборниками, въ которые ихъ составители очень часто переписывали отдѣльные нумера газетъ. Свѣдѣнія, относящіяся до Россіи, помѣщались въ 1703 году прежде извѣстій иностранныхъ, заимствовавшихся вѣроятно изъ двухъ показанныхъ въ спискѣ г. Булгакова иностранныхъ газетъ, которыя получала тогда посольская канцелярія: «Breslauer Nouvellen» и «Reichs-Post-Reuter». Впрочемъ, есть доказательства, что не однѣ эти газеты служили источникомъ при составленіи иностранныхъ извѣстій».

Теперь только съ величайшимъ трудомъ, и то едва ли, возможно собрать полный экземпляръ вѣдомостей 1703 года. По словамъ С. Д. Полторацкаго, подарившаго Библіотекѣ одинъ изъ ея экземпляровъ, онъ платилъ за отдѣльные нумера до 8 руб. сер. и полный годъ первыхъ вѣдомостей въ настоящее время стоилъ бы по крайней мѣрѣ 400 руб. сер. (пред. стр. 14).

Что касается до содержанія, вѣдомости 1703 года сохраняютъ свою важность и теперь: отечественныя извѣстія, помѣщенныя въ нихъ, иногда мелочны и составлены безъ особеннаго поряд-

ки, но тѣмъ не менѣе любопытны, какъ живой отпечатокъ времени и его интересовъ. *Для* насъ любопытенъ въ нихъ даже способъ передачи на русскомъ языкѣ многихъ понятій, иностранныхъ выраженій и оборотовъ, съ которыми приходилось *бороться* переводчикамъ; въ этомъ отношеніи ихъ можно разсматривать и какъ матеріалъ для исторіи нашего литературнаго языка.

Обратимся къ изданію. Оно сдѣлано по двумъ экземплярамъ, принадлежащимъ Библіотекѣ, и напечатано не только страница въ страницу, но и строка въ строку. Вѣрность изданія удивительна; читатель можетъ убѣдиться въ этомъ, заглянувъ въ опечатки, отмѣченныя при концѣ книги: большая часть ихъ была замѣчена только при особенномъ сравненіи перепечатки съ подлиннымъ экземпляромъ, посредствомъ *увеличительнаго стекла.* Въ двухъ экземплярахъ подлинныхъ вѣдомостей отысканы и отмѣчены варіанты, даже самые незначительные, которыхъ едва ли кто могъ и ожидать въ печатной книгѣ. О томъ, что вѣдомости напечатаны кирилловскимъ шрифтомъ, излишне кажется и говорить. Это необыкновенный примѣръ точности и верхъ роскоши изданія.

Къ книгѣ приложенъ краткій указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ вѣдомостяхъ, —чтобы облегчить ея употребленіе; указанія сдѣланы по особой нумераціи внизу страницъ, потому что въ вѣдомостяхъ или совсѣмъ не было счета страницъ, или, въ нѣкоторыхъ нумерахъ, былъ отдѣльный счетъ для каждаго. Приложены также снимки двухъ разныхъ шрифтовъ, какими печатались вѣдомости, и наконецъ въ предисловіи — перечисленіе статей о нихъ, какъ пособіе для желающихъ ближе узнать ихъ литературу. Списокъ составленъ удовлетворительно, хотя при недостаткѣ у насъ библіографическихъ указателей и трудно было избѣжать пропусковъ: не отмѣчены, напримѣръ, статьи г. Снегирева «историческій обзоръ русской журналистики» въ «Московскомъ Город. Листкѣ» 1847. № 28 и 29 и др., гдѣ также сообщаются нѣкоторыя извѣстія объ изданіи первой русской газеты.

Вообще, книга, изданная начальствомъ Публичной Библіотеки, явленіе любопытное и замѣчательное: ее не откажется пріобрѣсти ни одинъ библіографъ, ни одинъ любитель русской старины и литературы....

Италія. *Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя.* В. Д. Яковлева. *Спб. 1855.*

«Скажи, мой свѣтъ, не правда ли, что во Франціи живутъ французы? спрашиваетъ въ «Бригадирѣ» Совѣтница у Иванушки. — Vous avez raison, Madame, отвѣчаетъ Иванушка. И вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ всѣ хохочутъ надъ вопросомъ, черезчуръ наивнымъ, и отвѣтомъ, котораго не стоило давать. Но изъ тысячи людей, говорящихъ объ Италіи, едва ли одному приходитъ въ голову спросить: «какой народъ живетъ въ Италіи?» а если кто и спроситъ, не скоро дождется отвѣта на свой вопросъ, кажется, очень незамысловатый. Жаль итальянцевъ: почти никому не приходитъ въ голову, что они живутъ въ Италіи.

Неужелижъ это племя, еще такъ недавно стоявшее на первомъ мѣстѣ между всѣми образованными народами, не заслуживаетъ теперь никакого вниманія? Или оно въ самомъ дѣлѣ измельчало, изнѣжилось, испортилось до того, что не стоитъ и говорить о немъ? «Да», говорятъ люди, знающіе Италію только по картинкамъ съ видами Неаполя и Везувія; «да», говорятъ большая часть тѣхъ, которые видѣли Неаполь и Везувій собственными глазами.

Не позволительно ли будетъ усумниться въ такомъ положительномъ отвѣтѣ? Не говоримъ объ искусствахъ, въ которыхъ до сихъ поръ итальянцы признаются едвали не первымъ народомъ; но и для науки итальянцы въ послѣднія сто лѣтъ сдѣлали довольно, несмотря на жалкое состояніе общественнаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ XVII вѣка наука въ Италіи постоянно падала; но и теперь еще она стоитъ на высотѣ, которая невозможна у народа, отжившаго свой вѣкъ. И если Гоголь говорилъ, что итальянцы — народъ, натура котораго свѣжа и сильна, которому еще предстоитъ великая будущность, то позволительно думать, что онъ не совсѣмъ ошибается.

Да и вообще какъ-то странно слышать о какомъ нибудь народѣ, что онъ отжилъ свой вѣкъ, исчерпалъ всѣ свои жизненныя начала, что ему остается только спать дряхлымъ сномъ въ ожиданіи скорой смерти. Греки всѣми были когда-то признаны за умершихъ; а теперь, какъ видимъ, воскресаютъ.

Но еслибъ наконецъ итальянцы были и на самомъ дѣлѣ разслабленнымъ, лишившимся всякой энергіи народомъ, то развѣ не поучительно, развѣ не интересно зрѣлище такого народа?

— Но развѣ намъ не описываютъ безпрестанно итальянцевъ? Жалобы на то, что говоря объ Италіи, забываютъ итальянцевъ, совершенно несправедливы.

Да, описываютъ; такъ часто и такими стереотипными чертами, что фигуры ихъ знакомы каждому грамотному человѣку, начиная съ двѣнадцати лѣтъ и незабудутся, хотя прожить на свѣтѣ двѣсти лѣтъ. Итальянка, съ огненными черными глазами, съ роскошною черною косою; лаццарони, полунагой и вѣчно грѣющій бронзовую спину на жгучемъ солнцѣ Неаполя; веттурино, не отличающійся впрочемъ ни чѣмъ, кромѣ своего названія, отъ всякаго другого человѣка — эти фигуры знакомы всякому изъ насъ. А итальянскіе нравы? развѣ они также не знакомы каждому, какъ свои пять пальцевъ? Бѣшеный карнавалъ, огненная любовь, — о нихъ знаетъ даже тотъ, кто не знаетъ, въ сѣверномъ или южномъ полушаріи лежитъ Италія.

Но можно сомнѣваться въ томъ, достаточны ли эти драгоцѣнныя свѣдѣнія, исчертываютъ ли они нравы и бытъ итальянцевъ. Вѣроятно, тотъ еще не глубоко изучилъ французовъ, кто знаетъ только, что французъ — острякъ и вѣтренникъ, что въ Парижѣ можно шумно веселиться, и что французскіе портные — хорошіе портные. Вѣроятно, если какой нибудь путешественникъ сообщилъ бы намъ только эти вѣрныя и драгоцѣнныя наблюденія, то самый нетребовательный читатель сказалъ бы, что этотъ путешественникъ ровно ничего не сказалъ, и, вѣроятно, ничего не видалъ во Франціи.

Но путешественнику по Италіи можно ограничить свои замѣчанія черною косою итальянки, бронзовою спиною лаццарони и бѣшенствомъ карнавала. Помилуйте, развѣ люди интересны въ этой странѣ? Сколько тамъ прекрасныхъ картинъ, сколько тамъ удивительныхъ статуй, какой тамъ восхитительный климатъ! Вотъ что влечетъ путешественника въ отечество Рафаэля, подъ сѣнь благоухающихъ миртовъ и лавровъ.

Прекрасно и пріятно наслаждаться всѣми этими сокровищами искусства и прелестями природы; не такъ прекрасно описывать ихъ и читать ихъ описанія, по очень многимъ простымъ причинамъ. Изъ нихъ первая: милліонъ разъ все это было описано; а такъ какъ лавры и мирты остались на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнемъ видѣ, да и въ картинахъ Рафаэля неприбавилось ни одной новой фигуры, у Венеры Каллипиги ни одного новаго волоска, то описывать ихъ вновь — значитъ повторять старое. Кромѣ того, немногіе люди владѣютъ завиднымъ даромъ интересно говорить о погодѣ, и еще менѣе людей, понимающихъ и хорошо описывающихъ картины и статуи. Можно пріискать и третью причину: лавры и мирты растутъ въ Испаніи лучше, нежели въ Италіи; слѣдовательно, особенно удивительнаго въ нихъ

нѣтъ; картинами Рафаэля каждый можетъ любоваться, не выѣзжая изъ своего отечества.

Но, что дѣлать! такова участь нѣкоторыхъ странъ, что каждый ѣдетъ туда не жить съ людьми, не изучать народъ, а наслаждаться какими нибудь наскучившими всѣмъ, кромѣ его, предметами, которыя, не выходя изъ своего кабинета, можно узнать какъ нельзя лучше. Такъ, напримѣръ, кто ѣдетъ въ Швейцарію, все время своего пребыванія употребляетъ на то, чтобы смотрѣть на Монбланъ и Женевское озеро и къ величайшему удовольствію, наконецъ убѣждается опытомъ, что Монбланъ—высокая гора, а Женевское озеро—хорошее озеро. То, что швейцарцы гораздо интереснѣе своихъ горъ и озеръ, замѣчаютъ немногіе; немногіе замѣчаютъ, даже, что въ Швейцаріи живутъ люди; проводники по горамъ и альпійскіе охотники тамъ есть, какихъ же еще другихъ людей угодно вамъ, читатель? Другихъ еще не найдено.

Но вѣдь наконецъ и въ африканскихъ степяхъ, люди, путешествующіе съ исключительно географической цѣлью, находятъ людей; вѣдь и на Шпицбергенѣ находятъ, если не людей, то хоть что нибудь живое, хоть бѣлыхъ медвѣдей и моржей.

Въ Италіи ничего подобнаго не оказывается. Тамъ есть нѣсколько разбитыхъ колоннъ, полинявшихъ картинъ и много жара, въ глазахъ и въ солнцѣ. Остальное не стоитъ вниманія.

Не всѣ впрочемъ, идутъ этимъ избитымъ путемъ. Гоголь, а въ слѣдъ за нимъ двое или трое другихъ русскихъ писателей увѣряютъ, будто бы видѣли итальянцевъ, и описываютъ ихъ такъ живо и правдоподобно, что это безпримѣрное открытіе становится нѣсколько вѣроятнымъ.

Г. Яковлевъ пишетъ прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ; это придаетъ особую прелесть его книгѣ. Онъ такъ горячо сочувствуетъ прекрасной итальянской природѣ, такъ тонко и вѣрно передаетъ ее, такъ подробно обозрѣваетъ и съ такимъ искусствомъ описываетъ опустѣвшіе мраморные палаццо, древнія развалины, старыя картины, античныя и новыя статуи, что отъ книги его нельзя оторваться. Эти описанія разнообразятся анекдотами о знаменитыхъ художникахъ, иногда небольшими дорожными приключеніями иногда даже небольшими, но очень милыми сценами изъ народной жизни.,.. Вообще, книга г. Яковлева отличается необыкновеннымъ и внутреннимъ и внѣшнимъ изяществомъ. Такого прекраснаго изданія мы давно не встрѣчали у насъ.

Знахари. *Историческій романъ въ двухъ частяхъ.* В. Н. Савинова. *Спб. 1855.*

Критики съ высокоразвитымъ эстетическимъ вкусомъ, съ тонкими художественными требованіями прочтутъ романъ г. Савинова до конца; и чѣмъ долѣе они будутъ читать, тѣмъ сильнѣе будетъ пробуждаться въ нихъ эстетическій гнѣвъ. И, по прочтеніи послѣдней строки, сурово и грозно возьмутся они за карающее перо, докажутъ по пунктамъ, что «Знахарямъ» не было знакомо ни одно эстетическое требованіе, и безпощадно осудятъ историческій романъ въ двухъ частяхъ.

Мы не можемъ послѣдовать ихъ примѣру, потому что прочитали одну только первую часть, не касаясь второй — чтеніе первой убѣдило насъ въ безполезности продолжать трудъ, — слѣдовательно нашъ эстетическій гнѣвъ не могъ возвыситься до безусловнаго осужденія. Скажемъ даже болѣе: пока мы читали первую часть, мы ощущали нѣкоторую непріязнь къ роману; но дочитавъ ее и положивъ романъ въ сторону, мы почувствовали живѣйшее благорасположеніе духа, и пишемъ подъ вліяніемъ этого расположенія. Насъ, быть можетъ, назовутъ за это пристрастными; но мы повинуемся голосу сердца, и кто насъ можетъ обвинять зато? Неужели надобно писать не то, что чувствуешь? А мы теперь твердо убѣждены, что должны быть признательны г. Савинову, должны хвалить его романъ. Безтрепетно исполняемъ эту обязанность, внушаемую голосомъ сердца.

Будемъ признательны г. Савинову за то, что онъ не принадлежитъ къ числу «извѣстныхъ нашихъ беллетристовъ» или «даровитыхъ нашихъ разсказчиковъ» или «лучшихъ нашихъ писателей». Ахъ, какъ облегчаетъ рецензента это обстоятельство, повидимому, не имѣющее вліянія на сущность дѣла. Г. Савиновъ написалъ плохой романъ, и всякій прямо можетъ сказать, что г. Савиновъ написалъ плохой романъ. И никто никого не осудитъ за такое сужденіе. Но что дѣлать рецензенту, если какой нибудь «даровитый разсказчикъ» или «извѣстный беллетристъ «напишетъ плохой романъ?) Случай, не столь рѣдкій, какъ желательно было бы предполагать). Неужели можно тогда сказать, что «романъ извѣстнаго беллетриста и даровитаго разсказчика плохъ»? Никакъ, ни подъ какимъ видомъ! «Рецензентъ не уважаетъ талантовъ; рецензентъ хочетъ пощеголять рѣзкостью своихъ мнѣній; рецензентъ не имѣетъ вкуса; рецензентъ близорукъ и смотритъ въ очки; рецензенту недостаетъ способности понимать вещи.» Впрочемъ эти упреки еще ничего не значатъ. Гораздо непріятнѣе то обстоятельство, что съ плохимъ романомъ

«даровитаго разсказчика» нельзя поступить такъ, какъ съ «Знахарями» — надобно дочитывать его до конца. Судить о трудности подобнаго упражненія въ терпѣніи можетъ только тотъ, кто подвергалъ себя ему; а кто не подвергалъ, тому дадимъ понятіе о дѣлѣ, сказавъ, что гораздо вкуснѣе кушать прѣсный супъ, нежели по обязанности читать прѣсныя страницы. Но этимъ не кончается пріятность, доставляемая «извѣстностью автора» — его плохое произведеніе будетъ почти всюду разхвалено — новый источникъ занимательнаго чтенія. И тутъ еще не конецъ дѣлу — нѣтъ, только начало: «извѣстный писатель», ставъ послѣ этихъ похвалъ еще «извѣстнѣе» и «даровитѣе», даетъ своему перу еще болѣе безконтрольный размахъ — и каждый плохой романъ приноситъ обильный плодъ послѣдующихъ, усовершенствованныхъ произведеній въ томъ же родѣ. Ахъ, какъ признательна должна быть литература «не даровитымъ разсказчикамъ», «не извѣстнымъ беллетристамъ» за то, что они не «даровитые» и не «извѣстные!»

Нельзя также не похвалить г. Савинова зато, что «Знахари» не психологическій романъ. Оцѣнить вполнѣ всю великость такой заслуги могутъ только тѣ немногіе несчастливцы, которымъ суждено дочитывать до конца психологическіе романы. *Она* увидѣла его на балѣ; *онъ* сказалъ ей: «я желалъ бы любить, но не вѣрю любви»; *она* сказала ему: «мнѣ жаль васъ» — этого достаточно для составленія трехъ главъ въ психологическомъ романѣ: какъ подробно, тонко и вѣрно будутъ анализированы въ этихъ длинныхъ главахъ всѣ оттѣнки, всѣ переливы чувствъ! Но кто въ состояніи изобразить оттѣнки и переливы тоскливой скуки, которую производятъ онѣ въ читателѣ? Никто, ни даже самъ авторъ психологическаго романа.

У г. Савинова нѣтъ описаній природы, которыя бы занимали болѣе двухъ миньятюрныхъ страничекъ — это также достоинство немаловажное. Романъ начинается тѣмъ, что герой ѣдетъ по дорогѣ — развѣ г. Савиновъ не могъ написать, напримѣръ, слѣдующаго:

«Полдень, палящій отвѣсными лучами, заставляетъ все живое укрываться подъ тѣнью. Это часъ всеобщаго отдохновенія въ русской природѣ. Не пылитъ дорога, въ лѣсу ни листокъ не шелохнется. Прохожіе садятся подъ густыя вѣтви или спятъ на травѣ, которыя сохраняютъ свою зелень только подъ защитою тѣнистыхъ деревьевъ. Все умолкаетъ; все дремлетъ; одни кузнечики шумятъ и т. д.»

Не подумайте, что этотъ отрывокъ — сочиненіе какого нибудь «неизвѣстнаго беллетриста»: — нѣтъ, мы выписали строки, вами прочитанныя изъ недавно вышедшей книги, которая, вѣроятно, всѣми будетъ похвалена за «прекрасный» слогъ.

Ничего подобнаго не дѣлаетъ г. Савиновъ — онъ пишетъ плохой романъ безъ притязаній на различныя высшія достоинства слога, психологіи, юмора и т. д. — развѣ это не есть своего рода заслуга?

Крымъ, съ Севастополемъ, Балаклавою и другими его городами. *Спб. 1855.*

Книжка, составленная недурно; къ ней приложены двѣ гравюры, прекрасно вырѣзанныя на деревѣ — одна, представляющая видъ Севастополя, другая — видъ Балаклавы, и планъ Севастополя съ окрестностями, показывающій расположеніе русскихъ и непріятельскихъ войскъ и состояніе осадныхъ работъ. Нѣтъ сомнѣнія, что книжка эта будетъ имѣть большой успѣхъ въ публикѣ. Приводимъ здѣсь изъ нея описаніе Севастополя, Инкерманской долины и Балаклавы:

«По присоединеніи Крыма къ Россіи, Императрица Екатерина II, желая имѣть портъ на Черномъ морѣ, повелѣла осмотрѣть на южномъ берегу Крыма портъ, подъ названіемъ Ахтіарская бухта, и если онъ окажется хорошимъ, занять его, перевесть туда часть Азовскаго и Днѣпровскаго флота и назвать его Черноморскимъ. Портъ этотъ найденъ былъ превосходнымъ, и 7-го Мая 1783 года эскадра, состоявшая подъ командою вице-адмирала Клокачева, первая введена была въ него для стоянки и сдана контръ-адмиралу Меккензи, положившему основаніе Севастополю.

«Севастополь лежитъ на крутомъ холмѣ, возвышающемся между двухъ бухтъ морскаго залива; построенъ амфитеатромъ, а потому улицы его, хотя правильно расположенныя, представляютъ большое неудобство, идя безпрестанно съ одной крутизны па другую. Лучшая изъ нихъ параллельна съ портомъ и заключаетъ въ себѣ: соборъ, адмиралтейство и многіе прекрасные дома; нѣсколько хорошенькихъ садиковъ довершаютъ ея украшеніе, но, къ сожалѣнію, они всегда занесены пылью, потому что подвержены вліянію сильныхъ вѣтровъ, постоянно господствующихъ лѣтомъ на всемъ этомъ берегу. Въ городѣ считается до 41,155 жителей и находятся арсеналъ, два адмиралтейства, отлично устроенный госпиталь и огромныя казармы для помѣщенія гарнизона. Небольшой общественный садъ очень красивъ и служитъ прекраснымъ мѣстомъ для гулянья. Есть театръ, уѣздное и приходское училища, и также военныя училища для матросскихъ дѣтей. Въ городѣ поставленъ памятникъ Казарскому.

«Входъ въ Севастопольскій рейдъ—600 саженъ шириною, и обороняется четырьмя сильными батареями, вооруженными болѣе 400 орудій большаго калибра. Рейдъ этотъ въ сѣверной части мельче, чѣмъ въ южной, но вообще въ рѣдкихъ мѣстахъ глубина его менѣе 4-хъ саженъ; при томъ отсутствіе же мелей, ровный иловатый грунтъ и совершенное закрытіе отъ вѣтра много способствуютъ кораблямъ въ ихъ стоянкѣ въ этомъ портѣ. Въ самомъ рейдѣ, имѣющемъ около 8 верстъ въ длину, на южной его сторонѣ, находятся четыре бухты: артиллерійская (для купеческихъ судовъ), корабельная, южная и килен-балочная; изъ нихъ самая большая есть южная, а самая глубокая — корабельная, въ которой трехдечные корабли могутъ приближаться къ самому берегу. Къ югу отъ бухтъ южной и килен-балочной идутъ глубокіе овраги, называемые вообще «балками». Къ сѣверу отъ рейда, кромѣ батарей, находится еще крѣпость, имѣющая видъ осьмиугольника съ четырьмя бастіонами, изъ которыхъ два южные прикрыты каждый люнетомъ долговременной постройки.

«Для снабженія судовъ прѣсною водою служитъ Черная рѣчка; вода ея проведена въ особое зданіе, гдѣ она очищается, идетъ потомъ къ морскому берегу и по первой надобности наполняетъ корабельныя цистерны. Севастополь, какъ военный портъ, имѣетъ для Россіи первостепенную важность.

«Севастополь, по географической широтѣ своей, есть одинъ изъ самыхъ южныхъ городовъ Россійской Имперіи. Онъ окруженъ, съ сѣверной стороны, горами въ 225 футовъ вышины; съ восточной и южной — горами же въ 308 футовъ вышины и бухтами; съ западной — моремъ. Средняя температура города, въ продолженіи 12-ти лѣтъ, + 9,9. Наибольшая теплота простиралась отъ 24½ до 28 градусовъ, а наибольшій холодъ отъ 6 до 15 градусовъ. Изъ сложности 27-ми лѣтнихъ наблюденій оказывается, что средняя температура въ градусахъ 80-ти дольнаго термометра въ Севастополѣ, для каждаго мѣсяца, есть слѣдующая:

Въ Январѣ	+ 1,1.
— Февралѣ. . . .	+ 1,5.
— Мартѣ.	+ 4,0.
— Апрѣлѣ	+ 8,1.
— Маѣ	+12,2.
— Іюнѣ.	+16,0.
— Іюлѣ.	+17,5.
— Августѣ. . . .	+17,6.
— Сентябрѣ . . .	+14,4.
— Октябрѣ. . . .	+10,4.
— Ноябрѣ . . .	+ 6,7.
— Декабрѣ. . . .	+ 2,7.

«Весною бываютъ, большею частію, южные вѣтры и ясные дни: иногда находятъ съ моря туманы и продолжаются до 8-ми и рѣдко

до 10-ти часовъ утра. Лѣтомъ бываютъ, почти всегда, днемъ — западные вѣтры, съ моря, и ночью — восточные, съ горъ, что способствуетъ много выходу судовъ и эскадры въ море и входу ихъ на рейдъ. Осенью та же погода, и тогда наступаетъ лучшее время года. Зимою — частые дожди; при сѣверовосточныхъ-же вѣтрахъ, термометръ бываетъ ниже точки замерзанія и часто со снѣгомъ, который, съ перемѣною вѣтра, исчезаетъ. Вообще воздухъ въ Севастополѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окрестностей его, здоровый, и господствующихъ болѣзней не существуетъ. Періодическіе вѣтры, способствующіе флоту выходить изъ порта во всѣ дни года, и достоинство рейда и гавани, которые никогда не замерзаютъ, и гдѣ совершенно безопасно и близко къ берегу могутъ стоять корабли, дѣлаютъ его однимъ изъ лучшихъ портовъ въ свѣтѣ.

«Къ востоку отъ Севастополя, сѣвернѣе Черной рѣчки, лежитъ Инкерманская долина, по имени которой названъ и мостъ, здѣсь находящійся. На этомъ мѣстѣ стоялъ городъ Херсонесъ или Корсунь, въ которомъ великій князь Владиміръ I, въ 988 году, принялъ Св. Крещеніе. Отъ города, нѣкогда богатаго и цвѣтущаго, остались только развалившіяся стѣны, башни и нѣсколько малыхъ пещеръ, высѣченныхъ въ отвѣсной скалѣ, замыкающей долину. Кругомъ находятся болота, производящія не совсѣмъ здоровыя испаренія. Южнѣе Севастополя, на песчаной косѣ, весьма мало возвышающейся надъ моремъ, устроенъ маякъ. На этомъ же мѣстѣ стоялъ древній Херсонесъ, основанный Греками за 600 лѣтъ до Р. Х. и бывшій главнымъ городомъ Греческихъ колоній въ Тавридѣ. Отъ маяка вплоть до Севастополя видны слѣды стѣнъ, расположенныхъ правильными рядами и четвероугольниками. Размѣщеніе ихъ и малое углубленіе стѣнъ въ землю породили много споровъ между антикваріями, изъ которыхъ одни утверждаютъ, что это остатки отъ стѣнъ Греческихъ жилищъ, другіе же напротивъ говорятъ, что это границы между садами и огородами древняго Херсонеса.

«*Балаклава*, заштатный городъ, находится въ 2152 в. отъ С. Петербурга, въ 1476 в. отъ Москвы, въ 84 в. отъ Симферополя, въ 12-ти в. отъ Севастополя, и лежитъ при заливѣ Чернаго моря, окруженномъ горами. Гавань ея имѣетъ 1½ версты въ длину, ½ версты въ ширину и соединяется съ моремъ посредствомъ узкаго пролива въ 25 саженъ шириною; глубина ея очень велика даже у берега, но узкій входъ дѣлаетъ доступъ въ гавань чрезвычайно опаснымъ во время сильнаго противнаго вѣтра. Бухта, на всемъ протяженіи, окаймлена высокими горами, на которыхъ, съ восточной стороны, находились въ древности Генуэзскія укрѣпленія. Городъ и крѣпость ихъ были въ совершенной безопасности отъ нападенія, потому что край горы, обращенный къ морю, и до сихъ поръ представляетъ обрывъ совершенно вертикальный, а съ другой стороны на нее ведетъ только узкая тропинка. Въ настоящее время крѣпость эта вся въ развалинахъ и только однѣ

наружныя стѣны и нѣсколько башенъ еще возвышаются, готовыя впрочемъ каждую минуту рухнуть.

«Балаклава имѣетъ 1067 человѣкъ жителей и походитъ болѣе на порядочную деревню, чѣмъ на торговый городъ; въ ней одна только главная улица, довольно узкая и не имѣющая никакихъ замѣчательныхъ зданій. Здѣсь штабъ-квартира Греческаго баталіона.

«Балаклава заселена Архипелагскими Греками, участвовавшими во второй Турецкой войнѣ и въ Чесменской битвѣ. Городъ тѣсный — образчикъ Азіятскихъ построекъ! Взоръ устремляется на растянувшуюся скалистую гору, омываемую, съ одной стороны, заливомъ, а съ другой, Чернымъ моремъ, и на гору съ остатками отъ Генуэзскихъ укрѣпленій. Изъ залива, называвшагося у Еллиновъ *Символомъ*, а нынѣ именуемаго Балаклавскимъ, какъ упомянуто выше, идетъ входъ въ море, чрезъ каменныя узкія ворота, устроенныя природою изъ скалистыхъ утесовъ.

«Въ 1796 году гавань Балаклавы была совершенно закрыта; но такъ какъ она служила прежде многимъ судамъ убѣжищемъ во время бури, то ее снова открыли и учредили въ ней таможенную заставу. Отсутствіе обширной и совершенно удобной гавани, недостатокъ хорошей воды и близость Ѳеодосіи, Евпаторіи и Керчи не допускаютъ развитія въ Балаклавѣ значительной торговли.»

Русское посольство въ польшѣ въ 1673 — 1677 годахъ. *Нѣсколько лѣтъ изъ исторій отношеній древней Россіи къ европейскимъ державамъ. Соч.* А. Попова. *С.-Петербургъ. 1854.*

Сочиненіе г. Попова не свободно отъ многихъ недостатковъ. Изъ нихъ первый — авторъ не сохраняетъ различія между тѣмъ, что прямо относится къ его предмету, и тѣмъ, что только соприкасается съ сущностью его изслѣдованія. Собственно г. Поповъ хочетъ объяснить дипломатическія отношенія Россіи къ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ; но переговоры между этими державами шли о взаимной помощи въ турецкой войнѣ—и г. Поповъ разсказываетъ общеизвѣстныя событія этой войны, такъ же подробно, какъ и самые переговоры; переговоры эти шли также по поводу малороссійскихъ дѣлъ — и г. Поповъ подробнѣйшимъ образомъ разсказываетъ (опять общеизвѣстныя) событія малороссійской исторіи; мало того: съ Польшею были въ сношеніяхъ западныя государства—и г. Поповъ подробно разсккзываетъ ихъ исторію. Какъ, напримѣръ, начинается исторія русскаго посольства въ Польшѣ? — слѣдующимъ образомъ:

Въ 1672 году, 7-го апрѣля, въ пасмурный и дождливый день по улицамъ Парижа разъѣзжали въ торжественной одеждѣ глашатые съ трубачами, объявляя на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ, что король французскій, недовольный въ отношеніи къ нему поведеніемъ

соединенныхъ Голландскихъ Штатовъ, начинаетъ съ ними войну на сушѣ и на морѣ. Объявленіе не поразило новостію парижанъ; они давно знали о намѣреніяхъ короля и т. д.

Такой методъ напоминаетъ статьи одного изъ нашихъ историковъ русской литературы, который по случаю сочиненій Жуковскаго перевелъ почти всего Гервинуса, а говоря о Карамзинѣ выписалъ 17 страницъ Лессинговой драмы «Эмилія Галотти». Нельзя упрекнуть г. Попова, чтобъ онъ изъ-за извѣстій о состояніи погоды въ Парижѣ 7 апрѣля 1672 года, — опускалъ подробности дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Польшею; но эти подробности, интересныя и важныя, потоплены въ разсказахъ о постороннихъ событіяхъ, неимѣвшихъ никакого права занимать двѣ трети его книги. Читатель теряется въ этомъ хаосѣ.

Еще существеннѣе другой недостатокъ — г. Поповъ, считаетъ русскаго посла въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ, Тяпкина необыкновенно глубокомысленнымъ государственнымъ человѣкомъ, и вездѣ выставляетъ основательность и мудрость его — между тѣмъ, событія нисколько не оправдываютъ такого мнѣнія. Тоже самое надобно сказать и о многихъ другихъ дѣйствователяхъ той эпохи. Г. Поповъ не разсматриваетъ критически соображеній, или лучше сказать, привычекъ, на которыхъ основывался ходъ переговоровъ, не имѣетъ самостоятельнаго взгляда на существенное положеніе дѣлъ. Онъ пишетъ не исторію, а апологію.

Потому его сочиненіе не такой трудъ, который окончательно объяснялъ бы исторію отношеній Россіи къ Польшѣ въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, а только сборникъ матеріаловъ, нуждающихся въ критической переработкѣ.

Но какъ сборникъ матеріаловъ, оно имѣетъ большое достоинство. Г. Поповъ пользовался неизданнымъ «статейнымъ спискомъ» и «отписками» т. е. подлинными дипломатическими депешами Тяпкина, русскаго посла въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ и представилъ изъ нихъ драгоцѣнныя выписки, выбранныя, сколько можемъ судить, внимательно и удачно.

Камчатка и ея обитатели. *Спб. 1855.*

Книжка эта, очень тоненькая, заслуживаетъ благосклоннаго вниманія читателей, потому что написана краснорѣчиво, хотя и несовсѣмъ грамотно. Напримѣръ, приводя стихи Грибоѣдова:

Въ Камчатку сосланъ былъ,
Вернулся Алеутомъ

Авторъ объясняетъ ихъ такъ: «этими словами поэтъ вполнѣ обрисовалъ современныя понятія, въ которыхъ заключалось даже примѣшивалось, что-то заколдованное, превращающее.»

О ласковомъ обращеніи съ животными. *Переводъ съ англійскаго* Александры Ишимовой. *Спб. 1854.*

Переводъ этотъ былъ напечатанъ сначала въ журналѣ «Звѣздочка» (1854 г.) и нынѣ изданъ, какъ говоритъ переводчица, для дѣтей не читающихъ «Звѣздочки». Мы полагаемъ, что такихъ дѣтей немного. «Звѣздочка» и «Лучи» одни изъ лучшихъ журналовъ, и онъ долженъ быть настольною книгою въ каждой дѣтской. Кстати, замѣтимъ здѣсь, эти журналы издаются и въ наступившемъ 1855 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ они издавались въ прошедшемъ. Подписываться можно отдѣльно на каждый журналъ — «Звѣздочка» стоитъ пять, «Лучи» — шесть рублей серебромъ. Контора «Звѣздочки», какъ извѣстно, при книжномъ магазинѣ Ѳ. Б. Базунова.

Впрочемъ, мы убѣждены, что напоминать родителямъ о дѣтскихъ журналахъ г-жи Ишимовой безполезно. Они очень хорошо и безъ насъ помнятъ о нихъ, а если нѣкоторые изъ нихъ не возобновили еще свой абонементъ, то имъ напомнятъ объ этомъ, безъ сомнѣнія, ихъ дѣти, маленькіе читатели и почитатели таланта г-жи Ишимовой.

История Рима отъ основанія города до Рождества Христова. М. Богоявленскаго. *Спб. 1855.*

Трудно объяснить себѣ, по какимъ соображеніямъ и съ какою цѣлью написалъ эту маленькую книжку г. Богоявленскій. Учебникомъ она быть не можетъ, потому что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ римская исторія преподается какъ часть древней исторіи вообще. Спекуляціею также нельзя назвать его книжку, потому что предметъ ея нимало не удобенъ для привлеченія малограмотныхъ читателей животрепещущимъ интересомъ заглавія. Претендовать на какое нибудь ученое значеніе, книжечка эта не можетъ. Потому надобно признаться, что ея появленіе — загадка, не обѣщающая никакой пользы автору. Если онъ не занимается римскою исторіею, почему онъ выбралъ именно ее предметомъ сочиненія своего, почему не написалъ исторіи Турціи, Англіи или другой страны, возбуждающей интересъ въ настоящую минуту? А еслибъ онъ занимался римскою исторіею, онъ долженъ былъ бы написать книгу, которая отличилась бы какими нибудь достоинствами.

Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ. *Составилъ Л. Д. Спб. 1854.*

Брошюра эта — отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ «Морскомъ Сборникѣ». Разсматривая разныя конвенціи морскихъ державъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, особенно декларація и манифесты Екатерины II о «вооруженномъ нейтралитетѣ», авторъ доказываетъ, что всѣ державы, кромѣ Англіи, допускали всегда нейтральную торговлю съ державами, находящимися въ войнѣ между собою, и что, слѣдовательно, Англія, не признающая этого правила, дѣйствуетъ вопреки основаній общенароднаго права. Изложеніе свое г. Л. Д. подтверждаетъ также общими соображеніями, выводимыми изъ самаго понятія о войнѣ, и примѣрами, заимствованными изъ исторіи среднихъ вѣковъ.

Путевыя записки русскаго художника И. Захарова. *Вторая часть. Спб. 1855.*

Разбирая первую часть «Путевыхъ Записокъ» г. Захарова, «Современникъ» и другіе журналы отдали справедливость простотѣ разсказа и занимательности многихъ страницъ этихъ воспоминаній, замѣчая въ тоже время, что языкъ «Путевыхъ Записокъ» очень нуждается въ исправленіи. Вторая часть написана языкомъ несовершенно еще удовлетворительнымъ, но уже гораздо болѣе правильнымъ, и потому можетъ быть прочитана гораздо легче, нежели первая. Небольшая книжка, изданная теперь г. Захаровымъ, разсказываетъ — очень подробно — одинъ только анекдотъ, правда, анекдотъ занимательный и даже романическій, такъ что походитъ болѣе на беллетристическое произведеніе, нежели на записки путешественника. Любимая одалыска султана Махмуда II, Биби-Сагида, поѣхавъ однажды покупать себѣ наряды, влюбилась въ молодаго купца, грека Констаки. Долго влюбленные видались въ лавкѣ Констаки; наконецъ Биби-Сагида замѣтила, что гаремныя соперницы подозрѣваютъ ея любовь. Оставалось одно средство спасенія — бѣгство. Констаки нанялъ греческое судно и увезъ Биби-Сагиду въ Грецію. На пути открылось, что Биби-Сагида племянница капитана Леонида, гречанка, *Марія*, похищенная пиратами и проданная на константинопольскомъ рынкѣ. Разсказъ г. Захарова можно, какъ мы замѣтили, упрекнуть въ растянутости, но простота его вознаграждаетъ до нѣкоторой степени этотъ недостатокъ. Приключенія Констаки, Биби-Сагиды и *Леонида* такъ походятъ на романъ, что анекдотъ, переданный г. Захарову евнухомъ Сарай-бурнусскаго гарема, можно было бы считать прикрашеннымъ, еслибъ самъ г. Захаровъ

не видѣлъ потомъ въ Тріестѣ героиню этого событія. Ея жизнь текла тогда (въ 1850 году) самымъ прозаическимъ образомъ — бывшая любимица Махмуда содержала гостинницу. Блестящіе глаза еще говорили о прежней красотѣ этой женщины.

Описаніе замѣчательнѣйшихъ лабораторій Германіи и Бельгіи. *Составлено* Петромъ Кочубеемъ. *Съ XVII чертежами лабораторій и химическихъ аппаратовъ въ большой листъ.*

Произведя переворотъ въ наукѣ, Либихъ произвелъ переворотъ и въ преподаваніи химіи. До него химія была наукою, по преимуществу теоретическою. Оттого и химическіе опыты производились въ небольшомъ размѣрѣ и занимался ими только профессоръ. Либихъ ввелъ преподаваніе практическое, допустилъ и началъ поощрять студентовъ къ самостоятельному занятію химическими операціями; съ тѣмъ вмѣстѣ и опыты, получивъ агрономическую и технологическую цѣль, стали производиться въ бо́льшемъ размѣрѣ. Все это имѣло слѣдствіемъ необходимость возвысить важность и увеличить размѣръ химическихъ лабораторій. Прежде онѣ устроивались гдѣ-попало и какъ попало; теперь требуютъ онѣ обширныхъ помѣщеній, со всѣми удобствами для многочисленныхъ аппаратовъ и для производства разнообразнѣйшихъ опытовъ.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было еще сочиненія, въ которомъ бы описывалось новое устройство лабораторій. Это побудило г. П. Кочубея, которому было поручено лѣтомъ 1853 года осмотрѣть замѣчательнѣйшія лабораторіи Германіи и Бельгіи, издать ихъ описаніе и чертежи. Лучшими изъ современныхъ лабораторій считается Либихова (въ Мюнхенѣ); ее прежде всего и описываетъ г. Кочубей; потомъ сообщаетъ описанія лабораторій Люттихской, Дрезденской, Берлинскихъ, и наконецъ лабораторіи въ Карлсруэ. Чертежи, приложенные къ описаніямъ, исполнены прекрасно, равно какъ и самыя описанія. Вообще на изданіи этомъ лежитъ печать добросовѣстнаго, съ знаніемъ дѣла исполненнаго, труда и вкуса.

Правда объ Англіи и сказанія о расширеніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. А. Ротчева. *Тетради IV и V. Спб. 1854.*

Эти IV и V выпуски завершаютъ собою компиляцію г. Ротчева. Они заключаютъ въ себѣ описанія — распоряженій англичанъ въ области москитосовъ и ихъ водворенія въ Грей-Таунѣ; описанія Пари и ея жителей; отношенія Англіи къ Ирландіи;

разсказъ объ ирландской эмиграціи въ Калифорнія и Австраліи; о мануфактурной дѣятельности Англіи и въ заключеніи — взглядъ на союзничество Англіи съ Франціею; воспоминаніе о Наполеонѣ и отвѣтъ защитникамъ запада.

Вотъ эти заключительныя слова:

«Франція—говоритъ авторъ—въ продолженіе четырехъ столѣтій съ оружіемъ въ рукахъ стояла преградою противъ тщеславныхъ замысловъ Англіи, и за то въ эти четыре столѣтія первая возрастала въ силѣ и могуществѣ; только четверть столѣтія какъ эта же Франція протянула руку Англіи, стала ея союзницею — и въ эти четверть столѣтія сколько униженія досталось на долю Франціи? Сильная, долго уважаемая Франція, до той поры пока на всѣхъ путяхъ мѣшала захватамъ, ловкихъ спекуляторовъ Сити — въ настоящее время длиннымъ рядомъ неустройствъ расплачивается за неестественный союзъ съ соперницею своею, и съ той поры не стало силы Франціи, не стало о ней и добраго мнѣнія. Благодареніе Промыслу, что срокъ подобнаго товарищества не связанъ оговорками контракта и можетъ ежеминутно кончиться.

«И въ самомъ дѣлѣ такимъ ли товариществомъ Франція должна воздать за всю ненависть, за всѣ оскорбленія, обрушенныя Англіею на главу Наполеона?

«Когда Наполеонъ, *низпадая подъ мечомъ (?)* ополчившейся Европы, взывалъ къ великодушію Британіи, не предлагалъ ли онъ на долю ея лучшей доли торжества: изгнанный изъ той же Франціи, которую онъ вознесъ такъ высоко, бѣглецъ на тѣхъ самыхъ берегахъ, гдѣ еще недавно царствовалъ, Наполеонъ искалъ какого то величія въ побѣдившемъ врагѣ своемъ; онъ думалъ, что великодушіе этого врага, равно твердости, проявленной въ битвѣ — онъ думалъ найти въ Англіи гостепріимный кровъ, мѣсто у очага! Гдѣ въ исторіи найдется примѣръ бо́льшаго злополучія — и могъ ли Англіи представиться болѣе блистательный случай проявить славу свою, еслибы она поняла все величіе подобнаго злополучія? Но спекуляторы Сити не могли постигнуть великодушнаго довѣрія, нѣкогда страшнаго врага своего. Подъ вліяніемъ боязни и ненависти, они предательствомъ заплатили за благородство, и сдѣлали изъ гостепріимства своего ловушку, а изъ покровительства — продолжительное заточеніе,

«Они не удовольствовались тѣмъ, что гостя обратили въ узника; они осудили великаго полководца на ряду съ преступниками на вѣчную ссылку, съ тою только разницею, что специяльно для него назначили мѣсто этой ссылки, и вмѣсто тюремщиковъ разставили своихъ часовыхъ.

«И для изгнанника съ той поры каждый день сталъ казнью, каждый часъ пыткой! Агенты Англіи одушевились полученными инструкціями, или лучше — со всѣми преданіями своими англійская администрація перенеслась на негостепріимныя скалы Елены. Эти

агенты не давали ни на минуту пощады великому вождю; какъ хищныя птицы терзали они тѣло его! такъ новый Прометей палъ отъ ихъ ударовъ, и умирая подписалъ постыднѣйшую страницу въ исторіи Англіи!

«Что же остается отвѣчать журнальнымъ глашатаямъ запада, увѣряющимъ, что Англія, возбуждая возстанія, посылая флоты, прибирая къ рукамъ своимъ и торговлю, и промышленость другихъ націй — дѣйствуетъ въ видахъ общей цивилизаціи, съ самоотверженіемъ защищаетъ *правое дѣло?* Остается указать на тѣ униженія, на горькую долю, которыя она уготовила 200 милліонамъ подданнымъ своимъ въ Остъ-Индіи; на отравленный опіумомъ Китай, на союзничество съ дикими туземцами Америки, на жестокости, проявленныя въ Канадѣ, въ Греціи? Но довольно! Неужели мало убѣжденій, что повѣсть о дѣйствіяхъ этихъ ловкихъ спекуляторовъ, не требуетъ ни изысканныхъ гиперболъ, ни громкихъ восклицаній? Много пятенъ въ дѣеписаніяхъ ея: только обиліе матеріаловъ можетъ затруднить писателей! . . .

«Остается сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, которыми я пользовался въ предстоящемъ трудѣ: мнѣ доставили обильные матеріялы: Regniant Bosset и періодическія изданія самой Англіи, которыя такъ усердно выдаютъ ее. Если приведенные мною источники и собственныя мои наблюденія, собранныя на мѣстахъ во время долгихъ моихъ странствованій по свѣту, дали занимательность книгѣ моей — я достигъ цѣли».

Цѣли своей г. Ротчевъ достигъ, безъ сомнѣнія. Книга его прочтется не безъ любопытства, несмотря на нѣсколько небрежное ея изложеніе и не совсѣмъ правильный языкъ. Но и рецензентъ и, вѣроятно, читатель пожалѣютъ, что авторъ *мало* прибѣгалъ въ ней къ собственнымъ наблюденіямъ, собраннымъ на мѣстахъ во время долгихъ его странствованій по свѣту.

До сихъ поръ наблюденія эти сообщалъ намъ г. Ротчевъ только въ отрывочныхъ журнальныхъ статьяхъ. А намъ кажется, что онъ могъ бы составить изъ этихъ наблюденій книгу въ высшей степени любопытную, онъ, который столько видѣлъ!... Такая книга была бы превосходнымъ подаркомъ русской литературѣ, въ которой такъ мало любопытныхъ путешествій. Англичане — народъ эгоистическій и корыстолюбивый, — это несомнѣнно, но въ то же время трудолюбивый и дѣятельный. Сколько книгъ по части путешествій появляются у нихъ ежегодно. Какъ богата англійская литература такими книгами!

Если бы г. Ротчевъ въ подражаніе англійскимъ туристамъ издалъ описаніе своего путешествія, онъ доказалъ бы, что мы, уничтожая и разгромляя дурныя и слабыя стороны враждебной намъ націи, умѣемъ въ то же время пользоваться ея хорошими

грамёрами. Въ самомъ дѣлѣ, русскіе не боятся отдавать справедливость въ чемъ бы то ни было, даже заклятымъ врагамъ своимъ!

Осада и взятіе Византія турками. *Сочиненіе* М. Стасюлевича. *Спб. 1854.*

Первою обязанностью историка считалась нѣкогда критическая повѣрка разсказовъ, сообщаемыхъ невѣжественными или склонными къ реторикѣ лѣтописцами. Все невѣроятное въ то время предписывалось откидывать изъ исторіи, или стараться объяснить правдоподобнымъ образомъ. Сколько превосходныхъ анекдотовъ было тогда объявлено недостовѣрными или просто выдуманными! Взглянемъ хоть на греческую исторію. Вся жизнь Ликурга была названа выдумкою, двѣ первыя мессенскія войны, обильныя самыми интересными приключеніями — объявлены недостовѣрными; Кадмъ и Данай, Кекропсъ и Пелопсъ признаны баснословными лицами; невозможно перечесть всѣхъ поэтическихъ воспоминаній, которыя были тогда провозглашены принадлежащими міру вымысловъ, а не фактовъ. Каковы бы ни были частныя ошибки людей, слѣдовавшихъ этому направленію, вообще надобно сказать, что они говорили сообразно съ здравымъ разсудкомъ.

Здравый разсудокъ! Ему ли, распорядителю мелкихъ, прозаическихъ житейскихъ дѣлъ быть законодателемъ въ поэтической области исторіи? Какъ суха, блѣдна, безжизненна остается она, обнаженная холоднымъ соображеніемъ отъ блестящей обстановки, которая сообщена ей преданіями! Нѣтъ, мы будемъ принимать жизнь во всей ея поэтической полнотѣ. Мы возстановимъ низверженное суровыми скептиками! — Собственно говоря, скептики вовсе не были суровы, они были только осмотрительны; да и не скептиками были они, а просто разсудительными людьми. Но все равно, посмотримъ, какъ дѣйствовали ихъ противники.

Дѣйствовали они очень просто: всѣ историческіе разсказы, которые имъ нравились, по поэтическому ли своему характеру или по особеннымъ какимъ нибудь обстоятельствамъ, они провозглашали достовѣрными. Они готовы были доказывать историческую достовѣрность всѣхъ приключеній Амадиса Галльскаго, готовы были считать достовѣрными всѣ подвиги Добрыни Никитича и Еруслана Лазаревича. Эти рыцари защитники всего, что не выдерживало никакой критики, были довольно странны. Но они увлекались по крайней мѣрѣ поэтическою стороною басенъ. Если невозможно было съ ними соглашаться, то надобно

было признать въ нихъ чувство и искреннюю привязанность. Это историки поэты.

Но другіе люди отвергаютъ критику, не хотятъ обращать вниманія на правдоподобіе разсказовъ только потому, что увлекаются соперничествомъ съ Александромъ Дюма — имъ нужны антитезы, неожиданныя встрѣчи, измѣны, таинственныя интриги и вся обстановка дюжинныхъ романовъ. Они смотрятъ на исторію, какъ на поприще для пораженія читателей красотами слога, странными завязками и сюрпризами неожиданныхъ развязокъ. Это историки риторы.

Почему же не писать исторію въ томъ духѣ, какъ Дюма написалъ Монтекристо и Трехъ Мушкатеровъ? Надобно только чувствовать и признаваться, что въ такомъ случаѣ дѣло идетъ о выказываніи романическаго своего таланта, а вовсе не объ открытіи разныхъ историческихъ истинъ. Дюма, сколько извѣстно, не претендуетъ на историческую достовѣрность своихъ интригъ и развязокъ; онъ только спрашиваетъ: каково придумано? неправда ли, хитро? Неправда ли, никому этого не могло прійдти въ голову?

Нѣтъ, историки-риторы не довольствуются такимъ скромнымъ взглядомъ на сущность своихъ изобрѣтеній: они считаютъ каждую натяжку историческихъ фактовъ, какую удалось имъ сдѣлать въ угоду своему желанію отличиться неожиданностью своихъ заключеній, — каждую такую натяжку они считаютъ глубокомысленнымъ соображеніемъ, великимъ открытіемъ, бросающимъ совершенно новый и необыкновенно яркій свѣтъ на ходъ историческихъ событій.

Этому обольщенію особенно часто предаются молодые ученые. Потому съ искреннимъ удовольствіемъ замѣтили мы, что г. Стасюлевичъ совершенно свободенъ отъ романическаго взгляда на исторію. Онъ смотритъ на внутренній смыслъ фактовъ проницательно и положительно, находитъ сокровенныя пружины того важнаго историческаго событія, которое объясняетъ въ своей брошюрѣ. Тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ усомниться въ безусловной справедливости его взглядовъ на ходъ событій. Онъ становится на точку зрѣнія, совершенно чуждую обыкновеннымъ историческимъ понятіямъ — утѣшительный фактъ, свидѣтельствующій о самостоятельности его таланта. Но, конечно, онъ не ожидаетъ и самъ, чтобы всѣ, привыкшіе видѣть объясняемыя имъ событія совершенно въ другомъ свѣтѣ, съ перваго же раза отказались отъ мнѣній, которыя такъ издавна были приняты историками, и, по видимому, такъ просто и удовлетворительно объяс-

вали ходъ дѣла. Мы готовы признать, что взглядъ г. Стасюлевича гораздо глубокомысленнѣе обыкновеннаго взгляда, напомянуть о которомъ мы считаемъ нужнымъ; потому и легко намъ сознаться, что основанія, на которыхъ построены заключенія г. Стасюлевича, часто остаются для насъ нѣсколькими темными. Если сопоставленіе фактовъ и обыкновенныхъ понятій съ «совершенно новыми результатами», до которыхъ, по собственному справедливому замѣчанію, дошелъ г. Стасюлевичъ, хотя нѣсколько будетъ способствовать отстраненію этой темноты, мы почтемъ себя достигшими нашей цѣли.

Что побудило Мухаммеда II предпринять осаду Константинополя съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять его? Это существеннѣйшій вопросъ для г. Стасюлевича, и онъ разрѣшаетъ его такъ:

«Магометъ II... видѣлъ... что дѣло идетъ вовсе не о независимости Византіи; что эта независимость есть одно громкое слово. Магометъ II увидѣлъ, что вопросъ состоитъ не въ томъ, быть или не быть Византіи независимою; другое занимало латинцевъ: кто долженъ владѣть Константинополемъ? они, или турки? а при такомъ вопросѣ Магометъ II хотѣлъ рѣшить его въ свою пользу. Его опытность и примѣръ прошедшаго убѣдили, что при миролюбивой и строгой честности его отца, Мурата II, кознямъ латинцевъ не будетъ конца, что они вѣчно будутъ хлопотать о независимости Византіи, пока не овладѣютъ ею сами и въ личинѣ защитниковъ греческой независимости останутся претендентами на овладѣніе Византіи. Магометъ II сознаԉъ, что латинцы ищутъ господства на востокѣ, и слѣдовательно стремятся съ нимъ къ одной и той же цѣли и потому рѣшился предупредить ихъ. Вотъ оттого-то Магомету и не спалось съ тѣхъ поръ по цѣлымъ ночамъ и онъ только и думалъ о томъ, какимъ бы образомъ достигнуть своей цѣли.

Итакъ Мухаммедъ II вовсе не былъ врагомъ Византійской имперіи; онъ напалъ на Византію только для того, чтобъ изгнать изъ нея латинцевъ. Не опасайся онъ, что латинцы овладѣютъ Византіею, онъ и не подумалъ бы завоевать ее.

Но самъ г. Стасюлевичъ говоритъ, что греки ненавидѣли латинцевъ; что вступали съ ними въ союзъ, всегда ненавистный для грековъ, и мгновенный, только потому, что должны были искать какихъ бы то ни было союзниковъ, хотябъ и ненавистныхъ, для защиты Константинополя отъ турокъ, и какъ скоро была хоть малѣйшая надежда на спокойствіе со стороны турокъ, греки разрывали союзъ съ латинцами, и давали полный просторъ своей ненависти къ нимъ. Не ясное ли дѣло, что г. Стасюлевичъ, въ приведенномъ выше объясненіи, причину (вражду Магомета) ставитъ слѣдствіемъ, а слѣдствіе (минутный и на-

сильственный союзъ съ латинами) причиною? Всѣ факты въ его собственной книгѣ противорѣчатъ его объясненію. Онъ самъ говоритъ, что греки не питали ненависти къ туркамъ, а смертельно ненавидѣли латинъ; еслибъ Мухаммедъ II хотѣлъ уничтожить латинское вліяніе въ Византіи, онъ достигъ бы этого (какъ много разъ и случалось прежде), давъ хотя минуту спокойствія Византіи.

И неужели можно думать, что Мухаммедъ II не желалъ завоевать Византію, а былъ принужденъ къ тому? Это необыкновенно странно. Турки только и жили завоеваніями, разширеніе границъ было единственною мыслью ихъ. И не проще ли всего думать, что постепенно отнимая одну область за другою у православныхъ (грековъ и сербовъ) на Балканскомъ полуостровѣ, турки думали просто о завоеваніи этихъ областей, о грабежѣ, дани и владычествѣ, а не о томъ, пріятно или непріятно это будетъ латинамъ. Кажется, очень натурально думать, какъ и доказываютъ всѣ безъ исключенія факты турецкой исторіи XV—XVI столѣтій, что турки, дѣлая завоеванія, искали именно добычи и завоеваній. Неужели стремленіе завоевать послѣдній городъ, остававшійся у грековъ, не было естественнымъ слѣдствіемъ завоеванія всѣхъ греческихъ областей? И могъ ли честолюбивый Мухаммедъ II быть покоенъ, пока не завоевана имъ столица завоеваннаго царства?

Противъ латинянъ или противъ грековъ велъ Мухаммедъ II осаду Константинополя, кажется очень ясно видно изъ того, что онъ осаждалъ греческую часть города, а съ латинскимъ предмѣстьемъ его, Галатою, и не думалъ начинать вражды. Г. Стасюлевичъ самъ прекрасно это говоритъ: «ближайшіе сосѣди осажденныхъ грековъ, Галатскіе генуэзцы поступили коварно: они объявили «себя нейтральными, а во время осады даже помогали тайно туркамъ».

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: отчего осада Византіи была такъ продолжительна? Это совершенно объясняется тѣмъ, что Византія была крѣпость довольно сильная и въ неприступномъ почти мѣстоположеніи, а турки не умѣли осаждать крѣпостей не только тогда, но и нынѣ. А тогда они, кромѣ того, не умѣли даже и стрѣлять изъ пушекъ — все это говорится у самаго г. Стасюлевича на каждой страницѣ. Можно ли скоро взять крѣпость, не умѣя стрѣлять изъ пушекъ? Кажется, это объясненіе совершенно достаточно. Но г. Стасюлевичъ имъ не доволенъ. Причиною медленнаго хода осады онъ полагаетъ то, что верховный визирь, Галиль-паша, съ вѣдома султана помогалъ

грекамъ и противился султану, во всемъ, будто бы равный равному. Галиль-паша могъ считать осаду Византіи предпріятіемъ ошибочнымъ, могъ благопріятствовать грекамъ, но противиться султану! — за это онъ былъ бы казненъ и по нынѣшнимъ европейскимъ законамъ, нетолько по турецкимъ обычаямъ, былъ бы казненъ самымъ хладнокровнымъ полководцемъ, нетолько неукротимымъ Мугамедомъ II. Напрасно г. Стасюлевичъ безъ всякой критики принимаетъ за положительный фактъ каждое реторическое выраженіе, находимое у греческихъ писателей. Онъ впрочемъ постоянно высказываетъ слишкомъ некритическую довѣрчивость каждому ихъ слову. Такъ, выписывая изъ греческаго лѣтописца длинные разговоры султана съ тѣмъ или другимъ визиремъ, онъ постоянно предполагаетъ, что разговоръ этотъ записанъ съ дипломатическою точностью, будто бы лѣтописецъ самъ присутствовалъ въ палаткѣ султана, — возможна ли такая довѣрчивость? Кто имѣетъ понятіе о византійскихъ историкахъ, знаетъ, что они сами сочиняли разговоры, иногда по темнымъ слухамъ о ихъ содержаніи, иногда просто на основаніи слуха, что былъ разговоръ неизвѣстно о чемъ, иногда наконецъ просто по собственному соображенію. Таковъ былъ ихъ способъ изложенія. Съ нимъ знакомъ всякій, кто раскрывалъ не только какого нибудь византійца, но хотя нашего Нестора.

Точно такъ же г. Стасюлевичъ съ совершенною довѣрчивостью принимаетъ всѣ слухи и толки, носившіеся между легковѣрными греками и записанные хотя въ одномъ изъ его источниковъ. Нѣкоторая критика здѣсь была бы умѣстна. Конечно, она лишила бы разсказъ г. Стасюлевича многихъ драматическихъ страницъ и романическихъ подробностей; а г. Стасюлевичъ прекрасно ихъ передаетъ; потому почти не жалѣемъ о недостаткѣ той изсушающей критики. Мы готовы предоставить ее людямъ невладѣющимъ даромъ разсказа, не проникнутымъ пылкостью одушевленія. Скажемъ однако, что если для исторіи осажденныхъ главнѣйшимъ источникомъ должны служить византійцы, то для исторіи осаждающаго войска не безполезно было бы пользоваться также извѣстіями турецкихъ лѣтописцевъ, сообщенными у разныхъ новѣйшихъ историковъ. Быть можетъ также не безполезно было бы обратить болѣе вниманія не только на изложеніе фактовъ (что дѣлаетъ г. Стасюлевичъ) но и на соображенія новѣйшихъ историковъ — тогда противуположныя имъ мнѣнія г. Стасюлевича быть можетъ получили бы болѣе широты.

Несмотря однако на всѣ высказанныя нами замѣчанія, мы

должны назвать брошюру г. Стасюлевича сочиненіемъ замѣчательнымъ и прекраснымъ во многихъ отношеніяхъ. Его прекрасный разсказъ пріятно разнообразится многими превосходными эпизодами, изъ которыхъ выбираемъ слѣдующій, очень характерическій. Подробно описывая занимательное и важное для завоеваніе Константинополя, путешествіе Франтцы въ Иберію (Грузію), г. Стасюлевичъ говоритъ, что Франтца «часто вступалъ въ разговоры» съ туземцами:

Особенно замѣчательна одна бесѣда его съ столѣтнимъ старцемъ Ефраимомъ, уроженцемъ какого-то Иберійскаго города (названіе его осталось неразобраннымъ въ манускриптѣ). Ефраимъ былъ взятъ въ плѣнъ еще отрокомъ и проданъ варварами вовнутреннія области Персіи. Господинъ Ефраима занимался торговлею съ Индіею и бралъ его часто съ собою по торговымъ дѣламъ. Въ одно изъ такихъ путешествій плѣнникъ убѣжалъ и, долго скитаясь по различнымъ пустынямъ, прибылъ на какой-то островъ, гдѣ жили Макробіи т. е. долговѣчные; такъ они назывались потому, что каждый изъ нихъ жилъ не менѣе 150 лѣтъ. Такой долговѣчности содѣйствовалъ климатъ страны, въ которой круглый годъ не сходили съ деревьевъ плоды: одни цвѣли, другіе наливались, а третьи уже созрѣвали. Тамъ росли индѣйскіе орѣхи, находился магнитный камень и тамъ же бралъ начало Нилъ. Въ іюлѣ и августѣ въ этой странѣ наставало болѣе холодное время, потому, объясняетъ Ефраимъ, что солнце обращалось тогда къ нашему сѣверному полушарію; здѣсь и заключается причина, продолжалъ разсказчикъ, по чему въ эти два мѣсяца Нилъ выступаетъ изъ своихъ береговъ. До прихода въ эту страну, Ефраимъ долженъ былъ переправиться черезъ какую-то рѣку, весьма опасную по своимъ Амфибіямъ, которыя на туземномъ языкѣ называются «зубастые тиранны» (odontotyrannoi) и которыя могутъ пожрать цѣлаго слона Много было и другихъ тамъ ужасныхъ звѣрей: попадались змѣи въ 70 футовъ длины, ночницы величиною съ ворона, и мухи — съ воробья. Слоновъ было тамъ такъ много, какъ у насъ быковъ или овецъ, и они паслись стадами. Проживъ нѣсколько лѣтъ у Макробіевъ и изучивъ ихъ языкъ, Ефраимъ пожелалъ возвратиться домой. Туземцы указали ему дорогу къ одному приморскому мѣстечку, гдѣ приставали корабли, идущіе изъ Индіи съ ароматами. Ефраимъ нашелъ въ гавани Испанскій корабль, на которомъ онъ и прибылъ въ Португалію; оттуда странникъ переѣхалъ въ Англію, и потомъ чрезъ Германію возвратился на родину въ Иберію, нашу Грузію. Это путешествіе Ефраима кругомъ тогдашняго свѣта и его странствованіе по внутренней Африкѣ отъ истоковъ Нила къ берегамъ Атлантическаго Океана, только что открытымъ португальцами, принадлежало бы къ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ, если бы Франтца, увлеченный собственнымъ дѣломъ, не поскупился на его описаніе (стр. 29—30).

Дѣйствительно, этотъ отрывокъ въ брошюрѣ г. Стасюлевича очень замѣчателенъ. Многiе другiе не уступаютъ ему повторяемъ, «Осада и взятiе Византiи Турками», книжка очень занимательная и ученая.

Женихъ проказникъ, или любовь нынѣшняго вѣка. *Оригинальная комедiя въ трехъ дѣйствiяхъ. Сочиненiе* В. А. Сидоровича. *Спб. 1854.*

Мы всегда были убѣждены, что *бѣлые* стихи, которыми написаны у насъ многiе фантазiи — драматическiя и не драматическiя, въ сущности не что иное, какъ рубленая проза, въ формѣ стиховъ, то есть проза съ коротенькими строчками и съ большими заглавными буквами при началѣ каждой строчки. Г. Сидоровичъ, живописующiй *любовь нынѣшняго вѣка*, блистательно подтверждаетъ наше убѣжденiе. Онъ написалъ цѣлую комедiю въ трехъ дѣйствiяхъ, такъ называемыми бѣлыми стихами, и напечаталъ эти, такъ называемыя бѣлые стихи, какъ прозу, пристыдивъ такимъ смѣлымъ и откровеннымъ поступкомъ всѣхъ сочинителей бѣлыхъ стиховъ и окончательно доказавъ, что вовсе не нужно имѣть стихотворческiй даръ, для того, чтобы писать бѣлыми стихами.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ эта кадансированная проза, которою говорятъ герои г. Сидоровича, не бѣлые стихи?

«А храбрую я штуку отпалилъ! такъ на меня озлится вдругъ, какъ звѣрь; вотъ это самое меня и забавляетъ....»

Напечатайте эту прозу такъ:

> А храбрую я штуку отпалилъ!
> Такъ на меня озлится вдругъ, какъ звѣрь;
> Вотъ это самое меня и забавляетъ!!

И выйдутъ прелестные бѣлые стихи....

Или:

> Съ купчихою придется мнѣ возится!...
> . . . . . .
> Да мнѣ даютъ сто тысячь чистоганомъ!...
> . . . . . .
> Ахъ, батюшка, ну чуть не позабыла!

Скажите, что это стихи или проза?...

Рѣшительно — проза г. Сидоровича убила бѣлые стихи, и мы за это очень благодарны остроумному автору.... Что же касается до содержанiя его комедiи, то оно такъ хитро и запутано, что нѣтъ никакой возможности передать его... Герой господинъ Хлопушкинъ (чиновникъ при генералѣ, двадцати-семи лѣтъ) — лицо замѣчательное... Онъ волочится за дочерью губернскаго секретаря Филина, за *мѣ-*

щанской дѣвушкой—Кислюшкиной, сватается въ то же время за купеческую дочь Авдотьюшку, за мѣщанку Губошлепову, за генеральскую дочку Бутербротъ и за купчиху *Фудапропасть* и сверхъ того пользуется благосклонностью содержательницы номеровъ—вдовы Каклюшкиной.... Такой шалунъ!... Да.... я забылъ еще сказать, что онъ ведетъ переписку съ родственницей своего генерала — Софьей Павловной.

Генеральская родственница пишетъ къ нему такъ:

«Милый Александръ Митрофанычь? Какъ бы я желала знать причины, почему у насъ вы не бываете! Самъ дядюшка *ужаслно* удивляется и говоритъ, — не только къ намъ — на службу даже не являетесь! .. Я такъ привыкла къ вамъ, что даже вамъ сама писать рѣшилась въ той надеждѣ, что вовзю не захотите вы употребить такую откровенность... Умоляю васъ: увѣдомте подробно обо всемъ

«Душевно любящую васъ и преданную Софью.»

А онъ ей отвѣчаетъ такъ:

«На ваше милое письмо, въ отвѣтъ, могу сказать вамъ только то, что ваша дружба совершенно безполезна!.. И при всей моей къ вамъ пламенной любви, я признаюсь: что васъ любить мнѣ даже ужасъ, огрехъ наводитъ!! И одно теперь мое желанье, чтобы мы скорѣй другъ друга позабыли: этому причина главная вы не богаты! Такъ прошу меня забыть и вѣрить, что я буду васъ любить до гробовой доски...»

И потомъ пишетъ слѣдующее письмо къ генеральшѣ Бутербродъ:

«Любезнѣйшая маменька! Любя такъ искренно и постоянно вашу дочь, и васъ душевно почитая, откровенно къ вамъ пишу, какъ сынъ, что я, послучаю теперешнихъ расходовъ по имѣнію, такъ нуждаюсь въ деньгахъ, что рѣшился вамъ писать о томъ. И если вы увѣрены, что вашу дочь я сдѣлаю счастливой, то покорнѣйше прошу васъ одолжить мнѣ половину денегъ; а приданой суммы мнѣ считать позвольте полтораста тысячь. И прошу васъ обо всемъ меня увѣдомить заблаговременно. Вамъ преданный Хлопушкинъ.»

А между тѣмъ генералъ его начальникъ пишетъ къ нему такъ:

«Не желая сдѣлать васъ несчастнымъ, и лишить васъ должности, по формѣ, принятой закономъ, я спѣшу васъ предварить, и очень бы желалъ, чтобъ вы скорѣе подали въ отставку добровольно; — всѣ свои проказы знаете вы сами!!... Но въ противномъ случаѣ объ васъ представить не замедлю къ самому Министру.

«Вашъ доброжелатель,

«Фондертрикенъ.»

Герой и другія дѣйствующія лица этой комедіи пьютъ для храбрости березовую водку, входя въ комнату плюютъ, генеральши восклицаютъ: *Страмъ!*... а полицейскій чиновникъ разнимаетъ героевъ и героинь.... И все это написано для того, чтобы доказать, что въ XIX вѣкѣ любви не существуетъ, (это важнѣе всего) что бѣлые стихи есть не иное что какъ проза.... Славная комедія!

Откуда берутся у насъ такіе милые сочинители, какъ г. Сидоровичъ?... Но что передъ этимъ женихомъ слѣдующее, можно сказать, необыкновенное сочиненіе:

Энхиридіонъ любознательный. *Сочиненіе V*, Анаевскаго, *автора: Юродиваго мальчика, Мандрагоры, Жезла и Ассамблей. Спб. 1854.*

Передъ г. Анаевскимъ, г. Сидоровичъ блѣднѣетъ, какъ мѣсяцъ передъ солнцемъ. Правда, г. Сидоровичъ идетъ по тропинкѣ, проложенной несравненнымъ авторомъ Жезла, Мандрагоры и Юродиваго мальчика, но г. Сидоровичъ еще ученикъ, въ немъ еще нѣтъ смѣлости его великаго учителя, который съ перваго шага на поприще книгопечатанія перешагнулъ предѣлы возможнаго.... Такой смѣлостью не владѣлъ ни знаменитый Александръ Анфимовичъ Орловъ, ни извѣстный г. Кузьмичевъ, ни менѣе славной г. Пр.р...т...п...въ, ни глубокомысленной г. Славинъ....

Нѣкогда прославленная «Дунячка-Междоумочка» г. Орлова ничто въ сравненіи съ «Энхиридіонъ любознательнымъ» г. Анаевскаго. Но что такое Энхиридіонъ?...

Авторъ объясняетъ такъ заглавіе своей книги:

«Человѣкъ, одаренный разумомъ, употребляетъ труды въ пользу, для себя и для другихъ, выдумываетъ, собираетъ, составляетъ превосходное, записываетъ важныя событія, случайности, достойныя къ преданію для любознательности другимъ, что могло бъ служить къ пріятному занятію. Это есть по выраженію философа Эпиктета Энхиридіонъ любознательный.»

Г. Анаевскій историкъ, романистъ и поэтъ....

Въ его Энхиридіонѣ, въ этомъ собраніи поэзіи и прозы, между прочими есть нѣсколько историческихъ трудовъ — *Карлъ Квинтъ* и *Неродъ*....

Представимъ выдержки изъ этихъ трудовъ, чтобы познакомить читателей съ историческимъ изложеніемъ автора. Карлъ Квинтъ имѣетъ такой эпиграфъ:

О! Рокъ — почто жестокъ?

(Изъ Плутарха.)

За тѣмъ слѣдуетъ исторія Карла Квинта:

«Когда въ вѣроломной Франціи возвысились моды, роскоши и вольнодумства, и разныя амурства, которымъ раболѣпствовали, не одни преизбыточные богатствомъ, но и среднiй классъ людей, тогда то, говоритъ авторъ Миллотъ, Карлъ-Квинтъ началъ трепать Французовъ...

«Въ это время Гишпанской Король Филиппъ, будучи любимъ своими подданными, почувствовалъ при старости лѣтъ разныя болѣзни, возвелъ на престолъ вмѣсто себя 16-лѣтняго своего сына

Карла прозваннаго Квинтомъ и совѣтовалъ ему, какъ добрый родитель, управлять народомъ, не для своей славы, а для Гишпанскаго королевства и потомковъ своихъ, сказалъ: «Не худо бы тебѣ сынъ, для образованія умственныхъ своихъ способностей, высмотрѣть управленія въ другихъ государствахъ въ особенности тамъ гдѣ наука и политика процвѣтаютъ.

«Сынъ выслушавъ это, просилъ родителя, чтобъ онъ самъ управлялъ Гишпанскимъ королевствомъ, а ему позволилъ отправиться въ другія государства. — Родитель его благословилъ. — Сынъ приказалъ лучшимъ живописцамъ срисовать съ родителя и сестры портреты (*) и получивъ оные простился съ родными отправился въ путь. — Высмотрѣлъ разныя владѣнія, проѣхалъ Австрію, Португалію, Англію и Германію, заѣхалъ и въ Парижъ, явился къ Королю Франциску I, получивъ тамъ на время должность Дюкъ-Пера вѣроятно за деньги, потому что скрылъ свое достоинство....

.«Докладчики тотчасъ донесли королю въ самыхъ жаркихъ выраженіяхъ, что иностранецъ Дюкъ-Перъ разсѣеваетъ во Франціи разныя новыя секты. Они сами видѣли, какъ онъ становился на колѣни.

«Францискъ I повелелъ составить надъ нимъ секретную коммиссію, произвесть судъ, отправить его въ дальній загородный замокъ и содержать его до окончанія дѣла подъ надворомъ.

«Пріѣхавъ къ Дюкъ Перу Коммиссія, предъявида ему Повелѣніе Короля, предложила ему вопросы, противъ которыхъ Дюкъ Перъ, въ оправданіе свое, предлагалъ разсмотрѣть полученное имъ отъ родной своей сестры, дочери короля Гишпанскаго, письмо, изъ котораго, увидѣвши онъ, что родитель ихъ скончался, плакалъ, говорилъ и цѣловалъ потретъ родителя, но болѣе ничего не знаетъ. Это показаніе въ оправданіе не принято.

«Господинъ Моро, взявши потреты, разсматривалъ ихъ и указалъ на потретъ сестры Пера, сказалъ: *эдакая хорошенькая.* — Кажется это лицо мнѣ знакомо.

«Дюкъ Перъ: какъ вы смѣете порицать такую особу, которую вы совсѣмъ не знаете....

«Сестра Дюкъ Пера, получивъ отъ брата письмо, тотчатъ поспѣшила пріѣхать въ Парижъ, явилась къ королю съ званіемъ Гишпанской принцессы, подала ему письмо брата своего и сказала: во время шествія моего къ вамъ, господинъ Моро вырвалъ у меня перчатку. Моро при спросѣ увѣрялъ, что онъ отъ роду ее не видывалъ. Принцесса возражала: зачѣмъ же вы при разсмотрѣніи у брата моего потретовъ, сказали лицо мое вамъ знакомо. — Тогда-то Францискъ узналъ, что у него служилъ Дюкъ Перомъ Гишпанскій король Карлъ Квинтъ и приказалъ дознать: если онъ живъ, то пригласить его во дворецъ, а при входѣ Карла, Францискъ, взявши его за руку, сказалъ: Я невидавши васъ, желалъ имѣть вашего знакомства, писалъ къ вамъ.

«Карлъ Квинтъ. Я получалъ письма отъ графа Энгулемскаго.

«Францискъ. Да я тогда былъ графъ; но послѣ Людовика XII, неоставившаго по кончинѣ своей наслѣдниковъ, я возшелъ на его престолъ.

(*) Пишутъ неправильно портреты — patreet списокъ съ отца; patre отецъ, Патреотъ — сынъ отечества.

«После таковыхъ разговоровъ, распростившись Карлъ Квинтъ съ съ Францискомъ I, уѣхалъ съ сестрою своею въ Гишпанію, гдѣ былъ встрѣченъ подданными съ радостію....

«Карлъ Квинтъ на 59 году скончался, а Францискъ I померъ въ въ среднихъ лѣтахъ.»

Вотъ небольшой отрывокъ изъ Неврода:

«Александръ вошелъ во дворецъ. Семирамида его встрѣтила съ ласковымъ видомъ и просила его съ нею обѣдать.

«Александръ торжествовалъ въ Вавилонѣ около мѣсяца и обѣдами угащивался во дворцѣ и садахъ, въ которыхъ фрукты воинство его все подняло, и оставило одни деревья.

«При одномъ отлично изготовленномъ пиршествѣ, Александръ веселился въ самыхъ пріятныхъ удовольствіяхъ и разсказалъ, что онъ намѣревался по взятіи города Вавилона, его сжечь, но видя красоту его и радушіе, обладательницы этого города, предполагаетъ отмѣнить это намѣреніе и оставить Семирамиду въ покоѣ. При этомъ разговорѣ изъ особъ Семирамиды одна дѣвица, вѣроятно чѣмъ-нибудь была недовольна Семирамидою, подстрекнула Александра, сказавъ: невсегда великихъ людей обѣщанныя слова исполняются. Александръ понялъ это на свой счетъ, приказалъ въ тоже время дѣвицамъ зажечь весь городъ Вавилонъ.

«Семирамида, оплакавши свой любезный городъ, собрала своихъ вельможъ, объявила имъ, что она намѣрена съ себя корону сложить, и взявши своего сына Ниніаса, явилась съ нимъ и вельможами своими въ станъ къ Александру, и ставъ на колѣни, говорила: я лишилась цвѣтущаго города, но короны не лишилась. Я имѣю еще столичный городъ Ниневію. — Позволь мнѣ корону съ себя сложить и надѣть ее на представляемаго моего здѣсь сына и указала на него.

«Александръ взялъ его за руку и поцѣловавшись съ нимъ, просилъ Семирамиду встать, самъ возложилъ на главу сына ея корону, и вручилъ ему скипетръ, при собраніи многочисленнаго народа, сказавъ: это корона Ниневіи. — А корону Вавилона потребовалъ себѣ

«Семирамида своего сына Ниніаса провозгласила королемъ Ниневіи. — Сама удалилась въ уединенный замокъ за сто стадій отъ Вавилона. Ассиріане обожали ее. Царствовала она 44 года, а скончалась спокойно 73 лѣтъ.»

Вотъ еще небольшой историческій отрывокъ:

«Донъ Алонзо Дерсилла, Гишпанскій полководецъ, весьма отличный побѣдитель, никогда время напрасно безъ дѣла не упускалъ. При отдыхѣ отъ войны, занимался онъ для походовъ сочиненіемъ плановъ. Онъ имѣлъ страсть къ славѣ, о которой занимался и размышленіемъ.

«При окончаніи XVI столѣтія, Алонза въ младыхъ лѣтахъ своихъ разбилъ Французовъ; не удовольствуясь тѣмъ, онъ вознамѣрился отличить себя особымъ подвигомъ и возжелалъ посмотрѣть страны новаго свѣта, пустившись по морямъ въ невѣдомыя мѣста; дошелъ въ Америку, покорилъ тамъ провинціи: Перу и Хилію, оттуда отправился во владѣніе Касиканцевъ, которые понятія не имѣли о корабляхъ и огнестрѣльныхъ орудіяхъ, чрезвычайно удивились, увидѣвши тварей, похожихъ на человѣковъ, носящихъ огнь въ рукахъ своихъ

м, ѣздящихъ на чудовищахъ, выпускающихъ изъ себя огнь, громъ и молніи убивающихъ людей и сражающихся съ малымъ числомъ противъ цѣлаго государства. Касиканцы, не имѣя противъ ихъ никакой обороны, тотчасъ сочли ихъ за боговъ, вооруженныхъ Перунами, все разрушающими, — покорились имъ и просили пощады.

«Послѣ, когда познакомились Касиканцы съ своими побѣдителями, увидя ихъ страсти и пороки, узнали, что они были такіе же люди, тогда устыдившись, что поработили себя такимъ же смертнымъ какъ и сами, вознамѣрилась отбиться отъ нихъ, но не могли.

«Чрезъ эту побѣду Гишпанія приобрѣла половину своего государства. Касиканцы, хотя многократно покушались освободить себя отъ владѣнія Гишпаніи, но всѣ ихъ предпріятія не сдѣлали никакого успѣха».

Въ заключеніе познакомимъ читателя съ поэзіей автора:

СТИХОТВОРЕЦЪ И ОГНЬ.

Всякой пламень свой имѣетъ стихотворецъ,
Дѣйствуетъ въ немъ огнь прельщенный и любовь;
Удивлялись! Важно знать и однодворецъ,
Какъ возвышены имъ мечь и бранна кровь!
Онъ сказалъ: на волю намъ дано?
Съ прохлажденьемъ можно пить вино.
Два огня тогда соединяемъ,
И всѣ чувства наши пробуждаемъ.

ЗАВѢТЪ.

Родитель сыну завѣщалъ:
Любезный сынъ! ему сказалъ:
Не будь грубъ какъ Фадей,
Другихъ судить не смѣй,
Хвалить, любить умѣй —
Такимъ умомъ владѣй.

СТИХОТВОРЕЦЪ.

Анзарскихъ водъ кто непивалъ,
Тотъ стихотворцемъ не бывалъ.
Констальскія, кто воды пилъ,
Тотъ чистый слогъ излилъ.
Изъ свѣтлаго ручья лицо кто мылъ,
Тотъ всѣхъ плѣнялъ, любимъ онъ былъ.

Какъ историкъ, бельлетристъ и поэтъ, г. Анаевскій, конечно, неподражаемъ.... Но, такъ по крайней мѣрѣ намъ кажется, онъ своими сочиненіями не доставляетъ такого полнаго удовольствія и не умѣетъ такъ смѣшить, какъ смѣшитъ несравненный переводчикъ второй части «Фауста», вѣчно-незабвенный г. Овчинниковъ! г. Анаевскій перешагнулъ даже и за предѣлы смѣшнаго....

ИСТОРІЯ МОЕЙ ЖИЗНИ (*)

ЖОРЖА САНДА.

ГЛАВА III.

Анекдотъ о Ж.-Ж. Руссо. — Отецъ мой, Морицъ Дюпенъ. — Мой учитель Дешартръ. — Голова священника. — Свобода мнѣній передъ революціей. — Домашній обыскъ. — Заключеніе въъ тюрьму. — Преданность Дешартра и моего отца. — *Нерина*.

Я говорила о Руссо и о моемъ дѣдѣ, и потому вставлю здѣсь граціозный анекдотъ, который нашла въ бумагахъ своей бабушки, Авроры Дюпенъ де-Франкёйль.

«Я видѣла его только разъ (говоритъ она о Жанъ-Жакѣ), и увѣрена, что никогда не забуду этого. Онъ тогда уже одичалъ и жилъ въ уединеніи, предаваясь своей мизантропіи, надъ которою жестоко подтрунивали его беззаботные и легкомысленные друзья.

«Съ самаго дня свадьбы я постоянно одолѣвала мужа, чтобъ онъ показалъ его мнѣ; это было не легко. Франкёйль былъ у него много разъ, и не былъ принимаемъ. Наконецъ онъ засталъ его бросающаго изъ окна хлѣбъ воробьямъ. Его печаль была такъ велика, что онъ сказалъ Франкёйлю, когда воробьи улетѣли: «вотъ они сыты. Знаете ли, что они станутъ теперь дѣлать? Они взлетятъ на самый верхъ кровли, будутъ бранить меня и говорить, что хлѣбъ мой не стоитъ ни гроша.»

«Передъ тѣмъ, какъ увидѣть Руссо, я только что прочитала, однимъ духомъ, *Новую Элоизу*, и при послѣднихъ страницахъ была такъ разстроена, что плакала на взрыдъ. Франкёйль нѣж-

(*) Начало этихъ записокъ помѣщено въ I № Современника за нынѣшній годъ.

но подшучивалъ надо мною. Я сама хотѣла шутить, но цѣлый день плакала, съ утра до вечера. Я не могла подумать о смерти Юліи, чтобы снова не зарыдать. Я была больна отъ этого, и подурнѣла.

«Между тѣмъ Франкёйль, съ своей обыкновенной деликатностью и умомъ, отправился за Жанъ-Жакомъ. Не знаю, какъ онъ сдѣлалъ это, но онъ поймалъ и привелъ его, не предупредивъ меня о своемъ намѣреніи.

«Жанъ-Жакъ уступилъ очень неохотно, не спросивши обо мнѣ и моихъ лѣтахъ, думая, что нужно только удовлетворить женское любопытство, и рѣшаясь на это, какъ я думаю, почти противъ воли.

«Не зная ничего, я не торопилась оканчивать свой туалетъ и сидѣла съ своей пріятельницей, госпожей Эпарбе де-Люссанъ, женщиной самой любезной въ свѣтѣ и красивой, хоть она и была немного коса и изуродована. Она смѣялась надо мной, потому, что тогда мнѣ пришла фантазія заниматься остеологіей, и шутя, вскрикивала какъ бы отъ ужаса, когда выдвинувъ ящикъ, гдѣ были ленты, она зацѣпила за большую, отвратительную руку скелета.

«Франкёйль два или три раза спрашивалъ, готова-ли я. Онъ *былъ въ духѣ*, какъ говорилъ *маркизъ* (я называла такъ госпожу Люссанъ, которая звала меня *милымъ барономъ*). Я этого не видѣла въ своемъ мужѣ, и старалась оправиться, не сомнѣваясь, что въ моемъ салонѣ былъ этотъ поэтическій медвѣдь. Онъ вошелъ съ угрюмымъ и простоватымъ видомъ, сѣлъ въ углу и казалось ждалъ только обѣда, чтобы поскорѣе отдѣлаться.

«Наконецъ я вошла съ красными и опухшими глазами, и увидѣла маленькаго толстаго человѣка, довольно плохо одѣтаго и нахмуреннаго, который неловко всталъ и пробормоталъ какія-то невнятныя слова. Я смотрю и угадываю; я вскрикнула, хотѣла говорить и залилась слезами. Жанъ-Жакъ, озадаченный такимъ пріемомъ, хочетъ отвѣчать и самъ заливается слезами; Франкёйль хочетъ шуткой привести насъ въ себя, и—заливается слезами. Мы не могли ничего сказать другъ другу. Руссо сжалъ мнѣ руку и не сказалъ ни слова.

«Попробовали обѣдать, чтобы положить конецъ рыданіямъ. Я не могла ни до чего дотронуться. Франкёйль не могъ поддержать разговора, и Руссо ушелъ тихонько послѣ обѣда, не сказавъ ни слова, быть можетъ недовольный новымъ обличеніемъ его притязанія представлять изъ себя человѣка, который больше всѣхъ испытываетъ преслѣдованія, ненависть и клевету.»

Надѣюсь, что моимъ читателямъ не совсѣмъ не понравится анекдотъ и тонъ, въ которомъ онъ передается. Для особы воспитанной въ Сенъ-Сирѣ, гдѣ не учили ореографіи, это разсказано недурно. Правда и то, что въ Сенъ-Сирѣ вмѣсто грамматики заставляли учить наизусть Расина и играть его лучшія пьесы. Я очень жалѣю, что бабушка не оставила мнѣ больше своихъ личныхъ воспоминаній, написанныхъ ею самой. Все ограничивается нѣсколькими листками. Всю жизнь свою она провела въ писаніи писемъ, которыя право стоятъ писемъ г-жи Севинье, и въ переписываніи множества мѣстъ изъ любимыхъ книгъ ея; это доставляло пищу ея уму.

Продолжаю свой разсказъ.

Ровно черезъ девять мѣсяцовъ послѣ свадьбы, у нея родился сынъ, единственное дитя ея, которому дали имя Морица, (*) въ память маршала де-Сакса. Само собою разумѣется, что она хотѣла кормить его сама; это было еще немного эксцентрично въ то время, но она принадлежала къ числу тѣхъ, которые съ благоговѣніемъ читали *Эмиля* и хотѣли подавать хорошій примѣръ. Притомъ, материнское чувство было въ ней чрезвычайно развито и обратилось даже въ страсть, замѣнившую для нея всѣ другія.

Но природа помѣшала ея усердію. У ней не было молока, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней, въ которые несмотря на всѣ страданія она хотѣла заставить ребенка кормиться, она могла кормить его только своей кровью. Надобно было отказаться, и это было для нея величайшимъ горемъ, и какъ будто худымъ предзнаменованіемъ.

Дюпенъ, главный сборщикъ податей въ герцогствѣ д'Альбре, проводилъ часть года въ Шатору, вмѣстѣ съ женою и сыномъ. Они жили въ старинномъ замкѣ, который служитъ теперь конторой префектуры и своей живописной массой господствуетъ надъ теченіемъ Эндры и обширными лугами, которые она орошаетъ. Дюпенъ, по смерти отца уже переставшій называться Франкёйлемъ, завелъ въ Шатору суконныя фабрики и своею дѣятельностью и щедростью распространилъ въ этомъ краю много денегъ. Онъ былъ расточителенъ, любилъ удовольствія и жилъ *по княжески*. У него была на жалованьѣ толпа музыкантовъ, поваровъ, паразитовъ, лакеевъ, собакъ и лошадей; онъ сыпалъ полными горстями для удовольствій или изъ благотворительности, желая чтобы и самъ онъ и другіе были счастливы вмѣстѣ съ нимъ. Нынѣшніе чиновники и промышленники живутъ

(*) Морицъ-Франсуа-Елизабетъ родился 13 января 1778. Крестнымъ отцомъ его былъ маркизъ Полиньякъ.

не такъ. Они не теряютъ денегъ на пустыя удовольствія, любовь къ искусствамъ и на неблагоразумную щедрость устарѣлаго аристократическаго чувства. Они держатся благоразумныхъ правилъ своего времени, какъ дѣдъ мой шелъ по гладкой дорогѣ своего. Но пусть не хвалится наше время передъ другимъ; люди не знаютъ еще, что дѣлаютъ и что имъ нужно дѣлать.

Дѣдъ мой умеръ черезъ десять лѣтъ послѣ женитьбы, оставивъ въ большемъ безпорядкѣ свои счеты съ государствомъ и личныя дѣла. Благоразуміе и дѣятельность, съ которыми бабушка моя принялась за дѣло, показываютъ хорошую голову. Она быстро свела всѣ счеты и расплатившись съ государствомъ и частными людьми, увидѣла себя *раззоренною*, то есть съ 75,000 ливровъ дохода.

Вскорѣ затѣмъ революція должна была много сократить ея доходы, и она приняла этотъ новый ударъ судьбы не такъ легко; при первомъ она повела себя очень храбро, и хотя я не понимаю, какимъ образомъ при 75,000 дохода можно не быть чрезвычайно богатымъ, но все понимается относительно, и она приняла эту *бѣдность* мужественно и философски. Здѣсь она повиновалась принципу чести и достоинства, который былъ совершенно въ ея характерѣ, тогда какъ конфискаціи, произведенныя во время революціи, она всегда считала воровствомъ и грабежемъ.

Оставивъ Шатору, она занимала въ улицѣ du Roi de Sicile *маленькую квартирку*, гдѣ, судя по количеству и размѣрамъ мебели, которою убранъ теперь мой домъ, — ей было чѣмъ извернуться. Она выбрала въ наставники своего сына одного молодаго человѣка, котораго я знала уже старикомъ, и который былъ и моимъ учителемъ. Эта серьёзная и вмѣстѣ забавная личность играла значительную роль въ нашей семейной жизни и въ моихъ воспоминаніяхъ, и я должна особенно поговорить о ней.

Его звали Франсуа Дешартръ; онъ носилъ маленькіе воротнички въ качествѣ профессора въ коллегіи кардинала Лемуана, и потому вступилъ въ домъ моей бабушки въ костюмѣ и съ именемъ аббата. Но въ революцію, которая скоро стала привязываться ко всякимъ титуламъ, аббатъ Дешартръ благоразумно сдѣлался гражданиномъ Дешартромъ. При имперіи онъ былъ г. Дешартръ, меръ деревни Ноганъ; при реставраціи онъ охотно принялъ бы свой прежній титулъ аббата, потому что не измѣнилъ любви своей къ формамъ прошедшаго. Впрочемъ онъ не могъ избавиться отъ прозвища, которымъ я надѣлила его за

многосторонность и важный видъ; съ тѣхъ поръ его звали не иначе какъ *великимъ человѣкомъ*.

Онъ былъ красивый молодой человѣкъ, даже и тогда, когда моя бабушка приняла его къ себѣ: щеголеватый, гладко выбритый, съ живымъ взглядомъ и выдавшимися икрами. Наконецъ онъ прекрасно держалъ себя какъ гуверееръ. Но я увѣрена, что даже въ лучшее его время никто не могъ смотрѣть на него безъ смѣха; такъ ясно написано было слово *педантъ* на всѣхъ чертахъ лица и всѣхъ движеніяхъ его особы.

Для полноты ему было бы нужно быть невѣждой, обжорой и трусомъ. Напротивъ онъ былъ очень ученъ, воздерженъ и безразсудно смѣлъ. Со всѣми великими качествами души онъ соединялъ несносный характеръ и самодовольство, доходившее до глупости. Понятія его были чрезвычайно самостоятельны, манеры грубы и слова высокомѣрны. Но сколько преданности, усердія, благородства и чувствительности! Бѣдный *великій человѣкъ!* сколько преслѣдованій простила я тебѣ! И ты, въ другой жизни, прости мнѣ тѣ шутки, которыя устроивала я надъ тобой, всѣ тѣ ужасныя проказы, которыми я мстила за твой тяжелый деспотизмъ; немногому научилъ ты меня, но за одно я очень обязана и благодарна тебѣ: за умѣнье — несмотря на всю пылкость моей врожденной независимости — выносить самые несносные характеры и самыя сумасбродныя идеи.

Поручая ему воспитаніе сына, бабушка моя не предчувствовала вовсе, что пріобрѣтала въ немъ тирана, спасителя и друга всей своей жизни.

На досугѣ Дешартръ продолжадъ заниматься физикой, химіей, медициной и хирургіей. Онъ былъ очень привязанъ къ Дезо, и подъ руководствомъ этого замѣчательнаго человѣка сдѣлался искуснымъ практикомъ въ хирургическихъ операціяхъ. Позднѣе, когда онъ былъ фермеромъ моей бабушки и меромъ деревни, знанія его принесли большую пользу этому краю, тѣмъ болѣе, что онъ занимался своимъ искусствомъ совершенно безкорыстно. Ни темная и бурная ночь, ни жаръ, ни холодъ, ни недосугъ не мѣшали ему отправляться съ пособіемъ въ какую нибудь хижину, иногда очень далеко. Его усердіе и безкорыстіе были истинно удивительны. Но такъ какъ нужно было, чтобы все, даже высокое было въ немъ смѣшно, онъ простиралъ свое прямодушіе до того, что билъ своихъ больныхъ, когда они вылечившись приносили ему вознагражденіе за труды. Точно также онъ не понималъ и подарковъ и я разъ десять видѣла, какъ онъ сталкивалъ съ лѣстницы бѣдняковъ и пускалъ въ нихъ утками, ин-

дюшками и зайцами, которыхъ тѣ приносили своему избавителю. И честные люди, униженные и оскорбленные, уходили говоря: онъ золъ, этотъ славный человѣкъ! иные прибавляли съ сердцемъ: вотъ бы кого я убилъ, если бы онъ не спасъ мнѣ жизни! А Дешартръ кричалъ съ верху лѣстницы своимъ громкимъ голосомъ: «Какъ негодяй, невѣжа, дуралей, бездѣльникъ! Я оказалъ тебѣ услугу, а ты хочешь мнѣ платить! Ты не хочешь быть благодарнымъ! Ты хочешь расквитаться со мной! Если ты еще теперь не уйдешь, я безъ пощады поколочу тебя и снова положу недѣли на двѣ въ постелю. Тогда присылай за мной!»

Бѣднаго *великаго человѣка*, несмотря на его благодѣянія, столько же ненавидѣли сколько уважали; его вспыльчивость была иногда причиною плохихъ случаевъ, которыми ему нечего было хвалиться. Беррійскій поселянинъ терпѣливъ, но только до извѣстной минуты, когда не худо остерегаться его.

Но я забѣгаю впередъ въ разсказѣ. Пусть извинятъ меня въ этомъ! По случаю анатомическихъ занятій аббата Дешартра, я хочу разсказать одинъ анекдотъ, который не отличается розовымъ цвѣтомъ. Это еще анахронизмъ въ нѣсколько лѣтъ; но воспоминанія смутно толпятся въ головѣ моей, даже оставляютъ меня, и я боюсь совсѣмъ забыть то, что отложу до завтра.

Во время террора, онъ хотя и долженъ былъ заботиться о моемъ отцѣ и дѣлахъ бабушки, но кажется страсть заводила его отъ времени до времени въ госпитали и анатомическіе театры. Въ это время совершилось много кровавыхъ драмъ, но любовь къ наукѣ мѣшала ему предаваться философскимъ размышленіямъ надъ головами, которыя гильотина приготовляла для провекторовъ. Но однажды ему пришлось испытать потрясеніе, которое привело въ безпорядокъ его наблюденія. Нѣсколько человѣческихъ головъ брошено было на столъ лабораторіи, съ такимъ замѣчаніемъ: *только-что отрублены!* Приготовили ужасный котелъ, въ которомъ надобно было варить эти головы, чтобы обнажить ихъ и потомъ анатомировать. Дешартръ бралъ ихъ и опускалъ въ котелъ одну за другою: «Вотъ голова кюре — сказалъ ученикъ, подавая ему послѣднюю — она выстрижена». Дешартръ осматриваетъ ее и узнаетъ голову одного изъ своихъ друзей, котораго онъ не видѣлъ нѣсколько дней и не зналъ, что онъ попалъ въ тюрьму. Вотъ какъ онъ разсказывалъ мнѣ это страшное приключеніе. «Я не сказалъ ни слова и смотрѣлъ на эту бѣдную голову съ побѣлѣвшими волосами. Она

была спокойна и еще хороша и, казалось, улыбалась мнѣ. Я ожидалъ, когда ученикъ оборотится ко мнѣ спиной, чтобъ поцаловать эту голову. Затѣмъ я бросилъ ее въ котелъ вмѣстѣ съ другими и потомъ взялъ ее для себя. Я берегъ ее нѣсколько времени, наконецъ это стало опасно и я зарылъ ее въ углу сада. Этотъ случай такъ поразилъ меня, что я долго не могъ возвратиться къ своимъ занятіямъ.»

Перейдемъ скорѣе къ болѣе веселымъ разсказамъ.

Отецъ мой плохо слушалъ его уроки. Дешартръ не посмѣлъ бы дурно обходиться съ нимъ, и хотя былъ ревностнымъ приверженцемъ *старой методы*, то есть розогъ и ферулы, но чрезвычайная любовь моей бабушки къ сыну не допускала такихъ дѣйствительныхъ средствъ. Розги, этотъ могущественный по его мнѣнію рычагъ познаній, онъ старался замѣнять упорствомъ и ревностью. Онъ бралъ вмѣстѣ съ нимъ уроки нѣмецкаго языка, музыки и всего, чему не могъ учить его одинъ, и былъ его репетиторомъ въ отсутствіи учителей. Изъ усердія онъ предался даже изученію фехтовальнаго искусства и занимался съ нимъ между уроками профессора. Отецъ мой, который былъ въ это время лѣнивъ и слабъ здоровьемъ, пробуждался немного изъ своего оцѣпенѣнія въ фехтовальной залѣ; но когда являлся Дешартръ, имѣвшій способность, вещь самую интересную дѣлать скучною, ребенокъ зѣвалъ и засыпалъ стоя. Господинъ аббатъ, сказалъ онъ однажды наивно и безъ всякаго злаго умысла, будетъ ли это больше занимать меня, когда я стану сражаться на самомъ дѣлѣ?

— Не думаю, мой другъ, отвѣчалъ Дешартръ; но онъ ошибался. Въ моемъ отцѣ рано явилась охота къ войнѣ и даже страсть къ сраженіямъ. Никогда онъ не чувствовалъ себя столько въ духѣ, столько спокойнымъ и такъ нѣжно настроеннымъ, какъ на полѣ битвы.

Но этотъ будущій рубака былъ слабымъ и страшно избалованнымъ ребенкомъ. Его воспитывали, буквально, въ хлопкахъ и дозволили ему дойдти до такой степени изнѣженности, что онъ звонилъ слугу, чтобъ подали ему перо или карандашъ. Но общій порывъ Франціи, устремившій ее къ границамъ, захватилъ его одного изъ первыхъ, и произвелъ его чудное преобразованіе.

Когда начала бушевать революція, бабушка моя, какъ и образованные аристократы того времени, безъ страха смотрѣла на ея приближеніе, потому что не сочувствовала злоупотребленіямъ прошедшаго.... Въ бумагахъ ея я нашла много разныхъ

куплетовъ, мадригаловъ и сатиръ, имѣвшихъ отношеніе ко времени. Болѣе скромныя писаны ея рукою; въ числѣ ихъ были очень смѣлыя и очень странныя. Но не надобно думать, чтобы онѣ принадлежали народу. Напротивъ, изъ салоновъ онѣ переходили на улицу. Я сожгла самыя неприличныя изъ нихъ, которыхъ у меня недоставало духу прочесть до конца; онѣ писаны были рукою аббатовъ, которыхъ я знала еще въ дѣтствѣ, и сочинены маркизами извѣстныхъ фамилій, что уничтожило во мнѣ сомнѣнія о глубокой ненависти и сумазбродномъ негодованіи тогдашнихъ аристократовъ....

Наконецъ, теперь я жалѣю о припадкѣ излишней суровости, заставившей меня, въ двадцать лѣтъ, сжечь большую часть этихъ рукописей. Принадлежа такой чистой и благородной женщинѣ, какая была моя бабушка, онѣ кололи мнѣ глаза; я должна бы сказать себѣ, что это историческіе матеріалы, которые могли бы имѣть серьёзное значеніе. Многіе могли быть единственными, или по крайней мѣрѣ очень рѣдкими. Тѣ, которые уцѣлѣли, извѣстны и приводимы были во многихъ сочиненіяхъ.

Бабушка моя, кажется, очень уважала Неккера и потомъ Мирабо. Но я теряю слѣдъ ея политическихъ мнѣній въ то время, когда революція стала для нея тяжелымъ фактомъ и личною опасностью.

Между всѣми лицами того же класса, она, быть можетъ, меньше всѣхъ ожидала ударовъ отъ этой великой катастрофы; и въ самомъ дѣлѣ, что могла указать ей совѣсть такого, почему бы она должна была подвергнуться соціальному наказанію? Она раздѣляла общія мнѣнія.,..

Но въ этой кровавой эпопеѣ, гдѣ каждая партія присвоиваетъ себѣ честь и заслуги мученичества, надобно согласиться, были мученики и съ той и съ другой стороны. Одни страдали за дѣло прошедшаго; другіе за дѣло будущаго; третьи, наконецъ, поставленные на границѣ этихъ двухъ началъ, страдали не зная сами, что наказывалось въ лицѣ ихъ. Хотя бы и совершилась реакція прошедшаго, они терпѣли бы гоненіе отъ приверженцевъ прошедшаго, какъ терпѣли его отъ людей будущаго.

Въ такомъ странномъ положеніи находилась и та благородная и чистосердечная женщина, исторію которой я теперь пересказываю. Она и не думала объ эмиграціи, продолжала заботиться о воспитаніи сына и вся предалась этому священному долгу.

Она спокойно приняла и значительное сокращеніе доходовъ, произведенное общественнымъ кризисомъ. Изъ остатковъ того, что называла остатками своего прежняго состоянія, она ку-

ила почти за 300,000 ливровъ землю Ноганъ, недалеко отъ Шатору; дѣла и привычки жизни привязывали ее къ Берри.

Она очень желала удалиться въ эту мирную провинцію, гдѣ волненія еще мало давали себя чувствовать, когда ее поразило непредвидѣнное событіе.

Она жила тогда въ домѣ одного господина Амонена, въ квартирѣ котораго, какъ у многихъ зажиточныхъ людей того времени, устроено было много потаенныхъ кладовыхъ. Амоненъ предложилъ ей спрятать въ одномъ изъ его тайныхъ ящиковъ довольно много серебра и драгоцѣнностей, одна часть которыхъ принадлежала ему, другая ей. Кромѣ того, здѣсь же скрыты были г. Вилльеромъ его акты о происхожденіи.

Но эти тайники, искусно устроенные въ стѣнахъ, не могли долго скрываться отъ работниковъ, которые надъ ними трудились и которые были первыми доносчиками. 5 фримера II года (26 ноября 1793), въ силу декрета, запрещавшаго скрывать эти вышедшія изъ обращенія богатства (*), въ домѣ Амонена произведенъ былъ обыскъ. Опытный плотникъ пересмотрѣлъ деревянную обшивку и тогда все было открыто: бабушка моя была арестована и заключена въ монастырь des Anglaises, который былъ обращенъ въ смирительный домъ (въ этомъ самомъ монастырѣ она провела большую часть времени своего добровольнаго уединенія, передъ тѣмъ, какъ вступила во второй бракъ). Ея имущество было опечатано и конфискованныя вещи, вмѣстѣ съ комнатами, ввѣрены были надзору гражданина Леблана,

---

(*) Вотъ слова этого декрета, цѣль котораго была возстановить довѣріе — страхомъ:

«Статья первая. Всякое золото или серебро, въ монетѣ или не въ монетѣ, алмазы, драгоцѣнности, золотые и серебряные галуны и всякое другое цѣнное имущество и вещи, которыя будутъ найдены зарытыми въ землѣ или спрятанными въ погребахъ, внутри стѣнъ, въ кровлѣ, паркетѣ или мостовой, въ очагѣ или печныхъ трубахъ и всякихъ тайныхъ мѣстахъ, будутъ взяты и конфискованы, въ пользу республики.

«Статья вторая. Всякій доносчикъ, который приведетъ къ открытію подобныхъ предметовъ, получитъ двадцатую часть ихъ цѣнности бумажными деньгами.

«Статья шестая. Золото и серебро, столовая посуда, драгоцѣнности и другія подобныя вещи будутъ отсылаться тотчасъ, вмѣстѣ съ описями въ комитетъ городскихъ инспекторовъ, который безъ отлагательства передастъ монету въ національное казначейство, а серебро на монетный дворъ.

«Статья седьмая. Что касается драгоцѣнностей, мебели и другихъ предметовъ, они будутъ проданы съ аукціона, по стараніямъ того же комитета, который передастъ вырученныя деньги въ національное казначейство и отдастъ отчетъ въ этомъ національному Конвенту (23 брюмера годъ II).»

капрала. Молодому Морицу (отцу моему) позволили жить въ его отдѣльныхъ комнатахъ, гдѣ помѣщался также и Дешартръ.

Дюпенъ, которому было едва пятнадцать лѣтъ, былъ отоломленъ этой разлукой. Онъ, воспитанный на Вольтерѣ и Руссо, не ожидалъ ничего подобнаго. Отъ него скрывали важность обстоятельствъ; Дешартръ сдерживалъ свое безпокойство, но онъ зналъ, что г-жа Дюпенъ погибла, если ему неудастся одно предпріятіе, за которое онъ взялся тотчасъ же и которое исполнилъ такъ же счастливо, какъ и мужественно.

Ему извѣстно было, что изъ скрытыхъ предметовъ самые компрометирующіе ускользнули отъ перваго осмотра. Это были бумаги, документы и письма, доказывавшія, что бабушка моя принимала участіе въ добровольной ссудѣ въ пользу эмигрировавшаго тогда графа д'Артуа, будущаго короля Карла X. Какія причины и вліянія побудили ее къ этому, я не знаю; быть можетъ это было начало реакціи революціоннымъ идеямъ, которымъ она слѣдовала до взятія Бастильи. Можетъ быть она увлеклась восторженными совѣтами или тайнымъ чувствомъ родовой гордости.... Я скажу только, что ей никогда не приходила въ голову мысль воспользоваться реставраціей, чтобы требовать у Бурбоновъ своихъ денегъ и вознагражденія за услугу, которая могла привести ее къ гильотинѣ.

Были ли эти бумаги спрятаны въ какомъ нибудь особенномъ мѣстѣ, которое не было открыто, или онѣ ускользнули отъ перваго обыска коммисаровъ вмѣстѣ съ бумагами Вилльера, Дешартръ зналъ, что о нихъ не было упомянуто въ первомъ допросѣ, и что нужно было скрыть ихъ отъ новаго осмотра, который будетъ сдѣланъ при снятіи печатей.

Это значило рисковать своей свободой и жизнью. Дешартръ не сталъ медлить.

Изъ документовъ, относящихся къ этому обыску, видно, что осмотры происходили преимущественно ночью (*) и нечаянно: первый процессъ начатъ былъ 5-го, и конченъ 6-го въ два часа утра. Во время этого присутствія коммисары определили задержать Вилльера, преступленіе котораго очевидно казалось имъ самымъ важнымъ, и ничего не рѣшали касательно г-жи Дюпенъ

(*) Здѣсь авторъ приводитъ акты, составленные коммисарами революціоннаго комитета, производившими обыскъ; не приводимъ ихъ потому, что главная характерическая черта ихъ въ неумѣньѣ писать хорошенько по французски и въ самобытной орѳографіи, которая не говоритъ въ пользу революціонныхъ властей.

и Амонена, его соучастника, распорядились только запечатать сундуки, шкафы и ящики съ драгоцѣнностями и серебряной посудой, «чтобы перенести ихъ въ національный конвентъ, а въ ожиданіи этого, оставить подъ присмотромъ и отвѣтственностью гражданина Леблана, капрала, который долженъ представить ихъ цѣлыми и невредимыми по первому востребованію, и который объявилъ, что не умѣетъ подписать своего имени.»

Сначала кажется, не слишкомъ были озабочены этимъ происшествіемъ въ домѣ, или думали, что опасность миновала; но правдѣ сказать, когда конфискація была сдѣлана и была еще надежда на возвращеніе вещей (потому, что каждая взятая вещь была тщательно отмѣчена и значительная часть ихъ отдана въ цѣлости, какъ можно судить по замѣткамъ рукою Дешартра на поляхъ описи), преступленія утайки со стороны г-жи Дюпенъ не было хорошенько доказано. Она довѣрила или отдала конфискованные предметы Амонену, который заблагоразсудилъ спрятать ихъ: вотъ былъ планъ ея защиты, и тогда еще не думали, что дѣло дойдетъ до такого положенія, въ которомъ невозможна никакая защита. Именно, во второмъ антресолѣ имѣли неблагоразуміе оставить очень опасные документы, о которыхъ я уже говорила.

13 фримера, то есть черезъ семь дней послѣ перваго обыска у Амонена, произведенъ былъ второй, и на этотъ разъ въ комнатахъ моей бабушки, уже задержанной.... Двери ея комнатъ были запечатаны; но въ бумагахъ Франсуа Дюпена и Дешартра не нашли ничего противнаго интересамъ республики.

Итакъ, моя бабушка была арестована, Дешартръ долженъ былъ спасти ее; потому что когда ее уводили aux Anglaises, она успѣла сказать ему, гдѣ скрыты проклятыя бумаги, отъ которыхъ она не позаботилась избавиться. У нея было кромѣ того множество писемъ, обличавшихъ сношенія съ эмигрантами, сношенія конечно невинныя съ ея стороны, но онѣ могли быть поставлены ей въ вину, какъ преступленіе противъ государства и измѣна въ отношеніи республики.

Послѣдній актъ, составленный коммисарами—Богу извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ и негодованіемъ въ душѣ смотрѣлъ Дешартръ на акты, написанные такъ дурно по французски, какъ они были написаны—этотъ актъ, каждая ошибка котораго въ правописаніи подирала его по кожѣ, не предполагаетъ существованія небольшаго антресоля, выше перваго, и соединявшагося съ комнатами моей бабушки. Туда всходили потаенною лѣстницей изъ ея уборной.

Двери и окна его были запечатаны, и тамъ-то надобно было искать бумагъ. Чтобы войти туда, нужно было слѣдовательно снять три печати: съ двери выходящей на лѣстницу дома, съ двери уборной ведущей на потаенную лѣстницу и съ двери антресоля, на верху ея. Комнатка гражданина привратника, свирѣпаго республиканца, находилась именно подъ комнатами моей бабушки, а капралъ Лебланъ, неподкупный гражданинъ, смотрѣвшій за печатями втораго этажа, спалъ въ комнатѣ, сосѣдней съ квартирою Амонена, то есть прямо надъ антресолемъ. Тамъ скрывался онъ вооруженный съ головы до ногъ, имѣя приказаніе стрѣлять во всякаго, кто войдетъ въ тѣ или другія комнаты. Гражданинъ Фрокъ, хотя и привратникъ, но спалъ очень легко и кромѣ того располагалъ сонеткой, проведенной *ad hoc* къ окну капрала, и ему стоило только дернуть за снурокъ, чтобъ разбудить капрала въ случаѣ тревоги.

Такимъ образомъ предпріятіе было безумно для человѣка, не обладавшаго, въ искусствѣ отпирать двери и входить безъ шума, тѣми высшими знаніями, какія пріобрѣтаютъ господа воры путемъ спеціальнаго и серьёзнаго изученія. Но преданность дѣлаетъ чудеса. Дешартръ вооружился всѣмъ необходимымъ и ждалъ, когда всѣ успокоятся. Было уже два часа утра, когда въ домѣ водворилась тишина. Онъ тихонько встаетъ, одѣвается, наполняетъ свои карманы всѣми инструментами, которые добылъ не безъ опасности, снимаетъ первую печать, потомъ вторую, наконецъ третью. Вотъ онъ въ антресолѣ; ему нужно теперь открыть конторку наборной работы и перебрать двадцать девять картоновъ съ бумагами, — потому что бабушка не сказала ему, гдѣ именно тѣ бумаги, которыя могутъ ее компрометировать.

Онъ не падаетъ духомъ, разбираетъ, откладываетъ, жжетъ. Бьетъ три часа, ничто не шелохнется..... но если! паркетъ въ нижнемъ этажѣ скрипитъ слегка отъ легкихъ шаговъ; быть можетъ это Нерина, любимая собака заключенной; она спатъ возлѣ постели Дешартра и вѣроятно пошла за нимъ. Потому что на всякій случай онъ оставилъ двери отворенными за собою; ключи были у привратника, а онъ отперъ двери простой отверткой.

Когда со вниманіемъ прислушиваешься къ чему нибудь, сердце замираетъ въ груди, въ ушахъ шумитъ, проходитъ минута, когда неслышно ничего. Бѣдный Дешартръ оцѣпенѣлъ и не двигался; потому что, или кто-то всходитъ по лѣстницѣ антресоля или онъ находится подъ вліяніемъ кошмара; но это не Нерина, слышны человѣческіе шаги. Кто-то подходитъ съ осторожностью; у

Дешартра былъ пистолетъ; онъ идетъ прямо къ маленькой лѣстницѣ.... но опускаетъ руку, уже поднятую въ ростъ человѣка; къ нему пришелъ на помощь мой отецъ, Морицъ, любимый его воспитанникъ.

Ребенокъ, отъ котораго онъ напрасно скрывалъ свое намѣреніе, угадалъ и подстерегъ его; теперь онъ пришелъ помогать ему. Дешартръ, испуганный его желаніемъ раздѣлить страшную опасность, хочетъ говорить и отослать его, Морицъ молча останавливаетъ его. Дешартръ понимаетъ, что малѣйшій шумъ, слово, могутъ погубить ихъ обоихъ и видъ ребенка убѣждаетъ его, что онъ не уступитъ.

Тогда оба, въ совершенномъ молчаніи, принимаются за дѣло. Разборъ бумагъ продолжается и быстро подвигается впередъ; они жгутъ ихъ; но бьетъ четыре часа! Больше часа нужно чтобъ запереть двери и снова приставить печати. Не сдѣлано еще половины, а гражданинъ Лебланъ неизмѣнно поднимается въ пять часовъ.

Медлить было нельзя. Морицъ знаками даетъ понять своему другу, что надобно воротиться сюда въ слѣдующую ночь. А бѣдная маленькая Нерина, которую онъ позаботился запереть въ своей комнатѣ, соскучилась одна и начала выть и лаять. Они снова все затворяютъ, оставляютъ внутреннія печати снятыми и придѣлываютъ только печать главнаго входа, выходящаго на большую лѣстницу. Отецъ мой держитъ свѣчу и подаетъ воскъ. Дешартръ, который запасся слѣпкомъ печати, оканчиваетъ работу съ искусствомъ и проворствомъ человѣка, исполнявшаго столько же щекотливыя, хоть въ другомъ родѣ, хирургическія операціи. Они возвращаются въ свои комнаты спокойные за себя, но не увѣренные въ успѣхѣ предпріятія; потому что могутъ нечаянно придти днемъ, чтобы снять печати, а внутри все осталось въ безпорядкѣ. Притомъ главные обвинительныя бумаги еще не были найдены и уничтожены.

Къ счастію этотъ страшный день ожиданія прошелъ безъ катастрофы. Отецъ мой отнесъ Нерину къ одному пріятелю, Дешартръ купилъ Морицу мягкія туфли, вымазалъ двери своихъ комнатъ саломъ, привелъ въ порядокъ инструменты и уже не противился героическому рѣшенію своего воспитанника. Разсказывая мнѣ эту исторію двадцать-пять лѣтъ спустя, онъ говорилъ: «я зналъ, что если бы насъ застали, г-жа Дюпенъ никогда бы не простила мнѣ того, что я подвергъ сына ея такой опасности; но имѣлъ ли я право мѣшать доброму сыну жертвовать жизнью для спасенія матери? Это было бы противно

началамъ святаго воспитанія, а я прежде всего былъ гувернеръ.»

Въ слѣдующую ночь у нихъ было больше времени. Стражи скоро улеглись спать и имъ можно было начать работу часомъ раньше. Бумаги были собраны и обращены въ пепелъ; этотъ легкій пепелъ собрали они въ шкатулку, заперли ее и унесли, чтобъ на другой день уничтожить ее. Всѣ картоны были пересмотрѣны и очищены; нѣкоторые драгоцѣнные камни и печати съ гербами разбиты; они содрали даже гербы съ переплетовъ книгъ. Наконецъ, когда работа была кончена, печати снова приложены и возстановлены въ совершенствѣ, связки бумагъ остались какъ нетронутыя, двери безъ шуму заперты, и два соучастника, исполнивъ благородное дѣло съ такою же тайною и волненіемъ, какимъ сопровождается преступленіе, воротились въ опредѣленный часъ въ свои комнаты. Тамъ они бросились другъ другу въ объятія и не говоря ни слова, смѣшали слезы радости. Они считали бабушку мою спасенною, но еще долго должны были оставаться подъ вліяніемъ ужаса, потому что заключеніе ея продолжалось и послѣ катастрофы 9 термидора; а революціонные трибуналы съ каждымъ днемъ становились мрачнѣе и ужаснѣе.

16 нивоза, то есть почти черезъ мѣсяцъ, г-жа Дюпенъ была выведена изъ тюрьмы и возвратилась въ свое жилище подъ присмотромъ гражданина Филидора, очень добраго гражданина, который болѣе и болѣе выказывалъ расположенія въ ея пользу. Изъ вопроса, составленнаго подъ его наблюденіемъ и подписаннаго имъ, видно, что печати найдены были въ цѣлости. Гражданинъ привратникъ не вмѣшивался въ это дѣло, потому надобно думать, что никакіе слѣды не выдали тайны.

Скажу здѣсь мимоходомъ, потому что мнѣ не хочется забывать этого, что мужественный Дешартръ разсказывалъ эту исторію только по моимъ настояніямъ; притомъ онъ разсказывалъ ее довольно плохо, и я знаю подробности только отъ бабушки. Но кромѣ этого славнаго человѣка, я не знала другаго разсказчика столько плодовитаго, мелочнаго, педантическаго, столько тщеславнаго своей ролью, въ дѣлахъ маловажныхъ, и такого охотника до слушателей. Ему вовсе не казалось страннымъ каждый вечеръ пересказывать цѣлый рядъ анекдотовъ и случаевъ своей жизни, съ которыми я была такъ знакома, что поправляла разсказчика, когда онъ ошибался въ одномъ словѣ. Но онъ былъ какъ и всѣ люди его характера, незнающіе, въ чемъ заключается ихъ величіе; и когда можно было выставить героическія стороны своего характера, этотъ человѣкъ, доходившій до забав-

ныхъ претензій въ вещахъ ребяческихъ, былъ простодушенъ какъ дитя и скроменъ, какъ истинный христіанинъ.

Бабушка освобождена была изъ заключенія только для того, чтобы присутствовать при снятіи печатей и пересмотрѣ ея бумагъ. Само собою разумѣется, что въ нихъ не нашли ничего противнаго *интересамъ республики*, хотя пересмотръ продолжался девять часовъ. Это былъ радостный день для нея и для сына, потому что они могли провести его вмѣстѣ. Ихъ взаимная нѣжность очень тронула коммисаровъ, особенно Филидора, который Филидоръ былъ, если не обманываетъ меня память, экс-парикмахеръ, очень хорошій патріотъ и честный человѣкъ. Онъ очень подружился съ моимъ отцомъ и постоянно старался, чтобы дѣло бабушки подверглось обсужденію; онъ надѣялся, что она будетъ оправдана. Но старанія его имѣли успѣхъ только во время реакціи.

Вечеромъ 16 нивоза онъ отвелъ свою плѣнницу въ монастырь и она оставалась тамъ до 4 фрюктидора (22 августа 1794). Нѣсколько времени отецъ мой каждый день могъ видѣться на минуту съ своей матерью, въ монастырской пріемной. Онъ ждалъ этой счастливой минуты, на холоду, — я знаю, какъ холодно въ этомъ монастырѣ, гдѣ я провела три года своей жизни, когда я воспитывалась въ немъ. Часто онъ ждалъ нѣсколько часовъ, потому что часовые, особенно сначала, мѣнялись каждый день по капризу смотрителей, и можетъ быть по желанію революціоннаго правительства, которое опасалось слишкомъ частыхъ и легкихъ сношеній заключенныхъ съ ихъ родственниками. Въ другое время маленькій и слабый ребенокъ непремѣнно получилъ бы флюсъ, но живыя душевныя движенія даютъ намъ другое здоровье, другую организацію. Онъ не получилъ даже ревматизма и отвыкъ отъ вѣчныхъ своихъ жалобъ на малѣйшее страданіе или непріятность, съ которыми прежде постоянно обращался къ матери. Онъ вдругъ сталъ тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ быть, и избалованный ребенокъ изчезъ навсегда. Когда бѣдная мать подходила къ рѣшеткѣ, испуганная его долгимъ ожиданьемъ, и почти заливаясь слезами, брала его холодныя руки и упрашивала не приходить болѣе, чтобъ не подвергать себя этимъ страданіямъ, ему стыдно было изнѣженности, въ которой онъ позволилъ лелѣять себя: онъ укорялъ себя за то, что допустилъ такое развитіе заботливости, и зная наконецъ по собственному опыту, что значитъ бояться и страдать за того, кого любишь, онъ увѣралъ мать, что не чувствовалъ холода, и — усиліями воли доходилъ до того, что не чувствовалъ его въ самомъ дѣлѣ.

Занятія его были прерваны; нельзя уже было думать объ учителяхъ музыки, танцевъ и фехтованья. У добраго Дешартра, который любилъ учить, столько же недоставало духу давать уроки, сколько у его ученика брать ихъ; но это воспитаніе стоило другаго и время, развивавшее совѣсть и сердце человѣка, для ребенка не было потеряно.

ГЛАВА IV.

Софія-Викторія-Антуанетта Делабордъ. — Г-жа Клокаръ и дочери ея въ ратушѣ. — Монастырь des Anglaises. — Объ юности. — Внѣ оффиціальной, есть внутренняя исторія народовъ. — Собраніе писемъ изъ временъ террора.

Я прерву на минуту исторію моей фамиліи съ отцовской стороны, чтобы ввести новое лицо, которое по странному сближенію было въ тойже тюрьмѣ въ тоже время.

Я уже говорила объ Антуанѣ Делабордѣ; бросивъ содержаніе бильярда, мой дѣдъ съ матерней стороны сталъ птичникомъ. Я не сказала о немъ больше потому только, что не знала ничего больше. Мать моя не говорила о своихъ родителяхъ, которыхъ мало помнила и которыхъ лишилась еще ребенкомъ. Кто былъ дѣдъ ея по отцу? Она незнала, какъ и я не знаю. Кто была ея бабушка? Тоже. Вотъ гдѣ плебейскія генеалогіи не могутъ бороться съ генеалогіями богачей и сильныхъ міра сего....

Моя мать и тетка говорили мнѣ о своей бабушкѣ по матери: она воспитала ихъ, была добра и благочестива. Я недумаю, чтобы революція разорила ихъ. Имъ нечего было терять, но онѣ терпѣли какъ и всѣ отъ рѣдкости и дороговизны хлѣба. Эта бабушка, Богъ знаетъ почему, была роялистка и воспитала своихъ внучекъ во враждѣ къ революціи. Разумѣется онѣ не понимали въ этомъ ни капли, но въ одно прекрасное утро, старшая изъ нихъ, которой было лѣтъ пятнадцать или шестнадцать, и которую звали Софія-Викторія (и даже Антуанетта), была взята, одѣта вся въ бѣлое, напудрена, убрана розами и приведена въ hôtel de ville. Она не знала, что это значитъ: но плебейскіе нотабли этого квартала, только что вернувшіеся изъ Бастилья и Версали, сказали ей: «Молодая гражданка, ты лучше всѣхъ въ округѣ; вотъ гражданинъ Колло-д'-Эрбуа, актеръ французскаго театра, который выучитъ тебя говорить привѣтствіе въ стихахъ съ приличными жестами; вотъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ; мы приведемъ тебя въ ратушу; ты отдашь эти цвѣты и скажешь привѣт-

стіе гражданамъ Бальи и Лафайету, и этимъ окажешь услугу отечеству.»

Викторіи весело было исполнять свою роль среди другихъ хорошенькихъ дѣвушекъ, которыя однако были вѣроятно не такъ граціозны, потому что онѣ не говорили никакихъ привѣтствій и не подавали цвѣтовъ, ихъ прибавили только для эффекта.

Бабушка Клокаръ отправилась за ней вмѣстѣ съ ея младшей сестрой Люціей, и обѣ веселыя и гордыя, вмѣшавшись въ огромную толпу, успѣли проникнуть въ ратушу и видѣли, какъ перъ округа декламировалъ свои стихи и подалъ вѣнокъ. Лафайетъ былъ растроганъ и взявъ вѣнокъ, отечески положилъ его на голову Викторіи и сказалъ:

— Милое дитя, эти цвѣты больше идутъ къ вашему лицу, нежели къ моему.

Ему аплодировали, потомъ занялись банкетомъ, даннымъ ему и Бальи. Около столовъ начались танцы, и хорошенькія представительницы дистриктовъ были увлечены; толпа становилась все тѣснѣе и шумнѣе, и Клокаръ съ маленькой Люціей потеряли изъ виду торжествующую Викторію и не надѣясь опять увидѣть ее и боясь быть задавленными, вышли на площадь; но толпа оттѣснила ихъ. Крики энтузіазма были для нихъ страшны, а г-жа Клокаръ не отличалась храбростью; она подумала, что Парижъ рушится на нее, и бросилась бѣжать съ Люціей; она плакала и кричала, что Викторію задавятъ или убьютъ въ этой гигантской хороводной пляскѣ.

Только къ вечеру Викторія воротилась въ свое убогое жилище, въ сопровожденіи толпы патріотовъ обоего пола, которые такъ хорошо берегли и охраняли ее, что бѣлое платье ея вовсе *не было* измято.

Къ какому политическому событію привязывается этотъ праздникъ въ ратушѣ? Не знаю. Ни мать, ни тетка не могли ничего сказать объ этомъ; играя въ немъ роль, онѣ вѣроятно и тогда не знали этого. Кажется, впрочемъ, что это было тогда, какъ Лафайетъ объявилъ, что король воротится въ свой добрый городъ Парижъ.

Но такія свѣтлыя впечатлѣнія скоро смѣнились другими.

Онѣ были тогда такъ бѣдны, что Люція трудилась съ иглой въ рукахъ, а Викторія занимала нѣмыя роли на одномъ маленькомъ театрѣ. Тетка моя впослѣдствіи отвергала это послѣднее обстоятельство, и такъ какъ она была чрезвычайно прямодушна, то, конечно, отвергала его искренно. Быть можетъ, она сама не знала этого; онѣ были унесены этой бурей, какъ двѣ бѣдные

ласточка, которые вертятся сами не зная гдѣ, и въ этомъ безпорядкѣ несчастій, ужасовъ и непонятныхъ волненій, иногда до того сильныхъ, что въ извѣстныя эпохи они совершенно отнимали память у моей матери, очень могло случиться, что двѣ сестры на нѣсколько времени теряли другъ друга изъ виду. Быть можетъ, что впослѣдствіи опасаясь упрековъ набожной бабушки и страха благоразумной и трудолюбивой Люціи, Викторія не рѣшалась признаться, до какихъ крайностей довели ее бѣдность и легкомысліе ея возраста. Но фактъ вѣренъ, потому что мнѣ открыла его Викторія, моя мать, въ такихъ обстоятельствахъ, которыхъ я никогда не забуду: я разскажу это въ своемъ мѣстѣ, а теперь прошу читателя не дѣлать до моего разсказа никакихъ заключеній.

Не знаю гдѣ-то моей матери случилось пѣть возмутительную пѣсню противъ республики. На другой день у нея произведенъ былъ обыскъ; нашли списокъ этой пѣсни, который далъ ей какой-то Борель. Пѣсня въ самомъ дѣлѣ была возмутительна, но она пропѣла изъ нея только одинъ куплетъ, въ которомъ не было ничего особеннаго. Ее задержали вмѣстѣ съ сестрой и посадили сперва въ одну тюрьму, потомъ перевели въ другую, наконецъ aux Anglais, гдѣ она была вѣроятно въ одно время съ моей бабушкой.

Такимъ образомъ двѣ простыя дѣвушки были заключены тамъ наравнѣ съ самыми знатными дамами. Тамъ же была мадмоазель Конта, и настоятельница монастыря, г-жа Каннингъ чрезвычайно подружилась съ ней. Эта знаменитая актриса прониклась тихимъ и восторженнымъ благочестіемъ. Встрѣчая г-жу Каннингъ, она становилась на колѣни и просила ея благословенія. Добрая монахиня, женщина умная и разсудительная, утѣшала ее и придавала ей твердости передъ ужасами смерти, уводила ее въ свою келью и увѣщевала не пугая; она видѣла въ ней душу прекрасную и добрую, въ которой ничто ее не оскорбляло. Она сама разсказывала все это моей бабушкѣ, когда я была въ монастырѣ и когда онѣ въ пріемной перебирали свои воспоминанія объ этой странной эпохѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Марія-Аврора де-Саксъ и Викторія Делабордъ не знали или не замѣтили другъ друга въ такомъ большомъ числѣ заключенныхъ, которыя постоянно мѣнялись *отъѣздомъ* (*) однихъ и арестованіемъ другихъ. Ихъ взаимныя воспоминанія ничего не говорятъ объ этомъ. Но я позволю себѣ

(*) *Отъѣздъ* означалъ тогда гильотину.

взглянуть на это съ романической точки зрѣнія. Я предполагаю, что Морицъ прогуливался въ монастырѣ, дрожа отъ холоду въ ожиданіи свиданья съ матерью; предполагаю также, что Викторія, которой было уже девятнадцать лѣтъ, ходила по монастырю и замѣтила милаго ребенка; узнавъ, что это внукъ маршала де-Сакса, она сказала, можетъ быть: «онъ прекрасный мальчикъ, а маршала де-Сакса я не знаю». Морицу могли сказать: «видишь ли эту бѣдную хорошенькую дѣвушку, которая никогда не слыхала о твоемъ дѣдѣ, отецъ которой торговалъ птицами; это твоя будущая жена....» не знаю, что бы отвѣтилъ онъ, но это начало романа.

Но можно и не вѣрить этому. Могло быть, что они и не встрѣчались въ монастырѣ, но могло быть также, что они и видѣли и говорили другъ съ другомъ, хоть разъ. Дѣвушка не обратила на мальчика большаго вниманія; молодой человѣкъ, занятый своимъ личнымъ горемъ, можетъ быть видѣлъ ее, но тотчасъ же забылъ. Они не вспоминали объ этой встрѣчѣ, когда познакомились въ Италіи, во время другой бури, нѣсколько лѣтъ спустя.

Здѣсь существованіе моей матери исчезаетъ отъ меня, какъ исчезло изъ ея собственной памяти. Она знала только, что вышла изъ тюрьмы такъ же, какъ вошла въ нее, то есть не понимая — зачѣмъ и почему. Бабушка Клокаръ не слыша ничего о своихъ внучкахъ, считала ихъ умершими. Она сильно постарѣла, когда сестры воротились къ ней; вмѣсто того, чтобы броситься въ ихъ объятія, она испугалась и приняла ихъ за привидѣнія.

Я стану продолжать ихъ исторію, когда это будетъ возможно. Возвращаюсь къ исторіи отца, которую, благодаря письмамъ, рѣдко теряю изъ виду.

Короткія свиданія матери и сына скоро прекратились. Революціонное правительство приняло мѣры строгости противъ близкихъ родственниковъ заключенныхъ, выслало ихъ изъ Парижа и запретило вступать въ городъ до новаго распоряженія. Отецъ мой поселился съ Дешартромъ въ Пасси, гдѣ и провелъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Эта вторая разлука была еще безотраднѣе. Она была полнѣе и уничтожила остатки надежды. Сердце бабушки разрывалось отъ горя, но она съумѣла скрыть это отъ сына, когда прощаясь съ нимъ считала свое прощаніе послѣднимъ.

Его предчувствія были не такъ мрачны, но онъ былъ подавленъ горестью. Бѣдный ребенокъ никогда не разставался съ

матерью, никогда не зналъ и не предвидѣлъ огорченій. Онъ былъ хорошъ какъ цвѣтокъ, тихъ и невиненъ какъ молодая дѣвушка. Ему было шестнадцать лѣтъ; здоровье его было еще слабо, душа благородна. Въ такомъ возрастѣ, мальчикъ воспитанный матерью есть какое-то особенное существо въ твореніи. Онъ не принадлежитъ, такъ сказать, ни къ какому полу; его мысли чисты какъ у ангела; у него нѣтъ ребяческаго кокетства, безпокойнаго любопытства, недовѣрчиваго себялюбія, что часто тревожитъ развитіе женщины. Дочь не любитъ, да и не можетъ любить матери такъ, какъ онъ. Наслаждаясь счастьемъ быть любиму, безъ раздѣла и почти обожаемый, онъ считаетъ мать предметомъ чуть не поклоненія. Это любовь безъ бурь и ошибокъ, въ какія потомъ увлечетъ его страсть къ другой женщинѣ. Вотъ любовь идеальная, и она продолжается только мигъ въ жизни человѣка. Сегодня онъ не отдаетъ себѣ отчета въ ней и живетъ въ отупѣніи пріятнаго инстинкта; завтра, это любовь, смущенная или развлеченная другими страстями, или, быть можетъ, борьба съ привлекающимъ вліяніемъ любовницы.

Его очарованнымъ глазамъ откроется тогда міръ новыхъ волненій; но если онъ можетъ пылко и благородно любить этотъ новый идолъ, то потому, что уже въ чувствахъ его къ матери высказывалось святое начало истинной любви.

Я думаю, что поэты и романисты мало знали предметъ наблюденія и источникъ поэзіи, который заключенъ въ этомъ быстромъ и единственномъ мгновеніи человѣческой жизни. Правда и то, что въ нашей печальной дѣйствительности истинный юноша не существуетъ; обыкновенно это существо, воспитанное какимъ-то исключительнымъ образомъ. Онъ представляется намъ, какъ ученикъ коллегіи, нечосаный, довольно невѣжливый, преданный какому нибудь грубому пороку, который уже разрушилъ въ немъ святость перваго идеала. Или, если бѣдный ребенокъ спасся какимъ нибудь чудомъ отъ язвы школъ, ему невозможно сохранить чистоту воображенія и святое невѣдѣніе своего возраста. Онъ питаетъ, кромѣ того, скрытную ненависть противъ товарищей, которые хотѣли сбить его съ пути, и противъ тюремщиковъ, которые его притѣсняютъ. Онъ не хорошъ собой, хотя природа создала его красивымъ; онъ носитъ дурное платье, застѣнчивъ и не можетъ смотрѣть въ глаза вамъ. Онъ читаетъ тихонько дурныя книги, но его пугаетъ видъ женщины.... Ему нужны годы, чтобъ избавиться отъ плодовъ такого воспитанія, чтобы научиться родному языку, забывая латынь, которую знаетъ плохо, и греческій языкъ, котораго совсѣмъ не знаетъ, —чтобъ

образовать свой вкусъ, имѣть правильныя понятія объ исторіи, чтобы потерять эту печать безобразія, наложенную на него печальнымъ дѣтствомъ и рабскимъ загрубѣніемъ, поднять голову и свободно смотрѣть на всѣхъ. Только тогда онъ будетъ любить свою мать, но страсти уже овладѣваютъ имъ, и онъ никогда не узнаетъ этой ангельской любви, о которой я говорила сейчасъ, а которая служитъ какъ бы отдыхомъ для человѣческой души, на очаровательномъ оазисѣ между дѣтствомъ и юношествомъ....

Но здѣсь нельзя дѣлать выводовъ изъ частныхъ случаевъ. Воспитаніе моего отца не могло бы служить типомъ. Оно было и прекрасно и въ тоже время очень недостаточно. Прерванное два раза, одинъ разъ — болѣзнью, другой — революціоннымъ терроризмомъ, и тѣмъ невѣрнымъ и безпокойнымъ существованіемъ, которое было его слѣдствіемъ, оно не было никогда хорошенько докончено. При всемъ томъ, оно развило человѣка необычайно прямодушнаго, храбраго и добраго. Жизнь этого человѣка была романомъ войны и любви, который кончился для него, въ тридцать лѣтъ, непредвидѣнной катастрофой. По этой преждевременной смерти, люди, знавшіе его, всегда представляютъ его молодымъ человѣкомъ, а молодой человѣкъ, одаренный чувствами героя, вся жизнь котораго совпадаетъ съ геройскимъ періодомъ исторіи, не можетъ быть личностію, лишенною прелести и интереса. Какой прекрасный сюжетъ романа для меня эта жизнь, еслибъ главными лицами его небыли мои отецъ, мать и бабушка! Но, какъ бы то ни было, сколько ни придаю я серьёзнаго значенія нѣкоторымъ романамъ, писаннымъ съ глубокимъ чувствомъ и любовью, въ романъ не должно вставлять ни лицъ, которыхъ любишь, ни лицъ, которыхъ ненавидишь. Я еще буду говорить объ этомъ и надѣюсь откровенно отвѣчать тѣмъ, кто обвинялъ меня, что я хотѣла изобразить ихъ въ своихъ книгахъ. Скажу только теперь, я не рѣшилась бы изъ жизни отца дѣлать сюжетъ для вымысла; читатель увидитъ, почему.

Притомъ я не думаю, чтобы эта жизнь стала интереснѣе съ украшеніями литературной формы. Разсказанная, какъ есть, она имѣетъ больше значенія и выражаетъ самыми простыми фактами нравственную исторію общества, которое было ея средой.

Всѣмъ этимъ предисловіемъ я хочу только объяснить, почему привожу здѣсь цѣлый рядъ писемъ, которыя лишены, по видимому, историческаго колорита, но въ сущности очень богаты имъ. Все содѣйствуетъ исторіи, *все есть исторія*, даже романы, совсѣмъ кажется непривязанные къ политическимъ обстоятельствамъ, которыя ихъ пораждаютъ. Потому нѣтъ сомнѣ-

нія, что существенныя подробности каждаго человѣческаго существованія доставляютъ черты для общей картины собирательной жизни. Кто изъ насъ, находя рукописный отрывокъ временъ давнопрошедшихъ, хоть бы это была сухая дѣловая бумага или неважное письмо, кто изъ насъ не разбиралъ, перечитывалъ, объяснялъ его, чтобъ извлечь изъ него что нибудь для раскрытія нравовъ и обычаевъ нашихъ дѣдовъ! У каждаго вѣка, у каждой минуты есть свои маперы, свое выраженіе и чувство, свой вкусъ и предубѣжденія. Исторія законодательства составляется по документамъ, исторія нравовъ по старинныхъ письмамъ.

Сынъ мой написалъ для забавы, и разумѣется не для печати, шуточный романъ, съ такими же *сціентифическими* комментаріями. Въ самомъ разгарѣ интриги, одно изъ дѣйствующихъ лицъ пишетъ другому: «о небо! пошли мнѣ двадцать-семь аршинъ зеленаго бархату». Этотъ зеленый бархатъ долго забавлялъ насъ, но авторъ увѣряетъ, что это обращеніе имѣетъ глубокій таинственный смыслъ. Наши просьбы не лучше; но возьмемъ этотъ примѣръ: положимъ, что такое письмо писано было во времена Людовика XIV, и что оно попало къ намъ въ руки: мы тотчасъ серьёзно заинтересованы этимъ бархатомъ. Зачѣмъ нужны были тогда двадцать-семь аршинъ зеленаго бархату? На платье, для мебели, для занавѣсей? Былъ ли это предметъ большой роскоши или очень обыкновенная вещь? Сколько стоилъ онъ? Гдѣ его дѣлали? Въ какихъ классахъ общества былъ онъ необходимою потребностью? Мы жалѣемъ о неизвѣстности этихъ подробностей, потому что зная ихъ, мы можемъ имѣть понятіе о цѣломъ порядкѣ вещей, положеніи торговли, участи рабочихъ, роскоши нравовъ, разныхъ степеняхъ благосостоянія: такимъ образомъ строится лѣстница, которая касается основанія и вершины экономической задачи; сравнивайте прошедшее съ настоящимъ и вы доходите до любопытныхъ результатовъ въ общественномъ вопросѣ.

Исторія пользуется всѣмъ, и замѣткою купца, и поварской книгой, и счетомъ прачки. Вотъ какимъ образомъ двадцать-семь аршинъ зеленаго бархата могутъ интересовать исторію человѣчества. Это можетъ служить объяснительнымъ замѣчаніемъ къ достопочтенному труду, изъ котораго я взяла примѣръ (*).

Привожу теперь дословно рядъ писемъ моего отца, писанныхъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ, къ матери заключен-

(*) *L'Inconnu, roman inconnu* de Maurice Sand.

ной въ монастырѣ во время терроризма, и предупреждаю читателя, что онъ встрѣтитъ въ нихъ мало разнообразія и драматизма. Письма эти рисуютъ только мрачное положеніе двухъ душъ, растерзанныхъ горемъ; но онѣ обозначены 94 годомъ, и здѣсь ихъ историческая важность. О нравственномъ значеніи пусть судятъ, прочитавъ ихъ. Это памятникъ невинности, сыновней любви и того ангельскаго состоянія души, которое характеризуетъ истиннаго юношу (*).

Безъ числа и мѣсяца.

«Изгнанъ! изгнанъ въ пятнадцать лѣтъ, и за какое преступленіе? Ахъ! еслибъ я предвидѣлъ подобную мѣру съ родными заключенныхъ, я постарался бы, чтобъ и меня заключили вмѣстѣ съ тобой. Разлучиться съ тобой, не видѣть больше тебя! — да, это ссылка! Успокойся, добрая моя мать, если можешь; я не въ силахъ; я такъ плакалъ что чуть вижу теперь. Я былъ ошеломленъ, выходя изъ Парижа; гражданинъ Дешартръ держалъ меня за руку, а то бы я упалъ въ воротахъ Мальо. Не смѣю больше писать тебѣ, боюсь, что письмо не пройдетъ. За что мы такъ несчастны? Я долженъ былъ совершить большое преступленіе, чтобы лишиться тебя, а я не сдѣлалъ ничего! Моя мать, отдайте мнѣ мою мать!»

Здѣсь пропускъ. Эти первыя письма были, безъ сомнѣнія, самыя раздирающія, самыя страстныя. Быть можетъ, въ нихъ были жалобы на революціонное правительство и бабушка изъ опасенія сожгла ихъ.

Пасси, 8 флореаля II года республики (апрѣль 1794).

«Мы вѣрно встрѣтились смотря на Пантеонъ, потому что я долго оставался на возвышеніи (**). Боже мой, милая мать, какое печальное утѣшеніе! Еслибъ я поднялся выше на двѣсти туазовъ съ зрительной трубой, то увидѣлъ бы монастырь.

«Нынѣшній вечеръ, послѣ нашего *свиданья* (на разстояніи цѣлаго льё!), я гулялъ въ Булонскомъ лѣсу и любовался бурей. Не безпокойся объ этомъ; я здоровъ какъ нельзя лучше. Среди завыванія вѣтра и шума черныхъ ручьевъ, я пришелъ въ муниципалитетъ, члены котораго очень любезны. Кто-то сказалъ,

---

(*) Эти письма занимаютъ большую половину четвертой главы. Мы приводимъ ихъ не вполнѣ, какъ потому, что по приведеннымъ можно составить понятіе объ остальныхъ, такъ и потому, что дѣйствительно въ нихъ мало разнообразія: всѣ они проникнуты однимъ чувствомъ, и выраженіе его не лишено монотонности. *Прим. Пер.*

(**) Они согласились смотрѣть въ одно и то же время на Пантеонъ, и называли это *своимъ свиданьемъ.*

что по его мнѣнію насъ отошлютъ еще дальше, одинъ изъ нихъ сталъ утверждать противное, говорилъ любезности и увѣрялъ, что это имъ будетъ очень непріятно. Я бы скорѣе радъ былъ воротиться въ Парижъ съ ругательствами, чѣмъ выслушивать такіе комплименты.

«Прощай, обнимаю тебя отъ всего сердца. Шесть дней ужъ я не имѣлъ этого счастья; какъ это долго и ужасно!»

Пасси, 19 флореаля II года (май 1794).

«Хотя изгнаніе чрезвычайно огорчаетъ меня, лишая свиданій съ тобою, моя добрая мать, но быть можетъ, принесетъ мнѣ и большую пользу, оставляя въ моемъ времени огромную пустоту, которую я долженъ наполнять трудомъ. Въ Парижѣ я былъ развлеченъ цѣлый день. Нужно было выходить, дѣлать визиты и все мое время пропадало. Теперь я одинъ и мнѣ остается только заниматься, чтобъ не умереть со скуки въ длинные, безмолвные дни. Занятія продолжаются съ утра до трехъ часовъ, и такъ какъ у насъ все тихо и мнѣ никто не мѣшаетъ, я отдаюсь имъ больше и серьёзнѣе, чѣмъ было прежде. Приходитъ гражданинъ Дешартръ и отдаетъ мнѣ твое письмо, которое я читаю въ тоже время, какъ ты читаешь мое. Потомъ мы отправляемся гулять въ Булонскомъ лѣсу, читаемъ и такъ проходитъ весь день. Я ходилъ сегодня за своимъ видомъ; но мнѣ не выдавали его, потому что моя выписка изъ метрикъ не была засвидѣтельствована. Но завтра я получу его, и тогда не будетъ сомнѣнія въ томъ, что я живу.

«Мы воротились поздно, гражданинъ Дешартръ усталъ и собирается спать. Извини за короткость моего письма по причинѣ его усталости. Цалую тебя.»

24 флореаля.

«Мнѣ нужно было получить письмо отъ тебя, моя добрая мать. Это счастіе показалось мнѣ еще больше, послѣ испытаннаго лишенія. Я надѣюсь, что это будетъ единственная остановка нашей переписки, или, лучше сказать, я надѣюсь, что наша переписка скоро кончится и я самъ буду говорить тебѣ о своихъ чувствахъ. Вотъ какъ мы недовольны ничѣмъ! Когда мнѣ нельзя было писать къ тебѣ, я ждалъ только минуты, когда мнѣ возвратятъ это право; теперь я пользуюсь имъ, и это только усиливаетъ мое желаніе соединиться съ тобой.

«Говорятъ, что всѣ эти мѣры приняты для того, чтобъ коммиссія легче могла начать свое дѣло. Не знаю, какъ это устроится, но справедливость должна царствовать въ рѣшеніяхъ, произнесенныхъ безпристрастными судьями.

«Нынѣшнее утро я видѣлъ гражданина Бомона (*) и своего горнаго пріятеля. Мы долго гуляли; мнѣ не зачѣмъ упоминать, о комъ мы говорили. Если у тебя не звенѣло въ ушахъ все это время, то нечего вѣрить примѣтамъ.

«Я провожаю своихъ гостей до заставы и мнѣ какъ-то странно кажется то, что я не могу войти въ нее, особенно въ заставу Революціи; черезъ нее я отправлялся въ Булонскій лѣсъ, съ тобой или верхомъ. Гуляя по тѣмъ же мѣстамъ и доходя до этой заставы, я едва удерживаюсь, чтобъ не побѣжать къ тебѣ и броситься въ твои объятія. Меня останавливали маленькія соображенія; я вижу оттуда гильотину и съ зрительной трубой прочту газету на одномъ изъ столовъ кафе de la Terrasse des Feuillants.... Ахъ! если небо услышитъ мою молитву, мы скоро соединимся, чтобъ никогда больше не разставаться. Это былъ бы верхъ счастія для меня!

«Прощай, моя добрая мать, прижимаю тебя къ своему сердцу» (**).

Безъ числа и мѣсяца.

«Ты всегда пишешь въ шесть часовъ утра. Это безпокоитъ меня; ты ложишься поздно, стало быть мало спишь. Я боюсь, какъ бы это не подѣйствовало на твое здоровье.

«Нынѣшній вечеръ, когда мы шли по версальской дорогѣ и читали, кто-то позвалъ насъ: это былъ Фёлье, изъ революціоннаго комитета. Онъ показалъ много участія къ намъ и спрашивалъ о тебѣ. Онъ былъ въ экипажѣ и мы не могли говорить съ нимъ долго.

«Увѣряютъ, что если коммисіи не начнутъ своихъ дѣйствій въ теченіе мѣсяца, участь заключенныхъ будетъ рѣшена комитетомъ общественной безопасности. У каждаго своя новость, вѣрная или невѣрная....

«Ложась спать, я также думаю о нашей участи, но не такъ, какъ ты. Ты говоришь, что надежда убѣгаетъ отъ тебя все дальше и дальше. Нѣтъ сомнѣнія, что всякое страданіе имѣетъ свои предѣлы, такъ что чѣмъ дальше мы идемъ впередъ, тѣмъ ближе подходимъ къ желанной границѣ. Если намъ жаль счастливыхъ дней, то должно быть пріятно вспоминать о несчастьѣ прошедшемъ, и смотрѣть на него, какъ на принятое уже лекар-

(*) Аббатъ Бомонъ, дядя его, сынъ герцога Буйльона и мадмоазель Веррьеръ.

(**) Здѣсь оканчивается первый томъ «Исторіи», четвертая глава продолжается во второмъ.

Прим. пер.

ство.... Ахъ! медикъ, который послалъ бы тебя въ Пасси, сдѣлалъ бы два прекрасныя излеченія! онъ вылечилъ бы двѣ глубокія раны, которыми мы страдаемъ уже шесть мѣсяцевъ!... Нынѣшній вечеръ я гулялъ вдоль рѣки по направленію къ Мёдону; это прекрасно. Берега, покрытые деревьями и хорошенькими дачами, ограничиваютъ горизонтъ. Откуда ни смотрите, ваши глаза очарованы; съ одной стороны рисуется Парижъ съ своими величественными зданіями, съ другой веселенькія деревни. Какъ я жалѣю о тебѣ въ своихъ прогулкахъ! Эти наслажденія далеко несовершенны безъ тебя.

«Я воротился черезъ Отёйль. Я спросилъ, гдѣ домъ Буало: его знаютъ всѣ и считаютъ самымъ стариннымъ. Домъ занятъ теперь какимъ-то оригиналомъ, который его вовсе не уважаетъ. Онъ выбѣлилъ его, отдѣлалъ за-ново и срубилъ деревья, за которыми ухаживалъ Антуанъ, и развелъ англійскій садъ на мѣстѣ тѣхъ аллей, гдѣ писалъ Буало, гдѣ собирались геніальные люди Франціи, д'Агессо, Ламуаньонъ, Расинъ, Мольеръ, Лафонтенъ! Но я нашелъ одну аллею, случайно уцѣлѣвшую отъ этой эпохи. Быть можетъ, здѣсь было любимое мѣсто его размышленій, здѣсь нападалъ онъ на пороки и смѣшное въ человѣческомъ родѣ.

«Еслибъ этотъ домъ принадлежалъ мнѣ, я оставилъ бы ему всѣ старинныя украшенія и только поддерживалъ его. Въ садахъ уцѣлѣло бы старинное расположеніе, садовника звали бы Антуаномъ. Все жилище было бы посвящено памяти великаго поэта.

«Такъ какъ мы не думаемъ, что твое заключеніе продолжится еще надолго, то на возвратномъ пути искали приличной для тебя квартиры. Изъ одной виденъ весь Парижъ, но одно дерево, въ родѣ дерева Руссо, скрывало бы отъ тебя гору св. Женевьевы, это мрачное мѣсто, которое бы стало вызывать въ тебѣ печальныя воспоминанія. Какъ бы желалъ я, чтобы ты сама выбрала себѣ мѣсто! какъ бы я былъ счастливъ! Я надѣюсь, что время идетъ къ лучшему....

«Цалую тебя отъ всей души, со всей моей нѣжностью.»

Пасси, 1 преріаля II года.

«Наконецъ надежды наши получаютъ какое нибудь основаніе! Если ты читаешь газеты, то знаешь, какъ будутъ судить коммиссіи. Будетъ три разряда, изъ которыхъ одинъ отошлютъ въ революціонный трибуналъ; тѣ лица, причины заключенія которыхъ коммиссія признаетъ недостаточными, отосланы будутъ въ комитетъ общественной безопасности. Ссылка или заключеніе

будутъ продолжены до мира; тотчасъ нельзя будетъ освободить никого. Но если тебя перешлютъ комитету общественной безспасности, ты уже свободна! Въ слѣдствіе такой хорошей новости я провелъ весь день не такъ, какъ обыкновенно; обѣдалъ у г. Везеля, потомъ былъ у г. Серения. Тамъ одинъ молодой человѣкъ, ученикъ Крамольца, превосходно игралъ на арфѣ: это было пріятно для меня; я уже давно не слышалъ музыки.»

3 преріаля.

«Я всегда вижу тебя во снѣ, нынче также. Ты не выходишь изъ моихъ мыслей, даже ночью. Если сонъ есть подобіе смерти, и если бы я мертвый безпрестанно могъ видѣть тебя во снѣ, я бы скоро уснулъ долгимъ сномъ, чтобъ наслаждаться этимъ счастьемъ.

«Наконецъ я живу, какъ можно дольше съ мертвыми, потому что постоянно читаю; съ ними провелъ я цѣлый день; меня заперла дома дурная погода. Ты совѣтуешь мнѣ не оставлять скрипки. Я занимался ей только нынѣшнее утро, но обѣщаю приняться за нее, потому что ты желаешь этого; когда тебѣ можно будетъ меня слушать, ты увидишь мои успѣхи.»

Отрывки, писанные въ преріалѣ.

«Нынѣшній вечеръ со мной произошло забавное приключеніе. Гражданинъ Дешартръ и я, разъигрывали у окна увертюру изъ *Эдипа*; когда мы кончили, позади насъ кто-то сталъ аплодировать. Обернувшись назадъ, мы увидѣли господина (*) въ старомодномъ платьѣ, который просилъ насъ не принимать его за шпіона и позволить слушать насъ. У него была честная наружность, и мы предложили ему войти къ намъ. Онъ охотно согласился. Мы съиграли передъ нимъ нѣсколько отрывковъ. Наконецъ онъ взялъ скрипку, и мы играли удивительно, потому что онъ превосходный музыкантъ, очень хорошій скрипачъ, и это поправило мои уши. Мнѣ нужно было послушать хорошей музыки, потому что не смотря на доброе сердце и добрую волю, гражданинъ Дешартръ никакъ не можетъ играть вѣрно. Чтобы снова увѣрить насъ, что онъ не шпіонъ, нашъ новый другъ сказалъ, что онъ Гавинье, авторъ музыки многихъ комическихъ оперъ, которыя давались на итальянской сценѣ. Онъ долго былъ первой скрипкой въ оперѣ, и какъ открылось, коротко зналъ моего отца, котораго всегда называетъ Франкёйлемъ; съ нимъ вмѣстѣ онъ написалъ много музыки во времена *Гадате-*

(*) Квартира была въ нижнемъ этажѣ; господинъ стоялъ на улицѣ.

ля (*) и пр. Не видѣвши меня никогда, онъ сталъ моимъ знакомцемъ. Наконецъ наигравшись онъ оставилъ насъ, говоря, что еслибы жилъ не въ Парижѣ, то съ удовольствіемъ сталъ бы помогать мнѣ совѣтами. Онъ узналъ мою скрипку, вспомнилъ даже и номеръ, который онъ мнѣ сказалъ еще не видѣвши.

«Это еще болѣе побудитъ меня къ труду; у меня страсть къ музыкѣ....

«У меня здѣсь *Нерина* (**) съ своимъ маленькимъ, котораго я очень люблю. Когда онъ устаетъ во время прогулки, мы прячемъ его въ платокъ; голова его высовывается въ одномъ углу, онъ какъ въ носилкахъ, свертывается тамъ въ кружокъ и спитъ. Такъ онъ пришелъ и изъ Парижа. Онъ красивъ и ласковъ, манеры тѣ же какъ у матери; онъ также прыгаетъ черезъ руки; это прекрасное животное. У него нѣтъ еще имени; мнѣ хочется, чтобы ты дала его; я буду любить его еще больше. Пожалуйста, найди ему имя. Посовѣтуйся съ большимъ и малымъ совѣтомъ, въ справочной палатѣ, выслушивай различныя сужденія. «Искра истины вылетаетъ отъ столкновенія противоположныхъ мнѣній.»

Флореаль.

«....Ты хочешь назвать маленькаго Нерины *Тристанъ*.... Это бѣдное маленькое животное очень мило. Нынче вечеромъ я рисовалъ, и онъ помѣстился подъ моимъ портфёлемъ. Мнѣ было неловко; гражданинъ Дешартръ звалъ его, но онъ не слушалъ, и ласкаясь возвратился ко мнѣ. Когда мы идемъ съ Дешартромъ, онъ слѣдуетъ за мной, и не оставляетъ меня. Онъ весь въ темныхъ и бѣлыхъ крапинкахъ, голова—квадратная съ длинными ушами, что придаетъ ему весьма почтенный видъ. Я его люблю; на прогулкахъ онъ очень забавляетъ меня.

«Сегодня утромъ зашелъ къ намъ случайно г. Мадленъ; онъ не зналъ, что я здѣсь. Дешартръ встрѣтился съ нимъ у нашихъ дверей; это доставило мнѣ большое удовольствіе. Когда нѣтъ никакого общества, то чрезвычайно пріятно встрѣтиться съ знакомыми. Онъ въ такой нуждѣ, что, по словамъ его пишетъ пьесы для театра. Водевиль, чтобы было чѣмъ жить.»

23 преріаля.

«Ссылка заставила меня приняться за рисованье. Я сдѣлалъ одинъ рисунокъ для своего пріятеля, который остался имъ очень доволенъ. Стану продолжать. Природа передъ глазами у меня, и

(*) *Деревенскій гадатель* Ж. Ж. Руссо; мой дѣдъ писалъ для него речитативы.

(**) Любимая собачка его матери.

это лучшая модель. Я читаю также, почти безъ приготовленія, квартеты Плейеля; это доставило мнѣ вчера большое удовольствіе, потому что я игралъ вещи, которыхъ и не видѣлъ никогда. Ты видишь, моя добрая мать, что я не поручаю другимъ своихъ панегириковъ; но говоря серьёзно, я вовсе не хвалюсь.

«Мы снова перемѣняемъ квартиру, третій разъ въ два мѣсяца. Тебя, увы! избавляютъ отъ этого безпокойства.

«Кутонъ спрашивалъ для муниципалитета, что у насъ новенькаго. Ему отданъ былъ удовлетворительный отчетъ. По его мнѣнію, намъ не только нельзя будетъ выходить изъ коммюны, но даже и отправляться въ Булонскій лѣсъ. Можетъ выйдти декретъ, что ссыльные лишаются права уходить далеко отъ той деревни, которая назначена имъ для жительства. Мнѣ будетъ рѣшительно все равно, увѣряю тебя! Когда несчастье преслѣдуетъ человѣка, то немного больше, немного меньше, ничего не значитъ.»

Снова пропускъ. Надежда на свободу не осуществилась; новыя строгости, вѣроятно правила для внутренней тюремной полиціи, распространились на самую переписку заключенныхъ.

Насси, 9 мессидора (іюнь 1794).

«Наконецъ, милая мать, я могу написать къ тебѣ болѣе трехъ строкъ. Я не могъ привыкнуть къ этой краткости. Три строчки скоро наполнялись, и такъ какъ у меня только и удовольствія, что писать тебѣ, то мое удовольствіе сократилось очень оригинально.

«Наступаютъ жары. Какъ ты устроишься въ этой маленькой комнаткѣ въ саду? Ахъ! какъ это наскучило тебѣ, я думаю! Ужасно подвергаться наказанію, когда и самъ и всѣ другіе знаютъ твою невинность! Сократъ говорилъ своимъ друзьямъ, которые горевали, что онъ умираетъ невиннымъ: такъ развѣ хотите вы, чтобъ я умеръ виновнымъ? Мы съ своей стороны можемъ сказать теперь, какъ послѣ сраженія при Павіи: все потеряно, кромѣ чести.

«Если эти жары будутъ продолжаться, я брошусь въ рѣку и кончу жизнь. Какіе длинные дни! передъ моими глазами Булонскій лѣсъ и разныя мѣста для гулянья, а ты не можешь прогуливаться!»

13 мессидора.

«Нѣсколько дней я читалъ исторію моего дѣда, написанную д'Эспаньякомъ, но безъ карты, могъ составить себѣ только смутное понятіе объ его кампаніяхъ. Оказывается, что вышедшія недавно карты составлены тѣмъ же д'Эспаньякомъ вмѣстѣ

съ двумя этими книгами, но до сихъ поръ не были изданы. Такимъ образомъ, у меня теперь полное сочиненіе. Сраженія описаны прекрасно; обозначены малѣйшіе отряды и баттареи, хоть нѣтъ этого дождя пуль, ядеръ, клубовъ дыма, которые вѣроятно мѣшаютъ немного зрителю. И однако середи этой суматицы дѣйствовалъ твой отецъ, тогда только еще полковникъ: онъ выбиралъ самыя опасныя мѣста и дѣлался спокойнымъ наблюдателемъ. Ты можешь представить, что къ сожалѣнію въ своей комнатѣ я не могу изучить такого курса вполнѣ; дѣлаю что могу.

«Погода стоитъ теплая, хорошая, но она утомляетъ тебя, и я почти проклинаю ее. Ахъ! если бы мы были вмѣстѣ! это вѣчный мой припѣвъ; я былъ бы на верху счастья.

«Прощай, милая моя мать, прижимаю тебя къ сердцу также нѣжно, какъ люблю тебя.

«Дюпенъ.» (*)

17 мессидора.

«Вчерашнее письмо твое показалось мнѣ очень коротко; мое найдутъ быть можетъ слишкомъ длиннымъ. Неужели намъ должно будетъ лишиться еще одного удовольствія? Чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе кажется отдаляется конецъ нашихъ бѣдствій, тѣмъ болѣе увеличиваются несчастія. Ахъ, какъ тяжело невинному, когда его считаютъ виновнымъ!

«Еслибъ можно было прогнать англичанъ, австрійцевъ, испанцевъ и другихъ народовъ, которые воюютъ съ нами, у насъ былъ бы миръ и, слѣдовательно, свобода. Съ ними уже начинаютъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ. А я что дѣлаю здѣсь? Къ чему служитъ моя ссылка? Война, которую я изучаю въ своей маленькой комнаткѣ, нисколько не подвигаетъ впередъ нашего дѣла. Станемъ надѣяться однако!

«Цалую тебя отъ всей души.

«Дюпенъ.»

22 мессидора.

«Я боюсь, что мои письма не будутъ доходить къ тебѣ. Довольно жарко, но я ничего не чувствую и какъ-то отупѣлъ съ тоски.

«Прощай, моя милая мать, обнимаю тебя такъ нѣжно, какъ люблю.»

(*) До сихъ поръ онъ подписывался «Морицъ». Теперь онъ принимаетъ фамильное имя и считаетъ себя взрослымъ, потому что читаетъ описанія сраженій и уже мечтаетъ о нихъ.

Вотъ письмо его матери, къ сожалѣнію единственное, уцѣлѣвшее изъ ихъ переписки. Вѣроятно оно также отъ 22 мессидора.

«Моему сыну.

«Сейчасъ мнѣ сказали, что вчера арестованъ весь Вилльеръ и что нынѣшнею ночью отправятся въ Нёльи. Увы! Пасси очень близко оттуда. Не дозволяй себя арестовать, берегись и не отдавайся. Въ Виллье̂рѣ говорятъ, нѣтъ никого; увели всѣхъ, до девятилѣтнихъ дѣтей. Сынъ мой, спасай свою свободу, если хочешь сохранить мнѣ жизнь. Такъ вотъ о какой охотѣ говорили; это только предлогъ, чтобы задержать аристократовъ. Уходи изъ Пасси, пусть тебя бережетъ твой другъ. Я въ страшномъ безпокойствѣ. Боже мой, если возьмутъ и тебя нынѣшнюю ночь! Я дрожу отъ страха! Какъ тяжело мое существованье!

«Прощай, прощай, бѣдная мать твоя прижимаетъ тебя къ сердцу».

Отвѣтъ написанъ Дешартромъ, который очевидно не хотѣлъ оставлять моего отца въ этотъ день и не отправился въ монастырь.

23 мессидора.

«Я знаю, другъ мой, что вы предаетесь отчаянію. Какія бы ни были причины вашего безпокойства, мы вполнѣ вамъ сочувствуемъ: несчастье наше столько же огорчаетъ и насъ. Но зачѣмъ изгонять изъ сердца всякую надежду? Это несчастіе было бы самымъ ужаснымъ для насъ. Соберите свое мужество, мой другъ. Я не сомнѣваюсь, что причина вашего уныія — страхъ за нашего молодаго друга, и долженъ вполнѣ васъ успокоить. Въ нашей общинѣ собираются необходимыя, по обстоятельствамъ, свѣдѣнія объ участи изгнанниковъ. Ихъ не могутъ упрекнуть ни въ чемъ, и будьте увѣрены, мы совершенно спокойны. Я знаю это отъ нашего горнаго пріятеля (*), который собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Не скрою, впрочемъ, отъ васъ, что желалъ бы получить реквизицію для нашего молодаго дру-

(*) Этотъ другъ былъ Экель, литераторъ извѣстный прекрасными качествами сердца и искренностью своихъ мнѣній. Имя *горнаго друга,* которымъ отецъ мой называетъ его вѣроятно потому, что Экелю опасно было носить свое имя, вовсе не значитъ, что онъ былъ другомъ Горы, то есть держался стороны *монтаньяровъ*. Напротивъ, Экель былъ ревностный приверженецъ роялистовъ. У меня много его писемъ, въ которыхъ виденъ добродушный педантъ, хорошій разсказчикъ съ неглубокими идеями. Но въ разговорѣ онъ обнаруживалъ много живости и ума; отецъ мой любилъ не только характеръ, но и общество его, хотя не было ничего противоположнѣе ихъ взглядовъ на вещи.

та. Если даже это и не удастся, наши хлопоты останутся не безъ пользы, потому что мы достанемъ аттестацію отъ нашего комитета. Если я успѣю въ этомъ и нашъ другъ получитъ назначеніе, я стану заботиться объ его нуждахъ, а онъ будетъ продолжать свои обыкновенные труды. Мы не разстанемся, и я не имѣю нужды повторять вамъ предложенія своихъ услугъ; ничто такъ не священно для меня. Я былъ бы много вознагражденъ, если бы могъ думать, что это доставитъ вамъ хоть слабое утѣшеніе.

«Примите нѣсколько слезъ, противъ моей воли падающихъ изъ глазъ моихъ. Это дань, которую несчастье вырываетъ у дружбы; но не станемъ терять надежды осушить когда нибудь эти слезы, какъ бы ни далека казалась намъ эта минута».

Здѣсь опять пропускъ, который оканчивается 9 термидора, въ этотъ вѣчнопамятный день. Слѣдующая записка написана мелкимъ и сжатымъ почеркомъ, на небольшомъ клочкѣ бумаги: безъ сомнѣнія, Дешартръ сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобъ передать его въ монастырь.

Пасси, 9 термидора.

«Вчера я купался. Погода была превосходная. Сегодня идетъ дождь, и небо мрачно, какъ моя душа. Вдали отъ тебя я не могу жить спокойно. Нѣтъ болѣе счастія для меня.

«Морицъ».

10 термидора II года (іюль 1794).

«Ты читала вѣроятно вчерашній декретъ, который возвращаетъ свободу лицамъ, не подлежащимъ дѣйствію закона о подозрительныхъ людяхъ. Мы достали себѣ этотъ законъ: къ тебѣ онъ никакимъ образомъ не относится, особенно послѣ засвидѣтельствованія твоего патріотизма революціоннымъ комитетомъ. Итакъ, если мы можемъ когда нибудь надѣяться, то именно теперь. Да, моя добрая мать, мы соединимся, я не сомнѣваюсь больше въ этомъ. Многіе уже вышли изъ заключенія. Живописецъ Роберъ освобожденъ; говорятъ, причиной его заключенія была зависть Давида. Это ужасно, если правда. Мы обязаны своимъ спасеніемъ Конвенту; говорятъ, что безъ него всѣ патріоты были бы жертвами тираніи Робеспьера.

«Сегодня будутъ разбирать дѣло заключенныхъ по нашему отдѣленію. Меня только это и занимаетъ. Другъ мой будетъ тамъ и ты не сомнѣвайся, что какъ только произнесутъ твое имя, онъ будетъ твоимъ защитникомъ. Намъ больше нечего бояться. Боже мой, сколько удовольствія доставила ты мнѣ присылкой своихъ волосъ! Надѣюсь, что скоро увижу и тебя....»

Безъ означенія числа.

«Будь немного терпѣливѣе. Вчерашній декретъ нисколько не долженъ тебя безпокоить. Невинность освободится отъ преслѣдованій. Бумаги по твоему дѣлу находятся въ комитетѣ общественной безопасности. Мой другъ бываетъ тамъ каждое утро. Тальенъ сказалъ, что еслибы захотѣли возстановить такое правленіе какъ при Робеспьерѣ, онъ скорѣе бы согласился погибнуть. Подожди немного и ты будешь освобождена.

«Прощай, моя милая мать, я не могу ничего больше сказать тебѣ, Антуанъ отправляется. Цалую тебя.»

16 термидора.

«Успокойся, моя добрая мать, твоя свобода несомнѣнна. Революціонный комитетъ вытребовалъ у комитета общественной безопасности нѣсколькихъ патріотовъ и ты въ числѣ ихъ. Твои бумаги въ рукахъ коммиссіи, которая разбираетъ дѣла заключенныхъ и опредѣляетъ ихъ освобожденіе, такъ что ты можешь ждать его съ минуты на минуту, тогда какъ для насъ время его неизвѣстно. Это можетъ случиться завтра, сегодня, нынѣшній вечеръ! При этой мысли я задыхаюсь отъ радости и забываю всѣ прошедшія несчастія.»

Опускаю довольно много записокъ, наполненныхъ разными подробностями о хлопотахъ и стараніяхъ Дешартра и друзей. Въ нихъ постоянно чередуются надежда, страхъ, нетерпѣніе, уныніе.

Пасси, 22 термидора (августъ 1794).

«Ты говоришь правду, моя добрая мать, всѣ невинные получаютъ свободу и твоя очередь придетъ. Если ты проведешь еще одну декаду на этой проклятой горѣ, гдѣ томишься уже восемь мѣсяцовъ, — это будетъ nec plus ultra. Мы скоро будемъ вмѣстѣ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я буду ждать тебя у заставы. Что за минута будетъ, когда я увижу тебя! Я схожу съ ума отъ радости я не могу усидѣть на мѣстѣ. Боже мой, какъ мы будемъ счастливы!»

24-го.

«Дѣло твое разбираютъ. Еще немного терпѣнія; оно нужно мнѣ. Другъ мой всегда въ Парижѣ. Ахъ, еслибы ко дню своихъ именинъ ты была свободна! Я точно брежу, когда думаю о своемъ счастьѣ.»

28 термидора.

«Этотъ день, который нѣкогда былъ такимъ счастьемъ для меня, когда я могъ поздравить тебя и сжать въ своихъ объятіяхъ, теперь я провожу грустно, вдали отъ тебя! Но я не хо-

чу больше смотрѣть назадъ. Посылаю тебѣ свой рисунокъ, моя добрая мать; я не провелъ на немъ ни одной черты, не вспоминая о тебѣ. Когда же придешь ты сравнить копію съ оригиналомъ? Какъ будетъ мнѣ весело показывать тебѣ мѣста моихъ любимыхъ прогулокъ на берегахъ Сены. Какъ снова будетъ мило для меня все это! Станемъ надѣяться, твои именины встрѣчены были хорошими предзнаменованіями; намъ больше не нужно будетъ плакать. Обнимаю тебя отъ всего сердца.

«Морицъ.»

ВОСПОМИНАНІЯ ПАРИЖСКАГО БУРЖУА.

ДОКТОРА ВЕРОНА.

ГЛАВА II.

Ученическіе года. — Чердакъ и двадцать франковъ въ мѣсяцъ. — Мелочи и сладость ученаго уединенія. — Борьба съ бѣдностью. — Первая жертва Верона и проданный скелетъ. — Двадцать-пять франковъ. — Обѣдъ у студента *Руссо* и прогулка въ Пале-Роялѣ. — Первый выигрышъ въ рулетку. — Обѣдъ у Вефура и вечеръ за игрою. — Видъ игорной залы за № 129. — Касса и анекдотъ съ кассою. — Три мѣсяца счастія. — Лирическая тирада и пробужденіе. — Замѣтки о парижскихъ игорныхъ домахъ до времени ихъ уничтоженія. — Откупщики. — *Бурсо*. — Физіологія игроковъ. — Исторіи о счастливцахъ и несчастливцахъ. — Продѣлки разныхъ спекуляторовъ во время ставокъ. — Закрытіе игорныхъ домовъ, отчаяніе откупщиковъ и другихъ лицъ, цѣнившихъ игорныя учрежденія.

«Окончивъ курсъ моего первоначальнаго воспитанія въ императорскомъ лицеѣ — разсказываетъ авторъ «Воспоминаній парижскаго мѣщанина» — я принялся посѣщать лекціи парижскаго медицинскаго факультета, и нанявши себѣ уголокъ по близости храма науки, погрузился въ многотрудную жизнь истиннаго студента. Стоитъ только одинъ разъ взглянуть на огромное количество книгъ, необходимыхъ юношѣ, учащемуся медицинѣ, для того, чтобы понять, какъ много усилій, упрямства, спокойствія необходимо юношѣ, который хочетъ современемъ сдѣлаться жрецомъ тяжкой науки. Я понялъ, что мнѣ слѣдуетъ избѣгать развлеченій, веселыхъ обѣдовъ и тому подобнаго, что мнѣ долго слѣдуетъ жить одному на своемъ чердакѣ, съ одними и тѣми [illegible] книгами. Родители давали мнѣ по двадцати франковъ въ мѣс[illegible] на пропитаніе и увеселенія; съ такимъ доходомъ трудно у[illegible]риться въ соблазны житейскіе. Я обыкновенно проматывалъ [illegible]

жалованье въ самый день его получевія, а оставшись безъ копѣйки и не имѣя кредита, поневолѣ погружался въ ученость, читая безпрестанно, питаясь чтеніемъ, отдыхая за чтеніемъ, въ самыя же свободныя минуты, въ видѣ развлеченія, изучая французскихъ классиковъ XVII и XVIII столѣтій».

Не должно заключать, однако же, изъ такой скромной тирады, что будущему доктору Верону былъ особенно печаленъ періодъ его ученическихъ занятій. Каждый человѣкъ имѣетъ свои завѣтныя воспоминанія о времени «своей молодости и свѣжести»; парижскій мѣщанинъ въ этомъ отношеніи не отстаетъ отъ писателей болѣе знаменитыхъ. «Есть свой интересъ, есть свои сильныя ощущенія (разсказываетъ онъ намъ) въ жизни медика-студента! Забыть ли мнѣ объ этихъ школьныхъ привязанностяхъ, объ этомъ братствѣ юношей, преданныхъ наукѣ, о нашихъ загородныхъ прогулкахъ съ ботанической цѣлью, о нашихъ встрѣчахъ на курсѣ той или другой знаменитости, о часахъ волненія у постели больнаго, о дежурствахъ посреди толпы страждущихъ, о рѣдкихъ дняхъ размашистой веселости, о безконечныхъ наблюденіяхъ натуры человѣческой, наблюденіяхъ, безпрерывно открывающихся для медика, понимающаго свое значеніе и свое назначеніе? Что бы ни говорили люди, разнообразіе такой жизни и такой науки вполнѣ способно обуздывать вредъ юношескихъ порывовъ, представлять изъ себя какъ бы спасительную *ограду* заблужденіямъ первой молодости!» Чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени господинъ Веронъ пользовался означенной оградою, не мѣшаетъ читателю прослѣдить за однимъ эпизодомъ его ученической карьеры.

Не успѣлъ нашъ молодой человѣкъ прожить на своемъ чердачкѣ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ умъ его былъ озаренъ уразумѣніемъ двухъ великихъ истинъ. Первая изъ нихъ, говоритъ будущій докторъ, заключалась въ томъ, «что изученіе анатоміи и патологіи не можетъ назваться веселымъ занятіемъ». Дойдя до такого афоризма, отчасти достойнаго древнихъ мудрецовъ, студентъ нашъ, путемъ наблюденія дошелъ до второй, еще болѣе важной истины. «Жить двадцатью франками ежемѣсячнаго дохода невозможно», сказалъ самъ себѣ Веронъ, сказалъ и началъ обдумывать средства къ улучшенію своихъ финансовъ.

Съ этою цѣлью молодой аферистъ началъ свою первую аферу: купивъ никуда не нужное мертвое тѣло, онъ выварилъ его достодолжнымъ образомъ, отдѣлилъ кости, сложилъ ихъ и перечистилъ, составилъ скелетъ, а въ заключеніе продалъ его одному изъ богатыхъ товарищей за двадцать-пять франковъ.

Сами не знаемъ почему, но при чтеніи этого разсказа намъ пришло въ голову сравненіе Верона съ Чичиковымъ, сдѣлавшимъ снигиря изъ воску, но (надо прибавить къ чести парижскаго мѣщанина) сходство между двумя личностями тутъ и оканчивается. Чичиковъ слѣпилъ снигиря и продалъ его выгодно, Веронъ составилъ скелетъ и сбылъ его за хорошую цѣну; но первый спряталъ вырученныя деньги на черный день, тогда какъ второй поспѣшилъ устроить обѣдъ для двухъ пріятелей, а потомъ отправился съ ними въ театръ, гдѣ m-lle Марсъ восхищала парижскую публику своимъ талантомъ. По возвращеніи изъ спектакля, три друга остались почти безъ копѣйки, что не помѣшало студенту Руссо, одному изъ собесѣдниковъ, через нѣсколько дней пригласить обоихъ товарищей на обѣдъ въ королевскую кофейню.

Господинъ Руссо, подобно великому своему однофамильцу, по видимому, имѣлъ слабость браться за дѣла нѣсколько рискованныя. Когда вся компанія собралась въ назначенный день, за часъ до обѣда, амфитріонъ встрѣтилъ своихъ гостей печальными словами: «я васъ позвалъ обѣдать; но въ кошелькѣ моемъ нѣтъ ни обола!» Веронъ отвѣчалъ грустнымъ молчаніемъ, но третій товарищъ куда-то отлучился, занялъ денегъ, и вернувшись, показалъ собратіямъ золотую монету. Рѣшено было тутъ же идти заказывать пиршество, но на бѣду или на счастье, дорога юныхъ жрецовъ Эскулапа лежала черезъ садъ Пале-Рояля. «Не пустить ли половину нашего состоянія на рулетку?» спросилъ одинъ изъ друзей, и его предложеніе удостоено было общимъ одобреніемъ. Въ это время къ компаніи примкнулъ еще четвертый юноша, тоже медикъ, имѣвшій три съ половиною франка въ карманѣ; ему-то было предложено присоединить свои капиталы къ общей кассѣ и сверхъ того распоряжаться игрою. Послѣ долгаго ожиданія въ саду, ученое тріо наконецъ увидало своего депутата, бѣгущаго изъ Пале-Рояля прямо на нихъ, съ радостнымъ видомъ: онъ выигралъ шестьдесятъ франковъ, вслѣдствіе чего вся компанія бѣгомъ отправилась къ Вефуру.

Обѣдъ кончился поздно, ибо начался почти въ семь часовъ, въ театръ уже нельзя было ѣхать, у каждаго изъ обѣдавшихъ на двѣ души сидѣла какая-то затаенная мысль, ресторатеру пришлось заплатить немного, ибо вся компанія вела себя чрезвычайно умѣренно. Демонъ корысти, завлекшій въ свои сѣти столькихъ молодыхъ и старыхъ людей, распростеръ свои крылья надъ Верономъ и его товарищами. Черезъ нѣсколько минутъ по окончаніи обѣда, четверо молодыхъ людей снова входили въ

Пале-Рояль, въ знаменитый 129 нумеръ, страшное мѣсто, когда-то пользовавшееся европейскою славою. Отъ нихъ отобрали шляпы, имъ указали входъ въ большую залу, и юноши очутились въ большомъ богато-убранномъ помѣщеніи, посреди блѣдныхъ людей, зараженныхъ одною изъ жесточайшихъ страстей человѣческихъ. Прямо передъ ними находился огромный столъ, съ углубленіями и нумерами, столъ, засыпанный золотомъ, около котораго толпились игроки и безпрестанно помѣщались должностныя лица (croupiers, tailleurs, messieurs de la Chambre), званія которыхъ, къ чести нашей, совершенно непереводимы на русскій языкъ. Касса банка помѣщалась на виду, однако, въ сторонѣ отъ стола, въ мѣдномъ сундукѣ а-журъ, устроенномъ такъ искусно, что груды золота, наполнявшія сундукъ, были скрыты отъ похитителей, но вмѣстѣ съ тѣмъ могли плѣнять очи каждаго понтера. Въ первую пору игорныхъ домовъ, касса лежала на столѣ, но въ 1815 году случилось происшествіе, заставившее банкировъ быть осторожнѣе: одинъ изъ игроковъ нарочно уронилъ золотую монету на полъ, и нагибаясь затѣмъ, чтобъ ее поднять, подвязалъ къ столу маленькую петарду съ зажженнымъ фитилемъ. Во время взрыва, пользуясь общимъ смятеніемъ, плутъ набилъ себѣ карманы золотомъ и, благодаря суматохѣ, скрылся безъ всякаго преслѣдованія.

Вечеръ, о которомъ здѣсь разсказывается, не прошелъ даромъ для Верона и его пріятелей: въ четверомъ они выиграли восемьсотъ франковъ; Руссо и господинъ, еще по утру имѣвшій въ кошелькѣ три франка съ копѣйками, пустили въ ходъ свои доли, и остались въ выигрышѣ; на долю каждаго пришлось по полуторы тысячъ франковъ слишкомъ. На другой день утромъ, кончивъ свое дѣло въ госпиталѣ, авторъ «Записокъ» былъ опять въ 129 нумерѣ, счастіе снова ему улыбнулось, а десять луидоровъ наградили его за потерянное утро. Такъ дѣла шли болѣе трехъ мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ у Верона оказалось до 10,000 франковъ капитала, не говоря уже о деньгахъ, имъ прожитыхъ и промотанныхъ: онъ не отказывалъ себѣ ни въ чемъ, и жилъ, какъ самъ признается, милліонеромъ! Одинъ изъ старѣйшихъ понтеровъ заведенія уже подавалъ ему руку, повторяя при каждомъ свиданіи: «молодой человѣкъ, вы играете съ рѣдкимъ счастіемъ и съ еще болѣе рѣдкою разсудительностью.» Уже дежурные прислужники позволяли ему входить въ залу со шляпою, знакъ вниманія рѣдкій и замѣчательный; уже мѣсто для Верона задерживалось съ самагоутра; уже записные игроки привѣтствовали его, и повѣряли ему результаты своихъ кампа-

ній. Но увы! по прошествіи съ небольшимъ трехъ мѣсяцевъ, запасный капиталъ молодаго медика, его десять тысячъ франковъ, добытые такъ неожиданно, и еще одна тысяча франковъ гдѣ-то занятая, были проглочены рулеткой въ два или три вечера. Свѣтлый сонъ разсѣялся, бѣдный чердакъ и груда медицинскихъ книгъ одни остались нашему искателю фортуны!

«О! — восклицаетъ докторъ Веронъ на этомъ мѣстѣ своего разсказа, проникнувшись лирическимъ восторгомъ — о, чего не видалъ я, чего я не переиспыталъ въ этотъ короткій періодъ лихорадочной дѣятельности и корыстныхъ ощущеній! Вотъ къ чему привела меня выгодная афера со скелетомъ и веселый обѣдъ съ пріятелями! Я умѣлъ соблюдать хладнокровіе при счастіи, я умѣлъ останавливаться въ проигрышѣ, и со всѣмъ тѣмъ, какъ я вредилъ себѣ, какія ощущенія стали мнѣ знакомы! Иногда я имѣлъ несчастіе играть не болѣе какъ четверть часа въ день — какъ тяжелъ и противенъ мнѣ казался такой день! Я не говорю уже о проигрышахъ, объ испытаніяхъ, какимъ подверженъ игрокъ несчастный, но вѣрьте мнѣ, само *счастіе въ игрѣ* посѣеваетъ въ душѣ человѣка всѣ роды бѣдствій. Выигрышъ отбиваетъ насъ отъ труда, поселяетъ презрѣніе ко всякой порядочной дѣятельности, развиваетъ высокомѣрный взглядъ на свои обязанности, гаситъ умъ, ведетъ насъ къ болѣзненной праздности. Даже довольства своимъ положеніемъ онъ въ насъ не возбуждаетъ; мнѣ случалось послѣ большаго выигрыша упрекать себя и думать съ горечью: зачѣмъ я не увеличивалъ кушей, зачѣмъ я игралъ робко? этотъ вечеръ могъ сдѣлать меня богатымъ человѣкомъ!» Все это весьма справедливо и даже не дурно сказано.

Замѣтки доктора Верона объ игорныхъ домахъ и компаніи въ нихъ собиравшейся, не лишены интереса. Происхожденіе этихъ пагубныхъ заведеній, нынѣ повсюду уничтожаемыхъ, скрывается во мракѣ неизвѣстности; съ достовѣрностью можно только сказать, что въ Парижѣ, ранѣе 1789 года, были уже игорные дома, приносившіе значительный доходъ полиціи. Въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія городское управленіе сочло нужнымъ закрыть публичные вертепы азартной игры, не имѣя средствъ наблюдать за игрою въ частныхъ домахъ; оттого полиція, лишившись дохода, потеряла съ тѣмъ вмѣстѣ всякую возможность слѣдить за злоупотребленіями игроковъ. Каждая недѣля ознаменовывалась или дракою въ потаенныхъ притонахъ, или исторіями великихъ проигрышей, иногда соединенныхъ со скандаломъ; наконецъ дѣла дошли до того, что Фуше, занима-

ній, должность министра полиціи, доложилъ первому консулу о необходимости возстановленія игорныхъ домовъ на новомъ основаніи. Бонапартъ неохотно далъ согласіе и много разъ пытался уничтожить обычай, возбуждавшій въ немъ справедливое негодованіе; но всякій разъ встрѣчая противорѣчіе, наконецъ пересталъ заниматься игорными домами. При Лудовикѣ XVIII право устройства этихъ домовъ отдано было на откупъ; суммы, черезъ него выручаемыя, равнялись въ годъ 5,500,000 франковъ; изъ этого капитала четвертая часть шла на субсидіи театрамъ, и извѣстные проценты на дѣла благотворительности и на полицейскіе расходы. Несмотря на всю строгость наблюденія, несмотря на обязательства, связывавшія игорныхъ откупщиковъ, зло, производимое игорными домами, могло назваться безпредѣльнымъ. Самая администрація постановленія, основаннаго на безнравственности и жадности, была заражена порокомъ. Откупщики и главные ихъ чиновники, получая огромный доходъ, были ненавистны свѣту; ихъ роскошь имѣла въ себѣ нѣчто возмутительное, ихъ наглое поведеніе превосходило всѣ мѣры терпимости. Лучшимъ, или по крайней мѣрѣ откровеннѣйшимъ изъ членовъ игорнаго откупа былъ нѣкто *Бурсо,* человѣкъ когда-то сочинявшій для театра, даже игравшій роли наперсниковъ, но съ годами утратившій всѣ возвышенные помыслы и ставшій живымъ олицетвореніемъ финансоваго цинизма. Этому человѣку всѣ средства къ обогащенію казались дозволенными; занимаясь дѣлами игорнаго откупа, онъ еще вступалъ въ подряды насчетъ очищенія домовъ и своза грязи съ городскихъ улицъ. Его отель славился оранжереями; каждая его комната украшалась самыми рѣдкими и благовонными растеніями. Бурсо страстно любилъ цвѣты, за что и прозванъ былъ тогдашними остряками: князь *мердифлорскій.*

Много разсказовъ, смѣшныхъ и трогательныхъ, сообщаетъ намъ докторъ Веронъ объ игрѣ старомъ времени. «Нѣтъ существа болѣе слабаго, суевѣрнаго, одинокаго — говоритъ онъ намъ — какъ игрокъ, даже самый опытный, самый искусный. Игроку скучно въ бесѣдѣ людей, нераздѣляющихъ его страсти, онъ оживаетъ и развертывается только между товарищами. Тутъ идутъ безконечные разсказы, ребяческіе разсчеты, странныя признанія, воздушные замки, достойные сумасшедшаго, толки о примѣтахъ какимъ не повѣритъ старая баба. Каждый изъ собесѣдниковъ вполнѣ увѣренъ, что успѣхъ въ игрѣ есть дѣло разсчета, — никакъ не случай. Каждый толкуетъ объ операціяхъ прошлаго вечера съ таинственностью, съ благоговѣніемъ, при-

правляя свою рѣчь полукабалистическими выраженіями. Слово *проиграть* не употребитъ ни одинъ изъ говорящихъ, это слово для всѣхъ ненавистно; разговоръ за рулеткой вовсе непонятенъ для человѣка свѣжаго. Вашу ставку убили, это значитъ *vous subissez un écost*. Если вы вернули проигранную сумму, вы говорите *je suis rentré*, если еще не вернули и продолжаете играть въ надеждѣ на счастливую жилку: тогда *vous etes engagé*. Послѣднее выраженіе очень рельефно; только какъ надо понимать тутъ слово *engagé*: въ смыслѣ войска, вступившаго въ бой съ непріятелемъ, или въ смыслѣ человѣка, долгомъ обязаннаго къ чему-то великому?»

Разсказы о счастливцахъ, сдѣлавшихъ большіе выигрыши, очень любимы записными игроками, но возбуждаютъ въ нихъ не зависть, а скорѣе какое-то нѣжное чувство. Два подобныхъ случая произошло почти на глазахъ у Верона. Одинъ разъ въ игорной залѣ появился юный провинціалъ, пріѣхавшій въ Парижъ изъ своей трущобы для того, чтобъ купить невѣстѣ кой-какіе наряды къ свадьбѣ: проживши восемь дней въ столицѣ, онъ повезъ своей возлюбленной богатые уборы и еще 90000 франковъ чистыми деньгами. Другой баловень фортуны, содержатель кофейни въ Страсбургѣ, въ одинъ мѣсяцъ выигравши двѣсти тысячь, поскакалъ на родину. Во все время пребыванія сказанныхъ счастливцовъ въ Парижѣ, они были львами Фраскати и 129-го нумера; посѣтители игорныхъ домовъ ими гордились, какъ гордится какой нибудь гостепріимный помѣщикъ заѣзжимъ гостемъ знатной фамиліи.

Таковы были игроки по страсти и призванію, наполнявшіе отъ полудня до полуночи залы игорныхъ домовъ, начиная отъ 154 нумера, гдѣ играли неиначе какъ на золото, до залы № 115 или *бириби* въ которой можно было ставить *десять су*. (*) Всѣ игроки, безъ исключенія, принадлежавшіе къ людямъ разслабленнымъ нравственно, однакоже вели себя очень прилично, даже при сильныхъ проигрышахъ. Въ видѣ исключенія являлись между ними хилые молодцы, затыкавшіе себѣ уши, дабы не слышать роковыхъ словъ: *perd — gagne*, или вскрикивавшіе при несчастной таліи—огромное большинство пріучило себя къ молчанію. «Возлѣ меня—говоритъ Веронъ—какой-то англичанинъ проигралъ сто тысячь франковъ билетами, не разжимая губъ, не сдѣлавъ ни одного порывистаго жеста; послѣ банковыхъ билетовъ сталъ онъ класть на столъ золото, послѣ золота серебро, а послѣдней

(*) До 1818 года банки были отвѣтные, Лудовикъ XVIII запретилъ имъ держать болѣе какъ 12,000 на одну ставку.

его ставкой была монета въ *сорокъ су*. Между посѣтителями нумера сто-дватцать-девятаго, находился одинъ литераторъ, старичокъ съ напудренными волосами, послѣ счастливыхъ ставокъ отпускавшій латинскія фразы. Одинъ разъ онъ отвелъ меня въ сторону и, подавая мнѣ изданіе Персія и Ювенала, попросилъ дать за эти книги сорокъ су. Я далъ старику пять франковъ и обрадовалъ его чрезвычайно, но чрезъ нѣсколько минутъ онъ снова подошелъ ко мнѣ говоря: возьмите эти шолковые чулки и дайте мнѣ что вамъ будетъ угодно! — Конечно, я отвѣтилъ отказомъ.»

Самоубійствъ, по словамъ нашего автора, между истинными игроками въ его время не было, убивали себя большею частью люди молодые, завязавшіе игру случайно. Страсть къ игрѣ нашъ медикъ относитъ къ недугамъ, изнуряющимъ организмъ.

Во избѣжаніе скандальныхъ исторій за рулеткою, банкъ былъ обязанъ при всякомъ *нефальшивомъ* недоразумѣніи принимать проигрышъ на свой счетъ; поэтому случаю произошла не одна исторія, доказывавшая изобрѣтательный духъ многихъ спекуляторовъ. Разъ вечеромъ, двое молодыхъ людей, войдя въ Фраскати, положили по пятисотъ франковъ золотомъ, одинъ на *красное*, другой на *черное* мѣсто. Натурально одинъ изъ нихъ выигралъ и тутъ же унесъ данныя ему деньги, тогда какъ ставка другаго оказалась ничѣмъ инымъ, какъ кучкой двухъ франковыхъ монетъ, отлично вызолоченныхъ. Въ другой разъ, когда позволялось ставить деньги въ сверткахъ, одинъ очень извѣстный человѣкъ бросилъ на столъ свертокъ, въ которомъ, судя по его виду, должна была заключаться тысяча франковъ золотомъ. Проигравъ нѣсколько разъ, онъ постоянно бралъ свертокъ назадъ, выдавалъ вмѣсто него билетъ въ тысячу франковъ, и такимъ образомъ пріучивъ банкира къ своей манерѣ, продолжалъ игру, до тѣхъ поръ, пока не пришлась удачная талія. Этому игроку дали тысячу франковъ, но онъ поразилъ всѣхъ такими словами: «Мнѣ слѣдуетъ болѣе!» И точно, въ сверткѣ, между золотыми монетами, лежало билетовъ тысячъ на двадцать; банкъ, не имѣя возможности доказать, что свертокъ былъ тотъ самый, который лежалъ на столѣ въ прежнія таліи, уплатилъ сумму, но съ тѣхъ поръ не держалъ игры на суммы въ сверткахъ.

Послѣ ватерлоскаго сраженія, вслѣдствіе большаго стеченія иностранцевъ, въ Парижѣ устроились частныя заведенія подъ видомъ ресторановъ, гдѣ играли въ кребсъ и бульотъ на большія деньги; во главѣ каждаго притона обыкновенно находилась еще молодая дама, подъ Ватерло лишившаяся мужа, и двое помощ-

никовъ, непремѣнно капитановъ, изъ которыхъ одинъ носилъ сѣдые усы и распоряжался игрою, а другой, болѣе молодцеватый, съ усами поднятыми кверху и вѣчными разсказами о прошлыхъ кампаніяхъ. Этотъ послѣдній господинъ вербовалъ молодыхъ людей въ свое общество, устроивалъ ихъ сердечныя дѣла, и въ случаѣ какихъ либо исторій, не отступалъ передъ рукопашнымъ боемъ. Конкуренція частныхъ игорныхъ заведеній, однако же, не могла сдѣлать вреда ни Фраскати, ни блистательному кругу иностранцевъ; огромныя средства откупщиковъ позволяли имъ не останавливаться передъ издержками на приманку публики. Въ однихъ игорныхъ домахъ давались балы, другіе щеголяли маскарадами, въ третьихъ поваръ славился тонкостью или дешевизной ужиновъ; ко всему этому присовокуплялись часто или концертъ или даровое угощеніе.

Не ранѣе 1837 года правительство сочло нужнымъ покончить съ порядкомъ вещей, результатомъ которыхъ выходило одно униженіе, неокупаемое никакими милліонами. Палата депутатовъ приняла законъ о закрытіи игорныхъ домовъ, начиная съ 31 декабря того года. Немного нашлось лицъ, осмѣлившихся поднять голосъ въ защиту ненавистнаго учрежденія, но на посѣтителей Фраскати и подобныхъ притоновъ новое постановленіе пало подобно тяжкому несчастью. Многіе изъ адептовъ покинули Францію для разныхъ городовъ съ водами, гдѣ и понынѣ скитаются; вслѣдъ за ними оставили свою родину откупщики по игорной части, ихъ чиновники и остальныя должностныя лица въ томъ же родѣ; само собой разумѣется, бѣгство подобныхъ сыновъ не принесло особеннаго горя ихъ отечеству.

«Вскорѣ послѣ закрытія игорныхъ домовъ — разсказываетъ Веронъ — случилось мнѣ видѣть юношу, упорно отказывавшагося отъ предлагаемой ему невѣсты съ 200,000 франковъ приданаго.

«— Въ старое время, говорилъ онъ лицамъ, хлопотавшимъ о его счастіи: — въ старое время двѣсти тысячъ составляли недурное приданое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я не отказался бы отъ невѣсты съ такимъ капиталомъ. А теперь что такое значатъ двѣсти тысячъ?... *игорные дома закрыты!*»

ГЛАВА III.

Опять медицина. — Номенклатура великихъ медиковъ. — Замѣтки о первыхъ врачахъ стараго времени. — *Порталь*, Несторъ между вероновыми современниками. — Записная книжка Портала, его паціенты. — Честолюбіе Портала. — Его бесѣда съ *Людовикомъ-Филиппомъ*. — Хирургъ Дюбуа, его наружность и карьера. — *Корвизаръ*, *Ларрей* и *Деженетъ*. — Разсказъ о докторѣ *Рекамье*, его добрыхъ дѣлахъ и методѣ леченія. — Его мнѣнія о средствахъ природы. — Дюпюитренъ, подвиги *Дюпюитрена*, его гордость, общее обожаніе къ особѣ *Дюпюитрена*. — Собранія въ его клиникѣ. — Медицинскія дѣянія Верона. — Два дня славы и минута паденія. — Докторъ Веронъ оставляетъ медицину, вслѣдствіе неудачнаго кровопусканія.

Послѣ спасительнаго проигрыша, исторію котораго мы сообщили въ предъидущей главѣ, юному Верону осталось только снова вернуться къ своимъ книгамъ и лекціямъ профессоровъ, изъ которыхъ многіе пользовались блестящею, вполнѣ заслуженною извѣстностью.

«Да, чтобъ ни говорили мои ненавистники — возглашаетъ Веронъ, всегда готовый поговорить о врагахъ своихъ, подобно многимъ изъ современныхъ Роберъ-Макеровъ — чтобъ ни говорили эти люди, непризнающіе во мнѣ ни таланта, ни любви къ своему дѣлу, я люблю медиковъ, уважаю медицину, горжусь своей связью съ знаменитѣйшими изъ жрецовъ благородной науки! Anch, io son pittore, и я былъ докторомъ, и я исцѣлялъ страждущее человѣчество, и я благоговѣйно внималъ урокамъ людей, прославившихъ Францію. Можно ли не уважать медицину, можно ли отвергать величіе, соединенное съ званіемъ доктора, можно ли не удивляться древнимъ и новымъ мудрецамъ, носившимъ сказанное званіе? Развѣ великій *Рабле* не былъ предкомъ настоящихъ медиковъ, развѣ наше сословіе не считаетъ въ ряду бывшихъ своихъ знаменитостей *Клавдія Перро*, строившаго луврскую колоннаду, *Локка*, сочинившаго «Опытъ о разсудкѣ человѣка», путешественника *Берные*, *Кене*, ординарнаго врача при Людовикѣ XV, основателя цѣлой экономической школы (физіократовъ)? Обратившись къ нашей эпохѣ, встрѣтимъ едва ли не большее количество великихъ именъ — *Шапталя* химика, занимавшаго должность министра внутреннихъ дѣлъ во время консульства, графа *Бертолле*, сенатора при Наполеонѣ, великаго *Кювье*, графа *Беранже*, главнаго директора кассы погашенія долговъ, *Бюше*, историка и бывшаго предсѣдателя бывшаго Національнаго Собранія, *Трела* и *Рекюре*, министровъ послѣ 1848

года, *Виктора Жакмона*, котораго увлекательныя «Письма объ Индіи» составляютъ только ничтожную часть заслугъ этого рано окончившаго свое поприще ученаго.»

Нельзя не согласиться со словами нашего автора, хотя весь этотъ рядъ именъ (приведенный нами въ большомъ сокращеніи), приведенъ въ «Воспоминаніяхъ», какъ намъ кажется, для одной красоты слога. Никто не оспариваетъ славы французскихъ врачей, никто не сомнѣвается въ великомъ значеніи медицинской науки, всякій человѣкъ, ею занимающійся, вполнѣ знаетъ, сколько заслугъ принесли ей въ наше столѣтіе соотечественники и, можетъ быть, товарищи Луи Верона. Мы никогда не имѣли пристрастія къ Франціи, французской наукѣ и французскимъ писателямъ, но чувство безпристрастія, врожденное всякому русскому, побуждаетъ насъ сказать, что какъ жизнь, такъ и труды знаменитыхъ медиковъ, которыми гордится отечество Верона, стоютъ похвалъ и изученія. Разсказы объ этихъ людяхъ составляютъ свѣтлый оазисъ въ книгѣ «Воспоминаній», а потому мы и поспѣшимъ перейдти отъ пустыхъ декламацій нашего автора къ тѣмъ страницамъ, гдѣ читателю дается хотя нѣсколько солидныхъ свѣдѣній о первыхъ врачахъ Парижа, во время имперіи и реставраціи.

Патріархомъ столичныхъ медиковъ, любимцемъ моднаго свѣта и, кажется намъ, высокимъ идеаломъ Верона, во время ученическихъ годовъ нашего автора, долгое время считался *Порталь* (если не ошибаемся, баронъ Порталь), первый лейбъ-медикъ при короляхъ Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. Въ 1789 году ему уже было за сорокъ лѣтъ, и годовой доходъ его за одни визиты составлялъ болѣе сорока тысячъ франковъ, сумму, крайне значительную въ то время. Порталь лечилъ кардинала Рогана, посаженнаго въ Бастилію, вслѣдствіе извѣстной исторіи ожерелья; въ 1788 году его призывали въ Версаль на консультацію, по случаю болѣзни дофина; передъ этимъ человѣкомъ блистательною панорамою прошелъ цѣлый рядъ неслыханныхъ событій, онъ зналъ все сколько нибудь знатное и умное въ своемъ отечествѣ; его записная книжка для помѣтки визитовъ представляетъ изъ себя какой-то особенный историческій календарь, рѣдкость своего рода. При Людовикѣ XVI почти всѣ иностранные посланники, знатные путешественники обращались къ Порталю; въ числѣ этихъ именъ, нынѣ забытыхъ, красуется имя *барона Гримма*, саксенъ-готскаго министра, «важнаго Гримма», какъ говорится въ «Евгеніи Онѣгинѣ». *Неккеръ* съ женой лечились у Порталя, *д'Аламберъ* и *актриса Клеронъ* считались его паціентами! Пор-

таль своими глазами видѣлъ Вольтера, Дидро, д'Ольбаха, Рейналя; въ 1793 году порталева книжка украшена именемъ госпожи Роллань. Настоящее звѣно, связывавшее вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, Порталь и при Наполеонѣ, и при Карлѣ X, и при Людовикѣ-Филиппѣ былъ прежнимъ Порталемъ XVIII столѣтія, старикомъ въ пудреномъ парикѣ, носившимъ фракъ въ родѣ кафтана и палку съ золотымъ набалдашникомъ. Внуки эмигрантовъ, вернувшись во Францію, поспѣшили ввѣрить свои семейства врачу, лечившему ихъ дѣдовъ и бабушекъ.

Порталь, старикъ Порталь, le vieux Portal былъ въ лицо извѣстенъ всему Парижу, доходы его доходили до огромныхъ суммъ, онъ читалъ лекціи анатоміи въ Ботаническомъ саду, и за то получалъ особое содержаніе, но всего этого успѣха было мало честолюбивому старикашкѣ. Онъ жаждалъ почестей и по временамъ употреблялъ смѣшныя средства для возвеличенія своей персоны въ общественномъ мнѣніи, то нанимая цѣлый рядъ экипажей для дежурства около своего подъѣзда, то приказывая своему лакею вбѣгать во время консультаціи въ комнаты паціента и требовать Порталя или во дворецъ, или къ какой нибудь герцогинѣ. Безъ двора старикъ не могъ жить: лишившись своей придворной должности при отъѣздѣ изъ Франціи Карла X, Порталь не выдержалъ, и явился къ Людовику-Филиппу съ просьбой причислить его къ штату медиковъ королевской фамиліи.

— Любезный Порталь, отвѣчалъ ему король: — у меня есть уже свой старый, постоянный докторъ, именно Маръ.

— Ваше величество, возразилъ Несторъ парижскихъ медиковъ:—мы сохранимъ господина Мара при вашемъ медицинскомъ штатѣ.

— Да у меня нѣтъ штата, опять сказалъ король: — одного Мара довольно для всѣхъ насъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ неотступный Порталь: — не забудьте меня по смерти господина Мара.

Въ этотъ годъ самому ему было восемьдесятъ-восемь лѣтъ отъ роду.

За визиты Порталь бралъ отъ шести до двѣнадцати франковъ, за консультаціи отъ двадцати-четырехъ до сорока-восьми.

Какъ хирургъ, *Антуанъ Дюбуа* пользовался въ Парижѣ почти такою же практикою, какъ Порталь. Относительно наружности, манеры и образа мыслей, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ Несторомъ медиковъ, о которомъ сейчасъ говорилось. Дюбуа такъ же, какъ и Порталь, никогда не измѣнялъ своего костюма, составленнаго изъ чорнаго фрака съ широкими фалдами, жилета,

отворачивавшагося на грудь почти до плечъ, и высокихъ сапогъ, по краямъ обшитыхъ бархатомъ.

— Мой нарядъ не сообразается съ модой, говаривалъ Дюбуа: — но мода повременамъ подходитъ къ моему наряду.

Онъ говорилъ всѣмъ *ты*, ѣздилъ на консультаціи, не принимая за то платы, не церемонился ни съ кѣмъ, а во время египетской экспедиціи, раздражилъ Бонапарта, вернувшись во Францію безъ всякаго дозволенія. Когда составился штатъ медиковъ при новомъ императорѣ, Дюбуа явился къ извѣстному Корвизару съ такимъ вопросомъ:

— А почему ты не помѣстилъ меня въ списокъ лейбъ-медиковъ? Или я, по твоему, хуже другихъ, что ли?

Корвизаръ (*) возразилъ съ своей грубой откровенностью.

— Оттого я тебя не помѣстилъ, что самъ хочу быть хозяиномъ.»

Но таково было уваженіе, всюду возбуждаемое заслугами Дюбуа, что Наполеонъ въ скоромъ времени назначилъ его акушеромъ при императрицѣ.

Кто изъ нашихъ читателей не слыхалъ про *Деженета* и *барона Ларрея*, писателей и хирурговъ, столько времени сопровождавшихъ армію Наполеона, совершавшихъ свой возвышенный долгъ въ степяхъ Египта и на поляхъ генеральныхъ сраженій, нынѣ записанныхъ въ исторію нашего XIX столѣтія? Оба хирурга пользовались огромной знаменитостью, оба почтены благодарностью потомства (Ларрою между прочимъ уже воздвигнутъ монументъ съ его изображеніемъ), оба дошли до славы разными путями. Ларрей скорѣе походилъ на храбраго генерала, возвысившагося до чиновъ съ самаго простаго званія, соперникъ его въ одно время удивлялъ и ученостью и природнымъ остроуміемъ. Для Ларрея воля Наполеона была всѣмъ, Деженетъ, товарищъ Демулена и бывшій поклонникъ г-жи Роллань, позволялъ себѣ не разъ спорить съ императоромъ. Онъ на отрѣзъ отказался дать опіумъ раненымъ солдатамъ, которыхъ приходилось отдать въ руки турокъ при Сенъ-Жанъ д'Акрѣ. Вдвоемъ съ Клеберомъ, нашъ медикъ не разъ поперечилъ распоряженіемъ консула во

(*) Корвизаръ извѣстенъ какъ своими медицинскими заслугами, такъ и остроуміемъ разговора. Наполеонъ, передъ своимъ бракомъ съ Маріей Луизой, часто распрашивалъ его о вѣроятности имѣть наслѣдниковъ.

— Можетъ ли человѣкъ, женившись въ пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, имѣть здоровыхъ дѣтей? однажъ разъ сказалъ императоръ Корвизару.

— Можетъ, но не навѣрное, отвѣтилъ медикъ.

— А если ему шестьдесятъ?

— Можетъ, ваше величество, и навѣрное.

время египетской кампаніи. Наполеонъ называлъ Деженета болтуномъ, но питалъ къ нему уваженіе.

И Деженетъ и Ларрей многое видѣли на своемъ вѣку, но второй умѣлъ только говорить объ операціяхъ, между тѣмъ, какъ первый славился въ гостиныхъ за отличнаго разсказчика. Ларрей говаривалъ, что всякій генералъ французской службы, имѣвшій деревянную ногу, прошелъ черезъ его руки. Деженетъ извѣстенъ въ лѣтописяхъ науки тѣмъ, что самъ привилъ себѣ чуму, находясь въ Яффѣ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ профессоровъ нашего автора былъ докторъ *Рекамье*, когда-то служившій хирургомъ во флотѣ, а въ послѣдствіи занимавшій важную должность врача въ *Hotel-Dieu* города Парижа. Портретъ этого друга человѣчества до того удался Верону, что страницу о Рекамье мы несомнѣнно можемъ назвать лучшею страницей во всѣхъ четырехъ томахъ «Записокъ Парижскаго Мѣщанина». Выписываемъ ее почти безъ измѣненій; докторъ Веронъ не часто доставляетъ такіе случаи своимъ рецензентамъ.

«Рекамье имѣлъ двадцать-семь лѣтъ, когда ему дали должность врача Hotel-Dieu. То былъ человѣкъ высокаго роста, съ смѣлымъ взглядомъ, съ неровнымъ румянцомъ на лицѣ, рѣчь его была проста, какъ и всѣ его пріемы, онъ страстно любилъ медицину, и не только ее, но и своихъ паціентовъ. Съ жаднымъ любопытствомъ, со страстью слѣдилъ Рекамье за симптомами недуговъ, схватывалъ признаки, способные подать ему новую идею леченія, вдохновлялся мыслями самой смѣлой терапевтики и готовъ былъ бороться съ самой смертью. Его можно было назвать медикомъ отходящихъ: онъ вырывалъ у могилы ея добычу. Когда смерть хватала больнаго за ноги, Рекамье схватывалъ его за плечи, и много разъ въ такой ожесточенной борьбѣ оставался побѣдителемъ. Много разъ случалось ему откидывать саванъ съ лица покойниковъ, переносить ихъ опять на постель, и возбуждать въ нихъ жизнь или кровопусканіемъ или другими сильными средствами. Во время подобныхъ подвиговъ онъ рисковалъ всѣмъ на свѣтѣ, даже своей доброй славою, онъ не боялся неуспѣха, не отступалъ передъ самой невозможностью, твердо вѣря въ силу природы и великую судьбу науки.

«Одинъ разъ Рекамье былъ призванъ на консультацію къ больному, уже находившемуся въ агоніи. Всѣ консультанты единогласно рѣшили невозможность помощи и собирались уйти прочь, торопясь на другіе визиты.

«— Стойте, сказалъ медикъ отходящихъ: — стойте, господа, вы должны здѣсь остаться еще хоть два часа, до тѣхъ поръ, пока я передамъ вамъ основанія моей надежды спасти больнаго. Я самъ отозванъ въ разныя мѣста, меня тоже ждутъ, но я остаюсь и приглашаю васъ сдѣлать тоже. Мнѣ самому когда-то случалось приговаривать людей къ смерти, иные изъ нихъ и теперь ходятъ по улицамъ. Средства природы велики, а мы должны надѣяться!

«Десятую часть своего дохода Рекамье выдавалъ бѣднымъ, и докторъ Гуро, въ замѣчательномъ некрологѣ, сообщаетъ слѣдующій анекдотъ о его благотворительности. Рекамье, одинъ разъ взобрался на чердакъ навѣстить самую бѣдную изъ своихъ паціентокъ. Одолѣвъ безконечное число ступенекъ, онъ наконецъ очутился у больной, задыхаясь и немного сердясь. Хозяйка пустилась въ извиненія жалуясь на квартиру и бѣдность.

«— Правда, правда, перебилъ Рекамье: — я совсѣмъ изъ силъ выбился. (Пошли новыя извиненія со стороны сконфуженной хозяйки.) — Вы не знаете, что такой походъ стоитъ десяти франковъ? опять подхватилъ медикъ: — я не привыкъ взбираться такъ высоко за меньшую цѣну!

«И говоря эти слова, Рекамье сунулъ десять франковъ въ руку бѣдной женщины.

«За долго до своей смерти Рекамье говорилъ: я не стану умирать, а свалюсь просто! Онъ умеръ отъ удара въ легкіе — отъ болѣзни, съ которой такъ славно боролся, когда она случалась съ его паціентами.

«Въ дѣлѣ религіи и науки, Рекамье былъ пламеннѣйшимъ существомъ, неколебимымъ какъ въ обязанностяхъ христіанина, такъ и въ занятіяхъ медика.»

Еще одинъ человѣкъ изъ нашихъ современниковъ умѣлъ создать себѣ великій авторитетъ въ наукѣ леченія человѣческихъ недуговъ, обезсмертить свое имя во Франціи и во всей Европѣ, всходя по два раза въ день, въ теченіе тридцати лѣтъ, на ступени ввѣренной ему больницы, разсыпая у постели каждаго больнаго сокровища своего генія, съ желѣзомъ и огнемъ въ рукахъ совершая чудеса смѣлости, ловкости, изобрѣтательности, передавая у той же постели огромной массѣ слушателей исторію каждой болѣзни, ходъ ея и ходъ собственныхъ своихъ операцій съ нею. Этотъ человѣкъ, котораго каждое слово находило себѣ отголосокъ посреди толпы учениковъ и поклонниковъ, благоговѣйно его окружавшихъ, носилъ имя *Дюпюитрена*.

Между людьми, отмѣченными дивной печатью и предназначенными на благо человѣчества, не всѣ смотрятъ одинаково на свое собственное значеніе. Въ иныхъ сознаніе своего величія порождаетъ скромность, болѣзненную стыдливость; въ другихъ геній оказывается горделивой увѣренностью, стремленіемъ къ первымъ ролямъ человѣческой комедіи. Дюпюитренъ принадлежалъ ко второму разряду знаменитостей; въ высокомъ его ростѣ, въ смѣлой осанкѣ, въ превосходно обрисованныхъ, но презрительно сжатыхъ губахъ, оказывался смертный, рожденный на то, чтобъ повелѣвать своими собратіями. Лучшіе ученики Дюпюитрена боялись своего учителя, потупляли глаза передъ его взглядомъ, подчиненные ему медики дорого платили за минуту небрежности или самонадѣянности. Имѣть надъ собой начальниковъ Дюпюитренъ не любилъ и не хотѣлъ, оттого онъ оставилъ много враговъ, до сихъ поръ пытающихся сказать о немъ дурное слово. Съ *Пельтаномъ*, бывшимъ начальникомъ больницы, въ послѣдствіи ввѣренный Дюпюитрену, нашъ медикъ имѣлъ безпрестанныя столкновенія, поминутно упрекая въ робости своего патрона и предлагая самъ операціи, изумительныя по смѣлости. Когда Дюпюитренъ одолѣлъ и самъ сталъ на первое мѣсто, его друга и товарища *Маржолена* назначили къ нему въ помощники. Встрѣтивъ своего сочлена въ ряду студентовъ, собравшихся въ клинику, Дюпюитренъ не далъ ему руки, но поразилъ его такими словами: «государь мой, надѣвайте передникъ и слѣдуйте за мною!»

Когда натуры, подобныя Дюпюитрену, сохраняютъ способность смягчаться по временамъ,—наградой такихъ человѣческихъ минутъ обыкновенно бываетъ безпредѣльная преданность со стороны всѣхъ лицъ, къ нимъ приближающихся. А Дюпюитренъ между докторами, и Дюпюитренъ у постели больнаго, были двумя разными лицами. Знаменитый медикъ умѣлъ говорить съ простымъ народомъ, и его имя до сей поры популярно въ отдаленнѣйшихъ закоулкахъ Парижа. Когда онъ подходилъ къ какой нибудь постели въ больницѣ, и твердо говорилъ паціенту, въ ней лежавшему: *«я тебя вылечу!»* глаза больнаго сіяли невообразимой радостью. За такія минуты и такія рѣчи мельчайшій изъ студентовъ клиники питалъ къ особѣ Дюпюитрена безпредѣльное обожаніе. Костюмъ Дюпюитрена, постоянно одинаковый, сдѣлался какъ бы мундиромъ всѣхъ его слушателей — во все время славы нашего медика, молодые люди, обучавшіеся медицинѣ, носили бѣлый жилетъ, синіе панталоны и фракъ темнозеленаго цвѣта; въ наше время любимѣйшій

наслѣдникъ Дюпюитрена, докторъ Марксъ, не носятъ иного наряда.

Дюпюитренъ писалъ мало, но говорилъ превосходно, удивляя учащихся громадностью своей памяти, — въ лекціяхъ, записанныхъ съ его словъ и изданныхъ, нѣтъ того духа, который оживлялъ собой уроки знаменитаго профессора. Модные медики, старики, государственные люди, ученые, кончившіе со славой свое поприще, ѣздили въ клинику, смѣшивались съ толпой юношей, для того, чтобъ его послушать. Визиты Дюпюитрена считали милостью, состояніе его дошло до баснословнаго итога четырехъ милліоновъ франковъ, — ни одинъ медикъ во Франціи не наживалъ себѣ подобнаго капитала. Порядкомъ своихъ денежныхъ дѣлъ профессоръ былъ обязанъ своему паціенту, барону Джемсу Ротшильду, занимавшемуся состояніемъ Дюпюитрена, будто состояніемъ дорогаго брата, неимѣющаго времени входить въ мелкія подробности жизни.

Дюпюитренъ не тратилъ денегъ и не любилъ пышности, его нельзя было назвать скупымъ, но вкусы его были чрезвычайно просты, почти грубы. Возвращаясь изъ больницы, онъ постоянно покупалъ яблоки у разнощиковъ передъ подъѣздомъ и обыкновенно уносилъ съ собой подъ мышкою обѣдъ, госпитальную булку. За то, когда Карлъ X долженъ былъ покинуть Францію, баронъ Дюпюитренъ предложилъ милліонъ франковъ своему королю и благодѣтелю. Умирая, Дюпюитренъ отказалъ 200,000 на устройство музея и публичныхъ лекцій патологической анатоміи.

Послѣдняя болѣзнь, поразившая великаго медика, произошла въ началѣ 1835 года. На похоронахъ Дюпюитрена, страшныя массы народа запрудили улицы, по которымъ двигалась погребальная процессія. Имя барона Дюпюитрена, такъ извѣстное всѣмъ ученымъ, почти не было знакомо простолюдинамъ, его оплакивавшимъ, въ ихъ кругѣ профессоръ являлся съ другимъ именемъ славнѣе котораго ничего не можно придумать для медика. *Le grand docteur est mort!* кричали мальчишки, бѣжавшіе за гробомъ. *Le grand docteur* m'a traité, говорятъ и теперь старики, когда-то пользовавшіеся въ больницѣ, прославленной Дюпюитреномъ!

Вотъ каковы были люди, примѣръ и уроки которыхъ поселили въ юномъ умѣ нашего Луи Верона благородную страсть къ наукѣ? Въ 1821 году авторъ «Записокъ» получилъ казенное мѣсто ординатора при какомъ то госпиталѣ, а еще черезъ два года съ честію выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины. Врож-

деная пронырливость, а можетъ быть и семейныя связи (Дюбуа и Рекамье были знакомы съ отцемъ Верона) доставили новому медику еще мѣсто при Домѣ-Найденышей (Enfants-Trouvés) гдѣ Верону приходилось сажать въ теплую ванну десятки новорожденныхъ, испускавшихъ такіе крики, «о которыхъ не забудешь даже слушая трельки госпожи Даморо, Нурри и Дюпре!» Но къ несчастію, а можетъ быть и къ счастію больныхъ города Парижа, успѣхи молодаго врача продолжались недолго. Одинъ неудачный конкурсъ въ медицинскомъ факультетѣ, конкурсъ, на которомъ очередная премія выдана была не Верону, а кому то изъ его соперниковъ, поселилъ въ сердцѣ нашего мѣщанина чувства до крайности безотрадныя. Работа ему опротивѣла, лекціи и служебная практика утратили всю занимательность, Веронъ рѣшился составить себѣ фортуну, какъ частный врачь, обширною частною практикою. Но долгое время *ни одинъ кліентъ не касался стопами его лѣстницы*, а когда дѣла стали идти немного лучше, одно несчастное и все таки забавное обстоятельство положило предѣлъ вероновой практикѣ.

«Не надо думать—разсказываетъ нашъ авторъ—чтобы въ моей практикѣ не было кой какихъ успѣховъ. Другъ мой *Лангле*, сынъ музыканта Лангле и двоюродный братъ Евгенія Сю, былъ спасенъ мною отъ смерти, что и до сихъ поръ помнитъ. У него началось воспаленіе легкихъ и я пустилъ ему кровь, восемь разъ, безъ всякаго успѣха; съ отчаянной рѣшительностью я произвелъ *девятое кровопусканіе*, и о радость! больной, уже приводившій всѣхъ насъ въ отчаяніе своимъ положеніемъ, впалъ въ спокойный сонъ, безъ всякихъ опасныхъ признаковъ. Въ другой разъ я сохранилъ отъ гибели старуху привратницу, у которой шесть часовъ сряду происходило теченіе крови изъ носу, болѣзнь страшная и носящая названіе *epitaxis*. Я совершилъ смѣлую операцію въ присутствіи цѣлой дюжины привратницъ, болтливыхъ существъ, поспѣшившихъ разнести разсказы обо мнѣ по всему околотку. Слава начала мнѣ улыбаться, успѣхъ моего послѣдняго дѣла былъ вполнѣ замѣчателенъ.

«Но увы! недолго длилось мое блаженство. Я получилъ уже трехъ паціентовъ, когда вдругъ пришло ко мнѣ приглашеніе отъ одной богатой и крайне толстой дамы, нуждавшейся въ простомъ кровопусканіи. «Весь городъ говоритъ о вашемъ искусствѣ», сказала она мнѣ въ первую минуту свиданія: «а я давно уже хочу проститься съ моимъ прежнимъ домовымъ медикомъ. Займите его мѣсто, моему примѣру послѣдуетъ весь кругъ моего знакомства, кругъ довольно обширный!» Отъ такихъ ласковыхъ словъ

слѣдовало перейти къ операціи. Я вспомнилъ слова знаменитаго хирурга *Ру*, говорившаго, что онъ никогда не пускаетъ крови безъ нѣкотораго безпокойства. И я началъ безпокоиться, а паціентка уже протягивала мнѣ свою жирную руку. Я кольнулъ ланцетомъ и не попалъ въ жилу, кольнулъ другой разъ — таже неудача. О! тутъ сцена перемѣнилась. «Идите прочь, сударь, вы невѣжа, вы ничего не смыслите въ своемъ дѣлѣ! Бѣдные больные, которые къ вамъ попадутся! Перевяжите руку и идите прочь, счастье еще, что вы меня не изуродовали!» Дни моего величія были преддверіемъ моего паденія! недавняя популярность только прибавляла униженіе, всѣ мои воздушные замки разлетѣлись. «Жустенъ!—сказалъ я привратнику, возвратясь домой — все кончено, я не лечу болѣе никого. Когда кто придетъ спрашивать доктора, объявляй, что доктора больше нѣтъ въ домѣ!»

Такъ кончились медицинскіе подвиги врача Луи Верона. Но медицину труднѣе оставить, нежели оно кажется; если нашъ авторъ хочетъ забыть періодъ своей дѣятельности на пользу больнаго человѣка, карикатуристы и редакторы сатирическихъ журналовъ имѣютъ добрую память. И вотъ почему Веронъ, всегда изображаемый съ атрибутами, какъ вѣкій полубогъ древности, на каждой картинкѣ представленъ посреди банокъ, ретортъ, пилюль, да сверхъ того многихъ другихъ врачебныхъ орудій слишкомъ многосложнаго значенія.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗКИ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ Петербурга, въ большомъ и многолюдномъ домѣ жила мѣщанка Прасковья Иванова. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ сряду помѣщалась она въ двухъ комнаткахъ подвальнаго этажа, въ самой глубинѣ двора. Такое постоянство вполнѣ оправдывалось удобствомъ квартиры: кромѣ двухъ комнатокъ, занятыхъ самою хозяйкой, была еще и третья, которую она могла отдавать въ наемъ.

Прасковья Ивановна была женщина не первой молодости — лѣтъ, пожалуй, за сорокъ; она обладала несокрушимымъ здоровьемъ и такимъ твердымъ характеромъ, что мужъ ея, чахоточный человѣчекъ, годами десятью моложе жены, не смѣлъ по-

шевелиться подъ ея увѣсистымъ башмакомъ: если бъ не кашель, голоса Алексѣя, вѣрно, никогда и не услыхать бы въ домѣ. Прасковья Ивановна была ремесломъ прачка; чахлый супругъ ея добывалъ копѣйку портняжнымъ дѣломъ, въ которомъ смыслилъ очень мало.

Разные жильцы бывали у Прасковьи Ивановны — и чиновники, и мѣщане, и квартира ея никогда не оставалась пустою дольше недѣли. Только въ исходѣ четырнадцатаго года по водвореніи ея въ домѣ, случилась такая безпримѣрная оказія, что комната цѣлые два мѣсяца не приходилась по вкусу никому изъ смотрѣвшихъ ее.

Дѣло было осенью. Сначала Прасковья Ивановна не унывала, и даже отказала двумъ женщинамъ, желавшимъ поселиться у нея, потому что хотѣла имѣть не жилицу, а жильца (съ бабами возни много); но вотъ, видитъ, и осень уже подходитъ къ концу, а постояльца нѣтъ какъ нѣтъ. И прачка рѣшилась отдать квартиру съ уступкой первому желающему, или даже (такъ ужь и быть) первой желающей.

Несмотря на рѣшеніе это, только скрѣпя сердце допустила она въ домашній кругъ свой особу женскаго пола. Новая жилица Прасковьи Ивановны была женщина молодая, лѣтъ двадцати, никакъ не больше, очень красивая блондинка, съ большими свѣтлыми глазами.

Она пришлась очень по нраву хозяйкѣ: выходила изъ дому рѣдко, только тогда, какъ нужно было отнести шитье, за которымъ она сидѣла съ утра до вечера; къ ней никто не заглядывалъ; за квартиру платила она акуратно.

Мѣсяца черезъ четыре Прасковьѣ Ивановнѣ пришлось немного похлопотать около своей постоялки; но она не оказала при этомъ большой строптивости.

Постоялка родила дочь.

Происшествіе это не произвело никакого измѣненія въ быту прачки: ея нисколько не безпокоилъ крикъ или плачъ ребенка, какъ не безпокоилъ громкій и рѣзкій кашель, душившій Алексѣя.

Впрочемъ, какъ только начала Фрося (такъ назвали дѣвочку) понимать, что попусту плакать и кричать не хорошо, ея не было слышно въ домѣ.

Разсказывая объ удобствахъ своей квартиры, прачка могла уже говорить, что она живетъ тутъ двадцатый годъ, когда жилица ея простудилась и сильно захворала. Подождавъ съ недѣлю и видя, что больной становится хуже и хуже, Прасковья Ивано-

вна явилась къ ней и объявила свое желаніе отвезти ее въ больницу: люди они бѣдные, не за лекарями же посылать. Больная, однако, упросила хозяйку оставить это намѣреніе: ей казалось, что она тотчасъ же умретъ, какъ переѣдетъ въ больницу и разстанется съ маленькой дочерью. Фрося не отходила отъ ея постели; она и не вспоминала о своей куклѣ, о пестрыхъ лоскуткахъ, которыми любила играть, и голубые глазки ея слѣдили за каждымъ движеніемъ матери, пока сонъ не смежалъ ихъ, и малютка не свертывалась въ клубочекъ у ея ногъ.

Давно уже сильно кашлялъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ портняга Алексѣй; но еще очень бодро сидѣлъ онъ на столѣ, подвернувъ подъ себя ноги калачикомъ, и усердно штопалъ чей-то вывороченный кафтанъ, когда мать Фроси умерла, оставивъ на рукахъ хозяйки свою семилѣтнюю сиротку.

Прасковья Ивановна заахала и заохала.

— Ахъ ты Господи Боже праведный! Кабы знать, въ больницу бы хоть отвезти — что ли: похоронили-бы даромъ; а то вотъ и денегъ-то не оставила ни копѣйки — свои выкладывай.— Да ты-то что молчишь? Слова не скажетъ.... Точно и нѣтъ его. Могъ бы кажется....

И сердито махнувъ рукой, прачка бросала самый презрительный взглядъ на смиреннаго сожителя.

— Что же мнѣ, примѣрно, говорить? замѣчалъ сожитель, поднимая голову отъ работы — Дѣло, точно, выходитъ самое несообразное....

— Полно ты! завывать-то обращалась Прасковья Ивановна къ дѣвочкѣ, неперестававшей плакать: — и безъ вою твоего тошно. Можешь, чай, и про себя хныкать?

Фрося старалась плакать потихоньку; но когда гробъ поставили на извощичьи сани (это было въ концѣ зимы), она съ громкимъ воплемъ бросилась вслѣдъ за ними.

— Куда? куда? Пропасть вздумала?

— Пустите, пустите! кричала дѣвочка, вырываясь.

— Какже, сейчасъ!

— Я хочу съ мамой....

— Куда съ мамой? ноги ознобить?... Что ты рвешься, шальная? Сказано, не пустятъ. Иди въ горницу!

Сани съ гробомъ выѣхали за ворота; дѣвочка отчаянно взвизгнула и вѣрно упала бы на земь, еслибъ не удержала ея Прасковья Ивановна.

Темные, грустные дни потянулись надъ головкой сиротки, и часто голубые глазки ея переполнялись слезами. Прачка пре-

жде почти необращавшая вниманья на Фросю, теперь безпрестанно находила поводъ попрекать. Дѣвочка была постоянно у нея на глазахъ: уголокъ покойницы занялъ новый жилецъ.

Прасковья Ивановна была очень скупа, и только этимъ можно объяснить, что она находила стѣснительнымъ для себя проживанье Фроси въ ея квартирѣ. И, какъ нарочно, дѣвочку некуда было дѣть. Прачка плакалась на нее и на бѣдность свою встрѣчному и поперечному; но должна была держать сиротку.

Фрося жила у Прасковьи Ивановны годъ, жила другой; она донашивала послѣднія платья свои, сшитыя ей матерью, и жалко было смотрѣть на хорошенькую дѣвочку, одѣтую бѣдно, неопрятно.

Долго соображала прачка, какъ бы скачать дѣвочку съ рукъ, и наконецъ придумала отдать ее въ ученье. Это было года черезъ три послѣ смерти фросиной матери. Прасковья Ивановна давно уже стирала бѣлье на содержательницу золотошвейной мастерской у Краснаго Моста, и сюда-то рѣшилась пристроить сиротку.

Анна Карловна, высокая, прямая и плоскогрудая нѣмка среднихъ лѣтъ, выслушавъ желаніе прачки, отвѣчала, что можетъ исполнить его, хотя, признаться, не имѣетъ большой надобности въ дѣвочкѣ. За первые годы житья и ученья у нѣмки взималась какая-то, незначительная впрочемъ, плата; но Прасковья Ивановна такъ удачно разжалобилась и расхныкалась и такими яркими красками изобразила свою крайнюю нищету, что нѣмка, по состраданельности и врожденной добротѣ, рѣшилась принять къ себѣ Фросю безъ всякаго возмездія.

Когда Прасковья Ивановна объявила сироткѣ, что не дальше какъ завтра ей предстоитъ поступить въ нѣмецкую золотошвейную, Фрося такъ испугалась, что до самаго вечера дрожала какъ въ лихорадкѣ, а улегшись спать, долго не могла сомкнуть глазъ. Конечно, житье у прачки очень непривольное; но тутъ дѣвочкѣ было по-крайней-мѣрѣ извѣстно, что каково сегодня, таково будетъ и завтра, здѣсь она привыкла къ своему положенію, привыкла къ самой грубости Прасковьи Ивановны.... а Богъ еще знаетъ, каково будетъ тамъ! Фрося никакъ не могла вообразить, что гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ ей будетъ лучше жить, и упрямо плакала да плакала, пряча лицо въ подушку.

Прачка разбудила ее рано; велѣла ей чисто-на-чисто умыться, гладко-на-гладко причесаться, и надѣть платье поновѣе; наконецъ, связала въ узелокъ постель, бѣлье и платье дѣвочки, и отправилась съ нею къ нѣмкѣ. Дорога была некоротка; но дѣ-

вочка почти не замѣтила этого: такъ всю ее поглотило смутное ожиданіе чего-то совершенно для нея новаго. Прасковья Ивановна шла очень поспѣшно; но не отъ этой поспѣшности захватывало духъ у Фроси. Когда же путеводительница ея сказала: «Ну, вотъ и пришли!» и прибавила: «Обдерни платье-то!» Фросю словно кто за сердце схватилъ; ни жива ни мертва слѣдовала она за Прасковьей Ивановной.

— Что́ ротъ-то разинула? замѣтила прачка, подымаясь по лѣстницѣ: — ползетъ не ползетъ.

Фрося едва передвигала ноги отъ страха.

— Толкомъ тебѣ говорятъ: иди скорѣе!

Пришлось взять дѣвочку за руку и хорошенько дернуть ее къ къ стеклянной двери, сквозь которую видна была внутренность магазина.

Колокольчикъ закачался и пронзительно зазвѣнѣлъ; Фрося вздрогнула—и очутилась у самаго прилавка. Она боялась поднять глаза и ничего не видала, кромѣ чернаго передника нѣмки, стоявшей за прилавкомъ.

— Вотъ, матушка, Анна Карловна, привела вамъ работницу, сказала прачка, взявъ Фросю за плечо.

— Хорошо, проговорила сухимъ тономъ нѣмка. — Какъ твое имя? обратилась она къ дѣвочкѣ.

Фрося смотрѣла на ея передникъ и молчала.

— Афросинья, матушка, Афросинья, отвѣчала прачка, и крѣпко сжала плечо дѣвочки.—Нѣмая ты, что-ли? кажется, тебя спрашиваютъ.... Что́ носъ-то повѣсила?

— Какъ? спросила нѣмка.

— Афросинья, Анна Карловна, Афросинья.

— Эфрозина?

— Точно такъ, матушка. Дома-то Фросей больше звали.

— Хорошо; иди съ ней въ кухню.

Тутъ только подняла Фрося голову и рѣшилась осмотрѣться кругомъ, взглянуть на свою новую хозяйку. Въ шкапу, занимавшемъ одну стѣну комнаты, было столько всякихъ бархатовъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ, и солнце, глядя въ окно, такъ ослѣпительно играло въ этихъ яркихъ узорахъ, что темная фигура нѣмки казалась какъ-то особенно жосткою и вовсе неумѣстною посреди блестящей обстановки. Чорное поношенное платье Анны Карловны было совсѣмъ не подъ ладъ ея дорогому товару.

Идя съ Прасковьей Ивановной черезъ мастерскую, гдѣ сидѣло дѣвушекъ десять — кто за пяльцами, кто просто съ шить-

емъ въ рукахъ — Фрося тоже была невольно поражена противоположностью между богатымъ и блестящимъ рукодѣльемъ и такъ скудно и невзрачно одѣтыми рукодѣльницами.

И вотъ дѣвочка остановилась подлѣ плиты, у которой хлопотала, засучивъ рукава, толстая кухарка.

— Здравствуйте, Аксиньюшка! обратилась къ ней прачка.

— А! Прасковья Ивановна! Какъ поживаете? Про эту сиротку-то говорили?

— Про эту, про эту. Вотъ привела. Годится вамъ на посылки.

— Какъ не годиться?...

Фрося, оставшись въ кухнѣ, не могла побѣдить въ себѣ безотчетнаго страха и неимовѣрныхъ усилій стоило ей удержать слезы, то-и-дѣло просившіяся на глаза. Аксинья продолжала стряпать; она не обращала ни малѣйшаго вниманія на дѣвочку, которая робко прижалась въ уголкѣ и только изрѣдка осмѣливалась взглядывать исподлобья, при скрипѣ двери мастерской. Кухарка не скоро вспомнила о присутствіи сиротки.

— А что? поѣсть не хочешь ли?

— Нѣтъ....

— Да что ты не сядешь-то? Чай, ноги отстояла?

— Ничего.

Безконечно-длиннымъ показался Фросѣ первый день на новосельѣ. Дико смотрѣла она на Аксинью, которая въ другое время и въ другомъ мѣстѣ показалась бы ей очень доброю бабой — гораздо добрѣе, снисходительнѣе Прасковьи Ивановны; сердце Фроси сжималось, когда въ кухню заходила хозяйка мастерской, хотя Анна Карловна смотрѣла на дѣвочку очень благосклонно, даже ласково, и поручила Аксиньѣ хорошенько накормить ее. Обѣдала Фрося какъ будто поневолѣ; каждый кусокъ останавливался въ горлѣ. Особенно непріятное впечатлѣніе произвела на нее старшая мастерица, которую всѣ именовали Катериной Захаровной: когда дѣвушки изъ мастерской явились подъ ея предводительствомъ въ кухню обѣдать, Катерина Захаровна, несмотря на свои двадцать-пять, двадцать-шесть лѣтъ (возрастъ, кажется, солидный), принялась смѣяться надъ Фросей и дразнить ее, словно маленькая. Еслибъ Аксинья не сжалилась и не заступилась за бѣдную дѣвочку, старшая мастерица непремѣнно довела бы ее до слезъ.

Насилу-то дождалась Фрося, что наступилъ вечеръ. Она приготовила себѣ постель — кусокъ войлока и маленькую, жесткую и раздавленную подушку, которыми наградила ее Прасковья

Ивановна, и, утомленная тревогами дня, не успѣла лечь, какъ и уснула крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ.

Покидая кровлю Прасковьи Ивановны, Фрося думала, что ее ведутъ чуть не на смерть; оказалось, однакожъ, что въ золотошвейной жизнь гораздо привольнѣе, чѣмъ у прачки. И дѣвочка очень скоро привыкла къ своему новому положенію.

Сначала она была только на побѣгушкахъ: ее посылали и кухарка, и мастерицы, то въ булочную, то въ мелочную лавку за свѣчкой, за цикоріемъ; потомъ стала она грѣть и подавать утюги, сучить и мотать шолкъ. Наконецъ начали ее учить держать въ рукахъ иголку. Это случилось года черезъ полтора по вступленіи Фроси въ заведеніе Анны Карловны, въ то именно время, какъ Таня, одна изъ ученицъ, перешла въ разрядъ мастерицъ съ опредѣленной платой.

Въ эти полтора года Фрося крѣпко подружилась съ ученицей Сашей. Онѣ повѣряли другъ другу свои непріязненныя чувства къ злой старшей мастерицѣ, дѣлились каждымъ лакомымъ кускомъ, вмѣстѣ бѣгали взапуски по большому двору и вмѣстѣ получали строгіе за то выговоры отъ Катерины Захаровны. По праздникамъ къ нимъ нерѣдко присоединялась младшая сестра Саши, находившаяся тоже въ ученьѣ, въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ на Большой Морской. Сестры вовсе не походили другъ на друга: старшая была черноволоса и выростая становилась все некрасивѣе; младшая, напротивъ, была бѣлокура и очень хорошенькая.

Ученье шло довольно успѣшно; Фрося росла и хорошѣла быстро, что сильно раздражало Катерину Захаровну, которая чувствовала, что все больше и больше превращается въ старую дѣвку. Изъ ученицъ Фрося и Саша сдѣлались мастерицами, изъ дѣвочекъ взрослыми дѣвушками, и оставались по прежнему дружны; по прежнему довольно часто къ нимъ присоединялась сестра Саши.

— Ахъ, какая же у васъ, какъ я посмотрю, тоска! говорила бойкая Груша: — вотъ ужь, кажется, сутокъ бы здѣсь не прожила.

— Да, подтверждала Фрося: — днемъ-то хоть работаешь, а какъ придетъ вечеръ, такъ не знаешь куда и дѣться. Мастерицы всѣ приходящія; здѣсь живемъ мы только трое — я вотъ, Саша да Катерина Захаровна....

— Хоть бы вы гулять куда ходили.

— Велика ли пріятность и гулять-то! Пошли мы какъ-то, да воротились поздно — часовъ въ одиннадцать, такъ потомъ такой

былъ нагоняй! Катерина Захаровна изволила выдумать, что мы дома не ночевали.

— Да какъ она смѣетъ распоряжаться? Вѣдь не дочери вы ея?

— А вотъ поди спроси!

— А я третьяго дня на свадьбѣ была.

— У кого?

— У мамзель Жюли; продавальщицей у насъ была; вышла за прикащика изъ рижскаго магазина. Ужь какъ же мы натанцовались. Воротились часовъ никакъ въ пять. Утромъ сѣла за работу — ничего не вижу: такъ глаза и слипаются.

Саша слушала довольно равнодушно всѣ разсказы Груши, но Фрося втайнѣ очень завидовала жизни мастерицъ въ магазинѣ мадамъ Эме. Ей хотѣлось бы и на свадьбѣ потанцовать, и на гулянье поѣхать, и принарядиться такъ, какъ Груша, на которой всегда была новенькая шляпка, хорошо сшитое платье, свѣжія перчатки; но Фрося не могла и думать о такомъ туалетѣ (Грушѣ онъ стоилъ конечно недорого): плата за такую трудную и копотливую работу, какъ шитье золотомъ, была очень мала.

Однажды весной (Фросѣ было уже шестнадцать лѣтъ) Груша пришла къ сестрѣ и подругѣ ея съ предложеніемъ ѣхать куда-то на загородное гулянье. Она говорила, что у нея есть кавалеръ, который беретъ на себя всѣ издержки по этой поѣздкѣ. Саша рѣшительно отказалась, говоря, что ей не во что одѣться.

— Да и я-то какъ поѣду? сказала Фрося: — я только сраму вамъ надѣлаю: шляпка у меня старая, а ужь про мантилью и говорить нечего.

— Ничего; шляпку я принесу тебѣ свою.... а вмѣсто мантильи платокъ мой надѣнь. Теперь тепло.

— Перчатки надо покупать.

— Объ этомъ не безпокойся; я скажу моему: станетъ мнѣ покупать, и тебѣ купитъ.

Фрося рѣшилась ѣхать.

У Катерины Захаровны разлилась желчь, когда она увидала снарядившуюся на гулянье Фросю: ничто такъ не кололо ей глазъ, какъ чужая красота и молодость.

— Ахъ-съ, какая моднѣйшая прическа! замѣтила Катерина Захаровна.

Фрося, по совѣту Груши, расположила свою пышную косу вокругъ головы: иначе маленькая шляпка свалилась бы ей на спину.

— А что? простодушно спросила Фрося: — развѣ нехорошо этакъ?

— Напротивъ-съ, отвѣчала старшая мастерица, скрививъ губы улыбкой: — самая моднѣйшая прическа.

Какова бы ни была эта прическа, она очень шла къ свѣжему, бѣлому лицу дѣвушки.

На гуляньѣ Фросѣ было очень весело. Въ саду, гдѣ гремѣла музыка и сновали взадъ и впередъ пестрыя пары, кавалеръ Груши встрѣтилъ одного изъ своихъ пріятелей. Это былъ красивый молодой человѣкъ. Онъ предложилъ Фросѣ опереться на его руку.

— Вотъ неожиданное счастье! сказалъ онъ золотошвейкѣ, когда та, порядкомъ сконфузившись, рѣшилась подать ему руку: — мнѣ ужь давно хотѣлось встрѣтиться съ вами поближе.

— А развѣ вы прежде встрѣчали меня?

— Нѣтъ; въ окно видѣлъ.

— Гдѣ?

— Въ мастерской. Вы не замѣчали меня.... А я каждый день прохожу мимо вашихъ оконъ.

— Не можетъ быть?

— Въ самомъ дѣлѣ.

— Да вѣдь окна изъ мастерской во дворъ. Развѣ вы тутъ въ домѣ живете?

— Моя квартира надъ мастерской.

— Я не видала васъ.

— А я васъ почти каждый день вижу.

— Ну, гдѣ я сижу?

— У самого окна.

— А рядомъ со мной кто?

— Этого не замѣчалъ....

— Когда же вы проходите мимо?

— Утромъ часовъ въ девять, когда иду со двора, и въ пятомъ часу, когда возвращаюсь къ обѣду. А вы всегда такъ усердно работаете!... И глазъ не подымаете. Нѣтъ, чтобы взглянуть въ окно. А еще глазки такіе хорошенькіе!

— Ахъ, какіе вы!... Я не знала, что вы такой насмѣшникъ.

— Я насмѣшникъ?

— Да.

— А что? увижу я завтра ваши голубые глазки?

— Ахъ, опять вы объ моихъ глазахъ!

— Увижу?

— Когда?

— Какъ буду проходить мимо.

— Не знаю.

— Отчего же не знаете? Вѣдь вамъ стоитъ только захотѣть этого.

— Нѣтъ, не только.

— Какъ такъ?

— А можетъ быть надо будетъ пристально смотрѣть на шитье, чтобы не сбиться.

— Отговорка!

— Вовсе нѣтъ; вы думаете, шить золотомъ легко?..

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы чаще сбивались.

— Покорно благодарю; значитъ, вамъ хотѣлось бы, чтобъ меня выгнали изъ мастерской?

— Нѣтъ, мнѣ жаль, что вы портите зрѣніе. Такіе глазки....

— Перестаньте вы объ моихъ глазкахъ!

— Ихъ надо беречь.

— Нечего ихъ беречь. Я и такъ ужь ихъ испортила.

— Зачѣмъ это напраслину-то на себя взводить?

— Я вамъ правду говорю. Когда встаю утромъ, такъ больно глазамъ.... Насилу промоешь ихъ.

— Фрося! окликнула золотошвейку Груша, давно уже высматривавшая ее въ толпѣ.

— Что?

— Хочешь мороженаго?

— Хочу.

И вся компанія отправилась въ бесѣдку.

Возвратясь домой, Фрося не переставала думать, какъ это пріятно ѣздить на гулянья, какой красивый и любезный былъ у нея спутникъ....

На слѣдующее утро, сидя за работой, она никакъ не могла взглянуть на него, хотя чувствовала, что сосѣдъ проходитъ мимо и смотритъ на окно. Катерина Захаровна стояла передъ Фросей и дѣлала ей какія-то замѣчанія относительно начатой работы.

Къ счастью въ пятомъ часу старшую мастерицу что-то отвлекло изъ мастерской въ магазинъ. Сосѣдъ, возвращаясь, шолъ тихо и пристально глядѣлъ на окно. Фрося подняла глаза, посмотрѣла и улыбнулась.

Каждый день стала она обмѣниваться съ сосѣдомъ бѣглымъ взглядомъ или улыбкой; стала одѣваться съ гораздо бо́льшею тщательностью, чѣмъ прежде; лучшія платья, которыхъ было у нея очень немного, которыя она берегла и надѣвала только по

праздникамъ, носила она теперь и въ будни; волосы ея были всегда особенно хорошо убраны.

Сильно порывалась Фрося съѣздить хоть еще разокъ на гулянье, и когда, черезъ недѣлю послѣ первой поѣздки, въ золотошвейную пришла Груша, первымъ вопросомъ Фроси было:

— А что, не собираешься ли ты за̀ городъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Груша: — развѣ на той недѣлѣ.

Подъ вечеръ дѣвушки вышли на крыльцо и весело болтали.

— Здравствуйте, голубые глазки! раздался вдругъ знакомый голосъ за спиной Фроси.

Фрося оглянулась.

— Ахъ, какъ вы испугали меня!

Сосѣдъ поздоровался и съ Грушей и съ Сашей.

— Когда же вы насъ свозите на гулянье? очень развязно спросила его Груша.

— А вамъ хочется?

— Не столько мнѣ хочется, сколько вонъ голубымъ-то глазкамъ.

— Ахъ, Груша! полно, пожалуста!

— Вотъ передъ самымъ приходомъ вашимъ говорила....«Что это, говоритъ, скука какая! хоть бы Николай Петровичъ, говоритъ, пригласилъ въ Новую Деревню!»

— Не правда, не слушайте ея! я и не думала говорить.

— Говорила, говорила, Николай Петровичъ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ! сказалъ сосѣдъ: — поѣдемте на той недѣлѣ во вторникъ.

— Да зачѣмъ же такъ долго ждать? спросила Груша.

— Мнѣ раньше нельзя.

— А фейверкъ будетъ во вторникъ?

— Великолѣпный.

— Ахъ, это отлично!

— Что же вы ничего не скажете? Вы, можетъ быть, не хотите ѣхать?

— Хочетъ, хочетъ, воскликнула Саша, предупреждая отвѣтъ пріятельницы.

— Еще какъ хочетъ-то! подтвердила и Груша.

— А вы все-таки не говорите ничего, сказалъ сосѣдъ, наклоняясь къ Фросѣ.

— Отчего же не поѣхать? отвѣчала она: — я съ удовольствіемъ....

— Вотъ и прекрасно! Значитъ, мы опять отправляемся въ четверомъ?

— Да.

— Превосходно.

Въ это время кто-то отворилъ окно изъ мастерской, и дѣвушки, думая, что это старшая мастерица, молча кивнули головой сосѣду и оставили его на крыльцѣ одного.

Ровно за недѣлю до предположенной поѣздки въ Новую Деревню, то есть во вторникъ, утромъ вошла въ мастерскую Анна Карловна съ большою выкройкой и узоромъ въ рукахъ.

— Какъ ты думаешь, спросила она старшую мастерицу: — можно взяться вышить это къ пятницѣ?

И хозяйка развернула узоръ.

— Трудновато, Анна Карловна, отвѣчала Катерина Захаровна. — Узоръ большой и работа мелкая.

— Нельзя ли шить двумъ?

— Нѣтъ, двумъ и взяться негдѣ. Головами будутъ стукаться. Вотъ развѣ каемку.... Да, правда, это пустяки: за ней работы всего на два часа.

— Ты сама не возмешься?

— Нѣтъ, Анна Карловна, не могу: не по глазамъ — мелко очень. А непремѣнно надо къ пятницѣ?

— Да. Утромъ въ пятницу непремѣнно.

— Кабы прежніе глаза, можно бы успѣть.... Фрося вотъ развѣ не возьмется ли. Она скоро шьетъ.

— Посмотри! сказала Анна Карловна, обращаясь къ Фросѣ.

Дѣвушка подошла.

— Успѣешь?

— Можно успѣть, отвѣчала Фрося: — надо пораньше вставать да подольше сидѣть.

— Если сдѣлаешь, получишь за это шесть рублей. Только непремѣнно къ пятницѣ.

Фрося вспомнила о будущемъ вторникѣ и о томъ, что у нея недостаетъ только четырехъ рублей, чтобы поѣхать на гулянье въ новомъ платьѣ.... Свѣжій нарядъ, веселая музыка, любимый кавалеръ — все это мелькнуло такою отрадной картиной передъ ея глазами, что дѣвушка несказанно обрадовалась возможности заработать шесть рублей.

— Пожалуйте, сказала она Аннѣ Карловнѣ.

И Фрося принялась за работу.

Кажется, никогда еще не работала она такъ усердно: только на нѣсколько минутъ вышла изъ мастерской къ обѣду, и пообѣдала наскоро. Сосѣдъ, возвращаясь домой по обыкновенію въ пять часовъ, видѣлъ въ окно только большую косу Фроси, но-

тому что головка ея была низко наклонена къ пяльцамъ. Какъ ни медленно шагалъ онъ, не дождался-таки ни обычнаго взгляда, ни обычной улыбки.

Уже замѣтно смеркалось, всѣ рукодѣльницы оставили свое шитье, а Фрося все еще сидѣла съ иглой.

— Будетъ тебѣ шить! сказала, подходя къ ней, Саша: — успѣешь кончить — два дня впереди.

— Еще свѣтло.

— Какое свѣтло? ничего не видать.

— Нѣтъ, надо еще немного пошить.

— Да посмотри, ты и такъ ужь половину вышила?

— Какже не половину.... тутъ, я думаю, и четверти нѣтъ.

— Право, оставь; глаза только заболятъ.

— Сейчасъ.

Фрося шила до тѣхъ поръ, пока можно было отличать петлю отъ петли.

— Вотъ теперь довольно, сказала она Сашѣ, вставая.

— Да если ты будешь этакъ сидѣть, такъ не къ пятницѣ кончишь, а къ четвергу.

— Что же! тѣмъ лучше.

— А устала?

— Да, немножко. Глаза, вотъ, больно.

И Фрося прикрыла ладонями свои голубые глазки.

— Охота была работать до потемокъ!

— Ничего.

Рано поднялась на другое утро Фрося, и съ тѣмъ же жаромъ принялась за шитье. Анна Карловна, зашедшая въ мастерскую около полудня, провѣдать объ успѣхѣ работы, была просто поражена, когда взглянула въ пяльцы Фроси: почти половина узора была уже перенесена на бархатъ; и какое шитье!... чистое, ровное.

— Очень хорошо, очень хорошо.

Но въ этотъ день глаза уставали у Фроси чаще, чѣмъ наканунѣ, и она была принуждена нѣсколько разъ выходить изъ-за пялецъ и примачивать ихъ водой. Это, однакожь, не помѣшало работѣ успѣшно подвигаться къ концу, и когда Фрося оставила ее вечеромъ, Саша сказала, взглянувъ въ пяльцы:

— Тутъ теперь шитья всего часа на три.

— На четыре.

— Ну, хоть бы и на четыре! все же не на цѣлый день; а вѣдь пятница-то еще послѣ завтра. Какіе, однако, красные у тебя глаза!

— Ничего, пройдетъ. Какъ кончу, дня два ничего въ руки не возьму.

— Ты хоть бы розовой воды попросила у Анны Карловны.

— Вотъ очень нужно!

Не безъ испуга вспомнила Фрося замѣчаніе Саши о краснотѣ своихъ глазъ, когда, проснувшись утромъ въ четвергъ, почувствовала въ нихъ небывалый жаръ и небывалую рѣзь. Она долго мочила глаза холодной водой, и наконецъ сѣла къ пяльцамъ. Еще чаще, чѣмъ вчера, приходилось ей оставлять работу; она поставила около себя на окнѣ тарелку со льдомъ, безпрестанно мочила въ ней носовой платокъ, и прикладывала его къ глазамъ.

Когда старшая мастерица позвала всѣхъ къ обѣду, Фросѣ оставалось сдѣлать небольше десяти стежковъ; но послѣ каждаго стежка глаза у ней застилало жолтымъ туманомъ.

— Что же ты нейдешь, Фрося? сказала Саша, уходя обѣдать.

— Я сейчасъ кончу.

Едва успѣли рукодѣльницы размѣститься за обѣденнымъ столомъ, какъ въ мастерской раздался глухой крикъ....

— Что̀ это такое? воскликнула изумленная Катерина Захаровна.

У Саши замерло сердце, и она стремглавъ бросилась изъ кухни.

Фрося стояла передъ окномъ и смотрѣла въ него.

— Что̀ съ тобой? что̀ съ тобой, Фрося? вскричала, бросаясь къ ней, Саша.

— Не вижу.... не вижу.... проговорила плачущимъ голосомъ Фрося.

Жолтыя звѣзды и пестрыя радуги мелькали у нея передъ глазами.

Въ эту минуту Саша увидала, что въ вороты входитъ молодой сосѣдъ. Она обхватила станъ своей подруги, и отвела ее шага на два отъ окна. Но Фрося, словно догадалась, быстро оборотилась лицомъ къ окну, съ громкими рыданіями, которыхъ не могла больше удерживать.

«Ослѣпла! Фрося ослѣпла!» Эти слова повторились всѣми устами въ золотошвейной, и скоро весь домъ зналъ о несчастіи, случившемся съ молодой дѣвушкой.

Ее отвезли въ больницу, и съ отсутствіемъ ея водворился въ мастерской какой-то безмолвный ужасъ.

Только Катерина Захаровна говорила съ возмутительнымъ хладнокровіемъ:

— Экая рѣдкость, что ослѣпла! У насъ не въ первый разъ эти оказіи.

И изъ-за чего потухли эти голубые глазки, которымъ только бы весело смотрѣть на Божій свѣтъ да улыбаться?

Мозглый старичишка, подагрикъ съ трясущимися колѣнями, остался недоволенъ доставленнымъ ему изъ золотошвейной шитьемъ.

— Ну что это такое? что это за работа?

Дѣвушка, принесшая шитье, замѣтила, что работа стоила глазъ швеѣ.

— Будто бы?

— Точно такъ-съ.

— Гм....

Старичишка съ улыбкой покачалъ головой.

Онъ нашелъ, что цѣна очень невысока, и что нечего быть слишкомъ требовательнымъ къ такой дешевой работѣ....

М. М.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Бурный характеръ новаго года. — Праздничные визиты въ Берлинѣ и опасенія за будущій урожай хлѣба. — Разорительный обычай дѣлать подарки. — Спекуляція изъ національнаго французскаго займа. — Толки объ академическихъ креслахъ. — Театры въ Парижѣ. — Новыя книги и новый журналъ. — Торговый кризисъ въ Англіи. — Саркастическія выходки противъ лорда-мэра. — Учено-литературный некрологъ: Локкгартъ, Гюитъ, Форбесъ, Китто. — Будничная и праздничная литература въ Англіи. — Эксцентричность Джона-Булля. — Чудовищные концерты Джулліена. — Преступникъ, показываемый за деньги. — Пренія о томъ, что такое принцъ Альбертъ. — Фанатическая секта Мапилласъ. — Карманныя пушки. — Изслѣдованія о крысахъ. — Физіологія и исторія лампы.

Новый годъ начался для Западной Европы очень бурно,—бурно не только въ отношеніи политическомъ, но и атмосферическомъ. По наблюденіямъ мюнхенскихъ метеорологовъ, ни въ одномъ году нынѣшняго столѣтія вѣтеръ не достигалъ такой стремительной силы, не дулъ съ такимъ удивительнымъ упрямствомъ, какъ въ исходѣ прошлаго года. Сохраняя направленіе отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и

переходя очень часто въ настоящій ураганъ, вѣтеръ далъ себя замѣтить на многихъ пунктахъ европейскаго материка: въ Гамбургѣ онъ былъ причиною наводненія Эльбы и значительныхъ опустошеній, въ Берлинѣ онъ совершенно разстроилъ праздничные визиты, сохраняющіе тамъ оффиціальное значеніе, въ Парижѣ онъ простудилъ многихъ даже изъ числа очень хладнокровныхъ людей: самъ императоръ французовъ страдаетъ ревматизмомъ и въ день оффиціальнаго пріема въ новый годъ ходилъ, опираясь на палку.

Впрочемъ, въ Берлинѣ, несмотря на неудачные праздничные визиты, несмотря на сотни безвозвратно испорченныхъ шляпъ и шляпокъ, несмотря даже на мигрени и ревматизмы, пріобрѣтенные во время странствованія по улицамъ съ визитными карточками, большинство довольно новымъ годомъ. Лавки на рождественскомъ рынкѣ уже сломаны, самыя упрямыя изъ числа ихъ держались только до 10 января, праздничная обстановка совершенно исчезла и, слѣдовательно, теперь можно вполнѣ довѣрять отзывамъ берлинцевъ о томъ, въ какой мѣрѣ пріятно или полезно провели они все это суетливое время. Вообще торговыя дѣла тамъ шли лучше, чѣмъ можно было ожидать отъ настоящихъ военныхъ обстоятельствъ, а также постояннаго ненастья. Дѣйствительно, по замѣчанію берлинскихъ старожиловъ, самыя умѣренныя зимы, бывшія съ 1821 на 1822 и съ 1833 на 1834 годъ, далеко не могутъ идти въ сравненіе съ нынѣшнею зимою, когда термометръ не опускается ниже полутора градуса мороза, а иногда возвышается отъ трехъ до осьми градусовъ тепла. Дождь льетъ съ такимъ необычайнымъ упрямствомъ, что рѣки едва удерживаются въ берегахъ, поля совершенно оттаяли и земледѣльцы начинаютъ опасаться за озимой хлѣбъ. Если, что весьма легко можетъ случиться, послѣ подобной зимы придетъ поздняя весна, то жатва въ Пруссіи, того и гляди, будетъ самая незавидная. Въ особенности извѣстія очень печальны съ береговъ Одера и изъ Силезіи, гдѣ вода возвысилась до того, что выступаетъ изъ земли и прорываетъ плотины. При такомъ положеніи, нѣсколько недѣль умѣреннаго мороза показались бы для края истиннымъ благодѣяніемъ природы. Все это, по видимому, не должно бы было настроивать берлинцевъ къ оптимизму; но они довольны праздниками и новымъ годомъ — тѣмъ лучше....

Парижъ также приободрился къ новому году и несмотря на холеру, которую парижане только что проводили, несмотря на дороговизну жизни, отъ которой они кажется не скоро и избавятся, несмотря на войну, которая не очень ихъ утѣшаетъ, они начинаютъ по немногу веселиться.

День новаго года былъ счастливымъ днемъ для парижскихъ лавокъ. Время стояло довольно благопріятное для прогулокъ пѣшкомъ и потому по бульварамъ и торговымъ улицамъ тѣснились толпы людей, стремившихся опустошить свои кошельки и покупать обновы,— большею частію скрѣпя сердце и побранивая изъ подтишка обычай подарковъ.

Въ первые годы, слѣдовавшіе за переворотомъ 1848 года, праздничные подарки производились безъ участія ювелировъ и модистокъ; они исключительно набирались въ кондитерскихъ. Фольга и золоченая бумага шли тогда вмѣсто драгоцѣнныхъ каменьевъ и золотыхъ оправъ, а шоколадъ и мармелады замѣняли всѣ мраморныя, бронзовыя, эмалевыя, перламутровыя и фарфоровыя бездѣлушки, которыя покрываютъ этажерки дамскихъ будуаровъ.

Нынче опять цѣнные подарки сдѣлались неизбѣжною потребностію, и къ восхищенію торговцевъ и къ ужасу бережливыхъ людей, простыя куклы, сметанныя и склеенныя на живую руку, продавались и покупались къ празднику по тысячѣ франковъ. И всѣ эти крайности, всѣ эти безразсудства дѣлаются не изъ личнаго желанія угодить, не изъ убѣжденія, что подарокъ утѣшитъ, понравится,—все это большею частію имѣетъ началомъ тщеславіе, суетное желаніе блеснуть, хотя бы передъ ребенкомъ, который хорошенько не сознаетъ даже достоинствъ получаемой имъ игрушки. Не во сто ли разъ лучше — тому, у кого есть лишнія деньги, или кто, какъ знакомый нашимъ читателямъ индѣйскій набобъ, пріѣхавшій въ Парижъ, не знаетъ куда упрятать свои милліоны, не лучше ли подѣлиться своимъ избыткомъ, напримѣръ, хоть такъ, какъ поступилъ недавно одинъ иностранецъ, въ отношеніи къ бѣдному скульптору?

Художникъ, готовясь сдѣлать группу нимфъ, во вкусѣ Клодіона, но не имѣя средствъ, чтобы высѣчь ее изъ мрамора или отлить изъ бронзы, хотѣлъ сдѣлать ее изъ алебастра и подвести подъ мраморъ. Таинственный покровитель скульптора, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же вошелъ въ заговоръ съ однимъ литейнымъ мастеромъ, который и взялся изготовить группу въ шесть недѣль изъ античной бронзы. Разумѣется, группа вышла превосходная, и теперь надо опасаться только того, чтобы отъ частыхъ возпроизведеній и повтореній грошовыми артистами, она не опошлилась и не исказилась.

Или вотъ еще примѣръ изящной и изысканной щедрости.

У одного поэта была картина Діаза, картина, которая составляла почти все его имущество и которую онъ постоянно держалъ передъ собою, предаваясь вдохновеннымъ мечтаніямъ.

Въ концѣ 1854 года поэту нужно было расплатиться съ долгами, которые не терпѣли никакого отлагательства. Онъ идетъ къ купцу, получаетъ съ него за картину тысячу франковъ; потомъ отправляется уплачивать долги и сбирается поставить все вверхъ дномъ въ своемъ кабинетѣ, чтобы не замѣчать той пустоты, которая оставлена тамъ отсутствіемъ картины. Онъ возвращается домой съ опустошеннымъ кошелькомъ и, къ удивленію, находитъ картину на прежнемъ мѣстѣ.

На распросы его, человѣкъ отвѣчалъ, что картина принесена въ тотъ же день, и что полагая, что она прислана самимъ поэтомъ, онъ повѣсилъ ее туда же, гдѣ она висѣла въ продолженіи шести лѣтъ. Отъ купца, взявшаго-было картину, поэтъ узналъ, что какой-то по-

жилой господинъ, покупавшій у него наканунѣ акварельный альбомъ, удивился, увидавъ эту картину въ лавкѣ и купилъ ее. Все прочее осталось втайнѣ.

Академія, или, лучше сказать, академическія кресла все еще занимаютъ парижанъ. Кажется уже рѣшено, что Понсаръ заступитъ мѣсто Ансло, а герцогъ Брольи—мѣсто графа Сентъ-Омера. За кресло Бауръ-Лормана будетъ, говорятъ, жаркій споръ. Всѣ кандидаты, которымъ не удадутся попытки занять первыя два мѣста, будутъ домогаться этого третьяго мѣстя. Между ними есть много людей совершенно ничтожныхъ, но есть и такіе, которые, если не теперь, то со временемъ займутъ академическія кресла: таковы, напримѣръ, Эмиль Ожье и Жюль Сандо.

Въ такомъ обширномъ городѣ какъ Парижъ, населенномъ людьми, чрезвычайно склонными къ утонченности, всякій толчекъ въ экономической жизни ведетъ за собою непремѣнно цѣлый рядъ спекуляцій. Такимъ образомъ, вызовы на общую національную подписку займа сдѣлалось источникомъ очень прибыльныхъ оборотовъ. Находятся скупщики и перекупщики этого займа, которые нарочно подраздѣляютъ свои подписки на суммы не болѣе пятисотъ франковъ. Возвышеніе фондовъ и надежды на миръ подняли курсъ выпущенныхъ для займа денегъ; вызовы платежей получаютъ премію отъ 150 до 200 франковъ, тогда какъ противъ убытка капиталисты въ этомъ случаѣ обезпечены. Всякій, кто только можетъ располагать деньгами, старается подписаться какъ можно на бóльшую сумму и дѣлитъ ее между пріятелями, подчиненными и даже нарочно нанятыми для этого людьми, которые всѣ подписываются въ кассахъ. Полученныя квитанціи перепродаются на биржѣ и, на другой день, на эти деньги дѣлается новая подписка. Подписка производится въ министерствѣ финансовъ и въ мэріяхъ. Чтобы избѣжать тѣсноты и замѣшательства, по утрамъ раздаются особыя контрамарки, съ означеніемъ нумеровъ; съ этими контрамарками должно идти къ столу, гдѣ производится подписка, дожидаться тамъ пока полученный нумеръ будетъ произнесенъ и тогда отдать деньги и получить квитанцію. Безъ контромарокъ къ подпискѣ никто не допускается. Ихъ число какъ въ главной кассѣ, такъ и въ мэріяхъ ограничено и потому за полученіемъ ихъ съ утра являются густыя толпы народа. Есть люди, которые проводятъ чуть не цѣлыя ночи у дверей мѣстъ, гдѣ производится раздача контромарокъ, которыя также въ свою очередь сдѣлались предметомъ торговли. Люди, успѣвающіе набирать такихъ контрмарокъ съ ранняго утра, выручаютъ на нихъ отъ десяти до пятнадцати франковъ, а по мѣрѣ приближенія къ окончанію срока подписки, за эти карточки платили отъ пятидесяти до ста франковъ. Впрочемъ, спекуляція принимаетъ теперь другое направленіе. Тѣ, которые въ концѣ мѣсяца вызвались продать свое право подписки, должны были выполнить свое прежнее обязательство платежа, тогда какъ вновь деньги къ нимъ еще не поступали; отсюда происходитъ съ одной

стороны необходимость требовать обратной продажи переданнаго права и желаніе запастись новыми суммами, а съ другой, продажа съ обязательствомъ непремѣннаго платежа въ срединѣ февраля мѣсяца. Многіе отправились въ провинцію, съ цѣлію подписки, ожидая, что тамъ не будетъ такого стеченія народа и такой конкурренціи. Всѣ эти извороты имѣли однако слѣдствіемъ, что въ народѣ начинаетъ появляться недовѣріе къ самому предпріятію и потому курсъ этой подписки упалъ.

Въ Парижѣ вообще веселостей немного, балы, какіе и даются, носятъ отпечатокъ оффиціальный; впрочемъ, любимыя предпріятія императора французовъ, перестройки и всемірная выставка, продолжаютъ занимать его вниманіе. Еще недавно Луи-Наполеонъ подтверждалъ, что выставка непремѣнно должна быть открыта въ маѣ мѣсяцѣ, а постройки и перестройки производятся съ такимъ неистовствомъ, что обыкновенные каменотесы получаютъ теперь по девяти франковъ въ день задѣльной платы — цѣна неслыханная до сихъ поръ.

Ко времени выставки намѣрена прибыть въ Парижъ между прочимъ королева Помаре, которая писала о томъ одному бордосскому негоціанту. Французы утѣшаются тѣмъ, что королева вмѣстѣ съ императоромъ Сулукомъ, если бы и ему вздумалось посѣтить столицу Франціи, доставили бы неистощимый запасъ для дѣятельности Кама и *Шаривари*.

На сценѣ Водевиля играютъ теперь аристофаническую комедію «Парижане» (les Parisiens), которая произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Критика, единогласно признавая блестящій умъ, который просвѣчиваетъ въ завязкѣ этой пьесы, разнится однако въ сужденіяхъ о достоинствахъ самой комедіи. За и противъ этой пьесы писалось много остроумныхъ фельетоновъ, но всѣ они доказали только, что можно находить слабыя стороны и въ г. Т. Барріерѣ. Однако, эти споры и возгласы возвысили нѣкоторымъ образомъ интересъ произведенія и придали ему болѣе вѣса. Какъ ни заслуживаетъ, можетъ быть, упрека пьеса сама по себѣ, въ своей основѣ, но у нея такая блестящая форма, она такъ любопытна, забавна и привлекательна, что теперь въ Парижѣ нельзя слыть порядочнымъ человѣкомъ «Парижанъ» не видавши.

Прежде появленія этой пьесы на сценѣ, многіе ожидали увидать тутъ знакомыхъ публикѣ *камелій*. Однако строгіе и серьёзные умы скоро успокоились и прослушавъ комедію, отдали ей полную справедливость.

На оперной сценѣ, въ роли Лучіи, дебютировала испанка, сеньора Англесъ Фортуньи. У нея, говорятъ, хорошенькое личико, хорошенькій голосокъ, прекрасная метода, великолѣпные волосы, и ей платятъ великолѣпнѣйшее жалованье: около пятидесяти тысячь франковъ.

Въ Парижѣ поставленъ новый балетъ «Фонти». Эта Фонти — привлекательная итальянская танцовщица, преслѣдуемая дюжиною обожателей, въ числѣ которыхъ есть маркизы, графы и вообще очень

милыя кавалеры. Дѣйствіе начинается во Флоренціи и оканчивается въ Римѣ.

Главный поклонникъ Фонти—молодой человѣкъ, знатной фамиліи, который намѣренъ жениться на герцогинѣ. Отецъ влюбленнаго, боясь, чтобы вмѣшательство пируэтовъ и антраша въ его планы не потрясло будущее семейное счастіе юнаго жениха, похищаетъ танцовщицу и запираетъ ее въ какой-то тосканскій замокъ. Находится однако благодѣтель, который освобождаетъ несчастную, и въ то время какъ всѣ думаютъ, что она лежитъ на соломѣ въ душной тюрьмѣ, она является въ Римъ, съ тѣмъ, чтобы помѣшать своей соперницѣ подписать контрактъ. Слѣдуетъ трогательная сцена и картина сильныхъ ощущеній. Но взаключеніе танцовщица все-таки приносится въ жертву холоднымъ разсчетамъ отца; потому она сходитъ съ ума и послѣ многихъ неистовствъ, заставляющихъ ее танцовать до эпилептическихъ припадковъ, она изнемогаетъ, падаетъ, а вслѣдъ за нею опускается и занавѣсъ.

Въ этомъ балетѣ, по отзывамъ журналовъ, много блеску, занимательности и комизма. Картина темницы, гдѣ маркизъ старается обольстить Фонти, и вмѣсто ея самой, обнимаетъ ея освободителя, очень забавна и полна остроумныхъ подробностей. Розати имѣла въ этой пьесѣ самый полный успѣхъ. Публика начинаетъ увѣрять, что еще не видала такой очаровательной танцовщицы, какъ это случается со всякой героиней пируэтовъ, которой случается заслужить лестное вниманіе зрителей. Въ самомъ дѣлѣ, Розати, говорятъ, мила до безконечности и удивительно умѣетъ соединять правильность и отчетливость съ мягкостію и округленностію движеній (morbidezza). У нея нѣтъ, правда, такихъ хорошенькихъ ножекъ какъ у Черрито, она не обладаетъ бюстомъ Карлотты; но она нравится, и чего же болѣе желать и ей и публикѣ?

Музыка балета (Лабарра) оживлена и мелодична на столько, на сколько нужно этихъ достоинствъ, чтобы не развлекать слуха, когда зрѣніе слишкомъ заинтересовано насчетъ другихъ чувствъ.

Этотъ балетъ, вмѣстѣ съ «Сицилійскими Вечернями», поставленными синьоромъ Верди — составляетъ наслѣдство, переданное г. Рокпланомъ г. Кронье, который еще не успѣлъ показать свою изобрѣтательность и распорядительность въ постановкѣ новыхъ оперъ и балетовъ.

Бывшій директоръ присутствовалъ при представленіи, сидя въ сталлѣ. Всякій разъ, когда раздавались рукоплесканія, взоры публики устремлялись на Рокплана, устремлялись не безъ сожалѣнія, какъ на истиннаго корифея оперной залы.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ, г-жа Розина Штольцъ играла въ «Фаворитѣ», своей любимой оперѣ. Сценическіе успѣхи примадонны въ разныхъ краяхъ Европы уже доставили ей самую завидную, солидную репутацію; жизнь въ Парижѣ ей приходится по сердцу, и потому меломаны, пользуясь симпатическою привязанностію пѣвицы

къ Парижу, желаютъ удержать ее у себя подольше, тѣмъ болѣе, что оперному репертуару нельзя отвѣчать за свою прочность, при тѣхъ своенравныхъ выходкахъ, которыми Крувелли отличалась въ послѣднее время.

Другое пріобрѣтеніе, котораго желаютъ парижскіе театралы — это заключеніе контракта съ г-жей Босіо При исполненіи страстныхъ ролей г-жами Штольцъ и Крувелли и легкихъ г-жею Босіо, парижской оперѣ не остается желать ничего болѣе въ отношеніи состава женской половины труппы. Г-жа Босіо, кромѣ истиннаго, замѣчательнаго таланта, кромѣ врожденной прелести ея особы, отличается, по общему мнѣнію, благоразуміемъ, постоянствомъ и всѣми житейскими добродѣтелями, которыя для дирекціи такъ же важны, какъ и сценическія достоинства.

Г-жа Штольцъ скоро выйдетъ на сцену, въ роли Фидесъ, которая пріобрѣла ей самые лестные отзывы заграницей. Туринъ въ особенности восторгался, слушая пѣвицу въ этой прекрасной и трудной роли. Одинъ итальянскій поэтъ, Евгеній Канни, теперешній профессоръ лирической декламаціи въ Парижѣ, сочинилъ даже на репертуаръ г-жи Штольцъ родъ поэтическаго вѣнка, въ самыхъ звучныхъ стихахъ.

«Собака Садовника», новая опера, игранная въ Парижѣ, очень понравилась. Слова для нея написаны гг. Локруа и Сорманомъ, музыка г. Гризаромъ. Изъ пѣвцовъ и пѣвицъ здѣсь участвовали Форъ, Поншаръ, Лефебвръ и Лемерсье, и содѣйствовали много успѣху этого граціознаго и талантливаго творенія, поставленнаго г. Перреномъ, директоромъ Комической оперы, съ большимъ искусствомъ.

16 января былъ балъ у министра народнаго просвѣщенія. Это былъ балъ, по преимуществу, академическій, университетскій и литературный. Въ залахъ министерскаго отеля собралось такое множество знаменитыхъ именъ, тамъ составилась такая богатая и полная коллекція, изъ всѣхъ представителей ученой и литературной дѣятельности, что, случись въ домѣ въ это время пожаръ, — и Франція рисковала бы остаться безъ головы, или по крайней мѣрѣ вынести мучительную операцію трепана.

Г-жа Фортуль, съ полнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ, протягивала здѣсь ручку всѣмъ академическимъ, университетскимъ и литературнымъ рукамъ, непривыкшимъ къ такому нѣжному *shake-hands*, несмотря на тѣсный союзъ съ Англіей. Впрочемъ, не однѣ отвлеченности, не одно глубокомысліе украшали этотъ балъ: тутъ было много хорошенькихъ, хотя и не очень ученыхъ дамъ, много ловкихъ, хотя не вполнѣ краснорѣчивыхъ и основательныхъ въ сужденіяхъ кавалеровъ, и разговоръ имѣлъ предметомъ многое и внѣ сферы греческихъ корней и интегральныхъ исчисленій.

Послѣ перваго представленія «Царицы», докторъ Веронъ сдѣлалъ обѣдъ для Рашели и Скриба, героевъ этой пьесы, еще полныхъ вос-

торга отъ успѣха, пріобрѣтеннаго ею на сценѣ. За столомъ сидѣли, между прочимъ, Галеви, Оберъ; время прошло шумно и весело....

Въ Парижѣ основанъ, подъ вліяніемъ іезуитовъ, новый религіозный журналъ «Знамя Католицизма» (L'Etendart catholique), который выходитъ по воскресеньямъ.

Появленіе этого журнала возбуждаетъ уже нападки «L'Univers» и нѣкоторыхъ другихъ листковъ подобнаго же рода. Издатель «Etendart» не духовная особа, а какой-то средней руки литераторъ Шарль-Марша, авторъ памфлета, подъ заглавіемъ: «Орлеанская Фамилія». Издавая эту книжонку въ 1845 году, онъ обнаружилъ республиканскія идеи, за что, по требованію генералъ-прокурора Геберта, посаженъ былъ на пять лѣтъ въ тюрьму въ Дулленсъ. Освободясь изъ темницы 24 февраля, онъ былъ однимъ изъ органовъ временнаго правительства, но такъ какъ мемуары Коссидьера вывели его во многомъ на свѣжую воду, то онъ отправился къ іезуитамъ, и сдѣлался теперь жаркимъ поборникомъ ихъ идей.

Изъ книгъ, появившихся во Франціи, журналы хвалятъ «Путешествіе г. Сентъ-Амана въ Калифорнію и Орегонъ». Книга эта, говорятъ, въ состояніи изъ самаго неподвижнаго и лѣниваго человѣка сдѣлать записнаго искателя приключеній. Вы здѣсь найдете всевозможные достоинства, слѣды самаго яркаго остроумія, доказательства самаго завиднаго мужества—не замѣтно только одного, чуть ли не самаго главнаго — не замѣтно, чтобы авторъ, видѣвшій груды золота въ Америкѣ, привезъ оттуда хотя маленькую щепотку золотоноснаго песку. Г. Сентъ-Аманъ описываетъ Санъ Франциско и самыя розсыпи съ такими роскошными подробностями, съ такимъ знаніемъ дѣла, что книга его будетъ истиннымъ руководителемъ для искателей золота. Невозможно лучше описать пройденную имъ дорогу, нельзя лучше разцѣнить средства и виды въ будущемъ каждой отдѣльной мѣстности, нельзя лучше опредѣлить тѣ выгоды, которыхъ французская торговля можетъ искать въ этомъ Эльдорадо, такъ скоро и неожиданно населенномъ пришлецами со всѣхъ концовъ свѣта. Г. Сентъ-Аманъ представляетъ намъ инвентарное описаніе края, описаніе преисполненное фактовъ и изложенное съ полною непринужденностью даровитаго разскащика. Если у васъ есть капиталы, которые вы желали бы пустить въ оборотъ, изучайте сначала книгу г. Сентъ-Амана, чтобы получить желаемыя выгоды; если же вы человѣкъ безкорыстный и непритязательный, то все-таки читайте это сочиненіе, въ которомъ вы найдете разсказы объ охотахъ, наблюденія по части естественной исторія, описаніе встрѣчь съ дикими и съ мармонами.

Еще однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ литературѣ должно назвать скорое появленіе «Мемуаровъ» Ламартина, для которыхъ «Признанія» его служили какъ бы предисловіемъ. Одинъ изъ вновь возникающихъ еженедѣльныхъ журналовъ просилъ у Ламартина это произведеніе и предлагалъ за два тома по 30,000 фр. или за цѣлое

сочиненіе 60,000 фр. Ламартинъ, однакожь, отказался, потому что все сочиненіе это должно заключаться не менѣе какъ въ шести томахъ. Авторъ намѣренъ приложить къ первому тому переписку замѣчательнѣйшихъ лицъ изъ своей фамиліи, и именно переписку своего отца, который былъ тѣлохранителемъ Людовика XVI. Теперь еще неизвѣстно, въ какой формѣ появятся «Мемуары» Ламартина; но извѣстно уже то, что они въ печати.

Въ послѣднее время прусскій дворъ выразилъ желаніе собрать полную переписку Фридриха Великаго, и потому присланы были и во Францію приглашенія сообщить автографы покойнаго короля. Баронъ Фёлье де Коншъ доставилъ цѣлую связку собственноручныхъ писемъ Фридриха Великаго, изъ которыхъ нѣкоторыя очень интересны.

Если во Франціи торговля въ застоѣ, въ апатическомъ состояніи, противъ котораго безсильны и обычай дѣлать подарки въ новый годъ, и колоссальное развитіе каучуковаго производства, то въ Англіи торговля подвергается еще болѣе серьёзному и опасному кризису. Первый признакъ этого кризиса газета «Times» видитъ въ уменьшеніи въ теченіе декабря вывоза товаровъ на сумму 2 милліоновъ фунт. стерл., это уменьшеніе падаетъ преимущественно на ткани. Благосостояніе Англіи, какъ извѣстно, основано на хлопчато-бумажной производительности, на тканьѣ и пряжѣ, равно на каменномъ углѣ и желѣзѣ — желѣзѣ, изъ котораго приготовляются механическія прялки и ткацкіе станы, и углѣ, который приводитъ въ дѣйствіе эти машины. Всякій ущербъ въ производствѣ этого рода есть ущербъ народнаго благосостоянія, или, говоря словами «Times», «ущербъ въ работѣ, задѣльной платѣ, удобствахъ жизни, здоровьи и силахъ милліоновъ людей», которые прежде посвящали себя этимъ главнымъ отраслямъ англійской промышленности. Кризисъ находится еще на первой ступени развитія, и «Times» очень справедливо относитъ причину его не одной лишь войнѣ. Война въ нѣкоторомъ отношеніи была даже полезна; напримѣръ: всѣ корабли, которые привозили на мѣсто сраженія пушечныя ядра, порохъ и солдатъ, безъ войны стали бы развозить хлопчато-бумажныя, льняныя и шелковыя ткани по гаванямъ всего міра и продавать ихъ тамъ по такой низкой цѣнѣ, что австралійскій золотопромышленникъ скупилъ бы ихъ за бездѣлицу и потомъ отправилъ бы въ Англію же, съ тѣмъ, чтобы перепродать потомъ по окончаніи кризиса. Настоящая причина торговаго переворота есть излишество производительности и доведенный до крайности спекулятивный духъ. «Наступитъ день, когда всѣ слишкомъ обширно разсчитывающіе на безконечную гибкость и растяжимость торговаго кредита, подвергнутся бурѣ торговаго кризиса. Конечно война содѣйствовала также обнаруженію кризиса, но только содѣйствовала; потому что недавній опытъ доказалъ намъ, какъ въ самомъ невозмутимомъ мирѣ, по собственной оплошности, мы потеряли несравненно большія суммы, потерпѣли несравненно значительнѣйшія банкрутства, нежели какія могутъ произойдти отъ вліянія самой

кровопролитной и раззорительной войны.» «Times» говоря такимъ образомъ, указываетъ на кризисы 1844 и 1847 годовъ и на торговую несостоятельность въ Ливерпулѣ, которую обыкновенно приписываютъ чрезмѣрно спекулятивнымъ стремленіямъ. Но Times забываетъ, что кризисы Англіи суть неизбѣжное слѣдствіе ея промышленнаго устройства, что они усвоили себѣ такой же періодическій характеръ какъ холера, и что спекуляція въ Англіи неразлучна съ производительностью. При этомъ должно замѣтить, что хлопчато-бумажныя мануфактуры въ Англіи съ каждымъ годомъ вступаютъ въ менѣе и менѣе выгодныя условія. Англія, производящая слишкомъ мало хлѣба, съ каждымъ годомъ должна бояться болѣе и болѣе опаснаго совмѣстничества континентальныхъ націй, которыя всякій годъ обработываютъ болѣе и болѣе бумаги, не сокращая размѣровъ хлѣбной производительности. Цѣны на хлѣбъ условливаютъ и задѣльную плату, а отъ задѣльной платы зависитъ стоимость обработываемыхъ бумажныхъ издѣлій. Англія, гдѣ цѣны на хлѣбъ чрезвычайно высоки, до сихъ поръ нѣкоторымъ образомъ ослабляла это зло усовершенствованіемъ своихъ машинъ, но съ тѣхъ поръ какъ машины введены на всемъ материкѣ Европы, Англія стала терпѣть убытки при вывозѣ бумажныхъ издѣлій; этотъ фактъ можно было замѣтить по уменьшенію ввоза туда необработаннаго бумажнаго хлопка.

Настроенная неудачнымъ оборотомъ торговыхъ дѣлъ, Англія не удовольствовалась тѣмъ, что высказала много горькихъ истинъ своимъ министрамъ на парламентскихъ засѣданіяхъ, не ограничилась оффиціальными надъ ними насмѣшками за военныя, дипломатическія и административныя неудачи въ теченіе минувшаго года, названнаго ею годомъ ошибокъ, промаховъ (mistakes): она преслѣдовала ихъ и въ литературѣ рядомъ сатирическихъ статей, находившихъ громкій отголосокъ въ народѣ.

Чарльзъ Диккенсъ въ своемъ еженедѣльномъ журналѣ представилъ раздраженной націи личность лорда Эбердина въ каррикатурномъ образѣ *Абди-Динъ*, старой сомнамбулистки, которой болтливыя грезы приводятъ въ отчаяніе врачей, собравшихся на консиліумъ вокругъ этой необыкновенной больной.

Въ Сити, одинъ изъ альдерменовъ, сложившій себя въ званіе лорда-мэра, предложилъ своимъ товарищамъ подать королевѣ просьбу объ увольненіи ея перваго министра. Однако новый лордъ-мэръ не далъ хода этой оригинальной просьбѣ. Зато онъ также поплатился передъ общественнымъ мнѣніемъ, поддѣтый на зубокъ Чарльзомъ Диккенсомъ, который влагаетъ ему въ уста слѣдующій монологъ:

«И я позволилъ назвать себя — говоритъ лондонскій лордъ-мэръ, оставшись одинъ въ своемъ кабинетѣ, послѣ городскаго торжества и снявъ съ себя толстую цѣпь, которую лордъ-мэръ носитъ обыкновенно на шеѣ — по примѣру президента королевской Академіи Художествъ и надзирателя извощичьихъ биржъ,—и я позволилъ назвать себя, повторялъ лордъ-мэръ, смотрясь въ зеркало: — позволилъ на-

звать себя шарлатаномъ, плутомъ, выжигой». Таково почти значеніе слова *Humbug*, произнося которое, лордъ-мэръ не можетъ не дрожать отъ стыда и негодованія. Настоящій лордъ-мэръ, мистеръ Мунъ, занимался прежде продажею эстамповъ; онъ считаетъ себя знатокомъ по части изящныхъ искусствъ; любитъ играть роль мецената, покровительствуетъ художникамъ и разсуждая съ ними, величественно расправляетъ свой миніатюрный станъ. Конечно, читая сатиру Диккенса, онъ чувствовалъ себя менѣе въ своей тарелкѣ, нежели сидя за тарелкою черепаховаго супа или блюдомъ устрицъ.

Но не одни остроты надъ живыми представителями общественной дѣятельности занимали Англію предъ наступленіемъ новаго года, — ей приходилось оплакивать много славныхъ именъ, разставаться съ людьми истинно полезными въ той или другой сферѣ.

Кромѣ траура, надѣтаго англійскими семействами, по случаю значительной убыли людей въ восточной арміи, конецъ истекшаго года сдѣлалъ довольно ощутительное опустошеніе въ рядахъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей.

Сэръ Вальтеръ-Скоттъ часто повторялъ изустно и письменно: «Я никогда не посовѣтую моимъ дѣтямъ сдѣлаться литераторами». Сыновья его были дѣйствительно воспитаны подъ вліяніемъ этой идеи; за всѣмъ тѣмъ великій романистъ удостоилъ отдать руку своей дочери Джону Джибсону Локкгарту, который недавно умеръ, только-что оставивъ управленіе дѣлами журнала «Quarterly Review», съ тѣмъ, чтобы путешествіемъ и отдохновеніемъ сколько нибудь поправить свое сильно разстроенное здоровье. Локкгартъ умеръ апоплексическимъ ударомъ въ томъ поэтическомъ Абботсфорскомъ замкѣ, котораго единственною наслѣдницею остается его дочь, такъ какъ онъ, подобно тестю своему, Вальтеръ-Скотту, лишился всѣхъ дѣтей мужескаго пола и между прочимъ того любимаго *внука*, къ которому были писаны письма объ исторіи Шотландіи.

«Эдинбургское Обозрѣніе» было для Шотландіи оракуломъ въ области политики и литературы. Группируясь вокругъ этого органа, виги преобладали надъ общественнымъ мнѣніемъ и часто оспоривали вліяніе при дворѣ даже у аристократовъ партіи тори. Вліяніе этого *Обозрѣнія — вига* распространялось даже на Англію, гдѣ «Quarterly Review» своимъ противодѣйствіемъ доставило своему сопернику только новый запасъ жизни и дѣятельности. Вальтеръ-Скоттъ былъ нѣкогда однимъ изъ участниковъ въ редакціи «Эдинбургскаго Обозрѣнія»; но его личныя наклонности и семейныя отношенія заставили его скоро перейдти на сторону противной партіи, тѣмъ болѣе, что, даже въ смыслѣ чисто литературномъ, онъ находилъ причину жаловаться на *вѣроломную* правдивость своихъ сотрудниковъ. Вальтеръ-Скоттъ, при всемъ свойственномъ ему добродушіи и снисходительности, находилъ однако, что Джеффри и его безъименные сотрудники произносили иногда свои сужденія съ слишкомъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, выражаясь такъ, какъ будто критика ихъ пользовалась

совершенною свободою отъ возраженій и аппелляціи. Вальтеръ Скоттъ очень обрадовался, когда въ Эдинбургѣ же появился «Магазинъ», который съ первыхъ выпусковъ сдѣлался неумолимою карою для этого высокомѣрнаго судилища литературы, — возражалъ противъ его доводовъ, уничтожалъ его сужденія и подрывалъ основанія его серьёзной полемики ироническими выходками, которыя всегда находятъ свободный доступъ къ читателямъ. «Blakwood's Magasine» скоро пріобрѣлъ себѣ публику тѣмъ болѣе многочисленную, что онъ нападалъ даже на личности, сражался съ сотрудниками Джеффри, ихъ приверженцами и тѣми блаженными дотолѣ писателями, которые, подъ покровительствомъ сильнаго журнала, считали себя огражденными отъ всякихъ оскорбленій. Впрочемъ таинственность, облекавшая имена главныхъ редакторовъ «Блаквудовъ» разсѣялась, и свѣтъ узналъ, что они назывались Джонъ Вильсонъ, Гоггъ и Локкгартъ.

Послѣдній родился въ Глазго, былъ назначенъ для званія адвоката, но скоро предался литературному призванію. Молодой Локкгартъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ Глазгоскаго университета и вмѣстѣ питомецъ Оксфордскаго университета, ѣздилъ въ Германію для усовершенствованія себя въ разныхъ отрасляхъ вѣдѣнія, и возвратился, обогащенный познаніями языковъ нѣмецкаго, испанскаго, французскаго, итальянскаго, и проч. и проч. Вальтеръ-Скоттъ просилъ Гогга представить себѣ молодого ученаго, принялъ его очень радушно и отрекомендовалъ лорду Мельвиллю, покровителю всѣхъ тори въ министерствѣ. Но лордъ Мельвилль считалъ съ своей стороны большимъ одолженіемъ въ пользу «Блаквудскаго Магазина» и то, что выпросилъ для Джона Вильсона профессорскую каѳедру. Такимъ образомъ Вальтеръ-Скоттъ рѣшился самъ заняться судьбою Локкгарта и выдалъ за него свою старшую дочь Софію. Мисс Софія безъ возраженій согласилась на выборъ отца; молодой Локкгартъ обладалъ всѣмъ, что нравится женщинамъ: у него была благородная и одушевленная физіономія, изящныя манеры и мужество, готовое взяться за шпагу или пистолетъ, чтобы защищать приговоры пера. Соименникъ великаго романиста, докторъ Скоттъ, вызвавъ на дуэль критика своего творенія, остался на мѣстѣ; прочіе авторы удовольствовались менѣе рѣзкими объясненіями. Въ этомъ отношеніи Локкгартъ считался болѣе опаснымъ соперникомъ, чѣмъ Джеффри. Впрочемъ репутація дуэлиста, пріобрѣтенная въ самой ранней молодости, потомъ нѣсколько стѣсняла Локкгарта, при посѣщеніи имъ эдинбургскаго общества, и потому онъ съ удовольствіамъ принялъ предложеніе мистера Мюррея пріѣхать въ Лондонъ и заступить мѣсто Джиффорда въ редакціи «Quarterly Review». За это онъ получалъ 1,000 фунт. стерл. (6,500 руб. сер.), не считая платы за его собственныя статьи и кредита, которымъ пользовался этотъ сильный органъ партіи тори. Разумѣется, что этимъ кредитомъ Локкгартъ пользовался какъ лично для себя, такъ и для своихъ сотрудниковъ, и сэръ Робертъ Пиль доставилъ ему доходъ отъ должности аудитора графства

Лэнкстерскаго, приносившей 400 фунт. Локкгартъ былъ именно таким директоромъ, какой былъ нуженъ для «Quarterly Review». Онъ былъ убѣжденъ, что этотъ органъ извѣстной партіи долженъ быть исключительнымъ въ дѣлѣ политики, и если не пристрастенъ, то вполнѣ строгъ къ писателямъ, которые дѣйствовали не подъ знаменами партіи тори. Впрочемъ Локкгартъ, одаренный самымъ тонкимъ умомъ и полный сочувствія къ благороднымъ и добросовѣстнымъ трудамъ, съ удовольствіемъ искалъ случаевъ выказать свое великодушіе, отдавая должную справедливость серьёзному и талантливому произведенію. Онъ неумолимо преслѣдовалъ только тѣхъ, которые осмѣливались поднять руку на репутацію его тестя. Онъ сдѣлался поборникомъ славы Вальтеръ-Скотта. По смерти великаго романиста, сдѣлавшись наслѣдникомъ его литературныхъ правъ, онъ издалъ его біографію, можетъ быть нѣсколько растянутую, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнную по множеству подробностей и отдѣльныхъ чертъ, гдѣ владѣлецъ Абботсфорда точно оживаетъ передъ глазами читателя и является со всѣми превосходными качествами личнаго характера, точно такъ же, какъ и со всѣми сокровенными пружинами своего генія. Локкгартъ издалъ подъ своимъ именемъ только это сочиненіе, біографію Роберта Бёрнза и *баллады*, подражаніе *romancero*. По чувству скромности, онъ полагалъ, что истинныя права его на литературную извѣстность заключаются въ томъ лишь, что онъ былъ *зятемъ Вальтеръ-Скотта*, повѣреннымъ его идей, поборникомъ и адвокатомъ его славы. Его «Письма» объ эдинбургскомъ обществѣ представляютъ однако рядъ остроумныхъ сплетенъ; «Валерій», картина Рима полу-языческаго и полу-христіанскаго, можетъ быть съ достоинствомъ поставлена на ряду съ «Мучениками» Шатобріана; его «Реджинальдъ Дальтонъ» представляетъ живое изображеніе университетскихъ нравовъ, его «Адамъ Блэръ» есть въ своемъ родѣ «Векфильдскій Священникъ» съ пресбитеріанскимъ оттѣнкомъ; наконецъ самыя статьи, которыя онъ помѣщалъ въ «Обозрѣніи», могли бы выдержать сравненіе съ твореніями Макоулея. Въ свѣтѣ Локкгартъ какъ будто вознаграждалъ себя за исключительный тонъ своей *оффиціальной* критики. Живши въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Вальтеръ-Скоттомъ, большимъ говоруномъ и неистощимымъ разсказчикомъ, которому всякій съ удовольствіемъ предоставлялъ полное, исключительное право вести разговоръ, аристархъ «Обозрѣнія», по привычкѣ, любилъ болѣе слушать, нежели говорить. Онъ ободрялъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорящаго своимъ умнымъ, сознательнымъ взглядомъ. Но иногда онъ не могъ противостоять требованіямъ анализирующаго разсудка и тонкаго, взыскательнаго вкуса, — и тогда одна фраза, одно слово, произнесенное имъ, освѣщали предметъ разсужденія; форма этой фразы и удачный выборъ словъ, глубина его значенія утверждали его авторитетъ. Но по какому-то странному капризу судьбы, въ послѣдніе годы своей жизни Локкгартъ видѣлъ только развалины собственнаго благополучія; минувшее представлялось ему сномъ, за которымъ слѣдовало самое безотрадное

пробужденіе. Когда онъ умеръ, ему было едва шестьдесятъ лѣтъ, но въ то время не оставалось вокругъ него никого изъ людей, на которыхъ сосредоточивались и его честолюбивые виды и его привязанность. Единственная его наслѣдница, которая также наслѣдница Вальтеръ-Скотта, — вторая дочь его, Мистриссъ Гопъ, вышедшая замужъ въ то время, когда между ею и правомъ на владѣніе Абботсфордомъ стояли сынъ Вальтеръ-Скотта, сестра и два брата. Теперь, не только нѣтъ уже ни двоихъ сыновей Вальтеръ-Скотта, ни его двухъ дочерей, но даже нѣтъ и сыновей зятя, которому онъ хотѣлъ предоставить свое имя и свой замокъ. Едва избѣгувъ рукъ кредиторовъ, этотъ замокъ, которымъ Скоттъ гордился неменѣе чѣмъ своей «Дѣвой Озера» или «Ивангое», того и гляди, что перейдетъ во владѣніе людей, неспособныхъ оцѣнить этотъ монументъ славы романиста, этотъ мавзолей, оставившій отъ имени поэта несравненно болѣе чѣмъ низкій сводъ Дрейбургскаго Аббатства, гдѣ гробъ Локкгарта поставленъ возлѣ гроба Вальтеръ-Скотта ...

Чувствуя совершенное разстройство здоровья, чувствуя въ особенности свое одиночество, Локкгартъ, назадъ тому полтора года, отправился провести зиму въ Римъ — подобно тому, какъ Скоттъ хотѣлъ пригрѣть свою старость неаполитанскимъ солнцемъ; но онъ едва возвратился въ Абботсфордъ, какъ умеръ тамъ въ послѣднихъ числахъ ноября.

Другой представитель журнальной дѣятельности, окончившій свое земное поприще назадъ тому три мѣсяца, былъ Фред. Гюнтъ, главный редакторъ «Daily News», котораго онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ учредителей — предпріятіе громадное, возбудившее зависть въ самомъ Times. Мистеръ Гюнтъ былъ однимъ изъ тѣхъ неутомимыхъ тружениковъ, которые успѣваютъ работать въ пяти или шести разнообразныхъ сферахъ дѣятельности. Будучи лишь шестнадцати лѣтъ отъ роду и изучая медицину, онъ основывалъ уже «Медицинскій Times», и отъ барышей, доставляемыхъ этимъ журналомъ пріобрѣлъ средство получить званіе хирурга; впослѣдствіи онъ содѣйствовалъ возникновенію лондонской «Иллюстраціи» и «Иллюстрированнаго Times.»

Въ 1846 году, Чарльзъ Диккенсъ принялъ его въ сотрудники по Daily News, и тамъ, гдѣ Чарльзъ Диккенсъ упалъ духомъ, Гюнтъ оставался въ полной надеждѣ на успѣхъ. Главное завѣдываніе этимъ журналомъ лежало на немъ; но оно было такъ далеко отъ того, чтобы совершенно поглотить его дѣятельность, что Англія ему обязана «Исторіей четвертаго сословія» — два очень интересные тома, представляющіе исторію періодической литературы. Гюнту было лишь сорокъ лѣтъ; онъ не отличался особенно крѣпкимъ здоровьемъ и можно съ вѣроятностію предположить, что усиленные труды значительно сократили его жизнь.

Въ день смерти Гюнта, ученая литература также понесла чувствительную потерю; профессоръ Эдвардъ Форбесъ умеръ 18 ноября въ

Эдинбургѣ, куда онъ единодушно былъ призванъ для того, чтобы занять послѣ профессора Джэмсона каѳедру естественной исторіи. Это въ самомъ дѣлѣ важная потеря, потому что Форбесу было только сорокъ лѣтъ; и до тѣхъ поръ онъ приготовлялся лишь, по собственному отзыву, къ болѣе серьёзной дѣятельности. Родившись съ особенною склонностію къ геологіи, зоологіи, ботаникѣ и всѣмъ наукамъ извѣстнымъ подъ общимъ названіемъ естественной исторіи, Эдвардъ Форбесъ, уже двѣнадцати лѣтъ собиралъ растенія, по примѣру докторовъ Грагема и Джемсона, составлялъ гербаріи, коллекціи минераловъ, писалъ для нихъ систематическіе каталоги, и съ увлеченіемъ читалъ и перечитывалъ творенія Букланда, Паркинсона и Конибира. Восемнадцати лѣтъ, онъ отправился въ Норвегію и, въ сообществѣ одного лишь провожатаго, пѣшкомъ, наслѣдовалъ ледники, нося за спиною котомку и жестяной ящикъ, отбивалъ куски отъ скалъ, собиралъ растенія и насѣкомыхъ. Восемь лѣтъ спустя, онъ, въ званіи натуралиста, былъ прикомандированъ къ экспедиціи Бивона съ которою посѣтилъ Малую Азію. По возвращеніи, онъ преподавалъ ботанику въ лондонскомъ университетѣ, потомъ сдѣлался предсѣдателемъ геологическаго общества. Его сочиненія и изустныя лекціи давно уже предоставили ему право на эдинбургскую каѳедру, которую онъ считалъ предѣломъ своимъ честолюбивымъ видамъ. Никто не сомнѣвался въ его искренности и средствахъ, когда онъ объявлялъ своимъ друзьямъ, что намѣренъ расширить кругъ изустнаго преподаванія, и въ то же время издать обширное сочиненіе съ цѣлію вдвойнѣ оправдать довѣріе перваго шотландскаго университета. И въ самомъ дѣлѣ, онъ оставилъ записки, монографіи и отдѣльныя статьи, доказывающія, что ему нужно лишь было прожить еще нѣсколько лѣтъ, чтобы сдѣлаться соперникомъ Агассиза, Оуэна, Мурчисона и другихъ ученыхъ дѣятелей, которые пережили его, не смотря на то, что двадцатью годами опередили его на ученомъ поприщѣ. Эдвардъ Форбесъ былъ любимъ всѣми, и вполнѣ того заслуживалъ, удаляясь тѣхъ мелкихъ страстей, которыя очень худо вяжутся съ титуломъ философовъ (philosophers), присвоеннымъ себѣ натуралистами въ Англіи. Одинъ изъ его друзей написалъ ему, что онъ содѣйствовалъ, между прочимъ, награжденію *медалью* одного изъ его товарищей, вмѣсто его самаго, потому что тотъ болѣе нуждался и въ этомъ отличіи, и въ денежной суммѣ, связанной съ этою наградой. Видно, что писавшій хорошо понималъ Форбеса, который отвѣчалъ ему на это: «Я одного мнѣнія съ вами, и я поступилъ бы такъ же какъ вы, *** еще не устроилъ себѣ гнѣзда, а я очень удобно пріютился въ своемъ, хотя и не сижу сложа руки: «I am in a snug, tho' not an idle, nest».

Наука оплакиваетъ также доктора Китто. Онъ родился въ Плимутѣ 4 декабря 1804 года, и извѣстенъ изданіемъ рисунковъ мѣстностей, упоминаемыхъ въ Священномъ писаніи, а равно учеными историческими комментаріями на библію; но самое оригинальное изъ его

сочиненій, — это книга о потерѣ чувствъ зрѣнія и слуха. Докторъ Китто былъ самъ представителемъ совершенной глухоты. Будучи сыномъ каменьщика и помогая отцу въ работахъ, онъ еще въ дѣтствѣ упалъ съ подмостковъ и на вѣкъ лишился употребленія слуховыхъ органовъ. Вслѣдствіе этого несчастнаго происшествія, его помѣстили въ какой-то пріютъ убогихъ, потомъ отдали въ ученье къ башмашнику, ужасному тирану, на котораго бѣдный мальчикъ подалъ въ судъ просьбу, ходатайствуя о перемѣщеніи его въ богадѣльню. Судъ какимъ-то образомъ открылъ въ этой просьбѣ признаки даровитости. Нашелся покровитель, который утѣшалъ мальчика и далъ ему книгъ. Такимъ образомъ, изъ глухаго, загнаннаго работника, вышелъ первокласный ученый: онъ путешествовалъ по Палестинѣ, желая хотя чрезъ посредство зрѣнія насытить ту истинную страсть, которую внушала ему библія. Докторъ Китто при концѣ жизни пользовался пенсіономъ во сто фунтовъ.

Переходя отъ этого печальнаго некролога къ литературнымъ новостямъ въ Англіи, мы упомянемъ, со словъ одного изъ журналовъ о книгѣ мистриссъ Юнгъ, которая разсказываетъ свое путешествіе въ восточный лагерь «Outr camp and the way to it». Мистриссъ Юнгъ, въ качествѣ волонтера, приписалась къ какой-то англійской бригадѣ, послѣдовала за нею въ Галлиполи, потомъ въ Варну, гдѣ и вела самыя подробныя записки всему видѣнному и слышанному его; но холера заставила ее воротиться въ Мальту.

Уступая неизмѣнному обычаю, сдѣлать читателямъ подарокъ къ празднику Рождества, Теккерей издалъ книгу подъ названіемъ: «Роза и Кольцо» или исторія принца Джилю и принца Бульба — это наивная пантомима, которая займетъ и маленькихъ и взрослыхъ дѣтей. Сочиненіе это изложено въ драматической формѣ, и діалогъ занимаетъ въ немъ болѣе мѣста, чѣмъ повѣствовательный разсказъ; но это вмѣстѣ и сказка, — настоящая волшебная сказка, въ которой остроумный юмористъ часто заступаетъ мѣсто простодушнаго разсказчика. Сказка Теккерея, по отзывамъ журналовъ, одинаково занимательна какъ для тѣхъ, кто ей не повѣритъ, такъ и для тѣхъ, кто въ состояніи еще вѣрить всѣмъ чудесамъ фантазіи. Кромѣ того, книжка иллюстрирована пятидесятью или шестидесятью виньетками.

Чарльзъ Диккенсъ издалъ къ празднику семь маленькихъ разсказовъ, которые вы слышите отъ семи «Бѣдныхъ странниковъ», сидящихъ вокругъ стола, предоставленнаго имъ благотворительностію. Формою своею, книга эта напоминаетъ «Канторберійскихъ пилигримовъ» Чосера. Смыслъ каждаго разсказа, въ сущности очень незатѣйливый; возвышается изложеніемъ, тономъ повѣствованія, характеромъ слога, который невольно сообщаетъ извѣстную роль разсказчику.

Кипсэкъ на 1855 годъ изданъ мистриссъ Поуеръ, сестрою лэди Блессингтонъ. Знаменитый Барнумъ, неизмѣнный антрепренёръ все-

возможныхъ денежныхъ предпріятій въ Америкѣ, написалъ свою автобіографію, содержащую «Наставленіе, какъ сдѣлаться богатымъ».

Англія—настоящее отечество эксцентричности, чудовищности: взгляните на Флитъ-Стритъ или Страндъ въ Лондонѣ, на тамошніе дома, изъ-за которыхъ не видно города, зайдите къ лондонскимъ ювелирамъ, гдѣ въ углахъ самыхъ скромныхъ и мрачныхъ на видъ комнатъ стоятъ сундуки и чаши съ алмазами, способными освѣтить и Флитъ-Стритъ и Страндъ, при самомъ густомъ туманѣ; загляните къ банкирамъ-аристократамъ, къ этимъ лордамъ общественнаго кредита и двигателямъ общественнаго мнѣнія, считающимъ деньги на милліоны, и принимающимъ милліоны единицами своихъ операцій; взгляните на лондонскій модный фракъ, на прическу молодыхъ англійскихъ дипломатовъ, прочтите любую повѣсть Теккерея, разсказъ Диккенса или рѣчь Джона Росселя, Кобдена; прослушайте, наконецъ, концертъ, которымъ забавляетъ теперь Лондонъ маэстро Джулліенъ на Ковентгарденскомъ театрѣ,—и вы согласитесь, что Лондонъ выводитъ чудовищныя улицы, наживаетъ и проживаетъ чудовищныя суммы, чудовищно пишетъ и одѣвается, и даже чудовищно веселится и скучаетъ.

Бетховенъ подвергъ себя сильной отвѣтственности предъ современнымъ поколѣніемъ, говоритъ одинъ изъ серьёзныхъ цѣнителей серьёзной музыки. Къ чему было ему писать свою знаменитую пастушескую симфонію? Она породила тѣ близорукія музыкальныя идеи, которыя составляютъ насущный хлѣбъ берліозовой школы и служатъ предметомъ болтовни для французскихъ музыкальныхъ критиковъ и комментаторовъ; она же произвела на свѣтъ, какъ преступное созданіе бездарности и уродства, маэстро Джулліена, котораго Парижъ встрѣтилъ и проводилъ сарказмами, и который отправился восхищать своимъ непризваннымъ досужествомъ менѣе взыскательную, холодную и преисполненную слабыхъ сторонъ лондонскую публику. Въ концертахъ Джулліена, въ которыхъ британскіе меломаны видятъ образчики англійской музыки и англійскаго музыкальнаго чувства,—въ концертахъ этихъ нѣтъ и слѣдовъ искусства; впрочемъ, искусство было бы для этихъ концертовъ безполезнымъ балластомъ, потому что въ нихъ слишкомъ довольно *сценическаго великолѣпія, пестроты, лентъ и гирляндъ*, чтобы занять Джона Булля. Всѣ эти новые элементы, разумѣется, составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для *описательной* музыки, о которой Джулліенъ съ самодовольствіемъ толкуетъ на своихъ афишахъ.

Описательный музыкальный талантъ до такой степени развитъ въ Джулліенѣ, что онъ изображаетъ помощію звуковъ не только вещественное, но и все создаваемое лишь мыслію, неподчиняющееся, по видимому, никакому описанію. Не только англичане и французы, съ барабаннымъ боемъ, ружейными и пушечными выстрѣлами, коннымъ топотомъ и возгласами командировъ воспроизводятся, здѣсь, по желанію композитора, со всѣми мелочами костюмировки и

физіологическаго настроенія, — пуговками, ремешками, тесемочками, одышкою, кашлемъ, перхотою въ горлѣ, и пр., но даже самые сокровенные помыслы солдатъ, ихъ надежды и опасенія, ихъ сновидѣнія во время ночей, проводимыхъ въ траншеяхъ подъ Севастополемъ, въ лагерѣ, на бивакахъ,—находятъ здѣсь самое ощутительное изображеніе въ гаммахъ, фіоритурахъ и треляхъ. Если и этого кажется мало, то задняя декорація подымается, и вы видите самое поле сраженія. Союзныя войска проходятъ передъ вами, не во снѣ, не въ воображеніи вашемъ, а на яву, проходятъ во плоти и крови. Правѣе, марширует англійская гвардія, лѣвѣе, ломятся французы, и лѣзутъ по штурмовымъ лѣстницамъ. Ихъ окружаютъ вскорѣ флотскія команды, и все это, заисключеніемъ лишь турокъ, о которыхъ композиторъ видно забылъ, все это ведетъ публику къ ощущеніямъ самаго жаркаго энтузіазма. Французскіе и англійскіе національные гимны играютъ тутъ важную роль, и играются въ непрерывной послѣдовательности. Но при исполненіи этихъ представителей двухъ національностей, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, дѣло не обошлось безъ маленькаго недоразумѣнія, даже въ средѣ такой невзыскательной публики, какая собиралась на концертахъ Джулліена. По мнѣнію лондонцевъ, нѣсколько отставшихъ отъ современности, французскій національный гимнъ есть все та же *Marseillaise*, которая воодушевляла націю при совершенно другомъ порядкѣ вещей; эту marseillaise наигрываютъ до сихъ поръ сотни и тысячи шарманокъ, расхаживающихъ по лондонскимъ улицамъ, и составляющихъ истинный бичъ для всякаго музыкальнаго и не музыкальнаго уха. Но по мнѣнію публики маэстро Джулліена, французскую націю можно живо представить лишь старинными напѣвами марсельскихъ блузниковъ. Потому-то при первыхъ звукахъ гимна *Partant pour la Syrie* недоумѣніе и неудовольствіе распространились въ рядахъ ложъ и креселъ. «Что это, что это?» спрашивали дамы другъ друга, вставая съ мѣстъ. Эффектъ, на который композиторъ разсчитывалъ, былъ потерянъ, а маэстро Джулліенъ именно хотѣлъ изобразить союзъ двухъ націй, исполненіемъ гимна *Partant pour la Syrie*, на ряду съ британскимъ гимномъ *Rule Britannia*.

Вотъ еще черта англійской эксцентричности:

Какой-то иностранецъ, заѣзжій въ Англію, убилъ двоихъ людей и былъ за это схваченъ и преданъ суду. Осудить или оправдать его тотчасъ, сослать на галеры или пустить на всѣ четыре стороны, было бы дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ, было бы слишкомъ прямымъ слѣдствіемъ преступленія или пристрастія судей: нужно было придумать что-нибудь болѣе остроумное. И вотъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, на всѣхъ улицахъ висѣли объявленія, напечатанныя аршинными буквами, объяснявшія, что «убійцу Бартелеми можно видѣть въ восковомъ кабинетѣ знаменитой г-жи Тюссо, въ Бакеръ-Стритѣ, именно въ ея «Комнатѣ ужасовъ» гдѣ собраны всѣ знаменитости по части убійствъ и разбоевъ, — можно видѣть, съ платою за

входъ по шиллингу.» Какъ не замѣтить и тутъ разсчетливости англичанина, который не хотѣлъ, чтобы записные искатели сильныхъ ощущеній пользовались безплатно правомъ смотрѣть на преступника, когда, качаясь на висѣлицѣ, онъ сдѣлается общимъ достояніемъ жадной до зрѣлищъ толпы: нужно было сдѣлать исключеніе въ пользу могущихъ платить за подобныя наслажденія, и обратить жалкую личность висѣльника въ доходную статью и забаву для апатичной націи!

Здоровье королевы Викторіи, отъ заботъ, навѣваемыхъ на нее настоящими политическими обстоятельствами, сильно страдаетъ, и перемѣны воздуха при поѣздкахъ ея изъ Лондона въ Виндзоръ, Осборнъ-гоузъ и Бальмораль не доставляютъ ей, какъ прежде, значительнаго облегченія.

Въ британскихъ владѣніяхъ въ Остъ-Индіи, на Малабарскомъ берегу, начинаетъ развиваться магометанскій элементъ, который и прежде безпокоилъ правительство, но который въ будущемъ обѣщаетъ Англіи много хлопотъ. Это такъ называемые *Моплась* или *Мапиллась* (на тамульскомъ языкѣ слово это означаетъ «внукъ», «зять» и составляетъ одинъ изъ почетныхъ титуловъ, которые раздаются туземными раджами. См. «Путешествіе въ Остъ-Индію Грауля», т. I, стр. 190 и 331). Ихъ резиденція и исходный пунктъ есть Малаламъ. Одинъ изъ англійткихъ журналовъ говоритъ о нихъ слѣдующее:

«Эти люди, вначалѣ истые магометане, приняли ученіе вегабитовъ, фарисеевъ Ислама. Будучи фанатиками и нарушителями общественнаго спокойствія, враждовавъ еще и прежде противъ Типпо-Саиба и противъ британскаго правительства, они теперь еще болѣе укоренились въ своемъ изувѣрствѣ. Они обращаютъ къ своему ученію тысячи людей и строятъ мечети дюжинами. Число ихъ молитвенныхъ домовъ въ 1836 году составляло лишь 637; въ 1851 году оно уже возрасло до 1058 и самая численность приверженцевъ новаго ученія въ этотъ же періодъ времени увеличилась отъ 269.624 до 382,330 душъ. Это возрастаніе должно приписать, главнымъ образомъ, тѣмъ странствующимъ мулламъ, которыхъ число еще донынѣ хорошо неизвѣстно. Двое изъ нихъ, называемые Тунгулы, знатнаго арабскаго происхожденія, представляютъ верховную власть и почитаются какъ существа высшія. Они повелѣваютъ всѣми вооруженными фанатиками, которые наводятъ ужасъ на этотъ край. Ни одинъ индусъ не увѣренъ, что онъ не сдѣлается черезъ часъ ихъ жертвою. Если кто нибудь изъ мапилло долженъ индусу деньги, то тотъ не смѣетъ съ него требовать; если индусъ бываетъ обокраденъ мапилла, онъ не смѣетъ жаловаться. Полиція оказывается въ этомъ случаѣ совершенно безсильною, Законы не имѣютъ никакой власти надъ людьми, которые не даются живые въ руки правосудія и которые смотрятъ на смерть какъ на быстрый переходъ въ рай. Отъ времени до времени толпа мапилла вооружалась, убивала какого нибудь богатаго индуса и потомъ бросалась на штыки англійскихъ солдатъ, желая скорѣе умереть, но никакъ не сдаться. Наконецъ, когда болѣе три-

цати подобныхъ случаевъ въ теченіе 18 лѣтъ доказали совершенное безсиліе закона, правительство мадрасскаго президентства, издано постановленіе, которое присвоивало начальствующимъ лицамъ право брать мапилла подъ стражу по одному подозрѣнію, наказывать его ссылкой, безъ соблюденія формальностей, и налагать на цѣлые округи за малѣйшее неповиновеніе, денежные штрафы.»

Журналъ продолжаетъ далѣе, что высшій законодательный совѣтъ въ Калькуттѣ смягчилъ строгость этого закона и опредѣлилъ вмѣсто ссылки тюремное заключеніе. За всѣмъ тѣмъ оставались еще нѣкоторыя мѣры, которыя казались слишкомъ жестокими, напр. конфискованіе имѣнія у дѣтей виновныхъ мапилла, а ровно и то, что трупы виновныхъ сожигались и пепелъ развѣвался по воздуху, чего магометане чрезвычайно боятся, потому что по ихъ понятію, при общемъ воскресеніи мертвыхъ, ангелъ, который будетъ созывать усопшихъ, не найдетъ тогда правовѣрнаго тѣла, разбросаннаго въ разныя стороны. Однако какъ ни круты были всѣ подобныя мѣры, онѣ нисколько не помогли, потому что, по понятіямъ мапилла, всякій кто палъ въ борьбѣ съ невѣрными, можетъ смѣло надѣяться на поступленіе въ рай. Friend of India находитъ этотъ «малабарскій билль» (Malabar Coercion Bill) не достигающимъ своей цѣли; за всѣмъ тѣмъ, не представляетъ самъ никакого лучшаго средства обуздать воинственную организацію, фанатической секты, которая рано или поздно надѣлаетъ большихъ бѣдъ.

Въ Вуличѣ дѣлаются самые счастливые опыты надъ карабинами съ овальнымъ дуломъ. Ривсъ и комп., оружейникъ въ Бирмингамѣ, изобрѣлъ машину, при помощи которой двое рабочихъ съ мальчикомъ могутъ приготовить въ день до 300 штукъ такихъ карабиновъ. Между тѣмъ, до сихъ поръ, при тѣхъ же средствахъ, можно было сдѣлать лишь 15 штукъ. Насмитъ, изобрѣтатель пароваго молотка, работаетъ теперь осадныя орудія, другой инженеръ представилъ образецъ стальныхъ пушекъ (впрочемъ давно уже извѣстныхъ въ Германіи и принятыхъ даже Брауншвейгскимъ правительствомъ). Наконецъ одна изъ ливерпульскихъ газетъ разсказываетъ объ изобрѣтеніи какого-то мистера Вильямса, который приготовляетъ пушки изъ литаго или кованнаго желѣза; пушки эти могутъ разниматься, и каждую изъ нихъ можетъ носить одинъ человѣкъ; но если ее сложить, то она оказывается болѣе прочною, чѣмъ сдѣланная изъ сплошной массы. Домъ подъ фирмою Геммингъ въ Боу взялъ подрядъ на поставку желѣзныхъ стойлъ на 2000 лошадей и значительнаго количества желѣзныхъ же офицерскихъ домовъ; все это онъ обязался приготовить въ четырнадцать дней.

Отдавая должную справедливость проворству и распорядительности англичанъ, когда дѣло идетъ о работѣ за деньги, нельзя однако, читая о подобныхъ предпріятіяхъ, не выразить сомнѣнія, чтобы эти пушки, стойла и дома пришлись по сердцу союзной арміи, и чтобы правительство не поплатилось впослѣдствіи за нихъ насмѣшками журналовъ и саркастическими рѣчами въ парламентахъ — участь, кото-

рой подверглись многія изъ болѣе серьёзныхъ и обдуманныхъ мѣропріятій его въ нынѣшнюю войну.

Вотъ любопытное изслѣдованіе о *крысахъ*, которое мы находимъ въ одномъ изъ французскихъ журналовъ.

.... Съ крысами случается то же, что и съ націями: одно племя приходитъ и прогоняетъ другое, которое ему предшествовало. Крысы поѣдавшія сало саксонцевъ въ царствованіе Альфреда, крысы, визжавшія въ развалинахъ, когда солдаты Кромвеля разрушали древніе замки роялистовъ, крысы, возмущавшія сонъ Георга 1-го, были богатырскимъ племенемъ: это племя въ нынѣшнее время почти совершенно исчезло. Подобно краснокожимъ американцамъ, при появленіи *бѣлыхъ лицъ*, онѣ отступали предъ норвежскою крысой, которая отличается сѣрымъ цвѣтомъ шерсти и болѣе крупнымъ ростомъ. Несмотря на народный предразсудокъ сильно укоренившійся, трудно объяснить, почему эта крыса называется норвежскою, тогда какъ она вышла вовсе не изъ Норвегіи. Тѣ, которые признаютъ скандинавское происхожденіе этихъ крысъ, вѣрно удивятся, если имъ сказать, что порода эта занесена была въ Англію изъ Индіи и изъ Персіи въ 1730 году. Въ 1730 крысы перешли во Францію, и потомъ съ большею или меньшею быстротою распространялись по всей Европѣ.

Когда Палласъ путешествовалъ по южной Россіи въ 1716 году, онъ видѣлъ, какъ первыя толпы этихъ крысъ подходили къ устьямъ Волги. Эта порода крысъ плодится необычайнымъ образомъ: онѣ три раза въ годъ приносятъ дѣтей, и каждый разъ штукъ по двѣнадцати или пятнадцати, такъ что одна пара можетъ принести въ два года милліонъ крысъ. Неудивительно, послѣ того, что эти крысы прогнали крысъ-аборигеновъ. Въ Ирландіи онѣ сдѣлали еще больше: онѣ истребили отчасти лягушекъ, которыхъ тамъ было очень много; и со времени уменьшенія количества лягушекъ, воды, по отзыву крестьянъ, сдѣлались менѣе чистыми. Голландцы оставили когда то Иль-де-Франсъ, по причинѣ огромнаго количества крысъ тамъ бывшихъ; люди едва могли тогда защищаться отъ ихъ нападеній. Крысы, устроившись съ полнымъ удобствомъ въ Англіи, своемъ новомъ отечествѣ, послали цѣлыя колоніи черезъ Атлантическій Океанъ. Подобно завоеваніямъ людей, ихъ завоеванія направлены были къ западу. Онѣ нашли для себя въ Америкѣ совершенно привольныя мѣстности, защищенныя отъ холода и представляющія изобильную пищу. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, онѣ стали размножаться удивительнымъ образомъ, и скоро сдѣлались такимъ ужаснымъ бичемъ, что жители, желая хоть какимъ нибудь образомъ защититься отъ нихъ, принуждены были отравлять ихъ мышьякомъ, въ шарикахъ изъ маніока. Но это средство имѣло гибельныя послѣдствія: крысы, мучимыя жаждою послѣ пріемовъ яда, бросались къ ручьямъ, желая поскорѣе напиться, и большею частью падали туда, не имѣя силъ возвратиться; воды были такимъ образомъ отравлены и въ стадахъ, приходившихъ къ этимъ ручьямъ, распространялась значительная смерт-

ность. Крысы нашли себѣ также, на островахъ, много естественныхъ и непримиримыхъ враговъ; однимъ изъ самыхъ страшныхъ былъ *всеядущій муравей* (*la fourmi omnivore*), рои которыхъ было достаточно, чтобы въ непродолжительное время совершенно избавить плантацію отъ крысъ. Кромѣ того негры, которымъ пришлись эти животныя по вкусу, ловили ихъ и продавали на ямайскихъ рынкахъ, гдѣ находили въ чернокожемъ племени многочисленныхъ покупателей. Китайцы также неменѣе лакомы до этой новаго рода дичи, и потому на всѣхъ кораблях, которые входятъ на контонскій рейдъ, существуетъ обычай поймать крысу и повѣсить ее за хвостъ предъ глазами жителей Небесной Имперіи..Вслѣдъ за тѣмъ непремѣнно раздаются неистовые крики восторга, и когда крысу сбрасываютъ съ корабля, то вокругъ этой привлекательной добычи всегда происходитъ отчаянная борьба. Крысы наносятъ сильный вредъ американскимъ пакеботамъ, проникая въ сундуки и тюки и уничтожая все, что тамъ заключается. У одного изъ жителей Демерары, написанное на пергаменѣ духовное завѣщаніе, предоставлявшее ему значительное имѣніе, было совершенно изъѣдено, исключая печати.

Греки знали нѣкогда весьма многое; но, если вѣрить ихъ натуралистамъ, они не знали ни черной, ни норвежской крысы. Единственное животное этого рода, о которомъ они говорятъ, есть довольно крупная мышь. Неизвѣстно еще хорошенько, откуда собственно вышла черная крыса. Нѣкоторые думаютъ, что родина ея Америка; но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ перешла она въ наши страны? Неужели она переплыла Берингов проливъ и потомъ переправилась черезъ весь азіятскій материкъ? Независимо отъ нашествія норвежскихъ крысъ, одна изъ причинъ уменьшенія числа черныхъ крысъ была та, что онѣ приносятъ дѣтей только разъ въ годъ и притомъ не болѣе пяти или шести штукъ.

Есть всего навсего до ста породъ крысъ, большихъ и малыхъ, смѣлыхъ и трусливыхъ, но всѣ онѣ одинаково отличаются самыми дурными наклонностями. Длина норвежской крысы составляетъ обыкновенно девять дюймовъ; но громадная крыса малабарская бываетъ величиною въ двадцать четыре дюйма, изъ которыхъ половина приходится на ея тѣло и половина на хвостъ. Крысы *Hamster* составляютъ племя, которое обитаетъ въ южныхъ провинціяхъ Россіи, Венгріи и Германіи. Эти крысы чрезвычайно любятъ солодковый корень, въ дикомъ и обработанномъ видѣ, все равно; онѣ находятъ его въ изобиліи въ мѣстахъ своего жительства и производятъ тамъ значительныя опустошенія. Онѣ имѣютъ привычку заготовлять въ своихъ норахъ на зиму отъ двѣнадцати до ста фунтовъ хлѣбныхъ зеренъ. Онѣ ростомъ подходятъ къ норвежскимъ крысамъ, но хвосты у нихъ не составляютъ болѣе трехъ дюймовъ длины. На щекахъ у нихъ есть родъ сумокъ, незамѣтныхъ, когда онѣ пусты, но которыя, наполнившись, кажутся какъ бы пузырями покрытыми шерстью. Въ эти сумки крысы складываютъ свою добычу и опрастываютъ сумки въ норахъ,

давя ихъ передними лапами. Докторъ Россель анатомировалъ этихъ крысъ и нашелъ у нихъ въ сумкахъ зеленые бобы, уложенные такъ искусно, что никакимъ пальцамъ не удалось бы до такой степени выгодать мѣсто. Крыса *hamster* также смѣла, какъ и ловка; она не отступаетъ ни передъ какимъ врагомъ, будетъ ли то человѣкъ или животное; она не боится и роста своего непріятеля. Если ей случится встрѣтиться съ собакой, она начинаетъ тѣмъ, что опрастываетъ свои сумки, если онѣ наполнены хлѣбными зернами и потомъ такъ сильно надуваетъ эти сумки, что голова и шея ея превосходятъ тогда объемомъ все остальное тѣло.

Крысы разныхъ половъ живутъ въ своихъ норахъ отдѣльно; самцы и самки имѣютъ совершенно разные аппартаменты. Зимою крестьяне разрываютъ норы и берутъ оттуда груды зеренъ и самыхъ крысъ окоченѣвшихъ отъ холода; мясо ихъ они ѣдятъ, а кожи продаютъ. Въ Германіи правительственныя мѣста даютъ награду за каждую крысью шкуру, приносимую имъ, и по документамъ готской Ратуши значится, что въ продолженіе трехъ лѣтъ заплачено было тамъ за 145,000 крысъ. Подобные же нравы замѣчаются въ *домовитой крысѣ* (rat économique), которая водится въ Америкѣ и Азіи, на берегахъ Ледовитаго моря. Эти крысы роютъ себѣ въ землѣ совершенно правильныя комнаты въ футъ въ діаметрѣ, со сводомъ и иногда тридцатью различными входами и выходами, которые пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ. Кромѣ своихъ жилищъ, онѣ роютъ еще особые магазины, и съ лѣтнее время наполняютъ ихъ кореньями и зерновымъ хлѣбомъ. Онѣ производятъ эту работу съ такимъ тщаніемъ, что если замѣтятъ въ своихъ запасахъ хотя малѣйшій признакъ сырости, то немедленно вытаскиваютъ всю провизію на солнце и сушатъ ее до тѣхъ поръ, пока она совершенно потеряетъ всякую сырость. Эта порода встрѣчается и въ Исландіи; но какъ пища тамъ чрезвычайно рѣдка и скудна, то крысы принуждены бываютъ иногда переплывать рѣки и озера, чтобы сънскать себѣ средства къ пропитанію. При этомъ онѣ употребляютъ очень оригинальный способъ переправы. Олафсенъ говоритъ, что онѣ собираются въ числѣ восьми или десяти и отыскиваютъ какой нибудь обломокъ древесной коры, который бы представлялъ въ серединѣ впадину. Сюда кладутъ онѣ зерна, которыя успѣли уже набрать и потомъ соединенными силами толкаютъ этотъ новаго рода плотъ къ берегу, пускаютъ его на воду и плывутъ сами, держа головы къ центру, а въ водѣ направляя хвосты, которые служатъ имъ тогда вмѣсто рулей.

Натуралисты совершенно несправедливо причисляли много маленькихъ животныхъ къ породѣ крысъ; подобно тому, какъ въ Соединенныхъ-Штатахъ всѣ насѣкомыя хоть сколько нибудь похожія на клоповъ (bugs) причисляются къ ихъ семейству. Такимъ образомъ ихневмонъ сдѣлался Фараоновой крысой, и *lemmings*, которыя показались было нѣкогда на сѣверѣ Европы, въ такомъ же количествѣ, какъ и кузнечики, также были приняты за породу крысъ. Между тѣмъ, эти

леммннги вовсе не крысы, а составляютъ отдѣльную породу, хотя происхожденіе ихъ и составляетъ до сихъ поръ тайну. Ученый Мюнстеръ говоритъ, что по наблюденіямъ крестьянъ, эти животныя падаютъ во время сильныхъ дождей. По словамъ Понтаппилана, жители нѣкоторыхъ мѣстностей Норвегіи установили ежегодный постъ, желая избавиться отъ крысъ, мышей и леммннговъ; онъ даже представляетъ формулу заклинанія, употреблявшагося противъ этихъ животныхъ и начинавшагося словами: *Exorciso vos, pesteferos vermes, mures, etc.*

Крысамъ приписывали нѣкогда самое гибельное вліяніе на все существующее. Въ Шотландіи, напримѣръ, если случалось видѣть крысу на спинѣ у коровы, то корова эта считалась заколдованною, отверженною. Впрочемъ, шотландцы вообще отличались суевѣріемъ. Извѣстно, что ирландскій шопотунъ (Whisperer) укрощалъ самую горячую и необузданную лошадь тѣмъ только, что нашептывалъ будто бы ей на ухо нѣсколько словъ; подобнымъ образомъ ирландскіе барды, поколѣніе которыхъ составляло отдѣльную расу, умѣли по понятіямъ народа, при помощи своего пѣнія, уничтожать крысъ, то есть убивали этихъ животныхъ, произнося вблизи ихъ норъ извѣстные стихи. Писатели прошлаго времени дѣлаютъ намеки на это любопытное обстоятельство. Шекспиръ упоминаетъ мѣстами объ этой теоріи и Бенъ-Джонсонъ въ своемъ «Риѳмоплетѣ» говоритъ:

«Онъ убиваетъ людей своимъ пѣніемъ, подобно тому какъ участь эта постигаетъ крысъ въ Ирландіи.»

Въ сочиненіи, написанномъ противъ Мартина Марра Прелата, возможность убивать крысъ извѣстнаго рода стихами, указана въ слѣдующихъ словахъ:

«Я поэтъ ирландскаго племени; я уже угрожалъ тебѣ взглядомъ, и если ты не прекратишь своихъ негодныхъ выходокъ, я отстану отъ тебя только тогда, когда совершенно уничтожу тебя моими стихами.»

Объ этомъ вѣрованіи упоминается еще въ сочиненіяхъ сэра Филиппа Сиднея, и Свифтъ говоритъ съ ироніей, что могущество истреблять помощію стиховъ преобладаетъ даже въ его время. Въ числѣ любопытныхъ подробностей, приводимыхъ въ запискахъ Королевской Ирландской Академіи, мы находимъ, что Сенчанъ, знаменитый поэтъ Коннаута, обѣдая однажды во дворцѣ у короля, замѣтилъ, что во время краткаго отсутствія его изъ-за стола, мыши съѣли его порцію. Онъ тотчасъ же началъ произносить стихи противъ мышей, упрекая ихъ за нанесенный ему убытокъ, стихи эти оканчивались слѣдующими словами:

«Мыши, вы, которыя скрываетесь въ потаенныхъ углахъ этого дома, оставьте его и бросьтесь на землю.»

И въ ту же минуту десять мышей упали мертвыми у двери.

При этомъ предполагали, что сила заклинанія состояла въ сатирическомъ направленіи произносимыхъ стиховъ. Сатира всегда была

предметомъ боязни въ Ирландіи, такъ что въ отдаленныя эпохи были обнародованы противъ нея очень строгіе законы. Крысы внушали также какой-то суевѣрный страхъ, впрочемъ, не безъ причины, потому что, по извѣстіямъ журналовъ, онѣ нерѣдко нападаютъ на дѣтей. Увѣренность, что стихи могутъ уничтожать крысъ, сохранилась до позднѣйшаго времени. Разсказываютъ, что около 1716 года Джонъ О'Малькоири, изъ наслѣдственнаго поколѣнія бардовъ, выгналъ этимъ способомъ крысъ, которыя осаждали кладбище Кильфратской церкви, тогда какъ прежде онѣ водились тамъ въ такомъ множествѣ, что опасно было совершать погребеніе и менѣе чѣмъ черезъ два дня отъ погребенныхъ тѣлъ оставались лишь кости. Видно, что почтенный пасторъ подѣйствовалъ на крысъ очень сильно, потому что одинъ изъ фермеровъ, вышедшій рано по утру посмотрѣть на свои поля и стада, въ четырехъ миляхъ отъ церкви, увидалъ, по увѣренію хроники, родъ тумана или облака, разстилавшагося очень низко: облако не распространялось много въ ширину, но за то въ длину шло до конца поля. Удивленный подобнымъ явленіемъ, фермеръ остановился, чтобы наблюдать его, и его изумленіе еще усилилось, когда онъ замѣтилъ, что облако приближается къ нему съ необычайною скоростію. Ему пришли тотчасъ въ голову его невидимыя сосѣдки, волшебницы, и онъ, не считая благоразумнымъ преграждать имъ дорогу, бросился въ сторону, чтобы удобнѣе слѣдить за ними. Тутъ онъ увидалъ огромное полчище крысъ, въ числѣ ста тысячъ, которыя переходили равнину, преодолѣвая на пути всѣ препятствія. Послѣ перехода миль въ пять, онѣ достигли песчаной равнины, на берегахъ Шаннона, и немедленно положили тутъ начало прочной осѣдлости. Вскорѣ рыбаки, посѣщавшіе эти края, начали жаловаться, что крысы чрезвычайно портятъ у нихъ сѣти. Сто человѣкъ вооруженныхъ ножами и палками соединялись чтобы ихъ истребить; и хотя при этомъ значительное число крысъ было уничтожено, но онѣ защищались такъ храбро, что люди принуждены были отступать, убѣдившись, что никакія усилія не могутъ прогнать этихъ ужасныхъ колонистовъ.

Въ недавнее время, около 1820 года, въ Кильки былъ человѣкъ, который помощію произносимыхъ имъ стиховъ, умѣлъ будто бы выгонять крысъ изъ своей мельницы и изъ дома; а что еще удивительнѣе, въ Лимерикѣ и теперь существуетъ повѣрье, что будто нѣкоторые жители города, помощію какихъ-то таинственныхъ заклинаній, умѣли заставлять скрывающихся на кораблѣ крысъ выходить изъ норъ и добровольно рѣзать себѣ горло бритвой, которая нарочно для этого клалась на палубѣ.

По поводу посѣщенія одной изъ главныхъ ламповыхъ фабрикъ въ Парижѣ, корреспондентъ бельгійской газеты представляетъ намъ историческій очеркъ этой промышленности, имѣющей очень важное значеніе для нашего современнаго быта. Мы воспользуемся этою статьею, въ надеждѣ, что читателю интересно будетъ знать минувшую судь-

бу снаряда, который двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ составлялъ прихоть, принадлежность богатаго кабинета, но который нынче такъ же необходимъ, какъ необходимо вообще искусственное освѣщеніе въ нашъ вѣкъ, если не искусствъ, то самой крайней искусственности.

Изобрѣтеніе лампы принадлежитъ египтянамъ. Если судить по нѣкоторымъ мѣстамъ поэмъ Гомера, то лампа была, кажется, неизвѣстна въ Греціи во время осады Трои. Впослѣдствіи этотъ маленькій снарядъ сдѣлался тамъ такъ же, какъ и въ Италіи, общеупотребительнымъ. Античная лампа дѣлалась изъ глины, бронзы, серебра, даже золота. Она обыкновенно напоминала своею формою лодку, такъ что свѣтильня ея, совершенно пропитанная масломъ, выставлялась изъ нея горизонтально Тогда еще не знали, что масло, вслѣдствіе явленія волосности, можетъ подняться по бумажнымъ нитямъ в вертикально. Лампы употреблялись для освѣщенія храмовъ во время ночныхъ церемоній, или ставились передъ изображеніями боговъ. Ихъ разставляли также на праздникахъ, въ мѣстахъ общественныхъ увеселеній и частныхъ торжественныхъ собраніяхъ, которыя происходили въ ночную пору. По двумъ стихамъ Виргилія можно заключить, что въ его время лампы вѣшались уже на потолки жилищъ римлянъ; кромѣ того лампы ставились внутри гробницъ, въ близости отъ самыхъ саркофаговъ. Наконецъ греки и римляне, подобно намъ, имѣли обыкновеніе употреблять ночники. До конца восемнадцатаго вѣка античная лампа, въ своей первобытной формѣ, употреблялась лишь въ Европѣ. Только эти лампы лишались постепенно своихъ украшеній и становились менѣе и менѣе цѣнными, по мѣрѣ того, какъ зажиточные классы народа начинали употреблять литыя сальныя и восковыя свѣчи.

Около 1789 года, парижскій аптекарь Кинкэ первый поставилъ лампы на дорогу къ серьёзному усовершенствованію. Съ цѣлію сообщить болѣе дѣятельности потоку воздуха, который долженъ былъ питать и поддерживать пламя, онъ окружилъ огонь стеклянною трубочкой, которая, поднимаясь на извѣстную высоту, играла въ этомъ случаѣ роль печной трубы. Свѣтъ лампы получилъ отъ этого болѣе яркости и силы, и изобрѣтеніе Кинкэ имѣло большой успѣхъ; потому въ одномъ изъ современныхъ водевилей говорилось :

«Que dis-je.... un beau jour renait;
Fiat lux, a dit Quinquet
Et la lumière est faite....»

Нѣсколько времени спустя, кузнечный мастеръ Аргантъ, почерпнувшій изъ своего ремесла нѣкоторыя понятія о физикѣ, напалъ на счастливую мысль замѣнить плоскія свѣтильни свѣтильнями цилиндрическими и установить внутри токъ атмосферическаго воздуха, который долженъ былъ сообщать болѣе блеску свѣту, издаваемому лампой. Возбужденъ былъ вопросъ, не предшествовалъ ли Аргантъ Кинкэ, не подвергся ли онъ участи Христофора Колумба и не получила ли современная лампа своего имени отъ втораго Америка Веспуція.

Должно, однако, замѣтить, что, несмотря на лучезарность обоихъ изобрѣтеній, вопросъ этотъ пребылъ во мракѣ сомнѣнія.

Съ этого времени *звѣздныя* лампы (lampes astrales), *безтѣнныя* лампы (lampes sinombres) лампы *съ постояннымъ уровнемъ* (lampes à niveau constant) освѣщали насъ поочереди; но нужно было сдѣлать еще послѣднее усовершенствованіе, именно избавить человѣка отъ скучнаго и монотоннаго труда наполнять лампу масломъ, для поддержанія пламени. Карсель достигъ этого помощію снаряда, скрытаго внутри лампы. Такія лампы назывались *переполненными*, *пресыщенными* (lampes à surabondance, à dégorgement). Въ 1803 году Карсель на промышленной выставкѣ получилъ за свое изобрѣтеніе скромную бронзовую медаль. Карселевы лампы пріобрѣли вниманіе публики; но во все время дѣйствія привилегіи изобрѣтателя, лампы эти продавались по очень дорогой цѣнѣ, что заставляло считать ихъ предметомъ роскоши; кромѣ того, если механизмъ, приложенный къ этимъ лампамъ, отличался точностію часоваго механизма, то онъ былъ не менѣе подверженъ порчѣ. По истеченіи срока привилегіи, конкурренція сдѣлала карселеву лампу общимъ достояніемъ; но поставивъ себѣ цѣлію добиваться не совершенства отдѣлки, а дешевизны, она лишила лампу всѣхъ преимуществъ, которыя могли существовать лишь при высокой работѣ.

Такимъ образомъ, послѣ постепенныхъ улучшеній, которыя замѣчаются въ приготовленіи лампъ, мы доходимъ наконецъ до 1838 года, когда появились *солнечныя лампы*. Г. Нейбергеръ явился однимъ изъ первыхъ и самыхъ способныхъ производителей этихъ лампъ; и въ 1844 году, на мануфактурной выставкѣ, онъ получилъ серебряную медаль за ту степень совершенства, на которую возвелъ фабрикацію лампъ.

Солнечныя лампы вскорѣ вошли во всеобщее употребленіе. При отсутствіи всякаго механизма, при удобствѣ содержанія ихъ въ чистотѣ, по ихъ способности дѣйствовать съ какимъ угодно масломъ, по ихъ прочности, онѣ соединяли въ себѣ всѣ желаемыя условія. Болѣе 300 тысячъ лампъ этого рода, распространенныхъ во Франціи и вообще въ Европѣ, свидѣтельствуютъ о превосходствѣ системы солнечныхъ лампъ, объ успѣхѣ, которымъ онѣ одолжены простотѣ устройства и отчетливости исполненія. Однако эти лампы подвергались упреку въ томъ, что будто поглощаютъ слишкомъ много масла, слѣдовательно требуютъ сравнительно большихъ издержекъ. Наконецъ и солнечныя лампы, которыя, впрочемъ, приготовляются теперь еще въ значительномъ числѣ, должны были уступить мѣсто новому роду лампъ, наиболѣе принятыхъ въ послѣднее время, именно *лампѣ съ уравновѣшивающимъ снарядомъ* (lampe à moderateur), принадлежащей по своему устройству, хотя и издалека, къ многочисленному семейству карселевыхъ лампъ. Болѣе дешевая и менѣе сложная чѣмъ карселевы лампы, лампа съ модераторомъ представляетъ одно важное неудобство — это непродолжительность ея горѣнія. Нѣкоторыя улуч-

шенія устраняли болѣе или менѣе этотъ недостатокъ, но задача сдѣлать *лампу съ модераторомъ* способною къ столь же продолжительному горѣнію, какъ карселеву лампу, оставалась пока неразрѣшенною. Наконецъ, послѣ года изученія, изысканій, неутомимыхъ трудовъ, г. Нейбергеръ, который занялъ почетное мѣсто между *освѣтителями* человѣчества, разрѣшилъ задачу изобрѣтеніемъ *подъема съ выемкою* (cric à coulisse), который позволяетъ употреблять въ дѣло всю высоту цилиндра резервуара и сообщаетъ движенію поршня вдвое болѣе простора, а съ тѣмъ вмѣстѣ удвоиваетъ время горѣнія лампы.

Благодаря этому открытію, лампа съ модераторомъ г. Нейбергера соединяетъ въ себѣ всѣ достоинства: простоту, прочность при изяществѣ фигуры, удобство ухода и употребленія, изобиліе масла, свѣтъ чистый и экономическій и, что главное, способность горѣть двѣнадцать часовъ безъ возобновленія.

Мастерскія г. Нейбергера (въ Marais, улица Ториньи) поражаютъ своимъ грандіознымъ характеромъ. Залитыя потоками самаго яркаго свѣта, онѣ занимаютъ пространство 800 метровъ и заключаютъ значительное число рабочихъ, поставленныхъ въ отношеніи труда и гигіены въ самыя выгодныя условія. Проходя по мастерскимъ, понимаешь, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ нужно было это устроить; здѣсь предстояло соединить все, что касается приготовленія освѣтительныхъ снарядовъ: самый матеріалъ и производительную силу. Здѣсь вы видите кузницы, литейни, паяльныя печки, остроумныя машины и желѣзорѣзательные снаряды. Ничто не можетъ быть организовано лучше того распредѣленія труда, которое замѣчаемъ мы въ этихъ мастерскихъ, гдѣ владѣлецъ всего заведенія и его помощники могутъ обнять все однимъ взглядомъ, не упуская изъ виду и подробностей, которыхъ однако весьма много.

Магазины г. Нейбергера тянутся въ глубину отъ улицы Вивіанъ до ротонды Кольберта. Надъ входомъ тамъ красуется лучезарное *солнце*. Магазины эти представляютъ полный запасъ нейбергеровскихъ лампъ съ модераторомъ, начиная самыми простыми образцами и оканчивая самыми богатыми. Возлѣ лампъ для столовыхъ, съ изящными орнаментами, лампъ, обдѣланныхъ въ фарфоръ, массивную или дутую бронзу и предназначенныхъ для великолѣпныхъ комнатъ, вы найдете здѣсь и такія, которыя назначаются для болѣе скромныхъ гостиныхъ, для кабинетовъ чиновниковъ, для столовъ, за которыми проводитъ вечера мать семейства съ своими дѣтьми, занимаясь рукодѣльемъ. Фабрика Нейбергера готовитъ, говорятъ, много произведеній и для всемірной выставки 1855 года (*).

(*) The Athenaeum.—The Illustrated London News.—Indépendance Belge. — Comptes rendus de l'Academie des Sciences. — Revue Britanique. — Allgemeine Zeitung, и проч.

Замѣтки и размышленія Новаго Поэта по поводу русской журналистики.

Размышленія по поводу Новаго года. — Надежды. — Персидскіе литераторы въ знаменитомъ «Видѣніи» г. Бабука». — Новѣйшіе персидскіе литераторы, по разсказу содержателя персидскаго магазина. — Стихи современнаго персидскаго поэта въ переводѣ. — Драма г. Потѣхина: *Судъ людской не Божій*. — Нѣсколько словъ по поводу этой драмы.— *Пашенька* г. Дружинина. — *Сенсгульскинъ* г. Григоровича.—*Новыя Стихотворенія* гг. Щербины, Никитина и прочее и прочее.

Будемъ надѣяться, что 1855 годъ, открывшійся двумя замѣчательными событіями, обще-русскимъ торжествомъ, какъ прекрасно выразились «Московскія Вѣдомости» праздникомъ русскаго просвѣщенія, и новымъ превосходнымъ изданіемъ перваго русскаго поэта, — этотъ годъ начинающій такъ блистательно, ознаменуетъ себя особенно замѣчательною и полезною ученою и литературною дѣятельностію. Будемъ надѣяться, чаще встрѣчаться въ этомъ году съ именами нашихъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ; будемъ надѣяться, что наша журнальная критика будетъ дѣльна и добросовѣстна, наша полемика не заносчива и остроумна.... Будемъ надѣяться, что наша журналистика станетъ неуклонно слѣдить за потребностями и требованіями времени.... Время идетъ и чѣмъ далѣе живемъ мы, тѣмъ быстрѣй его ходъ.... Оно ужь наконецъ нейдетъ, а бѣжитъ и горе намъ! если мы неуспѣваемъ за этимъ бѣгомъ, если мы отстаемъ отъ времени, утомленные лѣтами, или успокоенные равнодушіемъ и лѣнью.... Время — сокровище для мудрецовъ, только безумцы расточаютъ его — говоритъ одна старинная комедія — одна изъ тѣхъ комедій, которыми такъ любилъ пользоваться Вальтеръ Скоттъ, для своихъ эпиграфовъ.... Употребимъ же съ пользою эти не многіе годы остающіеся намъ, удвоимъ, утроимъ, учетверимъ, если можно, нашу дѣятельность и недопустимъ, чтобы время обогнало насъ. Доживающее свои послѣдніе минуты, уже готовое сойдти съ поприща старое литературное поколѣніе, такъ поздно и не хотя признающее теперь новые таланты, такъ неблагосклонно встрѣчавшее ихъ при ихъ появленіи, называетъ насъ еще до сихъ поръ *молодымъ* поколѣніемъ.... Мы еще *дѣти* въ глазахъ этихъ почтенныхъ старцовъ ... и въ самомъ дѣлѣ они видѣли насъ, еще дѣтьми.... Но у этого молодаго поколѣнія давно пробился уже сѣдой волосъ и только почтенные старцы лишенные волосъ, или покрытые сѣдиною незамѣчаютъ этого. Печально, если мы сами, утѣшаемые этимъ лестнымъ эпитетомъ *молодаго* поколѣнія, не будемъ замѣчать нашихъ сѣдыхъ волосъ, не будемъ

признавать новой жизни, пробивающійся во кругъ насъ, новаго поколѣнія, которое готово въ свою очередь вытѣснить и насъ изъ міра и если мы на это возникающее поколѣніе будемъ смотрѣть такъ же враждебно, какъ смотрѣли на насъ. Правда, Гёте сказалъ, что «рѣдко люди въ преклонныхъ, старческихъ лѣтахъ соглашаются смотрѣть на себя самихъ и на другихъ съ исторической точки зрѣнія, — отъ этого-то они никакъ не могутъ и не хотятъ ни съ кѣмъ жить въ ладу и въ согласіи.» Но постараемся быть въ этомъ случаѣ исключеніями и идя неутомимо и дружно на ряду съ временемъ, никогда неупуская изъ виду исторической точки зрѣнія, будемъ радостно встрѣчать и привѣтствовать все возникающее, молодое, живое, новое, свѣжее, полное надеждъ; не станемъ уподобляться этимъ почтеннымъ старцамъ отрицающимъ все молодое и новое, потому только, что оно ново и молодо, не дадимъ повода подозрѣвать насъ въ завистливой отсталости, и умѣя когда придетъ наша очередь остановиться и смолкнуть во время, охотно, уступимъ слово — новымъ требованіямъ и новой мысли.... сознавъ, что власть и сила уже не въ насъ, а именно въ этомъ новомъ поколѣніи. Какъ прекрасенъ и великъ этотъ маститый поэтъ, про котораго сказалъ другой великій только что возникавшій поэтъ:

> Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
> И въ гробъ сходя благословилъ!

И какъ жалокъ какой нибудь одряхлѣвшій писатель дрожащій отъ зависти и злобы при каждомъ успѣхѣ новаго писателя и старческимъ, коснѣющимъ языкомъ своимъ усиливающійся наносить оскорбленія молодымъ талантамъ! —

Но я еще не кончилъ съ надеждами.... Будемъ надѣяться, что въ этомъ году наши литераторы и журналисты (?) окажутся истинными джентльменами въ своихъ сношеніяхъ другъ съ другомъ и не подадутъ ни малѣйшаго повода къ оскорбительному сравненію ихъ съ тѣми персидскими литераторами, о которыхъ разсказываетъ знаменитый Бабукъ, посланный Итуріелемъ геніемъ управлявшимъ судьбами Азіи, для наблюденія за персами, которыми, какъ извѣстно, геній сей имѣлъ причины быть очень недовольнымъ....

Если читатели наши забыли остроумную и философскую сказку Бабука, устами котораго говорилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ философовъ XVIII вѣка, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь изъ нее только то мѣсто, на которое мы сдѣлали намекъ, именно о персидскихъ литераторахъ....

«Очень оскорбленный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ имъ, господинъ Бабукъ возвратился на свою квартиру и послалъ за новыми книгами, для того, чтобы развлечь себя и, кстати, пригласилъ къ себѣ откушать нѣсколько извѣстныхъ литераторовъ. Но вообразите себѣ удивленіе Бабука! — «на этотъ обѣдъ, какъ мухи на медъ, слетелись всѣ персидскіе литераторы вовсе не приглашенные. Они съѣли всѣ съѣстные припасы Бабука до малѣйшей крошки, выпили

все вино его до малѣйшей капли и при этомъ наболтали и насплетничали столько, что у бѣднаго хозяина дома заболѣла голова и стало щемить подъ ложечкой. Они хвалили только самихъ себя.... да еще мертвыхъ, — живыхъ же безпощадно ругали, за исключеніемъ хозяина дома. Если кто нибудь изъ нихъ произносилъ остроту, остальные потупляли глаза и кусали губы отъ злобы, что эта острота произнесена не ими. Они говорили другъ другу грубости и оскорбленія, полагая, что говорятъ остроумныя вещи. Узнавъ, что Бабукъ уполномоченъ Истуріелемъ, и что слѣдовательно онъ человѣкъ съ огромною властію, — одинъ изъ литераторовъ потихоньку попросилъ его, чтобы онъ приказалъ стереть съ лица земли одного изъ собратовъ его по литературѣ, который пять лѣтъ передъ тѣмъ очень слегка отозвался объ одномъ его сочиненіи; другой требовалъ смерти нѣкоего гражданина, который ни разу не улыбнулся во время представленій его комедій; третій желалъ увеличенія числа академиковъ, потому что ему смертельно хотѣлось попасть въ члены академіи. Послѣ обѣда всѣ эти господа разбрелись поодиночкѣ, ибо такъ ненавидѣли другъ друга, что изъ всѣхъ изъ нихъ не нашлось двухъ, которые жили въ ладу между собою... Они только встрѣчались и говорили между собою на обѣдахъ у знатныхъ и богатыхъ лицъ.... Когда они ушли Бабукъ принялся за чтеніе ихъ твореній и въ этихъ твореніяхъ узналъ своихъ достойныхъ гостей.... Сплетня, зависть, намекъ, сатира щадящаго коршуна и раздирающая голубя.... тутъ было все.... Бросивъ сочиненія въ огонь—онъ пошелъ освѣжиться прогулкою.... » и проч. Все это-то происходило, не должно забывать, и въ Персіи слишкомъ сто лѣтъ назадъ тому, и я увѣренъ, что еслибы Бабукъ вздумалъ путешествовать въ 1855 году для наблюденія за русской журналистикой и литературой, — онъ пришелъ бы отъ нее и отъ ея представленій въ совершенный восторгъ.... Сто лѣтъ назадъ тому могло бы происходить еще что нибудь подобное разсказанному Бабукомъ, даже и въ русской литературѣ, но теперь.... Какъ повсюду утончились и облагородились нравы въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ! Читая *Видѣнія Бабука* не вѣришь, чтобы могли когда-нибудь существовать подобныя литераторы, даже и въ Персіи!... И дѣйствительно въ настоящее время нѣтъ нигдѣ ничего подобнаго. Современные персидскіе литераторы живутъ въ совершенномъ ладу между собою, помогаютъ другъ другу въ трудахъ, дѣйствуютъ дружно, соединенными силами, преслѣдуютъ всякія личности, на обѣды ѣздятъ только тогда, когда ихъ приглашаютъ, кушаютъ умѣренно, пьютъ еще умѣреннѣе, а предающихся излишнимъ возліяніямъ прогоняютъ изъ среды своей.... Такъ недавно на пиру одного богатаго и знаменитаго персидскаго артиста безъ церемоніи вывели одного стихотворца, хватившаго черезъ край и испортившаго великолѣпную мебель хозяина и четыре мѣсяца послѣ этого событія неосторожный стихотворецъ не былъ допускаемъ ни въ какое общество.... Теперь, говорятъ онъ совершенно исправился, и снова появляется въ собраніяхъ. Это разсказывалъ мнѣ содер-

жатель одного персидскаго магазина, у котораго я недавно покупалъ персидскій халатъ изъ термоламы, слѣдовательно свѣдѣнія эти не подлежатъ сомнѣнію. Онъ прочелъ мнѣ также новое глубокомысленное стихотвореніе одного современнаго персидскаго поэта, изъ котораго я ровно ничего не понялъ, потому что не знаю персидскаго языка, но тутъ кстати случился одинъ оріенталистъ, который перевелъ мнѣ его,—говорятъ, почти буквально.

Вотъ этотъ переводъ: Не знаю, поймутъ ли это глубокомысленное стихотвореніе, мои читатели въ переводѣ:

Какъ луна ты томна и прекрасна
И какъ солнце — ярка, горяча,
Благовонна, свѣжа, сладострастна —
Въ трепетаньи злагаго луча
И въ дрожаніи звонкаго звука
Поэтическихъ пѣсенъ моихъ!...
Ты безсмертна!... Безсмертью порука —
Гармоническій, гордый мой стихъ
Прославлявшій тебя безконечно....

Когда первой разсвѣтной зарею,
У пруда наклонившись безпечно,
Увлажаешь ты ликъ свой водою, —
Ликъ подернутый легкой дремою —
О! я твердью клянусь голубою!
Что горжусь въ ту минуту тобою
Несравненно сильнѣй, чѣмъ собою!...

Въ головѣ моей — мысли толпятся....
Музыкально-прекрасныя звуки
На горячихъ устахъ шевелятся,
И скрестивши торжественно руки,
Я твержу: «хоть я равенъ герою,
Но могучей атлета ступнёю
Не сомну и ничтожнѣйшей травки,
Міризданья любуясь красою,
Не задѣну мѣльчайшей козявки!...

Мимолѣтное духа явленье,
Хоть я мыслію — міръ обнимаю.
Но я въ вѣчности — только мгновенье —
И поэтому — *атомъ* творенья
Берегу — и изъ устъ выдыхаю!...

Отъ сей персидской поэзіи, которая также пестра, затѣйлива и хитра, какъ узоръ купленный мною термоламы; пора, я думаю, перейдти къ русской литературѣ и снова на минуту возвратиться къ старому году по поводу «Москвитянина» и народной драмы г. Потѣхина: «Судъ людской не Божій».

Что касается до меня, я очень уважаю талантъ г. Потѣхина, я ни разу не усомнился въ этомъ талантѣ, все до сихъ поръ написан-

ное г. Потѣхинымъ, я читалъ съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ удовольствіемъ. Въ его произведеніяхъ всегда заложена мысль, направленіе его благородно и прекрасно, въ немъ много юношескаго жара, но этотъ юношескій жаръ увлекаетъ его не рѣдко за предѣлы возможнаго и бросаетъ на его произведенія тотъ ложный, идеальный свѣтъ, тотъ неестественно эффектный колоритъ, для котораго извиненіемъ можетъ служить только одна молодость, одно юношеское увлеченіе. Все это кажется такъ не мнѣ одному, и вотъ почему я рѣшаюсь прямо и откровенно высказать автору не мое личное мнѣніе, не мои личныя замѣтки, а мнѣнія и замѣтки людей, принимающихъ живой интересъ во всѣхъ новыхъ явленіяхъ русской литературы.

Г. Потѣхинъ принадлежитъ къ начинающимъ. Онъ еще не могъ и не успѣлъ совладѣть съ своимъ талантомъ, не нашелъ еще той точки зрѣнія, съ которой дѣйствительныя явленія жизни представляются въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ еще весь отдается своей фантазіи, которая увлекаетъ его въ свой прихотливый міръ и заставляетъ его принимать созидаемыя ею миражи, за что-то дѣйствительно существующее. У него нѣтъ еще достаточно силы, чтобы мощной, художественной рукой сдержать порывы этой фантазіи, утишить кипѣніе своей крови, примирить эту фантазію съ дѣйствительностью, вмѣстѣ съ нею спуститься на землю и идти по землѣ ровнымъ и твердымъ шагомъ, наблюдая жизнь спокойно и тихо свѣтлымъ взглядомъ. Еще своевольная фантазія владѣетъ авторомъ безгранично, и онъ совсѣмъ не умѣетъ справляться съ нею. Да, это дѣло не легкое! Человѣкъ, даже съ такимъ огромнымъ талантомъ, какъ Шиллеръ, только въ последніе годы жизни своей, только въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ начиналъ по немногу, входя въ силы, удерживать и укрощать эту неукротимую и порывистую фантазію... и онъ еще не успѣлъ возвыситься, такъ рано похищенный смертію, до спокойнаго созерцанія, до того высокаго творчества, которымъ обладаютъ только истинные художники. Можетъ ли послѣ этого критика быть слишкомъ строгою къ г. Потѣхину? Но обязанность критики все-таки высказать ему правду, предостеречь автора отъ его увлеченій и порывовъ, доказать ему, что его «Судъ людской не Божій» есть не болѣе какъ порывъ, увлеченіе, заблужденіе фантазіи, что какимъ бы талантомъ не обладалъ человѣкъ, онъ при началѣ своего поприща не можетъ и не долженъ браться за такія созданія, надъ которыми призадумались бы и великіе художники, писатели искушенные въ дѣлѣ творчества. Создать народную драму—будто это шутка? И Пушкинъ едва осмѣлился посягнуть на подвигъ драмы, и онъ приступалъ къ нему съ благоговѣйною робостью истиннаго художника, и только при полномъ сознаніи, что вполнѣ овладѣлъ своимъ творчествомъ, что душа его развилась и готова къ тому подвигу, онъ приступилъ къ нему. Вотъ что писалъ онъ, между прочимъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, по поводу «Бориса Годунова» «Множество сценъ требуютъ только одного ума; когда я дохожу до сцены, требующей вдохновенія, я останав-

ливаюсь и переплавливаю черезъ нее. Эта манера работы совершенно нова для меня. — *Я чувствую, что душа моя вполнѣ развилась — и я могу творить*,... «Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée — je puis créer». (См. новое изданіе Пушкина, томъ I, приложеніе III, стр. 445.)

Народная драма изъ современнаго быта едва ли еще не болѣе трудная задача, чѣмъ историческая драма.... Можно ли же увлекаясь своей фантазіей браться за такой предметъ? Если соблазны фантазіи неудержимы, отдавайтесь ей для себя, но не принимайте сами и не выдавайте другимъ незрѣлыхъ плодовъ ея за серьёзное дѣло, умѣйте удерживать эти порыванія въ своихъ портфеляхъ. Мы говоримъ объ этомъ такъ горячо г. Потѣхину именно потому, что признаемъ въ немъ талантъ и боимся, чтобъ онъ не злоупотреблялъ этимъ талантомъ. Мы увѣрены, что г. Потѣхинъ смотритъ на искусство серьёзно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія вводить въ русскую литературу тотъ ложный и пошлый родъ драматическихъ произведеній, который извѣстенъ подъ именемъ *мелодраммы*, что онъ далекъ былъ отъ мысли мелодраматизировать крестьянскій бытъ, а между тѣмъ, что же онъ сдѣлалъ?

Онъ написалъ чисто-французскую мелодраму изъ крестьянскаго быта. И если эта пьеса имѣла какой либо мгновенный успѣхъ, заставляла проливать слезы и прочее, то этотъ успѣхъ не прочный, ровно ничего не доказывающій, и авторъ не можетъ и не долженъ увлекаться имъ. Слезы отъ мелодраммы, возбуждаются раздраженіемъ нервъ.... Это не тѣ горячія слезы, которыя заставляетъ проливать васъ художественное произведеніе.

Въ драмѣ г. Потѣхина нѣтъ ни одного характера. Его крестьяне и крестьянки нарумянены и разряжены въ великолѣпные театральные сарафаны и армяки. Они хоть вообще и говорятъ по крестьянски довольно удачно, но часто сбиваются съ этого языка, а Николай Спиридонычъ — этотъ мелодраматическій герой въ тулупѣ отпускаетъ иногда такія реторическія фразы, которыя были бы по плечу молодому герою и не въ тулупѣ. Этотъ Николай Спиридонычъ всѣхъ болѣе и всѣхъ тяжелѣе дѣйствуетъ на нервы со своими неумолкаемыми стонами, жалобами, восклицаніями и возгласами. Если бы мы писали критику на произведеніе г. Потѣхина, мы доказали бы ему на какихъ ложныхъ основаніяхъ построена его драма, какъ мало въ ней истинно народныхъ чертъ, истинно трогательнаго, и какъ много громкихъ, раздражающихъ фразъ и реторики. Но мы пишемъ не критику, а бѣглыя замѣтки и потому только пожелаемъ искренно автору, чтобы онъ покуда еще недотрогивался до народной драмы, съ которой легко обращаться нельзя, и которая требуетъ, кромѣ таланта, большой литературной обдуманности, зрѣлости, глубокаго изученія народнаго быта, — словомъ, всего того, что не дается однимъ вдохновеніемъ и къ чему нельзя приступать съ помощью одной фантазіи.

Вотъ, напримѣръ, легкія журнальныя очерки и разсказы, написанныя на скоро.... это другое дѣло.... Здѣсь авторская фантазія можетъ разыгрываться какъ угодно, и всякое слишкомъ серьёзное замѣчаніе съ нашей стороны по поводу такихъ разсказовъ было бы отсутствіемъ такта и грубымъ педантизмомъ. Къ такимъ легкимъ журнальнымъ очеркамъ и разсказамъ принадлежатъ: «Свистулькинъ» г. Григоровича (Библіотека для Чтенія, № 1) и «Пашенька» г. Дружинина (Отечественныя Записки, № 1). Это литературныя шалости, остроумные капризы, если намъ позволятъ такъ выразиться. Въ первомъ капризѣ все взято изъ вседневной, дѣйствительной жизни, но представлено въ преувеличенной каррикатурѣ (charge).... Во второмъ капризѣ все доведено уже до такого идеализма, что разсказъ становится чуть не фантастическимъ....

Пашенька одно изъ самыхъ прихотливыхъ созданій г. Дружинина.

Я сейчасъ познакомлю васъ, мой читатель, съ этой милой дѣвицей. Но для этого вы должны прежде всего представить себѣ позднюю осень, потомъ нѣмецкій городокъ съ почтовой конторой на горѣ, потомъ дилижансъ, отправляющійся изъ этого нѣмецкаго городка въ Петербургъ, дилижансъ набитый Карлами и Фридрихами, читающими Riga'sche-Zeitung, несмотря на ненастное время и сумракъ. Въ этомъ дилижансѣ одинъ только русскій Викторъ Андреевичъ, богатый, скучающій помѣщикъ, жаждущій подобно Калифу Аль-Рашиду приключеній. Этотъ Викторъ Андреевичъ, котораго авторъ называетъ *эксцентричнымъ джентльменомъ*, несмотря на свое чисто русское происхожденіе, пропитанъ самыми остзейскими фантазіями. Кондукторъ трубитъ въ третій разъ. Дилижансъ готовъ двинуться. Вдругъ.... На ступенькѣ его показывается молодая, высокая дѣвушка, безъ перчатокъ, въ простенькой бѣлой шляпкѣ и, несмотря на позднюю осень, въ очень легонькомъ шерстяномъ пальто, съ капишономъ и кисточкой.... и о чудо! при появленіи ея всѣ пассажиры ей кланяются, какъ старой знакомой, прекращаютъ курить свои вонючія сигарки и благоговѣйно смолкаютъ передъ нею.

Первое слово милой дѣвушки было: «Мейне-герренъ! гдѣ первый нумеръ?»

— Первый нумеръ мой, робко возразилъ Викторъ Андреевичъ по русски.

— Извините, отвѣчала дѣвушка также по русски, садясь на первое свободное мѣсто: — на моемъ билетѣ *поставился* одинъ нумеръ съ вашимъ.

Въ эту минуту раздалось подъ окномъ:

— Лизхенъ хочетъ съ вами абшидъ-неменъ.

— Дайте сюда Лизхенъ, сказала дѣвушка.

Дилижансъ невольно остановился при этихъ звукахъ, несмотря на нетерпѣнія пассажировъ ѣхать.

Дверь отворилась и явилась крошечная, толстая дѣвочка. Путешественница взяла дитя на руки, поцаловала его и два раза перекрестила.

— Она русская! шепнулъ про себя Викторъ Андреевичъ.

Затѣмъ дилижансъ двинулся, а сумракъ спустился на землю.

Викторъ Андреевичъ принялся разсматривать дѣвушку.

У нея были черные, ласковые глаза, вся она была необыкновенно чиста и прилична, глаза ея смѣялись за одно съ устами и она привѣтно смотрѣла на каждаго. Викторъ Андреевичъ заговорилъ съ ней. Онъ узналъ отъ нея, что она на дняхъ вышла только изъ *нѣмецкаго* пансіона; что ея *папаша* аптекарь умеръ, а у *мамаши* есть сиротка Лизхенъ, что ее *самоё* зовутъ Пашенькой и ѣдетъ она къ своимъ роднымъ въ третью роту Семеновскаго полка. Говоря съ Пашенькой Викторъ Андреевичъ не смѣлъ даже помыслить о нѣжномъ разговорѣ. Мало того: чья нибудь нескромная рѣчь въ присутствіи Пашеньки обидѣла бы его и возмутила. Когда Викторъ Андреевичъ сталъ выхвалять передъ нею прелести деревенскаго спокойствія, Пашенька возразила съ милой улыбкою:

— *Мнѣ по чемъ-то кажется*, что вы ѣдите въ городъ отъ большой скуки!

Такая проницательность смутила Виктора Андреевича, а Пашенька начала разспрашивать между тѣмъ своего визави о Минѣ, Линѣ, Идѣ, Терезѣ, Гансѣ и о другихъ.

Викторъ Андреевичъ глядя на нее воскликнулъ про себя:

«Передо мною истинное chef d'oeuvre прихотливой природы!»

Затѣмъ Пашенька заснула, однако при первомъ толчкѣ, глубоко вздохнула и раскрывъ глаза сказала Виктору Андрѣевичу:

— Мы съ вами одни не спимъ.

— Позвольте вамъ неповѣрить, возразилъ онъ, — показывая на ея шляпку, которую онъ держалъ въ своей рукѣ, потому что она свалилась съ головки дѣвушки во время ея сна.

Пашенька покраснѣла и произнесла:

— Ахъ, а мнѣ показалось, что я только сижу съ *запертыми* глазами.

Пропустимъ очень забавныя эпизоды этого путешествія и перенесемся въ Петербургъ въ контору дилижансовъ.... Путешественники достигли цѣли своего путешествія. Виктора Андрѣевича ожидала въ конторѣ коляска съ великолѣпными лошадьми.... Онъ предложилъ ее, Пашеньки и не слушая ея возраженій, почти насильно посадилъ ея. Она поблагодарила его и сказала ему; «что мамаша и всѣ *ейные* родственники почтутъ за особенное удовольствіе, если онъ находясь въ ихъ *городкѣ* заглянетъ къ нимъ *въ домикъ*. И съ этими словами ускакала видимо довольная всѣмъ, а болѣе всего коляской и рысаками.

Викторъ Андрѣевичь проводилъ ее глазами и воскликнулъ:

— Богъ съ тобой, милая, добрая, умная дѣвушка!

Онъ влюбился въ Пашеньку — и черезъ двѣ недѣли отправился

назадъ въ нѣмецкій городокъ Трудно передать необычныя слова, говоритъ авторъ, восторгъ эксцентрическаго джентльмена, когда онъ проснулся въ Пашенькиномъ городкѣ… Вотъ что судья Пашенькинова городка сообщилъ ему о милой дѣвушкѣ.

«— Пашенька любимица всего города.

«— Пашенька родилась въ сорочкѣ.

«— Пашенька маленькое сокровище…

«Послѣ такихъ лестныхъ отзывовъ послѣдовали извѣстія болѣе «опредѣлительныя.

«— Конечно, сказалъ судья: — всякую хорошенькую дѣвушку «станутъ любить и ласкать въ маленькомъ городѣ: но Пашеньку мы «не только любимъ и ласкаемъ — мы всѣ (даже считая дамъ нашихъ) «*восхищаемся* Пашенькой. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она вышла изъ пансіона, дѣла содержательницы пошли плохо; мало того, Пашеньку «ужь не разъ сватали люди далеко-высшіе ея по общественному по-«ложенію; *нѣмецкій клубъ присылаетъ ей даромъ билеты на всѣ бали.* «*Передъ баломъ наши горожанки спорятъ между собою за то*, кому «*изъ нихъ прійдется нарядить Пашеньку и повезти ее съ собой въ со-«браніе*. Такъ смотрѣли на нее всѣ, когда она была еще дитятей. «*Въ пансіонѣ ее учили даромъ*; правда, впослѣдствіи только ею весь «нѣмецкій пансіонъ и держался. Истинно, этой дѣвочкѣ написано на «роду что то особенное. Пашеньку я знаю лѣтъ пятнадцать; съ от-«цомъ ея мы не разъ сражались на бильярдѣ. Когда дѣвочкѣ было «лѣтъ девять, она казалась просто дурна собою, а *между-тѣмъ всѣ* «*дѣти и старики бредили Пашей*. Юродивая баронесса Штульвагенъ «разъ прикатила въ пансіонъ, вызвала нашу дурнушку, подарила ей «браслетъ и сказала важнымъ голосомъ: «Ну, дитя мое, будешь ты «женщиной-счастливицей! *Пашенькѣ кланяются мужики на улицахъ,* «*чухонцы съ барокъ*. Вы говорите, что вамъ было весело сидѣть «подлѣ нея въ дилижансѣ: точно такъ же намъ весело говорить съ «нею, глядѣть на нее, доставлять ей какое-нибудь развлеченіе. И «нельзя сказать, чтобъ причиной этого была особенная веселость «въ ея характерѣ — напротивъ, у ней характеръ неровный, иногда «только живой, по-большей-части стыдливый и даже дикій, а все-«таки она, сама не смѣясь, умѣетъ часто устроить, что у васъ «все внутри смѣется. Да что тутъ долго расписывать Пашеньку! «добавилъ любитель прекраснаго пола, самъ смѣясь своему проти-«ворѣчію: — если вы сегодня ничего не дѣлаете, мы васъ къ ней «сведемъ сегодня, часу въ шестомъ вечера….»

Когда Викторъ Андрѣевичъ подходилъ къ Пашенькину домику онъ услышалъ тріо: das ist eine Rose, das ist auch eine Rose!…. а когда онъ вошелъ въ домикъ, то убѣдился, что въ чистенькой Пашенькиной комнаткѣ *свѣтло и безъ огня*.

Викторъ Андрѣевичъ купилъ для Анны Өедоровны, матери чудной дѣвицѣ двѣсти душъ съ фермой и перевезъ ее на эту ферму и сталъ у нее просить руки Пашеньки.

— Пашенька вамъ неровня, возражала мать, но Викторъ Андрѣевичъ ничего не хотѣлъ слышать, — онъ проводилъ дороги, просѣлки въ этомъ имѣніи, меблировалъ домъ... украшалъ его цвѣтами, картинами, рѣдкостями, — приготовилъ будуаръ для Пашеньки, и когда Пашенька, находившаяся въ отсутствіи пріѣхала наконецъ въ этотъ земной рай, — онъ бухъ передъ нею на колѣни и говоритъ:

— Это я все для васъ....

А Пашенька всплеснула руками, сдѣлала такой жестъ, которому бы позавидовали великолѣпныя дамы и вскричала:

— Ахъ Боже мой!.... развѣ вы незнаете, что мое сердце непринадлежитъ мнѣ.... Спросите у мамаши.... Я *почти* невѣста Франца Гартмана, котораго я зову женихомъ, съ тѣхъ поръ какъ говорить выучилась.

Когда Пашенька рѣшительно отказалась отъ предложеній и будуаровъ Виктора Андрѣевича, — онъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, я ѣду въ городъ сейчасъ, а оттуда въ Петербургъ.

«Ахъ! вы хорошо дѣлаете, сказала дѣвушка. Не забывайте меня, «пожалѣйте обо мнѣ. Я должна успокоить мамашу, и Богъ одинъ «знаетъ, сколько *я буду плакать*. Можетъ-быть, и у васъ съ вами «дочь будетъ выходить не за того, кого-бъ вы ей назначили. «Прощайте; я васъ *никогда забывать не стану*.

«— Пашенька! замѣтилъ Викторъ Андреевичъ: — если я ввелъ «въ заблужденіе вашу матушку, то не забылъ, что можетъ смяг«чить ея неудовольствіе. Я сказалъ уже что вы здѣсь полная хозяй«ка. Пока живъ вашъ вѣрный другъ, ни вы, ни матушка ваша, ни «Францъ Гартманъ...

«— *Это не можно сдѣлать*, перебила Пашенька. Прощайте.

«— Другъ мой, милое мое дитя! въ свою очередь перебилъ ее «нашъ чудакъ: — позвольте говорить съ вами вашимъ же языкомъ, «языкомъ сердца, а не свѣта. Я хочу, чтобъ вы были обезпече«ны, хочу, чтобъ семейство ваше не знало бѣдности и прочее.»

«— *Это не можно сдѣлать*, повторила Пашенька, отирая слёзы. Прощайте.»

Черезъ два мѣсяца послѣ этого, къ Виктору Андрѣевичу, съ отчаянія сдѣлавшемуся страстнымъ любителемъ древнихъ салоновъ и табакерокъ, — явился студіозусъ Францъ Гартманъ, очень похожій на Фердинанда Шиллерова и объявилъ ему, что Пашенька не хочетъ жить въ подгорномъ имѣніи Виктора Андрѣевича, ибо нежелаетъ и несчитаетъ себя въ правѣ воспользоваться его подаркомъ — и что онъ о семъ предметѣ уполномоченъ объявить на отрѣзъ....

«— Цѣните ли вы эту дѣвушку, молодой человѣкъ? сказалъ Вик«торъ Андрѣевичъ, глядя на студіозуса. Довольно ли почтенія въ «сердцѣ вашемъ? Можете ли вы отдать все на свѣтѣ за ея покой и «благосостояніе? Думали ли вы когда-нибудь о цѣнѣ сокровища, ка«кое вамъ достается?

«— О!.. могъ только отвѣтить Гартманъ.

«— Слушайте же меня, произнесъ Викторъ Андрѣевичъ. — Ваша «Пашенька все еще ребенокъ. Еслибъ міръ состоялъ изъ ея родного «городка, ей было бы отлично жить на нашемъ свѣтѣ. Но міръ не«много-болѣе городка — это вы сами знаете. Мы обойдемся безъ «согласія дѣвушки. *Имѣніемъ буду управлять я, передавая вамъ всѣ «доходы. Пашенька не увидитъ нужды;* Пашенькѣ свѣтъ дастъ дорогу «— за это я вамъ отвѣчаю. Я *старый холостякъ*, *я покупаю табакерки съ музыкой; у меня нѣтъ ни расходовъ, ни потребностей.* Ваша «невѣста мнѣ сестра, дѣти ваши будутъ моими дѣтьми. Вы сами во«спитаны не на прозѣ: вы меня поймете. Поѣзжайте же къ Пашень«кѣ, скажите ей, что все устроено, что она *можетъ жить въ шалашѣ и разводить розаны;* заботиться о ней будемъ мы съ вами. Что «же вы не отвѣчаете, любезный Гартманъ? Какое ваше мнѣніе обо «всемъ этомъ?

«— Великій германскій поэтъ сказалъ своему ученику, отвѣчалъ «Гартманъ: бойся свѣдѣній, которыя легко даются; страшись богат«ства, если оно не пріобрѣтено самимъ тобою, въ трудѣ и потѣ ли«ца: легко-добытая наука пойдетъ прахомъ; скорое богатство губитъ «счастливца. Эти два правила всегда будутъ моими. Предложеніе ва«ше неоскорбительно лишь потому, что оно сказано устами старинна«го друга Пашеньки. Намъ ненадо богатства, потому-что мы сами «*богаты сердцами и согласіемъ нашимъ.* И если вамъ когда-либо бу«детъ угодно посѣтить *нашу скромную хижину*, вы сами будете «имѣть случай убѣдиться, что встрѣча, сдѣланная вамъ, какъ добро«му пріятелю, будетъ неоспоримо-горячѣе и радушнѣе, какъ ежели «бы мы увидѣли въ васъ не стариннаго друга, а благодѣтеля и по«кровителя!

«Молодой человѣкъ поклонился и вышелъ....»

Что можетъ быть страннѣе и не сбыточнѣе этого разсказа, этой шалости авторской фантазіи, этого своего рода «Сна въ лѣтнюю ночь» который могъ присниться только впрочемъ на финскихъ болотахъ. что сравниться въ прихотливости и оригинальности, съ этой русской дѣвицей, съ финскимъ колоритомъ, — вся грація, вся прелесть которой основана на утонченной идеальности и которая въ довершеніи всего говоритъ такимъ языкомъ какъ говорятъ нѣмецкія булочники въ водевилахъ г-на Каратыгина.

И несмотря на это, полу-русская, полу-финская идиллія, Г-на Дружинина этотъ литературный капризъ поднявшійся и разцвѣтшій на финской почвѣ читается съ невыразимымъ наслажденіемъ.... покрайней-мѣрѣ мнѣ—Пашенька доставила минуты истиннаго удовольствія и читая ее, я невольно обращался къ автору съ извѣстными стихами Пушкина:

Твоя чухоночка, ей ей!
Гречанокъ Байрона милѣй.
А твой зоилъ — прямой чухонецъ.

Кто же захочетъ превратится въ чухонца и серьёзно критиковать граціозную чухоночку г. Дружинина?

Нѣтъ этого не можно сдѣлать! повторю я вмѣстѣ съ Пашенькой и ея языкомъ.

Капризъ г. Григоровича не имѣетъ ничего общаго съ капризомъ г. Дружинина. Капризъ г. Дружинина вышелъ изъ фантазіи, которой авторъ предался съ какой-то особенною любовью и безпечностію. Онъ какъ будто сказалъ ей: «Дѣлай что хочешь, уноси меня куда хочешь, твори что тебѣ угодно, я тебя ни въ чемъ не буду препятствовать, я не остановлю тебя, не удержу твоихъ порывовъ. Я буду спокойно любоваться всѣмъ, что вздумается тебѣ показать мнѣ....» И фантазія г. Дружинина — непорывистая и не слишкомъ пламенная, а благоразумно-шаловливая, спокойная, непозволяющая себѣ чрезъ мѣру волноваться и увлекаться, немножко сантиментальная, не выходящая никогда изъ границъ приличій — истинно джентельменская фантазія.... создала прелестную пастушескую картинку, но такъ какъ эта картинка не совсѣмъ удобна выходила на велико русской почвѣ, то догадливая фантазія слегка только прикоснулась къ этой почвѣ, а остальное все разрисовала на остъзейскомъ фонѣ. Эта *милая просвѣтительница малютокъ*, это скромное дитя фантазіи г. Дружинина въ своей выбѣленной комнаткѣ, украшенной бѣлыми кисейными занавѣсочками, въ бѣломъ платьѣ, называющая свою мать — *мамашенькой*, весело улыбающаяся и придерживающая лѣвой рукой передничекъ свой съ грудой лежавшихъ въ немъ яблокъ,—въ своемъ родѣ ничемъ не хуже Шарлотты Гёте, намазывающей масло на хлѣбъ. Я убѣжденъ, что капризъ фантазіи г. Дружинина, называющійся Пашенькой, приведетъ многихъ въ восторгъ,—и они будутъ правы, а литературный капризъ г. Григоровича, называющійся *Свистулькинымъ*,—оцѣненъ будетъ немногими. Въ составленіи Свистулькина не было уже ни малѣйшаго участія фантазіи. Г. Григоровичъ взялъ фигуру—и то только съ одной внѣшней стороны тупаго франта средней руки,рабски подражающаго такъ-называемымъ *львамъ*, которыхъ онъ видитъ только издалека, на Невскомъ проспектѣ или въ модныхъ ресторанахъ: фигуру, которая уже неоднократно была представляема; въ русскихъ повѣстяхъ и романахъ. Г. Григоровичъ, вѣроятно, имѣлъ намѣреніе, добить это пошлое лицо окончательно, не замѣтивъ, что оно уже давно валяется и не взявъ въ соображеніе, что лежачихъ не бьютъ. Какъ бы то ни было, взявъ эту лежачую фигуру и снова поставилъ ее на ноги, онъ началъ прибавлять къ ней различныя каррикатурныя штрихи и размалевывать ее самыми яркими и-бросающимися въ глаза красками, для того, чтобы придать этой фигурѣ, нѣкоторую свѣжесть, хоть сколько-нибудь подновить ее; но авторъ не довольствуется даже и этими красками, а еще сверхъ красокъ кладетъ густыя слои блестящаго лака для произведенія бо́льшаго эффекта.

Мы нисколько не противъ каррикатуры, но для каррикатуры необходима прежде всего — мысль, — и потомъ бойкость кисти, смѣ-

лость рисунка, каррикатура должна быть непремѣнно умна, зла, весела и недлинна. Каррикатура тогда только можетъ имѣть успѣхъ, когда она подмѣтивъ какія-нибудь новыя, смѣшныя общественныя стороны, ускользнувшія отъ другихъ, представляетъ ихъ на всеобщее посмѣяніе, ловко и остроумно преувеличивая смѣшное. Мы очень хорошо понимаемъ значеніе и важность каррикатуры. Чарльсъ Лембъ, надѣленный самымъ тонкимъ литературнымъ вкусомъ на вопросъ.—Какая его любимая книга? — отвѣчалъ «Шекспиръ.» — «А послѣ Шекспира?» спросили его—«Гогартъ» отвѣчалъ онъ ни мало не задумавшись. Превосходный отвѣтъ!... Въ самомъ дѣлѣ, Гогартъ — каррикатуристъ — не только живописецъ, — онъ вмѣстѣ писатель и мыслитель.... Мы знаемъ, что иногда каррикатура преувеличиваетъ смѣшное до безобразія, но чтобы это безобразное достигало своей цѣли, надобно имѣть большой талантъ.... Гогартъ, какъ извѣстно, написалъ между-прочимъ, неслыханную, чудовищную каррикатуру на знаменитаго современнаго ему журналиста Вилькеса (Wilkes) издателя *North-Briton*, но эта каррикатура была въ тоже время такъ зла и ловка, что Вилькесъ взглянувъ на нее невольно воскликнулъ: «да! еслибы мы дѣлали самихъ себя, такое безобразіе, въ самомъ дѣлѣ, нельзя бы было просить мнѣ.» Для каррикатуры необходимо имѣть особенный талантъ, особенное призваніе. Каррикатуры г. Григоровича никогда не будутъ злы, цѣпки и мѣтки, потому что нельзя быть въ одно и тоже время превосходнымъ пейзажистомъ и отличнымъ каррикатуристомъ. Каждому данъ свой талантъ и поэтому каждый долженъ держаться своей среды.... Что̀ вышло, еслибы Гогартъ началъ писать Мадонъ, а Мюрильо—вздумалъ, напримѣръ, изображать—*Карьеръ безпутнаго* (Kare's Progress)?... Очень грустно, когда человѣкъ берется не за свое дѣло, наряжается въ чужой вовсе не идущій къ нему костюмъ.... Талантливаго автора *Рыбаковъ*, нѣтъ, напримѣръ, никакой возможности узнать въ авторѣ *Свистулькина*. Между ними нѣтъ, кажется ничего общаго.... Это совершенно два разные автора.— Первый — твердо владѣетъ своею кистію и весь проникнутый любовію къ искусству — отдѣлываетъ съ необыкновенною тщательностію, съ истинною художническою добросовѣстностію замышленные имъ лица.... Его *Бобыль*, *Старикъ Рыбакъ*, *Антонъ Горемыка* — все это живые образы, воспроизведенные болѣе или менѣе художественно и можетъ быть нѣсколько идеализированные, но именно на столько, на сколько это допускается въ искусствѣ.... Второй — не имѣетъ ни малѣйшей смѣлости въ рисункѣ: его карандашъ — карандашъ начинающаго, дрожащій, робкій, проводящій невѣрные штрихи, мѣстами блѣдный, мѣстами подтушовывающій уже слишкомъ темно и однообразно... *Свистулькинъ* и нѣкоторыя лица изъ Проселочныхъ дорогъ, рисовано именно такимъ карандашомъ. Но мы кажется впали въ слишкомъ серьёзный тонъ.... Говорить серьёзно о произведеніи, которому, — мы убѣждены въ томъ, самъ авторъ не придаетъ серьёзнаго значенія, было бы странно.

Свистульккинъ — капризъ, шутка, *charge*, и былъ бы очень забавнымъ капризомъ, если бы, первое — не былъ такъ разтянутъ и второе, — если бы не былъ написанъ такимъ серьёзнымъ, тяжелымъ .. и даже нѣсколько вялымъ языкомъ.... Самая остроумная шутка на десяти печатныхъ листахъ можетъ наскучить, — этого не разсчиталъ авторъ.

Приключеніе Свистулькина и самое это лицо преувеличены до каррикатуры. Въ литературномъ капризѣ этого и быть иначе не можетъ.... насъ только смущаетъ одно: отчего авторъ назвалъ свой капризъ *физіологическимъ очеркомъ?* Чтò общаго между физіологіей и каррикатурой? И не слишкомъ ли тяжеловатъ дясяти-листный Свистулькинъ для очерка?...

Но мы, кажется, опять вдаемся въ критику.... это, впрочемъ, въ послѣдній разъ.

Познакомимъ читателя съ самимъ г. Свистулькинымъ... И для этого будемъ дѣлать небольшія извлеченія изъ каприза г. Григоровича, чтобы такимъ образомъ читатель познакомился съ манерой его разсказа....

Вотъ наружность героя:

«Наружность его ни чѣмъ не отличалась: она была непривлека-«тельна—вотъ и все. Никто не удивится послѣ этого, если онъ старал-«ся придать ей нѣкоторую пріятность: но выходило всегда, что чѣмъ «больше стремился онъ къ такой цѣли, тѣмъ меньше достигалъ ее.

«Ступивъ на тротоаръ Невскаго Проспекта, онъ выпрямлялъ спину «и голову, проявлялъ на бѣловатомъ лицѣ улыбку, покачивался раза «два корпусомъ, какъ бы для пробы, и наконецъ смѣшивался съ гу-«ляющими.

«Во все время прогулки онъ не переставалъ покачиваться, посто-«янно держалъ правую руку и крючекъ тросточки въ правомъ карма-«нѣ пальто и кивалъ глазами направо и налѣво съ самымъ равсѣян-«нымъ, безпечнымъ видомъ. Но какъ только издали показывались «дамы, онъ замедлялъ шагъ за десять шаговъ до встрѣчи, тускло-«голубоватые глаза его, окруженные красными вѣками — онъ, какъ «*узналъ я впослѣдствіи, мылъ ихъ мыломъ каждый день по нѣскольку* «*разъ, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого они пріобрѣтаютъ особенный* «*блескъ и свѣжесть* — глаза его начинали постепенно съуживаться, а «а въ минуту самой встрѣчи дѣлались чрезвычайно похожими *на* «*глаза умирающаго теленка;* вся его фигура принимала тогда необы-«чайное сходство съ вертлявою фигуркой англійской левретки, прыга-«ющей на заднихъ лапкахъ.

«Лицо его, напротивъ, дѣлалось чрезвычайно серіознымъ и даже «строгимъ при встрѣчахъ съ особами мужскаго пола; выраженіе стро-«гости смягчалось не иначе, какъ когда встрѣтившійся мужчина при-«надлежалъ къ высшему обществу, носилъ громкое имя или одѣвался «съ особенною изысканностью....»

Герой былъ долженъ кругомъ. Самые простые изъ его кредиторовъ были два брата Шамбакеры - портной и сапожникъ. Онъ между прочимъ

никогда не обѣдалъ, а заходилъ въ кафе Пассажа и съѣдалъ порцію макаронъ съ огромнымъ количествомъ хлѣба, но для виду сидѣлъ въ модныхъ ресторанахъ, и выходилъ оттуда обыкновенно послѣ чашки кофе, но съ зубочисткой во рту. Идеаломъ его былъ какой-то франтъ графъ Слапачинскій, которому Свистулькинъ подражалъ во всемъ рабски. Онъ начиналъ впадать уже въ нищету, какъ вдругъ получилъ послѣ кого-то наслѣдство.... тысячу рублей серебромъ. На этихъ тысячи рубляхъ авторъ основалъ весь свой комизмъ....

Вмѣсто того, чтобы уплатить свои долги, Свистулькинъ, разумѣется, заказываетъ себѣ, по образцу Слапачинскаго, модные фраки и жилеты портному Коко.

«Кокó взялъ очень дорого, но, надо правду сказать, одѣлъ его по «послѣдней модѣ, или въ послѣднемъ стилѣ, какъ принято говорить: «панталоны — *fantasie;* жилетъ — *idem;* пальто-сакъ — *à la midschman* «*anglais;* все это сидѣло превосходно; на каждой пуговицѣ было даже «выбито: *Alfred Coco, successeur de ci-devant Dindonet.* Затѣмъ, по ре«комендаціи того же Кокó, молодой человѣкъ отправился къ француз«скому сапожнику и накупилъ обуви. Затѣмъ, явилась необходимость «зайдти въ магазинъ: «*au petit-maître*», куда привезенъ былъ большой «*ассортиментъ* галстуховъ. Французъ, къ которому обратился онъ, «взглянулъ сначала на лицо его, потомъ на жилетъ, далъ замѣтить, «что галстухъ долженъ быть непремѣнно средняго цвѣта между цвѣ«томъ лица и жилета, сказавъ: «*j'ai ce qu'il vous faut*», выложилъ пе«редъ нимъ *ассортиментъ* съ такою поспѣшностью, какъ будто пока«зывалъ фокусъ. Выбраны два галстуха — одинъ *à la Colin*, другой «*à la Montpensier*; французъ предлагалъ еще третій: *à la Jean-Jacques*, «но молодой человѣкъ былъ столько благоразуменъ, что отказался. «Рядомъ съ магазиномъ «*au petit-maître*» находилась стеклянная дверь «съ золотою надписью «*Alménor*, — *coiffeur*»; тутъ молодой человѣкъ «вспомнилъ, что, примѣряя часъ тому назадъ платье, долженъ былъ «встрепать себѣ волосы, и вошелъ къ коаферу.

«— «*Un petit coup de ciseau; un petit coup de fer*, — *rien que pour* «*rafraichir les pointes.... M r a t'il lu les Mystéres de Paris?... un soup*«*con de pomade*, *une idée de Bandoline*», — и нашъ молодой человѣкъ «вышелъ изъ рукъ *de l'artiste en cheveux,* въ прическѣ *à la petite polka!*

«При выходѣ изъ парикмахерской, глаза его случайно упали на «окна съ изображеніемъ, красками на стеклѣ, перчатокъ всѣхъ возмо«жныхъ цвѣтовъ. Онъ вошелъ, и вскорѣ явился на Невскомъ въ та«комъ блескѣ, въ какомъ никогда еще не являлся. Завернувъ въ Пас«сажъ и оглянувъ себя въ зеркалѣ, онъ пришелъ въ такой восторгъ, «что рѣшился тотчасъ же снять съ себя дагеротипъ; и точно, уже «совсѣмъ было отправился, но сдѣлавъ двадцать шаговъ, пожалѣлъ «разстаться съ Невскимъ Проспектомъ и отложилъ свое намѣреніе до «другаго раза.

«Такъ блисталъ онъ нѣсколько дней сряду и эти дни, можно ска«зать съ увѣренностью; были лучшими днями его жизни. Но нѣтъ та-

«кого яснаго неба, которое не омрачилось бы тучами. Туча на ясномъ «небѣ нашего героя предстала въ образѣ Карла Шамбахера. Встрѣ-«тивъ прежнюю свою практику въ совершенно новомъ костюмѣ, и «основательно заключивъ изъ этого, что практика получила деньги, «но заблагоразсудила обратиться къ новому портному прежде чѣмъ «расплатиться съ прежнимъ,—Шамбахеръ пришелъ въ такую ярость, «что чуть-было не *погибъ отъ паралича.* Но этимъ еще не кончилось; «въ тотъ же день герой нашъ встрѣтился съ сапожникомъ Шамбахе-«ромъ, который, какъ только взглянулъ на новые сапоги должника, «поднялъ кулаки и закричалъ: *Donner Wetter!* такимъ громовымъ го-«лосомъ, что нашъ молодой человѣкъ кинулся стремглавъ въ сосѣднія во-«рота, пробѣжалъ безъ оглядки дворъ, вышелъ въ заднія ворота и «бѣжалъ до-тѣхъ-поръ, пока не уткнулся въ какой-то заборъ.

«Съ этого дня, братья Шамбахеры начали преслѣдовать его съ «особеннымъ, какимъ-то злобнымъ, неукротимымъ остервенѣніемъ.»

Характеристическою чертою г. Свистулькина было то, что онъ съ оставшимися въ его карманѣ тремя-стами рублями серебромъ, приторговывалъ всѣ продающіеся въ Петербургѣ дома, и такимъ образомъ знакомился съ ихъ хозяевами. Такъ познакомился онъ и съ семействомъ богатаго булочника Бекера и началъ ухаживать за его дочкой. Булочникъ и булочница были, разумѣется, въ восторгѣ, что за ихъ дочкой ухаживаетъ такая знатная особа. Ухаживая за булочницей, молодой человѣкъ подвергается между тѣмъ большимъ непріятностямъ. Его ловятъ по улицамъ жестокіе братья Шамбахеры и даже чуть было однажды не поймали его въ ресторанѣ Брунфо, но онъ, къ счастію, улизнулъ отъ нихъ заднимъ ходомъ.... Свистулькинъ однако не унываетъ. Услыхавъ въ ресторанѣ слѣдующій разговоръ, между Берендѣевымъ, графомъ Слапачинскимъ и господиномъ съ крашеными бакенбардами....

«— Завтра балъ у княгини Z... Ты будешь?

«— Но надо ѣхать съ визитомъ.... это скучно....

«— Ни какой нѣтъ надобности дѣлать тебѣ визита, повѣствовалъ «все тотъ же крашеный господинъ: если ты только намѣренъ ѣхать «на балъ, что̀ я тебѣ совѣтую, заѣзжай къ княгинѣ въ три часа; ни «ея, ни князя въ эту пору не бываетъ дома.... Отдай швейцару кар-«точку; онъ запишетъ твой адресъ, а дня за два, за три до бала, «какъ это водится, тебѣ пришлютъ по адресу приглашеніе, вотъ и все «тутъ.

«Я не зналъ этого, сказалъ самъ себѣ ошеломленный Иванъ Алек-«сандровичъ: неужто это такъ просто?... записавшись у швейцара мо-«жно слѣдовательно....»

«Но тутъ Берендѣевъ, которому подали пломбьеръ, спросилъ адресъ «княгини и Свистулькинъ затаилъ дыханіе, чтобы не проронить слова; «прислушавшись къ названію дома и улицы, онъ вынулъ бумажникъ, «записалъ адресъ княгини, и тутъ же, кстати, приписалъ для памяти:

«— «Пломбьеръ: сливочное мороженое съ плодами внутри, пахнетъ ромомъ.»

Свистулькинъ отправляется къ княгинѣ съ визитомъ, оставляетъ карточку, швейцаръ записываетъ его адресъ—и въ день бала.... о радость! Свистулькинъ получаетъ приглашеніе отъ княгини... Онъ носится съ этимъ приглашеніемъ и показываетъ его всѣмъ.... булошникамъ, портному, парикмахеру и проч. Въ день бала раздушившись и разпомадившись, онъ отправляется на балъ.

«На Думѣ било девять, когда Иванъ Александровичъ вышелъ на улицу. Было еще рано ѣхать; но Свистулькинъ, движимый нетерпѣливымъ безпокойствомъ, которое усиливалось по мѣрѣ приближенія дома, направился къ биржѣ и нанялъ карету. Онъ приказалъ ѣхать къ княгинѣ, но далъ замѣтить извощику, чтобъ онъ не слишкомъ однакожъ торопился. Подъѣхавъ къ дому, онъ увидѣлъ что тамъ царствовалъ совершенный мракъ; въ одномъ только окнѣ бель этажа, сквозь кисейные занавѣсы, мелькалъ рядъ огней, которые свидѣтельствовали, что начали зажигать первую люстру. Иванъ Александровичъ успокоился; тѣмъ не менѣе сидѣлъ онъ какъ истуканъ и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать и куда дѣваться до начала бала. Ждать за угломъ условнаго часа онъ не могъ; онъ и безъ того уже страшно прозябъ и принужденъ даже былъ крѣпко стискивать зубы, чтобы они не щелкали. Пальцы его, обтянутые перчаткой, окоченѣли; горло и грудь ныли отъ холода. Нечего было думать прибѣгнуть къ какому-нибудь согрѣвающему моціону; одно неосторожное движеніе могло смять воротнички рубашки или повредить галстучному банту. Какъ быть? куда дѣваться?!.. Свистулькинъ приказалъ вернуться на Невскій и остановился противъ Пассажа.

«Войдя въ кафе, онъ спросилъ стаканъ чаю и расположился за особымъ столомъ.

«Онъ оживился однакожъ, когда вступилъ въ Пассажъ и очутился посреди гуляющихъ, но оживленіе его не было продолжительно; мысль, что воротнички, жилетъ и галстучный бантъ пострадаютъ въ толпѣ, заставила его скорѣе подняться во второй этажъ; тамъ царствовала, какъ и всегда, смертная скука; взволнованный ожиданіемъ, Свистулькинъ то и дѣло смотрѣлъ на часы; онъ рѣшилъ наконецъ, что пора ѣхать, покинулъ Пассажъ, сѣлъ въ карету и направился къ Фонтанкѣ.

«Окна Z горѣли уже огнями, но не было еще ни одной кареты у подъѣзда.

«— Нѣтъ, видно рано еще! съ отчаяньемъ подумалъ Свистулькинъ: ахъ Боже мой! Боже мой!... куда жъ дѣваться?... Пошелъ къ Семіону! заключилъ онъ, выражая досаду свою голосомъ, потому-что самъ не смѣлъ пошевельнуться.

«На этотъ разъ, кондитерская Рязанова приняла подъ гостепріимный кровъ свой простодушнаго Свистулькина. Онъ провелъ тутъ цѣлыхъ полтора часа, разнообразя время тѣмъ лишь, что каждые

«пять минутъ подходилъ къ камину и смотрѣлъ на часы. Наконецъ «пробило одиннадцать. «Пора!» промолвилъ Иванъ Александровичъ, «и вдругъ почувствовалъ, что сердце его какъ-будто дрогнуло. Онъ «поспѣшилъ побѣдить въ себѣ такую слабость. Карета его покатила «въ третій разъ къ Фонтанкѣ. Прошло десять минутъ неловкаго ожи-«данія и вдругъ карета остановилась, задержанная другими каретами, «которыя тѣснились у готическаго подъѣзда.

«Съ этой минуты вплоть до того времени, когда дошла до него «очередь, Иванъ Александровичъ сохранилъ присутствіе духа; и если «зубы его щелкали немилосерднѣйшимъ образомъ, по всему тѣлу «пробѣгала дрожь и дрожали колѣна, такъ это происходило единст-«венно отъ холода. Онъ точно смутился, можно даже сказать, почув-«ствовалъ сильную робость, но это случилось не прежде, какъ когда «онъ вошелъ въ швейцарскую, снялъ пальто и очутился во фракѣ.

«Подобно влюбленному, который бѣжитъ на свиданье, обдумывая «монологи и страстныя объясненія самаго побѣдительнаго свойства, и «вдругъ становится тупѣе пробки въ критическую минуту, Иванъ «Александровичъ растерялся совершенно; куда дѣвались тѣ граціо-«зныя движенія и щегольскіе пріемы, которые такъ восхищали его «утромъ! Ноги его словно приросли къ полу; швейцарская, освѣщен-«ная множествомъ лампъ,обставленная растеніями и наполненная лакея-«ми въ блестящихъ ливреяхъ, мелькала передъ нимъ какъ въ туманѣ.

«— Ужъ не пойдти ли лучше назадъ? подумалъ Иванъ Алексан-«дровичъ, боязливо оглядывая широкую и безконечно длинную па-«радную лѣстницу.

«По обѣимъ сторонамъ этой лѣстницы, на каждой почти ступени «стояли лакеи; за спинами ихъ подымался цѣлый лѣсъ цвѣтовъ и зе-«лени, сквозь которую просвѣчивали блестящіе шары лампъ, повто-«рявшіеся въ зеркалахъ; по ступенямъ живописными группами во-«сходили дамы, барышни, молодые люди и почтенные особы со звѣз-«дами на груди; страхъ какой-то оковалъ Ивана Александровича, че-«му не мало также способствовали звуки оркестра, неожиданно раз-«давшіеся въ отдаленіи.

«— Право не пойдти ли ужъ мнѣ назадъ?!.. повторилъ онъ, пере-«нося безъ всякой цѣли шляпу свою изъ одной руки въ другую. — «Нѣтъ же, нѣтъ! что это въ-самомъ-дѣлѣ такое! промолвилъ онъ, за-«мѣтивъ нѣсколько лакейскихъ взглядовъ, устремленныхъ на его осо-«бу: — пойду, все равно... никто меня не съѣстъ... что за вздоръ... «постою тамъ у дверей, погляжу на танцующихъ.... а тамъ, если.... «ну и назадъ!...

«Свистулькинъ перенесъ шляпу въ лѣвую руку и началъ поды-«маться по лѣстницѣ; онъ старался однакожъ не смотрѣть на сторо-«ны и даже опускалъ глаза каждый разъ, какъ проходилъ мимо ла-«кея. Немного погодя, вступилъ онъ въ большую бѣлую комнату, «украшенную мраморнымъ каминомъ и обставленную зеркалами; тутъ «толпилось еще больше лакеевъ чѣмъ на лѣстницѣ, и въ швейцар-

«свой; но оставалось свободное мѣсто подлѣ большой двери въ баль-
«ную залу; Свистулькинъ самъ не могъ надивиться смѣлости, съ ка-
«кою завладѣлъ онъ этимъ мѣстомъ. Прислонившись къ косяку, онъ
«робкимъ взглядомъ окинулъ залу, наполненную танцующими. Почти
«въ ту же минуту въ ушахъ его раздался знакомый голосъ; онъ не-
«вольно попятился и поднялъ голову... Но кто опишетъ трепетъ Ива-
«на Александровича, когда въ трехъ шагахъ увидѣлъ онъ графа Сла-
«пачинскаго, который оглядывалъ его изумленными глазами; по пра-
«вую руку графа стояла княгиня Z, по лѣвую руку — князь. Сви-
«стулькинъ мгновенно узналъ ихъ; ужасъ разлился по всѣмъ соста-
«вамъ и жилкамъ Ивана Александровича: взгляды князя и княгини
«слѣдовали одному направленію со взглядами Слапачинскаго. Одной
«секунды достаточно было впрочемъ Свистулькину, чтобы откинуть-
«ся назадъ и затесаться въ самую густую толпу лакеевъ; но лакеи
«тотчасъ же посторонились. «Пропалъ! пропалъ!!» могъ только полу-
«мать Свистулькинъ, и снова ринулся въ толпу лакеевъ, которые сно-
«ва посторонились.

«— Спросите этого господина, кого ему угодно? произнесъ голосъ
«у порога залы.

«— Кого вамъ угодно? спросилъ басистый голосъ надъ самымъ
«ухомъ Свистулькина, который комкалъ въ замѣшательствѣ шляпу
«свою и блуждалъ глазами во всѣ стороны.

«— Я.... мнѣ.... мнѣ хотѣлось узнать.... гдѣ Варвара Петровна?...
«спросилъ неожиданно Свистулькинъ.

«— Какая Варвара Петрова? спросилъ съ удивленьемъ лакей.

«— Варвара Петровна... повторилъ сквозь слезы Иванъ Алексан-
«дровичъ.

«— Вы вѣрно ошиблись.... здѣсь нѣтъ никакой Варвары Пет-
«ровны.

«— Ахъ, виноватъ... я вѣрно ошибся... это подлѣ... также балъ...
«я ошибся домомъ...

«— Сюда пожалуйте... здѣсь-съ... произнесъ тотъ же лакей, видя,
«что Свистулькинъ мечется изъ угла въ уголъ отыскивая выходную
«дверь.

«Иванъ Александровичъ кинулся вонъ и торопливо спустился съ
«лѣстницы, повторяя на каждой почти ступени, что онъ ошибся.
«Видъ знакомаго швейцара возвратилъ его къ сознанію. «У меня
«ужасно разболѣлась голова...» пробормоталъ онъ въ отвѣтъ на уди-
«вленный взглядъ швейцара; послѣ чего надѣлъ пальто и поспѣшно
«оставилъ домъ князя Z.

«— Это ужасно! ужасно! отчаянно повторялъ онъ, удаляясь бы-
«стрыми шагами отъ готическаго подъѣзда: срамъ! опозоренъ!... по-
«казаться никуда нельзя теперь.... А все ты! чего недоставало еще!
«нѣтъ, лѣзешь, лѣзешь дрянь ты этакая! — лѣзешь! подхватилъ онъ,
«осыпая себя совершенно неожиданно градомъ ударовъ: сколько хло-
«потъ, сколько приготовленій, Боже мой! продолжалъ онъ сквозь сле-

«зы: — и все это пошло прахомъ, все погибло! проклятый Слапа-«чинской!!..»

Черезъ нѣсколько дней, немного утѣшась, онъ проситъ у булочника руки его дочери, ужь дѣло почти рѣшено.... булочники ждутъ только своихъ двухъ родственниковъ, чтобы познакомить съ ними своего будущаго зятя.... Родственники являются... и о, ужасъ! Это неумолимые братья Шамбахеры.... Спрятаться уже не гдѣ, Свистулькинъ обращается въ постыдное бѣгство, при восклицаніи этихъ злодѣевъ: *Junger Swistulkin! Poz-Tausend!* и проч. Свистулькинъ покупаетъ послѣ этого на послѣднія деньги батистовую рубашку и ходитъ съ открытою грудью въ морозъ, простужается и умираетъ....

«Жаль новаго пальто и новой рубашки — говоритъ авторъ въ заключеніе — которые унесъ онъ съ собою въ могилу. А впрочемъ, разсудивъ хорошенько, не стоитъ *даже* жалѣть и объ этомъ!»

Мы сообщили только нѣсколько приключеній изъ тысячи самыхъ несбыточныхъ и каррикатурныхъ приключеній Свистулькина, но читатели, я думаю, достаточно познакомились изъ сдѣланныхъ нами выписокъ съ новымъ героемъ г. Григоровича.

Все это было бы очень смѣшно, если бы не было очень длинно. Такія отступленія, какъ, напримѣръ, слѣдующее—совершенно безполезно (по нашему мнѣнію) растягиваютъ разсказъ:

«*Свистулькинъ!*... Тутъ, безъ сомнѣнія, многіе особы пожмутъ пле-«чами, отвернутся и скажутъ: *фи!!*...

«Но скажите пожалуйста, отчего не стали бы вы отворачиваться «и не сказали бы *фи!* если бы вамъ пришлось встрѣтить въ разсказѣ «брюссельскаго изданія имя *M-r Siffler* или *M-r Siflotin*! Отчего это? «Держу какое угодно пари, что фамилія *M-r Siflotin* показалась бы «вамъ очень забавною — право такъ!

«Странное дѣло: какой-нибудь *Θедоръ Сапогъ* приводитъ въ содра-«ганье, а *M-r Soulié* возбуждаетъ пріятную улыбку: чѣмъ же сапогъ «хуже башмака? Вы отворачиваете взоръ отъ *Горшкова* и *Корешкова* «и готовы подать руку и танцовать мазурку съ *M-r Potier* или *M-r* «*Racine* даже еслибъ они не были потомками знаменитыхъ людей, а «попросту назывались *M-r Potier* или *M-r Racine?* Развѣ *M-r Corneille,* «не тотъ же Галочкинъ? *M-r Poiret,* не тотъ же *Горохинъ* или *Груш-«кинъ? Потьевъ* не тотъ же *Sue?*.... и т. д. Рѣшительно, не понимаю «такого предубѣжденія и не знаю право, до чего оно можетъ дойдти; «впрочемъ, если хотите, оно уже и дошло вотъ до чего: я зналъ одну «даму, которая говорила очень свободно: *Pierre, ne salissez pas votre* «*pantalon*, — и скорѣе умерла бы, чѣмъ сказала: *Piere, не марай* «*своихъ панталонъ*. Я положительно даже знаю, что она во всю свою «жизнь ни разу не произнесла этого неблагозвучнаго слова Но такъ-«какъ, несмотря на всѣ возможныя разсужденія, большинство будетъ «стоять всегда скорѣе за слово: *pantalon*, чѣмъ за слово: *панталоны*, «то оставимъ это, и обратимся лучше къ нашему дѣлу.»

Есть ли во всемъ этомъ юморъ, или остроуміе, или веселость? мы не беремся рѣшать.... Пусть рѣшаютъ этотъ вопросъ читатели....

Разсказъ г. Михайлова,—подъ заглавіемъ «Стрижевыя Норы» («Отеч Зап.», № 1.) отличается истиною и простотою. Г. Михайловъ разсказываетъ о неудачномъ сватовствѣ купца Щекотурова, за дочь отставнаго служиваго Петра Игнатьева—Настю, которая, несмотря на всѣ препятствія, выходитъ за-мужъ за любимаго ею козака, Калинина. Содержаніе — не хитрое и не сложное.... Дѣйствіе въ Уфѣ.... Но въ разсказѣ этомъ, немудрствующемъ лукаво, встрѣчаются эпизоды очень картинныя и даже поэтическія....

Кстати о поэзіи....

Въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ» напечатаны одиннадцать стихотвореній г. Щербины....

Мы никогда не сомнѣвались въ стихотворномъ талантѣ г. Щербины. Было даже время, когда увлеченные небольшею книжечкою стихотвореній его, въ которой, есть нѣсколько истинно-поэтическихъ произведеній, — мы думали, что русская литература пріобрѣтаетъ въ немъ замѣчательнаго поэта.... Къ сожалѣнію, наши надежды не осуществились, наше увлеченіе было слишкомъ горячо и равновременно.... г. Щербина, послѣ того печаталъ много стиховъ, но онъ уже не шелъ впередъ; онъ только повторялся и писалъ болѣе или менѣе звучные, болѣе или менѣе удачные стихи ... безъ поэзіи. Таковы и послѣдніе его одиннадцать стихотвореній, изъ которыхъ нѣтъ ни одного художественно выдержаннаго. При томъ, г. Щербина, пріобрѣлъ въ послѣднее время.... *первое* — не со всѣмъ удачную (по нашему мнѣнію) привычку: взятыя имъ изъ философскихъ книгъ различныя мысли — перелагать въ стихи.... неужели это поэзія? и *второе* — слишкомъ выставлять впередъ собственное *Я*.... Это *Я*, подымающееся на цыпочки и украшенное поэтическимъ ореоломъ, можетъ быть рисуется уже слишкомъ живописно, и оттого нѣсколько утрачиваетъ грацію....

Исполненъ вниманьемъ (говоритъ г. Щербина.)
Для всякой летающей крошки,
И груди сдержавъ колыханье,
Въ себя не втяну я дыханьемъ
Въ лучахъ затерявшейся мошки....

Въ трудахъ уставшій и разбитый, (говоритъ онъ въ другомъ стихотвореніи.)
Съ душой задумчивой моей,
Я слышу смѣхъ и лепетъ, слитый
Въ игрѣ *безсмысленной* (?) дѣтей;
Я не горжусь тогда собою,
Что много мыслилъ я и жилъ,
И что невѣданное мною
Я въ душу кладомъ положилъ.... и прочее.

Мы не сомнѣваемся, что г. Щербина много мыслилъ и жилъ, но если бы онъ болѣе обработывалъ и обдумывалъ свои стихотворе-

нія, — они значительно выиграли бы отъ этого, и были бы, вѣроятно, гораздо проще. Тогда, можетъ быть, не было бы у него ни *днее въ трепетаньи стиховъ золотыхъ*, *ни древесныхъ сводовъ, которыя держатъ совѣтъ съ облачками*, *у него отъ укушенія пчелы не палило бы, напримѣръ, жало палецъ* и прочее и прочее; и стихи его были бы вообще, вѣроятно, менѣе растянуты....

Впрочемъ стихотворенія г. Щербины и въ настоящемъ ихъ видѣ, не лишены достоинствъ.... мѣстами онѣ довольно звучны.... но и стихи г. Никитина, не смотря на отсутствіе самобытности, также звучны, (см. I № «Библіотеки для Чтенія») и читаются не безъ удовольствія, какъ и стихи г. Щербины....

Дѣло въ томъ, что мы наконецъ поняли какое безконечное пространство раздѣляетъ звучные стихи — отъ истинной поэзіи ... Всѣ ли звучныя стихотворцы непремѣнно поэты? — Вотъ вопросъ.

Еще передъ г. Щербиной — длинная перспектива. Если въ немъ есть точно поэтическій талантъ, то при усиленномъ трудѣ и мысли, взятой разумѣется не изъ книгъ, а добытой жизнію и перешедшей черезъ поэтическое сознаніе, онъ можетъ еще подарить насъ истинно-поэтическими произведеніями.... Мы будемъ ожидать ихъ и первые будемъ ихъ радостно привѣтствовать, потому, что истинный талантъ всегда найдетъ въ насъ самыхъ искреннихъ поклонниковъ. По менѣе самонадѣянности и по болѣе труда, — кто знаетъ? изъ этого можетъ быть что нибудь и выйдетъ.... Трудъ не убиваетъ вдохновенія, — напротивъ, — пусть наши стихотворцы прочтутъ со вниманіемъ I томъ новаго изданія Пушкина, — біографію нашего великаго поэта, написанную г. Анненковымъ, и прослѣдятъ въ ней за любопытнымъ процессомъ творчества.... Они увидятъ, что эти чудныя художественныя произведенія, — слава и украшеніе русской литературы, доставались Пушкину не легко, и что онъ въ полномъ сознаніи своего великаго таланта, который былъ выстраданъ имъ, имѣлъ полное право гордо сказать:

. . . . . . Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

А вы, милостивые государи, положа руку на сердце, имѣете ли вы право сказать это вашимъ рецензентамъ?

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Всѣ газеты русскія наполнены описаніемъ достославнаго торжества въ честь науки, совершившагося 12 января 1855 года. Несмотря на это, мы считаемъ необходимымъ занести и на страницы нашего журнала это описаніе, которое первоначально появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Столѣтній юбилей Императорскаго Московскаго университета 12 января 1855 года.

Опишемъ по порядку всѣ событія, ознаменовавшія торжественный для Московскаго университета день св. Татіаны, 12 января. Въ десять часовъ утра, г. министръ Народнаго Просвѣщенія Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, г. попечитель Московскаго Учебнаго округа Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, ректоръ Московскаго университета Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, профессоры и студенты прибыли въ университетскій храмъ. Богослуженіе совершалъ высокопреосвященный Филаретъ соборнѣ съ высшимъ духовенствомъ столицы, въ присутствіи г. московскаго военнаго генералъ-губернатора, графа Арсенія Андреевича Закревскаго, генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, генерала отъ инфантеріи, генералъ-адъютанта Сергѣя Павловича Шипова, г. начальника штаба Военно-Учебныхъ заведеній Іакова Ивановича Ростовцева, многихъ сановниковъ, почетныхъ лицъ и депутатовъ отъ ученыхъ и учебныхъ заведеній какъ здѣшней столицы, такъ и многихъ другихъ мѣстъ Россійской Имперіи. Архипастырь Москвы, всегда съ любовію благословлявшій празднества университета, витія, имя коего принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ именамъ русскаго просвѣщенія, произнесъ слово мудраго поученія и на этомъ столь важномъ торжествѣ нашего университета и нашего просвѣщенія. Силою своего проницательнаго краснорѣчія, служитель божественной истины раскрылъ присущую человѣческому духу потребность истины, и указалъ возможность полнѣйшаго удовлетворенія сей великой потребности. По окончаніи литургіи, по молебствіи, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему Дому После сихъ и другихъ всеобщихъ для русской земли провозглашеній, раздающихся при всякомъ торжествѣ, созывающемъ воедино сыновъ ея, провозглашено было относящееся ко дню многолѣтіе Московскому университету, всѣмъ учащимъ и учащимся въ немъ. Такъ совершилось религіозное торжество. Внутренней святынѣ его соотвѣтствовало наружное благолѣпіе обновленнаго храма и богатство священныхъ облаченій, приготовленныхъ къ сему празднеству. Въ семь часовъ по полудни открылось торжественное собраніе университета. Всѣ начальствующія и почетныя лица, присутствовавшія при

богослуженіи, а равно и совершавшій оное, депутаты и члены университета, воспитанники его, собравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, избраннѣйшіе представители и представительницы московскаго общества, собрались въ великолѣпно украшенной и освѣщенной залѣ торжественныхъ засѣданій университета. Всѣ залы, примыкающія къ главной, библіотека, минералогическій кабинетъ, археологическій и нумисматическій музей, были открыты для посѣтителей. Но если бъ еще въ нѣсколько разъ было обширнѣе помѣщеніе университета, то и тогда не было бы въ немъ просторно для всѣхъ, желавшихъ принять участіе въ собраніи. При всей многочисленности посѣтителей, глубокая тишина мгновенно воцарилась въ залѣ, когда г министръ Народнаго Просвѣщенія, поднявшись съ мѣста, открылъ торжество. Выступивъ впередъ, онъ поздравилъ Московскій университетъ съ совершившимся столѣтіемъ, объявилъ о Высочайшей Грамотѣ, данной на имя университета, и прочиталъ ее во всеуслышаніе. Всѣ, внимавшіе этому чтенію, навѣкъ сохранятъ въ своемъ сердцѣ испытанныя ими тогда ощущенія. Голосъ, передававшій привѣтствіе Монарха, былъ исполненъ чувствомъ величія этой милости, и проникалъ до глубины души слушателей. Прекрасная минута! Да произойдетъ изъ нея все великое, что вдохновенно сосредоточилось въ ней! Да будетъ она источникомъ новыхъ еще прекраснѣйшихъ дѣлъ и мыслей къ славѣ и пользѣ возлюбленной Россіи! По прочтеніи Грамоты, г. министръ передалъ ее ректору университета, на вѣчное храненіе, какъ драгоцѣннѣйшее пріобрѣтеніе университета, какъ залогъ будущаго его процвѣтанія. Затѣмъ г. министръ прочиталъ данный на его имя Рескриптъ отъ Государя Наслѣдника о принятіи Его Высочествомъ званія Почетнаго Члена Императорскаго Московскаго университета. Московскій университетъ съ благоговѣніемъ будетъ хранить этотъ памятникъ любви къ нему Того, на Комъ почіютъ надежды Россіи. Г. начальникъ главнаго штаба Военно-Учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ І. И. Ростовцевъ, принесъ университету поздравленіе отъ имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника. Г. попечитель Московскаго Учебнаго округа, генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ, прочиталъ данные на его имя поздравительные рескрипты Государя Великаго Князя Константина Николаевича и Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны, и эти радостныя привѣтствія, вызванныя торжествомъ университета, были также переданы ему на вѣчное храненіе. За симъ выходили предъ собраніе съ поздравительными адресами депутаты отъ ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ слѣдующемъ порядкѣ: Отъ Московской Духовной Академіи: члены академической конференціи: ректоръ Семинаріи, архимандритъ Леонидъ и профессоръ Александръ Васильевичъ Горскій. Отъ Санктпетербургской Духовной Академіи: инспекторъ Академіи, докторъ богословія, архимандритъ Іоаннъ и профессоръ статскій совѣтникъ Василій Николаевичъ Карповъ. Отъ Императорской Академіи Наукъ: отъ 1-го Отдѣленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Остроград-

скій; отъ 3-го Отдѣленія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Герасимовичъ Устряловъ; отъ 2-го Отдѣленія, статскій совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ Коркуновъ. Отъ Императорской Военной Академіи: генералъ-маіоръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, полковникъ Александръ Петровичъ Карцевъ и полковникъ Петръ Семеновичъ Лебедевъ. Отъ Морскаго Кадетскаго Корпуса: капитанъ 1-го ранга Александръ Ильичъ Зеленой и капитанъ 1-го ранга Павелъ Ивановичъ Кузнецовъ. Отъ Императорской Медико-Хирургической Академіи: статскій совѣтникъ Павелъ Парфентьевичъ Заблоцкій-Десятовскій и надворный совѣтникъ Евгеній Вѣнцеславовичъ Пеликанъ. Отъ Императорскаго Дерптскаго Университета присланъ адресъ, который прочтенъ профессоромъ Санктпетербургскаго университета, коллежскимъ совѣтникомъ Николаемъ Михайловичемъ Благовѣщенскимъ. Отъ Императорскаго Казанскаго университета: статскій совѣтникъ Александръ Ѳедоровичъ Поповъ и надворный совѣтникъ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ. Отъ Императорскаго Харьковскаго университета: статскій совѣтникъ Альфонсъ Осиповичъ Валицкій и статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Лапшинъ. Отъ Императорскаго Александровскаго университета: профессоръ Сигніусъ и профессоръ Гейтлингъ. Отъ Императорскаго Александровскаго лицея: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Шульгинъ и статскій совѣтникъ Яковъ Карловичъ Гротъ. Отъ Императорской Публичной Библіотеки: колежскій совѣтникъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ и коллежскій совѣтникъ Каетанъ Андреевичъ Коссовичъ. Отъ Императорскаго Санктпетербургскаго университета: отъ историко-филологическаго факультета: дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Никитенко; отъ юридическаго факультета: статскій совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Баршевъ; отъ физико-математическаго факультета: надворный совѣтникъ Пафнутій Львовичъ Чебышевъ. Отъ Главнаго Педагогическаго Института: статскій совѣтникъ Александръ Абрамовичъ Воскресенскій и колежскій совѣтникъ Николай Михайловичъ Благовѣщенскій. Отъ Императорскаго университета Св. Владиміра: Владиміръ Аѳанасьичъ Короваевъ. Отъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія: директоръ, генералъ-маіоръ Александръ Петровичъ Языковъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Давыдовичъ Калмыковъ. Отъ Демидовскаго лицея: магистръ Алексѣй Евтеичъ Львовъ и кандидатъ Адріанъ Филиповичъ Головачевъ. Отъ Ришельевскаго лицея: кандидатъ Александръ Владиміровичъ Лохвицкій и кандидатъ Степанъ Васильевичъ Евшевскій. Отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ: надворный совѣтникъ Никита Осиповичъ Эминъ и статскій совѣтникъ Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Отъ Санктпетербургскаго Коммерческаго Училища: коллежскій совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Носковъ. Отъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института: директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Акимъ Аѳанасьевичъ Война-Куринскій. Отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: директоръ департамента Сельскаго Хозяйства, тайный совѣт-

никъ Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ. Отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ: дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Парфентьевичъ Заблоцкій. Далѣе поднесены были адресы: Отъ Вольнаго Экономическаго Общества, отъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, отъ Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, отъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства (депутатъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Алексѣевичъ Масловъ); отъ Казанскаго Экономическаго Общества, отъ Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Высокое, вдохновительное явленіе представляли эти привѣтствія старѣйшему русскому университету, принесенныя со всѣхъ концовъ русскаго міра, эти поздравленія отъ представителей всѣхъ отраслей роднаго нашего просвѣщенія. Да здравствуетъ наука, да благоденствуетъ и развивается она на свѣжей и могущественной почвѣ русскаго народа! — За произнесеніемъ поздравительныхъ адресовъ, ординарный профессоръ деканъ С. П. Шевыревъ произнесъ рѣчь, въ которой, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, изложилъ *Обозрѣніе столѣтняго существованія Императорскаго Московскаго Университета*, яркими чертами характеризировалъ его великое значеніе, и заключилъ ее пламеннымъ отголоскомъ на Высочайшее привѣтствіе университету, и благодарственнымъ отвѣтомъ на принесенныя ему поздравленія отъ представителей русской науки. Громогласныя восклицанія и рукоплесканія проводили оратора съ каѳедры. Къ истинному сожалѣнію, по недостатку времени, не могла быть произнесена рѣчь ординарнаго профессора С. М. Соловьева, исполненная высокихъ достоинствъ, и проникнутая глубокимъ нравственнымъ сознаніемъ. Но раздававшіяся посѣтителямъ отпечатанныя рѣчи, назначенныя для прочтенія въ торжественномъ собраніи, восполнили этотъ случайный пробѣлъ, и дали посѣтителямъ возможность тутъ же, отчасти, познакомиться съ рѣчью профессора. (См. библіографію этой книжки «Современника»). Въ числѣ рѣчей напечатанъ и прекрасный гимнъ мудрости, написанный на греческомъ языкѣ ординарнымъ профессоромъ Московскаго университета А. А. Менщиковымъ. Актъ заключился стихами, сочиненными для торжества С. П. Шевыревымъ. Хоры, положенные на музыку А. Н. Верстовскимъ, были исполнены прекрасно; строфы произнесены студентомъ Чернышевымъ съ силою и замѣчательнымъ выраженіемъ. Взрывъ рукоплесканій наградилъ исполнителей. Торжественное собраніе окончилось во второмъ часу пополуночи. Зданіе университета было великолѣпно иллюминовано.»

Затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней происходили: а) Пиршество въ университетѣ 13 января, б) Семейный пиръ Московскаго университета 14 января, в) Обѣдъ, данный графомъ Арсеніемъ Андреевичемъ Закревскимъ, 15 января.

Въ память юбилея выбита медаль.

— Юбилею Московскаго университета публика обязана появленіемъ

нѣсколькихъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ книгъ, изъ которыхъ иныя уже вышли, другія начаты изданіемъ. Назовемъ ихъ: 1) Исторія Императорскаго Московскаго университета, написанная С. Шевыревымъ, 2) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета за все истекшее столѣтіе, въ двухъ томахъ, 258 біографій, трудъ членовъ университета вообще. 3) Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ, и славянскихъ, съ приложеніемъ большаго числа снимковъ. 4) Начата изданіемъ біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета за все столѣтіе.—Прибавимъ, что нынѣшніе студенты Московскаго университета издали портреты своихъ профессоровъ. — Наконецъ съ юбилеемъ Московскаго университета связано изданіе рѣдкаго и чрезвычайно важнаго библіографическаго памятника, «Первыхъ Русскихъ Вѣдомостей,» — изданіе, о которомъ подробно сказано въ библіографіи настоящей книжки современника. О другихъ названныхъ нами изданіяхъ, вызванныхъ юбилеемъ, мы также не замедлимъ представить отчетъ публикѣ.

— По части изящной литературы замѣчательную новость составляетъ романъ г-на Писемскаго «Тысяча Душъ», въ настоящее время, оканчиваемый авторомъ. Начало этого романа, читанное авторомъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, возбудило живое вниманіе и одобреніе, которое можно считать отчасти ручательствомъ за успѣхъ романа въ публикѣ. Редакція «Современника» приняла свои мѣры, чтобъ украсить этимъ романомъ будущія книжки своего журнала.

— Въ Казани вышла дѣльная и превосходно-изданная (такъ, какъ не издаются русскія книги и въ столицахъ) книга подъ названіемъ «Юридическій Сборникъ.» Это огромный томъ, изданный профессоромъ Казанскаго университета г. Мейеромъ.

— Вышелъ IV томъ «Пропилеевъ», о которомъ мы будемъ говорить въ отдѣлѣ критики, вмѣстѣ съ III-мъ томомъ, еще не разсмотрѣннымъ въ «Современникѣ».

— Музыкальный сезонъ на исходѣ, и въ нынѣшней книжкѣ мы уже въ послѣдній разъ будемъ говорить съ читателями объ оперѣ.

Одною изъ пріятныхъ новостей нынѣшняго оперного сезона была постановка «Волшебнаго Стрѣлка». Петербургская публика знакома была, правда, съ этимъ произведеніемъ Вебера, которое исполняется у насъ русскими труппами обоихъ столичныхъ театровъ и за которое берутся многіе провинціальные пѣвцы: всякій, даже не изъ числа записныхъ меломановъ, шелъ слушать «Фрейшюца» и смотрѣть на Самiеля и ужасы Волчьей Долины, съ готовыми впечатлѣніями,—и оставалось только развить эти впечатлѣнія, при болѣе совершенномъ исполненіи, болѣе выгодной обстановкѣ.

Но отъ этого предварительнаго знакомства, удовольствіе, испытанное при слушаніи оперы было, кажется, тѣмъ живѣе, тѣмъ ощутительнѣе.

Разсматривая «Фрейшюца», какъ произведеніе серьёзное, преисполненное многихъ несомнѣнныхъ достоинствъ, нельзя не замѣтить,

что въ немъ, хотя и менѣе, чѣмъ въ другихъ операхъ Вебера, преобладаетъ одинъ важный недостатокъ — отсутствіе опредѣлительной формы. Веберъ, принявшись за музыку и композицію уже въ пожилыхъ лѣтахъ, и только богатствомъ многостороннихъ способностей замѣнивъ трудъ продолжительнаго изученія, не могъ достигнуть того единства, той гармоніи въ созданіяхъ, не успѣвалъ такъ счастливо сосредоточивать музыкальныя богатства около одного центра — какъ это мы видимъ у Гайдна, Моцарта, Бетховена и Шпора. Веберъ переполнялъ свои инструментальныя партіи мыслями, которыя кажутся слушателю чѣмъ-то отрывочнымъ, случайнымъ, произвольнымъ, тогда какъ истинно-художественное произведеніе должно непремѣнно представляться однороднымъ, замкнутымъ, органическимъ цѣлымъ.

Недостатокъ этотъ замѣчается какъ въ сонатахъ, симфоніяхъ, такъ и особенно въ увертюрахъ Вебера. Увертюры его со стороны технической формы суть ничто иное, какъ рядъ блестящихъ, роскошныхъ, но случайно поставленныхъ другъ подлѣ друга образовъ, которые вяжутся между собою только вслѣдствіе повторенія извѣстныхъ главныхъ мотивовъ; но напрасно станете вы отыскивать въ нихъ послѣдовательнаго развитія и тематическаго единства идеи.

Отчего же, послѣ этого, оперы Вебера, и въ особенности «Фрейшюцъ», такъ нравятся большинству? отчего же и петербургская публика, слушая увертюру «Волшебнаго Стрѣлка», приходила въ восторгъ и требовала ея повторенія?

Дѣло въ томъ, что и въ оперѣ, и въ увертюрѣ чрезвычайно много истинныхъ, неподдѣльныхъ красотъ; обѣ суть произведенія самого яркаго, неистощимаго таланта. Большая часть музыкальныхъ мыслей, наполняющихъ увертюру, отличаются необыкновенною, задушевною истиною.

Веберъ умѣлъ для каждой изъ своихъ увертюръ выбрать изъ оперы самые привлекательные, общедоступные мотивы, заставлялъ ихъ довольно удачно выступать другъ за другомъ на передній планъ и потомъ въ концѣ повторялъ ихъ со всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ оркестровки.

Кромѣ того, всѣ эти мелодическіе напѣвы и избранныя мѣста изъ оперы, по самой простотѣ и оригинальности своей, легко поддаются памяти, легко заучиваются, и воспроизводятъ предъ глазами слушателя дѣйствіе ими выражаемое, — съ такою отчетливостію и опредѣлительностію, какъ самый живой разсказъ. Если прибавить къ этому великолѣпную инструментовку, хорошее исполненіе, если вспомнить, что каждая нота болѣе или менѣе знакома публикѣ, и что потому какъ цѣлое, такъ и части уже обдуманы, обсуждены и прочувствованы ею, то послѣ всего этого, общій восторгъ, общая симпатія къ «Фрейшюцу» не покажутся уже удивительными.

Обыкновенно говорятъ, что финалы Вебера болѣе другихъ частей его творенії грѣшатъ противъ формы: это уже не моцартовское, съ поразительною, почти архитектурною точностію возведенное зданіе,

состоящее изъ однородныхъ, характеристическихъ, рѣзко очерченныхъ массъ, — это измѣнчивыя, неуловимыя, пестрой вереницей слѣдующія одна за другою и независимыя одна отъ другой идеи. Причину этого недостатка въ твореніяхъ Вебера относятъ къ тому, что онъ слишкомъ заботливо слѣдилъ за ходомъ драмы, слишкомъ много задавался тѣмъ, чтобы воспроизвести каждый моментъ дѣйствія.

За всѣмъ тѣмъ, Веберъ остается великимъ композиторомъ, какъ творецъ самыхъ счастливыхъ, общенародныхъ мелодій, какъ творецъ самыхъ характерныхъ личностей. Каспаръ и Максъ, Агата и Энхенъ очерчены у него съ удивительнымъ разнообразіемъ, и надо удивляться, съ какимъ умѣньемъ, характеры эти переданы музыкой....

Итакъ, еще до поднятія занавѣса, публика уже была наэлектризована обворожительными мотивами увертюры, которая, точно средневѣковая легенда, во многихъ мѣстахъ переступаетъ предѣлъ возможнаго, вѣроятнаго и настраиваетъ васъ къ мечтаніямъ о быломъ, к вѣрованію въ чудесное. За то и дѣйствительность, и природа обрисованы здѣсь композиторомъ, съ какою-то юношескою любовью, съ какимъ-то увлекательнымъ простодушіемъ. Возьмите напримѣръ *adagio* увертюры, гдѣ хоры охотниковъ — живой отпечатокъ средневѣковой жизни, перемежаются демоническимъ хохотомъ Саміеля, — порожденіемъ народнаго суевѣрія.

Де-Лагранжъ въ роли Агаты и Тамберликъ въ роли Макса — были особенно хороши; роли Энхенъ и Каспара — Лаблашъ, Демерикъ и Дидо — исполнялись также очень удачно. Фрейшюцъ написанъ Веберомъ просто, безъ вычурныхъ украшеній, безъ руладъ и фіоритуръ; здѣсь мелодія и полифоническія партіи заключаютъ въ себѣ столько самородной прелести, что имъ ненужно внѣшнихъ, вычурныхъ украшеній. Потому-то, прослушавъ партію Агаты, даже самые упорные скептики изъ среды нашей публики согласились, что голосъ Де-Лагранжъ созданъ не для однѣхъ акробатическихъ выходокъ итальянскихъ композиторовъ, что знаменитая примадонна способна не на то только, чтобы удивлять физіологическими богатствами своихъ вокальныхъ органовъ; они согласились, что Де-Лагранжъ пѣвица въ истинномъ, благородномъ значеніи этого слова, что она умѣетъ быть простою, умѣетъ трогать и восхищать слушателя, не отуманивая его чудесами вокализаціи и не поражая громадностію діапазона.

Лучшія партіи *solo* въ первомъ актѣ — это грустная, тоскливая арія Макса —

Per i boschi, per i prati
Lieto errava il mio pensier...,

съ которою обращается онъ къ милому для него образу Агаты, — и потомъ знаменитая вакхическая пѣсня Каспара, отмѣченная печатью дикаго разгула —

Quaggiù in questa val di pene

Non sariavi un solo bebe
Senza bacco e il suo liquor.

Тамберликъ пропѣлъ свою партію съ большимъ выраженіемъ, хотя можетъ быть желательно бы было, чтобы онъ придавалъ болѣе энергіи послѣднимъ стихамъ

Quindi a casa ricca preda, и т. д.

въ которыхъ, изъ простыхъ лишь томленій влюбленнаго, Максъ переходитъ въ безграничному отчаянію, думая неудачнымъ выстрѣломъ совершенно потерять право на руку Агаты.

Лаблашъ-Демерикъ въ роли Энхенъ была очень хороша; это одна изъ тѣхъ пѣвицъ, которыя изъ самой маленькой, второстепенной партіи, умѣютъ сдѣлать истинное украшеніе для оперы. Вся первая сцена съ портретомъ, во второмъ актѣ, и прекрасный дуэтъ: *Io lieta son?* въ которомъ такъ мастерски отдѣляется живой, беспечный, вѣтряный характеръ Энхенъ отъ болѣе серьёзнаго, глубокаго и сосредоточеннаго характера Агаты, исполнены были безукоризненно. Двѣ подруги совершенно разно смотрятъ на вещи: одинъ и тотъ же предметъ — въ настоящемъ случаѣ свадьба — настраиваетъ одну къ томительнымъ опасеніямъ и тревогѣ, другую къ шумной веселости и проказамъ, и надо удивляться въ какую изящную гармонію соединяются здѣсь два разнородные элемента музыки.

Когда театральный занавѣсъ поднялся и открылъ зрителямъ внутренность Волчьей Долины, ропотъ одобренія и восторга пробѣжалъ въ рядахъ зрителей. Декорація представляла на лѣво, роскошный, изливающійся съ высоты горъ водопадъ; струи настоящей воды бѣжали съ камня на камень, разбивались въ брызги, фосфорически искрились въ полусвѣтѣ, которымъ подернута была сцена, и распространяли во всей театральной залѣ отрадную свѣжесть. Какой эффектъ производилъ плескъ воды въ соединеніи съ тѣми таинственными, мрачными и порывистыми речитативами, которые наполняютъ три послѣднія сцены втораго акта! Единственно, что можно замѣтить не въ пользу новой декораціи г Роллера — это то, что водопадъ слишкомъ колоссаленъ для сцены; онъ закрываетъ почти всю глубину ея и лишаетъ Долину всякой перспективы; притомъ, всѣ ужасы, весь сатанинскій элементъ, входящіе въ составъ втораго акта, кажутся уже слишкомъ блѣдными, безцвѣтными; когда смотришь на великолѣпный каскадъ; за всѣмъ тѣмъ, талантъ декоратора выказался здѣсь въ полномъ блескѣ и Роллеръ былъ единодушно вызванъ.

Въ третьемъ актѣ особенно хорошъ свадебный хоръ дѣвушекъ, «*Godi, o bella pia donzella*»: только Веберъ, который въ отношеніи естественности и оригинальности, не встрѣчаетъ себѣ соперника, только онъ могъ придумать такой очаровательный, такой вѣрный своему назначенію мотивъ; кажется, что не зная содержанія оперы, но слушая только этотъ хоръ, можно догадаться уже, что это свадебный

напѣвъ. Если вы русскій, то вы найдете въ немъ какъ будто что-то сходное съ нашими народными пѣснями; но сходство это ограничивается характеромъ свадебной пѣсни, болѣе или менѣе общимъ для всѣхъ народовъ, самая же мелодія такъ же оригинальна, какъ пластична.

Такимъ образомъ Фрейшюцъ, несмотря на недостатки, указываемые преимущественно музыкальными пуристами, но вовсе незамѣчаемые обыкновенными меломанами и большинствомъ публики, получаетъ всѣ права на то, чтобы сдѣлаться одною изъ любимыхъ оперъ нашего репертуара, и этого онъ вполнѣ заслуживаетъ по разнообразію, по естественности и оригинальности композиціи, по тому отпечатку даровитости, которою проникнута каждая нота, по тому характеру средневѣковаго романтизма, который какъ будто былъ навѣянъ на композитора феодальнымъ бытомъ и лѣсистою природою Богеміи.

Послѣ Фрейшюца, которому недостаетъ только единства и оконченности формъ, для того, чтобы быть произведеніемъ совершеннымъ, ближе всего упомянуть еще объ одной изъ *молодыхъ* оперъ нашего репертуара, «Зора» Россини, въ которой достоинства единства и оконченности преобладаютъ. Люди ищущіе въ музыкѣ только мелодіи, или ѣдущіе въ театръ для того, чтобы слушать артистовъ, а не оперу, называютъ, правда, это прекрасное произведеніе монотоннымъ, сухимъ — но всякій серьёзный цѣнитель съумѣетъ найти въ немъ много красокъ.

Вся опера основана на хорахъ, вся музыка носитъ характеръ темнаго періода исторіи, когда личности и дѣянія людей поглощались непосредственнымъ теократическимъ вліяніемъ, терялись въ общихъ интересахъ массъ: прослушавъ со вниманіемъ и прослушавъ нѣсколько разъ оперу, вы убѣдитесь, что композиція здѣсь именно передаетъ характеры и дѣйствія, не лицъ, а двухъ противопоставленныхъ одно другому теократическихъ началъ, изъ которыхъ одно выходитъ побѣдителемъ. Это не значитъ однако, чтобы въ «Зора» не было вовсе партій *solo*, не было вовсе мелодіи: та и другая есть въ избыткѣ: и такое мѣсто какъ септуоръ,—*Ah! quel Nume che nel cor mi vede*, въ третьемъ актѣ въ состояніи помирить съ этой оперой даже тѣхъ изъ числа меломановъ, которые смотрятъ на хоры и полифоническія партіи какъ на безполезный балластъ въ оперѣ, допускаемый лишь для того, чтобы дать отдыхъ вниманію слушателя.

«Риголетто» дается въ Петербургѣ уже третій годъ. Въ первый годъ мы слушали въ роли герцога Маріо; на другой годъ ее исполнялъ Ноденъ; въ нынѣшней сезонъ роль эту взялъ на себя Тамберликъ.

«Риголетто» едва ли не единственная опера,—по крайней мѣрѣ, изъ числа извѣстныхъ нашей публикѣ, — едва ли не единственная опера Верди, въ которой мало стукотни и въ которой «Риголетто» замѣтны признаки несомнѣннаго таланта въ композиціи. Изложеніе обдуманно, музыка отличается картинностію образовъ и очень удачными сближеніями съ явленіями видимой природы. Двойственная — трагическая и комическая—личность Риголетто представляла здѣсь компози-

тору богатый матеріалъ для разнообразнаго развитія, и Риголетто является одинаково вѣрнымъ самому себѣ, одинаково возбуждаетъ симпатію, и въ бальной залѣ у герцога, гдѣ онъ дурачится и тѣшитъ придворныхъ,—и въ своемъ уединенномъ домикѣ, когда снявъ платье шута и полный еще злобы на людей, давшихъ ему жалкую роль скомороха, онъ приходитъ туда, чтобы отдохнуть и утѣшиться на груди своей милой Джильды, единственнаго существа, которое не презираетъ его, которое даже не знаетъ о настоящемъ положеніи его въ обществѣ. Свиданіе отца съ дочерью передано композиторомъ прекрасно: это рядъ самыхъ отрадныхъ, самыхъ свѣтлыхъ мотивовъ, дышащихъ обоюдною, ни съ кѣмъ не дѣлимою нѣжностію двухъ существъ, рѣзко отдѣленныхъ отъ людей платьемъ шута и высокою каменной оградой Сколько ревнивой заботливости въ партіи Риголетто *Veglia, o donna, questo fiore*; сколько безпредѣльной нѣжности въ отвѣтѣ Джильды: *Quanto affetto, quali cure!*... Не долго однако молодая затворница сосредоточиваетъ на отцѣ своемъ всю привязанность любящаго сердца: герцогъ подъ видомъ бѣднаго студента, скоро произноситъ ей роковое признаніе въ любви —

T'amo!
T'amo, ripetilo...

И вслѣдъ за тѣмъ мы слушаемъ прекрасную арію —

E il sol dell'anima
La vita è amore...,

въ которой ярко рисуется безпечный, легкомысленный и восторженный характеръ влюбленнаго. Въ цѣлой оперѣ много прекрасныхъ мѣстъ, и потому мы упомянемъ только о самыхъ замѣчательныхъ.

Послѣдняя арія Риголетто во второмъ актѣ *Di quest'anima è solo desio*... и вообще всѣ трагическія и трагокомическія партіи выполнялись Ронкони съ большимъ искусствомъ, съ большимъ сценическимъ тактомъ; это кажется лучшая его роль. Марай въ роли Джильды также очень хороша.

Третій актъ оперы самый замѣчательный; тутъ мы слышимъ любимую пѣсню герцога —

La donna è mobile
Qual piuma al vento.
Muta d'accento-e di pensier.

Сравнивать Тамберлика въ этой роли съ Маріо трудно; таланты пѣвцовъ совершенно разнородны, и самой роли герцога они придавали неодинаковое значеніе: въ лицѣ Маріо онъ являлся болѣе нѣжнымъ, женственнымъ, Тамберликъ играетъ роль съ большей энергіей. По средствамъ и требованіямъ своего голоса, Тамберликъ нѣсколько иначе оканчиваетъ и свою пѣсню: вмѣсто pianissimo переходящаго въ *smorzando*, онъ придаетъ послѣдней фразѣ ту энергію, которая составляетъ торжество его голоса. Эта *arietta* и квартетъ начинающійся

прелестнымъ мотивомъ: *Bella figlia, dell'amore*.... гдѣ принимаетъ участіе и Лаблашъ-Демерикъ (въ роли Магдалины), всегда повторяются по требованію публики. Лаблашъ-Демерикъ исполняетъ свою партію очень удачно, и игра ея отличается, какъ и вездѣ, благородствомъ и граціей.

Въ заключеніе упомянемъ о вновь поставленной на нашей сценѣ оперѣ Россини «Осада Коринеа», гдѣ главныя роли играютъ Дебассини (Магометъ II) Тедеско (Памира), Тамберликъ (Клеоменъ), Кальцолари (Неоклъ) и Дидо (Гіеросъ). Декоративная обстановка оперы прекрасна; но опера сама по себѣ не отличается большими достоинствами; она изъ второстепенныхъ или даже третьестепенныхъ произведеній Россини.

Само собою разумѣется, однако, что у талантливаго маэстро встрѣчаются и здѣсь многія замѣчательныя партіи. Лучшими мы назовемъ арію Памиры въ началѣ втораго акта —

Le mie preci, o madre, intendi;

дуэтъ ея съ Магометомъ —

Possi'o piegar mio core....

И въ особенности исполненныя огня и необузданной страсти мольбы Магомета:

Vieni, Pamira, all'ara,
Vieni regnar con me.

Дебассини въ этомъ мѣстѣ приводитъ всѣхъ въ самый живой, шумный восторгъ.

Молитва въ послѣднемъ актѣ, пропѣтая Тедеско —

Giusto ciel! in tal periglio...

заслужила ей громкія рукоплесканія.

Вообще должно сказать, что въ этой оперѣ много прекрасныхъ подробностей; но цѣлому недостаетъ единства, характерности и художественной оконченности.

Помѣщаемъ четыре стихотворенія изъ числа присланныхъ въ послѣднее время въ редакцію «Современника». Въ этихъ стихотвореніяхъ замѣтно дарованіе.

1.

АРФИСТКА.

Проходитъ съ арфою тиролька у окна,
И что ей до того, что въ рубищѣ она!
Миньоны пѣснь поетъ, дитя, не умолкая.
Въ открытое окно, головка молодая,

Склонившись на руку, преобразилась въ слухъ.
Давно пустаго дня послѣдній лучъ потухъ;
Она все слушаетъ, она не замѣчаетъ,
Что свѣжій вѣтерокъ ей кудри развиваетъ,
Что влагою сырой головка смочена
И что давно ужь нѣтъ арфистки у окна.

2.

ЮНОША.

Подъ яворомъ густымъ, у лона свѣтлыхъ водъ,
Тамъ, гдѣ надъ бездною виситъ прохладный гротъ,
Гдѣ было юношѣ обѣщано свиданье,
Я видѣлъ: утомясь напраснымъ ожиданьемъ,
Онъ спалъ, измученный тревожною тоской,
Склонившись на руку усталой головой.
Во снѣ пурпурныя уста его пылали
И имя милое невнятно лепетали,
И то, чего бъ всю жизнь не высказалъ языкъ,
Такъ ясно выражалъ его прекрасный ликъ.

3.

ВСТРѢЧА.

Всюду та же степь нагая,
Нѣтъ конца ей; предо мной
Мчится тройка удалая,
Виденъ юноша лихой.
Мчись! съ отвагой старца злого
Время мчится впереди, —
Не догонишь прожитого
И не встрѣтишь на пути.

А. БР—ІЙ.

МѢЩАНСКІЙ ДОМИКЪ.

Для красоты совсѣмъ пустая обстановка:
Заборикъ, грязный дворъ, скривившійся сарай,
Гнилая лѣстница, дырявая цыновка,
И хата, крытая соломой черезъ край.
Внутри безъ роскоши: съ сѣдою бородою,
Свернувшись на печи, старикъ-отецъ лежитъ,
Въ углу беззубый котъ безъ умолку ворчитъ.
Цыплята бѣгаютъ веселою гурьбою,

И, морду вытянувъ, обиженный судьбою,
Теленокъ, за ногу привязанный, мычитъ.

Сосѣдка съ дочерью въ изодранной шубейкѣ
Къ хозяйкѣ приплелась отъ скуки на часокъ,
И рядомъ съ нею сѣвъ на низенькой скамейкѣ,
Молчитъ и штопаетъ изношенный чулокъ;
У двери притаясь, дѣвчонка со слезами
Глядитъ на мать свою и просится домой;
Работница въ печи мѣшаетъ кочергой
И двигаетъ въ огонь большой горшокъ со щами,
И квартирантъ-солдатъ съ огромными усами,
Присѣвъ одинъ къ столу, обѣдъ кончаетъ свой.

Картина грубая, не стоющая взгляда;
И нѣтъ поэзіи въ испачканныхъ стѣнахъ...
Скажитежь, отчего какая-то отрада
И удовольствіе блестятъ у всѣхъ въ глазахъ?
Скажите, отчего сосѣдка торопливо
Чулокъ свой бросила и на окно глядитъ,
Бѣгомъ изъ-подъ стола цыплятъ семья спѣшитъ,
И слезы вытерла свои дѣвчонка живо,
И, усъ свой закрутивъ, поднялся горделиво,
Съ улыбкой ясною, почтенный инвалидъ?

Дверь тихо скрипнула, и милое созданье
Съ веселымъ личикомъ ступило на порогъ;
Съ собою принесла она очарованье
И оживила вмигъ свой тихій уголокъ.
Свѣжа какъ розанчикъ, омоченный росою,
Какъ тополь молодой стройна и высока,
Какъ серна быстрая проворна и легка;
Съ улыбкой дѣтскою и дѣтской простотою,
Встряхнувъ своихъ волосъ роскошною волною,
На спящаго она взглянула старика.

И хата бѣдная совсѣмъ преобразилась,
Все какъ-то счастливо и весело глядитъ,
У всѣхъ невольная улыбка проявилась
И стѣны самыя иной пріяли видъ.
Такъ иногда на небѣ мрачно станетъ
И трауромъ одѣнется земля,
Угрюмый примутъ видъ и рощи, и поля...
Вдругъ солнца лучъ сквозь облако проглянетъ:
Природа оживетъ, кузнечикъ трель затянетъ
И пѣснь веселая раздастся соловья.

М—ІЙ.

МОДЫ.

Въ Парижѣ на балахъ красный цвѣтъ въ большомъ употребленіи: шелковыя ярко-краснаго цвѣта платьи убираютъ черными кружевами, а у бархатныхъ, дѣлаютъ юбки гладкія, лифъ же и рукава отдѣлываются кружевами венеціанскими гипюръ. Куафюры для этихъ платьевъ дѣлаютъ изъ чернаго бархата съ золотомъ или изъ кактусовъ, смотря по уборкѣ платья. Фантастическія цвѣты для чепчиковъ и куафюръ — листья изъ крѣпу, ягоды изъ цвѣтныхъ бусъ, а цвѣты изъ цвѣтныхъ лентъ. Вышитыя золотомъ и серебромъ платья снова появляются въ Парижѣ. Голубое бархатное неразрѣзное платье усѣянное серебряными звѣздами. Лифъ и рукава убраны блондой съ серебромъ. На головѣ серебряная сѣтка съ длинной серебряной бахрамой; бандо черное бархатное, на которомъ нашиты брилльянтовыя звѣзды.

Лифы для баловъ дѣлаютъ преимущественно съ эполетами изъ кружевъ или лентъ, шнипъ, какъ спереди, такъ и сзади очень небольшой; рукава длинныя, такъ-что уборка почти касается локтя.

Для молоденькихъ дѣвицъ бальный туалетъ по большой части бѣлый. Чтобъ его сколько нибудь разнообразить, придумали надѣвать сверхъ лифа еще лифъ изъ бархатныхъ розовыхъ, голубыхъ или чёрныхъ лентъ. Ленты переплетаются и составляютъ сѣтку съ большими клѣтками. На плечахъ банты съ концами, изъ этихъ лентъ. Эту новость очень скоро приняли въ Петербургѣ, такъ-что въ оперѣ изъ десяти молоденькихъ дѣвицъ, пять имѣютъ этотъ туалетъ.

Шляпки для визитовъ и концертовъ должны быть бѣлыя неразрѣзнаго бархата. Платьи все тѣ же муаръ-антикъ или дама; паплинъ, какъ бы не былъ богатъ его рисунокъ, все-таки годится только для домашняго платья. Въ театры и на балы можно надѣвать множество вещей, но при утреннемъ туалетѣ надо быть очень строгой въ выборѣ брошекъ, серегъ и брильянтовъ.

МУЖСКІЯ МОДЫ.

Простой туалетъ мужчины долженъ быть не пестеръ. Кромѣ чернаго допускаются впрочемъ и другаго цвѣта жилеты. Бантъ на галстукѣ долженъ быть очень умѣренный. Пальто все также длинны, шляпы высоки — и съ маленькими полями.

Бальный туалетъ черный, жилетъ бѣлый съ бѣлыми пуговицами, цѣпочка довольно тонкая небольшая, безъ брелоковъ. Рубашка батистовая или тонкаго полотна,—складки на груди, поперекъ, или въ клѣтку. Галстукъ черный или бѣлый, узенькій съ едва замѣтнымъ бантикомъ. Сапоги или башмаки лакированныя. Шляпа складная.

ДѢТСКІЙ ТУАЛЕТЪ.

Для маленькихъ дѣтей въ нарядѣ для прогулки мало разницы. Покрой капота одинаковъ, коротенькій, напереди застегивается на пуговицахъ, перелинка большая. Ботинки и высокія штиблеты. Шляпа у мальчиковъ круглая касторъ, а у дѣвочекъ изъ плюшу или стеганная атласная. Кучерской тулупъ на мѣху дѣлаютъ для дѣтей изъ синяго сукна, его ничемъ необшиваютъ и только у горла виденъ лисій мѣхъ. Шапка бархатная низенькая опушенная высоко соболемъ. Для дѣвочекъ простой туалетъ самый лучшій и употребительный — юбочка изъ паплина, бѣлый лифъ и если холодно или ребенокъ не такъ здоровъ, то изъ плюшу или бархату маленькая казакъ. Бальный туалетъ изъ бѣлаго тарлатану, юбка о трехъ тюникахъ, каждый убранъ рюшью изъ розовыхъ газовыхъ лентъ, только поперекъ въ видѣ гирляндъ. Лифъ и рукава обшиты такой же рюшью. Букли и вмѣсто гребенокъ, розовая лента обхватываетъ головку и съ боку маленькій бантикъ.

Стр.

изъ Венеціи, Рима и Неаполя. В. Д. Яковлева (50). — Знахарь. Исто-
рическій романъ въ двухъ частяхъ. В. Н. Савинова (53). — Крымъ, съ
Севастополемъ, Балаклавою и другими его городами (55). — Русское
посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ. Соч. А. Попова (58). —
Камчатка и ея обитатели (59). — О ласковомъ обращеніи съ животными.
Переводъ съ англійскаго Александры Ишимовой (60). — Исторія Рима
отъ основанія города до Рождества Христова. М. Богоявленскаго (60).
Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ. Сост. Л. Д.
Путевыя записки русскаго художника И. Захарова. Вторая часть (61).
— Описаніе замѣчательнѣйшихъ лабораторій Германіи и Бельгіи. Сост.
Петромъ Кочубеемъ (62). — Правда объ Англіи и сказанія о расшире-
ніи владѣній ея во всѣхъ частяхъ свѣта. А. Ротчева. Тетради IV и
V (62). — Осада и взятіе Византіи турками. Сочин. М. Стасюлевича (65).
— Женихъ проказникъ, или любовь нынѣшняго вѣка. Оригинальная
комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. В. А. Сидоровича (71). — Энхиря-
діонъ любознательный. Сочиненіе Анаевскаго 73

Исторія моей жизни ЖОРЖА САНДА. Продолженіе перваго тома . . 127
Воспоминанія парижскаго буржуа. Доктора ВЕРОНА. Статья вторая. 160
Голубые глазки. Разсказъ М. М. 178
Иностранныя извѣстія. Бурный характеръ новаго года. — Праздничные
визиты въ Берлинѣ и опасенія за будущій урожай хлѣба. — Разоритель-
ный обычай дѣлать подарки. — Спекуляція изъ національнаго француз-
скаго займа. — Толки объ академическихъ креслахъ. — Театры въ Пари-
жѣ. — Новыя книги и новый журналъ. — Торговый кризисъ въ Ан-
гліи. — Саркастическія выходки противъ лорда-мэра. — Учено-литера-
турный некрологъ: Локкгартъ, Гюмъ, Форбесъ, Китто. — Будничная и
праздничная литература въ Англіи. — Эксцентричность Джона-Булля. —
Чудовищные концерты Джулліена. — Преступникъ, показываемый за
деньги. — Пренія о томъ, что такое принцъ Альбертъ. — Фанатическая
секта Манилласъ. — Карманныя пушки. — Изслѣдованія о крысахъ. —
Физіологія и исторія лампы 192
Замѣтки и размышленія НОВАГО ПОЭТА по поводу русской жур-
налистики. (Размышленія по поводу Новаго года. — Надежды. — Пер-
сидскіе литераторы въ знаменитомъ «Видѣніи г. Бабука». — Новѣйшіе
персидскіе литераторы, по разсказу содержателя персидскаго магазина.
— Стихи современнаго персидскаго поэта въ переводѣ. — Драма г. По-
тѣхина: *Судъ людской не Божій*. — Нѣсколько словъ по поводу этой
драмы. — *Пашенька* г. Дружинина. — *Свистулькинъ* г. Григоровича. —
Новыя Стихотворенія гг. Щербины, Никитина и прочее и прочее . . 220
Внутреннія извѣстія. (Юбилей Московскаго университета. — Литера-
турныя новости. — Итальянская опера въ Петербургѣ. — Четыре сти-
хотворенія начинающихъ поэтовъ 244
Моды (*съ парижскою картинкою*) 267

СОВРЕМЕННИКЪ въ 1855 году выходитъ *перваго числа каждаго мѣсяца* книжками отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ и болѣе, съ картинкою парижскихъ модъ при каждой книжкѣ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

съ 12-ю картинками модъ и другими приложеніями,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или доставкою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ г-жи Энгельгардъ, при книжномъ магазинѣ Ѳ. В. Базунова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ *Контору Современника въ С. Петербургѣ.*